UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

CHERKIPOISTORLLSIK

ARTIAL TITLE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

LUX
LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

LA831.5
.R6
t.1

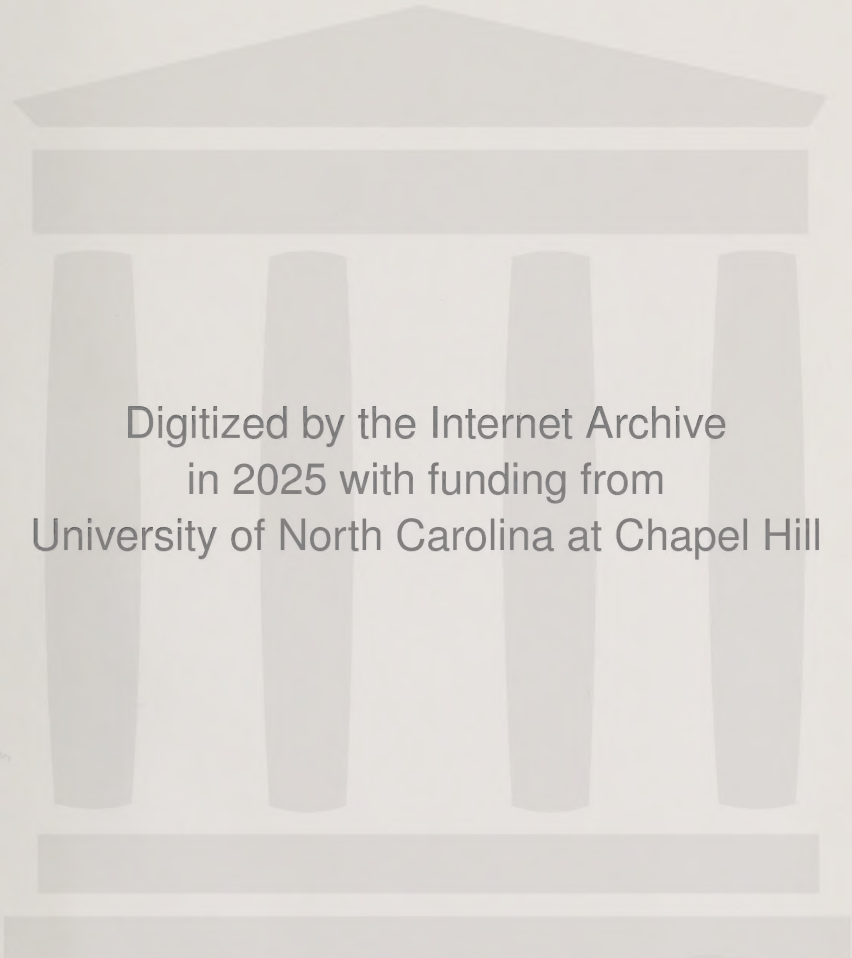
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00011074106

JUN 10 1975
JUL 11 1975
AUG 18 1975

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
[illegible]	JAN 15 '76		
FEB 15 1976	FEB 3 '76		
[illegible]	JUL 27 '76		
AUG 10 1976	NOV 16 '76		
JUN - 2 1977 W	SEP 6 '77		
JUL 31 1981			
[illegible]	AUG 16 '91		
APR 27 2000			
[illegible]			
[illegible]			
JAN 04 2003			
[illegible]	DEC 09 2002		
DEC 09 2008			
[illegible]	DEC 11 2008		
[illegible]			

Form No. 513


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/ocherkipoistoris01rozh

5107/68

С. В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ.

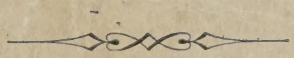
ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ СИСТЕМЪ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVIII—XIX вѣкахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1912.

1

Rozhdestvenskii

С. В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ.

MC LA 831.5 .R6

ОЧЕРКИ

t. 1

ПО ИСТОРІИ СИСТЕМЪ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ XVIII—XIX вѣкахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1912.

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

19 февраля 1912 г.

И. о. Декана *Ѳ. Браунъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Законодательствомъ начала царствованія Александра I впервые осуществлена была въ Россіи полная система народнаго просвѣщенія, выдѣленная въ особую отрасль государственнаго управленія. Изобразить возникновеніе и постепенное развитіе въ теченіе XVIII вѣка вопроса о созданіи системы просвѣщенія, какъ планомѣрной, органической совокупности средствъ образованія общаго и профессіональнаго, низшаго, средняго и высшаго—такова тема настоящаго труда.

Изучаемый вопросъ во всей своей сложности былъ поставленъ и разработанъ проектами учебныхъ реформъ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II. Изслѣдованіе исторіи этихъ проектовъ, намѣченныхъ ими принциповъ новой учебной системы, различныхъ типовъ школъ, общеобразовательныхъ и профессіональныхъ, эту систему образующихъ, и условій ея осуществленія составляетъ центральную часть нашего труда (очеркъ второй).

Рядъ вопросовъ, систематически разработанныхъ проектами 1760—1770-хъ годовъ, былъ затронутъ и болѣе или менѣе отчетливо выясненъ уже въ первой половинѣ XVIII вѣка. Остановиться на происхожденіи и судьбѣ отдѣльныхъ вопросовъ профессіональнаго и общаго образованія, въ ихъ взаимной связи, въ ту эпоху необходимо было для того, чтобы показать реальныя условія, какія должно было встрѣтить практическое осуществленіе широкихъ плановъ новой учебной системы времени Екатерины II (очеркъ первый).

Очеркъ третій, посвященный Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, имѣетъ цѣлью освѣтить дѣятельность этой Коммиссіи съ той стороны, которая доселѣ была сравнительно слабо затронута въ исторической литературѣ, именно со стороны ея отношенія къ проблемѣ созданія полной системы народнаго просвѣщенія. Составленный Коммиссіей въ 1787 году Планъ университетовъ былъ послѣднимъ моментомъ въ развитіи этой проблемы. Отъ заведенія первыхъ профессіональныхъ школъ эпохи преобразованій Петра Великаго до Плана университетовъ 1787 года политика народнаго просвѣщенія совершила нѣкоторый законченный кругъ развитія. Такъ опредѣляется объемъ и связь отдѣльныхъ очерковъ, составляющихъ содержаніе настоящаго труда.

Важнѣйшіе архивные матеріалы, собранные авторомъ для этого труда, изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ» (Спб. 1910) [1]). Общій обзоръ этихъ матеріаловъ сдѣланъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»: 1) «Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II до учрежденія Коммиссіи о народныхъ училищахъ» (1907 г., декабрь; 1908 г., февраль и май); 2) «Изъ исторіи учебныхъ реформъ Императрицы Екатерины II» (1909 г., мартъ, іюнь). Въ настоящемъ изслѣдованіи эти статьи появляются въ переработанномъ и дополненномъ видѣ.

Оканчивая свой трудъ, авторъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ, кто помогалъ ему въ работѣ добрымъ совѣтомъ и указаніемъ, нужной книгой, архивной или библіографической справкой.

---

[1]) Въ приложеніяхъ къ тексту настоящаго изслѣдованія цитируются подъ краткимъ заглавіемъ «Матеріалы».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Вопросы народнаго просвѣщенія въ XVIII столѣтіи до времени Екатерины II.

	стран.
Предварительныя замѣчанія и постановка темы	1— 5
Глава первая. **Задачи и формы профессіональнаго образованія.**	**5— 74**
I. Общая послѣдовательность возникновенія профессіональныхъ школъ. Образовательное значеніе первыхъ средствъ профессіональной подготовки къ государственной службѣ	5— 10
II. Сословный составъ первыхъ военно-профессіональныхъ школъ	10— 18
III. Основныя черты эволюціи профессіональнаго шляхетскаго образованія	18— 24
IV. Отраженіе общей эволюціи профессіональнаго шляхетскаго образованія въ военныхъ школахъ. Сухопутный шляхетный корпусъ. Проектъ гр. П. И. Шувалова о военномъ департаментѣ при Сухопутномъ корпусѣ. Артиллерійская и Инженерная школы. Морской корпусъ . . .	24— 35
V. Главные моменты развитія профессіональнаго юридическаго образованія. Первые проекты подготовки гражданскихъ чиновниковъ. Коллежское образованіе. Предметы юридическаго образованія въ Сухопутномъ корпусѣ. Манифестъ 15 декабря 1763 г.	35— 43
VI. Главные моменты исторіи духовнаго образованія. Кіевская Академія. Харьковскій Коллегіумъ. Московская славяно-греко-латинская академія. Архіерейскія школы. Духовныя семинаріи	43— 70
Общее заключеніе о развитіи профессіональнаго образованія въ первой половинѣ XVIII в.	70— 74
Глава вторая. **Вопросы общаго образованія въ публицистикѣ**	**74—121**
I. Проблема общаго образованія. Элементы общаго образованія въ проектахъ А. Курбатова, Ѳ. Салтыкова. Проектъ Академіи политики. Донощеніе о славяно-латинскихъ школахъ. Планъ барона Нирода	74— 86
II. Народное образованіе, его цѣли и формы по взглядамъ Посошкова, Аврамова, Татищева, Волынскаго . .	86—102
III. Проекты Лейбница	102—108
IV. Вопросы организаціи системы общаго образованія. Народное образованіе въ системѣ государственнаго управленія. Приготовленіе учителей. Матеріальныя средства .	108—120

9364 25

Глава третья. **Вопросы общаго образованія въ законодательствѣ** . . . . . **121—195**

Постановка вопроса . . . . . 121—124

I. Вопросы низшаго образованія. Свидѣтельство митрополита Іова въ 1710 г. Исторія и значеніе цыфирныхъ школъ. Включеніе заботы о народномъ образованіи въ кругъ задачъ мѣстнаго управленія . . . . . 124—151

II. Внѣшкольныя средства просвѣщенія народа. Предположеніе Духовнаго Регламента. Указъ 1743 г. . . . . 151—155

III. Вопросы средняго и высшаго образованія. „Разноязычныя школы“. Учрежденіе Академіи наукъ съ университетомъ и гимназіей; оцѣнка этого факта. Главные моменты исторіи академическаго университета и гимназіи. 155—195

Глава четвертая. **Учрежденіе Московскаго университета и планы И. И. Шувалова** . . . . . **195—249**

I. Внѣшняя связь учрежденія Московскаго университета и послѣдовавшихъ затѣмъ мѣропріятій. Общее значеніе совокупности этихъ мѣропріятій. Положеніе И. И. Шувалова до 1762 г. . . . . 195—201

II. Сословный вопросъ въ планахъ Шувалова. Соединеніе дворянъ и разночинцевъ. Мѣры къ поддержанію начала сословности . . . . . 201—206

III. Задачи и сущность новой учебной системы. Взгляды петербургскихъ академиковъ и московскихъ профессоровъ. . . . . 206—213

IV. Ступени и формы общаго образованія. Типы низшихъ и среднихъ школъ по взглядамъ академиковъ. Организація и учебные планы Московской университетской гимназіи. Отраженіе сословныхъ интересовъ. Учебный строй Московскаго университета и соотношеніе въ немъ задачъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ. . . . . 213—249

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе императрицы Екатерины II до учрежденія Коммиссіи о народныхъ училищахъ (1782 г.).

Постановка темы . . . . . 250—251

Глава первая. **Исторія проектовъ 1760 — 1770-хъ годовъ** . . . . . **251—329**

I. Вопросъ о новомъ уставѣ Московскаго университета. Вопросъ о народномъ образованіи въ связи съ планами благотворительныхъ учрежденій. Сообщеніе А. Бюшинга . 251—257

II. Происхожденіе Генеральнаго учрежденія о воспитаніи обоего пола юношества 12 марта 1764 г. . . . . 258—264

III. Возложенная на Бецкаго задача составленія Плана повсемѣстнаго учрежденія воспитательныхъ училищъ. „Начальное разсужденіе о планѣ публичныхъ училищъ“. Устраненіе Бецкаго отъ вопроса объ общей учебной реформы. „Планъ дѣтскихъ воспитательныхъ академій и государственныхъ гимназій“. Планъ профессора Дильтея. 264—281

IV. Вопросы народнаго образованія въ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія. Наказъ императрицы Екатерины. Дворянскіе наказы. Городскіе наказы. Наказы отъ присутственныхъ мѣстъ. Вопросы народнаго просвѣщенія въ большомъ Собраніи Коммиссіи. Частная Коммиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ и ея проекты. 281—306

V. Инструкція Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ 29 ноября 1762 г.: вопросъ о реформѣ духовнаго образованія. Коммиссія епископовъ Иннокентія, Гавріила и архим. Платона. Проектъ церковно-приходскихъ городскихъ школъ. Проектъ богословскаго факультета. . . . . 306—314

VI. Связи русскаго педагогическаго движенія съ западно-европейскимъ. Переводы педагогической литературы. Сравнительное значеніе вліянія французской и германской педагогіи. Сношенія съ д'Аламберомъ, Базедовымъ, Зульцеромъ, Дидро и Гриммомъ. Значеніе этихъ сношеній для постановки основного вопроса—о созданіи цѣльной системы народнаго просвѣщенія. . . . . 314—329

Глава вторая. **Принципы новой системы просвѣщенія. . . . . 329—399**

Основные вопросы политики народнаго просвѣщенія, поставленные Генеральнымъ учрежденіемъ 12 марта 1764 г. 329—331

I. Проблема воспитанія; ея первенствующее значеніе въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ. Вопросъ объ „отрицательномъ“ воспитаніи. Частное и публичное образованіе. Связь воспитательныхъ и научно-образовательныхъ элементовъ въ новой учебной системѣ . . . . . 332—348

II. Сословный вопросъ. Основы и содержаніе дворянскаго вопроса. Образованіе для средняго чина гражданъ. Образованіе для крестьянъ. Вліяніе воззрѣній западныхъ педагоговъ на постановку сословнаго вопроса. Начало сословности въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ . . . . 348—378

III. Вопросъ о женскомъ образованіи въ общей системѣ народнаго просвѣщенія. Училища благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ. Генеральный планъ воспитательнаго дома. Вопросъ о женскомъ образованіи въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ . . . . . 378—384

IV. Созданіе полной системы просвѣщенія, какъ государственная проблема. Особенности постановки этого вопроса въ Западной Европѣ и въ Россіи. Оцѣнка даннаго вопроса въ воззрѣніяхъ писателей, вліявшихъ на его постановку въ русскихъ проектахъ изучаемой эпохи. Вопросъ объ обязательности образованія . . . . . 384—399

Глава третья. **Типы и система общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ . . . . . 399—506**

I. Два типа низшей общеобразовательной школы. Вліяніе прусскаго законодательства на постановку вопроса о начальномъ образованіи въ нашихъ проектахъ. Типы народныхъ школъ, сельскихъ и городскихъ, въ этихъ проектахъ. Вопросъ о тривіальныхъ школахъ . . . . . 399—417

II. Положеніе вопроса о средней школѣ въ западной педагогіи. Среднія школы по проекту Дильтея, по Плану государственныхъ гимназій, по проекту частной коммиссіи объ училищахъ. Проекты Зульцера и Дидро. Петербургская академическая и Московская университетская гимназіи. Благородный и купеческій пансіоны. Пансіоны въ провинціи . . . . . 417—453

III. Общія условія постановки университетскаго вопроса въ данную эпоху. Университетскій вопросъ въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ: учебная организація факультетовъ. Вопросъ о богословскомъ факультетѣ . . . . . 453—473

IV. Принципъ, опредѣляющій соотношеніе общаго и профессіональнаго образованія. Главные типы профессіональнаго образованія: 1) духовнаго, 2) военнаго, 3) юридическаго, 4) техническаго и коммерческаго . . . . . 473—506

Глава четвертая. **Условія осуществленія новой системы просвѣщенія** . . . . . **506—551**

I. Вопросъ о созданіи педагогической и преподавательской профессіи. Идеалъ педагога. Замѣщеніе учительскихъ должностей въ низшихъ и среднихъ школахъ. Вопросъ о методахъ преподаванія и о спеціальныхъ педагогическихъ разсадникахъ. Служебныя права учебной службы. Матеріальное обезпеченіе . . . . . 506—523

II. Вопросъ о созданіи спеціальныхъ государственныхъ органовъ управленія народнымъ просвѣщеніемъ. Органы центральнаго и мѣстнаго учебнаго управленія по проектамъ данной эпохи. Основы управленія отдѣльными школами низшими, средними и высшими . . . . . 523—542

III. Вопросъ о средствахъ матеріальнаго обезпеченія новой системы просвѣщенія . . . . . 542—549

Общее заключеніе о проектахъ учебныхъ реформъ въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II. . . . . 549—551

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Коммиссія о учрежденіи народныхъ училищъ.

Глава первая. **Система народныхъ училищъ по Уставу 1786 г.** . . . . . **552—611**

I. Рѣшеніе заимствовать австрійскую систему народныхъ училищъ. Записка Эпинуса. Янковичъ-де-Мирієво. Предварительный планъ 21 сентября 1782 г. Разработка Устава 5 августа 1786 г. . . . . 552—559

II. Сравненіе австрійской и русской системъ народныхъ училищъ по уставамъ 1774 и 1786 гг. Цѣль народнаго образованія. Всеобщность и обязательность новой учебной системы. Типы народныхъ училищъ и ихъ взаимная связь. Главное народное училище, какъ средняя школа. 559—574

III. Условія осуществленія системы народныхъ училищъ. Приготовленіе учителей; ихъ служебныя права и матеріальное обезпеченіе. Порядокъ управленія народными училищами. Источники матеріальнаго обезпеченія училищъ . . . . . 574—604

IV. Данныя о распространеніи народныхъ училищъ. Отношеніе къ нимъ населенія. Необходимость дальнѣйшей реформы. . . . . 604—611

Глава вторая. **Единообразіе учебной системы** . . . **611—641**

I. Значеніе единообразія новой учебной системы. Послѣдовательность распространенія нормальной методы на школы различныхъ вѣдомствъ . . . . . 611—613

II. Распространеніе нормальной системы на частныя школы. Ревизія иностранныхъ пансіоновъ и правила ихъ содержанія. Ревизія русскихъ вольныхъ школъ и ея результаты. Благородные пансіоны . . . . . 613—620

III. Преобразованіе учебныхъ плановъ Сухопутнаго корпуса и Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса. . . 620—627

IV. Вопросъ о распространеніи системы народныхъ училищъ на окраины. Народныя училища въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Выборгскомъ намѣстничествѣ. Распространеніе народныхъ училищъ въ западныхъ губерніяхъ. Измѣненіе въ порядкахъ, установленныхъ польской Эдукаціонной Коммиссіей. Попытка введенія нормальной системы въ Киргизской области. . . . . 627—641

Глава третья. **Послѣдніе проекты И. И. Шувалова и Планъ университетовъ 1787 г.** . . . . . **642—676**

I. Возвращеніе изъ за границы И. И. Шувалова и хлопоты его объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ Московскаго университета. Проектъ Устава и штата университета и гимназіи. Повелѣніе объ университетѣ въ Екатеринославлѣ . . . . . 642—650

II. Указъ 29 января 1786 г. о составленіи Плана университетовъ и гимназій. Вопросъ объ источникахъ этого Плана. Записка Іосифа Зонненфельса объ австрійской системѣ просвѣщенія. Сравненіе составленнаго Коммиссіей о народныхъ училищахъ Плана университетовъ съ запиской Занненфельса. Предположенія Коммиссіи объ осуществленіи Плана. Значеніе его, какъ заключительнаго акта въ исторіи политики народнаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ . . . . . 650—676

Дополнительныя примѣчанія . . . . . **677—679**

Опечатки **680**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Проектъ объ учрежденіи въ Россіи Академіи политики . . 3— 6
II. Доношеніе о славяно-латинскихъ школахъ . . . . . 6— 13
III. Записка о коллегіяхъ . . . . . 13— 18
IV. Указы о цыфирныхъ школахъ . . . . . 18— 26
V. Меморіалъ барона Нирода о школахъ . . . . . 26— 28
VI. Изъ проектовъ барона Любераса о коллегіяхъ . . . . . 28— 32
VII. Записка о высшемъ военномъ образованіи гр. П. И. Шувалова . . . . . 33— 43
VIII. Записка І. Г. Зульцера о школахъ для Россіи . . . . . 43— 48

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Вопросы народнаго просвѣщенія въ XVIII столѣтіи, до времени Екатерины II.

Эпоха преобразованій Петра Великаго провела глубокую грань въ исторіи школьнаго образованія на Руси. Старая, древне-русская школа служила исключительно орудіемъ церковнаго просвѣщенія и въ распространенныхъ своихъ типахъ обычно не поднималась выше уровня элементарнаго образованія. Она давала даже не самое образованіе, а лишь необходимыя первыя средства, съ помощью которыхъ пытливый человѣкъ уже самостоятельнымъ трудомъ могъ добираться до глубины мудрости, заключенной въ традиціонномъ кодексѣ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія вѣка. Совсѣмъ чужды были древне-русской школѣ задачи свѣтскаго профессіональнаго образованія. Прикладная наука явилась въ Московское государство подъ видомъ чисто практической заморской «хитрости», и охранители благочестивой старины зорко наблюдали, чтобы эта хитрость отнюдь не выходила за предѣлы своего практическаго примѣненія.

Какую-же службу могла сослужить эта старая элементарная школа въ то трудное время, когда государству понадобилось овладѣть уже не западно-европейской техникой въ узкомъ смыслѣ слова, а прикладной наукой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и когда русское общество впервые затронуто было свѣтскимъ, раціоналистическимъ міросозерцаніемъ, уже господствующимъ на Западѣ въ исходѣ XVII вѣка? На всѣ новые запросы государства и общества старая школа была безсильна отвѣтить. Россіи нужны были новыя школы,

и эти школы, возникшія въ эпоху преобразованій, явились, очевидно, не зрѣлыми плодами на скудной нивѣ древняго русскаго просвѣщенія, а сѣменами, изъ которыхъ лишь въ далекомъ будущемъ могла произрасти стройная «система» народнаго просвѣщенія.

Въ исходѣ XVII столѣтія, когда въ жизни Московскаго государства уже явственно назрѣвало великое преобразовательное движеніе, впервые обозначилась и та проблема, на которой сосредоточивались всѣ крупныя просвѣтительныя предпріятія и опыты учебныхъ реформъ XVIII столѣтія. Въ извѣстномъ «привиліи» 1682 года на учрежденіе Академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ можно видѣть первую попытку поставить новую задачу народнаго просвѣщенія съ точки зрѣнія не только церковныхъ, но и государственныхъ интересовъ. Въ названномъ проектѣ свѣтское знаніе и духовное просвѣщеніе впервые поставлены рядомъ, какъ двѣ одинаково важныя отрасли единой «мудрости—науки», служащей не только религіозно-нравственному преуспѣянію общества, но также государственному могуществу и благоденствію: «мудростью въ вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе»; мудрость—наука есть «царскихъ должностей родительница и всякихъ благъ изобрѣтательница и совершительница. Тою жде вся царствія благочинное расположеніе, правосудства управленіе и твердое защищеніе и великое распространеніе пріобрѣтаютъ». Кругъ академическаго ученія долженъ былъ обнять «науки *гражданскія* и духовныя, наченше отъ грамматики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія», а также «ученіе правосудія духовнаго и *мірского* и прочія всѣ свободныя науки». Доступъ въ Академію предполагалось открыть лицамъ всѣхъ общественныхъ состояній: «сему нашему, отъ насъ, великаго государя, устроенному училищу быти общему и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры, приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному, въ немъ всякія отъ церкви благословенныя, благочестивыя науки да будетъ». За успѣхи въ наукахъ «лю-

ботрудные отроки» получаютъ отъ государя достойное мздовоздаяніе, «а по совершеніи свободныхъ ученій» жалуются «въ приличные ихъ разуму чины». Изъ не научившихся свободнымъ наукамъ никто, кромѣ благородныхъ, не допускается въ государскіе чины, въ стольники, стряпчіе и другіе. Доступъ въ эти чины открываетъ только ученье и явственныя на войнѣ и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги. Такъ научное образованіе впервые поставлялось необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія права на государственную службу. Въ матеріальномъ отношеніи Академія обезпечивалась щедрымъ царскимъ жалованьемъ и частными пожертвованіями всякаго чина людей. Наконецъ, Академіи предоставлялось право собственнаго суда, по особому «академицкому чину», надъ своими членами и учениками, «развѣ убійственныхъ и иныхъ великихъ дѣлъ» [1]).

Столь широко задуманный планъ государственной всесословной школы, съ полнымъ кругомъ высшаго духовнаго и свѣтскаго образованія, какъ извѣстно, не удался. Исканіе высшей мудрости, духовной и свѣтской, не могло не подчиниться еще господствовавшему церковному духу времени, и на почвѣ старой московской культуры хранилище «свободныхъ» наукъ должно было стать, по извѣстной характеристикѣ С. М. Соловьева, «цитаделью, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ западомъ». Такъ наканунѣ эпохи преобразованій впервые вопросъ о школѣ широко ставился съ точки зрѣнія государственнаго интереса, который, однако, еще не осмѣливался отдѣлиться отъ интересовъ церкви.

Если на почвѣ стараго московскаго порядка стремленіе овладѣть «свободной мудростью» привело, все-таки, къ созданію профессіональной духовной школы съ яркой тенденціей охраны церковной старины, то въ новыхъ условіяхъ эпохи преобразованій то-же стремленіе не могло не подчиниться тенденціи государственной пользы, которою такъ глубоко проникнута была вся совокупность петровскихъ преобразованій.

---

[1]) „Древн. Рос. Вивл.“, 2-е изд., т. VI. „Ист. рос. іерархіи“ (М. 1807), ч. 1-я, стр. 515.

По возвращеніи изъ-за границы въ 1698—1699 годахъ царь, повидимому, стоялъ еще на почвѣ стараго предположенія сдѣлать изъ московской Академіи не только духовную, но и свѣтскую школу. Въ бесѣдѣ царя съ патріархомъ Адріаномъ московской «царской» школѣ указана была двойственная цѣль, общеобразовательная и профессіональная: «Евангельское ученіе и свѣтъ, сіе есть знаніе Божеское, человѣкомъ паче всего въ жизни сей надобно. И изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство». «Знатное и искусное обученіе» въ этой школѣ «всякому добру» должно отвлечь желающихъ обучаться «свободнымъ наукамъ» отъ иноземныхъ учителей, которые «славянскаго нашего языка не знаютъ право говорити, къ сему-же еще иныхъ вѣръ, и при ученіи тамъ малымъ дѣтемъ и ереси своя знати показуютъ; отъ чего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святѣй можетъ быть спона велія, а рѣчи своей отъ неискусства поврежденіе». Начавшаяся вскорѣ тяжелая война разсѣяла это наивное предположеніе о возможности совмѣстить въ одной школѣ задачи и общаго, въ духѣ стараго религіознаго міросозерцанія, и профессіональнаго, духовнаго и свѣтскаго, образованія. На первый планъ теперь рѣзко выдвигаются текущія потребности государственной службы, спѣшная подготовка спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ этой службы [1]).

Послѣ капитальнаго изслѣдованія проф. Владимірскаго-

---

[1]) *Н. Устряловъ*, „Исторія царствованія Петра Вел.“, т. III, стр. 511—512. Въ письмѣ къ Т. Н. Стрешневу, отъ 13 іюля 1699 г., Адріанъ говорилъ о необходимости назначенія архіерея для надзиранія за печатнымъ дворомъ и школами, „гдѣ учатся дѣти и возрастные отроки славенскаго нашего, греческаго и латинскаго языка и грамматическаго знанія въ пользу церкве Божія, и ради всякихъ къ потребѣ гражданскихъ благоразумныхъ содѣлованій и преводчиковъ и лекарскихъ искусствъ, дастъ Господь, будутъ навыкати“. Іь., стр. 501. Было высказано мнѣніе, что авторомъ „Извѣщенія“ былъ А. П. Волынскій. *Н. П. Лыжинъ*, Мысль Волынскаго объ учрежденіи университета въ Россіи, „Лѣтописи рус. литер. и древн.“, изд. Тихонравова, т. I, отд. 3, стр. 63—68, и *Д. А. Корсаковъ*, А. П. Волынскій (біограф. очеркъ), „Древн. и Нов. Россія“, 1877 г., т. II, стр. 293. Возраженіе противъ этого мнѣнія *П. В. Знаменскаго*, „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“ (Каз. 1881), стр. 7.

Буданова «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка» не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ положеніе, что время отъ Петра Великаго до Екатерины II было эпохою господства профессіонально-сословнаго образованія. Для развитія основной темы нашего изслѣдованія намъ необходимо, однако, остановиться на послѣдовательности главныхъ моментовъ исторіи этого профессіонально-сословнаго образованія и попытаться отвѣтить на два вопроса: во-первыхъ, существовало ли оно въ теченіе всего даннаго періода въ видѣ единообразной, устойчивой системы, построенной на нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ принципахъ, или оно испытывало такія измѣненія въ своихъ задачахъ и формахъ, которыя не позволяютъ говорить объ единообразной, строго выдержанной системѣ? Во-вторыхъ, не обнаруживалось ли съ теченіемъ времени въ условіяхъ развитія даннаго образованія такихъ измѣненій, которыми подготовлялся бы переходъ къ системѣ общаго образованія? Такова тема первой главы настоящаго очерка: задачи и формы профессіонально-сословнаго образованія первой половины XVIII вѣка. Во второй и третьей главахъ изслѣдованы данныя, показывающія зарожденіе идеи общаго образованія, и попытки частичнаго ея осуществленія въ условіяхъ господства профессіонально-сословнаго образованія. Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія въ политикѣ народнаго просвѣщенія подготовляется крупный шагъ впередъ. Ставится вопросъ объ осуществленіи идеи общаго образованія уже не въ формѣ единичныхъ школъ, но въ формѣ цѣльной системы просвѣщенія. Этому моменту посвящена четвертая глава.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Задачи и формы профессіонально-сословнаго образованія.

I.

Возникновеніе профессіональныхъ школъ и организація внѣ-школьныхъ средствъ профессіональнаго образованія въ эпоху Петра Великаго не были подчинены, какъ и слѣдуетъ

ожидать, какому-либо общему, заранѣе выработанному, плану. Порядокъ насажденія профессіональнаго образованія для цѣлей государственной службы, естественно, подчинялся общей послѣдовательности государственныхъ реформъ Петра. Для первой эпохи этихъ реформъ, когда приходилось съ чрезвычайной поспѣшностью удовлетворять острыя и неотложныя потребности, вытекавшія изъ обстоятельствъ тяжелой войны, особенно типичною является школа, устроенная въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ. Открытая собственно для «математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія», эта школа на практикѣ являлась своего рода политехникумомъ; будучи единственнымъ правительственнымъ свѣтскимъ училищемъ, она должна была «выпускать молодыхъ людей во всѣ роды службы, военной и гражданской, которые требовали нѣкоторыхъ научныхъ свѣдѣній или даже одного знанія русской грамоты; изъ навигацкой школы выходили, кромѣ моряковъ, инженеры, артиллеристы, учители въ другія новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря, мастеровые и проч.» [1]). Въ одномъ неизданномъ указѣ 1709 года о наборѣ учениковъ въ Московскую школу сдѣлано было поясненіе, «что оная школа не только потребна единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству къ пользѣ [2]).

Во вторую половину эпохи преобразованій, когда общій ихъ ходъ сталъ принимать болѣе систематическій характеръ, когда задачи и средства государственнаго управленія выясняются отчетливѣе и приводятся въ болѣе устойчивое соотношеніе,—и профессіональное образованіе начинаетъ облекаться въ болѣе опредѣленныя формы. Въ 1715 году отъ московской сухаревской школы отдѣлилась уже чисто профессіональная морская школа—морская академія, перенесенная въ Петербургъ. Въ это же время обособились спеціальныя инженерныя и артиллерійскія школы, которыя въ 1703—1706 гг.

---

[1]) *Ѳ. Веселаго*, „Очеркъ исторіи морск. кадет. корпуса“ (Спб., 1852), стр. 7. *Гр. Д. А. Толстой*, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи, „Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи наукъ“, т. XXXVIII, № 4, стр. 21.

[2]) Архивъ Морск. Мин., Дѣла Адмиралт. Коллегіи, № 54, л. 34.

существовали въ видѣ единой школы «наукъ инженерской, бомбардирской и пушкарской», подъ вѣдѣніемъ Виніуса. Въ 1712—1713 гг. была «умножена», то-есть получила увеличенный штатъ, московская инженерная школа, переведенная въ 1719 году въ Петербургъ. «Артиллерійская наука» отдѣльно была заведена въ 1712 году, когда ген.-маіору Гинтеру поручено было обучать ей 20 молодыхъ дворянъ; въ 1721 году устроена была особая артиллерійская школа въ Петербургѣ при лабораторномъ домѣ. Рядъ военныхъ школъ замыкался Сухопутнымъ шляхетнымъ корпусомъ, но въ его учрежденіи (въ 1731 году) отразились уже не одни только прямые интересы военной службы, о чемъ будетъ рѣчь ниже [1]).

Съ 1715 года, когда стала складываться болѣе устойчивая система государственнаго управленія, возникаютъ мало удачныя попытки учрежденія юридическихъ школъ для приготовленія гражданскихъ чиновниковъ. Не удались ни проектированная около 1715 года «академія политики», ни школа подъячихъ, ни «краткая школа для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ» при Герольдмейстерской конторѣ. Единственнымъ, привившимся на практикѣ, разсадникомъ гражданскихъ чиновниковъ оказался институтъ коллежскихъ юнкеровъ, возникшій въ силу 36-й ст. Генеральнаго Регламента и 14-й ст. Табели о рангахъ [2]).

Наконецъ, преобразованіе церковнаго управленія вызвало къ жизни новую систему духовнаго образованія. Но, какъ отмѣтилъ М. Ф. Владимірскій-Будановъ, возникшія по требованію духовнаго Регламента «архіерейскія школы» еще не были чисто профессіональными; по содержанію и уровню своего учебнаго курса онѣ были низшими общеобразовательными училищами. Настоящія профессіональныя духовныя

---

[1]) *Веселаго,* op. cit., стр. 44 и слѣд. *Толстой,* op. cit., стр. 25 — 28. *Н. Мельницкой,* „Сборн. свѣдѣній о военно-учебн. заведеніяхъ въ Россіи“ (Спб., 1857), т. I, ч. 1-я. „Письма и бумаги Петра Вел.“, т. V, стр. 719, 721. П. С. З. № 3330. *Глѣбовъ,* „Артилл. Журн.“, 1862 г., № 11.

[2]) *А. Лаппо-Данилевскій,* „Собраніе и сводъ законовъ Россійской Имперіи, составленный въ царствованіе императрицы Екатерины II“ (Спб., 1898), стр. 5—14.

школы появляются только съ конца 1730-хъ годовъ путемъ новой общей духовно-учебной реформы [1]).

Въ такой послѣдовательности возникали въ эпоху преобразованій Петра Великаго и при первыхъ его преемникахъ главныя отрасли профессіональнаго образованія: военно-морского, гражданскаго, духовнаго. Зарождаясь подъ давленіемъ гнетущихъ практическихъ потребностей въ разнохарактерные моменты реформы, въ зависимости отъ сложныхъ условій того или другого момента, первыя профессіональныя школы не могли слиться въ единую, планомѣрную систему и неодинаково удачно представляли собою разныя отрасли профессіональнаго образованія. Неодинакова была, при томъ, энергія и инициатива, проявленная правительствомъ относительно разныхъ отраслей профессіональнаго образованія. Наибольшая энергія, естественно, была приложена къ организаціи военнаго образованія, такъ какъ военныя потребности являлись важнѣйшими побужденіями къ реформамъ. Значительно слабѣе была попытка устройства разсадниковъ юридическаго образованія, ибо для непосредственныхъ потребностей новыхъ административныхъ учрежденій оказалось возможнымъ приспособить самую служебную практику, обративъ ее въ подобіе школы. Наконецъ, позже другихъ являются духовныя, чисто профессіональныя школы, такъ какъ духовная служба менѣе, чѣмъ военная и гражданская, подвергалась дѣйствію реформъ и дольше другихъ могла питаться старыми московскими средствами.

Если единственнымъ побужденіемъ къ насажденію разныхъ отраслей профессіональнаго образованія являлись практическія потребности государственной службы, если, говоря словами М. Ф. Владимірскаго-Буданова, понятія службы и образованія смѣшивались, и «въ образованіи правительство видѣло интересы службы, а частныя лица одни интересы матеріальной выгоды», то какую роль можно отвести такому образованію въ исторіи русскаго школьнаго просвѣщенія вообще? Не вправѣ-ли мы заключить, что устройство Петромъ Великимъ профессіональныхъ школъ

---

[1]) *М. Владимірскій-Будановъ*, „Государство и народн. образованіе въ Россіи XVIII в.“ (Яросл., 1874), ч. 1-я, стр. 299.

для приготовленія спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ государственной службы, моряковъ, артиллеристовъ, инженеровъ, чиновниковъ, было эпизодомъ очень важнымъ въ исторіи государственной службы и техническихъ знаній, но совершенно ничтожнымъ въ исторіи просвѣщенія? Такое заключеніе былобы ошибочно. Поспѣшно и грубо налаженное Петромъ Великимъ профессіональное обученіе, помимо прямыхъ намѣреній законодателя, отвѣчая требованіямъ жизни, послужило все таки не однимъ практическимъ нуждамъ государства, но и болѣе широкимъ культурнымъ интересамъ общества. Какъ замѣтилъ А. Н. Пыпинъ, иногда средства профессіональнаго образованія силою обстоятельствъ обращались въ орудіе образованія общаго. Такъ, посылая въ 1697 году за границу первую партію молодыхъ стольниковъ и спальниковъ, Петръ велѣлъ имъ учиться такимъ спеціальнымъ наукамъ, которыя сдѣлали-бы этихъ молодыхъ людей спеціалистами—навигаторами. Дѣйствительный результатъ получился иной: «изъ первой посылки 1697 года не вышло ни одного настоящаго моряка, но путешествіе стало общеобразовательнымъ; болѣе или менѣе цѣлый контингентъ молодого русскаго боярства познакомился съ общимъ складомъ европейской жизни, увидѣлъ новые нравы, могъ оцѣнить или на первый разъ, по крайней мѣрѣ, удивиться великимъ произведеніямъ науки и искусства. Пробуждалась первая любознательность, которой предстояло развиться въ стремленіе усвоить себѣ тѣ умственныя и художественныя потребности, какія стали казаться необходимыми. Первые путешественники не сдѣлались кораблестроителями или адмиралами, но большинство изъ нихъ заняли потомъ важныя мѣста во внутреннемъ управленіи и въ дипломатіи, и стали болѣе или менѣе опытными и сознательными исполнителями плановъ Петра». Дѣйствительно, Петръ цѣнилъ въ своихъ работникахъ не одно техническое мастерство, не однѣ золотыя руки, но и свѣтлую голову, самостоятельный взглядъ, предпріимчивость. Та разносторонняя работа, съ которою въ то время обычно сопряжена была всякая служба и подготовка къ службѣ, требовала значительнаго умственнаго развитія и выдержки характера. Типичный дѣятель Петровской эпохи—не узкій спеціалистъ, достигшій

совершенства въ техникѣ своей спеціальности, но въ ней одной и замкнувшійся; это—мастеръ на всѣ руки, способный самостоятельно взяться за новое непривычное дѣло, умѣющій «окинуть однимъ взглядомъ цѣлую область знаній и уйти изъ нея не съ пустыми руками, будь то артиллерія, фортификація или минералогія, геологія, географія, исторія» [1]). Тѣ-же условія и требованія жизни, сообщавшія такія характеристическія личныя черты дѣятелямъ петровской эпохи, ослабляли, отчасти, главную опасность, какая грозитъ всякому узкому профессіональному, ремесленному обученію,—опасность мертвящей рутины, угнетающей умъ, усыпляющей энергію. Профессіональное образованіе первой половины XVIII вѣка страдало скорѣе противоположною крайностью, недостаткомъ устойчивости, выдержанной традиціи въ своихъ задачахъ и содержаніи. Въ теченіе трехъ—четырехъ десятилѣтій это образованіе претерпѣло эволюцію, установившую мало по-малу связь между нимъ и образованіемъ общимъ.

II.

Господствовавшее въ первой половинѣ XVIII вѣка образованіе было не просто профессіональнымъ, но вмѣстѣ и сословнымъ. Глубоко и всесторонне вопросъ о профессіональномъ образованіи, какъ одномъ изъ основаній сословной организаціи XVIII вѣка, изслѣдованъ М. Ф. Владимірскимъ—Будановымъ, доказывающимъ, что «русскія сословія, преимущественно же дворянское и духовное, одолжены своею организаціею, главнымъ образомъ, узаконеніямъ о профессіональномъ образованіи» [2]). Не будемъ входить въ критическое разсмотрѣніе этого тезиса; намъ необходимо остановиться на одномъ лишь вопросѣ: въ какую сторону направлялась эволюція профессіональныхъ школъ подъ вліяніемъ утверждающаго въ нихъ начала сословности? Эта эволюція всего яснѣе раскрывается въ исторіи военныхъ сословныхъ школъ.

---

[1]) *А. Н. Пыпинъ*, „Исторія русской литературы“, т. III, изд. 1-е, стр. 266. *П. Н. Милюковъ*, „Главныя теченія русской исторической мысли“ (М., 1898), стр. 21.

[2]) Op. cit., стр. 89.

Возникая подъ давленіемъ острой и неотложной потребности въ спеціалистахъ по разнымъ отраслямъ государственной службы, первыя профессіональныя школы XVIII столѣтія лишь постепенно пріобрѣтали сословную замкнутость. При основаніи московской навигацкой школы на Сухаревой башнѣ указомъ 19 ноября 1701 года велѣно было принимать въ въ нее дѣтей дворянскихъ, дьяческихъ и подъяческихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ. Въ 1708 году въ письмѣ къ адмиралу Апраксину царь приказывалъ учениковъ въ математическую школу «прибавливать, какъ возможно, а больше изъ недорослей». Именнымъ же указомъ слѣдующаго года повелѣвалось, «ради примноженіи ученья математики и навигаціи, записывать и брать въ приказъ морского флота для отсылки въ школу, которая содержится у срѣтенскихъ воротъ, изъ недорослей дворянскихъ дѣтей, и дьячьихъ, и подъяческихъ, а изъ домовъ боярскихъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ; изъ недорослей-же принимать отъ 12 до 20 лѣтъ». Въ 1711 году просили о принятіи ихъ въ ученье въ математическую школу: недорослей — 1, драгунскаго чина — 4, подъяческаго — 1, солдатскихъ дѣтей преображенскаго полка — 10, семеновскаго — 5, бутырскаго — 3, другихъ армейскихъ полковъ — 3, церковнаго чина — 3, писарскаго — 7. По вѣдомостямъ 1714 года записанные въ математическую школу ученики распредѣлялись по сословіямъ слѣдующимъ образомъ[1]):

	Записаны съ іюля по августъ 1714 г.
Недорослей.	29
Подъяческихъ	6
Дворoваго чина	7
Приказныхъ	9
Посадскихъ	11
Польской породы.	3
Людей боярскихъ.	11
Преображ. и семеновск. полковъ солдатск. дѣтей . .	78

[1]) Арх. Морск. Минист., Дѣла гр. Апраксина, № 75, лл. 71, 177, 197. Дѣла Адмиралт. Кол., № 53, лл. 34, 175—180, 355—357; № 33, лл. 1, 26.

Бутырск. полка	13
Лефортова полка	7
Разн. полковъ.	16
Церковниковъ	—
Конюшенныхъ.	—
Всего . . .	190 чел.

И на все послѣдующее время своего сушествованія Московская навигацкая школа осталась, по составу учащихся, школою преимущественно разночинской.

Когда въ 1715 году отъ Московской навигацкой школы отдѣлилась спеціальная морская школа, Морская академія, то послѣдней сразу былъ усвоенъ сословный, можно сказать, аристократическій характеръ. Имѣя привычку навязывать окружающей средѣ свои личные вкусы и пристрастія, Петръ усиленно старался привить «знатному дворянству» охоту къ морскому дѣлу. Первымъ къ тому средствомъ были заграничныя командировки боярской молодежи; теперь обученіе морскому дѣлу организовалось въ видѣ спеціальной школы, въ столицѣ, и въ этой школѣ долженъ былъ сосредоточиться цвѣтъ дворянскаго юношества. Уже по проекту барона Сентъ-Илера 1713 года новоучреждаемая Академія должна была составиться «изъ младыхъ шляхтичевъ, выбранныхъ лѣтъ 15 и до 24-хъ». Указомъ 20 декабря 1715 года повелѣвалось: «которые есть въ Россіи знатныхъ особъ дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ 10 лѣтъ и выше, выслать въ школу въ С.-Петербургъ, а въ чужіе края не посылать». По словамъ Вебера, «во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая-бы не представила въ Академію сына или ближайшаго родственника». Но дѣйствительной любви къ морскому дѣлу внушить знатному дворянству не удалось. Въ 1730-хъ годахъ число недорослей, поступавшихъ въ Морскую академію, такъ сильно падало, что въ 1741 году, по словамъ указа 2 марта, въ эту Академію «почти ни одинъ не записался». Окончательно-же сословный составъ морской школы утвердился лишь при Елизаветѣ Петровнѣ, когда указомъ 15 декабря 1752 года петербургская Морская академія, совмѣстно

съ гардемаринской ротой и морской артиллерійской школой, преобразована была въ Морской шляхетный кадетскій корпусъ [1]).

Пестрый сословный составъ учащихся имѣли въ первой половинѣ XVIII вѣка также первыя сухопутныя военныя школы, инженерная и артиллерійская, существовавшія то совмѣстно, въ вѣдѣніи одного начальства, то раздѣльно. При «умноженіи» инженерой школы въ 1712 году въ ней положено было содержать изъ 100—150 штатныхъ учениковъ $^2/_3$ дворянскихъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, 19 ноября, предписано было набрать въ эту школу 77 человѣкъ «изъ всякихъ чиновъ людей» и, въ частности, «изъ царедворцевыхъ дѣтей, за которыми есть до 50 дворовъ». Въ 1720 году, по государеву указу и приговору Военной Коллегіи велѣно было на Москвѣ въ инженерную школу набрать 100 учениковъ «изъ всякихъ чиновъ людей». Какъ въ петербургской, такъ и въ московской инженерныхъ школахъ учились въ данное время и дѣти «знатныхъ особъ»; но правительство старалось вербовать въ инженерную науку способныхъ людей всякаго званія. Въ 1721 году данъ былъ изъ Военной коллегіи указъ, «чтобъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ оберъ-и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, драгунамъ и солдатамъ, умѣющимъ грамотѣ, и которые желаютъ впредь быть офицерами, учиться инженерству».

Въ одномъ изъ первыхъ упоминаній объ артиллерійской школѣ, въ 1703 году, въ ней состояло до 300 учениковъ «разныхъ чиновъ». Въ 1716 году велѣно было набрать для обученія артиллеріи «добрыхъ людей изъ низшихъ породъ». Въ томъ же году «для обученія констапельской и пушкарской наукѣ» взяты были изъ петербургской морской школы «дѣти бѣднаго шляхетства, которые доступили до геометріи, или хотя и не доступили, точію бъ были добрые ариометики». Въ 1720-хъ годахъ въ петербургской артиллерійской школѣ учились, кромѣ дворянъ, сыновья артиллерійскихъ служителей и арсенальныхъ мастеровыхъ. Если не преобладаніемъ, то зна-

---

[1]) П. С. З., №№ 2937, 2968. *Веселаго*, op. cit., стр. 45, 90 и прилож. III.

чительностью разночинскаго элемента въ артиллерійскихъ школахъ можно объяснить тотъ фактъ, что очень долгое время ученики этихъ школъ выпускались въ полевую артиллерію только унтеръ-офицерами и уже службою достигали офицерства; сыновья же служителей и мастеровыхъ, такъ называемые «пушкарскіе дѣти», опредѣлялись въ мастеровые же и полковые писаря. Сословный шляхетскій характеръ обѣ школы, инженерная и артиллерійская, приняли съ того момента, когда онѣ соединились въ 1758 году «подъ особенною дирекціею» П. И. Шувалова. По ходатайству послѣдняго въ 1760 году ученики обѣихъ школъ стали выпускаться въ службу прямо офицерскими чинами. Наконецъ, уже послѣ смерти Шувалова, въ 1762 году, обѣ школы были преобразованы въ одинъ Артиллерійскій и Инженерный шляхетный корпусъ [1]).

Сразу замкнутой сословной школой явился Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ. Но время его учежденія было уже началомъ расцвѣта дворянскихъ привилегій. Въ учрежденіи этого корпуса наряду съ государственными интересами выступаютъ уже сословные дворянскіе интересы. Указъ объ учрежденіи Сухопутнаго шляхетнаго корпуса распространялся о государственной пользѣ этого училища: «дабы такое славное и государству зѣло потребное дѣло (воинское) наивящше въ искусствѣ производилось». Но, какъ извѣстно, дѣйствительнымъ и непосредственнымъ побужденіемъ къ учрежденію Сухопутнаго шляхетнаго корпуса было настойчивое желаніе шляхетства снять съ себя обязанность тяжелой и казавшейся ему унизительной солдатской службы. Въ 1730 году Верховный тайный совѣтъ, пытаясь привлечь шляхетство на свою сторону, давалъ обѣщаніе «шляхетства въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять», но устроить «особливыя кадетскія роты», изъ которыхъ дворяне выходили бы прямо въ оберъ-офицеры. Офицерская служба

---

[1]) П. С. З. №№ 2467, 2739, 11696. „Письма и бумаги Петра Вел.“, т. III, стр. 10; т. V, стр 719, 721. „Опис. документовъ и дѣлъ архива Св. Синода“, т. I, № 351. Архивъ Морск. Мин., Дѣла гр. Апраксина, № 201, л. 283; № 254, л. 24 об., 76 об. *Мельницкій*, op. cit, т. I, ч. 1-я, стр. 2—6, 17, 34—35, 47—49. *Глѣбовъ*, Артил. школа въ царствованіе Елисаветы Петровны, „Артил. Журн.“, 1862 г., № 12.

разсматривалась теперь, какъ сословная привилегія дворянства, откуда слѣдовалъ естественный выводъ, что и школа, готовящая прямо къ офицерской службѣ, должна быть сословной, дворянской [1]).

На учрежденіи кадетскаго корпуса, какъ сословной дворянской школы, сказалось вліяніе не только прямыхъ шляхетскихъ пожеланій, но и тѣхъ иноземныхъ образцовъ, по которымъ корпусъ былъ устроенъ.

Непосредственнымъ образцомъ былъ, по всей вѣроятности, Берлинскій кадетскій корпусъ, образованный въ 1717 г. королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ изъ соединенія «кадетскихъ компаній» или «кадетскихъ академій» Берлинской, Кольбергской и Магдебургской. Какъ въ этихъ кадетскихъ академіяхъ, такъ и въ новообразованномъ Берлинскомъ корпусѣ, воспитаніе и образованіе дворянской молодежи направлялось къ одной цѣли—созданію хорошаго офицерскаго состава. Попытка начальника Магдебургской кадетской школы фонъ-Боссе поставить ей болѣе широкую цѣль подготовки не только къ военной, но и ко всякой другой государственной службѣ, и соотвѣтственно расширить кругъ кадетскаго образованія успѣха не имѣла. Въ Берлинскомъ корпусѣ до времени Фридриха II научное образованіе стояло на второмъ планѣ, первое же мѣсто занимали военныя упражненія. Та двойственная цѣль, которая составляетъ характерную черту нашего шляхетнаго корпуса,—приготовленіе дворянства и къ военной и къ гражданской службѣ, — была взята, можно предполагать, съ другого образца. Первая половина XVIII вѣка была эпохой расцвѣта на Западѣ «рыцарскихъ академій», воплощавшихъ сложившійся въ предшествующемъ столѣтіи идеалъ сословнаго дворянскаго образованія. Это было образованіе, своеобразно сочетавшее черты и общаго и профессіональнаго. Въ составъ его входили: латинскій и новые языки, религія и мораль, философія, исторія и географія, математика и естествознаніе, политическая и камеральная наука, разнообразныя упражненія

---

[1]) П. С. З., № 5811. *Соловьевъ*, „Исторія Россіи“, т. XIX (изд. 2-е), стр. 260. *В. Строевъ*, „Бироновщина и Кабинетъ Министровъ“, ч. 1 (М. 1909), стр. 68—69.

и искусства. Всѣ эти предметы должны были преподаваться въ такихъ предѣлахъ и въ такихъ сочетаніяхъ, какія обусловливались конечной практической цѣлью даннаго образованія — готовить дворянъ къ придворной, военной и всякой другой, совмѣстной съ дворянскимъ достоинствомъ, службѣ. Что учебный курсъ нашего шляхетнаго корпуса относился именно къ этому, очерченному сейчасъ, типу сословнаго, дворянскаго образованія, показываетъ тотъ фактъ, что совокупность учебныхъ классовъ корпуса, открытыхъ въ іюнѣ 1732 г., была названа «Рыцарскою Академіей». Но трудно при этомъ рѣшить, имѣлась ли въ виду въ данномъ случаѣ какая-либо опредѣленная рыцарская академія, или общій типъ этихъ школъ. Въ Берлинѣ во время учрежденія нашего корпуса рыцарской академіи не существовало. Учрежденная въ 1705 году академія закрылась въ 1713 году, а смѣнившая ее академія, устроенная подъ королевскимъ покровительствомъ профессоромъ Бріаномъ, прекратила свое существованіе въ 1723 году. Послѣ того академія была возобновлена только въ 1765 году, при Фридрихѣ II, подъ названіемъ Académie des nobles. Какъ бы то ни было, въ первоначальномъ учрежденіи нашего шляхетнаго корпуса можно видѣть соединеніе двухъ типовъ сословныхъ дворянскихъ школъ: кадетскаго корпуса, спеціально военной школы, и рыцарской академіи, представлявшей собою особый типъ сословнаго образованія, одинаково преслѣдовавшей цѣли какъ общаго, такъ и профессіональнаго образованія [1]).

---

[1]) О Берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ см. *B. Poten*, „Geschichte des Militär-Erziehungs-und Bildungswesen in den Landen deutscher Zunge“, B. II („Monumenta Germaniae paedagogica“, B. XVII, Berlin 1896), 45 — 56. При проектѣ первоначальнаго штата нашего корпуса сохранилась роспись содержанія одной роты подъ заглавіемъ: „Учрежденной штатъ жалованью при одной ротѣ кадетовъ по *берлинской* степени“. Государ. Архивъ, XVI, № 76. О наименованіи въ 1732 г. классовъ корпуса Рыцарской академіей см. *Мельницкой*, op. cit., стр. 14. *П. Лузановъ*, „Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ“, вып. I (Спб. 1907), стр. 31. О Берлинской Рыцарской академіи см. *Poten*, op. cit., 10 — 26. О рыцарскихъ академіяхъ вообще: *Th. Ziegler*, „Geshichte der Pädagogik“ (*A. Bauneister*, „Handbuch der Erzichungs—und Unterrichtslehre“ I, abt. 1) 167 — 171. *Fr. Paulsen*, „Geschichte des gelehrten Unterrichts“, (Leipzig 1896), I, 501—511.

Такъ, слѣдя за составомъ учащихся въ первыхъ военно-профессіональныхъ школахъ первой половины XVIII вѣка, приходимъ къ слѣдующему заключенію. При самомъ учрежденіи этихъ школъ, въ первые 10—15 лѣтъ эпохи преобразованій, онѣ торопливо наполнялись первыми попадавшимися подъ руку, годными для той или другой профессіи людьми изъ разныхъ сословій. Во вторую половину эпохи преобразованій эти школы предназначаются преимущественно для дворянства, такъ какъ въ это время происходитъ общій пересмотръ обязанностей дворянства, и военная служба на новыхъ основаніяхъ утверждается по прежнему, какъ его первенствующая обязанность. Наконецъ, при преемникахъ Петра Великаго, въ эпоху расцвѣта дворянскихъ привилегій, высшія военныя школы окончательно становятся замкнутыми сословными.

Въ то же время, когда высшее военное образованіе превращается въ сословную привилегію дворянства, появляются особыя школы для подготовки къ низшимъ степенямъ военной профессіи, къ солдатской службѣ. Таковы гарнизонныя школы, учрежденныя по указу 21 сентября 1732 года «для собранія и обученія солдатскихъ дѣтей, дабы впредь польза и государству въ рекрутахъ облегченіе быть могло». Въ эти школы положено было принимать офицерскихъ (не изъ шляхетства), драгунскихъ, солдатскихъ и прежнихъ служебъ служилыхъ людей дѣтей, а также дѣтей однодворцевъ, которыми комплектовались ландмилицкіе полки; запрещалось принимать въ гарнизонныя школы дѣтей всѣхъ тѣхъ военно-служащихъ, которые такъ или иначе вступили въ крестьянство и написаны въ подушный окладъ. По справкѣ, данной Сенату Военной Коллегіей въ 1738 году, въ гарнизонныхъ школахъ учились исключительно солдатскія дѣти въ числѣ 6002 человѣкъ. Находя это число недостаточнымъ, Сенатъ предписывалъ «никуда солдатскихъ дѣтей мимо гарнизонныхъ школъ не употреблять». Много позднѣе, уже при Екатеринѣ II, въ 1774 г., по иниціативѣ новгородскаго генералъ-губернатора Сиверса, разрѣшено было принимать во всѣ гарнизонныя школы бѣднѣйшихъ дворянскихъ дѣтей. Это обстоятельство не измѣнило

военно-ремесленнаго характера гарнизонныхъ школъ. По новому о нихъ Положенію 25 сентября 1797 года, когда число учащихся достигло 12.000 человѣкъ, предписано было обучать въ гарнизонныхъ школахъ «всему строевому и до воинской службы и ея порядки принадлежащему» [1]).

Въ 1762 году, въ связи съ неосуществившимся проектомъ о соединеніи всѣхъ трехъ спеціальныхъ военныхъ школъ (корпусовъ Морского, Сухопутнаго и Артиллерійскаго съ Инженернымъ) въ одинъ обширный шляхетскій корпусъ, при каждомъ изъ трехъ корпусовъ устроены были особыя школы для разночинцевъ съ цѣлью обученія ихъ «нижнимъ мастерствамъ и художествамъ»: при Морскомъ корпусѣ штурманская школа, при Артиллерійскомъ — школа солдатскихъ и недворянскихъ дѣтей, при Сухопутномъ тоже солдатская школа «для обученія мастерствамъ, нужнымъ при арміи и особливо при кавалеріи». Въ этомъ выдѣленіи изъ состава шляхетскихъ корпусовъ низшихъ военно-ремесленныхъ школъ для разночинцевъ играла, надо думать, извѣстную роль и развивавшаяся брезгливость дворянства къ общенію съ «подлымъ» народомъ, опасному для дворянскаго «благородства». П. И. Шуваловъ устроилъ для учениковъ Инженерной и Артиллерійской школъ особый госпиталь, «чтобы они отъ сообщества съ солдатами не могли перенимать привычекъ, несвойственныхъ благороднымъ людямъ» [2]).

III.

Учрежденіе въ 1731 году Шляхетнаго кадетскаго корпуса, какъ школы сложнаго типа, одинаково преслѣдующей цѣли военно-профессіональнаго и общаго, въ сословномъ смыслѣ, образованія, было первымъ выраженіемъ наступавшаго въ исторіи нашей политики просвѣщенія XVIII вѣка перелома. Отмѣтимъ сначала общія тенденціи этого перелома, а затѣмъ разсмотримъ дѣйствіе ихъ и результаты въ отдѣльныхъ отрасляхъ профессіональнаго образованія.

---

[1]) П. С. З., №№ 6188, 6767, 7544, 8306, 8965, 9222, 10901, 14105, 18159.
[2]) П. С. З., № 11515. *Мельницкой*, op. cit., I, ч. 1-я, стр. 37.

Съ 1730-хъ годовъ въ законодательныхъ актахъ о новыхъ мѣропріятіяхъ касательно образованія дворянства эти мѣры обычно оправдываются какъ пользою государства, такъ и пользою самаго дворянства. Указъ 6 мая 1736 года о смотрахъ дворянской молодежи побуждалъ ее учиться, «дабы со временемъ не токмо государству полезны быть, но и сами себѣ чрезъ тѣ науки довольное пропитаніе сыскать могли»; кто, «не желая собственной своей пользы, отъ наукъ убѣгаютъ», тѣ «сами себя губятъ». Слѣдующій указъ о смотрахъ 9 февраля 1737 года доказывалъ важность образованія, которое дворяне должны пріобрѣсти къ третьему смотру, въ 16—17-лѣтнемъ возрастѣ, для ихъ собственной пользы «въ домашней экономіи». Въ 1761 году графъ П. И. Шуваловъ, представляя Сенату докладъ о преобразованіи артиллерійской и инженерной школъ, отмѣчалъ, что его проектъ составленъ «въ пользу отечеству и въ авантажъ главному государственному члену, то-есть дворянству». Въ указѣ 24 апрѣля 1762 года о соединеніи всѣхъ трехъ шляхетскихъ корпусовъ въ одно обширное дворянское училище на первое мѣсто поставленъ интересъ дворянства: «дабы сей корпусъ для дворянства былъ руководствомъ къ ихъ благополучію, а для государства служилъ источникомъ къ полученію искусныхъ и достойныхъ людей» [1]).

Итакъ, съ 1730-хъ годовъ въ законодательствѣ о профессіональномъ образованіи совмѣщаются два интереса: государственный, въ тѣсномъ смыслѣ, и сословный дворянскій. Первый интересъ, безраздѣльно царившій въ законодательствѣ Петра Великаго, продолжаетъ выражаться въ неослабѣвающемъ требованіи обязательности образованія для дворянъ. Въ общей формѣ эта обязательность утверждалась упомянутыми выше указами 1736-го и 1737 годовъ о смотрахъ, содержащими полную систему шляхетскаго образованія. Дѣйствіе этой системы продолжалось вплоть до манифеста о вольности дворянской; но и этотъ актъ не уничтожилъ въ принципѣ обя-

[1]) *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. XIX, изд. 2-е, стр. 260. *Мельницкой*, op. cit., т. I, ч. 1-я, стр. 37. П. С. З., №№ 6949, 7142, 7171, 11515. «Артиллер. Журн.», 1855, № V.

зательности образованія для дворянства: «чтобъ никто не дерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ». Мало того, какъ показалъ проф. Владимірскій-Будановъ, были сохранены нѣкоторыя мѣры принудительности: явки на смотръ дѣтей 12-ти-лѣтняго возраста, «объявленіе» всѣми дворянами, не имѣющими 1000 душъ крестьянъ, дѣтей въ кадетскомъ корпусѣ, опредѣленіе неспособныхъ къ ученью недорослей въ солдаты [1]).

Совмѣщеніе съ государственнымъ интересомъ интереса сословнаго, дворянскаго, не колебало принципа обязательности образованія для дворянъ. Но оно сообщало этому образованію новыя черты и направляло его на путь приближенія къ образованію общему.

Первая характерная черта обязательнаго профессіональнаго образованія для дворянъ въ петровскую эпоху заключалась въ размѣщеніи дворянской молодежи по государственнымъ школамъ, включая сюда практическое обученіе военной и гражданской службѣ въ полкахъ гвардіи и въ коллегіяхъ, заграничныя командировки и т. под. Теперь, по указу 1737 года о смотрахъ молодыхъ дворянъ, предоставлялось на волю родителей опредѣлять ихъ въ школы или давать установленное образованіе дома, подъ контролемъ правительства. Изданный въ дополненіе манифеста 31 декабря 1736 года о 25-ти-лѣтнемъ срокѣ обязательной дворянской службы и въ отвѣтъ на вопросъ, «въ какихъ наукахъ шляхетству отъ 7 до 20 лѣтъ быть», законъ 9 февраля 1737 года установилъ, какъ извѣстно, 4 послѣдовательныхъ смотра или государственныхъ экзамена, соотвѣтственно тѣмъ цикламъ, на которые разбивалась полная система шляхетскаго образованія. Точное исполненіе родителями ихъ обязанности по образованію дѣтей гарантировалось постановленіемъ: «не радящихъ объ ученіи дѣтей штрафовать по прежнимъ указамъ». Сверхъ того, 9 февраля того-же года Сенатъ предписалъ губернаторамъ и воеводамъ наблюдать, «чтобъ въ обученіи оныхъ недорослей (про-

---

[1]) Op. cit., стр. 217—219.

ходящихъ свое образованіе дома) имѣли прилежное смотрѣніе, дабы они учились, а праздно не жили» [1]).

Такимъ образомъ, не колебля еще въ принципѣ обязательности для дворянъ установленнаго образованія, законъ 9 февраля 1737 года шелъ въ разрѣзъ съ петровской системой, требовавшей сосредоточенія дворянской молодежи въ государственныхъ школахъ и смотрѣвшей на домашнее образованіе, какъ на средство уклоненія отъ дѣйствительнаго обязательнаго образованія. Подобно тому, какъ манифестъ о 25-тилѣтнемъ срокѣ службы былъ шагомъ къ установленію «вольной» службы, такъ и законъ 9 февраля 1737 года подготовлялъ, въ извѣстномъ смыслѣ, свободу образованія. Устанавливая обязательную программу образованія, законъ допускалъ теперь свободу въ выборѣ средствъ ея выполненія: таковыми могли быть или государственная школа, или домашнее обученіе. Но ясно, что домашними средствами профессіональное образованіе не могло быть организовано со всею строгостью предъявляемыхъ къ нему требованій: эта задача по силамъ только государству и спеціальнымъ общественнымъ организаціямъ.

Допуская свободу выбора, при извѣстныхъ условіяхъ, между поступленіемъ въ государственную школу или домашней подготовкой къ службѣ, законодательство начинаетъ также требовать, чтобы спеціализація учащагося на той или другой отрасли сообразовалась съ его индивидуальными способностями и склонностями. Указъ 29 іюля 1731 года, отмѣчая двойственный составъ курса Сухопутнаго корпуса, требовалъ, чтобы кадетовъ опредѣляли къ той или другой группѣ наукъ (воинскихъ или гражданскихъ), «видя природную ихъ склонность», «понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна». Та же мысль проведена въ уставѣ корпуса 18 ноября 1731 года, требующемъ принимать во вниманіе при обученіи «склонность, прилежаніе и особливо понятіе» каждаго. Указъ о смотрахъ 6 мая 1736 года предписывалъ обучать дворянскихъ недорослей грамотѣ и прочимъ

---

[1]) П. С. З., № 7182.

наукамъ, «кто къ чему охоту возъимѣетъ». Указомъ 21 сентября 1748 года кадеты, «кои болѣе къ статскимъ дѣламъ по наукѣ своей склонны явятся», освобождены были отъ изученія другихъ наукъ и воинской экзерциціи [1]). Это требованіе сообразовать обученіе дворянской молодежи съ природными личными способностями и склонностями, открывавшее уже путь къ установленію, въ извѣстныхъ предѣлахъ, свободы образованія, является также отличительной чертой системы шляхетскаго образованія средины XVIII столѣтія, сравнительно съ петровской эпохой съ ея жестокой прямолинейностью въ прикрѣпленіи каждой сословной группы къ опредѣленной профессіи.

Другая, не менѣе важная черта шляхетскаго образованія 1730—1750-хъ годовъ, отличающая его отъ чисто профессіональнаго образованія петровской эпохи, выступаетъ въ самой *системѣ* образованія, устанавливаемой закономъ 9 февраля 1737 года. Эта черта заключалась въ тенденціи объединенія разныхъ отраслей профессіональнаго знанія на нѣкоторомъ единомъ теоретическомъ и общеобразовательномъ основаніи. Профессіональное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, обученіе всегда стремится къ развѣтвленію на самостоятельныя отрасли, по мѣрѣ усложненія спеціальныхъ потребностей государственной службы, тогда какъ образованіе общее, по самой природѣ своей, всегда клонится къ единству, къ сочетанію отдѣльныхъ элементовъ и цикловъ въ единое органическое цѣлое. Профессіональное образованіе дворянства въ петровскую эпоху, преслѣдовавшее чисто техническія цѣли, дѣйствительно, развивалось въ первомъ направленіи: оно постепенно распадалось на отдѣльныя отрасли, представленныя спеціальными школами. Съ начала 1730-хъ годовъ обозначается обратная тенденція, въ зависимости отъ укрѣпляющихся въ законодательствѣ сословныхъ интересовъ дворянства. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія система шляхетскаго образованія, разработанная въ указѣ 9 февраля 1737 года.

Цѣль этой системы—въ приготовленіи дворянства къ го-

---

[1]) П. С. З. №№ 5811, 5881, 9532.

сударственной службѣ вообще, какъ военной, такъ и гражданской: «дабы шляхетство всѣ были обучены и ко употребленію въ воинскую и гражданскую службу угодные». Направленное къ этой цѣли образованіе распадается на три послѣдовательныхъ круга. Первый кругъ—это элементарное обученіе грамотѣ, которое должно быть пройдено дѣтьми отъ 7-ми до 12-тилѣтняго возраста; второй смотръ долженъ удостовѣрить, что въ этомъ возрастѣ дѣти «по послѣдней мѣрѣ уже дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать обучены». Въ теченіе второго круга, къ 16-тилѣтнему возрасту и къ третьему смотру, недоросли должны быть «со основаніемъ» обучены, «кромѣ иностранныхъ языковъ, которыхъ по своему изволу учить станутъ, и само собою разумѣющагося должнаго и нужнѣйшаго знанія закона и артикуловъ нашей православной каѳолической вѣры греческаго исповѣданія», также ариѳметикѣ и геометріи. Этимъ кругомъ исчерпывается общее образованіе дворянъ, необходимое и для тѣхъ, кто не вступаетъ въ службу, а остается дома «для экономіи», «понеже и сему ариѳметику и геометрію наипаче знать надлежитъ, дабы въ домашней экономіи порядочные счеты и въ земляхъ своихъ по дачамъ мѣру знали и едино свое право защищали, не уклоняясь невѣжествомъ въ богомерзкія ябеды и отъ того происходящіе напрасные убытки и раззоренія». Удостовѣренное на третьемъ смотру образованіе открываетъ уже дорогу въ гражданскую службу, «по усмотрѣнію сенатскому». Наконецъ, послѣдній кругъ для тѣхъ, кто по четвертому смотру, въ 20 лѣтъ, долженъ быть опредѣленъ въ военную службу, состоитъ изъ трехъ предметовъ, изъ которыхъ два общеобразовательные—географія и исторія, и одинъ спеціально военный—фортификація. Эта система экзаменовъ для недорослей 12 и 16 лѣтъ немедленно распространена была на Сухопутный кадетскій корпусъ (указомъ 30 марта), артиллерійскую и инженерную школы, академическую гимназію (24 апрѣля).

Такъ съ началомъ расцвѣта дворянскихъ привилегій устанавливается какъ бы нормальная система шляхетскаго образованія, которое уже не можетъ быть названо профессіональнымъ, въ точномъ смыслѣ слова. Имѣя задачей не подготовку

спеціалистовъ къ той или другой отрасли государственной службы, а сообщеніе дворянской молодежи нѣкоторой единой суммы знаній, необходимой одинаково какъ для службы, такъ и «для домашней экономіи», это шляхетское образованіе всего точнѣе, кажется, можетъ быть названо *сословно-общимъ* [1]).

III.

Характерныя черты разобранной сейчасъ системы шляхетскаго образованія, ввѣренной попеченіямъ семьи, выступаютъ и въ государственныхъ дворянскихъ школахъ, готовящихъ къ военной и гражданской службѣ. И здѣсь замѣчается, прежде всего, тенденція къ объединенію разныхъ отраслей профессіональнаго образованія въ одну систему, въ рамкахъ одной школы. Эта тенденція открывается уже въ учрежденіи Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, учебный курсъ котораго совмѣщалъ двѣ существенно различныя отрасли образованія: 1) «воинскія науки», 2) «политическое и гражданское обученіе». Въ 1762 году, какъ мы уже знаемъ, возникъ проектъ соединенія всѣхъ трехъ шляхетныхъ корпусовъ въ одинъ. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; но онъ чрезвычайно важенъ, какъ показатель преобладанія сословныхъ дворянскихъ интересовъ надъ узко-практическими интересами государственной службы.

Тенденція вывести образованіе дворянской молодежи изъ узкихъ рамокъ той или другой спеціальной профессіи требовала болѣе широкой постановки теоретическихъ и общеобразовательныхъ элементовъ. Профессіональныя школы петровской эпохи, по содержанію и направленію своего курса, носили чисто техническій характеръ. Съ начала новой эпохи, 1730-хъ годовъ, и въ этомъ отношеніи происходитъ существенная перемѣна. Въ указѣ 29 іюля 1731 года объ учрежденіи Сухопутнаго корпуса ясно выражена мысль, что профессіональное образованіе дворянства не должно быть только ремесленнымъ, техническимъ, но должно опираться на опре-

[1]) П. С. З., №№ 7213, 7235. «Матеріалы для исторіи Академіи наукъ», т. III, № 415. *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 204—215, 167, 189—191

дѣленный теоретическій базисъ, «дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ тому *въ теоріи* обучены, а потомъ и *въ практику* годны были». Сообразно съ такимъ требованіемъ построенъ былъ первый учебный планъ корпуса по уставу 18 ноября 1731 года. По этому плану курсъ корпуса распредѣлялся на 4 класса [1]):

IV классъ: россійскій и латинскій языки, чистописаніе, ариѳметика;

III классъ: геометрія, географія, грамматика;

II классъ: фортификація, артиллерія, исторія, правильный въ письмѣ складъ и стиль, риторика, юриспруденція, мораль, геральдика и прочія воинскія и политическія науки;

I классъ: «въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ кто чрезъ прежніе классы больше склонности, прилежанія и особливо понятія показывалъ, яко въ фортификаціи, артиллеріи, въ кавалеріи, инфантеріи или въ гражданствѣ, всякой по разсмотрѣнію далѣе произведенъ быть имѣетъ».

Тѣмъ же уставомъ возлагались на корпусъ и воспитательныя задачи, конечно, въ духѣ сословной дворянской этики: «дабы кадеты во всѣхъ своихъ поведеніяхъ, то еже добродѣяніе, учтивость, пристойная покорность и честь повелѣваютъ, а лжи и невѣрности и прочіе, шляхетству непристойные, пороки заранѣе у нихъ весьма искоренены были».

Значеніе общеобразовательныхъ и теоретическихъ предметовъ подчеркнуто дополнительными къ уставу правилами и постановленіями. 6 сентября 1737 года повелѣно было «кадетовъ обучать воинской экзерциціи въ каждую недѣлю по одному дню, дабы онымъ отъ того во обученіи другихъ наукъ препятствія не было». По правиламъ объ экзаменахъ 10 сентября того же года эти экзамены были раздѣлены на 5 «партикулярныхъ» группъ; въ нихъ также характерно сочетаніе общихъ и спеціальныхъ предметовъ: 1) военная экзерциція, танцы, рисованіе, фехтованіе, конская ѣзда; 2) языки русскій, нѣмецкій, французскій, латинскій; 3) исторія и географія; 4) математическія науки: геометрія, механика, фортифи-

[1]) П. С. З., №№ 5811, 5881.

кація и артиллерія; 5) философскія науки: логика, нравоучительная философія, физика, юриспруденція. Какъ видно, три изъ этихъ группъ имѣютъ преимущественно общеобразовательный и теоретическій характеръ [1]).

Въ 1753 году графъ П. И. Шуваловъ выступилъ съ проектомъ устройства при Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ высшей военной школы, своего рода академіи генеральнаго штаба, въ которой всесторонне должна была разрабатываться и изучаться теорія и практика военнаго дѣла. Въ предисловіи къ этому проекту Шуваловъ доказывалъ примѣрами изъ исторіи древнихъ государствъ и изъ исторіи Россіи, особенно за время Петра Великаго, важность и необходимость «познанія военнаго дѣйства» для созданія и обезпеченія силы государства. Пользу существующихъ въ Россіи кадетскихъ корпусовъ Шуваловъ оцѣнивалъ съ точки зрѣнія не только государственно-практической, но также сословной дворянской; объ учрежденіи Сухопутнаго корпуса онъ говорилъ: «какая изъ того польза дворянству и какимъ числомъ достойныхъ офицеровъ наполнена армія ея императорскаго величества, доказательства не требуетъ». Достойно похвалъ также преобразованіе Морского шляхетнаго корпуса (въ 1752 году), въ коемъ «учреждено все то, что къ воспитанію и наукѣ дворянства пристойно». Но существующихъ учрежденій для военнаго образованія еще недостаточно. Хотя въ русской арміи много храбрыхъ и достойныхъ людей, «но таковыхъ не весьма мно-

---

[1]) П. С. З., № 7363. *Мельницкой*, Op. cit., п. I, ч. 1-я, стр. 21—22. Сохранился еще слѣдующій набросокъ учебнаго плана Шляхетнаго корпуса, относящійся ко времени его учрежденія: «Понеже въ учреждаемомъ кадетск. корпусѣ не одно имѣетъ воинское обученіе, того ради раздѣлитъ оное на двое, а именно, къ воинскому потребно обученію: 1) военной экономіи; 2) дисциплина или порядокъ; 3) дѣйствіе воинское. Къ сему потребно избирать младыхъ людей, которые бы имѣли: 1) жени, то-есть натуральное склоненіе къ чему; 2) иныхъ обучать теоріи, то-есть начальной приступъ къ практикѣ; 3) въ практику употреблять. Второе ученіе къ политич. и гражданскимъ дѣламъ имѣютъ ученіе свое, яко 1) политикѣ; 2) юриспруденціи; 3) исторіи; 4) географіи: 5) государственные вся кіе правы, къ чему особыхъ профессоровъ имѣть. А понеже сего корпуса содержаніе какъ для воинскихъ обученій, такъ и политическихъ и гражданскихъ, имѣетъ быть въ одномъ мѣстѣ, того ради расписать по изобрѣтенію склонности учениковъ времена и часы, въ которыхъ часахъ которому быть ученію». Государств. Архивъ, XVI, № 76.

го, которые бы трактовали сію (военную) науку». Посему, разсуждалъ Шуваловъ, «за весьма нужное въ военномъ дѣлѣ просвѣщеніе подать, чего намъ не достаетъ, т.-е. *теоріи*, и для того учредить училище для военныхъ наукъ, которому пристойнѣе въ шляхетномъ корпусѣ быть, въ мѣсто (т.-е. на должности) профессоровъ искусныхъ и довольно знающихъ военное дѣло военно-служащихъ опредѣлить, которые лекціи давать, диссертаціи дѣлать, экзаминировать и проч. будутъ».

Распространеніе образованія должно поднять духъ всѣхъ военно-служащихъ. «Извѣстно, что должность военная и матерія оной наполнена честолюбія и почтенія; по той причинѣ есть надежда скоро успѣхъ дѣйства имѣть для того, что стыдиться будутъ находящіеся въ военныхъ должностяхъ, видя юношей въ ихъ профессіи просвѣщенныхъ наукою, чрезъ что стараться станутъ, по крайней мѣрѣ, хотя поверхностью въ нѣкоторыхъ пунктахъ разсуждать. Сіе жъ неоспоримо о всякой матеріи, что́ больше разсужденія, то она къ совершенству ближе; симъ образомъ, надежно, такое вліяніе нечувствительно о военномъ искусствѣ въ армію втечетъ, что много искуснѣйшихъ произведетъ и достойныхъ мужей въ семъ ремеслѣ намъ представитъ, еже весьма нужно есть».

Сущность же самаго проекта Шувалова заключалась въ перечнѣ 160 вопросовъ и положеній, которые должны изучаться и разрабатываться въ высшей военной школѣ. Большинство этихъ вопросовъ входитъ въ спеціальную область стратегіи и тактики. Я приведу здѣсь нѣсколько вопросовъ болѣе общаго характера, показывающіе широту воззрѣній П. И. Шувалова на задачи военнаго образованія:

Причины, отчего война быть можетъ (149);

Надлежитъ всякому офицеру знать всѣ свойства всѣхъ націй (150);

Какія долженъ свойства имѣть генералъ (151)?

Какимъ образомъ можетъ генералъ привести себя у арміи въ любовь (152)?

Какимъ образомъ вести экономію и что она есть великой важности (153);

Какія науки офицеру знать надлежитъ (154)?

Какими добродѣтельми офицеръ долженъ быть одаренъ, безъ которыхъ онъ не можетъ быть полезенъ ни отечеству, ни монарху, но только вредъ принести можетъ (155)?

Какъ офицеръ свой характеръ наблюдать долженъ (157)?

Какъ офицеру жить надлежитъ (158)?

Какія долженъ имѣть офицеръ принципіи, когда онъ хочетъ быть большимъ человѣкомъ (159)?

Всѣ правы, которыя бываютъ при войнѣ (160).

Въ концѣ рукописи, содержащей изложенное сейчасъ предложеніе П. И. Шувалова, сдѣлана помѣта: «слушано (въ Сенатѣ) 24 марта 1754 года [1]).

Въ октябрѣ слѣдующаго года Шуваловъ внесъ въ Сенатъ уже подробно разработанный проектъ устройства при Шляхетномъ корпусѣ высшаго военнаго училища или «военнаго департамента для обученія офицеровъ военному искусству». Въ это училище должны поступать ежегодно изъ каждаго выпуска кадетъ по 50 человѣкъ, произведенныхъ въ офицеры. Поступающіе должны знать ариѳметику, геометрію, механику, фортификацію и артиллерію, исторію древнюю и новую, географію, одинъ изъ иностранныхъ языковъ, «экзерциціи, принадлежащіи до офицера». Въ военное училище могутъ поступать и посторонніе дворяне, не бывшіе въ корпусѣ, но получившіе домашнюю подготовку по перечисленнымъ наукамъ. Курсъ ученья въ высшемъ военномъ училищѣ распредѣляется по двумъ классамъ, соотвѣтственно двумъ главнымъ отдѣламъ военной науки: «1) какъ дѣйствовать арміею; 2) какъ строить крѣпости». Ко второму классу отнесена и артиллерійская наука. Сверхъ курса военнаго дѣла, преподаваемаго директоромъ училища и штабъ-офицерами, два раза въ недѣлю особыми профессорами читаются еще: универсальная исторія, «то-есть все то, что во оной исторіи до военнаго дѣла касается и принадлежитъ», «военные права и что до военнаго суда касается», и «ведутся разсужденія о настоящихъ политическихъ дѣлахъ въ Европѣ, также о военныхъ силахъ европейскихъ державъ». Продолжительность курса

---

[1]) Государств. Архивъ, XX, № 194.

военнаго училища опредѣлена въ 2 года. По окончаніи этого курса офицеры, показавшіе «особливую прилежность, отмѣнную охоту и быстроту разума», производятся въ одинъ и въ два слѣдующіе чина свыше того, какой они получили при выпускѣ изъ корпуса. Не выказавшіе отмѣнной остроты разума, но просто прилежно учившіеся, получаютъ двухлѣтнее старшинство по чинопроизводству, а неспособные къ военной службѣ опредѣляются на разныя должности по усмотрѣнію Сената.

Военное училище при корпусѣ находится въ главномъ вѣдѣніи особаго шефа, назначаемаго верховной властью изъ лицъ перваго или второго класса. Ближайшее завѣдываніе училищемъ принадлежитъ директору, на должность котораго Шуваловъ рекомендовалъ князя П. И. Репнина. Преподавателями состоятъ 6 офицеровъ (2 полковника, 2 подполковника, 2 премьеръ-маіора) и 2 профессора. Весь штатъ училища исчисленъ въ 12.000 руб. [1]).

Проектъ учрежденія при Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ «военнаго департамента» или высшаго училища не осуществился. Но основная мысль проекта—созданіе высшей военной школы на широкомъ теоретическомъ и общеобразовательномъ фундаментѣ, видимо, очень занимала Шувалова и была его прочнымъ убѣжденіемъ. Назначенный въ 1756 году генералъ-фельдцейхмейстеромъ, П. И. Шуваловъ предпринялъ преобразованіе на тѣхъ же началахъ Артиллерійской и Инженерной школъ въ одинъ шляхетный корпусъ съ высшимъ классомъ военной науки.

Въ Артиллерійской и Инженерной школахъ долгое время обученіе имѣло техническій характеръ: «какъ управлять пушечнымъ снарядомъ и какъ строить европейскіи крѣпости». Общіе предметы вводились въ курсъ этихъ школъ въ рамкахъ, необходимыхъ для усвоенія артиллерійской и инженерной техники. По указу 16 января 1712 года объ «умноженіи» инженерной школы велѣно было проходить въ ней ариѳметику и геометрію, «сколько до инженерства надлежитъ». Ариѳме-

---

[1]) Государств. Архивъ, XX, № 198.

тикой, геометріей и фортификаціей исчерпывался курсъ Инженерной школы по штату 3 іюня 1728 года, когда она находилась подъ вѣдѣніемъ графа Миниха. Въ 1730 году въ ней введенъ былъ курсъ механики. Въ Артиллерійской школѣ обученіе было только практическое до реформы 1735 года. Въ этомъ году она была раздѣлена на двѣ школы: высшую— «чертежную», въ которой проходилась теорія артиллеріи («искусство масштабы набирать и оборотами циркуля повѣрять, пушки, мортиры и гаубицы чертить») и низшую — «ариометическую и другихъ наукъ школу», раздѣленную на классы: геометрическій, ариометическій и словесной науки. Какъ видно изъ штатовъ 1751 года, Артиллерійскую школу составляла собственно «Школа чертежная и лабораторная», подготовляла же къ ней школа ариометическихъ и другихъ наукъ школу. Въ 1745 году ученики Инженерной и Артиллерійской школъ посылались въ Академію наукъ слушать лекціи физики Ломоносова [1]).

П. И. Шуваловъ, принявъ въ августѣ 1758 года Артиллерійскую и Инженерную школы «въ собственную дирекцію», 27 апрѣля слѣдующаго года представилъ уже непосредственно императрицѣ докладъ объ учрежденіи артиллерійскаго шляхетнаго корпуса съ классомъ военной науки. Обрисовавъ въ этомъ докладѣ печальное состояніе артиллерійской и инженерной частей въ русской арміи и указавъ, что обѣ эти части, «на наукѣ будучи основаны, должны снабдѣны быть весьма наученными офицерами и довольно имѣть ремесленниковъ, знающихъ свое дѣло», Шуваловъ предлагалъ преобразовать Артиллерійскую и Инженерную школы въ одинъ шляхетный корпусъ на началахъ, начертанныхъ имъ въ предшествующихъ проектахъ военнаго училища при Сухопутномъ корпусѣ.

Хотя новый шляхетный корпусъ долженъ былъ готовить не къ одной артиллерійской, но также къ инженерной и общей офицерской службѣ, однако, Шуваловъ давалъ ему наименованіе только артиллерійскаго, такъ какъ онъ «по всему

---

[1]) П. С. З. № 2467. «Письма и бумаги Петра Вел.», т. V, стр. 721. *Мельницкой*, op. cit. т. I, ч. 1-я, стр. 6, 17—19, 29, 36—37. *Глѣбовъ*, op. cit., «Артиллер. Журн.», 1862, № 11—12.

своему учрежденію и подробности больше другихъ мѣстъ къ артиллеріи принадлежитъ и съ нею всѣмъ установленіемъ соединяется». Принимаются въ корпусъ россійскіе дворяне «и такіе, которымъ Табелью о рангахъ дворянство дается», также лифляндскіе и эстляндскіе дворяне, подъ условіемъ обязательной службы, и иностранцы, подъ условіемъ принятія вѣчнаго русскаго подданства. Учебный курсъ корпуса, проходимый въ 5 лѣтъ, составляютъ: языки французскій и нѣмецкій, исторія, географія, ариѳметика, алгебра, геометрія, ученіе «о свойствѣ трехъ разсѣченіевъ конуса», механика, гидравлика, аэрометрія, архитектура гражданская, географія математическая, химія, физика, натуральная исторія, артиллерія, фортификація, фейерверочное искусство, рисованіе, танцы, фехтованіе, военныя экзерциціи. По окончаніи этого обширнаго курса кадеты переводятся въ классъ военной науки, «съ крайнимъ разсмотрѣніемъ и по знанію наукъ». Шуваловъ настаивалъ, что никоторый кадетъ не можетъ въ офицеры никуда выпущенъ быть, не будучи въ военномъ классѣ. Здѣсь, въ военномъ классѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ всесторонне изучается практика военной службы въ томъ объемѣ, какой предположенъ былъ для военнаго училища при Сухопутномъ корпусѣ. По истеченіи нѣкотораго времени, переведенные въ военный классъ кадеты производятся, по экзамену, въ офицеры, причемъ принимается во вниманіе, кто въ какой наукѣ больше знаній пріобрѣлъ: въ артиллеріи, инженерствѣ или въ военной полевой наукѣ. Новопроизведенные, получая присвоенное ихъ чинамъ жалованье, продолжаютъ оставаться въ корпусѣ до окончанія двухлѣтняго курса. При этомъ положеніе ихъ во всемъ устраивается такъ, «чтобы они отъ строгаго кадетскаго содержанія, какъ офицеры, пристойную вольность почувствовали и лучшее съ прочими кадетскаго корпуса офицерами и учителями обхожденіе имѣть могли». По окончательномъ испытаніи, передъ выпускомъ въ дѣйствительную службу, тѣ офицеры, въ которыхъ «предусмотрится дальнѣйшая надежда къ знатному просвѣщенію въ наукахъ», могутъ быть оставлены для вящшаго совершенствованія еще на 1—2 года, и затѣмъ они уже выходятъ въ службу «съ награжде-

ніемъ за науку еще одного ранга». Этими именно офицерами должны замѣщаться должности, «особливой способности наукъ и знанія требующія».

Заключался проектъ Шувалова обширнымъ «Изъясненіемъ, въ какихъ языкахъ, экзерциіяхъ и наукахъ опредѣляемое юношество въ артиллерійскій и инженерный корпусъ обучать надлежитъ, а притомъ доказывается, какая польза изъ обученія оныхъ послѣдуетъ, въ противномъ же случаѣ, какіе нынѣ недостатки отъ недовольно знающихъ людей происходятъ и сколь велики затрудненія во исправленіи и предпріятіи государственныхъ важнѣйшихъ дѣлъ оттого бываютъ». Это обширное «изъясненіе» представляло, по существу, объяснительную записку къ учебному плану корпуса. Останавливаясь на отдѣльныхъ предметахъ преподаванія, Шуваловъ подробно разъяснялъ значеніе каждаго изъ нихъ въ системѣ общаго и техническаго образованія.

Остается еще добавить, что при каждой кадетской ротѣ корпуса Шуваловъ предлагалъ устроить обученіе извѣстнаго числа солдатскихъ и разночинскихъ дѣтей для подготовки къ занятію разныхъ низшихъ должностей по артиллерійской и инженерной части: унтеръ-офицеровъ, машинныхъ и лафетныхъ мастеровъ, кондукторовъ, архитектурныхъ гезелей, мурмейстеровъ и т. под. [1]).

Планъ соединенія Артиллерійской и Инженерной школъ въ одинъ шляхетный корпусъ встрѣтилъ, казалось, болѣе сочувственное отношеніе, чѣмъ первый проектъ военнаго департамента при Сухопутномъ корпусѣ. Это можно заключить изъ того, что рескриптомъ 5 ноября 1759 года императрица пожаловала, «впредь до учрежденія корпуса», 4000 р. ежегодной прибавки къ штатному содержанію обѣихъ школъ и 18,000 руб. единовременно.

Въ 1761 году, 18 іюня, Шуваловъ вошелъ въ Сенатъ съ новымъ докладомъ, въ которомъ изложилъ общія соображенія о преобразованіи Артиллерійскаго и Инженернаго училищъ. Здѣсь Шуваловъ особенно настаивалъ на необходимо-

---

[1]) Государств. Архивъ, XX, № 198.

сти выпускать дворянъ изъ этихъ училищъ въ службу прямо офицерами, ставить обученіе спеціальнымъ предметамъ на широкомъ теоретическомъ основаніи и сосредоточить подготовку къ низшимъ должностямъ по артиллерійской и инженерной службѣ въ особой солдатской школѣ.

Въ тоже время Шуваловъ энергично подготовлялъ намѣченную имъ реформу и расширялъ учебный курсъ подвѣдомственныхъ ему школъ. Законоучителю поручено было преподавать, кромѣ пространнаго катехизиса и священной исторіи, еще «правила христіанской нравственности»; вновь введено преподаваніе всеобщей исторіи, гражданской архитектуры, французскаго и латинскаго языковъ, танцевъ и фехтованія; заведены библіотека и собраніе моделей. При жизни же Шуваловъ успѣлъ устроить и солдатскую школу, въ которой малолѣтніе обучались сначала россійской грамотѣ, а потомъ ариѳметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи и рисованію.

Но увидѣть осуществленіе своего плана Шувалову не довелось: онъ умеръ въ январѣ 1762 года, а 25 октября того же года, по докладу новаго генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, послѣдовало утвержденіе устава соединеннаго Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса. Докладъ Вильбоа вкратцѣ повторялъ, иногда дословно, разсужденія Шувалова о пользѣ образованія новаго корпуса, но имени Шувалова упомянуто не было. Самый уставъ корпуса воспроизводилъ, по существу, извѣстный намъ теперь планъ Шувалова, но съ однимъ существеннымъ измѣненіемъ: при новомъ корпусѣ не было учреждено высшаго класса военной науки, которымъ особенно дорожилъ Шуваловъ.

Хотя проекты П. И. Шувалова о высшемъ военномъ образованіи и не получили полнаго осуществленія, тѣмъ не менѣе они представляютъ большой интересъ для общей исторіи нашего сословно-профессіональнаго образованія XVIII вѣка. Они показываютъ тотъ высшій предѣлъ, къ которому направлялась эволюція этого образованія. Полная система военнаго образованія средины XVIII вѣка, какъ она представлена въ проектахъ П. И. Шувалова, складывается изъ

двухъ цикловъ. Въ основѣ этой системы лежитъ сословно-общее, шляхетское образованіе и на него уже опирается спеціальная военная наука, подготовляющая разностороннe образованнаго офицера. Но въ тотъ моментъ, когда сходилъ со сцены П. И. Шуваловъ, въ общей политикѣ нашего просвѣщенія уже открывался новый поворотъ, вызванный усвоеніемъ началъ новой западной педагогіи [1]).

То же направленіе, отъ узко ремесленнаго обученія къ широкому теоретическому образованію, соединенному съ элементами сословно - общаго шляхетскаго образованія, наблюдается и въ исторіи морской школы. Курсъ Морской академіи (1715—1752 гг.) былъ узко технический. Съ преобразованіемъ Академіи въ шляхетный корпусъ, по указу 15 декабря 1752 года, въ курсъ послѣдняго введены были: географія, генеалогія, ученіе стиля и реторики, исторія, политика, мораль, геральдика и «прочія шляхетскія науки». Черезъ 10 лѣтъ, при составленіи новаго штата корпуса, директоръ И. Л. Кутузовъ, управленіе котораго составило эпоху въ исторіи корпуса, желалъ особенно высоко поставить въ немъ общеобразовательные предметы. Вотъ его характерное разсужденіе о наукахъ, необходимыхъ въ корпусѣ: «сколь нужныя науки философія, мораль, исторія и географія для человѣка и гражданина, всякому извѣстно; а тѣмъ паче для такого училища, каковъ есть кадетскій корпусъ, въ которомъ воспитывается благородное юношество и пріуготовляется къ произведенію въ высшія степени». Кутузовъ предлагалъ назначить для преподаванія словесныхъ наукъ, или «гуманіорумъ», одного профессора, одного адъюнкта и трехъ учителей. Противъ этого возстала Адмиралтейская Коллегія, которая «въ разсужденіи того, чтобы учрежденіе Морского шляхетнаго корпуса не походило на академію или университетъ», не согласилась на приглашеніе для словесныхъ наукъ профессора и адъюнкта, а положила имѣть для нихъ простыхъ

---

[1]) П. С. З., № 11696. *Глѣбовъ*, op. cit. „Артил. Журн.“, 1862 г. № 12, Докладъ Шувалова отъ 18 іюня 1761 г. въ „Артиллерійск. Журналѣ“, 1855, № V.

учителей [1]). Такъ Адмиралтейская Коллегія вѣрно указала тотъ конечный предѣлъ, къ которому стремилось шляхетское образованіе, сжатое первоначально узкими рамками военно-профессіональной школы: такимъ предѣломъ должно было, рано или поздно, явиться образованіе общее, университетское.

V.

Обратимся къ школамъ, назначеннымъ готовить чиновниковъ для гражданской службы.

Первые проекты юридическаго образованія въ петровскую эпоху, связанные съ реформою центральной и областной администраціи, захватывали очень широкія перспективы. Однимъ изъ такихъ раннихъ плановъ былъ «Проектъ о учрежденіи въ Россіи академіи политики для пользы государственныхъ канцелярій», относимый къ 1715 году. Неизвѣстный авторъ этого проекта доказывалъ, что нельзя прямо приступать къ изученію политики безъ знанія другихъ наукъ, «понеже напрасно теряется время, когда не будетъ постановлено ученіе другихъ наукъ, которыя суть фундаментъ политики». Поэтому въ дальнѣйшемъ разсужденіи автора «академія политики» превращалась въ «публичный университетъ», по образцу европейскихъ университетовъ, «въ которыхъ по совершеніи грамматики, умануте, реторики, философіи и юриспруденціи поставляется юность ко ученію политики» [2]).

Въ другомъ, также неизвѣстнаго происхожденія, проектѣ о коллегіяхъ предлагалось устроить академіи для приготовленія многихъ искусныхъ и ученыхъ людей «къ прежде помянутымъ коллегіямъ, яко же къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ». Въ этихъ академіяхъ «шляхетная юность» должна была обучаться «не токмо всѣмъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, яко фортифика-

---

[1]) *Веселаго*, op. cit. стр. 95, 121, 146—148.

[2]) Моск. Архивъ Минист. Иностр. Д., Дѣла, касающіяся до образованія различн. государственныхъ учрежденій, карт. 2. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Собраніе и сводъ законовъ Росс. Имп., составлен. въ царствованіе импер. Екатерины II“, стр. 10.

ціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ». Такъ, по сословному составу учащихся, двойственности цѣли (приготовленіе къ гражданской и военной службѣ) и объему преподаванія, предлагаемыя неизвѣстнымъ авторомъ академіи близко напоминаютъ Сухопутный шляхетный корпусъ [1]).

Такъ же широко ставилъ данный вопросъ въ 1718 году Генрихъ Фикъ. Устройство коллегій и реформа губернскихъ учрежденій вызывали, по его мнѣнію, необходимость позаботиться «о нетрудномъ обученіи и воспитаніи россійскихъ младыхъ людей, чтобъ оныхъ въ малое время въ такое совершенство поставить, дабы ваше величество всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ и магистратахъ и прочая своими природными подданными наполнить, такожъ и собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей, художниковъ, ремесленниковъ, инженеровъ и матросовъ получить могли». Эта мысль, видимо, очень понравилась государю и онъ положилъ на докладѣ Фика резолюцію: «сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія, кто (?) сіе учинитъ сего году начало» [2]).

Всѣ помянутые проекты, поднимавшіе вопросъ о приготовленіи гражданскихъ чиновниковъ, остались невыполненными. Когда около 1720 года окончательно сложилась система центральнаго и мѣстнаго управленія и ощутилась практическая нужда въ сколько-нибудь подготовленномъ для новыхъ учрежденій личномъ составѣ, то подготовка послѣдняго приняла первоначально такой же узкій, техническій характеръ, какъ и подготовка къ военной службѣ. Устроенная въ 1721 году школа подъячихъ должна была обучать лишь тому, «что доброму подъячему надлежитъ»: ариѳметикѣ, формамъ книгъ, табели, стилю письма и проч. Такая же чисто практическая цѣль усвоена была сначала и обученію коллежскихъ юнкеровъ изъ дворянъ; Генеральнымъ Регламентомъ (гл.

---

[1]) *П. Пекарскій*, „Исторія Импер. Академіи Наукъ“, т. I, стр. XXIII.

[2]) Ibid, стр. XXIV. Статья Н. Павлова-Сильванскаго о Фикѣ въ „Русск. Біограф. Словарѣ“. П. С. З., № 3208.

XXXVI) предписывалось «обучать ихъ по коллегіямъ такъ, какъ подьячихъ, съ самыхъ нижнихъ дѣлъ приказныхъ». Нѣсколько шире ставили подготовку молодыхъ дворянъ къ службѣ Герольдмейстерская инструкція 1722 года и Табель о рангахъ. Въ проектированной Герольдмейстерской инструкціей «краткой школѣ» для дворянскихъ дѣтей должны были изучаться «экономія и гражданству указная часть». Инструкція смотрѣла на эту школу, какъ на временную мѣру: «пока академіи исправятся». Значитъ, предвидѣлись въ будущемъ нѣкоторыя формы высшаго образованія для подготовки къ гражданской службѣ. Табелью о рангахъ (ст. 14) предписывалось зачитывать капральскіе и сержантскіе лѣта въ службу тѣмъ изъ дворянъ коллежскихъ юнкеровъ, «которые учились и выучилися подлинно, что́ коллежскимъ правленіямъ надлежитъ; а именно, что́ касается до праваго суда, также торгомъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли Имперіи и экономіи» [1]).

Съ 1730-хъ годовъ начинаются попытки внести въ подготовку гражданскихъ чиновниковъ элементы общаго и собственно юридическаго образованія; и въ этихъ попыткахъ уже отчетливо обозначаются образовательные интересы дворянской молодежи, въ связи съ тенденціей обратить и высшую гражданскую службу въ сословную привилегію дворянства [2]). По правиламъ 6 марта 1737 года объ опредѣленіи въ приказную службу недорослей предписано было, выбравъ изъ нихъ среднихъ и знатныхъ фамилій, отъ 15 до 17 лѣтъ, уже обученныхъ грамотѣ, распредѣлить ихъ по коллегіямъ и канцеляріямъ и именовать дворянами той или другой коллегіи или канцеляріи, «чѣмъ наибольше могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе (sic) приказныхъ людей отъ себя отвесть». Эти дворяне должны «между канцелярскою должностію и другимъ пристойнымъ наукамъ къ шляхетству и гражданству обучаться, чѣмъ оные могутъ подать и другимъ впредь свою охоту, на нихъ смотря, въ штат-

---

[1]) П. С. З., №№ 3845, 3534, 3896, 3890.

[2]) Уже въ 1724 г. повелѣно было „въ секретари не изъ шляхетства не опредѣлять, дабы потомъ могли въ ассессоры, совѣтники и выше происходить“. П. С. З № 4449.

скіе чины происки вать опредѣленія». Такой кругъ обученія коллежскихъ дворянъ уже возвышался до уровня юридическаго образованія: онъ заключалъ въ себѣ не только навыкъ въ «приказномъ порядкѣ», но также «знаніе указовъ и правъ государственныхъ, Уложенья и прочее». Параллельно вводились и нѣкоторые элементы общаго образованія; два дня въ недѣлю дворяне обучались ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ. Наконецъ, тѣмъ же указомъ, регламентирующимъ порядокъ обученія коллежскихъ дворянъ, предписывались правила ихъ поведенія и нравственности; дворянамъ внушалось, «чтобы они свою природу оказывали чрезъ добрые поступки, и честное обхожденіе и учтивость ко всѣмъ канцелярскимъ служителямъ имѣли, что́ имъ не мало споспѣшествовать будетъ для ихъ опредѣленнаго обученія» [1]).

Въ 1752 году Сенатъ подтвердилъ, что коллегіи юнкеры должны «обучаться какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ съ самыхъ нижнихъ приказныхъ дѣлъ, и что́ касается до знанія государственныхъ правъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, президентамъ коллегій и главнымъ судьямъ предписывалось надзираніе и крайнее попеченіе имѣть, чтобы они (юнкеры) обучаемы были такъ, «дабы уже сами могли дѣйствительно править приказныя дѣла». Такъ теперь подчеркнута была и болѣе высокая цѣль обученія коллежскихъ юнкеровъ: эта цѣль—уже въ подготовкѣ чиновниковъ, самостоятельныхъ руководителей дѣлами на высшихъ сравнительно должностяхъ, а не простыхъ копіистовъ и приказныхъ служителей [2]). Въ это же время въ отдѣльныхъ случаяхъ признанъ былъ недостаточнымъ и первоначально установленный для коллежскихъ юнкеровъ кругъ общаго образованія, состоявшій, какъ мы видѣли, изъ грамматики, географіи и математическихъ дисциплинъ [3]). Юнкеровъ коммерцъ-коллегіи положено было въ 1755

---

[1]) П. С. З., №№ 7201, 7248. Указомъ 7 іюля 1737 г. повелѣно было адъюнкту Академіи наукъ Вас. Ададурову обучать въ Сенатѣ коллежскихъ дворянъ по 2 дня въ недѣлю грамматикѣ славянской и латыни. „Матер. для исторіи Академіи наукъ“, т. III, № 481.

[2]) П. С. З., № 9928.

[3]) Указъ 20 января 1752 г. предписывалъ обучать юнкеровъ этимъ предметамъ въ школахъ при Сенатѣ и при Сенатской конторѣ.

году обучать, «для лучшаго понятія коммерціи», языкамъ французскому и нѣмецкому, исторіи, географіи и прочимъ наукамъ, для чего они должны были посѣщать четыре раза въ недѣлю классы Академіи наукъ [1]).

Элементы теоретическаго образованія въ подготовкѣ къ гражданской службѣ опредѣленнѣе выступаютъ въ Сухопутномъ корпусѣ, которому съ самаго начала поставлена была двойственная цѣль—готовить дворянскую молодежь не только къ военной, но и къ гражданской службѣ. Въ указѣ объ учрежденіи корпуса 29 іюля 1731 года къ составу «политическаго и гражданскаго обученія» были отнесены: чужестранные языки, исторія, географія, юриспруденція, танцованіе, музыка и прочія полезныя науки. При распредѣленіи отдѣльныхъ наукъ по классамъ было положено во второмъ (предпослѣднемъ) классѣ преподавать: фортификацію, артиллерію, исторію, складъ письма и стиль, риторику, юриспруденцію, мораль, геральдику и прочія воинскія и политическія науки, а въ первомъ классѣ спеціализировать кадетъ, сообразно ихъ индивидуальнымъ склонностямъ и соображаясь съ родомъ будущей ихъ службы. Характерна обстановка, въ какой появляется въ данныхъ случаяхъ юриспруденція; она окружена предметами общеобразовательными и подборъ ихъ, видимо, обусловливается не одними профессіональными интересами гражданской службы, а также тѣми сословными интересами, изъ которыхъ возникло самое понятіе «шляхетскаго» образованія. Татищевъ въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ» показалъ цѣль и объемъ юридическаго образованія съ сословной, дворянской точки зрѣнія: «Законовъ своего государства, хотя всякому подзаконному (подданному) учиться надобно, но для шляхетства есть необходимая нужда: 1) понеже шлях-

---

[1]) П. С. З., № 10389. Съ другой стороны, выдѣляются спеціальныя цѣли юридическаго образованія. Постановленіемъ Кабинета 25 окт. 1740 г. положено было выбрать изъ кадетъ двухъ русскихъ и двухъ иностранцевъ и опредѣлить прапорщичьими рангами въ Коммерцъ-Коллегію для обученія коммерціи. № 8267. Въ 1761 г. коллежскіе юнкера командировались въ остзейскія провинціальныя мѣста «для изученія тамошнихъ правъ и экономическихъ регуловъ». № 11283. Сравн. *Владимірскій-Будановъ*, „Государство и народн. образованіе“, стр. 174—187.

тичъ каждый—природный судья надъ своими холопы, рабы и крестьяны, а потомъ можетъ по заслугѣ чинъ судьи нести, яко въ войскѣ, тако и въ гражданствѣ; 2) едва ли обходимо, чтобы онъ самъ суда или дѣла приказнаго избѣжать могъ и, если не собственною своею, то своихъ причиною привлечется знать». Сущность юридическаго образованія по Татищеву — познаніе «главныхъ должностей (обязанностей) изъ законовъ», что́ нужно съ младенчества учить: 1) «должность къ государю; 2) должность къ своему государству; 3) къ родителямъ и единоутробнымъ; 4) къ своимъ домовнымъ, яко женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ; 5) къ другимъ людямъ: въ чемъ я имѣю право отъ другихъ требовать и добиваться» [1]).

Нѣкоторое представленіе о характерѣ курса «гражданскихъ наукъ» въ Шляхетномъ корпусѣ можетъ дать сообщенный въ Академію наукъ въ 1737 г. перечень авторовъ, изучаемыхъ въ классѣ этихъ наукъ. То были: Гейнекцій — Elementa philosophiæ rationalis и Elementa juris civilis, Ресслеръ— Institutiones juris rationalis, «которые авторы кадетамъ совсѣмъ экспликованы». Далѣе слѣдовали: Гундлингъ—Разговоры объ естественномъ правѣ, Глафеисъ — Разума и народовъ право, Буддеи—Philosophia practica. По исторіи изучались: Гибнеръ, Эсигсъ — Einleitung zur Universalhistoriam, Гундлингъ—Discours über die Reichshistoriam и Discours über die europäischen Staaten [2]).

Преимущественно теоретическій характеръ образованія кадетъ, готовившихся къ гражданской службѣ, явствуетъ также изъ сохранившихся аттестатовъ кадетъ 1730—1740 годовъ. Вотъ, напримѣръ, аттестатъ кадета Магнуса Фока 1739 г.: «1) французскій языкъ: переводитъ съ нѣмецкаго на французскій екстемпоре; 2) латинскій языкъ: съ нѣмецкаго на латинскій кампонуетъ екстемпоре; 3) философія, юсъ натуры, институціонѣсъ юстиніанѣсъ, пандектумъ и юсъ феудале; въ философіи Гейнекціи элемента, юсъ секундумъ ординемъ пандекторумъ до 41 книги дошелъ; 4) россійскій языкъ: съ рус-

[1]) „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ“, съ предислов. Н. Попова (М. 1887) стр. 115.

[2]) „Матер. для исторіи Академіи наукъ“, т. III, № 509.

скаго на нѣмецкій експонируетъ». Въ 1742 году въ Академіи наукъ экзаменованы были 4 кадета, пробывшіе въ корпусѣ по 5 лѣтъ; аттестаты ихъ почти одинаковы; приводимъ для примѣра аттестатъ кадета Василія Ляпунова, 18 лѣтъ: «юриспруденціи натуралисъ, цивилисъ и криминалисъ обучался, и какъ сіи науки, такъ и универсальную исторію и географію съ ариѳметикою окончалъ хорошо, по нѣмецки говоритъ, нѣмецкія письма безъ диспозиціи компануетъ, французскаго и латинскаго автора разумѣетъ, переводитъ съ обоихъ сихъ языковъ на русскій и нѣмецкій языки, зачинаетъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ переводить, съ русскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на русскій, добраго поведенія, прилеженъ и къ экспедиціямъ въ коллегіяхъ не неспособенъ» [1]).

Такое чисто теоретическое образованіе, очевидно, не согласовалось съ традиціоннымъ воззрѣніемъ на средства профессіональной подготовки къ гражданской службѣ, и въ 1748 году теоретическій курсъ кадетъ, готовящихся къ гражданской службѣ, дополненъ былъ рядомъ практическихъ дисциплинъ; въ опредѣленные дни этихъ кадетъ заставляютъ слушать уложеніе, уставы, регламенты и указы, «подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ» [2]).

Такъ сложились два направленія въ подготовкѣ къ гражданской службѣ. Обученіе юнкеровъ въ коллегіяхъ начиналось съ чисто ремесленной практики въ порядкахъ канцелярскаго дѣлопроизводства и лишь постепенно осложнялось элементами теоретическаго образованія; только въ 1750-хъ годахъ, когда обученію коллежскихъ юнкеровъ указывается болѣе высокая цѣль—готовить самостоятельныхъ руководителей дѣлами, это обученіе начинаетъ приближаться къ тому, что можно назвать юридическимъ образованіемъ. Иное наблю-

---

[1]) Одинъ изъ помянутыхъ 4-хъ кадетъ, князь Дм. Цицiановъ, 19 лѣтъ, сначала слушалъ въ Академіи наукъ лекціи физики экспериментальной, юсъ натуры, морали, географіи, математики, нѣмецкаго и русскаго языковъ, „а для настоящаго окончанія тѣхъ наукъ опредѣлился въ Кадетскій корпусъ“. „Матер. для истор. Академіи наукъ“, т. V, № 33. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XX, изд. 2-е, стр. 473—474.

[2]) П. С. З., № 9532.

дается въ кадетскомъ корпусѣ. Здѣсь съ самаго начала подготовка къ гражданской службѣ получаетъ преимущественно теоретическій характеръ; собственно юридическіе элементы этого образованія находятся въ такомъ сочетаніи съ элементами общеобразовательными, что его можно разсматривать скорѣе не какъ профессіональное образованіе, а какъ одну изъ сторонъ сословно-общаго, шляхетскаго образованія. И лишь впослѣдствіи юридическое образованіе кадетъ принимаетъ болѣе практическое направленіе, приблизительно въ то время, когда дѣлаются попытки поднять коллежскую подготовку юнкеровъ до степени юридическаго образованія.

Обѣ системы подготовки гражданскихъ чиновниковъ просуществовали параллельно до начала царствованія Екатерины II.

Манифестомъ 15 декабря 1763 года о новыхъ штатахъ присутственныхъ мѣстъ было объявлено, что юнкерская школа при Сенатѣ не достигаетъ своего назначенія, такъ какъ, по недостатку учителей, юнкеры занимаются только письмоводствомъ и канцелярскими дѣлами по повытьямъ «и никогда пристойныхъ имъ наукъ совершенно обучить не въ состояніи». Чтобы имѣть людей, «ученыхъ наукамъ, приличнымъ благородному дворянству, и знающихъ юриспруденцію», повелѣно было молодыхъ людей, обучающихся въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ направить—дворянъ въ кадетскій корпусъ, а разночинцевъ въ Московскій университетъ, и устроить въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ классы юриспруденціи. Тѣмъ же манифестомъ повелѣно было, для подготовки къ низшимъ гражданскимъ должностямъ копіистовъ и приказныхъ служителей, имѣть при Академіи наукъ до 40, при Московскомъ университетѣ до 80 и при Казанской гимназіи до 60 малолѣтнихъ разночинцевъ и дѣтей приказнаго чина, «кои способны явятся, и обучать ихъ не только правописанію и хорошему слогу, но отчасти ариѳметикѣ, геометріи, географіи, а наиболѣе положенію россійскаго государства [1]).

Итакъ, въ исторіи свѣтскаго профессіональнаго образованія

---

[1]) П. С. З., № 11989, пп. 23—24.

первой половины XVIII вѣка можно различить двѣ эпохи. Въ первую эпоху, приходящуюся на время Петра Великаго, это образованіе носило характеръ преимущественно ремесленной выучки, имѣющей цѣлью подготовить въ кратчайшій срокъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ государственной службы, военной и гражданской; съ 1730-хъ годовъ, съ утвержденіемъ сословной организаціи профессіональныхъ школъ, послѣднія получаютъ болѣе широкій теоретическій характеръ и включаютъ въ составъ своихъ курсовъ большее или меньшее количество общеобразовательныхъ элементовъ. Въ исходѣ первой половины XVIII вѣка всѣ отрасли свѣтскаго профессіональнаго образованія складываются по одному общему типу, наиболѣе полно и подробно освѣщенному въ проектахъ графа П. И. Шувалова. Въ основѣ этого типа лежитъ шляхетское сословно-общее образованіе, и на немъ уже надстраивается та или другая отрасль спеціальнаго образованія.

VI.

Въ иномъ направленіи складывалась въ теченіе первой половины XVIII вѣка исторія духовной школы. Чтобы оцѣнить роль ея въ общей исторіи школьнаго образованія XVIII вѣка, необходимо сначала уяснить сущность духовнаго образованія въ той его исторической формѣ, въ какой оно появляется въ Московскомъ Государствѣ еще наканунѣ эпохи преобразованій. Эта форма и въ послѣдующее время надолго осталась высшимъ образцомъ, къ которому тянутся всѣ вновь заводимыя духовныя школы.

Такимъ образцомъ была Кіевская академія. На степень высшей школы сама она поднялась въ тотъ моментъ, когда въ Москвѣ возникъ проектъ академіи, какъ вмѣстилища и духовной и свѣтской мудрости—науки. Имѣя во времена польскаго владычества (по грамотѣ Владислава IV, 18 марта 1635 г.) право обученія свободнымъ наукамъ не далѣе логики и діалектики, Кіевская коллегія лишь въ 1689 году ввела въ кругъ своего преподаванія богословіе, а царская грамота 26 сентября 1701 года утвердила за нею и титулъ

академіи, какъ за высшей школой [1]). Ставя своей основной задачей конкурренцію съ католическими школами и отвлеченіе отъ послѣднихъ православнаго юношества, Кіевская академія и въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ пору наибольшей широты своего просвѣтительнаго вліянія, въ своемъ учебно-воспитательномъ строѣ цѣликомъ воспроизводила, съ формальной стороны, систему своихъ противниковъ, іезуитскихъ и піарскихъ коллегій. Въ младшихъ классахъ (фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ) главнымъ предметомъ было грамматическое изученіе латинскаго языка, а также славянскаго, русскаго и польскаго языковъ, иногда катехизиса и изрѣдка ариѳметики. За грамматическими классами, на которые отводилось 4 года, слѣдовали піитика и реторика, преподаваніе которыхъ рабски слѣдовало іезуитскимъ учебникамъ. Какъ замѣтилъ одинъ изъ историковъ Кіевской академіи, между риторическими упражненіями студентовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка всего менѣе встрѣчалось опытовъ церковной проповѣди; это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ данное время академія не была еще спеціальнымъ духовнымъ училищемъ и совершенствованіе въ церковномъ краснорѣчіи предоставлялось собственному желанію учащихся. Тѣмъ же стремленіемъ стоять на уровнѣ латино-польской образованности и владѣть ея оружіемъ опредѣлялось содержаніе и постановка философскаго курса. Это была традиціонная схоластическая философія, раздѣлявшаяся на раціональную, моральную, натуральную (обнимавшую физику и математику) и метафизику; и въ основѣ преподаванія философіи лежали печатные и рукописные учебники, обращавшіеся въ іезуитскихъ школахъ.

Въ томъ же духѣ подражанія своимъ противникамъ пришлось, волей неволей, Кіевской академіи разрѣшить ея важнѣйшую учебную задачу—устроить курсъ богословія, введенный, какъ уже было замѣчено, только въ 1689 году. Преподаваніемъ богословія, говоритъ историкъ Кіевской академіи за

---

[1]) *С. Т. Голубевъ*, Кіевская академія въ концѣ XVII-го вѣка и началѣ XVIII вѣка («Труды Кіев. дух. акад.», 1901 г., ноябрь).

первую половину XVIII столѣтія, г. Вишневскій, имѣлось въ виду «удовлетворить *на мѣстѣ* той жаждѣ къ рѣшенію богословскихъ вопросовъ, какая была возбуждена въ южно-русскомъ обществѣ его постояннымъ и опаснымъ столкновеніемъ съ латино-польскою іезуитскою пропагандою, и предостеречь православное южно-русское юношество отъ стремленій въ католическія учебныя заведенія для изученія тамъ богословія. Академіи, рѣшившейся преподавать богословіе, предстояла задача создать строго православную систему богословской науки. Но сдѣлать это сразу Академія, разумѣется, не могла. Быстро выработать православную богословскую систему своими собственными усиліями Академіи было немыслимо: въ Россіи до XVII вѣка не было органическаго развитія богословской мысли; заимствовать эту систему съ востока было трудно при незнаніи греческаго языка, который въ это время не изучался въ Академіи. Вотъ почему Академія рѣшила предстоявшую ей задачу способомъ легкимъ, простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразнымъ. Она ввела у себя богословіе, преподававшееся въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, очищая и исправляя его, гдѣ было нужно, въ православномъ духѣ». Каково было это школьное католическое богословіе конца XVII и начала XVIII вѣка? «Оно, созидаясь на примѣненіи къ истинамъ вѣры діалектическихъ началъ аристотелической философіи, не столько излагало положительное богооткровенное ученіе, сколько, для простора діалектики, искало въ ученіи о Богѣ сторонъ трудныхъ и непостижимыхъ, на которыя почти нѣтъ отвѣта въ откровеніи. Какъ результатъ послѣдняго обстоятельства, такое богословіе по необходимости представляло собою энциклопедію порой совершенно даже непримиримыхъ мнѣній, которыя были высказаны по каждому схоластическо-богословскому вопросу наиболѣе выдающимися схоластическими теологами въ теченіе четырехъ вѣковъ (XIII—XVII)» [1]).

Итакъ, учебный курсъ Кіевской академіи за первую половину XVIII вѣка носилъ не профессіональный характеръ,

[1]) *Д. Вишневскій*, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1902 г., май, октябрь; 1903 г., іюнь, іюль.

направленный къ практической подготовкѣ пастырей и служителей церкви, а формально-теоретическій, общеобразовательный. Съ точки зрѣнія того средневѣковаго міросозерцанія, на почвѣ котораго создалась схоластическая наука, принятая Кіевской академіей, эта наука имѣла не спеціально-духовное, а общечеловѣческое значеніе. Профессіональная цѣль, подготовка священно- и церковно-служителей достигалась непосредственно не основнымъ учебнымъ курсомъ академіи, а нѣкоторыми дополнительными учебно-воспитательными средствами и учрежденіями; то были: практика проповѣдничества, помощь причтамъ кіевскихъ церквей при отправленіи богослуженія и, въ особенности, участіе въ братствахъ или «конгрегаціяхъ», заведенныхъ, опять-таки, по образцу католическихъ школъ. По словамъ того же историка академіи за первую половину XVIII вѣка, академія учрежденіемъ конгрегацій наиболѣе успѣшно укрѣпляла въ студентахъ религіозный, православно-церковный духъ, такъ какъ конгрегаціи сильно привязывали ихъ къ православному храму съ его ученіемъ и богослуженіемъ: въ конгрегаціонномъ храмѣ студенты изучали катехизисъ, уясняли смыслъ Св. Писанія, изучали строй православнаго богослуженія, навыкали церковному чтенію и пѣнію [1]).

Общеобразовательный характеръ Кіевской академіи въ XVIII вѣкѣ ясно выражался въ составѣ учащихся. Данное царскою грамотою 11 января 1694 года разрѣшеніе «принимать дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ» подтверждено было грамотами Петра Великаго (26 сентября 1701 г.) и Елизаветы Петровны (1742 г.). Въ началѣ XVIII вѣка, когда число учащихся въ Академіи, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, достигало 2000, въ ней учились дѣти мѣстной знати (сыновья стольниковъ, полковниковъ, знатныхъ казаковъ и т. п.). Въ 1736 — 1737 г. училось въ Академіи разночинскихъ дѣтей: старшинскихъ 5, казачьихъ 54, ратушныхъ чиновниковъ 4, купеческихъ 5,

---

[1]) Ibid., 1903 г., августъ, сентябрь. *Н. И. Петровъ*, «Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи», т. I, ч. 1-я, № VIII.

мѣщанскихъ 63, ремесленниковъ 1, посполитыхъ 26, калмыковъ 1, всего 159 человѣкъ; въ 1737 — 1738 г.: старшинскихъ 22, офицерскихъ 1, казачьихъ 84, ратушныхъ чиновниковъ 2, купеческихъ 6, мѣщанскихъ 66, ремесленниковъ 7, посполитыхъ 39, неизвѣстнаго происхожденія 4, всего 231; въ 1737—38 г. числилось «заграничныхъ» (т. е. изъ западнорусскихъ областей Польши) 122 человѣка: священническихъ дѣтей 25, шляхетскихъ 9, боярскихъ 2, казачій 1, купеческихъ 3, мѣщанскихъ 42, посполитыхъ 39, выкрестъ 1.

Изъ нижеслѣдующихъ данныхъ видно, что въ срединѣ XVIII вѣка дѣти духовнаго званія составляли значительное меньшинство [1]):

Годы.	Ученики духовнаго сословія.	Ученики изъ разночинцевъ и заграничн.	Всего.
1736— 7 . .	67	300	367
1737— 8 . .	140	354	494
1738— 9 . .	92	352	444
1739—40 . .	146	390	536
1740— 1 . .	152	415	567
1741— 2 . .	213	474	687
1742— 3 . .	266	556	822
1743— 4 . .	263	639	902
1744— 5 . .	338	772	1.110

Тотъ же общеобразовательный характеръ Кіевская академія сохранила и во второй половинѣ XVIII вѣка, когда явилась мысль объ устроеніи при ней математическаго и медицинскаго факультетовъ. Въ докладѣ генералъ-губернатора Глѣбова императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1766 году, сообщалось, что студентовъ въ академіи бываетъ до 1200 и больше; среди нихъ изъ шляхетства, казаковъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ, изъ Смоленской губерніи и изъ Польши до 200 человѣкъ, поповскихъ дѣтей до 400, остальные — сироты, убогіе и бѣдные; кромѣ того, въ академію приходятъ для на-

[1]) *Н. И. Петровъ*, „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“, т. I, ч. 2-я, № XXII, стр. 272. См. также *Вишневскій*, op. cit., „Труды Кіевской Академіи“, 1903 г., августъ.

ставленія въ благочестіи многіе иностранцы: валахи, молдавцы, сербы, греки, поляки «благочестиваго исповѣданія»; изъ академіи студенты выпускаются въ священники и дьяконы, законоучители, переводчики, въ медицинскую науку и службу. Представляя эти данныя о состояніи академіи, Глѣбовъ находилъ необходимымъ не только поднять матеріальное благосостояніе академіи, но также устроить еще два факультета—математическій и медицинскій, и выписать хорошихъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ. Эта мысль объ учрежденіи въ составѣ Кіевской академіи чисто свѣтскихъ факультетовъ, результатомъ чего должно было явиться превращеніе академіи въ университетъ, не противорѣчила ея основной исторической тенденціи. Созданная по образцу іезуитскихъ коллегій, академія постоянно стремилась стоять на высотѣ іезуитской школьной системы, а вѣнцомъ послѣдней являлся католическій университетъ съ полнымъ комплектомъ факультетовъ [1]).

Не нашедшая себѣ почвы въ условіяхъ учебныхъ реформъ времени Екатерины II, мысль о превращеніи Кіевской академіи въ высшую общеобразовательную школу, въ университетъ, является весьма характернымъ показателемъ могущественной традиціи, которою еще продолжала питаться высшая духовная школа первой половины XVIII вѣка и сущность которой заключалась въ стремленіи объединить подъ знаменемъ церковнаго міросозерцанія и духовное и свѣтское, научное образованіе.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка кругъ просвѣтительнаго вліянія Кіевской академіи былъ особенно широкъ: ея питомцы, занимая архіерейскія каоедры въ Великороссіи, ревностно поддерживали традиціи южно-русской образованности, и для всѣхъ духовныхъ школъ первой половины XVIII столѣтія какъ въ Малороссіи, такъ и въ Великороссіи, Кіевская академія явля-

---

[1]) Слѣдуетъ еще добавить, что съ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія замѣчается стремленіе питомцевъ Кіевской академіи, особенно изъ среды зажиточныхъ казаковъ, довершать свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Рукописный сборникъ Кіево-Софійской библіотеки, № 178, л. л. 217—220. *В. С. Иконниковъ*, «Кіевъ въ 1654—1855 г.», стр. 19—20, 53—56. *Н. И. Петровъ*, «Акты и документы, относящ. къ исторіи Кіевской Академіи», т. I, ч. 1-я, стр. XXIX и № XLII.

лась высшимъ образцомъ [1]). Особенно близкимъ къ Кіевской академіи по строю и духу былъ Харьковскій коллегіумъ, который подъ внѣшними формами школы духовной выполнялъ съ большимъ успѣхомъ функціи общеобразовательной и всесословной школы. По донесенію Епифанія, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго, въ 1729 году въ Харьковской славяно-греко-латинской школѣ «поповыхъ и причетническихъ, такъ и прочихъ господскихъ и мѣщанскихъ дѣтей, слободскихъ и малороссійскихъ разныхъ городовъ, учится многое число (болѣе 500 человѣкъ), и изъ нихъ многіе уже слушаютъ философію»; отъ процвѣтанія этой школы, по словамъ епископа, «можно ожидать съ доброю надеждою пользы не только священству, но и отечеству».

По вѣдомости 1740 года соотношеніе числа учащихся изъ духовнаго и свѣтскаго званій, по отдѣльнымъ классамъ, было таково:

	Духовныхъ.	Свѣтскихъ.
Философія	12	5
Риторика	28	7
Піитика	15	8
Синтаксима	26	3
Грамматика	21	1
Инфима	20	5
Фара	29	4
Всего	151	33

Всесословный и общеобразовательный характеръ коллегіума оффиціально закрѣпленъ былъ грамотою императрицы Анны Іоанновны 1731 года, которая гласила: «а учить (въ коллегіумѣ) всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи славяно-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводи-

[1]) *Н. И. Петровъ*, „Акты и документы, относящ. къ исторіи Кіевской Академіи“, т. I, ч. I, № VI. См. еще выписку о заслугахъ Кіевской Академіи передъ русской церковью и государствомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, ibid. т. I, ч. 2-я, № XXV и XXVI.

лись на собственномъ россійскомъ языкѣ, и преподавать ученіе съ усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ св. восточныя церкви исповѣданія». Въ томъ же году былъ открытъ богословскій классъ, а при архіепископѣ Петрѣ Смѣличѣ устроены классы: французскій, нѣмецкій, математическій, геометрическій, архитектурный, историческій и географическій; для преподаванія этихъ новыхъ наукъ выписаны были иностранцы учителя. По удаленіи на покой архіепископа Петра классы новыхъ языковъ, историческій и математическій были закрыты. Въ 1765 году въ инструкціи слободскому губернатору императрицей Екатериной собственноручно прибавлена была статья, повелѣвавшая «къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ прибавить классъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики и геометріи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи». Эти классы дѣйствительно были открыты въ 1768 году, а въ 1773 году къ нимъ былъ прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки. Въ концѣ 1780-хъ годовъ общеобразовательные классы коллегіума были соединены съ харьковскимъ народнымъ училищемъ; но попытки духовной власти превратить коллегіумъ въ рядовую духовно-профессіональную школу, въ семинарію, встрѣчали рѣшительный отпоръ со стороны вліятельныхъ покровителей коллегіума, князей Голицыныхъ, отстаивавшихъ всесословный его характеръ. Въ 1785 году въ дополнительныхъ классахъ коллегіума было всего 267 человѣкъ; изъ нихъ дворянъ 120, разночинцевъ 67, духовныхъ 50. Въ исходѣ XVIII вѣка и началѣ XIX-го Харьковскій коллегіумъ являлся выдающимся просвѣтительнымъ центромъ и сфера его вліянія далеко выходила за предѣлы церковно-профессіональныхъ интересовъ. Исторія Харьковскаго коллегіума непосредственно связывается съ исторіей Харьковскаго университета, которому коллегіумъ доставилъ первыхъ студентовъ [1]).

---

[1]) *А. С. Лебедевъ*, Харьковскій коллегіумъ какъ просвѣтительный центръ Слободской украйны до учрежденія въ немъ университета, „Чтенія общества исторіи и древностей рос. при Москов. университетѣ“, 1885 г., IV. *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 320—322. *Свящ. Стеллецкій*,

Настоящей колоніей Кіевской академіи, по словамъ проф. Знаменскаго, и точной копіей своей метрополіи сдѣлалась вскорѣ и Московская академія [1]). Но въ Великороссіи духовная образованность призвана была послужить уже не тѣмъ главнымъ цѣлямъ, какъ въ южной Руси. Въ послѣдней, во времена польскаго владычества, духовная школа служила исключительно орудіемъ православной церкви въ ея борьбѣ съ господствующимъ государственнымъ вѣроисповѣданіемъ—католицизмомъ; высшею задачею школы было укрѣпленіе южно-русской паствы въ православно-церковномъ міросозерцаніи; отсюда проистекалъ ея общеобразовательный и всесословный характеръ. Иныя условія встрѣтили южно-русскую образованность въ Великороссіи. Здѣсь она должна была утратить свой независимый, боевой характеръ и подчинить свои общеобразовательныя задачи несравненно болѣе узкой цѣли, сословной организаціи духовной профессіи, цѣли, обусловленной интересами не только церковными, но и государственными.

Встрѣча традицій южно-русскаго духовнаго образованія и новыхъ цѣлей великороссійской государственно-церковной политики, естественно, должна была произойти, прежде всего, въ стѣнахъ Московской славяно-греко-латинской академіи. Пришедшая при патріархѣ Адріанѣ въ полный упадокъ, Московская академія въ первые годы XVIII столѣтія, въ протекторство Стефана Яворскаго, получаетъ новую организацію во всемъ по кіевскому образцу. Эта новая организація Московской академіи не стояла въ противорѣчіи съ принципами «привилея» 1682 года, по которымъ академія должна была явиться школой всесословной и не духовной только, но и свѣтской. Всесословный составъ учащихся академія имѣла еще до реформы Стефана Яворскаго при первыхъ своихъ наставникахъ, братьяхъ Лихудахъ. По ихъ собственному свидѣтельству, въ

Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г.. (Хар. 1895) главы V—VI. *Д. И. Багалѣй*, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I, стр. 33—37. Донесеніе еп. Епифанія въ „Полн. собр. постан. по вѣд. прав. исповѣд.“, т. VI, № 2217. Вѣдомость 1740 г. въ „Опис. докум. и бумагъ, хранящ. въ арх. Св. Синода“, т. XVI, прилож. XV.

[1]) *П. В. Знаменскій*, Духовн. школы въ Россіи, стр. 9.

академіи учились не только священники, іеродіаконы и монахи, но также «князи мальчики, стольники и всякаго чина сего царствующаго града» [1]). Реформа Стефана Яворскаго этого порядка, конечно, не измѣняла. По указу 7 іюля 1701 года Московская школа назначалась «для ученья всякаго чина людей». Но затѣмъ, въ эпоху подготовки общей реформы церковнаго управленія, появляются признаки поворота въ сторону превращенія Московской академіи въ сословную школу [2]). Къ этой цѣли направлены были два ряда мѣропріятій: ограниченіе пріема въ академію лицъ не духовнаго происхожденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, установленіе обязательности профессіональнаго образованія для духовенства.

Послѣ частныхъ узаконеній, имѣвшихъ цѣлью отклонить отъ Московской академіи дворянъ и разночинцевъ и наполнить ее дѣтьми духовнаго чина [3]), рѣшающее значеніе должны были имѣть постановленія Духовнаго Регламента. Остановимся на этихъ постановленіяхъ, правильнѣе, предположеніяхъ, касавшихся высшей духовной школы. Въ «разсужденіи» объ ученикахъ проектированной Регламентомъ академіи, отмѣтивъ, что въ нее должны присылать дѣтей протопопы, «богатшіе и иные священники», чуткій и осторожный авторъ Регламента писалъ: «можно тоежъ указать и градскимъ лучшимъ приказ-

---

[1]) *С. Смирновъ*, Исторія Моск. слав.-греко-латин. академіи, стр. 25, 70, 80 и слѣд. „Полн. собр. пост. и расп. по вѣдомству прав. исповѣд.“ т. VI, № 2135.

[2]) Проф. Владимірскій-Будановъ упрекнулъ историка академіи, г. Смирнова, въ томъ, что онъ не отмѣтилъ важнѣйшаго въ исторіи академіи момента (1715 — 1719 г.), «когда она перешла совершенно въ другой разрядъ (изъ общеобразовательнаго въ спеціальный), вслѣдствіе чего весьма трудно указать особенности въ организаціи до 1715—1719 гг. отъ общеизвѣстнаго характера ея послѣ этой эпохи». Но, какъ сейчасъ увидимъ, мѣры, направлявшіяся къ превращенію Московской академіи въ профессіональную школу, далеко не сразу достигли цѣли, и самъ проф. Владимірскій-Будановъ находитъ въ одномъ указѣ 1724 года доказательство, что Московская академія тогда «не вводилась еще въ систему духовнаго образованія». Государство и нар. образ., стр. 281, 299.

[3]) См. о нихъ *Владимірскаго-Буданова*, op. cit., стр. 111, 281. П. С. З., № 2186. „Полн. собраніе постан. по вѣд. прав. исповѣд.“, I, № 192; III, №№ 1098, 1108. Съ другой стороны, см. тамъ же (II, № 451) распоряженіе о присылкѣ въ 1716 г. въ академію 12 шляхтичей, которые должны были въ ней доучиваться.

нымъ людямъ; а о дворянѣхъ, какъ собственная воля будетъ Царскаго Величества». Проф. Владимірскій-Будановъ видитъ въ этихъ словахъ выраженіе надежды, «что та же профессія (духовная) привлечетъ и лицъ изъ другихъ классовъ». Едва ли это такъ. Намъ представлялось бы болѣе правильнымъ видѣть здѣсь выраженіе традиціи, по которой высшая духовная школа представлялась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и школой общеобразовательной, открытой для всѣхъ сословій. Далѣе Регламентъ оповѣщалъ во всеобщее свѣдѣніе, что человѣка, въ академіи ученаго и отъ академіи свидѣтельствованнаго, «на степень духовныя или *гражданскія* чести не можетъ упредить неученый», подъ угрозой великаго штрафа тѣмъ властямъ, «которыя бы инако сдѣлали». Окончившій курсъ академіи долженъ присягать на вѣрность царскому величеству и готовность «къ службѣ, до которой угоденъ есть и названъ будетъ указомъ государевымъ», или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ Регламента, студентовъ, «по совершеніи школьномъ, можно презентовать царскому величеству и по его величества указу опредѣлять оныхъ *на разныя дѣла*». О порядкѣ опредѣленія на службу лицъ, которые «по совершеніи ученія покажутся угоднѣйшіи къ дѣлу духовному», говорилось въ особой статьѣ. Совокупность всѣхъ этихъ статей объ учащихся въ академіи оставляетъ впечатлѣніе, что Ѳеофанъ Прокоповичъ представлялъ себѣ академію, какъ школу не исключительно духовно-профессіональную, но вмѣстѣ и общеобразовательную, открывавшую своимъ питомцамъ возможность выхода «къ разнымъ дѣламъ» и степенямъ службы не только духовной, но и гражданской.

Вѣрный традиціи своей almae matris, но вмѣстѣ смѣлый реформаторъ отдѣльныхъ частей ея курса, Ѳеофанъ Прокоповичъ очень широко ставилъ учебный планъ высшей духовной школы. Послѣдній слагался изъ семи основныхъ, послѣдовательно проходимыхъ, группъ предметовъ: 1) грамматики купно съ географіею и исторіею, 2) ариѳметики и геометріи, 3) логики или діалектики, 4) риторики купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ, 5) физики вмѣстѣ съ краткой метафизикой, 6) политики краткой Пуффендорфовой («аще она потребна судится быти») и, наконецъ, 7) богословія; на каж-

дый изъ первыхъ шести предметовъ отводилось по одному году, на богословіе два года. Къ этому основному курсу присоединялись языки: прежде всего, конечно, латинскій, а также греческій и еврейскій, «есть ли будутъ учители». Этотъ учебный планъ значительно отступалъ отъ кіевскаго образца. Прежде всего онъ сокращалъ общую продолжительность курса академіи на 5 лѣтъ. Тогда какъ курсъ Кіевской академіи до богословія проходился обычно въ 8 лѣтъ, Ѳеофанъ отводилъ на него 6 лѣтъ, а курсъ богословія сокращалъ вдвое (съ 4 до 2 лѣтъ). Но особенно важно, что въ проектѣ Ѳеофана рѣзче выступаютъ свѣтскія науки, тонувшія дотолѣ въ пучинахъ схоластической философіи: исторія и географія, математика, физика, политика. Въ Кіевской академіи первой половины XVIII вѣка географія и исторія не были самостоятельными предметами преподаванія; историческія и географическія свѣдѣнія были нужны студентамъ лишь въ цѣляхъ «эрудиціи», необходимой для риторическихъ упражненій; и пріобрѣтались эти свѣдѣнія обычно путемъ самостоятельнаго чтенія и лишь въ видѣ исключеній излагались преподавателемъ. Въ проектѣ Ѳеофана значеніе обоихъ этихъ предметовъ повышается, усвоенію ихъ придается, до нѣкоторой степени, систематическій характеръ, хотя они все-таки еще не вполнѣ самостоятельные предметы курса. Математика, составлявшая отдѣлъ естественной философіи, опускалась въ данное время всѣми преподавателями Кіевской академіи, за исключеніемъ Ѳеофана. Онъ былъ первымъ преподавателемъ, постаравшимся объединить въ одинъ самостоятельный курсъ отдѣльныя части математики. Въ проектѣ Духовнаго Регламента ариѳметика и и геометрія выдѣлены въ особый классъ. Тоже нужно сказать о физикѣ, преподаванію которой въ Кіевской академіи опять-таки самъ Ѳеофанъ старался дать болѣе научный характеръ. Отмѣчая въ своемъ проектѣ вмѣстѣ съ риторикой «стихотворное ученье», Ѳеофанъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду совершенную имъ и въ постановкѣ этого предмета важную реформу, имѣвшую цѣлью поставить его на научное основаніе и сообщить ему болѣе живой, общественный интересъ. Наконецъ, совершенной новостью въ курсѣ духовной школы

должна была явиться «политика», почерпнутая притомъ изъ столь чуждаго академической схоластикѣ источника, какъ философія права Пуффендорфа[1]).

При академіи Ѳеофанъ намѣревался устроить особое воспитательное заведеніе, «семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымышлено не мало во иноземныхъ странахъ». Нѣкоторыя черты режима этого семинаріума показываютъ, что при его устройствѣ также имѣлись въ виду не одни воспитанники, готовящіеся исключительно на службу церкви. Заботясь, чтобы строгій интернатъ не показался молодымъ людямъ «житіемъ стужительнымъ и заключенію плѣнническому подобнымъ», Ѳеофанъ предполагалъ устраивать для семинаристовъ такія развлеченія, «которыя съ потѣхою подаютъ полезное нѣкое наставленіе», напримѣръ, «водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и прочая». Дважды въ годъ или чаще должны устраиваться «нѣкія акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи», пріучающія молодыхъ людей «къ наставленію и къ резолюціи, сіесть честной смѣлости, каковыя требуетъ проповѣдь слова Божія и *дѣло посольское*». На ежедневной трапезѣ полагается чтеніе «ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ», а въ началѣ каждаго мѣсяца чтеніе «исторій о мужахъ, во ученіи просіявшихъ, о церковныхъ великихъ учителяхъ, также о древнихъ и нынѣшнихъ философахъ, астрономахъ, риторахъ, историкахъ и проч.».

Такъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, врагъ «привидѣннаго и мечтательнаго ученья», старался провести въ своемъ проектѣ высшей духовной школы тѣ начала, на которыя онъ опирался, какъ видный реформаторъ традиціонной академической схоластики. Новыя черты, оттѣняющія проектированную имъ академію отъ Кіевскаго образца, сообщаютъ этой академіи

---

[1]) *Д. Вишневскій*, op. cit. („Труды Кіев. дух. акад.“, 1902 г., окт., май; 1903 г., іюнь). Для общеобразовательныхъ предметовъ или „внѣшнихъ наукъ“, т. е. языковъ, философіи, юриспруденціи, исторіи и проч. Ѳеофанъ находилъ нужнымъ обратиться къ иностраннымъ преподавателямъ. *П. Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., т. 1. (Спб. 1862), стр. 563.

болѣе научный и болѣе свѣтскій характеръ. Тогда какъ Кіевская академія, помимо своего прямого профессіональнаго назначенія, сыграла крупную роль въ исторіи общей образованности юго-западной Россіи, академія, предположенная Духовнымъ Регламентомъ, должна была приспособиться къ новымъ государственнымъ интересамъ, которымъ подчинялась, подъ искуснымъ перомъ Ѳеофана Прокоповича, вся вообще реформа церковнаго управленія.

Чѣмъ бы ни руководствовался Ѳеофанъ Прокоповичъ, смягчая и сглаживая религіозную исключительность и схоластическую односторонность высшей духовной школы, тѣмъ ли, какъ полагаетъ проф. Знаменскій, что онъ яснѣе своихъ современниковъ сознавалъ весь вредъ односторонняго религіознаго образованія, или желаніемъ приспособиться къ господствующей тенденціи государственной пользы, которой должны были подчиняться, въ большей или меньшей степени, всѣ просвѣтительныя начинанія того времени, во всякомъ случаѣ нельзя не признать совершенно правильнымъ мнѣніе того же ученаго, что, судя по Духовному Регламенту, «правительство, вводя духовное образованіе, попрежнему думало, въ случаѣ надобности, пользоваться учениками духовныхъ школъ для своей собственной службы на разныхъ поприщахъ» [1]).

Но вернемся къ Московской академіи, которая въ теченіе всего XVIII вѣка оставалась единственной высшей духовной школой для Великороссіи [2]). Отъ 1726 года сохранилось

---

[1]) Духовныя школы, стр. 61, 63, 64, 72—73.

[2]) Предположенное Духовн. Регламентомъ учрежденіе академіи въ Петербургѣ не состоялось. Самъ Ѳеофанъ не совѣтовалъ до поры до времени учреждать „академіи великой и свободной“. Въ проектѣ 1721 г. о семинаріи, т. е. „о училищномъ домѣ отроческомъ“ онъ писалъ: „когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученныхъ въ немъ явятся изрядные учители, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять“. *П. Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел., т. I, стр. 563. Отчасти только былъ выполненъ и указъ 31 января 1724 г. объ учрежденіи въ Петербургѣ и Москвѣ двухъ семинарій, уже какъ учебныхъ, а не воспитательныхъ заведеній. По поводу этого послѣдняго указа, игнорировавшаго Московскую академію, проф. Владимірскій-Будановъ и замѣтилъ, что послѣдняя не вводилась еще въ систему духовныхъ училищъ. П. С. З., № 4450. *Влад.-Будановъ*, op. cit., стр. 298—299.

извѣстіе, не оставляющее, повидимому, сомнѣнія въ томъ, что Московская академія сдѣлалась, дѣйствительно, сословно-профессіональной духовной школой. Въ этомъ году было прислано въ академію изъ Герольдмейстерской конторы значительное число дворянскихъ недорослей для помѣщенія въ славяно-русскую школу, но ректоръ академіи Гедеонъ отказался ихъ принять на томъ основаніи, что «въ той школѣ происходятъ во ученіи токмо духовныхъ персонъ дѣти, которые бъ могли въ духовный чинъ происходить». Это авторитетное заявленіе оказалось, однако, нѣсколько преждевременнымъ. Въ 1728 году, по требованію Коллегіи Экономіи, ей была доставлена вѣдомость о составѣ и успѣхахъ учащихся въ академіи. Данныя этой вѣдомости представляютъ большой интересъ; группируемъ ихъ въ слѣдующихъ таблицахъ:

Въ богословскомъ классѣ:

Поповыхъ дѣтей . .	3 чел.
Шляхетскій. . . .	1 »
Польской націи купеческій	2 »
Польской націи неизв. чина	1 »
Польской націи шляхтича	2 »
Мастеровой. . . .	1 »
Итого .	10 чел.

Въ философскомъ классѣ:

Поповъ сынъ малорос. націи . . .	1 чел.
Купеческихъ . . .	1 »
Поповыхъ. . . .	3 »
Іеродіаконовъ. . .	1 »
Дьячковскій сынъ .	1 »
Математ. школы учителя сынъ . . .	1 »
Солдатскій . . .	1 »
Подъяческій . . .	1 »
Иноземскій . . .	1 »
Итого .	11 чел.

Въ риторикѣ:

Поповыхъ дѣтей . .	7 чел.
Дьяконовыхъ . . .	3 »
Церковничій . . .	1 »
Подъяческихъ . . .	3 »
Купеческій	1 »
Отдаточнаго двора сторожа	1 »

Въ піитикѣ:

Поповыхъ дѣтей. .	10 чел.
Дьяконовыхъ . . .	9 »
Церковничьихъ . .	9 »
Пѣвческій. . . .	1 »
Шляхетскій . . .	1 »
Купецкій	1 »
Мастеровыхъ . . .	2 »

Типографскихъ наборщика	1 чел.
Монастыр. служки .	1 »
Боярскихъ людей . .	2 »
Малорос. казака . .	1 »
Солдатск. дѣтей . .	4 »
Итого .	25 чел.

Подъяческихъ . . .	2 чел.
Боярскихъ людей .	4 »
Монаст. служки . .	1 »
Крестьянскихъ . .	2 »
Солдатскихъ . . .	23 »
Итого .	65 чел.

Въ синтаксимѣ:

Поповыхъ дѣтей . .	8 чел.
Дьяконовыхъ . . .	2 »
Церковничьихъ . .	5 »
Іеродіаконовъ . . .	3 »
Подъяческихъ . . .	3 »
Порутчиковъ сынъ .	1 »
Шляхетскій	1 »
Дворцовыхъ служителей	2 »
Мастеровыхъ . . .	2 »
Портупейн. двора ученика сынъ . . .	1 »
Боярскихъ людей . .	5 »
Монастыр. служки .	1 »
Крестьянъ	2 »
Солдатскихъ . . .	31 »
Купеческихъ . . .	2 »
Итого .	69 чел.

Въ грамматикѣ:

Поповыхъ дѣтей . .	11 чел.
Дьяконовыхъ . . .	1 »
Церковничьихъ . .	6 »
Архіерейскаго служителя	1 »
Подъяческихъ. . .	3 »
Посадскихъ . . .	2 »
Боярскихъ людей .	4 »
Мастеровыхъ . . .	3 »
Крестьянскихъ . .	3 »
Солдатскихъ . . .	22 »
Итого .	56 чел.

Въ инфимѣ:

Поповыхъ дѣтей . .	8 чел.
Дьяконовыхъ . . .	1 »
Церковничьихъ. . .	1 »
Шляхетскихъ . . .	1 »
Подъяческихъ . . .	4 »
Иноземческій . . .	1 »
Купецкій	1 »

Въ фарѣ:

Поповыхъ дѣтей . .	12 чел.
Дьяконовыхъ . . .	1 »
Церковничьихъ . .	7 »
Капитанскій . . .	1 »
Иноземческій . . .	1 »
Лекарскій	1 »
Подъяческихъ . .	6 »

Приказн. сторожа .	1 чел.	Приказн. сторожа .	1 чел.
Польской націи . .	2 »	Денежн. мастера . .	1 »
Живописцевъ . . .	1 »	Монастырскихъ слу-	
Наборщика	1 »	жекъ	2 »
Тередорщика . . .	1 »	Купецкихъ. . . .	3 »
Токаря	1 »	Дворцовыхъ служи-	
Плотника	1 »	телей	3 »
Лекарскій	1 »	Боярск. людей . .	4 »
Суконщика	1 »	Богадѣл. нищихъ . .	2 »
Шляпн. мастера . .	1 »	Тередорщика . . .	1 »
Школьникъ (sic!) . .	1 »	Солдатскихъ . . .	17 »
Дворц. служителя. .	3 »		
Боярскихъ людей . .	6 »	Итого .	63 чел.
Солдатскихъ . . .	23 »		
Итого .	61 чел.		

Представляя эту вѣдомость Синоду, Коллегія Экономіи высказала мнѣніе, что солдатскихъ дѣтей, обуча, слѣдуетъ отослать въ полки, а впредь принимать лишь тѣхъ, о которыхъ будетъ увѣдомленіе, что они въ службу ненадобны; помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ «отставить» и впредь не принимать; «а обучать во оной школѣ надлежитъ изъ шляхетскихъ и изъ церковно-служительскихъ и изъ приказныхъ всякаго званія и мастеровыхъ свободныхъ людей дѣтей, въ которыхъ имѣетъ быть польза, съ такимъ утвержденіемъ, чтобъ обучась всей надлежащей на славяно-греко-латинскомъ діалектѣ наукѣ, отъ той школы, кромѣ тѣхъ, которые явятся непонятны и отгулливы, собою не отбывать, для того, что многіе, не обучась, получая денежное жалованье, отъ той школы отстаютъ собою». Синодъ согласился съ мнѣніемъ коллегіи и въ 1728 году (7 іюня) состоялся синодскій указъ, чтобы обрѣтающихся въ школахъ московской славяно-греколатинской академіи солдатскихъ дѣтей, обуча, отослать въ полки на службу и впредь принимать лишь тѣхъ, относительно которыхъ дано будетъ оффиціальное удостовѣреніе, что они нынѣ и впредь въ полки ненадобны; «а помѣщиковыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей, также непонятныхъ и злонрав-

ныхъ, отъ упомянутой школы отрѣшить и впредь таковыхъ не принимать» [1]).

Тѣмъ не менѣе и въ послѣдующее время Московская академія продолжала оставаться типичной разночинской школой. Вотъ составъ ея учениковъ по вѣдомости 1730 года:

Священническихъ дѣтей	37	Грековъ	1
Діаконскихъ	14	Лекарскихъ	4
Монаховъ	3	Богадѣленныхъ	4
Церковническихъ	23	Цифирной науки учительскій сынъ	1
Подъяческихъ	19	Монастырскаго слуги сынъ	1
Иноземческой природы	1	Стряпчихъ	2
Мастеровыхъ	25	Солдатскихъ (до указа 1728 г.)	67
Посадскихъ	13	Безъ жалованья	13
Дворцовыхъ людей	9		
Шляхетскихъ дѣтей	4		
Польской націи	4		

Всего 236 человѣкъ.

Въ то же время ректоръ академіи Мегалевичъ жаловался, что священники, дьяконы и причетники отдаютъ своихъ дѣтей въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе, «отчего оная Академія учениками оскудѣла и къ дѣламъ Ея Величества опредѣлять будетъ некого». Синодъ отвѣтилъ на эту жалобу 13 сентября 1731 года постановленіемъ, чтобы духовенство отдавало дѣтей въ Московскую академію въ надѣжду священства «безъ всякаго отлагательства и отговорокъ, а въ подъячіе по коллегіямъ и канцеляріямъ, также и въ другіе чины, отнюдь не отдавать подъ лишеніемъ чиновъ и безпощаднымъ наказаніемъ» [2]). Но и это грозное постановленіе не сразу возымѣло дѣйствіе. Въ 1732 году начальство академіи жаловалось, что въ ней «число учениковъ зѣло умалилось и ученіе распространеніемъ пресѣкается» по той при-

---

[1]) *Смирновъ*, op. cit., стр. 113. *Знаменскій*, op. cit., стр. 292. „Исторія россійской іерархіи“, т. I, стр. 429. „Полн. собр. постан. по вѣдомству прав. исповѣд.“, т. VI, № 2135.

[2]) „Описаніе докум. и дѣлъ архива Св. Синода“, т. X, № 378. „Полн. собр. постан. по вѣд. прав. исповѣд“., т. VII, №№ 2488, 2627.

чинѣ, что духовенство своихъ дѣтей въ академію не отдаетъ, а солдатскихъ, помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ и крестьянскихъ дѣтей принимать запрещено» [1]).

Съ другой стороны сами правительственныя учрежденія поддерживали взглядъ на Московскую академію, какъ на общеобразовательную школу для дворянъ. Уже извѣстный намъ фактъ оффиціальной «присылки» цѣлой партіи дворянскихъ недорослей въ академію повторился еще нѣсколько разъ. Въ 1736 году, по опредѣленію Сената, въ академію поступило сразу 158 дворянскихъ дѣтей, въ ихъ числѣ князья Оболенскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Голицыны, Долгорукіе, Мещерскіе. Въ слѣдующемъ году опять «прислано было» въ академію большое число дворянскихъ недорослей; изъ нихъ 73 человѣкамъ, оказавшимся слишкомъ молодыми, поступленіе въ академію было отсрочено до достиженія 12-ти лѣтняго возраста, откуда можно заключить, что дворянскіе недоросли поступали въ академію не только для элементарнаго обученія [2]). Эти факты опредѣленія въ Московскую академію цѣлыхъ партій дворянскихъ недорослей можно, кажется, поставить въ связь съ новою системою образованія для дворянства, установленной какъ разъ въ 1736—1737 годахъ. Предоставляя дворянской молодежи получать образованіе дома, до 20-лѣтняго возраста, подъ условіемъ періодическихъ экзаменовъ, правительство уже не могло и на обученіе въ академіи смотрѣть, какъ на средство уклоненія дворянъ отъ высшаго профессіональнаго образованія. Низшіе и средніе классы академіи, безъ сомнѣнія, могли дать лучшее образованіе, чѣмъ домашніе наставники первой половины XVIII вѣка. И теперь само правительство посылаетъ дворянъ въ академію, конечно, въ цѣляхъ подготовительнаго общаго, а не профессіонально-духовнаго образованія.

Наконецъ, отъ 1744 года имѣемъ оффиціальное свидѣтельство, что въ Московской академіи обучались не одного духовнаго, но и «всякаго чина людей дѣти». Впрочемъ, число

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, стр. 113.
[2]) *Смирновъ*, стр. 107, 179.

учениковъ разночинцевъ въ академіи въ это время было уже очень не велико. Въ 1748 году академія могла выслать въ медицинскую школу только 8 человѣкъ разночинцевъ, и затѣмъ докторъ Бидлоо просилъ у Сената дозволенія вызывать изъ академіи учениковъ духовнаго происхожденія, такъ какъ разночинскихъ дѣтей въ ней больше уже не было [1]).

Взглядъ правительства на Московскую академію, какъ на школу не только духовно-сословную, но также общеобразовательную, характерно выражался также въ принудительномъ, до окончанія курса, опредѣленіи ея воспитанниковъ на разныя службы и въ переводѣ ихъ въ спеціальныя школы. Этотъ пріемъ практиковался по отношенію ко всѣмъ общеобразовательнымъ школамъ первой половины XVIII вѣка, и во всѣхъ случаяхъ онъ приводилъ къ одинаково печальнымъ послѣдствіямъ. Въ данномъ случаѣ правительство, вырывая изъ академіи ея питомцевъ и въ одиночку и цѣлыми партіями до окончанія курса, для разныхъ спеціальныхъ обученій и службъ, шло прямо въ разрѣзъ требованію Духовнаго Регламента не выпускать учениковъ духовной школы до полнаго окончанія курса, и сильно затрудняло Московской академіи достиженія ея прямыхъ цѣлей.

Въ 1721 году начальство академіи входило въ Синодъ съ такимъ представленіемъ: «некому учениковъ, которыхъ по указу государеву велѣно *со всякаго чина* принимать, беречь, чтобъ, взявъ его государево жалованье, не бѣгали отъ школъ и бѣглецовъ взыскивать и пребывающихъ во ученіи защищать, чтобъ никто не имѣлъ власти отнимать ихъ, по различнымъ приказамъ таскать, кромѣ подлиннаго государева указу, откуду надлежитъ полученнаго». Постоянное комплектованіе учениками Московской академіи школы при Московскомъ госпиталѣ подавало даже поводъ къ мнѣнію, «аки бы оная академія устроена была ради единой оной госпитали и оной же во опредѣленіи учениковъ подчинена» [2]).

---

[1]) *Знаменскій*, стр. 289.

[2]) „Полн .собр. постан. по вѣд. прав. исповѣд.“, т. I, № 139; т. IV, № 1164, 1209, т. VI, № 2106, 2263.

Въ 1735 году ректоръ академіи Стефанъ прислалъ въ Св. Синодъ такое, исполненное горечи, донесеніе: «не многіе доходятъ до богословія; ибо иные посылаемы бываютъ въ С.-Петербургъ для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи, иные въ Астрахань для наставленія калмыковъ и ихъ языка познанія, иные въ Сибирскую губернію съ дѣйствительнымъ штатскимъ совѣтникомъ Василіемъ Татищевымъ, иные въ Оренбургскую эспедицію съ штатскимъ же совѣтникомъ Иваномъ Кирилловымъ, иные же берутся и въ московскую типографію и въ монетную контору, многіе же и бѣгаютъ, которыхъ и сыскать невозможно; еще же суть, что и по разнымъ приказамъ принимаются, а искомые укрываются, а отъ другихъ вопрошены, для чего бѣгаютъ, говорятъ: искать де хлѣба и мѣста за времени, понеже де мало видимъ тыхъ, которіи по совершеніи теченія наукъ своихъ угодное какое пристанище получаютъ; а что паче всего есть, что которіи ученики по многотрудныхъ въ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ, чрезъ два, три и четыре лѣта около ихъ тщаніяхъ и прилежностяхъ, въ піитику уже, риторику и философію поступятъ, а остроумнѣйшіе и надежнѣйшіе покажутся, тотчасъ московскія гошпитали учениками, яко своими друзьями, понеже изъ московскихъ же латинскихъ школъ туды переведеными, для довольнѣйшаго, честнѣйшаго въ гошпитали, нежели въ академіи, ученическаго состоянія и содержанія, удобно наговорены, повсягодно въ московскую гошпиталь опредѣляются и отсылаются, а въ московской славяно - греко - латинской академіи почти самое остается дрождіе» [1]).

Составомъ учащихся въ Московской академіи первой половины XVIII вѣка опредѣлялась на практикѣ и относительное значеніе отдѣльныхъ ея классовъ. Съ точки зрѣнія со-

---

[1]) *Смирновъ*, op. cit. стр. 224. На просьбу Академіи наукъ о присылкѣ воспитанниковъ Московской академіи, начальство послѣдней отвѣчало жалобой на недостатокъ студентовъ въ высшихъ классахъ: „малости учениковъ въ высшихъ школахъ, наипаче въ философіи и богословіи та причина, что до тѣхъ школъ мало доходятъ“ и удаляюгся въ другія школы. „Описаніе документовъ архива Св. Синода“, т. XV, № 357.

словно - профессіональнаго назначенія академіи ея низшіе и средніе классы были только подготовительными ступенями къ высшему, богословскому курсу, въ которомъ заключалась вся сущность академическаго образованія. На практикѣ дѣло обстояло, какъ мы теперь видимъ, иначе. Духовенство крайне неохотно отдавало своихъ дѣтей въ академію, конечно, потому, что считало совершенно лишнимъ для своихъ профессіональныхъ нуждъ высшее богословское образованіе. Дворянскіе недоросли поступали въ академію только для общаго образованія и не доходили до богословскаго курса. Разночинцевъ само правительство сплошь и рядомъ извлекало изъ низшихъ и среднихъ классовъ для опредѣленія въ разную службу. Въ результатѣ вся жизнь академіи отливала иногда въ низшіе и средніе классы, а до высшаго, богословскаго курса добирались лишь очень немногіе, да и то не цвѣтъ учащагося юношества, а «самое дрождіе», по образному выраженію ректора Стефана [1]).

Дѣйствительное обращеніе Московской академіи въ сословно-профессіональную школу совершилось уже во вторую половину столѣтія, въ «платоновскую» эпоху. Послѣ указа 1769 года, дозволившаго принимать въ академію изъ свѣтскихъ лицъ только дѣтей типографскихъ служителей, извѣстенъ только одинъ случай поступленія въ академію свѣтскаго лица, но и то на правахъ вольнослушателя [2]). Въ эту же эпоху устанавливается и болѣе равномѣрное распредѣленіе учениковъ по низшимъ и высшимъ классамъ,—признакъ того, что академія представляла теперь уже органически цѣльную школу, весь курсъ которой въ цѣломъ направленъ къ единой цѣли.

Опредѣливъ роль высшихъ духовныхъ школъ, академій, въ общей исторіи школьнаго образованія первой половины

---

[1]) Данныя о распредѣленіи учениковъ Московской академіи по классамъ см. у *Смирнова*, op. cit., стр. 181 (за 1717—1770 г.г.), *Знаменскаго*, op. cit., стр. 133 (за 1727 г.); „Описаніе документ. и дѣлъ архива Св. Синода“, т. III (за 1722—23 г.), т. X, прилож. № XXIX (за 1730 г.), т. XVI, прил. № XXXVIII (за 1736 г.); „Полн. собраніе постан. по вѣдом. прав. исповѣд.“, т. VI, № 2135 (за 1728 г.).

[2]) *Знаменскій*, op. cit., стр. 553.

XVIII столѣтія, мы можемъ не останавливаться на подробностяхъ исторіи низшихъ и среднихъ духовныхъ училищъ, такъ называемыхъ «архіерейскихъ школъ» и семинарій. Ограничимся немногими характерными фактами. Представляя собою, по составу своего учебнаго курса, низшіе и средніе классы духовной академіи, эти училища также лишь послѣ долгихъ колебаній выработались въ спеціальный типъ духовной профессіональной школы.

Школы, возникавшія до Духовнаго Регламента, по иниціативѣ мѣстныхъ архіереевъ, въ большинствѣ были школами элементарными. Въ лучшихъ изъ нихъ учились дѣти и не духовнаго званія. Въ знаменитую новгородскую школу, основанную митрополитомъ Іовомъ, само правительство въ 1715 г. опредѣляло цѣлыми партіями безграмотныхъ дворянскихъ недорослей, которыхъ за два года набралось 102 человѣка. Митрополиту сибирскому Филоѳею самъ царь въ 1702 году выражалъ желаніе, чтобы въ учрежденной въ Тобольскѣ славяно-русской школѣ «и людей мірскихъ учили» [1]).

Духовный Регламентъ, давъ новый толчокъ распространенію архіерейскихъ школъ, не измѣнилъ ихъ общаго характера. Насколько основательно и подробно Ѳеофанъ Прокоповичъ изобразилъ планъ высшей духовной школы, настолько же поверхностно коснулся онъ архіерейскихъ школъ въ главѣ о «дѣлахъ епископовъ» (пункты 9—11). Эти школы, учреждаемыя при домахъ епископскихъ «для дѣтей священническихъ или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ», Духовный Регламентъ представлялъ, какъ школы элементарныя: на каждую школу опредѣлялся одинъ учитель, умный и честный, «который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что́ хотя нужное, обаче еще недовольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть»; учебными руководствами должны служить двѣ книжицы, одна о догматахъ вѣры, другая о должностяхъ всякихъ чиновъ, «когда таковыя книжицы изданы будутъ». Ученики, показавшіе тупость, развращенность, упрямство и непобѣдимую лѣность лишаются

[1]) *Знаменскій*, op. cit., стр. 25.

«всей надежды чина священническаго»; а епископъ, поставившій неученаго въ школѣ человѣка въ священники или въ монахи, подлежитъ наказанію отъ духовнаго коллегіума.

Элементарный характеръ архіерейскихъ школъ ясно подтвержденъ былъ синодскимъ указомъ 31 мая 1722 года: «понеже совершеннѣйшихъ ученій, богословскаго и философскаго, такоже и нужнѣйшихъ языковъ искусства, еще за скудость довольныхъ къ тому учителей, предавать невозможно; того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ»; послѣ букварей предписывалось изучать словенскую грамматику, «и о томъ грамматическомъ ученіи все прилежное имѣть тщаніе, дабы тое во общую пользу вездѣ размножилося»; затѣмъ «неизлишне» обучать и ариѳметикѣ, «и этого ученія тщать не оставлять, но и о томъ усердно радѣть»; наконецъ, слѣдуетъ позаботиться и о преподаваніи нужнѣйшей части геометріи, «дабы они (учителя архіерейскихъ школъ) обѣихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны и тѣмъ объ опредѣленіи, т. е. и прежде состоявшіеся о ариѳметическомъ и геометрическомъ ученіи Е. И. В. указы и изложенное на томъ о свойственной наукѣ синодальное установленіе исполнили бъ». Итакъ, обязательная подготовка къ духовной службѣ ограничена была кругомъ элементарнаго обученія, а архіерейской школѣ указывалась цѣль— сблизиться съ свѣтскими цыфирными школами и, въ качествѣ элементарныхъ школъ, служить «во общую пользу», «церкви и гражданству». Такая роль дѣйствительно исполнялась архіерейскими школами, и само свѣтское правительство не протестовало противъ отдачи въ нихъ дѣтей свѣтскаго званія, подъ условіемъ, чтобы ученіе въ архіерейскихъ школахъ для свѣтскихъ учениковъ не было средствомъ уклоненія отъ службы или отъ высшаго спеціальнаго образованія. Когда Ѳеодосій Яновскій въ 1723 году выступилъ съ проектомъ обратить грамматическое ученье, принятое въ новгородскихъ духовныхъ школахъ, въ орудіе общаго всесословнаго образованія въ виду того, «что свѣтскіе обыватели дѣтей своихъ по прежнему обу-

чаютъ невѣждами», то Сенатъ издалъ указъ, чтобы грамматисты не принимали въ обученіе свѣтскихъ дѣтей свыше 15-ти лѣтняго возраста, дабы они, подъ предлогомъ школьнаго ученья, не уклонялись отъ смотровъ и государственной службы. При такихъ условіяхъ и стало возможнымъ состоявшееся было вскорѣ рѣшеніе соединить съ элементарными архіерейскими школами свѣтскія цыфирныя школы [1]).

Какъ замѣтилъ проф. Знаменскій по поводу указа 31 мая 1722 года, «послѣ широкихъ проектовъ Духовнаго Регламента волей-неволей пришлось поворотить назадъ, чуть не къ старому, до-петровскому идеалу обученнаго человѣка, ограничивъ требованія въ дѣлѣ подготовки кандидатовъ на церковное пастырство одною грамотностью, да изученіемъ начатковъ православнаго ученья и ариѳметики. Что же касается до самой практики духовныхъ школъ, то она отставала даже и отъ этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ требованій». Ограничить подготовку пастырей столь низкимъ уровнемъ образованія вынуждалъ недостатокъ въ учителяхъ и въ матеріальныхъ средствахъ. Но тамъ, гдѣ просвѣщенной энергіи мѣстныхъ архіереевъ удавалось преодолѣть эти препятствія, архіерейскія школы болѣе или менѣе возвышались надъ уровнемъ элементарнаго образованія и приближались, хотя бы временно, къ среднимъ ступенямъ высшей духовной школы. Самъ авторъ Духовнаго Регламента устроилъ въ 1721 году на собственныя средства въ Петербургѣ школу для бѣдныхъ дѣтей всякаго званія, которую по составу курса можно назвать общеобразовательной средней школой; въ ней преподавались: Законъ Божій, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, реторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія, рисованіе; а въ числѣ ея учителей значились такія ученыя имена, какъ Адамъ Селлій и академикъ Байеръ. По смерти Ѳеофана эта школа закрылась. Нижегородская школа, устроенная энергичнымъ епископомъ Питиримомъ въ 1721 году, кромѣ букварнаго и славянскаго классовъ, имѣла еще «елли-

---

[1]) П. С. З. № 4021. *Знаменскій*, op. cit., стр. 113—116, 126. „Полн. собр. постан. по вѣд. прав. испов.“, т. II, №№ 596, 648; III, № 1131; IV, № 1262.

но-греческій». Въ знаменитой новгородской школѣ при преемникѣ м. Іова, Ѳеодосіи Яновскомъ, заведено было изученіе латинскаго и греческаго языковъ, славянской риторики; греческій языкъ, риторика преподавались даже въ нѣкоторыхъ «малыхъ» школахъ, группировавшихся около новгородской. Наконецъ, сравнительною высотою своею курса выдавались южно-русскія школы въ силу своей традиціонной близости къ главному источнику духовнаго образованія на Руси, Кіевской академіи. Такъ курсъ Черниговскаго коллегіума поднимался до риторики включительно и былъ копіей курса съ Кіевской академіи [1]).

Изъ такихъ лучшихъ архіерейскихъ школъ, стремившихся, по мѣрѣ силъ и средствъ, какими располагали ихъ устроители и руководители, подняться до высшихъ ступеней законченнаго круга богословскаго образованія, и выработался, наконецъ, господствующій типъ русской пастырской школы — духовная семинарія. Достаточно ясно опредѣлился этотъ типъ духовной школы въ 1730-хъ годахъ, въ эпоху настойчиваго и порою жестокаго осуществленія обязательности профессіональнаго образованія для духовной молодежи, «дабы неученыхъ въ духовныхъ чинахъ уже не было». Въ основѣ своей курсъ духовной семинаріи былъ точной, хотя въ большинствѣ случаевъ далеко не полной, копіей курса духовныхъ академій, кіевской и московской. Но изъ 26 семинарій учрежденныхъ къ 1764 году, ко времени новой общей реформы духовнаго образованія, только 8, по счету проф. Знаменскаго, имѣли полные курсы, съ философіей и богословіемъ во главѣ; затѣмъ 3 имѣли одинъ философскій классъ; курсъ остальныхъ поднимался не выше риторики. Несмотря на тенденцію сосредоточить курсъ духовныхъ семинарій на наукахъ, «святой церкви потребныхъ и наипаче духовному чину приличныхъ», на болѣе или менѣе случайное появленіе въ ихъ курсѣ такихъ общеобразовательныхъ предметовъ, какъ математика, исторія и географія, курсъ большинства семинарій, именно семи-

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 298—312. *Знаменскій*, op. cit., стр. 95 и слѣд. *Петровъ*, „Акты и документы", т. II, ч. 2-я, № XXVII: вѣдомость о состояніи архіерейскихъ школъ въ 1730 г.

нарій не полнаго состава, не имѣлъ строго выдержаннаго спеціальнаго характера. Этотъ курсъ, достигавшій риторики или философіи, въ законченномъ циклѣ богословскаго образованія занималъ мѣсто формально подготовительнаго, общеобразовательнаго фундамента. Составлявшая его совокупность дисциплинъ грамматическихъ, риторическихъ и философскихъ, по существу общеобразовательныхъ, но по традиціи являвшихся специфической принадлежностью именно духовнаго образованія, можно поставить въ аналогію съ такъ называемыми «шляхетскими» науками въ области свѣтскаго дворянскаго образованія. Недостатокъ опредѣленнаго уровня, до котораго должно было подниматься семинарское образованіе, вызвалъ въ 1745 году интересную попытку точно разграничить курсы высшей школы—академіи и средней—семинаріи. Въ этомъ году (14 іюня—27 августа) Синодъ опредѣлилъ, чтобы Московская славяно-греко-латинская академія, которая «не инако, какъ государственною состоитъ академіею и содержится на особливой, нысочайшими указами опредѣленной суммѣ», была средоточіемъ высшаго богословскаго образованія; въ ней должны преподаваться: богословіе, философія, географія, греческій и еврейскій языки. Принимать въ академію должно изъ епархіальныхъ семинарій лишь тѣхъ учениковъ, «которые по изученіи нижнихъ наукъ даже до философіи, въ понятіи и остроуміи за лучшихъ и къ продолженію высшихъ наукъ надежные усмотрятся, и для того-бъ во всѣхъ епаршескихъ семинаріяхъ однѣхъ только нижнихъ наукъ обучать» [1]). Это чрезвычайно важное принципіальное постановленіе формально, какъ кажется, не было приведено въ исполненіе. Но какъ архіерейскія школы до 1730-хъ годовъ были не только профессіональными, но и элементарными общими школами, такъ и духовныя семинаріи средины XVIII столѣтія, въ большинствѣ случаевъ не достигая уровня высшаго

---

[1]) *Знаменскій*, op. cit., стр. 185, 450—451, 462—464. *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 312—320. Вѣдомости о семинаріяхъ въ 1745 и 1746 г. въ „Описаніи докум. архива Св. Синода“, т. XXV, № 93 и „Актахъ и документахъ, относящ. къ исторіи Кіевской Академіи“, т. I, ч. 2-я, № 28. Описаніе документ. и дѣлъ архива Св. Синода, т. XXXI, № 145.

богословскаго образованія, сыграли видную роль, именно какъ среднія общеобразовательныя школы. Ни одна, можно сказать, высшая школа XVIII и первой четверти XIX вѣка, кромѣ сословныхъ дворянскихъ, не могла стать на ноги, не обезпечивъ себѣ нѣкотораго состава учащихся изъ питомцевъ духовныхъ семинарій.

Прослѣдивъ главные моменты исторіи профессіональнаго образованія въ первую половину XVIII вѣка, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Совокупность сложившихся за это время отраслей профессіональнаго образованія не составляла строго выдержанной, планомѣрной и неизмѣнной системы. Какъ всѣ преобразовательныя культурныя начинанія петровской эпохи, насажденіе профессіональнаго образованія не исходило изъ опредѣленнаго, заранѣе обдуманнаго плана, а развивалось въ зависимости отъ измѣнявшихся потребностей государства и условій общественнаго строя. Первыя, пущенныя въ ходъ Петромъ Великимъ, средства подготовки спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ государственной службы сосредоточивались почти исключительно на непосредственномъ обученіи техникѣ той или другой спеціальности и были крайне скудны собственно образовательными элементами. Эти примитивныя формы техническаго обученія переходятъ въ профессіональное образованіе, въ болѣе точномъ смыслѣ слова, въ томъ отношеніи, что непосредственному техническому обученію извѣстной спеціальности предпосылается нѣкоторый, хотя бы очень узкій и элементарный, кругъ теоретическихъ знаній. Въ постепенномъ расширеніи и углубленіи этого теоретическаго фундамента, соотвѣтственно высотѣ и сложности каждой данной профессіи, и заключался прогрессъ профессіональнаго образованія, наблюдаемый въ изучаемое нами время.

Вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе профессіональнаго образованія связывалось съ сословной организаціей общества. Эта связь дала сложный результатъ. Прикрѣпленіе каждаго сословія къ одной опредѣленной профессіи и искусственное ограниченіе образованія для этого сословія рамками соотвѣтствующаго профессіональнаго обученія должно было неизбѣжно повести къ печальному результату, достаточно ярко формулирован-

ному проф. Владимірскимъ-Будановымъ: «образованіе теряетъ свое единство»; «цѣлію государственной дѣятельности признается не образованіе человѣчное, а государственная служба». Но такой отрицательный результатъ совмѣщался съ другимъ, который, въ свою очередь, послужилъ основаніемъ для дальнѣйшей эволюціи профессіональнаго образованія. Профессіональная организація сословій не могла быть проведена съ такой схематической правильностью, при которой каждое сословіе замкнулось бы въ рамки непремѣнно одной профессіи. Дворянство законодательствомъ Петра Великаго привлечено было не къ одной военной, но и къ гражданской службѣ, вслѣдствіе чего и профессіональное образованіе дворянства должно было получить сложный составъ. Сухопутный шляхетный корпусъ явился первой формой такого образованія, совмѣщающей въ себѣ средства подготовки какъ къ военной, такъ и къ гражданской службѣ. Но появленіе этой сложной формы профессіональнаго образованія вызывалось уже не одними практическими соображеніями государственной пользы. Учрежденіе Шляхетнаго корпуса въ 1731 году совпадало съ началомъ эпохи развитія дворянскихъ привилегій. Въ теченіе 20—30 лѣтъ дворянство пріобрѣтаетъ всѣ черты господствующаго сословія. Преобладаніе въ государственной и общественной жизни этой эпохи дворянскихъ интересовъ отразилось и на содержаніи и на формахъ сословнаго образованія дворянства. Не переставая служить практическимъ государственнымъ интересамъ, это образованіе пріобрѣтаетъ теперь такія черты, которыя начинаютъ уже сближать его съ образованіемъ общимъ. Прежде всего въ составъ этого, прежде односторонне профессіональнаго, образованія входятъ такъ называемыя «шляхетскія» науки, т. е. науки, отвѣчающія сословному дворянскому самосознанію. Далѣе, дворянство получаетъ право пріобрѣтать необходимое для службы образованіе дома, съ обязанностью подвергаться періодическимъ государственнымъ экзаменамъ. Эту новую форму дворянскаго образованія, по существу ея содержанія, мы рѣшаемся назвать сословно-общей, являющейся связующимъ звеномъ между профессіональнымъ образованіемъ первой половины XVIII столѣтія и системами общаго обра-

зованія второй половины того же вѣка. Таковы были главные моменты эволюціи профессіональнаго образованія, готовившаго къ высшимъ государственнымъ профессіямъ.

Когда это образованіе сосредоточилось въ сословныхъ дворянскихъ школахъ (кадетскихъ корпусахъ), отъ послѣднихъ отдѣлились школы, готовящія къ низшимъ ступенямъ военной и гражданской службы. Это низшее профессіональное образованіе, по самому существу своихъ задачъ, носило характеръ преимущественно техническаго обученія; но и оно не могло обойтись безъ извѣстныхъ общеобразовательныхъ элементовъ, и формой такого низшаго профессіональнаго образованія была не механическая выучка отдѣльнымъ ремесламъ, а именно «школа», каковы, напримѣръ, были школы солдатскихъ дѣтей при кадетскихъ корпусахъ.

Если исторія свѣтскаго профессіональнаго образованія первой половины XVIII вѣка шла отъ грубыхъ формъ чисто ремесленнаго обученія той или иной службѣ къ школамъ высшихъ типовъ, сближавшимся со школами общеобразовательными, то въ исторіи духовнаго образованія за тотъ же періодъ времени замѣчается какъ бы обратное направленіе. Первая же крупная попытка завести въ Великороссіи правильную духовную школу имѣла въ виду высшую школу, совмѣщающую въ себѣ полный кругъ богословскаго образованія въ той его исторической формѣ, въ которой это образованіе сыграло такую важную роль въ культурной исторіи южной Россіи. Основная же задача южно-русскаго духовнаго образованія заключалась не въ подготовкѣ служителей церкви, а въ томъ, чтобы удержать массу южно-русскаго общества въ оградѣ православнаго церковнаго міросозерцанія и охранить его отъ вліянія латино-польской образованности. Съ этой точки зрѣнія высшая духовная школа стремилась дать своимъ питомцамъ законченный кругъ общаго образованія, но всецѣло проникнутаго церковнымъ духомъ и заключеннаго въ освященныя церковной традиціей схоластическія формы. Такія же широкія задачи возлагались на высшую духовную школу и первымъ проектомъ Московской академіи конца XVII вѣка и Духовнымъ Регламентомъ. Но въ Великороссіи не было на

лицо тѣхъ условій, которыя южно-русской духовной школѣ сообщали такія широкія образовательныя задачи и дѣлали ее важнѣйшимъ орудіемъ національно-культурной борьбы. Здѣсь духовная школа призвана была стать орудіемъ существенно иныхъ интересовъ, прежде всего—орудіемъ церковно-административной реформы и связанной съ нею сословной организаціи духовенства. Начатыя съ середины Петровской эпохи попытки превратить высшую духовную школу (академію) въ чисто профессіональную, для приготовленія служителей церкви, не скоро, однако, достигли цѣли по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, самъ законъ, въ лицѣ Духовнаго Регламента, поддерживалъ традиціонный взглядъ на высшую духовную школу, какъ на общеобразовательную; во-вторыхъ, не было возможности и надобности проводить всю массу рядового духовенства черезъ полный кругъ богословскаго образованія. Исторія попытокъ организовать профессіональное образованіе для духовенства въ первой половинѣ XVIII вѣка и сводилась къ тому, чтобы изъ полной системы духовнаго образованія взять низшія и среднія ея ступени и превратить ихъ въ самостоятельныя духовно-профессіональныя сословныя школы. Но эти низшія и среднія духовныя училища (архіерейскія школы и семинаріи), по существу своего образовательнаго содержанія, также не безъ успѣха играли роль низшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ школъ въ то время, какъ высшая духовная школа, академія, готова была подняться до значенія университета.

Соединяя теперь вмѣстѣ изложенныя наблюденія надъ исторіей свѣтскаго и духовнаго профессіональнаго образованія, получаемъ послѣдній общій выводъ, существенно важный для дальнѣйшаго развитія нашего изслѣдованія. Измѣненія, какимъ подвергалось въ своихъ конкретныхъ задачахъ и формахъ профессіональное образованіе первой половины XVIII столѣтія, подготовляли, до извѣстной степени, почву, на которой во второй половинѣ вѣка будетъ строиться система общаго образованія. Переходъ къ этой системѣ долженъ былъ совершиться не путемъ рѣзкаго переворота, принципіальнаго отрицанія господствовавшаго ранѣе образованія, а путемъ извѣстной

эволюціи, создававшей переходные типы образованія. Созданное въ теченіе первой половины XVIII вѣка профессіональное образованіе, конечно, не могло прекратить своего существованія съ того момента, какъ въ основаніе политики народнаго просвѣщенія легла идея образованія общаго. Профессіональныя школы, какъ увидимъ, дали только еще болѣе широкое развитіе общеобразовательнымъ элементамъ въ своихъ учебныхъ курсахъ и даже вызывали противъ себя нареканія въ томъ, что уклонялись отъ своего прямого назначенія. Съ другой стороны, общее образованіе не могло явиться сразу въ видѣ цѣльной, законченной системы. Овладѣвая общественнымъ сознаніемъ, идея общаго образованія сначала реализовалась въ видѣ частичныхъ опытовъ, въ формѣ отдѣльныхъ общеобразовательныхъ школъ. Мы и должны теперь перейти къ изученію этой идеи, какъ она отразилась въ воззрѣніяхъ частныхъ лицъ и законодательныхъ опытахъ первой половины XVIII вѣка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вопросы общаго образованія въ публицистикѣ.

I.

Современная педагогія различаетъ три частныхъ задачи, изъ совокупности которыхъ складывается проблема «образованія», въ собственномъ смыслѣ слова, или образованія общаго: 1) формальное образованіе, имѣющее цѣлью развить умственныя силы и способности учащагося и подготовить ихъ для выполненія требуемой отъ него работы; 2) собственно научное образованіе, вводящее учащагося въ обладаніе извѣстнымъ запасомъ научныхъ знаній; 3) наконецъ, нравственное воспитаніе. Эти три задачи, въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, входятъ въ каждую систему общаго образованія. Но влагаемое въ нихъ содержаніе не было въ теченіе вѣковъ постояннымъ и неизмѣннымъ, а мѣнялось и мѣняется въ зависимости отъ господствующаго міросозерцанія, отъ общихъ

и мѣстныхъ условій культурнаго состоянія каждой данной эпохи [1]).

Теоретически общее и профессіональное образованіе различаются легко. Но задачи и содержаніе того и другого часто соединяются и смѣшиваются на практикѣ, въ конкретныхъ формахъ образованія. Слѣдя за эволюціей профессіональныхъ школъ первой половины XVIII вѣка, мы видѣли, что основной чертой этой эволюціи было стремленіе поставить техническое обученіе и подготовку къ той или другой профессіи на извѣстный теоретическій фундаментъ и внести въ него элементы общаго, въ сословномъ духѣ, образованія и воспитанія. Обращаясь теперь къ изученію идеи общаго образованія, какъ она рисовалась по взглядамъ выдающихся представителей русскаго общества первой половины XVIII вѣка и въ законодательныхъ опытахъ того-же времени, остановимся, прежде всего, на памятникахъ той своеобразной публицистики эпохи преобразованій, которая выражалась въ разныхъ запискахъ, «пропозиціяхъ» и «доношеніяхъ», касавшихся государственныхъ реформъ.

Главное намѣреніе авторовъ всѣхъ этихъ произведеній — изысканіе всяческой государственной пользы. Сообразно съ такимъ намѣреніемъ, въ предложеніяхъ, касавшихся вопросовъ народнаго образованія, на первый планъ выдвигались практическія государственныя цѣли. Но за послѣдними открываются уже и болѣе широкіе интересы, которые приводятъ къ постановкѣ проблемы общаго образованія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, въ «Пунктахъ о кабинетъ-коллегіумѣ» типичный дѣлецъ и прожектеръ петровской эпохи, Алексѣй Курбатовъ: «яко же прослави его величество во вселеннѣй Богъ, чрезъ мудро-храбрые труды его въ учрежденіи регулярнаго войска какъ сухопутнаго, такъ и флотовъ морскихъ, и во преславныхъ надъ непріятели побѣдахъ, и во многомъ добромъ переполерованіи всероссійскаго народа, такъ, и наипаче, прославится въ расширеніи богоугодныхъ наукъ и во всенародномъ оныхъ обу-

---

[1]) См., напр., статьи „Bildung“, „Bildungswert der einzelnen Lehrfächer“, „Bürgerschulen“ въ „Encyklopädisches Handwörterbuch“ *W. Rein'a.*

ченіи, изъ котораго обученія израстаетъ людей много премудрыхъ, достойныхъ мудраго правленія государственнаго, воины и вожди преславные, защитники церкви и отечества непреоборимые; *оттуду исходитъ правда, страхъ Божій, жальніе отечества, истребленіе злыхъ нравовъ, насажденіе истины, во всякихъ совѣтныхъ разсужденіе полезное и содержаніе непозыблемое*».

Соотвѣтственно такому взгляду на пользу, извлекаемую государствомъ изъ «свободныхъ наукъ и художествъ», Курбатовъ не разграничиваетъ точно средствъ общаго и профессіональнаго образованія. Ссылаясь на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ «школъ всюды безчисленно», онъ предлагаетъ устроить въ Петербургѣ и Москвѣ «академіи свободныхъ разныхъ наукъ, на разныхъ діалектахъ, какъ церковныхъ, гражданскихъ, такъ и военныхъ», а въ губерніяхъ при губернаторахъ и въ другихъ знатныхъ городахъ—школы «ученія ради малолѣтнихъ шляхетскихъ, солдатскихъ, пушкарскихъ и другихъ всякихъ чиновъ дѣтей русской грамоты и ариѳметическихъ, геометрическихъ и новигацкихъ наукъ, ради размноженія флота морского и артиллерійскихъ служителей, купеческихъ же дѣтей — ради искусства въ коммерціи; понеже во иностранныхъ христіанскихъ государствахъ не точію школы многія содержатся, но и академіи» [1]).

Въ томъ же направленіи, но съ большею подробностью развиты были предложенія Ѳед. Салтыкова. Онъ также подходитъ къ вопросу о «всенародномъ обученіи» съ точки зрѣнія государственной пользы. Онъ сочиняетъ такой «образъ» этого всенароднаго обученія, по которому «мы сравняемся во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ рукодѣлій не можетъ государство стяжать себѣ умнаго имѣнія и такожде будетъ всегда требовать во всѣхъ дѣлѣхъ изъ другихъ ученыхъ государствъ людей на послуги свои и вспоможеніе». Представленный Салтыковымъ планъ «всенароднаго обученія»

---

[1]) *Н. Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго (Спб. 1897) Проекты, стр. 52, 53.

очень широкъ. Во всѣхъ губерніяхъ учреждается по одной или по двѣ академіи, для помѣщенія которыхъ отводится по нѣсколько монастырей, и все содержаніе академій падаетъ на монастырскіе доходы, «чтобъ вашей (царской) казнѣ въ томъ истраты не было». Въ эти академіи обязательно набираются ученики изъ дворянскихъ, купеческихъ и иныхъ разныхъ чиновъ дѣтей, отъ шестилѣтняго возраста, подъ угрозою штрафа на родителей, «чтобъ они приводили дѣтей своихъ». Ученіе продолжается 17 лѣтъ, до 23-хъ лѣтняго возраста учащихся. По окончаніи курса ученики опредѣляются «въ службы воинскія и градскія». Дальше урочныхъ лѣтъ ученье продолжать запрещается «подъ штрафомъ на мастерахъ (учителяхъ), чтобъ они ихъ (учениковъ) не укрывали отъ службъ». Пребываніе въ академіяхъ, какъ въ закрытыхъ училищахъ, должно имѣть для молодежи и воспитательное значеніе: «когда то молодыхъ людей собраніе отъ юности своей купно всегда между собою будетъ, тогда они будутъ натуры свои обощрять безпрестаннымъ своимъ обхожденіемъ лучше, нежели какъ нынѣ дворянскіе дѣти свое воспитаніе имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому, какъ лѣсъ нечищенный растетъ».

Весь кругъ обученія въ академіяхъ раздѣляется по тремъ группамъ предметовъ: 1) языки, 2) «свободныя» (общеобразовательныя) науки, 3) математическія науки и искусства. Подробно составъ академическаго образованія, по плану Салтыкова, явствуетъ изъ слѣдующей таблицы.

Языки:

Латинскій . .	для обхожденія и разговоровъ съ разными народы.
Греческій . .	
Нѣмецкій . .	
Англійскій . .	
Французскій .	

Свободныя науки:

Грамматика и риторика . .	для праваго и лѣваго писанія и глаголанія.
Поетика . . .	для стихотворенія.

Философія . .	для разсужденія натуры.
Богословіе . .	для познанія истиннаго Бога и законовъ.
Исторія универсальная и партикулярная .	для всякихъ образовъ и правленій и извѣстія о всѣхъ государствахъ.

Математическія науки:

Ариѳметика. .	для гражданскихъ и воинскихъ правленій математики.
Геометрія . .	
Тригонометрія .	
Навигація . .	
Фортификація .	
Артиллерія . .	
Механика . .	
Статика . . .	
Гидростатика .	
Перспектива .	
Архитектура .	
Оптика . . .	
Гномоника. . .	
Музыка . . .	
Пиктура . .	
Скульптура . .	
Миніатюра . .	
Географія . .	для знаемости и положенія мѣстъ.
На лошадяхъ ѣздить . . .	для обороны собственной и изящества учиться.
На шпагахъ биться . . .	
Танцовать . .	

Полагая по двѣ академіи на каждую губернію и по 2.000 студентовъ въ каждой академіи, Салтыковъ насчитываетъ во всѣхъ губерніяхъ 18.000 студентовъ; изъ каждой академіи по истеченіи семи лѣтъ будутъ выходить, по его разсчету, до 100 человѣкъ.

Учителя («мастера») въ академіи приглашаются изъ иныхъ государствъ и содержатся на тѣ же монастырскіе доходы. При академіяхъ состоятъ собственныя друкарни для печатанія сочиненій мастеровъ и учениковъ, по освидѣтельствованіи, что они составлены «не въ противность закона и государства и намъ во всякую пользу». Далѣе Салтыковъ находитъ нужнымъ «сдѣлать исторію россійскаго государства и о всѣхъ въ немъ заключающихся градахъ» и распространить ее въ переводахъ за границей, дабы иностранные историки не писали о Россіи «съ поносомъ». Равнымъ образомъ слѣдуетъ перевести исторіи универсальныя и партикулярныя по русски и приказать, чтобы всѣ учились «словесному» по нимъ, вмѣсто часовниковъ и псалтырей: «сіе будетъ вспоможеніе на извѣстіе о всѣхъ государствахъ и о ихъ правленіи».

Салтыковъ начертываетъ также планъ женскаго образованія, «чтобъ и женской нашъ народъ уравнялся съ европскими государствами равно». По аналогіи съ мужскими академіями, въ каждой губерніи, въ монастыряхъ и на доходы съ послѣднихъ, учреждаются по два женскихъ училища, съ комплектомъ въ 500 дѣвицъ каждое. Въ эти училища всѣ обязаны, подъ угрозою штрафа, отдавать своихъ дочерей отъ шести лѣтъ и держать ихъ тамъ до пятнадцати лѣтъ. Преподаваемыя въ училищахъ «женскія науки» дѣлятся на четыре группы: 1) «для домоводства»—чтеніе, письмо, цыфирь, 2) «для изящества въ языкахъ»—французскій и нѣмецкій языки, 3) «для забавы»—пиктура, миніатюра и перспектива, 4) «для забавы своей и въ компаніяхъ веселаго обхожденія»—музыка инструментальная, вокальная, танцы. Не забыта и воспитательная задача. Будучи всегда вмѣстѣ, дѣвицы «гораздо будутъ умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужества, не знавъ обхожденія людского и разговоровъ» [1]).

Проекты Курбатова и Ѳедора Салтыкова по вопросу о

---

[1]) Пропозиціи Ѳедора Салтыкова, съ предислов. *И. Н. Тиханова*, изд. Общ. любит. древней письменности, глава VII, стр. 20—26. Сравн. его же Изъявленія прибыточныя государству, *Павловъ-Сильванскій*, op. cit. (проекты), стр. 8—10, 38—41, 42.

народномъ образованіи имѣли въ виду прежде всего практическую государственную пользу; но указанныя обоими авторами средства и формы образованія уже не укладываются въ узкія рамки спеціальныхъ отраслей профессіонально-сословнаго образованія. Для государственнаго блага нужно использовать весь кругъ «свободныхъ наукъ и художествъ». Соотвѣтствующимъ этой широкой задачѣ типомъ школы представляется «академія», курсъ которой совмѣщаетъ задачи и общаго и профессіональнаго образованія. Отъ академіи, проектированной Өед. Салтыковымъ, уже прямой переходъ къ общеобразовательнымъ и всесословнымъ школамъ.

Чрезвычайно характернымъ въ этомъ отношеніи представляется уже упомянутый выше планъ неизвѣстнаго автора, относимый къ 1715 году,—«Проектъ о учрежденіи въ Россіи академіи политики для пользы государственныхъ канцелярій». Прямая задача этой академіи — приготовленіе образованныхъ чиновниковъ. Но узкую профессіональную подготовку къ гражданской службѣ авторъ проекта признаетъ совершенно недостаточной и открываетъ свой трудъ такимъ разсужденіемъ: «онымъ, которые имѣютъ учиться въ политикѣ, надобно быть ученымъ прежде въ діалектикѣ или въ философіи; но еще лучше и полезнѣе будетъ, когда также фундаментъ имѣютъ въ юриспруденціи. Чего ради въ сихъ прочихъ наукахъ невозможно оную одну учить, понеже напрасно теряется время, когда не будетъ постановлено ученіе другихъ наукъ, которыя суть фундаментъ политики». На этомъ основаніи въ дальнѣйшемъ изложеніи своего плана авторъ разумѣетъ подъ академіей политики «единый университетъ публичный, въ которомъ, между достальными науками, можно употребить и политику, яко употребляется въ университетахъ Германіи, Франціи, Гишпаніи, въ Пармѣ, Римѣ, Прагѣ и прочихъ, въ которыхъ, по совершеніи грамматики, гуманите, реторики, философіи и юриспруденціи, постановляется юность къ ученію политики». Преподаваться должны въ университетѣ: грамматика, поэзія, «уманитетъ», реторика, философія, теологія, юриспруденція, переводъ книгъ, политика, ариѳметика, геометрія, астрологія, наутика, медицина и проч. Изъ этого

университета, какъ замѣчено въ концѣ проекта, будутъ выходить уже не одни гражданскіе чиновники: «такимъ способомъ не токмо государственная канцелярія посольская, но еще и другіе приказы и магистраты будутъ имѣть служащихъ достойныхъ и удобныхъ безъ выписки иноземцевъ и оныхъ убытка; такимъ же образомъ государство инженерами, механиками, архитекторами и прочими профессорами, которыхъ нанимаемъ противъ вѣсу отъ золота, довольно будетъ снабдѣно».

Главная трудность при заведеніи университета заключается въ подборѣ преподавательскаго персонала. Авторъ проекта высказывается противъ учителей изъ «мірского чина», особенно изъ иностранцевъ, «которые со временемъ причинствовать могутъ бѣду невозвратимую всему государству по малу и нечаянно, обучая такихъ уставовъ, которые отъ православной христіанской вѣры весьма отдалены». Рекомендуется, по примѣру многихъ европейскихъ странъ, поручить новый университетъ «чинамъ монастырскимъ», «ибо такіе духовные оный университетъ хранить, содержать и объ ономъ стараться будутъ, яко о своемъ собственномъ имѣніи, чтобъ оный былъ въ непремѣнной славѣ, и будутъ разсмотрѣніе имѣть надъ всѣми учителями и служащими и по сему слѣдованію помянутый университетъ никогда не можетъ лишиться искусныхъ учителей, понеже въ монастыряхъ подобныхъ особъ никогда оскудѣніе не бываетъ и могутъ научить юность во всякой желаемой вымышляемой наукѣ къ свѣтлому страху Божію, сохраненію заповѣди Божіей и къ послушанію государственнаго уложенія и какимъ образомъ жизнь свою всякими честными поступками украсить».

Расходъ на содержаніе новаго университета исчисленъ въ 10.000 руб. въ годъ, и эта сумма должна быть собираема путемъ особой подати «со всѣхъ губернскихъ городовъ»; такую подать, по мнѣнію автора, «всякій съ радостью дастъ, надѣяся на богатое возвращеніе, которое состоитъ въ наукѣ ихъ юностей во всякомъ искусствѣ» [1])

---

[1]) См. прилож. I къ настоящему труду.

Изложенный сейчасъ проектъ учрежденія «академіи политики» или университета особенно интересенъ, на нашъ взглядъ, въ томъ отношеніи, что характеризуетъ одинъ изъ моментовъ перехода отъ профессіональнаго къ общему образованію. Главный мотивъ къ составленію этого проекта—чисто практическій, «польза государственныхъ канцелярій», т. е. подготовка чиновниковъ для новыхъ государственныхъ учрежденій. Такому намѣренію отвѣчаетъ чисто профессіональное учрежденіе—«академія политики». Но затѣмъ эта академія развертывается въ цѣлый университетъ, въ которомъ подготовка къ разнымъ отраслямъ государственной службы зиждится на широкомъ общеобразовательномъ основаніи; а въ такомъ именно направленіи, какъ мы знаемъ, шло общее развитіе профессіональнаго образованія первой половины XVIII вѣка.

Еще одна черта обращаетъ на себя вниманіе въ изложенномъ проектѣ: стремленіе сблизить университетъ съ высшей духовной школой. Объяснивъ пользу учрежденія университета, авторъ вспоминаетъ, что «чрезъ царскую благочестивость постановлены въ имперіи два коллегія, въ Кіевѣ и въ Москвѣ; и хотя въ оныхъ процвѣтаютъ науки, однакожъ не можно ихъ назвать университетами, понеже въ оныхъ не учатся всѣ науки, и что́ для лишенія учителей». Отданный, по предположенію автора, въ вѣдѣніе «монастырскихъ чиновъ», новый университетъ отличался бы отъ высшей духовной школы только болѣе обширнымъ кругомъ преподаваемыхъ наукъ. Это предположеніе объ устройствѣ университета по образцу высшей духовной школы также характерно для даннаго времени, когда духовныя академіи не безъ успѣха выполняли роль высшихъ общеобразовательныхъ школъ.

На той же почвѣ превращенія духовной школы въ общеобразовательную и всесословную стоитъ и другой проектъ, также неизвѣстнаго автора, — «Доношеніе о словено-латинскихъ и иныхъ всякихъ иноземскихъ школахъ». Авторъ жалуется на малое число учащихся въ Московской славяно-латинской школѣ, несмотря на то, что обученіе въ той школѣ даровое. Виноваты въ томъ сами родители, особенно изъ высшихъ сословій,

не понимающіе пользы ученія. «Сами отцы не знаютъ, что́ есть разумъ и премудрость, и о томъ отнюдь не стараются, а стараются о богатствѣ, чести и славѣ, а того не вѣдаютъ, что вся сія отъ мудрости и разума происходятъ». Въ этомъ отношеніи наши высшія сословія далеко отстаютъ отъ иноземныхъ государствъ, гдѣ образованіе высоко цѣнится и гдѣ на него не жалѣютъ средствъ. Преодолѣть косность общества можетъ только царское повелѣніе князьямъ, боярамъ, дворянамъ, полковникамъ, стольникамъ, коммиссарамъ, судьямъ, дьякамъ и прочимъ всякихъ чиновъ господамъ, за которыми помѣстья и вотчины есть, отдавать своихъ дѣтей въ славяно-латинскія школы. Въ этихъ школахъ, въ теченіе 6 лѣтъ, молодые люди должны проходить курсъ отъ фары до риторики включительно. Дальнѣйшій курсъ философіи и богословія проходится только желающими. Кто того не желаетъ, тѣ опредѣляются въ государевы чины, кто какого дѣла будетъ достоенъ, или посылаются за-границу. На содержаніе школъ и учителей должно брать по опредѣленному окладу: съ сыновей боярскихъ и княжескихъ по 30 рублей, съ дворянскихъ, полковничьихъ, коммиссарскихъ, судейскихъ—по 20 рублей, съ дьячьихъ по 15 рублей. Кто изъ родителей будетъ упорствовать, дѣтей въ школы не отдастъ и дома учить не будетъ до 10 лѣтъ, съ тѣхъ брать штрафы: съ бояръ и съ князей—100 руб., съ дворянъ, полковниковъ, стольниковъ, коммиссаровъ, судей и дьяковъ—50 руб.

Обученіе въ славяно-латинскихъ школахъ равно обязательно и для дѣтей духовнаго чина, но для нихъ ученье должно продолжаться вдвое дольше, чѣмъ для свѣтскихъ, ибо для приготовленія къ духовной службѣ надо пройти курсъ и философіи и богословія. На содержаніе школъ съ духовенства взимается: за дѣтей протопоповъ 20 рублей, за поповыхъ дѣтей—15, дьяконскихъ—10. За неотдачу дѣтей въ школы протопопы платятъ 50 рублей, попы 40, дьяконы 30. Итакъ, сущность даннаго проекта сводится къ предложенію завести славяно-латинскія школы, по образцу московской, во всѣхъ епархіяхъ, «и въ такія школы вышеписанные господа,

елико ихъ есть во всей Россіи всякихъ чиновъ, отдавали бы дѣтей въ наученье» [1]).

По взгляду проф. Владимірскаго - Буданова изложенный сейчасъ проектъ «подъ именемъ общаго образованія опредѣляетъ одну изъ профессіональныхъ формъ его», именно спеціально-духовное образованіе [2]). Намъ кажется, что болѣе правильной была бы какъ разъ обратная характеристика. Подъ внѣшней формой духовныхъ школъ, славяно - латинскихъ, авторъ нашего проекта рекомендуетъ общее, всесословное образованіе. Какъ мы уже видѣли, славяно-латинскія школы, до риторики включительно, являлись только общеобразовательнымъ базисомъ спеціальнаго, духовнаго образованія.

Одновременно съ проектами превращенія низшихъ ступеней духовнаго образованія въ общеобразовательныя и всесословныя школы является попытка пересадить въ Россію такъ называемыя сиротскія школы по методѣ германскихъ піэтистовъ.

Планъ такой школы былъ представленъ Петру Великому въ 1720 году барономъ Ниродомъ. Въ этой школѣ, заводимой «къ славѣ Божіей и для воспитанія младенчества въ страхѣ Божіи и во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, наукахъ и языкахъ и прочихъ обученіяхъ», и назначаемой «для шляхетныхъ и нешляхетныхъ учениковъ», предполагалось обучать языкамъ нѣмецкому, латинскому, французскому, географіи, исторіи, философіи, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, политикѣ, морали (граждано-нравію), архитектурѣ, живописи, танцамъ, фехтованію, конской ѣздѣ. Собственное училище барона Нирода, устроенное въ его лифляндскомъ имѣніи, по образцу германскихъ «сиротскихъ» домовъ, обратило на себя вниманіе Ѳеофана Прокоповича, который прислалъ туда нѣсколькихъ учениковъ изъ Кіева для довершенія общаго образованія: для изученія еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, географіи и исторіи. По образцу этого своего училища баронъ Нирод предлагалъ, на извѣстныхъ условіяхъ,

---

[1]) Прилож. II къ настоящему труду. Сравн. *Пекарскій*, Исторія Имп. Академіи Наукъ, (Спб. 1870), т. I, стр. XX—XXI.

[2]) Op. cit., стр. 147.

устроить нѣсколько училищъ въ Россіи. Планъ Нирода былъ доведенъ до свѣдѣнія государя, но остался невыполненнымъ [1]).

Такъ всѣ разсмотрѣнные проекты, затрагивавшіе вопросы образованія по связи съ различными государственными реформами, считали существенно необходимымъ для государственной пользы не одно чисто техническое обученіе, но нѣчто несравненно болѣе широкое—«всенародное обученіе» во всякихъ «свободныхъ наукахъ». Общему образованію усваивается въ этихъ предположеніяхъ болѣе видное и самостоятельное значеніе, чѣмъ то, какое оно имѣло дотолѣ на практикѣ; его задачи признаются, можно сказать, уже равноцѣнными задачамъ образованія профессіональнаго. Болѣе широкое пониманіе задачъ образованія требовало и новыхъ для него формъ и типовъ школъ, уже не укладывавшихся въ узкія рамки профессіональныхъ и сословныхъ училищъ. Такими новыми типами школъ являются въ разсмотрѣнныхъ памятникахъ всесословныя воспитательныя училища по образцу піэтистскихъ сиротскихъ учрежденій Германіи (планъ Нирода), университетъ и академія свободныхъ наукъ—школы съ энциклопедическимъ курсомъ, охватывавшимъ задачи и общаго и профессіональнаго образованія (планъ «академіи политики», планы Курбатова и Ѳед. Салтыкова). Но какъ широко ни раздвигали изложенные выше взгляды публицистовъ петровской эпохи задачи образованія, какъ близко ни подходили они къ проблемѣ общаго образованія, все-таки всѣ эти взгляды и планы, по самому своему происхожденію и прямой цѣли, не были свободны отъ нѣкоторой односторонности. Всѣ они неизмѣнно

---

[1]) Приложеніе V къ настоящему труду. Сравн. *Пекарскій*, Исторія Импер. Академіи Наукъ, т. I, стр. XXV. 12 января 1721 г. данъ былъ гр. Апраксину указъ о пересмотрѣ русскихъ недорослей въ школѣ бар. Нирода: достигшихъ 14-лѣтняго возраста повелѣно было выслать въ С.-Петербургъ на смотръ, а кто моложе 14 лѣтъ, тѣхъ оставить доучиваться. 2 февраля ревельскій комендантъ Фандельденъ донесъ Апраксину, что по осмотрѣ учениковъ школы барона Нирода «явилось изъ россійскихъ малолѣтнихъ дѣтей 3 и изъ посадскихъ чрезъ урочные годы 1». Архивъ Морск. Минист., дѣла гр. Апраксина, № 198 (1721 г.), л. 103, № 201 (1721 г.) лл. 65 об., 81 об.—82, № 245 (1721—1723 гг.), л. 216.

клонили въ сторону практической государственной пользы. Эта практическая польза была исходнымъ пунктомъ и всѣхъ, изложенныхъ выше, образовательныхъ плановъ.

II.

Чтобы найти исходный пунктъ, отъ котораго пошло у насъ въ XVIII вѣкѣ развитіе чистой идеи общаго образованія, надо обратиться къ инымъ произведеніямъ публицистики эпохи преобразованій, произведеніямъ, которыя подходили къ вопросамъ образованія, прежде всего, съ точки зрѣнія нѣкотораго общаго міросозерцанія и видѣли въ образованіи, главнымъ образомъ, средство духовнаго совершенствованія отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества. До времени Петра Великаго на Руси господствовало средневѣковое, церковное міросозерцаніе. Эпоха преобразованій принесла съ собою міросозерцаніе новое, раціоналистическое. Раньше оно увлекало лишь немногія отдѣльныя личности, которыя обычно попадали въ положеніе еретиковъ и волей-неволей должны были уходить изъ чуждаго имъ въ массѣ общества. Теперь это міросозерцаніе стало захватывать цѣлые круги въ такихъ слояхъ русскаго общества, интересы которыхъ начинаютъ со второй четверти XVIII вѣка давать господствующій тонъ государственной и культурной жизни. Какія побужденія къ постановкѣ вопросовъ образованія выдвигались представителями того и другого міросозерцанія, между которыми колебалась мысль русскаго общества эпохи преобразованій?

Въ общемъ складѣ духовныхъ интересовъ древне-русскаго общества «образованіе», какъ самостоятельная культурная проблема, поглощалась проблемою религіозно-нравственнаго совершенствованія, какъ пути къ конечной цѣли—душевному спасенію. Въ элементарныхъ своихъ формахъ это образованіе ограничивалось сообщеніемъ простѣйшихъ знаній и навыковъ, необходимыхъ для житейскаго обихода и самостоятельнаго пользованія книжною мудростью; въ формахъ высшихъ, получившихъ свое выраженіе въ западно-русскихъ братскихъ школахъ, въ академіяхъ кіевской и московской, древне-русское образованіе пыталось уже подняться до высокаго гуманитарнаго идеа-

ла—«людскости» и «мудрости, съ нею же вся благая отъ Бога людемъ дарствуются». Эта традиція продолжала жить въ воззрѣніяхъ тѣхъ русскихъ людей первой половины XVIII вѣка, которые сознательно и сочувственно переживали эпоху преобразованій, еще оставаясь на почвѣ стараго московскаго, церковнаго міросозерцанія. Таковъ былъ И. Т. Посошковъ. Все его міросозерцаніе проникнуто стремленіемъ къ религіозно-нравственному идеалу, къ насажденію «правды Господней», которая утвердитъ и новый разумный порядокъ во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ публицистическихъ произведеній, въ «Доношеніи о исправленіи всѣхъ неисправъ» (до 1704 г.), Посошковъ пишетъ: «и такъ намъ Русь свою мочно исправити во утвержденіе вѣры, что никакія воды не поколеблютъ ее, ниже львы, а не то что волченята вредити могутъ; и во благочиніи духовномъ и дѣлехъ воинскихъ, и во гражданскихъ, и въ поселянскихъ, и вся, яже суть нынѣ въ насъ, кривины исправити и насадити правду, что всѣмъ во удивленіе будетъ» [1]). Та же мысль развивается въ главномъ трудѣ Посошкова, въ книгѣ «О скудости и богатствѣ»: «по словеси Господню подобаетъ намъ, паче всего, пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится и твердо вкоренится, то не можно царству нашему россійскому не богатитися и славою не возвыситися». Современное Посошкову общество представлялось ему, конечно, весьма далекимъ отъ этого идеала: «а наипаче мы, россіяне, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своея, какова она есть, ни благочинія духовнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлежитъ жить, не разумѣемъ же, но живемъ чуть не подобны безсловеснымъ» [2]).

Наряду съ этими взглядами Посошкова, что главная цѣль просвѣщенія народа есть цѣль религіозно-нравственная, насажденіе правды Господней, взглядами, отразившими старое церковное міросозерцаніе, мы находимъ у него и другіе, въ которыхъ чувствуется уже вѣяніе новыхъ жизненныхъ интере-

---

[1]) *Павловъ-Сильванскій*, Новое извѣстіе о Посошковѣ (Спб., 1904 г.), стр. 21.

[2]) Сочиненія Ивана Посошкова (М., 1863 г.), ч. 1-я, стр. 2, 308.

совъ. Образованіе необходимо народу въ его практическихъ интересахъ. Въ главѣ VII-й книги О скудости и богатствѣ, толкуя о разныхъ способахъ поднять и улучшить «крестьянское скудостное житіе», Посошковъ возбуждаетъ вопросъ о введеніи обязательнаго обученія для крестьянскаго населенія. Приведемъ цѣликомъ это характерное и часто обращавшее на себя вниманіе историковъ разсужденіе: «паки не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ, и того ради многіе, и безъ указу пріѣхавъ, пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой пріемлютъ себѣ убытокъ».

«И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худо бъ крестьянъ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты, и, науча грамотѣ, и учили бы ихъ писать. Я чаю, не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на три или на четыре. А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои ребята и впредь подрастутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе».

«А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ» [1]).

---

[1]) Ibid., стр. 175—176.

Какого-либо опредѣленнаго и подробнаго плана школьнаго образованія Посошковъ не начерталъ. Въ «Завѣщаніи отеческомъ» наставленія о книжномъ ученіи соединяются, характернымъ для Посошкова образомъ, съ наставленіями о религіозно-нравственномъ воспитаніи и о приготовленіи къ практической дѣятельности. «Въ началѣ отрочества своего, сыне мой,—такъ начинаетъ Посошковъ свое Завѣщаніе,—паче всѣхъ наукъ прилѣжи книжному наученію, не токмо славянскому одному, но и греческому или латинскому или хотя польскому, понеже и на польскомъ языцѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на славянскомъ языкѣ не обрѣтаются; а и къ наукѣ польской языкъ иныхъ языковъ потемнѣе». Въ другомъ мѣстѣ того же Завѣщанія Посошковъ совѣтуетъ обучать молодого человѣка еще греческому языку, «выкладкѣ цифирной» до дѣленія, художеству, къ какому кто способенъ, особенно рисованію: «ко всякому бо художеству рисовальное дѣло присутственно и зѣло потребно». И вообще обученіе должно сообразоваться съ будущимъ предназначеніемъ юноши: «и къ каковому чину будетъ онъ (сынъ твой) склоненъ, то ты тѣ статьи и предлагай предъ него» [1]).

Взглядъ на религіозно-нравственное просвѣщеніе народа, какъ на дѣло государственной важности, высказанъ былъ также человѣкомъ, сроднымъ Посошкову по духу и міросозерцанію, Аврамовымъ. По его словамъ, «въ началѣ всего есть дѣло нужнѣйшее государству, дабы весь народъ обучити заповѣдямъ Христовымъ и церковнымъ, чтобъ ихъ не токмо духовные, но и вси знали совершенно» [2]).

Отъ Посошкова и Аврамова, людей стараго церковнаго міросозерцанія, обратимся къ человѣку другого общественнаго положенія и иного духовнаго склада, В. Н. Татищеву. Это представитель общественнаго слоя, уже оторвавшагося отъ почвы старой, московской культуры и всецѣло захваченнаго новымъ теченіемъ русской жизни. Для этого общества новый складъ жизни не могъ быть осмысленъ старымъ религіознымъ

[1]) Завѣщаніе отеческое, подъ ред. Е. М. Прилежаева (Спб., 1893), стр. 7, 45, 48.

[2]) Сочиненія Посошкова, ч. 2-я, стр. 276.

средневѣковымъ міросозерцаніемъ и требовалъ міросозерцанія новаго, свѣтскаго, философскаго. В. Н. Татищевъ, «утилитаристъ до мозга костей» въ своей государственной и общественной дѣятельности, стремился къ философскому пониманію жизни. Для него, какъ для истаго раціоналиста, «наука главная, чтобы человѣкъ могъ самъ себя познать». Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ» Татищевъ изложилъ излюбленныя раціонализмомъ XVIII вѣка положенія о значеніи науки и просвѣщенія какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для государства. «Разумный человѣкъ чрезъ науки и искусства отъ вкоренившихся въ его умъ примѣровъ удобнѣйшую поятность, твердѣйшую память, искуснѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе пріобрѣтаетъ, а чрезъ то всякое благополучіе пріобрѣсти, а вредительное отвратить способнѣе есть. Онъ совѣты и представленія испытуетъ и по обстоятельствамъ вещей поемлетъ; преданія же, дѣянія и случаи, отъ памяти взявъ, съ настоящимъ уподобляетъ и все, благоразсудя, опредѣляетъ; неправильнымъ же и впредь вредительнымъ не прельщается, безстрашныхъ обстоятельствъ не боится и, на отвращеніе страха мужественно поступая, отрѣваетъ и побѣждаетъ; въ радости и счастіи не превозносится и оному не вѣритъ, а въ несчастіи не ослабѣваетъ, бѣды же и горести великодушіемъ преодолѣваетъ и, своимъ довольствуясь, чужого не ищетъ» [1]).

Что касается государственной пользы отъ науки, то «благоразсудный политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе полезны, нежели буйство и невѣжество принести могутъ... Науки полезны, а незнаніе или глупость какъ самому себѣ, такъ малому и великому обществу вредительно и бѣдно». Исторія древнихъ временъ являетъ «многихъ народовъ и государствъ примѣры, что отъ недостатка благоразумнаго разсужденія разошлись и погибли, которыхъ память токмо на бумагѣ осталась».

Объемъ и составъ научнаго образованія опредѣляется той

---

[1]) *К. Бестужевъ-Рюминъ*, Біографіи и характеристики (Спб., 1882 г.) стр. 100. *П. Милюковъ*, Главныя теченія русской историч. мысли, т. I, 2-е изд., (М. 1898), стр. 21—24. *Татищевъ*, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, (Спб. 1887 г.), стр. 62—63.

высшей цѣлью «истиннаго благополучія», къ которой стремится человѣкъ черезъ посредство наукъ: «нужно человѣку о томъ прилежать, чтобъ въ совершенство придти и оное сохранить, пребываніе, елико по естеству возможно, продолжить, удовольствіе, а потомъ и спокойность, пріобрѣсти, по которымъ и науки суть разныхъ свойствъ и качествъ». Съ этой точки зрѣнія устанавливается дѣленіе наукъ на: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или тщетныя, 5) вредительныя. Каждая группа наукъ оцѣнивается со стороны ея необходимости и полезности «для всякаго званія людей», или для отдѣльныхъ «становъ», т. е. общественныхъ состояній и профессій. Такъ наука «пнеуматика» богословамъ весьма нужна, философамъ полезна, а историкамъ, политикамъ и другимъ многимъ, «почитай, обще непотребна»; напротивъ того, историкамъ и политикамъ географія, философамъ математика необходимо нужны, «но духовнымъ до оныхъ дѣла нѣтъ»; равнымъ образомъ, анатомія, химія, и ботаника врачамъ нужны, а богословамъ, политикамъ, историкамъ не нужны. Однако, всѣ науки, помимо ихъ профессіональнаго прямого назначенія, имѣютъ общеобразовательное, хотя бы формальное, значеніе: «кто что изъ полезныхъ наукъ не знаетъ, все невидимо пользу приноситъ тѣмъ, что память, смыслъ и сужденіе исправляются» [1]).

Стремленіе отмѣтить, прежде всего, практическую полезность той или другой науки не увлекаетъ Татищева въ сторону односторонняго и узкаго профессіональнаго образованія. Сохраненіе тѣла, возвышеніе души и обладаніе разносторонними знаніями, «до способности къ общей и собственной пользѣ принадлежащими»,—вотъ высшій образовательный идеалъ Татищева, отличающійся широтой и энциклопедизмомъ, характернымъ для его эпохи, какъ кануна «вѣка просвѣщенія».

Такъ, знакомясь со взглядами видныхъ представителей двухъ міровоззрѣній, господствовавшихъ надъ русскимъ обществомъ первой половины XVIII вѣка, приходимъ къ заключенію, что оба эти міросозерцанія заключали въ себѣ одинаково силь-

---

[1]) Разговоръ, стр. 63—65, 75—76, 86.

ныя побужденія къ широкой постановкѣ проблемы народнаго просвѣщенія, далеко выходящей за предѣлы профессіональнаго образованія для практическихъ цѣлей государственной службы. Самая сущность этой проблемы, конечно, не одинаково понималась съ точки зрѣнія каждаго изъ обоихъ отмѣченныхъ воззрѣній. Для Посошкова центръ тяжести вопроса лежалъ въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народной массы, для Татищева,— въ чисто интеллектуальномъ образованіи высшихъ классовъ общества, особенно шляхетства; образованность народной массы оцѣнивается Татищевымъ съ точки зрѣнія государственной безопасности и порядка.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ формъ и средствъ общаго образованія, какъ онѣ рисовались по взглядамъ тѣхъ же представителей русскаго общества первой половины XVIII вѣка.

Прямой и единственный путь «къ истребленію въ народѣ нашемъ обыклаго и застарѣлаго безумства», по взгляду Посошкова, есть путь церковнаго учительства. Посошковъ и обращается съ спеціальнымъ посланіемъ къ первосвятителю русской церкви Стефану Яворскому, прося его святость «о семъ потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное и естественное и гражданское благочиніе управлять». Чтобы достигнуть духовнаго просвѣщенія народа, надо поставить на должную высоту само духовенство: «вся наша погибель и спасеніе залежитъ во пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленніи, то и люди паствы его будутъ несмысленніи, а аще пресвитеры будутъ благоразумніи и святи, то и люди паствы его вси будутъ разумительны и святости близко». Когда духовенство исправится отъ своихъ «неключимствъ», то «во всемъ народѣ свѣтъ возсіяетъ благоразумія». Но главное орудіе просвѣтительнаго воздѣйствія духовенства на паству—не школа. «Если намъ токмо въ школахъ учитися всякаго вышеозначеннаго благоразумія, то чаю, что ни во сто лѣтъ намъ не научитися будетъ». Такими средствами являются церковная исповѣдь и проповѣдь, постоянное общеніе пастыря съ паствой и постоянное внушеніе послѣдней «нравоученія житейскаго и любви духовной и о естественныхъ добродѣтеляхъ

и о гражданствѣ»; такія нравоученія Посошковъ предлагалъ печатать въ видѣ приложеній къ церковнымъ требникамъ. Для подготовки же пастырей къ просвѣтительной дѣятельности необходимо завести во всѣхъ епархіяхъ «пространныя школы» для обязательнаго обученія въ нихъ дѣтей духовнаго чина, а также всѣхъ готовящихся къ священству; ибо «таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудритися не весьма многими лѣты» [1]).

Подобно Посошкову, и Аврамовъ возлагалъ обязанность духовнаго просвѣщенія на церковныя власти и духовенство. Высшее руководство этимъ дѣломъ онъ предлагалъ поручить, «во имя Христово, полному духовному собору, понеже безъ него ничто право утвердитися можетъ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Аврамовъ требуетъ для церкви «сущей помощи... отъ стороны государствующаго правленія, чрезъ которое, по милости Христовой, во всемъ государствѣ имѣетъ быть наилучшее просвѣщеніе и всякая добродѣтель». Далѣе Аврамовъ предлагалъ создать для завѣдыванія дѣломъ народнаго просвѣщенія особую свѣтскую общественную организацію: на каждую тысячу дворовъ ежегодно избирать изъ всякаго чина жителей «людей удобныхъ и смысленныхъ и Бога боящихся и ненавидящихъ величанія», въ городахъ управителей, а въ селахъ и деревняхъ старостъ съ помощниками. На обязанности этихъ выборныхъ должно лежать распространеніе въ народѣ «малыхъ тетрадочекъ» съ толкованіемъ Христовыхъ заповѣдей, и составленной отъ Св. Писанія и богодухновенныхъ и премудрыхъ мужей «книги о должностяхъ особично всякаго чина и правленія людей..., дабы всякъ зналъ и вѣдалъ званіе свое и, прочитовая оную книгу, паче же о званіи и должности своей, творилъ тако, яко же ему повелѣвается творити». Какъ и Посошковъ, Аврамовъ представлялъ себѣ обученіе духовенствомъ народа въ обычныхъ формахъ пастырскаго учительства и лишь мелькомъ упоминалъ, какъ объ особыхъ учрежденіяхъ, объ «учебныхъ школахъ», которыя, по разсмо-

---

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова (М. 1842), томъ I-й, стр. 2, 21—22, 30, 308.

трѣнію архіереевъ, должны содержаться при монастыряхъ и церквахъ вмѣстѣ со странноприимницами, больницами и т. п. Болѣе опредѣленно говорилъ Абрамовъ о духовныхъ школахъ, въ которыхъ должно изучать русскую, греческую и латинскую грамматики, Библію, Кормчую, творенія Св. Отецъ. Сходясь съ Посошковымъ во взглядѣ, что «все монашество и священство великаго требуетъ исправленія», Аврамовъ придавалъ чрезвычайно важное значеніе тому, «чтобы у насъ въ Россіи священство могло быть искусное и разумное и вѣжливое» [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія до-реформенной культурной традиціи, на первый планъ выдвигался вопросъ о просвѣщеніи народной массы и характерной чертой постановки этого вопроса въ проектахъ Посошкова и Аврамова является поглощеніе образовательныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, задачъ цѣлями религіозно-нравственнаго, церковнаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе и у Посошкова и у Аврамова можно собрать рядъ такихъ предположеній и намековъ, которые складываются въ очертаніе, правда еще очень неясное, проблемы народнаго образованія, какъ чего то самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ церковнаго просвѣщенія. Посошковъ указывалъ, какъ мы видѣли, на значеніе образованности крестьянскаго населенія и для собственныхъ матеріальныхъ интересовъ послѣдняго и для интересовъ государственныхъ. Но, отмѣчая самостоятельность свѣтскихъ, государственныхъ цѣлей народнаго образованія, и Посошковъ и Аврамовъ не усваивали этому образованію самостоятельнаго, свѣтскаго содержанія, отдѣльнаго отъ церковнаго просвѣщенія. Можно замѣтить только, что Аврамовъ своимъ проектомъ «книги о должностяхъ особично всякаго чина и правленія людей» предвосхитилъ столь популярную впослѣдствіи мысль о кодексѣ гражданскаго воспитанія, какъ основномъ предметѣ въ циклѣ народнаго образованія.

То же поглощеніе всѣхъ образовательныхъ цѣлей высшей цѣлью религіозно-нравственнаго просвѣщенія мѣшало отчетливому опредѣленію средствъ и органовъ образованія, отдѣль-

---

[1]) Сочиненія Посошкова, ч. 2-я, стр. 275, 276, 290, 292, 300, 302.

ныхъ отъ церковныхъ. Обязательность образованія, повсемѣстное учрежденіе школъ, особые выборные органы для завѣдыванія дѣломъ народнаго обученія, содѣйствіе церкви въ этомъ дѣлѣ со стороны свѣтскихъ властей, устройство особаго фонда для просвѣтительныхъ предпріятій церкви, въ томъ числѣ для содержанія «учебныхъ школъ»,—всѣ эти брошенныя мимоходомъ мысли остались не разработанными въ сколько-нибудь стройный общій планъ народнаго образованія.

Совсѣмъ съ иныхъ точекъ зрѣнія смотрятъ на вопросъ о народномъ образованіи представители шляхетской интеллигенціи XVIII вѣка. Для нихъ онъ сводился собственно къ вопросу объ образованіи крѣпостного населенія и рѣшался съ точки зрѣнія интересовъ помѣщичьяго хозяйства. Съ наступившимъ послѣ эпохи преобразованій Петра Великаго расцвѣтомъ крѣпостного права, крупное помѣстье становится, какъ извѣстно, замкнутымъ государствомъ въ миніатюрѣ. Сохранившіяся инструкціи, правила, экономическія записки объ управленіи вотчинами и т. п. «памятники вотчиннаго управленія» представляютъ собою какъ бы маленькіе законодательные кодексы, въ которыхъ власть землевладѣльца и устанавливаемый ею вотчинный режимъ выступаютъ со всѣми типичными чертами, присущими полицейскому государству. Благо крѣпостного населенія, «подданныхъ», отождествляется съ благомъ самого помѣщика-государя. Властью послѣдняго единственно устанавливаются средства и направляются пути къ достиженію совмѣстнаго блага государя и подданныхъ. Задача помѣщичьяго режима, проникнутаго духомъ мелочной полицейской регламентаціи, не ограничивается достиженіемъ матеріальнаго благосостоянія данной вотчины. Вотчинному законодательству не чужды и цѣли нравственнаго порядка, характерно сочетающіяся, однако, какъ въ настоящемъ полицейскомъ государствѣ, съ цѣлями матеріальными. Религіозность и нравственность крѣпостного служатъ залогомъ ревностнаго исполненія имъ его подданническихъ обязанностей. Отсюда вытекали заботы помѣщика объ исполненіи крестьянами ихъ христіанскихъ обязанностей, предписанія о посѣщеніи богослуженій,

объ исповѣди и причащеніи и т. д. Съ такой же точки зрѣнія оцѣнивалась важность сообщенія крестьянамъ нѣкотораго круга общаго, элементарнаго образованія и прикладныхъ знаній, необходимыхъ въ сферѣ правильно поставленнаго крупнаго помѣщичьяго хозяйства.

Сколько нибудь обстоятельныя наставленія о насажденіи образованія среди крестьянъ встрѣчаются, однако, очень рѣдко, въ наиболѣе тонко и продуманно разработанныхъ инструкціяхъ и наказахъ, выходившихъ изъ подъ пера дѣйствительно интеллигентныхъ представителей помѣщичьяго класса. Таковы В. Н. Татищевъ и А. П. Волынскій. Татищевъ въ «Экономическихъ запискахъ» различаетъ двѣ цѣли обученія крестьянъ: общеобразовательную — «нравоученіе жизни» и прикладную — образованіе крестьянина «добраго рукодѣльника». Крестьянскихъ дѣтей обоего пола, отъ 5 до 10 лѣтъ, должно обучать грамотѣ и письму, «чрезъ что познаетъ (крестьянинъ) Законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ и различить себя отъ скота». Отъ 10 до 15 лѣтъ обучаются крестьянскія дѣти разнымъ ремесламъ, «отъ чего всегда свой интересъ получить могутъ». «Дабы ни одинъ (крестьянинъ) безъ рукодѣлья не былъ, а особливо зимою могутъ оные безъ тяжкой работы получить свой интересъ, и въ томъ отъ нихъ не принимать никакого оправданія и всевозможными силами къ тому ихъ принуждать и обучать надлежитъ» [1]).

Таковы же взгляды А. П. Волынскаго, выраженныя въ инструкціи дворецкому Ив. Нѣмчинову объ управленіи дома и деревень 1724 г.; пунктъ второй этой инструкціи трактуетъ «о содержаніи крестьянъ въ законѣ и должности христіанской..., также о выборѣ отъ семей выростковъ для обученія кузнешному, каменному, бочарному и прочему ремеслу». Наставленіе въ законѣ и должности христіанской производится священниками по новоизданнымъ книжицамъ, содержащимъ начала христіанскаго ученія. Въ обученіе грамотѣ набираются дѣти «не гораздо малые», отъ 8 до 12 лѣтъ, прежде всего всѣ ко-

---

[1]) „Временникъ Москов. общ. исторіи и древн.“, кн. XII.

нюховы дѣти, а за недостаткомъ послѣднихъ крестьянскіе сироты; «буде же сиротъ не сыщется, то брать и у отцовъ, но токмо у такихъ, которые семьянисты, а такъ бѣдны, что съ нуждою и со скитаніемъ по міру питаются». Обученіе ведется священниками и имѣетъ въ виду, что обученнымъ «во дьячкахъ не бывать»; а польза отъ обученія та, чтобы имѣть своихъ хорошихъ писцовъ. Поэтому тѣ, кто совершенно познаютъ слогъ и выучатся у хорошихъ писцовъ, отдаются по деревнямъ прикащикамъ для записокъ, а другіе въ обученіе ремесламъ на господскія средства, причемъ самый выборъ ремеслъ опредѣляется потребностями господскаго хозяйства. Неволею берутся въ обученіе ремесламъ только дѣти бѣдныхъ родителей [1]).

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ дворянской интеллигенціи первой половины XVIII вѣка, цѣль, формы и средства образованія крѣпостного крестьянскаго населенія опредѣлялись условіями и нуждами именно крѣпостного хозяйственнаго строя. Образованность крестьянина цѣнилась, какъ факторъ благоустройства помѣщичьяго хозяйства; изысканіе и употребленіе тѣхъ или другихъ образовательныхъ средствъ разсматривалось, какъ прерогатива помѣщичьей власти. Такъ поставленное, элементарное образованіе крѣпостного населенія составляло какъ бы отдѣльный, изолированный кругъ, не связанный съ высшими формами образованія.

Съ точки зрѣнія государственной начальное образованіе, представляя законченный кругъ для низшихъ классовъ населенія, являлось, вмѣстѣ съ тѣмъ, фундаментомъ цѣльной системы народнаго просвѣщенія. Этого вопроса отчасти коснулся Татищевъ въ «Разговорѣ о пользѣ науки и училищъ». Въ 1724 году, въ бесѣдѣ съ президентомъ будущей академіи наукъ Блюментростомъ и самимъ императоромъ, Татищевъ скептически отнесся къ мысли объ учрежденіи академіи наукъ съ университетомъ, «ибо безъ нижнихъ школъ академія оная

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1854 г., I, отд. IV. См. еще инструкцію новгородск. помѣщика П. М. Бестужева-Рюмина 1738 г., „Русскій Архивъ“, 1904 г. № 1.

съ великимъ расходомъ будетъ безполезна». Какія же, по мнѣнію Татищева, нужны были «нижнія школы», какъ базисъ для высшаго образованія? Повидимому, онъ признавалъ добрымъ «зачаломъ» въ этомъ отношеніи заведеніе при Петрѣ математическихъ и епархіальныхъ школъ «для языковъ». Если эти епархіальныя школы не получили должнаго развитія, то виною тому было, по мнѣнію Татищева, небреженіе мѣстныхъ архіереевъ, которые вмѣсто школъ «конскіе и денежные заводы созидать прилежали». И на будущее время Татищевъ предлагалъ руководствоваться указами Петра Великаго, изъявляющими, «что̀ по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ учредить надлежитъ». Требуя при этомъ, чтобы шляхетство «особно отъ подлости отдѣлено было», Татищевъ рекомендуетъ обратиться за примѣромъ къ англійскимъ и французскимъ учрежденіямъ и набрасываетъ примѣрный планъ шляхетскаго «малаго училища для самыхъ младенцевъ», разсчитаннаго только на 50 персонъ; въ немъ должно обучать языкамъ нѣмецкому и французскому, ариѳметики и геометріи первымъ частямъ, по русски читать и писать, какъ и въ семинаріяхъ; «а при изученіи языковъ тѣхъ изъ Библіи, катихизиса, генеральной, русской исторіи и географіи начало вводить надобно». Кромѣ того, въ особой запискѣ, содержащей цѣльный планъ народнаго просвѣщенія, Татищевъ проектировалъ завести во всѣхъ городахъ «для начинанія въ наученіи» отъ 120 до 200 семинарій мужскихъ и женскихъ, разсчитанныхъ на 12000 учащихся.

Такъ выяснялись въ публицистикѣ первой половины XVIII вѣка содержаніе и формы того перваго цикла общаго образованія, которое принято теперь называть начальнымъ народнымъ. Различіе взглядовъ по этому вопросу, прежде всего, обусловливалось различнымъ пониманіемъ задачъ и содержанія общаго образованія. Посошковъ и Аврамовъ не выдѣляли начальнаго образованія въ самостоятельный кругъ. Для нихъ средства этого образованія были, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствами усвоенія всего того христіанскаго просвѣщенія, которымъ поглощалось въ ихъ глазахъ понятіе «образованія» въ собственномъ смыслѣ. Отчетливѣе разбирался въ данномъ вопросѣ Та-

тищевъ. Онъ уже различаетъ двоякую роль начальнаго образованія: 1) служить законченнымъ кругомъ образованія для народной массы, 2) быть первой ступенью къ высшимъ сферамъ образованія. Различіемъ этихъ двухъ цѣлей опредѣлялось различное содержаніе начальнаго образованія: для простого народа оно исчерпывается грамотностью, наставленіемъ въ Законѣ Божіемъ и нѣкоторыми ремеслами; для стремящихся къ высшему образованію, особенно для шляхетства, оно содержитъ въ себѣ и элементы такихъ знаній, какъ иностранные языки, математика, исторія и географія, которыя получаютъ дальнѣйшее развитіе въ среднихъ и высшихъ школахъ. Наконецъ, уже въ начальномъ своемъ циклѣ образованіе получаетъ сословный характеръ; но, требуя отдѣленія шляхетскихъ училищъ отъ назначенныхъ «для подлости», Татищевъ не указалъ точно, чѣмъ должны различаться послѣднія отъ первыхъ. Намѣченныя такимъ образомъ публицистами первой половины XVIII вѣка точки зрѣнія на начальное образованіе яснѣе опредѣлились въ послѣдующее время и стали исходными пунктами при построеніи широкихъ плановъ учебныхъ реформъ.

Подобно тому, какъ начальное образованіе, будучи первой ступенью въ цѣльной системѣ народнаго просвѣщенія, разсматривалось, какъ преимущественный удѣлъ народной массы, образованіе среднее и высшее оцѣнивалось съ точки зрѣнія интересовъ шляхетства, обязаннаго государственной службою. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключалась трудность точнаго разграниченія въ данную эпоху профессіональнаго и общаго образованія. Выше, изучая эволюцію профессіональныхъ школъ первой половины XVIII столѣтія, мы наблюдали, какъ эти школы, становясь сословными, шляхетскими, расширяли свои курсы все большимъ количествомъ теоретическихъ и общеобразовательныхъ элементовъ. Теперь мы увидимъ, какъ идея общаго образованія, преломляясь въ призмѣ шляхетскихъ интересовъ, практически должна была выливаться въ такія формы, которыя близко сходились съ формами сословно-профессіональнаго образованія. Въ такомъ именно направленіи шла мысль В. Н. Татищева въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ».

*

Онъ указываетъ эту пользу, стоя на почвѣ широкаго философскаго міросозерцанія. Его идеалъ образованія — духовное и физическое совершенствованіе человѣка — есть безусловно идеалъ общаго образованія. Но въ какихъ конкретныхъ формахъ представляетъ себѣ Татищевъ образованіе, стремящееся къ этому высокому идеалу? Въ «Духовной» онъ начерталъ такой кругъ образованія шляхетской молодежи: Законъ Божій, ариѳметика, геометрія, артиллерія, фортификація и прочія части математики, исторія, географія, законы гражданскіе и воинскіе, иностранные языки. Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ» онъ критикуетъ существующія высшія школы съ точки зрѣнія шляхетскихъ интересовъ. Академическій университетъ, которому «должность принадлежитъ учить младость высокихъ наукъ философскихъ», не удовлетворяетъ этимъ интересамъ: 1) потому, что профессора иностранцы и иновѣрцы не могутъ учить ни Закону Божію, ни законамъ гражданскимъ, по незнанію русскаго языка, 2) потому, что тамъ многихъ шляхетскихъ нужныхъ наукъ не опредѣлено, какъ то: на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, танцовать, «знаменованія» и проч., 3) потому, что нѣтъ достаточныхъ средствъ для подготовки шляхетскихъ дѣтей къ слушанію высокихъ наукъ; академическая гимназія съ пансіономъ недостаточна, да и въ ней шляхетскія дѣти, «имѣя съ подлостью безъ призрѣнія родительскаго обхожденіе, могутъ скорѣе пристойность и благонравіе погубить».

Не удовлетворяли Татищева и военныя шляхетскія школы (сухопутный корпусъ, школы морская, артиллерійская, инженерная) также потому, что въ нихъ слабо представлены элементы общаго образованія: не преподаются ни законы, ни языки, ни многія другія науки. На вопросъ, не является ли лучшей школой для шляхетства Московская академія, въ которой философія во всѣхъ ея частяхъ преподается, Татищевъ отвѣчаетъ: «подлинно, что сіе училище въ томъ намѣреніи основано, но не въ томъ содержится». Всѣ науки преподаются тамъ настолько плохо, «что не токмо шляхетству, но и подлому научиться нечего; паче же что во оной подлости, то шляхетству и учиться не безвредно». Итакъ, характерно, что

главный недостатокъ всѣхъ существующихъ школъ, по мнѣнію Татищева, заключается въ томъ, «что во оныхъ законовъ божественныхъ, народныхъ и гражданскихъ научиться неудобно», т. е., недостаточно поставлено въ нихъ общее образованіе.

Будучи недоволенъ всѣми существующими школами, Татищевъ признаетъ, однако, «что для наукъ шляхетскихъ, особливо для тѣхъ, которые въ военную услугу управляются, есть лучшее училище до днесь кадетскій корпусъ». Онъ предлагаетъ устроить нѣсколько отдѣленій корпуса въ провинціи (въ Москвѣ, Бѣлгородѣ или Сѣвскѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Смоленскѣ и Вологдѣ) съ тѣмъ, чтобы кадеты обучались тамъ не только военнымъ, но и гражданскимъ наукамъ. Такимъ образомъ лучшее образованіе для шляхетства, по Татищеву, есть ни общее, ни профессіональное въ чистомъ значеніи этихъ терминовъ. Это — уже знакомый намъ своеобразный типъ сословнаго «рыцарскаго» образованія, съ такимъ сочетаніемъ общихъ и профессіональныхъ элементовъ, которое должно было удовлетворять и новому раціоналистическому міросозерцанію русской дворянской интеллигенціи первой половины XVIII вѣка и практическимъ сословнымъ интересамъ шляхетства и тяготѣвшимъ надъ нимъ требованіямъ государственной службы.

Въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ» Татищевъ доказывалъ необходимость и государственную важность образованія не только для шляхетства, но также для «подлаго народа», и требовалъ, какъ мы видѣли, отдѣленія шляхетскихъ училищъ отъ училищъ «для подлости». Въ какихъ формахъ представлялъ себѣ Татищевъ это не шляхетское, а всесословное общее образованіе, изъ «Разговора» не видно. Такія всесословныя общеобразовательныя школы Татищевъ имѣлъ, надо полагать, въ виду въ своемъ краткомъ планѣ новаго устройства учебной части въ Имперіи. Выше мы упоминали, что для элементарнаго обученія онъ проектировалъ учредить во всѣхъ городахъ отъ 120 до 200 мужскихъ и женскихъ семинарій «для начинанія въ наученіи». За этими низшими школами слѣдуютъ среднія, гимназіи «для произведенія нижнихъ и предуготовленія къ высокимъ наукамъ». Наконецъ,

высшее образованіе представлено двумя академіями или университетами (съ 2000 учащихся), предназначенными «для произведенія въ совершенство въ богословіи и философіи и со всѣми частями». Къ этимъ основнымъ категоріямъ школъ примыкаютъ «корпусъ кадетовъ» и академія наукъ, «устроенная порядкомъ иностраннымъ, какъ чисто ученое учрежденіе». Такимъ образомъ Татищевъ уже связывалъ всѣ циклы образованія и воплощавшія ихъ школы въ единую, цѣльную систему народнаго просвѣщенія.

III.

«Блестящимъ исключеніемъ изъ всей толпы изобрѣтателей секретовъ, какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ», проф. Владимірскій-Будановъ называетъ величайшій умъ эпохи—Лейбница. Его понятіе объ образованіи, рекомендованномъ Петру Великому, говоритъ почтенный профессоръ, настолько же отличается отъ мнѣній современниковъ Петра, насколько воинскія экзерциціи разнятся отъ изученія философіи. Однако, тотчасъ же профессоръ Владимірскій-Будановъ значительно смягчаетъ такое рѣзкое заключеніе. «Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейбницъ даетъ характеръ общаго образованія лишь первому, приписывая второму спеціальный характеръ, а третьимъ считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соотвѣтствуетъ школа (гимназія), второму—университетъ, третьему — академія наукъ». Этого мало. «Ни отъ кого не скроется, что Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессіональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія». Прибавимъ къ этимъ заключеніямъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова нѣсколько подробностей, полнѣе поясняющихъ взгляды Лейбница по вопросу о распространеніи просвѣщенія въ Россіи.

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 150—154.

Необходимо при этомъ имѣть въ виду двѣ главныхъ черты педагогическихъ воззрѣній Лейбница: стремленіе къ энциклопедической широтѣ образованія и къ практической его полезности [1]).

Въ черновой запискѣ конца 1708 года, предназначенной для Петра Великаго, Лейбницъ такъ обозначилъ высшую цѣль науки и образованія. «Истинная цѣль науки есть блаженство людей, то есть состояніе постоянной удовлетворенности, насколько это возможно для людей, при чемъ они не должны жить въ праздности и роскоши, но содѣйствовать, всякій по своимъ силамъ, прославленію Господа и общественному благу нелицемѣрною добродѣтелью и познаніемъ истины. Средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастья, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; взрослыхъ же, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія; съ ними приходится имѣть много терпѣнія и имъ слѣдуетъ многое прощать [2]). Это опредѣленіе цѣли науки и образованія, какъ средствъ, ведущихъ къ «общему благу» и къ состоянію постояннаго и прочнаго моральнаго удовлетворенія, было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ положеній, изъ котораго исходило просвѣтительное движеніе XVIII вѣка. На него опирается, какъ мы видѣли, и Татищевъ въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ».

Отмѣчая особенную важность наукъ и художествъ въ отношеніи къ устройству государствъ, къ войнѣ, къ торговлѣ и къ мореплаванію, Лейбницъ совѣтуетъ перенести въ Россію всѣ возможныя научныя и просвѣтительныя учрежденія: биб-

---

[1]) *Schmid*, Geschichte der Erziehung, B. V, 1 abt., s. 120 — 124. *Th. Ziegler*, Geschichte der Pädagogik (*Baumeister*, Handbuch der Erziehungs und Unterrichtslehre), s. 172—174.

[2]) *В. Герье*, Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому (Спб. 1873), № 73.

ліотеки, содержащія въ особенно большомъ количествѣ книги «по реальнымъ наукамъ» (Bücher von Realien, т. е. по математикѣ, механикѣ, физикѣ, географіи, исторіи и т. д.), музеи, кабинеты, кунсткамеры, арсеналы, галлереи древностей, скульптуры и живописи, зоологическіе и ботаническіе сады, помѣщенія для моделей и орудій, химическія лабораторіи, находящіяся въ связи съ аптеками, медицинскою частью и горнымъ дѣломъ, съ монетнымъ и пробирнымъ дворами, съ металлическими и стеклянными заводами и артиллерійскимъ управленіемъ [1]). И эта мысль о необходимости широкаго пользованія въ цѣляхъ государственнаго благоустройства и могущества всѣми пріобрѣтеніями науки и искусства, весьма популярная въ данное время, высказывалась и нашими авторами разнообразныхъ проектовъ государственныхъ реформъ.

Кромѣ пересадки всякихъ научныхъ учрежденій, необходимо было, по мнѣнію Лейбница, принять мѣры къ образованію юношества и учредить троякаго рода заведенія: школы для дѣтей, университеты и академіи для юношества и ученыя общества для людей, самостоятельно разрабатывающихъ науку. Курсъ первыхъ школъ—въ основѣ своей общеобразовательный и преслѣдуетъ троякую цѣль: религіозно-нравственное воспитаніе (Tugendschulen), обученіе языкамъ (Sprachschulen) и обученіе художествамъ и наукамъ (Kunstschulen). Но въ ближайшее распредѣленіе этого курса уже вторгается профессіональная тенденція. Болѣе или менѣе широкое обученіе языкамъ поставлено въ зависимость отъ профессій, къ которымъ готовятся учащіеся: кто предназначается для какого нибудь ремесла, тотъ можетъ ограничиться однимъ русскимъ языкомъ; кто готовится къ торговлѣ, тотъ долженъ изучать латинскій и нѣмецкій языки; кто имѣетъ въ виду высшее образованіе, ученое званіе или занятіе высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ должностей, тѣ изучаютъ, кромѣ того, еще греческій, французскій или итальянскій, еврейскій и арабскій языки. Относя къ кругу наукъ и художествъ катихизисъ, основанія логики, музыку,

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.

ариѳметику, рисованіе, токарное искусство, землемѣріе, домоводство, рѣзьбу, обращеніе съ оружіемъ, конскую ѣзду, Лейбницъ не дѣлаетъ ихъ одинаково обязательными для всѣхъ; этимъ предметамъ дѣти обучаются, «смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго». Готовящіеся къ ремесламъ и торговлѣ остаются въ школѣ до 12—14 лѣтняго возраста; предназначающіе же себя къ ученой дѣятельности или къ гражданской и военной службѣ (zu Hof-Justiz-Kriegs und andern Bedienungen)—до 18 лѣтъ.

Такое соединеніе общеобразовательныхъ и профессіональныхъ цѣлей сообщаетъ «школамъ» Лейбница двойственный характеръ: однихъ своихъ питомцевъ, именно предназначенныхъ для военной службы, онѣ прямо выпускаютъ на поле практической дѣятельности, для другихъ, именно готовящихся къ службѣ гражданской, онѣ служатъ переходной ступенью къ высшему образованію въ университетахъ или дворянскихъ академіяхъ (Ritteracademien). И въ университетскомъ образованіи, какъ его проектировалъ для Россіи Лейбницъ, профессіональная тенденція едва ли не осиливаетъ общеобразовательную. Независимо отъ факультетскаго дѣленія, каждый студентъ долженъ посвятить нѣкоторое время общему образованію, преимущественно съ цѣлью развить умъ и краснорѣчіе; главнымъ же общеобразовательнымъ въ этомъ смыслѣ предметомъ является математика [1]). Но каковы задачи отдѣльныхъ факультетовъ? Студентовъ богословскаго факультета Лейбницъ совѣтуетъ особенно приспособлять къ миссіонерству и для того не только развивать въ нихъ терпѣніе и постоянство, но и упражнять ихъ нѣсколько въ математикѣ, медицинѣ и хирургіи, дабы они могли пріобрѣсти вліяніе и популярность у дикихъ народовъ. Юридическій факультетъ готовитъ государственныхъ чиновниковъ, и студенты уже въ университетѣ должны изучать свой предметъ практически. Наконецъ, университетъ готовитъ профессоровъ и учителей, и при этомъ случаѣ Лейбницъ высказываетъ пожеланіе о возвышеніи государственнаго положенія учеб-

---

[1]) Но вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе математики должно соединяться съ усвоеніемъ разныхъ прикладныхъ знаній.

ной профессіи. Такимъ образомъ, университеты по плану Лейбница, не упуская изъ виду идеальной цѣли общаго образованія, обращаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, на служеніе практическимъ интересамъ государства.

«Школою», университетомъ и дворянской академіей [1]), исчерпывается собственно учебная система, предложенная Лейбницемъ для Россіи. Далѣе слѣдуютъ ученыя общества, какъ учрежденія, самостоятельно разрабатывающія науку. Цѣль этой разработки двоякая: во-первыхъ, собрать то, что̀ уже извѣстно, и во-вторыхъ, изслѣдовать то, что́ неизвѣстно. Для первой цѣли составляются словари, изложенія системы каждой науки и руководства. Вторая цѣль направляется на изслѣдованіе новыхъ научныхъ матеріаловъ, какіе могутъ доставить природа и населеніе необъятной Россіи [2]). Чрезвычайно обширный планъ высшаго, университетскаго образованія представленъ въ запискѣ о коллегіяхъ, принадлежность которой Лейбницу основательно заподозрѣна проф. Герье. Возлагая на обязанность «ученой коллегіи» (ein Gelehrt-Collegium) заботу объ образованіи и воспитаніи юношества, авторъ записки ставитъ высшей цѣлью образованія «познаніе Творца и твореній». Изъ этой цѣли логически выводится цѣпь наукъ, которыя должны преподаваться въ академіи, состоящей въ вѣдѣніи ученой коллегіи: богословіе, пневматика, логика, этика, медицина и хирургія, исторія, право естественное и политика, астрономія, географія, архитектура, геометрія, ариѳметика, механика, физика, химія, музыка, языки. Начертаніемъ этой идеальной схемы энциклопедическаго образованія авторъ ограничивается и не входитъ въ дальнѣйшее изображеніе тѣхъ конкретныхъ формъ, въ какія могла бы улечься эта схема [3]).

Наличность профессіональныхъ и практическихъ цѣлей, внесенныхъ Лейбницемъ въ его планы о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, можно объяснить не только тѣмъ, что онъ «платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распро-

---

[1]) Высшія школы, университеты и дворянскія академіи учреждаются въ главныхъ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Астрахани и др.

[2]) Ibid., № 240.

[3]) Ibid., № 244.

страненному въ ту эпоху», но и общимъ характеромъ интереса, какой возбуждала въ немъ Россія эпохи преобразованій. Заинтересовавшись ею сначала, какъ неизвѣданной областью, могущей доставить много новыхъ фактовъ для европейской науки, Лейбницъ сталъ смотрѣть затѣмъ на Россію, какъ на новый, самостоятельный факторъ европейской цивилизаціи. Распространеніе просвѣщенія въ Россіи было, по взгляду Лейбница, не удовлетвореніемъ свободнаго стремленія отсталаго народа къ высшему культурному состоянію, но прежде всего извнѣ заимствованнымъ средствомъ для предпринятыхъ царемъ Петромъ государственныхъ реформъ. А пріобщенная къ европейской цивилизаціи Россія, ставъ «посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ», должна послужить общему благу человѣчества, о которомъ вспоминаетъ Лейбницъ въ своихъ запискахъ, касающихся Россіи [1]).

Едва ли есть достаточно основаній такъ рѣзко противопоставлять планы Лейбница проектамъ нашихъ наивныхъ «изобрѣтателей секретовъ, какъ выучить въ нѣсколько уроковъ русскій народъ цивилизаціи». Взглядъ на цѣль науки и просвѣщенія, какъ на познаніе Творца и его твореній, достиженіе истиннаго блаженства людей, насажденіе правды, страха Божія, истребленіе злыхъ нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе всѣхъ средствъ науки и просвѣщенія на служеніе практическимъ потребностямъ государства, вѣра въ могущество государственной иниціативы: таковы были господствующія идеи вѣка, изъ которыхъ исходили и Лейбницъ и наши публицисты эпохи преобразованій. Но универсальный умъ Лейбница, естественно, яснѣе и глубже изображалъ общія основы данной проблемы—распространенія просвѣщенія въ Россіи, — тогда какъ наши публицисты пытались, главнымъ образомъ, выяснить практическіе результаты, къ какимъ вело разрѣшеніе этой проблемы.

Итакъ, интересъ къ теоретическому знанію, побужденія къ общему образованію не могли въ эпоху преобразованій

---

[1]) *В. И. Герье*, Отношенія Лейбница къ Петру Великому, «Журн. Мин. нар. просв.», 1870 г., части CXLVII—CXLVIII.

освободиться отъ подавляющаго вліянія государственной пользы, которымъ такъ ярко окрашена вся эта эпоха. И долгое время впослѣдствіи, когда уже вполнѣ сознательно школѣ поставлена была новая цѣль—готовить не профессіональнаго работника, а просвѣщеннаго «человѣка и гражданина»—политика народнаго просвѣщенія не могла освободиться отъ сословно-профессіональныхъ тенденцій и вліянія практическихъ нуждъ государства. Ясныя и точныя понятія о сущности и задачахъ общаго образованія вырабатывались путемъ долгаго опыта.

Трудность вопроса заключалась въ томъ, что онъ никогда не могъ замкнуться въ кругу чистыхъ научныхъ и педагогическихъ цѣлей. Каждый новый планъ университетовъ, гимназій, народныхъ училищъ всегда необходимо являлся вопросомъ общегосударственнымъ, тѣсно связаннымъ и съ направленіемъ общей политики данной эпохи и съ борьбою общественныхъ міровоззрѣній, научныхъ, философскихъ и религіозныхъ, и съ практическими интересами государства и сословій. При Петрѣ Великомъ вопросъ о задачахъ и взаимномъ отношеніи профессіональнаго и общаго образованія былъ поставленъ впервые въ исторіи нашей политики просвѣщенія, и первые опыты его разрѣшенія неизбѣжно должны были страдать смѣшеніемъ основныхъ понятій. Можемъ-ли мы теперь, черезъ двѣсти лѣтъ, похвалиться, что овладѣли безспорнымъ, общепризнаннымъ разрѣшеніемъ проблемы общаго образованія?

IV.

Профессіональное образованіе въ его различныхъ видахъ не представляло единой, цѣльной системы и не выдѣлялось въ самостоятельную отрасль государственнаго управленія. Профессіональныя школы разныхъ спеціальностей распредѣлялись въ административномъ отношеніи по разнымъ вѣдомствамъ, техническія потребности которыхъ онѣ обслуживали, и получали отъ этихъ вѣдомствъ и учителей и матеріальныя средства.

На совершенно иныхъ основаніяхъ должно было зиждиться общее образованіе. Складываясь изъ нѣсколькихъ послѣдова-

тельныхъ цикловъ (низшаго, средняго и высшаго), оно, по самому существу своихъ задачъ, требуетъ объединенія всѣхъ этихъ цикловъ въ единую систему. Сознанное, какъ государственная потребность, общее образованіе стремится выдѣлиться и въ самостоятельную отрасль государственнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ самостоятельное значеніе и вопросы о подготовкѣ преподавательскаго персонала и о матеріальныхъ рессурсахъ. Всѣ эти вопросы возникаютъ передъ русскимъ обществомъ, какъ только оно начинаетъ овладѣвать самой идеей общаго образованія.

Внутренняя цѣльность проблемы народнаго просвѣщенія, связанность разнообразныхъ отдѣльныхъ средствъ этого просвѣщенія обстоятельно были выяснены Лейбницемъ въ его запискахъ о распространеніи наукъ и образованія въ Россіи. Въ запискѣ 1712 года, представленной Петру Великому въ Грейфсвальдѣ черезъ барона Шлейница, Лейбницъ настаивалъ, что бы рекомендованныя имъ просвѣтительныя предпріятія были введены сразу по одному плану, «par ce qu'il est bon qu'un tel dessein sait executé uniment par une esprit qui le dirige; comme une ville est tousjours plus belle quand elle est bâtée tout d'un coup, que lorsqu'elle s'est formée peu-à-peu à diverses reprises» [1]). Необходимость держаться въ политикѣ просвѣщенія такого цѣльнаго плана, въ которомъ всѣ отдѣльные циклы образованія приведены были бы во взаимную связь, сознавалось и нашими дѣятелями. Въ 1724 году между Петромъ Великимъ, лейбъ-медикомъ Блюментростомъ и В. Н. Татищевымъ произошелъ такой разговоръ. Блюментростъ просилъ Татищева, отправлявшагося въ Швецію, искать ученыхъ людей и приглашать ихъ въ профессоры въ новоучрежденную академію. На это Татищевъ, смѣясь, отвѣтилъ: «ты хочешь сдѣлать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и, гдѣ поставить, мѣста нѣтъ». На вопросъ Петра, что̀ онъ сказалъ, Татищевъ пояснилъ: «ищутъ учителей, а учить некого, ибо безъ нижнихъ школъ академія оная, съ великимъ расходомъ, будетъ безполезна». Тогда самъ го-

---

[1]) *Герье*, Сборникъ, № 148.

сударь сказалъ: «я имѣю жать скирды великія, токмо мельницы нѣтъ, да и построить водяную и воды довольно въ близости нѣтъ, а есть воды довольно во отдаленіи, токмо каналъ дѣлать мнѣ уже не успѣть для того, что долгота жизни нашея не надежна; и для того зачалъ перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудитъ къ построенной мельницѣ воду привести; зачало же того я довольно учинилъ, что многія школы маѳематическія устроены; а для языковъ велѣлъ по епархіямъ и губерніямъ школы учинити, и надѣяся, хотя плоды я не увижу, но оныя въ томъ моемъ отечеству полезномъ намѣреніи не ослабѣютъ» [1]). Облеченная здѣсь въ такую иносказательную форму мысль о необходимой связи между высшимъ и низшимъ образованіемъ, какъ увидимъ ниже, нашла себѣ выраженіе и въ первыхъ законодательныхъ актахъ объ учрежденіи академіи наукъ. Наконецъ, въ цитированной уже нами запискѣ В. Н. Татищева о новомъ устроеніи учебнаго дѣла въ Россіи мы находимъ набросокъ стройной системы просвѣщенія, какъ органической совокупности трехъ основныхъ категорій школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ: 1) семинарій — «для начинанія въ наученіи», 2) гимназій — «для произведенія нижнихъ и предуготовленія къ высокимъ наукамъ», 3) академій или университетовъ — «для произведенія въ совершенство въ богословіи и философіи и со всѣми частями». Къ этимъ основнымъ категоріямъ школъ примыкаютъ корпуса кадетовъ и академія наукъ, устроенная «порядкомъ иностраннымъ», т. е. какъ чисто ученое учрежденіе.

Система общаго образованія, какъ самостоятельный предметъ государственнаго попеченія, стоящій выше узкихъ спеціальныхъ интересовъ государственной службы, требовала созданія и учебной администраціи, какъ особой, самостоятельной отрасли государственнаго управленія, и этотъ вопросъ впервые былъ ясно поставленъ Лейбницемъ въ его планахъ о распространеніи въ Россіи наукъ и художествъ. Для Лейбница распространеніе наукъ и просвѣщенія есть дѣло преимущественно государст-

[1]) Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ, стр. 110.

венной власти. Онъ привѣтствуетъ Петра, какъ великаго государя, который единственно можетъ ввести просвѣщеніе въ своемъ огромномъ государствѣ для благополучія не только своего народа, но и всего человѣчества. Для государственной иниціативы особенный просторъ представляетъ именно Россія, такъ какъ въ отношеніи наукъ она еще почти tabula rasa. Поэтому въ Россіи государь можетъ ввести наилучшія, чѣмъ гдѣ бы то ни было, учрежденія и избѣгнуть многихъ ошибокъ, допущенныхъ ранѣе въ Европѣ. «Такъ дворецъ,—повторяетъ свою любимую мысль Лейбницъ,—сразу вновь выстроенный, всегда лучше выходитъ, чѣмъ тотъ, который строится и улучшается вѣками и много разъ передѣлывается». Въ одной запискѣ Лейбницъ даже подчеркнулъ, что введеніе новыхъ просвѣтительныхъ учрежденій можетъ быть сдѣлано совершенно легко, «fast ohne Mühe und Kosten». При такихъ взглядахъ на могущество государственной иниціативы и средствъ Лейбницъ, естественно, придавалъ большое значеніе вопросу о томъ государственномъ учрежденіи, въ рукахъ котораго должно было сосредоточиться дѣло просвѣщенія. Уже въ одной изъ первыхъ своихъ записокъ, относимой В. И. Герье къ 1697 году, Лейбницъ въ первую очередь выдвигаетъ основаніе центральнаго учрежденія для наукъ и художествъ (établissement général pour les sciences et arts). На обязанности этого учрежденія, составленнаго изъ лицъ, выдающихся умомъ, характеромъ, образованностью, лежитъ выработка общаго плана. Позже, въ запискахъ, относящихся къ 1711 году, Лейбницъ начерталъ чрезвычайно обширный кругъ обязанностей учено-административной коллегіи, далеко выходившій за предѣлы собственно учебнаго дѣла и отвѣчавшій тѣмъ разнообразнымъ интересамъ, съ какими связывались его просвѣтительные планы относительно Россіи. Кромѣ воспитанія юношества и пріисканія хорошихъ учителей и руководствъ, ученая коллегія обязана заботиться о разныхъ мѣрахъ для общественнаго здравія, объ изслѣдованіи и улучшеніи солянаго и мыловареннаго промысловъ, о физическихъ и техническихъ, особенно же объ астрономическихъ и магнитныхъ, наблюденіяхъ, важныхъ для мореплаванія, о всемъ, что́ касается до морского и рѣчного судоход-

ства, объ устройствѣ библіотекъ и кунстъ-камеръ, о собираніи разныхъ полезныхъ новостей изъ Европы и Китая, о приглашеніи искусныхъ людей и художниковъ; однимъ словомъ, должна содѣйствовать благосостоянію, обогащенію и процвѣтанію царскихъ владѣній посредствомъ художествъ и наукъ. Президентъ или директоръ этой коллегіи долженъ быть членомъ высшаго государственнаго совѣта при царѣ, а также тайнаго военнаго совѣта; члены же коллегіи имѣютъ званіе царскихъ совѣтниковъ или секретарей и изъемлются изъ подъ власти обыкновенныхъ судовъ. Имъ можетъ быть присвоенъ, по волѣ его величества, особый почетный знакъ для ношенія, чтобы внушить большее уваженіе къ нимъ и лучше обезпечить ихъ безопасность. Въ черновой запискѣ слѣдующаго, 1712 года Лейбницъ рекомендуетъ учредить «нѣкоторый особый совѣтъ» (une espèce de conseil particulier), на которомъ лежало бы общее попеченіе о введеніи, умноженіи и процвѣтаніи всѣхъ полезныхъ знаній въ Имперіи. Перечисливъ затѣмъ столь же разнообразныя функціи этого совѣта, Лейбницъ приравниваетъ его къ заграничнымъ ученымъ обществамъ или академіямъ наукъ и художествъ[1]).

Двойственный характеръ, ученый и учебно-административный, должна была имѣть ученая коллегія, проектированная въ числѣ другихъ девяти коллегій въ запискѣ о коллегіяхъ, приписываемой Лейбницу. Три главныя обязанности возлагаются помянутымъ проектомъ на ученую коллегію: 1) чины ея должны излагать свои знанія по наилучшимъ методамъ, постоянно въ нихъ упражняться и дѣлать новыя открытія, 2) заботиться о воспитаніи и научномъ образованіи юношества въ государствѣ, 3) подвергать посылаемое за-границу юношество испытаніямъ. Ближайшимъ образомъ организація какъ ученой, такъ и прочихъ девяти коллегій, въ данномъ проектѣ осталась неразъясненной. Сравнивая государственное управленіе съ часовымъ механизмомъ, авторъ замѣчаетъ только, что намѣченныя имъ 9 коллегій (1, Etats-C.; 2, Kriegs-C.; 3, Finanzen-C.; 4, Policey-C.; 5, Justice-C.; 6, Commerc-C.;

[1]) *Герье*, Сборникъ, №№ 73, 127, 143.

7, Religions-C.; 8, Revisions-C.; 9, Gelehrt-C.) могутъ быть разсматриваемы, «als Haupträder im Staats Uhr» [1]).

Въ то же время, когда Лейбницъ выступалъ со своими первыми предложеніями, касавшимися распространенія просвѣщенія въ Россіи, именно въ 1698 году, во время пребыванія Петра въ Англіи, нѣкто Френсисъ Ли составилъ проектъ учрежденія въ Россіи семи коллегій, какъ центральныхъ административныхъ органовъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ проектѣ поставлена была коллегія для поощренія ученья (for the advancement of learning), при чемъ авторъ проекта указывалъ на особенную важность хорошей постановки въ школахъ математики и другихъ прикладныхъ знаній. Затѣмъ въ числѣ другихъ коллегій Ли называлъ: коллегію для поощренія художествъ (for the encouragement of arts), занимающуюся изслѣдованіемъ пользы и удобопримѣнимости новыхъ изобрѣтеній и открытій, коллегію объ улучшеніи нравовъ (for the reformation of manners), изыскивающую средства борьбы съ пороками и награжденія добродѣтели, наконецъ, коллегію для распространенія христіанской религіи (for the propagation of the christian religion), распространяющую въ народѣ св. Писаніе въ славянскомъ переводѣ и христіанство среди инородцевъ; съ этой цѣлью устраивается особое училище для приготовленія миссіонеровъ [2]).

Съ учрежденіемъ коллегій связаны и еще нѣкоторыя предположенія объ органахъ, вѣдающихъ дѣло народнаго просвѣщенія.

Одинъ изъ наиболѣе полныхъ проектовъ коллегіальнаго устройства центральной администраціи составленъ былъ барономъ Люберасомъ. Въ числѣ прочихъ коллегій Люберасъ намѣчалъ «полицейскую коллегію». Въ проектѣ манифеста объ учрежденіи этой коллегіи ей поручалось «разсматривать съ прилежаніемъ и благоразуміемъ оказывающуюся въ юныхъ и совершенныхъ лѣтахъ нашихъ всякаго состоянія подданныхъ

---

[1]) *Герье*, Сборникъ, №№ 13, 73, 126, 127, 143.

[2]) *А. Г. Брикнеръ*, Исторія Петра Вел. (Спб., 1882), стр. 232—234. *П. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка, изд. 2-е (Спб. 1905), стр. 420.

остроту разума и отмѣнную предъ прочими къ тому или другому способность; дабы таковые не оставались въ невѣжествѣ и не погасили бы показывающагося пламени добраго ихъ духа; но при отличныхъ предъ другими данныхъ отъ Бога натуральныхъ дарованіяхъ имѣли бы случай упражняться въ механикѣ или другихъ художествахъ, въ коммерціи, или высокихъ наукахъ, въ честь Божію, для нашей службы и къ славѣ народа». Въ проектѣ «генеральнаго регламента» той же коллегіи обязанности послѣдней, касающіяся вопроса народнаго просвѣщенія, отмѣчены также кратко, въ общихъ выраженіяхъ. Въ § 8-мъ сказано: «какъ объ всемъ вышеписанномъ, такъ и о томъ, что намъ еще сверхъ сего касательно до полиціи, то-есть школъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ и тому подобнаго учредить заблагоразсудится, обязана коллегія съ опредѣленными въ городахъ отъ магистратовъ смотрителями, а въ уѣздѣ съ находящимися при губернскихъ канцеляріяхъ фискалами имѣть вѣрную переписку». Въ слѣдующихъ двухъ параграфахъ разъясняется обязанность коллегіи по «высматриванію» и подготовкѣ къ службѣ способной молодежи; § 9: «что касается до другой части членовъ нашей полицейской коллегіи, опредѣленныхъ ради высматриванія оказывающихся между нашими подданными способныхъ людей, то имѣемъ мы къ нимъ милостивую довѣренность, что они, будучи сами испытанные въ разныхъ наукахъ люди, не оставятъ изъ натуральнаго побужденія къ поспѣшествованію переимчивыхъ всеподданѣйше удовлетворять нашему всемилостивѣйшему намѣренію, попеченіе же ихъ будетъ состоять въ слѣдующемъ; § 10: «чтобъ они въ сходственность данныхъ о семъ всѣмъ нашимъ подданнымъ всемилостивѣйшихъ указовъ дѣлали нужное напоминаніе какъ при губернаторскихъ канцеляріяхъ, такъ и въ городовыхъ магистратахъ, по крайней мѣрѣ, всякую четверть года, и когда увѣдомлены будутъ объ отличной кого нибудь способности, то описывались бы именемъ коллегіи съ нимъ или съ его родителями и требовали о склонности, лѣтахъ, рожденіи, имѣніи обстоятельнаго увѣдомленія, а потомъ сообщали бы свое всеподданѣйшее мнѣніе, какимъ образомъ и къ чему такового употребить можно, дабы

имѣли случай къ наученію его сдѣлать дальнѣйшія распоряженія» [1]).

Изъ цитированныхъ параграфовъ генеральнаго регламента полицейской коллегіи можно составить болѣе или менѣе ясное представленіе только объ одной обязанности этой коллегіи, относившейся къ цѣлямъ скорѣе профессіональнаго, чѣмъ общаго образованія: это—забота о лучшей образовательной подготовкѣ способнѣйшихъ чиновниковъ, «высмотрѣнныхъ» въ учрежденіяхъ центральной и областной администраціи. Совершенно туманной представляется другая, несравненно болѣе важная обязанность полицейской коллегіи — содѣйствовать устройству начальныхъ школъ; дальше краткаго упоминанія, что полицейская коллегія должна входить по этому дѣлу въ сношенія съ органами мѣстнаго управленія, проектъ Любераса не пошелъ.

Необходимость особаго административнаго учрежденія для завѣдыванія школьнымъ дѣломъ понималъ и В. Н. Татищевъ. Въ заключеніе обширнаго трактата о пользѣ наукъ и училищъ онъ писалъ: «сіе есть главнѣйшее и нужнѣйшее въ государствѣ, чтобъ правленіе всѣхъ въ государствѣ училищъ было такое, которое бъ въ состояніи находилось всѣ вреды и препятствія ко умноженію наукъ предупредить и вкравшіяся отринуть, о сохраненіи общей пользы прилежать, а оную, колико удобно, умножать. А понеже науки и училища разныхъ качествъ и много о всемъ разсужденія всегда требуютъ, то

---

[1]) См. приложеніе VI къ настоящему труду. О проектахъ Любераса см. *Э. Н. Берендтсъ*, Баронъ А. Х. ф. Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи (Спб., 1891) и *Милюковъ*, Государственное хозяйство въ Россіи и т. д., стр. 428—437. Э. Н. Берендтсъ любезно сообщилъ мнѣ, что въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, въ связкѣ, содержащей копіи переводовъ съ записокъ Любераса о коллегіяхъ, онъ видѣлъ бумажку съ замѣткой: „Записка о народномъ образованіи барона Любераса—взята въ кабинетъ Ея Величества". Этой записки найти мнѣ не удалось. Слѣдуетъ еще упомянуть показаніе Татищева въ письмѣ къ Черкасову 1745 г.: „о училищахъ, чрезъ которыя бъ во всѣхъ обстоятельствахъ разсужденіями государству пользы приносились; сіе сначала мнится князь Яковъ Федоровичъ сочинялъ, потомъ графъ Брюсъ съ Фикомъ и старымъ Любрасомъ изъяснялъ и дополнялъ, что я у него съ нѣмецкаго на русскій переводить давалъ". *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXII (изд. 2), стр. 24—25.

весьма нужно, чтобъ для онаго особливое собраніе или коллегія учреждена была, которая бъ всегда на всѣ училища, какого бъ оныя званія ни были, внятное надзираніе на ихъ порядки и поступки, а ко исправленію и лучшему учрежденію власть имѣла. И для того весьма потребно изъ главнѣйшихъ россійскихъ какъ духовныхъ, такъ мірскихъ, хотя по одной персонѣ, а къ тому для помощи нѣколико посредственныхъ опредѣлить; а наипаче такихъ, которые какъ въ наукахъ нѣколико знанія и охоты имѣютъ, тобъ въ ревности и прилежности не оскудѣвали. Чрезъ что въ краткое время, болѣе нежели до днесь, пользы государству во всѣхъ обстоятельствахъ пріобрѣстися можетъ, чего отъ сердца желаю и сей разговоръ оставляю».

Сопоставляя изложенныя сейчасъ предположенія и проекты объ устройствѣ въ составѣ высшаго государственнаго управленія особыхъ учебно-административныхъ органовъ, находимъ, что этотъ вопросъ стоялъ еще довольно шатко. Отчетливо выражалась только основная мысль, что распространеніе наукъ и просвѣщенія есть дѣло государственной иниціативы и потому должно быть введено въ кругъ задачъ государственнаго управленія. Но какія для того необходимо создать учрежденія, какова должна быть форма этихъ учрежденій, ихъ личный составъ, кругъ вѣдомства, средства, положеніе въ общей административной іерархіи,—всѣ эти вопросы намѣчены черезчуръ общими и не всегда достаточно опредѣленными штрихами.

Въ такомъ же духѣ слишкомъ общихъ, не разработанныхъ подробно указаній и предположеній выяснялось и второе условіе правильной постановки народнаго образованія—созданіе особой педагогической профессіи.

Съ точки зрѣнія Посошкова и Аврамова этого вопроса не возникало, такъ какъ обязанность народнаго образованія всецѣло возлагалась ими на духовенство. Лейбницъ, понимавшій просвѣщеніе Россіи въ формѣ пріобщенія ея къ западной цивилизаціи, полагалъ, прежде всего, необходимымъ привлеченіе въ Россію ученыхъ иностранцевъ, для чего необходимо создать разныя льготы, а также измѣнить или отмѣнить законы,

«которые пугаютъ иностранцевъ, особенно законъ, воспрещающій имъ свободный пріѣздъ и выѣздъ». Въ подробной запискѣ 1716 года о распространеніи наукъ и просвѣщенія въ Россіи Лейбницъ возложилъ обязанность подготовки спеціалистовъ преподавателей на университеты и отмѣтилъ необходимость соціальнаго возвышенія педагогической профессіи: профессоровъ высшихъ школъ слѣдовало приравнять, по его мнѣнію, къ высшимъ чинамъ придворной и административной службы въ центральныхъ учрежденіяхъ, учителей низшихъ школъ къ служащимъ по областной администраціи; слѣдовало также позаботиться о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи педагогической службы.

На вопросѣ о приготовленіи своихъ русскихъ учителей останавливался и Татищевъ. Допуская временно преобладаніе среди учителей иностранцевъ, за недостаткомъ собственныхъ ученыхъ людей, онъ требовалъ, «чтобы при оныхъ (иностранцахъ) хотя половина была русскихъ такихъ, которые хотя склонность къ наукамъ имѣютъ и къ тому могутъ изъ первыхъ обученныхъ и нѣколико въ арміи служившихъ употребиться». На будущее же время «можно изъ гимназій подлыхъ, взявъ въ каждую науку человѣка по два, въ помочь иностраннымъ опредѣлить, и тако чаятельно своихъ учителей со временемъ довольно способныхъ получить». Кромѣ того, Татищевъ предлагалъ содержать при шляхетскихъ училищахъ по нѣсколько учениковъ «изъ убожества», которые бы болѣе къ наукамъ прилежали, учителямъ помогали и сами впредь могли бы сдѣлаться совершенными учителями. Такъ намѣчалась соціальная физіономія новой, педагогической профессіи, на которую потратитъ много идеальныхъ красокъ педагогическая литература послѣдующей эпохи.

Третьимъ капитальнымъ условіемъ правильнаго осуществленія системы общаго образованія являлась наличность матеріальныхъ средствъ. И этотъ вопросъ начиналъ понемногу выясняться съ разныхъ сторонъ въ изучаемое время. Лейбницъ связывалъ его съ вопросомъ объ учрежденіи высшаго органа учебной администраціи. Въ одной изъ записокъ онъ предлагалъ ассигновать ежегодную сумму въ 10.000 тале-

ровъ въ главное распоряженіе лицу благонамѣренному и вполнѣ для этого пригодному, которое искренно интересуется успѣхами науки. Въ запискѣ объ учено-административной коллегіи Лейбницъ предлагалъ обезпечить успѣхъ ея дѣятельности предоставленіемъ ей разнообразныхъ доходовъ, наприм., дохода отъ китайской, каспійской и новой балтійской торговли, привилегій по книжной торговлѣ, изданію и печатанію календарей, указовъ, газетъ и т. д.

Аврамовъ, возлагавшій всецѣло обязанность народнаго просвѣщенія на церковь, требовалъ, однако, для нея матеріальной помощи отъ государства и предлагалъ добыть для этой цѣли средства путемъ особой монетной операціи [1]).

Татищевъ попытался уже составить цѣльный бюджетъ народнаго просвѣщенія.

Весь расходъ на существующія ученыя и учебныя учрежденія (академію наукъ, кадетскій корпусъ, адмиралтейское, артиллерійское и инженерное училища, московскую спасскую гимназію, обученіе разнымъ ремесламъ—всего съ 1.850 учащихся) онъ исчислялъ въ 160.000 руб. Новый же, составленный имъ, планъ учебной системы, доводившій число учащихся до 21.000, требовалъ значительно меньшей суммы — 110.000 руб. Обращаетъ на себя вниманіе соотношеніе расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ этого бюджета. На низшее образованіе (мужскія и женскія семинаріи во всѣхъ городахъ при 12.000 учащихся) положено 6.000 руб.; на среднее образованіе (4 гимназіи съ 6.000 учениковъ)—16.000 р.; на два университета съ 2.000 учащихся—12.000 р.; на кадетскій корпусъ съ 500 учащихся — 48.000 р.; на 2 академіи мануфактуръ, художествъ и всякихъ ремеслъ съ 500 учащихся—10.000 р.; на академію наукъ — 7.000 р.; на учебную администрацію—12.000 р. Особо исчислялись расходы на оборудованіе училищъ библіотеками и инструментами—19.000 р., на выписываніе учителей — 10.000 р., на особую академію «для исправленія, сочиненія потребныхъ книгъ и для переводовъ»—4.000 р.

---

[1]) Сочиненія Посошкова, ч. 2-я, стр. 292, 304 и слѣд.

Такой составъ бюджета народнаго просвѣщенія весьма характеренъ для своего времени. Въ немъ прежде всего бросается въ глаза ничтожность суммы, опредѣляемой на начальное образованіе. Это потому, конечно, что подъ начальнымъ образованіемъ здѣсь подразумѣвалось образованіе элементарное для дворянства и разночинцевъ, а не образованіе широкой народной массы, остающееся на обязанности церкви и помѣщиковъ. Центръ тяжести бюджета лежитъ въ среднемъ и высшемъ образованіи, которымъ особенно заинтересованы государственная власть и привилегированные общественные классы. Хотя учебная система, бюджетъ которой составилъ Татищевъ, въ основѣ своей есть система общаго образованія, тѣмъ не менѣе въ ней рѣзко отразились сословные и практическіе интересы того времени: сумма, ассигнуемая на кадетскій корпусъ, составляетъ почти половину всего бюджета, а на академіи мануфактуръ и ремеслъ положено почти столько же, сколько и на университеты.

Итакъ, въ публицистикѣ первой половины XVIII вѣка былъ затронутъ полный, можно сказать, кругъ вопросовъ, изъ которыхъ слагалась проблема общаго образованія, и тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя были необходимы для ея практическаго осуществленія. Но самая постановка этихъ вопросовъ и способы ихъ трактованія показывали, что для разрѣшенія данной проблемы въ общественномъ сознаніи еще не было твердой почвы. Представители стараго, церковнаго міросозерцанія очень ярко ставили вопросъ о просвѣщеніи народной массы, но, не признавая другого просвѣщенія, кромѣ религіозно-нравственнаго, въ духѣ господствующаго исповѣданія, они не могли точно опредѣлить ни самостоятельныхъ задачъ и содержанія свѣтскаго, научнаго образованія, ни конкретныхъ формъ этого образованія въ видѣ той или другой системы школъ, ни роли государства въ данномъ дѣлѣ. Строить планы государственной системы свѣтскаго образованія можно было только на почвѣ новаго раціоналистическаго міросозерцанія, въ которое втягивалось русское общество, пережившее эпоху преобразованій, и по трудамъ В. Н. Татищева, типичнѣйшаго представителя этого общества, можно прослѣдить, какъ образовательные интересы по-

слѣдняго вели къ выработкѣ болѣе или менѣе стройной системы просвѣщенія. Попытки уяснить задачи и сущность научнаго просвѣщенія и найти для него надлежащія формы не были, сообразно со всей обстановкой даннаго времени, работой надъ чистыми научными и педагогическими понятіями. Эти попытки находились въ тѣсной зависимости отъ сложныхъ практическихъ интересовъ государства и общества. Государственный интересъ въ духѣ жесткой практичности, характерной для эпохи петровскихъ преобразованій, не позволялъ точно разграничить образованіе общее отъ прикладного; а отсюда возникалъ рядъ трудностей для построенія системы общаго образованія. Неблагопріятное дѣйствіе оказывало также развитіе духа сословной обособленности и исключительности въ русскомъ обществѣ. Вся проблема просвѣщенія трактовалась съ точки зрѣнія интересовъ преимущественно высшихъ классовъ, особенно шляхетства. Просвѣщеніе широкой народной массы, на которомъ сосредоточены были мысли представителей стараго міросозерцанія, Посошкова и Аврамова, отодвинуто было на задній планъ представителемъ шляхетской интеллигенціи—Татищевымъ, и его система просвѣщенія не можетъ быть названа народною въ широкомъ смыслѣ слова. То же преобладаніе практическихъ интересовъ высшихъ сословій отразилось и на пониманіи задачи и сущности общаго образованія. Если, съ одной стороны, интересы дворянства и требовали включенія въ систему профессіональнаго образованія многихъ элементовъ общаго образованія, то, съ другой стороны, преобладаніе практическихъ, матеріальныхъ интересовъ понижало самостоятельную цѣнность чистаго общаго образованія и оно оцѣнивалось, прежде всего, какъ фундаментъ для образованія прикладного.

Теперь мы должны изучить, какъ отозвалось законодательство на возникавшій понемногу интересъ къ общему образованію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вопросы общаго образованія въ законодательствѣ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ рѣшительно отрицаетъ самостоятельное значеніе идеи общаго образованія въ нашемъ законодательствѣ первой половины XVIII вѣка. Вотъ его слова: «въ половинѣ XVIII в. народное образованіе не включено въ составъ задачъ государственнаго управленія, какъ самостоятельная часть его. Проблескъ сознанія о томъ, что государство должно заботиться о народномъ образованіи, независимо отъ непосредственнаго приложенія его къ государственной службѣ, — проблескъ, отмѣченный нами въ исторіи конца XVII в., погасъ. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлію всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства» [1]).

Категоричность этого общаго заключенія нѣсколько ослабляется существенными, уже отчасти знакомыми намъ, оговорками самого автора. «Хотя наклонность къ системѣ исключительно профессіональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ первыхъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія и системы развитія его въ обществѣ законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ». Съ другой стороны, точное представленіе объ исключительномъ господствѣ профессіональныхъ цѣлей въ законодательствѣ «примѣняется вполнѣ не ко всей эпохѣ. Во время полной организаціи сословій (а эту организацію авторъ относитъ именно къ 1720-мъ годамъ) сословія сами создаютъ для себя объемъ и содержа-

[1]) Государство и нар. образованіе, стр. 154—155.

ніе образованія и вмѣсто военнаго, церковнаго, юридическаго, медицинскаго и пр. образованія является образованіе дворянское, сословно-духовное, приказное и проч.». «Съ развитіемъ сословной организаціи образованіе теряетъ чисто-профессіональный характеръ, составъ его опредѣляется уже не одними требованіями профессіи, но и потребностями сословій». «Въ понятіи объ образованіи это составляетъ шагъ впередъ: законодательство и администрація, въ своихъ дѣйствіяхъ по народному образованію, имѣютъ въ виду уже не однѣ различныя части государственной службы, а именно образованіе хотя еще только образованіе шляхтича, духовнаго, подъячаго, а не человѣка. Самыя простыя понятія суть понятія самыя сложныя; медленнымъ историческимъ путемъ доходитъ общество до признанія тѣхъ явленій, которыя даетъ природа». Наконецъ, въ учрежденіи академіи наукъ съ университетомъ и гимназіей открывается начало общаго образованія, послужившее подготовкой къ екатерининской системѣ просвѣщенія [1]).

Къ этимъ совершенно правильнымъ оговоркамъ слѣдуетъ прибавить еще одно замѣчаніе.

Во вторую половину эпохи преобразованій, когда наше государственное управленіе начинаетъ принимать типическія черты полицейскаго государства, въ законодательныхъ актахъ, посвященныхъ реформѣ центральнаго и мѣстнаго управленія, уже проскальзываетъ довольно широкій взглядъ на задачи послѣдняго. Въ число задачъ полицейскаго государства, этого Zwangsanstalt für das Glück der Völker, по выраженію Л. Штейна, начинаетъ входить и забота о нравственномъ преуспѣяніи подданныхъ. Подавляя самостоятельность личности, подчиняя ее со всею совокупностью ея моральныхъ силъ своей власти, полицейское государство не пренебрегаетъ этими силами, но стремится направить ихъ къ высшей цѣли, общему благу. Въ трудѣ М. М. Богословскаго объ областной реформѣ Петра Великаго прекрасно изображенъ этотъ идеализмъ петровскаго законодательства. «Не только матеріальные успѣхи,

[1]) Ibid., стр. 124, 158, 166, 167, 189, 191.

но умственное и нравственное совершенство населенія и въ конечной цѣли снисканіе Божія благословенія на все государство—вотъ тотъ возвышенный путь, по которому должна вести управляемыхъ администрація» [1]). Въ число задачъ «полиціи» петровскій законъ уже прямо ставитъ воспитаніе юношества «въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ».

Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать значенія законодательнаго идеализма петровской эпохи. Этотъ идеализмъ полицейскаго государства, переоцѣнивавшаго силу собственной инициативы и средствъ и не допускавшаго свободной самодѣятельности личности и общества, обычно не находилъ твердой почвы для своихъ возвышенныхъ плановъ. Какъ бы то ни было, къ концу петровской эпохи выясняются условія, совокупность которыхъ благопріятствовала, казалось бы, законодательной постановкѣ самостоятельной проблемы общаго образованія. Еще разъ припомнимъ, что эволюція профессіональнаго образованія требовала, чтобы послѣднее строилось на извѣстномъ фундаментѣ общаго образованія. Образовательные интересы привилегированнаго дворянства клонились къ выработкѣ такого типа образованія, которое стояло уже на границѣ профессіональнаго и общаго и которое мы назвали сословно-общимъ. Въ публицистикѣ, подходившей къ вопросамъ образованія съ точки зрѣнія государственныхъ пользъ, начинаетъ высказываться мысль, что для государства нужны не одни техническія знанія, но и «всенародное обученіе» во всякихъ «свободныхъ наукахъ». Такіе противоположные другъ другу по основамъ своего міросозерцанія мыслители, какъ Посошковъ и Татищевъ, ясно выражаютъ, каждый, конечно, въ особой формѣ, идею общаго образованія, т.-е. образованія, имѣющаго цѣлью всестороннее совершенствованіе человѣческой природы. Наконецъ, законодательство усваиваетъ основную идею полицейскаго государства, идею «общаго блага», какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго; въ число средствъ достиженія этого блага должна была стать и общеобразовательная

[1]) Областная реформа Петра Великаго (М., 1902), стр. 65.

школа, воспитывающая юношество «въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ».

Если же мы обратимся теперь къ тому, что́ было въ дѣйствительности предпринято законодательствомъ первой половины XVIII вѣка для насажденія общаго образованія, то увидимъ, что это были частичные, разрозненные, лишенные органической связи между собою опыты, въ большинствѣ на практикѣ неудачные. Необходимо внимательно изслѣдовать эти опыты, такъ какъ въ нихъ должны были обнаружиться тѣ главныя препятствія, съ которыми встрѣтится политика просвѣщенія въ послѣдующее время, когда въ основу ея ляжетъ всецѣло идея общаго образованія.

I.

Новгородскій митрополитъ Іовъ въ одномъ письмѣ къ Я. П. Корсакову, 16 октября 1710 года, жалуясь на притѣсненія, чинимыя государевыми писцами духовенству, сообщалъ, между прочимъ, такой фактъ: переписчики «ихъ же священниковъ безсрочно неволятъ на всякомъ погостѣ строити школы и велятъ учити разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строити и кому быть учителями и какимъ наукамъ учениковъ учити и по какимъ книгамъ учитися и откуда пищу имѣти и всякую школьную потребу пріимати, того они переписчики опредѣлити не имѣютъ, точію говорятъ: впредь указъ будетъ. А у насъ и своихъ издавна много обрѣтается школьниковъ и пищи указныя требуютъ» [1]).

Несмотря на всю свою краткость, это извѣстіе сообщаетъ весьма выразительный фактъ. Передъ нами, очевидно, попытка оживить внѣшнимъ понужденіемъ традицію стараго церковно-приходскаго образованія и, можетъ быть, внести въ нее новые свѣжіе элементы («разныя науки»). Но ясно так-

---

[1]) *И. А. Чистовичъ*, Новгородскій митрополитъ Іовъ, жизнь его и переписка, въ „Странникѣ“, 1861 г., февраль, стр. 88. О переписи 1710 г. см. *М. Клочковъ*, Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени, т. I (Спб. 1911), стр. 20—70.

же, что эта попытка не была исполненіемъ широкаго и зрѣло обдуманнаго плана. Она сдѣлана мимоходомъ въ такой моментъ, когда правительство совсѣмъ не въ состояніи было удовлетворительно отвѣтить на тѣ тревожные вопросы, какіе вызывались предъявленнымъ къ духовенству требованіемъ открывать повсемѣстно школы для обученія разнымъ наукамъ. Это былъ моментъ, когда передъ правительствомъ еще во всей своей остротѣ стояли на первомъ планѣ матеріальныя, военныя и финансовыя, нужды и затрудненія, когда старый порядокъ государственнаго управленія рушился, а новый едва зарождался. При такихъ условіяхъ станетъ понятнымъ случайный характеръ помянутой попытки возбудить вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, которыя могли быть только общеобразовательными, и совершенная безрезультатность этой попытки.

Слѣдующимъ, уже болѣе настойчиво проведеннымъ, опытомъ насажденія обязательнаго начальнаго образованія обычно считаютъ заведеніе Петромъ Великимъ цыфирныхъ школъ. Проф. Владимірскій-Будановъ правильно отмѣтилъ двусторонность, такъ сказать, этой оригинальной системы начальнаго образованія: элементарность и общеобязательность — съ одной стороны, узко математическій характеръ — съ другой [1]). Чтобы оцѣнить дѣйствительное значеніе цыфирныхъ школъ въ политикѣ просвѣщенія первой половины XVIII вѣка и вложенной въ нихъ идеи всеобщности и обязательности начальнаго образованія, необходимо прослѣдить конкретную послѣдовательность узаконеній объ этихъ школахъ.

Въ 1711—1714 годахъ шла усиленная работа надъ новымъ порядкомъ дворянской службы и надъ средствами подготовки къ ней. Въ эти годы происходили частые смотры, на которые дворяне обязаны были являться подъ страхомъ жестокихъ наказаній (конфискаціи имущества); на смотрахъ молодые дворяне опредѣлялись — кто въ спеціальныя школы, кто въ заграничное ученье, кто прямо въ службу, въ полки и къ гражданскимъ дѣламъ. Нѣкоторые дворянскіе недоросли

---

[1]) Op. cit. стр. 14 и слѣд.

послѣ смотровъ отпускали по домамъ, но съ тѣмъ, «чтобы всегда были во всякой готовности» [1]). Можно думать, что эта готовность дворянскаго недоросля, ожидавшаго вызова на дѣйствительную службу или въ спеціальную школу, должна была выражаться, между прочимъ, и въ нѣкоторомъ образованіи. Указъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 года, объясняя, что не получившіе недвижимости должны себѣ хлѣба искать службою, *ученьемъ*, торгами и проч., возлагалъ на наслѣдника недвижимости, какъ опекуна своихъ братьевъ и сестеръ, обязанность «учить всѣхъ грамотѣ, а мужескій полъ и цыфирному счету, также и наукамъ, къ которымъ приклонность кто будетъ имѣть» [2]). Такимъ образомъ признавалась необходимость пріобрѣтенія дворянами на мѣстахъ элементарнаго образованія прежде поступленія въ столичныя высшія профессіональныя школы или въ гвардію для прохожденія «съ фундамента» военной службы. Можно предполагать, что первая мысль о провинціальныхъ математическихъ школахъ явилась въ непосредственной связи съ заботами о новомъ порядкѣ дворянской службы.

Первый именной указъ 20 января 1714 года о посылкѣ въ губерніи математическихъ учителей говорилъ объ ученіи цыфири и геометріи прежде всего дворянскихъ (кромѣ одно-дворцевъ), а также приказнаго чина дѣтей, съ предупрежденіемъ, что «невольно будетъ жениться» тѣмъ, кто не выучится указаннымъ наукамъ; для того надлежало предупредить архіереевъ о невыдачѣ вѣнчальныхъ памятей безъ соизволенія тѣхъ, кому школы будутъ приказаны. Къ этому указу присоединены были повелѣнія еще о нѣкоторыхъ совершенно постороннихъ и разнородныхъ предметахъ: о недѣланіи мѣдныхъ денегъ, объ отдачѣ смолы на ефимки, объ избираніи «ландраторовъ» въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворянами, «о первенствѣ» (?) [3]). По краткости и неразвитости своего содержанія, по обстановкѣ, въ какой онъ

---

[1]) П. С. З., № 2771.
[2]) Ibid., № 2789.
[3]) Ibid., № 2762.

появился, этотъ первый указъ о математическихъ провинціальныхъ школахъ производитъ впечатлѣніе скороспѣлой, недостаточно продуманной мѣры. Это одинъ изъ тѣхъ, по выраженію проф. Ключевскаго, «мимолетныхъ указовъ» Петра, въ которыхъ Сенатъ часто «долженъ былъ угадывать еще не сформировавшуюся мысль законодателя» [1]). Непосредственная цѣль указа не выходила изъ круга задачъ новой организаціи служилаго класса, дворянства и приказнаго чина.

Въ этомъ первомъ указѣ о математическихъ провинціальныхъ школахъ самымъ оригинальнымъ пунктомъ является установленіе обязательности обученія подъ страхомъ воспрещенія вступать въ бракъ. По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, «этотъ весьма нераціональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребность въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи». Противъ этого мнѣнія возражалъ проф. П. Е. Андреевскій, объяснившій данную мѣру простымъ заимствованіемъ изъ Швеціи, гдѣ она съ большимъ успѣхомъ была проведена относительно народныхъ школъ: по закону Карла XI никто не могъ вступать въ бракъ безъ конфирмованія, а послѣднее возможно только для умѣющихъ читать. Точнѣе будетъ сказать, что изъ Швеціи могла быть заимствована только одна мысль о воспрещеніи вступленія въ бракъ лицамъ, не получившимъ элементарнаго образованія, но не самый законъ Карла XI 1686 года. Этотъ законъ вмѣнялъ въ обязанность капеланамъ или кистерамъ обучать дѣтей прихожанъ грамотѣ; священники же должны были наставлять ихъ въ началахъ религіи; тому не разрѣшалось вступать въ бракъ, кто не изучилъ наизусть малаго катехизиса Лютера и не пріобщился св. Тайнъ; обязанность наблюдать за исполненіемъ закона возложена была на епископовъ. Ясно, что первые указы о разсылкѣ по губерніямъ математическихъ учителей для обученія дворянскихъ и приказнаго чина людей по цѣли и духу существенно отли-

[1]) Курсъ русской исторіи, т. IV, стр. 232.

чались отъ шведскаго закона 1686 года. Такимъ образомъ, вполнѣ вѣроятное предположеніе И. Е. Андреевскаго о заимствованіи изъ Швеціи способа принужденія къ элементарному обученію не колеблетъ взгляда, что цыфирныя школы въ первоначальной постановкѣ принадлежали къ сферѣ профессіональнаго образованія въ томъ смыслѣ, что онѣ должны были давать элементарную подготовку служилымъ классамъ для дальнѣйшаго профессіональнаго образованія и службы [1]).

Наспѣхъ набросанный, указъ 20 января 1714 года вскорѣ облекся въ болѣе развитую и совершенную форму. Именнымъ указомъ 28 февраля (одновременно съ именнымъ же указомъ о новомъ сборѣ дворянскихъ недорослей на смотры) вновь повелѣно было во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина дѣтей, кромѣ однодворцевъ, отъ 10 до 15 лѣтъ, учить цыфири и нѣкоторой части геометріи; для того послать математическихъ школъ учениковъ по нѣсколько человѣкъ въ губернію къ архіереямъ и въ знатные монастыри, и въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ отвесть имъ школы; далѣе опредѣлялся размѣръ и порядокъ вознагражденія учителей изъ губернскихъ доходовъ и сбора съ учениковъ по окончаніи ученья; въ заключеніе подтверждалось, чтобы безъ свидѣтельства отъ учителей «жениться не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать» [2]). Въ этомъ указѣ наиболѣе важно предписаніе помѣщать математическія школы въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ; этимъ предопредѣлялся вопросъ, дѣйствительно поставленный впослѣдствіи, о сліяніи математическихъ школъ съ архіерейскими, которыя, какъ мы знаемъ, въ данное время были ничѣмъ инымъ, какъ общеобразовательными элементарными школами.

Не прошло двухъ лѣтъ, какъ математическимъ провинціальнымъ школамъ указана была существенно иная задача. Изъ приготовительныхъ школъ для дѣтей служилаго класса,

---

[1]) *Владимірскій-Буда новъ*, op. cit., стр. 17. *И. Андреевскій*, рецензія на сочиненіе проф. Владим. - Буданова въ „Сборникѣ государств. знаній В. П. Безобразова“, т. I, отдѣлъ критики и библіографіи, стр. 23—24. *W. Rein*, Encyklopädisches Handbuch der Pädagogik, 2-e Aufl., Band. VII, s. 389.

[2]) П. С. З., № 2778, 2779.

прежде всего для дворянъ, онѣ должны были превратиться въ элементарныя общеобразовательныя школы для всякаго чина людей, кромѣ дворянъ. Чѣмъ объяснить эту столь рѣзкую перемѣну? На 1714—1715 годы приходится нѣсколько строгихъ мѣропріятій, касающихся дворянской службы и обученія, мѣръ, въ которыхъ чувствуется раздраженіе и недовольство поведеніемъ дворянства. Именнымъ указомъ 26 сентября 1714 года объявлено было о новой явкѣ въ Сенатъ къ марту слѣдующаго года всѣхъ дворянъ, ихъ дѣтей и сродниковъ, отъ 30 до 10 лѣтъ, подъ угрозою отдачи пожитковъ и деревень неявившихся на смотръ доносчикамъ. 20 декабря слѣдующаго года предписано было всѣхъ, какіе есть въ Россіи, знатныхъ особъ дѣтей выслать въ ту же зиму въ С.-Петербургскую школу, а въ чужіе края не посылать [1]). Утомленная и напуганная частыми смотрами, тяжелой службой и не менѣе непріятными условіями обязательнаго спеціальнаго обученія, нѣкоторая часть дворянской молодежи пыталась было найти спасеніе въ высшей духовной, а вмѣстѣ и общеобразовательной, школѣ, но за эту попытку понесла жестокую и унизительную кару. Поступившихъ самовольно, вмѣсто навигацкой школы, въ славяно-латинскую академію посылали на три года «въ галерную работу» или заставляли въ Петербургѣ на Мойкѣ бить сваи подъ пеньковые амбары. Съ 1715 года Петръ усиленно настаиваетъ на сосредоточеніи дворянской молодежи въ столичныхъ высшихъ профессіональныхъ свѣтскихъ школахъ и въ то же время съ обычною прямолинейностью мѣняетъ свой взглядъ на значеніе для дворянства предварительнаго образованія на мѣстахъ, въ губерніяхъ, въ цыфирныхъ школахъ. По первоначальной мысли Петра это обученіе было необходимымъ условіемъ «всякой готовности», въ какой долженъ былъ находиться дворянинъ въ ожиданіи вызова на дѣйствительную службу или въ высшую спеціальную школу. Теперь, встрѣчаясь съ попытками дворянства уклониться отъ этой спеціальной школы, Петръ заключилъ, что и элементарное образованіе на мѣстахъ, въ цыфирныхъ шко-

[1]) Ibid., № 2845, 2968.

лахъ, можетъ быть такимъ средствомъ уклоненія отъ службы и спеціальнаго обученія, какъ и высшая общеобразовательная школа—духовная академія.

Когда именно состоялось запрещеніе принимать дворянъ въ цыфирныя школы? Отъ 28 декабря 1715 года имѣемъ именной указъ о посылкѣ изъ школы адмирала Апраксина учителей географіи и геометріи въ губерніи по 2 человѣка «для науки молодыхъ рабятокъ изо всякихъ чиновъ людей» [1]). Это первое точное указаніе на всесословность цыфирныхъ школъ.

25 января 1716 года адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ получилъ указъ о порядкѣ разсылки математическихъ учителей по губерніямъ, и въ этомъ указѣ находимъ ссылки на предшествующіе указы 31 декабря 1715-го и 18 января 1716 года. Ссылка эта такова: «Декабря 31 числа прошлаго 1715 г. великій государь указалъ, по именному своему великаго государя указу, въ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина дьячьихъ и подъяческихъ дѣтей по прежнему его, великаго государя, именному указу прошлаго 714 г., февраля 28, числа учить цыфири и нѣкоторую часть геометріи» и т. д. «А сего генваря 18 числа великій государь указалъ по именному своему, великаго государя, указу вышеписанныхъ наукъ учить въ губерніяхъ дьячьихъ и подъяческихъ и всякаго чина людей дѣтей по прежнимъ его, великаго государя, указамъ 714 г. февраля 28, 715 г. декабря 28 числъ, окромѣ дворянскихъ дѣтей, и для того ученья взять по прежнему изъ школы такихъ, которые географію и геометрію выучили и послать во всякую губернію по два человѣка» и т. д. Изъ контекста этой ссылки и можно заключить, что запрещеніе дворянскимъ дѣтямъ учиться въ цыфирныхъ школахъ послѣдовало именно 18 января 1716 года [2]).

Отъ слѣдующаго мѣсяца сохранился указъ, которымъ въ цыфирныя школы привлекались прежде всего дѣти духовенства. Этимъ указомъ предписывалось: «обучать поповскихъ

---

[1]) Ibid., № 2971.

[2]) Архивъ Морск. Минист., Дѣла Адмирал. Канцеляріи, № 115 (1716 г.), л. 1361.

и другихъ церковнаго, такожъ и купеческаго чину и дворовыхъ людей дѣтей, кромѣ шляхетства, ариѳметикѣ и до окончанія наукъ, которымъ они сами (учителя) обучены, и для того послать съ ними къ губернаторамъ свои, великаго государя, грамоты, дабы они, губернаторы, всякій въ своей губерніи, объявили о томъ архіереямъ, чтобъ они о томъ вышеозначенномъ, ради всенародной пользы, обученіи были извѣстны и тѣмъ вышеписаннымъ посланнымъ съ Москвы (учителямъ), въ бытность ихъ при ученіи, велѣли давать кормовыхъ денегъ по три алтына по двѣ деньги человѣку на день изъ ихъ архіерейскихъ доходовъ и приказали бъ, кому пристойно, надъ ними надзирать непрестанно, чтобъ тѣ посланные собранныхъ дѣтей обучали, а дѣти учились со всякимъ тщаніемъ безлѣностно, и для того велѣли бъ во всѣхъ городѣхъ поповскихъ, дьяческихъ и другого церковнаго чина нежонатыхъ всѣхъ переписать и къ тому обученію въ опредѣленныя мѣста высылать немедленно, а прочихъ чиновъ дѣтей, кромѣ шляхетства, призывать, чтобъ они шли въ то ученье безъ всякаго сумнительства и опасенья, ибо то его величества соизволенье не ради чего другого, но точію для народной пользы, и не обуча церковнаго чина дѣтей женить и вѣнечныхъ памятей давать не велѣть» [1]).

---

[1]) Ibid., л. 1191. Въ неизданныхъ указахъ 1716 года содержится нѣсколько интересныхъ данныхъ о наборѣ первыхъ учителей для цыфирныхъ школъ. Въ февралѣ этого года учителю Московской навигацкой школы Леонтію Магницкому повелѣно было для посылки въ губерніи „выбрать учениковъ 20 человѣкъ, кромѣ шляхетства, и прислать къ смотру въ Адмиралтейскую канцелярію съ доношеніемъ немедленно“. 12 апрѣля Магницкій донесъ, что онъ выбралъ изъ своей школы только 6 человѣкъ („а больше изъ такихъ породъ достойныхъ не явилось“), да изъ школы Степана Гвина 14 человѣкъ. По происхожденію эти будущіе учителя распредѣлялись такъ: драгунскаго полка солдатскій сынъ—1, преображенскаго полка—1, бутырскаго полка—1, изъ дворового чина—3, изъ людей боярскихъ—3, посадскаго чина—9, церковнаго чина—2. По научной подготовкѣ всѣ эти лица „происходили изъ нижеписанныхъ наукъ“: изъ діурналъ—1, изъ навигаціи плоской—15, изъ тригонометріи—3, изъ геометріи—1. Послѣ смотра изъ присланныхъ навигаторовъ четверо изъ нихъ (1 драгунскаго сержанта сынъ и 3 дворового чина) были отосланы снова въ школу въ ученье, а на ихъ мѣсто велѣно было „выбрать не изъ знатныхъ породъ трехъ человѣкъ, кромѣ шляхетства и преображенскаго и дворового чина. Вновь выбраны были 2

Запрещеніе поступать въ цыфирныя школы дворянамъ, для которыхъ первоначально эти школы и были заведены, должно было, казалось, существенно измѣнить и составъ ихъ курса. Одностороннее математическое содержаніе этого курса, оцѣниваемое нѣкоторыми историками, какъ «странная прихоть законодателя», не должно представляться страннымъ, доколѣ цыфирныя школы предназначались прежде всего и главнымъ образомъ для дворянства. Элементарное математическое знаніе считалось первой образовательной ступенью для дворянства, готовящагося къ спеціальнымъ военнымъ школамъ, къ военной и технической службѣ. Почему односторонній математическій характеръ курса цыфирныхъ школъ остался безъ измѣненія и послѣ того, какъ онѣ превратились въ разносословныя элементарныя школы, о томъ приходится догадываться по совокупности внѣшнихъ условій, направлявшихъ судьбу этихъ школъ послѣ 1715 года.

Послѣ разсылки по губерніямъ первой партіи математическихъ учителей царь, повидимому, переставъ интересоваться цыфирными школами, и о нихъ на нѣкоторое время прямо забываютъ. Только въ 1719 году Сенатъ получаетъ крайне

изъ людей боярскихъ и 1 изъ посадскаго чина. Въ концѣ концовъ всего послано было 16 человѣкъ, по 2 на губернію: Московскую, Рижскую, Сибирскую, Кіевскую, Казанскую, Азовскую, Архангельскую, Нижегородскую. Петербургская губернія была исключена „понеже въ той губерніи школа есть". Ibidem, лл. 1362—1372. См. прилож. IV къ настоящ. изслѣдованію. Сравн. списокъ учителей 1722 г. въ „Описаніи документовъ и дѣлъ Архива Св. Синода", т. II, ч. 1-я, прилож. № XXXIX.

Приведемъ еще нѣсколько, извлеченныхъ изъ Архива Морск. Минист., данныхъ изъ исторіи цыфирныхъ школъ. 12 іюня 1714 г. адмиралтейскій коммиссаръ Андрей Бѣляевъ, завѣдывавшій математическою школою, извѣщалъ Ѳ. М. Апраксина, что „по присланному изъ Сената указу о разсылкѣ по всѣмъ губерніямъ учителей ради наученья ариѳметикѣ разныхъ чиновъ дѣтей ни откуда требованія такихъ учителей не было". Дѣла гр. Апраксина, № 75, л. 62 об. Въ 1721 г. Сенатъ сообщилъ Адмиралтійской Коллегіи о донесеніи Рижскаго губернатора кн. Н. И. Репнина, что въ Ригѣ школъ нѣтъ и присланные учителя отпущены въ Петербургъ. Отъ Выборскаго коменданта Іевлева было получено донесеніе, что 5 человѣкъ дѣтей поповскихъ, дьяческихъ и таможеннаго бурмистра посланы въ Новгородскую школу, а изъ Пскова одинъ посадскій человѣкъ въ Псковскую, а кромѣ нихъ другихъ учениковъ не явилось. Именные и Сенатскіе указы Адмиралтейской Коллегіи 1721 г., № 4 (отд. 3-й), лл. 12, 242.

неутѣшительныя донесенія отъ капитанъ-поручика Скорнякова-Писарева, вѣдавшаго школы Псковскую, Новгородскую, Ярославскую, а также отъ навигаторовъ Московской и Вологодской школъ, что только въ одну Ярославскую выслано было изъ церковниковъ 26 человѣкъ, а въ другія школы и совсѣмъ никто не поступилъ. Послѣ этихъ донесеній послѣдовало 16 октября именное повелѣніе, чтобы по прежнимъ указамъ дѣти опредѣлялись въ школы, не упуская времени, «дабы учителя безъ дѣла не были и даромъ жалованья не получали». Въ такомъ смыслѣ посланы были 6 ноября 1719 года изъ Сената указы губернаторамъ о высылкѣ въ школы въ указанные лѣта, не упуская времени, безъ мотчанья, дьячьихъ и подъячьихъ дѣтей, посадскихъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ, и прочихъ чиновъ людей, кромѣ дворянъ; этотъ перечень, какихъ званій дѣти должны быть высылаемы въ школы, сдѣланъ былъ по просьбѣ самихъ учителей навигаторовъ, «чтобы никто не отговаривался» [1]).

Въ слѣдующемъ году въ Сенатъ поступило челобитье отъ посадскихъ людей каргопольцевъ, устюжанъ, вологжанъ и калужанъ, объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ обязательной высылки въ цифирныя школы: «принуждаютъ де ихъ высылать дѣтей въ школы и многихъ держатъ въ тюрьмахъ и за карауломъ, а дѣти де ихъ отъ 10 до 15 лѣтъ обучаются купечеству и вступаютъ въ торговые промыслы и сидятъ въ рядахъ за товарами и многіе нынѣ въ отъѣздѣ по торговымъ дѣламъ, а вышеписанной де наукѣ многія дѣти обучаются собою». По государеву указу Сенатъ опредѣлилъ: посадскихъ людей, хотя они и поименованы въ указѣ 6 ноября 1719 года, къ той наукѣ не понуждать, дабы не было убытка торговымъ людямъ и царскимъ доходамъ, а принимать въ ученье изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которые сами собою къ той наукѣ охоту возъимѣютъ; «да и кромѣ ихъ,—неожиданно прибавлялъ указъ,—противъ именного Его Имп. Вел. указу въ такомъ ученіи, которые возьмутся у другихъ чиновъ людей, обрѣтатися учениковъ будетъ довольное число». Затѣмъ Сенатъ подтверждалъ

[1]) П. С. З., № 3447.

прежніе указы о помѣщеніи школъ въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, а завѣдываніе школами поручалъ Скорнякову-Писареву въ Адмиралтейской Коллегіи, такъ какъ онъ управлялъ навигацкой школой [1]).

Скорнякову-Писареву скоро снова пришлось констатировать неудачу цыфирныхъ школъ и, вѣроятно, въ концѣ 1720 года онъ прислалъ въ Сенатъ донесеніе, что въ московскую школу за прошлые годы поступило 70 человѣкъ, а въ иныхъ губерніяхъ и провинціяхъ никого не прислано. На просьбу Скорнякова - Писарева вновь послать по губерніямъ подтвердительные указы Сенатъ отвѣтилъ 9 января 1721 года краткимъ подтвержденіемъ прежнихъ указовъ и предписаніемъ ему, Скорнякову-Писареву, впредь обращаться съ донесеніями уже не въ Сенатъ, а въ Адмиралтейскую Коллегію [2]).

Съ установленіемъ въ первой половинѣ 1720-хъ годовъ обязательности образованія для дѣтей духовенства у цыфирной школы долженъ былъ явиться опасный конкуррентъ, архіерейская школа, которая съ большимъ успѣхомъ могла сыграть роль школы общеобразовательной. Указомъ 20 октября 1721 года повелѣно было дѣтей дѣйствительно служащихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школы, учить по Духовному Регламенту въ архіерейскихъ школахъ, а къ ариѳметическимъ школамъ и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не требовать [3]).

Удаленіе и дѣтей духовнаго званія изъ цыфирныхъ школъ наносило послѣднимъ особенно сильный ударъ. Между тѣмъ архіерейскія школы, бывшія по существу, какъ мы знаемъ, школами элементарными общеобразовательными, привлекали къ себѣ дѣтей разныхъ сословій, и самъ Синодъ въ 1721—1722 годахъ, отказываясь высылать церковничьихъ дѣтей въ цыфирныя школы, указывалъ, что въ духовныхъ школахъ «для

---

[1]) Idiь., № 3575.
[2]) Ibid., № 3703
[3]) П. С. З., № 4975. „Полн. собр. постан. по вѣд. прав. испов.“, т. I, № 120; т. II, №№ 624, 850, 890.

полезныхъ св. церкви и государству наукъ, между прочими науками, и ариѳметическое и геометрическое ученье дѣйствоватися будетъ». Въ такихъ обстоятельствахъ естественно возникалъ вопросъ о сліяніи цыфирныхъ школъ съ духовными или, точнѣе, объ уничтоженіи цыфирныхъ школъ и о перенесеніи ихъ общеобразовательныхъ функцій на школы духовныя. Такой вопросъ и возбужденъ былъ самимъ государемъ: присутствуя 2 мая 1723 года въ Адмиралтейской Коллегіи и, вѣроятно, освѣдомясь тамъ о безнадежно печальномъ состояніи цыфирныхъ школъ, онъ указалъ Сенату опредѣлить, гдѣ онымъ школамъ въ вѣдѣніи быть, и приказнаго чина, церковничьихъ и монастырскихъ слугъ дѣтей имѣть ли при тѣхъ школахъ для онаго ариѳметическаго и геометрическаго ученья или обучать ихъ въ семинаріи и школахъ при архіерейскихъ домахъ. Съ другой стороны, какъ разъ въ это же время сама духовная власть старалась усилить въ архіерейскихъ школахъ общеобразовательный элементъ (грамматическое ученье) и даже хлопотала о привлеченіи въ эти школы дѣтей «свѣтской команды» или разночинцевъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, вопросъ о соединеніи цыфирныхъ школъ съ архіерейскими долженъ былъ получить вполнѣ положительное разрѣшеніе. Въ конференціи Сената и Синода 16 сентября 1723 года на предложеніе Сената соединить цыфирныя школы съ архіерейскими Синодъ отвѣтилъ, что это можно сдѣлать только въ Новгородѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, архіерейская школа стояла очень высоко; что касается прочихъ епархій, то по заявленію Синода, не вполнѣ точному, архіерейскихъ школъ еще не заведено. Но и на соединеніе цыфирной и архіерейской школъ въ Новгородѣ Синодъ согласился подъ условіемъ, чтобы цыфирная школа содержалась по прежнему на средства Адмиралтейской Коллегіи; а для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскіе всякихъ чиновъ люди, которые у себя такихъ учителей не имѣютъ, обучали бы дѣтей своихъ малолѣтнихъ у архіерейскихъ учителей, но подъ условіемъ не держать ихъ въ грамматическомъ ученьи свыше 15-лѣтняго возраста, дабы не уклонялись отъ службы и смотровъ. Въ этомъ смыслѣ указомъ 17 октября 1723 года рѣшенъ былъ

частный вопросъ о соединеніи въ Новгородѣ цыфирной и архіерейской школъ [1]).

Въ 1726 году Адмиралтейская Коллегія непосредственнымъ докладомъ самой императрицѣ вновь возбудила общій вопросъ объ отдачѣ цыфирныхъ школъ въ вѣдѣніе Синода, «понеже какъ означенные ученики, такъ и школы, едва не всѣ духовнаго жъ правительства». Коллегія представляла еще и другіе резоны въ пользу этого рѣшенія: жалованье учителямъ и издержки на содержаніе школъ и инструменты будутъ идти изъ одного источника; если школы помѣщать въ мѣщанскихъ домахъ, то «имъ будетъ не безъ тягости»; строить новыя школы— казнѣ убытокъ. Къ этому докладу Адмиралтейская Коллегія присоединила «Вѣденіе о состояніи учиненныхъ школахъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для ученія дьячихъ и подъяческихъ и церковниковыхъ дѣтей цыфири и геометріи». Необходимо подробно разобрать этотъ документъ, сообщающій чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о состояніи цифирныхъ школъ къ концу царствованія Петра Великаго [2]).

Съ 1716-го по 1722 годъ разослано было по 42 провинціямъ 47 учителей. Изъ 14 провинцій учителя, «за неимѣніемъ въ тѣхъ провинціяхъ приказнаго чина и за отбытіемъ по указамъ церковныхъ дѣтей, прибыли въ Академію по прежнему и нынѣ въ тѣхъ провинціяхъ учителей не имѣется». Отъ учителя Калужской школы имѣлось свѣдѣніе, «что школы ему неопредѣлено и учениковъ не прислано». Новгородская школа по сенатскому указу 1724 года соединена была съ архіерейской. Въ школу Переяславля-Залѣсскаго присланные было сначала изъ архіерейскаго дома 34 человѣка «служнихъ дѣтей» перестали посѣщать школы, такъ какъ одна ихъ часть была записана въ подушный окладъ, а другая опредѣлена въ службу при архіерейскомъ домѣ. За

---

[1]) П. С. З., № 4326. „Полн. собр. пост. по вѣд. прав. испов.“, т. IV, № 1262.

[2]) П. С. З., № 4975. „Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.“, т. LVI, стр. 320—321. Сравн. „Описаніе документовъ и дѣлъ архива Св. Синода“, т. XV, № 382. и прилож. XXXII.

исключеніемъ этихъ 17 школъ, фактически школы существовали, т. е. имѣли большее или меньшее количество учениковъ, въ 25 провинціяхъ [1]).

Въ этихъ провинціяхъ школы помѣщались въ архіерейскихъ домахъ, квартирахъ учителей, въ монастырѣ, во дворахъ: подъяческомъ, полковомъ, церковномъ, канцелярскомъ, съѣзжемъ, канатномъ, «шерстоснимательномъ», въ домахъ: умершаго попа, дворянина, въ квартирѣ своей. Помѣщеніе 9 школъ было «невѣдомо».

Самыми многолюдными были Бѣлгородскія школы, имѣвшія 366 учениковъ. Далѣе слѣдовали въ нисходящемъ порядкѣ по числу учениковъ школы: Тобольская — 224, Воронежская — 197, Московская — 161, Тамбовская — 133, Сѣвская — 125, Смоленская — 115, Казанская — 107, Суздальская — 70, Переяславско-Рязанская — 68, Нижегородская — 66, Юрьево-Польская — 58, Вологоцкая — 57, Великолуцкая — 50, Ярославская — 42, Астраханская — 37, Арзамаская — 34, Костромская и Тверская по 21, Свіяжская — 18, Пошехонская — 12, Симбирская — 10, Галицкая и Уфимская по 8, Владимірская — 4; всего 2012 человѣкъ. Эту цифру слѣдуетъ сопоставить съ показаніемъ той же Коллегіи, что по 1722 годъ сначала въ присылкѣ было 1389 человѣкъ; изъ нихъ выучено 93 человѣка, а затѣмъ «оставшіе, едва не всѣ изъ синодальной команды, бѣжали». Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что за послѣдніе 3—4 года вновь прибавилось около 700 человѣкъ.

Сословный составъ учащихся въ цыфирныхъ школахъ оказался болѣе пестрымъ, чѣмъ можно было ожидать послѣ того, какъ изъ нихъ стали выбывать цѣлыя сословныя группы. По даннымъ разбираемой вѣдомости составъ учащихся представляется въ такомъ видѣ:

Церковниковыхъ	893	(44,3%)
Солдатскихъ, драгун., казач., пушкарскихъ	402	(19,9%)

[1]) Въ Бѣлгородской провинціи школы показаны въ Бѣлгородѣ и Курскѣ.

Приказнаго чина	374	(18,5%)
Посадскихъ	184	(9,1%)
Монастырскихъ слугъ.	45	(2,2%)
Дворянскихъ.	36	(1,7%)
Дѣтей боярскихъ	18	(0,8%)
Каменьщичьихъ, кузнецк., плотницкихъ.	12	(0,5%)
Неизвѣстнаго званія	48	(2,3%)
Всего . .	2012	

Распредѣленіе учащихся изъ разныхъ сословій по отдѣльнымъ школамъ, конечно, представляло большое разнообразіе. Дѣти приказнаго чина встрѣчаются во всѣхъ школахъ, кромѣ одной—Галицкой. Исключительно изъ нихъ однихъ состояли школы Уфимская, Свіяжская и Симбирская. Церковниковыхъ дѣтей не было въ 8 школахъ. Монастырскихъ слугъ дѣти встрѣчаются въ 8 школахъ; солдатскіе дѣти въ 10-ти (особенно много въ Бѣлгородѣ и Курскѣ—153); дворянскія—въ 4-хъ; дѣти боярскіе въ 3-хъ; ремесленныхъ людей въ одной (Тобольской); посадскіе—въ 4-хъ.

Составленная Адмиралтейской Коллегіей вѣдомость хорошо иллюстрируетъ также вопросъ о причинахъ слабыхъ успѣховъ цыфирныхъ школъ. По свѣдѣніямъ 1722 года изъ общаго числа присланныхъ въ школы учениковъ, 1389 человѣкъ, выучено было 93 человѣка, «а затѣмъ оставшіе, едва не всѣ изъ синодальной команды, бѣжали». По вѣдомости 1726 года изъ общаго числа 2012 человѣкъ было «выучено и отпущено» 302 человѣка. Такихъ выученыхъ не оказалось въ 6 школахъ. Далѣе во всѣхъ школахъ показано писать и грамотѣ неумѣющихъ 131 человѣкъ, а сверхъ того оставалось въ ученіи на лицо разныхъ чиновъ 507 человѣкъ. По разнымъ причинамъ выбыли и оказались не способными къ ученію 1111 человѣкъ, распредѣленныхъ на слѣдующія группы:

Посадскіе и церковничьи отбыли	534
Бѣжали и въ домы отпущены и не явились.	322

Померли	22
Скорбныхъ и въ ученье негодныхъ. . . .	23
Въ канцеляріи и въ солдаты взято. . . .	75
Въ пѣвчіе взятъ	1
За непонятіе наукъ отпущены	79
Въ посадъ взято	3
Въ архіерейскую школу взято	14

На основаніи донесенія Адмиралтейской Коллегіи 31 октября—9 ноября 1726 года послѣдовалъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта именной указъ о соединеніи провинціальныхъ школъ для приказныхъ и иныхъ чиновъ людей съ синодской семинаріей и школами и о бытіи имъ въ синодскомъ вѣдѣніи [1]). Это постановленіе принято было безъ вѣдома Синода, который не замедлилъ высказаться противъ него на томъ основаніи, что «тѣ школы до духовнаго правительства не подлежатъ». Затѣмъ 9 января 1727 года Синодъ подалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ доношеніе, «что въ Духовномъ Регламентѣ о учрежденіи домовъ училищныхъ въ чинѣ ученія, до богословіи надлежащаго, послѣ грамматики хотя и упомянуто о ариѳметикѣ и геометріи, но того ради, что какъ помянутыя, такъ и прочія науки философскія богословскому ученію даютъ пособіе, а единыя простовныя ученія предавать не духовнаго чина дѣло есть и потому и до духовнаго правительства не подлежитъ». Резолюціи на это донесеніе не послѣдовало [2]).

Постановленіе 31 октября 1726 года или дѣйствительно не было исполнено или исполнялось очень недолго. Именнымъ указомъ 21 іюня 1731 года повелѣно было жалованье учителямъ цыфирныхъ школъ выдавать изъ прежнихъ источниковъ, а самымъ школамъ, согласно опредѣленію 31 января 1721 года, быть подъ вѣдомствомъ Адмиралтейской Коллегіи [3]). Послѣ того надолго прекращаются извѣстія о цыфирныхъ

---

[1]) „Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.“ т. LVI, №№ 66, 159.
[2]) „Описаніе документовъ Архива Св. Синода“, т. XV, № 382.
[3]) П. С. З., № 5788. „Полн. собр. постан. по вѣд. прав. испов.“, т. V, №№ 1858, 1887; VI, №№ 2040, 2083.

школахъ, пока наконецъ въ 1744 году онѣ не были соединены со школами гарнизонными [1]).

Можетъ показаться страннымъ, что такъ рѣзко измѣнилось направленіе судьбы цыфирныхъ школъ—отъ соединенія съ духовными къ соединенію съ военными школами. Но слѣдуетъ вспомнить, что по вѣдомости 1726 года солдатскіе, драгунскіе, казацкіе и пушкарскіе дѣти составляли вторую по численности группу учениковъ цыфирныхъ школъ послѣ дѣтей церковничьихъ, а послѣ массоваго удаленія послѣднихъ они заняли первое мѣсто. Значитъ, преобладаніе среди учащихся въ цыфирныхъ школахъ той или другой сословной группы тянуло эти школы въ сторону соединенія съ соотвѣтствующими сословными школами. Такъ въ 1726 году въ Москвѣ оба математическіе учителя, присланные еще въ 1716 году, съ оставшимися у нихъ 10 учениками, отосланы были въ канцелярію московскаго гарнизона для ученья драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей и такимъ образомъ цыфирная школа превратилась въ гарнизонную, солдатскую. Этотъ фактъ, какъ увидимъ, послужилъ впослѣдствіи прецедентомъ общаго значенія при окончательномъ рѣшеніи судьбы цыфирныхъ школъ путемъ соединенія ихъ съ гарнизонными. То, что произошло въ Москвѣ, стало повторяться, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ, въ числѣ мотивовъ, на которые опиралось рѣшеніе соединить цыфирныя школы съ гарнизонными, былъ общій фактъ, что математическіе учителя обучали въ гарнизонахъ солдатскихъ и прочихъ чиновъ людей.

За отсутствіемъ данныхъ нельзя пока рѣшить, не стояло ли въ связи начавшееся само собою превращеніе цыфирныхъ школъ въ школы для дѣтей низшихъ военныхъ чиновъ съ повсемѣстнымъ заведеніемъ гарнизонныхъ школъ. Въ именномъ указѣ 21 сентября 1732 года нѣтъ указаній на такую связь. По этому указу гарнизонныя школы учреждались «для собранія и обученія солдатскихъ дѣтей, дабы впредь польза и государству въ рекрутахъ облегченіе быть могло». Въ школы принимаются отъ 7 до 15-ти-лѣтняго возраста офи-

[1]) П. С. З., № 9054.

церскіе (не изъ шляхетства), драгунскіе, солдатскіе и прежнихъ службъ служилыхъ людей дѣти, а также дѣти однодворцевъ, которыми комплектуются ландмилицкіе полки [1]); запрещено было принимать въ школы дѣтей всѣхъ тѣхъ военнослужащихъ, которые такъ или иначе вступили въ крестьянство и написаны въ подушный окладъ. Предметы обученія въ гарнизонныхъ школахъ разбиты на три группы: 1) словесной и письменной наукѣ и пѣнію обучаютъ ротные писаря, 2) солдатскимъ экзерциціямъ — унтеръ-офицеры, 3) ариѳметикѣ, артиллеріи и инженерной наукѣ—офицеры, тѣ науки знающіе. Надобно думать, что недостатокъ знающихъ и опытныхъ учителей изъ полковыхъ чиновъ—офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и ротныхъ писарей—дѣлалъ уровень преподаванія въ гарнизонныхъ школахъ весьма невысокимъ, едва ли на практикѣ далеко превышавшимъ уровень удовлетворительно поставленной цыфирной школы. Недостаткомъ собственныхъ полковыхъ учителей и объясняется постепенно распространявшійся фактъ привлеченія въ гарнизонныя школы математическихъ учителей, остававшихся безъ дѣла за отсутствіемъ учениковъ.

Данныя о состояніи цыфирныхъ школъ въ началѣ 1740-хъ годовъ, послужившія непосредственнымъ основаніемъ для соединенія ихъ съ гарнизонными школами, по указу 26 октября 1744 года, представлены въ этомъ указѣ весьма неудовлетворительно. Вотъ эти данныя, позволяющія, всетаки, сдѣлать нѣсколько выводовъ.

Всего изъ Московской и Петербургской академій послано было учителей въ губерніи и провинціи 47 человѣкъ; изъ нихъ за неимѣніемъ учениковъ «вернулись къ Адмиралтейству» 18 человѣкъ, оставалось на мѣстахъ 29. По вѣдомости 1726 года число учителей (30) соотвѣтствовало числу школъ (25), такъ какъ въ пяти школахъ было по два учителя. Теперь, въ 1744 году, 29 человѣкъ учителей, остававшихся въ провинціи, приходилось всего только на 8 школъ. Если эти цифры точны, то, очевидно, что теперь большая часть учи-

[1]) П. С. З., № 6188.

телей занята была уже не цыфирными школами, ибо трудно предполагать, чтобы въ одной школѣ дѣйствовало болѣе двухъ учителей. Надо предполагать, что многіе, остававшіеся праздными, учителя практиковали въ другихъ мѣстахъ. Какъ замѣчено въ исторической части указа 26 октября 1744 года, математическіе учителя «въ гарнизонахъ солдатскихъ и прочихъ чиновъ дѣтей обучали».

Двѣ наиболѣе многолюдныя школы (Смоленская и Казанская) уже назывались гарнизонными. Въ Смоленской школѣ, въ которой уже по вѣдомости 1726 года дѣти низшихъ военныхъ чиновъ составляли большинство (65 изъ 115), теперь учились: изъ шляхетства—5 человѣкъ, изъ служилыхъ чиновъ (офицерскихъ не шляхетства и солдатскихъ)—72, подъяческихъ—1. Въ Казанской школѣ, въ которой по вѣдомости 1726 года учащіеся были только изъ двухъ сословій—приказныхъ (60 человѣкъ) и церковническихъ (47), теперь числилось 484 офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей.

Новгородская школа, теперь снова называющаяся цыфирной въ силу указа 7 августа 1735 года, состояла изъ 54 солдатскихъ дѣтей и 2 человѣкъ изъ архіерейскихъ дворянъ.

Въ остальныхъ губернскихъ и провинціальныхъ школахъ учились на своемъ пропитаніи:

въ Бѣлгородской—подъяческихъ дѣтей 2, въ Костромской—изъ шляхетства 35, солдатскихъ—2;

въ Юрьево-Польской—изъ шляхетства 18, въ Свіяжской—изъ шляхетства 10, солдатскихъ, приказныхъ 5;

въ Тверской—дворянскихъ, офицерскихъ и драгунскихъ дѣтей—16, «итого солдатскихъ дѣтей 5» (?), шляхетскихъ, офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ 79, подъяческихъ 7; въ итогѣ показано 91 чел.

Во всѣхъ вообще школахъ сосчитано 709 человѣкъ.

Всѣ приведенныя цифры, видимо, далеко не точны и сгруппированы крайне неудачно (наприм., относительно Тверской школы). Показанные итоги не сходятся съ дѣйствительными суммами отдѣльныхъ цифръ. Такъ, наприм., въ концѣ приведенныхъ сейчасъ данныхъ отмѣчено, что учителямъ, кромѣ подъячихъ, коихъ имѣется 8 человѣкъ, учить некого; между тѣмъ, во

всѣхъ названныхъ школахъ насчитывается 15 человѣкъ подъячихъ. Тѣмъ не менѣе, и на основаніи этихъ крайне неудовлетворительно представленныхъ данныхъ можно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ того кризиса, которымъ закончилась исторія цыфирныхъ школъ.

Сравнивая данныя 1744 года съ вѣдомостью 1726 года, замѣчаемъ, прежде всего, что изъ цыфирныхъ школъ не только выбыли цѣликомъ, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, церковничьи и писарскіе дѣти, но также, за малыми исключеніями, и дѣти приказнаго чина, которые по вѣдомости 1726 года находились во всѣхъ почти школахъ и по общей численности стояли на третьемъ мѣстѣ, послѣ церковниковъ и солдатскихъ дѣтей. Между тѣмъ, дѣти приказнаго чина были единственной сословной группой, которую законъ неизмѣнно старался привязать къ цыфирнымъ школамъ, начиная съ перваго же указа объ этихъ школахъ.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе наличность во всѣхъ 8 школахъ, сохранившихся къ 1744 году, нѣкотораго числа шляхетскихъ дѣтей, которымъ еще въ 1715 году запрещено было поступать въ цыфирныя школы и которые по вѣдомости 1726 года вовсе въ этихъ школахъ отсутствовали. Полагаемъ, что этотъ любопытный фактъ стоитъ въ связи съ закономъ 1737 года, предоставившимъ дворянству пріобрѣтать подготовительное образованіе дома. Весьма возможно, что въ школы математическихъ учителей и поступали тѣ именно дворянскіе дѣти, которые получили свободу элементарнаго образованія для подготовки къ смотрамъ по закону 1737 году.

Такъ составъ учащихся цыфирныхъ школъ, заведенныхъ первоначально для элементарнаго образованія двухъ служилыхъ классовъ, дворянства и приказнаго чина, и получившихъ затѣмъ на нѣкоторое время характеръ разносословныхъ школъ, теперь снова упростился. Состоя почти исключительно изъ дѣтей военно-служащихъ, офицерскаго и солдатскаго ранга, цыфирная школа сама собою превращалась въ военную школу, и указу 26 октября 1744 года оставалось только санкціонировать этотъ фактъ.

Итакъ, цыфирныя школы потому должны были прекратить самостоятельное существованіе, «что всѣхъ вышеобъявленныхъ чиновъ людей дѣти распредѣлены по указамъ въ разныя школы и содержатся въ прочихъ командахъ». Но соединеніе цыфирныхъ школъ съ гарнизонными еще не означало отказа правительства отъ мысли о разносословной элементарной школѣ. Если въ условіяхъ господства сословно-профессіональнаго образованія нельзя было создать стоящую внѣ этой системы элементарную школу, то сдѣлана была еще послѣдняя попытка навязать такую роль низшей профессіональной военной школѣ. Соединяясь съ цыфирными, гарнизонныя школы должны были существенно измѣнить свой характеръ въ томъ отношеніи, что составъ учащихся въ нихъ уже не ограничивался дѣтьми военно-служащихъ низшихъ ранговъ. Еще въ 1726 году математическіе учителя, за недостаткомъ собственныхъ учениковъ отсылаемые въ распоряженіе военнаго начальства для обученія солдатскихъ дѣтей, соединяли съ послѣдними и остававшихся еще у нихъ прежнихъ своихъ учениковъ. Такъ можно понять сообщаемую указомъ 1744 года справку изъ Московской губернской канцеляріи, что оба математическіе учителя, присланные въ Москву въ 1716 году, съ состоящими при нихъ 10 учениками отосланы были въ канцелярію московскаго гарнизона для ученья драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей. Указъ 26 октября 1744 года, соединяя цыфирныя школы съ гарнизонными на томъ же основаніи, «какъ въ Москвѣ учинено», предписывалъ тѣмъ математическимъ учителямъ «обучать какъ солдатскихъ и прочихъ служилыхъ чиновъ людей, такъ и подъяческихъ *и прочихъ желающихъ всякаго званія людей* на собственномъ ихъ коштѣ». Но и это намѣреніе сдѣлать низшую военную профессіональную школу одновременно общеобразовательной элементарной для разночинцевъ успѣха не получило. Какъ видно изъ послѣдующихъ узаконеній, гарнизонныя школы продолжали наполняться дѣтьми исключительно военно-служащихъ и сохраняли спеціальный военно-ремесленный характеръ. Сенатскій указъ 31 октября 1745 года свидѣтельствовалъ, что ученики гарнизонныхъ школъ опредѣляются въ полевые и

гарнизонные полки въ солдаты и писари, въ гобоисты и въ прочія, по способности и знанію наукъ, должности, также опредѣляются по сенатскимъ указамъ въ разныя мѣста къ дѣламъ, отъ чего происходитъ «государственная немалая польза» [1]).

Много позднѣе, уже при Екатеринѣ II, въ 1774 году, по иниціативѣ новгородскаго генералъ-губернатора Сиверса, разрѣшено было принимать во всѣ гарнизонныя школы бѣднѣйшихъ дворянскихъ дѣтей. Это обстоятельство не измѣнило характера гарнизонныхъ школъ, какъ низшихъ военно-ремесленныхъ школъ. По новому Положенію 25 сентября 1797 года, когда число учащихся достигло 12.000 человѣкъ, предписано было обучать въ гарнизонныхъ школахъ «всему строевому и до воинской службы и ея порядка принадлежащему». По справкѣ, данной Сенату Военной Коллегіей въ 1758 году, въ гарнизонныхъ школахъ учились исключительно солдатскія дѣти въ числѣ 6002 человѣкъ. Находя это число недостаточнымъ, Сенатъ предписывалъ «никуда солдатскихъ дѣтей мимо гарнизонныхъ школъ не употреблять» [2]).

Необходимо было подробно изложить исторію узаконеній о цыфирныхъ школахъ до сліянія ихъ съ гарнизонными, потому что въ хронологической послѣдовательности этихъ узаконеній лучше всего раскрывается сущность попытки завести элементарную общеобразовательную школу въ условіяхъ господства сословно-профессіональнаго образованія. Можно ли находить въ заведеніи цыфирныхъ школъ, выражаясь словами гр. Д. А. Толстого, «широко задуманный планъ всеобщаго обязательнаго обученія»? Полагаемъ, что нѣтъ. Въ исторіи узаконеній о цыфирныхъ школахъ нельзя усмотрѣть такого широкаго и твердо выдержаннаго плана. Причудливая судьба этихъ школъ, бросавшая ихъ въ разныя стороны, къ сліянію то съ духовными, то съ военными школами, направлялась рядомъ постороннихъ обстоятельствъ, которыя нѣсколько разъ существенно мѣняли самое назначеніе школъ.

---

[1]) П. С. З., № 9222.
[2]) Ibid., №№ 10901, 14105, 14130, 18159.

Заведенныя первоначально для элементарной подготовки дворянскихъ и приказнаго чина дѣтей къ высшему профессіональному образованію и къ дѣйствительной службѣ, цыфирныя школы уже черезъ годъ оказываются закрытыми для дворянства, такъ какъ въ этотъ моментъ было признано, что общее образованіе, въ той или иной формѣ, есть средство уклоненія дворянства отъ обязательнаго для него спеціальнаго обученія и службы. Цыфирныя школы не были, однако, упразднены, какъ можно было бы ожидать, но обращены въ элементарныя школы для «разныхъ чиновъ людей», а главнымъ побужденіемъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ о нихъ была забота, чтобы посылаемые въ провинцію учителя не оставались безъ дѣла и даромъ жалованья не получали. Чѣмъ опредѣлялся теперь сословный составъ учащихся въ цыфирныхъ школахъ? Конечно, не одной «всеобщностью» начальнаго образованія, такъ какъ въ эти школы не допускалось ни дворянство, ни крестьянство, а искусственнымъ подборомъ тѣхъ разныхъ «чиновъ» дѣтей, для которыхъ могло быть признано практически полезнымъ элементарное цыфирное образованіе. Такимъ образомъ, цыфирная школа во второй фазѣ своей исторіи представляется разночинской, но не всесословной, что́ далеко не одно и тоже. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязательность обученія въ ней слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ глубокой политико-педагогической идеи, а въ смыслѣ обычнаго для того времени административнаго пріема насильственной вербовки личнаго состава въ тѣ или другія правительственныя учрежденія.

Отвлеченіе дѣтей духовенства въ сословныя духовныя школы, увольненіе отъ школьной повинности посадскихъ дѣтей, уклоненіе отъ школъ дѣтей приказнаго чина, наконецъ, массовые побѣги учениковъ привели къ невозможности дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія цыфирныхъ школъ и вызвали мысль о соединеніи ихъ съ какой-либо иной категоріей сословныхъ школъ. Съ какой именно? Первая попытка разрѣшенія этого вопроса опредѣлялась близостью учебной программы цыфирныхъ школъ къ программѣ тѣхъ низшихъ сословныхъ школъ, которыя сами по существу были

общеобразовательными элементарными школами; то были школы духовныя, архіерейскія. Послѣ неудачи этой попытки обозначилось тяготѣніе цыфирныхъ школъ къ военнымъ, солдатскимъ, въ силу того непредвидѣннаго обстоятельства, что въ 1720-хъ годахъ, послѣ массоваго удаленія изъ цыфирныхъ школъ дѣтей духовенства, посадскаго населенія и приказнаго чина, учащимися въ нихъ оказались почти исключительно дѣти солдатъ. Явившееся результатомъ этого обстоятельства соединеніе въ 1744 году цыфирныхъ школъ съ гарнизонными сопровождалось слабой, не имѣвшей никакого успѣха, попыткой сдѣлать гарнизонныя школы элементарными школами для желающихъ разночинцевъ.

Такъ въ исторіи цыфирныхъ школъ нельзя видѣть осуществленія какого-либо широкаго и преднамѣреннаго плана, исходящаго изъ идеи всеобщности и обязательности начальнаго образованія. Судьба этихъ школъ всецѣло направлялась неожиданными комбинаціями общихъ условій сословной политики и развитія профессіональнаго образованія въ данную эпоху. Практическіе результаты всѣхъ стараній правительства поставить цыфирныя школы на твердую ногу были совершенно ничтожны; но исторія этихъ стараній представляетъ большой интересъ, какъ примѣръ изворотливости законодательной мысли, пытавшейся приспособить элементарную, общеобразовательную школу къ условіямъ господствующаго сословно-профессіональнаго образованія.

Въ тотъ самый моментъ, когда стали отчетливо выясняться причины упадка цыфирныхъ школъ, именно въ началѣ 1720 года, была сдѣлана еще одна слабая попытка подойти къ вопросу о начальной общеобразовательной школѣ съ новой стороны, найти почву для этого вопроса въ выдвинувшейся на первый планъ реформѣ областного управленія. Обозначенный въ регламентѣ Главному Магистрату всеобъемлющій кругъ вѣдѣнія «полиціи», какъ «души гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальнаго подпора человѣческой безопасности и удобности», замыкался задачей «воспитать юныхъ въ цѣломудреной чистотѣ и честныхъ наукахъ» (глава X-я регламента Главному Магистрату).

*

Предъявленное къ органамъ мѣстнаго управленія въ формѣ идеальнаго принципа, требованіе о народномъ просвѣщеніи не получило, однако, надлежащей законодательной разработки. Въ регламентахъ и инструкціяхъ отдѣльнымъ областнымъ учрежденіямъ и единоличнымъ органамъ управленія эта обязанность опять таки является въ формѣ общихъ пожеланій, не подкрѣпленныхъ указаніемъ дѣйствительныхъ путей и средствъ ихъ осуществленія. Такъ въ инструкціи воеводамъ и вице-губернаторамъ вносился пунктъ: «о академіяхъ, школахъ и гошпиталяхъ надлежащее имѣть попеченіе»—и только [1]). Инструкція земскому комиссару предписывала послѣднему «стараться, чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, такожъ къ подданнѣйшей вѣрности и покорности Его Царскому Величеству, обучены и наставливаны были; такожъ, чтобъ они своихъ дѣтей въ такихъ добрыхъ порядкахъ воспитали и, сколь возможно, читанію и письму обучали». Немногимъ больше давала знаменитая XXI глава Регламента Главному Магистрату, спеціально говорящая о школахъ; приведемъ ее цѣликомъ: «понеже академіи и школы дѣло есть зѣло нужно для обученія народнаго, въ чемъ уже по Его Царскаго Величества высокому соизволенію и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по всей возможности въ дѣйство произвесть; того ради надлежитъ Магистрату учрежденія того не пренебрегать, но по должности всякое къ тому вспоможеніе чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметики обучатися будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе». Это постановленіе цѣнно тѣмъ, что опредѣленно указываетъ кругъ образованія, отдаваемый въ непосредственное вѣдѣніе магистратовъ: это начальное образованіе, элемен-

[1]) „Опись документовъ и дѣлъ, хранящ. въ Сенат. Архивѣ“, отд. I, т. 1-й, № 430, 333, 380. П. С. З., № 3294. Въ инструкціи воеводѣ Петерб. губерніи отмѣчено, что въ этой инструкціи нѣтъ упоминанія о надзорѣ за академіями и школами, потому что академіи и школы этой губерніи находятся въ вѣдѣніи Адмиралтейской Коллегіи. Сенатскій Архивъ, книги копій указовъ, № IX, л. 67.

тарная школа. Не можемъ присоединиться къ мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, что приведенная сейчасъ глава Регламента Главному Магистрату «имѣетъ въ виду преимущественно сиротъ и нищихъ дѣтей». И по прямому смыслу этой главы, и по связи съ инструкціями воеводамъ и комиссарамъ и, наконецъ, по общему характеру законодательства конца петровской эпохи о задачахъ управленія надо заключить, что и въ данномъ случаѣ законодатель хотѣлъ выразить широкую мысль «о народномъ обученіи»; но, конечно, выразилъ онъ ее въ весьма туманной и неопредѣленной формѣ, въ какой она вообще рисовалась общественному сознанію первой половины XVIII вѣка.

Включеніе въ составъ задачъ мѣстнаго управленія заботы о народномъ образованіи осталось добрымъ пожеланіемъ на бумагѣ, не давшимъ никакого осязательнаго результата. Замѣченные изслѣдователями единичные факты старанія мѣстныхъ властей что нибудь сдѣлать во исполненіе регламентовъ и инструкцій терпѣли неудачу, и въ этихъ единичныхъ фактахъ отчетливо выступаютъ тѣ же общія препятствія, о которыя разбились и предшествующія попытки поставить на ноги начальное образованіе: отсутствіе у органовъ областного управленія дѣйствительной власти въ учебномъ дѣлѣ и надлежащихъ для него матеріальныхъ средствъ, отвлеченіе значительныхъ группъ городского населенія въ профессіональныя школы, уклоненіе отъ общихъ школъ тѣхъ, для кого ихъ законъ предназначалъ. Наказъ отъ Главнаго Магистрата, составленный для Законодательной Комиссіи 1767 — 1768 гг., удостовѣрялъ, что учрежденій, проектированныхъ XX и XXI главами Регламента, въ томъ числѣ школъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, «ни въ одномъ городѣ не сдѣлано» [1]).

Изъ трехъ, разсмотрѣнныхъ нами, попытокъ правительства эпохи преобразованій практически поставить вопросъ о начальной общей школѣ лишь первая, имѣвшая цѣлью оживить традицію церковной, приходской школы, касалась непо-

[1]) „Сборн. Императ. Рус. Ист. Общ.“, т. XLIII, стр. 243.

средственно широкой народной массы. Вторая попытка, заведеніе цыфирныхъ школъ, отнюдь не имѣла въ виду крестьянскаго населенія; цыфирная школа была разносословной, но назначалась лишь для нѣкоторыхъ сословій, для которыхъ, въ ихъ профессіональныхъ интересахъ, признавалось полезнымъ элементарное математическое образованіе. Наконецъ, третья попытка—возложеніе заботы о народномъ образованіи на органы мѣстнаго управленія, посколько она была облечена въ практически исполнимую форму въ Регламентѣ Главному Магистрату, очевидно, разсчитана была также на образовательные интересы только городского населенія и оставляла въ сторонѣ сельское населеніе. Съ другой стороны, быстрое развитіе, съ конца эпохи преобразованій, идеи «подданства» крѣпостныхъ крестьянъ помѣщикамъ приводило къ установленію всесторонней опеки помѣщика надъ личностью крестьянина, надъ его интересами не только хозяйственными и правовыми, но также и духовными. Выше мы познакомились со взглядами представителей шляхетской интеллигенціи на значеніе образованности крестьянина съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ. Забота о просвѣщеніи крестьянина признается съ этого времени обязанностью помѣщика, а государство отстраняется отъ нея надолго, вплоть до освобожденія крестьянъ. Указомъ 21 сентября 1732 года запрещено было принимать въ гарнизонныя школы крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ онѣ «воспитываются» помѣщиками.

Въ 1735 году ограничено было обученіе заводскаго населенія. Въ этомъ году въ прошеніи Кабинету извѣстный заводчикъ Демидовъ, между прочимъ, писалъ: «чтобъ обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать, понеже такого возраста многія заводскія работы исправляютъ и при добычѣ мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ носятъ руду на пожеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и у мастеровъ въ наукахъ бываютъ, а послѣ отцовъ заводское искусство на себя пріемлютъ; а ежели такого возраста работныхъ людей дѣти отлучены будутъ въ школы, и отъ того впредь заводовъ размножать будетъ нѣкимъ, также и заводчикамъ ревностной охоты не будетъ и

старыхъ содержать будетъ невозможно». На это прошеніе 12 декабря послѣдовала резолюція Кабинета: «на партикулярныхъ заводахъ обывательскихъ дѣтей учить читать и писать охотниковъ, а въ неволю не принуждать, а кто изъ нихъ пожелаютъ вступить въ прочія науки, такихъ учить при казенныхъ заводахъ» [1]).

II.

Неудачи всѣхъ попытокъ петровской эпохи завести низшія общеобразовательныя школы не парализовала, однако, иниціативы правительственной власти въ дѣлѣ начальнаго образованія. Эта иниціатива проявляется съ теченіемъ времени въ иной формѣ въ духѣ того законодательства, которое включало въ число задачъ «полиціи» воспитаніе гражданъ въ добрыхъ нравахъ. Такимъ независимымъ отъ школы средствомъ просвѣтительнаго воздѣйствія правительственной власти на подданныхъ являлись спеціально сочиняемые для данной цѣли «регулы» или катехизисы, распространеніе которыхъ въ народѣ должно было вести къ той же цѣли воспитанія гражданъ, что и общеобразовательная школа. Сохранилось коротенькое повелѣніе Петра Великаго (неизвѣстно, какого времени), «чтобъ мужикамъ сдѣлать какой маленькій регулъ и читать по церквамъ для вразумленія» [2]). Подробно развита эта мысль въ Духовномъ Регламентѣ. «Всеконечная нужда есть — читаемъ здѣсь — имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тыя книжицы прочитовать по частямъ въ недѣльные и праздничные дни въ церкви предъ народомъ»... «Простому народу внушать часто подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственно по своему званію должное». Все это должно быть изложено въ трехъ книжицахъ, содержащихъ начала Закона Божія, нравственности и поученія «о собственныхъ всякаго чина должностяхъ». Всѣ три книжицы должны быть прочитываемы

---

[1]) П. С. З., № 6840.
[2]) Госуд. Архивъ, Кабинетн. дѣла, отд. II, кн. 31, л. 216.

разъ «въ четверть года»: «ибо тако услышитъ народъ вся нужная своя наставленія четырижды въ годъ и возможетъ слышанная добрѣ памятовать». Эти же книжицы могутъ служить и для «букварнаго ученья» въ школахъ и «въ домахъ всякаго охотника безъ труда быть употребляемы». Первый опытъ такой книжицы вышелъ, какъ извѣстно, изъ подъ пера самого Ѳеофана Прокоповича. Въ его знаменитомъ «первомъ ученіи отрокомъ» намъ необходимо отмѣтить только основной мотивъ и цѣль. Этотъ трудъ предпринятъ по повелѣнію государя, который «началъ прилежно разсуждать, какъ бы установить въ Россіи дѣйствительное и необходимое правило отроческаго воспитанія». Отъ послѣдняго зависитъ «все нравное (нравственное) состояніе житія человѣческаго». Цѣль же воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы «прилежно водружати въ память отроковъ познаніе воли Божіей». Ѳеофанъ придерживается при этомъ взгляда на прирожденную наклонность человѣческой природы ко злу: «все помышленіе сердца человѣческаго на зло отъ юности его, глаголетъ Писаніе; то аще не получитъ человѣкъ воспитанія добраго, трудно ему злымъ не быть, который и родился золъ» [1]).

Въ проектѣ Духовнаго Реглатента о внѣшкольномъ просвѣщеніи народа посредствомъ распространенія нравоучительныхъ книжицъ, въ обращеніи къ церковному учительству, какъ замѣнѣ школьнаго образованія, петровское правительство снова попыталось вступить на почву старой традиціи церковнаго просвѣщенія. Изложенные сейчасъ предположенія Духовнаго Регламента близко совпадаютъ, какъ видимъ, со взглядами и проектами такихъ представителей стараго церковнаго міросозерцанія, какъ Посошковъ и Аврамовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ данномъ проектѣ Духовнаго Регламента о внѣшкольномъ просвѣщеніи народа отразился и новый духъ законодательства конца эпохи преобразованій. Въ намѣреніи просвѣщать народъ посредствомъ «регулъ» и нравоучительныхъ книжицъ, составляемыхъ по предписанію государственной власти и имѣю-

---

[1]) *П. Морозовъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель (Спб. 1880), стр. 276 и слѣд.

щихъ конечною цѣлью наставлять подданныхъ въ «собственныхъ всякаго чина должностяхъ», въ требованіи, что бы всѣ эти правила и нравоученія народомъ «въ твердую память принимались», какъ должно приниматься всякое правительственное предписаніе, во взглядѣ на народъ, «яко на дѣтей, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ»,—во всемъ этомъ довольно ясно отразился духъ полицейскаго государства съ его вѣрой не только въ матеріальную, но и въ нравственную, воспитывающую силу закона и правительственнаго регламента.

Энергично поставленный въ 1720-хъ годахъ вопросъ о внѣшкольномъ образованіи скоро заглохъ и оживился лѣтъ черезъ 20, въ царствованіе Елизаветы Петровны. Но теперь постановка этого вопроса получила уже иной характеръ. Въ мартѣ 1743 года Св. Синодъ обратилъ вниманіе, что россійскіе дворяне и прочихъ чиновъ люди, давая своимъ дѣтямъ начальное образованіе, а затѣмъ употребляя въ разныя свѣтскія нужды, не прилагаютъ старанія къ обученію дѣтей Закону Божію, «въ чемъ истинный путь спасенія нашего состоитъ». Поэтому Св. Синодъ отнесся къ Сенату, чтобы послѣдній печатными указами понудилъ какъ дворянъ, такъ и прочихъ чиновъ людей, давать своимъ дѣтямъ начальное религіозное образованіе. Кто по истеченіи двухъ лѣтъ, по свидѣтельству приходскаго священника, «явится букваря и катехизиса въ толкованіи, а не во изустномъ на память чтеніи, не искусенъ», того, по предложенью Синода, не слѣдовало ни въ какіе чины не повышать; родители же за пренебреженіе къ своимъ воспитательскимъ обязанностямъ должны вносить денежный штрафъ на содержаніе Московской академіи. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Синода и 20 апрѣля постановилъ взимать съ родителей, во обученіи дѣтей нерачительныхъ, штрафъ: съ шляхетства по 10 руб., а съ прочихъ по 2 руб. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ напомнилъ Синоду о необходимости разослать, куда надлежитъ, букварь и катехизисы въ достаточномъ количествѣ и къ обученію дѣтей знающихъ людей опредѣлить. Черезъ годъ состоялось новое опредѣленіе Св. Синода, показавшее, въ сущности, безнадежность

поднятаго имъ дѣла. По мнѣнію Синода, знатные и «пожиточные всякаго чина» люди, имѣющіе средства обучать своихъ дѣтей и въ отечественныхъ и въ заграничныхъ училищахъ, тѣмъ паче могутъ на своемъ коштѣ содержать духовныхъ или мірскихъ учителей для обученія дѣтей «христіанской должности» и догматамъ православной вѣры. Шляхетство не знатное и малодостаточное, а также разночинцы, могутъ обучать дѣтей у приходскихъ священниковъ и у отцовъ своихъ духовныхъ; «а ежели, разсуждалъ дальше Синодъ, по сущему коего города обывателей о томъ небреженію и удаленію отъ должнаго о семъ попеченія и старанія, или по другимъ каковымъ правильнымъ резонамъ потребно будетъ имѣть для того нарочныя школы, оныя учредить въ пристойныхъ мѣстахъ по разсмотрѣнію губернаторскому и воеводскому». Но, видимо, самъ Синодъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ такихъ школъ, ибо не могъ указать вѣрнаго средства обезпеченія ихъ учителями: сначала архіереи должны стараться набрать въ учителя академическихъ и семинарскихъ учениковъ, «оное обученіе понести могущихъ»; за недостаткомъ послѣднихъ можно бы назначать въ учителя священно-и церковно-служителей, «къ тому удобныхъ»; если и такихъ не будетъ, то архіереи должны заботу изысканія учителей возложить на губернаторовъ и воеводъ; вознагражденіе же учителямъ должно идти изъ кошта тѣхъ, чьи дѣти у нихъ обучаться будутъ. Затѣмъ Синодъ находилъ, что назначенный Сенатомъ съ нерачительныхъ родителей штрафъ «чувствителенъ быть не можетъ, ибо многіе, отъ нераченія своего не возъимѣвъ должнаго во обученіе вышепоказаннаго дѣтей попеченія, лучше тотъ штрафъ платить станутъ». Синодъ снова настаивалъ, чтобы Сенатъ указомъ воспретилъ повышать въ какіе бы то ни было чины не прошедшихъ толкованія букваря и катехизиса, изъ чего не слѣдовало исключать никакого класса дѣтей [1]). Этимъ поста-

[1]) „Полное собраніе постан. по вѣд. правосл. исповѣданія. Царствованіе Импер. Елизаветы Петровны“, т. I, №№ 316, 353; т. II, № 595. Можно еще упомянуть о мнѣніи А. И. Остермана въ 1740 г.: „Ничто такъ государству не нужно, какъ хорошія училища. Изъ остающихся церковныхъ доходовъ Богъ знаетъ сколько можно учредить и содержать оныхъ.

новленіемъ отъ 9 апрѣля 1744 года закончилась одна изъ послѣднихъ въ изучаемое время попытокъ поднять и оживить начальное религіозно-нравственное образованіе. Сравнивая ее съ предположеніями Духовнаго Регламента, находимъ большую разницу. Тогда какъ Духовный Регламентъ имѣлъ въ виду просвѣщеніе широкой простонародной массы, теперь, черезъ 20 лѣтъ, рѣчь идетъ только о шляхетствѣ и разночинцахъ. Самый вопросъ ставится теперь значительно уже и ограничивается изысканіемъ средствъ къ понужденію родителей давать дѣтямъ домашнее начальное религіозное образованіе. Высказана мысль и о школахъ, но высказана робко, безъ всякой увѣренности въ средствахъ ея осуществленія.

Итакъ, въ теченіе первой половины XVIII вѣка наше законодательство подходило къ вопросу о низшемъ общемъ образованіи со всѣхъ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія выдвигались совокупностью историческихъ условій этого времени. Сдѣланы были попытки оживить церковно-приходскую школу, облечь просвѣщеніе народной массы въ форму независимаго отъ школы церковнаго учительства, наконецъ, сообщить функціи общеобразовательной школы низшимъ ступенямъ профессіональнаго образованія, духовнаго и свѣтскаго. Но ни въ одномъ изъ обоихъ направленій, въ которыхъ дѣлались эти попытки, ни въ направленіи стараго церковнаго просвѣщенія, ни въ направленіи новыхъ практическихъ государственныхъ интересовъ, не получилось сколько нибудь значительныхъ и прочныхъ результатовъ.

III.

Въ условіяхъ, создавшихъ преобладаніе профессіональныхъ и сословныхъ интересовъ въ области политики народнаго про-

---

И когда бъ притомъ сдѣлать такое узаконеніе, чтобъ дѣти и юношество въ нихъ ежедневно по часу пристойно и основательно поучаемы были, чѣмъ должны они Богу и верховному правительству, то бы сіе, укореняясь съ приращеніемъ лѣтъ, послужило бы со временемъ къ сильному искорененію злобы". „Памятники новой русской исторіи", т. III (Спб. 1873), стр. 261.

свѣщенія, трудно было найти твердую почву и для построенія системы средняго и высшаго образованія.

Въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка готовы были, повидимому, сложиться нѣсколько школъ съ кругомъ гуманитарнаго образованія, открытыхъ для лицъ разныхъ сословій. Это были такъ называемыя «разноязычныя школы», заводимыя иностранцами и встрѣтившія со стороны свѣтскаго правительства нѣкоторую матеріальную поддержку, а со стороны высшей духовной власти рѣзкое осужденіе. О направленіи, въ которомъ могло бы пойти развитіе этихъ школъ, можно судить по плану школы пастора Глюка 1705 года. По именному указу 25 февраля, объявленному въ Ижерской Канцеляріи, эта школа открывалась «для общія всенародныя пользы», для дѣтей бояръ и окольничьихъ и думныхъ и ближнихъ и всякаго служилаго и купецкаго чина людей, «которые своею охотою приходить и въ тое школу записываться станутъ». Преподавать въ школѣ положено было латинскій, итальянскій, французскій, нѣмецкій и иные разные языки и философскую мудрость. Какъ эта школа Глюка, такъ и другія подобныя ей, просуществовали не долго: извѣстія о нихъ обрываются на 1715—1716 годахъ. Причина неудачи этихъ слабыхъ попытокъ водворить въ Россіи общее гуманитарное образованіе были различны: отсутствіе систематичности и планомѣрности въ правительственной помощи, противодѣйствіе духовенства, а главное—перемѣщеніе учениковъ въ профессіональныя школы и въ различные спеціальные роды службы. Цѣлыми партіями ученики разноязычныхъ школъ переводились то въ математическую школу, то въ «школу инженерной науки», то въ «гошпитальну для лекарской науки», то въ «наборное ученье» (въ наборщики гражданскихъ книгъ), либо посылались за-границу «для науки нѣмецкаго языка, дабы удобнѣе въ коллегіумъ были». Наконецъ, многіе ученики отъ науки «отставали» своевольно и «собою съ Москвы съѣзжали» [1]).

[1]) О разноязычныхъ школахъ см. *Владимірскій-Будановъ*, op. cit. стр. 275—280. „Чтенія въ Москов. Общ. ист. и древностей“, 1907 г., кн. I. Протестъ противъ дѣятельности иноземныхъ педагоговъ, которые „по домамъ“

Послѣ паденія нѣмецкихъ разноязычныхъ школъ и съ постепеннымъ превращеніемъ Московской славяно-греко-латинской академіи въ сословно-профессіональную духовную школу традиція средняго и высшаго общаго образованія готова была совершенно порваться. Докладъ объ учрежденіи Академіи наукъ 1724 года констатировалъ, что «прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными себя учинить могли». Новая попытка подойти къ проблемѣ общаго образованія уже со стороны его высшихъ формъ предпринята была въ послѣдніе годы жизни преобразователя, когда, по словамъ одного именного указа, онъ имѣлъ «свободное время при расположеніи правильно всѣхъ дѣлъ въ государствѣ» [1]).

Начало новой традиціи высшаго научнаго образованія должна была положить академія наукъ съ университетомъ и и гимназіей. Въ этомъ новомъ просвѣтительномъ предпріятіи еще нельзя видѣть прямой реакціи противъ односторонняго господства профессіональнаго образованія. Къ устройству самостоятельнаго разсадника теоретической науки и общаго образованія приступлено было потому, что путемъ долгаго опыта уяснилось ихъ значеніе, какъ источника и опоры всякаго прикладного знанія и профессіональной подготовки. Чтобы «водворить художества и ремесла», необходимо было «расплодить науки»; чтобы въ наукѣ не оставаться вѣчными учениками иностранцевъ и «людей своихъ елико мощно скорѣе обучити», необходимо «завести» свою науку, создать ученое учрежденіе, въ которомъ «художества и науки въ своемъ состояніи производятся». Въ такой логической послѣдовательности, думаемъ мы, располагались замыслы Петра, приведшіе его «къ сочиненію соціетета наукъ». Съ той точки зрѣнія, съ какой Петръ смотрѣлъ на пріобщеніе Россіи къ западной

учатъ латинскому языку „и едва не равныя себѣ заводятъ академіи, а притомъ въ сердца православныхъ, но не утвержденныхъ еще, могутъ свои всѣвать плевелы“, см. въ докладѣ Синоду ректора славяно-латинскихъ школъ Гедеона въ 1722 г. „Опис. документовъ и дѣлъ архива Св. Синода“, т. II, ч. 2-я, прил. № VII.

[1]) Указъ о монашествѣ 31 января 1724 г. П. С. З., № 4450.

культурѣ, необходимо было овладѣть всей полнотой ея силъ и средствъ.

Какъ было замѣчено выше, учрежденіе академіи наукъ съ университетомъ и гимназіей мы разсматриваемъ, какъ попытку подойти къ проблемѣ народнаго просвѣщенія со стороны высшихъ формъ послѣдняго. Двоякая цѣль новаго учрежденія, чисто ученая и собственно просвѣтительная, или учебная, отчетливо разъяснена и формулирована въ первомъ же законодательномъ актѣ, докладѣ объ учрежденіи академіи, утвержденномъ 22 января 1724 года. Изложимъ главныя мысли этого доклада. «Къ расположенію художествъ и наукъ,— говорилось въ первомъ же параграфѣ,—употребляются обычайно два образа зданія: первый образъ называется университетъ, второй академіа или соціететъ художествъ и наукъ»; университетъ есть собраніе ученыхъ, преподающихъ младымъ людямъ высокія науки: теологію, юриспруденцію, медицину и философію, «до какого состоянія оныя нынѣ дошли»; академія же есть собраніе ученыхъ, которые «не только знаютъ сіи науки въ томъ градусѣ, въ которомъ оныя нынѣ обрѣтаются, но тщатся ихъ посредствомъ новыхъ изобрѣтеній и открытій совершить и умножить, и объ обученіи прочихъ никакого попеченія не имѣетъ».

Въ другихъ государствахъ, при богатствѣ ученыхъ силъ, академія и университетъ существуютъ, какъ отдѣльныя учрежденія. Для Россіи же невозможно въ данномъ случаѣ «слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образу; но надлежитъ смотрѣть на состояніе здѣшняго государства какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и распложеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была». При учрежденіи «простой» академіи наукъ художества и науки не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи одного университета будетъ и меньше того: если нѣтъ «прямыхъ школъ», гимназій и семинарій, то невозможно, чтобы университетъ хотя нѣкоторую пользу принести могъ. Поэтому необходимо устроить такъ, чтобы «одно

зданіе съ малыми убытками, тое-жъ бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ»; другими словами, новое учрежденіе должно въ себѣ совмѣщать собственно академію, университетъ и гимназію, въ которой «младыхъ людей въ первыхъ фундаментахъ обучать будутъ» [1]).

И въ послѣдующихъ актахъ, дополнявшихъ первоначальный проектъ 22 января 1724 года, особенно тщательно разъяснялась образовательная роль новаго учрежденія. Въ экстрактѣ изъ проекта, составленнаго Блюментростомъ въ февралѣ того же 1724 года для оповѣщенія всѣхъ ученыхъ людей въ чужестранныхъ государствахъ, отмѣчалось, что цѣль академіи — не только въ размноженіи художествъ и наукъ, но и въ томъ, «чтобъ народъ отъ того пользу имѣлъ», вслѣдствіе чего на академиковъ и возлагаются опредѣленныя учебныя обязанности. Въ томъ же году Блюментростъ объяснялъ Сенату, что академія «имѣетъ состоять въ трехъ степеняхъ: въ первомъ—академія наукъ, гдѣ всѣ ученія, кромѣ богословія и юриспруденціи собственно будутъ; во-второмъ—гимназіи, гдѣ будутъ обученія первыхъ элементовъ наукъ; въ третьемъ—нижнія школы, въ которыхъ обученіе языковъ». Такимъ образомъ, здѣсь подъ академіей разумѣлся собственно университетъ, а вся учебная система, совмѣщающаяся въ академіи, какъ бы углублялась на ступень ниже: кромѣ гимназіи имѣлись въ виду еще нижнія, элементарныя школы. Наконецъ, сочиненный при Екатеринѣ I въ 1727 году регламентъ трактовалъ академію, главнымъ образомъ, какъ учебное учрежденіе. Тогда какъ въ проектѣ 1724 года «классы» академіи (математическій, физическій, гуманіора) не совпадали съ предположенными факультетами университета (юридическимъ, медицинскимъ, философскимъ), въ регламентѣ 1727 года академія и университетъ уже не различались: преподаваніе располагалось по классамъ академіи и академики именовались профессорами. Соединеніе гимназіи съ академіей регламентъ признавалъ лишь временнымъ: когда семинарія и школы «добрѣ

---

[1]) П. С. З., № 4443.

устроятся и обученные въ нихъ разумы произведутся», то онѣ отъ академіи «весьма отдѣлятся и въ разныя собранія, то-есть низшія школы составятся» [1]).

На практикѣ соединеніе академіи съ университетомъ и гимназіей оказалось неудачнымъ. Сама академія, несмотря на многія неблагопріятныя, внутреннія и внѣшнія, обстоятельства, всетаки выполняла свое прямое назначеніе и подготовила первыхъ русскихъ ученыхъ. Но академическій университетъ и академическая гимназія не успѣли заложить прочной традиціи высшаго и средняго общаго образованія. Этого мало. Высказаны мнѣнія, что соединеніе академіи наукъ съ университетомъ и гимназіей было дѣломъ не только ошибочнымъ и безполезнымъ, но даже и прямо вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ. Такъ по мнѣнію М. М. Сперанскаго, съ учрежденія Петромъ Великимъ академіи наукъ наше просвѣщеніе пошло á rebours, т. е. вопреки здравому смыслу; ибо здравый смыслъ требуетъ начинать вещи съ ихъ основанія и вести къ совершенству постепенно и, слѣдовательно, должно бы было начать народными школами и кончить академіей». Столь же рѣзко выразился въ 1885 году графъ Д. А. Толстой. «Если-бы только не удались два учебныя заведенія (университетъ и гимназія), съ этимъ легко можно было-бы примириться. Гораздо хуже неправильное направленіе, данное этимъ учрежденіемъ всему народному образованію: имѣя академію, университетъ, гимназію, общество пріучалось смотрѣть на себя, какъ на европейски образованное, не замѣчая, что изъ Европы взята одна внѣшность, одно подобіе образованія, а не его сущность. И такое направленіе продолжалось и впослѣдствіи; оно, къ сожалѣнію, видно и доселѣ; этимъ-то объясняется сопротивленіе извѣстной части общества всякому серьезному ученію, и, если угодно, исторически даже оправдывается,— таково теченіе нашей образованности; идти противъ него значитъ идти противъ теченія» [2]).

Не входя сейчасъ въ оцѣнку справедливости изложенныхъ

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Императ. Академіи наукъ“, т. I, №№ 22, 153.

[2]) М. М. Сперанскаго „Предварительныя разсужденія о просвѣщеніи въ Россіи вообще“ въ изданныхъ мною „Матеріалахъ для исторіи учеб-

мнѣній, укажемъ только, что въ нихъ оставлено безъ вниманія глубокое положительное значеніе принципа, на которомъ зиждился опытъ соединенія академіи наукъ съ университетомъ и гимназіей. Исторія послѣдующихъ системъ народнаго просвѣщенія показала, что жизненные интересы всѣхъ цикловъ общаго образованія всегда требовали органическаго сплоченія ихъ въ одну систему, и идея общаго образованія необходимо должна была воплощаться не въ безпорядочной группѣ разрозненныхъ школъ, а въ планомѣрной ихъ совокупности. Университетъ, съ одной стороны, долженъ былъ питаться учеными силами, извѣдавшими всю глубину теоретической науки; съ другой стороны, онъ не могъ обойтись безъ гимназіи, какъ приготовительной къ нему школы. Въ свою очередь, для средней школы университетъ всегда былъ разсадникомъ педагогическихъ силъ, а содержаніе и высота гимназическаго курса необходимо сообразовались съ интересами университетской науки. Такимъ образомъ, въ соединеніи съ академіей наукъ университета и гимназіи слѣдуетъ видѣть не безпочвенный и случайный эпизодъ, но первую, хотя и неудавшуюся, попытку утвержденія принципа, который лежалъ въ основаніи и послѣдующихъ системъ народнаго просвѣщенія—принципа органической связи между школами всѣхъ степеней, высшими, средними и низшими. Если этотъ опытъ предпринятъ былъ, по рѣзкому выраженію Сперанскаго, вопреки здравому смыслу, съ конца, а не съ начала, то причина тому лежала въ могущественной тенденціи государственнаго утилитаризма, побудившей взять и самое науку и общее научное образованіе прежде всего въ тѣхъ высшихъ формахъ и пріемахъ ихъ разработки и распространенія, отъ которыхъ прежде всего ожидалась практическая государственная польза. Такимъ образомъ, совмѣщенная въ академіи учебная система не стояла въ противорѣчіи съ господствомъ профессіональнаго образованія, развивавшагося какъ разъ къ концу эпохи преобразованій. И на западѣ въ данное время проводился взглядъ

ныхъ реформъ XVIII—XIX вв., стр. 372—374. *Графъ Д. А. Толстой*, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи, „Сборникъ отд. рус. яз. и словесности“, т. XXXVIII, № 4, стр. 12.

на академіи наукъ, какъ на учрежденія, призванныя не только разрабатывать чистую науку, но также изыскивать государственную пользу въ области прикладныхъ знаній [1]).

Необходимо теперь остановиться на нѣкоторыхъ моментахъ исторіи академическаго университета и гимназіи, чтобы выяснить препятствія, черезъ которыя должна была пробивать себѣ дорогу идея средняго и высшаго общаго образованія въ первую половину XVIII столѣтія, въ эпоху преобладанія профессіонально-сословныхъ интересовъ.

По утвержденному Петромъ Великимъ проекту [2]) задача академическаго университета была общеобразовательная: дабы черезъ обученіе и «распложеніе» наукъ «польза въ народѣ впредь была» [3]). Раздѣленіе университета на факультеты не совпадало съ отдѣленіями («классами») академіи. Университетъ дѣлился на факультеты юридическій, медицинскій и философскій, академія же на 3 класса: 1) математическій, 2) физическій, 3) гуманіора, исторіи и правъ. Преподаваніе на факультетахъ юридическомъ и философскомъ распредѣлялось между академиками 1-го и 3-го классовъ, а факультетъ медицинскій составлялся «совершенно изъ 2-го класса, сирѣчь анатомика, химика и ботаника». Проектъ не указывалъ точно состава и распредѣленія курса гимназіи. Онъ говорилъ о ней только, какъ о «нижней» школѣ, въ которой «младыхъ людей въ первыхъ фундаментахъ обучать будутъ», «дабы и тѣ со временемъ ученьемъ академическимъ пользоваться могли». Преподаваніе въ гимназіи возлагалось на молодыхъ людей, прошедшихъ курсъ наукъ у академическихъ профессоровъ. Значительно отступалъ отъ этого предварительнаго плана проектъ регламента императрицы Екатерины I. Въ послѣднемъ академія уже не отдѣлялась отъ университета, точнѣе сказать, она разсматривалась, какъ университетъ, почему ака-

---

[1]) *G. Marschet*, Studien über die Entwickelung der Verwaltungslehre in Deutschland (München, 1885), 231.

[2]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. I, № 21. П. С. З. №4443.

[3]) „А понеже въ томъ намѣреніи университета смотрится, которыя науки всему народу объявляетъ, такожде въ гимназіи, въ которомъ младые люди нужнымъ наукамъ обучаются“.

демики и называются профессорами. Соотвѣтственно тому отдѣленія или классы академіи (математическій, физическій, и историко-философскій) превращались въ факультеты. Классъ 1-ый, математическій, состоящій изъ 4-хъ профессоровъ, выдѣлялся теперь, какъ самостоятельное цѣлое, а не какъ часть философскаго факультета. Физическій факультетъ съ 5-ю профессорами включалъ въ себѣ и медицинскій, а въ составъ философскаго факультета вводилась юриспруденція. Гимназія раздѣлялась на 5 классовъ: въ 1-омъ преподается латинская и нѣмецкая грамота и письмо; во 2-мъ «отроческіе разумы» изощряются «ученіемъ спряженій и склоненій, не оставляя и прочихъ, яже къ граматикѣ принадлежатъ»; въ 3-мъ классѣ «удобнѣйшіе къ разумѣнію авторы и словесно и письменно на свой языкъ переводятся и удобнѣйшія экзерциціи слагаются»; въ 4-мъ классѣ приступаютъ «къ сочиненію труднѣйшихъ экзерцицій латинскаго языка», а также къ изученію ариѳметики и географіи; наконецъ, въ 5-мъ классѣ «преподаются онаго штиля экзерциціи, которая упражняется въ сочиненіи орацій и эпистолій (граматокъ), къ тому исторія и первыя математики начатки, такожъ географія съ глобусомъ соединяется». Дополнительными предметами преподаванія являются греческій, французскій и итальянскій языки.

Весь этотъ курсъ въ цѣломъ предназначался лишь для тѣхъ, которые «умъ свой къ ученіямъ простираютъ и онымъ себя посвящаютъ». Тѣ же, которые, по желанію своихъ родителей или по неспособности, не ищутъ «высшихъ ученій», «но да скорѣе къ самому дѣлу производятся», должны быть опредѣляемы къ художествамъ, къ которымъ природную склонность и охоту имѣютъ, «ибо коль неразсудно творятъ тѣ, которые отроковъ, ни малую остроту и ниже къ вышнимъ наукамъ склонность являющихъ, вдаютъ и коликою ово ихъ, ово самыхъ, ово же государства тщетою сіе бываетъ, всѣмъ есть извѣстно». Для цѣлей намѣченнаго здѣсь профессіональнаго образованія («которымъ отъ ученій удалившимся или въ воинскую пойти службу или ко изученію другихъ хитростей приложитися охота будетъ») учреждается академія художествъ, курсъ которой составляютъ: ариѳметика, геометрія, тригоно-

метрія, начала перспективы, архитектура воинская и гражданская, живописное художество, «художества изваятельное и рѣзное и дѣланіе разныхъ моделей» [1]).

Измѣненія, внесенныя проектомъ регламента Екатерины I въ первоначальный проектъ, очень характерны, такъ какъ онѣ указываютъ направленіе, въ которомъ, подъ давленіемъ жизненныхъ обстоятельствъ, должно было пойти развитіе академическихъ школъ. Особенно важнымъ по своимъ послѣдствіямъ было превращеніе «классовъ» академіи въ факультеты университета. Намѣреніе первоначальнаго проекта сообщить извѣстную внутреннюю самостоятельность и академіи и университету оказывалось неосуществимымъ. Составъ и направленіе преподаванія въ университетѣ неизбѣжно должно было опредѣляться теперь не самостоятельною его задачею, а индивидуальными вкусами и учеными интересами наличныхъ академиковъ-профессоровъ, среди которыхъ и по числу и по ученому авторитету долгое время преобладали математики и натуралисты. Въ сентябрѣ 1724 года Блюментростъ представилъ Сенату планъ преподаванія студентамъ, готовящимся къ учительскимъ должностямъ; этотъ планъ содержалъ спеціальности каждаго изъ отдѣленій академіи. Въ публичномъ объявленіи о курсахъ, открываемыхъ академиками съ января 1726 года для юношей, «которые изъ пространной Россіи для ученія и свободныхъ наукъ соберутся», въ этихъ курсахъ уже нѣтъ системы и взаимной связи: преобладаютъ курсы по математикѣ и естествознанію; по гуманитарнымъ наукамъ объявлены курсы: Байеромъ—о древностяхъ греческихъ и римскихъ, Хр. Мартиномъ—по логикѣ и метафизикѣ, «слѣдуя философіи Тумика», Бекенштейномъ—о правѣ публичномъ и исторіи нынѣшняго времени, «такожде о институціяхъ права Юстиніана цесаря, буде слушателямъ полюбится», Хр. Гросомъ — по этикѣ, слѣдуя книгѣ Пуфендорфа [2]). Были ли въ дѣйствитель-

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“ т I, № 519.

[2]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“ т. I, №№ 102, 362. Для лицъ, не стремившихся къ „высокимъ наукамъ“, но желающихъ обучиться художествамъ, „въ житіи человѣческомъ преполезнымъ“, назначены были особые курсы по ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, оптикѣ, архитектурѣ гражданской, рисованію и ваянію.

ности читаны всѣ эти курсы, неизвѣтно. Судя по отчету о занятіяхъ академіи за 1727 годъ, академическіе курсы въ этомъ году носили еще болѣе случайный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ, и въ большинствѣ не имѣли связи съ курсами послѣдняго. Въ 1738 году, когда «по экзамену въ гимназіи нашлось не малое число учениковъ, которые къ слушанію профессорскихъ лекцій довольную способность имѣютъ», были объявлены курсы: 1) по математической и физической географіи, 2) ботаникѣ и натуральной исторіи, 3) россійскому языку, 4) физикѣ и метафизикѣ, 5) нравоученію и элоквенціи, 6) логикѣ и высшей математикѣ, 7) медицинской практикѣ, 8) анатоміи, 9) астрономіи, 10) физіологіи, 11) универсальной исторіи. По объявленію объ академическихъ курсахъ на 1742 годъ большинство изъ нихъ (9) посвящалось естественнымъ наукамъ и математикѣ, и только 4 курса— философіи, словесности и исторіи [1]). Таковъ былъ первый основной недостатокъ академическаго университета. Не представляя собою самостоятельнаго учрежденія, онъ не имѣлъ и самостоятельнаго устойчиваго учебнаго плана. Содержаніе его учебныхъ курсовъ, правильное теченіе которыхъ часто прерывалось недостаткомъ, а иногда и полнымъ отсутствіемъ слушателей, опредѣлялось всецѣло случайнымъ подборомъ лекторскихъ силъ въ наличномъ составѣ академиковъ. Сами же академики, первые профессора, не считали преподаваніе своей первой и главнѣйшей обязанностью. Въ одномъ оффиціальномъ отчетѣ, отмѣтивъ малое число учащихся, они просили «разсудить, что словесное молодыхъ людей обученіе, по силѣ академическаго намѣренія, меньшая ихъ работа бывала, ибо сверхъ того всегда другіе многіе къ пользѣ академической и къ приращенію наукъ принадлежащіе труды имѣли» [2]).

Другимъ, не менѣе важнымъ препятствіемъ къ правильной постановкѣ академическаго университета была невыдержанность конечной цѣли, для которой требовалась молодежь въ акаде-

---

[1]) Ibidem, т. I, № 503; т. III, № 748; т. V, № 254.

[2]) *П. П.*, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. Первые профессоры Академіи наукъ и ихъ ученики, „Атеней“, 1858 г., ч. 2-я, стр. 392.

мическія школы. Въ первыхъ регламентахъ этимъ училищамъ указывались двѣ задачи: первая, широкая общеобразовательная—«расплодить» науки въ народѣ, вторая, узкая спеціальная—подготовить избранную молодежь къ спеціальной ученой профессіи, «академической службѣ». Колебанія между этими двумя задачами также нарушали выдержанность и устойчивость высшаго академическаго преподаванія.

Съ трудомъ набирая студентовъ для своего университета, академія иногда спѣшила прямо отдавать ихъ въ обученіе тому или другому «художеству» и лишала ихъ, такимъ образомъ, возможности пройти правильный курсъ научнаго образованія. Такъ, напримѣръ, изъ 8 учениковъ Московской Заиконоспасской академіи, принятыхъ въ 1740 году по экзамену въ академическій университетъ, троихъ положено было готовить въ переводчики, четырехъ «въ математикѣ и астрономіи обучать, дабы они могли впредь быть геодезистами», и одинъ опредѣленъ корректоромъ при типографіи. По свѣдѣніямъ 1741 года изъ 17 студентовъ числилось: 1 при анатоміи (съ 1734 г.), 8 при астрономіи и сочиненіи ландкартъ (съ 1740 г.), 3 отправлены въ нѣмецкую землю для ученья металлургіи (съ 1736 г.), 5 при камчатской экспедиціи (съ 1733 г.). Въ 1745 году вытребовано было изъ Московской академіи 8 человѣкъ для обученія рисованію, на мѣди вырѣзыванію, словолитію, переплетному искусству, составленію чернилъ. Въ 1742 году одинъ изъ 12 студентовъ, распредѣленныхъ между профессорами для слушанія лекцій, заявилъ, что бывать ему на лекціяхъ нельзя, такъ какъ во время ихъ «принужденъ онъ отправлять переводы и типографскія дѣла». Сами академики, какъ на главное препятствіе къ правильному функціонированію университета, указывали на отвлеченіе немногочисленныхъ студентовъ къ разнообразнымъ практическимъ обязанностямъ академической службы. Въ 1745 г., въ обширной жалобѣ на Шумахера академики писали (пунктъ 13-й): «что при академіи довольнаго числа студентовъ никогда не бывало, о семъ не токмо теперь, но еще съ начала академіи отъ всѣхъ профессоровъ происходили жалобы. Однакожъ, объ отвращеніи сего вреда никогда довольнаго старанія не было.

И хотя изъ Спасскаго училищнаго монастыря, что́ въ Москвѣ, дважды выписаны были молодые люди, которые въ наукахъ и въ языкахъ уже нѣкоторое основаніе имѣли, однакожъ и сіе отъ большой части безъ плода было, ибо большая часть изъ нихъ вмѣсто обученія наукамъ сдѣланы переводчиками, подъячими и ремесленными людьми» [1]).

И другія вѣдомства посылали иногда въ академію молодыхъ людей учиться какой нибудь одной спеціальности. Такъ въ 1731 году Военная коллегія прислала одного недоросля учиться фортификаціи. Въ 1745 году отъ Тверского архіепископа присланы были въ академію 2 ученика для обученія рисованію и живописному художеству. Въ томъ же году поступили изъ Московской славяно-греко-латинской академіи ученики «для обученія рисованію и на мѣди вырѣзыванію и словолитію, также и переплетанію книгъ и составленію чернилъ» [2]).

Въ условіяхъ, не позволявшихъ стать на ноги академическому университету, трудно было наладить и учебный курсъ гимназіи. Отсылая читателя за подробностями ея исторіи къ трудамъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова и графа Д. А. Толстого [3]), я остановлюсь только на наиболѣе выдающихся ея чертахъ. По проекту регламента Екатерины I гимназія ставилась въ положеніе подготовительной школы для изученія языковъ, «въ которой бы младые отроки разумы языковъ, къ наукъ пріобрѣтенію нужныхъ, научилися» (ст. 38-я). При-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. V, № 282; т. VII, №№ 540, 671. „Ученыя Записки Академіи наукъ по I и III отд.“, т. I, стр. 542—543. Академики жаловались также на Шумахера, что онъ „не о распространеніи наукъ, но только о художествахъ, которыя глазами можно чувствовать и дабы тѣмъ себя показать, стараніе имѣетъ“. „Записки Импер. Академіи наукъ“, т. VII, прил. № 4, стр. 71.

[2]) *Графъ Толстой*, Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, „Сборн. отд. рус. яз. и слов.“, т. XXXVIII, № 6, стр. 6. „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“ т. VII, № 697. „Полное собр. постан. по вѣд. правосл. исповѣданія (царствованіе Елизаветы Петровны)“, т. II, №№ 892, 915.

[3]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Изъ исторіи нашего просвѣщенія— Первая гимназія въ Россіи, „Педагогическій Музей“, 1878 г., №№ 1—3. *Графъ Д. А. Толстой*, Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, „Сборн. отд. рус. яз. и слов.“, т. XXXVIII, № 5.

даткомъ, органически не связаннымъ съ основнымъ филологическимъ курсомъ, выступаютъ въ послѣднемъ классѣ «исторія и первые математическіе начатки, также географія, съ глобусомъ соединенная». На практикѣ, однако, такое узко формальное назначеніе гимназіи не было вполнѣ выдержано и въ ея исторіи съ самаго начала борятся двѣ тенденціи: одна стремится сохранить за гимназіей значеніе подготовительной къ слушанію университетскихъ курсовъ школы языковъ, другая—придать курсу болѣе широкій общеобразовательный характеръ. По составленному на 1726 годъ плану въ гимназіи было назначено преподавать, «поелику возрастъ учениковъ позволитъ», языки германскій, французскій, латинскій и греческій, а также ариѳметику, геометрію и географію. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается попытка устроить при академіи пансіонъ, предназначаемый, конечно, для «юношей благородныхъ»: «ибо надлежитъ гражданству, чтобы тѣ, которые къ знатнѣйшимъ на семъ государствѣ достоинствамъ рождены, не токмо разными науками обучалися, но ко всякой учтивости и къ пріятному обхожденію съ людьми привыкали». По отчету 1727 года «въ гимназіяхъ и школахъ» шло обученіе ариѳметикѣ и геометріи, тригонометріи, фортификаціи, архитектурѣ гражданской и рисованію, какъ въ проектѣ и въ регламентѣ писано; о преподаваніи же языковъ умалчивалось. Въ дѣйствительности, вѣроятно, въ гимназіи въ это время преподавались и другіе предметы, кромѣ перечисленныхъ. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что историкъ Миллеръ въ 1726 — 1727 годахъ обучалъ въ гимназіи латинскому языку, исторіи и географіи. По отчету академика Фишера о состояніи гимназіи за 1736 годъ она раздѣлялась на латинское и нѣмецкое отдѣленія; въ первомъ преподавались языки латинскій, греческій, французскій, ариѳметика, исторія, географія, логика, риторика, піитика, рисованіе, танцы. По свидѣтельству Шумахера въ 1741 году составъ преподаванія въ гимназіи былъ слѣдующій: языки, письмо, счисленіе и первыя основанія всѣхъ наукъ: исторіи, географіи, геометріи, логики и риторики, а также нѣкоторыя искусства, какъ рисованіе и танцованье. Въ объявленіи о курсахъ на 1742 годъ сказано, что въ 8 классахъ обучаютъ россій-

скому, латинскому, греческому, нѣмецкому и французскому языкамъ, логикѣ, риторикѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, танцамъ [1]).

Одни эти перечни предметовъ, которые преподавались или только назначались къ преподаванію въ академической гимназіи, еще не даютъ представленія объ основномъ направленіи ея курса и дѣйствительномъ его выполненіи. Необходимо еще знать соотношеніе отдѣльныхъ предметовъ и мѣсто, занимаемое каждымъ изъ нихъ въ курсѣ. Такая картина сохранилась отъ начала 1730-хъ годовъ въ видѣ росписанія занятій по днямъ недѣли во всѣхъ пяти классахъ гимназіи. Не останавливаясь на подробномъ анализѣ этого плана, сдѣланномъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ, отмѣтимъ его существенныя черты. Въ основаніи всего курса лежитъ изученіе латинскаго языка, начиная съ этимологіи, почти сплошь заполняющей все учебное время низшаго, пятаго класса, и кончая штудированіемъ Цицерона, Ливія, Виргилія въ старшемъ классѣ. Въ двухъ старшихъ классахъ проходится греческій языкъ при 4-хъ часахъ въ каждомъ. Въ этотъ основной филологическій курсъ, съ его многочисленными ступенями и развѣтвленіями (этимологіей и вокабулами, синтаксисомъ, экзерциціями, разговорами, репетиціями грамматики, просодіей, чтеніемъ выборныхъ стихотвореній, христоматій, отдѣльныхъ авторовъ), вкраплены немногими часами другіе предметы: Законъ Божій, ариѳметика, исторія, географія, логика, риторика, обученіе моральное; на каждый изъ этихъ предметовъ отведено не болѣе 2—3 часовъ въ классѣ. И на преподаваніе этихъ предметовъ, какъ замѣтилъ проф. Владимірскій-Будановъ, болѣе или менѣе рѣзко отражалось вліяніе господствующаго предмета—латыни. Такъ изученіе риторики должно было опираться на «Цицеронову науку», морали—на Цицеронову же книгу о должностяхъ; въ преподаваніи древней исторіи рекомендовалось «тщательно послѣдовать Непоту и его фразесы употреблять».

Изложенный сейчасъ учебный планъ въ полномъ объемѣ

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. III, № 283, 284; V, № 254. „Учен. Записки Императ. Академіи наукъ“, т. I, 547.

распространялся не на всѣхъ учениковъ, а только на казеннокоштныхъ, готовившихся въ университетъ, а затѣмъ къ ученой дѣятельности и академической службѣ. Кромѣ того, особымъ порядкомъ «доучивались» въ гимназіи присылаемые въ академію воспитанники духовныхъ семинарій. По рапорту адъюнкта Ададурова (отъ 3 сент. 1736 г.) присланные изъ Московской академіи студенты обучались въ недѣлю: нѣмецкому языку 6 часовъ, латинскому—4, исторіи и географіи по 2, ораторіи—4, математикѣ—4, каллиграфіи—4, рисованію—4, танцамъ—2 [1]). Вообще же трудно сказать, примѣнялся ли полный учебный планъ гимназіи на практикѣ въ теченіе сколько нибудь продолжительнаго времени.

Поступавшая въ гимназію дворянская молодежь вовсе не подчинялась какому либо общему учебному плану и стремилась наскоро схватить поверхностные элементы того шляхетскаго образованія, съ сущностью котораго мы познакомились выше. По донесенію ректора гимназіи въ Герольдмейстерскую контору въ сентябрѣ 1736 года въ гимназіи числилось 52 недоросля; большинство изъ нихъ обучалось одному или двумъ иностраннымъ языкамъ, танцамъ, рисованію; нѣкоторые обучались еще ариѳметикѣ и географіи. Выбывшихъ насчитывалось 23 человѣка, которые учились по нѣсколько мѣсяцевъ или недѣль языкамъ, рисованію, танцамъ, а затѣмъ «отставали» безъ позволенія и «безъ абшида». Въ 1746 году поступили въ гимназію дѣти кн. Щербатова; одинъ изъ нихъ намѣревался обучаться по французски говорить, читать и писать, и ариѳметикѣ на русскомъ языкѣ; другой—нѣмецкому письму и ариѳметикѣ, по французски читать и писать [2]).

Отъ конца 1736 года сохранилась интересная роспись учениковъ гимназіи съ раздѣленіемъ ихъ на сословныя группы и съ показаніемъ, чему каждый обучается:

1) Первую и самую многочисленную группу составляли дворянскіе дѣти; ихъ было всего 39 человѣкъ, и каждый изъ нихъ обучался по собственному выбору опредѣленной группѣ

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. III, №№ 189, 645.
[2]) „Матеріалы“, т. III, №№ 195—197; т. VIII, № 165.

предметовъ; эти группы были слѣдующія: 1) нѣмецкій яз., рисованіе, танцы (училось 15 челов.), 2) нѣмецкій яз. и рисованіе (3 человѣка), 3) нѣмецкій и французскій языки, рисованіе, танцы (7 человѣкъ), 4) нѣмецкій яз. (7 чел.), 5) нѣмецкій яз., географія, ариѳметика, рисованіе, танцы (2 чел.), 6) нѣмецкій и французскій языки, ариѳметика, географія, рисованіе, танцы (5 человѣкъ).

2) Гражданскихъ и прочихъ чиновъ (солдатъ, дворовыхъ людей) дѣти, всего 24 человѣка, почти всѣ учились одному нѣмецкому языку, нѣкоторые еще и рисованію.

3) Академическіе ученики на жалованьѣ, 15 человѣкъ, всѣ почти учились одному нѣмецкому языку, 1—французскому.

4) Адмиралтейскіе ученики, 29 человѣкъ, всѣ учились одному нѣмецкому языку.

5) Ученики изъ Преображенскаго полка, 13 человѣкъ; чему учились, не показано [1]).

Эта роспись учениковъ гимназіи въ 1736 году показываетъ, что не одни дворяне не подчинялись общему учебному плану; и другія группы учениковъ не проходили систематически полнаго курса, а обучались тѣмъ или другимъ предметамъ соотвѣтственно разнымъ спеціальностямъ академической службы, для которыхъ они впредь предназначались. Послѣ того понятно, почему гимназія плохо выполняла свое главное назначеніе—давать университету подготовленныхъ, т. е. прошедшихъ систематическій курсъ средняго образованія учениковъ, несмотря на то, что общее число учащихся было довольно значительно. Ломоносовъ, говоря о положеніи гимназіи до регламента 1747 года, замѣтилъ, что «школьниковъ число хотя и нарочито было, однако пользы отъ нихъ, какъ прежде, не было». За первыя семь лѣтъ число учениковъ доходило до 342; по отчету за 1727 годъ числилось 153 ученика, по росписи 1736 года—135, по отчетамъ 1740—

[1]) Ibidem, т. III, № 277. Въ октябрѣ 1736 года присланы были въ академію изъ канцеляріи Преображенскаго полка 12 дѣтей, по желанію, родителей, для обученія наукамъ, къ какимъ явятся способны. Ibid. № 230.

1741 года—113. Тѣмъ не менѣе именно съ того времени, когда гимназія должна была начать приносить университету свои первые плоды, учащаются жалобы, что у профессоровъ нѣтъ слушателей. Академіи приходится искать студентовъ въ другихъ вѣдомствахъ и въ 1742 году изъ 12 человѣкъ студентовъ только два были питомцами гимназіи.

Слабые успѣхи академической гимназіи вызывали неоднократно попытку реформировать ея учебный строй съ цѣлью сообщить ему болѣе устойчивый характеръ. По проекту президента академіи барона Корфа въ 1735 году гимназія должна была раздѣляться на отдѣленія нѣмецкое и латинское. Первое, состоявшее изъ 3-хъ классовъ, являлось какъ бы основной общеобразовательной школой; кромѣ нѣмецкаго языка, какъ главнаго предмета, въ ней преподаются ариѳметика и (въ старшемъ классѣ) исторія и географія. Вмѣстѣ съ тѣмъ два низшіе класса нѣмецкой школы должны были служить подготовительными ступенями къ латинской школѣ, состоящей изъ 5 классовъ. Былъ ли приведенъ въ исполненіе проектъ барона Корфа, неизвѣстно; можно только указать, что въ отчетахъ о гимназіи за послѣдующіе годы упоминается въ ней два отдѣленія, латинское и нѣмецкое. Положеніе гимназіи продолжало, однако, признаваться неудовлетворительнымъ, потому что въ 1737 году приказано было составить коммиссію «для устройства гимназіи». Въ томъ же году неизвѣстнымъ представлено было мнѣніе о преобразованіи гимназіи въ духѣ сословныхъ дворянскихъ интересовъ, смѣшивавшее задачи общаго и профессіональнаго образованія. Въ 1746 году проф. Крафтомъ сочиненъ былъ новый регламентъ гимназіи; но онъ не получилъ осуществленія въ виду того, что въ слѣдующемъ году былъ изданъ новый общій регламентъ академіи [1]).

Всѣ попытки дать устойчивость учебному строю академической гимназіи, выдержать его въ одномъ опредѣленномъ направленіи должны были разбиваться о препятствіе, устранить которое не въ силахъ было академическое начальство. Господство профессіональныхъ и сословныхъ цѣлей въ политикѣ про-

[1]) Ibidem, т. III, №№ 458, 518; VIII, № 224.

свѣщенія первой половины XVIII вѣка не позволяло сплотить разнородные соціальные элементы среди учащихся въ одну учебную массу, подчиненную единому учебному плану и направляемую къ единой образовательной цѣли. Это былъ самый больной, можно сказать, вопросъ для всякой общеобразовательной школы XVIII столѣтія.

Проектъ устава, утвержденный Петромъ Великимъ, не поставилъ никакихъ сословныхъ ограниченій для поступленія въ университетъ и гимназію; какъ учрежденія, призванныя «расплодить науки въ народѣ», академическія училища должны были быть всесословными. Ст. 34-я проекта регламента Екатерины I подтверждала, что «на сіи профессоръ лекціи (т. е. вообще на лекціи, читаемыя въ академическомъ университетѣ), публично отправлятися имущія каждому безъ всякихъ своихъ иждивеній приходити свободно будетъ». Тѣмъ, «которые виды ученій своихъ покажутъ», регламентъ обѣщалъ «паче всѣхъ прочихъ въ публичныя достоинства производить»; а тѣ, «которые годны будутъ вышнимъ наукамъ, по свидѣтельству академіи, и къ тому свою склонность имѣть будутъ, оные по ихъ желанію имѣютъ при наукахъ остаться, и никуда къ другому дѣлу, ни въ службу принуждены не будутъ» (ст. 2-я). Наиболѣе успѣвшіе въ наукахъ «въ градусы академическіе производятся и тако отъ другихъ да отлучаются». Но всѣ эти предположенія не получили силы закона, и академіи было предоставлено самой изыскивать средства комплектованія учащимися университета и гимназіи. Это было нелегкое дѣло, такъ какъ при господствѣ сословно-профессіональнаго образованія въ общеобразовательныхъ училищахъ въ сущности некому было учиться. Добровольно поступать въ университетъ могли только случайные элементы, ускользавшіе отъ профессіональныхъ школъ. Другимъ, болѣе вѣрнымъ средствомъ являлась вербовка учащихся въ спеціальныхъ школахъ разныхъ вѣдомствъ.

Когда первые студенты, вывезенные изъ-за границы, получили разныя назначенія и перестали слушать лекціи, то университетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался безъ учащихся. Историкъ Миллеръ такъ объяснялъ печальное по-

ложеніе университета въ 1729 г.: «жалобы профессоровъ на недостатокъ слушателей все время продолжались. Въ гимназіи еще оставались дѣти знатныхъ людей для изученія языковъ. Что же касается до высшихъ наукъ, то академія не знала бы, что ей дѣлать съ тѣми, которые прошли бы основательно эти науки. Русское дворянство ищетъ повышеній чинами. Между тѣмъ, знаменитѣйшіе ученые оставались безъ чиновъ, и это въ странѣ, гдѣ всѣ преимущества соразмѣрены съ чинами, гдѣ не имѣющій чина не можетъ показаться ни при какомъ оффиціальномъ представленіи; какой же послѣ этого порядочный человѣкъ рѣшится оставаться при учености, я хочу сказать, сдѣлаться ученымъ по профессіи?» [1]) Миллеръ былъ правъ. Когда вслѣдствіе крайне ограниченнаго числа «элевовъ», подготовляемыхъ собственной гимназіей, академія стала искать слушателей для университета въ школахъ другихъ вѣдомствъ, она не могла ихъ найти въ дворянскихъ школахъ. Дворянамъ академическій университетъ не могъ дать традиціонной профессіопальной выучки и не могъ соблазнить ихъ «академическими градусами» взамѣнъ чиновъ и другихъ реальныхъ привилегій службы. Больше успѣха имѣло обращеніе къ духовному вѣдомству. Воспитанниковъ духовныхъ семинарій легче было прельстить перспективой ученой карьеры, для которой они были и лучше подготовлены, такъ какъ знали латинскій языкъ. Но далеко не всѣ семинаристы, присылаемые духовнымъ начальствомъ, сразу попадали въ университетъ. Одни «являлись къ наукамъ непонятны», другіе опредѣлялись непосредственно «къ разнымъ художествамъ», третьи должны были доучиваться въ гимназіи, «дабы они къ слушанію профессорскихъ лекцій способными быть могли». Послѣ многихъ хлопотъ въ 1742 г. съ трудомъ

---

[1]) „Матеріалы“, т. VI, стр. 175. Въ „челобитной“ императору Петру II въ январѣ 1729 года академики просили, между прочимъ, „Академію наукъ пожаловать правами и привилегіями другихъ коллегій, и профессоровъ положить въ рангахъ и достоинствѣ членовъ оныхъ же коллегій, какъ мы уже прежде того въ нашемъ отечествѣ обыкли быть съ колежскими совѣтниками въ одномъ рангѣ. И сіе особливо для того, чтобы чрезъ сіе науки были въ почтеніи и во нравахъ бы человѣческихъ вкоренялись“. „Матеріалы“, т. I, стр. 448.

успѣли набрать къ 12 профессорамъ 12 же студентовъ; изъ нихъ 7 были семинаристы, 2—окончившіе курсъ гимназіи (будущіе академики Протасовъ и Котельниковъ) и три иностранца. Въ 1745 году студентовъ, ходящихъ на лекціи, было всего 6 человѣкъ, 4 русскихъ и 2 иностранца [1]).

Если объ успѣхѣ школы судить по числу учащихся, то академическая гимназія въ первые годы своего существованія имѣла успѣхъ, какой рѣдко выпадалъ на долю общеобразовательной школы въ XVIII столѣтіи. Такъ въ первый, 1726 годъ въ гимназію поступило 43 человѣка, въ 1727-й—161. Но съ 1729 года число поступающихъ падаетъ до ничтожныхъ цифръ: 15 человѣкъ—въ 1729 году, 30—въ 1731 году, 23—въ 1732 году. По отчету за 1727 годъ въ гимназіи числилось 153 ученика, въ 1741 году—113.

Списки учениковъ за первые годы показываютъ, что въ академической гимназіи съ успѣхомъ, повидимому, осуществлялась идея всесословной школы. Въ эти годы въ гимназію поступали дѣти самыхъ различныхъ состояній: отъ сыновей генераловъ и адмираловъ до крестьянъ, ремесленниковъ, солдатскихъ дѣтей, господскихъ служителей, т. е. крѣпостныхъ. По разсчету проф. Владимірскаго-Буданова изъ общаго числа учениковъ за пятилѣтіе 1726—1731 гг., именно 342 человѣкъ, только 38 чел. принадлежали несомнѣнно къ дворянскому сословію; остальная масса распредѣляется между иноземцами и лицами прочихъ классовъ. Но соціальная пестрота состава всесословной общеобразовательной школы тогда имѣетъ положительное значеніе, когда она покрывается единствомъ образовательныхъ стремленій, связывающихъ всѣхъ учащихся въ одно духовное цѣлое, независимо отъ ихъ сословной принадлежности. Вотъ этого то условія и не доставало составу учениковъ академической гимназіи. Прежде всего глубоко различны были побужденія къ поступленію въ гимназію. Одни, преимущественно изъ дворянства, поступали по свободному желанію своихъ родителей; другіе присылались цѣлыми партіями изъ

---

[1]) *Графъ Толстой*, Академич. университетъ, стр. 13. „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. VII, стр. 482.

иныхъ вѣдомствъ, наприм., изъ адмиралтейскаго или духовнаго. Такъ въ 1727 году адмиралъ Сиверсъ прислалъ въ гимназію 32 человѣка. Въ 1729 году «отдано въ академію изъ адмиралтейской коллегіи россійскихъ учениковъ 34 человѣка, которые всѣ ради науки по классамъ гимназіи раздѣлены суть» [1]).

Для поступившихъ по свободному желанію родителей обученіе въ гимназіи было дѣйствительно, хотя бы въ малой дозѣ, пріобщеніемъ къ «свободнымъ» наукамъ; для сыновей солдатъ, адмиралтейскихъ служителей, семинаристовъ и т. под., очутившихся въ гимназіи неволею, по распоряженію начальства, это обученіе являлось обязательной выучкой въ видахъ приготовленія къ академической службѣ въ высшихъ наукахъ, а для тѣхъ, кто «въ студенты произойти надежды не имѣлъ», къ разнымъ «художествамъ» и техникѣ.

Какъ замѣтилъ первый историкъ академіи, Миллеръ, учрежденіе въ 1731 году Шляхетнаго корпуса отразилось крайне неблагопріятно на академической гимназіи, такъ какъ отвлекло отъ нея дворянскую молодежь. Послѣ 1731 года гимназія должна была довольствоваться учениками средняго сословія и дѣтьми иностранцевъ, которые въ значительномъ числѣ поступали въ гимназію для приготовленія къ гражданской службѣ [2]). Свидѣтельство Миллера о рѣзкомъ паденіи числа дворянъ послѣ 1731 года, какъ кажется, не вполнѣ точно. Если за 6 лѣтъ, съ 1726 года по 1732-й на общее число учениковъ — 342 — приходилось 36 дворянъ, то по росписи 1736 года считалось 39 дворянскихъ недорослей [3]). Какъ бы то ни было, привлеченіе въ гимназію дворянской молодежи озабочивало академическое начальство. Президентъ баронъ Корфъ въ 1735 году проектировалъ при гимназіи «семинарію», пансіонъ для шляхетскихъ дѣтей. По проекту нѣмецкой школы того же Корфа каждый изъ трехъ классовъ

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. I, № 649. О присылкахъ отъ духовныхъ властей у *Владимірскаго-Буданова*, „Педагог. Музей“, 1878 г., № 2, стр. 93.

[2]) „Матеріалы“, т. VI, стр. 100.

[3]) „Матеріалы“, т. III, № 267.

этой школы, въ угоду сословной щепетильности дворянства. долженъ былъ раздѣляться на 2 отдѣленія,«для шляхтичей и для подлѣйшихъ». Уже 10 лѣтъ спустя, въ 1745 году, академики, жалуясь Сенату на Шумахера, обвиняли его, между прочимъ, въ томъ, что онъ не исполнилъ намѣренія бывшаго президента Корфа учредить семинарію, которую академики называли «полезнѣйшимъ учрежденіемъ» [1]).

Несчастье академической гимназіи заключалось не только въ малочисленности учениковъ, но также въ двойственности цѣлей ея курса, обусловленной разнородностью сословнаго состава учащихся. Правильнаго, единаго учебнаго плана нельзя было въ сущности согласовать ни съ одной изъ тѣхъ цѣлей, съ которыми появлялись въ гимназію различныя по происхожденію группы учениковъ. Вольные ученики дворяне искали не систематическаго курса средняго общаго образованія, а обученія лишь нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ. Для учениковъ разночинцевъ, иногда цѣлыми партіями принудительно опредѣляемыхъ въ гимназію съ цѣлью приготовленія изъ нихъ разныхъ спеціалистовъ по академической службѣ, опять таки нуженъ былъ не систематическій курсъ средней школы, а обученіе тѣмъ или другимъ комбинаціямъ предметовъ въ соотвѣтствіи съ ихъ будущимъ предназначеніемъ. При такихъ условіяхъ академическая гимназія не могла стать тѣмъ, чѣмъ она должна была являться по основной своей идеѣ, т. е. средней общеобразовательной школой.

Силы жизненныхъ обстоятельствъ, такъ неблагопріятно слагавшихся для академическаго университета и гимназіи, не могъ преодолѣть и новый регламентъ «Академіи наукъ и художествъ», утвержденный императрицей Елизаветой 24 іюля 1747 года [2]). Этотъ регламентъ разсматривалъ академическій университетъ, какъ уже самостоятельное учрежденіе, отличное отъ Академіи наукъ, хотя и тѣсно съ нею связанное: послѣднюю составляютъ ученые, никого не обучающіе,

---

[1]) Ibid., т. VII, стр. 638. *П. Пекарскій.* Редакторъ, сотрудники и цензура въ рус. журн. 1755—1764 гг. Прилож. къ XII т. „Записокъ Импер. Академіи наукъ“, стр. 23, 51—88.

[2]) П. С. З. № 9425

«кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ»; въ университетѣ же дѣйствуютъ «особливые профессоры», хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе лекцій можетъ быть поручаемо и академикамъ (§ 1). Шире и точнѣе опредѣлилъ новый регламентъ и образовательную цѣль академическаго университета: онъ долженъ готовить не только спеціалистовъ для самой академіи, т. е. ученыхъ, «которые бы наполняли корпусъ академическій», но также «россійскихъ людей ученыхъ для всѣхъ состояній какъ военнаго, такъ и гражданскаго, внутрь и внѣ государства». (§ 39). Доступъ въ университетъ открывался людямъ всякаго званія, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ, желающимъ черезъ обученіе «статскимъ наукамъ» къ службѣ государственной «учинить себя годнѣйшими». Всѣ преподаваемыя въ университетѣ науки раздѣлялись по прежнему на 3 класса: 1) математическія, 2) физическія, 3) «гуманіора».

Подъ названіемъ гимназіи регламентъ разумѣлъ принадлежащія къ университету «школы для языковъ латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, чему обучать имѣютъ учители; отъ сихъ школъ производиться имѣютъ ученики въ студенты и принимать лекціи профессорскія на латинскомъ или русскомъ языкѣ». На первый планъ выдвигалось обученіе латинскому языку, «чтобъ безъ нужды всякаго автора разумѣть было можно». Далѣе слѣдовало обученіе греческому языку, географіи, исторіи и ариометикѣ (§§ 38, 48). Такимъ образомъ курсъ гимназіи имѣлъ по преимуществу формально подготовительный характеръ.

Одна гимназія въ составѣ 30 казенныхъ стипендіатовъ не могла, очевидно, подготовить достаточнаго количества слушателей для университета, особенно если на послѣдній возлагалась задача не только «наполнить корпусъ академическій», но и расплодить науки въ народѣ. Поэтому академіи предоставлялось набирать на казенныя стипендіи «изъ всѣхъ училищъ россійскихъ учениковъ способныхъ и знающихъ латинскій языкъ». Такими училищами могли быть, конечно, только духовныя семинаріи. Слѣдовательно, система вербовки казенныхъ стипендіатовъ не могла привлечь въ академическій

университетъ учащихся изъ всѣхъ сословій, особенно изъ дворянъ, какъ того желало правительство. Съ этою цѣлью рекомендовалось «изъ кадетскаго корпуса тѣхъ, кто желаетъ статскихъ наукъ обучаться, на такія лекціи въ университетъ отсылать, которыхъ у нихъ не учатъ, дабы,—довольно неожиданно прибавляетъ регламентъ,—профессоры никогда не были праздны и тѣмъ не отговаривался, что у нихъ нѣтъ учениковъ». Но дворяне принимались, какъ «вольные люди», на своемъ коштѣ; на казенныя стипендіи, обязывавшія къ академической службѣ, могли поступать только бѣдные дворяне. Что же въ такомъ случаѣ могло привлекать дворянъ къ «статскимъ» наукамъ въ университетѣ? Указъ о новомъ регламентѣ приглашалъ дворянъ и лицъ другихъ сословій въ университетъ «для учиненія себя къ службѣ годнѣйшими», а самый регламентъ опредѣленно указывалъ «авантажи», отсутствіе которыхъ доселѣ отвращало дворянство отъ университета: «кто обучался на своемъ содержаніи, того академія въ свою службу удержать не можетъ, и онъ къ корпусу академическому не принадлежитъ; а ежели обучатся такіе свободные люди высокихъ наукъ, о такихъ дѣлать представленіе въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы они опредѣлены были въ статскіе чины по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ армейскихъ» (§ 42). Такъ въ регламентѣ 1747 года намѣчены два главныя средства привлеченія учащейся молодежи въ университеты, средства, широко практиковавшіяся въ послѣдующія времена: казенная стипендія для бѣдняковъ разночинцевъ и служебная привилегія для дворянъ.

Регламентъ 1747 года не устранилъ двухъ главныхъ причинъ, препятствовавшихъ академическому университету стать на ноги. Его учебный строй и теперь не получилъ прочной, самостоятельной организаціи и остался въ зависимости отъ случайнаго подбора наличныхъ академическихъ силъ, которыя могли брать на себя преподаваніе. Регламентъ давалъ лишь общій планъ университета, подлежавшій подробной разработкѣ въ особомъ университетскомъ уставѣ; его долженъ былъ сочинить президентъ, «по примѣру европейскихъ университетовъ, какимъ образомъ и когда чего учить и чему обучаться».

Но это предположеніе не осуществилось. Въ 1750 году президентъ графъ Разумовскій, находя, что «какъ учащіе, такъ и учащіеся понынѣ не находятся еще въ такомъ состояніи, по которому бы можно было сдѣлать совершенный университетскій регламентъ», издалъ временную инструкцію [1]). Въ этой инструкціи относительно университета заслуживаютъ особаго вниманія два пункта. «Понеже по академическому регламенту, гласилъ § 12, учить должно въ университетѣ *наипаче* философіи, математикѣ и гуманіора», то эти науки должны излагаться до полудня, при чемъ прилагалось и расписаніе занятій по нимъ. Въ такомъ требованіи, выдвигавшемъ на первый планъ общеобразовательныя науки, составлявшія общій фундаментъ университетскаго образованія, можно видѣть уже реакцію противъ односторонне утилитарнаго направленія предшествующей эпохи и мысль о философскомъ факультетѣ, какъ центрѣ всей системы средняго и высшаго общаго образованія. Но государственный интересъ не могъ быть забытъ и въ данномъ случаѣ. Параграфъ 16-й рекомендуетъ профессору исторіи и географіи осторожность и требуетъ согласованія его курсовъ съ здѣшними «духовными и свѣтскими законами», а «для отвращенія напередъ всѣхъ критическихъ и противныхъ разсужденій онъ (профессоръ) то, чему училъ и учить будетъ, долженъ подать на письмѣ въ канцелярію».

Горячо взялся за устройство академическихъ школъ Ломоносовъ, въ вѣдѣніе котораго онѣ поступили въ 1758 году [2]). О положеніи университета и гимназіи до этого времени Ломоносовъ отзывался чрезвычайно рѣзко. «Въ университетѣ не было ни подобія университетскаго по примѣру другихъ государствъ»... «Въ гимназіи каково расположеніе было, изъ того видно, что ни одинъ школьникъ въ студенты изъ ней не выпущенъ, кромѣ одного или двухъ, которые прежде въ дру-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. X, №№ 598, 667, 670.

[2]) *Толстой*, Академич. университетъ въ XVIII в., „Сборникъ Отд. рус. яз. и словесности“, т. XXXVIII, № 6, стр. 47 и слѣд. *Билярскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб. 1865), № 180. *Пекарскій*, Исторія Академіи наукъ, т. II (Спб. 1873), стр. 637, 669 и слѣд.

гихъ школахъ доброе положили основаніе». Собственные проекты Ломоносова имѣли цѣлью, сохраняя связь университета и гимназіи съ Академіей наукъ, обезпечить обѣимъ школамъ внутреннюю учебную самостоятельность, поставивъ ихъ на тѣ же основанія, на какихъ созидался новоучрежденный Московскій университетъ съ его гимназіей. Въ 1748 году, въ краткомъ отзывѣ о проектѣ университетскаго регламента Ломоносовъ высказалъ, что университетъ долженъ раздѣляться на три факультета—юридическій, медицинскій и философскій; богословскій факультетъ должны были замѣнить «синодальныя училища» [1]). Тогда же Ломоносовъ намѣтилъ и общій принципъ, по которому слѣдовало расположить учебный планъ университета. Этотъ принципъ заключался въ постепенности перехода отъ широкаго общаго образованія къ спеціализаціи научныхъ занятій. Студенты раздѣляются на три класса: «перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи для того, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ и чтобы всякъ могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ; второго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ наука; третьяго класса студенты—тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ». Установленіе такого порядка студенческихъ занятій должно было имѣть чрезвычайно важное принципіальное значеніе: эти занятія теряли теперь случайный характеръ односторонней спеціальной подготовки къ академической службѣ и пріобрѣтали цѣлостность и внутреннюю самостоятельность системы образованія, восходящей отъ общихъ основаній наукъ къ спеціальнымъ дисциплинамъ. Практически мысль Ломоносова могла получить осуществленіе въ традиціонной схемѣ германскаго университета, въ которомъ философскій факультетъ являлся центромъ, связующимъ среднее и высшее образованіе, и общимъ фундаментомъ для спеціальныхъ факультетовъ. По такому именно образцу Ломоносовъ и предлагалъ преобразовать академическій университетъ. Философскій факультетъ по его проекту обнималъ: философію,

---

[1]) *Билярскій*, op. cit., стр. 113, 115, 439, 440.

физику, математику, краснорѣчіе и словесныя науки, древности, оріентальные языки. Въ позднѣйшемъ проектѣ, подъ заглавіемъ Idea status et legum Academiae petropolitanae (1764 г.), Ломоносовъ помѣщалъ въ составъ философскаго факультета: краснорѣчіе, философію, математику, физику, механику, астрономію [1]). Хотя въ февралѣ 1760 года Ломоносовъ и добился утвержденія своего университетскаго плана въ административномъ порядкѣ, властью президента, однако это мало помогло дѣлу [2]). Самостоятельнаго бытія, необходимыхъ правъ и средствъ академическій университетъ такъ и не получилъ. Хотя самъ Ломоносовъ въ 1763 году изображалъ состояніе академическихъ школъ въ благопріятномъ свѣтѣ и выражалъ надежду, что Академія будетъ впредь получать адъюнктовъ изъ своихъ «дѣйствительныхъ академическихъ питомцевъ», однако въ слѣдующемъ году онъ выступилъ съ предложеніемъ, изъ котораго можно заключить, что эта надежда была преждевременной. Именно, 2 іюня 1764 года Ломоносовъ подалъ въ канцелярію Академіи представленіе о посылкѣ въ заграничные университеты семи студентовъ; при этомъ онъ пояснялъ: «*и хотя изъ сихъ нѣкоторые въ студенты произведены и недавно*, однако лекціи профессорскія съ достаточнымъ разумѣніемъ слушать могутъ и показали хорошее понятіе въ поступкахъ, сверхъ же того ради молодыхъ своихъ лѣтъ могутъ удобнѣе научиться иностраннымъ языкамъ, между тамошними людьми обращаяся» [3]). Итакъ, «своихъ природныхъ профессоровъ» Академія должна была ждать не отъ собственнаго университета; за-границу приходилось посылать не окончившихъ курсъ, а только «недавно произведенныхъ» въ студенты молодыхъ людей.

Послѣ смерти Ломоносова академическій университетъ начинаетъ явно клониться къ упадку. Составленный въ 1765 году академикомъ Таубертомъ планъ университетскихъ занятій въ зависимости отъ наличнаго состава академиковъ, которые могли взять на

---

[1]) *Билярскій*, op. cit., стр. 119, 394, 426—428, 454, 638. *Пекарскій*, Исторія Академіи наукъ, т. II, стр. 921, 936—937.

[2]) *Билярскій*, op. cit., стр. 426—428.

[3]) *Билярскій*, op. cit., стр. 585—586, 640—641.

себя преподавательскія обязанности, можно разсматривать, какъ возвращеніе къ старому порядку, когда академическій университетъ являлся не самостоятельной высшей школой, но учрежденіемъ, готовившимъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ академической службы. Въ 1765 году изъ 18 человѣкъ студентовъ 9, «не имѣя склонности болѣе обучаться наукамъ», просили исключить ихъ изъ университета и распредѣлить по разнымъ должностямъ. Въ концѣ того же года, послѣ того какъ инспекторъ Котельниковъ аттестовалъ почти половину академическихъ студентовъ и гимназистовъ пьяницами, забіаками, лѣнтяями, непонятными и въ ученіи никакого успѣха не оказавшими, набрано было вновь въ университетъ 30 лучшихъ гимназистовъ [1]). Послѣ того, по свидѣтельству историка академическаго университета, свѣдѣнія о послѣднемъ надолго прекращаются. Время директорства въ Академіи княгини Дашковой можно считать концомъ академическаго университета: при вступленіи ея въ должность директора Академіи наукъ въ университетѣ было 2 студента, а къ концу ея директорства — 3 [2]).

Итакъ, академическій университетъ прекратилъ свое существованіе, потому что не оказалось возможнымъ обезпечить ему достаточнаго контингента слушателей. Какъ мы уже знаемъ, при введеніи регламента 1747 года, открывавшаго въ академическій университетъ доступъ лицамъ всѣхъ сословій, были приняты мѣры для привлеченія въ него особенно дворянъ. Эти мѣры заключались въ установленіи нѣкоторыхъ служебныхъ «авантажей» для дворянъ, желавшихъ обучаться «статскимъ наукамъ для учиненія себя въ службѣ годнѣйшими». Забота о привлеченіи въ университетъ дворянства сказывается и въ послѣдующихъ проектахъ и разсужденіяхъ. Такъ въ черновомъ «проектѣ привилегіи Академіи наукъ» Ломоносова 1760 года высказано пожеланіе, дабы «наипаче же дворянство возымѣло особливую охоту и раченіе къ пріобрѣтенію высокихъ наукъ»; этимъ же проек-

[1]) *Билярскій*, op. cit., стр. 585, 745—746. *Графъ Толстой*, Академическій университетъ, стр. 56—58.

[2]) *Толстой*, op. cit. стр. 61—62.

томъ обѣщалось зачитывать дворянамъ лѣта ученія въ дѣйствительную службу. По мнѣнію Г. Ф. Миллера необходимо было «учинить такое учрежденіе, дабы и дворянство могло пріохочиваемо быть къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ для обученія ученыхъ языковъ и наукъ [1]). Но всѣ мѣры для привлеченія дворянъ въ университетъ не были достаточно развиты и оформлены. Ломоносовъ въ 1760 году такъ объяснялъ главную причину дурного состоянiи академическихъ школъ: «ранговъ не расположено, чѣмъ бы къ ученію имѣть ободреніе; и для того дворяне дѣтей своихъ охотнѣе отдаютъ въ кадетскій корпусъ, нежели въ академію; ибо, положивъ многіе годы и труды на ученіе, не имѣть почти никакой надежды далѣе произойдти какъ до капитана, есть главное отчаяніе всему дворянству и опасность вступить въ академію; а если бы ранги расположены были, то дворяне возымѣли бы охоту не менѣе къ наукамъ, какъ къ военному искуству, и чрезъ то бы изъ академіи въ статскихъ чинахъ ученые дворяне размножились и честь наукъ возвысили». Требуя прибавки на содержаніе гимназистовъ, Ломоносовъ объяснялъ, что она «будетъ служить еще къ склоненію родителей, коихъ дѣти лучше въ младенчествѣ воспитаны, нежели солдатскіе, большую часть гимназистовъ составляющіе» [2]). Но была и другая причина, отвращавшая дворянъ отъ академическаго университета. Ихъ зазывали въ университетъ, какъ «вольныхъ» слушателей, не связанныхъ обязанностью академической службы. Между тѣмъ учебный строй университета приспособлялся преимущественно къ цѣлямъ подготовки спеціалистовъ для академической службы и не былъ разсчитанъ на тѣ образовательные интересы дворянства первой половины XVIII вѣка, съ которыми мы познакомились выше.

Лучше ли обстояло дѣло съ разночинцами? Регламентъ 1747 года не допускалъ въ академическія школы лицъ, положенныхъ въ подушный окладъ. Противъ этого ограниченія

---

[1]) *Билярскій*, op. cit., стр. 403, 405, 409. *В. Пассекъ*, Очерки Россіи, кн. V (М. 1842), портфели Ломоносова, стр. 6.

[2]) *Билярскій*, op. cit., стр. 447—448. Сравн. стр. 403, 405, 409. *В. Пассекъ*, op. cit., кн. V, портфели Ломоносова, стр. 17.

горячо возражалъ Ломоносовъ, ссылавшійся на примѣръ другихъ европейскихъ государствъ, гдѣ ни единому человѣку не запрещено учиться въ университетахъ и въ университетѣ тотъ студентъ почтеннѣе, кто больше научился, а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. «Чѣмъ тѣ виноваты, говоритъ дальше Ломоносовъ, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ? И для чего выключены всѣ глухо, не различивъ хорошихъ людей посадскихъ отъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ» [1])? Кѣмъ же въ дѣйствительности наполнялся академическій университетъ? Въ 1748 году сдѣлано распоряженіе, чтобы студенты для университета набирались, прежде всего, изъ разночинцевъ, а потомъ уже изъ церковниковъ, если первыхъ не достанетъ [2]). Числившіеся въ 1760 году 18 студентовъ были, по большей части, дѣти солдатъ. Профессоръ Котельниковъ, давая въ 1765 году приведенную выше, крайне нелестную аттестацію наличному составу учащихся въ академическихъ школахъ, объяснялъ это, между прочимъ, тѣмъ, что «оные ученики набираемы были всѣ изъ самой подлости» [3]).

Если привлеченіе въ академическій университетъ дворянъ затруднялось несоотвѣтствіемъ учебнаго строя университета образовательнымъ интересамъ дворянства, то комплектованіе того же университета разночинцами встрѣчало препятствіе съ другой стороны. Молодые люди, набираемые въ университетъ для приготовленія къ академической службѣ, конечно, только тогда могли достигать данной цѣли, когда они поступали въ университетъ съ необходимой подготовкой и обнаруживали необходимыя способности. Между тѣмъ, по свидѣтельству того же профессора Котельникова, въ университетъ и въ гимназію «ученики принимаемы были единственно для наполненія числа, не разсматривая, при томъ, ихъ лѣтъ, состоянія и способности къ наукамъ». Изъ всѣхъ разночинцевъ наиболѣе под-

---

[1]) *Билярскій*, op. cit., стр. 448. Въ проектѣ привилегіи Академіи наукъ Ломоносовъ предлагалъ считать разночинцевъ наравнѣ съ дворянами. *Пассекъ*, op. cit,. стр. 9.

[2]) „Матеріалы для исторіи академіи наукъ“, т. IX, №№ 88, 113, 708.

[3]) *Толстой*, op. cit., стр. 55 — 56. *Билярскій*, op. cit., стр. 745.

готовленными къ поступленію въ академическій университетъ оказывались, естественно, питомцы духовныхъ школъ, академій и семинарій. Остальные разночинцы могли получить подготовку и обнаружить способности къ высшему научному образованію только въ академической же гимназіи. Удовлетворяла ли гимназія этому своему прямому назначенію — готовить слушателей университету?

Никто лучше и сильнѣе Ломоносова не выразилъ значенія вопроса о соотношеніи гимназіи и университета, одного изъ основныхъ вопросовъ при построеніи цѣльной системы общаго образованія. Въ письмѣ къ И. И. Шувалову въ 1754 году о Московскомъ университетѣ Ломоносовъ указывалъ на необходимость учрежденія гимназіи, «безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ». Въ 1760 году, разсматривая причины печальнаго состоянія академическихъ школъ, Ломоносовъ писалъ: «о расположеніи и содержаніи гимназіи ничего въ регламентѣ не упомянуто, будто бы голова и верхнія части тѣла могли стоять безъ ногъ, или лучше бы все тѣло не требовало для своего питанія и содержанія пищи». Въ статьѣ Idea status et legum Academiae petropolitanae онъ характеризировалъ академическую гимназію, какъ universitatis nutrix seu penu atque promptuarium». Идеаломъ Ломоносова было такое устройство академическихъ школъ, при которомъ сама Академія могла бы пополнять свои ряды «дѣйствительными академическими питомцами, съ самаго начала изъ нижнихъ классовъ по наукамъ произведенными, а не отъ другихъ школъ выпрошенными» [1]).

Съ самаго начала существованія академической гимназіи составъ учебнаго ея курса опредѣлялся взглядомъ, что гимназія должна давать формальную подготовку къ слушанію университетскихъ лекцій. Вслѣдствіе этого гимназія и являлась преимущественно школою языковъ, съ преобладаніемъ латинскаго. Такой же взглядъ на гимназію былъ проведенъ съ большой рѣзкостью, какъ мы видѣли, и регламентомъ 1747 года.

---

[1]) *Билярскій*, op. cit. стр. 269, 445, 586. *Пекарскій*, Исторія Академіи наукъ, II, стр. 937.

Инструкція графа Разумовскаго 1750 года допускала уже двойственность образовательныхъ цѣлей гимназическаго курса: однихъ учениковъ гимназія должна была готовить къ университету, заставляя ихъ проходить извѣстный обязательный кругъ обученія; другимъ предоставлялось выбирать спеціальные предметы обученія, сообразно своимъ личнымъ вкусамъ и склонностямъ; кто изъ вольныхъ учениковъ желаетъ профессорскія лекціи слушать, тотъ долженъ обучаться латинскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и геометріи, «а ежели кто не отъ наукъ содержаніе свое имѣть похочетъ, тому учиться, чему самъ желаетъ» [1]).

Ломоносовъ въ своихъ проектахъ преобразованія гимназіи исходилъ изъ того факта, что она совсѣмъ не удовлетворяла своему назначенію быть подготовительной къ университету школой. Въ 1755 году онъ утверждалъ, что «въ семь лѣтъ (отъ регламента 1747 г.) ни единъ школьникъ въ достойные студенты не доучился; аттестованные приватно прошлаго года семь человѣкъ латинскаго языка не разумѣютъ; слѣдовательно, на лекціи ходить и студентами быть не могутъ, что́ на экзаменѣ въ собраніи оказалось» [2]). По проекту Idea status etc. Ломоносовъ дѣлилъ гимназію на двѣ параллельныя школы: 1) scholae ordinariae и 2) scholae extraordinariae. Первая предназначалась для подготовки университетскихъ слушателей и, въ свою очередь, дѣлилась на школы: русскую, латинскую и первыхъ началъ философіи и математики. Каждая изъ послѣднихъ трехъ школъ состоитъ изъ трехъ послѣдовательныхъ классовъ. Курсъ русской школы начинается съ обученія грамотѣ и кончается изученіемъ стиля (styli cultura in prosa et ligata et interpretandi exercitium); въ латинской школѣ проходятся начала языка, грамматики и авторы, стиль (styli latini cultura utraque oratione); курсъ третьей школы содержитъ ариѳметическія упражненія, геометрію и географію, правила логики. Scholae extraordinariae, назначаемыя для тѣхъ, «qui vel annis provectiores vel ingenio tardiores sunt»,

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. X, № 670.
[2]) *Билярскій*, op. cit., стр. 283, 439.

раздѣляются на три школы: греческую, нѣмецкую и французскую; первая состоитъ изъ одного класса, двѣ послѣднія изъ двухъ: въ младшемъ проходятся грамматическія правила, въ старшемъ стиль языка и переводы [1]).

Проектъ Ломоносова сохранялъ, такимъ образомъ, за академической гимназіей формальный характеръ школы языковъ. Но, какъ мы знаемъ, у Ломоносова была и другая мысль — о необходимости положить въ основаніе учебнаго курса высшей школы постепенность перехода отъ широкаго общаго круга образованія къ спеціализаціи на отдѣльныхъ наукахъ. На этой мысли онъ думалъ основать и связь между гимназіей и университетомъ. Въ февралѣ 1759 года онъ внесъ въ канцелярію Академіи такое представленіе: «при выпускѣ гимназистовъ изъ гимназіи надлежитъ имѣть имъ краткое понятіе о всѣхъ наукахъ, которымъ въ академіи обучаютъ, дабы они могли себѣ избрать всякъ по своей склонности, въ которой употребитъ главное свое упражненіе; для того должно въ помянутыхъ верхнихъ классахъ имѣть сокращенное ясное представленіе и общее понятіе обо всѣхъ оныхъ наукахъ въ небольшой книжкѣ». Для составленія такой книжицы профессора академіи должны были, каждый по своей профессіи, «сочинить краткое и ясное понятіе о своей наукѣ, токмо въ дефиниціяхъ и главныхъ раздѣленіяхъ состоящее». Это предложеніе Ломоносова, хотя и было принято, но осуществленія, повидимому, не получило [2]).

Въ концѣ концовъ дѣйствительная судьба академической гимназіи зависѣла отъ рѣшенія вопроса: какой составъ учащихся получитъ въ ней преобладаніе и чьи интересы будутъ брать верхъ при построеніи гимназическаго курса: казенныхъ учениковъ, готовящихся къ академической службѣ, или вольныхъ учениковъ изъ дворянъ съ ихъ довольно безпорядочными образовательными вкусами и нежеланіемъ подчиняться какому либо общеобязательному учебному плану. Вступая во второй періодъ своего существованія, послѣ регламента 1747 года,

---

[1]) *Пекарскій*, Исторія Академіи наукъ, т. II, стр. 937—938.
[2]) *Билярскій*, op. cit., стр. 380—381.

академическая гимназія продолжала сохранять прежнюю двойственность состава учащихся и учебнаго курса. По отчету академика Фишера за 1748 годъ, въ гимназіи, состоявшей по прежнему изъ 2-хъ отдѣленій или школъ, нѣмецкой и латинской, по 2 класса въ каждой, ученики казенные «особенно» учились латинскому языку, ариѳметикѣ и геометріи для приготовленія къ академической службѣ; ученики вольные обучались языкамъ и наукамъ, какимъ хотѣли и уходили изъ гимназіи, когда хотѣли [1]). И въ послѣдующее время гимназія продолжала пополняться преимущественно тѣмъ соціальнымъ сбродомъ, который получилъ названіе «разночинцевъ»: дѣтьми мелкихъ чиновниковъ, писарей, солдатъ, дворовыхъ людей и т. под. Поступленіе этихъ лицъ въ академическую гимназію разсматривалось, какъ заблаговременное прикрѣпленіе къ академической службѣ. Когда въ 1760-хъ годахъ было учреждено при гимназіи малолѣтнее отдѣленіе, по примѣру воспитательнаго учрежденія при Академіи художествъ, то съ родителей бралась подписка, что они дѣтей «отдаютъ въ службу академическую добровольно и впредь о увольненіи ихъ отъ академіи въ другую какую либо команду ни подъ какимъ видомъ требовать не будутъ». Но и такія грубыя мѣры, какъ заблаговременное прикрѣпленіе поступавшихъ въ гимназію дѣтей къ академической службѣ, не помогли гимназіи выполнить ея перваго и главнаго назначенія—доставлять университету слушателей. Въ 1748 году всего учениковъ въ гимназіи было 57 человѣкъ; а по реестру казенныхъ учениковъ за августъ 1750 года значилось: въ вышнемъ латинскомъ классѣ ни одного ученика, въ среднемъ латинскомъ—1, въ вышнемъ нѣмецкомъ—9, въ нижнемъ нѣмецкомъ—17 [2]). Далѣе слѣдуютъ знакомые уже намъ отзывы Ломоносова отъ 1755 и 1760 годовъ, что изъ гимназіи университетъ не получилъ почти ни одного слушателя.

Между тѣмъ какъ для гимназіи, въ цѣляхъ подготовки университетскихъ слушателей, преимущественное значеніе

---

[1]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. IX, №№ 223, 234.
[2]) „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. IX, № 499.

имѣли казенные воспитанники — разночинцы, послѣ регламента 1747 года академическое начальство начинаетъ удѣлять особенное вниманіе «вольнымъ» ученикамъ изъ дворянъ. Ректоръ гимназіи академикъ Фишеръ въ составленномъ имъ въ 1748 году «Расположеніи гимназіи» указывалъ на необходимость считаться съ разнообразіемъ образовательныхъ интересовъ учащихся, особенно вольныхъ учениковъ — дворянъ. «Намѣреніе мое склоняется, писалъ онъ, не только до жалованныхъ (т. е. казеннокоштныхъ), но и до вольныхъ учениковъ, изъ которыхъ иные и знатные бываютъ; и хотя не всѣ охоту имѣютъ къ латинскому языку, однако всѣ желаютъ учиться всему тому, что къ пользѣ ихъ касается. И подлинно, ежели спросятъ, къ которымъ то языкамъ и наукамъ дѣти сего государства склонность еще имѣютъ, ихъ любятъ и онымъ учиться охотятся, то оныя числятся нѣмецкой и французской языкъ, ариѳметика, геометрія, каллиграфія, рисовальное художество и танцованье». «Наши гимназисты, писалъ въ 1757 году президентъ Академіи графъ Разумовскій, по большей части языковъ только желаютъ обучаться и дворянскихъ наукъ». Къ числу «дворянскихъ наукъ» относились разнаго рода тѣлесныя упражненія. Инструкція графа Разумовскаго 1750 года особымъ параграфомъ (26-мъ) предписывала обратить вниманіе на обученіе танцамъ, «понеже обществу къ похвалѣ служитъ, чтобъ стараніе прилагать о большемъ совершенствѣ не токмо души, но и тѣла подданныхъ». Въ 1766 году, 9 октября, Миллеръ писалъ Эйлеру: «дѣло идетъ о рѣшительномъ преобразованіи такъ называемаго университета и гимназіи; въ особенности послѣднюю необходимо настолько улучшить, чтобы и значительные родители отдавали въ нее на воспитаніе своихъ дѣтей» [1]).

Развившаяся въ срединѣ XVIII вѣка сословная щепетильность дворянства побуждала, какъ извѣстно, избѣгать внѣшняго общенія съ «подлымъ народомъ». Эта яркая черта

---

[1]) *Графъ Толстой*, Академич. гимназія, приложенія. „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. X, № 670. *П. Пекарскій*, Редакторы, сотрудники и цензура въ рус. журн., прилож. къ XII т. „Записокъ Императ. Академіи наукъ“, стр. 13.

соціальныхъ нравовъ не замедлила сказаться и въ исторіи академической гимназіи. Уже въ 1735 году президентъ баронъ Корфъ въ проектѣ новаго учебнаго строя гимназіи предполагалъ раздѣлить каждый классъ на два отдѣленія, для шляхетства и «для подлѣйшихъ». Съ такимъ же предложеніемъ выступалъ въ 1745 году Миллеръ. Въ 1750 году предписано было «обучающимся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особливымъ столомъ, а которые не знатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ особливо отдѣлить». Неизвѣстно, было ли это распоряженіе приведено въ исполненіе и долго ли оно исполнялось. Въ 1756 году инспекторъ Модерахъ, представляя разныя соображенія объ устройствѣ гимназіи, опять предлагалъ отдѣлить благородныхъ отъ плебеевъ. Это предложеніе встрѣчено было возраженіемъ, «что если тѣ изъ плебеевъ, которые имѣютъ испорченную нравственность, будутъ исключены изъ гимназіи, а остальные будутъ находиться подъ надлежащимъ присмотромъ, то благороднымъ нельзя опасаться сообщества съ ними». Предложеніе Модераха поддержано было Миллеромъ. Наконецъ, обособленіе дворянъ отъ разночинцевъ было принято: дворяне посажены были въ классахъ за особые столы, обитые сукномъ [1]).

Это приспособленіе къ образовательнымъ интересамъ и вкусамъ сравнительно небольшой группы учащихся, искавшихъ въ гимназіи не того образованія, какое составляло ея главную цѣль, возможность не подчиняться общему учебному плану, но изучать по собственному выбору отдѣльные предметы должно было, конечно, въ корнѣ разрушать всякую попытку внести единство и систематичность въ учебный строй академической гимназіи.

Въ числѣ средствъ привлеченія въ гимназію дворянской молодежи были попытки завести при ней пансіонъ. Въ этихъ попыткахъ также характерно отразилось то противорѣчіе, которое мѣшало наладить учебный строй гимназіи. Есть свидѣтельство, что уже при самомъ основаніи гимназіи въ ней находился особый надзиратель при «юношахъ благородныхъ, въ

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, «Педагог. Музей», 1878 г., № 3, стр. 188.

академическомъ домѣ живущихъ», откуда историки гимназіи дѣлаютъ заключеніе, что уже тогда при гимназіи состоялъ пансіонъ. Вѣроятно, существованіе послѣдняго было непрочно, потому что въ 1735 году явился проектъ устроить «семинарію» или пансіонъ «изъ 30 человѣкъ шляхетныхъ юношей, дабы оные со временемъ государству полезныя услуги показывать могли». Но, какъ видно изъ жалобы академиковъ на Шумахера въ 1745 году, семинарія, «полезнѣйшее учрежденіе», по словамъ жалобщиковъ, заведена не была. Устроить пансіонъ удалось, наконецъ, Ломоносову въ 1758 году; но это не было уже односословное заведеніе; а, съ другой стороны, по существу его цѣлей его нельзя назвать воспитательнымъ заведеніемъ. Главнымъ побужденіемъ къ устройству пансіона было для Ломоносова наблюденіе того печальнаго факта, что «казенные» ученики, получая свое «жалованье» на руки, «всѣ жили по своимъ домамъ и не имѣли добраго смотрѣнія и, будучи за очью, извиняли свою лѣность и гуляньe то отдаленьемъ дому, то болѣзнію притворною и другими случаями». Сосредоточить казенныхъ учениковъ въ общежитіи, подчинить ихъ внѣшней дисциплинѣ, дабы они аккуратно исполняли свои учебныя обязанности,—такова была главная цѣль Ломоносова.

Въ напечатанномъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 22 февраля 1760 года объявленіи всѣ дворяне и разночинцы, не имѣющіе своего достатку къ обученію дѣтей, приглашались отдавать ихъ въ академическій пансіонъ. Здѣсь обѣщались имъ «готовая пища и всѣ потребности, къ содержанію учащихся молодыхъ людей надлежащія», «добрый присмотръ въ ихъ поступкахъ», а по окончаніи гимназическаго курса производство въ ученые градусы и чины. Такимъ образомъ, задачи пансіона не шли дальше доставленія учащимся приличнаго матеріальнаго содержанія и установленія извѣстной внѣшней дисциплины, безъ которой не могла функціонировать гимназія. Какъ показала практика, дворянство не соблазнилось выгодами пансіонскаго режима, и пансіонъ пришлось наполнять разночинцами, по преимуществу солдатскими дѣтьми. Такой плебейскій составъ пансіонеровъ, по понятіямъ вѣка и по условіямъ быта ака-

демическихъ школъ, нуждался не столько въ воспитаніи, въ точномъ смыслѣ этого слова, сколько въ болѣе или менѣе суровомъ дисциплинарномъ режимѣ, безъ котораго не могла быть обезпечена правильная жизнь школы. О направленіи пансіонскаго режима, заведеннаго Ломоносовымъ, даютъ представленіе выработанныя имъ въ 1759 году «узаконенія» для состоящихъ на академическомъ содержаніи гимназистовъ. Проф. Владимірскій-Будановъ видитъ въ этихъ узаконеніяхъ «не правила для гимназистовъ, а кодексъ нравственности», который «пригодился бы для самовоспитанія», особенно человѣку взрослому. Какія же черты нравственности выдвигаетъ этотъ кодексъ? «Вотъ какія: *вѣжливость* и *уклонность* въ отношеніи къ учителямъ, *учтивость* и *снисходительство* во взаимныхъ отношеніяхъ учениковъ, и именно съ опредѣленною цѣлію *привлекать другихъ къ своему любленію*». «Все остальное, заключаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, ограничивается запрещеніемъ шума, крика, игры. Почти все сводится на правило приличій (учтивства), а не нравственности. Умѣнье держать себя въ обществѣ остается и теперь идеаломъ благовоспитанности. Человѣкъ уклончивый, мягкій, не шумливый, съ изящными (не подлыми) манерами, чисто одѣтый—вотъ истинный человѣкъ XVIII вѣка». На нашъ взглядъ «узаконенія» Ломоносова представляютъ собою прежде всего собраніе дисциплинарныхъ правилъ, имѣющихъ главною цѣлью насажденіе порядка въ школѣ и обезпеченіе правильнаго теченія учебной жизни, а не воспитаніе юношества въ свѣтѣ какого либо цѣльнаго нравственнаго идеала. Учащимся предписывались лишь такія черты нравственнаго поведенія, безъ которыхъ вообще немыслима школьная дисциплина [1]).

Академическая гимназія дожила до изданія въ 1803 году

---

[1]) О пансіонѣ при академич. гимназіи см.: *Владим.-Будановъ*, „Педагогич. Музей“, 1878 г. № 3, стр. 185 и слѣд. Жалоба академиковъ Сенату на неисполненіе Шумахеромъ намѣреній бывшаго президента Корфа объ учрежденіи при гимназіи семинаріи, „Матеріалы для исторіи Академіи наукъ“, т. VII, стр. 482, 638. Донесеніе Г. Н. Теплова императрицѣ Екатеринѣ II о пансіонѣ при академич. гимназіи 28 августа 1765 г. въ „Чтеніяхъ Москов. общ. исторіи и древностей“, 1866 г., кн. I. „Узаконенія“ Ломоносова у *Пассека*, op. cit., стр. 18—21.

новаго регламента Академіи наукъ, которымъ созданъ былъ институтъ «академическихъ воспитанниковъ», избираемыхъ изъ числа отличнѣйшихъ университетскихъ студентовъ и учениковъ гимназій для приготовленія къ ученой, академической службѣ. Такъ какъ Академія должна была теперь набирать себѣ «воспитанниковъ» изъ разныхъ университетовъ и гимназій то и существованіе академической гимназіи, какъ спеціальнаго разсадника такихъ воспитанниковъ, потеряло смыслъ, и въ 1805 г. она была упразднена.

Такъ мало удаченъ оказался первый въ XVIII вѣкѣ опытъ системы средняго и высшаго образованія въ условіяхъ преобладанія профессіонально-сословныхъ цѣлей образованія. И академическій университетъ и академическая гимназія, вопреки своему первоначальному общеобразовательному назначенію «расплодить науки въ народѣ», постоянно сбивались на роль училищъ съ профессіональной тенденціей, готовящихъ къ одной опредѣленной профессіи, академической службѣ, какъ сама Академія наукъ въ первыя времена своего существованія носила характеръ правительственнаго вѣдомства, обязаннаго своими «инвентами» служить государственной пользѣ. Не нашлось точки опоры для правильной постановки академическихъ школъ и въ образовательныхъ потребностяхъ самого общества. Одно дворянство могло быть свободно заинтересовано въ среднемъ и высшемъ общемъ образованіи. Но обязательность для дворянства первой половины XVIII вѣка государственной службы сильно стѣсняла свободное удовлетвореніе его культурныхъ потребностей и отвращала его отъ систематическаго прохожденія средняго и высшаго общаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то среднее и высшее образованіе, какое давали академическія школы, далеко не совпадало съ кругомъ сословно-общаго шляхетскаго образованія. Поэтому и въ гимназіи и въ университетѣ вольные ученики изъ дворянъ искали знакомства лишь съ нѣкоторыми предметами, входившими въ кругъ «шляхетскихъ наукъ» и не подчинялись общеустановленному учебному плану. Еще менѣе, чѣмъ со стороны дворянства, академическія школы могли встрѣтить поддержку со стороны образовательныхъ потребностей другихъ

общественныхъ классовъ. Въ массѣ этихъ классовъ, городского и сельскаго населенія (кромѣ, развѣ, духовенства) образовательные интересы не поднимались выше элементарнаго образованія. Для поступавшихъ, волей или неволей, въ академическій университетъ и гимназію разночинцевъ главной цѣлью ученія было опять таки не систематическое среднее и высшее общее образованіе, а подготовка къ той или другой спеціальности по академической службѣ. Таковы были двѣ основныя причины слабаго успѣха системы средняго и высшаго общаго образованія, связанной съ Академіей наукъ: преобладаніе интересовъ и цѣлей профессіональнаго образованія въ общей политикѣ просвѣщенія первой половины XVIII вѣка и слабость самостоятельныхъ образовательныхъ потребностей русскаго общества того времени.

Не на долю академическаго университета и гимназіи выпала честь начать традицію средняго и высшаго образованія. Исторія академическихъ школъ осталась какъ бы изолированнымъ эпизодомъ въ ходѣ нашего просвѣщенія XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе эта исторія имѣетъ большое, такъ сказать, показательное значеніе. Въ этой исторіи ясно раскрывалось дѣйствіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій, преодолѣвать которыя приходилось всѣмъ послѣдующимъ опытамъ построенія цѣльной системы общаго образованія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учрежденіе Московскаго Университета и планы И. И. Шувалова.

I.

Моментомъ, связующимъ политику народнаго просвѣщенія первой половины XVIII столѣтія съ послѣдующей эпохой, когда основы этой политики были подвергнуты коренному пересмотру съ точки зрѣнія новыхъ педагогическихъ и государственныхъ идеаловъ, явилось учрежденіе Московскаго университета и планъ И. И. Шувалова 1760 года объ учрежденіи

гимназій и начальныхъ школъ. Съ предшествующимъ временемъ этотъ планъ связанъ наличностью нѣкоторыхъ старыхъ сословно-профессіональныхъ тенденцій, съ послѣдующимъ — постановкой вопроса о цѣльной «системѣ» народнаго просвѣщенія. Припомнимъ сначала внѣшнюю исторію предположеній, исходнымъ пунктомъ которыхъ было учрежденіе Московскаго университета, а затѣмъ систематически разсмотримъ отдѣльныя стороны затронутой этими предположеніями проблемы.

Вмѣстѣ съ Московскимъ университетомъ открыты были, какъ извѣстно, двѣ гимназіи при немъ, для дворянъ и для разночинцевъ; по замѣчанію Ломоносова, безъ гимназіи университетъ былъ бы «какъ пашня безъ сѣмянъ». Основнымъ законоположеніемъ какъ для университета, такъ и для гимназіи, былъ проектъ Шувалова, утвержденный 12 января 1755 года. Въ ближайшіе годы спеціальными указами опредѣлены были отношенія университета къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ (5 марта 1756 г., 22 декабря 1757 г., 26 мая 1758 г.), служебныя права и преимущества учащихся изъ шляхетства (18 мая 1756 г.), возложена на университетъ обязанность испытанія иностранныхъ учителей (5 мая 1757 г.), увеличена штатная сумма на содержаніе университета [1]). Для гимназіи были составлены, повидимому, уже въ 1756 году инструкція и регламентъ; оба эти акта сохранились въ видѣ проектовъ и въ дѣйствіе, кажется, введены не были [2]). На тѣхъ же основаніяхъ, что́ и московскія гимназіи, т. е. на основаніяхъ проекта 12 января 1756 года, открыты были, по указу 21 іюля 1758 году, гимназіи въ Казани. Наконецъ, въ 1757 г. изъ Московской университетской гимназіи для разночинцевъ стало выдѣляться ядро будущей академіи художествъ [3]). Такъ учрежденіе Московскаго университета съ самаго начала стало центромъ, вокругъ котораго въ

---

[1]) П. С. З., №№ 10346, 10515, 10558, 10724, 10781, 10843. *С. Шевыревъ*, Исторія Императ. Московскаго Университета (М. 1855), глава 1-ая.

[2]) Государств. Архивъ, разр. XVII, дѣло № 38: Доклады по Московскому университету и гимназіи.

[3]) П. С. З., № 10776. *Шевыревъ*, op. cit., стр 31, 51. *П. М. Майковъ* И. И. Бецкой, опытъ біографіи (Спб. 1904), стр. 303 и слѣд.

разныхъ направленіяхъ начинали возникать новыя образовательныя учрежденія.

Въ 1760 году возникли два проекта, въ совокупности широко намѣтившіе внѣшнія рамки стоявшей на очереди задачи—созданія цѣльной системы народнаго просвѣщенія. Въ ноябрѣ этого года И. И. Шуваловъ выступилъ со своимъ знаменитымъ планомъ о повсемѣстномъ учрежденіи гимназій и школъ [1]). Этотъ планъ являлся крупнымъ шагомъ впередъ, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что онъ впервые отчетливо ставилъ передъ законодательствомъ вопросъ о цѣльной системѣ, какъ органической совокупности трехъ послѣдовательныхъ цикловъ образованія: низшаго, средняго и высшаго; во-вторыхъ, онъ связывалъ систему общаго образованія съ профессіональнымъ; проектированныя Шуваловымъ низшія школы и гимназіи должны были готовить молодежь не только къ университету, но и къ кадетскому корпусу. Съ другой стороны, планъ Шувалова не порывалъ съ главной традиціей прошлаго: новая система образованія должна была служить, главнымъ образомъ, интересамъ дворянства.

Въ томъ же 1760 году, по порученію малороссійскаго гетмана К. Г. Разумовскаго, былъ составленъ Г. Н. Тепловымъ проектъ учрежденія университета для малороссійскаго юношества въ Батуринѣ [2]). Особенностью этого проекта было то, что новый университетъ долженъ былъ стать въ тѣсную связь съ духовными школами Малороссіи. Отмѣчая неудовлетворительность этихъ школъ, какъ разсадниковъ «высокихъ наукъ», Тепловъ предполагалъ сдѣлать низшіе и средніе классы духовныхъ семинарій, до риторики включительно, приготовительными школами для университета. Эта особенность проекта Теплова теперь уже не представляется намъ неожиданной послѣ того, какъ намъ извѣстно общеобразовательное значеніе южно-русскихъ духовныхъ школъ XVIII вѣка.

Проектъ Теплова движенія не получилъ; планъ же Шувалова въ принципѣ былъ одобренъ Сенатомъ, и указомъ

---

[1]) П. С. З., № 11144.

[2]) „Чтенія въ Москов. Общ. ист. и древн. рос.“, 1859 г., кн. II.

послѣдняго 16 ноября 1760 года Шувалову предложено было войти въ подробное обсужденіе устройства и средствъ содержанія школъ и гимназій. Еще раньше, «ордеромъ» 6 ноября, Шуваловъ объявилъ конференціи профессоровъ университета, чтобы она совмѣстно съ директоромъ выработала «расположеніе» и штатъ гимназіямъ и школамъ, соотвѣтственно поданному въ Сенатъ представленію, и выработанный ею проектъ немедленно прислала ему, Шувалову. Ордеромъ 23 ноября онъ предложилъ директору университета заняться составленіемъ штата и регламента уже не только для новыхъ гимназій и школъ, но и для самого университета. О дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла мы имѣемъ только одно извѣстіе изъ ордера Шувалова 16 мая 1762 года, которымъ намѣчалось число казенныхъ вакансій въ гимназіи для дворянъ (140) и для разночинцевъ (60). Далѣе въ томъ же ордерѣ читаемъ: «университетъ надобно смотрѣть какъ еще въ самомъ своемъ началѣ и для того не токмо что вновь прибавлять, но и, если можно, нѣкоторое убавить. Факультетъ философскій и юриспруденціи нужнѣе всѣхъ въ нынѣшнее время будетъ по причинѣ полагаемаго для штатскихъ особливо ученія» [1]).

Въ эти же самые годы, когда намѣчались основы цѣльной системы образованія съ университетомъ во главѣ, обнаружилась, какъ мы уже знаемъ, тенденція къ объединенію разныхъ отраслей профессіональнаго дворянскаго образованія. Указомъ 14 марта 1762 года И. И. Шуваловъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса; мотивомъ этого назначенія было выставлено то обстоятельство, что самому императору, стоявшему съ 1750 года во главѣ корпуса, «не всегда можетъ доставать столько времени, сколько требуетъ нѣжное воспитаніе благороднаго юношества». Вскорѣ послѣ назначенія Шувалова начальникомъ Сухопутнато корпуса явился указъ (24 апрѣля), возвѣщавшій о предстоящемъ соединеніи всѣхъ корпусовъ: сухопутнаго, морского и артиллерійскаго съ инженернымъ въ одно обшир-

[1]) Государств. Архивъ, разр. XVII, № 38.

ное дворянское училище. Наконецъ, въ 1763 году потеряло свою обособленность профессіональное юридическое образованіе. Юнкерская школа при Сенатѣ была закрыта; дворянъ положено было готовить къ гражданской службѣ въ кадетскомъ корпусѣ, разночинцевъ—въ университетѣ [1]).

Слѣдя за внѣшней послѣдовательностью изложенныхъ сейчасъ мѣропріятій, отъ учрежденія Московскаго университета до начала царствованія Екатерины II, можно замѣтить, что эта послѣдовательность направляется въ сторону объединенія различныхъ цикловъ и отраслей общаго и профессіональнаго образованія въ нѣчто цѣлое. Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, очень существенно, ибо оно знаменуетъ уже приближающееся торжество общаго образованія. Развитіе профессіональнаго образованія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, характеризуется постепеннымъ расчлененіемъ и обособленностью разнообразныхъ его отраслей. Наоборотъ, отдѣльные циклы общаго образованія всегда естественно стремятся къ объединенію въ одну цѣльную систему; тамъ, гдѣ господствуетъ идея общаго образованія, тамъ и разныя отрасли профессіональнаго образованія строятся на нѣкоторомъ единомъ общеобразовательномъ базисѣ. Такъ было и въ данное время, наканунѣ реформъ Екатерины II. Высшее университетское, среднее гимназическое и низшее образованіе, по плану Шувалова, объединяются въ единую систему; различныя отрасли военнаго дворянскаго образованія также соединяются въ рамкахъ одного училища и готовятся стать на тотъ же общій фундаментъ, на которомъ воздвигается образованіе университетское.

Весной 1762 года И. И. Шуваловъ, соединяя должности куратора Московскаго университета и главнаго начальника Сухопутнаго корпуса, въ которомъ должны были слиться всѣ отрасли профессіональнаго дворянскаго образованія, близокъ былъ, можно сказать, къ роли министра народнаго просвѣщенія. Но съ началомъ новаго царствованія вліяніе Шува-

---

[1]) П. С. З., №№ 11474, 11989. *Мельницкій*, op. cit. т. I, ч. 1-ая, стр. 44—49.

лова пало, и въ томъ же самомъ 1762 году его постигла крупная непріятность по должности куратора университета. Второй кураторъ Ададуровъ подалъ въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ обвинялъ Шувалова въ произвольномъ распоряженіи университетскими суммами. Сенатъ заслушалъ это доношеніе 15 декабря въ присутствіи самой императрицы, и отъ Шувалова потребовано было объясненіе. Шуваловъ оправдывалъ свои хозяйственныя распоряженія по университету волею покойной императрицы, отдавшей «дополненіе штата на волю куратора»; недостатокъ регламента и штата заставлялъ его «прилагать болѣе старанія для основанія и распространенія университета, чѣмъ для подробнаго наблюденія канцелярскаго порядка»; его, Шувалова, стараніями университетъ доведенъ до высокой степени совершенства. Сенатъ опредѣлилъ взыскать съ Шувалова данныя имъ взаймы одному лицу безъ поруки деньги (4744 руб.); жалобу же Шувалова на Ададурова, что она писана съ обстоятельствами несходно, призналъ неосновательной, ибо Ададуровъ сдѣлалъ свое представленіе только для возстановленія порядка. Императрица собственноручнымъ указомъ смягчила приговоръ Сената; взысканіе съ Шувалова неправильно отданной взаймы суммы повелѣно было отмѣнить, ибо «указомъ императрицы Елизаветы университетъ отданъ въ правленіе генералъ-поручику Ивану Шувалову, на котораго, какъ всѣмъ извѣстно, можно смотрѣть, какъ на основателя онаго мѣста, и, повидимому, онъ больше добра установилъ, нежели худова находится по новости мѣста, какой недостатокъ въ порядкѣ». Тѣмъ же указомъ куратору Ададурову повелѣно было заготовить къ апробаціи новый планъ и штатъ университета; Шуваловъ же получилъ продолжительный отпускъ за-границу, сохранивъ званіе куратора университета [1]).

Съ удаленіемъ отъ дѣлъ И. И. Шувалова рушатся связанные съ его именемъ планы, клонившіеся къ созданію

---

[1]) „Сенатскій Архивъ“, т. XII, стр. 317—332. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXV (изд. 2-ое), стр. 227—229. „Чтенія Моск. общ. ист. и древн.“, 1859 г., I.

цѣльной системы народнаго просвѣщенія, а съ 1764 года самыя основы политики просвѣщенія подвергаются коренному пересмотру на почвѣ новыхъ педагогическихъ идей.

II.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ сторонъ новой учебной системы, обозначившейся въ планахъ И. И. Шувалова послѣ учрежденія Московскаго университета. Остановимся прежде всего на той ея сторонѣ, которою она была связана съ господствующей традиціей предшествующаго времени, съ традиціей *сословности*. Въ общихъ условіяхъ политической и общественной жизни Россіи того времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, это начало сословности не могло еще не сыграть видной роли въ развитіи новыхъ образовательныхъ учрежденій и плановъ.

Въ учрежденіи Московскаго университета на первый взглядъ можно видѣть прямое отрицаніе начала сословности въ высшемъ образованіи: проектъ Шувалова гласилъ, что университетъ учреждается «по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются». Въ дѣйствительности Московскій университетъ открытъ былъ для двухъ соціальныхъ группъ, для дворянъ и для разночинцевъ, представлявшихъ собою, по мѣткому выраженію проф. Владимірскаго-Буданова, «выброски сословій, тѣ стихійные элементы, которые не примкнули ни къ одному изъ организованныхъ политическихъ тѣлъ» [1]). Мы видѣли выше, въ какую сторону направлялась эволюція шляхетскаго образованія въ теченіе первой половины XVIII столѣтія; съ 1730-хъ годовъ оно теряетъ односторонній профессіональный характеръ и приближается къ образованію общему въ томъ смыслѣ, что кругъ шляхетскаго образованія включаетъ въ себѣ разнородныя отрасли знаній, готовящихъ не къ одной какой либо спеціальности, но ко всѣмъ вообще видамъ государственной службы, открытымъ для дворянства. Привлеченіе дворянства

[1]) Государство и нар. образованіе, стр. 323.

къ университетскому образованію было естественнымъ результатомъ этой эволюціи шляхетскаго образованія. Въ проектѣ Шувалова, въ изложеніи побужденій къ учрежденію университета особенно рельефно представлены тѣ же образовательные интересы дворянства, какимъ служили существовавшія доселѣ сословныя дворянскія училища. Университетъ нуженъ, прежде всего, тѣмъ дворянамъ, которые, «хотя къ надлежащему воспитанію и наученію къ службѣ ея императорскаго величества, кромѣ Академіи, въ Сухопутномъ и Морскомъ кадетскомъ корпусахъ, въ инженерствѣ и артиллеріи открытый путь имѣютъ», но по разнымъ причинамъ въ эти училища не попадаютъ; далѣе, университетъ долженъ освободить великое число помѣщиковъ отъ расходовъ на невѣжественныхъ часто учителей, которые не въ состояніи ни готовить дворянскую молодежь къ службѣ, ни руководить ея воспитаніемъ. «Всѣ почти помѣщики, говорилось въ докладѣ Шувалова, имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу ея императорскаго величества, а иные не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Такимъ образомъ открытіе университета для дворянъ не мѣняло по существу тѣхъ конечныхъ цѣлей, къ которымъ направлялось сословное шляхетское образованіе въ данное время [1]).

---

[1]) Отсюда вытекала необходимость согласовать университетское образованіе съ служебными обязанностями дворянской молодежи. Въ 1756 году университетъ представлялъ Сенату, что установленный порядокъ явки дворянскихъ недорослей на смотры и записки въ службу представляетъ настолько серьезное препятствіе къ обученію дворянской молодежи въ университетѣ, что всѣ эти дворяне „принуждены оставлять при самомъ началѣ ученье и тѣмъ нельзя никакъ ожидать, чтобъ были изъ благородныхъ люди ученые“. Сенатскій указъ 18 мая разрѣшилъ принимать въ университетъ, съ увѣдомленіемъ о томъ Герольдіи, дворянскихъ недорослей, отбывшихъ положенные для нихъ смотры, и оставлять ихъ въ университетѣ до 16 лѣтъ, а по склонности къ наукамъ и до 20-ти; тотъ же указъ предписывалъ недорослей, уже записанныхъ въ

Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ открытъ былъ «для генеральнаго ученія разночинцамъ». Разночинцы—это неизбѣжный продуктъ сословной разверстки общества, это особая соціальная группа, составившаяся, по вѣрному замѣчанію проф. Владимірскаго-Буданова, изъ случайныхъ элементовъ, не попавшихъ ни въ одно изъ организованныхъ сословныхъ тѣлъ. Для разночинцевъ имѣется какъ бы особый кругъ образованія; это совокупность тѣхъ отраслей знанія, которыя не вошли ни въ одинъ изъ крупныхъ спеціальныхъ цикловъ сословно-профессіональнаго образованія. Цѣль образованія для разночинцевъ—подготовка къ тѣмъ профессіямъ, которыя не являлись спеціальною принадлежностью какой либо одной изъ основныхъ сословныхъ группъ; таковы профессіи: ученая и педагогическая, медицинская, отчасти юридическая. Юридическое образованіе, хотя и заняло съ 1730-хъ годовъ видное мѣсто въ системѣ шляхетскаго образованія, не превратилась, однако, подобно высшему военному образованію, въ сословную привилегію шляхетства, но распространялось также на разночинцевъ. Университетъ и былъ средоточіемъ тѣхъ отраслей образованія, которыя въ первой половинѣ XVIII столѣтія считались удѣломъ преимущественно разночинцевъ, но отъ которыхъ не могло быть устранено и дворянство, такъ какъ послѣднему были открыты всѣ поприща государственной службы. Итакъ, соединеніе дворянъ и разночинцевъ въ университетѣ еще не означало торжества новаго принципа безсословности высшаго образованія; это былъ естественный результатъ предшествующаго сближенія образованія шляхетскаго и разночинскаго.

Обособленность дворянъ отъ разночинцевъ, замаскированная въ университетѣ, съ полной откровенностью была проведена въ подготовительныхъ къ университету школахъ, въ гимназіяхъ московской и казанской. Каждая изъ этихъ гимназій раздѣлялась на двѣ параллельныхъ школы: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Для тѣхъ и другихъ были устано-

---

службу, какъ въ воинскихъ, такъ и въ гражданскихъ командахъ, во время пребыванія ихъ въ университетѣ, „въ повышеніяхъ старшинствомъ не обходить и произвожденіе имъ съ прочими въ тѣхъ командахъ чинить по указамъ“. П. С. З., № 10558.

влены различные размѣры казеннаго содержанія, различные пріемы наказаній. Обособленность дворянъ и разночинцевъ подчеркивалась въ разныхъ мелочахъ внѣшней обстановки. Въ первоначальномъ проектѣ штата московской гимназіи 15 ученикамъ дворянамъ, «которые будутъ къ наукамъ прилежны», положено было выдавать по 50 руб., разночинцамъ по 30 руб. По установленному затѣмъ И. И. Шуваловымъ росписанію на содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ полагалось: на дворянъ верхнихъ классовъ по 25 руб. и нижнихъ по 18 руб., на разночинцевъ верхнихъ классовъ по 15 руб. и нижнихъ по 10 руб. Въ награду за успѣхи, по ордеру Шувалова же, выдавались дворянамъ золотыя, а разночинцамъ серебряныя медали. По рапорту 1764 года куратора Ададурова о казеннокоштныхъ воспитанникахъ университета и гимназіи, дворянахъ и разночинцахъ, первыхъ было на лицо въ университетѣ 5 человѣкъ и вторыхъ—25; въ гимназіи тѣхъ и другихъ, согласно штату и инструкціи Шувалова, было на лицо по 50 человѣкъ. Содержаніе каждаго дворянина обходилось въ годъ 54 руб. $48^1/_4$ коп., разночинца въ 50 руб. $98^3/_4$ коп. Дворянамъ выдавалось говядины по $1^1/_4$ фунта на человѣка, разночинцамъ 1 фунтъ; кашу ѣли дворяне съ масломъ маковымъ, разночинцы съ конопляным; хлѣбъ получали дворяне ситный, разночинцы рѣшетный бѣлый. Только дворянамъ полагалось по парѣ чулокъ гарусныхъ, разночинцамъ же по лишней парѣ чулокъ бѣлыхъ нитяныхъ. Регламентъ московской гимназіи, составленный Шуваловымъ, устанавливалъ систему наказаній провинившимся воспитанникамъ и допускалъ тѣлесныя наказанія; «за великія продерзости» (4-й градусъ наказанія) полагалось виновныхъ дворянъ, положа черезъ лавку, бить по штанамъ линейкою, а «подлыхъ» (разночинцевъ) сѣчь розгами [1]). Инструкціей директору гимназіи разрѣшалось малолѣтнихъ учениковъ изъ благородныхъ за дисциплинарные проступки «штрафовать умѣренными иногда побоями»; мѣры же наказанія для разночинцевъ предоставлялось устанавливать самому директору.

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVII, №№ 41, 38.

Въ началѣ 1760 года былъ составленъ проектъ новаго штата Казанской гимназіи, подписанный Ададуровымъ, скрѣпленный Херасковымъ и съ приложеніемъ мнѣнія по отдѣльнымъ пунктамъ директора университета Мелиссино. Пунктъ 16-й этого проекта обращалъ вниманіе на неудобство раздѣленія гимназіи на дворянскую и разночинскую, что́ вызывало двойной расходъ на учителей. Въ проектѣ предлагалось соединить обѣ гимназіи по отдѣльнымъ классамъ, но съ сохраненіемъ внѣшняго различія между дворянами и разночинцами, такимъ, напримѣръ, образомъ: «камора нижняго латинскаго класса раздѣлится низкими перилами на двѣ равныя части, оставя проходы съ обоихъ концовъ; въ одной половинѣ полъ будетъ нѣсколько поднятъ и столы учебные хотя мундирнымъ солдатскимъ зеленымъ сукномъ или кожею обьются; а другая половина безъ всякаго украшенія съ простыми столами и скамьями останется; въ первой дворянамъ, а въ послѣдней разночинцамъ равныхъ силъ въ ученіи помѣстимымъ довольно будетъ одного учителя». Мелиссино нашелъ, «что такое учрежденіе есть изрядное, потому что убавитъ учителей», но оставилъ его «на апробацію его высокопревосходительства» (И. И. Шувалова?). Какъ отнесся къ этому предложенію Шуваловъ, неизвѣстно. Знаемъ только, что Шуваловъ имѣлъ намѣреніе сильно увеличить въ московской гимназіи дворянскій элементъ сравнительно съ разночинскимъ; ордеромъ 16 мая 1762 года о сочиненіи новаго штата гимназіи онъ предписывалъ «сдѣлать гимназію изъ 140 дворянъ и 60 разночинцевъ на казенномъ содержаніи» [1]). По отчетамъ о состояніи московскаго университета и гимназіи за 1764, 1766, 1767 и 1768 годы въ гимназіи значилось слѣдующее количество учениковъ дворянъ и разночинцевъ, казенныхъ и своекоштныхъ [2]):

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, № 38.

[2]) Въ таблицу не вошли ученики, произведенные въ студенты, но оставленные въ ректорскомъ классѣ.

	Казенные.		Своекоштные.	
	Дворяне.	Разночинцы.	Дворяне.	Разночинцы.
1764	43	41	139	75
1766	41	31	126	102
1767	38	40	110	94
1768	39	36	80	91

III.

Обратимся къ другой сторонѣ новой учебной системы, къ ея научно-образовательному содержанію и формамъ, въ какія это содержаніе должно было отливаться. Разсмотримъ сначала общую постановку этого вопроса, какъ она выразилась въ мнѣніяхъ представителей двухъ ученыхъ коллегій, петербургскихъ академиковъ и московскихъ профессоровъ. Въ постановкѣ этого вопроса, какъ сейчасъ увидимъ, старая традиція сословно-профессіональнаго образованія столкнулась съ новымъ, болѣе широкимъ и возвышеннымъ пониманіемъ задачъ и сущности образованія, которое можно назвать уже образованіемъ общимъ. Старые взгляды нашли себѣ выраженіе въ мнѣніяхъ, представленныхъ петербургскими академиками по поводу плана Шувалова о повсемѣстномъ учрежденіи гимназій и школъ; поборниками новаго идеала общаго образованія выступили первые профессора Московскаго университета.

Всего яснѣе старая сословно-профессіональная тенденція выразилась въ мнѣніи академика Фишера. «Словесныя и высокія науки, писалъ онъ, суть разнаго рода, также и обучающіеся въ школахъ и гимназіяхъ суть различнаго состоянія и достоинства. Изъ чего ясно видѣть можно, что не всякому всему обучаться должно; напримѣръ, земледѣльцу довольно читать и писать, и при томъ знать нѣкоторыя дерева, камни, металлы и свойство земли, о чемъ наипаче стараться долженъ; сего жъ довольно знать и купцамъ, а кромѣ того еще ариѳметику и нѣсколько геометріи и географіи обучить довольно. Сіе самое совершенно надлежитъ знать солдату, а сверхъ того обучить ему должно военную архитек-

туру и артиллерію. Придворному человѣку пристойно знать географію, исторію народовъ, войны, политику, экспериментальную физику и изъ нравоучительной философіи ту часть, которая разсуждаетъ о человѣческомъ разумѣ и нравахъ; кромѣ того упражняться ему должно въ фехтованіи, что́ нынѣ за главное дѣло и благородному и изрядно воспитанному человѣку за приличное почитается. Языкамъ обучаться должно нѣмецкому и французскому, или обоимъ, или по крайней мѣрѣ которому нибудь одному». Тѣ, «которые со временемъ получить высочайшее достоинство и управлять имѣютъ государствомъ» или «быть министрами при заключеніяхъ съ иностранными народами миру, союзовъ и трактатовъ», должны изучать внутреннее состояніе всего государства, силы, доходы, коммерцію, недостатки, которые исправить должно; а также упражняться имъ въ натуральныхъ, народныхъ и гражданскихъ правахъ, въ наукѣ о договорахъ и союзахъ, а къ тому присовокупить должно географію, путешествія, исторію гражданскую, иностранные языки. Наконецъ, посвящающіе себя ученой дѣятельности избираютъ тотъ или другой факультетъ университета. Итакъ, повторялъ Фишеръ, «не всѣмъ безъ разбору въ однихъ училищахъ обучаться, но однихъ отъ другихъ отличить должно» [1]).

На точкѣ зрѣнія профессіональныхъ интересовъ стоялъ академикъ Цейгеръ, съ которымъ согласились Миллеръ и Эпинусъ. По его мнѣнію, «учащееся юношество можно раздѣлить на два класса: первый для тѣхъ, кои со временемъ желаютъ быть учеными, а другой для тѣхъ, которые вступить имѣютъ въ другія должности; а понеже во всѣхъ почти европейскихъ школахъ обыкновенная находится погрѣшность, что обоего рода учениковъ во всѣхъ классахъ одинакимъ образомъ и безъ всякаго различія обучаютъ, а оттого происходитъ, что желающіе быть учеными недовольно, а прочіе вдругъ такимъ наукамъ обучаются, коей напослѣдокъ въ жизни своей ни продолжать и ниже́ употреблять не могутъ».

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, вып. 3-й (Спб. 1876), стр. 332—335.

Далѣе Цейгеръ указывалъ тѣ комбинаціи знаній, которыя полезны для разныхъ профессій, для купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ, придворныхъ, военныхъ. Въ томъ же духѣ высказался академикъ Протасовъ, также оцѣнивавшій каждую науку со стороны ея полезности для той или другой отрасли практической дѣятельности. Академикъ Браунъ, мнѣніе котораго одобрили Миллеръ, Модерахъ и Эпинусъ, хотя и ставилъ цѣлью гимназическаго образованія приготовленіе къ службѣ «въ коллегіяхъ, въ посольствахъ, въ придворныхъ чинахъ и въ военныхъ», тѣмъ не менѣе усваиваилъ гимназіямъ единый общеобразовательный характеръ. Наконецъ, единый общеобразовательный курсъ какъ для школъ, такъ и для гимназій, предлагалъ академикъ Котельниковъ; но гимназіи онъ предназначалъ только для высшихъ классовъ общества; по его мнѣнію, гимназіи слѣдовало учредить въ тѣхъ городахъ, гдѣ больше дворянства, чиновныхъ людей и знатнѣйшаго купечества [1]).

Инымъ духомъ проникнуты взгляды первыхъ московскихъ профессоровъ на сущность и задачи образованія, взгляды, о которыхъ такъ сурово отозвался проф. Владимірскій-Будановъ: «мы удивляемся теперь и даже негодуемъ, читая безсодержательныя и напыщенныя рѣчи первыхъ профессоровъ о пользѣ наукъ; но это было въ ихъ рукахъ единственнымъ, хотя и жалкимъ средствомъ борьбы съ равнодушіемъ общества, привыкшаго къ утилитарному взгляду на образованность» [2]). Этотъ огульный и пренебрежительный отзывъ нельзя признать справедливымъ. Оцѣнивая торжественныя рѣчи первыхъ московскихъ профессоровъ, Барсова, Поповскаго, Шадена, въ условіяхъ опредѣленнаго историческаго момента, находимъ, что подъ тяжелой риторической оболочкой этихъ рѣчей заключено оправданіе тѣхъ необходимыхъ принциповъ, на которыхъ должна была зиждиться новая система просвѣщенія. Первою обязанностью представителей новоучрежденнаго университета было разъяснить обществу, «привыкшему къ утили-

[1]) Ibidem, стр. 53—56, 87—90, 330—332, 328—330.
[2]) Государство и нар. образованіе, стр. 323.

тарному взгляду на образованность», задачу и сущность новаго образованія. Этому вопросу посвящены, прежде всего, рѣчи Барсова, Поповскаго и Шадена. Въ рѣчахъ «О пользѣ учрежденія Московскаго университета (1755 г.) и «О цѣли ученія» (1760 г.), представляя подъ именемъ университета «все собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія», Барсовъ разбираетъ ходячія мнѣнія о цѣли образованія. Наиболѣе распространенное мнѣніе, «что мы учимся наукамъ для наукъ, то-есть, чтобъ разумъ нашъ наполнить потребными въ жизни знаніями» для личнаго счастья и для матеріальнаго благополучія,—это мнѣніе «не повреждаетъ истины, но не всю ее знаетъ»; въ немъ «не все то заключено, что́ о семъ дѣлѣ (т. е. о цѣли ученья) сказать можно». Надежнѣйшій путь къ познанію цѣли ученія есть тотъ, «чтобъ чрезъ дѣйствія, въ человѣкѣ науками производимыя, доходить и до намѣренія производящей ихъ причины». Разсматривая дѣйствіе ученья въ образованіи и укрѣпленіи интеллектуальныхъ силъ человѣка, надо признать, что просвѣщеніе «одно разгнать можетъ оную невѣжества тьму, въ которой мы рождаемся, и истребить тѣ предразсужденія, которыя къ намъ отъ худого воспитанія прилѣпляются. Ученіе рождаетъ въ насъ справедливыя мысли и разсужденія; ученіе показываетъ преимущество тѣхъ дѣйствій, которыя съ порядкомъ и размѣромъ дѣлаются; ученіе подаетъ намъ въ предводители премудрѣйшихъ изъ древности людей, въ писаніяхъ которыхъ мы почерпаемъ премногія высокія истины, питающія нашъ умъ и духъ укрѣпляющія, съ которыми мы когда, благороднымъ ревнованіемъ побуждаясь, сравняться стараемся, то, хотя не получаемъ равнаго имъ совершенства, однакожъ тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ выше себя возносимся, распространяемъ свой разумъ и больше знаній и понятій получаемъ; а чрезъ все то напослѣдокъ способнѣйшими становимся къ исправленію порученныхъ намъ по званію нашему дѣлъ и должностей». Это заключеніе, оговаривается Барсовъ, не означаетъ отрицанія значенія личнаго «искусства или испытанія» (т. е. практики); «но сіе надлежитъ такимъ образомъ разумѣть, что ученіе во многихъ слу-

чаяхъ заступаетъ мѣсто искусства и испытанія или, лучше, оное въ себѣ содержитъ. И по истинѣ, всѣ науки, есть ли между прочими многими ихъ видами съ нѣкоторой извѣстной стороны ихъ разсматривать, не иное что́ покажутся, какъ только собраніе важнѣйшихъ опытовъ, въ разномъ родѣ вещей примѣчательными и остроумными людьми усмотрѣнныхъ, съ пріобщеніемъ произведенныхъ ими изъ того разсужденій и правилъ, служащихъ къ способнѣйшему и скорѣйшему дѣйствованію».

Но одно знаніе, составляющее «конецъ и намѣреніе» ученія, «не объемлетъ всего пространства тѣхъ видовъ и желаній, которыя мы при вступленіи въ ученіе и при продолженіи онаго цѣлію себѣ представлять должны къ облегченію соединенныхъ съ тѣмъ трудовъ и къ дальнѣйшему себя ободренію; ибо оное знаніе, при всѣхъ вышепоказанныхъ пользахъ и преимуществахъ, можетъ совмѣстно быть съ немалыми несовершенствами и съ самыми пороками». Знаніе подобно оружію, и праведно защищающему и неправедно убивающему, или огню, согрѣвающему и сожигающему; оно должно быть соединено съ добродѣтелью, «безъ которой самое пространнѣйшее и глубочайшее знаніе не токмо должно быть безплодно и безполезно, но еще и вредно». Знаніе надо почитать стезею или дверью къ добродѣтели и, во всякомъ случаѣ, честное сердце предпочитать великому разуму. Но и на добродѣтели «не можно намъ остановиться въ семъ шествіи къ концу ученія, ибо находится еще высшее нѣчто и божественнѣйшее, а именно законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго ни кое званіе истинно полезно, ни кая добродѣтель совершенна быть не можетъ».

Въ академической же рѣчи 26 апрѣля 1755 года Барсовъ говорилъ о томъ, какая наука должна стоять въ центрѣ университетскаго образованія; это—философія: всѣ науки «къ философіи нѣкоторымъ образомъ принадлежать могутъ, поелику она имѣетъ власть разсуждать о всѣхъ безъ изъятія вещахъ по ихъ причинамъ, т. е. поелику она разсматриваетъ союзъ и соединеніе причинъ съ дѣйствіями»; философія же «пріобучаетъ разумъ къ твердому познанію истины, чтобъ оный на-

послѣдокъ знать могъ, въ чемъ наше истинное благополучіе заключается; разсматриваетъ силы и свойства нашихъ душъ, а изъ того опредѣляетъ наши должности въ разсужденіи Творца нашего, въ разсужденіи населяющихъ съ нами землю человѣковъ, въ разсужденіи высшихъ, низшихъ, равныхъ, своихъ, чужихъ, кровныхъ, знакомыхъ, пріятелей и непріятелей» [1]). На эту же тему и въ тотъ же день говорилъ профессоръ Поповскій. Онъ изображалъ философію, какъ науку всѣхъ наукъ, «которая предписываетъ общіе пути и средства всему человѣческому благополучію... Отъ нея зависятъ всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ... Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако, главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и необманчивое познаніе натуры, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ неправды отъ нея одной зависитъ». Философія и наука для Поповскаго есть также путь къ добродѣтели; эту мысль онъ развивалъ въ стихотворномъ посланіи къ И. И. Шувалову «О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества» (1756 г.) [2]).

Принципіальнымъ вопросамъ образованія и воспитанія посвящены были также труды профессора Шадена, перваго ректора и устроителя университетскихъ гимназій, а въ университетѣ читавшаго преимущественно практическую философію и этику. Послѣдователь моральной философіи Геллерта, самъ по природѣ романтикъ и идеалистъ, оказывавшій сильное и благотворное вліяніе на своихъ учениковъ и слушателей, Шаденъ особенно выдвигалъ высшія этическія задачи и средства просвѣщенія. Педагогія Шадена тѣсно связана съ его взглядами на сущность человѣческаго общежитія и государства. Отвергая Гоббесово мнѣніе, что сила есть душа гражданскихъ законовъ, Шаденъ полагаетъ душу закона въ общемъ благѣ и любви къ Богу. «Всякой законъ, который напослѣдокъ и

---

[1]) „Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго университета русскими профессорами онаго“ (изд. Общ. любителей рос. словесности), ч. I (М. 1819), стр. 42—51. *М. И. Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. 4-й, стр. 497—509.

[2]) „Біографич. Словарь профессоровъ Московскаго университета“, (М. 1855) ч. 2-я, стр. 308—309.

въ самыхъ малѣйшихъ вещахъ во всякомъ обществѣ, большемъ ли, или меньшемъ, не можетъ разрѣшиться на любовь Божію, достоинъ названъ быть именемъ глупости, мучительства, бредни и проч., а не закономъ». Будучи сторонникомъ монархическаго правленія, Шаденъ находитъ, что «самое высшее право самодержца—въ распространеніи между подданными наукъ и художествъ. Одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ рукахъ самодержавія есть чувство чести, устремляющее насъ къ познанію. Законъ монархіи есть благоденствіе обладателя, а въ немъ цѣлость и счастіе подданныхъ. Цѣль образованія—не «праздное умозрѣніе», а служеніе общему благу. «Ученость уподобляться должна солнцу. Какъ оно все озаряетъ, все творитъ плодоноснымъ, оживляетъ, по свойству каждаго тѣла, природою дарованнаго, и ободряетъ, равномѣрно такъ просвѣщеніе и науки должны своими лучами всѣхъ проницать, всѣхъ возбуждать сердца въ высоту и прохлаждать всѣхъ увеселеніемъ по мѣрѣ званія каждаго, въ какое предназначилъ кого Зиждитель, а отъ празднаго умозрѣнія возможно ли сего уповать? Училища, именуемыя университетами и гимназіями, «попеченію которыхъ ввѣряется научить всему тому, что споспѣшествуетъ къ сопряженію всего и соединенію въ цѣлость», должны быть «свѣтилами государству». Духъ этихъ училищъ долженъ быть согласованъ съ государственными потребностями. Въ Россіи главная задача педагогіи — воспитаніе чувствъ, такъ какъ у сѣверныхъ народовъ вообще груба чувствительность. Чтобы училища были дѣйствительно «свѣтилами государству», учащіе и учащіеся должны удовлетворять высокимъ нравственнымъ требованіямъ: «токмо достойные вводимы будутъ въ святилище тѣхъ наукъ, которыя мыслей требуютъ непорочныхъ, душевныхъ силъ непосредственныхъ и способныхъ ко вмѣщенію верховныхъ добродѣтелей и мудрости превосходнѣйшей». Необходимо учрежденіе центральной воспитательной академіи, которая была бы душою всѣхъ университетовъ и хранительницею нравственнаго въ нихъ свѣта [1]).

[1]) „Біографич. Словарь профессоровъ Москов. университета“, ч. 2-я, стр. 558—574. *Н. С. Тихонравовъ*, Сочиненія, т. III, ч. 1-я (М. 1898), стр. 44—60.

Такъ разсуждали о задачахъ и сущности образованія первые, наиболѣе вліятельные профессора Московскаго университета. Эти разсужденія не блещутъ оригинальностью мысли, но для насъ онѣ важны и интересны въ одномъ отношеніи: онѣ показываютъ ту новую почву, на которую теперь, съ момента учрежденія Московскаго университета, начинаетъ передвигаться проблема народнаго просвѣщенія. Заслуга первыхъ московскихъ профессоровъ та, что они популяризировали въ своихъ рѣчахъ новые принципы системы просвѣщенія. Образованіе обнимаетъ весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія и имѣетъ цѣлью всестороннее совершенствованіе духовной природы человѣка; средоточіемъ всѣхъ отраслей этого знанія является философія; духомъ философскаго единства проникается и вся система образованія; образованіе умственныхъ силъ человѣка должно соединяться съ нравственнымъ совершенствованіемъ; это послѣднее должно быть основаніемъ и залогомъ общаго блага,—таковы главныя положенія, какія могутъ быть извлечены изъ рѣчей первыхъ московскихъ профессоровъ. На этихъ положеніяхъ должна была теперь строиться новая система общаго образованія.

IV.

Столкновеніе двухъ направленій въ общихъ взглядахъ на задачи и средства образованія, отмѣченныхъ нами въ мнѣніяхъ петербургскихъ академиковъ, съ одной стороны, и въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ—съ другой, являясь обстоятельствомъ весьма характернымъ для даннаго момента (конца 1750-хъ и начала 1760-хъ годовъ), не могло не повлечь за собою значительныхъ колебаній въ разграниченіи отдѣльныхъ ступеней новой системы просвѣщенія и ихъ взаимоотношеніи, въ опредѣленіи научно-образовательнаго содержанія курсовъ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, изъ которыхъ складывалась эта система.

Въ основаніе системы планъ Шувалова полагалъ низшія школы для обученія русской грамотѣ и «прочимъ первымъ основаніямъ». Какъ показали представленныя академиками

мнѣнія, вопросъ о типѣ низшей школы и содержаніи ея курса вызывалъ существенныя разногласія. Въ мнѣніяхъ академиковъ обозначилось нѣсколько типовъ школъ: 1) элементарная школа грамоты для сельскаго населенія, 2) школа высшаго типа съ техническимъ курсомъ для промышленнаго населенія, 3) школа, готовящая къ поступленію въ гимназіи и составляющая какъ бы младшій концентръ послѣдней.

Объ элементарной школѣ для сельскаго населенія говорилъ академикъ Фишеръ, исходившій, какъ мы знаемъ, изъ мысли, что не всѣмъ безъ разбора въ однихъ училищахъ должно обучаться: «земледѣльцамъ надлежитъ учиться читать и писать въ самыхъ нижнихъ школахъ; а ежели захотятъ чему научиться изъ исторіи натуральной, оное для недостатку учителей собственнымъ трудомъ и прилежаніемъ пріобрѣсть должны».

Академикъ Браунъ различалъ два послѣдовательно расположенныхъ типа низшихъ школъ. Первый типъ школъ, называемыхъ имъ «ординарными», имѣетъ цѣлью подготовку учениковъ для гимназій; въ курсъ этихъ школъ входятъ чтеніе, письмо, ариѳметика «простая практическая», начала латинскаго языка и другихъ, живыхъ языковъ. Чрезъ прибавленіе къ этому курсу основаній механическихъ наукъ, «дабы оныя знать могли хотящіе быть искусными художниками и ремесленниками», получается высшій типъ школы реальнаго или техническаго характера. Эпинусъ, одобрившій въ общемъ планъ Брауна, не согласился только съ включеніемъ въ курсъ низшихъ школъ латинскаго языка; послѣдній онъ предлагалъ или вовсе исключить или оставить его лишь для готовящихся къ ученой карьерѣ.

Не одинаково представлялся типъ и содержаніе низшей школы, готовящей къ среднему образованію. Академикъ Браунъ, какъ мы только что видѣли, усваивалъ этой школѣ вполнѣ элементарный характеръ. Въ мнѣніяхъ другихъ академиковъ такая школа представлялась въ болѣе высокихъ и развитыхъ формахъ. Такъ по проекту Котельникова въ школахъ слѣдовало учить: правописанію россійскаго языка, первымъ основаніямъ латинскаго языка, православному катихизису, а также первымъ основаніямъ наукъ: исторіи, географіи,

ариѳметики и геометріи. Въ такомъ видѣ низшая школа является уже какъ бы младшимъ концентромъ средней школы. Такъ именно смотрѣли на нее Протасовъ и Цейгеръ. Первый, по его словамъ, почитаетъ школы, намѣченныя въ планѣ Шувалова, «за нижнюю часть гимназіи». Эти низшія школы или классы—не элентарныя; въ нихъ должны быть принимаемы уже знающіе читать и писать по русски; курсъ школъ составляется изъ предметовъ практически необходимыхъ для лицъ разныхъ званій и профессій: начала латинскаго языка нужны «въ разсужденіи того, что оныя много облегчить могутъ изученіе другихъ языковъ»; французскій и нѣмецкій языки какъ дворянамъ, такъ и разночинцамъ, современемъ вездѣ полезны быть могутъ; для купеческихъ дѣтей полезенъ англійскій языкъ, а также и голандскій; и дворянамъ и разночинцамъ надлежитъ обучаться въ тѣхъ же школахъ ариѳметикѣ и началамъ геометріи; не безполезно присовокупить къ тѣмъ же школамъ рисовальнаго мастера; наконецъ, знаніе греко-россійскаго исповѣданія вѣры всякому состоянію россіянъ необходимо.

Въ одно цѣлое соединялъ низшую и среднюю школы Цейгеръ: «по моему мнѣнію, писалъ онъ, потребно учредить разные классы или степени, кои бы обще въ себѣ заключали и гимназію и школу; или, если потребуется оныя между собою раздѣлить, и одну часть изъ нихъ причислить можно къ гимназіи, а другую къ школѣ; я полагаю здѣсь обое вообще». Тотъ кругъ знаній, который другіе академики относили къ курсу самостоятельной низшей школы, Цейгеръ распредѣлялъ между двумя низшими «степенями» школы-гимназіи, какъ одного цѣлаго: на первой степени онъ помѣщалъ начала латинскаго языка и живыхъ языковъ, чтобы ученики не только ихъ разумѣть, но и говорить на нихъ могли; на второй степени—обученіе письму, ариѳметикѣ и первымъ основаніямъ геометріи, при чемъ «изъ сихъ наукъ немногіе ученики исключены быть могутъ».

Любопытно, что академики Миллеръ и Эпинусъ, принявшіе впослѣдствіи дѣятельное участіе въ составленіи проектовъ учебныхъ реформъ, на этотъ разъ не представили самостоя-

тельныхъ мнѣній, а только присоединились къ мнѣніямъ Брауна и Цейгера, не вполнѣ согласнымъ между собою; причемъ Эпинусъ въ обоихъ случаяхъ оговорилъ, что латинскій языкъ не долженъ быть вводимъ въ низшія школы [1]).

Разборъ мнѣній петербургскихъ академиковъ о низшихъ школахъ, проектированныхъ Шуваловымъ въ 1760 году, показываетъ, какъ шатко по существу стоялъ въ данный моментъ вопросъ о начальномъ образованіи, независимо отъ внѣшнихъ условій разрѣшенія этого вопроса. Различіе взглядовъ на непосредственныя задачи низшаго образованія и на отношеніе его къ образованію среднему, на желательный типъ низшей школы и на составъ ея курса, обусловливалось неустойчивостью принципіальнаго пониманія проблемы народнаго образованія. Пока традиція сословно-профессіональныхъ интересовъ являлась господствующимъ мотивомъ правительственныхъ мѣропріятій, пока новая педагогическая теорія о воспитаніи человѣка и гражданина, вложившая отчетливое содержаніе въ идею общаго образованія, не получила оффиціальнаго признанія, до тѣхъ поръ не могла быть найдена и точка опоры для построенія начальнаго образованія, какъ основанія цѣльной системы просвѣщенія. Естественно послѣ того, что мысль Шувалова о низшихъ школахъ осталась также безплодна, какъ и всѣ предыдущія попытки сколько нибудь широко поставить вопросъ о низшемъ образованіи.

На болѣе твердую почву удалось поставить вопросъ о средней школѣ. И здѣсь столкновеніе сословно-профессіональной и общеобразовательной точекъ зрѣнія приводило къ двойственности въ опредѣленіи задачи и состава курса средней школы. Большинство мнѣній академиковъ по поводу плана Шувалова о школахъ и гимназіяхъ указывало послѣднимъ двоякую цѣль: непосредственное приготовленіе къ практической дѣятельности или службѣ и приготовленіе къ высшему, университетскому образованію. Сообразно съ этими цѣлями наполняется отдѣльными предметами курсъ гимназіи. Въ основѣ его лежатъ языки: прежде всего, конечно, латинскій, а за-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. 3-й.

тѣмъ языки живые—французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій; при этомъ подчеркивается важность изученія языковъ со стороны ихъ профессіональной полезности: такъ изученіе живыхъ языковъ вообще признается полезнымъ для военныхъ, придворныхъ, купцовъ; для послѣднихъ не безполезны еще англійскій и голландскій языки. Латинскій языкъ признается основой всего гимназическаго курса, но преимущественное его изученіе полезно единственно для тѣхъ, которые «наипаче желаютъ быть учеными». Равнымъ образомъ и греческій языкъ необходимъ только для готовящихся къ ученой дѣятельности. Со стороны практической полезности оцѣниваются историческія науки и географія; въ нихъ «особливо тѣмъ упражняться, которые впредь при званіяхъ своихъ оныя съ пользою употреблять намѣрены». Особенно важны исторія и географія дворянамъ, готовящимся къ государственной службѣ. Академикъ Протасовъ проектировалъ для нихъ расширенный курсъ исторіи. Знаніе географіи признавалось «всѣмъ людямъ прилично, а купцамъ и полезно».

Съ такой же утилитарной точки зрѣнія опредѣляется значеніе математическихъ наукъ и естествознанія. По мнѣнію академика Цейгера, «была бы немалая польза отъ того, когда въ всѣхъ учениковъ наставлять нѣсколько въ геометріи, да и нѣкоторыя физическія знанія для каждаго званія людей могли бы быть полезны, ибо оныя во всякомъ состояніи жизни употреблять мы можемъ; художники и ремесленники наипаче отъ того имѣть будутъ великую пользу, когда о сей наукѣ станутъ стараться; а купцамъ, торгующимъ такими вещами, кои произноситъ натура или кои произведены художествомъ, знаніе сіе весьма необходимо и полезно». Академикъ Котельниковъ, вводя въ составъ гимназическаго курса ариометику, геометрію и тригонометрію, находилъ желательнымъ еще «присовокупить и первыя основанія статики съ изъясненіемъ нѣкоторыхъ простыхъ самыхъ и весьма употребительныхъ машинъ для показанія пользы употребленія оной науки».

Различно понималось также въ изучаемыхъ мнѣніяхъ значеніе философскихъ и политическихъ наукъ. Въ планѣ Котельникова только упомянуты «первыя основанія философіи»,

вмѣстѣ съ риторикой и стихотворствомъ завершающія курсъ гимназіи. Протасовъ считалъ краткое познаніе философіи, особливо нравоучительной, всякому состоянію нужнымъ. Браунъ вводилъ въ курсъ гимназіи «философскія науки, по большей части практическія, какъ-то: юсъ натуры и генціумъ (натуральное право и народное), политику генеральную и спеціальную, и иоику, т. е. нравоучительную философію». Въ мнѣніи Цейгера первыя основанія философіи связывались съ географіей и исторіей, какъ кругъ наукъ, который «военные и придворные чины весьма въ пользу себѣ употреблять могутъ». Таковъ же приблизительно былъ взглядъ Фишера, который политику и «изъ нравоучительной философіи ту часть, которая разсуждаетъ о человѣческомъ разумѣ и нравахъ», относилъ къ числу наукъ, какія «пристойно знать» придворному человѣку. Для готовящихся къ высшимъ должностямъ государственной службы онъ отводилъ особый кругъ образованія, который можно назвать камеральнымъ.

Мнѣнія академиковъ почти не коснулись вопросовъ о типѣ средней школы и объ учебномъ планѣ. Неясное указаніе на двоякаго рода гимназіи находимъ у Брауна. Кромѣ обыкновенныхъ гимназій, составляющихъ среднее звено между низшими школами и университетами, онъ упоминалъ еще объ «академическихъ» гимназіяхъ, въ которыхъ къ курсу гимназій обыкновенныхъ должны были присоединиться еще «начала такъ называемыхъ высшихъ наукъ, юриспруденціи и медицины». Цейгеръ, какъ мы видѣли выше, соединялъ въ одно цѣлое низшую и среднюю школу и раздѣлялъ это училище на четыре степени; двѣ высшія степени, третья и четвертая, и составляли собственно гимназію. Курсъ послѣдней дѣлился, такимъ образомъ, на двѣ половины: первая (третья степень) сосредоточивалась на обученіи языкамъ, классическимъ (для готовящихся къ ученой дѣятельности) и живымъ (для готовящихся къ практической дѣятельности); вторая половина (четвертая степень)—на изученіи наукъ: математики, философіи, физики, исторіи и географіи [1]).

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. 3-й.

Очерченное изложенными сейчасъ мнѣніями петербургскихъ академиковъ образованіе, при всей внѣшней широтѣ и разнообразіи своихъ составныхъ элементовъ, еще не можетъ быть признано общимъ. Практически оно должно было складываться изъ такихъ комбинацій отдѣльныхъ предметовъ, содержаніе которыхъ опредѣлялось профессіональными потребностями тѣхъ или другихъ классовъ или слоевъ общества. Такимъ образомъ, гимназіи, устроенныя на указанныхъ академиками основаніяхъ, по курсу не были бы чистыми общеобразовательными школами, такъ какъ ихъ курсъ приспособлялся бы къ практическимъ интересамъ учащихся изъ разныхъ сословій; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи школами не односословными, эти гимназіи могли бы занять мѣсто между сословно-профессіональными школами, каковы были кадетскіе корпуса, съ одной стороны, и позднѣйшими всесословными и общеобразовательными средними школами—съ другой.

По какому типу устроены были гимназіи при Московскомъ университетѣ? Проектъ 12 января 1755 года, хотя и ставилъ главной цѣлью обѣихъ университетскихъ гимназій, дворянской и разночинской, подготовку слушателей для университета, допускалъ, однако, возможность и другой цѣли, непосредственной подготовки къ практической дѣятельности; «которые родители, гласилъ § 31 проекта, не похотятъ обучать дѣтей своихъ латинскому языку и вышнимъ наукамъ, а намѣрены ихъ опредѣлить въ купечество, къ художествамъ, или въ военную службу, оные должны о семъ напередъ объявить, дабы по тому ученіе ихъ расположить было можно». Согласно § 36-му, всякій родитель, отдавая сына въ гимназію, обязанъ былъ объявить директору «о намѣреніи, какое имѣетъ онъ при обученіи того своего сына». Инструкція директору предписывала сообразовать гимназическое ученье съ личными склонностями и способностями учениковъ: «при обученіи наблюдать, чтобъ разными понятіями (учениковъ) не отягощать и не приводить память въ замѣшательство, а всякаго по склонности во всякой наукѣ стараться прилежно обучать, развѣ кто особенное понятіе и склонность ко многимъ разнымъ наукамъ окажетъ».

Курсъ обѣихъ гимназій дѣлился по одинаковому плану на четыре «школы» или группы предметовъ, по три класса въ каждой школѣ: 1) школа россійская (грамматика, чистота стиля, стихотворство, ораторія), 2) латинская (первыя основанія языка, вокабулы и разговоры, толкованіе и переводы авторовъ, сочиненія въ прозѣ и стихахъ), 3) школа первыхъ основаній наукъ (ариѳметика, геометрія, географія, исторія, сокращенная философія), 4) школа знатнѣйшихъ европейскихъ языковъ. По смыслу закона, этотъ общій курсъ являлся обязательнымъ для подготовки къ университету. Для желающихъ допускались особые, такъ сказать, комбинированные курсы, соображенные съ практическимъ предназначеніемъ учащихся; можно было обучаться одному изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, къ которому могло присоединиться, «по чинимому отъ инспектора гимназіи распоряженію», обученіе ариѳметикѣ, геометріи, исторіи и географіи, очевидно, также по добровольному выбору.

Учебный планъ университетской гимназіи, изложенный въ проектѣ 12 января 1755 года, получилъ подробное развитіе въ инструкціи И. И. Шувалова директору университета и въ неизданномъ регламентѣ Московской гимназіи [1]). Здѣсь также гимназіямъ указывается двоякая цѣль: «намѣреніе при заведеніи сихъ гимназій состоитъ въ томъ, чтобъ россійское юношество обучить первымъ основаніямъ наукъ и такимъ образомъ приготовлять оное къ слушанію профессорскихъ лекцій въ университетѣ; притомъ же тѣмъ родителямъ, которые не намѣрены дѣтей своихъ опредѣлить къ наукамъ, подается способъ къ обученію ихъ иностраннымъ языкамъ, или одной какой нибудь наукѣ, отъ которой имъ въ будущемъ состояніи ихъ житія нѣкоторая польза быть можетъ». Соотвѣтственно этому ученикамъ своекоштнымъ предоставлялось «по объявленію ихъ родителей или по собственной иныхъ склонности обучаться тому, чему они при записываніи себя въ гимназію объявятъ желательными».

Данная проектомъ 12 января 1755 года краткая схема

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVII, № 38.

гимназическаго курса въ регламентѣ гимназіи развертывается въ подробный учебный планъ. Изъ четырехъ школъ, изъ которыхъ складывалась гимназія, двѣ школы—россійская и латинская—должны были составить въ совокупности основной курсъ гимназіи; «первыя основанія наукъ», которыя въ проектѣ образовывали отдѣльную «школу», по регламенту распредѣлялись между тремя классами латинской школы; обученіе французскому и нѣмецкому языкамъ составляло два отдѣльныхъ курса, параллельныхъ основному русско-латинскому; къ каждому изъ этихъ курсовъ также присоединялись нѣкоторыя основанія «наукъ». Французская и нѣмецкая школы предназначались, между прочимъ, для приготовленія разночинцевъ «къ художествамъ»; такъ § 14-мъ инструкціи директору предписывалось изъ бѣдныхъ, но способныхъ разночинцевъ обучать геометріи, французскому или нѣмецкому языку, исторіи и миѳологіи для начала обученія художествамъ.

Обратимся къ подробностямъ этого учебнаго плана, какъ онъ начертанъ въ регламентѣ гимназіи.

Россійская школа—это общая школа элементарная. Въ нее принимаются дѣти, достигшіе возраста, когда могутъ начать учиться читать и писать. Кругъ обученія въ этой школѣ ограниченъ чтеніемъ и письмомъ по латыни и первыми основаніями русской грамматики. Несовсѣмъ ясно, принимаются ли въ школу совсѣмъ неграмотныя дѣти, или уже знающіе русскую грамоту и въ школѣ приступающіе къ изученію русской грамматики и началъ латинскаго языка.

Учебный планъ общей россійской школы:

Часы:	7—11	2—4
Ежедневно кромѣ субботы.	По русски и латыни читать и первыя основанія русской грамматики.	По русски и латыни писать.

Окончившіе курсъ россійской школы переводятся, по желанію родителей, или въ низшій классъ латинской школы, или для обученія иностраннымъ языкамъ въ школу французскую или нѣмецкую.

Латинская школа, дѣлившаяся на три класса (нижній,

средній, верхній), заключала въ себѣ основной научный среднеобразовательный курсъ. Учебный планъ каждаго изъ трехъ классовъ представляется въ видѣ нижеслѣдующихъ таблицъ:

Нижній классъ.

	7 — 11	2 — 4	4 — 6
Понедѣльн.	Склонен., спряж., синтакс., Целляріевы вакабулы.	Разговоры и легкіе переводы.	Правописаніе и писать по русски и латыни.
Вторникъ.	Т о ж е.	Тоже.	Тоже.
Среда.	Ариѳметика въ цѣл. числахъ.	Катихизисъ.	—
Четвергъ.	Тоже, что въ понед.	Тоже.	Тоже, что въ понедѣльникъ.
Пятница.	Т о ж е.	Тоже.	Тоже.
Суббота.	Ариѳметика.	С в о б о д а.	

Средній классъ.

	7 — 11	2 — 4	4 — 6
Понедѣльн.	Легкіе авторы и продолж. синтакс.	Переводъ съ латин. на рус. и обратно.	Франц. или нѣм. яз.
Вторникъ.	Тоже и просодія латинская.	Греч. яз.	Штиль россійск.

	7—9	9—11		
Среда.	Географія.	Ариѳмет. и геометрія.	Катихизисъ.	—
Четвергъ.	Тоже, что въ понед.		Греч. яз.	Франц. или нѣм. яз.
Пятница.	Тоже, что во вторникъ.		Переводы.	Штиль россійск.

	7—9	9—11	
Суббота.	Географія.	Ариѳмет. и геометрія.	С в о б о д а.

Верхній классъ.

	7 — 11	2 — 4	4 — 6
Понедѣльн.	Стихотворенія лат. и миѳологія.	Сокращ. логика и метафизика.	Франц. или нѣм. яз.
Вторникъ.	Авторы и риторика.	Греч. яз.	Рос. стихотворство.

	7—9	9—11		
Среда.	Исторія универс.	Ариѳмет. и геометрія.	Катихизисъ.	—

Четвергъ.	Тоже, что въ понед.		Греч. яз.	Франц. или нѣм. яз.
Пятница.	Тоже, что во вторникъ.		Логика и метафизика.	Рос. стихотворство.
	7—9	9—11		
Суббота.	Исторія.	Ариѳмет. и геометрія.	С в о б о д а.	

Центръ тяжести этого основного курса, готовившаго слушателей для университета, естественно, усматривался въ латинскомъ языкѣ. Пунктомъ 11-мъ инструкціи директору университета предписывалось «казенныхъ учениковъ крайне стараться обучать латинскому языку, оставя прочіе языки, дабы скорѣе приготовить къ профессорскимъ лекціямъ и начинать, съ Божіею помощью, университетъ, который единственно за неимѣніемъ знающихъ латинскій языкъ нынѣ начаться не можетъ». Также и своекоштныхъ учениковъ рекомендовалось «пріохочивать, только не неволя, къ латинскому языку, какъ къ необходимому основанію къ происхожденію въ науки». Новые языки введены въ учебный планъ «латинской школы», какъ предметы необязательные. Для основательнаго изученія того или другаго языка, французскаго или нѣмецкаго, организуются двѣ особыя школы, параллельныя латинской. Въ каждой изъ этихъ школъ, раздѣляющихся на два класса, нижній и верхній, кромѣ изученія соотвѣтствующаго языка, «показываются» ученикамъ, какъ въ латинской школѣ, «науки»: ариѳметика, геометрія, географія, исторія, правила россійскаго стиля и стихотворство. Учебные планы обѣихъ школъ совершенно одинаковы, за однимъ исключеніемъ, если только это не ошибка въ текстѣ плана: въ верхнемъ классѣ нѣмецкой школы въ пятницу послѣдніе два часа отведены на ариѳметику и геометрію, а во французской на письмо по французски и по латыни.

Н и ж н і й к л а с с ъ.

	7 — 11	2 — 4	4 — 6
Понедѣльн.	Чтеніе, письмо, грамматика.	Рос. правописаніе.	Сокращ. исторія.
Вторникъ.	Т о ж е.	Ариѳметика.	Сокращ. географ.

Среда.	Разговоры, вокабулы, переводы.	Катихизисъ.	—
Четвергъ.	Чтеніе, письмо, грамматика.	Рос. правописаніе.	Исторія.
Пятница.	Т о ж е.	Ариѳметика.	Географія.
Суббота.	Разговоры, вокабулы, переводы.	С в о б о д а.	

В е р х н і й к л а с с ъ.

	7 — 11	2 — 4	4 — 6
Понедѣльн.	Авторы и перев. на рус. яз.	Универс. истор. и генеалогія.	Писать по нѣм. (франц.) и латыни.
Вторникъ.	Тоже и перев. на нѣм.-(франц.) яз.	Простр. географ.	Ариѳметика и геометрія.
Среда.	Штиль рос. и сочиненіе писемъ.	Исторія.	—
Четвергъ.	Авторы и перев. на рус. яз.	Географія.	Писать по нѣм. (франц.) и латыни.
Пятница.	Авт. и перев. на нѣм. (франц.) яз.	Катихизисъ.	Ариѳметика и геометрія.
Суббота.	Штиль рос. и сочиненіе писемъ.	С в о б о д а.	

Такъ московская университетская гимназія по своему первоначальному учебному плану представляла смѣшанный типъ средней школы. Сложность ея учебнаго состава (россійско-латинская школа + нѣмецкая + французская) обусловливалась двумя главными образовательными интересами, встрѣча которыхъ отразилась на общемъ характерѣ даннаго момента, кануна екатерининскихъ реформъ. Первый интересъ — общеобразовательный, согласно которому гимназія представлялась *средней* школой въ собственномъ смыслѣ, подготовительной ступенью къ университету. Этою цѣлью опредѣлялся составъ ея курса: древніе языки и первыя основанія наукъ. Второй интересъ, на который разсчитаны были изложенные выше учебные планы, былъ образовательный интересъ дворянства. Близкое освобожденіе дворянства отъ обязательной службы предварялось освобожденіемъ отъ обязательнаго профессіональнаго обученія. Нѣкоторые подготовительные моменты этого освобожденія мы имѣли уже случай отмѣтить въ исторіи самихъ профессіональныхъ школъ. Разсмотрѣнные же сейчасъ учебные планы московской гимназіи допускали полную сво-

боду образованія въ томъ смыслѣ, что учащимся предоставлялось выбирать тѣ или другіе предметы изученія, даже ограничиться однимъ иностраннымъ языкомъ. Установленіе наряду съ «ученой» средней школой школъ французскихъ и нѣмецкихъ, въ которыхъ «показывались» первыя основанія наукъ, сокращенная исторія, сокращенная географія и т. п., можно объяснять, какъ уступку невысокимъ образовательнымъ интересамъ малокультурной дворянской массы. «Учиться понемногу, чему нибудь и какъ нибудь» стало одной изъ характерныхъ чертъ нашей дворянской культуры послѣ того, какъ дворянство освободилось отъ тяжести профессіональнаго обязательнаго образованія, но въ условіяхъ своего привилегированнаго положенія не встрѣчало достаточно сильныхъ побужденій къ глубокому и систематическому общему образованію.

Уступкой уже не интересамъ, а прямо предразсудку дворянства, явилось раздѣленіе университетской гимназіи на двѣ самостоятельныя школы, дворянскую и разночинскую. Ни проектъ 12 января 1755 года, ни инструкція директору и регламентъ гимназіи не проводили никакой разницы въ учебномъ строѣ той и другой гимназіи. Но въ одномъ изъ первыхъ сохранившихся росписаній учебныхъ занятій въ московскихъ гимназіяхъ, именно въ росписаніи на послѣднюю (зимнюю) половину 1757 года, для дворянской и для разночинской гимназій устанавливаются особые, существенно различные планы [1]). Необходимо познакомиться въ подробностяхъ съ обоими этими планами.

Въ дворянской гимназіи на первомъ мѣстѣ поставлено преподаваніе православнаго катехизиса, производимое ежедневно по часу іеромонахомъ Ефремомъ.

Ректоръ обѣихъ гимназій профессоръ Шаденъ преподаетъ риторику, піитику, миѳологію, руководство къ чтенію писателей классическихъ, «состояніе воинское, политическое и житіе академическое и весь курсъ философіи кратко прочтетъ»; при томъ и тѣхъ по возможности удовольствуетъ, которые

---

[1]) Москов. Главн. Архивъ Минист. иностр. дѣлъ, портфели Миллера, I, дѣло № 5.

высшихъ и лучшихъ желаютъ наукъ, какъ то греческаго языка, древностей римскихъ и греческихъ; а если найдутся, которые восточнымъ языкамъ, еврейскому и халдейскому, учиться и иныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ имъ не только въ филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ еврейскомъ и халдейскомъ преподастъ». Какъ увидимъ ниже, изъ читаемыхъ Шаденомъ предметовъ составлялся курсъ такъ называемаго ректорскаго класса, составлявшаго переходную ступень отъ гимназіи къ университету.

За ректоромъ гимназій, несшимъ такой сложный преподавательскій трудъ, слѣдовалъ длинный рядъ учителей, предлагавшихъ благородному юношеству обильный выборъ наукъ.

Адъюнктъ Іоакимъ Ростъ училъ по 2 часа архитектурѣ воинской и англійскому языку.

Маіоръ Михельсенъ—по 2 часа геодезіи на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ съ практическими занятіями въ полѣ; онъ же обѣщалъ ясно показать «начатки архитектуры воинскою практикою и экзерциціи воинскія, ежели имѣть будетъ учениковъ».

Капитанъ Траубенталь — исторіи и географіи по 2 часа на французскомъ языкѣ.

Капитанъ Чернавскій—начатки ариѳметическіе, 2 часа.

Шевалье Менвилльеръ—начатки политическіе, 2 часа.

Н. Папафило—итальянскій языкъ, 2 часа; начатки греческаго, три раза въ недѣлю по 2 часа.

Филиппъ Литкенъ—по 2 часа стиль нѣмецкаго языка, сочиненіе писемъ, краткихъ рѣчей и діалоговъ, чтеніе газетъ, «ради историческаго штиля», съ примѣчаніями историческими и географическими; «и ежели найдутся которые физикѣ теоретической и экспериментальной, архитектурѣ воинской и гражданской и алгебрѣ учиться пожелаютъ, то онъ ихъ желаніе введеніемъ во всѣ помянутыя науки удовольствуетъ».

Магистръ Филиппъ Яремскій — по 2 часа начатки риторики, просодіи. синтаксисъ латинскаго языка, изъясненіе примѣчанія достойныхъ и трудныхъ вещей у авторовъ и моральныхъ сентенцій.

Магистръ Францискъ де-Лабомъ—по 2 часа стиль языка французскаго, сочиненіе писемъ, рѣчей и діалоговъ, чтеніе газетъ съ историческими и географическими примѣчаніями, французскій синтаксисъ и правила орѳографіи; «а ежели найдутся, которые піитикѣ французской и миѳологіи учиться захотятъ, то и тѣхъ желаніе удовольствовать имѣетъ».

А. Л. дю-Буле—французскій языкъ и миѳологія «прежде и послѣ обѣда».

Магистръ Алексѣй Константиновъ—по 2 часа этимологія латинскаго языка и переводы съ латинскаго на русскій; онъ же по три дня въ недѣлю «показывать имѣетъ штиль россійскій въ сочиненіи писемъ, рѣчей и діалоговъ, предписавши россійской грамматики правила».

Магистръ Петръ Оттенталь—исторія и географія на нѣмецкомъ языкѣ, по 2 часа; «а притомъ любителей хронологіи, нумизматики, геральдики и географіи древней и среднихъ вѣковъ научать будетъ».

Господинъ Ничъ—начатки латинскаго языка, по 2 часа; «обѣщаетъ притомъ показывать древности римскія и начатки политическіе и статистическіе».

Михайло Фишеръ—этимологія французскаго языка и переводы съ французскаго на россійскій языкъ, 2 часа.

Николай Билонъ—начатки французскаго языка, 2 часа; «и тѣхъ удовольствуетъ, кои хотятъ французскому штилю научиться».

С. А. Лимбергъ—синтаксисъ нѣмецкаго языка, 2 часа; этимологія того же языка, переводы съ русскаго на нѣмецкій и обратно—2 часа.

Михайло Агентовъ—начатки нѣмецкаго языка, 2 часа; чтеніе и письмо по латыни, 2 часа.

Иванъ Фрязинъ—начатки грамматики латинской, 2 часа.

Сергѣй Воротнинъ—чтеніе и письмо по латыни, 2 часа.

Леонтій Соловьевъ—ариѳметика, геометрія и тригонометрія математическимъ порядкомъ, 2 часа.

Петръ Рудинъ—гражданская ариѳметика, 2 часа.

Іог. Рехтъ и Іог. Журавскій—чтеніе и письмо по нѣмецки, 4 часа.

*

Мартынъ Соколовскій—чтеніе и письмо по французски.

Заканчивается росписаніе занятій въ дворянской гимназіи перечнемъ 6 учителей, преподающихъ разныя искусства: вокальную и инструментальную музыку, рисованіе, фехтованіе, танцы, наконецъ, какое то «искусство механическое».

Приведенное сейчасъ цѣликомъ, безъ пропусковъ, росписаніе занятій въ дворянской университетской гимназіи за второй годъ ея существованія весьма любопытно. И въ самомъ подборѣ учебныхъ предметовъ и въ манерѣ объявленія о нихъ ясно выступаютъ главныя черты уже извѣстнаго намъ шляхетскаго образованія, разносторонняго, но поверхностнаго, значительно отступающаго отъ того строгаго типа «ученаго» образованія, воплощать который должна была гимназія, какъ подготовительная къ университету школа. Въ общемъ кругѣ предметовъ, перечисляемыхъ въ разсматриваемомъ росписаніи занятій въ дворянской гимназіи, главное мѣсто принадлежитъ новымъ языкамъ и «начаткамъ» разнообразныхъ наукъ: философіи, политики, исторіи съ географіей, математики. Изученіе древнихъ языковъ, причисляемыхъ росписаніемъ къ «высшимъ и лучшимъ наукамъ» и составляющихъ основу «ученаго» образованія, предоставляется только изысканному вкусу желающихъ. Но особенно характеренъ общій порядокъ, въ какомъ преподносится вниманію общества росписаніе курсовъ, проходимыхъ въ дворянской гимназіи. Это не единообразный, выдержанный въ одномъ направленіи и равно обязательный для всѣхъ учащихся учебный планъ; это—пестрый наборъ учебныхъ предметовъ, «начатки» которыхъ, въ разныхъ комбинаціяхъ, «показываются» учащимся по ихъ выбору.

Въ разночинской гимназіи въ томъ же росписаніи на 1757 годъ значится 4 учителя, преподающихъ:

Магистръ С. Поповъ—риторику, піитику и миѳологію, греческій языкъ, введеніе въ исторію, геометрію и тригонометрію, толкованіе авторовъ классическихъ;

Вавила Ермолаевъ—синтаксиму латинскую, переводы съ россійскаго на латинскій и обратно, ариѳметику и геометрію;

Андрей Ласинской — этимологію и начатки латинскаго языка, переводы съ латинскаго на россійскій языкъ;

Семенъ Зубковъ — чтеніе и письмо по латыни и по русски.

Какъ видно изъ этого перечня, разночинская гимназія являлась типичной «латинской школой», дающей формальную подготовку къ слушанію университетскихъ лекцій. По-видимому, всѣ предметы преподаванія въ разночинской гимназіи равно обязательны для всѣхъ учениковъ; по крайней мѣрѣ, въ приведенномъ перечнѣ занятій нѣтъ упоминаній, чтобы какой нибудь предметъ преподавался для желающихъ.

Итакъ, въ учебномъ строѣ московскихъ университетскихъ гимназій въ первое время обнаружилась та же двойственность, что и въ гимназіи академической, обусловленная различіемъ интересовъ, которыми привлекались въ гимназію ученики дворяне и разночинцы. Эта двойственность, какъ мы видѣли, оказалась роковой для академической гимназіи. Постоянное колебаніе между тѣми образовательными цѣлями, съ которыми поступали въ академическую гимназію дворяне, и основной цѣлью гимназіи, которая могла привлекать только разночинцевъ, — готовить университетскихъ слушателей, сдѣлало безплодными всѣ старанія сообщить учебному строю этой гимназіи устойчивость и постоянство. Московскія гимназіи вышли изъ даннаго затрудненія болѣе счастливо, насколько можно судить по сохранившимся за разные годы росписаніямъ занятій въ университетѣ и гимназіи. Въ 1763 году еще продолжалось различіе учебныхъ плановъ дворянской и разночинской гимназій, сохранявшихъ тотъ же общій характеръ, что и въ 1757 году. Въ 1773 году находимъ въ обѣихъ гимназіяхъ уже одинъ и тотъ же планъ занятій; отдѣльно должны были проходиться только: въ дворянской гимназіи чтеніе и письмо по латыни и по русски и домашніе разговоры, «не касаясь грамматическихъ правилъ»; въ разночинской — чтеніе и письмо по латыни и первыя начала ариѳметики. Одинаковый планъ занятій для обѣихъ гимназій находимъ также въ сохранившихся росписаніяхъ 1772, 1776, 1777, 1778, 1782, 1783, 1792—93 годовъ. Приведемъ въ подробностяхъ послѣднее изъ этихъ росписаній на 1792—1793 годъ:

I. Наставленіе въ Законѣ: Протопресвитеръ Архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ и іеродьяконъ Софроній—сокращенный и пространный катехизисъ, 2 дня въ недѣлю по 2 часа.

II. Словесныя ученья и языки латинскій и греческій: профессоръ Д. Синковскій—исторія философіи на россійскомъ языкѣ, философія умственная и нравственная по Гейнекцію, объясненіе «латинскими словами» трудныхъ техническихъ терминовъ, 4 дня по 2 часа.

Профессоръ А. Антонскій—естественная исторія, энциклопедія, т. е. главное понятіе о наукахъ и краткая исторія наукъ. Число дней и часовъ не показано.

Іоганнъ Мельманъ, ректоръ латинскихъ и греческихъ классовъ—первыя познанія древностей, наипаче греческихъ, по ландкартамъ Анвилліановымъ, а также по Юстину, Непоту, Геродоту, Плутарху; чтеніе авторовъ: Виргилія Энеиды, Гораціевыхъ одъ, Теренція—Андріи, Одиссеи—Гомера, Софокла—Филоктета, избранныхъ мѣстъ изъ Квинтиліана; переводы и сочиненія; всего 4 дня по 4 часа.

Магистръ П. Сохацкій—въ классѣ риторическихъ началъ избранныя мѣста изъ Юстина, Курція и Овидіевыхъ превращеній; въ греческомъ классѣ чтеніе хрестоматіи, изданной для университетской гимназіи; правильные переводы съ россійскаго на латинскій и обратно, сочиненія сперва на русскомъ, потомъ на латинскомъ языкѣ, правила синтаксиса и просодія съ начальными основаніями риторики, всего по 4 часа въ «обыкновенные дни».

Н. Поповъ—латинскій синтаксисъ, изъясненіе латинской хрестоматіи, отборныя Федровы басни, переводы съ латинскаго на русскій, 3 дня по 4 часа; этимологія греческая, басни Габрія грека и избранныя мѣста изъ хрестоматіи, 2 дня по 2 часа.

П. Антоновичъ, Д. Тростинъ, И. Поспѣловъ и Я. Чеботаревъ—начатки латинской грамматики, чтеніе и письмо по гречески, по 4 часа «въ обыкновенные дни».

III. Русскій и славянскій языки: Магистръ М. Снѣгиревъ—повтореніе русской и славянской грамматики, переводы

съ латинскаго и французскаго на русскій, различные роды стиха и слога россійскаго съ чтеніемъ и разборомъ лучшихъ авторовъ, упражненія въ сочиненіяхъ, особенно писемъ всякаго рода, наконецъ, начала логики, по 2 часа «въ обыкновенные дни».

Я. Колоколовъ—повтореніе этимологіи, синтаксисъ, «дѣтская риторика», сочиненіе періодовъ и легкихъ писемъ, ежедневно по 4 часа.

Гр. Кичеевъ, М. Баженовъ, С. Поповъ, С. Климовъ—начала русской и славянской грамматики, особенно правописаніе, ежедневно по 4 часа.

IV. Нѣмецкій языкъ: Іог. А. Геймъ—повтореніе синтаксиса, чтеніе Геснеровыхъ идиллій, изъясненіе Аделунговой книги о слогѣ нѣмецкомъ, сочиненія и переводы, наученіе чисто и свободно говорить о всякой матеріи, по 2 часа «въ обыкновенные дни».

М. Гавриловъ—для успѣвшихъ учениковъ переводы съ русскаго на нѣмецкій и обратно, изъясненіе лучшихъ авторовъ въ стихахъ и прозѣ и подражаніе имъ; для прочихъ учениковъ—начальныя правила языка и легкіе переводы, 2 дня по 4 часа.

П. Некрасовъ—повтореніе этимологіи, синтаксисъ, переводы, толкованіе труднѣйшихъ мѣстъ изъ нѣмецкой хрестоматіи и заучиваніе лучшихъ изъ нихъ наизусть, 4 часа ежедневно.

С. Орловъ, Іог. Дудде, Іог. Христ. Гассенбергъ—грамматика, изъясненіе хрестоматіи, заучиваніе многихъ мѣстъ наизусть, ежедневно по 4 часа.

V. Французскій языкъ: Профессоръ Ж. Ж. Бодуенъ—переводы на французскій языкъ похвальныхъ словъ Ломоносова, чтеніе и заучиваніе одъ Ж. Б. Руссо, сочиненіе писемъ и рѣчей, въ обыкновенные дни по 2 часа.

Ж. Реми—синтаксисъ, переводы съ русскаго на французскій, чтеніе, разборъ и заучиваніе басенъ Ла-Фонтена, ежедневно 4 часа.

И. Соцъ, Ж. Девильеръ, С. Боэтъ и Ж. Лере—этимологія, краткіе и легкіе переводы съ русскаго на французскій и обратно, ежедневно 4 часа.

VI. *Англійскій языкъ*: Іог. Бели—грамматика, синтаксисъ, переводы, диктовка, 2 дня по 4 часа.

Т. Перелоговъ—чтеніе, этимологія, синтаксисъ, переводы, 2 дня по 4 часа.

VII. *Исторія и географія*: М. Падеринъ—исторія по краткому курсу всеобщей исторіи Шрекка, географія по сокращенному руководству Бауманна, по 4 часа «въ обыкновенные дни».

Н. Черепановъ—изъясненіе земного шара по всеобщимъ ландкартамъ, введеніе въ древнюю исторію, толкованіе географіи и исторіи европейской примѣнительно къ понятію учащихся. Дни и часы не показаны.

VIII. *Математика.* Ж. ле-Грандъ и В. Смирновъ—гражданская архитектура, 2 дня по 4 часа.

И. Климовъ—повтореніе тригонометріи, фортификаціи, начала артиллеріи, 2 часа «въ обыкновенные дни».

А. Роговъ—повтореніе ариѳметики, тригонометрія и алгебра, по 2 часа «въ обыкновенные дни».

М. Сапожниковъ и В. Макаровъ—гражданская ариѳметика, по 4 часа «въ обыкновенные дни».

И. Крамаренковъ и Н. Капустинъ — начала ариѳметики, по 4 часа «въ обыкновенные дни».

IX. *Художества.* И. Герасимовъ, Е. Николаевъ, А. Новоселовъ, Н. Гребенкинъ—рисованіе, по 4 часа «въ обыкновенные дни».

И. Шинкаревскій, Д. Барановъ, Ѳ. Брызгаловъ—инструментальная музыка, тѣ же дни и часы.

И. Маттелинъ—фехтованіе въ тѣ же дни и часы.

Сабіони—танцы, 2 дня по 2 часа.

Магистръ художествъ А. Вилль и подъ его руководствомъ А. Николаевъ и И. Гильфердингъ—чистописаніе русское, латинское, нѣмецкое, французское, греческое, 4 дня по 4 часа.

Сравнивая это росписаніе занятій въ московскихъ гимназіяхъ за 1792 — 1793 годъ съ таковымъ же росписаніемъ за 1757 годъ, можно отмѣтить главныя черты того направленія, въ какомъ съ теченіемъ времени складывался учебный строй этой гимназіи. Различіе въ этомъ строѣ между дворянской и разночинской гимназіями постепенно исчезаетъ. Изъ двухъ типовъ образованія, къ которымъ должны были при-

способляться наши первыя средніи школы XVIII вѣка, сословнаго дворянскаго и «ученаго» разночинскаго, верхъ беретъ послѣднее, и московская университетская гимназія съ 1760-хъ годовъ становится типичной «ученой» школой (gelehrte Schule), главная задача которой—служить разсадникомъ университетскихъ слушателей. Изъ учебнаго плана гимназіи исчезаетъ манера предложенія разныхъ необязательныхъ курсовъ любителямъ изъ дворянъ. Весь учебный планъ получаетъ сосредоточенный и направленный къ одной цѣли характеръ. Преобладающее мѣсто въ курсѣ отведено языкамъ и прежде всего латинскому. Второстепенное значеніе имѣютъ «реальные» предметы: математика, исторія и географія. Высшая ступень гимназическаго курса, такъ называемый ректорскій классъ, является непосредственнымъ связующимъ звеномъ гимназіи съ философскимъ факультетомъ университета. Отвѣчалъ ли описанный сейчасъ процессъ выработки учебнаго строя московской университетской гимназіи образовательнымъ интересамъ тѣхъ общественныхъ классовъ, для которыхъ эта гимназія предназначалась? Нѣкоторыя данныя для отвѣта на этотъ вопросъ даютъ весьма интересныя таблицы, содержащія распредѣленіе учащихся, дворянъ и разночинцевъ, по отдѣльнымъ (предметнымъ) классамъ въ 1766—1768 годахъ [1]). Вотъ прежде всего общіе итоги числа учениковъ гимназіи, дворянъ и разночинцевъ:

Годы.	Дворяне.		Разночинцы.	
	Казен.	Своекошт.	Казен.	Своекошт.
1766	41	126	31	102
1767	38	110	34	94
1768	39	80	36	91

Какъ уже замѣчено, учебный курсъ гимназіи дѣлился на предметные классы, такъ что каждый учащійся, соотвѣтственно своимъ успѣхамъ по разнымъ предметамъ, находился одновременно въ нѣсколькихъ классахъ. Сохранившіеся рапорты о состояніи гимназіи за 1766, 1767 и 1768 годы даютъ такую картину распредѣленія общаго числа учащихся по предметнымъ классамъ:

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVII, № 41.

1766 годъ.

	Дворяне.		Разночинцы.		Всѣхъ.
	Каз.	Своек.	Каз.	Своек.	
I. Въ латинскихъ классахъ.					
Въ ректорскомъ классѣ (они жъ составляютъ классъ римской и греческой исторіи и географіи) . . .	7	1	4	5	17
Въ классѣ начатковъ риторики и въ толкованіи греч. яз. и Нов. Завѣта.	8	5	15	9	37
Въ синтаксическомъ	14	13	6	15	48
„ этимологическомъ.	6	21	4	26	57
„ нижнемъ	1	9	—	38	48
Итого	36	49	29	93	207
II. Во французскихъ классахъ.					
Въ вышнемъ	6	10	8	3	27
„ синтаксическомъ	10	14	3	6	33
„ этимологическомъ.	2	37	—	7	46
„ нижнемъ	1	29	—	12	42
Итого	19	90	11	28	148
III. Въ нѣмецкихъ классахъ.					
Въ вышнемъ	12	14	7	1	34
„ синтаксическомъ	12	18	9	9	48
„ этимологическомъ.	5	45	8	15	73
„ нижнемъ	—	30	1	34	65
Итого	29	107	25	59	220
IV. Въ итальянскихъ классахъ .	2	6	1	—	9
V. Въ историческомъ и географическомъ классахъ . .	13	9	12	6	40
VI. Въ математическ. классахъ:					
Въ тригонометрич. и алгебраич. . .	4	5	3	—	12
„ геометрическомъ	20	11	11	5	47
„ гражданской ариѳметики	13	10	34	19	76
„ нижнемъ ариѳметическомъ . . .	3	67	3	75	148
Итого	40	93	51	99	283
VII. Въ классахъ художествъ.					
Въ рисовальномъ	7	52	2	7	68
„ музыкальномъ	7	10	3	1	21
„ танцовальномъ	3	28	—	—	31
„ фехтовальномъ	4	2	—	—	6
Итого	21	92	5	8	126
VIII. Въ классѣ письма	9	83	10	80	132

1767 годъ.

	Дворяне.		Разночинцы.		Всѣхъ.
	Каз.	Своек.	Каз.	Своек.	
I. Въ латинскихъ классахъ.					
Въ ректорскомъ классѣ (они жъ составляютъ классъ римской и греческой исторіи и географіи) . . .	7	4	4	3	18
Въ классѣ начатковъ риторики и въ толкованіи греч. яз. и Нов. Завѣта.	12	3	15	10	40
Въ синтаксическомъ	12	10	4	23	49
„ этимологическомъ.	2	15	6	22	45
„ нижнемъ	—	3	3	18	24
Итого	33	35	32	76	176
II. Во французскихъ классахъ.					
Въ вышнемъ	6	3	4	2	15
„ синтаксическомъ	8	12	6	7	33
„ этимологическомъ.	2	34	2	13	51
„ нижнемъ	—	24	1	11	36
Итого	16	73	13	33	135
III. Въ нѣмецкихъ классахъ.					
Въ вышнемъ	11	12	6	4	33
„ синтаксическомъ	9	24	12	8	53
„ этимологическомъ.	2	31	10	15	58
„ нижнемъ	—	23	2	37	62
Итого	22	90	30	64	206
IV. Въ итальянскихъ классахъ .	1	8	—	—	9
V. Въ историческомъ и географическомъ классахъ . .	11	13	11	9	44
VI. Въ математическ. классахъ:					
Въ тригонометрич. и алгебраич. . .	3	2	3	2	10
„ геометрическомъ	18	13	13	5	49
„ гражданской ариѳметики	15	45	14	24	98
„ нижнемъ ариѳметическомъ . . .	1	41	8	59	109
Итого	37	101	38	90	266
VII. Въ классахъ художествъ.					
Въ рисовальномъ	5	32	6	4	47
„ музыкальномъ	9	10	10	3	32
„ танцовальномъ	6	2	1	—	9
„ фехтовальномъ	7	4	4	—	15
Итого	27	48	21	7	103
VIII. Въ классѣ письма	7	29	12	73	121

1768 годъ.

	Дворяне.		Разночинцы.		Всѣхъ.
	Каз.	Своек.	Каз.	Своек.	
I. Въ латинскихъ классахъ.					
Въ ректорскомъ классѣ (они жъ составляютъ классъ римской и греческой исторіи и географіи) . . .	4	1	8	5	18
Въ классѣ начатковъ риторики и въ толкованіи греч. яз. и Нов. Завѣта.	11	4	11	12	38
Въ синтаксическомъ	14	6	8	18	46
„ этимологическомъ.	5	6	5	22	38
„ нижнемъ	1	9	2	22	34
Итого	35	26	34	79	174
II. Во французскихъ классахъ.					
Въ вышнемъ	3	7	3	1	14
„ синтаксическомъ	7	12	1	4	24
„ этимологическомъ.	1	22	3	11	37
„ нижнемъ	1	16	1	8	26
Итого	12	57	8	24	101
III. Въ нѣмецкихъ классахъ.					
Въ вышнемъ	9	6	7	4	26
„ синтаксическомъ	11	15	8	6	40
„ этимологическомъ.	7	20	13	21	61
„ нижнемъ	1	27	3	34	65
Итого	28	68	31	65	192
IV. Въ итальянскихъ классахъ .	—	4	—	—	4
V. Въ историческомъ и географическомъ	8	8	10	4	30
VI. Въ математическ. классахъ:					
Въ кл. фортификаціи и артиллеріи .	4	2	—	3	9
„ тригонометрич. и алгебраич. . .	4	2	4	3	13
„ геометрическомъ	13	13	10	9	45
„ гражданской ариѳметики	14	21	14	16	65
„ нижнемъ ариѳметическомъ . . .	7	39	7	57	110
Итого	42	77	35	88	242
VII. Въ классахъ художествъ.					
Въ рисовальномъ	16	29	6	16	67
„ музыкальномъ	2	6	10	4	22
„ танцовальномъ	5	16	—	—	21
„ фехтовальномъ	1	6	—	—	7
Итого	24	57	16	20	117
VIII. Въ классѣ письма	5	23	10	55	93

Верхнею ступенью гимназическаго курса былъ «ректорскій латинскій классъ». Но для переходящихъ въ университетъ на этой ступени устраивалась нѣкоторая задержка, вѣроятно, съ цѣлью восполнить пробѣлы, вызываемые предметною системою прохожденія курса. Во всѣхъ трехъ сохранившихся полностью отчетахъ о состояніи гимназіи (1766, 1767 и 1768 г.г.) показаны подъ особыми рубриками оставшіеся въ ректорскомъ классѣ ученики, произведенные въ студенты. Такихъ показано въ отчетѣ 1766 г. 17 человѣкъ: казеннокоштныхъ дворянъ 6 чел., казенныхъ разночинцевъ — 5, своекоштныхъ дворянъ — 2, разночинцевъ — 4. Всѣ они обучались въ гимназіи за минувшій учебный годъ, сверхъ помянутаго ректорскаго класса, греческой и римской исторіи и географіи, одной или двумъ математическимъ наукамъ (тригонометріи, алгебрѣ или ариѳметикѣ) и одному изъ новыхъ языковъ. Въ 1767 году вновь произведены были въ студенты: дворянъ казен. 6 и своек. 1, разночинцевъ казен. 7 и своек. 3, всего 17 человѣкъ. Всѣ они обучались римской и греческой исторіи и географіи, а также нѣкоторымъ другимъ предметамъ, которые для отдѣльныхъ учениковъ группировались слѣдующимъ образомъ: геометрія и французскій языкъ; тригонометрія, алгебра, французскій или нѣмецкій языкъ; геометрія и нѣмецкій языкъ; геометрія и универсальная исторія; геометрія, универсальная исторія и французскій языкъ; ариѳметика. Въ 1768 году вновь произведенныхъ въ студенты, но оставленныхъ въ ректорскомъ классѣ, было: дворянъ казен. 10 и своек. 4, разночинцевъ казен. 10 и своек. 5. Кромѣ предметовъ своего класса каждый изъ нихъ обучался еще одному или нѣсколькимъ слѣдующимъ предметамъ: геометріи, ариѳметикѣ, географіи, римской и греческой исторіи и географіи, фортификаціи, артиллеріи, новымъ языкамъ.

Въ отчетѣ 1767 года показаны еще «прошлогодніе» студенты, оставшіеся въ ректорскомъ классѣ (3 казен. двор., 1 каз. и 4 своек. разночинца) и учившіеся тѣмъ же порядкомъ, какъ и вновь произведенные студенты. Отсюда можно заключить, что оставленіе на дополнительные курсы въ ректорскомъ классѣ могло продолжаться и болѣе года.

Было бы неосторожно дѣлать какіе либо общіе выводы изъ этихъ таблицъ, относящихся лишь къ тремъ смежнымъ годамъ. Но нельзя не отмѣтить нѣсколько чертъ, относящихся къ самому важному вопросу при устройствѣ средней школы въ данную эпоху, именно, къ вопросу о соотношеніи главной цѣли этой школы и образовательныхъ интересовъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые въ нее привлекались. Слѣдуетъ обратить вниманіе, прежде всего, на общее число учениковъ гимназіи изъ дворянъ и разночинцевъ: нѣтъ рѣзкаго преобладанія той или другой группы. Значительное количество своекоштныхъ учениковъ (въ 2—3 раза больше казенныхъ) какъ въ дворянской, такъ и въ разночинской группѣ можетъ быть принято, какъ показатель возникавшей свободной заинтересованности общества въ среднемъ общемъ образованіи.

Обращаясь затѣмъ къ распредѣленію общаго числа учениковъ по предметнымъ классамъ, замѣчаемъ, что въ латинскихъ классахъ, составляющихъ центръ учебнаго курса гимназіи, разночинцы значительно преобладаютъ надъ дворянами, и это преобладаніе достигнуто своекоштными разночинцами, тогда какъ казеннокоштныхъ дворянъ немногимъ больше, чѣмъ разночинцевъ. Наоборотъ, въ классахъ новыхъ языковъ значительное преобладаніе —на сторонѣ дворянъ, причемъ въ классахъ французскаго языка оно относительно больше, чѣмъ въ классахъ нѣмецкаго. Въ классѣ итальянскаго языка за всѣ три года отмѣченъ лишь одинъ казенный разночинецъ. Въ классахъ историко-географическомъ и математическомъ дворяне и разночинцы распредѣлялись довольно равномѣрно; наблюдаемой здѣсь разницѣ въ цифрахъ едва ли можно придавать какое нибудь значеніе. Наконецъ, въ классахъ художествъ дворянъ училось въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ разночинцевъ. Небольшое число послѣднихъ училось рисованію и музыкѣ; танцамъ и фехтованію, художествамъ по преимуществу шляхетскимъ, обучалось только въ 1767 году 5 человѣкъ казенныхъ разночинцевъ.

Въ общемъ данныя изучаемыхъ таблицъ позволяютъ сдѣлать заключеніе, что московская университетская гимназія, уже въ первое десятилѣтіе своего существованія, сравнительно счастливо

преодолѣла тѣ противорѣчія, которыя губили петербургскую академическую гимназію. Въ сословномъ составѣ учащихся въ московской гимназіи ни дворянская, ни разночинская группа не получила такого подавляющаго преобладанія надъ другой, которое отклонило бы учебный курсъ гимназіи отъ его прямой цѣли въ сторону образовательныхъ интересовъ той или другой сословной группы. Значительное количество своекоштныхъ учениковъ, дворянъ и разночинцевъ, и болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе общаго числа учащихся по предметнымъ классамъ показываютъ, что основная цѣль гимназіи, какъ средней «ученой школы», — готовить къ высшему, университетскому образованію, до извѣстной степени, отвѣчала образовательнымъ потребностямъ весьма различныхъ слоевъ русскаго общества средины XVIII вѣка.

Разсмотримъ теперь основанія учебнаго строя университета и соотношеніе въ немъ задачъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ.

Сохранился интересный документъ, излагающій идеальныя требованія отъ студента университета и относящійся, повидимому, къ первымъ временамъ существованія Московскаго университета. Это — «Уставъ, къ наблюденію котораго университетскіе студенты обязуются письменно» [1]). Вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе этого устава. Въ университетъ допускается только тотъ, кто: 1) прошелъ весь курсъ свободныхъ наукъ и знаетъ латинскій языкъ настолько, чтобы свободно изъясняться на немъ словесно и письменно, 2) имѣетъ законную свободу и не положенъ въ подушный окладъ, 3) представитъ свидѣтельство о своемъ благонравіи. Принятый въ университетъ юноша долженъ свято, не словомъ, а дѣломъ, исполнять свои обязанности, какъ христіанинъ, какъ подданный Россійской Имперіи, какъ студентъ. Какъ христіанинъ, онъ обязанъ жить въ страхѣ Господнемъ, нелицемѣрно придерживаться христіанской вѣры, ежедневнымъ чтеніемъ Св. Писанія просвѣщать свое сердце, ежегодно исповѣдываться и

---

[1]) Москов. Арх. Мин. иностр. дѣлъ, портфели Миллера, I (Historia litteraria), № 8.

и пріобщаться Св. Таинъ, посѣщать церковную службу въ университетской церкви, не оставлять утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ столовой университетскихъ пансіонеровъ; какъ подданный Россійской Имперіи—обязанъ свято хранить вѣрность Ея Императорскому Величеству, любить свое отечество, считать наилучшимъ введенный въ немъ образъ правленія, вести себя сообразно государственнымъ законамъ, дабы произвольнымъ нарушеніемъ послѣднихъ не нанести нареканія на святилище чистыхъ музъ и не подвергнуть себя строгости законнаго взысканія, отъ котораго не могутъ защитить преступника и самыя университетскія привилегіи; какъ студентъ, или питомецъ музъ, долженъ любоохотно работать подъ руководствомъ человѣколюбивыхъ и благонамѣренныхъ любителей народнаго просвѣщенія въ плодотворномъ саду учености и, пріуча себя къ постояннымъ трудамъ чрезъ очищеніе своего разума и исправленіе сердца, посвятить себя на служеніе Богу, государю, отечеству и ближнему своему.

Въ частности обязанности студента раздѣляются на учебныя и нравственно-дисциплинарныя. Первая учебная задача студента состоитъ въ прохожденіи курса «словесныхъ наукъ», т. е. латинскаго, греческаго и русскаго языковъ, съ прибавленіемъ одного изъ новыхъ, исторіи, географіи, древностей, миѳологіи, чистой математики, физики и логики; паче же всего студентъ изъ природныхъ россіянъ долженъ твердо знать катехизисъ греко-россійской церкви, а иновѣрецъ—истины религіи по своему исповѣданію. По прохожденіи этого обширнаго предварительнаго курса (философскаго факультета), студентъ долженъ избрать, по своей склонности и способности, спеціальный родъ ученья и пребывать въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ, не переходя ранѣе съ факультета на факультетъ кромѣ случаевъ особенныхъ дарованій. Въ отношеніи нравственно-дисциплинарномъ студенту предписывается рядъ правилъ, вытекающихъ изъ его обязанностей, какъ христіанина и гражданина: быть опрятнымъ, избѣгая циническої гнусности, какъ и излишняго щегольства, хранить чистоту тѣлесную, жить скромно и соразмѣрно своимъ доходамъ, лю-

бить трудъ, блюстись подозрительныхъ знакомствъ и обществъ, строго наблюдать всѣ университетскія узаконенія.

Въ удостовѣреніе своего обѣщанія строго соблюдать изложенный уставъ студентъ долженъ былъ дать подписку по слѣдующей формѣ: «я, нижеподписавшійся, обѣщаюсь, какъ христіанинъ и честный человѣкъ, во всемъ поступать по точной силѣ даннаго мнѣ сего устава для университетскихъ студентовъ; въ случаѣ же нарушенія онаго подвергаю себя суду и наказанію отъ господина директора и конференціи университета и лишенію всѣхъ выгодъ, всемилостивѣйше обѣщанныхъ университетскимъ питомцамъ».

Таковы идеальныя требованія, которымъ долженъ удовлетворять питомецъ чистыхъ музъ—студентъ университета. Сила этихъ требованій лежитъ, очевидно, въ общеобразовательной, а не профессіональной цѣли университетскаго курса. По отчетамъ о состояніи Московскаго университета за 1766, 1767 и 1768 годы [1]), подробно обозначающимъ, какіе предметы проходилъ въ данномъ году каждый студентъ, можно составить общее представленіе о направленіи, какое приняло наше высшее образованіе съ учрежденіемъ Московскаго университета.

Какъ мы видѣли выше, переходной ступенью между гимназіей и университетомъ былъ «ректорскій» или «отборный» классъ, въ которомъ задерживались на дополнительный курсъ ученики, произведенные въ студенты. По окончаніи этого курса студенты переводились въ университетъ на пропедевтическій философскій курсъ; объ этихъ студентахъ такъ сказано въ отчетѣ 1766 года: «бывшіе въ латинскомъ классѣ ректора Шадена прошлогодніе студенты, по успѣхамъ ихъ въ реторическихъ, піитическихъ, греческаго языка и философіи лекціяхъ, переведены въ университетъ, наипаче для того, чтобы по примѣру прочихъ университетовъ съ сего времени установить и здѣсь философическій факультетъ особо, въ которомъ они, по меньшей мѣрѣ, два года пробыть должны». Такихъ студентовъ,

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVII, № 41.

переведенныхъ въ университетъ «для образованія философическаго факультета» числилось:

	Казеннокоштн. Дворянъ.	Разноч.	Своекоштныхъ. Дворянъ.	Разноч.	Неизвѣстнаго происхожденія.
въ 1766 г.	3	13	—	2	—
» 1767 »	3	4	—	—	1
» 1768 »	6	4	2	3	—

Въ университетѣ, какъ и въ гимназіи, принята была предметная система: каждый студентъ изучалъ, по собственному выбору, особую группу наукъ. Но по преобладанію въ каждой изъ этихъ группъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ предметовъ можно соединить всѣ изучаемыя отдѣльными студентами группы въ три главныя: *общую*, составлявшуюся изъ наукъ общеобразовательныхъ (исторія, математика, философія, языки), *юридическую* и *медицинскую*. Особые курсы слушались «гимназическими информаторами». Распредѣленіе студентовъ по этимъ тремъ главнымъ группамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Общая. Казен.	Своек.	Юридическая. Казен.	Своек.	Медицинская. Казен.	Своек.
1766	2	1	11	3	14	2
1767	8	6	11	1	12	1
1768	20	1	4	—	1	1

Перечислимъ теперь группы наукъ, изучаемыя отдѣльными студентами, отмѣтивъ въ скобкахъ число казенныхъ и своекоштныхъ студентовъ, изучавшихъ каждую группу.

1766 годъ.

Общая:

1) исторія; гражданская и военная архитектура; «исправленіе вѣдомостей»; переводы съ французскаго языка (1 каз.).

2) гражданская и военная архитектура; исторія; нѣмецкій языкъ; переводы съ нѣмецкаго; «исправленіе вѣдомостей» (1 каз.).

3) исторія; начала геометріи (1 своек.).

Юридическая:

1) Вексельное право; право положит., естественное и народное; гражданская и воен. архитектура; исторія; геометрія, тригон., алгебра; франц. яз. (1 каз.).

2) Вексельное право; право положит., естеств. и народн.; эксперимент. физика; геометрія, тригоном., алгебра (1 каз.).

3) Вексельное право; право положит., естественное и народное; исторія; логика и метафизика; ариѳметика и геометрія (2 каз.).

4) Вексельное право; право полож., естеств. и нар.; элоквенція; эксперимент. физика; граждан. и воен. архитектура; франц. яз. (2 каз.).

5) Вексельное право; право полож., естеств. и нар.; элоквенція; эксперимент. физика; граждан. и воен. архитектура; логика и метафизика; геометрія, тригонометрія, алгебра; нѣмецкій языкъ (2 каз.).

6) Вексельное право; право положит., естественное и народное; элоквенція; ариѳметика и геометрія; французскій языкъ (1 каз.).

7) Вексельное право; право полож., естеств. и народн.; элоквенція; гражд. и воен. архитектура; логика и метафизика; франц. яз. (1 каз.).

8) Вексельное право; право полож., естеств. и нар.; исторія; ариѳметика и геометрія (1 каз.).

9) Вексельное право; право полож., естеств. и нар.; эксперимент. физика; исторія; логика и метафизика; геометрія; нѣм. яз. (1 св.).

10) Вексельное право; право полож., естеств. и нар.; эксперимент. физика; гражд. и воен. архитектура; исторія; геометрія (1 св.).

11) Вексельное право; полож., естеств. и нар. пр. («юриспруденціи больше учиться не желаетъ»); эксперим. физика; гражд. и воен. архитектура; нѣм. яз. (1 св.).

Медицинская.

1) Медицинская химія и матерія; анатомія и медическая литеральная исторія; ботаника; физіологія; эксперим. физика (2 каз.).

2) Тоже, что 1-я группа + ариѳметика, геометрія и нѣмец. яз. (2 каз.).

3) Тоже, что 1-я гр. + ариѳм. и геометрія (4 каз.).

4) Тоже, что 1-я гр. + геометрія, тригонометрія, алгебра (3 каз.).

5) Тоже, что 1-я гр. + геометрія, тригон., алгебра, нѣм. яз. (2 каз.).

6) Тоже, что 1-я гр. + геом., тригон., алгебра, франц. яз. (1 каз.).

1767 годъ.

Общая.

1) Элоквенція; фортификація и артиллерія; универсальн. исторія; метафизика; ариѳметика; франц. яз. (2 каз.).

2) Тоже, что 1-я гр., но безъ фортифик., артиллеріи и франц. яз. (1 каз.).

3) Тоже, что 1-я гр., но вмѣсто ариѳметики геометрія и тригонометрія (1 каз.).

4) Тоже, что 1-я гр., но безъ фран. яз. (2 каз.).

5) Тоже, что 1-я гр., но вмѣсто ариѳметики геометрія и тригонометрія и безъ франц. яз. (2 каз.).

6) Элоквенція; универсал. исторія; метафизика; ариѳметика (3 св.).

7) Тоже, что 1-я гр., но безъ ариѳметики (2 св.).

8) Универс. исторія; геометрія и тригонометрія (1 св.).

Юридическая.

1) Всеобщ. полож. право; публичн. право и политика; фортификація и артиллерія; геометрія и тригонометрія (1 каз.).

2) Тоже, что 1-я гр., но вмѣсто фортификаціи и артиллеріи универсальная исторія (1 каз.).

3) Всеобщ. полож. право; всеобщ. публичное право и политика; эксперимент. физика (1 каз.).

4) Всеобщ. публичн. право и политика; универс. исторія; исправленіе вѣдомостей и переводы съ франц. (1 каз.).

5) Всеобщ. полож. право; всеобщ. публичн. право и политика; универс. исторія; ариѳметика (4 каз.).

6) Всеобщ. полож. право; всеобщ. публичн. право и политика; эксперимент. физика; фортификація и артиллерія (1 каз.).

7) Всеобщ. полож. право; публичн. право и политика; эксперимент. физика; универсальн. исторія; геометрія и тригонометрія; нѣм. яз. (1 каз.).

8) Всеобщ. полож. право; публичн. право и политика; эксперимент. физика; универс. исторія; ариѳметика; франц. яз. (1 каз.).

9) Всеобщ. полож. право; публичн. право и политика; эксперимент. физика; универс. исторія; геометрія и тригонометрія; франц. яз. (1 св.).

Медицинская.

1) Химія и медицинская матерія; анатомія и хирургія; ботаника; физіологія и патологія; эксперим. физика (1 каз.).

2) Тоже, что 1-я гр. + ариѳметика и нѣм. яз. (1 каз.).

3) Тоже, что 1-я гр., но вмѣсто физики геометрія и тригонометрія (1 каз.).

4) Тоже, но вмѣсто физики ариѳметика (3 каз.).

5) Тоже, что 1-я гр. + геометрія и тригонометрія (6 каз.).

6) Тоже, что 1-я гр. + ариѳметика (1 св.).

1768 годъ.

Общая:

1) Элоквенція; чистая математика; универс. исторія; метафизика (15 каз.).

2) Тоже, что 1-я гр. + нѣм. яз. (1 каз.).

3) Тоже, что 1-я, но вмѣсто метафизики нѣм. яз. (1 каз.).

4) Тоже, что 1-я гр. + экспер. физика и нѣм. яз. (1 каз.).

5) Тоже, что 1-я гр., но безъ метафизики (1 каз.).

6) Элоквенція; универс. исторія; метафизика; геометрія и тригоном.; итальян. яз. (1 каз.).

7) Элоквенція; чистая математика; универс. исторія; метафизика (1 св.).

Юридическая.

1) Универсальн. положительн. юриспруденція и вексельное право; юриспруденція натуральная; исторія права естественнаго и римскаго; положит. римское право; геометрія и тригонометрія; франц. яз. (2 каз.).

2) Тоже, что 1-я гр., но безъ франц. яз. (1 каз.).

Медицинская.

1) Фармакологія; хирургія; ботаника; терапія генеральная; эксперимент. физика; тригонометрія (1 каз.).

2) Хирургія; чистая математика; универс. исторія (1 св.).

Курсы гимназическихъ информаторовъ:

1766 г.: 1) исторія, нѣм. яз.; 2) нѣм. яз.

1767 г.: универс. исторія.

1768 г.: 1) чист. математика; эксперим. физика; франц. яз.; 2) наставленія римск. права; 3) чист. математика, эксперим. физика.

Тѣ-же отчеты 1766, 1767, 1768 годовъ о состояніи университета и гимназіи даютъ возможность возстановить, такъ сказать, учебные формуляры отдѣльныхъ лицъ, наглядно показывающіе, изъ какихъ элементовъ и въ какой ихъ послѣдовательности складывался полный кругъ средняго и высшаго образованія въ Московскомъ университетѣ съ его гимназіей въ первое десятилѣтіе ихъ существованія. Возьмемъ рядъ лицъ, о которыхъ сохранились наиболѣе полныя свѣдѣнія.

Веницеевъ Семенъ. 11 января 1755 г. поступилъ въ гим-

назію 8 лѣтъ. 30 іюня 1762 г. произведенъ въ студенты, но остался въ отборномъ классѣ до 30 іюня 1763 г. Въ гимназіи обучался латин. яз., началамъ философіи, риторикѣ, поэзіи, ариѳметикѣ, геометріи, исторіи и географіи. Въ университетѣ обучался въ 1764 г. метафизикѣ, исторіи универс., краснорѣчію латин. и рос., геометріи и тригонометріи; въ 1766 г.: медической химіи и матеріи, анатоміи и медич. литературной исторіи, ботаникѣ, физіологіи, эксперим. физикѣ; въ 1767 г.: химіи и медич. матеріи, анатоміи и хирургіи, ботаникѣ, физіологіи и патологіи, эксперим. физикѣ.

Гвоздиковскій Родіонъ, разночинецъ, поступилъ въ гимназію 28 апрѣля 1758 г., 21 года, изъ Троице-Сергіевой семинаріи, гдѣ обучался риторикѣ. Въ гимназіи изучалъ начала риторики и философіи, исторіи универсальной и географіи. Въ 1759 г., 26 апр., произведенъ въ студенты, но оставленъ на годъ въ отборномъ классѣ. Въ университетѣ сначала окончилъ логику, философію нравоучительную, право естественное и народное, краснорѣчіе латинское и россійское. Въ 1764 г. обучался чистописанію, математикѣ, метафизикѣ, эксперимент. физикѣ, минералогіи и химіи металлургической; въ 1766 г. слушалъ вексельное право, право естественное, положительное и народное, эксперимент. физику, геометрію, тригонометрію, алгебру; въ 1767 г.—право вексельное, публичное и политику, эксперим. физику.

Кудринъ Иванъ, сынъ солдата, поступилъ въ гимназію 11 л. и обучался въ ней латин. яз., началамъ философіи, риторики, ариѳметикѣ; произведенный 26 апр. 1760 г. въ студенты, въ теченіе года оставался въ отборномъ классѣ. Въ университетѣ сначала окончилъ логику, философію нравоучительную и краснорѣчіе. Въ 1764 г. изучалъ метафизику, исторію универсальную, чистую математику, эксперимент. физику, минералогію, химію металлургическую; въ 1766 г.: медическую химію и матерію, анатомію и медическую литеральную исторію, ботанику, физіологію, эксперимент. физику, геометрію, тригонометрію и алгебру; въ 1767 г.: химію и медич. матерію, анатомію и хирургію, ботанику, физіологію и патологію, эксперим. физику, геометрію и тригонометрію.

Сацыперовъ Николай поступилъ въ гимназію 2 мая 1755 г. 9 лѣтъ. Произведенъ въ студенты 30 іюня 1763 г. и на годъ оставленъ въ отборномъ классѣ. Въ гимназіи обучался латин. яз., исторіи и географіи, чистой математикѣ; состоя въ отборномъ классѣ, изучалъ риторику, поэзію и философію и одновременно въ университетѣ франц. яз. Въ 1766 г. слушалъ право вексельное, естественное, положительное и народное, элоквенцію, ариѳметику и геометрію, франц. языкъ; въ 1767 г.: вексельное право, всеобщее публичное право и политику, универсальную исторію, ариѳметику.

Чеботаревъ Харитонъ поступилъ въ гимназію 16 ноября 1755 г. 9 лѣтъ и въ 1761 г., 26 апрѣля, былъ произведенъ въ студенты, но оставался въ отборномъ классѣ по 30 іюня 1763 г. Въ гимназіи обучался латинскому языку, началамъ философіи, риторики, поэзіи, ариѳметикѣ, исторіи и географіи. Въ университетѣ слушалъ въ 1764 г.: метафизику, исторію универс., краснорѣчіе латин. и рос., геометрію; въ 1766 г.: гражданскую и военную архитектуру, исторію, нѣм. яз., «исправлялъ вѣдомости» и занимался переводами; въ 1767 г. числился «гимназическимъ информаторомъ» и изучалъ универсальную исторію.

Такъ уже въ первоначальной исторіи Московскаго университета и его гимназіи можно видѣть значительный успѣхъ въ разрѣшеніи задачи о цѣльной системѣ народнаго просвѣщенія, успѣхъ особенно явственный по сравненію съ неудачнымъ опытомъ петербургскаго академическаго университета и гимназіи. Московская гимназія явилась первой попыткой созданія средней общеобразовательной «ученой» школы, удачно, въ извѣстной степени, справившейся съ тѣми затрудненіями, какія исходили изъ одностороннихъ государственныхъ и сословныхъ интересовъ первой половины XVIII вѣка. Затѣмъ въ учебномъ строѣ Московскаго университета впервые установлено было извѣстное равновѣсіе между задачами высшаго общаго (философскій факультетъ) и спеціальнаго образованія (факультеты юридическій и медицинскій). Рядъ фактовъ показалъ намъ, что на устройство общаго философскаго образованія, какъ центра всей системы средняго и высшаго об-

разованія, было обращено особое вниманіе первыхъ дѣятелей Московскаго университета.

Несмотря, однако, на крупный успѣхъ, какимъ явилось созданіе Московскаго университета съ его гимназіями, задача созданія цѣльной системы просвѣщенія была, очевидно, еще очень далека отъ окончательнаго разрѣшенія. Основаніемъ этой системы должно было служить низшее образованіе. Но именно въ этомъ направленіи политика народнаго просвѣщенія первой половины XVIII вѣка потерпѣла всего болѣе неудачъ. Причины послѣднихъ были двоякаго рода. Съ одной стороны, практическіе интересы государственной власти и господствующаго сословія сосредоточивали всю силу правительственной иниціативы и законодательства на высшемъ и среднемъ образованіи, особенно на тѣхъ его видахъ и формахъ, которые непосредственно обслуживали практическія государственныя и сословныя потребности. Съ другой стороны, самый вопросъ объ общемъ образованіи, его задачѣ и содержаніи, ставился еще очень шатко въ общественномъ сознаніи. На твердую почву въ этомъ вопросѣ наша политика просвѣщенія могла вступить только съ усвоеніемъ началъ западно-европейскаго педагогическаго движенія XVIII вѣка.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе императрицы Екатерины II до учрежденія Коммиссіи о народныхъ училищахъ (1782 г.).

Царствованіе Екатерины II принесло съ собою новыя побужденія къ широкой постановкѣ проблемы народнаго просвѣщенія и новыя средства къ ея разрѣшенію. Исторія политики просвѣщенія за это царствованіе явственно раздѣляется на двѣ эпохи: первая эпоха, обнимающая 1760—1770-ые годы, была временемъ исканія новыхъ путей, въ свѣтѣ новыхъ государственныхъ и педагогическихъ идеаловъ, для разрѣшенія очередныхъ задачъ, сложившихся въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Въ указанные годы появляется рядъ проектовъ, подходящихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и съ разныхъ сторонъ къ центральному вопросу политики просвѣщенія—о созданіи цѣльной учебной системы. Всѣ эти проекты, явившіеся болѣе или менѣе яснымъ отраженіемъ великаго западно-европейскаго педагогическаго движенія, не получили практическаго осуществленія, но остались цѣнными памятниками русской педагогической мысли и связи ея съ государственными реформами второй половины XVIII столѣтія. Ознакомленіе съ австрійской системой народныхъ училищъ дало, наконецъ, императрицѣ Екатеринѣ надежную точку опоры для ея просвѣтительныхъ замысловъ, и 1780—1790-ые годы составляютъ вторую эпоху, время практическаго осуществленія новой учебной системы. Эта задача, какъ увидимъ, разрѣшена была только на половину, но и то, что́ было сдѣлано, легло прочнымъ основаніемъ для построенія цѣльной системы просвѣ-

щенія уже въ слѣдующемъ столѣтіи, въ царствованіе Александра I.

Темою настоящаго очерка является изученіе проектовъ учебныхъ реформъ въ первую половину царствованія Екатерины II, до учрежденія въ 1782 году Коммиссіи о народныхъ училищахъ, дѣятельность которой наполняетъ вторую эпоху и составитъ тему слѣдующаго очерка. Настоящій очеркъ распадается на четыре главы. Въ первой показана внѣшняя послѣдовательность проектовъ, появившихся въ 1760—1770-хъ годахъ, связь этихъ проектовъ съ тѣми или другими начинаніями въ области государственныхъ реформъ и внѣшнія причины ихъ неудачи. Слѣдующія три главы посвящены систематическому изслѣдованію проблемы, поставленной совокупностью изучаемыхъ проектовъ: во второй главѣ разсматриваются принципы, на которыхъ должна была зиждиться новая учебная система; въ третьей главѣ—составные элементы этой системы, т. е. типы школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ; въ четвертой—намѣченныя проектами средства практическаго осуществленія системы, а именно: обезпеченіе ея преподавательскимъ составомъ, финансовыя средства, учебная администрація. Конечною же цѣлью настоящаго очерка является выясненіе того, какъ подъ воздѣйствіемъ новыхъ государственныхъ и педагогическихъ идей видоизмѣнились задачи политики просвѣщенія, выдвинувшіяся ко времени царствованія Екатерины II, и въ какія новыя условія стало теперь разрѣшеніе этихъ задачъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія проектовъ 1760—1770-хъ годовъ.

I.

Центромъ, изъ котораго исходили очертанія новой учебной системы наканунѣ царствованія Екатерины II, были планы И. И. Шувалова, имѣвшіе цѣлью поставить Московскій университетъ и объединенные кадетскіе корпуса во главѣ системы гимназій и начальныхъ школъ. Какъ отнеслась императрица

къ этимъ планамъ? Уже среди заботъ и тревогъ первыхъ мѣсяцевъ своего царствованія она должна была познакомиться съ дѣлами Московскаго университета по причинѣ извѣстнаго уже намъ столкновенія между обоими кураторами университета, Шуваловымъ и Ададуровымъ. Резолюціей 18 февраля 1763 года на приговоръ Сената по этому дѣлу куратору Ададурову (И. И. Шуваловъ получилъ заграничный отпускъ) повелѣно было «заготовить для университета планъ и штатъ къ апробаціи, а если онъ хотя сверхъ положенной суммы усмотритъ за полезное къ порядку и приведенію въ лучшее состояніе университета, то и оное представить, дабы для большаго добра малая издержка не препятствовала»[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица желала, повидимому, не ограничиться улучшеніемъ положенія университета, но также подвинуть впередъ дѣло о повсемѣстномъ заведеніи гимназій; 15 декабря того же 1763 года Ададурову дано было особое именное повелѣніе «представить, гдѣ и въ какомъ числѣ учителей и учащихся пристойно учредить гимназіи, кромѣ Казани, и какая на то потребна сумма, и тому сдѣлать достаточный планъ и штаты»[2]). Что̀ сдѣлалъ Ададуровъ во исполненіе этого указа, свѣдѣній о томъ намъ встрѣтить не удалось. Но, повидимому, данное дѣло такъ дальше и не подвинулось, и планъ И. И. Шувалова о гимназіяхъ и школахъ былъ преданъ забвенію.

Положеніемъ же университета императрица продолжала живо интересоваться. 29 ноября 1763 года Г. Н. Тепловъ сообщилъ Ададурову повелѣніе представлять императрицѣ ежегодно, послѣ большого университетскаго экзамена, вѣдомость объ успѣхахъ всѣхъ студентовъ университета и учениковъ университетскихъ гимназій. 10 мая слѣдующаго года Ададуровъ доносилъ императрицѣ, что имъ полученъ собственноручный ея указъ объ ожиданіи рапорта о состояніи университета; этотъ рапортъ и былъ представленъ послѣ годичнаго экзамена, въ концѣ мая. Еще раньше, въ апрѣлѣ, Ададуровъ получилъ повелѣніе представить копіи «со всего учрежденія

---

[1]) «Сенатскій Архивъ», т. XII, стр. 332.

[2]) Госуд. Архивъ, разр. XVII, № 41: донесеніе Ададурова императрицѣ отъ 25 декабря 1763 г.

университетскаго, на которомъ оный основанъ, и какой въ немъ есть регламентъ для классовъ университетскихъ, для учениковъ, для профессоровъ и учителей, такожъ и для обучающихся на коштѣ Ея Императорскаго Величества». Наконецъ, въ концѣ того 1764 года, по высочайшему повелѣнію, отъ Ададурова затребованъ былъ докладъ о порядкѣ содержанія въ университетѣ на казенномъ содержаніи студентовъ и гимназистовъ, дворянъ и не дворянъ. Этотъ докладъ отвѣчалъ на слѣдующіе пункты: 1) сколько въ университетѣ студентовъ и въ гимназіи учениковъ той и другой категоріи и какихъ они лѣтъ принимаются, 2) гдѣ они живутъ, 3) что пьютъ и ѣдятъ, 4) какъ одѣты, 5) чему особливо обучаются, 6) во что обходятся казнѣ, 7) есть ли особенный регламентъ для житья учащихся, ученья ихъ и воспитанія.

31 мая 1764 года Ададуровъ доносилъ императрицѣ: «что касается до особливыхъ должностей какъ изъ учащихъ, такъ и учащихся, и до ихъ содержанія и воспитанія, тому, такожъ и о всѣхъ прочихъ до университета принадлежащихъ чинахъ, сочиняется нынѣ въ силѣ прежняго о томъ Вашего Императорскаго Величества именного указа особливый штатъ и регламентъ къ поднесенію на высочайшую апробацію В. И. В.». Свѣдѣнія о порядкѣ составленія этого регламента и штата не вполнѣ ясны. Сохранилась подписанная Ададуровымъ, но безъ даты, «Вѣдомость, учиненная въ силу именного Е. И. В-ва высочайшаго повелѣнія для всеподданнѣйшаго поднесенія Е. И. В-ву, коликіе теперь непремѣнные расходы есть и быть должны при Московскомъ университетѣ». Это былъ мотивированный проектъ новаго штата университета, очевидно, составленный во исполненіе повелѣнія 18 февраля 1763 года. Не знаемъ, была ли представлена эта «Вѣдомость» императрицѣ и въ какомъ отношеніи должна была она находиться къ тому регламенту, о которомъ говорилось въ только что приведенномъ донесеніи куратора 31 мая 1764 года. Извѣстно далѣе, что въ концѣ 1765 года сенаторъ А. В. Олсуфьевъ передалъ профессорской коллегіи Московскаго университета пожеланіе императрицы, чтобы профессора «сочинили точному Императорскаго Московскаго университета положенію и со-

держанію штатъ, употребя на то, съ полученія сего, не болѣе трехъ недѣль времени», и прислали бы свой проектъ ему, Олсуфьеву, для поднесенія государынѣ. Профессорская коллегія, занимавшаяся пересмотромъ устава и штата еще съ 1760—1761 года, видимо, значительно запоздала съ заданной ей спѣшной работой. Составленный ею проектъ былъ переданъ Олсуфьевымъ въ 3-й департаментъ Сената; 30 октября 1767 года Олсуфьевъ сообщилъ Сенату высочайшее повелѣніе передать этотъ проектъ профессору Барсову для перевода съ латинскаго языка на русскій «какъ наискорѣе». Уже въ самомъ концѣ года проектъ въ русскомъ переводѣ снова поступилъ въ Сенатъ и дальнѣйшаго движенія, повидимому, не получилъ [1]).

Изложенныя свѣдѣнія не даютъ вполнѣ отчетливаго представленія о ходѣ работы по составленію новаго устава Московскаго университета въ первые годы царствованія Екатерины II; остаются неразъясненными вопросы: въ какой мѣрѣ исполнено было кураторомъ Ададуровымъ повелѣніе составить новый регламентъ и штатъ, чѣмъ было вызвано обращеніе императрицы за этой работой непосредственно къ профессорамъ, какъ отнеслась она къ тому, что̀ успѣли сдѣлать Ададуровъ и коллегія профессоровъ. Можно надѣяться, что со временемъ будутъ найдены свѣдѣнія, которыя прольютъ свѣтъ на эти вопросы. Для насъ же теперь важно отмѣтить слѣдующіе факты. Императрица сначала готова была поддержать дальнѣйшее развитіе того широкаго плана учебной реформы, иниціаторомъ котораго былъ И. И. Шуваловъ и въ центрѣ котораго стоялъ Московскій университетъ. Вскорѣ, однако, вопросъ объ общей учебной реформѣ (о школахъ низшихъ и среднихъ) былъ отдѣленъ отъ вопроса о реформѣ самого университета; но и это послѣднее дѣло также не было доведено до конца и прекратилось около 1768 года. Оно вновь стало

---

[1]) Донесенія и рапорты о Москов. университетѣ въ Госуд. Архивѣ, разр. XVII, №№ 41 и 43. Сообщеніе А. В. Олсуфьева Сенату о переводѣ проекта университетскаго штата въ Архивѣ Правит. Сената, книга именныхъ указовъ 1767 г., 2-ая половина, № 137. См. еще *Шевыревъ*, Исторія Москов. университета, стр. 88—89, 90, 127—128.

на очередь въ слѣдующую эпоху, въ 1780-хъ годахъ, въ связи съ новымъ направленіемъ общей учебной реформы.

Между тѣмъ, въ то самое время, когда императрица Екатерина такъ живо заинтересовалась положеніемъ Московскаго университета, обозначаются новыя условія постановки общаго вопроса о системѣ народнаго просвѣщенія. Съ 1764—1765 годовъ появляется рядъ новыхъ плановъ по этому вопросу и новыхъ проектовъ низшаго и средняго образованія, заслонившихъ собою старые планы И. И. Шувалова. Къ выясненію исходныхъ пунктовъ новаго пути, на который перешла теперь изучаемая нами проблема, мы и должны теперь обратиться.

Начало новаго пути, на который вступила политика народнаго просвѣщенія Екатерины II, открывается въ законодательствѣ первыхъ лѣтъ царствованія, посвященномъ вопросамъ государственной благотворительности. Эти вопросы занимали видное мѣсто въ кругу задачъ управленія, выдвинутыхъ тѣми политическими ученіями, которыя Екатерина успѣла усвоить къ 1762—1763 году. Выраженная въ докладѣ Бецкаго 10 іюня 1763 года и въ первой части Генеральнаго плана воспитательнаго дома, утвержденной 1 сентября 1763 г., мысль объ «умноженіи полезныхъ обществу жителей» естественно связывалась съ ясно высказаннымъ уже къ тому времени намѣреніемъ Екатерины создать «третій чинъ людей» въ государствѣ.

Въ такой внутренней связи программа ученія, начертанная для питомцевъ воспитательнаго дома, получала общее значеніе примѣрнаго плана для образованія низшихъ, производительныхъ классовъ населенія вообще. Предназначаемая для дѣтей обоего пола, эта программа заключала въ себѣ общее элементарное образованіе, а также обученіе разнаго рода ремесламъ и мастерству, и предусматривала даже возможность связать это образованіе съ высшимъ въ университетѣ или академіи художествъ [1]).

Вскорѣ по утвержденіи первой части Генеральнаго плана

---

[1]) „Учрежденія и Уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола“, т. I (Спб. 1774), стр. 8, 13, 23—24, 36—38.

воспитательнаго дома возникъ вопросъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ и для высшаго сословія, для дворянства. 1 ноября 1763 года данъ былъ послу въ Вѣнѣ князю Д. М. Голицыну рескриптъ, въ которомъ императрица объявила о своемъ намѣреніи «въ пользу дворянства сдѣлать новое учрежденіе какъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, такъ и для пристанища бѣднымъ дворянскимъ вдовамъ, собственнаго пропитанія не имѣющимъ». Князю Голицыну предписывалось достать подробныя описанія всѣхъ или лучшихъ, находящихся въ австро-венгерскихъ владѣніяхъ, «женскихъ штифтовъ или домовъ, дабы оные здѣсь нѣкоторымъ образомъ въ примѣръ и за основаніе по выбору служить могли». Получивъ этотъ рескриптъ 21 ноября—2 декабря, Голицынъ вскорѣ представилъ описаніе нѣкоторыхъ монастырей, служившихъ убѣжищами для бѣдныхъ дворянскихъ вдовъ и учебными заведеніями для дѣвицъ [1]). Попутно князь Голицынъ, вѣроятно, наводилъ справки и объ училищахъ для дворянской молодежи мужескаго пола. Въ его бумагахъ сохранилась, между прочимъ, такая записка: «между Утрехтомъ и Амстердамомъ есть нѣкоторая школа, называемая Boarding-School, въ которой молодые дворяне могутъ обучаться французскому и латинскому языкамъ и всему тому, что касается до благороднаго воспитанія. Надобно о семъ освѣдомиться въ Гаагѣ» [2]).

Затронутые въ планахъ новыхъ благотворительныхъ учрежденій вопросы воспитанія и обученія обоего пола юношества, естественно, должны были выдѣлиться въ самостоятельную задачу. По разсказу Антона Бюшинга, императрица по возвращеніи изъ Москвы съ коронаціи заинтересовалась учрежденнымъ въ Петербургѣ при церкви св. Петра нѣмецкимъ училищемъ, незадолго передъ тѣмъ преобразованнымъ при ближайшемъ участіи Бюшинга. По приказанію императрицы онъ приглашенъ былъ къ Бецкому, который спросилъ его мнѣніе о вышедшихъ передъ тѣмъ указахъ (о какихъ именно, не

---

[1]) *П. М. Майковъ*, И. И. Бецкой, опытъ его біографіи (Спб. 1904), стр. 253—256.

[2]) Москов. Архивъ Мин. иностран. дѣлъ, Архивъ князей Голицыныхъ, № 9—11.

сказано). Бюшингъ отвѣтилъ, что эти указы превосходны, но останутся безплодны, пока народъ пребудетъ въ невѣжествѣ. Для воспитанія же и просвѣщенія русскаго народа, высказалъ далѣе Бюшингъ, необходимо устроить во всѣхъ значительныхъ городахъ и во всѣхъ провинціяхъ школы по примѣру столичнаго нѣмецкаго училища св. Петра, которое ставитъ своей задачей воспитаніе добрыхъ гражданъ государства, отцовъ и матерей (Hausvätern ünd Hausmüttern). Бецкой одобрилъ эту мысль и обѣщалъ передать ее государынѣ. Черезъ нѣсколько дней Бюшингъ снова приглашенъ былъ къ Бецкому, который, передавъ своему собесѣднику благоволеніе императрицы, сообщилъ, что уже имѣется планъ, хотя и не обработанный (der aber noch roh sey), устройства провинціальныхъ школъ, въ которыхъ учителями будутъ различные иностранцы, нѣмцы, французы, англичане. Противъ этого послѣдняго предположенія Бюшингъ рѣшительно возражалъ и указалъ на необходимость приготовленія хорошихъ учителей изъ русскихъ людей, между прочимъ, изъ даровитыхъ питомцевъ духовныхъ семинарій. Послѣ этихъ разговоровъ и явились, по словамъ Бюшинга, планы Бецкаго о воспитательныхъ учрежденіяхъ при Академіи художествъ и Сухопутномъ корпусѣ, а также планъ воспитанія благородныхъ и мѣщанскихъ дѣтей обоего пола. Обращеніе же императрицы къ англійскому пастору Даніилу Дюмареску для составленія плана школъ осталось безрезультатнымъ: неподготовленный къ этому дѣлу Дюмарескъ, старый пріятель Бюшинга, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, возвратился на родину. Съ оттѣнкомъ нѣкоторой горечи Бюшингъ заявляетъ затѣмъ, что онъ не намѣренъ останавливаться на томъ, что́ вышло и чего не вышло изъ учрежденій и плановъ Бецкаго, равно какъ и на заимствованіи, много лѣтъ спустя, системы австрійскихъ нормальныхъ школъ: по его мнѣнію, училище св. Петра уже въ 1754 году могло бы быть принято за нормальную школу [1]).

---

[1]) *Anton Friedrich Büsching*, Eigene Lebensgeschichte (Halle 1789), 469—472.

II.

Актомъ, легшимъ въ основаніе всего законодательства Екатерины II по народному просвѣщенію, явилось, какъ извѣстно, Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества, утвержденное императрицей 12 марта 1764 года. Остается не вполнѣ выясненнымъ, кто былъ дѣйствительнымъ авторомъ этого акта: императрица Екатерина или И. И. Бецкой. Сохранилось извѣстіе, что Бецкой во время совѣщаній съ Екатериной о пользѣ воспитательныхъ домовъ внушалъ ей мысль «о постановленіи, которое бы могло служить правиломъ при воспитаніи юношества»; императрица, признавъ справедливость замѣчанія Бецкаго, повелѣла ему сочинить генеральное учрежденіе о воспитаніи юношества обоего пола, при чемъ сообщила ему изустно свои намѣренія и мысли, которыя и были изложены Бецкимъ въ формѣ оффиціальнаго доклада [1]). Это извѣстіе подтверждается самымъ текстомъ «Генеральнаго учрежденія». Восхваляя въ началѣ своего доклада великодушныя намѣренія императрицы, Бецкой пишетъ: «таковы и нынѣ вновь монаршія попеченія, въ которыхъ, не знаю, изъяснилъ ли я слабымъ моимъ писаніемъ Вашего Императорскаго Величества намѣренія, какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ, *тщательно стараясь изобразить точно слово отъ слова всѣ данныя мнѣ изустно* повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархини, какъ слѣдуетъ». Далѣе идетъ самое существо доклада, содержащее принципы новой системы воспитанія,—и эта часть текста во всѣхъ изданіяхъ Генеральнаго учрежденія заключена въ ковычки. Заканчивается докладъ Бецкаго изложеніемъ даннаго ему высочайшаго повелѣнія сочинить подробные регламенты и инструкціи объ учрежденіи воспитательныхъ училищъ, и снова восхваленіемъ «великости и премудрости намѣреній» Екатерины [2]).

---

[1]) *П. М. Майковъ*, И. И. Бецкой, стр. 52.

[2]) П. С. З., № 12103. „Учрежденія и Уставы, касающ. до воспит. и обученія“, т. II, стр. 1—6.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ докладовъ, въ 1772 году, Бецкой писалъ: «въ Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи юношества въ Имперіи Вашего Величества изображено монаршее ваше слово: *или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать*» [1]). Послѣдними словами заканчивался включенный въ ковычки текстъ Генеральнаго учрежденія.

Къ приведеннымъ даннымъ о происхожденіи Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года мы можемъ присоединить новый, найденный нами документъ, составленный на французскомъ языкѣ неизвѣстно кѣмъ и озаглавленный: «Raisonnement sur le projet d'établissement de pensions et écolles dans toutes les provinces de l'etendue de l'empire de Russie» [2]). Это разсужденіе въ большей своей части близко совпадаетъ по содержанію съ центральной, поставленной въ ковычки, частью Генеральнаго учрежденія. Для наглядности приводимъ параллельно оба текста:

Il n'est que trop connu que le principal deffaut d'où procède ici la mauvaise éducation des enfants ne vient que d'une idée fausse et généralement reçue sur la manière de les élever.

On prétend que la première baze de l'éducation consiste à pousser, autant qu'il est possible, dans les sciences et les arts, qui selon moi, seroient précisément les points par où ils devroient la finir. L'on m'objectera, peut-être, que c'est reculer les sciences et les arts, à quoi je réponds que si cet hypothèse se trouve vraie, on ne les reculeroit que pour les mieux avancer; mais c'est une erreur, et elle est d'autant plus funeste à l'Etat, à la Patrie, que laissant prendre aux enfants, dès leur plus tendre jeunesse, les plus mauvaises impressions du coeur, par tant de dangereux exem-

---

[1]) „Учрежденія и уставы", т. II, стр. 158.
[2]) „Матеріалы", I.

ples journaliers, on néglige par là de former le bon et le vrai citoyen. Vouloir former l'esprit d'un enfant sans travailler à lui former le cœur et le caractère, sans lui inspirer des principes des vertus, de sentiments d'honneur, de moeurs, c'est prétendre élever un edifice, sans l'avoir assuré par le bon fondement. N'avons-nous pas sous les yeux des preuves assez convaincantes, et malheureusement trop multipliées, de cette verité, que tant que la première éducation sera négligée, jamais on ne verra fleurir les arts, les sciences et les métiers, par conséquent jamais de tiers etat à espérer?

En effet, quels succès doit-on se promettre d'un jeune homme qui n'aura reçu dans son enfance que de faux principes, qui ne respirera que la dissipation, le libertinage et la débauche, qui sera adonné à la crapule la plus honteuse, qui fuira la subordination et se roidira contre l'autorité des supérieurs et les leçons des maîtres?

Je suppose qu'après bien du temps et des peines un jeune homme perce dans les sciences, les arts et les métiers; je soutiens que, malgré le vernis qu'il aura pu prendre dans les académies, il ne sera jamais un bon citoyen; il ne sera, au contraire, qu'un être inutile et même dangereux pour la société et le bonheur de l'humanité.

Pour remédier à un mal si préjudiciable et si invétéré, il ne reste d'autre ressource que celle d'une bonne et sure méthode, qui est de *créer une nouvelle génération.*

C'est-à-dire, former une pépinière de *pères* et de *mères*, qui puissent donner à leurs enfants les mêmes vrais et solides principes d'éducation qu'ils auront reçus, ceux-ci les transmettront aux leurs, et ainsi cette première et seule véritable source de bons

Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго чина людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать.

Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя.

Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то-есть: произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки.

Великое сіе намѣреніе исполнить

citoyens se perpétuera de postérité en postérité.

Pour parvenir à couper court à un mal si contagieux, je ne vois point d'autre remède que d'établir avec solidité et grand soin des ecoles et pensions pour l'éducation des enfants des deux sexes tant nobles que roturiers, absolument pas plus âgés de cinq à six ans.

Il est inutile de répéter ici que c'est là le véritable âge où un enfant commence à se dépouiller du voile qui jusqu'alors obscurcissait sa raison; passé ce temps il est encore plus inutile de croire que l'on puisse remédier ou effacer le pli une fois pris, ou lui inspirer, en le corrigeant, les principes de vertus qui lui sont nécessaires.

Je dis donc qu'il faut pour première baze commencer l'éducation des enfants de cet âge de cinq à six ans, jusqu'à celui de *18 à 21.* Ce qui feroit une demeure de 12 à 18 dans les pensions et ecoles; pendant lequel espace de temps ils ne doivent jamais sortir ni avoir aucune communication dans le dehors; leurs plus proches parents, auxquels il seroit quelquefois permis de venir leur rendre des visites, mais encore le plus rarement qu'il se pourra et jamais qu'en présence de leur supérieur, car il est sûr et certain que les fréquentations avec ceux du dehors, qu'il faut éviter comme un des plus grands maux, ne pourroient causer que de grands préjudices et des dommages sensibles au coeur et à l'éducation de cette jeunesse, qui ne doit avoir continuellement sous les yeux que des exemples et des modèles de vertus.

Pour commencer l'éducation, on s'appliquera dans les pensions à inspirer d'abord aux enfants la crainte de Dieu, à leur former le cœur et le caractère et à les plier aux plus dé-

нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и шестому году. Излишне было бы доказывать, что въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще не разсудительнѣе вѣрить, яко бы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ худой нравъ, чѣмъ онъ уже заразился, и поправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердцѣ его вкоренять, кои ему имѣть было потребно.

И такъ о воспитаніи юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестого до 18 и 20 лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ видѣть ихъ въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе, внѣ и внутри онаго, весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей.

При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобъ страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить ихъ пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости,

centes maximes; à leur donner le goût du travail, en leur faisant fuir l'oisiveté, mère et source intarissable de tous les vices. et de tous les débordements; on les accoutumera à un maintien décent dans leurs actions, à se former à la politesse, á la bienfaisance, à la compassion envers les malheureux et l'aversion pour tous les excès; on les instruira dans tous les détails de l'économie et de son utilité, et surtout de leur inspirer un goût universel et décidé pour la propreté sur eux et sur tout ce qui les environne; enfin, il est un nombre infini d'autres vertus et de différentes qualités dont leur éducation doit être assortie, et qui doivent les rendre, un jour, des vrais citoyens et des membres utiles et honorables à la société dont ils feroient l'ornement.

Tels sont à peu près les premiers principes que l'on doit faire germer dans le cœur de la jeunesse et qui y prendront racine d'autant plus aisément, qu'ils simpathisent à merveille avec l'innocence de leur âge; ensuite on les instruira dans la profession convenable à leur naissance, à leur sexe et à leur disposition naturelle.

Mais une observation essentielle à faire, c'est l'on doit bien étudier les inclinations et le goût décidé d'un enfant, avant de l'initier dans aucun des arts, métiers, professions, ou parties des sciences que ce puisse être. Le goût seul de l'enfant doit l'y conduire. Le choix doit être fait par lui-même, et les suffrages seuls de son cœur doivent l'emporter sur toutes autres considérations, il n'est que trop certain qu'il ne réussiroit jamais dans aucuns des talents que l'on voudrait lui donner, s'il y répugnoit et que l'on le lui fit embrasser malgré lui.

La jeunesse doit trouver dans les pensions et les écoles à se former dans tous les exercices du corps et

благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшеніемъ.

Такія и тому подобныя правила когда посѣются въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно, тѣмъ лучшій плодъ произведутъ, что согласоваться будутъ съ младостью и непорочностью ихъ возраста. Просвѣщая притомъ ихъ разумъ науками и художествами, по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что прежде, нежели отрока обучать какому-либо художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту и выборъ оныхъ оставить ему самому.

Душевныя ихъ склонности всемѣрно долженствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предъуспѣваетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилежать по неволѣ, а не по своему желанію.

Притомъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, то-есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости, здравію и крѣпости сложенія ихъ служить можетъ; какъ-то въ построенныхъ жилищахъ приводомъ

de l'esprit, aussi utiles pour la santé et bonne constitution que pour les agréments de la vie. C'est pour quoi il faut avoir grande attention à leur procurer et à introduire dans les pensions toutes sortes de jeux et d'amusements innocents, pour égaïer l'esprit et bannir tout ce qui a nom de tristesse, de mélancolie et de chagrin; cette observation est très essentielle.

Comme le bien de l'Etat dépend uniquement du succès de ces premiers établissements, ainsi que du pli et de la forme que l'on doit donner à cette première génération, quelle prudence et quelle précaution n'exige pas le choix des supérieurs, ainsi que celui des maîtres et maîtresses et surtout des régisseurs de ces maisons? Ils doivent tous avoir une réputation de probité parfaitement établie, leur conduite et leurs mœurs doivent être connues sans taches et irréprochables, ils doivent être d'une humeur patiente, prudents, fermes, droits et justes, en un mot ils doivent se faire aimer et réspecter de leurs élèves et les former et leur prêcher en tout par le bon exemple.

Par conséquent le tout dépend des réglements et instructions, qui doivent être bien étudiés, bien combinés, bien clairs et bien précis, ne rien laisser à désirer pour tout ce qui regarde les maîtres, les enfants, la conduite des uns et des autres, le bon ordre et la discipline générale de la maison. L'on doit conclure de là, avec quels soins et quelle sagesse ils doivent être conçus et suivis. Finalement il faut faire par achever un ouvrage ou ne le point commencer.

чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды, также и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе; а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостію и прискорбіемъ назваться можетъ: и сего правила изъ памяти не выпускать.

Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ первому отъ оныхъ новой породы происхожденію. Почему собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ: имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказанной честности и прямодушія, а поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ быть напередъ вѣдомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ; и однимъ словомъ таковымъ, чтобъ воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало, и во всемъ добрый отъ нихъ примѣръ получало.

Сего ради остается въ дополненіи изъяснить, что все сіе единственно зависитъ отъ особливаго учрежденія и даваемыхъ наставленій, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностью, дабы все соображено было ясно, внятно и точно, и чтобъ ничего тогопропущено не было, что надлежитъ до учителей, учениковъ, до поведенія тѣхъ и другихъ, и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо при начинаніи сего надобно сперва за точное принять правило: или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать.

Приведенная сейчасъ французская записка, видимо, представляла собою какъ бы частный предварительный мемуаръ, получившій оффиціальную обработку въ Генеральномъ учрежденіи 12 марта 1764 года. Кто былъ авторомъ этой записки? До счастливой находки новыхъ данныхъ, которыя могли бы пролить свѣтъ на этотъ вопросъ, предполагаемъ, что она была составлена Бецкимъ, изложившимъ нѣкоторыя, изустно сообщенныя ему, намѣренія императрицы.

Ближайшія обстоятельства, среди которыхъ сложилось Генеральное учрежденіе 12 марта 1764 года, и связь его съ учрежденіемъ воспитательнаго дома уже опредѣлили отчасти характеръ дальнѣйшаго движенія учебной реформы. Теперь законодательство пытается подойти къ этой реформѣ совсѣмъ съ иной стороны, чѣмъ прежде, въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ первую голову выдвигается теперь вопросъ о начальной общеобразовательной школѣ, и цѣль школы указывается не въ подготовкѣ профессіональнаго работника, а въ воспитаніи совершеннаго человѣка и гражданина.

III.

Вытекавшая изъ Генеральнаго учрежденія законодательная работа раздѣлялась на двѣ главныя части: Бецкому поручалось: во-первыхъ, создать два новыхъ училища, при Академіи художествъ и въ Смольномъ монастырѣ для дворянскихъ дѣвицъ, и, во-вторыхъ, составить подробные регламенты и инструкціи для воспитательныхъ училищъ «*во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи*», то-есть подробный планъ общей учебной реформы. Бецкой сосредоточился на первой задачѣ, и въ теченіе 1760-хъ годовъ возникъ рядъ новыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, уставы которыхъ были составлены Бецкимъ. Эти отдѣльные, частные опыты учебной реформы слѣдовали въ такомъ порядкѣ: 5 мая 1764 года явился уставъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, 4 ноября того же года уставъ воспитательнаго училища при Академіи художествъ, по образцу котораго въ 1765 году было учреждено

воспитательное отдѣленіе при гимназіи Академіи наукъ, 31 января 1765 года уставъ особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія мѣщанскихъ дѣвицъ, 11 сентября 1766 года новый уставъ Сухопутнаго шляхетскаго корпуса, 13 августа 1767 года 2-я и 3-я части Генеральнаго плана Московскаго воспитательнаго дома [1]). Всѣ перечисленныя сейчасъ училища, строй которыхъ подчиненъ былъ новымъ педагогическимъ принципамъ, являлись, какъ сказано, лишь отдѣльными, частными опытами общей учебной реформы, которая должна была въ полной мѣрѣ выразиться въ повсемѣстномъ учрежденіи «воспитательныхъ училищъ». Занимался ли Бецкой разработкой соотвѣтствующаго законодательнаго акта? Есть извѣстіе, источника котораго намъ не удалось найти, что одновременно съ проектами уставовъ училища благородныхъ дѣвицъ и воспитательнаго училища при Академіи художествъ Бецкимъ былъ представленъ и «проектъ обществъ для воспитанія благородныхъ дѣтей по губерніямъ», оставленный «впредь до разсмотрѣнія» [2]). Но этотъ проектъ не сохранился и приведенное сейчасъ глухое извѣстіе о немъ должно остаться подъ сомнѣніемъ, пока оно не подтверждено будетъ болѣе точными свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, помимо Бецкаго, другими лицами составленъ былъ въ 1760-хъ годахъ рядъ обширныхъ проектовъ учебной реформы, примыкавшихъ къ Генеральному учрежденію и разрѣшавшихъ поставленный имъ вопросъ о повсемѣстномъ заведеніи «воспитательныхъ училищъ».

Мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, объясняющихъ, почему эта работа, порученная сначала Бецкому, вскорѣ перешла въ другія руки. На нѣкоторыя предположенія о томъ пути, на который поставленъ былъ вопросъ о повсемѣстномъ учрежденіи воспитательныхъ училищъ, другими словами — о цѣльной системѣ народнаго просвѣщенія, наводитъ одинъ документъ, озаглавленный: «Начальное разсужденіе о планѣ для

---

[1]) П. С. З. №№ 12154, 12275, 12323, 12741. См. также „Учрежденія и уставы“, тт. I — II.

[2]) „Рус. Вѣстникъ“, 1842 г., III, стр. 371.

учрежденія публичныхъ училищъ» и сохранившійся безъ обозначенія имени автора и времени составленія [1]).

Открывается это разсужденіе указаніемъ, что нѣтъ лучшихъ способовъ «для вкорененія правилъ добраго воспитанія и насажденія добраго гражданства», какъ тѣ, которыя изложены въ Генеральномъ учрежденіи 12 марта 1764 года; образцомъ же практическаго примѣненія этихъ правилъ должно служить открытое въ томъ же году воспитательное училище при Академіи художествъ. Затѣмъ авторъ разсужденія подвергаетъ оцѣнкѣ «наставленія» или записки господъ Дюмареска и Миллера, изданныя на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ и описывающія учебные порядки въ иностранныхъ государствахъ, и, находя въ нихъ достойными нѣкоторыя замѣчанія, приходитъ къ заключенію, что «остальное содержаніе сихъ наставленій, хотя и весьма хорошія правила, однакожъ немного соотвѣтствующаго какъ состоянію нашего государства, такъ и потребному въ такихъ учрежденіяхъ предмету, заключаетъ».

Авторъ «совершенно увѣренъ», что по многимъ причинамъ въ нашемъ отечествѣ не привились бы училища, существующія въ иноземныхъ государствахъ: Франціи, Англіи, Швеціи, Германіи и Голландіи. Главная причина непригодности иностранныхъ училищъ для Россіи заключается, на взглядъ нашего автора, въ томъ, что тамъ, за-границей, знаніе ученыхъ языковъ, латинскаго и греческаго, «необходимо нужнымъ началомъ почитается». Соглашаясь, что мертвый латинскій языкъ практически необходимъ въ странахъ католическихъ, правовой строй которыхъ покоится на римскомъ правѣ, авторъ рѣшительно доказываетъ, что въ Россіи нѣтъ никому никакой нужды въ знаніи латинскаго и греческаго языковъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто готовится къ изученію богословія или вообще къ ученой дѣятельности.

Далѣе авторъ выражаетъ полное свое сочувствіе принципамъ учебной реформы, изложеннымъ въ «наставленіи» Миллера и формулированнымъ въ шести пунктахъ, которые и приводимъ въ подлинныхъ выраженіяхъ:

---

[1]) „Матеріалы“, II.

«1-е, что образъ удаленной и сохраняемой жизни, въ которомъ юношеству, находящемуся въ училищахъ подъ всегдашнимъ присмотромъ своихъ надзирателей и учителей, въ отдаленіи отъ родственниковъ, способствуетъ не мало къ сохраненію онаго отъ поврежденія нравовъ»;

«2-е, что главный предметъ въ воспитаніи, которое сему дать намѣрены юношеству, долженъ состоять въ исправленіи нравовъ»;

«3-е, что къ приведенію въ дѣйствіе сего плана потребны для употребленія старые монастыри, расположенные по близости какихъ-нибудь провинціальныхъ городовъ, и построить вновь приличныя тому зданія, коимъ предлагаетъ весьма искусно выдуманный и учрежденный по намѣренію сего основанія планъ»;

«4-е, что пристойно бы было, во-первыхъ, сдѣлать таковому учрежденію здѣсь, въ С.-Петербургѣ, или въ ближайшей какой губерніи опытъ, для примѣра прочихъ мѣстъ, и до вступленія въ касающіяся до сего подробности потребно знать всемилостивѣйшее Е. И. В. намѣреніе о числѣ опредѣляемыхъ въ таковое училище учениковъ и какого рода дѣтей къ оному употребить, съ высочайшею резолюціею, какому быть сему зданію, каменному ли или деревянному, и въ одно или два жилья, чтобъ весь сей распорядокъ соотвѣтствовалъ полагаемому предмету»;

«5-е, что удобнѣе бы было раздѣлить сіи училища на три разнаго рода, соотвѣтствующіе тѣмъ тремъ государственной службы раздѣленіямъ, къ которымъ воспитываемое юношество себя опредѣлить можетъ, то есть, въ воинскую, гражданскую и коммерческую, дабы по приличности каждому роду наставленія и уроки пристойнѣе расположить можно было»;

«6-е, пристойнѣе расположить учрежденіе сихъ училищъ такимъ образомъ, чтобъ довольное число вольныхъ пансіонеровъ для вящей пользы туда допускаемо было».

Въ этомъ планѣ Миллера нашъ авторъ считаетъ особенно «остроумнымъ» пятый пунктъ—о раздѣленіи училищъ по спеціальностямъ на военныя, гражданскія и коммерческія. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, «во всемъ свѣтѣ такой академіи

не имѣется, гдѣ бы преподаваемы были однѣ науки дѣтямъ, выступающимъ изъ младенческихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ молодыми людьми, желающими получить совершенство въ наукахъ».

Далѣе авторъ признаетъ необходимымъ «быть совершенно извѣстну» о намѣреніяхъ императрицы, какого званія дѣтей принимать въ новыя училища и къ какой практической дѣятельности ихъ готовить; это нужно потому, что «молодымъ людямъ благороднаго званія слѣдуетъ обыкновенно не только совсѣмъ особое отъ простаго званія людей учредить воспитаніе, но весьма нужно знать, какое они по выпускѣ изъ училищъ себѣ мѣсто имѣть могутъ, ибо въ противномъ случаѣ молодой человѣкъ, имѣвъ въ училищѣ простое воспитаніе и пріобыкнувъ весть свободную и порядочную жизнь, вмѣсто приношенія похвалы о полученномъ чрезъ воспитаніе благополучіи, придетъ въ соболѣзнованіе, находя себя по выпускѣ въ прежнемъ состояніи за недостиженіемъ спокойнаго и согласнаго съ мыслью его полученнаго въ воспитаніи мѣста».

Всѣ свои «резоны» по поводу «наставленій» Дюмареска и Миллера авторъ Разсужденія представилъ И. И. Бецкому, но послѣдній, «по несогласованію сего генеральнаго основанія съ воспитаніемъ юношества, почитая всѣ тѣ сумнѣнія ненужными и подлежащими отмѣненію», возвратилъ ихъ автору «безъ всего». «Однакожъ, такъ заканчиваетъ нашъ авторъ свое Разсужденіе, «позволитъ онъ (Бецкой) мнѣ сказать, что я съ мнѣніемъ его въ семъ случаѣ несогласенъ, потому что сколь бы ни были разумны данныя имъ въ воспитаніи юношества правила, однакожъ онѣ весьма генеральны и не могутъ съ такою точностью служить наставленіями, потребными въ подобныхъ случаяхъ при учрежденіи училищъ, въ разсужденіи чего принужденнымъ нахожусь прибѣгнуть ко всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества покровительству, испрашивая, чтобъ высочайше повелѣно было, до дальнѣйшаго приступленія къ сему плану, учинить подробное разсмотрѣніе».

Кто же авторъ изложеннаго Разсужденія? Предполагаемъ, что не кто иной, какъ статсъ-секретарь императрицы Григорій Николаевичъ Тепловъ, который въ данное время (въ 1760-хъ годахъ) принималъ довольно дѣятельное участіе въ различ-

ныхъ вопросахъ учебной реформы. Такъ есть извѣстіе, что имъ были составляемы указы о Московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1763—1767 годахъ [1]). 28 августа 1765 года онъ представлялъ императрицѣ докладъ о воспитательномъ училищѣ для малолѣтнихъ при Академіи наукъ [2]). Въ томъ же докладѣ упоминается, что Теплову былъ переданъ планъ общаго преобразованія Академіи наукъ. Наконецъ, Тепловъ много поработалъ въ духовной Коммиссіи по вопросу о реформѣ училищъ духовнаго вѣдомства [3]).

Кто были Миллеръ и Дюмарескъ, о которыхъ говоритъ авторъ изложеннаго выше «Начальнаго разсужденія»?

Миллеръ, который въ своемъ «наставленіи» представилъ вполнѣ цѣлесообразные, по мнѣнію нашего автора Разсужденія, принципы учебной реформы,—это, конечно, извѣстный исторіографъ Герардъ Миллеръ. Въ 1765 году онъ занималъ, по приглашенію Бецкаго, должность завѣдывающаго воспитательнымъ домомъ, но пробылъ въ этой должности, не соотвѣтствовавшей его призванію, недолго и при первой возможности перешелъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Когда Миллеръ завѣдывалъ воспитательнымъ домомъ, имъ были составлены, по его собственному показанію, «нѣкоторыя предложенія для учрежденія новыхъ школъ, сочиненныя по особливому всевысочайшему повелѣнію не для публики, но единственно для Ея Императорскаго Величества» [4]). Вѣроятно, это и есть то «наставленіе» Миллера, о которомъ говоритъ авторъ «Начальнаго разсужденія».

Менѣе извѣстной личностью является Дюмарескъ. Изъ сохранившихся о немъ отрывочныхъ свѣдѣній знаемъ, что онъ былъ докторъ богословія и капелланъ англійской факторіи въ С.-Петербургѣ. Лично извѣстный императрицѣ Екатеринѣ

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. XVI, № 355.

[2]) „Чтенія Москов. Общ. исторіи и древн.“, 1866 г., I. Дѣло о пансіонѣ при академической гимназіи въ Госуд. Архивѣ, разр. XVII, № 21.

[3]) „Матеріалы“, IV. См. также раздѣлъ V настоящей главы.

[4]) „Сборн. Моск. Главн. Арх. Мин. иностр. дѣлъ“, вып. 6, стр. 545. *С. Соловьевъ*, Гер. Фр. Мюллеръ, „Современникъ“, 1854 г., № 10.

еще въ бытность ея великой княгиней, Дюмарескъ помогалъ ей въ ея филологическихъ занятіяхъ и составилъ Comparative Vocabulary of the eastern languages. Въ автобіографіи А. Бюшинга разсказывается, что Даніилъ Дюмарескъ, «любитель учености и ученыхъ, человѣкъ весьма почтенный, краснорѣчивый и добросердечный», обладатель хорошей библіотеки греческихъ и римскихъ классиковъ, еще въ 1750-хъ гг. проживая въ Петербургѣ, еженедѣльно собиралъ у себя кружокъ друзей потолковать о разныхъ ученыхъ матеріяхъ, хотя большинство посѣтителей гостепріимнаго пастора приходили къ нему больше для того, чтобы поѣсть и попить, чѣмъ для научныхъ разговоровъ. Бюшингъ познакомился съ Дюмарескомъ черезъ Миллера и между ними скоро завязались дружескія отношенія. Когда въ 1763—1764 году возникли широкіе планы по части народнаго просвѣщенія, императрица снова обратилась къ Дюмареску, проживавшему въ это время въ Англіи. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Дюмарескъ признался своему старому другу Бюшингу, что онъ мало посвященъ въ учебное дѣло и можетъ только доставить свѣдѣнія объ англійскихъ школахъ, преимущественно о городскихъ. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Дюмарескъ получилъ разрѣшеніе вернуться на родину. Въ описаніи портфелей Миллера упоминается сочиненіе Дюмареска на французскомъ языкѣ «Генеральныя примѣчанія о главномъ родѣ наукъ при началѣ воспитанія». Возможно, что это также есть та самая записка Дюмареска, о которой упоминаетъ авторъ «Начальнаго разсужденія» [1]).

Такъ послѣ изданія Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года къ обсужденію различныхъ вопросовъ учебной реформы привлечены были новыя лица: Миллеръ, Дюмарескъ, Тепловъ и, какъ скоро увидимъ, еще нѣкоторые другіе.

---

[1]) „Сборн. Моск. Главн. Архива Мин. иностр. дѣлъ“, вып. 6, стр. 479, 428. *Аделунгъ*, Catherinens der Grossen Verdienste ûm die vergleichende Sprachenkunde, стр. 22—23. *Я. Гротъ*, Филологическія занятія императрицы Екатерины II, „Рус. Архивъ“, 1877, IV, стр. 425. *Пекарскій*, Исторія Импер. Академіи наукъ, т. I, стр. 388—389, примѣч. *С. Буличъ*, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, стр. 422. *A. Büsching*, Eigene Lebensgeschichte, стр. 175, 471—472.

Между тѣмъ, къ этому же времени относятся не вполнѣ ясныя свѣдѣнія о размолвкахъ между Екатериной и Бецкимъ. Судя по письмамъ къ м-ме Жоффренъ за 1763—1766 годы, Бецкой въ это время былъ постояннымъ собесѣдникомъ императрицы. Совмѣстныя чтенія и бесѣды съ «милымъ генераломъ» доставляли ей «лучшія минуты». Въ письмѣ отъ 6 ноября 1764 года Екатерина говоритъ о Бецкомъ: «не сердитесь такъ на генерала; онъ дѣйствительно ужасно занятъ не только своею должностью, но и множествомъ новыхъ заведеній и проектовъ. Мы зовемъ его дѣтскимъ магазиномъ. Онъ завѣдуетъ воспитательнымъ домомъ, академіею художествъ и воспитаніемъ дѣвицъ. Часто онъ мучитъ меня просьбою пустить его въ Парижъ; какъ только всѣ его предпріятія пойдутъ хорошо и если онъ будетъ настаивать, то будетъ вашъ, потому что я не желаю никого стѣснять».

Въ характерѣ Бецкого были непріятныя черты, о которыхъ сначала шутливо отзывалась Екатерина и которыя затѣмъ могли испортить добрыя отношенія ея къ «милому генералу»: нѣкоторая заносчивость, преувеличенное представленіе о своихъ силахъ и значеніи, нетерпимость къ чужому мнѣнію, неуживчивость. Въ письмахъ къ м-ме Жоффренъ, изображая порядокъ своего ежедневнаго времяпрепровожденія, Екатерина разсказывала, какъ въ опредѣленные часы появлялся «vilain general», чтобы «*читать мнѣ наставленія*» (pour m'endoctriner). Статсъ-секретарю Храповицкому Екатерина жаловалась, что «Бецкой присвояетъ себя къ славѣ государской». Въ 1765 году Екатерина осталась недовольна устройствомъ пансіона при гимназіи Академіи наукъ. На объясненіи академика Тауберта, что этотъ пансіонъ устроенъ, между прочимъ, по совѣтамъ Бецкаго, она сдѣлала отмѣтку, что это поступокъ «самовольный». Въ 1766 году между императрицей и Бецкимъ произошла по какому то вопросу серьезная размолвка. «Ахъ, генералъ, генералъ!—писала Екатерина м-ме Жоффренъ,—отъ его дурного расположенія духа у меня щемитъ сердце, также какъ и у васъ. Я прямо обращаюсь къ вамъ съ своею исповѣдью и не слѣдую его примѣру, ибо онъ, твердя о своей грусти и огорчая васъ, не объясняетъ

ея причины. Этотъ генералъ привыкъ къ тому, что мы въ сужденіяхъ своихъ всегда сходимся, вообразилъ себѣ, что я потеряла къ нему довѣріе, потому только, что, не касаясь принциповъ, на счетъ которыхъ мы всегда были согласны, мнѣ случилось быть съ нимъ различнаго мнѣнія; такъ какъ мы очень дружны, мало привыкли къ разногласію и оба вспыльчивы, какъ селитра, то и имѣли два или три прегорячихъ объясненія, въ которыхъ, отыскивая всѣ средства къ сближенію, все таки не сходились; но такъ какъ въ сущности мы другъ противъ друга ничего не имѣли, то и послѣдовало примиреніе, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны, ибо въ расположеніи своемъ къ нему я отнюдь не измѣнилась. Я страстно желаю, чтобъ онъ окончилъ начатыя имъ сочиненія» [1]).

Каковы бы ни были отношенія императрицы Екатерины къ Бецкому въ 1765 — 1766 годахъ, но фактъ тотъ, что выработка подробнаго плана повсемѣстнаго заведенія воспитательныхъ училищъ, возложенная сначала Генеральнымъ учрежденіемъ 12 марта 1764 года на Бецкаго, затѣмъ передана была другимъ лицамъ; на попеченіи же Бецкаго остались лишь отдѣльныя, созданныя имъ, благотворительныя и воспитательныя учрежденія.

Не позже 1767 года императрицѣ былъ представленъ подробный и обстоятельно мотивированный планъ «дѣтскихъ воспитательныхъ академій» или «государственныхъ гимназій». Ни въ текстѣ самаго плана, ни въ сопровождающихъ его двухъ докладахъ имена составителей не обозначены. Но на оберткѣ, въ которой этотъ планъ хранится въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ, есть надпись, гласящая, что планъ составленъ Филиппомъ Дильтеемъ, Герардомъ Миллеромъ, Дюмарескомъ, Тимооеемъ Клингштетомъ и Григоріемъ Тепловымъ [2]). Въ 1768 году частная коммиссія объ училищахъ, собирая для своей работы разные матеріалы. требо-

---

[1]) „Сборникъ Импер. Рус. Истор. Общества“, т. I, стр. 255, 261, 270, 277, 279, 286—287. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, И. И. Бецкой и его система воспитанія (Спб.1 904), стр. 12—13.

[2]) „Матеріалы“,Предисловіе и гл. IV-я.

вала, между прочимъ, отъ Дирекціонной коммиссіи доставленія плана государственныхъ гимназій, составленнаго Клингштетомъ, Миллеромъ, Дюмарескомъ [1]).

Нѣтъ основаній сомнѣваться, что этотъ тщательно обдуманный планъ, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся, дѣйствительно былъ составленъ поименованными выше лицами. Какъ встрѣтились въ данной работѣ Тепловъ, Миллеръ и Дюмарескъ, намъ уже извѣстно. Вновь были привлечены къ ней Филиппъ Дильтей, профессоръ Московскаго университета и педагогъ, представившій императрицѣ въ ноябрѣ 1764 года свой собственный планъ учебной реформы, о которомъ будетъ рѣчь ниже, и Тимофей фонъ-Клингштетъ, вице-президентъ Юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, впослѣдствіи депутатъ въ Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія и дѣятельный членъ частной коммиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ.

Планъ воспитательныхъ академій или государственныхъ гимназій сопровождался двумя докладами: однимъ коллективнымъ, отъ имени всѣхъ составителей плана, другимъ единоличнымъ. Оба они сохранились также безъ подписей ихъ авторовъ. Въ первомъ докладѣ читаемъ: Ваше Величество «высочайше повелѣть намъ соизволили, чтобъ мы представили Вашему Императорскому Величеству планъ для учрежденія во всѣхъ губерніяхъ и знатнѣйшихъ провинціяхъ Имперіи вашей такихъ дѣтскихъ воспитательныхъ академій, въ которыхъ бы съ обученіемъ наукъ и художествъ отъ самой юности дѣти воспитываны были въ страхѣ Божіи и поученіи Его закона, въ познаніи прямыхъ добродѣтелей, яко то: любви ближняго, состраданія бѣдствующимъ, учтиваго и честнаго обхожденія въ обществѣ, милосердія, страннопріимства, любленія къ правдѣ и омерзенія ко всѣмъ порокамъ. Словомъ: все, что человѣка благонравнымъ и полезнымъ дѣлаетъ въ обществѣ, то бы въ сихъ дѣтскихъ академіяхъ съ воспитаніемъ или, лучше ска-

[1]) Дневная записка частной коммиссіи объ училищахъ 17 іюня 1768 г. Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла II Отд. собственной Е. И. В. Канцеляріи, связка № 121.

зать, со вскормленіемъ отъ молодыхъ лѣтъ добрыми воспитателями въ сердце сущимъ еще младенцамъ обоего полу вливаемо было». Изъ этихъ словъ можно заключить, что составленный Тепловымъ и компаніей планъ повсемѣстнаго учрежденія воспитательныхъ училищъ былъ тѣмъ самымъ трудомъ, который первоначально, по Генеральному учрежденію 1764 года, предполагалось возложить на И. И. Бецкаго.

Въ другомъ докладѣ, который, повидимому, представленъ былъ императрицѣ Тепловымъ, подчеркивалось, что составители плана воспитательныхъ училищъ руководствовались въ своей работѣ подробными указаніями самой императрицы. «Ваше Императорское Величество, писалъ авторъ этого доклада, не удовольствовались принять такъ славное намѣреніе и дать высочайшія свои о томъ повелѣнія; но, какъ первая мысль сего знатнаго предпріятія произошла отъ вашей собственной особы, такъ вы же сами соизволили дать и премудрыя распоряженія всему учрежденію сего дѣла. Сей предметъ довольно показался достойнымъ быть произведенъ собственными вашими проницательными разсужденіями, и, хотя соизволили вы разсудить за благо спросить о томъ мнѣнія нѣкоторыхъ людей, на которыхъ отмѣнную способность во всемъ томъ, что́ до учрежденія и до воспитанія юношества касается, совершенно положиться можно, однакожъ имъ иного не осталось сдѣлать, какъ данные на то отъ Вашего Императорскаго Величества проекты распространить и привесть въ надлежащій порядокъ».

Когда именно составленъ былъ планъ «воспитательныхъ академій» или «государственныхъ гимназій», можно опредѣлить лишь съ приблизительной точностью. Составители плана неоднократно ссылаются, какъ на образецъ, на воспитательное училище при Академіи художествъ, учрежденное по уставу 4 ноября 1764 года; слѣдовательно, планъ не могъ быть составленъ раньше начала слѣдующаго 1765 года. Съ другой стороны, онъ явился и не позже первой половины 1768 года, такъ какъ въ іюнѣ этого года частная коммиссія объ училищахъ требовала присылки плана изъ Дирекціонной коммиссіи. Есть основаніе и еще болѣе сузить указанныя хронологическія рамки. Въ сопровождающемъ планъ единоличномъ до-

кладѣ, восхваляющемъ мудрость императрицы, перечисляются важнѣйшіе акты первыхъ лѣтъ ея царствованія и не упоминается ни о наказѣ, ни о созывѣ законодательной коммиссіи. Это даетъ основаніе предполагать, что планъ составленъ былъ не позже конца 1766 года.

Составленный Тепловымъ, Дильтеемъ, Миллеромъ, Клингштетомъ и Дюмарескомъ планъ государственныхъ гимназій, облекавшій въ конкретныя нормы отвлеченные принципы Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года, представляетъ чрезвычайно характерный для своего времени проектъ учебной реформы. Отмѣтимъ пока его основные пункты.

Первый коллективный докладъ составителей плана, излагавшій въ 24-хъ статьяхъ основанія учебной реформы, полагалъ цѣль ея въ томъ, чтобы «со временемъ родители благонравные дѣтямъ своимъ и полезные обществу сограждане происходить могли; ибо они тѣ же основанія въ сердцѣ дѣтямъ своимъ оставлять могутъ, въ которыхъ сами вскормлены и воспитаны, и симъ образомъ преемниками благонравія все ихъ наслѣдіе учинится на вѣки».

На изложенныхъ въ докладѣ основаніяхъ разработанъ былъ подробный «генеральный планъ гимназій или государственныхъ училищъ», представленный императрицѣ при особомъ докладѣ одного изъ составителей плана, по всей вѣроятности, Теплова. Этотъ докладъ содержалъ риторическое восхваленіе различныхъ мѣропріятій императрицы Екатерины за первые годы ея царствованія; среди нихъ учебная реформа должна была воздвигнуться «по истинѣ вѣчнымъ монументомъ таковой премудрости, которая всегдашнее благополучіе будущихъ временъ на благосостояніи нынѣшнихъ утвердить желаетъ».

Проектированныя генеральнымъ планомъ «государственныя гимназіи» представляли оригинальный типъ воспитательно-учебнаго заведенія, совмѣщавшаго задачи низшей, средней и высшей школы. Открытыя для всѣхъ россійскихъ подданныхъ греческаго закона «безъ всякаго различія званія и природы», но исключая крѣпостныхъ, государственныя гимназіи принимаютъ учениковъ въ младенческомъ возрастѣ 5 — 6 лѣтъ и выпускаютъ зрѣлыми юношами по восемнадцатому году. По

примѣру училища при Академіи художествъ, курсъ гимназій состоитъ изъ трехъ классовъ, по четыре года въ каждомъ. «По разности званій и намѣреній учащихся» гимназіи раздѣляются на четыре категоріи: 1) училища для ученыхъ людей, 2) военныя, 3) гражданскія и 4) купеческія. Курсъ младшихъ двухъ классовъ одинаковъ для училищъ всѣхъ четырехъ категорій; курсы старшаго, третьяго класса спеціализируются «сходственно съ родомъ житія, къ которому сіи дѣти себя опредѣляютъ».

Для управленія государственными гимназіями проектировалось особое учебное вѣдомство во главѣ съ протекторомъ или главнымъ попечителемъ, «знатнѣйшей особой», удостоенной особливой довѣренности верховной власти и имѣющей всегда къ императорскому престолу вольный доступъ. При протекторѣ состоитъ совѣтъ директоровъ, назначаемыхъ изъ весьма ученыхъ и въ учебныхъ дѣлахъ искусныхъ людей. Непосредственнымъ начальникомъ каждой гимназіи является ректоръ, основательно ученый и благонравный человѣкъ.

Къ уставу государственныхъ гимназій приложенъ былъ детально разработанный штатъ, по которому стоимость содержанія каждой гимназіи исчислена въ 20,000 руб. ежегодно. На первое обзаведеніе гимназій требовалось единовременно 2,000 руб.

Хотя государственныя гимназіи предназначались для юношества всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ, однако онѣ не могли обслуживать образовательныхъ потребностей массы населенія: въ каждомъ губернскомъ городѣ или «въ которомъ либо изъ знатнѣйшихъ провинціальныхъ городовъ» предполагалось учредить лишь по одному училищу изъ четырехъ вышеуказанныхъ категорій, «смотря потому, какого званія жителей въ губерніи больше числомъ». Сравнительная малочисленность государственныхъ гимназій побудила составителей генеральнаго плана «нѣсколько подумать и о простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтяхъ, въ городкахъ и мѣстечкахъ обитающихъ, какъ ихъ изъ грубаго извлечь незнанія и подать способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ прилично и надобно». Съ этою цѣлью предполагалось устроить во всѣхъ городахъ и

мѣстечкахъ элементарныя «публичныя школы для простого народа», въ которыхъ обязательно обучались бы дѣти всѣхъ жителей, «какого бы званія ни были, не исключая слугъ и работниковъ», въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ. Попеченіе объ этихъ школахъ возлагалось на мѣстные магистраты и на духовенство; послѣднее должно было нести и учительскія обязанности. Эти предположенія объ элементарномъ народномъ образованіи разработаны были въ особомъ, дополнявшемъ генеральный планъ гимназій, проектѣ подъ заглавіемъ: «Всеподданнѣйшее представленіе плана, какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы для простого народа безъ всякаго государственнаго расходу и народнаго отягощенія» [1]).

Въ ожиданіи высочайшей апробаціи и обнародованія генеральнаго плана авторы послѣдняго позаботились составить заблаговременно пространное «предисловіе къ читателю», которое разъясняло публикѣ существо и порядокъ учебной реформы. По словамъ этого предисловія, заведеніе гимназій являлось «ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ и распространеніемъ» Генеральнаго учрежденія 1764 года; цѣль же гимназій заключалась въ томъ, «чтобы принимаемое во оныя училища юношество могло тамъ основательно и совершенно обучаемо быть всѣмъ тѣмъ наукамъ и знаніямъ, къ которымъ они по природной склонности будутъ способны и которыхъ бы употребленіе во всякомъ избранномъ ими впредь званіи неоспоримую имъ приносило пользу и такимъ бы образомъ исправленіе сердца сихъ юношей и просвѣщеніе разума были купно соединены».

Затѣмъ «предисловіе» оправдывало раздѣленіе гимназій на четыре категоріи и разъясняло порядокъ постепеннаго осуществленія реформы. Предполагалось немедленно по апробаціи плана императрицей учредить въ первую очередь два училища, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, «одно для гражданскаго, другое для ученыхъ людей чина». Признавалось возможнымъ открыть оба эти училища въ полномъ объемѣ всѣхъ трехъ классовъ,

[1]) „Матеріалы“, стр. 141—143.

отступивъ, такимъ образомъ, отъ общаго правила, составлявшаго душу всей новой педагогической системы, что полный курсъ гимназій должны проходить только дѣти, принятыя въ нихъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Пріемъ въ старшіе классы учениковъ со стороны принципіально не могъ быть допускаемъ потому, что онъ подрывалъ то единство и непрерывность педагогическаго режима, которыя составляли всю силу послѣдняго.

Возможность существеннаго отступленія отъ этого общаго правила мотивировалась слѣдующими соображеніями. Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, назначенныхъ на прохожденіе курса младшаго класса, учителя высшихъ классовъ останутся «безъ какого либо и наималѣйшаго упражненія»; между тѣмъ нашлись бы дѣти, достигшіе соотвѣтствующаго возраста, которые могли бы съ пользою у этихъ учителей обучаться. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и Московскомъ университетѣ нашлось бы достаточно «дѣтей», подготовленныхъ, «и притомъ благонравныхъ и добраго поведенія», достойныхъ поступить въ высшіе кассы открываемыхъ гимназій. Правда, разсуждали далѣе сочинители предисловія, при такомъ комплектованіи старшихъ классовъ взятыми со стороны учениками «не можно будетъ достичь больше всего желаемаго благонравія въ томъ совершенствѣ и непорочности, каковыхъ по справедливости больше надѣяться можно отъ тѣхъ, которые съ самаго младенчества охранены будутъ отъ всѣхъ злыхъ воображеній и примѣровъ рачительнымъ воспитаніемъ»; однако же, этотъ педагогическій рискъ перевѣшивался желаніемъ скорѣе увидѣть плоды новой системы образованія, дабы внести въ нее дальнѣйшія улучшенія.

Открытіе всѣхъ остальныхъ гимназій должно было совершаться уже на точномъ основаніи генеральнаго плана, при чемъ для перваго, младшаго класса принимался во вниманіе опытъ воспитательнаго училища при Академіи художествъ; въ подробностяхъ же организаціи второго и третьяго классовъ оставлялась извѣстная свобода будущимъ главнымъ начальникамъ гимназій, директорамъ, какъ людямъ «основательно ученымъ и въ школьномъ учрежденіи совершенно знающимъ и искуснымъ». На генеральный планъ государственныхъ гим-

назій, по словамъ предисловія, слѣдовало смотрѣть, какъ на «основаніе сего дѣла», которое требовало еще дальнѣйшей разработки и совершенствованія.

Такъ разрѣшался центральный вопросъ, поставленный Учрежденіемъ 12 марта 1764 года, о повсемѣстномъ основаніи новыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

Въ перспективѣ этой обширной учебной реформы учрежденія, открытыя Бецкимъ, представлялись лишь частными, подготовительными опытами.

Неизвѣстно, какъ отнеслась императрица къ генеральному плану государственныхъ гимназій и по какимъ причинамъ онъ не былъ осуществленъ. Можно предполагать, что императрица отложила то или иное рѣшеніе по данному вопросу до разработки основъ учебной реформы въ законодательной коммиссіи, въ составѣ которой, въ маѣ 1768 года, начала дѣйствовать спеціальная коммиссія объ училищахъ.

Вмѣстѣ съ генеральнымъ планомъ государственныхъ гимназій былъ погребенъ въ архивахъ составленный единолично профессоромъ Филиппомъ Дильтеемъ проектъ учебной реформы подъ заглавіемъ: «Планъ о учрежденіи разныхъ училищъ для распространенія наукъ и исправленія нравовъ» [1]). Проектъ этотъ помѣченъ ноябремъ 1764 года и, по всей вѣроятности, составленъ онъ былъ ранѣе генеральнаго плана гимназій.

Планъ Дильтея обнималъ цѣльную систему народнаго просвѣщенія и распадался на 4 части: 1-я—«о школахъ рабскихъ, какъ о первомъ основаніи добраго воспитанія», 2-я—о школахъ тривіальныхъ, 3-я—о гимназіяхъ и 4-я—объ университетахъ. Самое оригинальное, что́ представлялъ планъ Дильтея—это его «рабскія школы», или училища для крѣпостныхъ дядекъ. Хотя, по словамъ Дильтея, русское дворянство не щадило средствъ для ученія и воспитанія юношества, «въ чемъ Россія предъ прочими государствами высокое имѣетъ преимущество», однако, желаемые успѣхи не достигались, и первую тому причину, «корень испорченнаго

---

[1]) „Матеріалы“, гл. III-я.

воспитанія», Дильтей видитъ «въ худомъ примѣрѣ дядекъ, къ которому дѣти съ малолѣтства привыкаютъ». Рабскихъ школъ Дильтей находитъ нужнымъ учредить двѣ: одну въ Москвѣ, другую въ Петербургѣ, съ комплектомъ учениковъ по 100 человѣкъ въ каждой; въ Москвѣ школа состоитъ подъ покровительствомъ университета, въ Петербургѣ—Академіи наукъ.

Собственно система просвѣщенія слагается по плану Дильтея изъ училищъ трехъ степеней: школъ тривіальныхъ, гимназій и университетовъ. Школы тривіальныя имѣютъ цѣлью преподавать элементарное образованіе, а также «добропорядочнаго житія правила» какъ благороднымъ, такъ и купеческимъ «и другимъ не подлаго состоянія, дѣтямъ». Тривіальныя школы подготовляютъ молодежь къ гимназіямъ, состоящимъ изъ 4-хъ классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, и открытымъ также для юношества всѣхъ состояній кромѣ крѣпостныхъ. И тривіальныя школы и гимназіи находятся въ вѣдѣніи университетовъ, или подъ особливымъ покровительствомъ губернаторовъ. По разсчету Дильтея надлежало учредить на всю Россію 21 школу тривіальную и 9 гимназій. Кромѣ Московскаго Дильтей предлагалъ учредить два новыхъ университета, въ Малороссіи—въ Батуринѣ, и въ Лифляндіи—въ Дерптѣ. Организуются университеты по обычной германской схемѣ, въ составѣ 4-хъ факультетовъ: философскаго, юридическаго, медицинскаго и богословскаго; лишь по окончаніи двухгодичнаго курса философскаго факультета открывается доступъ въ факультеты спеціальные. Высшее управленіе всѣми училищами, отъ тривіальныхъ школъ до университетовъ, сосредоточивается въ рукахъ особаго «куратора, который бы былъ при дворѣ и назывался куратором общимъ и всѣ учрежденія сихъ училищъ имѣлъ бы подъ своей командою».

Таковъ былъ въ главныхъ пунктахъ планъ системы народнаго просвѣщенія, предложенный профессоромъ Дильтеемъ. Былъ ли этотъ планъ представленъ императрицѣ и какое онъ встрѣтилъ къ себѣ отношеніе, неизвѣстно. Самъ Дильтей имѣлъ серьезное намѣреніе открыть училище для крѣпостныхъ дядекъ

на свой страхъ. Онъ даже купилъ съ этою цѣлью домъ, приглашалъ учителей и объявилъ цѣну за ученье въ 60 руб. сер. въ годъ, исключая одежду и книги. Но, повидимому, училище это не было открыто [1]).

Итакъ, вслѣдъ за Генеральнымъ учрежденіемъ о воспитаніи обоего пола юношества, своего рода манифестомъ, возвѣщавшимъ новую эру въ политикѣ народнаго просвѣщенія, послѣдовалъ рядъ записокъ и проектовъ, въ которыхъ широко разрабатывался вопросъ объ общей учебной реформѣ. Къ сожалѣнію, не все ясно въ исторіи этихъ проектовъ: кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ они были составляемы, въ какой послѣдовательности возникали, какъ отнеслась къ нимъ императрица, если только всѣ они были ей представлены, почему, наконецъ, не получили дальнѣйшаго движенія. На этотъ послѣдній вопросъ всего правильнѣе, кажется, будетъ отвѣтить предположеніемъ, что созывъ большой законодательной коммиссіи, которая должна была, между прочимъ, заняться и вопросомъ о народномъ просвѣщеніи, побудилъ отложить въ сторону всѣ предшествующіе проекты.

IV.

Дѣятельность Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія оставила видный слѣдъ въ исторіи разработки вопроса о новой учебной системѣ. Выдѣленная изъ состава большого собранія «Частная коммиссія объ училищахъ и призрѣніи требующихъ» составила рядъ детальныхъ проектовъ низшаго и средняго образованія; образованіе высшее осталось едва затронутымъ. Прежде чѣмъ обратиться къ исторіи этихъ проектовъ, необходимо показать, какіе мотивы внесены были въ постановку вопроса о новой учебной системѣ большимъ Наказомъ императрицы Екатерины съ одной стороны, депутатскими наказами—съ другой.

Вопросу о народномъ образованіи посвящена XIV-я глава большого Наказа, озаглавленная «О воспитаніи» (ст.ст. 347—

---

[1]) *Шевыревъ*, Исторія Импер. Москов. университета, стр. 191.

356). Н. Д. Чечулинъ, подробно изучившій рукописи Наказа, свидѣтельствуетъ, что эта глава сохранилась въ единственномъ текстѣ, вошедшемъ, съ однимъ несущественнымъ исправленіемъ, въ окончательную редакцію Наказа; ни чернового наброска этого текста, ни дальнѣйшей обработки его нѣтъ. «Сколько-нибудь точно установить, говоритъ далѣе г. Чечулинъ, когда и въ какомъ именно видѣ вошли въ Наказъ главы о воспитаніи, о дворянствѣ, о среднемъ родѣ людей и о городахъ, мы не можемъ; несомнѣнно, что онѣ вошли раньше главы X-ой: Бибиковъ и Сумароковъ читали еще Наказъ до того, какъ онъ былъ пополненъ этими главами» [1]). Въ первыхъ трехъ статьяхъ XIV-й главы, заимствованныхъ изъ Монтескье, отмѣчено значеніе правилъ воспитанія, какъ «первыхъ основаній, пріуготовляющихъ насъ быть гражданами», затѣмъ высказана весьма неопредѣленная мысль, что «каждая особенная семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя» и, наконецъ, признана невозможность «дать общее воспитаніе многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ». Далѣе слѣдуетъ въ 3-хъ пунктахъ (ст.ст. 351 — 354) «нѣсколько общихъ правилъ могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ»; эти краткія правила затрагиваютъ исключительно вопросы нравственнаго воспитанія дѣтей. Заканчивается XIV-я глава цитатой изъ Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года; это извлеченіе должно служить «наставленіемъ всякому особо человѣку..., какъ служащее общимъ правиломъ уже установленнымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу». Цитированъ же былъ изъ Генеральнаго учрежденія одинъ абзацъ, очерчивавшій кругъ «добродѣтелей и качествъ», воспитывать которыя въ юныхъ поколѣніяхъ должны были проектированныя тогда «воспитательныя учрежденія».

Сопоставляя XIV-ю главу Наказа съ Генеральнымъ учре-

---

[1]) Наказъ Императрицы Екатерины II, („Памятники рус. законодательства 1649—1832 гг., изд. Импер. Академіи наукъ, вып. II подъ редакціей Н. Д. Чечулина), стр. LII, LXXVII—LXXIII, CI, CV, CXX, CXXI.

жденіемъ 12 марта 1764 года, можно замѣтить, что теперь, въ Наказѣ, центръ тяжести проблемы воспитанія переносится на *домашнее воспитаніе*, тогда какъ Генеральное учрежденіе возлагало преувеличенныя надежды на *государственныя школы*. Теперь Екатерина, какъ будто, отказывается отъ увлеченія этой прежней идеей и принимаетъ мысль Монтескье, что «невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ». Этой перемѣной точки зрѣнія, вѣроятно, объясняется, почему вопросъ о системѣ воспитанія, въ смыслѣ системы государственныхъ школъ, такъ слабо затронутъ былъ въ Наказѣ. О школахъ Екатерина упомянула еще въ двухъ мѣстахъ. Въ главѣ XVI-й — «О среднемъ родѣ людей» — къ послѣднему отнесены «всѣ тѣ, кои выходить будутъ, не бывъ дворянами, изо всѣхъ Нами и предками Нашими учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія» (ст. 381). Въ первоначальной редакціи XVI-й главы училища, изъ которыхъ должны выходить средняго рода люди, перечислены подробно: «кои выходить имѣютъ изъ академіи наукъ, изъ семинарій, изъ академіи художествъ, изъ университета, изъ воспитательнаго дома» и т. д. [1]). Наконецъ, въ дополнительной XXII-й главѣ — «О государственномъ строительствѣ» или «камерномъ правленіи» — въ числѣ «предпріятій, касающихся до пользы общей» и составляющихъ 3-ю группу «государственныхъ надобностей», упомянуто «учрежденіе училищъ».

Итакъ, большой Наказъ лишь мелькомъ коснулся вопроса о новой системѣ народнаго просвѣщенія, по которому уже имѣлась серія проектовъ, и не далъ какой либо новой директивы для дальнѣйшей законодательной разработки этого вопроса. Обратимся теперь къ депутатскимъ наказамъ, въ которыхъ русское общество впервые получало возможность систематически изложить свои потребности въ области просвѣщенія.

Изъ 158 дворянскихъ наказовъ лишь 35 упоминали такъ

---

[1]) „Наказъ“, подъ ред. Н. Д. Чечулина, стр. CI.

или иначе о школахъ. Въ большинствѣ случаевъ эти наказы выражали, конечно, пожеланіе объ учрежденіи школъ для однихъ только дворянъ. Многіе наказы (Водской, Обонежской, Бѣжецкой пятинъ, Тверской, Смоленскій, Галицкій, Костромской, Любимовскій, Калужскій, Серпуховскій, Верейскій, Алаторскій, Курскій, Бѣлгородскій) особенно подчеркивали при этомъ необходимость школъ для бѣдныхъ дворянъ, школъ, содержимыхъ полностью или частью на государственный счетъ. Какого рода школы желательны, большинство перечисленныхъ наказовъ не опредѣляло и ограничивалось общимъ указаніемъ, что бѣдные дворяне лишены иногда элементарнаго образованія и что школы необходимы для подготовки дворянъ къ службѣ [1]). По наказамъ Московскому, Нѣжинскому, Переяславскому, Черниговскому и Бѣлевскому [2]) желательнымъ для дворянства типомъ сословной школы являлся кадетскій корпусъ, какъ училище воспитательное и готовящее къ военной и гражданской службѣ. Тульское дворянство, благодаря императрицу за ея заботы о наукахъ, «принадлежащихъ не токмо къ благородному шляхетству, но и простирающихся до всѣхъ разночинцевъ», просило объ учрежденіи «небольшихъ гимназій» не только для изученія «посредственныхъ наукъ», но и для дальнѣйшаго ихъ окончанія въ университетѣ [3]). Лифляндское дворянство поручало «крайнему попеченію и рачительству» своего депутата хлопотать о возстановленіи бывшей въ шведскія времена академіи или «еще болѣе общеполезной гимназіи» (noch mehr gemeinnützigen Gimnasii) [4]).

---

[1]) „Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ“., IV, стр. 246, 287, 289, 297, 362, 381; XIV, 257, 262, 327, 330, 359, 422, 433, 489, 495; LXVIII, 116, 549, 658. Костромской наказъ говорилъ о школахъ для воспитанія и элементарнаго обученія грамотѣ, математикѣ и чужестраннымъ языкамъ, Калужскій— о воспитаніи, элементарномъ обученіи и особенно о чтеніи законовъ, Дорогобужскій—объ обученіи ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи „съ прочими до общества касающимися частями“.

[2]) Ib., IV, 231; LXVIII, 137, 151, 236, 610. Нѣжинскій и Чернигов. наказы говорили о дворянскомъ корпусѣ, какъ школѣ воспитательной и готовящей къ военной и штатской службѣ; Бѣлевскій нак. имѣлъ въ виду только военно-профессіональную школу, въ которой преподаются: „фортификація, инженерія, артиллерія, архитектурія“.

[3]) Ib., IV, 405—406.

[4]) Ib., LXVIII, 72.

Наиболѣе широкія пожеланія были высказаны малороссійскимъ дворянствомъ; кромѣ кадетскихъ корпусовъ, оно хлопотало о заведеніи училищъ для благородныхъ дѣвицъ и объ учрежденіи университета въ Малороссіи (наказы Глуховскій, Переяславскій, Кіевскій, Нѣжинскій, Стародубскій) [1]).

Такъ какъ главною цѣлью образованія для дворянъ было приготовленіе къ государственной службѣ, то въ нѣкоторыхъ наказахъ выставлено требованіе особыхъ служебныхъ льготъ для образованныхъ дворянъ: обученныхъ грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи и географіи производить прямо въ оберъ-офицеры или экзаменовать ихъ наравнѣ съ выпускаемыми изъ шляхетскаго корпуса кадетами. Дворяне выражали надежду, «что если вышеописанное вступленіе въ службу по достоинствамъ и наукамъ узаконено будетъ, то Россія увидитъ вскорѣ не токмо въ городахъ, но и въ деревняхъ воспитательныя училища, основанныя по общему согласію дворянъ на собственномъ иждивеніи» [2]).

Немногіе дворянскіе наказы коснулись также образовательныхъ потребностей другихъ сословій. Серпуховскій наказъ говорилъ о школахъ для обученія какъ для дворянскихъ, такъ и приказныхъ и купеческихъ дѣтей грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи, нѣмецкому и французскому языкамъ [3]). Сумскіе дворяне желали учрежденія въ ихъ городѣ двоякаго рода училищъ: «первое — для благороднаго дворянства, второе — для церковническихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и прочихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ Императорскомъ университетѣ и въ городскихъ прочихъ училищахъ предписано» [4]). О школахъ для сельскаго населенія говорили только наказы Копорскаго и Ямбургскаго

---

[1]) Ib., LXVIII, 130, 137, 150, 176, 193, 236. Ахтырское дворянство желало расширить курсъ Харьковскаго коллегіума введеніемъ преподаванія новыхъ языковъ, математики, инженерства, артиллеріи и геодезіи. Ib., 257.

[2]) Ib., IV, 362; XIV, 275, 346. Офицеры Самарскаго гусарскаго полка просили для своихъ дѣтей, кончившихъ курсъ кадетскаго корпуса и университета, одинаковыхъ съ прочими дворянами правъ. XCIII, 54.

[3]) Ib., IV, 363.

[4]) Ib., LXVIII, 276.

(С.-Петербургской губерніи) дворянства: въ этихъ наказахъ предлагалось учредить при церквахъ элементарныя школы для крестьянскихъ дѣтей, «дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ» [1]). Въ наказахъ Крапивенскомъ и Псковскомъ предлагалось поручить обученіе простаго народа духовенству, причемъ Псковскій наказъ особенно настаивалъ на необходимости поднять уровень образованія самого духовенства [2]).

Въ депутатскихъ наказахъ отъ городского населенія на первомъ планѣ стояли интересы высшаго слоя этого населенія, купечества, и въ большинствѣ городскихъ наказовъ, касавшихся вопроса о школахъ, выражалось пожеланіе о заведеніи школъ именно для купечества. Таковы наказы городовъ: Москвы, Твери, Соликамска, Тотьмы, Вологды, Вязьмы, Елисаветграда. Эти школы должны были, естественно, имѣть по составу своего курса профессіональный характеръ. Тверской наказъ намѣчалъ въ проектируемомъ имъ училищѣ для купеческихъ дѣтей широкій кругъ общеобразовательныхъ предметовъ, изучаемыхъ, однако, «такимъ способомъ, который бы званію купца соотвѣтствовалъ». Вяземскій наказъ на первомъ мѣстѣ ставилъ профессіональныя знанія, но допускалъ обученіе купеческихъ дѣтей «по желанію и другимъ наукамъ» [3]).

Въ другихъ городскихъ наказахъ, въ которыхъ пожеланія о школахъ исходили отъ духовенства и приказныхъ людей, этимъ школамъ усваивался общеобразовательный и всесословный характеръ. Такъ духовенство Бѣжецкаго Верха, хлопоча объ устройствѣ школъ для своихъ дѣтей, допускало въ этихъ школахъ по желанію обучаться «и изъ другихъ чиновъ грамматикѣ и ариѳметикѣ». «Градскіе жители» Новгорода «за бѣдностію» просили «всемилостивѣйшаго вспоможенія о учрежденіи казенной, яко въ губернскомъ городѣ, школы и учителей, въ которую-бъ для ученія принимаемы

---

[1]) Ibid., XIV, 244, 249.
[2]) Ibid., VIII, 557; XIV, 395.
[3]) Ibid., CXIII, 134; CVII, 50, 432, 453, 537; CXXIII, 390. Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла II Отд. Е. И. В. Канцеляріи, связка 217: извлеченія изъ наказовъ отъ городовъ Вязьмы, Елисаветграда.

были купецкіе и другихъ чиновъ жителей дѣти. О заведеніи элементарныхъ и среднихъ общеобразовательныхъ и всесословныхъ школъ говорили наказы Сердоболя, Воронежа (отъ приказныхъ и консисторскихъ приказныхъ), Бѣлгорода [1]).

Изъ всѣхъ городскихъ наказовъ по полнотѣ содержанія и систематичности плана выдѣлялся особенно наказъ Архангельска. Въ этомъ наказѣ вопросу о школахъ посвящены цѣлыхъ двѣ главы: третья глава первой части, описывающая «нужды и недостатки, въ потребныхъ гражданскому сожитію обученіяхъ происходящіе», и третья глава второй части, излагающая «прошеніе о поправленіи архангелогородскаго гражданства заведеніемъ школъ». Школы, о которыхъ хлопотали архангелогородскіе граждане, раздѣлялись на двѣ категоріи: школы элементарныя «для первыхъ дѣтскихъ обученій грамотѣ и христіанскому благочестію» и школа высшаго типа для преподаванія «ученій и языковъ, въ которыхъ купечество нужду чувствуетъ» [2]).

Городское населеніе прибалтійскаго края просило объ учрежденіи университета или о возстановленіи бывшей нѣкогда въ Лифляндіи академіи, причемъ о мѣстѣ учрежденія этой академіи возникло соперничество между Дерптомъ и Перновомъ. Въ наказѣ дерптскихъ гражданъ изложена была всеподданнѣйшая просьба, «чтобы въ случаѣ возстановленія въ Лифляндіи бывшей прежде сего академіи оная, кромѣ Дерпта, въ другомъ мѣстѣ учреждена не была». Съ такимъ же притязаніемъ выступила «большая гильдія» Пернова, подробно объяснявшая преимущества этого города передъ Дерптомъ для устройства высшей школы [3]).

Изъ наказовъ отъ различныхъ разрядовъ сельскаго населенія пожеланія о школахъ и другихъ средствахъ просвѣщенія заявлены только въ наказахъ Азовскаго казацкаго войска и

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, связка 217 (наказы отъ Сердоболя, Воронежа, Бѣлгорода).

[2]) Съ пожеланіемъ такихъ школъ архангельскіе граждане выступали раньше въ Комиссіи о коммерціи 1764 г. Наказъ г. Архангельска см. „Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ“., т. CXXIII, 463—464.

[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣло II Отд. Е. И. В. Канцеляріи, связка № 217: извлеченіе изъ городскихъ наказовъ Лифляндской губерніи.

засѣчныхъ сторожей двухъ деревень Московской губерніи (Лихвинскаго и Козельскаго уѣздовъ). Казаки Азовскаго коннаго полка желали имѣть школу «для обученія грамотѣ того полку чиновныхъ и казацкихъ дѣтей», которыхъ приходилось опредѣлять въ службу неграмотными. Тожественные наказы засѣчныхъ сторожей выражали такое пожеланіе: «желаемъ, чтобъ мы и потомки наши прибѣжными всегда обращались къ церкви Божіей, а для сего необходимо за нужное находимъ достиженіе въ жизни, оставшихъ вѣка сего дней, наукъ и наставленія богоугоднымъ дѣламъ, т. е. духовнымъ, а при томъ и свѣтскимъ и благосостоянія, а къ отвращенію и вѣчному забвенію худыхъ и беззаконныхъ дѣлъ, коихъ хотя и не оказывается, но къ предосторожности отъ того впредь нужны есть наставники, суть и учители духовные и свѣтскіе, довольно знающіе законы и добрыя поведенія» [1]).

Весьма поверхностно коснулись вопроса о народномъ образованіи наказы присутственныхъ мѣстъ, центральныхъ и областныхъ. Сенатскій наказъ въ главѣ «о государственныхъ нуждахъ вообще» (§ 8) ограничился такимъ краткимъ и безцвѣтнымъ разсужденіемъ: «неоспоримо, что большая половина людей въ отдаленныхъ отъ столицъ провинціяхъ и донынѣ пребываютъ еще во тьмѣ невѣжества. Сколь сіе вредно, о томъ никто не усумнится; но если разобрать, отчего оное происходитъ, ясно оному увидимъ причину ту, что нигдѣ почти по городамъ или губерніямъ порядочныхъ школъ нѣтъ, въ которыхъ бы юношество могло обучаться благопристойнымъ для каждаго званія наукамъ или художествамъ; и для того нужно о семъ быть учрежденію» [2]). «Главная Полиція», считая одною изъ своихъ функцій «вкорененіе въ сердца гражданъ страха Божія», выражала пожеланіе, «дабы училища страха и закона Божія не для однихъ приготовляющихся въ духовные чины, но и для всѣхъ вообще приведены были въ желаемое состояніе, ибо страхъ Божій, рождающій въ сердцѣ человѣческомъ добродѣ-

---

[1]) Ibid., CXV, 95. Извлеченіе изъ наказа Азовскаго казацкаго коннаго полка, Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла II Отд. собств. Е. И. В. Канцеляріи, связка 217.

[2]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. XLIII, стр. 6.

тель, не требуетъ строгости законовъ»; въ частности, надлежало, по мнѣнію Главной Полиціи, «гражданскихъ и военныхъ законовъ по книгамъ учить при словесныхъ наукахъ, обще съ законами о вѣрѣ, дабы съ младенчества каждому, умѣющему грамотѣ, всѣ правы извѣстны были» [1]). Главный магистратъ констатировалъ, что предписанныхъ Генеральнымъ регламентомъ школъ для обученія читать, писать и ариѳметикѣ «ни въ одномъ городѣ не сдѣлано». Магистратъ указывалъ, что по содержанію XX-ой и XXI-ой главъ регламента, между прочимъ, о школахъ «для обученія купеческихъ дѣтей» имъ «учинено было опредѣленіе», представленное Сенату, но послѣднимъ не апробованное. Магистратъ и поручалъ своему депутату «взнести» помянутое опредѣленіе «къ постановленію закона» [2]). Въ наказѣ Св. Синода, въ главѣ «о исправленіи мірскихъ людей» говорилось только о духовномъ просвѣщеніи паствы средствами церковнаго учительства и «для утвержденія россійскаго юношества въ вѣрѣ» испрашивалось подтвержденіе указа 1743 года «о обученіи россійскому дворянству и разнаго чина людямъ дѣтей своихъ изъ младыхъ лѣтъ прямого знанія катихизиса, также и другія церковныя книги читать, чрезъ чтобъ они отъ развратниковъ себя охранить могли» [3]). Къ синодскому наказу были приложены «пункты» отъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ архіереевъ (Гавріила архіепископа С.-Петербургскаго, Аѳанасія Ростовскаго, Сильвестра Переяславскаго, Порфирія Бѣлградскаго), а также отъ малороссійскихъ епархій и монастырей. Изъ поименованныхъ архіереевъ одинъ только Аѳанасій Ростовскій отнесся съ большимъ вниманіемъ къ вопросу о народномъ образованіи и представилъ хотя краткій, но вполнѣ опредѣленный планъ обязательнаго обученія крестьянскихъ дѣтей духовенствомъ [4]). Наконецъ, малороссійское духовенство, подробно распространявшееся исключительно о своихъ мѣстныхъ интересахъ и нуждахъ, хлопотало о новыхъ средствахъ

---

[1]) Ibid., 301—302, 355.
[2]) Ibid., 243.
[3]) Ibid., 50—52, 90, 99, 142.
[4]) Ibid., 421—422.

къ поддержанію высшихъ духовныхъ школъ, Кіевской академіи и Черниговскаго коллегіума [1]).

Единственно компетентнымъ учрежденіемъ, могущимъ широко и систематично выдвинуть вопросъ о народномъ образованіи, была Академія наукъ. Послѣдняя такъ именно и поняла задачу своего наказа. Опуская свои собственныя нужды, она рѣшила говорить «о пользѣ, вообще проистекающей отъ наукъ, и тѣмъ болѣе Академія къ оному обязанною себя признаетъ, что ни отъ одного ученаго мѣста, кромѣ нашего, депутатовъ не требовано». По мнѣнію Академіи, необходимо было «завести» полную систему училищъ: нижнихъ, то-есть гимназій, и верховныхъ, т. е. университетовъ. «Какъ тѣ, такъ и другія въ государствѣ нужны, и послѣднія безъ подкрѣпленія первыхъ никакъ устоять не могутъ, а первыя безъ послѣднихъ ожидаемой отъ наукъ не произведутъ пользы». Низшее, собственно народное образованіе, Академія какъ бы оставляла въ сторонѣ на томъ основаніи, что «самыя начальныя училища», будто бы, «какъ въ деревняхъ, такъ и во всѣхъ городахъ въ каждомъ почти приходѣ находятся». Въ подробное разсмотрѣніе общей системы училищъ Академія не вошла, такъ какъ имѣла «не болѣе полугода на сочиненіе столь важное для государства», и обѣщала всѣ свои труды и стараніе употребить на сочиненіе плана, «въ которомъ ясно будетъ показано, гдѣ и на какомъ основаніи надлежитъ завести училища». Дальнѣйшіе пункты академическаго наказа касались вопросовъ объ учителяхъ чужестранцахъ, о правѣ перепечатки чужихъ трудовъ, о цензурѣ, объ увольненіи служащихъ въ Академіи отъ постоя, о необходимости упомянуть въ проектѣ новаго Уложенія о выгодахъ и преимуществахъ людей ученыхъ, учащихъ и учащихся [2]).

---

[1]) Ibid., 90, 99, 527 и слѣд.

[2]) Ibid., стр. 371 — 373. Графъ Д. А. Толстой въ статьѣ „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи“ упоминаетъ о представленныхъ Академіей въ большое собраніе Коммиссіи „статьяхъ, содержащихъ въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ“, въ частности, предложеніе создать центральный органъ учебной администраціи („Сборн. отд. рус. яз. и словесности“, т. XXXVIII, № 4, стр. 75—76). Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти этихъ статей по ссылкѣ гр. Толстого въ дѣлахъ Коммиссіи.

Изъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ заявили пожеланія объ учрежденіи училищъ нѣкоторыя воеводскія канцеляріи: Верейская, Малоярославецкая, Перемышельская, Пошехонская, Новгородская, Пусторжевская, Опочецкая, Островская, Гдовская, Великолуцкая. Однѣ изъ нихъ указывали на необходимость устройства всесословныхъ общеобразовательныхъ училищъ для дворянъ, особенно бѣдныхъ, купцовъ и гражданъ; другія останавливались на учрежденіи элементарныхъ школъ для крестьянскаго населенія обоего пола, поручаемыхъ попеченію и руководству приходскаго духовенства. Наконецъ, въ «пунктахъ», представленныхъ астраханскимъ губернаторомъ обращалось вниманіе на положеніе бобылей, которые «единственно оставляются уже къ собственному купцовъ услуженію», почему и «должно купечество съ разночинцами имѣть о нихъ всякое попеченіе; неотмѣнно должно имѣть въ каждомъ мѣстѣ для дѣтей порядочныя школы, въ которыхъ и бобыльскихъ малолѣтковъ во время городского содержанія обучать россійской грамотѣ и закону Божіему» [1]).

Такъ въ общей массѣ депутатскихъ наказовъ и «пунктовъ» отъ сословій и учрежденій вопросъ о народномъ образованіи не получилъ той широкой и видной постановки, какой требовала его историческая важность, и былъ заслоненъ болѣе острыми интересами и потребностями преимущественно матеріальнаго характера. Но и въ узкихъ рамкахъ сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ, въ отдѣльныхъ немногочисленныхъ, сравнительно, наказахъ успѣли, до извѣстной степени, отразиться нѣкоторыя очередныя задачи народнаго образованія, какъ онѣ были исторически подготовлены ко второй половинѣ XVIII столѣтія: осуществленіе широкаго плана элементарнаго образованія народной массы, заведеніе всесословныхъ общеобразовательныхъ среднихъ школъ, дальнѣйшее развитіе высшаго образованія, сосредоточеніе управленія учебнымъ дѣломъ въ рукахъ спеціальнаго государственнаго вѣдомства.

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла II Отд. собственной Е. И. В. Канцеляріи, связка № 217. Остается упомянуть еще о предложеніи Пошехонской воеводской канцеляріи учредить въ городѣ казенную библіотеку для продажи книгъ какъ на русскомъ, такъ и на иностранномъ языкахъ.

Повліяли ли изложенныя въ депутатскихъ наказахъ пожеланія по вопросамъ народнаго просвѣщенія на практическую постановку послѣднихъ въ работахъ Коммиссіи? Сохранились отмѣтки о времени, когда въ коммиссіи по разбору наказовъ были сдѣланы соотвѣтствующія выписки и свѣрены съ подлинниками [1]). Эта работа по составленію выписокъ изъ наказовъ, касающихся вопроса о народномъ образованіи, была продѣлана въ слѣдующемъ порядкѣ: выписки изъ дворянскихъ наказовъ помѣчены 3 декабря 1767 года, изъ наказовъ центральныхъ присутственныхъ мѣстъ—8 и 10 марта 1768 года, изъ наказовъ засѣчныхъ сторожей—19 іюня того-же года, изъ городскихъ наказовъ 22 августа того-же года, изъ воеводскихъ канцелярій—7 и 9 сентября 1770 года. Въ полномъ видѣ всѣ эти выписки, очевидно, не были извѣстны большому собранію Коммиссіи; онѣ могли послужить матеріаломъ только для частной коммиссіи объ училищахъ. Чтеніе отдѣльныхъ наказовъ въ большомъ собраніи ограничилось немногими наказами отъ крестьянъ и инородцевъ, не содержавшими какихъ-либо пожеланій относительно училищъ.

Вопросъ о народномъ образованіи, все-таки, былъ затронутъ въ большомъ собраніи, хотя и не въ формѣ систематическаго обсужденія какого-либо опредѣленнаго плана. Первыми коснулись даннаго вопроса, при обсужденіи законовъ о дворянствѣ, дворянскіе депутаты, ограничившіеся узко сословными пожеланіями. Депутатъ Кашинскаго дворянства высказалъ мнѣніе о «крайней необходимости», въ цѣляхъ «поддержанія дворянскаго достоинства», учредить второй шляхетный корпусъ въ Москвѣ по образцу Петербургскаго; для собранія необходимыхъ средствъ онъ предлагалъ установить особый всесословный сборъ со вступающихъ въ бракъ. Съ послѣднимъ предложеніемъ не согласился графъ А. Строгановъ, который находилъ, что учрежденное для бѣдныхъ дворянъ училище должно содержаться на средства дворянства-же. Депутатъ Бѣльскаго

---

[1]) Эта коммиссія была избрана 14 августа 1767 г. „Сборн. Рус. Ист. Общ.“, IV, стр. 67. Выписки изъ наказовъ объ училищахъ въ Архивѣ Госуд. Совѣта, дѣла II Отд. Е. И. В. Канцеляріи, связка № 217.

дворянства просилъ о предоставленіи служебныхъ преимуществъ дворянамъ, получившимъ домашнее образованіе (въ иностранныхъ языкахъ, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи). Князь М. М. Щербатовъ, при обсужденіи вопроса о сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, предлагалъ «учредить въ главныхъ городахъ Сибири школы нужнѣйшихъ наукъ, дабы въ эту страну сколь возможно проникало просвѣщеніе»; изъ этихъ школъ способнѣйшіе ученики должны быть присылаемы въ академію наукъ и въ университетъ [1]).

При обсужденіи законовъ о купечествѣ депутатъ Любимскаго дворянства Толмачевъ предлагалъ учредить для мѣщанъ въ городахъ училища для обученія русской грамотѣ и «изъясненія государственныхъ законовъ», съ учителями изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ или приказныхъ, въ большихъ-же городахъ учредить высшія училища для обученія нѣмецкому и англійскому языкамъ и мореплаванію. Никакого отклика это предложеніе депутата Толмачева со стороны его коллегъ не встрѣтило. Мнѣніе о необходимости образованія для городского населенія высказано было и самими представителями послѣдняго. Такъ депутатъ города Симбирска Ларіоновъ считалъ «за нужнѣйшее» и «великое дѣло», «чтобы купеческія дѣти были ученыя»; объемъ образованія для нихъ долженъ опредѣляться профессіональными цѣлями: ариѳметика нужна «для вычисленія счетовъ», навигація—въ виду открытія новыхъ портовъ на Тихомъ океанѣ; иностранные языки и бухгалтерія полезны потому, что «дѣти русскаго купечества уже выписываютъ изъ Европы разные товары, но, не зная иностраннаго языка, отдаютъ письма свои другимъ для перевода». Депутатъ Ларіоновъ шелъ дальше и упомянулъ въ своемъ мнѣніи о важности элементарнаго обученія крестьянскаго населенія священниками и о распространеніи образованія среди инородцевъ. О своихъ сословныхъ образовательныхъ интересахъ успѣли заявить устами своего представителя уфимскіе и оренбургскіе казаки. Депутатъ уфимскаго казацкаго войска Бурцевъ ссылался на манифестъ 15 декабря 1763 года и

---

[1]) „Сборн. Рус. Ист. Общ.“, т. IV, 161, 171—175, 209.

ходатайствовалъ о предоставленіи дѣтямъ казаковъ нѣкотораго числа казенныхъ вакансій въ Казанской гимназіи. Бурцевъ указывалъ при этомъ не только на профессіональную цѣль— приготовленіе къ государственной службѣ, но и на общеобразовательную: «чрезъ это (обученіе дѣтей казаковъ въ гимназіи), безъ сомнѣнія, окажется добронравіе, благопристойность и размноженіе ученыхъ во всѣхъ частяхъ столь пространнаго государства»; «въ разсужденіи того, чтобы чрезъ обученіе достигнуть себѣ похвалы и чести, а по заслугѣ и преимущества, всякій прилежать будетъ болѣе къ наукѣ, а чрезъ науку родится соблюденіе законовъ» [1]).

Всѣ эти заявленія депутатовъ о профессіональныхъ и общеобразовательныхъ школахъ для дворянства, купечества, казаковъ въ сущности резюмировали соотвѣтствующія пожеланія сословныхъ депутатскихъ наказовъ, общая картина которыхъ не была представлена большому собранію Коммиссіи. Противъ желанія дворянъ, купечества, казаковъ имѣть для своихъ дѣтей тѣ или другія школы, конечно, никто по существу не возражалъ. Иначе встрѣчена была попытка возбудить вопросъ о школахъ для крестьянскаго населенія. Эта попытка вызвала оживленныя пренія, коснувшіяся нѣкоторыхъ принципіальныхъ сторонъ даннаго вопроса.

Въ засѣданіи 2 мая 1768 года депутатъ отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи Ив. Жеребцовъ высказалъ мнѣніе, что по силѣ 158 ст. Большого Наказа необходимо «во всѣхъ школахъ учить дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержатъ», «отъ чего можетъ воспослѣдовать общественная великая польза по такой причинѣ, понеже тѣ же ученые люди для государственныхъ надобностей, такъ и вотчинному правленію, могутъ быть завсегда способны; для содержанія такихъ «дѣтскихъ школьныхъ ученій» надлежало бы, по мнѣнію Жеребцова, въ знатныхъ селеніяхъ завести торги, а къ малымъ приписать государственныхъ крестьянъ тысячъ по три или четыре душъ. Противъ этого предложенія возсталъ съ

---

[1]) Ibid., VIII, 36—37; XIV, 201—202, 116—117.

большою рѣзкостью депутатъ города Пензы Любавцевъ, по мнѣнію котораго какъ для пахотныхъ солдатъ, такъ и вообще для государственныхъ крестьянъ, «учрежденныхъ для нихъ училищъ совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцу другихъ наукъ, состоянію ихъ непринадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ россійской грамоты, и то по собственному чьему изъ нихъ желанію, которые могутъ оные имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и донынѣ оное было». Для науки же въ видахъ государственной пользы, прибавлялъ не безъ ироніи Любавцевъ, Россія «по благости Господней имѣетъ весьма довольно, и окромѣ хлѣбопашцевъ, другихъ родовъ, по состоянію ихъ къ тому приличныхъ». Возраженіе Любавцева, въ свою очередь, встрѣтило отпоръ, прежде всего, со стороны самого Жеребцова, а также другого депутата отъ пахотныхъ солдатъ (Пензенской провинціи) Селиванова. Оба они доказывали, что соображенія Любавцева противорѣчатъ разуму великихъ правилъ большого Наказа, и что просвѣщеніе полезно какъ для купечества, такъ и для крестьянъ. Предложеніе Жеребцова поддержалъ депутатъ Серпейскаго дворянства графъ А. Строгановъ, указавшій, до какихъ «бѣдствъ» и «свирѣпствъ» по отношенію къ помѣщикамъ доводитъ крестьянъ ихъ невѣжество; когда же крестьяне «изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностью и вольностью». Къ мнѣнію гр. Строганова горячо примкнулъ депутатъ Клинскаго дворянства Орловъ, нашедшій въ немъ «истинную справедливость, сущую откровенность и чистосердечныя патріотическія мысли». Доказывая необходимость «просвѣщеннаго познанія» для народа, депутатъ Орловъ ссылался на собственный опытъ—устройство школы для крестьянъ. Послѣднимъ высказался по данному вопросу въ засѣданіи 2 іюня 1768 года депутатъ Обоянскаго дворянства Глазовъ. Опираясь на 350 ст. большого Наказа о невозможности дать общаго воспитанія многочисленному народу, онъ разсуждалъ, что если собрать въ школы всѣхъ крестьянскихъ дѣтей извѣстнаго возраста, «то должно сложить съ нихъ государственные поборы: убытку можетъ воспослѣдовать милліонъ или болѣе, земля та, которую они работали, будетъ

пуста, домъ того крестьянина совсѣмъ долженъ раззориться, женскій полъ того дому кто кормить и питать станетъ»? Единственно, что признавалъ полезнымъ депутатъ Глазовъ,—это устройство элементарныхъ школъ при церквахъ для дѣтей церковнаго чина, купеческихъ, унтеръ-офицерскихъ, солдатскихъ и праздношатающихся; что касается собственно крестьянскаго населенія, то необходимо было предписать помѣщикамъ «нужныя правила» строгаго наблюденія за исполненіемъ крестьянами ихъ религіозныхъ обязанностей [1]).

Итакъ, попытка поднять вопросъ о школахъ для крестьянскаго населенія возбудила довольно страстную полемику,— признакъ чрезвычайной сложности и остроты этого вопроса въ данную эпоху. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, какъ шатко и неувѣренно ставился онъ и въ болѣе спокойной и менѣе заинтересованной средѣ, напримѣръ, при обсужденіи петербургскими академиками плана И. И. Шувалова о низшихъ и среднихъ школахъ, какъ, наконецъ, не находилось дотолѣ твердой почвы и для законодательнаго разрѣшенія того же вопроса.

Непосредственныхъ практическихъ результатовъ рѣчи и споры депутатовъ въ большомъ собраніи Коммиссіи по вопросамъ народнаго образованія не имѣли. Онѣ могли только оказать нѣкоторое вліяніе на работу частной коммиссіи объ училищахъ, къ которой мы теперь и обращаемся.

Въ силу утвержденнаго императрицей 8 апрѣля 1768 года «Начертанія о приведеніи къ окончанію» трудовъ законодательной Коммиссіи, въ составѣ послѣдней учреждена была, въ числѣ другихъ, частная «коммиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ», на которую возложено было составленіе общаго плана народнаго просвѣщенія, объемлющаго «училища народныя, какъ то: общественныя школы, гимназіи, университеты; сирѣчь: нижнія, среднія и верховныя училища» [2]).

Выборы членовъ въ училищную коммиссію происходили въ засѣданіи большого собранія 23 мая, а результатъ выбо-

---

[1]) Ibid., XXXII, 52, 55, 66, 72, 73, 101, 113, 397, 411, 429, 457, 520, 533.
[2]) П. С. З., № 13095.

ровъ объявленъ былъ 27 мая. Избранными оказались по большинству голосовъ 3 депутата: отъ шляхетства Кіевскаго полка, повѣтовъ Козелецкаго и Остерскаго, Владиміръ Золотницкій (164 голоса), отъ города Переяславля Александръ Угрюмовъ (141 голосъ), отъ города Дерпта профессоръ Яковъ Урсинусъ (141 голосъ). Сверхъ того маршалъ большого собранія представилъ отъ генералъ-прокурора въ члены той же коммиссіи депутата тульскаго дворянства Алексѣя Ивашкина, да отъ себя депутата медицинской коллегіи барона Георга Аша, получившаго при баллотировкѣ 132 избирательныхъ и 134 неизбирательныхъ голоса. Собраніе приняло всѣ эти кандидатуры. Въ іюнѣ Ивашкинъ и Угрюмовъ выбыли изъ состава училищной коммиссіи, и на ихъ мѣсто были избраны 1 сентября депутаты: отъ Юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ Тимофей фонъ-Клингштетъ (213 голосами), получившій 23 мая 117 избирательныхъ и 149 неизбирательныхъ, и отъ камеръ-конторы тѣхъ же областей Артемій Шишковъ (число голосовъ неизвѣстно); но послѣдній былъ замѣненъ кандидатомъ генералъ-прокурора, депутатомъ отъ государственныхъ крестьянъ Уфимской провинціи Арсеніемъ Беклешовымъ. Въ концѣ 1768 года Беклешовъ выбылъ изъ коммиссіи «по военному случаю» и былъ замѣненъ кандидатомъ генералъ-прокурора, депутатомъ отъ Курскаго дворянства Петромъ Стромиловымъ. Вслѣдъ затѣмъ выбыли на войну баронъ Ашъ (въ декабрѣ 1768 года) и Золотницкій (въ августѣ 1769 года); ихъ замѣстили депутаты отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ города Минусинска Николай Леонтьевъ и отъ города Погара Хоминскій [1]). Въ этомъ измѣнчивомъ составѣ училищной коммиссіи наиболѣе дѣятельными членами были Золотницкій, [2]) Клингштетъ, баронъ Ашъ и Урсинусъ.

По наставленію, преподанному отъ Дирекціонной коммиссіи

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. XXXII и XXXVI.

[2]) Не одно ли и тоже лицо членъ Законодательной Коммиссіи и Вл. Тим. Золотницкій, авторъ первой русской юридической книги—„Сокращеніе естественнаго права“? Затрудняемся сейчасъ рѣшить этотъ вопросъ. См. Словарь *митр. Евгенія* и *Н. М. Коркунова*, Исторія философіи права, изд. 4 (Спб. 1908), стр. 249.

всѣмъ вообще частнымъ коммиссіямъ, каждая изъ послѣднихъ должна была, прежде всего, «такъ скоро, какъ токмо возможно», составить общій планъ порученной ей части законодательства и, по утвержденіи этого плана Дирекціонной коммиссіей, приступить къ детальной разработкѣ новыхъ узаконеній. Кромѣ общаго наставленія училищная коммиссія получила, подобно прочимъ, еще спеціальную инструкцію, въ которой комментировалась поставленная Начертаніемъ 8 апрѣля 1768 года задача [1]).

Инструкція эта, прежде всего, предупреждала, что вопросъ «о домашнемъ воспитаніи и о родительской въ томъ должности» переданъ на разсмотрѣніе коммиссіи «о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ». Переходя затѣмъ къ объясненію, въ чемъ заключается существо училищъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, инструкція ставила первымъ требованіемъ, чтобы въ новомъ «учрежденіи училищъ», т. е. въ новомъ учебномъ законодательствѣ, главное вниманіе обращено было не на «хитрости наукъ», но на обученіе дѣтей «познанію должностей человѣка, въ обществѣ жить имѣющаго».

Курсъ нижнихъ училищъ, открываемыхъ не только въ городахъ по приходамъ, но также въ селахъ, инструкція ограничивала кругомъ элементарнаго обученія чтенію, письму, ариѳметикѣ и катехизису. Вольнымъ учителямъ, не получающимъ ни откуда опредѣленнаго жалованья, предоставлялась свобода открывать повсемѣстно и такія школы, въ которыхъ кромѣ «начальныхъ основаній наукъ» они могли преподавать и новые языки. Обращая вниманіе коммиссіи на то, что большой Наказъ (гл. X, ст. 158) рекомендуетъ «во всѣхъ школахъ учить дѣтей грамотѣ поперемѣнно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, которыя законодательство содержатъ», инструкція объясняла цѣлесообразность этого пріема обученія слѣдующимъ, не вполнѣ вразумительнымъ разсужденіемъ: «оттуда происходитъ, что мы въ обыкновенныхъ разговорахъ иное одобряемъ, иное хулимъ цѣлыми стихами изъ псаломника; оттуда жъ происходитъ, что мы при всякомъ дѣяніи тотчасъ слѣдствія онаго видѣть будемъ».

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 144—146.

Къ среднимъ школамъ инструкція относила гимназіи и семинаріи, учреждаемыя только въ городахъ. По вопросу о преобразованіи уже существующихъ семинарій училищной коммиссіи рекомендовалось войти въ сношеніе съ коммиссіей о духовныхъ имѣніяхъ.

Относительно «верховныхъ» училищъ, университетовъ или академій, инструкція ограничивалась краткимъ указаніемъ, что они состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. При этомъ отмѣчалось, что философскій факультетъ имѣетъ общее пропедевтическое значеніе: философію «каждому, въ университетѣ находящемуся, слѣдуетъ прослушать». Коммиссія не должна была входить въ разсмотрѣніе внутренней организаціи университетовъ; ея задача заключалась лишь въ томъ, «чтобы данныя или вновь даваемыя имъ (университетамъ) привилегіи и права были утверждены законодательствомъ».

Въ этой постановкѣ учебной реформы, подготовка которой возложена была на частную коммиссію объ училищахъ, съ самаго начала выяснились двѣ новыя черты, сравнительно съ планомъ государственныхъ гимназій. Во-первыхъ, не выдвигались такъ рѣзко впередъ задачи нравственнаго воспитанія передъ задачами научнаго образованія; во-вторыхъ, практически неосуществимая мысль о соединеніи въ рамкахъ одной школы всѣхъ цикловъ образованія, отъ элементарнаго до высшаго университетскаго, уступала теперь мѣсто традиціонной схемѣ низшаго, средняго и высшаго образованія, представленной тремя самостоятельными типами школы. Какъ же выполнила свою задачу коммиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ?

Открывъ свои засѣданія 29 мая 1768 года [1]), коммиссія озаботилась, прежде всего, собраніемъ необходимыхъ матеріаловъ; отъ Дирекціонной коммиссіи она затребовала свѣдѣнія о существующихъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, просила доставить выписки изъ депутатскихъ наказовъ, касающіяся

---

[1]) Дневн. записки училищной комиссіи, Арх. Госуд. Сов., дѣла II, Отд. собств. Е. И. В. Канцеляріи, связка 107—121.

учебной реформы, проектъ Академіи наукъ, планъ государственныхъ гимназій Клингштета, Миллера и Дюмареска. Въ этихъ же первыхъ засѣданіяхъ наводились справки и велись разсужденія о положеніи учебнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ: объ англійскихъ университетахъ, о прусской системѣ народныхъ училищъ, о школахъ ирландскихъ. Уже черезъ годъ, въ концѣ іюня 1769 года коммиссія вознамѣрилась было исходатайствовать своимъ членамъ право посѣщать, всѣмъ вмѣстѣ или порознь, во всякое время, государственныя училища, какъ-то: кадетскій корпусъ, Академію художествъ, женское училище въ Смольномъ, «дабы, усматривая на самомъ дѣлѣ происходящіе успѣхи отъ учрежденія тѣхъ мѣстъ, члены коммиссіи тѣмъ лучше могли соображать свой проектъ». Осуществилось ли это намѣреніе, неизвѣстно.

Согласно данному отъ Дирекціонной коммиссіи наставленію, училищная коммиссія должна была представить общій планъ учебнаго законодательства, но когда обнаружились разногласія, грозившія надолго затянуть эту работу, то остановились на рѣшеніи составить краткій планъ, въ которомъ обозначены были бы лишь «главныя матеріи» порученнаго коммиссіи дѣла. Въ концѣ 1768 года такой краткій планъ, подписанный Ашемъ, Урсинусомъ, Беклешовымъ и Золотницкимъ, былъ представленъ въ Дирекціонную коммиссію [1]). По содержанію своему этотъ планъ представлялъ въ болѣе развитомъ видѣ схему учебной системы, намѣченную въ инструкціи коммиссіи, или оглавленіе будущаго основного закона, объемлющаго цѣльную систему народнаго просвѣщенія. Первая глава этого закона должна была излагать правила домашняго воспитанія, согласно съ XIV-ой главой большого Наказа. Вторая глава — «объ училищахъ вообще» — посвящалась выясненію общихъ задачъ народнаго просвѣщенія: «что̀ суть училища? для кого и сколько оныя нужны и къ чему они способствуютъ»? Наконецъ, третья глава, раздѣленная на 4 части, заключала постановленія о разныхъ родахъ училищъ и объ учебной администраціи.

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 146—149.

Нижнія училища дѣлились на два рода: деревенскія и городскія; къ нижнимъ причислялись и иновѣрческія училища. Также на два рода раздѣлялись среднія училища: къ первому относились училища при госпиталяхъ, гимназіи и семинаріи, ко второму—кадетскіе корпуса и академіи художествъ. Относительно «верховныхъ» училищъ, то есть университетовъ и академій, планъ лишь формулировалъ рядъ подлежавшихъ законодательной разработкѣ вопросовъ: о мѣстѣ устройства этихъ заведеній, о преподаваемыхъ наукахъ, о штатахъ, о казеннокоштныхъ студентахъ, о привилегіяхъ и т. д.

Въ сферу будущаго законодательства планъ вводилъ также «средства къ распространенію наукъ и добронравія», какъ-то: академію наукъ, книжную торговлю, библіотеки, типографіи и тому подобныя учрежденія.

Въ заключеніе планъ упоминалъ «о главномъ правленіи училищъ, изъ какихъ членовъ состоять оному и о должности разныхъ членовъ».

Вмѣстѣ съ планомъ поступили въ Дирекціонную коммиссію и замѣчанія на него отъ нѣкоторыхъ членовъ училищной коммиссіи. Золотницкій, хотя и подписалъ планъ, но находилъ въ немъ существенные недостатки. По его мнѣнію, планъ этотъ содержалъ въ себѣ «одни весьма генеральныя и ничего опредѣлительнаго не заключающія оглавленія». Поэтому Золотницкій представилъ въ Дирекціонную коммиссію свой собственный планъ, нѣсколько подробнѣе развившій общую схему, начертанную планомъ, представленнымъ отъ имени всей вообще училищной коммиссіи. Отмѣтимъ наиболѣе существенные пункты плана Золотницкаго. Воспитаніе, «касающееся до нравовъ и умоначертанія», онъ раздѣлялъ на два послѣдовательныхъ круга: первоначальное, для всѣхъ общее, и «личное, то-есть свойственное и нужное разнымъ состояніямъ дѣтей различно». По отношенію къ нижнимъ училищамъ Золотницкій находилъ нужнымъ предупрежденіе, что обученіе въ нихъ будетъ добровольнымъ, «безъ всякаго насильнаго принужденія». Дѣля среднія училища на тѣ же два рода, какъ и общій планъ коммиссіи, Золотницкій ставилъ семинаріи и гимназіи ступенью ниже кадетскихъ корпусовъ и академій художествъ,

«которыя коммиссіею вновь будутъ прожектованы». При среднихъ школахъ учреждаются воспитательныя учрежденія. Наряду съ мужскими устраиваются женскія среднія училища. Среднія школы могутъ быть учреждаемы и вольными учителями. Ничего новаго по существу не вносилъ Золотницкій въ отдѣлъ о верховныхъ училищахъ. Наконецъ, что касается высшей учебной администраціи, то по плану Золотницкаго въ составъ ея должны были входить лица духовныя и свѣтскія [1]).

Съ своимъ особымъ планомъ выступилъ и Клингштетъ [2]). По его мнѣнію, слѣдовало исключить изъ плана будущаго законодательства разсужденіе, что́ такое училища и какая отъ нихъ проистекаетъ польза. Клингштетъ находилъ это излишнимъ и безполезнымъ, «потому что сіе принадлежитъ къ общимъ знаніямъ и истинамъ, которыя по справедливости предполагать должно въ каждомъ законодателѣ; при томъ же необыкновенно, чтобы законоположникъ въ законахъ далъ отчетъ обществу о побудившихъ его къ изданію оныхъ причинахъ, и безъ того всякому извѣстныхъ». Точно также Клингштетъ находилъ нужнымъ исключить изъ плана упоминаніе объ иновѣрческихъ училищахъ; ему казалось «еще весьма рано о томъ имѣть разсужденіе, когда еще столь многія тысячи, да можетъ быть милліоны, дѣтей простого россійскаго народа православнаго греческаго исповѣданія требуютъ сего нужнаго ученія», когда «довольно труда стоитъ изыскать потребныхъ для нихъ учителей». Равнымъ образомъ Клингштетъ исключалъ изъ своего плана постановленія о кадетскихъ корпусахъ и академіи художествъ на томъ основаніи, что вопросъ объ этихъ училищахъ, существующихъ на основаніи особыхъ законоположеній, не долженъ входить въ кругъ занятій коммиссіи. За исключеніемъ отмѣченныхъ пунктовъ плановъ Клингштета также представлялъ лишь болѣе подробное развитіе плана первоначальнаго.

Въ защиту этого плана представили свои объясненія баронъ Ашъ и Урсинусъ [3]). Золотницкому они коротко воз-

---

[1]) Ibid., стр. 150—158.
[2]) Ibid., стр. 158—169.
[3]) Ibid., стр. 169—173.

ражали, что всѣ разногласія съ нимъ могутъ быть легко устранены при сочиненіи самыхъ законовъ. Клингштету же данъ былъ отвѣтъ по всѣмъ тѣмъ пунктамъ, по которымъ онъ разошелся съ общимъ планомъ коммиссіи. По первому вопросу—о домашнемъ образованіи и воспитаніи—Ашъ и Урсинусъ упрекали Клингштета, что онъ «избралъ воспитаніе дѣтей простого народа въ семействахъ единственнымъ предметомъ законовъ о первоначальномъ воспитаніи», тогда какъ они имѣли въ виду «сдѣлать сіи законы для всякаго званія и состоянія людей общеполезными». На замѣчаніе Клингштета о ненужности въ планѣ общаго разсужденія объ училищахъ слѣдовалъ отвѣтъ, что онъ самъ въ своемъ планѣ «изъяснялъ намѣренія о учрежденіи всякаго рода училищъ». Внесеніе въ планъ учебнаго законодательства постановленій объ иновѣрческихъ школахъ оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что «внушеніе всякому правилъ естественнаго закона не заключаетъ въ себѣ никакого принужденія вѣры, но можетъ оное вмѣстительно быть со всякою вѣрой». Упоминаніе о кадетскихъ корпусахъ и академіи художествъ Ашъ и Урсинусъ находили не лишнимъ въ виду возможности «подтвержденія оныхъ новыми законами». Наконецъ, не были оставлены безъ отвѣта и замѣчанія Клингштета на вторую часть плана коммиссіи о требующихъ призрѣнія.

Представленные членами училищной коммиссіи проекты общаго плана учебной реформы были разсмотрѣны Дирекціонной коммиссіей, которая экстрактомъ изъ протокола 29 декабря 1768 года сообщила училищной коммиссіи свои заключенія по возбудившимъ разногласіе вопросамъ: о включеніи въ планъ учебнаго законодательства постановленій о домашнемъ воспитаніи и общихъ разсужденій объ училищахъ, о школахъ иновѣрческихъ, о соединеніи нижнихъ училищъ съ средними и свѣтскихъ съ духовными, о причисленіи къ среднимъ училищамъ кадетскихъ корпусовъ, о женскихъ училищахъ, о правахъ учащихся во всякаго рода школахъ, о коллегіи переводчиковъ [1]).

[1]) Ibid., стр. 174—177.

Новаго общаго плана, примирявшаго мнѣнія отдѣльныхъ членовъ и исправленнаго по замѣчаніямъ Дирекціонной коммиссіи, училищная комиссія уже не составляла и въ январѣ слѣдующаго 1769 года приступила къ разработкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства.

По инструкціи, общей для всѣхъ частныхъ коммиссій, каждая изъ послѣднихъ, по утвержденіи общаго плана ея работъ, должна была распредѣлить эту работу между отдѣльными своими членами. Судя по дневнымъ запискамъ, училищная коммиссія не держалась этого порядка; ея члены представляли параллельные проекты отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства, а Владиміръ Золотницкій, покинувшій коммиссію осенью 1769 года, въ самый разгаръ ея работы, успѣлъ составить цѣлый сводъ такого законодательства, содержавшій общія положенія объ училищахъ, уставы училищъ нижнихъ (сельскихъ, городскихъ, иновѣрческихъ) и среднихъ, примѣчанія на записку московскихъ профессоровъ о нуждахъ Московскаго университета, и подробный штатъ гимназій [1]). Въ цѣльномъ видѣ этотъ обширный планъ Золотницкаго въ коммиссіи, повидимому, не обсуждался.

Приступивъ въ январѣ 1769 года къ разработкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства, коммиссія въ первую очередь, согласно общему плану, двинула проектъ о низшихъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ. Члены коммиссіи Золотницкій, Урсинусъ, Стромиловъ, Леонтьевъ представили каждый свой проектъ; чтеніе и разсмотрѣніе этихъ проектовъ заняло много времени, и только въ августѣ началась выработка окончательнаго проекта. Обсужденіе его по отдѣльнымъ статьямъ также затянулось надолго, и 9 февраля слѣдующаго 1770 года было получено отъ Дирекціонной коммиссіи напоминаніе объ ускореніи работы. Наконецъ, проектъ о нижнихъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, подписанный Хоминскимъ, Стромиловымъ, Клингштетомъ и Леонтьевымъ, 15 іюля 1770 года представленъ былъ въ Дирекціонную коммиссію; Урсинусъ не подписалъ проекта, заявивъ, что подастъ въ коммиссію особое мнѣніе.

---

[1]) Ibid., стр. 177—222.

Также надолго затянулась и не была доведена до конца разработка второго проекта—о гимназіяхъ, начатаго обсужденіемъ въ іюнѣ 1770 года. Къ концу октября слѣдующаго года этотъ проектъ былъ составленъ и передѣланъ, но коммиссія не успѣла пройти его въ послѣдней редакціи. Въ засѣданіи 25 октября 1771 года, которымъ обрываются дневныя записки училищной коммиссіи, Стромиловъ и Леонтьевъ еще дѣлали замѣчанія на проектъ гимназій.

По вопросу о «верховныхъ» училищахъ, т. е. объ университетахъ, коммиссія не подвинулась дальше предварительныхъ общихъ разсужденій. Къ систематической разработкѣ этого вопроса коммиссія, повидимому, готовилась приступить по окончаніи проекта о среднихъ школахъ, въ началѣ октября 1771 года, но въ концѣ этого мѣсяца прекращаются ея дневныя записки [1]).

Въ отрицательномъ смыслѣ разрѣшенъ былъ вопросъ о высшемъ органѣ учебной администраціи. Въ засѣданіи 3 августа 1770 года Стромиловъ, Урсинусъ, Хоминскій и Клингштетъ разсуждали, «какое учредить главное правленіе надъ училищами», и пришли къ заключенію, «чтобы особливаго правленія не дѣлать, а подчинить оныя Правительствующему Сенату».

Таковы были результаты трехлѣтней слишкомъ работы коммиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Результаты эти не велики. Вполнѣ разработанной оказалась лишь часть обширной учебной реформы, проектъ низшаго образованія; проектъ о среднемъ образованіи не получилъ окончательной обработки, остался въ черновомъ видѣ; университетскій вопросъ едва былъ затронутъ. Тѣмъ не менѣе можно признать, что дѣятельность коммиссіи оставляла по себѣ цѣнный, хотя и неравномѣрно разработанный, матеріалъ.

Познакомилась ли съ этимъ матеріаломъ императрица?

---

[1]) По найденному проф. Латкинымъ списку личнаго состава частныхъ коммиссій въ 1796 г. коммиссія училищная состояла изъ „сочинителя“ тит. сов. Свенске. помощника сен. рег. Осипова и писца. Что дѣлалъ этотъ составъ коммиссіи, неизвѣстно. „Журн. Минист. Юстиціи“ 1902 г., май, № 5, стр. 23.

Графъ Д. А. Толстой, первый изъ историковъ изучившій труды частной коммиссіи объ училищахъ, даетъ отрицательный отвѣтъ. «Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ онъ, что императрица не видѣла работъ коммиссіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергичная государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что́ у нея было подъ руками» [1]). Не рѣшаемся раздѣлить этой увѣренности графа Толстого. Въ тѣ годы, въ которые работала училищная коммиссія, интересъ императрицы къ учебной реформѣ не ослабѣвалъ; къ концу 1770-хъ годовъ у нея собралась, по ея собственному свидѣтельству, цѣлая коллекція записокъ о низшихъ, среднихъ и высшихъ школахъ. Можно предполагать, что Екатерина не обошла вниманіемъ и дѣятельности училищной коммиссіи. Изъ того, что она не осуществила ея проектовъ, еще не слѣдуетъ, чтобы она вовсе не была знакома съ ними.

V.

Одновременно съ «Частной коммиссіей объ училищахъ и призрѣнія требующихъ» вопросомъ о начальномъ народномъ образованіи занималась и Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ. Уже въ инструкціи, данной этой послѣдней Коммиссіи 29 ноября 1762 года, основнымъ мотивомъ къ реформѣ управленія церковными вотчинами выставлена была забота о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа. «Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, гласила инструкція, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ что и самые многіе

---

[1]) Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи. („Сборникъ Отд. рус. языка и словесности Императорской Академіи наукъ“, т. XXXVIII), стр. 75.

священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и, будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ повреждению»... «Когда нѣтъ добраго учрежденія къ воспитанію и приготовленію молодыхъ людей, изъ которыхъ бы добрые пастыри и учители ко всѣмъ церквамъ опредѣляемы были, то и нынѣ въ простомъ народѣ нѣтъ никакого руководства къ отвращенію отъ пагубныхъ дѣлъ, нѣтъ исправленія нравовъ и добраго состоянія въ обществѣ». Охарактеризовавъ далѣе печальное положеніе духовныхъ школъ, инструкція требовала устройства въ каждой епархіи двоякаго рода школъ: «малыхъ гимназій», для обученія началамъ русскаго и латинскаго языковъ, и семинарій съ обширнымъ кругомъ общеобразовательныхъ предметовъ, въ томъ числѣ математики, исторіи, географіи, философіи. Тѣ и другія училища должны обезпечиваться штатнымъ содержаніемъ изъ доходовъ отъ церковныхъ имуществъ, причемъ инструкція предупреждала, что «лучше число умѣренное содержать учениковъ, но чтобы были всѣ остротою и понятіемъ выборные и надежные, и коштъ опредѣленный былъ бы имъ въ лучшее довольство не суетно употребленъ» [1]).

Такъ инструкціей 29 ноября 1762 года духовное образованіе опять вводилось въ общую систему народнаго просвѣщенія: основной задачей духовной школы должно было стать приготовленіе не къ спеціальной ученой богословской дѣятельности и не къ церковной службѣ въ узкомъ смыслѣ, а къ «пастырству» въ широкомъ смыслѣ руководительства религіозно-нравственной жизнью народа. Съ этой точки зрѣнія должны были

---

[1]) П. С. З. № 11716. Черновикъ инструкціи, писанный рукою Г. Н. Теплова, въ Госуд. Архивѣ, разр. XVIII, № 197. Также въ манифестѣ 1764 г. о Коллегіи экономіи (п. 5) говорилось: „наше главное попеченіе, чтобъ учрежденіемъ полезныхъ училищъ во всѣхъ епархіяхъ положить впредь такое основаніе, по которому бы мало-по-малу священники при церквахъ не токмо способнѣе были поученіями просвѣщать простой народъ, но и своимъ образомъ житія примѣръ подавать поучаемому народу въ вѣрѣ спасительной, отъ которой истекаетъ все благонравіе и доброе сограждан-ство“. П. С. З. № 12060. О дѣятельности Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ изслѣдованіе *А. Завьялова,* Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1900.

получить новое обоснованіе общеобразовательные элементы въ кругѣ духовнаго образованія.

Исходнымъ пунктомъ занятій Коммиссіи дѣломъ о духовныхъ школахъ явилась записка Г. Н. Теплова, намѣчавшая рядъ предварительныхъ вопросовъ, какіе надлежало принять въ разсужденіе «при учрежденіи семинарій большихъ въ домахъ архіерейскихъ и малыхъ при монастыряхъ» [1]). Заслушавъ эту записку въ засѣданіи 2 декабря 1763 года, Коммиссія распорядилась собрать свѣдѣнія объ епархіальныхъ семинаріяхъ. Свѣдѣнія эти были доставлены уже въ январѣ слѣдующаго года, но только съ 15 сентября 1764 года начались регулярныя занятія Коммиссіи по вопросу о реформѣ духовнаго образованія. Главный трудъ — «сочиненіе семинарскаго регламента» — порученъ былъ оберъ-прокурору Св. Синода Мелиссино; сама же Коммиссія занялась разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ, касавшихся подготовляемой реформы. Лѣтомъ слѣдующаго 1765 года Мелиссино исполнилъ возложенную на него задачу и 23—26 іюля Коммиссія, разсмотрѣвъ представленный имъ проектъ семинарскаго регламента, постановила вернуть его автору «для сокращенія» [2]).

Дальнѣйшаго движенія проектъ Мелиссино не получилъ, а въ февралѣ слѣдующаго года (1766-го) дѣло о реформѣ духовныхъ училищъ перешло въ руки болѣе тѣсной, спеціальной коммиссіи въ составѣ епископа псковскаго Иннокентія, епископа тверского Гавріила (Петрова) и архимандрита Платона (впослѣдствіи митрополита) [3]). Въ рескриптѣ епископу Иннокентію, 20 февраля 1766 года, императрица выражала сожалѣніе, что въ теченіе трехъ лѣтъ Коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ ничего не сдѣлала по вопросу о духовныхъ училищахъ, поставленному инструкціей 29 ноября 1762 года. Епископу Иннокентію и его сотрудникамъ давалась «полная сво-

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 258—259.

[2]) Ibid., стр. 259—268.

[3]) Рескрипты тремъ названнымъ лицамъ, съ поправками Г. Н. Теплова, въ Госуд. Архивѣ, разр. XVIII, № 241. Рескриптъ еп. Гавріилу напечатанъ у арх. *Макарія*, Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила, митроп. Новгор. и С.-Петерб. (Спб. 1867), стр. 24—25.

бода дѣлать всевозможныя изобрѣтенія, только бы науки соотвѣтствовали благочестію и основаны были воспитаніемъ юношества на истинныхъ правилахъ къ благонравію такъ, какъ мы и свѣтскимъ училищамъ тоже основаніе положили».

Получивъ необходимые матеріалы отъ Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, новая коммиссія энергично повела свою работу и 24 іюля 1766 года представила на высочайшую апробацію детально разработанные проекты Учрежденія (т. е. общаго Положенія), Устава и штатовъ духовныхъ училищъ. По этимъ актамъ всѣ духовныя школы располагались въ восходящемъ порядкѣ по слѣдующимъ степенямъ: низшія училища — гимназіи (числомъ 79 съ 1580 учениками по штату), меньшія семинаріи (21 съ 1150 учащимися), большія семинаріи (4 съ 400 учащ.) и духовный университетъ въ Москвѣ. Къ названнымъ проектамъ коммиссія присоединила «Установленіе къ большему учащихся ободренію и къ лучшему ученаго духовенства содержанію и ко отвращенію тѣхъ злоупотребленій, которыя постановленію лучшаго для духовенства содержанія и благополучія препятствуютъ» [1]).

Чрезвычайно тщательно разработанный коммиссіей епископовъ Гавріила и Иннокентія и архимандрита Платона проектъ реформы духовнаго образованія также не получилъ утвержденія. Есть извѣстіе, что онъ переданъ былъ въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго Уложенія. Частная коммиссія объ училищахъ въ первыхъ же своихъ засѣданіяхъ неоднократно постановляла требовать изъ Дирекціонной коммиссіи свѣдѣнія о духовныхъ школахъ; весьма вѣроятно, что ей удалось познакомиться и съ трудомъ духовной коммиссіи [2]).

Прошло нѣсколько лѣтъ. Обширный проектъ духовно-учебной реформы былъ преданъ забвенію, а въ 1771 году Коммиссія о

[1]) „Матеріалы“, стр. 268—323. *Гр. Истоминъ*, Постановленія имп. Екатерины II относительно образованія духовенства, „Труды Кіевской дух. академіи“, 1867, сентябрь.

[2]) Дневныя записки частной коммиссіи объ училищахъ 2 и 19 іюня 1768 г. Есть извѣстіе, что митр. Гавріилъ въ мартѣ 1767 г. лично являлся къ императрицѣ „для нѣкоторыхъ на поданный отъ него о семинаріяхъ планъ объясненій“. *Арх. Макарій*, Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавріила, стр. 27.

церковныхъ имѣніяхъ (архіепископъ С.-Петербургскій Гавріилъ, архіепископъ Псковскій Иннокентій, Г. Н. Тепловъ и синодальный оберъ-прокуроръ П. П. Чебышовъ) была привлечена къ обсужденію вопроса о начальномъ народномъ образованіи. 25 октября 1771 года императрица повелѣла Коммиссіи разсмотрѣть проектъ «Учрежденія школъ нижнихъ въ городахъ столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и въ мѣстечкахъ». Этотъ проектъ, составленный архіепископомъ Гавріиломъ и Тепловымъ и поднесенный ими на апробацію императрицы, представлялъ близкую аналогію съ проектами училищной коммиссіи. Подобно послѣднимъ, новый проектъ отдавалъ дѣло элементарнаго образованія низшихъ слоевъ городского населенія въ полное завѣдываніе духовенства: въ школахъ, заводимыхъ на средства церковныхъ приходовъ, учительствовать должны были дьяконы и дьячки; ближайшій надзоръ за школами ввѣрялся приходскимъ священникамъ, а высшій архіереямъ и Св. Синоду. Для доклада дѣлъ, восходящихъ къ верховной власти, назначался изъ свѣтскихъ лицъ «главный опекунъ земскихъ школъ»; на обязанности мѣстныхъ свѣтскихъ властей, губернаторовъ и воеводъ, возлагалось наблюденіе, чтобы дѣти школьнаго возраста и православнаго исповѣданія не оставались безъ обученія, «исключая неспособныхъ за болѣзнію».

Духовная коммиссія не спѣшила разсмотрѣніемъ проекта. Обсудивъ въ засѣданіи 12 ноября 1771 года сдѣланныя на этотъ проектъ замѣчанія, Коммиссія вернулась послѣ того къ нему почти черезъ годъ и 18 октября 1772 года постановила одобрить проектъ и поднести его на высочайшую апробацію. 1 ноября Коммиссія представила императрицѣ докладъ, въ которомъ выражала пожеланіе принять немедленно мѣры къ осуществленію проекта: назначить «главнаго опекуна городскихъ школъ», «который бы по званію своему возымѣлъ стараніе о необходимо нужномъ предустроеніи сего дѣла»; поручить Синоду составленіе школьнаго руководства; предписать черезъ Сенатъ мѣстнымъ властямъ озаботиться пріисканіемъ средствъ и помѣщеній для школъ; наконецъ, особымъ манифестомъ разъяснить народу смыслъ новаго просвѣтительнаго предпріятія. Къ докладу своему Коммиссія прило-

жила новую, сокращенную редакцію проекта «о учрежденіи градскихъ школъ» и проекты манифеста и указа Сенату.

Въ результатѣ и трудъ Духовной коммиссіи пропалъ даромъ; проектъ церковно-приходскихъ городскихъ школъ дальнѣйшаго движенія не получилъ. Но 24 іюля 1783 года, заслушавъ указъ Сената о новой Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, Духовная коммиссія постановила: «дѣло о нижнихъ градскихъ школахъ рѣшеннымъ не почитать» [1]).

Охладѣвшій было интересъ правительства императрицы Екатерины II къ вопросамъ духовнаго образованія подогрѣтъ былъ пугачевщиной. П. И. Панинъ, отмѣчая случаи содѣйствія, вольнаго или невольнаго, оказаннаго духовенствомъ Пугачеву, далъ самый мрачный отзывъ о нравственномъ состояніи провинціальнаго духовенства. «Чинъ церковный, доносилъ онъ императрицѣ въ 1774 году, еще погруженъ въ самомъ высшемъ невѣжествѣ и заслуживаетъ къ исправленію своему вашего прозорливаго о лучшемъ наученіи и воспитаніи вниманія; если бы онъ хотя мало инаковъ былъ, то бы, конечно, теперешняя вредность государства до такой степени возрасти не могла». Екатерина отозвалась на это донесеніе повтореніемъ мыслей, изложенныхъ въ инструкціи Церковной коммиссіи 29 ноября 1762 года: «великое невѣжество духовнаго чина, примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитесь, конечно, ничѣмъ поправить нельзя, окромя воспитаніемъ и обученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ, послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ, учрежденіе школъ, гдѣ только возможно; но тогда родится другой вопросъ—объ опредѣленіи священству сходственнаго содержанія съ воспитаніемъ» [2]). Дальше обмѣна этими уже не новыми мыслями о необходимости поднять образованность духовенства въ интересахъ государственнаго блага дѣло не пошло.

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 323—346. Архивъ Св. Синода, дѣла Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, № 68.

[2]) Біографія П. И. Панина въ „Рус. Біограф. Словарѣ“, (Павелъ преп.—Петръ), изд. Импер. Рус. Истор. Общ., стр. 242. *Знаменскій*, Духовныя школы и т. д., стр. 509. *Д. Анучинъ*, Графъ Панинъ—усмиритель пугачевщины, „Рус. Вѣстникъ“, 1869 г., іюнь, стр. 367—368.

Также безрезультатнымъ остался послѣдній отзвукъ широкой разработки духовно-учебной реформы, проектъ богословскаго факультета. Этотъ послѣдній проектъ стоялъ въ связи съ командировкой въ 1765 году партіи молодыхъ людей, воспитанниковъ духовныхъ семинарій, въ заграничные университеты. Данная командированнымъ инструкція не пріурочивала предстоящихъ имъ занятій непремѣнно къ одной какой-нибудь спеціальности. Молодые люди посылались прежде всего въ Англію, «дабы въ университетахъ оксфордскомъ и кембриджскомъ въ пользу государства высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая и богословія». По особой, данной студентамъ, инструкціи они должны были обязательно обучаться языкамъ греческому, еврейскому, французскому и наукамъ: философіи моральной, исторіи, наипаче церковной, географіи, математическимъ принципіямъ и не пространной богословіи; «прочимъ наукамъ обучаться каждому по произволенію». И дѣйствительно, занятія русскихъ студентовъ захватили обширный кругъ наукъ. Наиболѣе даровитый изъ нихъ, Дмитрій Семеновъ-Рудневъ (впослѣдствіи Дамаскинъ епископъ нижегородскій) прослушалъ въ Геттингенскомъ университетѣ въ теченіе 6 лѣтъ (1766—1772 гг.) цѣлую энциклопедію наукъ: нѣмецкій, французскій, латинскій, греческій, еврейскій языки, исторію, географію, философію, физику, право естественное и народное, статистику, математику чистую и прикладную, экономію сельскую, богословіе, исторію церкви. По возвращеніи въ Петербургъ Семеновъ-Рудневъ съ его геттингенскими товарищами подверглись экзамену въ особой коммиссіи изъ петербургскихъ академиковъ и въ присутствіи членовъ Св. Синода. Экзаменъ произведенъ былъ «съ довольною экзаменующихъ строгостью» по предметамъ: философіи, математикѣ, исторіи, физикѣ, химіи, естественной исторіи, и по языкамъ: латинскому, греческому, еврейскому, нѣмецкому, французскому. Общее заключеніе экзаменаторовъ было такое, что всѣ четверо русскихъ геттингенцевъ «неровную въ каждой наукѣ показали между собою способность, поелику неровная каждаго изъ нихъ склонность и прилежаніе къ той или другой наукѣ были; однакожъ, всѣ

они во всѣхъ генерально языкахъ и наукахъ довольное знаніе показали, и каждый изъ нихъ, къ чему особенно по склонности прилежалъ, въ томъ показалъ особливое искусство».

Этотъ то кружокъ молодыхъ ученыхъ, явившихся изъ заграничныхъ университетовъ не узкими спеціалистами богословами, но широко образованными людьми, долженъ былъ, по мысли Духовной коммиссіи, сдѣлаться кадромъ для высшей духовной школы новаго въ Россіи типа — богословскаго факультета. Если-бы такой проектъ осуществился, то онъ началъ бы новую эпоху въ общей исторіи нашего высшаго образованія. Русская духовная наука впервые была-бы оторвана отъ старой схоластической почвы, на которой она развивалась въ духовныхъ академіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе богословскаго факультета въ составъ Московскаго университета сообщало бы нашему университетскому образованію ту органическую цѣльность и законченность, какой оно не имѣетъ доселѣ. Но окончательный проектъ богословскаго факультета, представленный Духовной коммиссіей императрицѣ 25 октября 1777 года, остался не утвержденнымъ, вѣроятно, въ силу тѣхъ же общихъ причинъ, по которымъ погребены были въ архивахъ и всѣ предшествующіе проекты духовно-учебной реформы. Окончательный отказъ отъ мысли о богословскихъ факультетахъ въ составѣ университетовъ выразился въ указѣ 29 января 1786 года, предписывавшемъ Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ составить общій планъ университетовъ безъ богословскихъ факультетовъ [1]).

Плодами трудовъ Частной коммиссіи объ училищахъ и Духовной коммиссіи закончился рядъ опытовъ подробной законодательной разработки учебныхъ реформъ. Совокупность проектовъ, внѣшняя исторія которыхъ изложена выше, охва-

[1]) „Полн. собраніе постан. по вѣдом. прав. исповѣд. Царствованіе имп. Екатерины II“, № 245. Инструкція посланнымъ въ Англію студентамъ въ рукописномъ сборникѣ Кіево-Софійской Библіотеки № 178, лл. 139—140. *Знаменскій*, Духовн. школы, 534—539. *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. I, стр. 139—155. *Забѣлинъ*, Проектъ богослов. факультета при Екатеринѣ II, „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., ноябрь. *Горожанскій*. Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, епископъ Нижегородскій (Кіевъ 1894), главы 2-я и 4-я. *И. А. Чистовичъ*, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, стр. 52—68.

тывала съ разныхъ сторонъ одну общую проблему, подготовленную предшествующей эпохой,—созданіе цѣльной системы народнаго просвѣщенія, обнимающей всѣ послѣдовательныя ступени общаго образованія и органически связывавшей послѣднее съ образованіемъ профессіональнымъ. Ни одинъ изъ проектовъ, долженствовавшихъ реализовать общіе принципы политики народнаго просвѣщенія, намѣченные въ Генеральномъ учрежденіи 1764 года, утвержденія и осуществленія не получилъ, послѣ чего императрица Екатерина начинаетъ искать помощи въ своихъ просвѣтительныхъ предпріятіяхъ за-границей, у своихъ друзей философовъ.

VI.

Исторію разработки нашихъ проектовъ учебной реформы въ 1760—1770-хъ годахъ можно разсматривать, какъ отраженіе великаго педагогическаго движенія, происходившаго въ ту же эпоху въ западной Европѣ. Какъ разъ въ началѣ 1760-хъ годовъ, когда начинаютъ появляться наши русскіе проекты, увлеченіе западно-европейскаго общества педагогическими вопросами достигаетъ, по словамъ Гримма, степени «маніи»: «la manie de cette année (1762) est d'écrire sur l'éducation». Этотъ интересъ къ педагогіи, цѣлью которой ставилась «la fabrication de l'homme ideal et du citoyen parfait», передавался и русскому обществу.

Въ русской журналистикѣ даннаго времени начинаютъ появляться статьи, трактующія разнообразные педагогическіе вопросы: о задачахъ и средствахъ воспитанія для блага личнаго и общественнаго, о вредѣ дурного и небрежнаго воспитанія, объ обязанностяхъ родителей въ дѣлѣ воспитанія и т. под. Въ лицѣ Н. И. Новикова выступаетъ дѣятель, котораго новѣйшій историкъ русской педагогіи характеризуетъ, какъ одного изъ первыхъ представителей «общественнаго» теченія въ педагогіи, независимаго отъ оффиціальной политики просвѣщенія [1]).

---

[1]) П. Ѳ. Каптеревъ, Исторія русской педагогіи (Спб. 1910), стр. 200—209.

Съ начала 1760-хъ годовъ, отчасти по оффиціальной иниціативѣ, появляется рядъ переводовъ нѣкоторыхъ основныхъ произведеній новой педагогической мысли. Въ 1768 году императрица назначила изъ своихъ собственныхъ средствъ по 5000 р. ежегодно на переводы лучшихъ произведеній иностранныхъ литературъ; выборъ сочиненій и распредѣленіе этой суммы возложены были на особую коммиссію: графа В. Г. Орлова, графа А. П. Шувалова и Г. Козицкаго. Серія этихъ переводовъ, сопутствовавшихъ исторіи проектовъ новой учебной системы, открывается трудомъ перваго профессора философіи въ Московскомъ университетѣ Н. Н. Поповскаго, напечатавшаго въ 1759 году трактатъ Локка «О воспитаніи» (2-е изд. въ 1788 году). Въ 1762 году появился переводъ (хотя и не полный) Essais Монтэня—«Михайлы Монтаніевы опыты», перевелъ С. Волчковъ. Въ слѣдующемъ году вышелъ вторымъ изданіемъ переводъ (Ив. Туманскаго) сочиненія Фенелона о воспитаніи дѣвицъ (3-е изд. у Новикова 1788 г.). По порученію переводческой коммиссіи переведены были: Ла-Шалотэ—«Опытъ народнаго воспитанія» (Спб., 1770 г., перевелъ Родіонъ Гвоздиковскій), Роллена — «Способъ, какъ учить и учиться словеснымъ наукамъ», 6 частей, статья изъ Энциклопедіи—«О надзирателяхъ при воспитаніи» (Спб. 1770 г. перев. С. Б.) [1]).

Знакомство съ новыми теченіями западной педагогической мысли русское общество почерпало не только изъ переводовъ цѣльныхъ крупныхъ произведеній корифеевъ этой мысли, но также изъ многочисленныхъ журнальныхъ статей. Отражая нарождающіеся интересы образованнаго общества, наша журналистика средины XVIII вѣка отводила много мѣста статьямъ на педагогическія темы, особенно на излюбленную тему педагогической литературы того времени—о задачахъ и средствахъ нравственнаго воспитанія [2]).

Въ спискахъ иностранныхъ авторовъ, подобранныхъ пере-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. I, стр. 345—354.

[2]) См., наприм., *А. Н. Неустроева*, Указатель къ русск. повремен. изданіямъ и сборникамъ за 1703—1803 гг. (Спб. 1898), слово „Воспитаніе“, стр. 113—114.

водческой коммиссіей, не замѣтно какой либо тенденціи, желанія оградить русское общество отъ ознакомленія съ тѣмъ или другимъ теченіемъ педагогической литературы. Но сразу опаснымъ былъ признанъ Руссо. Въ одной журнальной замѣткѣ, за апрѣль 1763 года, о выходѣ въ свѣтъ «Эмиля» сдѣлано было предупрежденіе: «остерегаться надлежитъ, чтобъ чтеніемъ его (Руссо) книгъ не принять отъ него того, что Закону Божію и должностямъ гражданскимъ противно»; далѣе сообщалось, что «Эмиль» и «Contrat social» запрещены во Франціи и Голландіи. Въ собственноручномъ повелѣніи императрицы 6 сентября 1763 года строжайше воспрещена была продажа «Эмиля» Руссо въ числѣ книгъ, противныхъ «закону, доброму нраву, намъ самимъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены». Тѣмъ не менѣе, «Эмиль» сталъ извѣстенъ русской читающей публикѣ уже вскорѣ по своемъ появленіи. То же повелѣніе 1763 года свидѣтельствуетъ, что «Эмиль», въ числѣ другихъ, признанныхъ вредными, книгъ продавался въ Академіи наукъ. Находились столь ревностные почитатели «Эмиля», что пытались примѣнять его педагогическую систему къ воспитанію своихъ дѣтей [1]).

Наряду съ спеціальными педагогическими трактатами русское общество 1760—1770-хъ годовъ знакомилось, въ подлинникахъ или переводахъ, и со многими другими произведеніями политической и философской литературы, знакомившими его съ общими основами того міросозерцанія, въ свѣтѣ котораго и новыя педагогическія идеи пріобрѣтали надлежащую убѣдительность. Труды Вольтера, Монтескьё, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція и другихъ или вообще «мыслить научали» русскаго читателя или раскрывали передъ нимъ глубочайшія психологическія основы новыхъ педагогическихъ теорій или, наконецъ, указывали мѣсто, какое должно было занимать воспитаніе молодежи и вообще народное просвѣщеніе въ законодательствѣ просвѣщенныхъ правительствъ [2]).

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. VII, стр. 318. „Ежемѣсячн. сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія“, 1763 г., апр. *E. Haumant*, La culture française en Russie. 1700—1900 (Paris 1910), p. 112.

[2]) *Haumant*, op. cit., p. 107—114.

Главная, руководящая роль въ пріобщеніи русскаго общества къ западному педагогическому движенію принадлежала, естественно, французской литературѣ. На второмъ планѣ шло вліяніе нѣмецкой педагогіи. Когда Базедовъ въ 1768 году издалъ свое знаменитое «Представленіе къ друзьямъ человѣчества», то въ числѣ жертвователей на его филантропическія учрежденія на первомъ мѣстѣ оказались императрица Екатерина, пожертвовавшая 1000 талеровъ, и цесаревичъ Павелъ Петровичъ — 500 талеровъ. Базедовъ благодарилъ императрицу въ восторженныхъ выраженіяхъ, но на переданное ему черезъ графа Вл. Орлова приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ для обсужденія вопроса объ устройствѣ школъ онъ отвѣтилъ отказомъ. Въ 1771 году Базедовъ прислалъ Екатеринѣ свои книги и таблицы «для учащагося русскаго юношества», т. е., вѣроятно, вышедшія въ предшествующемъ году «MethodenBuch für Väter und Mütter der Familien und Völker» и «Des Elementarbûchs für die Jugend und für ihre Lehrer und Freunde in gesitteten Ständen erstes Stück». Хотя Базедовъ и былъ послѣдователемъ Руссо, Екатерина не воспрепятствовала распространенію его сочиненій [1]). Когда затѣмъ открытъ былъ въ Дессау знаменитый «Филантропинъ», Екатерина просила Гримма дать ей отзывъ объ этомъ учрежденіи. Гриммъ почему то медлилъ, и Екатерина въ рядѣ писемъ (29 октября и 17 ноября 1777 г., 10 января и 13 апрѣля 1778 г., наконецъ, 20 сентября 1783 г.) напоминала ему, что ждетъ его мнѣнія съ нетерпѣніемъ. Полученный, наконецъ, отзывъ оказался не особенно благопріятнымъ. Гриммъ писалъ: «въ послѣднемъ выводѣ это всетаки чувствительная реклама ко всѣмъ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли

---

[1]) *K. A. Schmid*, Geschichte der Erziehung, B. IV, 2-e Abteil., 110—111. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Бецкой и его система воспитанія, стр. 25. Архивъ Госуд. Совѣта, разр. X, № 471. Дневныя записки прошеніямъ на высочайшее имя; подъ 3 ноября 1771 г. отмѣчено: „отъ Ивана Бернарда Баседова изъ Алтоны присланы для учащагося россійсскаго юношества книги и таблицы по училищамъ, также и разнымъ частнымъ лицамъ розданы. Разослано: 100 экземпляровъ Бецкому, 1—архіепископу С.-Петербургскому Гавріилу, 100—въ Инженерный корпусъ, 25 въ Академію наукъ“.

своимъ кошелькомъ заведенію, которое, по мнѣнію моему, задумано на основаніи слишкомъ неопредѣленномъ, слишкомъ широкомъ и мечтательномъ, хотя его исполненіе, какъ бы ни было несовершенно, должно произвести нѣсколько благотворныхъ перемѣнъ въ общемъ воспитаніи». Но въ данное время (1783—1784 г.г.) Екатерина увлекалась новой системой австрійскихъ школъ и отзывъ Гримма о Филантропинѣ она встрѣтила довольно равнодушно: «ce que vous me mandez du philantropin, писала она 8 мая 1784 г., n'est pas bien consolant; je m'en tiens á la forme normale, qui commence à avoir très bonne réputation chez nous» [1]).

Для широкой публики главнымъ средствомъ ознакомленія съ началами германской педагогіи средины XVIII вѣка были переводы тѣхъ или другихъ произведеній педагогической литературы. Но эти переводы появляются уже въ 1780-хъ годахъ. Такъ въ спискѣ книгъ, «взятыхъ къ переводу» въ 1781 году переводческой коммиссіей, помѣщены были: Базедова—«Книжка для родителей и учителей всякаго состоянія», Кампе—«Собраніе разнаго рода сочиненій или дѣтская вивліоика», Рохова—«Другъ дѣтей или книжка, сочиненная для обученія дѣтей чтенію», его же «Книжка для употребленія въ сельскихъ училищахъ», Резевица—«О воспитаніи мѣщанъ», и нѣсколько спеціальныхъ книгъ по географіи и исторіи. Переводъ всѣхъ этихъ книгъ находился, можно думать, въ связи съ рѣшеніемъ императрицы Екатерины положить въ основаніе учебной реформы австрійскую систему народныхъ училищъ. Въ спискѣ переводческой коммиссіи противъ перечисленныхъ книгъ сдѣлана отмѣтка: «книги, рекомендованныя комитетомъ, разсматривавшимъ училища»; трудно догадаться, какой комитетъ въ данномъ случаѣ разумѣлся [2]).

Итакъ, 1760—1770-ые годы были эпохой преимущественно французскаго вліянія. Въ это время русское общество ознакомилось съ цикломъ новыхъ педагогическихъ ученій, рѣзко

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. XXIII, стр. 68, 69, 76, 87, 290, 366; т. XXXIII, стр. 432.

[2]) *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. I, стр. 351—353.

порывавшихъ съ вѣковой педагогической традиціей и требовавшихъ коренного пересмотра всѣхъ основныхъ проблемъ въ области народнаго просвѣщенія. Вліяніе этихъ ученій было тѣмъ глубже и неотразимѣе, что онѣ тѣсно переплетались съ сѣтью философскихъ, соціальныхъ и политическихъ идей и теорій, со всѣмъ богатымъ содержаніемъ «просвѣщенія» XVIII вѣка. Возникавшія изъ нѣдръ этого просвѣщенія педагогическія ученія далеко выходили за предѣлы своей непосредственной компетенціи и брали на себя смѣлую задачу, создавая совершеннаго человѣка и гражданина, не только обновить нравственную природу отдѣльнаго человѣка, но также вдохнуть новую жизнь въ гражданскія и политическія формы общежитія.

Но съ точки зрѣнія тѣхъ практическихъ задачъ, передъ которыми въ изучаемое время стояла русская политика народнаго просвѣщенія, французская педагогія средины XVIII вѣка имѣла одну слабую сторону. Эта педагогія блистала богатствомъ глубокихъ и оригинальныхъ идей и теорій, но не успѣла еще ихъ претворить въ формахъ опредѣленной практической системы образованія. Какъ замѣтилъ Дидро, всѣ самые блестящіе его соотечественники, писавшіе на тему о народномъ просвѣщеніи, «достаточно хорошо познали недостатки общественнаго воспитанія, но ни одинъ изъ нихъ не указалъ вѣрныхъ средствъ для его исправленія» [1]). Практической стороной дѣла сильнѣе была новая германская педагогія, болѣе или менѣе основательное знакомство съ которой началось для русскаго правительства и общества въ концѣ 1770-хъ и въ 1780-хъ годахъ. Эта педагогія въ лицѣ филантропизма и его послѣдователей выставляла цѣлый арсеналъ практическихъ средствъ учебной реформы: новые типы школъ, учебные планы, методы преподаванія, учебную литературу и пособія. Въ общемъ ходѣ нашего педагогическаго движенія въ царствованіе Екатерины II и можно отмѣтить смѣну вліянія французской педагогіи вліяніемъ педагогіи германской съ присущими каждой изъ нихъ характерными чертами. 1760-ые и отчасти 1770-ые

[1]) *Diderot*, Oeuvres complètes, t. III (Paris 1875), p. 431.

годы--время работы, возбужденной идеями французской педагогіи; цѣль этой работы -- построить новую учебную систему, отвѣчающую утопическому идеалу созданія совершенной породы людей и гражданъ. Въ 1770-хъ годахъ этотъ утопическій идеалъ уже значительно меркнетъ, и политика императрицы Екатерины переходитъ на болѣе практическую почву. Въ 1780-хъ годахъ переносится въ Россію австрійская система народныхъ училищъ, одинъ изъ наиболѣе зрѣлыхъ плодовъ германскаго педагогическаго движенія.

Умѣнье Екатерины легко и свободно завязывать личныя сношенія съ представителями западнаго просвѣщенія послужило основаніемъ для ряда попытокъ привлечь ихъ къ непосредственному, практическому разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ народнаго просвѣщенія. Необходимо войти въ нѣкоторыя подробности этихъ попытокъ, такъ какъ ими освѣщаются и общія черты того положенія, какое съ теченіемъ времени складывалось для просвѣтительныхъ плановъ императрицы.

Въ 1762 году Екатерина обратилась съ предложеніемъ къ д'Аламберу занять должность воспитателя великаго князя Павла Петровича. Въ отвѣтъ на отказъ д'Аламбера переселиться въ Россію императрица отвѣтила 13 ноября того же года письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писала: «вы рождены или призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлаго народа» [1]). Можетъ быть, это—пустое преувеличеніе и лесть, которыми Екатерина не брезговала въ перепискѣ съ философами; но, можетъ быть, здѣсь можно видѣть и намекъ на то, что д'Аламбера предполагалось привлечь къ болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ воспитаніе наслѣдника, къ подготовкѣ общей учебной реформы. Въ 1770 году сдѣлана была уже извѣстная намъ попытка привлечь къ этой работѣ Базедова: послѣдній получилъ черезъ президента Академіи наукъ графа Вл. Орлова приглашеніе прибыть въ Петербургъ на годъ или по меньшей мѣрѣ на 3—4 мѣсяца для обсужденія вопроса о школахъ. Базедовъ отказался подъ

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. VII, стр. 179.

предлогомъ недостаточнаго знанія французскаго языка и непривычки къ придворной обстановкѣ.

Неясными представляются обстоятельства обращенія къ извѣстному берлинскому профессору и педагогу Іог. Георгу Зульцеру (Сульцеру, 1720—1779). Въ 1773 году отъ него получено было «Мнѣніе объ учрежденіи народныхъ школъ», содержавшее нѣкоторыя общія указанія относительно учрежденія низшихъ, сельскихъ и городскихъ, училищъ и ученыхъ школъ, а также приготовленія учителей. Ограничиваясь въ этой запискѣ лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями, авторъ обѣщалъ представить и болѣе подробные планы учебной реформы. На запискѣ Зульцера, сохранившейся въ Государственномъ Архивѣ въ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, неизвѣстной рукой сдѣлана приписка: «Мнѣніе объ учрежденіи народныхъ школъ, сообщенное ко мнѣ отъ славнаго господина Сульцера изъ Берлина въ 1773 г.» [1]).

Болѣе серьезное значеніе для развитія плановъ учебной реформы имѣло обращеніе къ Дидро и Гримму. Съ обоими Екатерина лично познакомилась осенью 1773 года, когда они въ сентябрѣ одинъ за другимъ пріѣхали въ Петербургъ. Въ данный моментъ вопросъ о народномъ просвѣщеніи находился въ слѣдующемъ положеніи. Рядъ учебно-воспитательныхъ сословныхъ заведеній, устроенныхъ подъ руководствомъ Бецкаго, на началахъ Генеральнаго плана 1764 года, уже былъ въ ходу. Изданіе въ 1774 году, «въ удовольствіе общества», «Учрежденій и уставовъ, касающихся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола», можно было понимать, какъ знакъ того, что устройство этихъ заведеній признавалось нѣкоторымъ цѣльнымъ и законченнымъ предпріятіемъ. Въ то же время заканчивалась серія проектовъ,

---

[1]) Государств. Архивъ, XVII, № 70. О Зульцерѣ см. „Allgemeine Deutsche Biographie“, B. XXXVII, 144—147. Въ 1771 г. онъ былъ приглашенъ въ Курляндію для устройства гимназіи въ Митавѣ; по разстроенному здоровью онъ туда не поѣхалъ, но послалъ учебный планъ гимназіи. О педагогическихъ воззрѣніяхъ Зульцера см. *Schmid*, Geschichte der Erziehung. V, 1 Abteil., 173—174; *Paulsen*, Geschichte des gelehrten Unterrichts, II, 73. О русскихъ переводахъ изъ сочиненій Зульцера по эстетикѣ у *Неустроева*, op. cit., стр. 665.

посвященныхъ наиболѣе важному вопросу—о созданіи общей системы всесословныхъ школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ, проектовъ, составленныхъ проф. Дильтеемъ, Тепловымъ и Миллеромъ съ компаніей, частной коммиссіей объ училищахъ и призрѣнія требующихъ, наконецъ духовными коммиссіями. Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не получилъ утвержденія, и затронутая ими съ разныхъ сторонъ центральная задача политики народнаго просвѣщенія въ данный моментъ оставалась открытой.

Надо полагать, что императрица постаралась познакомить своихъ заграничныхъ друзей, прежде всего, съ казовой стороной своихъ просвѣтительныхъ замысловъ, представленной учебно-воспитательными заведеніями вѣдомства Бецкаго. Дѣйствительно, Дидро посѣщалъ эти заведенія и не скупился на самыя преувеличенныя похвалы имъ, а равно и ихъ создательницѣ. Появленіе, при содѣйствіи того-же Дидро, «Учрежденій и уставовъ» за-границей, во французскомъ переводѣ, должно было создать чуть не міровую славу просвѣтительнымъ учрежденіямъ императрицы Екатерины II. Въ письмѣ отъ 13 сентября 1774 года Дидро писалъ ей: «когда эти учрежденія достигнутъ того совершенства, достичь котораго они способны и котораго многія изъ нихъ уже достигли, Россію будутъ посѣщать для изученія этихъ учрежденій, какъ нѣкогда посѣщали Египетъ, Лакедемонію и Критъ, но съ любопытствомъ, смѣю сказать, и болѣе основательнымъ и лучше вознагражденнымъ» [1]),

Похвалы, расточаемыя новымъ сословнымъ учебно-воспитательнымъ заведеніямъ, не могли, однако, отвлечь вниманія Екатерины отъ важнѣйшей задачи политики просвѣщенія—созданія цѣльной системы всесословныхъ школъ, отъ начальныхъ училищъ до университетовъ. Этотъ вопросъ обсуждался въ личныхъ бесѣдахъ Екатерины съ Дидро, и послѣдній получилъ порученіе представить по данному вопросу свои соображенія и планы. На тему о созданіи общей системы про-

---

[1]) *В. А. Бильбасовъ*, Дидро въ Петербургѣ (Спб. 1884), стр. 94—95, 108—118, 137, 217, 253, 261—262.

свѣщенія Дидро составилъ три записки. Первая записка —«Des écoles publiques» была составлена, кажется, въ 1773 году еще во время пребыванія Дидро въ Петербургѣ. Это былъ оригинальный планъ школы «générale et publique». Задача ея должна была отвѣчать намѣренію императрицы, вѣроятно, высказанному въ устныхъ бесѣдахъ съ Дидро, «que l'éducation de ses écoles publiques soit civile, c'est à dire relative au bien de la société, et convienne, du moins depuis son commencement jusqu'à un certain degré, à toutes les conditions et à tous les individus. Всѣ учащіеся въ этой школѣ дѣлились на три разряда: «des pensionnaires, des boursiers et des externes»; курсъ ученія дѣлился на три послѣдовательныхъ цикла: низшій — элементарный, средній — общеобразовательный, («à la fin du quel un enfant aurait reçu toutes les lumières d'une excellente éducation et d'où il sortirait avec des connaissances préliminaires qui lui serviraient, quel que fût l'état auquel il se destinât»), наконецъ, третій—высшій, философскій, «qui conduit à l'état de savant» [1]).

Вторая записка Дидро на ту же тему о системѣ общаго образованія, «Essai sur les études en Russie», представляла сжатую, но ясную и четкую характеристику германской системы образованія, отъ элементарныхъ школъ до университетовъ. Въ предисловіи къ этой запискѣ Дидро доказывалъ, что «лучшія школы учреждены въ странахъ протестантскихъ» и что въ государствахъ католическихъ главнымъ тормазомъ является духъ католическаго духовенства, «entièrement opposé aux progrès des lumières et de la raison». Дидро настаивалъ, что и для Россіи именно въ протестантскихъ странахъ нужно искать лучшихъ и самыхъ разумныхъ учрежденій для образованія юношества. Съ этою цѣлью Дидро рекомендовалъ императрицѣ обратиться къ профессорамъ университетовъ въ Лейпцигѣ, Гёттингенѣ, Лейденѣ, Оксфордѣ, Эдинбургѣ, Глазго. Въ частности Дидро указывалъ на Лейпцигскаго профессора Эрнести, какъ на выдающагося педагога, который болѣе другихъ былъ способенъ «начертать превосходный планъ». Эта

[1]) *M. Tourneux*, Diderot et Catherine II (Paris 1899), p. 363—382.

*

записка Дидро, впервые, кажется, отчетливо познакомившая императрицу Екатерину съ германской системой образованія, была ею получена осенью 1775 года: въ письмѣ отъ 29 ноября, извѣщая о томъ Гримма, Екатерина писала: «dès que la gourme de la législomanie sera jetée, je m'occuperai de cet ouvrage-la: Dieu veuille conserver jusque la m-r Ernesti» [1]).

Повидимому, не позже лѣта 1775 года Дидро окончилъ главную свою записку, знаменитый «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie». Въ письмѣ отъ 6 октября онъ извѣщалъ Екатерину, что эта работа, порученная ему совмѣстно съ Гриммомъ, переслана послѣднему, который и долженъ доставить ее по назначенію. Въ томъ же письмѣ Дидро отмѣтилъ два главныхъ препятствія для осуществленія его плана: отсутствіе «классическихъ книгъ», т. е. спеціальной учебной литературы, и недостатокъ учителей. Обозначимъ пока общія внѣшнія черты плана Дидро. Подъ именемъ университета Дидро разумѣлъ школу, «dont la porte est ouverte indistinctement à tous les enfants d'une nation et où des maîtres stipendiés par l'Etat les initient à la connaissance élémentaire de toutes les sciences». Но въ университетъ могутъ поступать дѣти уже обученные дома или въ начальныхъ школахъ (petites écoles) чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. Такимъ образомъ университетъ долженъ представлять собственно систему средняго и высшаго образованія. Система средняго образованія сосредоточивается на первомъ факультетѣ университета — «Faculté des arts» — и раздѣляется на четыре параллельныхъ курса: 1) наукъ математическихъ и естественныхъ, 2) наукъ философскихъ, историческихъ и филологическихъ, 3) и 4) искусствъ. Факультетъ «des arts» являлся основаніемъ для высшаго спеціальнаго образованія, распредѣляемаго по тремъ факультетамъ: медицинскому, юри-

---

[1]) *Diderot* Oeuvres, t. III, p. 415—428. „Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ.“, т. XXIII, стр. 38. Іог. Авг. Эрнести былъ однимъ изъ виднѣйшихъ предшественниковъ ново-гуманизма въ исторіи классическаго образованія въ Германіи. О немъ *Schmid*, op. cit., V, 1-e Abteil., 174—150; *Paulsen*, op. cit., II, 29—32.

дическому и богословскому. Къ университету примыкаютъ спеціальныя школы: политики, военной, инженерной, морской науки и изящныхъ искусствъ съ архитектурой. По каждому факультету Дидро давалъ подробное объясненіе содержанія и взаимной связи составляющихъ его курсовъ и указывалъ соотвѣтствующую учебную литературу. Заканчивался планъ соображеніями объ административномъ составѣ университета, о внутреннемъ режимѣ школъ, входящихъ въ составъ университета, о преподавателяхъ, учебныхъ книгахъ, строеніяхъ. Таково было въ главныхъ пунктахъ содержаніе сложнаго плана Дидро. О полученіи его Екатерина извѣстила Гримма въ письмѣ отъ 20 января 1776 года въ такихъ выраженіяхъ: «j'ai reçu le gros livre de Denis Diderot, et je le lirai lorsque l'article des universités sera mis en tapis». Въ данный моментъ она была поглощена реформой областныхъ учрежденій, и неизвѣстно, собралась ли она когда нибудь серьезно проштудировать «le gros livre» Дидро, несомнѣнно самый оригинальный изъ всѣхъ доставленныхъ ей проектовъ учебныхъ реформъ. Можно вообще замѣтить нѣсколько скептическое отношеніе Екатерины къ широкимъ и иногда парадоксальнымъ взглядамъ Дидро. Въ ея глазахъ онъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ философовъ, которые, какъ выразилась она однажды, могутъ написать много хорошихъ книгъ и надѣлать много плохихъ дѣлъ [1]).

«Планъ» Дидро встрѣтилъ въ нашей литературѣ весьма отрицательную оцѣнку со стороны графа Д. А. Толстого, видящаго въ Дидро «праотца современныхъ (писано въ 1886 году) ультрареалистовъ; онъ довелъ эту систему до крайнихъ ея предѣловъ, до послѣдняго ея слова, до полной нелѣпости». Убравъ проектъ Дидро въ свой портфель съ тѣмъ, чтобы никогда его оттуда не вынимать, Екатерина сдѣлала изъ него лучшее употребленіе, какое могла сдѣлать. Наоборотъ, В. А. Бильбасовъ находитъ, что графъ Толстой совершенно не

---

[1]) *Diderot*, Oeuvres, t. III, p. 429—534. *Бильбасовъ*, op. cit., стр. 261, 313—315. *G. Compayré*, Histoire critique des doctrines de l'éducation en France, t. II (Paris 1885), p. 170—174. „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. VII, стр. 42.

понялъ этого «Плана» и даже извратилъ нѣкоторыя его положенія. Иностранные педагоги, какъ указываетъ г. Бильбасовъ, находили во взглядахъ Дидро на устройство учебной части много указаній полезныхъ и для новѣйшаго времени и въ частности для Россіи [1]). Какъ бы то ни было, совокупность записокъ Дидро вѣрно указывала тотъ путь, на который готовилась вступить наша политика просвѣщенія въ 1770-хъ годахъ. Дидро очень обстоятельно и ярко своими планами и предложеніями иллюстрировалъ основную идею, которую должна была усвоить эта политика, именно идею цѣльной системы народнаго просвѣщенія, и вѣрно указывалъ, что систему учрежденій для осуществленія этой идеи въ данный моментъ удобнѣе всего было заимствовать изъ Германіи.

Болѣе серьезныхъ въ практическомъ отношеніи услугъ ожидала Екатерина отъ Гримма. По пріѣздѣ его въ Петербургъ въ 1773 году, уже на другой день послѣ представленія его императрицѣ, ему сдѣлано было предложеніе черезъ генерала Бауера вступить въ русскую службу. Повидимому, при этихъ первыхъ переговорахъ Екатерина не предлагала Гримму какой-либо опредѣленной должности и желала получить отъ него лишь принципіальное согласіе на переходъ въ русскую службу. Когда Гриммъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, находя, что «нельзя быть полезнымъ дѣятелемъ, не зная языка того края, которому служишь», императрица возразила, что ея дѣло дать ему службу, на которой онъ могъ бы быть ей полезенъ. Открыла ли при этомъ Екатерина, на какую именно службу она предназначала Гримма, послѣдній не сообщаетъ, и предположеніе, что уже тогда Екатерина желала поручить ему «главное завѣдываніе по учрежденію и управленію училищъ», представляется намъ не обоснованнымъ.

Какъ мы уже знаемъ, во время пребыванія Гримма и Дидро въ Петербургѣ оба они совмѣстно получили порученіе составить планъ общей учебной системы для Россіи. Какія именно

---

[1]) *Графъ Толстой*, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII в., стр. 76—84. *Бильбасовъ*, op. cit., стр. 117—118, 314—315.

стороны даннаго вопроса особенно интересовали Екатерину, открывается изъ письма ея къ Гримму отъ 27 февраля 1775 года. Поговоривъ въ началѣ, по обыкновенію, о разныхъ разностяхъ и вспомнивъ о Дидро, она пишетъ: «mais écoutez un peu, messieurs les philosophes, qui ne faites point secte, vous seriez des gens charments, adorables, si vous aviez la charité de dresser un plan d'étude pour les jeunes gens, depuis l'abc jusqu'à l'université inclusivement. Vous me direz que c'est une indiscrétion que de vous demander cela; mais on me dit qu'il faut trois sortes d'écoles, et moi, qui n'ai point étudié et qui n'ai point été à Paris, je n'ai ni science ni esprit et par conséquent je ne sais point ce qu'il faut apprendre, ni même qu'est ce qu'on peut apprendre, et où puiser tout cela, si ce n'est chez vous autres. Je n'ai point encore le livre, que vous avez bien voulu envoyer par le pr. Dolgorouki de la part de la mère d'Emilie; mais je suis fort en peine d'avoir une idée d'université, de sa régie de gymnases et de sa régie d'écoles et de sa régie... En attendant que vous acquiesciez ou n'acquiesciez pas à ma prière, je sais ce que je m'en vais faire: je m'en vais feuilleter l'Encyclopédie; oh, pour sûr j'y prendrai par les oreilles tout ce qu'il me faut et ne me faut pas». Итакъ, вотъ тотъ главный вопросъ, для разрѣшенія котораго Екатерина не находила точки опоры: органическая связь отдѣльныхъ цикловъ образованія, идея системы народнаго просвѣщенія. Помочь овладѣть этой идеей, найти средства ея практическаго осуществленія приглашены были теперь заграничные друзья философы, прежде всего Гриммъ и Дидро, послѣ того, какъ не достигли цѣли доморощенные проекты, послѣдовавшіе за Генеральнымъ учрежденіемъ 12 марта 1764 года.

Гриммъ отозвался на обращенную къ нему просьбу въ 1775 году. Въ письмѣ отъ 16 іюня императрица благодарила Гримма за присланную имъ «прекрасную записку о школахъ», которою она предполагала тщательно заняться по окончаніи поглощавшей ее тогда работы по областной реформѣ. Къ сожалѣнію, эта записка, повидимому, не сохранилась. Въ ноябрѣ 1777 года Екатерина писала Гримму, что она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его размышленій «über das Schulmeis-

terhandwerk»; и эта просьба была исполнена Гриммомъ, сообщившимъ свои замѣчанія на проектъ профессора Шадена объ учительской семинаріи. Въ 1778 году была получена черезъ посредство Гримма записка барона Дальберга; но эту записку императрица, уже не читая, убрала въ ящикъ, въ которомъ у нея собрана была цѣлая коллекція записокъ и проектовъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ. Наконецъ, Гриммъ, какъ мы видѣли, давалъ отзывъ о Филантропинѣ Базедова и сообщалъ о нѣкоторыхъ новостяхъ германской педагогической литературы.

Теряясь въ собранныхъ матеріалахъ, не уясняя себѣ отчетливо основной идеи учебной реформы, Екатерина въ февралѣ 1777 года предложила Гримму принять на себя управленіе училищами, «которыя она намѣревалась учредить и оставить подъ непосредственнымъ своимъ завѣдываніемъ». Убѣждая Гримма принять это предложеніе, императрица писала ему: «Екатерина вторая, только вторая, безъ какого бы то ни было другого эпитета, при всей своей власти и при всей доброй волѣ, не въ состояніи сдѣлать много полезнаго для Россіи безъ помощниковъ, именно устроить школы низшія, среднія и высшія». Гриммъ рѣшительно отказался отъ предложенной чести. «Ея Величество, разсказываетъ онъ въ своей автобіографической запискѣ, часто говорила мнѣ объ этомъ предметѣ. Я зналъ ея намѣренія; она позволила мнѣ высказывать мои мысли и иногда требовала ихъ въ письменномъ изложеніи. Но отъ этихъ соображеній далеко до способностей, необходимыхъ для успѣшнаго управленія (школами), и мнѣ не стоило труда убѣдить Рожерсона (черезъ котораго, между прочимъ, сдѣлано было предложеніе Гримму), что незнаніе языка (русскаго) дѣлало меня совершенно непригоднымъ».

Послѣ отказа Гримма сдѣлаться оффиціальнымъ помощникомъ въ дѣлѣ учебной реформы Екатерина откладываетъ это дѣло въ долгій ящикъ. Извѣщая въ декабрѣ 1778 года Гримма о полученіи рукописи барона Дальберга, императрица пишетъ, что воспользуется собранными матеріалами впослѣдствіи, особенно если Богъ пошлетъ ей долготу дней Маѳусаиловыхъ. Въ письмѣ отъ 2 февраля 1780 года Екатерина оправды-

валась, что она и желала бы подвинуть ту работу, которую она хотѣла поручить Гримму во время его пребыванія въ Петербургѣ, но что не въ недостаткѣ ея доброй воли причина того, что работа не подвигается; то, что нужно для этой работы, не готово. Пока яблоко не созрѣло, утѣшала себя Екатерина, оно ничего не стоитъ, и тысяча лѣтъ передъ Богомъ, какъ одно мгновеніе. Годомъ раньше или позже—не важно для государства; надо, чтобы яблоко созрѣло [1]).

Итакъ, обращеніе императрицы Екатерины къ заграничнымъ друзьямъ философамъ, обогативъ собранную ею коллекцію проектовъ учебной реформы новыми матеріалами, не достигло прямой цѣли. Составленные философами планы попали, въ концѣ концовъ, также въ долгій ящикъ, какъ и предшествующая серія доморощенныхъ проектовъ. Но бесѣды и переписка императрицы Екатерины съ Дидро и Гриммомъ опредѣлили въ значительной мѣрѣ, можно думать, новый поворотъ въ политикѣ просвѣщенія. Съ конца 1770-хъ и начала 1780-хъ годовъ кончается эпоха заимствованія отвлеченныхъ идей и начинается эпоха заимствованія учрежденій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принципы новой системы просвѣщенія.

Согласно Генеральному учрежденію 12 марта 1764 года новую систему просвѣщенія требовалось построить на строго раціональныхъ принципахъ, на чистыхъ педагогическихъ началахъ. Первымъ залогомъ жизненности такой системы должна была служить опредѣленность и послѣдовательность законодательной постановки и разработки ея принциповъ. Какъ справились съ этой задачей тѣ опыты школьнаго законодательства, которые заключались въ изучаемыхъ нами проектахъ учебныхъ реформъ времени Екатерины II?

«Образованіе человѣка и гражданина»—вотъ та, данная

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. II, стр. 326, 328, 333—334; т. XXIII, стр. 19, 25, 38, 69, 115, 173; XLIV, стр. 100—104. *Бильбасовъ*, op. cit., стр. 313.

Генеральнымъ учрежденіемъ, общая формула, въ которой заключены были всѣ руководящіе принципы новой системы просвѣщенія. Какъ обстоятельно доказывалось въ Генеральномъ учрежденіи, образованіе человѣка и гражданина слѣдовало разсматривать, какъ проблему нравственнаго воспитанія. Сдѣлать новыя школы учрежденіями, прежде всего, воспитательными, гармонически сочетать со средствами воспитанія средства научнаго образованія, общаго и профессіональнаго,— таковъ былъ первый принципіальный вопросъ учебной реформы.

Образованіе «человѣка» завершается образованіемъ «гражданина». Въ этомъ пунктѣ новая система просвѣщенія должна была встрѣтиться съ основной традиціей предшествующей эпохи, съ господствомъ сословно-профессіональныхъ интересовъ. Совмѣстимъ ли новый педагогическій идеалъ съ сословнымъ строемъ школы,—таковъ былъ второй принципіальный вопросъ новой политики просвѣщенія.

Новая система воспитанія и образованія разсматривалась, какъ средство «произвести новую породу отцовъ и матерей». Требовалось поднять женское образованіе и ввести его въ общую систему народнаго просвѣщенія.

Наконецъ, грандіозная задача «преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе» являлась дѣломъ, по признанію самихъ его иниціаторовъ—Екатерины II и Бецкаго, «совокупленнымъ съ невѣроятными трудами». За это дѣло смѣло брался просвѣщенный абсолютизмъ XVIII вѣка съ его вѣрой во всемогущество государственной иниціативы и средствъ. Отсюда вытекала необходимость поставить вопросъ о новой системѣ просвѣщенія, какъ государственную проблему.

Въ постановкѣ всѣхъ этихъ принципіальныхъ вопросовъ учебной реформы отразилось, главнымъ образомъ, вліяніе французскаго просвѣщенія. Что́ именно почерпнули изъ сокровищности этого просвѣщенія наши составители проектовъ учебныхъ реформъ: законченныя, цѣльныя теоріи и построенія того или другого мыслителя, или отдѣльныя идеи и положенія, которыя уже своеобразно комбинировались въ соот-

вѣтствіи съ общей обстановкой вопроса объ учебной реформѣ въ Россіи? Переходя къ анализу, съ этой точки зрѣнія, принциповъ нашей учебной реформы, слѣдуетъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе. Какъ отмѣтилъ В. Виндельбандъ, исторія французскаго просвѣщенія XVIII вѣка есть «скорѣе исторія общихъ мыслей и книгъ, въ которыхъ онѣ высказываются, чѣмъ людей, которые ихъ создаютъ. Болѣе, чѣмъ когда либо, въ общемъ ходѣ этого развитія особенности личностей отступаютъ на задній планъ, какъ ни ярки онѣ сами по себѣ... Новыя мысли, или даже только зачатки мыслей, зародившіяся въ одномъ, тотчасъ же пускали корни въ остальныхъ и затѣмъ одновременно или непосредственно другъ за другомъ выступали, хотя и въ различныхъ формахъ и въ различномъ примѣненіи, въ произведеніяхъ отдѣльныхъ членовъ единаго философствующаго индивидуума. Такимъ образомъ, часто затруднительно, а иногда даже совершенно невозможно, точно обозначить отдѣльнаго автора отдѣльныхъ мыслей» [1]). Эта своеобразная черта исторіи французскаго просвѣщенія должна быть принята во вниманіе и при изслѣдованіи его вліянія на развитіе нашей педагогической мысли. Она также вращалась, прежде всего, въ кругу такихъ общихъ идей, которыя являлись общепризнанными, ходячими положеніями и относительно которыхъ трудно иногда рѣшить, отъ какого автора, изъ какого труда онѣ въ каждомъ данномъ случаѣ заимствованы. Но позаимствованіе извѣстной общей идеи еще не предопредѣляло выбора той или другой опредѣленной теоріи или учебной системы. Эти теоріи и системы различныхъ мыслителей, вырастая изъ одного корня и перекрещиваясь въ нѣкоторыхъ общихъ пунктахъ, иногда далеко расходились одна отъ другой въ своихъ конечныхъ цѣляхъ. Все это заставляетъ ожидать, что заимствованія авторовъ нашихъ проектовъ новой учебной системы изъ источниковъ педагогическаго движенія XVIII вѣка будутъ имѣть преимущественно эклектическій характеръ.

---

[1]) *В. Виндельбандъ*, Исторія новой философіи въ связи съ общей культурой и отдѣльными науками, 2-е изд., т. I (Спб. 1908), стр. 293—294.

I.

Въ Генеральномъ учрежденіи 12 марта 1764 года ясно и рѣзко выраженъ былъ взглядъ, долженствовавшій лечь въ основаніе всѣхъ будущихъ учебныхъ реформъ, что «корень всему злу и добру—воспитаніе», что «украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ», наконецъ, «что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха» нельзя и ожидать безъ добраго воспитанія.

Это убѣжденіе въ преимущественномъ значеніи нравственнаго воспитанія, сравнительно съ научнымъ образованіемъ, было послѣдовательно проведено, прежде всего, въ частичныхъ опытахъ учебной реформы, въ уставахъ новыхъ или вновь преобразованныхъ заведеній: воспитательнаго училища при Академіи художествъ, Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, Коммерческаго училища. Всѣ эти учебно-воспитательныя заведенія имѣли цѣлью сдѣлать своихъ питомцевъ сначала добродѣтельными и потомъ уже просвѣщенными. То же положеніе доказывалось и въ проектѣ «государственныхъ гимназій», или дѣтскихъ воспитательныхъ академій, составленномъ Миллеромъ, Дильтеемъ, Клингштетомъ, Тепловымъ и тѣсно примыкавшемъ къ Генеральному учрежденію 1764 года. Въ предварительномъ докладѣ императрицѣ составители проекта останавливаются, прежде всего, на доказательствѣ тезиса, что воспитаніе есть «источникъ всего въ свѣтѣ человѣческаго благополучія». Доказательства эти по существу не новы, сравнительно съ мыслями Генеральнаго учрежденія 1764 года. Отвергая мнѣніе, «что науки и художества сами собою довольны уже въ человѣкѣ произвести благонравіе», авторы доклада, напротивъ того, полагаютъ, «что ученый и злонравный человѣкъ больше вреда обществу принести можетъ, употребляя излишнее свое свѣдѣніе орудіемъ на вредъ ближняго, нежели оставленный въ своемъ невѣжествѣ съ тихимъ и кроткимъ нравомъ». Возвышать разумъ юноши науками «ни мало не стараясь сердце

его сдѣлать добродѣтельнымъ»,—все равно, что строить храмъ, не заложивъ ему прежде крѣпкаго основанія. Съ другой стороны, разумъ, не просвѣщенный науками, не есть настоящая добродѣтель; а если бы онъ и былъ таковою, то эта добродѣтель составляла бы «сокровище безъ употребленія». Человѣка только добродѣтельнаго, но по невѣжеству неспособнаго ни къ какому труду, остается «за одну только диковинку или рѣдкость показывать другимъ».

Но авторы доклада предвидятъ одно возможное возраженіе: воспитаніе юношества въ однихъ добрыхъ нравахъ не «удалитъ» ли «и тѣ науки въ Россіи, къ которымъ доброе начало многими учрежденными въ государствѣ училищами положено»? На такой вопросъ авторы доклада отвѣчаютъ слѣдующимъ, весьма характернымъ соображеніемъ: «такое удаленіе для того въ школахъ сего рода воспитательныхъ сдѣлать надлежитъ, чтобъ съ меньшимъ трудомъ, однимъ разомъ цвѣтущаго состоянія народу достигнуть, ибо въ другомъ и третіемъ нарожденіи тѣ же науки въ благонравныхъ сердцахъ съ большимъ плодомъ поселяемы будутъ, а отъ того и сограждане въ народѣ совершеннѣе къ общему добру устремятся». Итакъ, первая задача реформы ставится сознательно односторонне, первое поколѣніе, проходящее черезъ новыя школы, должно быть преимущественно воспитано въ добродѣтели, хотя бы съ ущербомъ для его научно-образовательныхъ интересовъ. Въ надлежащую гармонію нравственное воспитаніе и научное образованіе будутъ приведены тогда, когда новыя поколѣнія принесутъ въ школу уже наслѣдственно «благонравныя сердца» [1]).

Послѣдовавшіе за планомъ государственныхъ гимназій проекты уже не входили въ подробное доказательство преимущественной важности воспитанія. Они брали это положеніе, какъ неоспоримое, и полагали его краеугольнымъ камнемъ своихъ построеній: «ученіе нравовъ первой главой всякаго ученія быть должно»; оно есть «главное всего дѣла основаніе».

Что нравственное воспитаніе должно составлять первую,

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 82—92.

основную задачу всякой системы просвѣщенія,—это было общепризнаннымъ и безспорнымъ положеніемъ, на которомъ сходились болѣе или менѣе всѣ педагогическія теоріи XVIII вѣка. И нашими проектами это положеніе заимствовано было не у того или другого отдѣльнаго мыслителя. Оно выразилось въ нихъ, какъ ходячій педагогическій тезисъ. Но практическое приложеніе этого тезиса выдвигало рядъ частныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ отдѣльныя теченія западной педагогической мысли расходились между собою довольно значительно. Это были вопросы: 1) о такъ называемомъ «отрицательномъ» воспитаніи, 2) о соотношеніи семейнаго и публичнаго воспитанія, 3) о соотношеніи «воспитанія» и «образованія» въ узкомъ смыслѣ этихъ понятій. Болѣе или менѣе существенныя разногласія по этимъ вопросамъ вытекали изъ различія взглядовъ на первоначальную сущность нравственной природы человѣка.

Ученіе Руссо о прирожденной чистотѣ и добротѣ души ребенка требовало примѣненія «отрицательнаго воспитанія» (éducation negative), отвращающаго отъ ребенка дурныя вліянія и впечатлѣнія и уступающаго положительную, творческую роль великой воспитательницѣ — природѣ. Это ученіе о преимуществахъ отрицательнаго воспитанія не получило, однако, общаго признанія. Большинство творцовъ новыхъ педагогическихъ теорій стояло на сторонѣ противоположнаго взгляда, видѣвшаго въ раціональной педагогіи могучую творческую силу, дѣйствительно способную «вкладывать души» въ людей. Психологической основой этого взгляда служило ученіе о природномъ безразличіи души ребенка, объ отсутствіи въ ней врожденныхъ склонностей. Писатели, примыкавшіе по своимъ психологическимъ и педагогическимъ воззрѣніямъ къ Локку, прямо отвергали методъ «отрицательнаго воспитанія». Таковъ былъ, напримѣръ, Ла-Шалотэ, а особенно Гельвецій, который рѣзче, чѣмъ кто либо другой, выражалъ мысль о всемогуществѣ воспитанія: «l'éducation nous fait ce que nous sommes» [1]).

---

[1]) *La-Chalotais*, Essai d'éducation nationale ou plan d'études pour la jeunesse (Geneve, 1763), p. 6—7, 64—65. *Helvetius*, De l'homme etc. (London, 1773), t. II, p. 616. *Compayré*, op. cit., t. II, p. 192, 219—220. *Jules Delvaille*, La-Chalotais éducateur (Paris, 1911), p. 105—108. *А. С. Лаппо-*

Для авторовъ нашихъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью начертать систему государственныхъ воспитательныхъ учрежденій, конечно, всего естественнѣе было предпочесть послѣдній взглядъ на воспитаніе, какъ на положительную творческую силу, взглядамъ Руссо, педагогической системой котораго прямо отрицалось публичное воспитаніе. Вѣра въ созидательную роль воспитанія всего ярче выражена была Бецкимъ въ Генеральномъ учрежденіи 12 марта 1764 года въ знаменитомъ тезисѣ, что «корень всему злу и добру — воспитаніе», и въ намѣреніи посредствомъ воспитанія «создать новую породу отцовъ и матерей». Составители проекта «дѣтскихъ воспитательныхъ академіей» не раздѣляли, однако, взгляда на безусловную пассивность и первоначальную, такъ сказать, пустоту души ребенка. По ихъ мнѣнію, «сущій младенецъ, ни добра ни зла не вѣдающій», уже имѣетъ «природныя склонности, которыя онъ иногда заимствуетъ по крови отъ родителей своихъ». Но тѣмъ скорѣе надо спѣшить съ примѣненіемъ мѣръ разумной педагогіи. Воспитаніе тѣмъ вѣрнѣе приноситъ добрый плодъ, чѣмъ раньше захватываетъ оно душу ребенка. Предоставленный самому себѣ, ребенокъ осуждается на «неминуемую погибель»: на третьемъ или четвертомъ году возраста своего онъ можетъ даже оказаться «необузданною фуріею». Схожую мысль высказывалъ Ла-Шалотэ, возражавшій противъ «отрицательнаго воспитанія» Руссо: «Si l'on n'enseige pas le bien à l'homme, il se préoccupera nécessairement du mal. L'esprit et le coeur ne peuvent rester vides».

Придавая большое значеніе наслѣдственности, какъ первоначальному фактору, опредѣляющему то или другое направ-

---

Данилевскій, И. И. Бецкой и его система воспитанія, стр. 22—23. Еще до появленія книги Руссо у насъ распространялась мысль о необходимости слѣдовать въ воспитаніи природѣ. Такъ въ переводной съ нѣмецкаго (изъ Мейена) статьѣ „О вредѣ, который происходитъ отъ того, когда дѣтей вдругъ много принуждаютъ учиться“, дается совѣтъ „поступать по натурѣ“. „Ежемѣс. соч. къ пользѣ и увес. служ.“, 1760 г., янв. Въ „Письмѣ о воспитаніи малыхъ дѣтей“ (изъ „Ганновер. полезн. собраній“ 1755 г.) говорилось: „при воспитаніи малыхъ дѣтей примѣчать должно изъ натуры самихъ дѣтей и изъ врожденныхъ въ нихъ хотѣній... „Надлежитъ натуральной склонности къ добродѣтели споспѣшествовать“. Ibid., ноябрь.

леніе душевнаго развитія ребенка, авторы проекта воспитательныхъ академій вынуждены ограничить и мнѣніе о всемогуществѣ воспитанія. Послѣднее можетъ достигать своихъ цѣлей лишь при наличности данныхъ, гарантирующихъ подчиненіе ребенка педагогическому воздѣйствію; таковы: здоровое сложеніе, тихій нравъ, веселость духа. Отсюда требованіе предпочитать при пріемѣ въ академіи «сколько ни есть лучше рожденныхъ» дѣтей происшедшимъ отъ злонравныхъ родителей. Наши авторы основываютъ это требованіе на мнѣніи «нравоучителей», что сѣмя добродѣтели или злонравія «основаніе уже въ такихъ младенцахъ положило, которые до пятаго лѣта возраста своего родительскимъ законамъ повиновалися» [1]). Такъ новая педагогическая система, отказываясь побѣдить прирожденное злонравіе, получала своеобразный аристократическій характеръ.

То или другое рѣшеніе вопроса о дѣйствительной роли воспитанія связывалось съ вопросомъ о преимуществахъ частнаго индивидуальнаго, или публичнаго, общественнаго воспитанія. По этому вопросу представители западной педагогіи не давали единодушнаго отвѣта. Локкъ развивалъ систему домашняго воспитанія, но въ заключеніе оговаривался, что эта система предназначается непосредственно для воспитанія дѣтей дворянства и, слѣдовательно, не можетъ имѣть всеобщаго и обязательнаго значенія, какъ основа всей системы народнаго просвѣщенія. Еще болѣе индивидуалистическій и антиобщественный характеръ имѣла система «Эмиля», хотя въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ трактатахъ Руссо отмѣчалъ важность общественнаго и «національнаго» воспитанія [2]). Но педагогическія системы Локка и Руссо, имѣя громадное теоретическое значеніе для развитія и углубленія педагогической мысли, не давали, однако, практически осуществимыхъ формъ и средствъ,

---

[1]) Такую же мысль встрѣчаемъ въ одной журнальной статьѣ „О надобности и пользѣ градскихъ законовъ“: „хотя воспитаніе и много можетъ, но со всѣмъ тѣмъ часто злыя склонности человѣческія души поправить не въ состояніи“. „Ежемѣсячн. Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, 1759 г., іюль.

[2]) *Compayré*, op. cit., t. II, 80—81. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, op. cit, стр. 25.

которымъ можно было бы подчинить массу юныхъ поколѣній; такія формы и средства могли доставить только публичныя учрежденія, т. е. школы. Кромѣ того, системы воспитанія Локка и Руссо не отвѣчали одному изъ основныхъ стремленій новаго педагогическаго движенія—сосредоточить дѣло воспитанія и образованія въ рукахъ государства, которое могло опять таки дѣйствовать только черезъ публичныя учрежденія—школы. Поэтому слѣдуетъ считать болѣе согласнымъ съ общимъ духомъ и направленіемъ просвѣщенія XVIII вѣка мнѣніе о преимуществахъ публичнаго воспитанія, являющагося предметомъ государственнаго попеченія. Важнѣйшіе аргументы въ защиту преимуществъ публичнаго воспитанія исчерпаны были аббатомъ Сенъ-Пьеромъ и Гельвеціемъ. Д'Аламберъ въ написанной для «Энциклопедіи» статьѣ о «коллежахъ», подробно останавливаясь на дурномъ состояніи послѣднихъ, доказывалъ преимущества домашняго воспитанія передъ публичнымъ; послѣднее онъ считалъ пригоднымъ только для бѣдныхъ. Равнымъ образомъ и Дидро въ разборѣ сочиненія Гельвеція «О человѣкѣ» (1773—1774 г.) горячо возражалъ противъ аргументовъ о преимуществахъ публичнаго воспитанія передъ домашнимъ; но, считая домашнее воспитаніе лучшимъ для богатыхъ людей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицалъ и публичнаго воспитанія, требуя только коренной его реформы [1]).

Системы индивидуальнаго воспитанія Руссо и Локка встрѣчали въ русскомъ обществѣ не одно теоретическое сочувствіе. Дѣлались попытки и практическаго ихъ примѣненія. Мы уже упоминали о случаѣ, когда одинъ русскій баринъ воспиты-

---

[1]) *Compayré*, op. cit., t. II, p. 16—17, 199—204, 221—222. *L'abbé de Saint-Pierre*, Projet pour perfectionner l'éducation. (Paris, 1728), chap. XIII. *Helvetius*, De l'homme, section X, chap. III. Encyclopedie, t. III, p. 637. *Diderot*, Oeuvres, t. II, p. 450. Въ статьѣ „О воспитаніи дѣтей у Аѳинянъ", переведенной изъ „Маіеновой науки о воспитаніи дѣтей", на вопросъ, „лучше ли обществу взять на себя совершенное воспитаніе дѣтей, которые будутъ впредь онаго гражданами, или оставить оное дѣло родителямъ", слѣдовалъ отвѣтъ: „кто хочетъ знать начало испорченнаго дѣтей воспитанія, тотъ найдетъ оное сперва въ родителяхъ". Необходимо, чтобы „правительство семъ важномъ дѣлѣ (воспитаніе) къ собственной гражданъ и къ всеобщей государственной пользѣ нѣкое раченіе предлагало". „Ежем. сочин. къ пользѣ и увесел. служ.", 1758 г., май.

валъ сына по плану «Эмиля». Системами индивидуальнаго воспитанія не могла не заинтересоваться и императрица Екатерина, рано обратившая вниманіе на вопросъ о домашнемъ воспитаніи. Въ запискахъ, составленныхъ до вступленія на престолъ, она такъ отозвалась о домашнемъ воспитаніи русской дворянской молодежи: это воспитаніе «есть ничто иное, какъ грязный ручей; когда сдѣлается онъ потокомъ?» Въ 1780-хъ годахъ Екатерина примѣнила идеи Локка къ воспитанію своихъ внуковъ [1]).

Но въ наиболѣе раннихъ изъ нашихъ проектовъ и плановъ новой учебной системы особенно рѣзко отразился взглядъ на преимущества публичнаго воспитанія передъ частнымъ, домашнимъ. Требованіе Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года набирать дѣтей въ воспитательныя училища по пятому—шестому году, т. е. въ такомъ возрастѣ, «когда начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія», исходило, очевидно, изъ предубѣжденія противъ домашняго воспитанія; послѣднее разсматривалось, какъ источникъ «заразы»; предполагалось, что изъ семьи ребенокъ принесетъ непремѣнно «худой нравъ», который школа должна «поправить правилами добродѣтелей». Такъ же рѣзко ставятъ данный вопросъ авторы дѣтскихъ воспитательныхъ академій, находящіе, что не всегда школа можетъ и преодолѣть зло, вынесенное изъ семейной обстановки. «Было бы великое и удивленія достойное, человѣколюбивое дѣло», если бы оказалось возможнымъ доставлять «младенцамъ» счастіе добраго воспитанія, «чрезъ пристойныя учрежденія», вскорѣ «по отнятіи отъ материнихъ грудей». Но привлечь въ школу молодежь раньше пяти-шестилѣтняго возраста невозможно, и въ такомъ случаѣ школѣ нужно имѣть нѣкоторыя гарантіи въ томъ, что она получаетъ матеріалъ не завѣдомо негодный для педагогической обработки. Съ этою цѣлью нужно принимать въ школу только дѣтей,

---

[1]) „Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ.“, т. VII, стр. 86. *Н. Лавровскій*, О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой (Харьковъ, 1856), стр. 72—131. *Графъ Толстой*, Взглядъ на учебную часть и т. д., стр. 84—100.

«сколько ни есть лучше рожденныхъ», предпочитая ихъ «происшедшимъ отъ злонравныхъ родителей», дѣтей здороваго сложенія, «соединяющихъ съ тихимъ нравомъ веселость духа». Ради вящей осторожности слѣдуетъ принимать дѣтей сначала для опыта на полгода.

Хорошо извѣстно, какъ на практикѣ осуществлялась задача замѣнить домашнее воспитаніе публичнымъ въ отдѣльныхъ школахъ: въ Шляхетномъ корпусѣ, въ училищахъ для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, въ воспитательномъ училищѣ при Академіи художествъ и т. под. Но какъ проведенъ былъ тотъ же взглядъ въ проектахъ общей учебной системы?

Профессоръ Дильтей въ своемъ проектѣ, появившемся нѣсколько раньше плана дѣтскихъ воспитательныхъ академій, переносилъ уже основу начальнаго воспитанія въ семейную обстановку. Останавливаясь, въ частности, на вопросѣ о воспитаніи дворянской молодежи и усматривая «корень испорченнаго воспитанія» въ худомъ примѣрѣ дядекъ, онъ и создаетъ свой оригинальный проектъ «рабскихъ школъ» для приготовленія крѣпостныхъ дядекъ, домашнихъ наставниковъ и воспитателей. Эта мѣра, по убѣжденію Дильтея, должна принести двоякую пользу: «первая—исправленное дѣтей воспитаніе, вторая—расходовъ, для учителей учиненныхъ, уменьшеніе, потому что учители домашніе прежде десятаго года къ дѣтямъ не должны бы приниматься, когда дядька первымъ началамъ обучать и примѣромъ своимъ порученныхъ ему дѣтей руководствовать можетъ».

Подъ руководствомъ «уже не глупыхъ, но и ученыхъ и добронравныхъ дядекъ» дѣти отъ 6 до 8 или 10 лѣтняго возраста обучаются «первымъ основаніямъ» языковъ и наукъ, а также цѣлому обиходу добраго поведенія: «какъ почитать родителей, какъ говорить съ иностранными, какъ стоять, ходить, сидѣть по правиламъ нравовъ должны, какъ пищу и питіе употреблять надлежитъ, какія тѣлодвиженія благопристойныя и какія неблагопристойныя бываютъ, какъ и когда дозволено смѣяться, какія слова говорить и когда молчать должно». Такъ по проекту Дильтея кругъ первоначальнаго

воспитанія и образованія для молодежи состоятельныхъ классовъ, главнымъ образомъ дворянской, поставленъ былъ внѣ школьной системы.

Получать первоначальное воспитаніе дома, подъ руководствомъ дядекъ спеціалистовъ могла, конечно, лишь незначительная часть учащейся молодежи. Для массы же этой молодежи, не имѣющей возможности получить домашняго воспитанія, открываются «тривіальныя школы», въ которыхъ, вмѣстѣ съ элементарнымъ курсомъ чтенія, письма и ариѳметики, преподаются также «добропорядочнаго житія правила», по одному уроку въ недѣлю. Учителями тривіальныхъ школъ должны быть люди не только образованные, но и сами хорошо воспитанные, что необходимо «какъ для наблюдаемаго въ школахъ порядка, такъ и для правилъ нравовъ, которыя всегда и во всякомъ случаѣ (учителя) толковать должны». «Ученіе нравовъ, которое первой главой всякаго ученія быть должно», продолжается, по плану Дильтея, и въ средней школѣ, въ гимназіяхъ, къ которымъ молодежь подготовляется или въ тривіальныхъ школахъ или средствами домашняго воспитанія и обученія [1]).

Глава XIV-ая Большого Наказа—о воспитаніи—поставила вопросъ о соотношеніи домашняго и публичнаго воспитанія на иную точку зрѣнія, чѣмъ Генеральное учрежденіе 1764 года. Мысль о воспитаніи всей массы юношества въ государственныхъ школахъ признана теперь уже несбыточною и обязанность воспитанія возлагается на семью: «невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ». Начертывая эти правила, Екатерина заимствовала изъ Генеральнаго учрежденія перечень тѣхъ моральныхъ цѣлей, достичь которыхъ признавалась раньше способной лишь государственная школа, оторванная отъ семьи.

Согласно съ новой постановкой въ Наказѣ вопроса о

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 10—29.

воспитаніи наставленіе, преподанное въ 1768 году частной коммиссіи объ училищахъ отъ Дирекціонной коммиссіи, прежде всего разъясняло, что выработка законодательства о домашнемъ воспитаніи и родительской въ томъ должности есть дѣло другой частной коммиссіи—«о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ», предметъ же работы училищной коммиссіи—«общественное воспитаніе», доставляемое «общими училищами», которыя «впечатлѣваютъ въ юныя сердца нѣкоторое единообразіе мыслей или полагаютъ первое основаніе народнаго умствованія, почему учрежденію о училищахъ не столько о хитростяхъ наукъ, какъ паче о семъ памятовать надлежитъ, чтобы дѣти обучались познанію должностей человѣка, въ обществѣ жить имѣющаго».

Несмотря на предупрежденіе не касаться вопроса о первоначальномъ воспитаніи, училищная коммиссія рѣшила посвятить первую же главу своего общаго плана изложенію правилъ первоначальнаго семейнаго воспитанія. Золотницкій въ своемъ особомъ проектѣ того же общаго плана дѣлилъ «воспитаніе, касающееся до нравовъ и умоначертанія», на два послѣдовательныхъ круга: первоначальное, т. е. для всѣхъ общее, и «личное, т. е. свойственное и нужное разнымъ состояніямъ дѣтей различно». Первый кругъ организуется по правиламъ XIV-ой главы Наказа, слѣдовательно, относится къ сферѣ домашняго воспитанія.

Точно также и проектъ Клингштета включалъ въ общій планъ системы просвѣщенія главу о домашнемъ воспитаніи. Въ этой главѣ Клингштетъ предлагалъ изложить такія мысли и правила о воспитаніи, которыя имѣли бы въ виду простой народъ, внушили бы ему увѣренность въ пользѣ добраго воспитанія и научили «удобнымъ средствамъ» воспитанія «безъ всякаго отяготительнаго принужденія».

Дирекціонная коммиссія, разсмотрѣвъ представленные ей проекты общаго плана учебной реформы, отмѣтила, что училищная коммиссія не вполнѣ точно поняла свою задачу: она должна была, не касаясь вопроса о семейномъ воспитаніи, «изыскать удобныя средства, вперяющія въ народъ правила о воспитаніи и о пользѣ ученія», и «довольное подать всѣмъ

побужденіе къ обученію дѣтей». Для этой же цѣли слѣдовало только «исчислить» науки, «составляющія главную часть воспитанія, и показать тотъ конецъ, на который науки учреждаются, и другія учащихся выгоды».

Перенося на семью обязанность первоначальнаго воспитанія, выработанные коммиссіей объ училищахъ проекты низшаго и средняго образованія ставятъ школѣ задачу воспитанія преимущественно гражданскихъ добродѣтелей. Такъ по проекту о низшихъ школахъ, сельскихъ и городскихъ, цѣль этихъ школъ—вкоренить въ учащихся «истинное Богопочитаніе посредствомъ православнаго закона, впечатлѣть вѣрность къ Государю, сдѣлать послушными къ своимъ властямъ и, наконецъ, возжечь въ нихъ любовь къ ближнему».

Такая же цѣль гражданскаго воспитанія бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей и простого народа, «въ гражданствѣ, однакоже, живущаго», усваивалась низшимъ школамъ и проектомъ Духовной коммиссіи 1771—1772 года. Въ этихъ церковноприходскихъ школахъ, служащихъ «источникомъ всякаго благонравія и въ самомъ простомъ народѣ», преподаются «главнѣйшія правила добронравія, безъ которыхъ никакому человѣку полезну быть невозможно въ общежитіи гражданскомъ», а также «законы гражданскіе, ведущіе къ послушанію власти и претящіе наказаніемъ за преступленія».

Такъ по проекту училищной и духовной коммиссій воспитаніе учащихся въ гражданскихъ добродѣтеляхъ являлось главной цѣлью низшихъ народныхъ школъ [1]).

Съ постановкой на первомъ планѣ воспитательной задачи школы выдвигался также вопросъ о связи воспитательныхъ и научно-образовательныхъ элементовъ школьнаго преподаванія.

Согласно съ общимъ духомъ просвѣщенія XVIII вѣка характернѣйшей чертой педагогическихъ теорій этого времени было стремленіе порвать съ традиціей религіознаго образованія, въ его историческихъ вѣроисповѣдныхъ формахъ, и поставить воспитаніе на почву идей деизма и естественной морали. Эта черта сказалась и въ нашихъ проектахъ новой учеб-

---

[1]) „Матеріалы,“ стр. 144, 146, 150—151, 158, 159, 170, 174, 178, 327.

ной системы. Такъ по взгляду составителей плана дѣтскихъ воспитательныхъ академій, первая наука, заключающая въ себѣ великую воспитательную силу, есть законъ Божій, но не «богословіе Откровенія», а богословіе «естественное». Оно вкореняетъ въ сердца удивленіе къ премудрости Творца, а удивленіе порождаетъ познаніе самого себя, любовь къ ближнему, состраданіе и другія добродѣтели. Такою же воспитывающей силой является для дѣтей старшаго возраста богословіе «откровенное», если только его «преданіе и заповѣди при дѣлахъ самихъ дѣтямъ вперять, и не слова одни, но и силу ихъ» [1]). Но это единственный проектъ, пытающійся раздѣлить въ школьномъ преподаваніи «откровенное» и «естественное» вѣроученіе. По всѣмъ остальнымъ проектамъ и планамъ низшаго и средняго образованія религіозное обученіе ведется въ традиціонныхъ вѣроисповѣдныхъ формахъ. Въ начальныхъ школахъ должны преподаваться догматическія основанія православнаго закона по сокращенному катехизису [2]); въ среднія школы, по планамъ частной коммиссіи объ училищахъ, вводится «догматическая богословія» [3]). Лишь для иновѣрцевъ «понятіе о Богѣ и Его свойствѣ» должно быть почерпаемо «изъ самаго чистаго и единаго натуральнаго источника ученія»; это понятіе о Богѣ должно быть «ощущаемо человѣкомъ, какъ отъ природныхъ къ тому побужденій, такъ и изъ безчисленныхъ и чудесныхъ Его твореній» [4]).

«Секуляризація морали» побуждала выдѣлить ее въ особую дисциплину въ кругѣ школьнаго образованія. Среди педагоговъ XVIII вѣка очень популярна была мысль о «катехизисѣ нравственности», какъ особомъ предметѣ преподаванія. Эта мысль очень нравилась, видимо, и составителямъ нашихъ проектовъ. Но наши проекты катехизисовъ нравственности, какъ и слѣдуетъ ожидать, оказались все таки тѣсно связанными съ традиціоннымъ догматическимъ вѣроученіемъ. По плану

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 89.
[2]) Ibidem, стр. 117, 142, 182, 223, 226, 330.
[3]) Ibidem, стр. 198, 250.
[4]) Ibidem, стр. 184, 240.

учрежденія школъ для простого народа христіанское нравоученіе преподается по особому отъ катехизиса, составленному Синодомъ, сокращенному руководству. По плану частной коммиссіи объ училищахъ предполагалось составить для начальныхъ народныхъ школъ особую книгу, содержащую: 1) россійскую азбуку, 2) молитвы и катехизисъ и 3) кодексъ нравственности или «изложеніе христіанскихъ добродѣтелей, состоящихъ въ должности подданныхъ къ Государю, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, въ почитаніи и послушаніи господъ своихъ и другихъ установленныхъ властей и въ должности къ самому себѣ и ближнему». По проекту нижнихъ городскихъ школъ, сочиненному Духовной коммиссіей, отъ преподаванія вѣроученія по катехизису отдѣлялось «кратчайшее нравоученіе, къ понятію дѣтскому способное, изъ правилъ естественныхъ». Назначенная для этой цѣли «нравоучительная книжка сочинена быть должна не методомъ философскимъ, который къ чтенію простыхъ людей не свойственъ, но сказаніемъ простымъ, отдѣляя добродѣтель отъ пороковъ, къ каковымъ наипаче люди безграмотные по невѣжеству склонны». Такимъ образомъ, кодексъ «гражданскихъ добродѣтелей» является центральнымъ ядромъ всего образованія для народной массы [1]).

Въ области средняго и высшаго образованія воспитаніе не есть главная задача школы. Наравнѣ съ воспитаніемъ стоитъ задача научнаго образованія, направленнаго на подготовку молодежи къ извѣстной практической жизненной дѣятельности. Здѣсь воспитаніе, имѣя свои самостоятельныя задачи, подготовляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, условія пользованія плодами научнаго образованія, и обратно, научное образованіе должно приходить, чрезъ посредство нѣкоторыхъ своихъ элементовъ, на помощь воспитанію. Эта точка зрѣнія наиболѣе послѣдовательно проведена въ планѣ государственныхъ гимназій 1765—1766 года. Воспитаніе и общее образованіе идутъ рука объ руку одинаково въ первыхъ двухъ классахъ государственныхъ гимназій всѣхъ четырехъ родовъ,

---

[1]) Ibidem, стр. 143, 226—227, 331·

ученыхъ, военныхъ, гражданскихъ и купеческихъ. Воспитательный элементъ не исчезаетъ и изъ курса высшаго, третьяго класса, преслѣдующаго профессіональныя цѣли. На этой ступени главную воспитательную роль играетъ нравоучительная философія, приспособленная къ профессіональному характеру каждаго рода училищъ. Въ ученыхъ училищахъ нравоучительная философія есть «главное всего дѣла основаніе»; она «больше всѣхъ должна быть вперяема, тѣмъ наипаче, что сей родъ гимназій надлежитъ почитать наслажденіемъ такихъ молодыхъ людей, которыхъ должно приготовить и воспитать способными быть впредь учителями для своей націи». Въ военныхъ училищахъ нравоучительная философія также имѣетъ «особливое» значеніе и соединяется со «знаніемъ благопристойности». Въ училищахъ «гражданскихъ», готовящихъ своихъ питомцевъ «къ штатскимъ дѣламъ», чрезъ нравоучительную философію «непрерывно надобно вперять добродѣтель и благонравіе, а особливо любовь къ правосудію, безкорыстность, ко всякому благосклонность, ненависть ко злости и къ несправедливости». Наконецъ, воспитанію профессіональныхъ добродѣтелей нравоучительная философія служитъ и въ купеческихъ училищахъ [1]). Съ другой стороны, воспитательнымъ цѣлямъ должно служить преподаваніе научныхъ предметовъ, особенно математики и физики, ибо «испытаніе естества всего міра заставляетъ сознавать своего Творца и больше разумомъ, удивленіемъ, страхомъ и любовію къ нему восхищаться». Прочія науки, изощряющія разумъ юноши и приготовляющія его къ общественной дѣятельности и службѣ, также должны дѣйствовать въ гармоніи съ нравственнымъ воспитаніемъ и религіозно-философскимъ образованіемъ [2]).

Такъ въ проектѣ «дѣтскихъ воспитательныхъ академій» или «государственныхъ гимназій» гармоническое сочетаніе задачъ воспитанія и научнаго образованія было послѣдовательно проведено отъ ранняго дѣтскаго до зрѣлаго юношескаго возраста.

---

[1]) Ibidem, стр. 90, 105—109.
[2]) Ibidem, стр. 90.

По проекту профессора Дильтея «ученіе нравовъ, которое первая глава всякаго ученія быть должно», не составляло, повидимому, особаго, самостоятельнаго предмета гимназическаго курса; оно складывается, какъ результатъ особыхъ пріемовъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ. Такъ при прохожденіи курса исторіи «надлежитъ всегда наблюденія нравоучительныя ученикамъ предлагать, которымъ преимущество добродѣтелей и скверность пороковъ живыми примѣрами изъяснять должно, дабы ученики, заблаговременно почувствовавъ любовь добродѣтели и пороковъ страхъ, оттуда бъ полезные члены обществу произошли». Ученіе нравовъ «подтверждается» также при изученіи древнихъ авторовъ, напримѣръ, Корнелія Непота. И учителя новыхъ языковъ также обязаны «правила нравовъ учащимся вездѣ толковать» [1]). Такъ разрѣшаетъ проектъ Дильтея вопросъ о соотношеніи воспитанія и образованія въ низшей и средней школѣ. Въ области высшаго, университетскаго образованія Дильтей этого вопроса не ставилъ.

Не такъ рельефно, какъ въ планахъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года и профессора Дильтея, выдвинуто единеніе задачъ и средствъ воспитанія и научнаго образованія въ проектахъ средняго образованія, составленныхъ частною коммиссіей объ училищахъ. Золотницкій въ своемъ проектѣ гимназическаго устава помѣстилъ въ видѣ отдѣльной статьи (§ 99) разсужденіе о воспитательной задачѣ средней школы: «знаніе многихъ языковъ и разныя науки не украшаютъ человѣка, ежели кто при всемъ томъ будетъ напоенъ пороками, не навыкнетъ обуздывать своихъ страстей и не научится съ младенчества добродѣтелямъ. Молодому человѣку прежде всего нужно впечатлѣть въ сердце твердость духа, добронравіе, справедливость, трудолюбіе и прочія изрядныя качества, чтобы привычка въ упражненіи оныхъ превратилась въ самую какъ бы природу, напротивъ же того отвадить всячески отъ свойственныхъ малолѣтству всякаго рода пороковъ, дабы худыя сѣмена не возникнули и не возрасли въ нихъ въ полную свою

[1]) Ibidem, стр. 21, 22, 23, 25.

мѣру». Эта цѣль должна достигаться средствами спеціально воспитательнаго режима; таковы: разумные совѣты, «ощутительныя» увѣщанія, поддержаніе веселости и вольности духа, отстраненіе всего, что только имѣетъ въ себѣ видъ соблазна, развитіе взаимной учтивости, вѣжливости и откровенности, пресѣченіе вражды и ожесточенія духа путемъ какихъ-либо нравоучительныхъ доказательствъ, подобій или примѣровъ изъ исторіи или приличныхъ басенъ. Наконецъ, въ учебномъ планѣ гимназій Золотницкимъ помѣщено «обученіе христіанскому закону», какъ дисциплина, отдѣльная отъ «догматической богословіи» [1]).

Коммиссія, какъ мы знаемъ, приняла проектъ Золотницкаго, но съ нѣкоторыми измѣненіями; между прочимъ, изложеніе воспитательныхъ задачъ школы и средствъ воспитательнаго режима замѣнено было краткимъ указаніемъ на обязанность учителей «и внѣ классовъ преподавать учащимся способы къ скорѣйшему обученію, такъ и вкоренять въ нихъ благочиніе и добронравіе и стараться, чтобы они и между собою были учтивы и не допускать къ огорченію другъ противъ друга». Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ учебнаго плана гимназій исчезло «обученіе христіанскому закону», какъ особый предметъ преподаванія, соединенный, повидимому, съ богословіемъ [2]).

Итакъ, вопросъ о соотношеніи нравственнаго воспитанія и научнаго образованія, поставленный Генеральнымъ учрежденіемъ 1764 года, не получилъ въ послѣдовавшихъ затѣмъ проектахъ учебной реформы твердаго и послѣдовательнаго развитія. Одинъ только планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года и отчасти проектъ проф. Дильтея провели черезъ всю новую учебную систему идею преимущественнаго значенія воспитанія, какъ базиса истиннаго просвѣщенія. Планъ 1765—1766 года, можетъ быть, оставался еще неизвѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ, какъ она уже поспѣшила въ своемъ Наказѣ отказаться отъ несбыточной мысли провести всю

---

[1]) Ibidem, стр. 195, 198—199.
[2]) Ididem, стр. 250.

массу учащейся молодежи, нарастающія поколѣнія отцовъ и матерей, черезъ государственныя воспитательныя учрежденія и переложила обязанности первоначальнаго воспитанія со школы на семью. Домашнее воспитаніе не поглощается публичнымъ и въ проектахъ учебной реформы 1770-хъ годовъ, гдѣ эти сферы разграничиваются. Государственной школѣ указывается уже не всеобъемлющая цѣль воспитанія «человѣка и гражданина» вообще, но цѣль болѣе узкая—образованіе гражданина въ опредѣленныхъ реальныхъ условіяхъ даннаго времени.

II.

Пунктомъ, въ которомъ новые педагогическіе идеалы наиболѣе рѣзко сталкивались съ традиціей предшествующаго времени, былъ сословный вопросъ: могла ли новая школа, ставящая своей цѣлью образованіе «человѣка и гражданина», сохранить сословный характеръ или она должна стать бессословной?

Какъ разъ въ данную эпоху, когда наша политика просвѣщенія пыталась овладѣть новыми педагогическими идеями, окончательно складывался сословный строй русскаго общества. Сословныя различія въ это время опирались уже не только на разверстку между общественными классами разныхъ видовъ государственной службы и тягла, но также на признаніе за каждымъ «родомъ людей» особыхъ внутреннихъ качествъ, отличающихъ его нравственную природу. «Благородство», со всѣми проистекавшими изъ него добродѣтелями, разсматривается, какъ существо дворянскаго званія, «добронравіе и трудолюбіе» полагаются основаніемъ среднему роду людей», трудолюбіе же и трезвость объявляются главнѣйшими добродѣтелями сословія духовнаго.

Къ изслѣдованію вопроса, какое значеніе начало сословности должно было получить въ новой системѣ просвѣщенія, складывавшейся въ срединѣ XVIII вѣка, надо подойти съ двухъ различныхъ сторонъ: 1) со стороны сословныхъ интересовъ, выразившихся въ общественномъ мнѣніи и въ опытахъ со-

словнаго законодательства, и 2) со стороны тѣхъ педагогическихъ задачъ, разрѣшенію которыхъ посвящена была совокупность изучаемыхъ нами теперь проектовъ новой учебной системы.

Въ законодательствѣ и публицистикѣ даннаго времени сословное воспитаніе и образованіе разсматривались, какъ основа всей организаціи дворянства. Манифестъ 18 февраля 1762 года главнымъ мотивомъ къ освобожденію дворянства отъ принудительной службы выставлялъ «перемѣну невѣжества въ здравый разсудокъ», «умноженіе полезныхъ знаній и прилежности къ службѣ», «вкорененіе благородныхъ мыслей въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ» [1]). Образованной 11 февраля 1763 года особой коммиссіи предписывалось пересмотрѣть манифестъ Петра III о вольности дворянства съ точки зрѣнія «перемѣнившагося уже государственнаго положенія и воспитанія благороднаго юношества». Необходимо остановиться на нѣкоторыхъ разсужденіяхъ этой коммиссіи, такъ какъ онѣ очень отчетливо рисуютъ роль сословнаго воспитанія и образованія, какъ главнаго фактора, опредѣляющаго все положеніе дворянства, его права и обязанности.

Помянутая коммиссія въ своемъ докладѣ императрицѣ исходила изъ различія воспитанія дворянства въ прежнее время, при Петрѣ Великомъ, и нынѣ, при Екатеринѣ II. «Изъ худо воспитываемаго дворянства россійскаго» Петръ не могъ создать хорошаго войска иначе, какъ «прямымъ насильствомъ, понуждая служить тѣхъ, которые, не имѣя вкорененнаго въ себѣ честолюбія знаніемъ и науками и не вкусивъ того, что служба рождаетъ честолюбіе, а честолюбіе ведетъ къ службѣ, не понимали довольно славы своей и потому отъ службы удалялись, предпочитая знатному имени древній свой покой и заключеніе себя въ домахъ и деревняхъ». Но теперь «дворянство любочестіемъ столь много уже движется, что нѣтъ ни малаго сумнѣнія, чтобы просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне, или уже и родившіеся въ томъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ». Поэтому коммиссія поставила своей за-

[1]) П. С. З. № 11444.

дачей «изобрѣсти такія права, по которымъ бы вольность дворянская въ россійскомъ государствѣ сопряжена была съ усердіемъ къ службѣ военной и гражданской своего отечества не отъ иныхъ причинъ, какъ только отъ вкорененнаго уже воспитаніемъ видимаго честолюбія, не стѣсняя ничѣмъ инымъ вольности дворянской».

Какъ на примѣръ того, что воспитаніе и образованіе создаютъ достаточныя побужденія и ревность къ государственной службѣ, коммиссія указывала на лифляндское дворянство, еще со временъ шведскаго владычества свободное отъ принудительной службы. Лифляндское юношество до 12—13 лѣтняго возраста получаетъ приготовительное общее образованіе дома или въ публичныхъ школахъ, затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣть оно спеціализируется на военныхъ или гражданскихъ наукахъ, сообразно своимъ склонностямъ, и въ 16—17-лѣтнемъ возрастѣ уже вступаетъ въ службу. Богатые и знатные люди, кромѣ того, довершаютъ свое образованіе заграницей, въ университетахъ и академіяхъ.

По мнѣнію коммиссіи, воспитаніе большей части россійскаго дворянства въ данное время уже «во многомъ не разнствовало отъ вышеписаннаго», т. е. отъ воспитанія лифляндскаго дворянства, а отсюда слѣдовалъ выводъ, что для привлеченія дворянства къ государственной службѣ «иного побужденія изыскивать нужды нѣтъ, какъ принять за основаніе доброе воспитаніе и единое изъ того честолюбіе, которое нынѣ уже столь много вкоренилось въ сердцахъ дворянства россійскаго».

Наконецъ, оправдывая пунктъ 5-й «Права дворянства россійскаго» — о предоставленіи дворянину служить или не служить, коммиссія доказывала, «что онъ въ обоихъ сихъ состояніяхъ полезенъ быть можетъ государю, отечеству и себѣ самому, когда онъ воспитаніе имѣетъ благородное и отеческое имѣніе». Неслужащій дворянинъ «дѣлаетъ пользу государству земледѣліемъ и экономіею своею» [1]).

---

[1]) *Н. Калачовъ*, Матеріалы для исторіи русскаго дворянства, вып. II (Спб. 1885), стр. 13—71.

Такой же взглядъ на значеніе сословнаго воспитанія и образованія дворянства, какъ на коренное условіе, опредѣляющее его права и обязанности, высказывался также депутатами большой Законодательной коммиссіи 1767—1768 года во время дебатовъ о сословныхъ преимуществахъ дворянъ. «Получаемое дворянами воспитаніе въ учрежденныхъ для нихъ училищахъ и пріобрѣтаемыя ими познанія въ наукахъ, возводя добродѣтельныхъ дворянъ на высокія степени, составляютъ изъ нихъ государственныя правительства». Наоборотъ, худое воспитаніе, обусловленное «мелкостью или, лучше сказать, бѣдностью дворянъ», является прямою для нихъ гибелью; такое воспитаніе «нечувствительно заражаетъ нравы малолѣтнихъ и пріучаетъ ихъ къ жизни, имъ самимъ и обществу вредной». Такъ говорилъ, напримѣръ, депутатъ муромскаго дворянства Ив. Чаадаевъ [1]).

Преувеличенная оцѣнка значенія сословнаго воспитанія, какъ одного изъ главныхъ аргументовъ въ рѣчахъ защитниковъ дворянскихъ привилегій, вызвала, наконецъ, протестъ. Депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка Я. Козельскій доказывалъ, что неправильно «въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ дворянское воспитаніе предпочитается службѣ». «Что принадлежитъ до воспитанія всякаго гражданина, то оно необходимо для пользы государственной, а не лично для него одного»... «При одномъ воспитаніи, безъ знанія дѣйствительной службы и безъ испытанія военнаго искусства на дѣлѣ, нельзя быть ни надежнымъ полководцемъ, ни добрымъ гражданскимъ правителемъ. Мы не знаемъ, какое было воспитаніе предковъ стараго дворянства, но всѣмъ намъ извѣстно, что военными подвигами государство наше не только осталось въ своихъ предѣлахъ, но еще и пріобрѣло многія области. Слѣдуетъ еще присовокупить, что сверхъ воспитанія и наукъ для службы потребны дисциплина и практика» [2]).

Остановимся еще на «Размышленіяхъ о дворянствѣ» князя М. М. Щербатова, какъ на образчикѣ дворянской публици-

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. IV, стр. 154.
[2]) Ibidem, стр. 188—189.

стики, пытавшейся возможно глубже обосновать притязанія дворянства на исключительныя права и преимущества. Исходя изъ того психологическаго воззрѣнія, что «всѣ свѣдѣнія наши мы чрезъ чувства получаемъ», Щербатовъ доказываетъ преимущество «потомственнаго благородства» передъ всѣми другими состояніями въ пріобрѣтеніи познаній и въ подготовкѣ къ высшимъ отраслямъ государственной службы: «съ самаго своего младенчества благороднорожденный человѣкъ болѣе внушеній получаетъ, а самымъ симъ болѣе отверзается его разумъ для понятія труднѣйшихъ наукъ». Проведя коренную разницу въ воспитаніи между благороднымъ и «низкорожденнымъ», Щербатовъ старается показать затѣмъ, какъ изъ этой разницы необходимо вытекаетъ и различіе между благородными и низкорожденными на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. Такъ «мечъ правосудія не долженъ быть иному ввѣренъ, какъ благорожденнымъ, кои отъ сосцовъ матери своея питались благороднымъ честолюбіемъ, благородныя расположенія своего сердца, дражайшее наслѣдіе своихъ предковъ, благороднымъ воспитаніемъ и наукою утвердили»; наоборотъ, низкорожденные не могутъ съ такимъ блескомъ отправлять правосудія, потому что «родъ ихъ воспитанія и способъ пріобрѣтенія знаній сему препону полагаютъ», не говоря уже о томъ, «коль много они страстей и пороковъ, не бывъ ограждены ни воспитаніемъ, ни наукою, съ младенчества пріобрѣтаютъ». Пріобрѣтеніе знаній для дипломатической или «министерской» службы «чрезъ бдѣніе и кабинетный трудъ» для низкорожденнаго есть задача почти невозможная; но для благороднаго она не невозможна, «ибо наука его начинается съ младенчества». Тоже надо сказать о военномъ дѣлѣ; къ нему не только «должно особливыя понятія имѣть, но съ младенчества ученіе, наслышку и размышленіе». Наконецъ, просвѣщенность благороднаго человѣка даетъ ему превосходство «и въ самыхъ домашнихъ упражненіяхъ», во всякой культурной работѣ. Щербатовъ признаетъ, «что тамъ, гдѣ науки корни свои утвердили, безъ разбора всякаго чина люди ко онымъ прилежатъ», но примѣры знаменитыхъ мыслителей или ученыхъ, вышедшихъ изъ простого народа, Руссо и Ломоно-

сова, не доказываютъ, «чтобы благородные и въ самомъ наученіи не могли взять верхъ надъ другими». Сословный кадетскій корпусъ больше достойныхъ людей воспиталъ, чѣмъ всесословные университетъ и гимназія при Академіи наукъ [1]).

Итакъ, можно признать, что въ сословныхъ воззрѣніяхъ дворянства средины XVIII вѣка идея сословнаго воспитанія и образованія играла чрезвычайно важную роль, какъ основное условіе, опредѣляющее все «право дворянское». На этой идеѣ зиждилась и произведенная Бецкимъ реформа главнаго дворянскаго училища, Сухопутнаго шляхетнаго корпуса. Главное намѣреніе Бецкаго въ этомъ случаѣ, по его собственнымъ словамъ, состояло въ томъ, «чтобы воспитаніе дворянства основаніемъ было прочимъ его достоинствамъ». Но какимъ должно быть это дворянское воспитаніе и образованіе по своему нравственному и научному содержанію? Выше, наблюдая эволюцію профессіональнаго шляхетскаго образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка, мы отмѣтили особый типъ шляхетскаго образованія, занимающій среднее мѣсто между собственно профессіональнымъ и общимъ образованіемъ. Это шляхетское образованіе, совмѣщавшее элементы профессіональные и общеобразовательные, приспособленные, однако, къ практическимъ сословнымъ интересамъ, носило, все-таки, преимущественно практическій характеръ. Иной оттѣнокъ получаетъ оно теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, когда окончательно складывается дворянское сословное самосознаніе. Сообразуясь съ основнымъ началомъ нравственной природы дворянина, «благородствомъ» или «честолюбіемъ», и подъ вліяніемъ новаго педагогическаго идеала «совершеннаго человѣка и гражданина», это образованіе должно было получить болѣе широкій и болѣе гуманитарный характеръ.

Отчетливо начертанный планъ такого образованія находимъ въ трактатѣ князя Щербатова—«О способахъ преподаванія разныя науки», гдѣ дано «исчисленіе наукъ и совѣты, какъ ихъ должно преподавать благородному юношѣ». Это чрез-

---

[1]) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, подъ ред. *И. П. Хрущова*, т. I (Спб. 1896), стр. 219—269.

вычайно обширный планъ. Начинаясь съ обученія чтенію и письму на родномъ языкѣ, образованіе благороднаго юноши, постепенно расширяясь, обнимаетъ слѣдующія науки: чужестранные языки, сначала живые, потомъ «ученые» (греческій и латинскій) съ ихъ литературами, Законъ Божій, географію съ наукой календаря и чтеніемъ вѣдомостей, исторію съ миѳологіей, математику (ариѳметику, геометрію, тригонометрію, механику, гидростатику), гражданскую и военную архитектуру и фортификацію, артиллерію, тактику и исторію военнаго искусства, статистику, философію (логику и метафизику), химію и космографію, правовѣдѣніе (право естественное, римское и россійское), изъ искусствъ — рисованіе.

Щербатовъ предвидитъ удивленіе читателя, что въ его планѣ не помѣщено «особливою статьею нравоученіе». Этого не сдѣлано потому, что нравоученіе «въ разныхъ частяхъ здѣсь исчисленныхъ наукъ раздѣлено»: соотвѣтствующіе моральные выводы должны вытекать изъ всѣхъ отдѣльныхъ областей знанія: изъ Закона Божія, изъ законовъ естественныхъ и гражданскихъ, изъ исторіи.

Возможное возраженіе противъ «великаго числа наукъ», исчисленныхъ въ этомъ планѣ, Щербатовъ предупреждаетъ объясненіемъ, что, во-первыхъ, образованіе благороднаго юноши не можетъ быть окончено раньше, какъ къ 19—20-лѣтнему возрасту, и, во-вторыхъ, «что всѣ сіи науки токмо основаніями ихъ показуются, предоставляя самому его (благороднаго юноши) прилежанію въ тѣхъ совершенну учиниться, которыя или болѣе ему пріятны будутъ, или въ которыхъ онъ болѣе усмотритъ нужды» [1]).

Та-же мысль проведена Бецкимъ въ разсужденіи «о воспитаніи и обученіи благородныхъ вообще»: «когда кадеты выйдутъ изъ корпуса, навыкнувъ повиноваться, зная всѣ подробности и все пространство воинскаго званія, зная, какъ повелѣвать и сохранять ввѣряемую имъ какъ конную, такъ и пѣхотную команду, зная, какъ написать письмо, реляцію и прошеніе на своемъ собственномъ и на иностранномъ языкѣ,

[1]) Ibidem., т. II, стр. 439—603.

зная не токмо общія должности согражданина, но и законы своего отечества, зная, какъ себя вести по пристойности съ своими начальниками и съ другими людьми, зная твердо географію, политику, мораль, ариѳметику, геометрію и другія математическія науки; когда получатъ свѣдѣнія объ исторіи и охоту къ чтенію книгъ о дѣлахъ славныхъ военныхъ людей, какъ вести приходъ и расходъ для ввѣряемаго полку или корпуса; когда узнаютъ механическое движеніе часовъ или мельницы, какъ построить крѣпость или редутъ, сдѣлать мостъ на баркахъ или плотахъ, назначить кампаментъ и прочее; когда основанія всѣхъ сихъ свѣдѣній утвердятся въ памяти и въ нѣжныхъ сердцахъ юности больше отъ примѣровъ и нарочно сдѣланныхъ моделей, нежели отъ чтенія книгъ;—можно уже такое воспитаніе почесть достойнымъ, не требуя совершенства въ ихъ знаніяхъ. Симъ образомъ показанъ будетъ каждому свободный путь распространять науки, углубляться въ оныя и исполнять полезныя о насъ намѣренія ея императорскаго величества» [1]).

---

[1]) „Учрежденія и Уставы“, т. II, стр. 80. Интересный планъ самообразованія для человѣка, „не въ особой профессіи людей ученыхъ быть хотящаго“, т. е., главнымъ образомъ, для дворянина, въ возрастѣ 15 лѣтъ, находимъ въ „Письмѣ о порядкѣ обученія наукъ“ („Ежемѣс. Соч. къ пользѣ и увес. служащія“, 1757 г., февр.). На первомъ планѣ должно стоять изученіе латинскаго и затѣмъ греческаго языковъ. Далѣе слѣдуютъ: философія, „неоцѣненная наука по пользѣ и знатности“, для нравственнаго и умственнаго совершенствованія, политика, алгебра (ариѳметика, геометрія и тригонометрія должны быть выучены ранѣе), физика—пріятная, веселая и полезная наука. Послѣ философіи „разумъ требуетъ иногда прохлажденія и пріятнаго отдохновенія“; для этой цѣли служатъ исторія, географія, поэзія, риторика. Изученіе исторіи должно сопряжено быть съ философіей и имѣть также нравственную цѣль, географія важна для исторіи. По совершеніи этой „системы“ образованія, разсчитанной на 5 лѣтъ, слѣдуетъ выбирать по склонности спеціальныя науки, наприм. медицину, астрономію.

Проф. Семенъ Десницкій въ университетской рѣчи 22 апр. 1778 г. „Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законо-искуства и о надобномъ возобновленіи онаго въ государственныхъ училищахъ“ доказывалъ особую важность „законознанія“ для дворянства въ его владѣльческихъ и хозяйственныхъ интересахъ. Десницкій находилъ вреднымъ чисто практическое обученіе законамъ: „отъ чего напослѣдокъ то произошло, что дворяне и достаточные люди, отставъ совсѣмъ отъ столь трудныя науки, вмѣсто себя опредѣляютъ теперь слугъ своихъ учиться сему знанію и если сія изъ господской перемѣнившаяся въ

*

Если для дворянства сословное воспитаніе и образованіе представлялась основаніемъ для утвержденія и развитія его исторически сложившагося привилегированняго положенія, то «средній родъ» людей, или мѣщанство, самымъ своимъ бытіемъ долженъ быть обязанъ воспитанію и образованію. Въ Генеральномъ учрежденіи 12 марта 1764 года было отмѣчено, что вслѣдствіе недостатка въ средствахъ просвѣщенія «Россія до сего времени произвести не могла людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ третьимъ чиномъ или среднимъ называется». При отсутствіи добраго воспитанія, говорилось далѣе, смѣло утверждать можно, «что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго чина людей въ государствѣ ожидать—всуе себя и ласкать». Въ «особливыхъ примѣчаніяхъ» къ плану кадетскаго корпуса Бецкой еще писалъ: «тщетно бы ласкали мы себя желаніемъ вскорѣ завести третій или средній чинъ народа... Но дабы теперь къ достиженію сего намѣренія сдѣлать нѣкоторое начало или пріуготовленіе, то надежнѣйшаго средства нѣтъ, какъ токмо стараться отмѣнное учредить воспитаніе» [1]). XVI-я глава Большого Наказа дала дальнѣйшее поясненіе этой общей мысли: къ среднему роду людей здѣсь отнесены тѣ, «кои, не бывъ ни дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ», а также всѣ тѣ, которые, «не бывъ дворянами, выходить будутъ изъ всѣхъ правительствомъ учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя и свѣтскія».

Данное Наказомъ опредѣленіе средняго рода людей или мѣщанъ внесено было и въ «Проектъ законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей». Различая въ составѣ средняго рода жителей 1) занимающихся научной профессіей и 2) питомцевъ правительственныхъ школъ и воспитательныхъ домовъ, не изъ дворянъ, проектъ не выдѣлялъ

рабью науку продолжится на всегда такая, то мы доподлинно никогда не увидимъ ни единаго ученаго и благороднаго въ судѣ ходатаемъ и защитникомъ правъ". „С.-Петерб. Вѣстникъ", 1778 г., ч. I.

[1]) „Учрежд. и уставы", II, стр. 2, 3, 104.

второй группы изъ общей массы мѣщанства; первой же группѣ усваивалось нѣкоторое привилегированное положеніе; V-я глава проекта посвящена «правамъ ученыхъ, поелику они суть средняго рода люди». Попытка выяснить основаніе привилегированнаго положенія «ученыхъ» вызвала нѣкоторое пререканіе между частной коммиссіей о среднемъ родѣ жителей и Академіей наукъ. Разногласіе вышло, прежде всего, по вопросу, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ «ученаго»? Опредѣленіе понятія «ученаго», сдѣланное въ разныхъ редакціяхъ проекта, оказалось нѣсколько сбивчивымъ. Въ проектѣ коммиссіи о родахъ государственныхъ жителей и среднемъ родѣ людей ученымъ именовался такой человѣкъ, который пріобрѣлъ превосходныя и основательныя познанія въ *нѣкоторыхъ* наукахъ», и тотчасъ же исчислялись эти науки: богословіе, право церковное и гражданское, медицина, вмѣщающая въ себѣ анатомію и хирургію, философія, вмѣщающая въ себѣ логику, метафизику и нравоученіе, стихотвореніе, риторика, грамматика и прочее, «письменныя науки», геометрія, астрономія, географія, оптика, перспектива, механика и всѣ части математики. Затѣмъ въ слѣдующихъ статьяхъ находимъ оговорку, что учеными «должно считать *токмо* тѣхъ, кои своими сочиненіями пріобрѣли славу имени своему, и тѣхъ, кои приняты членами въ академіи наукъ или въ профессоры и прочіе академическіе члены»; члены же академическіе суть: докторы, магистры, лиценціаты, баккалавры, профессоры, члены академіи и адъюнкты.

Такое опредѣленіе понятія «ученыхъ» людей вызвало справедливыя возраженія со стороны Академіи наукъ, указавшей на недостатокъ перечня наукъ (исчислены не всѣ науки, не соблюденъ порядокъ ихъ достоинства, самостоятельныя науки соединены въ одну, а цѣльныя раздѣлены на особливыя) и на смѣшеніе академическихъ достоинствъ съ университетскими. Академія предлагала «совсѣмъ не именовать ни наукъ, ни достоинства ученыхъ». Тогда получилась новая редакція, по которой къ числу ученыхъ отнесены всѣ имѣющіе чины академическіе и университетскіе, а также всѣ получившіе на ученыя достоинства свидѣтельства отъ Академіи и университетовъ, которымъ «поручено о наукахъ попеченіе».

Другое разногласіе, оставшееся, повидимому, непримиреннымъ, получилось по вопросу о личныхъ правахъ «ученыхъ». Проектъ двухъ частныхъ коммиссій освобождалъ какъ самихъ ученыхъ, такъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей, «отъ поголовныхъ денегъ и податей» на такомъ же основаніи, какъ и священно-церковно-служителей; дѣти же послѣднихъ, «малолѣтніе и при школахъ обрѣтающіеся», освобождались отъ податной обязанности «до опредѣленныхъ о нихъ особливымъ учрежденіемъ лѣтъ». Академія наукъ, наоборотъ, полагала, что «для распространенія наукъ въ Россіи, гдѣ оныя еще отнюдь не утвердилися», необходимо вовсе освободить дѣтей ученыхъ людей отъ податей, кромѣ тѣхъ, которые, «не достигнувъ въ ученые», такъ или иначе вступятъ въ мѣщанство. Академія разсуждала, «что наука только честь питаетъ; если бы не то, то бы никто не сталъ учиться, потому что труднѣе снискать богатство науками, нежели ремесломъ и художествомъ или купечествомъ, сего ради и больше богатыхъ ремесленниковъ, художниковъ и купцовъ, нежели ученыхъ, и обыкновенно бѣдность—ученыхъ участь».

Частная коммиссія рѣшительно не соглашалась съ этими доводами. «Весьма то справедливо, разсуждала она, что науки токмо честь питаютъ; но самое сіе и требуетъ, чтобы выгоды присоединить къ самой наукѣ и тѣмъ оныя отличить отъ невѣжества, когда оное обрѣтается и въ тѣхъ, которые отъ ученыхъ родились. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли сія выгода или преимущество ученому, когда и невѣжда, бывъ токмо счастливымъ тѣмъ, что отъ ученаго родился, и тѣмъ болѣе виновный, что стезямъ отца своего не послѣдовалъ, съ нимъ будетъ оныя равно раздѣлять»? Сверхъ того, коммиссія указывала, что безусловное освобожденіе отъ податей дѣтей ученыхъ нанесло бы ущербъ государственнымъ доходамъ и «что ни въ которомъ государствѣ, гдѣ сколь науки ни процвѣтаютъ, ученые, кромѣ правъ ихъ академическихъ, никакого излишняго права противъ другихъ мѣщанъ по мѣщанству не имѣютъ». Противъ другихъ преимуществъ, предоставленныхъ ученымъ въ проектѣ коммиссіи (свобода отъ рекрутчины, ношеніе шпаги, пріѣздъ ко двору, право «ѣздить въ каретахъ»,

свободный выѣздъ заграницу) принципіальныхъ возраженій не послѣдовало [1]).

Какъ показалъ опытъ разработки законовъ о «среднемъ родѣ» гражданъ, этотъ общественный классъ приходилось создавать путемъ механической спайки соціальныхъ элементовъ, весьма разнородныхъ по своему происхожденію, по своимъ профессіональнымъ и всѣмъ вообще культурнымъ интересамъ. Возможно ли было при такомъ условіи организовать единообразное мѣщанское воспитаніе и образованіе?

Опытъ разрѣшенія вопроса о цѣли и составѣ мѣщанскаго образованія находимъ въ первыхъ, устроенныхъ Бецкимъ воспитательныхъ заведеніяхъ, на которыя прямо и возлагалась задача созданія средняго рода гражданъ; это были: Воспитательный для приносныхъ дѣтей домъ и воспитательное училище при Академіи художествъ. Учебная собственно задача Воспитательнаго дома подробно развита была въ III-й части Генеральнаго плана воспитательнаго дома, опубликованной въ 1767 году [2]). Питомцы этого дома должны «составить третій чинъ въ государствѣ»; прямое намѣреніе ихъ воспитанія и образованія состоитъ въ томъ, чтобы «произвести людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ своихъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ», «составить въ нихъ разумъ и сердце такъ, чтобы они не только сами себѣ полезны, но и добрыми христіанами и вѣрными гражданами были». Полный кругъ мѣщанскаго образованія распадается на два отдѣла, общеобразовательный и профессіональный; къ первому отнесены: познаніе вѣры, рисованіе, чтеніе, письмо, ариѳметика, географія, бухгалтерія, «правила гражданской жизни, управляемой законами отечества»; ко второму: мануфактуры, фабрики, коммерціи, садовничество и прочія искусства, до экономіи принадлежащія, изящныя художества тѣмъ, кои къ сему способны, женскія рукодѣлія. Такимъ образомъ, въ основу мѣщанскаго образованія полагается общее элементарное образованіе: обученіе чтенію, письму, рисованію, цыфири, познанію Вѣры.

---

[1]) „Сборн. Императ. Рус. Историч. Общ.“. т. XXXVI, стр. 189—196.
[2]) „Учрежденіи и Уставы“, т. I, стр. 78—123.

Въ старшемъ возрастѣ къ этому элементарному образованію прибавляется рядъ предметовъ, по существу общеобразовательныхъ, но съ сословно-профессіональной тенденціей: ариѳметика, предподаваемая, «сколько мѣновщику надобно», и служащая основаніемъ для бухгалтеріи [1]), и географія, показывающая всякому купцу и фабриканту, «гдѣ съ наибольшимъ прибыткомъ продавать можно имъ припасы и товары свои, а для провозу оныхъ знать кратчайшія и меньще другихъ убыточныя дороги». При обученіи отечественному языку обращается вниманіе на то, чтобы хорошо усвоены были «языкъ и письмо употребительные»; славянскій языкъ признается полезнымъ лишь для пониманія церковныхъ обрядовъ. Обученіе иностраннымъ языкамъ должно имѣть цѣлью не умѣнье читать, писать и говорить правильно, «а того меньше по школьному обычаю, по грамматикѣ и проч.», но единственно разумѣніе книгъ, будущему званію питомцевъ приличныхъ. Особенное вниманіе обращается на «нравоученіе», для котораго составляется особая краткая нравоучительная книжка, «въ чемъ вся важность обученія состоитъ». Это—кодексъ морали, приспособленный къ психологіи средняго рода людей, сочиненный такъ, «чтобы оное (нравоученіе) руководствовало имъ въ жизни, сходственной съ опредѣленнымъ состояніемъ». Люди низшихъ общественныхъ классовъ, «обязанные питаться трудами своими и искусствомъ, признаютъ себѣ полезнымъ и вредительнымъ, ставятъ въ честность и порокъ то, что́ удается, соотвѣтствуетъ ихъ пользѣ или что́ сему противно». Поэтому имъ не слѣдуетъ внушать теоретическихъ основаній морали, «но только то надобно просто и явственно представить, что́ ощутительно и что́ дѣти разумѣть и исполнять могутъ во всю свою жизнь. Не должно себѣ воображать, что курсъ морали или весь порядокъ нравоученія имъ надобенъ. Время только на то потеряно будетъ, хотя бы и учителя способны были къ тому обученію». И вообще слѣдуетъ «лучше стараться

---

[1]) Бухгалтерія признавалась предметомъ общеобразовательнымъ; согласно указанію Локка, она вводится и въ кругъ дворянскаго образованія въ Сухопутномъ корпусѣ.

такое произвести воспитаніе, чтобъ полезные отъ учителей примѣры назидали разумъ и сердце питомцамъ, нежели предпринимать просвѣщеніе ихъ больше того, чего требуетъ званіе, къ которому назначиваются».

Начертанный въ Генеральномъ планѣ воспитательнаго дома кругъ образованія для средняго рода гражданъ, конечно, не обнималъ образовательныхъ интересовъ всѣхъ тѣхъ разнородныхъ общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ искусственно спаивался этотъ пресловутый «средній чинъ». Учебный планъ воспитательнаго училища при Академіи художествъ, также предназначеннаго, главнымъ образомъ, для мѣщанъ, былъ нѣсколько шире учебнаго плана Воспитательнаго дома и приближался уже къ типу средняго общаго образованія. Интересы высшаго слоя средняго рода гражданъ, купечества, требовали созданія особаго коммерческаго образованія, что было отчасти достигнуто учрежденіемъ въ 1777 году правительственнаго коммерческаго училища. Свой особый кругъ образованія имѣло духовенство. Наконецъ, пестрому классу разночинцевъ, т. е. всѣмъ «упражняющимся въ наукахъ и службахъ», не изъ дворянъ, издавна открыты были всѣ ступени общаго образованія, до университетовъ включительно. При такомъ разнообразіи фактически существовавшихъ образовательныхъ интересовъ и правъ средняго рода гражданъ не было возможности создать особаго, единаго по своимъ задачамъ и содержанію, сословнаго мѣщанскаго образованія.

Итакъ, въ чемъ же должна была выразиться дѣйствительная роль воспитанія и образованія въ созданіи средняго чина гражданъ? Во-первыхъ, оно прибавляло къ прежде существовавшимъ разрядамъ этого общественнаго класса одинъ новый, именно разночинцевъ, т. е. тѣхъ, кто, не будучи дворянами, выходятъ изъ правительственныхъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній. Во-вторыхъ, оно должно было давать всѣмъ причисленнымъ къ среднему чину нѣкоторое единообразное нравственное воспитаніе, согласованное съ интересами и психологіей людей, живущихъ трудами рукъ своихъ. Въ третьихъ, оно должно было давать подготовку къ профессіональной дѣятельности. Направленное къ этой цѣли мѣ-

щанское образованіе распадается на общее и спеціальное. Но то и другое не имѣетъ единства и развѣтвляется, сообразно сравнительному соціальному положенію и профессіональнымъ интересамъ отдѣльныхъ слоевъ средняго рода гражданъ.

Образованность крестьянскаго населенія въ первой половинѣ XVIII вѣка оцѣнивалась, какъ мы знаемъ, съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. По взгляду Посошкова, эта образованность отождествлялась съ общехристіанскимъ религіозно-нравственнымъ просвѣщеніемъ народа. Представители владѣльческаго класса крайне суживали данный вопросъ и говорили только объ образованіи для крѣпостныхъ людей въ интересахъ помѣщичьяго благосостоянія. Мы видѣли дальше, что забота о просвѣщеніи крестьянскаго населенія вовсе исчезаетъ изъ сферы государственнаго попеченія и переходитъ въ сферу помѣщичьей прерогативы. Окончательное утвержденіе этотъ взглядъ, казалось бы, долженъ былъ получить теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, съ полнымъ расцвѣтомъ крѣпостного права, когда крестьяне вообще отождествляются съ крѣпостными. «Извѣстно, говорилось въ III-й части генеральнаго плана воспитательнаго дома, что въ государствѣ два чина только установлено: *дворяне* и *крѣпостные*» [1]). Естественно ожидать послѣ того, что въ изучаемую теперь эпоху вопросъ о цѣли и содержаніи образованія, предназначаемаго для крестьянскаго населенія, всего живѣе будетъ обсуждаться съ точки зрѣнія тѣхъ крѣпостныхъ отношеній, которыя этотъ вопросъ затрагивалъ. Однако, эта точка зрѣнія узкихъ владѣльческихъ интересовъ, которымъ должны были подчиняться духовные интересы крестьянства, не могла теперь проявиться съ той исключительностью, какой можно было ожидать въ результатѣ опредѣленнымъ образомъ сложившихся сословныхъ отношеній. Въ противовѣсъ этимъ интересамъ теперь снова выступаетъ интересъ государственный. Государственная власть эпохи просвѣщеннаго абсолютизма стремится овладѣть областью народнаго образованія во всѣхъ ея слояхъ

---

[1]) „Учрежденія и Уставы“, т. I, стр. 118.

и развѣтвленіяхъ и подчинить всѣ частныя задачи этого образованія своимъ высшимъ цѣлямъ. При этомъ условіи и вопросъ о просвѣщеніи крестьянскаго населенія необходимо долженъ былъ выйти изъ узкой сферы крѣпостного режима и получить новую, болѣе широкую постановку.

Сложность затрагиваемыхъ даннымъ вопросомъ интересовъ вполнѣ отчетливо раскрылась въ дебатахъ, происшедшихъ въ маѣ—іюнѣ 1768 года въ большомъ собраніи Законодательной коммиссіи, о которыхъ мы упоминали, обозрѣвая внѣшнюю исторію проектовъ учебной реформы. Надо припомнить сущность этого принципіальнаго спора. Не совсѣмъ ясно формулированное предложеніе депутата отъ пахотныхъ солдатъ Нижегородской провинціи Ив. Жеребцова—«изъ служилыхъ людей учинить дѣтскія школьныя ученія» встрѣтило рѣзкую отповѣдь со стороны пензенскаго депутата Любавцева, заявившаго, что учрежденіе для малолѣтнихъ дѣтей школъ «весьма излишне: земледѣльцу то и школа, чтобъ обучать дѣтей съ малолѣтства хлѣбопашеству и прочимъ домовымъ работамъ. А ежели они съ малолѣтства будутъ употребляться въ науки, то уже къ земледѣлію и прочей работѣ склонить будетъ никакъ не возможно». Этотъ главный аргументъ противъ крестьянскаго образованія, повторявшійся и впослѣдствіи, дополненъ былъ соображеніемъ депутата отъ Обоянскаго дворянства Мих. Глазова, что если собирать всѣхъ крестьянскихъ дѣтей въ училища, то отъ того послѣдуетъ и казнѣ убытокъ и самимъ крестьянамъ раззореніе. Но противники школьнаго образованія для крестьянъ не отрицали необходимости такого внѣшкольнаго образованія крестьянъ, которое утверждало бы ихъ въ извѣстныхъ правилахъ религіозно-нравственнаго поведенія. Тотъ же депутатъ Глазовъ предлагалъ возложить на помѣщиковъ обязанность: «смотрѣть, чтобъ въ воскресные и праздничные дни люди ихъ и крестьяне не работали, ходили бы къ церкви Божіей, не дѣлали привычки изъ малолѣтства къ расколамъ, такожъ не были-бъ поползновенны къ воровству и разбоямъ, исповѣдались бы и св. Тайнъ причащались и тому подобныя нужныя правила, кои раззоренія и убытку государству нанести не могутъ». Въ свою очередь и мнѣніе

о вредѣ образованія для крестьянъ встрѣтило столь же рѣшительныя возраженія. Самъ иниціаторъ спора депутатъ Жеребцовъ доказывалъ, что образованіемъ «не отвратится человѣкъ отъ земледѣлія, но помня сіе правило: *кто онъ и для чего созданъ*, съ большей ревностію къ оному стараніе, труды и попеченіе приложитъ». Другіе депутаты, ставшіе на сторону Жеребцова, отмѣтили и болѣе широкія задачи просвѣщенія крестьянства. Такъ графъ Ал. Строгановъ указывалъ, что единое просвѣщеніе, показывающее долгъ человѣка къ Богу, къ государю и къ обществу, можетъ смягчить нравы крестьянъ и предотвратить случаи звѣрской расправы съ помѣщиками. Выведенные изъ тьмы невѣжества, крестьяне найдутъ и свою собственную пользу: «достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностью и вольностью». Депутатъ Орловъ, ссылаясь на свой собственный опытъ заведенія школы для крестьянъ, видѣлъ высшій результатъ этого опыта въ томъ, «что они (прошедшіе школу крестьяне) уже заслуживаютъ, что можно имъ приказать, повѣрить и надѣяться». Таковы главныя цѣли, которымъ должно служить просвѣщеніе крестьянства: собственная его польза, охрана владѣльческихъ интересовъ и, въ результатѣ, общественное и государственное благо, опирающееся на смягченные нравы и просвѣтленный разумъ многочисленнѣйшаго класса подданныхъ.

По вопросу объ объемѣ и содержаніи крестьянскаго образованія всѣ были согласны, что оно не должно выходить изъ круга общаго низшаго образованія; его составъ: грамота, письмо, познаніе вѣры и гражданскихъ, правильнѣе, подданическихъ обязанностей по отношенію къ владѣльцамъ и государству. «Я не требовалъ, говорилъ депутатъ Жеребцовъ, заведеній въ разсужденіи живыхъ и прочихъ иностранныхъ языковъ, а объ сціенціяхъ и думать не имѣлъ намѣренія. Но, во-первыхъ, катехизисъ есть такая наука, безъ коей познанія человѣку скотомъ быть можно. Ибо изъ того произойдетъ, что зараженные расколомъ и прочихъ, никакого о себѣ и своемъ законѣ понятія не имѣющихъ, въ оный легко ввергнуть могутъ. Слѣдовательно, познаніе превыспренняго Существа, свято по-

читаемыхъ законовъ, наконецъ, самого себя—въ сердце всякаго изъ смертныхъ внушить и впечатлѣть должно» [1]).

Итакъ, съ точки зрѣнія сословныхъ понятій и интересовъ второй половины XVIII вѣка каждое сословіе должно было обладать нѣкоторымъ опредѣленнымъ кругомъ общаго образованія, связаннаго съ извѣстными профессіональными элементами, соотвѣтственно матеріальнымъ интересамъ даннаго сословія: образованіе крестьянства не должно было выходить изъ узкихъ рамокъ элементарнаго обученія; мѣщанству и разночинцамъ удѣлялось преимущественно низшее и среднее образованіе, но не закрывался доступъ и къ образованію высшему въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ; наконецъ, общее образованіе во всей энциклопедической широтѣ и во всѣхъ его высшихъ формахъ признавалось, по преимуществу, удѣломъ благороднаго сословія. Такимъ образомъ, сословное образованіе крестьянства, мѣщанства, дворянства не распадалось на вполнѣ изолированныя области. Въ основѣ своей образованіе для всѣхъ сословій должно было стать единымъ, общимъ. Но всѣ сословія какъ бы распредѣлялись по отдѣльнымъ ступенямъ этого единаго, общаго образованія. Низшія ступени признавались одинаково доступными для всѣхъ сословій; на среднихъ ступеняхъ уже не оказывалось мѣста крестьянству; на ступеняхъ высшихъ доминирующее положеніе принадлежало дворянству.

Въ какія практическія школьныя формы можно было уложить такую схему правъ каждаго сословія на присущее его природѣ образованіе? Разсмотрѣніемъ различныхъ типовъ разносословныхъ и сословныхъ школъ мы займемся ниже, теперь же остановимся лишь на томъ, какъ разрѣшался въ данное время принципіальный вопросъ: новая система образованія должна ли укладываться въ форму сословной или всесословной школы?

Какъ видно изъ депутатскихъ наказовъ, преобладающимъ

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. XXXII, стр. 398, 411, 431—432, 453, 457, 521, 534.

желаніемъ дворянства было имѣть свои сословныя школы, при томъ стараго типа—шляхетнаго корпуса. Ст. 42-ой проекта правамъ благородныхъ разрѣшалось «благороднымъ каждаго уѣзда, провинціи и губерніи заводить училища для дѣтей своихъ обоего пола». Въ большомъ собраніи Коммиссіи эта статья встрѣтила сильныя возраженія. Депутатъ Бѣлгородскаго дворянства Ив. Выродовъ находилъ, что «заводить училища самимъ благороднымъ до права благородныхъ нимало не принадлежитъ»; онъ предлагалъ новую редакцію 42-ой статьи, по которой благороднымъ предоставлялось право обучать своихъ дѣтей «во всѣхъ учрежденныхъ училищахъ по ихъ собственному произволенію, въ какихъ наукахъ по способности учащихся заблагоразсудятъ». Депутатъ лифляндскаго дворянства баронъ Левенвольдъ замѣтилъ, что 42-я статья, хотя «хороша и полезна», однако, «не заключаетъ въ себѣ никакихъ преимуществъ». Нѣкоторые депутаты требовали прямо исключенія 42-ой статьи изъ проекта. Золотницкій находилъ, что она не выражаетъ никакого особаго преимущества для дворянъ, «ибо сіе можно бы дозволить не только дворянству, но и каждому обществу, напримѣръ, мѣщанству и купечеству», и что, въ виду учрежденія особой частной коммиссіи объ училищахъ, «довольно уже будетъ одного государственнаго распоряженія оныхъ училищъ». Противъ 42-ой статьи говорилъ и депутатъ Эстляндскаго дворянства Ренненкампфъ: «всемѣрно почитается вящшею и главнѣйшею должностію каждаго разумнаго человѣка и праводушнаго гражданина общества достигнуть до совершеннѣйшей степени просвѣщенствъ и наукъ, слѣдовательно, въ томъ и никакое дворянское и преимущественное право состоять не можетъ, но, напротивъ того, симъ иногда поводъ поданъ быть могъ ко всякимъ непристойнымъ разсужденіямъ и предосудительнымъ толкованіямъ, ежели бы сіе позволеніе къ заведенію училищъ отличнымъ и отнынѣ только впервые присвоиваемымъ преимуществомъ дворянства почиталось и включилось въ права онаго» [1]).

---

[1]) „Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ.“, т. XXXII, 300, 585; XXXVI, 338, 368, 413.

Образованіе, предназначаемое для «средняго рода жителей», ѣкъ мы убѣдились, не имѣло такого единства, какъ образованіе -ѳляхетское. Соотвѣтственно тому и вопросъ о сословности школъ для городского населенія рѣшался различно съ точки зрѣнія интересовъ разныхъ группъ этого населенія. Пожеланія, исходившія отъ купечества (а ихъ было большинство), ограничивались заведеніемъ школъ только для купеческихъ дѣтей, притомъ школъ профессіональнаго характера. Низшіе слои городского населенія, нуждавшіеся преимущественно въ элементарномъ общемъ образованіи, просили устройства школъ для разныхъ чиновъ людей, т. е. школъ разносословныхъ. Это различіе формъ образованія для разныхъ группъ городского населенія не отразилось въ проектѣ правамъ средняго рода людей. Составители ограничились одной статьей, отнесенной къ «общему праву» мѣщанъ и предоставлявшей имъ «право на установленныхъ учрежденіяхъ заводить школы для обученія дѣтей своихъ» [1]). Только за бѣлымъ духовенствомъ признано еще особое сословное право—обучать своихъ дѣтей преимущественно въ спеціальныхъ сословныхъ школахъ, епархіальныхъ семинаріяхъ [2]).

Наконецъ, и образованіе крестьянства предполагалось сосредоточить въ особыхъ сословныхъ школахъ, не превышающихъ по курсу начальной ступени общаго образованія. Тѣ депутаты Законодательной коммиссіи, которые принципіально отстаивали мнѣніе о необходимости общаго образованія для крестьянъ, представляли себѣ организацію этого

---

[1]) Ibid. XXXVI, 182. Какъ видно изъ составленнаго кн. М. М. Щербатовымъ „Плана законовъ о среднемъ родѣ людей“, частная коммиссія, работавшая надъ этими законами, рѣшила передать вопросъ о мѣщанскомъ образованіи спеціальной коммиссіи объ училищахъ. Щербатовъ сообщаетъ: „наконецъ, разсуждая, колико просвѣщеніе разума человѣческаго склоняетъ его сердце ко всякой добродѣтели и ко всему, что̀ можетъ полезно отечеству быть, то учрежденіе школъ для мѣщанства, гдѣ бы дѣти оныхъ нужнымъ наукамъ учились и въ благонравіи преуспѣвали, за необходимо принадлежащее къ правамъ средняго рода людей (коммиссія) почитаетъ; чего ради и особливую главу о правѣ заводить такія училища назначила, оставляя другой благоучрежденной коммиссіи о правилахъ такихъ школъ расположеніе учинить“. Сочиненія, т. I, стр. 149.

[2]) Ibidem, т. XXXVI, стр. 186.

образованія именно въ формѣ устройства особыхъ школъ для крестьянскихъ дѣтей. Проектъ правъ третьяго рода государственныхъ жителей, какъ въ первоначальной редакціи депутата Унгернъ-Штернберга, такъ и въ редакціи частной коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, признавая за каждой изъ трехъ главныхъ группъ крестьянства право на образованіе, также предполагалъ осуществленіе этого права въ формѣ заведенія особыхъ школъ для крестьянскихъ дѣтей; для крѣпостныхъ крестьянъ такія школы должны устраиваться «съ дозволенія и подъ присмотромъ помѣщика» [1]).

Итакъ, сословная организація, опредѣлившаяся въ законодательныхъ проектахъ Коммиссіи о составленіи новаго Уложенія, заново подкрѣпляла начало сословности въ образованіи. Каждое сословіе получало право на особый кругъ образованія, уже не только профессіональнаго, но и общаго, и это право должно было реализоваться въ заведеніи особыхъ школъ для каждаго сословія. Правда, не всѣ сословія одинаково были заинтересованы въ установленіи такой исключительности сословныхъ правъ на образованіе. Изъ среды самого дворянства, вездѣ старавшагося провести начало сословной обособленности, раздавались, какъ мы видѣли, довольно рѣзкіе голоса противъ такой постановки вопроса объ образованіи. Но эти единичныя возраженія очень мало ослабляли традицію сословнаго образованія, согласованную съ новыми сословными понятіями и интересами средины XVIII столѣтія.

На разрѣшеніе у насъ въ данный моментъ вопроса о сословномъ образованіи не могли не повліять касавшіеся этого вопроса взгляды, высказанные въ западной педагогической и политической литературѣ, изъ которой нашими реформаторами почерпнуто было такъ много руководящихъ идей. Просвѣщеніе XVIII вѣка, по словамъ О. Вилльмана, стремилось разсматривать человѣка внѣ соціально-историческихъ условій его жизни и опредѣлять всѣ жизненныя задачи безъ отношенія къ этимъ условіямъ, исключительно съ точки зрѣнія индивидуума [2]). Съ этой тенденціей гармонировала наиболѣе попу-

[1]) Ibidem, стр. 276.
[2]) *О. Вилльманъ*, Дидактика, т. I, стр. 383.

лярная задача педагогіи XVIII вѣка—воспитаніе «естественнаго» человѣка, свободнаго отъ искажающихъ его нравственную природу условій существующаго общественнаго строя.

Понятіе «національнаго» воспитанія и образованія требовало распространенія его на всѣ общественные классы. Но въ то же время въ отдѣльныхъ произведеніяхъ педагогической и политической литературы можно было встрѣтить рядъ такихъ взглядовъ и оговорокъ, которые существенно ограничивали идею всеобщаго и равнаго для всѣхъ общественныхъ классовъ воспитанія и образованія. Локкъ заканчивалъ свой трактатъ о воспитаніи, между прочимъ, такими словами: «душа каждаго человѣка, подобно его наружности, представляетъ свои особенности, отличающія его отъ другихъ; и едва ли найдется хотъ двое дѣтей, которыхъ можно было бы воспитывать совершенно одинаковымъ образомъ. Принцъ, сынъ пэра, сынъ простого джентльмэна должны быть воспитываемы каждый на свой ладъ» [1]). Руссо признавалъ, что «въ общественномъ строѣ, гдѣ всѣ мѣста намѣчены, каждый долженъ быть воспитанъ для своего мѣста. Если отдѣльный человѣкъ, сформированный для своего мѣста, уходитъ съ него, то онъ ни на что уже не годенъ. Воспитаніе полезно лишь настолько, насколько судьба согласуется съ званіемъ родителей; во всякомъ другомъ случаѣ оно вредно для воспитаннаго уже по тѣмъ предразсудкамъ, которыми оно надѣляетъ его» [2]). По мнѣнію Ла-Шалотэ, «общественное благо требуетъ, чтобы образованность простого народа не простиралась дальше, чѣмъ того требуютъ его занятія» («que les connaisances du peuple ne s'étendent pas plus loin que ses occupations»). Эту мысль одобрялъ Вольтеръ [3]). Подробно возражалъ противъ равенства образованія для всѣхъ общественныхъ классовъ Билефельдъ. Хотя каждый гражданинъ имѣетъ право требовать наставленія относительно его обязанностей къ Богу, самому себѣ и обществу, а также необходимыхъ для жизни знаній, но образованіе должно распредѣляться сообразно существующему въ

[1]) Мысли о воспитаніи, перев. А. *Басистова*, стр. 241.
[2]) Эмиль, перев. П. Первова, стр. 9.
[3]) *La-Chalotais*, Essai, p. 37. *Delvaille*, op. cit., p. 113—120.

государствѣ сословному строю. Каждый долженъ быть воспитываемъ соотвѣтственно званію, въ которомъ родился, и предназначенной ему профессіи. Было бы смѣшно и даже опасно для государства допускать, чтобы дѣти крестьянскіе воспитывались также, какъ дворянскіе. Образованіе для крестьянъ должно быть ограничено кругомъ элементарнаго обученія въ низшихъ школахъ. Для дворянства, кромѣ общихъ среднихъ и высшихъ училищъ, должны быть учреждаемы особыя сословныя школы—académies des nobles, къ которымъ Билефельдъ относился съ большимъ сочувствіемъ [1]). Наконецъ, и вожди обоихъ главныхъ направленій германской педагогіи, піэтизма и филантропизма, дѣлали уступки принципу сословности. Франке создавалъ планы особыхъ воспитательныхъ заведеній для дворянъ и для низшихъ сословій; Базедовъ отдѣлялъ низшія школы для дворянства отъ простонародныхъ и при учрежденіи Филантропина на первый планъ ставилъ интересы учащихся изъ высшихъ сословій [2]).

Итакъ, традиція сословнаго образованія, получившая у у насъ новое подтвержденіе при общемъ пересмотрѣ сословнаго законодательства въ большой Законодательной Коммиссіи, не встрѣтила рѣшительнаго отпора со стороны вліяній западнаго педагогическаго движенія, подъ которыми возникали наши проекты новой учебной системы. Вернемся къ нимъ и посмотримъ, какое мѣсто эти проекты отвели началу сословности.

Полнѣе другихъ отразилъ въ себѣ вліяніе новыхъ педагогическихъ идей проектъ «государственныхъ гимназій» 1765—1766 года. Эти гимназіи предназначались для «всѣхъ рожденныхъ россійскихъ подданныхъ греческаго исповѣданія, кромѣ крѣпостныхъ, безъ всякаго различія званія и природы»; преимущество же отдавалось бѣднымъ всякаго званія, которымъ родители не въ состояніи дать добраго воспитанія сами. Авторы проекта прямо ссылаются на волю императрицы, «чтобы въ каждой губерніи таковая гимназія была учреждена,

---

[1]) Institutions politiques, t. I (Paris 1762), p. 98—102, 108—109.

[2]) *Schmid*, Geschichte der Erziehung. B. IV, 1-e Abt., 299; 2-e Abt., 59—96, 204—214.

въ которую бы младенцы всякаго званія безъ различія могли быть принимаемы».

Но созданіе безсословныхъ школъ встрѣчало на практикѣ, по мнѣнію составителей проекта, большія затрудненія. Каждая губернія, разсуждали они, наполнена жителями разнаго рода; въ одной численно преобладаютъ дворяне, обыкновенно назначающіе своихъ дѣтей въ государственную службу, военную или статскую; въ другой губерніи больше купцовъ и разночинцевъ, которые употребляютъ дѣтей своихъ въ коммерціи или избираютъ для нихъ званіе ученыхъ людей. Сосредоточеніе въ одномъ училищѣ «дѣтей, назначенныхъ къ разному званію и роду житія», повлекло бы за собою «безпорядочное ученіе», для избѣжанія котораго и проектированы четыре рода училищъ «по разности званія и намѣреній учащихся», военныхъ, гражданскихъ, купеческихъ и для ученыхъ людей.

Не будучи замкнутыми сословными школами, государственныя гимназіи всѣхъ четырехъ категорій должны давать всѣмъ воспитанникамъ одинаковое воспитаніе и образованіе въ двухъ младшихъ классахъ (по четыре года въ каждомъ), «понеже главное попеченіе будетъ о томъ, чтобы всѣхъ учениковъ сихъ училищъ извлечь изъ невѣжества и сдѣлать полезными и способными *ко всякому роду житія*, которое они впредь себѣ изберутъ».

Съ дворянъ, отдающихъ дѣтей въ гимназіи, предполагалось брать «письменное объявленіе», т. е. подписку въ томъ, что они не желаютъ имѣть для своихъ дѣтей никакого преимущества передъ другими «въ разсужденіи служенія, пищи, одѣянія и всѣхъ прочихъ потребностей», такъ какъ «во всемъ ономъ между малыми дѣтьми должно наблюдать совершенное равенство для избѣжанія всякаго высокомѣрія, зависти и другихъ истекающихъ изъ сего пороковъ». Всѣхъ «государевыхъ пенсіонеровъ» гимназій, «какого бы званія или природы они ни были», предписывалось содержать совершенно одинаково, а самимъ воспитанникамъ внушалось обращаться съ товарищами, хотя не равнаго съ ними происхожденія, ласково и вѣжливо.

Сословно-профессіональный характеръ получалъ третій,

старшій классъ государственныхъ гимназій, такъ какъ курсъ этого класса спеціализировался «сходственно съ родомъ житія, къ которому дѣти себя опредѣлятъ», слѣдовательно, и съ «породою» учащихся.

По окончаніи курса воспитанники получаютъ права, соотвѣтственно различію избранныхъ ими профессій. Воспитанники военныхъ училищъ выпускаются въ службу прямо офицерами; воспитанники гражданскихъ школъ опредѣляются въ службу, «по различной способности», канцеляристами или канцелярскими служителями офицерскаго ранга и «въ полученіи мѣстъ должны имѣть преимущество предъ прочими, когда имѣютъ потребное искусство и пожелаютъ служить», изъ ученыхъ школъ выпускаются учителя для этихъ же школъ и другихъ училищъ, «государственнаго университета и академій»; наконецъ, воспитанники коммерческихъ школъ «имѣютъ свободу обучаться практической коммерціи въ конторахъ и на домахъ у купцовъ или могутъ сами начать производить торги».

Всѣ вообще воспитанники государственныхъ гимназій получаютъ право по выпускѣ носить шпагу, кромѣ учениковъ коммерческихъ школъ, «ежели они еще въ купеческія конторы въ службы войдутъ» [1]).

Открывая доступъ въ гимназіи юношеству всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ, составители плана 1765—1766 года находили нужнымъ устроить повсемѣстно, по городамъ и мѣстечкамъ, особыя публичныя школы для простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей, «дабы ихъ изъ грубаго извлечь незнанія и подать имъ способъ столько научиться, *сколько природѣ ихъ прилично и надобно*». Хотя простой народъ, бѣдное мѣщанское населеніе «числомъ всѣхъ прочихъ далеко превосходитъ, однако жъ въ разсужденіи общества всегда меньшую часть составляетъ, потому что многіе изъ нихъ по природѣ и недостатку къ рукодѣліямъ и прочимъ послѣднимъ мѣщанскимъ упражненіямъ опредѣлены, *въ которомъ званіи науки вовсе не надобны*»... Но проектированныя школы—не односословныя мѣщанскія; въ нихъ обязаны посылать своихъ

[1]) „Матеріалы“, стр. 103—105, 113, 135.

дѣтей «всѣхъ городовъ и мѣстечекъ жители, *какого бы званія ни были*, не исключая слугъ и работниковъ» [1]).

Такъ разрѣшенъ былъ сословный вопросъ въ первомъ опытѣ построенія системы народнаго просвѣщенія на новыхъ педагогическихъ началахъ, провозглашенныхъ Генеральнымъ учрежденіемъ 1764 года. Новая школа, ставившая своей задачей подготовку, прежде всего, просвѣщеннаго человѣка и гражданина, а потомъ уже профессіональнаго работника, естественно, не могла быть сословной замкнутой школой. Но принципъ безсословности не былъ приведенъ въ планѣ государственныхъ гимназій и простонародныхъ элементарныхъ школъ строго послѣдовательно. Крѣпостное населеніе вовсе устранялось отъ государственныхъ гимназій; относительно низшихъ слоевъ городского населенія признано, что въ этомъ званіи «науки (среднее и высшее образованіе) вовсе не надобны», что для него достаточно элементарнаго обученія.

Традиція сословности выступаетъ и въ проектѣ профессора Дильтея. Низшія, тривіальныя школы онъ открываетъ «какъ для благородныхъ, такъ и купеческихъ и другихъ, *не подлаго состоянія*, дѣтей». Равнымъ образомъ, и въ гимназіи принимаются благородные, разночинцы и другія «не подлаго рода дѣти, кромѣ крѣпостныхъ». Въ противоположность плану государственныхъ гимназій, не допускавшему въ стѣнахъ школы какой-либо сословной обособленности, проектъ Дильтея придерживается еще стараго обычая «отличать столами» благородныхъ и неблагородныхъ, «дабы смѣшеніе благородныхъ и разночинцевъ зависти и препятствія не имѣло въ ученіи». Наконецъ въ университетѣ, по проекту Дильтея, не наблюдается никакихъ уже сословныхъ различій между учащимися [2]).

Въ общемъ планѣ новой учебной системы, составленномъ частной коммиссіей объ училищахъ и подписанномъ депутатами Ашемъ, Урсинусомъ, Беклешовымъ и Золотницкимъ, сословный вопросъ скрытъ былъ во 2-ой главѣ—объ училищахъ вообще, которая должна была отвѣтить на вопросъ: «что суть учи-

---

[1]) Ibidem, стр. 141.
[2]) Ibidem, стр. 16, 21.

лища? для кого и сколько оныя нужны и къ чему они способствуютъ?» Существо этихъ вопросовъ разъясняютъ проекты Золотницкаго. По его мнѣнію, «воспитаніе, касающееся до нравовъ и умоначертанія», различается «въ разсужденіи разныхъ родовъ государственныхъ жителей» и раздѣляется 1) на первоначальное, для всѣхъ общее, и 2) «на личное, то есть свойственное и нужное разнымъ состояніямъ дѣтей различно». Эта точка зрѣнія даетъ основаніе Золотницкому классифицировать училища не только по ихъ внѣшнимъ формамъ (нижнія, среднія и верховныя), но и по существу ихъ сословно-профессіональнаго назначенія. По плану Золотницкаго 2-я глава о раздѣленіи училищъ и должна была трактовать о томъ, «для какихъ, къ разнымъ состояніямъ пріуготовляющихся дѣтей, какія науки болѣе нужны, соображаясь съ родомъ ихъ жизни». На эти вопросы Золотницкій отвѣчаетъ въ своемъ подробномъ «Проектѣ о училищахъ», содержащемъ уставы школъ низшихъ и среднихъ. «Размѣривая, говоритъ онъ здѣсь, разные роды состояній и съ оными соединенныя званія государственныхъ жителей, должно размѣривать для нихъ различно и самое ученіе, соображаясь съ общимъ государственнымъ предметомъ и съ особымъ каждаго рода жителей состояніемъ». «По свойству» каждаго состоянія (земледѣлія, мѣщанства, воинской и гражданской службы и, наконецъ, духовенства) «должно наблюдать въ наученіи имѣющихъ въ оное вступить дѣтей, дабы званіе каждаго прежде всего приличнымъ только и нужнѣйшимъ для онаго ученіемъ способствуемо и производимо быть могло въ общую, а чрезъ то уже и собственную, потребность». Низшія училища, раздѣляющіяся на сельскія и городскія, Золотницкій предназначаетъ для крестьянъ и мѣщанъ; при устройствѣ этихъ училищъ обращается вниманіе на то, чтобы дѣти земледѣльцевъ и мѣщанъ «въ нужное время могли пособить своимъ родителямъ и привыкали бы съ малолѣтства къ трудамъ и упражненію, приличнымъ своему состоянію». Въ общемъ планѣ учебной реформы Золотницкій предлагалъ устраивать при среднихъ училищахъ еще особыя приготовительныя школы, отличныя отъ простонародныхъ сельскихъ и городскихъ школъ;

но въ уставѣ государственныхъ гимназій онъ уже умалчивалъ объ этихъ приготовительныхъ школахъ.

Среднія школы, государственныя гимназіи, Золотницкій открывалъ для «всякаго рода дѣтей, выключая нижняго рода людей, то есть земледѣльцевъ». Эти гимназіи должны были готовить юношество непосредственно къ разнымъ родамъ практической дѣятельности и службы, свѣтской и духовной, и для дѣтей каждаго состоянія надлежало «особливо предписать приличныя имъ науки». Можно было бы ожидать, что, согласно такому принципу, Золотницкій раздѣлитъ гимназіи на рядъ параллельныхъ типовъ, дабы достигнуть «совершенно желаемаго намѣренія въ наученіи юношества *и въ приготовленіи онаго къ разнымъ, по различію состояній, званіямъ*». Но въ окончательномъ планѣ Золотницкій проектировалъ единый типъ государственной гимназіи съ необычайно широкимъ курсомъ, объемлющимъ цѣлую энциклопедію общаго и профессіональнаго, свѣтскаго и духовнаго образованія. Какъ должны были при томъ распредѣлиться учащіеся по различію своихъ состояній и будущихъ званій, проектъ Золотницкаго не объяснялъ [1]).

Совершенно обойденъ былъ сословный вопросъ въ проектѣ Клингштета и въ заключеніи Дирекціонной коммиссіи, примирявшемъ принципіальныя разногласія между проектами членовъ училищной коммиссіи.

Взгляды Золотницкаго были приняты коммиссіей въ ея проектахъ низшихъ и среднихъ училищъ.

Въ предисловіи къ проекту нижнихъ деревенскихъ училищъ высказанъ былъ принципіальный взглядъ, что, «соображаясь съ общимъ государственнымъ предметомъ и съ особымъ каждаго рода жителей чиносостояніемъ, необходимо должно различать для нихъ и самое ученіе». Въ силу этого принципа низшія, элементарныя школы дѣлились на сельскія и городскія и назначались: первыя для крестьянъ, вторыя для «средняго рода людей», мѣщанъ. И тѣ и другія школы содержатся на средства мѣстныхъ, сельскихъ и мѣщанскихъ, обществъ и состоятъ подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ избираемыхъ

---

[1]) Ibidem, стр. 146, 150—157, 177—178, 181, 203, 197.

тѣми же обществами попечителей. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ не будетъ среднихъ и высшихъ училищъ, предположено еще устройство ариѳметическихъ школъ, также на средства «гражданства средняго рода» и, слѣдовательно, для мѣщанскихъ дѣтей. Сословный характеръ сельскихъ и мѣщанскихъ нижнихъ училищъ не закрывалъ, однако, доступа въ нихъ и для дѣтей высшихъ сословій. Дворянамъ предоставлялось, по ихъ желанію, отдавать дѣтей въ эти училища подъ условіемъ участія въ ихъ содержаніи «равно противу средняго рода людей по достатку своего имѣнія».

Проектъ о среднихъ училищахъ или государственныхъ гимназіяхъ открывалъ въ послѣднія доступъ «всякаго рода дѣтямъ», при условіи подготовительнаго элементарнаго образованія. Повидимому, коммиссія въ данномъ вопросѣ существенно разошлась съ мнѣніемъ Золотницкаго, не включивъ въ свой проектъ предложенной имъ оговорки о непринимании въ гимназіи дѣтей «нижняго рода», то есть земледѣльцевъ. Но можно сомнѣваться, что коммиссія желала сдѣлать гимназіи школами всесословными въ точномъ смыслѣ этого слова. Въ другихъ статьяхъ проекта ученики гимназій дѣлятся только на дворянъ и средняго рода людей или разночинцевъ. Подъ понятіе же разночинцевъ обыкновенно не подводились ни государственные, ни крѣпостные крестьяне.

Традиція сословности не допускала полнаго смѣшенія учениковъ въ школѣ. При обсужденіи гимназическаго устава, коммиссія разсуждала, между прочимъ, «о раздѣленіи нижнихъ классовъ (гимназіи) дворянскихъ отъ разночинцевъ» и о томъ, «какое различіе сдѣлать въ казенномъ содержаніи дворянскихъ и разночиновныхъ дѣтей». Эти предположенія не были, однако, приняты, и по уставу между учениками дворянами и разночинцами проведена только одна разница: «дворяне ѣдятъ за однимъ столомъ, а разночинцы за другимъ»; равнымъ образомъ въ классахъ, во время уроковъ, «дворянскіе дѣти сидятъ по правой сторонѣ, а разночинскіе по лѣвой» [1]).

---

[1]) Ibidem, стр. 222—223, 236, 253, 255. Дневныя записки училищной коммиссіи, №№ LXVII, LXX.

Въ «Проектѣ о народномъ изученіи» кн. М. М. Щербатова предположенныя имъ училища обѣихъ степеней, губернскія и провинціальныя, открывались на одинаковомъ основаніи какъ для благородныхъ, такъ и для купцовъ и мѣщанъ. Обученіе же крестьянскаго населенія поручалось духовенству. Изъ этого проекта нельзя, однако, заключать, чтобы кн. Щербатовъ былъ принципіальнымъ сторонникомъ безсословной школы. Въ изображеніи идеальнаго «Офирскаго» государства школы раздѣлены по сословіямъ: для дворянъ, для купцовъ и мѣщанъ, для поселянъ [1]).

Остается, наконецъ, упомянуть, что по первоначальному проекту Духовной коммиссіи 1772 года градскія приходскія школы предназначались для «всякаго званія людей, не исключая и крѣпостныхъ»; къ этой статьѣ предположено было сдѣлать добавленіе: «коихъ, однако же, безъ воли своихъ помѣщиковъ или ихъ управителей не принимать». Въ цѣлесообразности этого добавленія усомнился Тепловъ: «не произведетъ ли сіе хлопотъ?»—замѣтилъ онъ [2]).

Итакъ, въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ принципъ сословности образованія выступаетъ еще довольно ярко. Образованіе соразмѣряется съ «чиносостояніемъ» человѣка. Высшія ступени образованія предназначаются преимущественно для привилегированныхъ сословій. Для городского и сельскаго простонародья признается достаточной одна элементарная грамотность, а «науки вовсе нужными». При такихъ условіяхъ тѣ школы, въ которыя одинаково допускались дворяне и разночинцы, не были ни безсословными, въ точномъ смыслѣ этого слова, ни всесословными. Между учениками дворянами и разночинцами въ такихъ школахъ признавалось еще необходимымъ проводить нѣкоторое внѣшнее различіе, напримѣръ, тѣхъ и другихъ «отличать столами». Такимъ образомъ новая школа, ставившая своимъ высшимъ идеаломъ образованіе «человѣка и гражданина», должна была въ конечномъ практиче-

---

[1]) Сочиненія, т. I, ст. 746—749, 919 и слѣд.
[2]) „Матеріалы“, стр. 337.

скомъ результатѣ воплощать этотъ идеалъ въ конкретныя традиціонныя формы того сословнаго строя, который окончательно сложился именно въ эпоху Екатерины II.

III.

Учебная реформа, ближайшей цѣлью которой было созданіе «новой породы отцовъ и матерей», не могла не дать принципіальнаго обоснованія вопросу о женскомъ образованіи и не ввести этого образованія въ общую систему народнаго просвѣщенія.

Генеральное учрежденіе 12 марта 1764 года давало вполнѣ опредѣленную и твердую точку опоры для разрѣшенія даннаго вопроса своимъ требованіемъ «завести воспитательныя училища для обоего пола» на единообразныхъ педагогическихъ началахъ [1]). Явившаяся черезъ 10 дней послѣ того инструкція для управленія Новороссійской губерніей какъ бы устанавливала частный примѣръ того, какъ слѣдовало начинать устройство воспитательныхъ заведеній для обоего пола дѣтей. Помянутая инструкція требовала заведенія въ губерніи школъ, въ которыя слѣдовало брать всѣхъ малолѣтнихъ и обучать ихъ грамотѣ, чтенію, письму и ариѳметикѣ, Закону Божію; а кто способенъ и самъ пожелаетъ, тѣхъ учить также иностраннымъ языкамъ и другимъ наукамъ; неимущихъ и сиротъ содержать на казенномъ коштѣ; достаточнымъ платить въ казну, а за науку ни съ кого ничего не требовать; для женскаго пола учредить такой же воспитательный домъ, «изъ чего послѣдуетъ не малое поправленіе суровыхъ и жестокосердыхъ обычаевъ способомъ благонравныхъ женщинъ, а особливо и то вкоренить весьма нужно, чтобы женщины съ младенчества обучались и привыкали бы къ домоустройству и всякой приличной работѣ» [2]).

---

[1]) „Учрежденія и Уставы“, т. II, стр. 3. О положеніи женскаго образованія въ Россіи до Екатерины II см. *Е. Лихачева*, Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1086—1796. (Спб. 1890), главы 1—3-я. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, op. cit., стр. 18.

[2]) П. С. З. № 12099. Ср. проектъ В. Крестинина о заведеніи малыхъ школъ для обоего пола дѣтей. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXVI (изд. 2), стр. 310—311.

Между тѣмъ то же Генеральное учрежденіе 12 марта 1764 года выдѣлило изъ общаго вопроса о воспитаніи обоего пола юношества частную задачу созданія особаго сословнаго училища для дворянскихъ дѣвицъ. Какъ видно изъ даннаго еще въ ноябрѣ предшествующаго года порученія послу въ Вѣнѣ князю Д. М. Голицыну собрать свѣдѣнія объ австрійскихъ «женскихъ штифтахъ», учрежденіе училища для дворянскихъ дѣвицъ связывалось съ общимъ намѣреніемъ императрицы показать свою заботливость о дворянствѣ. «Намѣрены мы, говорилось въ рескриптѣ князю Голицыну, въ пользу дворянства сдѣлать новое учрежденіе, какъ для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, такъ и для пристанища бѣднымъ дворянскимъ вдовамъ, собственнаго пропитанія не имѣющимъ» [1]).

Созданное по уставу 1764 года Училище для благородныхъ дѣвицъ по своимъ отвлеченнымъ воспитательнымъ и учебнымъ цѣлямъ должно было стремиться къ общему идеалу женскаго образованія, разработанному педагогіей XVII и первой половины XVIII вѣка [2]). Въ примѣненіи же къ реальнымъ условіямъ русской жизни учрежденіе училища благородныхъ дѣвицъ имѣло, прежде всего, то значеніе, что въ его лицѣ создавался у насъ впервые типъ сословнаго женскаго образованія, въ параллель давно уже сложившемуся типу сословнаго шляхетскаго образованія для дворянской молодежи мужескаго пола. Намѣченная Генеральнымъ учрежденіемъ 1764 года реформа должна была, обновивъ сословное образованіе въ духѣ новыхъ педагогическихъ идей, распространить его на единообразныхъ началахъ на юношество обоего пола. Совершенно справедливо замѣтила г-жа Лихачева, что «вообще нашъ Уставъ (воспитанія благородныхъ дѣвицъ 1764 года), повидимому, взялъ за образецъ первый, блестящій періодъ Сенъ-Сира; онъ составленъ въ гораздо болѣе аристократиче-

---

[1]) *П. М. Майковъ*, op. cit., стр. 254.

[2]) *Е. Лихачева*, op. cit., главы 4 и 5-я. *П. М. Майковъ*, op. cit., стр. 261—266. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, op. cit. стр. 37—39. По представленному кн. Д. М. Голицынымъ описанію австрійскихъ женскихъ училищъ трудно судить, оказали ли австрійскіе образцы какое нибудь вліяніе на созданіе нашихъ женскихъ училищъ.

скомъ духѣ, нежели правила г-жи Ментенонъ» [1]). Кромѣ указанныхъ г-жей Лихачевой мелочей внѣшняго обихода, сословный духъ училища отражался и въ общемъ направленіи воспитательнаго и учебнаго строя. Конечною цѣлью «совершеннаго молодыхъ дѣвицъ воспитанія» являлось развитіе въ нихъ «свѣтскихъ добродѣтелей», изъ совокупности которыхъ складывалось специфическое дворянское «благородство» XVIII вѣка. Самый курсъ ученья благородныхъ дѣвицъ по существу былъ общеобразовательнымъ; его составляли: Законъ Божій, русскій и иностранные языки, ариѳметика, географія, исторія, стихотворство, архитектура и геральдика, рисованіе и миніатюра, танцы, музыка вокальная и инструментальная, шитье всякаго рода, вязаніе и плетеніе шелковое, нитяное, шерстяное и бумажное, наконецъ, всѣ части экономіи; но въ этомъ общеобразовательномъ курсѣ можно замѣтить нѣкоторые оттѣнки уже знакомаго намъ сословно-общаго шляхетскаго образованія. Обученіе говорить и писать на иностранныхъ языкахъ поставлено первою обязанностью учительницъ. Изученіе исторіи связано съ нравоученіемъ и съ изученіемъ пріемовъ «свѣтскаго обхожденія». Обученіе ариѳметикѣ признано необходимымъ «для содержанія впредь въ должномъ порядкѣ домашней экономіи». Такіе предметы преподаванія, какъ геральдика, архитектура, разнаго рода искусства, являлись традиціонной принадлежностью сословнаго, дворянскаго образованія [2]).

Вытекавшее изъ Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года положеніе, «чтобъ всякаго чина и женской полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ», требовало созданія также особаго типа женскаго мѣщанскаго образованія, особенно послѣ того, какъ типъ мѣщанскаго образованія для мальчиковъ явился въ видѣ особеннаго мужского училища при Академіи художествъ.

По уставу особливаго училища при Воскресенскомъ Но-

---

[1]) *Е. Лихачева*, op. cit., стр. 144. Сравн. мнѣніе *А. С. Лаппо-Данилевскаго*, что учрежденіе Смольнаго института „имѣло не столько сословное значеніе, сколько обнаружило, наконецъ, желаніе русскаго правительства взять на себя правильную организацію женскаго образованія", op. cit., 37.

[2]) „Учрежденія и Уставы", т. II, стр. 52, 54, 56—57.

водѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія малолѣтнихъ дѣвушекъ 31 января 1765 года мѣщанское женское образованіе являлось какъ бы суженнымъ кругомъ образованія благородныхъ дѣвицъ. «Свѣтскія добродѣтели», о которыхъ такъ подробно распространялся предшествующій уставъ, признавались, конечно, ненужными для мѣщанскихъ дѣвицъ и цѣлью воспитанія послѣднихъ поставлялось «благонравіе, обхожденіе и чистота». Въ кругѣ образованія для мѣщанокъ уже не было мѣста географіи, исторіи, геральдикѣ и архитектурѣ; онъ исчерпывался Закономъ Божіимъ, русскимъ и однимъ иностраннымъ языкомъ (только читать и писать), ариѳметикой. Изъ искусствъ допущены: рисованіе, танцы и музыка. Наставленіе въ домашней экономіи и рукодѣліяхъ принимало болѣе черный характеръ; цѣлью его было подготовленіе къ «службѣ экономической». Выпускаемыя изъ мѣщанскаго училища дѣвушки получали всѣ преимущества и вольности, присвоенныя мѣщанскимъ воспитанникамъ Академіи художествъ [1]).

Итакъ, съ первыхъ же шаговъ насажденіе женскаго образованія пошло по пути, не отвѣчавшему всей широтѣ намѣченной Генеральнымъ учрежденіемъ 1764 года задачи. Первыя женскія училища, устроенныя на новыхъ педагогическихъ началахъ, оказались строго сословными, при томъ разсчитанными на опредѣленный комплектъ учащихся, учрежденіями. Каждое изъ нихъ имѣло цѣлью воспитывать женскую молодежь въ гражданскихъ добродѣтеляхъ и правилахъ культурнаго обихода опредѣленныхъ сословій, дворянства и мѣщанства.

Уже послѣ учрежденія обоихъ названныхъ училищъ, въ 3-ей части Генеральнаго плана воспитательнаго дома, конфирмованной 13 августа 1767 года, поставленъ былъ принципіальный вопросъ: какія цѣли должно преслѣдовать образованіе женской молодежи низшихъ классовъ населенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ формѣ опроверженія распространеннаго среди благородныхъ особъ предразсудка, что крѣпостнымъ людямъ «наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, не только не потребно, но еще не по-

---

[1]) „Учрежденія и Уставы“, т. II, стр. 69—72.

лезно и вовсе не надобно». Чѣмъ же опровергается этотъ дворянскій предразсудокъ, не допускающій, чтобы рабы «философами» были? Тѣмъ соображеніемъ, что крѣпостной или крѣпостная, являясь первымъ наперсникомъ или наперсницей, другомъ или подругой дворянскимъ дѣтямъ, напитываютъ послѣднихъ, съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами. Кто понимаетъ, какой вредъ приноситъ дворянскимъ дѣтямъ «общество подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ», тотъ не можетъ не желать, ради благоденствія рода человѣческаго, «дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными».

Это общее разсужденіе даетъ основаніе отвѣтить на вопросъ: надобно ли въ воспитательномъ домѣ дѣвочкамъ учиться тому, что́ для мальчиковъ показано? Отвѣтъ получается нѣсколько неожиданный: «ежели бы воспитываемымъ въ семъ домѣ дѣвушкамъ слѣдовало быть крестьянками, то не надлежало бы и упоминать о обученіи ихъ». Трудно понять это заключеніе послѣ того, какъ только что горячо доказывался вредъ, происходящій отъ невѣжества крѣпостныхъ крестьянъ. Согласно «намѣренію» воспитательнаго дома, читаемъ далѣе, дѣвочки «назначены учиться искусствамъ, жизни человѣческой и гражданству потребнымъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи фабрики, купечества и ремесла, способствовать къ заведенію оныхъ, управлять всѣ, а наипаче ихъ полу принадлежащія, части домостроительства, разумѣть подробности онаго, знать, какъ въ казначействѣ поступать и проч.». Словомъ, обученіе дѣвочекъ въ воспитательномъ домѣ опредѣлялось одной изъ главныхъ задачъ этого учрежденія—содѣйствовать созданію въ Россіи «средняго рода людей» [1]).

Таковы были общіе взгляды на основанія и цѣли женскаго образованія. Гуманность и педагогическій идеализмъ этихъ взглядовъ соединялись съ узко сословными тенденціями. Обра-

---

[1]) Ibidem, т. I, стр. 92—94.

зованіе крѣпостныхъ женщинъ цѣнилось исключительно въ интересахъ дворянской молодежи; образованію мѣщанскихъ дѣвушекъ усваивался преимущественно профессіональный характеръ, соотвѣтственно сословной природѣ «средняго рода людей»; сословнымъ духомъ проникнута и система образованія благородныхъ дѣвицъ.

Выясненная Генеральнымъ учрежденіемъ и непосредственно примыкавшими къ нему актами важность вопроса о женскомъ образованіи отразилась ли въ проектахъ общей учебной системы? Ни въ планѣ государственныхъ гимназій и простонародныхъ школъ 1765—1766 года, ни въ планѣ Дильтея вопросъ объ образованіи женщинъ вовсе не затронутъ. Не упоминалъ о немъ и проектъ общаго плана учебной реформы, разработанный частной коммиссіей объ училищахъ. Первый поставилъ вопросъ о женскомъ оброзованіи Золотницкій въ своемъ особомъ предварительномъ планѣ учебной системы. Въ отдѣлѣ о среднихъ училищахъ онъ находилъ нужнымъ «по сходству матеріи сказать о учрежденіи воспитанія въ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ мѣстахъ и для малолѣтнихъ какъ благородныхъ, такъ и средняго рода дѣвицъ». Эти женскія воспитательныя заведенія, подъ которыя слѣдовало отвести «женскіе знатнѣйшіе монастыри», Золотницкій предполагалъ устроить на равномъ основаніи съ мужскими, «съ тѣмъ только различіемъ, что для таковыхъ воспитываемыхъ дѣвицъ предпишутся особливыя науки, приличествующія ихъ полу, полагая, однако въ число оныхъ и нѣкоторыя изъ наукъ среднихъ училищъ». Мысль Золотницкаго была одобрена и Дирекціонною коммиссіей, нашедшей, что учрежденіе воспитательныхъ училищъ для дѣвицъ «безъ уваженія оставлено быть не должно». Въ послѣдующемъ, подробномъ планѣ учебной системы, въ отдѣлѣ о низшихъ школахъ, Золотницкій ограничилъ обученіе женскаго пола дѣтей однимъ чтеніемъ, но и его онъ оставлялъ «на произволеніе, кому способность допуститъ въ семъ упражняться». Разъ мужчины, разсуждалъ Золотницкій, будутъ наставлены въ нужномъ для нихъ ученіи, то жены и дѣти женскаго пола могутъ уже отъ нихъ заимствовать потребное себѣ знаніе во все время своей жизни; сверхъ того, однако,

дѣвочки должны быть наставляемы священникомъ въ школѣ наизусть въ заповѣдяхъ и «въ самыхъ первѣйшихъ и понятныхъ для нихъ правилахъ добронравія», по крайней мѣрѣ, однажды въ недѣлю или сколько самъ наставникъ заблагоразсудитъ. Въ отдѣлѣ о среднихъ школахъ Золотницкій ничего уже не говорилъ о женскомъ образованіи.

Окончательный, принятый коммиссіей, проектъ нижнихъ сельскихъ училищъ предоставлялъ желанію родителей отдавать дѣвочекъ въ эти училища на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мальчиковъ. Проектъ же нижнихъ городскихъ училищъ предписывалъ отдавать въ нихъ дѣтей обоего пола, отъ семилѣтняго возраста, при чемъ мальчики обучаются обязательно и чтенію и письму, для дѣвочекъ же обязательно только чтеніе, а письму онѣ могутъ обучаться по желанію родителей; размѣщаются въ школѣ мальчики и дѣвочки за особыми столами; по желанію самихъ городскихъ обывателей имъ разрѣшается устраивать особыя школы для дѣвочекъ. Наконецъ, нижнія училища по проекту Духовной коммиссіи 1772 года предназначались только для мальчиковъ; о обученіи дѣвочекъ этотъ проектъ совершенно умалчивалъ [1]).

Итакъ, вопросъ о женскомъ образованіи не получилъ систематической и детальной разработки въ проектахъ учебныхъ реформъ 1760—1770 годовъ и не былъ введенъ въ общую систему народнаго просвѣщенія. Почти на цѣлое столѣтіе женское образованіе застыло въ узкихъ формахъ замкнутыхъ сословныхъ училищъ, первыми представителями которыхъ были Воспитательное училище благородныхъ дѣвицъ и Училище мѣщанскихъ дѣвушекъ.

IV.

Одною изъ наиболѣе рѣзкихъ чертъ западнаго просвѣщенія въ срединѣ XVIII вѣка было стремленіе изъять народное образованіе изъ рукъ церкви и передать его въ вѣденіе государства. Освобожденіе школы отъ подчиненія церковнымъ

[1]) „Матеріалы“, стр. 148, 153, 175, 176, 181, 225, 234, 236.

авторитетамъ и властямъ являлось самымъ существеннымъ условіемъ достиженія всѣхъ главныхъ положительныхъ цѣлей новаго просвѣщенія какъ со стороны его внутренняго содержанія, такъ и со стороны внѣшней организаціи.

Въ Россіи не было почвы для такого антагонизма между духовнымъ и свѣтскимъ образованіемъ. Съ конца XVII вѣка наша духовная школа сама стремилась навстрѣчу нарождавшейся потребности въ общемъ свѣтскомъ образованіи и, какъ мы видѣли, стоило не малыхъ усилій обратить эту духовную школу къ ея прямой цѣли, сдѣлать ее сословно-профессіональной. Въ тоже время только духовнымъ властямъ удавалось заводить низшія, элементарныя школы, въ которыхъ нуждалось свѣтское правительство, но которыхъ оно вовсе не умѣло создать. Отсутствіе въ области нашего духовнаго образованія традиціи, принципіально враждебной заимствованію съ запада новыхъ педагогическихъ идей, оставляло полную свободу государственной власти въ ея стремленіи взять школьное образованіе какъ свѣтское, такъ и духовное, въ свои руки и направить его сообразно своимъ цѣлямъ. Переходъ власти надъ школой изъ рукъ церкви въ руки государства былъ самымъ боевымъ вопросомъ для западнаго просвѣщенія. У насъ государственная власть одинаково неограниченно распоряжалась и свѣтской и духовной школой. Благопріятное для русской государственной власти значеніе даннаго обстоятельства, отсутствія принципіальной оппозиціи ея просвѣтительнымъ начинаніямъ со стороны церкви, отмѣтилъ Дидро. Въ «Планѣ университета для Россіи», изображая вредъ, наносимый просвѣщенію средневѣковыми притязаніями духовенства, онъ указалъ на выгодное положеніе русской государственной власти въ этомъ отношеніи: «point de vieilles institutions qui s'opposent à ses vues; elle a devant elle un champ vaste, un espace libre de tout obstacle sur le quel elle peut édifier à son gré» [1]).

Итакъ, для нашей государственной власти XVIII вѣка важно было не столько обоснованіе ея права на подчиненіе

[1]) Oeuvres, t. III, p. 441.

себѣ всей области народнаго просвѣщенія, сколько опредѣленіе своихъ конкретныхъ задачъ въ этой области и средствъ управленія ею.

Отношеніе государства къ профессіональному образованію въ первой половинѣ XVIII вѣка стояло очень опредѣленно и просто. Это отношеніе опредѣлялось практическими потребностями разныхъ отраслей государственной службы. Всѣ отдѣльныя отрасли профессіональнаго образованія распредѣлялись между соотвѣтствующими спеціальными вѣдомствами, и вся совокупность отраслей этого образованія не составляла особаго цѣльнаго предмета государственнаго управленія. Значительно болѣе сложнымъ представлялся вопросъ объ отношеніи государства къ «общему» образованію, цѣлью котораго было созданіе не профессіональнаго человѣка, а просвѣщеннаго человѣка и гражданина.

Чтобы объяснить постановку вопроса о созданіи полной системы народнаго просвѣщенія, какъ особой задачи государственнаго управленія, въ нашихъ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ, слѣдуетъ войти въ кругъ тѣхъ взглядовъ по этому вопросу, какіе высказывались въ произведеніяхъ западной педагогической и политической литературѣ, становившихся извѣстными въ данное время и нашему обществу въ подлинникахъ и переводахъ.

Два главныхъ мотива выдвигались обычно въ доказательство необходимости широкаго вмѣшательства государственной власти въ область народнаго просвѣщенія. Одинъ изъ этихъ мотивовъ развивалъ взгляды, обозначившіеся еще на почвѣ чисто полицейской государственности. Смягчая нравы, искореняя пороки, внушая любовь къ порядку и справедливости, внѣдряя въ умы людей сознаніе ихъ обязанностей, образованіе полезно государству потому, прежде всего, что оно создаетъ ему хорошихъ, послушныхъ подданныхъ. Такую мысль высказывалъ, напримѣръ, Дидро во введеніи къ плану университета для Россіи [1]).

Другой, болѣе широкій и болѣе согласный съ духомъ но-

[1]) Oeuvres, t. III, p. 429.

ваго просвѣщенія мотивъ вытекалъ изъ господствовавшаго въ XVIII столѣтіи взгляда на соотношеніе интересовъ отдѣльной личности и общества. Моральное и умственное совершенствованіе отдѣльнаго человѣка есть нѣкоторое самоцѣнное благо. Благо же государства есть сумма блага составляющихъ его индивидумовъ. Съ этой точки зрѣнія значеніе общаго образованія для государства получаетъ болѣе широкое освѣщеніе. Государство уже не только пользуется средствами просвѣщенія, какъ орудіемъ для достиженія тѣхъ или другихъ узко политическихъ цѣлей. Просвѣщеніе для государства есть такая же необходимая основа для всесторонняго развитія его благосостоянія, какъ и для отдѣльнаго человѣка. Съ другой стороны, хорошее или дурное воспитаніе всецѣло зависитъ отъ законодательства. На такихъ взглядахъ утверждалась идея «національнаго», руководимаго государственной властью воспитанія и образованія, широко распространенная именно въ данную эпоху, въ срединѣ XVIII вѣка, во французской литературѣ; въ той или иной формѣ ее выражали аббатъ Сенъ-Пьеръ, Ла-Шалотэ, Вольтеръ, Руссо, Дюкло и другіе [1]). Такого же взгляда держалась и нѣмецкая педагогія. Базедовъ въ «Представленіи» 1768 года, предлагая сосредоточить завѣдываніе всѣмъ народнымъ образованіемъ въ особомъ государственномъ учрежденіи, доказывалъ зависимость государственнаго благосостоянія отъ счастья всѣхъ его подданныхъ, опирающагося на хорошее воспитаніе и образованіе [2]).

Тѣ же взгляды на значеніе для государства народнаго воспитанія и образованія, на право и обязанность государственной власти овладѣть всею областью народнаго просвѣщенія должны были проникать къ намъ и изъ тѣхъ произведеній политической литературы, которыя непосредственно трактовали о задачахъ государственнаго управленія.

---

[1]) *Jul. Delvaille*, La-Chalotais éducateur, p. 95—100. „A l'époque même de La-Chalotais l'idée d'une éducation nationale était une de ces idées qui étaient dans l'air. Elle circulait dans les ouvrages et brochures qui furent publiées à peu près à la même époque que l'Essai". Ibidem., p. 98—99. *Helvetius*, De l'homme, t. II, 688—691.

[2]) *Schmid*, op. cit., B. IV, Abt. 2, S. 90—91.

*

Монтескьё признавалъ цѣлью воспитанія и образованія приготовленіе къ гражданскимъ обязанностямъ и выяснялъ зависимость законовъ о воспитаніи отъ существа государственнаго устройства каждой страны. Наименѣе благопріятно поставлена для воспитанія деспотія, гдѣ оно держится на страхѣ; въ деспотіяхъ воспитаніе необходимо заключено въ самые тѣсные предѣлы; тамъ нѣтъ въ немъ никакого порядка. Въ монархіяхъ воспитаніе держится на принципѣ чести и задача его—вселять въ сердца великодушіе. Наиболѣе благопріятенъ для воспитанія принципъ республики—добродѣтель, выражающаяся въ любви къ законамъ и къ отечеству [1]). Взглядъ Монтескье на зависимость законовъ о воспитаніи отъ различія принциповъ государственнаго устройства отвергнутъ былъ Юсти въ его главномъ трудѣ «Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten», третья часть котораго, содержащая разсужденія объ отношеніи государства къ наукамъ и воспитанію дѣтей, появилась въ русскомъ переводѣ въ 1777 году [2]). Юсти исходитъ изъ положенія, что «обширность всего вообще добраго воспитанія простирается на двойственное сіе намѣреніе, сирѣчь, чтобы снабдѣвать государство какъ добрыми, такъ и полезными согражданами». Но вопреки Монтескье онъ находитъ, что гражданская добродѣтель и любовь къ отечеству могутъ служить принципами воспитанія при всякомъ родѣ государственнаго правленія и съ нимъ сообразоваться: «при воспитаніи дѣтей, вперя, во первыхъ, въ нихъ любовь къ отечеству и къ гражданской добродѣтели, должно уважать также особенный родъ того правленія, подъ вѣдомствомъ коего они состоятъ, и впечатлѣвать въ нихъ соотвѣтствующія правила». Изъ этой зависимости государ-

---

[1]) Esprit des lois, livre IV.

[2]) *І. Г. Г. Юстій*, Основаніе силы и благосостоянія царствъ или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія. Перев. Иванъ Богаевскій. Перечень трудовъ Юсти былъ помѣщенъ въ „Ежемѣс. сочин. къ пользѣ и увес. служ.“ 1763 г., іюль. О заимствованіяхъ Екатерины II у Юсти см. „Наказъ“ подъ ред. *Н. Д. Чечулина*, стр. CXXXVIII—CXL. О Юсти, какъ основателѣ науки о государственномъ управленіи, *G. Marchet*, Studien über die Entwickelung der Verwaltunglehre in Deutschland, 271—329.

ственнаго блага отъ воспитанія будущихъ гражданъ истекаетъ необходимость для государственной власти руководить домашнимъ воспитаніемъ и ввести гражданское воспитаніе въ число важнѣйшихъ задачъ публичнаго образованія. Другая сторона вопроса объ отношеніи государства къ народному просвѣщенію открывается при изслѣдованіи «сопряженія наукъ съ пользою всего государства». Государству полезны всѣ знанія, какія полезны отдѣльнымъ людямъ: «нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнія, что всѣ отъ разума проистекающія знанія, которыя людямъ, какъ членамъ гражданскихъ обществъ, пристойны, имѣютъ наиближайшее съ пользою государственною сопряженіе, ибо благое состояніе всякаго гражданскаго общества долженствуетъ происходить отъ оныхъ познаній. Да и то свѣдѣніе, кое намъ просто по человѣчеству нужно, имѣетъ равномѣрно къ пользѣ государства отношеніе, потому что члены гражданскихъ обществъ тѣ же суть люди; а гражданскимъ устроеніямъ нужно быть на природѣ человѣческой основаннымъ». Показавъ затѣмъ практическую пользу разныхъ наукъ для гражданъ и государства, Юсти приходитъ къ заключенію, что «не малая для государства заключается въ томъ важность, чтобъ предохранить науки отъ упадка и безпрерывно споспѣшествовать ихъ приращенію»[1]).

Утвердившимся въ педагогической и политической литературѣ средины XVIII вѣка взглядомъ на заинтересованность государства въ успѣхахъ народнаго просвѣщенія опредѣлялись предѣлы и формы государственнаго вмѣшательства въ эту область культурной жизни. Это вмѣшательство уже не можетъ теперь ограничиться покровительствомъ отдѣльнымъ корпораціямъ, духовнымъ и свѣтскимъ, содержащимъ школы, и болѣе или менѣе случайной регламентаціей школьныхъ порядковъ. Государство беретъ теперь на себя обязанность созданія и развитія собственными средствами цѣльной системы народнаго просвѣщенія, т. е. планомѣрной совокупности школъ, общеобразовательныхъ и профессіональныхъ. Такъ именно начинаетъ ставиться данный вопросъ тѣми представителями государ-

[1]) *Юсти*, op. cit., стр. 193, 198, 84—85.

ственной науки XVIII столѣтія (Юсти, Билефельдомъ и Зонненфельсомъ), труды которыхъ вскорѣ по своемъ появленіи стали извѣстны въ Россіи. Всѣ они распространяютъ государственное попеченіе на всю совокупность научныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій: на школы низшія, среднія и высшія, общеобразовательныя и профессіональныя, на академіи наукъ и ученыя общества, на книгопечатаніе и т. д. Юсти, требуя отъ государственной власти свободы распространенію наукъ и «почтенія» къ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на эту власть заботу «о споспѣшествующихъ приращенію наукъ учрежденіяхъ» и полагаетъ, что государство «можетъ преподаваніе всякихъ знаній соображать больше съ особенными своими обстоятельствами и намѣреніями». Признавая дѣло воспитанія «самымъ важнымъ для государства и для всякаго гражданина особенно», Юсти находитъ нужнымъ, чтобы правительство родителямъ «подало руку помощи и привело бы общія школьныя распоряженія въ такое состояніе, чтобы разумъ дѣтей ихъ получилъ отъ того желаемое устроеніе». Съ этихъ точекъ зрѣнія Юсти высказываетъ свои соображенія о тѣхъ улучшеніяхъ въ разныхъ областяхъ народнаго образованія, къ какимъ должна стремиться государственная власть [1]).

Одновременно, а можетъ быть и раньше, чѣмъ сочиненія Юсти, сталъ извѣстенъ русской публикѣ трудъ Билефельда «Institutions politiques» [1]). Билефельдъ, признавая, что «счастье государства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ хорошаго воспитанія подданныхъ», ставилъ народное образованіе первой основной задачей «политики» и начертывалъ очень стройную и полную систему просвѣщенія, отъ начальныхъ деревенскихъ школъ до университетовъ, академій наукъ и художествъ, а также разнообразныхъ внѣшкольныхъ средствъ образованія, клонящихся все къ одной общей цѣли, преслѣдуемой государствомъ,—politesse générale et urbanité. Но въ каждомъ государствѣ система образованія должна быть согласована съ господствующей религіей, особенностями государственнаго строя,

---

[1]) Ibidem, стр. 137, 211.

духомъ народа и другими мѣстными условіями. Нельзя начертать единообразной системы просвѣщенія для всѣхъ государствъ.

Значительно позже, въ 1787 году, появился въ русскомъ переводѣ трудъ третьяго выдающагося представителя науки о полиціи—Іосифа Зонненфельса, «Начальныя основанія полиціи или благочинія» (перевелъ М. Гавриловъ) [1]). Зонненфельсъ, считая важнѣйшимъ, послѣ религіи, средствомъ къ исправленію нравовъ народа воспитаніе, отмѣчаетъ, что «всѣ почти государства въ семъ строѣ имѣютъ недостатокъ въ законахъ, которые бы частное воспитаніе соображали со всеобщимъ планомъ государства». Первою задачею правительства въ этомъ направленіи Зонненфельсъ и ставитъ выработку «плановъ воспитанія, по которымъ бы родители долженствовали воспитывать дѣтей своихъ», и установленіе такого порядка государственнаго надзора, «когда бъ смотрѣніе надъ училищами соединено было съ смотрѣніемъ надъ воспитаніемъ». «Для возбужденія въ народѣ большаго уваженія къ училищамъ» правительство должно, по мнѣнію Зонненфельса, отличать ихъ разными правами и преимуществами; «однако, сіи права не должны такъ далеко простираться, чтобъ противны были самому предмету наукъ и способствовали къ подкрѣпленію необузданности учащагося юношества» [2]).

Такъ въ педагогической литературѣ и государственной наукѣ средины XVIII вѣка выяснялся тотъ чрезвычайно важный моментъ, когда государственная власть беретъ въ свои руки всю область народнаго просвѣщенія и ставитъ въ рядъ своихъ основныхъ культурныхъ задачъ созданіе полной системы этого просвѣщенія. Къ достиженію этой цѣли направ-

---

[1]) *Bielfeld*, Institutions politiques, t. I, chap. IV. Этотъ первый томъ вышелъ въ 1760 г. à la Haye, а вторымъ изданіемъ въ Парижѣ въ 1762 г. Объ этомъ изданіи было помѣщено извѣстіе въ „Ежемѣс. соч. къ пользѣ и увеселенію служащ.“, 1763 г., августъ. О заимствованіяхъ изъ Билефельда въ Наказѣ Имп. Екатерины см. „Наказъ“ подъ ред. Н. Д. Чечулина, стр. CXXXVI—CXXXVIII. Русскій переводъ „Наставленій политическихъ“ появился позже: I томъ, переведенный кн. Ѳед. Шаховскимъ въ 1768 г., II томъ, переводъ Ант. Барсова въ 1775 г.

[2]) *Зонненфельсъ*, стр. 89, 95.

ляются теперь совокупныя усилія собственно педагогическаго движенія и законодательства. Со стороны перваго выдвигается рядъ обширныхъ проектовъ учебныхъ реформъ и плановъ частнаго и публичнаго воспитанія и образованія. Одни изъ нихъ выясняли, на извѣстныхъ психологическихъ основаніяхъ, послѣдовательность отдѣльныхъ ступеней воспитанія и образованія, другія устанавливали соотвѣтствующія этимъ ступенямъ типы школъ и взаимную связь послѣднихъ. Какъ разъ въ 1760—1770-хъ годахъ, когда развилось наше педагогическое движеніе, во Франціи и Германіи появляется рядъ такихъ общихъ плановъ частнаго и публичнаго воспитанія и образованія, какъ Эмиль Руссо, Essai d'éducation nationale ou plan d'études pour la jeunesse Ла-Шалотэ (1763 г.), Le compte rendu Роллана (1768 г.), Vorstellung an Menschenfreunde Базедова (1768 г.), наконецъ, спеціально предназначенныя для Россіи работы Дидро: Essai sur les études en Russie и Plan d'une université.

Въ тоже время законодательство правительствъ, усвоившихъ принципы «просвѣщенія» и идеи новой науки о задачахъ государственнаго управленія, начинаетъ принимать новый характеръ. Вмѣшательство государственной власти въ область народнаго просвѣщенія начинаетъ теперь выражаться не въ случайныхъ, частичныхъ и разрозненныхъ мѣропріятіяхъ, а въ такихъ органическихъ законодательныхъ актахъ, которые стремятся систематически обнять всѣ стороны и ступени народнаго просвѣщенія.

Всѣ важнѣйшія черты изображеннаго сейчасъ момента въ исторіи западно-европейской политики просвѣщенія ясно отразились и въ нашихъ проектахъ и опытахъ учебныхъ реформъ 1760 — 1770-хъ годовъ. И представители нашего педагогическаго движенія въ основу своихъ разсужденій кладутъ положеніе, что цѣлью реформы народнаго просвѣщенія должно быть «насажденіе добраго гражданства», созданіе «прямыхъ» гражданъ, послушныхъ къ своимъ властямъ и вѣрныхъ государю, проникнутыхъ «похвальнымъ устремленіемъ къ пользѣ своего отечества». «Народное просвѣщеніе, по всеобщему удостовѣренію, есть первѣйшее основаніе государствен-

наго благосостоянія; а безъ того жители оставались бы всегда въ узахъ невѣжества, дикой грубости и почти самого безчеловѣчія». «Самое состояніе государствъ, ихъ начало, ихъ узаконенія, ихъ величество, ихъ колеблемость и самое разрушеніе должно приписать естеству и силѣ воспитанія... Воспитаніе производитъ общественныя постановленія и оно есть слѣдствіе оныхъ» [1]).

Послѣдовательно проходитъ черезъ весь рядъ нашихъ проектовъ и опытовъ учебныхъ реформъ также убѣжденіе, что только авторитетомъ и средствами государственной власти можетъ быть дана хорошая постановка дѣлу воспитанія и образованія. Этотъ взглядъ выражается въ томъ общемъ фактѣ, что всѣ образовательные планы и проекты облекаются въ форму законодательныхъ актовъ, «уставовъ» и «учрежденій». Отъ удачнаго составленія этихъ актовъ и правительственныхъ «наставленій», «единственно зависитъ» весь успѣхъ учебной реформы, по словамъ Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года.

Изъ германскаго, въ частности прусскаго, законодательства, надо думать, была заимствована составителями нашихъ проектовъ обязательность низшаго, собственно народнаго образованія. Вводимая уже нѣкоторыми школьными уставами XVII вѣка, эта обязательность широко распространяется въ слѣдующемъ столѣтіи. Наибольшій вѣсъ получило установленіе обязательности начальнаго образованія для дѣтей обоего пола, отъ 5 до 13—14-лѣтняго возраста, прусскимъ Generallandschulreglement'омъ 1763 года (§ 1) [2]). Во Франціи еще первые проекты революціонной эпохи не рѣшались установить этой обязанности [3]).

У насъ принципъ обязательности образованія широко примѣнялся при Петрѣ Великомъ въ области профессіональнаго образованія. Здѣсь онъ былъ тѣсно связанъ съ принци-

---

[1]) „Матеріалы", стр. 5, 82, 83, 85, 96, 141, 177, 222, 327. „С.-Петербургскій журналъ", изд. Ив. Пнинымъ, 1798 г. ч. I.

[2]) *Rein*, Encyklopädiscnes Handbuch der Pädagogik, B. VIII, S. 1—4. *Schmid*, Encyklopädie des gesamten Erziehungs- und Unterrichtswesens, B. VIII.

[3]) *Compayré*, op. cit., II, p. 294—296.

помъ прикрѣпленія нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ къ опредѣленнымъ профессіямъ. Обязательность сословной профессіи обусловливала собою и обязательность образовательной къ ней подготовки [1]). Та обязательность общаго начальнаго образованія для народной массы, къ которой мы сейчасъ обращаемся, вытекала, очевидно изъ другихъ совершенно мотивовъ и должна была служить инымъ интересомъ, чѣмъ обязательность образованія профессіональнаго для служилыхъ классовъ.

Съ точки зрѣнія тѣхъ интересовъ, ради которыхъ государство подчиняло своей власти всю область народнаго просвѣщенія, принципъ обязательности общаго образованія долженъ былъ бы распространиться на всѣ общественные классы и на всѣ ступени образованія. Но такое послѣдовательное проведеніе принципа общеобязательности образованія встрѣтило у насъ въ срединѣ XVIII вѣка препятствіе со стороны процесса освобожденія дворянства отъ обязательной службы, съ которымъ тѣсно было связано и освобожденіе отъ обязательнаго образованія. Общее образованіе для дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка было обязательно на столько, на сколько оно являлось необходимой основой для образованія профессіональнаго. Манифестъ 18 февраля 1762 года, оставляя за дворянствомъ нравственную обязанность сословнаго образованія («никто бы да не дерзалъ, подъ тяжкимъ императорскимъ гнѣвомъ нашимъ, дѣтей своихъ оставлять безъ обученія пристойныхъ благородному человѣку наукъ»), естественно, не устанавливалъ какихъ либо обязательныхъ формъ этого образованія. Для осуществленія дворянствомъ его нравственной обязанности образованія ему были открыты, кромѣ сословныхъ дворянскихъ школъ, также и всѣ другія общеобразовательныя школы низшія, среднія и высшія. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVIII вѣка проблема обязательности, правильнѣе принудительности, общаго образованія ограничивается областью образованія, предназначаемаго преимущественно для простонародной массы населенія, слѣдовательно, образованія низшаго.

Уже первые широкіе проекты общаго народнаго образо-

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., стр. 204 и слѣд.

ванія начала XVIII вѣка допускали принципъ обязательности этого образованія. Посошковъ предлагалъ «положить какое ни есть страхованіе» на крестьянъ, не отдающихъ своихъ дѣтей въ приходскія школы. По оригинальному проекту Аврамова обязательность элементарнаго образованія не только дѣтей, но и взрослаго населенія, раздѣляемаго съ этою цѣлью на «тысячи», устанавливалась посредствомъ ежегодныхъ экзаменовъ подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ и архіереевъ [1]).

Изъ первыхъ проектовъ учебныхъ реформъ, примыкающихъ къ Генеральному учрежденію 1764 года, вопросъ объ обязательности образованія затронутъ былъ въ «Планѣ, «какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы для простого народа безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія». По этому плану жители всѣхъ городовъ и мѣстечекъ, какого бы званія ни были, не исключая слугъ и работниковъ, обязаны посылать въ элементарныя школы дѣтей своихъ мужескаго пола въ возрастѣ 6—14 лѣтъ. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этой обязанности возлагается на мѣстное духовенство обще съ магистратами. Съ уклоняющихся отъ нея въ первый годъ взыскивается штрафъ — вдвое противъ назначенной ежегодной платы учителю; въ послѣдующіе годы штрафъ удваивается «до опредѣленнаго мальчикова возраста» [2]). Штрафныя деньги взыскиваются безъ упущенія мѣстными магистратами по указанію учителей и передаются послѣднимъ [3]).

Въ частной коммиссіи объ училищахъ вопросъ объ обязательности элементарнаго школьнаго образованія поставленъ былъ прежде всего Золотницкимъ и Клингштетомъ въ ихъ проектахъ общаго плана учебной реформы. Золотницкій въ первомъ, краткомъ проектѣ высказался противъ обязательности; онъ предлагалъ изыскать такіе способы и средства, которые побуждали бы «всѣхъ родителей обучать *добровольно* своихъ

---

[1]) Сочиненія Посошкова, т. I, стр. 175—176; т. II, стр. 276—292.
[2]) Т. е., пока мальчикъ не выйдетъ изъ опредѣленнаго возраста.
[3]) „Матеріалы“, стр. 142.

дѣтей, что для нихъ предписано будетъ, безъ всякаго къ тому насильнаго принужденія». Отъ этого взгляда Золотницкій отказался въ подробномъ планѣ реформы, содержащемъ уставы училищъ низшихъ и среднихъ. Здѣсь онъ устанавливалъ уже мѣры принужденія болѣе суровыя, чѣмъ тѣ, которыя предлагались изложеннымъ выше проектомъ простонародныхъ школъ для низшихъ классовъ городского населенія. Прежде всего, Золотницкій возлагалъ содержаніе низшихъ школъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, на средства самого населенія по приходамъ такъ, «чтобы приходскіе жители брали участіе въ содержаніи таковыхъ школъ различно, взирая на количество ихъ земли или промысла, либо имѣнія». Обязанность содержанія школъ на свои средства должна служить достаточнымъ побужденіемъ для родителей посылать дѣтей въ школы. Если же, паче чаянія, кто изъ родителей, по грубости своей и невѣжеству, заплативъ положенную сумму на содержаніе школъ, не захочетъ отдавать своихъ дѣтей мужескаго пола для обученія христіанскому закону, тотъ «за презрѣніе сего богоугоднаго, нужнаго и полезнаго для каждаго христіанина учрежденія» подвергается штрафу, а именно: «долженъ за каждый утраченный годъ, считая отъ шести лѣтъ ихъ (дѣтей) возраста, заплатить втрое противъ положеннаго съ него на содержаніе школы и отдавать немедленно дѣтей въ школу».

Неяснымъ остается отношеніе къ данному вопросу Клингштета. Въ проектѣ общаго плана реформы, въ главѣ о домашнемъ воспитаніи, онъ находилъ нужнымъ изыскать такія «удобныя средства», которыя приводили бы простой народъ «безъ всякаго ему отяготительнаго принужденія» къ сознанію пользы предписанныхъ правилъ воспитанія, а также побуждали бы «съ охотою и добровольно держать дѣтей въ школѣ». Но уже въ послѣдующей главѣ, въ отдѣленіи о нижнихъ общественныхъ училищахъ, Клингштетъ ввелъ особую статью (7-ю), которая опредѣляетъ, «въ чемъ состоитъ должность родителей, чтобы дѣтей своихъ держать въ школахъ, какъ онѣ снабжены будутъ учителями», и предписывалъ способы, «какъ начальникамъ принуждать ихъ исполнить по сему».

Коммиссія приняла въ принципѣ обязательность элемен-

тарнаго обученія какъ для сельскаго, такъ и для городского населенія, но не создала гарантій, которыя обезпечивали бы реальное осуществленіе этой обязательности. По уставу нижнихъ сельскихъ школъ поселяне обязывались посылать въ школы дѣтей мужескаго пола въ возрастѣ 8—12 лѣтъ; дѣтей моложе разрѣшалось принимать, если въ школѣ не было комплекта 30 человѣкъ нормальнаго школьнаго возраста. Обязательнымъ являлось только обученіе, по особой книжкѣ, чтенію, началамъ христіанской вѣры и гражданской морали; обученіе письму предоставлялось уже желанію родителей за особую плату. Дѣвочки, какъ было сказано выше, обязанности посѣщенія школъ не подлежали. Уставъ нижнихъ городскихъ школъ предписывалъ отдавать въ школы мѣщанскихъ дѣтей обоего пола отъ семилѣтняго возраста, при чемъ мальчики обязательно должны были обучаться чтенію и письму, а дѣвочки только чтенію.

Оба устава—сельскихъ и городскихъ нижнихъ школъ—не содержали никакихъ гарантій, обезпечивающихъ обязательность элементарнаго обученія. Какъ было разсказано выше, коммиссія объ училищахъ предполагала возложить на обязанность другой частной коммиссіи—о правосудіи—составленіе цѣлаго кодекса карательныхъ мѣръ за неисполненіе требованій или за нарушеніе школьнаго законодательства; въ числѣ «преступленій», предусмотрѣнныхъ коммиссіею объ училищахъ, заключалось и уклоненіе обывателей отъ обязательной посылки дѣтей въ школу: «ежели кто изъ обывателей дѣтей своихъ въ надлежащее время не отдастъ въ школу и тѣмъ способные къ ученію лѣты упуститъ». Но коммиссія о правосудіи почла себя не компетентной устанавливать какія либо кары «за непорядки, происходящіе въ училищныхъ мѣстахъ», и обязательность обученія, полагаемая въ основу новаго законодательства о народномъ образованіи, должна была остаться фиктивной, если бы сдѣлана была попытка провести это законодательство въ жизнь [1]).

На принципѣ обязательности обученія основанъ былъ и

[1]) „Матеріалы“, стр. 151, 159, 181—182, 225, 236, 242.

проектъ городскихъ приходскихъ школъ, составленный въ 1772 году архіепископомъ Гавріиломъ и Тепловымъ. По этому проекту губернаторамъ и воеводамъ предписывалось «принуждать» подвѣдомственныя имъ селенія отдавать въ приходскія школы всѣхъ дѣтей православной вѣры въ возрастѣ 6—7 лѣтъ, кромѣ неспособныхъ и больныхъ; ближайшее же наблюденіе за уклоняющимися отъ этой обязанности возлагать на приходское духовенство. Въ какихъ именно мѣропріятіяхъ должно было выражаться «принужденіе», предписываемое мѣстной гражданской властью, проектъ не пояснялъ, за то онъ грозилъ весьма тяжкими послѣдствіями тѣмъ, кто пройдя школу, не обучится «грамотѣ россійской читать и писать»; такихъ неудачниковъ предполагалось «не принимать нигдѣ и ни въ какихъ дѣлахъ ни въ поруки, ни въ свидѣтели», кромѣ тѣхъ, впрочемъ, кто послѣ школы успѣвалъ обучиться грамотѣ у себя дома; для нихъ долженъ былъ устраиваться приходскими благочинными ежегодно экзаменъ [1]).

Итакъ, идея обязательности въ принципѣ усвоена была всѣми проектами начальнаго народнаго образованія изучаемой эпохи. Но самый существенный вопросъ—о принудительныхъ средствахъ, обезпечивающихъ практическое выполненіе этой обязанности, остался открытымъ. Введеніе всеобщаго обязательнаго обученія требовало такихъ сложныхъ комбинацій государственныхъ и общественныхъ средствъ, созданіе которыхъ является задачей едва посильной и для нашего времени. Въ «Учрежденіи о губерніяхъ» (глава XXV, ст. 384) императрица Екатерина прямо отвергла принципъ принудительности обученія въ народныхъ школахъ.

Закончивъ теперь разсмотрѣніе принципіальныхъ вопросовъ, разработанныхъ нашими планами и проектами учебныхъ реформъ, видимъ, что совокупность этихъ вопросовъ сосредоточивалась на разрѣшеніи одной центральной задачи: поставить всѣ ступени и отрасли общественнаго воспитанія и образованія на нѣкоторое общее основаніе и привести во взаимную связь всѣ отдѣльныя формы этого воспитанія и

---

[1]) Ibidem, стр. 332, 337, 338.

образованія, какъ общаго, такъ и профессіональнаго,—словомъ, создать полную систему народнаго просвѣщенія.

Эта общая задача въ практическомъ своемъ разрѣшеніи распадалась на рядъ частныхъ. На первомъ мѣстѣ стояла, конечно, выработка отдѣльныхъ типовъ школъ низшихъ, среднихъ, высшихъ, и установленіе между ними опредѣленной связи. Такая планомѣрная совокупность школъ и составляла въ тѣсномъ смыслѣ слова систему народнаго просвѣщенія. Но жизненность всякой системы просвѣщенія зависѣла не только отъ внутреннихъ качествъ отдѣльныхъ типовъ школъ, эту систему составляющихъ, и цѣлесообразнаго ихъ сочетанія, но также отъ ряда такихъ внѣшнихъ условій, безъ которыхъ никакая система просвѣщенія не можетъ дѣйствовать. Такими необходимыми условіями являлись: 1) подготовка педагогическаго и преподавательскаго персонала, 2) наличность матеріальныхъ средствъ, 3) учебная администрація, какъ особая отрасль государственнаго управленія. Всѣ эти вопросы въ изучаемую эпоху получаютъ систематическое разрѣшеніе въ западной педагогіи и законодательствѣ и въ нашихъ проектахъ новой учебной системы 1760—1770-хъ годовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Типы и система общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ.

I.

Выяснивъ постановку принципіальныхъ вопросовъ въ проектахъ учебныхъ реформъ 1760—1770 годовъ, переходимъ къ изученію содержанія отдѣльныхъ цикловъ образованія и ихъ взаимной связи въ системѣ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ.

Въ проектахъ 1760—1770 годовъ можно различить два типа низшаго образованія. Одинъ выражался въ нѣкоторомъ самостоятельномъ кругѣ обученія, признаваемаго достаточнымъ для простонародныхъ массъ. Другой типъ являлся лишь первымъ звеномъ полной, законченной системы просвѣщенія, под-

готовительной ступенью къ среднему, а затѣмъ и высшему образованію.

Первоначальный составъ народнаго образованія какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, католическомъ и протестантскомъ, опредѣлялся религіозно-нравственнымъ идеаломъ въ духѣ того или другого вѣроисповѣданія. Въ XVIII столѣтіи въ протестантской Германіи, шедшей впереди другихъ странъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія, религіозный характеръ послѣдняго подкрѣпленъ былъ піэтизмомъ, ставившимъ цѣлью начальнаго образованія «приведеніе дѣтей къ истинному благочестію и христіанской мудрости» («die Kinder zur wahren Gottseligkeit und christliche Klugheit anzuführen»), какъ выражался Франке. Односторонность піэтистическаго направленія въ народномъ образованіи восполнена была другимъ педагогическимъ теченіемъ, смѣнившимъ въ серединѣ XVIII вѣка піэтизмъ,—филантропизмомъ, однимъ изъ основныхъ педагогическихъ требованій котораго была «общеполезность» (Gemeinnützligkeit) образованія, какъ средства достиженія духовнаго и матеріальнаго благосостоянія отдѣльной личности и цѣлаго общества. Стремленіе къ этой цѣли побуждало расширить кругъ народнаго образованія рядомъ предметовъ, отвѣчающихъ различнымъ практическимъ интересамъ народной массы. Базедовъ вводилъ въ курсъ собственно народныхъ школъ, отдѣляемыхъ имъ отъ начальныхъ училищъ для высшихъ сословій: чтеніе, письмо, счисленіе, мораль, начала природовѣдѣнія, домоводства и промышленности, знаніе мѣстныхъ законовъ (Landesgesetze). Опытъ практической постановки народнаго образованія, приспособленнаго къ интересамъ и потребностямъ крестьянскаго населенія сдѣланъ былъ знаменитымъ Роховымъ, педагогическія сочиненія котораго около 1780 года стали извѣстны и въ Россіи[1]).

Сложившійся, такимъ образомъ, въ серединѣ XVIII столѣтія кругъ образованія, предназначаемаго для простого наро-

---

[1]) *Th. Ziegler*, Geschichte der Pädagogik, S. 183—185, 214—215. *Schmid*, Geschichte der Erziehung, B. IV, 2-e Abt., S. 95—96. О Роховѣ *Schmid*, op. cit., S. 446—476. *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, вып. I, стр. 353.

да, вполнѣ соотвѣтствовалъ интересамъ государства, которое именно въ это время начинаетъ подчинять своей власти и попеченію всю область народнаго просвѣщенія во всѣхъ его отрасляхъ и на всѣхъ ступеняхъ.

Прусскій Generallandschulreglement 12 августа 1763 года имѣлъ цѣлью «den guten Grûnd dazû durch eine vernünftige sowol als christliche Unterweisung der Iugend zur wahren Gottesfurcht und andern nützlichen Dingen in den Schulen legen zu lassen» [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство Фридриха Великаго, заложившее прочныя основы для развитія народнаго образованія, наблюдало, чтобы образованіе простого народа не выходило изъ тѣснаго круга элементарнаго обученія, приспособленнаго къ непосредственнымъ общественнымъ потребностямъ и обязанностямъ народной массы. Такъ самъ Фридрихъ высказалъ однажды, что крестьяне слишкомъ образованные стремятся въ города и хотятъ быть чиновниками и что поэтому обученіе крестьянской молодежи надо такъ устроить, чтобы она знала лишь то, что ей необходимо, и не уходила изъ деревень. Много поработавшій для народнаго образованія министръ Зедлицъ въ одной рѣчи 1777 года развивалъ мысль, что если несправедливо оставлять крестьянъ, какъ скотъ, въ состояніи дикости, то одинаково неразумно вырабатывать изъ ремесленниковъ и лавочниковъ чиновниковъ и ученыхъ. Тотъ самый Роховъ, педагогическимъ начинаніямъ котораго Зедлицъ сначала сочувствовалъ, позднѣе сталъ казаться ему «космополитомъ энтузіастомъ», желающимъ сдѣлать деревенскую молодежь слишкомъ умной [2]).

Вліяніе нѣмецкаго, въ частности, прусскаго законодательства о низшемъ, собственно народномъ, образованіи и тѣхъ общихъ педагогическихъ направленій, изъ которыхъ это законодательство исходило, сказалось и на нашихъ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ.

---

[1]) *L. von Rönne*, Das Unterrichts—Wesen des Preussichen Staates, I. (Berlin, 1855), S. 64.

[2]) *R. Koser*, König Friedrich der Grosse, B. II (Stuttg. und Berl 1903), S. 589—592.

Изъ дневныхъ записокъ частной коммиссіи объ училищахъ видно, что члены этой коммиссіи соображали свои проекты съ прусскими законами и, надо думать, они были хорошо знакомы съ главнымъ изъ этихъ законовъ—Generallandschulreglement 1763 года. Такъ въ засѣданіи 1 іюля 1768 года коммиссія вообще разсуждала о прусской системѣ народныхъ училищъ. Весной слѣдующаго года депутатъ Леонтьевъ читалъ свой проектъ о учрежденіи во всей Имперіи нижнихъ училищахъ «на равномъ основаніи съ учрежденными королемъ прусскимъ нижними училищами». Наконецъ, 21 октября 1770 года депутатъ Урсинусъ «соображалъ свой проектъ о деревенскихъ школахъ съ учрежденіемъ прусскаго короля о училищахъ». Всѣ эти факты позволяютъ сдѣлать заключеніе, что при обсужденіи плана народнаго образованія въ частной коммиссіи объ училищахъ прусскіе образцы играли видную роль [1]). Уже послѣ окончанія работъ частной коммиссіи объ училищахъ получена была неизвѣстнымъ лицомъ записка берлинскаго профессора Зульцера, по нѣкоторымъ даннымъ, стоявшая въ какой то связи съ работами помянутой коммиссіи. Такъ Зульцеръ выражалъ свое согласіе съ мнѣніемъ Клингштета, «что преподаваніе простому народу высшихъ наукъ не приноситъ ни малѣйшей пользы». Далѣе Зульцеръ предлагалъ къ наставленію, «которое впредь Синодомъ будетъ сочинено», присовокупить нѣкоторыя понятія о государственныхъ учрежденіяхъ и правленіи, о правахъ государственныхъ чиновъ и частныхъ лицъ и т. под. Обученіе вѣрѣ должно касаться «той единственно части, которая относится ко внѣшнимъ дѣяніямъ оныя», т. е. вѣры. Нравоученіе, составляющее первый долгъ учителя, должно имѣть въ виду особенно присущія крестьянину нравственныя качества: трудолюбіе, прилежаніе, послушаніе, трезвость и т. под. Придавая

---

[1]) Дневныя записки частной коммиссіи объ училищахъ, №№ XI, LXXXIII, CLXXXVIII. Вмѣстѣ съ „Представленіемъ объ учрежденіи школъ для простого народа безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія“ сохранилась выписка изъ „Устава для школъ при церквахъ въ Неймаркѣ, изд. отъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма въ 1736 году, декабря 26 дня“; на полѣ отмѣчено: „Выписано изъ книги Corpus institutionum marchicarum, 6-e Theil, pag. 94“.

наибольшее значеніе выбору и подготовкѣ учителей, также методу преподаванія и дисциплинѣ, Зульцеръ ставилъ въ образецъ прусскую военную дисциплину. Упоминаніе о мнѣніи Клингштета и о наставленіи, которое долженъ составить Синодъ, наводитъ на предположеніе, что Зульцеру были, такъ или иначе, извѣстны проекты частной коммиссіи объ училищахъ, посвященные вопросу о низшемъ народномъ образованіи.

Оцѣнивая вліяніе нѣмецкой педагогіи эпохи филантропизма на наши проекты 1760—1770-хъ годовъ, слѣдуетъ припомнить, что нѣкоторые произведенія этой педагогіи, особенно важныя для разрѣшенія вопроса о низшемъ народномъ образованіи, появились тогда, когда уже закончилась серія соотвѣтствующихъ нашихъ проектовъ. Эти произведенія связаны уже съ новой, пока загадочной для насъ, попыткой конца 1770-хъ годовъ снова поставить вопросъ о народномъ образованіи. Какъ мы знаемъ, въ опубликованномъ въ январѣ 1780 года спискѣ книгъ, «взятыхъ къ переводу» переводческой коммиссіей при Академіи наукъ, упоминался «комитетъ, разсматривавшій училища» [1]). Не имѣемъ сейчасъ никакихъ данныхъ, которыя объяснили бы происхожденіе и составъ этого комитета. Но изъ списка рекомендованныхъ имъ книгъ можно заключить, что онъ занимался вопросомъ о низшемъ образованіи. Изъ числа избранныхъ имъ книгъ особенно важное значеніе должны были имѣть сочиненія Рохова («Другъ дѣтей» и «Книжка для сельскихъ училищъ») и Резевица («О воспитаніи мѣщанъ»), дававшія наиболѣе опредѣленную постановку дѣлу народнаго образованія въ духѣ филантропической педагогіи. Такимъ образомъ, въ полной мѣрѣ вліяніе этой педагогіи могло обнаружиться у насъ только къ концу 1770-хъ годовъ.

На какихъ же типахъ низшаго народнаго образованія останавливались наши проекты 1760—1770-хъ годовъ?

Составители плана государственныхъ гимназій 1765—1766 года, совмѣщавшихъ въ себѣ цѣльную систему общаго

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, вып. I, стр. 353.

и профессіональнаго образованія, отдѣляли отъ этой системы особый кругъ элементарнаго обученія, предназначаемый для «простого народа», преимущественно для тѣхъ, кто «по природѣ и недостатку къ рукодѣліямъ и прочимъ послѣднимъ мѣщанскимъ упражненіямъ опредѣленъ, *въ которомъ званіи науки вовсе не надобны*».

Задача элементарныхъ школъ для простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей — извлечь ихъ изъ грубаго незнанія и «подать имъ способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ прилично и надобно». Сообразно съ этой цѣлью обязательными предметами преподаванія въ простонародныхъ школахъ являются: чтеніе, письмо, главнѣйшія правила православнаго закона и христіанское нравоученіе; послѣднее должно излагаться сокращенно и «безтрудно», дабы оно было вразумительно и понятно «младенцамъ и самому простому человѣку». Для преподаванія Закона Божія Синодомъ сочиняется краткій катехизисъ, изложенный «простымъ россійскимъ слогомъ». Христіанское нравоученіе преподается по особому сокращенному руководству, съ точнымъ предписаніемъ методы обученія, которая во всѣхъ школахъ должна быть одинакова. Учителя обязаны дословно держаться катехизиса и нравоучительнаго руководства, ничего не прибавляя и не выпуская. Обученіе чтенію и письму ведется по методѣ, выработанной директорами главныхъ гимназій [1]).

Такой же кругъ элементарнаго образованія для сельскаго и городского простонародья начертанъ и проектами частной коммиссіи о училищахъ. Золотницкій, подробный планъ котораго легъ въ основаніе этихъ проектовъ, настаивалъ на элементарности курса сельскихъ низшихъ училищъ, открываемыхъ при приходскихъ церквахъ: «сельскія школы должны быть самыя сокращенныя и содержащія въ себѣ такое только ученіе, которое дѣлаетъ жителей, сколько возможно, добродѣтельными и трудолюбивыми». Поэтому обученіе въ сельскихъ школахъ ограничивается только чтеніемъ и истолкованіемъ православнаго закона и краткимъ нравоученіемъ. Все прочее,

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 141—143.

какъ-то: обученіе письму и ариѳметикѣ, «оставляется на произволеніе владѣльцевъ (крестьянъ?) и собственно самихъ родителей». Равнымъ образомъ и Клингштетъ находилъ, что въ низшихъ школахъ «юношество наставлять должно ни въ чемъ иномъ, какъ въ Законѣ, по предписанію православной греческой вѣры, и въ ясномъ и сокращенномъ нравоученіи, также учить оное читать и писать и немного ариѳметикѣ» [1]).

Предположенія Золотницкаго о постановкѣ элементарнаго народнаго образованія были всецѣло приняты коммиссіей въ проектахъ нижнихъ, сельскихъ и городскихъ, школъ. Весь курсъ ученія, проходимаго въ этихъ школахъ, совмѣщается въ одной учебной книгѣ, составленіе которой поручается Синоду. Книга эта раздѣляется на двѣ части: первая, печатанная церковною печатью, содержитъ: 1) россійскую азбуку церковной и гражданской печати, а также исчисленіе буквами и цифрами, 2) короткія утреннія, вечернія и предобѣденныя молитвы, 3) катехизисъ съ яснымъ, но краткимъ истолкованіемъ десятословія и догматовъ вѣры; вторая часть, печатанная гражданской печатью, заключаетъ въ себѣ компендіумъ христіанскаго нравоученія или христіанскихъ добродѣтелей, «состоящихъ въ должности подданныхъ къ Государю, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, въ почитаніи и послушаніи господъ своихъ и другихъ установленныхъ властей и въ должности къ самому себѣ и ближнему». Обученіе рукописному чтенію производится по особымъ азбукамъ, въ которыя также включается краткое нравоученіе. Обученіе письму оставляется на волю родителей и производится за особую плату.

Сообразно «съ чиносостояніемъ поселянъ» и интересами церковниковъ, несущихъ учительскія обязанности, ученіе въ сельскихъ школахъ производится въ свободные отъ полевыхъ работъ мѣсяцы, съ сентября до мая. Комплектъ учениковъ въ каждой школѣ опредѣленъ въ 30 человѣкъ. Въ случаѣ превышенія этого комплекта ученики дѣлятся на два возраста, старшій и младшій: старшій обучается первую половину учеб-

---

[1]) Ibidem, стр. 151, 181—182, 160.

наго года, младшій—вторую. Гдѣ число учащихся доходитъ до ста, тамъ младшіе ученики 8-лѣтняго возраста выдѣляются въ особую, третью группу и постепенно замѣщаютъ вакансіи окончившихъ курсъ, исключенныхъ по неспособности, умершихъ или долго отсутствующихъ по болѣзни. Продолжительность курса сельской школы не ограничивается какимъ-либо опредѣленнымъ промежуткомъ времени: каждый, признанный способнымъ къ ученію, обучается столько времени, сколько нужно, чтобы «научиться всякую книгу безъ нужды читать».

Курсъ нижнихъ городскихъ школъ, предназначенныхъ для мѣщанскихъ дѣтей и организованныхъ по тому же образцу, что́ и сельскія, отличается отъ курса послѣднихъ только тѣмъ, что обученіе письму сдѣлано въ нихъ обязательнымъ. Учебная книга остается та же, что и въ сельскихъ школахъ; но кромѣ того, въ городскихъ школахъ дѣти обучаются чтенію «по книгамъ, содержащимъ законодательство» [1]).

Ограничивая крайне узкими рамками кругъ образованія для простонародной массы, Золотницкій предвидѣлъ непрочность плодовъ этого образованія. Нижнія школы, по его словамъ, «не будутъ полезны, ежели ученики, выходя изъ оныхъ, погрузятъ свое ученіе въ забвеніи или небреженіи». Поэтому Золотницкій находилъ нужнымъ возложить на приходскихъ священниковъ обязанность по воскреснымъ днямъ, послѣ литургіи, преподавать народу краткое и ясное поученіе о заповѣдяхъ и догматахъ вѣры. Такія «публичныя наставленія» послужили бы, по его мнѣнію, «общею для народа школою» и основательнымъ повтореніемъ пройденнаго въ школахъ ученья. Коммиссія приняла и эту мысль Золотницкаго. По проекту о сельскихъ школахъ приходскій священникъ, какъ непосред-

---

[1]) Ibidem, стр. 225—227, 236. Въ 1768 г. Вольно-Экономич. Обществомъ объявленъ былъ конкурсъ на сочиненіе книжки для употребленія и наставленія крестьянъ подъ названіемъ „Зерцала крестьянскаго“, не болѣе 5—6 печатн. листовъ, „которая бы содержала простымъ, но чистымъ и яснымъ слогомъ изображенныя краткія правила для крестьянина, а именно: въ I-омъ раздѣленіи о воспитаніи его дѣтей и о соблюденіи своего и домашнихъ своихъ здравія, а во II-омъ о хозяйствѣ, земледѣліи, огородничествѣ и разныхъ промыслахъ“. Каждая часть могла быть представлена отдѣльно. „Труды В.-Эконом. Общ.“, ч. IX.

ственный наблюдатель за ними, обязанъ вести воскресныя поученія, служащія общенародной школой, и требовать, чтобы оставившія школу дѣти въ свободное время по домамъ повторяли учебную книгу и всегда были готовы изустно отвѣчать на вопросы священника [1]).

Въ общемъ планѣ частной коммиссіи о училищахъ былъ выдвинутъ, вопреки мнѣнію Клингштета, вопросъ о распространеніи начальнаго образованія среди иновѣрческаго (инородческаго) населенія. Золотницкій въ своемъ краткомъ планѣ учебной реформы подчеркнулъ особую важность обученія иновѣрцевъ русскому языку, а въ подробномъ планѣ развилъ основанія, на какихъ вообще должно быть устроено образованіе иновѣрцевъ. Главную трудность въ этомъ дѣлѣ представляла постановка того предмета, который составлялъ для того времени душу всякаго начальнаго образованія, именно — «нравоученія». Золотницкій предлагалъ обратиться ко «всеобщему естественному праву», какъ самому чистому и «натуральному» источнику ученья, не заключающему ни малѣйшаго предосужденія ни вѣрѣ, ни обрядамъ иновѣрцевъ. Изъ этого источника слѣдуетъ почерпнуть первоначальное о Богѣ и его свойствахъ понятіе, «ощущаемое въ человѣкѣ отъ природныхъ къ тому побужденій, а сверхъ того открывающееся изъ столь безчисленныхъ и чудесныхъ Его твореній, не касаясь, однако, въ семъ ученіи нимало особыхъ каждаго народа исповѣданій», затѣмъ первѣйшія основанія о сообществѣ людей между собою и обязанностяхъ каждаго къ самому себѣ, къ Государю, къ начальству и ко всякому ближнему. Все это «натуральное» ученіе излагается въ особой учебной книжкѣ, напечатанной «россійскимъ письмомъ на собственномъ каждаго народа языкѣ» и раздаваемой безденежно иновѣрческому духовенству и знатнѣйшему начальству. О средствахъ обученія уновѣрцевъ русскому языку Золотницкій въ подробномъ планѣ умалчивалъ. Въ заключеніе онъ признавалъ дѣло просвѣщенія иновѣрческаго населенія Россіи дѣломъ труднымъ, къ которому «вдругъ приступить невозможно», и заканчивалъ

[1]) „Матеріалы“, стр. 183, 229.

свой проектъ пожеланіемъ, чтобы архіереи и губернаторы пока изыскивали «всякія удачныя средства къ приведенію сихъ народовъ къ нѣкоторому просвѣщенію ихъ нравовъ и обычаевъ».

Коммиссія, однако, вопреки мнѣніямъ Золотницкаго и Клингштета о невозможности немедленно взяться за дѣло просвѣщенія иновѣрцевъ, вмѣстѣ съ проектами нижнихъ школъ, сельскихъ и городскихъ, составила еще особый проектъ иновѣрческихъ училищъ; главный предметъ преподаванія въ нихъ составляетъ именно то натуральное нравоученіе, почерпнутое изъ всеобщаго естественнаго права, которое намѣчалъ Золотницкій, и самое содержаніе учебной книги для иновѣрческихъ школъ заимствовано почти дословно изъ его плана. Сочиненіе этой книги поручается Святѣйшему Синоду и печатается она «на собственномъ каждаго народа языкѣ», но русскимъ алфавитомъ для тѣхъ иновѣрцевъ, которые не имѣютъ собственной грамоты. Дѣтей иновѣрцевъ, живущихъ въ городахъ и «пріобщенныхъ къ среднему роду людей», рекомендуется посылать въ общія ариометическія школы. Во всѣхъ русскихъ школахъ, посѣщаемыхъ иновѣрцами, послѣдніе обучаются по учебной книгѣ, изданной съ переводомъ на русскій языкъ [1]).

Стремленіе поставить образованіе для низшихъ сословій въ рамки, опредѣляемыя ихъ непосредственными культурными потребностями и интересами, заставляло поднять образованіе, предназначаемое для городского населенія нѣсколько выше того низкаго уровня, который признавался достаточнымъ для сельскаго населенія. Этотъ вопросъ очень опредѣленно ставился въ данный моментъ, въ 1760—1770-хъ годахъ, въ нѣмецкой педагогіи и законодательствѣ. Основной прусскій законъ, Generallandschulreglement 1763 года, не проводилъ никакого различія между деревенскими и городскими школами. Но явившійся вскорѣ особый законъ для католическихъ школъ Силезіи, 3 ноября 1765 года, такое различіе уже

---

[1]) Ibidem, стр. 147, 152, 160, 161, 184—185, 240—241. Объ инородческихъ школахъ первой половины XVIII в. см. *Владимірскаго-Буданова*, op. cit., стр. 61—87.

устанавливалъ. Этотъ законъ вводилъ для городовъ повышенный типъ школы, трехклассной, съ двумя или тремя учителями: сверхъ того начальнаго круга образованія, какой принятъ для сельскаго населенія, въ городскихъ школахъ предположено преподаваніе началъ французскаго и латинскаго языковъ (послѣдній для поступающихъ въ латинскія школы), исторіи, географіи, музыки, наконецъ, свѣдѣній, полезныхъ для общественнаго блага (Erkenntniss von Dingen, die zur Glückseligkeit der Menschlichen Gesellschaft gehören) [1]). Въ 1773 году появилось сочиненіе пастора нѣмецкой церкви Св. Петра въ Копенгагенѣ Фр. Г. Резевица—Die Erziehung des Bürgers zum Gebrauch des gesunden Verstandes und zum gemeinnützigen Geschäfftigkeit, которое въ 1780—81 году было «взято къ переводу» переводческой коммиссіей нашей Академіи наукъ. Начертывая широкій планъ образованія для производительныхъ классовъ населенія, Резевицъ раздѣлялъ два круга образованія для городского населенія: одинъ для низшихъ слоевъ этого населенія (für den niedrigen Bürgerstand), другой для высшихъ. Первый кругъ образованія сосредоточивается въ школахъ, которымъ авторъ усвояетъ не вполнѣ точное названіе ремесленныхъ школъ (Handwerkschulen). Но это не узко техническія школы, а скорѣе общеобразовательныя, приспособленныя, однако, къ практическимъ интересамъ низшаго городского населенія. Въ курсъ этихъ школъ должно было входить, кромѣ обученія Закону Божію, чтенію, письму и ариѳметикѣ, также ознакомленіе дѣтей съ произведеніями природы, употребляемыми и обрабатываемыми человѣкомъ, съ общими правилами различныхъ ремеслъ, ихъ выгодами и употребляемыми въ нихъ орудіями. Однимъ словомъ, это было скорѣе реальное, а не техническое, въ собственномъ смыслѣ, образованіе. Планъ Резевица обратилъ на себя вниманіе министра Зедлица, намѣревавшагося положить его въ основаніе крупной реформы, преобразованія малыхъ латинскихъ школъ въ Bürgerschulen, занимающія средину между

[1]) *Rönne*, Das Unterrichts-Wesen des Preussischen Staates, B. I, S. 143—144.

начальными сельскими и средними латинскими, школами. Но эта реформа не осуществилась въ силу королевскаго указа 5 сентября 1779 года: латинскія школы были признаны необходимыми и для городского населенія [1]).

Итакъ, въ то время, когда разрабатывались наши проекты низшаго народнаго образованія, вопросъ объ особомъ, самостоятельномъ кругѣ образованія для городского населенія не получилъ еще твердаго и общаго разрѣшенія въ прусскомъ законодательствѣ, которое могло служить образцомъ авторамъ нашихъ проектовъ 1760-хъ и начала 1770-хъ годовъ. Основы такъ называемаго реальнаго образованія разрабатывались въ это время на частичныхъ опытахъ отдѣльныхъ школъ. Въ области же того низшаго образованія, которое насъ сейчасъ непосредственно интересуетъ, т. е. образованія для городского простонародья, замѣтны были двѣ тенденціи: одна направлялась къ сближенію городскихъ школъ съ средними общеобразовательными, другая, напротивъ, стремилась къ выдѣленію особаго типа реальнаго образованія.

Все сказанное объясняетъ, до извѣстной степени, почему и въ нашихъ проектахъ низшаго народнаго образованія вопросъ о городскихъ школахъ, возвышающихся надъ сельскими, ставился довольно шатко и вызвалъ значительныя разногласія въ частной коммиссіи объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Къ сожалѣнію, краткія дневныя записки этой коммиссіи не даютъ полной картины преній по данному вопросу. Въ февралѣ 1769 года, при обсужденіи проектовъ низшихъ школъ, въ коммиссіи былъ поднятъ вопросъ о «различіи школъ приходскихъ городскихъ и *вышнихъ*, гдѣ нѣтъ гимназій». Какого рода школы могли разумѣться, между прочимъ, подъ названіемъ «вышнихъ» городскихъ, можно видѣть изъ дневной записки 13 апрѣля 1770 года, когда шло разсужденіе, во всѣхъ ли городахъ заводить школы, «руководствующія къ купечеству», или только въ портовыхъ. Въ окончательномъ проектѣ нижнихъ городскихъ школъ, законченномъ въ срединѣ іюля того же 1770 года, коммиссія остановилась на рѣше-

---

[1]) *Resewitz*, назван. сочин., стр. 69—76. *Th. Ziegler*, op. cit., S. 236—237.

ніи устроить особыя ариѳметическія школы въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не будетъ высшихъ и среднихъ училищъ, въ каждомъ городѣ по одной школѣ. Устраиваемыя и содержимыя на счетъ «общаго капитала всего гражданства средняго рода», ариѳметическія школы могли быть неравными по курсу: тамъ, гдѣ находились надлежаще подготовленные учителя, должна была проходиться «полная ариѳметика», а гдѣ такихъ учителей достать нельзя, то, по крайней мѣрѣ, первыя основанія ариѳметики [1]).

Какъ только законченъ былъ проектъ нижнихъ городскихъ училищъ, Урсинусъ выступилъ съ мнѣніемъ объ особливой городской школѣ, и члены коммиссіи «совѣтовали такого рода положить въ каждой губерніи по четыре школы или по скольку разсудятъ губернаторы». Но предложеніе Урсинуса, поддержанное Клингштетомъ, имѣло въ виду не школы профессіональнаго характера съ законченнымъ курсомъ, а школы «тривіальныя», подготовляющія къ среднему образованію. Этого предложенія мы коснемся нѣсколько ниже, а теперь остановимся на тщательно обработанномъ Духовной коммиссіею проектѣ «градскихъ» школъ 1772 года [2]).

Этотъ проектъ имѣлъ цѣлью опредѣлить кругъ образованія «для бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей», «для простого народа, въ гражданствѣ, однакожъ, живущаго». Въ составъ такого образованія входятъ уже не только чтеніе церковной и гражданской печати, Законъ Божій, нравоученіе, но также четыре части ариѳметики съ дробями и третными правилами, начала географіи, исторія универсальная, познаніе «домостроительства» и законовъ гражданскихъ. Весь этотъ учебный матеріалъ уже настолько сложенъ, что его нельзя вмѣстить въ одно школьное руководство; является необходимость въ цѣлой серіи спеціальныхъ учебныхъ книгъ. На Св. Синодъ возлагается обязанность составить и издать азбуку для обученія чтенію и письму, катехизисъ «въ простомъ и невысокомъ слогѣ» и «нравоучительную

---

[1]) Дневныя записки частной коммиссіи объ училищахъ, №№ LX, LXI, CLI. „Матеріалы“, стр. 239.

[2]) „Матеріалы“, стр. 326—329.

книжку», содержащую *естественное* нравоученіе, основанное на откровеніи Св. Писанія. Изложенный «не методомъ философскимъ, который къ чтенію простыхъ людей не свойственъ, но сказаніемъ простымъ», этотъ кодексъ христіанской морали приспособляется къ нравственному уровню простого народа и имѣетъ въ виду присущіе ему добродѣтели и пороки. И катехизисъ и нравоучительная книжка выучиваются учениками наизусть. Составленіе учебниковъ ариѳметики и географіи поручается Академіи наукъ; учебникъ географіи долженъ содержать «показаніе глобуса земного съ четырьмя частями свѣта» и описаніе главнѣйшихъ государствъ со столичными знатнѣйшими городами». Для преподаванія исторіи универсальной указана книга профессора Дильтея. Выбирая главнѣйшія эпохи, учитель долженъ разучивать ихъ вопросами и отвѣтами наизусть.

Таковъ основной циклъ образованія для городского населенія по проекту Духовной коммиссіи. Проектъ этотъ шелъ дальше и вмѣнялъ въ обязанность учителямъ приходскихъ школъ заботиться о дальнѣйшемъ совершенствованіи учениковъ, окончившихъ курсъ школы: имъ рекомендуется давать читать Новый Завѣтъ, Большой Наказъ, дабы дѣти «съ малолѣтства вразумлялись, въ чемъ состоитъ первое основаніе законоположенія», Роленеву древнюю исторію и «прочія историческія благонравныя книги». Всѣ эти книги слѣдуетъ пріобрѣтать на «мирское подаяніе», или на средства родителей по совѣтамъ учителей.

Сообразно съ большей широтой и сложностью курса, приходскія школы по проекту Духовной коммиссіи представляли и болѣе высокій типъ школы, сравнительно съ нижними училищами, сельскими и городскими, по проектамъ частной коммиссіи объ училищахъ. На первоначальное обученіе грамотѣ по часослову и псалтырю отводилось полгода; на прохожденіе же прочихъ предметовъ (ариѳметики, географіи и исторіи) Духовная коммиссія находила невозможнымъ назначить точно опредѣленный срокъ, но полагала, что для малолѣтнихъ достаточно было бы три года и для дѣтей старшаго возраста — два. Обучающіеся этимъ предметамъ выдѣляются въ особую

группу и помѣщаются въ отдѣльной комнатѣ, составляя какъ бы старшій классъ. Младшіе ученики также дѣлятся на группы по предметамъ обученія (азбука, катехизисъ, нравоученіе).

Итакъ, наши проекты 1760—1770-хъ годовъ намѣчали два различныхъ круга образованія для городского населенія. Одинъ изъ нихъ совпадалъ съ кругомъ элементарнаго образованія для сельскаго населенія. Другой долженъ былъ удовлетворять уже болѣе высокимъ культурнымъ потребностямъ городского населенія, мѣщанства. Но въ опредѣленіи типа этого образованія можно замѣтить нѣсколько направленій. Только что разсмотрѣнный проектъ Духовной коммиссіи вводилъ въ составъ мѣщанскаго образованія нѣкоторые предметы, относящіеся къ области общаго средняго образованія, географію и исторію, а также предметы, имѣвшіе въ виду собственно культурные и сословные интересы мѣщанства, «домостроительство» и познаніе гражданскихъ законовъ. Въ проектахъ частной коммиссіи объ училищахъ замѣчаются тѣже двѣ тенденціи, что̀ и въ соотвѣтствующемъ прусскомъ законодательствѣ. Тривіальныя школы Клингштета, какъ сейчасъ увидимъ, соединяли образованіе, отвѣчающее практическимъ интересамъ мѣщанства (zu künftigen Lebensart), съ образованіемъ, служащимъ подготовительной ступенью къ среднему научному, гимназическому образованію. Съ другой стороны, проектированныя коммиссіей «ариѳметическія» школы можно разсматривать, какъ слабое выраженіе попытки создать нѣчто подобное зарождавшимся въ ту эпоху въ Германіи реальнымъ школамъ. Трудность созданія особаго самостоятельнаго круга образованія, разсчитаннаго на интересы городского населенія, и соотвѣтствующаго типа школъ, обусловливалась, какъ мы уже знаемъ, трудностью основного сословнаго вопроса. Какъ показалъ опытъ разработки законовъ о среднемъ родѣ людей, приходилось дѣлить русское мѣщанство средины XVIII вѣка на нѣсколько глубоко различныхъ разрядовъ. Охватить все разнообразіе ихъ профессіональныхъ и культурныхъ интересовъ единымъ кругомъ образованія, вмѣщающимся въ одномъ типѣ школы, не представлялось возможности.

Второй типъ начальнаго образованія, составляющаго низ-

шую, подготовительную ступень полной системы просвѣщенія, мы находимъ въ проектѣ Дильтея 1764 года и въ планѣ государственныхъ гимназій 1765—1766 года. Частная коммиссія объ училищахъ оставила этотъ вопросъ открытымъ.

Профессоръ Дильтей полагалъ въ основаніе своей системы «тривіальное» образованіе, въ составъ котораго входили чтеніе и письмо на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, пять простыхъ частей ариѳметики и правила нравоученія, или «добропорядочнаго житія». Продолжительности курса или дѣленія на классы этихъ тривіальныхъ школъ Дильтей не назначалъ. Обученіе иностраннымъ языкамъ производится по желанію родителей, латинскій языкъ признанъ полезнымъ для всѣхъ, такъ какъ въ гимназіяхъ и университетахъ на немъ преподаются всѣ науки. Для каждой школы полагалось по 2 учителя [1]). Исключительная цѣль тривіальныхъ школъ—готовить къ поступленію въ среднія училища, т. е. гимназіи, молодежь, не имѣющую возможности получить домашнюю подготовку. «Хотя сіи школы, пишетъ Дильтей, кажутся быть не великой важности, однако пренебрегаемы быть не должны, ибо многое зависитъ отъ добраго начала; и малыя вещи, безъ которыхъ великія стоять не могутъ, никакъ презирать не должно».

Планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года не выдѣлилъ элементарнаго, приготовительнаго образованія въ особую школу. Роль такой школы долженъ былъ выполнить первый, младшій классъ гимназіи, трехгодичный курсъ котораго, тождественный въ гимназіяхъ всѣхъ четырехъ категорій (ученыхъ, военныхъ, гражданскихъ и купеческихъ), обнималъ слѣдующіе предметы: «нужное наставленіе въ Законѣ по способности лѣтъ», чтеніе и письмо на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, начальныя основанія латинскаго языка, ариѳметики и геометріи, рисованіе [2]).

По инструкціи, полученной частной коммиссіей объ училищахъ, нижнія школы надлежало разсматривать, какъ подго-

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 15—20.
[2]) Ibidem, стр. 116—117.

товительныя къ среднимъ, гимназіямъ и семинаріямъ. Золотницкій въ краткомъ планѣ реформы совершенно отдѣлялъ простонародныя низшія школы, сельскія и городскія, отъ среднихъ училищъ и при послѣднихъ проектировалъ особыя приготовительныя школы, «въ которыя вступать имѣютъ другого рода и званія дѣти, нежели тѣ, для которыхъ большею частью нижнія школы учреждены будутъ». Въ подробномъ планѣ онъ уже умалчивалъ объ этихъ приготовительныхъ школахъ, ставя условіемъ поступленія въ гимназіи знаніе россійской грамоты и «первѣйшихъ частей» ариометики и оговариваясь, что «здѣсь, т. е. въ гимназіяхъ, для обученія сему классовъ не полагается». Планъ Клингштета также отмѣчалъ, что для поступленія въ среднія училища необходимо знаніе курса низшей школы, но въ какой связи между собою должны находиться среднія и низшія училища, онъ не пояснялъ. Дирекціонная коммиссія соглашалась съ первоначальнымъ мнѣніемъ Золотницкаго объ учрежденіи при гимназіяхъ подготовительныхъ школъ, но лишь для тѣхъ дѣтей, которыя будутъ принимаемы въ опредѣленномъ комплектѣ на казенное иждивеніе, «ибо порядокъ требуетъ, чтобы вступающіе изъ нижнихъ училищъ въ среднія, равно какъ изъ среднихъ въ вышнія, представляли отъ учителей своихъ аттестаты и принимались въ оныя изъ нижнихъ по экзамену и по учрежденному порядку». Выраженная не вполнѣ ясно, мысль Дирекціонной коммиссіи практически сводилась, повидимому, къ учрежденію при гимназіяхъ воспитательныхъ малолѣтнихъ отдѣленій, вошедшихъ въ моду въ 1760-хъ годахъ [1]).

Какъ было выше отмѣчено, вскорѣ послѣ того, какъ проекты нижнихъ школъ, сельскихъ и городскихъ, сданы были въ Дирекціонную коммиссію, 29 іюля 1770 года депутатъ Урсинусъ возбудилъ вопросъ о необходимости учредить великое число школъ, промежуточныхъ между приходскими и гимназіями, не только для обученія тѣхъ, кто не попадетъ въ гимназіи, но и для приготовленія къ послѣднимъ. Другіе члены коммиссіи возразили, что въ проектахъ, внесенныхъ въ Ди-

[1]) Ibidem, стр. 144—145, 152, 161, 174, 175.

рекціонную коммиссію, уже нельзя сдѣлать никакихъ измѣненій, и Урсинусу предоставлено было «въ особомъ мнѣніи подробно описать всѣ роды училищъ, какіе онъ найдетъ необходимо нужными». Черезъ нѣсколько засѣданій Клингштетъ поддержалъ предложеніе Урсинуса, представивъ особую записку о тривіальныхъ школахъ. Въ этой запискѣ Клингштетъ доказывалъ, что образованіе должно повышаться со строгою постепенностью, «почему отъ заведенія гимназій невозможно получить проистекающей пользы, если въ оныя будутъ принимаемы дѣти, кромѣ грамоты ничего не знающія». Кромѣ подготовки учащихся въ гимназіяхъ, тривіальныя школы должны давать и нѣкоторое законченное образованіе дѣтямъ, «коихъ состояніе и должность упражненія въ вышнихъ наукахъ не требуетъ». Учреждать эти школы, по мнѣнію Клингштета, слѣдовало «иждивеніемъ гражданъ и всѣхъ уѣздныхъ обывателей безъ различія состояній, которые только въ томъ ученіи похотятъ принять участіе». И это предложеніе Клингштета встрѣтило возраженія со стороны депутатовъ Стромилова и Хоминскаго, что особенныхъ школъ между низшими училищами и гимназіями учреждать не надо, а слѣдуетъ «нужныхъ знаній классы прибавить къ гимназіямъ». Тѣмъ не менѣе вопросъ о тривіальныхъ школахъ затронутъ былъ еще нѣсколько разъ, и 2 ноября 1770 года коммиссія соглашалась отнести проектированныя Урсинусомъ и Клингштетомъ школы къ «вольнымъ училищамъ», т. е. предоставить учрежденіе ихъ частной иниціативѣ. Наконецъ, въ мартѣ 1771 года коммиссія еще разъ вернулась было къ проекту Клингштета объ учрежденіи во всѣхъ городахъ тривіальныхъ школъ, но затѣмъ въ дальнѣйшемъ этотъ вопросъ уже больше не возбуждался. Въ проектѣ о среднихъ училищахъ коммиссія, слѣдуя подробному плану Золотницкаго, ограничилась постановленіемъ, что принимаемыя въ гимназіи дѣти «должны уже научены быть россійской грамотѣ, читать и писать, и первымъ частямъ ариѳметики» [1]). Такъ вопросъ о связи низ-

---

[1]) Дневныя записки частной коммиссіи объ училищахъ, №№ CLXXV, CLXXXV—CLXXXVII, CXC, CXCVIII. „Матеріалы“, стр. 243—245, 253.

шихъ, собственно народныхъ, и среднихъ школъ въ проектахъ частной коммиссіи объ училищахъ окончательнаго разрѣшенія не получилъ.

Послѣ широкой разработки вопроса о типахъ низшаго народнаго образованія въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ представляется особенно слабой и узкой постановка этого вопроса въ Учрежденіи о губерніяхъ (гл. XXV, ст. 384). Для всѣхъ городовъ и «многолюдныхъ селеній, подсудныхъ верхней расправѣ», устанавливается одинъ типъ элементарной школы, курсъ которой «имѣетъ на первый случай (?) состоять въ наученіи юношества грамотѣ, рисовать, писать. ариѳметикѣ», а дѣтей православнаго исповѣданія, сверхъ того, «катехизису для познанія основаній православной вѣры, толкованію десяти заповѣдей Божіихъ для вкорененія нравоученія всеобщаго».

II.

Составители нашихъ проектовъ средняго образованія едва ли колебались въ вопросѣ, гдѣ слѣдуетъ искать образцовъ средней школы. Система французскихъ коллежей въ данное время вызывала всеобщее и рѣшительное осужденіе. Выразителемъ этого общаго мнѣнія явились д'Аламберъ, въ статьѣ о коллежахъ въ Энциклопедіи, и Ла-Шалотэ, въ Essai dè l'éducation national, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ осуждавшіе господствовавшую въ коллежахъ мертвую рутину и оторванность отъ истиннаго знанія и жизни. Кратко, но не менѣе рѣзко отзывался о коллежахъ Руссо: «ces risibles établissemets qu'on appelle collèges» [1]). Но появившіеся во Франціи къ концу 1760-хъ годовъ планы общей реформы публичнаго образованія, которые захватывали и собственно коллежское образованіе, какъ напримѣръ, Essai Ла-Шалотэ и планъ Роллана, не дали непосредственно сколько нибудь крупныхъ практическихъ результатовъ и въ срединѣ XVIII вѣка, осо-

[1]) Encyclopedie, t. III, p. 635—637. *Rousseau*, Emil, I, § 24. *La Chalotais*, op. cit., p. 15—16. *Diderot*, Oeuvres, t. III, p. 435—437. *Delvaille*, op. cit., p. 52—60. Сравн. *A. Duruy*, L'instruction publique et la révolution (Paris, 1882), p. 25—49.

бенно послѣ удаленія іезуитовъ, во французскихъ коллежахъ царила, по выраженію Роллана, une espèce d'anarchie.

Средина XVIII вѣка была переходнымъ временемъ и для германской средней школы. Но въ Германіи новыя реформаторскія теченія, совпадая въ основныхъ своихъ цѣляхъ съ аналогичными теченіями французской педагогіи, легче находили почву для своихъ практическихъ построеній. Исторически сложившійся типъ средней школы не отвергался цѣликомъ, но подвергался постепеннымъ, болѣе или менѣе глубокимъ, измѣненіямъ и перерабатывался постепенно въ новые, болѣе совершенные типы.

Старая латинская школа, съ ея формальнымъ грамматическимъ и риторическимъ направленіемъ, какъ единственный типъ средней общеобразовательной школы, отживала свой вѣкъ, и уже съ XVII вѣка все рѣзче съ теченіемъ времени обозначаются реформаторскія теченія, совокупность которыхъ должна была привести къ выработкѣ новыхъ типовъ средней школы. Главный предметъ старой латинской школы—изученіе латинскаго языка въ цѣляхъ подражанія (imitatio) древнимъ въ искусствѣ рѣчи и письма—вызывалъ уже рѣшительное осужденіе со стороны выдающихся педагоговъ и держался только рутиной. Какъ высказывали лучшіе организаторы нѣмецкой ученой школы средины XVIII вѣка, предшественники новогуманизма, Гесснеръ и Эрнести, изученіе древнихъ языковъ должно было преслѣдовать несравненно болѣе широкую цѣль—развитіе умственныхъ способностей и вкуса учащихся и обогащеніе ихъ реальными знаніями, почерпаемыми изъ твореній древнихъ писателей; слѣдуетъ изучать не слова одни, но и вещи: «verborum disciplina a rerum cognitione nunquam separanda; verbum ne ponatur, quod lectorem non rebus locupletet». Соотвѣтственно этимъ новымъ, болѣе широкимъ цѣлямъ изученія древности расширялся кругъ читаемыхъ классиковъ и болѣе выдвигалось значеніе греческаго языка. Но окончательное превращеніе старой латинской школы въ «классическую», въ ново-гуманистическомъ смыслѣ, произошло уже значительно позже, въ началѣ XIX вѣка. Нѣкоторое замедленіе въ установленіи этого новаго типа ученой школы въ

теченіе XVIII вѣка объясняется, можетъ быть, двойственностью общаго отношенія «просвѣщенія» этого вѣка къ элементамъ классической древности въ образованіи; это отношеніе можно обозначить, по выраженію О. Вилльмана, «какъ тяготѣніе и отвращеніе и поиски и бѣгство» [1]).

Наряду съ отмѣченнымъ сейчасъ процессомъ въ исторіи средняго образованія въ XVIII вѣкѣ—превращеніемъ латинской школы въ классическую, въ ново-гуманистическомъ смыслѣ,—дѣйствовали и другіе, не менѣе важные по своимъ послѣдствіямъ. Замѣчаемое съ XVII вѣка стремленіе приблизить школу къ жизни побуждало расширять кругъ школьнаго образованія разнообразными «реальными» предметами: роднымъ и иностранными живыми языками, математикой, исторіей и географіей, естествознаніемъ и т. д. Это стремленіе къ всесторонности образованія, совпавшее въ срединѣ XVIII вѣка съ общимъ стремленіемъ «просвѣщенія» этого времени къ энциклопедизму и полиматіи, вело также къ весьма важнымъ послѣдствіямъ въ исторіи выработки новыхъ типовъ школы. Полиматія является одной изъ характерныхъ чертъ преобразованія старой латинской школы, предпринятаго предшественниками ново-гуманизма, наприм. Гесснеромъ, сохранявшимъ, однако, центральное мѣсто за изученіемъ древнихъ языковъ. Многопредметностью отличались и учебные планы, возникавшіе на почвѣ педагогическихъ идей піэтизма и особенно филантропизма, ставившаго цѣлью воспитанія и образованія «Glückseligkeit und Gemeinnützigkeit».

Непосредственнымъ результатомъ сближенія школы съ жизнью и обращенія школы въ орудіе общественнаго блага, какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго, должно было явиться нарожденіе новыхъ типовъ школы, приспособленныхъ къ интересамъ общественнаго класса, борющагося теперь, въ XVIII вѣкѣ, за обладаніе культурными благами съ старыми привилегированными сословіями. Какъ первоначальная латинская школа отвѣчала преимущественно интересамъ духовенства, рыцарская академія XVII-го и первой половины

[1]) Дидактика и т. д., т. I, стр. 388.

XVIII вѣка—интересамъ дворянства, такъ теперь образовательные интересы средняго класса ведутъ, между прочимъ, къ созданію школы новаго типа—Real или Bürgerschule. Но къ тому времени, когда развилось наше педагогическое движеніе, искавшее для своихъ построеній образцовъ на Западѣ, зарожденіе новаго типа «реальной» школы едва начиналось и первые единичные опыты въ этомъ направленіи еще не сопровождались полнымъ успѣхомъ. Трудъ Резевица «Die Erziehung des Bürgers» давшій впервые широкое обоснованіе новымъ типомъ реальныхъ школъ, появился, какъ мы знаемъ, тогда, когда серія нашихъ проектовъ учебныхъ реформъ уже подходила къ концу.

Таковы были главныя теченія въ исторіи нѣмецкой средней школы въ срединѣ XVIII вѣка. Вліяніе новыхъ педагогическихъ идей и стремленій сказывалось болѣе или менѣе глубоко въ постановкѣ отдѣльныхъ учрежденій, созидаемыхъ и руководимыхъ выдающимися представителими того или другого педагогическаго направленія, а также въ школьномъ законодательствѣ нѣкоторыхъ государствъ, но всѣ эти педагогическіе и законодательные опыты въ срединѣ XVIII вѣка еще не дали окончательнаго результата, не успѣли создать такихъ устойчивыхъ, общепризнанныхъ типовъ школы, которые окончательно смѣнили бы собою старую латинскую школу. Тѣмъ не менѣе общая репутація германской средней школы въ срединѣ XVIII вѣка стояла высоко. Билефельдъ въ «Institutions politiques» отозвался о германской гимназіи, какъ о «établissement admirable»; Дидро въ «Essai sur les études en Russie» далъ очень сочувственную характеристику основного типа германской средней школы, хотя и возражалъ противъ односторонняго преобладанія въ ней древнихъ языковъ [1]).

Изложенные сейчасъ факты должны послужить къ освѣщенію нашихъ проектовъ средняго образованія. Слѣдуетъ ожидать, что и въ этихъ проектахъ отразились, въ большей или меньшей степени, отмѣченныя сейчасъ черты въ исторіи западно-европейской, особенно германской, средней школы XVIII вѣка.

---

[1]) *Bielfeld*, op. cit., I, p. 104. *Diderot*, Oeuvres, III, p. 418—422.

Наши первыя гимназіи, петербургская академическая и московская университетская, были въ основѣ своей латинскими школами, имѣющими цѣлью давать формальную подготовку къ слушанію университетскихъ лекцій. Уклоненія отъ этой прямой цѣли вызывались, главнымъ образомъ, вторженіемъ интересовъ дворянства, искавшаго въ гимназіи элементовъ особаго, сословно-общаго шляхетскаго образованія. Отсюда возникали изученныя выше колебанія въ исторіи учебнаго строя нашихъ первыхъ гимназій XVIII вѣка и своеобразные оттѣнки ихъ типовъ. Что новаго внесли проекты 1760—1770 годовъ?

По наиболѣе раннему изъ этихъ проектовъ—профессора Дильтея 1764 года [1])—единственнымъ типомъ средней школы остается гимназія стараго типа, въ составѣ четырехъ классовъ съ годичнымъ курсомъ каждый. Въ основѣ курса этихъ гимназій лежитъ изученіе древнихъ языковъ. По латинскому языку, при двухъ урокахъ ежедневно въ теченіе четырехъ лѣтъ, проходятся грамматика (по учебникамъ Кордерія и Ланге [2]), синтаксисъ «простой и украшенный», поэзія, риторика и читаются авторы: Корнелій Непотъ, Юлій Цезарь, Цицеронъ, Вергилій, Овидій, Горацій. Значительно уже поставлено преподаваніе греческаго языка, проходимаго также во всѣхъ четырехъ классахъ, но лишь при двухъ часахъ въ недѣлю. За грамматикой и синтаксисомъ слѣдуетъ, со второго класса, чтеніе и переводъ Новаго Завѣта, «ибо оный есть легчайшій авторъ греческаго языка и къ успѣхамъ способнѣйшій и совершенству нравовъ». Въ 4-мъ классѣ къ нему присоединяются «табулы Цебстовы» (tabulae Cebetis) и Гомеръ, при штудированіи которыхъ производятся переводы съ греческаго на латинскій и обратно.

Очень слабо поставлены остальные предметы. Исторія универсальная проходится въ двухъ младшихъ классахъ всего при двухъ урокахъ въ недѣлю: въ первый годъ до Рождества Христова и во второй до новѣйшаго времени. Кромѣ этого

---

[1]) „Матеріалы," стр. 20—29.

[2]) Учебникъ Кордерія Colloquia scholastica появился еще въ XVI вѣкѣ. *Schmid*, Geschichte der Erziehung, B. V, Abt. 1, S. 24. Подъ „разговорами Лангіевыми" разумѣется, можетъ быть, латинская грамматика Іоакима Ланге 1707 года. Ibidem, 200.

основного курса на русскомъ языкѣ, проходимаго по собственному учебнику Дильтея, въ слѣдующіе два года проходится древняя и новая исторія на латинскомъ языкѣ по книгѣ Целларія. Дильтей предвидитъ двоякую пользу этого новаго курса: «и языкъ латинскій самымъ опытомъ въ упражненіи будетъ и исторія уже яснѣе протолкуется». Толкованіе исторіи, какъ это было уже принято въ московской гимназіи, всегда должно быть сопряжено съ «наблюденіями нравоучительными» въ цѣляхъ воспитанія полезныхъ обществу членовъ [1]). По одинаковому съ исторіей плану построенъ курсъ географіи; въ первые два года, при двухъ урокахъ, она преподается по русски, а въ послѣдніе два по латыни, по учебникамъ Гибнера и Бюшинга. Проходимый въ старшемъ классѣ курсъ политической географіи долженъ знакомить учениковъ съ «положеніемъ мѣстъ, коммерціей разныхъ народовъ, родословіемъ владѣющихъ государей, взаимными ихъ претензіями, союзами нарушенными и сохранительными» [2]).

Курсъ математики ограничивается ариѳметикой и геометріей, проходимыми въ двухъ классахъ при двухъ недѣльныхъ часахъ. Такое же количество времени отводится на новые языки, французскій и нѣмецкій. Послѣ грамматики и синтаксиса изученіе французскаго языка завершается чтеніемъ Похожденій Телемака, а нѣмецкаго—чтеніемъ трактата Гофмана «О спокойствіи души». На «художество рисовальное» отведено два часа въ недѣлю; продолжительность курса не обозначена. «Ученіе нравовъ», признаваемое «первой главой всякаго ученія», не составляетъ особаго предмета преподаванія. Нравоученіе извлекается изъ всѣхъ предметовъ, доставляющихъ надлежащій матеріалъ: Новаго Завѣта, древнихъ и новыхъ авторовъ, исторіи.

---

[1]) Объ учебникѣ исторіи Целларія, явившемся въ концѣ XVII вѣка *Schmid*, Geschichte der Erziehung, B. V, Abt. 1, S. 79. О нравоучительной тенденціи при преподаваніи исторіи въ московской гимназіи въ учебномъ планѣ послѣдней за 1772 г. сказано: „притомъ примѣры добродѣтели и пороковъ юношеству предлагать такимъ образомъ, чтобъ возбудить въ ономъ любовь и подражаніе къ добродѣтели, ненависть и отвращеніе къ порокамъ“.

[2]) Учебникъ Гибнера появился въ 1693 г. *Schmid*, op. cit., 207.

Имѣя единственной цѣлью готовить слушателей для высшей школы, университета, гимназіи по проекту Дильтея выпускаютъ своихъ питомцевъ уже въ званіи студентовъ. По окончаніи выпускного публичнаго экзамена «ученики отъ ректора студентами назначаются и съ аттестатами въ университетъ посылаются», причемъ новые студенты устраиваютъ въ гимназіи «публичное дѣйствіе, которое въ разговорѣ нѣкоторомъ ораторическомъ состоять можетъ, напримѣръ, трое учениковъ дѣйствіе ораторическое въ родѣ совѣтливомъ или судейскомъ имѣть будутъ, гдѣ первый обвиняемаго обличать, второй защищать, а третій рѣшеніе чинить будетъ».

Такъ гимназію профессора Дильтея, по содержанію и конструкціи ея учебнаго плана, можно отнести къ старому типу латинской школы. Вліяніе новыхъ педагогическихъ идей можно видѣть въ усиленномъ вниманіи къ «ученію нравовъ, которое первая глава всякаго ученія быть должно». Но задачъ нравственнаго воспитанія не чужда была и старая латинская школа, старавшаяся соединить pietatem et bonos mores cum litterarum elegantia.

Характеръ старой латинской школы гимназія профессора Дильтея сохраняла и въ отношеніи класснаго порядка распредѣленія учителей. Каждый классъ имѣетъ особаго учителя, который и ведетъ въ немъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ математики, новыхъ языковъ и рисованія. Первый, младшій классъ ведетъ учитель грамматики, второй—учитель синтаксиса, третій—конректоръ и четвертый, высшій—ректоръ. Сверхъ того имѣются три предметныхъ, такъ сказать, учителя: 1) языковъ французскаго и нѣмецкаго, «который кромѣ двухъ сихъ языковъ также по латыни знать нѣсколько долженъ», 2) ариѳметики и геометріи, 3) рисовальнаго искусства [1]).

Рѣшительно порываетъ съ традиціей стараго латинскаго образованія слѣдующій проектъ «государственныхъ гимназій» 1765—1766 года, составленный Тепловымъ, Миллеромъ, Клингштетомъ и Дюмарескомъ [2]). Введеніемъ къ этому проекту,

---

[1]) О классной и предметной системахъ распредѣленія учителей въ школѣ см. *Paulsen*, op. cit., II, 151 -152.

[2]) „Матеріалы“, стр. 82—143.

объясняющимъ нѣкоторыя его основанія, можетъ служить, какъ мы видѣли, «Начальное разсужденіе о планѣ для учрежденія публичныхъ училищъ», приписываемое нами Г. Н. Теплову и, во всякомъ случаѣ, человѣку настолько авторитетному, чтобы выступить передъ императрицей съ докладомъ о новомъ планѣ образованія вопреки мнѣнію Бецкаго [1]). Авторъ этого Начальнаго разсужденія востаетъ противъ введенія въ Россію системы образованія, основанной на изученіи древнихъ языковъ, такъ какъ въ Россіи «никакой не находится надобности въ познаніи сихъ мертвыхъ языковъ какъ для разумѣнія различій вѣры, такъ и для государственныхъ узаконеній». Стараясь доказать, «что всеконечно не должно слѣдовать примѣру въ основаніи находящихся въ прочихъ европейскихъ государствахъ училищъ», нашъ авторъ желаетъ основать новую систему образованія для Россіи на принципахъ Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года, «клонящихся къ составленію со временемъ изъ молодыхъ людей достойныхъ гражданъ, благоразумныхъ отцовъ и похвальныхъ членовъ въ гражданскомъ обществѣ, въ которое они Божіимъ Провидѣніемъ произведены». Отрицательный отзывъ автора о западно-европейскомъ латинскомъ образованіи имѣлъ въ виду, очевидно, латинскія школы стараго типа, уже отживавшія свое время; данное же имъ опредѣніе цѣли образованія, потребнаго для Россіи и согласнаго съ принципами Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года, не представляло по существу чего либо оригинальнаго сравнительно съ тѣмъ, какъ опредѣлялись цѣли образованія на западѣ наиболѣе вліятельными педагогическими теченіями, средины XVIII вѣка, напримѣръ филантропизмомъ.

Какъ было показано въ обзорѣ внѣшней исторіи изучаемыхъ проектовъ средняго образованія, авторы Генеральнаго плана государственныхъ гимназій 1765—1766 года приняли мысль о такой системѣ школъ, которыя, строясь на единомъ общеобразовательномъ фундаментѣ и въ условіяхъ единообразнаго воспитательнаго режима, давали бы законченную подготовку

[1]) Ibidem, стр. 5—9.

къ различнымъ поприщамъ жизни и дѣятельности. Раздѣляемыя на четыре категоріи (ученыя, военныя, гражданскія, купеческія), государственныя гимназіи должны преслѣдовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, единую идеальную цѣль: «всѣхъ сихъ гимназій главный предметъ состоитъ въ воспитаніи юношества во благонравіи, вперяя въ нихъ вкусъ къ доброму, тихому и трудолюбивому житію и украшая ихъ разумъ всѣми тѣми науками, къ которымъ они окажутся способными» [1]). Такимъ образомъ, единство высшей воспитательной цѣли должно было покрывать собою разнообразіе практическихъ образовательныхъ цѣлей гимназій всѣхъ четырехъ категорій.

Единымъ общеобразовательнымъ фундаментомъ для всѣхъ гимназій является первый, низшій классъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, организуемый по образцу воспитательнаго училища при Академіи художествъ, «ибо для младенцевъ никакого иного обученія употребить невозможно». Кругъ обученія въ этомъ классѣ составляютъ: «нужное наставленіе въ Законѣ по способности лѣтъ», чтеніе и письмо на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, начальныя основанія въ латинскомъ языкѣ, ариѳметикѣ, географіи, рисованіи [2]). Совершенно неяснымъ представляется курсъ слѣдующаго, второго класса. Въ первой главѣ плана, въ общей характеристикѣ гимназій говорилось: «всѣ ученики, которые будутъ на государевомъ жалованьѣ въ сихъ училищахъ, одинаково будутъ воспитываемы во благонравіи, и равное будетъ объ нихъ приложено стараніе. Почти всѣ они равно будутъ обучаемы въ нижнихъ школахъ, то есть немедленно по вступленіи ихъ въ гимназіи, *и во второмъ классѣ тожъ*, понеже главное попеченіе будетъ о томъ, что бы всѣхъ учениковъ сихъ училищъ извлечь изъ невѣжества и сдѣлать полезными и способными ко всякому роду житія, которое они себѣ впередъ изберутъ; но необходимо, кажется, надобно иному слѣдовать порядку для обученія ихъ въ послѣднемъ классѣ, сходственно съ родомъ житія, къ которому сіи дѣти себя опредѣлятъ». Замѣчаемая въ этихъ словахъ

[1]) Ibidem, стр. 103.
[2]) Ibidem., стр. 116—117.

нѣкоторая неувѣренность въ рѣшеніи вопроса о распредѣленіи общеобразовательныхъ и профессіональныхъ элементовъ между отдѣльными классами переходитъ затѣмъ въ открыто высказанное намѣреніе предоставить времени и опыту разрѣшеніе этого вопроса. Вслѣдъ за приведеннымъ перечнемъ предметовъ обученія въ низшемъ классѣ читаемъ: «что же касается до обученіи всѣмъ потребнымъ наукамъ во второмъ и послѣднемъ классахъ училищъ всякаго рода, то оное производимо быть имѣетъ таковымъ порядкомъ, каковъ директорами, обще съ ректорами, прописанъ будетъ. Понеже срокъ дѣйствительному распоряженію верхнихъ классовъ не такъ близокъ, то довольно еще имъ будетъ времени выбрать и установить самый лучшій и полезнѣйшій ученія способъ, раздѣлить учебные часы, положить, по какимъ книгамъ въ училищахъ ученіе производиться должно, и назначить часы отдохновенія». Только относительно купеческихъ училищъ прямо указано, что спеціальное направленіе ихъ курса должно начинаться со второго класса [1]).

Изъ училищъ всѣхъ четырехъ категорій только назначаемыя «для ученыхъ людей» могутъ быть разсматриваемы, какъ *среднія* школы: «въ сихъ училищахъ, говорилось въ Планѣ, которыя собственно заслуживаютъ гимназіями быть называемы, всѣмъ тѣмъ наукамъ основательно обучать должно, которыя понятнаго молодого человѣка дѣлаютъ способнымъ ученіе собственнымъ прилежаніемъ продолжать до совершенства или съ пользою внимать урокамъ университетскимъ». Мы и остановимся сейчасъ на этихъ гимназіяхъ въ точномъ смыслѣ слова; училища же прочихъ категорій будемъ разсматривать ниже, какъ школы профессіональныя. Къ сожалѣнію, планъ государственныхъ гимназій ограничился такой суммарной характеристикой каждой категоріи гимназій, которая не позволяетъ составить вполнѣ отчетливаго представленія о конструкціи учебнаго строя гимназіи, о положеніи каждаго отдѣльнаго учебнаго предмета и взаимнаго ихъ отношенія. Какъ мы видѣли, составители Плана сознательно ограничили свою задачу на-

[1]) Ibidem, стр. 105, 108, 117.

чертаніемъ общихъ началъ, предоставляя будущему начальству гимназій разработать подробно ихъ учебный строй.

Приводимъ цѣликомъ характеристику «училищъ для ученыхъ людей». «Въ оныхъ основательно обучать латинскому и греческому языкамъ, слѣдуя, сколько возможно, порядку, употребляемому при ученіи обыкновенныхъ языковъ. Риторика, на добромъ штилѣ основанная, и искусство хорошо изъясняться въ письмахъ и въ прочихъ сочиненіяхъ принадлежатъ и прочимъ училищамъ; но въ сей обученіе оному потребно особливое и на ученыхъ языкахъ. Знаніе латинскихъ классическихъ авторовъ и не раздѣльно сопряженнаго съ оными баснословія особливо до сихъ школъ принадлежитъ. Древней и новой исторіи должно въ нихъ обстоятельнѣе обучать, нежели въ прочихъ училищахъ; надлежитъ оную, сколько возможно, практически трактовать, показывая участіе оной въ настоящемъ состояніи каждаго государства, о которомъ рѣчь пойдетъ. Познаніе исторіи должно быть сопряжено съ хронологіею. Географіи надлежитъ здѣсь обучать весьма пространно и гораздо подробнѣе, нежели въ прочихъ училищахъ. Математическимъ наукамъ, а особливо ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи, ученики сихъ школъ должны быть обучаемы не такъ, какъ простые ремесленники, но со всею строгостію доказательствъ. Обученіе математическихъ наукъ начинать надобно весьма заблаговременно, ибо оныя изощряютъ разумъ и пріучаютъ къ разсужденію. Въ часы отдохновенія показывать имъ на полѣ практическую геометрію. Нѣкоторое познаніе логики, еще большее нравоучительной филозофіи, астрономіи и воздушныхъ явленій изъ физики суть части филозофическихъ наукъ, къ симъ училищамъ принадлежащихъ. Нравоучительная филозофія, яко главное всего дѣла основаніе, больше всѣхъ должна быть вперяема, тѣмъ наипаче, что сей родъ гимназій надлежитъ почитать наслажденіемъ такихъ молодыхъ людей, которыхъ должно приготовить и воспитать способными быть впредь учителями для своей націи. Изъ употребляемыхъ языковъ обучать въ своихъ училищахъ нѣмецкому, французскому, англійскому и италіанскому; однакожъ, учащимся оставить на волю избирать для себя тотъ, къ ко-

торому они больше склонности имѣютъ. Россійскому жъ языку въ сихъ училищахъ особливо обучать, какъ можно совершеннѣе» [1]).

Въ этой, слишкомъ общей, характеристикѣ «ученыхъ училищъ» можно отмѣтить, всетаки, нѣкоторыя черты, позволяющія точнѣе опредѣлить данный типъ средней школы.

Въ основѣ курса этой школы, какъ видимъ, положено «основательное» обученіе обоимъ древнимъ языкамъ, при чемъ подчеркнуто требованіе изучать латинскихъ классическихъ авторовъ и «сопряженнаго съ оными баснословія»; объемъ же преподаванія греческаго языка вовсе не указанъ. Но особенно важнымъ является требованіе вести обученіе древнимъ языкамъ, «слѣдуя, сколько возможно, порядку, употребляемому при ученіи обыкновенныхъ языковъ». Это правило, высказанное еще Локкомъ, было принято предшественниками ново-гуманизма; Гесснеръ училъ: «discantur linguae externae, quantum ejus fieri potest, eo modo, quo sermo patrius». Правила Гесснера о преподаваніи латинскаго языка усвоены были и Базедовымъ въ его раннихъ методическихъ сочиненіяхъ [2]).

Въ признаніи авторами нашего Плана высокаго общеобразовательнаго значенія математики, какъ науки, «изощряющей разумъ и пріучающей къ разсужденію», и въ требованіи изучать ее не ремесленно, но со всею строгостью доказательствъ, сказалось вліяніе тѣхъ же главныхъ педагогическихъ теченій средины XVIII вѣка, стремившихся къ коренной реформѣ старой латинской школы [3]).

Если принять еще во вниманіе требованіе основательнаго и «практическаго» изученія исторіи, доводимой до новѣйшаго времени, и географіи, а также введеніе въ курсъ гимназіи

---

[1]) Ibidem, стр. 105.

[2]) *Локкъ*, Мысли о воспитаніи, перев. А. Баснстова (М. 1904), стр. 178—179. *Schmid*, op. cit., B. IV, Abt. 2, S. 40 и B. V, Abt. 1, S. 131.

[3]) Общеобразовательныя цѣли преподаванія математики разъяснены были въ Брауншвейгъ-Люнебургскомъ школьномъ уставѣ 1737 г., составленномъ при участіи Гесснера. *Schmid*, op. cit., B. V, Abt. 1. S. 136—137. Самъ Гесснеръ говорилъ: „privat se altero oculo, qui negligit mathesin". Ibid., 130.

логики и нравоучительной философіи, «яко главнаго всего дѣла основанія», астрономіи, физики, новыхъ языковъ, то становится яснымъ, къ какому историческому типу средней школы можно, ближайшимъ образомъ, отнести наши «ученыя училища» по Плану 1765 — 1766 года. Это переходный типъ нѣмецкой средней школы средины XVIII вѣка, промежуточный между старой латинской школой XVI—XVII вѣковъ, съ одной стороны, ново-гуманистической гимназіей и реальной школой XIX вѣка—съ другой. Какъ было выше указано, несмотря на полную опредѣленность реформаторскихъ направленій, въ срединѣ XVIII вѣка еще не удалось создать вполнѣ устойчиваго и общепризнаннаге новаго типа средней учебной школы. Идеи предшественниковъ ново-гуманизма и филантропистовъ, въ практическомъ своемъ примѣненіи, въ выработкѣ новыхъ типовъ школы, оставляли еще значительный просторъ дѣйствію мѣстныхъ условій и личной иниціативѣ отдѣльныхъ авторитетныхъ педагоговъ. Это обстоятельство сказалось, можетъ быть, и въ извѣстной нерѣшительности авторовъ нашего плана, отказавшихся фиксировать подробности учебнаго строя проектированныхъ ими школъ и предоставившихъ это дѣло непосредственному учебному начальству.

Несравненно болѣе оригинальной, чѣмъ гимназіи проф. Дильтея и «училища для ученыхъ людей» по Плану государственныхъ гимназій 1765—1766 года, представляется гимназія по проекту частной коммиссіи объ училищахъ. Полученная этой коммиссіей отъ Дирекціонной инструкція относила къ разряду среднихъ школъ гимназіи и духовныя семинаріи. Тѣ и другія «суть среднія училища; въ оныя входятъ успѣвшіе уже въ нижнихъ училищахъ; тутъ учатся по классамъ, переходя изъ одного въ другой порядкомъ, латинскому и греческому языкамъ, исторіи, географіи, философіи, математикѣ и богословіи, вообще, сирѣчь, главнымъ и употребительнѣйшимъ оныхъ наукъ правиламъ съ доказательствами; онымъ надлежитъ только быть въ городахъ, и какъ при нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ семинаріи уже есть, только не вездѣ таковы, какимъ имъ быть надобно, то надлежитъ имѣть о

семъ сношеніе съ Коммиссіею о духовныхъ имѣніяхъ, въ 1762 году учрежденною» [1]).

Оригинальность этого предварительнаго плана, начертаннаго Дирекціонной коммиссіей, заключалась въ объединеніи гимназій и духовныхъ семинарій въ нѣкоторый общій типъ средней общеобразовательной школы. Чьему вліянію можно приписать такую постановку вопроса, снова возвращающую насъ къ традиціи, по которой духовная школа стремилась быть не только профессіональной, но и общеобразовательной? Однимъ изъ дѣятельныхъ членомъ Дирекціонной коммиссіи былъ, какъ извѣстно, епископъ Тверской Гавріилъ, замѣстившій въ мартѣ 1768 года умершаго митрополита Димитрія Сѣченова. Слѣдуетъ вспомнить затѣмъ, что за годъ до того Гавріилъ, совмѣстно съ Иннокентіемъ Псковскимъ и архимандритомъ Платономъ, составили обширный планъ реформы духовныхъ школъ, который предписано было согласовать съ основными началами реформы свѣтской школы. И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, духовное образованіе должно было по плану 1766 года стать на болѣе широкое общеобразовательное основаніе, чѣмъ было раньше. Все это позволяетъ предполагать, что основная мысль предварительнаго плана Дирекціонной коммиссіи по вопросу о средней школѣ можетъ быть приписана еп. Гавріилу. Не былъ ли онъ вообще авторомъ инструкціи, данной въ руководство частной коммиссіи объ училищахъ? [2]).

Частная коммиссія дополнила предположеніе Дирекціонной въ томъ отношеніи, что раздѣлила всѣ среднія училища на два рода: 1) училища при госпиталяхъ, гимназіи и семинаріи, 2) кадетскіе корпуса и академіи художествъ. Прямо о соединеніи свѣтскихъ среднихъ школъ съ духовными семинаріями говорилъ Золотницкій въ своемъ особомъ общемъ планѣ учебнаго законодательства, хотя основаніе этого соединенія указано имъ довольно неясно; свѣтскія гимназіи присоеди-

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 145, 147.

[2]) *Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, т. I, стр. 60—61, 71 и слѣд. *А. С. Родосскій*, Описаніе 432 рукописей С.-Петерб. Дух. Академіи (Спб. 1894), №№ 415, 418.

няются, по его словамъ, къ семинаріямъ «для лучшей въ содержаніи и ученіи способности въ разсужденіи одного только ученія». Вмѣстѣ съ тѣмъ Золотницкій, принимая раздѣленіе среднихъ школъ на два рода, первый родъ, т. е. гимназіи и семинаріи, считалъ низшимъ, а къ высшему относилъ кадетскіе корпуса и академіи художествъ, «ежели которые коммиссіею тогда вновь будутъ прожектованы». Клингштетъ въ своемъ особомъ планѣ не высказался прямо о соединеніи духовныхъ и свѣтскихъ школъ, но, повидимому, онъ склонялся скорѣе къ рѣшенію спеціализировать среднія школы по ихъ назначенію. Новый законъ о среднихъ школахъ долженъ былъ, по его мнѣнію, прежде всего, разъяснить: «въ чемъ состоитъ намѣреніе сихъ среднихъ училищъ, какъ семинаріи, гимназіи и наставленія, въ госпиталяхъ преподаваемыя, между собою согласны или различны быть должны». Далѣе Клингштетъ говорилъ только о гимназіяхъ и, въ концѣ концовъ, находилъ, что «сіи гимназіи, по различному опредѣленію учащихся, различнаго рода быть долженствуютъ». Вводить въ планъ реформы, въ отдѣлѣ о среднихъ школахъ, постановленія о кадетскомъ корпусѣ и академіи художествъ Клингштетъ не находилъ возможнымъ въ виду того, что эти заведенія существуютъ на основаніи особыхъ законоположеній [1]).

Дирекціонная коммиссія въ заключеніи, примирявшемъ разногласія по поводу общаго плана реформы, по прежнему отнесла къ категоріи среднихъ училищъ только свѣтскія гимназіи и духовныя семинаріи; по поводу же предложенія Золотницкаго соединить тѣ и другія школы сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «есть ли въ свѣтскихъ училищахъ опредѣлится обучать французскому и нѣмецкому языкамъ, катехизису, ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, географіи, навигаціи, исторіи и штилю, то къ духовнымъ училищамъ прибавить для свѣтскихъ слѣдовать будетъ только геометрію, фортификацію и навигацію, а прочія науки и для духовныхъ училищъ необходимо нужны, почему для свѣтскихъ, прибавя только къ духовнымъ училищамъ учителя геометріи, фортификаціи и

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 147, 152—153, 161—162.

навигаціи, дать дозволеніе прочимъ наукамъ обучаться всякому по его желанію въ духовныхъ училищахъ, которыя уже учреждены во всѣхъ епархіяхъ». Это заключеніе не вполнѣ ясно. Его можно понять и въ смыслѣ параллельнаго существованія свѣтскихъ и духовныхъ училищъ, съ объединеннымъ курсомъ, и въ смыслѣ полной ненужности свѣтскихъ гимназій, которыя съ успѣхомъ могли быть замѣнены училищами духовными. Наконецъ, въ томъ же заключеніи Дирекціонная коммиссія отвергла отнесеніе къ среднимъ школамъ кадетскихъ корпусовъ и академіи художествъ; какъ училища, непосредственно готовящія къ практической дѣятельности, ихъ слѣдовало отнести къ высшимъ училищамъ [1]).

Подробный планъ средней школы на основаніи, предуказанномъ Дирекціонной коммиссіей, разработанъ былъ, какъ мы уже знаемъ, Золотницкимъ. Въ этомъ планѣ мысль о соединеніи школъ свѣтскихъ и духовныхъ окончательно разъяснялась въ смыслѣ созданія такой единой школы, въ которой свѣтское и духовное юношество получало бы подготовку къ различнымъ, по состоянію своему, званіямъ: «при учрежденіи средняго рода училищъ нѣтъ ни малѣйшей надобности предполагать между оными какое либо различіе, поставляя ихъ въ различной зависимости. Надобно наблюдать тотъ только единственный предметъ, чтобы въ оныхъ достигать было можно совершенно желаемаго намѣренія въ наученіи юношества и въ пріуготовленіи онаго къ разнымъ, по различію состояній, званіямъ. Итакъ, поставляется за нужное всѣ находящіяся уже теперь въ епархіяхъ училища поставить и впредь всегда содержать на такомъ основаніи, дабы все общее россійское юношество какъ свѣтское, такъ и духовное, могло въ оныхъ, какъ въ общихъ государственныхъ училищахъ, достигать настоящаго себѣ по своему состоянію ученія».

Другой принципъ, на которомъ строилъ свой подробный планъ «государственныхъ гимназій» Золотницкій, заключался въ томъ, что гимназія разсматривалась, какъ школа, непосредственно подготовляющая къ практической дѣятельности,

---

[1]) Ibidem, стр. 175.

къ государственной и духовной службѣ. «Хотя сіи училища, писалъ Золотницкій, въ общемъ раздѣленіи названы средними, однако, сіе сказано въ разсужденіи только отношенія ихъ къ нижнимъ у себя и къ высшимъ училищнымъ мѣстамъ. Въ собственномъ же своемъ положеніи должны они быть таковыя, въ которыхъ бы пріобрѣтаемо было совершенно все потребное по сему мѣсту ученіе и изъ коихъ большею частью должны обще выходить какъ приходскіе священники, такъ и приготовленные къ разнымъ государственнымъ службамъ и званіямъ молодые люди: почему и учрежденіе въ сихъ мѣстахъ наукъ и порядокъ въ производствѣ оныхъ должно располагать на тотъ конецъ, чтобы сіи училища были въ своемъ родѣ полныя и совершенныя».

Поднимая гимназіи, по ихъ назначенію, до степени высшихъ школъ, Золотницкій дѣлилъ ихъ на «большія» и «меньшія»; тѣ и другія, «будучи нѣсколько между собою различны въ числѣ наукъ и учащихъ, въ прочемъ же во всемъ, въ преимуществахъ, въ производимомъ въ нихъ порядкѣ ученія и въ управленіи, остаются уравнены между собою совершенно [1]). Кругъ преподаванія въ «большихъ» гимназіяхъ составляютъ: догматическое богословіе, философія, духовно-гражданская универсальная исторія съ географіей, россійское краснорѣчіе, обученіе христіанскому закону, математика (въ высшихъ классахъ—архитектура, фортификація и артиллерія, во второмъ—алгебра, геодезія и механика, въ третьемъ—геометрія, тригонометрія и ариѳметика, начиная съ тройныхъ чиселъ), натуральная исторія и ботаника, языки латинскій, нѣмецкій и французскій (для каждаго языка по три класса: въ первомъ—чтеніе, письмо и этимологія, во второмъ—синтаксисъ, разговоры и начальные переводы, въ третьемъ—переводы, истолкованіе авторовъ и стиль), греческій (въ одномъ только классѣ), рисованіе, музыка. Изъ этого обширнаго круга предметовъ въ «меньшихъ» гимназіяхъ отсутствуютъ: краснорѣчіе, греческій

[1]) Какъ увидимъ ниже, это раздѣленіе гимназій на большія и меньшія сдѣлано соотвѣтственно такому же дѣленію духовныхъ семинарій по проекту Духовной Коммиссіи 1766 года.

языкъ, геодезія, механика, архитектура, фортификація и артиллерія, а философія преподается въ сокращенномъ видѣ.

Продолжительности курса гимназій обоихъ типовъ Золотницкій не указывалъ, равно какъ не давалъ и учебнаго плана, т. е. распредѣленія курса въ его цѣломъ по классамъ. Повидимому, Золотницкій не дѣлалъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ проектированныхъ имъ курсовъ во всемъ ихъ объемѣ и допускалъ спеціализацію, соотвѣтственно сословно-профессіональному предназначенію учащихся. «Хотя для дѣтей каждаго сословія, пишетъ онъ, особливо предписаны приличныя имъ науки, однако всѣми оными вдругъ отягощать ихъ не должно, особливо же малолѣтнихъ или не столь скоро понятныхъ». Казеннокоштные ученики проходятъ курсъ по плану, установленному совѣтомъ гимназіи; для учениковъ своекоштныхъ предметы преподаванія выбираются по усмотрѣнію родителей или опекуновъ, «однако училищное наипаче мѣсто должно быть главнѣйшимъ въ томъ совѣтникомъ» [1])

Училищная коммиссія, принявъ проектъ Золотницкаго, еще точнѣе выразила мысль о соединеніи свѣтскихъ и духовныхъ училищъ, но въ смыслѣ, повидимому, противоположномъ намѣренію Дирекціонной коммиссіи. Послѣдняя предполагала замѣнить свѣтскія училища духовными, сообщивъ имъ характеръ общеобразовательныхъ школъ. Училищная же коммиссія полагала совершенно упразднить духовныя училища: «при учрежденіи среднихъ училищъ, говорилось въ первыхъ же строкахъ проекта о среднихъ училищахъ, не почитается за нужное быть отнынѣ въ епархіяхъ семинаріямъ, но поставить сіи училища на такомъ основаніи, чтобы все вообще россійское юношество, какъ свѣтское, такъ и духовное, могло въ оныхъ, какъ въ общихъ государственныхъ училищахъ, достигать совершеннаго по своему состоянію ученія». Раздѣленіе гимназій на большія и меньшія коммиссія отвергла и приняла для всѣхъ гимназій единообразный курсъ, еще превышавшій многопредметностью курсъ большихъ гимназій Золотницкаго; къ этому послѣднему курсу прибавлялись юриспруденція (право есте-

---

[1]) Ibidem, 185—186, 198—200.

ственное и народное и «истолкованіе государственныхъ законовъ») и еврейскій языкъ. Учебнаго плана, т. е. расположенія курса по классамъ, проектъ коммиссіи также не давалъ, но разбивалъ всѣ предметы на группы, распредѣляемыя между отдѣльными преподавателями слѣдующимъ образомъ: 1) богословіе; 2) философія; 3) чистая математика, алгебра, геометрія, тригонометрія и ариѳметика; 4) практическая математика, механика, геодезія, гражданская и военная архитектура, артиллерія; 5) право естественное и народное, истолкованіе государственныхъ законовъ; 6) натуральная исторія и физика; 7) словесныя науки: универсальная исторія, географія, политика, реторика, поэзія, общія знанія коммерціи и литературы; 8) латинскій языкъ; 9) французскій языкъ; 10) нѣмецкій языкъ; 11) англійскій языкъ; 12) греческій языкъ; 13) еврейскій языкъ. Одинъ изъ преподавателей языковъ «обучаетъ катехизису по способности». Этотъ основной научный курсъ гимназій дополнялся обученіемъ разнымъ искусствамъ: танцамъ, фехтованію, рисованію и музыкѣ. О возможности спеціализаціи въ столь обширномъ кругѣ средняго образованія, соотвѣтственно сословно-профессіональному предназначенію учащихся, проектъ коммиссіи не упоминалъ; но «въ случаѣ умножающагося числа учениковъ своекоштныхъ» допускалась прибавка новыхъ предметовъ преподаванія, съ разрѣшенія директоровъ [1]).

Такъ получился новый, совершенно оригинальный типъ «единой» школы, совмѣщавшей задачи средняго и высшаго, общаго и профессіональнаго, духовнаго и свѣтскаго образованія.

Въ совокупности разсмотрѣнныхъ сейчасъ проектовъ среднихъ школъ можно различить два главныхъ направленія. Одно изъ нихъ клонилось къ постепенному совершенствованію старой латинской школы, соотвѣтственно тѣмъ реформаторскимъ стремленіямъ, лучшими представителями которыхъ были предшественники ново-гуманизма. Къ этому направленію можно отнести гимназіи проф. Дильтея и «ученыя училища» по

[1]) Ibidem, стр. 245—246, 250—251.

проекту государственныхъ гимназій 1765—1766 года. Второе направленіе, уже рѣзко порывавшее съ традиціей стараго латинскаго образованія, отмѣчено духомъ того широкаго «реализма», который въ срединѣ XVIII вѣка еще искалъ новыхъ типовъ школы и въ выработкѣ послѣднихъ допускалъ свободу различныхъ комбинацій. Стремленіе къ энциклопедической широтѣ образованія, которое отвѣчало бы всему разнообразію культурныхъ интересовъ даннаго общества, приводило къ установленію или нѣсколькихъ параллельныхъ типовъ школы, строящихся на нѣкоторомъ единомъ фундаментѣ (таковы государственныя гимназіи 1765—1766 года: ученыя, гражданскія, военныя и купеческія), или «единой» школы, какою должна была явиться гимназія по проекту частной коммиссіи объ училищахъ. Въ то же время въ обоихъ послѣднихъ проектахъ обнаруживается еще одна характерная черта реалистическихъ тенденцій вѣка. И по проекту государственныхъ гимназій 1765—1766 года и по проекту частной коммиссіи объ училищахъ гимназія перестаетъ, въ сущности, быть средней школой, какъ о томъ прямо заявлялъ Влад. Золотницкій, и превращается въ законченную школу, непосредственно выпускающую своихъ питомцевъ на поприще практической дѣятельности. Но принятіе такого типа школы, какъ гимназія по проекту частной коммиссіи объ училищахъ, не могло не повлечь коренной ломки существующей системы школъ среднихъ и высшихъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Такая реформа, очевидно, имѣла мало шансовъ на осуществленіе.

Вскорѣ послѣ того, какъ съ прекращеніемъ работъ частной коммиссіи объ училищахъ закончился рядъ нашихъ проектовъ новой системы просвѣщенія, появились иностранные проекты, изготовленные для Россіи, но мало считавшіеся съ условіями, въ которыхъ могла осуществиться въ Россіи учебная реформа. Это были проекты Зульцера и Дидро.

Зульцеръ ставилъ «ученой» школѣ двоякую цѣль. Она должна не только имѣть въ виду готовящихся къ ученой карьерѣ, но и служить «для наставленія тѣхъ дворянъ или гражданъ, которые, не бывъ намѣрены посвятить себя вѣчно наукамъ, имѣютъ желаніе, при невѣденіи древнихъ ученыхъ

языковъ, обучиться словеснымъ и инымъ истинно полезнымъ наукамъ и знаніямъ». Эта двоякая цѣль достигается тѣмъ, что ученыя школы, дѣлящіяся на три класса, въ полномъ составѣ послѣднихъ учреждаются только въ двухъ или въ трехъ главныхъ городахъ. Въ другихъ большихъ городахъ устраиваются только два низшихъ класса и въ городахъ малыхъ только одинъ первый классъ. Въ этомъ классѣ изучаются первоначальныя основанія общихъ знаній, «все то, что́ общественно полезно во всей литературѣ и наукахъ» и что́ можетъ быть усвоено дѣтьми 8—12 лѣтняго возраста, а также языки: русскій, нѣмецкій, французскій, латинскій и греческій; первый изучается всѣми учениками; второй и третій—молодыми дворянами, готовящимися къ военной и гражданской службѣ; языки древніе — тѣми, кто желаетъ быть ученымъ.

Во второмъ классѣ, составляющемъ, въ соединеніи съ первымъ, также особый пониженный типъ средней ученой школы, продолжается изученіе языковъ, сосредоточенное уже на чтеніи лучшихъ классическихъ авторовъ, науки же (исторія, географія, краснорѣчіе, философія и математика) трактуются «уже нѣсколько методически», и учащіеся пріучаются къ самостоятельной работѣ. Курсомъ этихъ двухклассныхъ школъ, устроенныхъ единообразно во всемъ государствѣ, оканчиваютъ свое образованіе юноши, не намѣревающіеся посвятить себя особенно какой нибудь наукѣ. Относительно высшаго, третьяго класса Зульцеръ ограничился краткимъ указаніемъ, что онъ долженъ заступать мѣсто университета и въ него вступаютъ только тѣ, кто желаютъ сдѣлаться ученымъ [1]).

Въ изложенномъ проектѣ Зульцера можно замѣтить тѣ же общія черты, которыя намъ знакомы и по нашимъ выше изученнымъ проектамъ средней школы: усвоеніе этой школѣ, кромѣ ея прямой цѣли—приготовленія къ университету, и другой, параллельной цѣли—приготовленіе молодежи непосредственно къ практической дѣятельности на разныхъ попри-

---

[1]) Приложеніе IX къ настоящему труду.

щахъ, соотвѣтственное тому расширеніе курса школы; наконецъ, дѣленіе этого курса на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, восходящихъ отъ общаго къ спеціальному образованію.

Дидро предлагалъ для Россіи, въ сущности, два проекта средняго образованія. Въ «Essai sur les études en Russie» онъ рекомендуетъ вниманію императрицы нѣмецкія гимназіи, но указываетъ на необходимость существеннаго измѣненія въ содержаніи ихъ учебнаго курса въ томъ направленіи, въ какомъ работали и сами германскіе педагоги реформаторы: «on a donné, говорилъ Дидро, trop d'importance et d'espace à l'étude des mots, il faut lui substituer aujourd'hui l'étude des choses». Изученіе древнихъ языковъ должно быть сильно сокращено, а взамѣнъ того введены всѣ знанія, необходимыя для гражданина, «depuis la législation jusqu'aux arts mécaniques, qui ont tant contribué aux avantages et aux agréments de la société» [1]). Второй типъ средняго образованія Дидро представилъ въ своемъ большемъ «Планѣ университета для Россіи». Не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ этого плана, такъ какъ онъ никакого вліянія на развитіе нашихъ проектовъ ученой реформы не оказалъ; необходимо только отмѣтить тѣ черты, которыми этотъ планъ примыкалъ къ главнымъ общимъ направленіямъ реформы средняго образованія въ данную эпоху. То, что въ системѣ Дидро можно назвать среднимъ образованіемъ, сосредоточивается въ университетѣ на faculté des arts. Подготовлять къ поступленію въ университетъ должны элементарныя публичныя школы, курсъ которыхъ ограниченъ обученіемъ дѣтей чтенію, письму, основамъ религіи и ариѳметикѣ [2]). Все пространство образованія отъ этой первой, элементарной ступени до высшихъ факультетовъ (медицинскаго, юридическаго и богословскаго) и можно назвать среднимъ. Это образованіе общее, объемлющее кругъ знаній, которыя Дидро называетъ «essentielles ou primitives» и которыя потребны, въ извѣстной мѣрѣ, всѣмъ

---

[1]) Oeuvres, t. III, p. 419—422.
[2]) Ibid., p. 447, 520.

состояніямъ. Цѣль этого образованія создать воспитанныхъ людей, вѣрныхъ подданныхъ, добрыхъ гражданъ. Далѣе слѣдуютъ «connaissances secondaires» или «connaissances d'état», относящіяся къ разнымъ состояніямъ, къ какимъ готовятся учащіеся. Все разнообразіе предметовъ, входящихъ въ составъ университетскаго образованія, должно располагаться въ порядкѣ ихъ естественной близости къ человѣку и важности для него, какъ натуралисть Бюффонъ располагалъ міръ животныхъ. При соблюденіи такого принципа, который Дидро полагалъ краеугольнымъ камнемъ всей своей системы образованія, каждый вынесетъ изъ этой системы ту сумму знаній, какая ему дѣйствительно полезна и нужна [1]).

Весь курсъ образованія, сосредоточеннаго на faculté des arts, Дидро дѣлитъ на три параллельныхъ курса. Первый курсъ, раздѣляемый на 8 классовъ, обнимаетъ математику, естествознаніе, логику, языки и реторику. Математическимъ дисциплинамъ посвящены первые три класса, такъ какъ математика даетъ самыя общія и необходимыя знанія, исправляетъ и изощряетъ разумъ, предупреждаетъ развитіе предразсудковъ. Четвертый и пятый классы отведены естествознанію, развивающему чувства, вкусъ и память и дающему болѣе или менѣе полезныя для всѣхъ знанія. Въ шестомъ классѣ проходится логика и критика, безъ которыхъ не можетъ быть правильнаго пользованія какими бы то ни было знаніями, и общая грамматика, являющаяся введеніемъ въ изученіе всѣхъ языковъ. Въ послѣднихъ двухъ классахъ, седьмомъ и восьмомъ, сосредоточивается уже филологическое образованіе. Курсъ седьмого класса составляетъ русскій и славянскій языкъ. Наконецъ, восьмой классъ отведенъ древнимъ языкамъ, краснорѣчію и поэзіи. Въ пространномъ комментаріи Дидро опровергалъ старую систему образованія, основанную исключительно на древнихъ языкахъ, и доказывалъ правильность своей системы, которую можно свести къ двумъ главнымъ пунктамъ: изученіе древнихъ языковъ абсолютно полезно лишь для небольшого общественнаго круга; оно легче и правильнѣе

[1]) Ibid., p. 442—443.

усваивается учащимися, достигшими извѣстной степени зрѣлости и обладающими уже запасомъ другихъ знаній [1]).

Второй курсъ, параллельный первому, имѣетъ цѣлью «de faire des gens de bien», т. е. гражданъ. Раздѣленный на три класса, этотъ курсъ составляется изъ наукъ гуманитарныхъ. Въ первомъ классѣ изучаются: метафизика, мораль, религія; во-второмъ исторія отечественная и иностранная съ миѳологіей, хронологія и географія, составляющія «два глаза исторіи», наука экономическая [2]). Наконецъ, третій курсъ, параллельный двумъ первымъ, заключенъ въ одномъ классѣ рисованія и архитектуры, изученіе которыхъ практически полезно взякому гражданину. Всѣ три курса, составляющіе въ совокупности faculté des arts, въ полномъ объемѣ будетъ оканчивать, по мнѣнію Дидро, лишь небольшое число учащихся, которые затѣмъ распредѣляются по тремъ высшимъ факультетамъ [3]).

Проектированная Дидро система средняго образованія была чрезвычайно оригинальна по своимъ формамъ, но общее ея направленіе не уклонялось отъ того главнаго пути, по которому развивались всѣ вообще реформы средняго образованія въ XVIII вѣкѣ. Планъ Дидро также ставилъ среднему образованію двойственную цѣль—приготовленіе къ высшимъ научнымъ занятіямъ и непосредственно къ жизни, въ составѣ этого образованія первенствующее мѣсто отводилъ реальнымъ знаніямъ, наконецъ, стремился расположить послѣдовательность составляющихъ систему средняго образованія курсовъ въ порядкѣ естественной связи всѣхъ наукъ.

Проекты Зульцера и Дидро прямого вліянія на постановку у насъ вопроса о среднемъ образованіи не оказали. Но въ одномъ отношеніи появленіе такихъ проектовъ могло имѣть практическое значеніе. Оно показывало, что происхо-

---

[1]) Ibid., 468—488.

[2]) Ibidem, 488—495. Содержаніе экономической науки таково: „la science économique ou de l'emploi des son temps et de ses talents, ou l'art de conduire sa maison, ou de conserver et d'accroître sa fortune". Эта наука имѣетъ въ виду „cette classe d'honnêtes gens qui s'est élevée parmi nous, et qui nous fera beaucoup de bien ou beaucoup de mal". Ib., 491.

[3]) Ibid., 495—496.

дившее на западѣ въ области средняго образованія реформаторское движеніе еще не привело къ прочному результату въ смыслѣ выработки такой новой системы этого образованія, которая получила бы широкое признаніе и распространеніе. Всѣ многочисленные отдѣльные опыты реформы исходили изъ вполнѣ опредѣленнаго отрицательнаго отношенія къ старой латинской школѣ; всѣ они развивались по нѣкоторымъ общимъ главнымъ линіямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти опыты въ своихъ конкретныхъ формахъ представляли еще значительное разнообразіе, обусловленное субъективными намѣреніями и взглядами ихъ творцовъ. Это обстоятельство слѣдуетъ принять во вниманіе при объясненіи причины, почему совокупность проектовъ средняго образованія, русскихъ и иностранныхъ, осталась безрезультатной. Въ данное время императрица Екатерина и ея совѣтники не имѣли такого критерія, который помогъ бы имъ изъ ряда проектовъ выбрать одинъ, какъ образцовый и осуществимый.

Пока шла разработка изученныхъ выше проектовъ новой системы просвѣщенія, наше среднее образованіе оставалось сосредоточеннымъ въ петербургской академической и въ университетскихъ, московской и казанской, гимназіяхъ. Отразились ли на нихъ исканія новаго типа средней школы?

Труды Ломоносова по упорядоченію академической гимназіи не дали желаемыхъ результатовъ, и въ 1766 году Миллеръ высказывалъ убѣжденіе въ необходимости «рѣшительнаго преобразованія» гимназіи и «въ доведеніи ея до такого совершенства, чтобы и значительные родители отдавали въ нее воспитывать дѣтей своихъ». Новую попытку преобразованія гимназіи, по распоряженію президента Академіи графа Разумовскаго, слѣдовало поставить «на такомъ основаніи, чтобъ сходствовало съ высочайшимъ намѣреніемъ ея императорскаго величества о воспитаніи и обученіи россійскаго юношества». Результатомъ этого намѣренія было учрежденіе при гимназіи пансіона для малолѣтнихъ дѣтей, по примѣру воспитательнаго училища Академіи художествъ. Этотъ пансіонъ послужилъ для гимназіи элементарной подготовительной школой, на отсутствіе которой жаловалось гимназическое на-

чальство, не знавшее иногда, что́ дѣлать съ учениками, которые присылались въ гимназію даже безъ знанія россійской грамоты.

Главная же причина всего неустройства гимназіи, отсутствіе единства ея образовательной задачи, обусловленное разнородностью сословнаго состава учениковъ, продолжала дѣйствовать и въ данное время. По отчету инспектора гимназіи Л. Бакмейстера, въ августѣ 1766 года, курсъ гимназіи былъ одинъ и составлялся онъ изъ русскаго, латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, Закона Божія, ариѳметики и геометріи, исторіи, географіи, рисованія и танцевъ. Но дѣйствительнаго единства въ прохожденіи этого курса всѣми учениками не было. Вольные ученики (58 человѣкъ изъ общаго числа 88) по прежнему учились на выборъ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ предметамъ. Это обстоятельство, въ связи съ различіемъ возраста и способностей учениковъ, требовало такого дробленія курса каждаго предмета на классы, съ которымъ, по удостовѣренію Бакмейстера, не успѣвалъ управиться малочисленный (15 человѣкъ) преподавательскій персоналъ. Въ увеличеніи числа учителей и улучшеніи ихъ содержанія Бакмейстеръ видѣлъ главное средство привести въ порядокъ гимназію. Противъ же основного явленія, отсутствія единаго, общеобязательнаго порядка прохожденія гимназическаго курса, повидимому, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ уже не принималось.

Въ 1770-хъ годахъ были приняты нѣкоторыя мѣры относительно старшаго класса гимназіи. Именно, въ 1770 году, по мысли инспектора Бакмейстера, съ цѣлью дать лучшимъ гимназистамъ «общее понятіе о наукахъ, въ которыхъ они при Академіи впредь упражняться должны», было постановлено устроить для этихъ отборныхъ гимназистовъ преподаваніе, на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, основаній математики чистой и прикладной, естественной исторіи и физики. Вмѣстѣ съ тѣмъ отобранные для этого курса ученики должны были продолжать въ гимназіи ученіе латинскаго языка и логики. Съ перваго взгляда это новшество напоминаетъ знакомое намъ устройство «отборнаго ректорскаго

класса» въ московской гимназіи. Но въ дѣйствительности здѣсь было существенное различіе. Отборный классъ московской университетской гимназіи стремился къ такой концентраціи занятій выпускаемыхъ изъ гимназіи учениковъ, которая являлась бы переходной ступенью къ философскому факультету. Отборныхъ же академическихъ «элевовъ», заявившихъ намѣреніе «посвятить себя единственно наукамъ», прямо направляли на спеціальныя занятія той или иной наукой. Вмѣсто того, чтобы получить «общее понятіе о наукахъ», каждый изъ отборнаго кружка гимназистовъ избиралъ по желанію одну науку и спеціализировался на ней подъ руководствомъ профессора. Отборный классъ въ московской университетской гимназіи устанавливалъ связь между нею и университетомъ. Въ академическихъ школахъ такой связи не получалось, потому что при устройствѣ помянутаго отборнаго класса академическій университетъ находился уже въ полномъ упадкѣ. Поэтому старшихъ гимназистовъ, пожалованныхъ званіемъ студентовъ, или отправляли въ заграничные университеты, или опредѣляли на академическую службу въ переводчики или въ учители, смотря по нуждамъ Академіи и по ихъ способности», какъ требовали правила, установленныя президентомъ Домашневымъ въ 1778 году.

Изложенныя сейчасъ мѣры, въ концѣ концовъ, также не дали прочнаго результата, и академическая гимназія до конца своего существованія продолжала оставаться въ томъ безпорядочномъ и шаткомъ состояніи, причины котораго были выяснены выше [1]).

Съ общимъ направленіемъ исторіи московской университетской гимназіи мы познакомились въ предыдущемъ очеркѣ, изучая поворотный моментъ нашей политики народнаго просвѣщенія, связанный съ учрежденіемъ Московскаго университета и планами И. И. Шувалова. Теперь мы должны припомнить, что, являясь по первоначальному проекту «школой языковъ», подготовляющихъ къ университету, московская

---

[1]) *Графъ Толстой*, Академическая гимназія, стр. 47—50, 63, 69—71, 72, 112—113.

гимназія скоро развилась въ среднюю школу съ довольно разностороннимъ курсомъ того типа, къ которому мы отнесли гимназіи по проекту проф. Дильтея и «ученыя училища» по плану государственныхъ гимназій 1765 — 1766 года. Въ 1776 году составлена была табель, сравнивавшая состояніе Московскаго университета и его гимназій съ тѣмъ положеніемъ, какое устанавливалъ первоначальный проектъ 1755 года. Изъ этой табели можно извлечь слѣдующія данныя, показывающія достигнутую въ 20 лѣтъ степень развитія курса университетской гимназіи. Преподаваніе основного предмета, латинскаго языка, вмѣсто назначенныхъ въ 1755 году трехъ классовъ съ тремя учителями, распредѣлялось между пятью классами: классомъ письма, нижнимъ (2 учителя), среднимъ, высшимъ и «ректорскимъ высшимъ». Для греческаго языка имѣлось два класса, нижній (начатковъ грамматики) и вышній ректорскій. Для нѣмецкаго и французскаго языковъ было по 4 класса, вмѣсто двухъ на каждый языкъ по проекту 1755 года; кромѣ того былъ классъ итальянскаго и классъ татарскаго языковъ. На «реальные» предметы по проекту 1755 года полагалось 3 учителя; въ 1776 году эти предметы распредѣлены были между семью учителями: 2 учителя низшаго математическаго класса, 1 гражданской ариѳметики, 1 тригонометріи и алгебры, 1 гражданской архитектуры, 1 фортификаціи и артиллеріи, 1 исторіи и географіи. Наконецъ, въ 1776 году преподавались искусства, не предусмотрѣнныя проектомъ 1755 года: рисованіе, музыка, фехтованіе, танцы. Нѣсколькими годами ранѣе, вѣроятно, около 1770 года былъ составленъ проектъ новаго штата Московскаго университета съ гимназіями, подписанный кураторомъ Ададуровымъ, и изъ этого проекта видно, что не предполагалось никакихъ существенныхъ измѣненій въ учебномъ строѣ университетскихъ гимназій. Новый штатъ долженъ былъ только закрѣпить сложившійся къ данному моменту порядокъ. «Русская школа» сливалась съ латинской, а начала русскаго языка положено было «показывать» во всѣхъ классахъ вмѣстѣ съ другими языками. Для латинскаго и греческаго языковъ устанавливались 4 класса: 1) чтеніе и письмо латинское и русское, этимологія, начала синтаксиса, 2) ла-

тинскій синтаксисъ и слогъ, начала греческаго языка, русскій стиль, 3) начала реторики и поэзіи, классическіе авторы, введеніе въ философію, 4) «вышій отборный ректорскій классъ», курсъ котораго долженъ былъ, видимо, остаться тотъ же: реторика и поэзія, латинскіе авторы съ миѳологіей и древностями, греческій языкъ, исторія философіи литеральная. Математическія науки дѣлились на 3 класса: 1) ариѳметика и геометрія, 2) геометрія, тригонометріи, алгебра, геодезія, 3) математика смѣшанная, механика, архитектура, фортификація, артиллерія. На исторію и географію отводился одинъ классъ. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, распредѣленныхъ по прежнему на 3 класса, новый штатъ вводилъ итальянскій и англійскій языки. Наконецъ, на прежнемъ основаніи сохранялись искусства: рисованіе, танцы, фехтованіе, музыка. Сравнительное значеніе отдѣльныхъ частей учебнаго курса выражалось, между прочимъ, въ порученіи преподаванія ихъ или «старшимъ студентамъ» университета, или спеціалистамъ учителямъ. Такъ въ основномъ курсѣ гимназіи—древнихъ языковъ—первый младшій классъ поручался студенту, два среднихъ—спеціалистамъ учителямъ и высшій отборный классъ—самому ректору. Всѣ остальные предметы поручались спеціалистамъ учителямъ; исключеніе долженъ былъ составить, почему то, въ Московской гимназіи классъ исторіи и географіи, въ который учителемъ назначался одинъ изъ старшихъ студентовъ, съ жалованьемъ въ 40 руб.; между тѣмъ для Казанской гимназіи требовался для исторіи, географіи, геральдики и генеалогіи настоящій учитель съ высшимъ окладомъ жалованья—въ 300 руб. Наконецъ, учителями всѣхъ предметовъ разночинской гимназіи назначались старшіе студенты [1]).

Какъ показываютъ данныя о состояніи университетскихъ гимназій въ срединѣ 1770-хъ годахъ и о предположенныхъ въ нихъ улучшеніяхъ, эти гимназіи должны были развиваться въ первомъ изъ тѣхъ двухъ направленій, которыя мы различили выше, въ совокупности проектовъ среднихъ школъ 1760—1770-хъ годовъ, именно, въ направленіи постепеннаго

[1]) Государственный Архивъ, XVII, № 41.

совершенствованія старой латинской школы. Но правильная постановка того типа средней школы, къ которой относились университетскія гимназіи, встрѣчала, какъ мы знаемъ, существенное препятствіе со стороны несогласованности образовательныхъ интересовъ, съ какими вступали въ гимназію средины XVIII вѣка учащіеся изъ разныхъ сословій. Для учениковъ казеннокоштныхъ, преимущественно для разночинцевъ, гимназія являлась, дѣйствительно, средней школой, ибо только перейдя изъ нея въ университетъ и окончивъ послѣдній, они достигали жизненной, практической цѣли всего своего образованія. Наоборотъ, со стороны вольныхъ учениковъ, преимущественно изъ дворянъ, замѣтна была тенденція не подчиняться установленному учебному плану гимназіи и брать изъ него отдѣльные, смотря по личнымъ вкусамъ, элементы сословнаго шляхетскаго образованія. Это обстоятельство, какъ мы знаемъ, послужило, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ препятствій, о которыя разбивались всѣ попытки создать устойчивую организацію петербургской академической гимназіи. Неблагопріятное дѣйствіе несогласованности образовательныхъ интересовъ дворянъ и разночинцевъ въ Московской университетской гимназіи парализовалось отчасти уже раздѣленіемъ этой гимназіи на дворянскую и разночинскую. По отчетамъ 1766—1768 годовъ о распредѣленіи учениковъ Московской гимназіи, дворянъ и разночинцевъ, по предметнымъ классамъ, мы не замѣтили тенденцій, шедшихъ въ разрѣзъ съ основной задачей гимназіи, какъ средней ученой школы, и рѣшились сдѣлать заключеніе, что этотъ типъ школы уже начиналъ пріобрѣтать свободное сочувствіе различныхъ по своимъ интересамъ общественныхъ классовъ.

Между тѣмъ принципъ сословнаго образованія не утратилъ своей жизненности, и въ 1760-хъ годахъ онъ получилъ новое обоснованіе въ связи съ общимъ пересмотромъ основъ сословной политики.

Въ 1779 году открылся, по иниціативѣ куратора М. М. Хераскова, знаменитый благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, составившій съ 1786 года самостоятельную школу, параллельную университетской гимназіи. Пан-

сіонъ принималъ на себя троякую обязанность: 1) «просвѣтить разумъ дѣтей полезными знаніями», 2) «вкоренить въ сердце ихъ благонравіе, 3) «сохранить ихъ здравіе и доставить тѣлу возможную крѣпость, толь нужную къ понесенію трудовъ общественныхъ, къ должному отправленію съ успѣхомъ государственной службы». Въ объявленіи, помѣщенномъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1783 годъ исчислены науки, «какія родителями, сродственниками, или опекунами, сообразно предъизбранному роду жизни отдаваемыхъ въ пансіонъ питомцевъ, предписаны будутъ». Всѣ науки сгруппированы слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, основательное познаніе христіанскаго закона, для вкорененіи въ юныя сердца страха Божія, какъ начала истинной премудрости; во-вторыхъ, «самонужнѣйшія свѣтскія науки»: вся чистая математика, т. е. ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, нѣкоторыя части смѣшанной математики и, въ особенности, артиллерія и фортификація, философія, особливо нравственная, исторія и географія, россійскій стиль, искусства рисованія карандашомъ, тушью и сухими красками, танцы, фехтованіе, музыка; въ-третьихъ, разные языки, «яко нужныя орудія учености»: росссійскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, «а кому угодно будетъ, такожъ латинскій, и греческій». Впослѣдствіи этотъ кругъ наукъ Благороднаго университетскаго пансіона дополненъ былъ рядомъ новыхъ предметовъ: физикой и естествознаніемъ, юридическими и камеральными науками (право естественное, римское, гражданское, уголовное, государственное хозяйство, практическое россійское законовѣдѣніе), «военными движеніями и дѣйствіемъ ружьемъ». Передъ нами, такимъ образомъ, чистѣйшій типъ сословнаго шляхетскаго образованія съ присущимъ ему поверхностнымъ энциклопедизмомъ и характернымъ сочетаніемъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ цѣлей. Смыслъ этого образованія хорошо выясненъ однимъ изъ питомцевъ Благороднаго пансіона конца XVIII-го и начала XIX вѣка. «Воспитаніе наше было почти энциклопедическое, слѣдовательно, пріуготовительное, общее. Все знать совершенно — выше умственныхъ силъ человѣчества, особенно въ отроче-

скія лѣта, когда обыкновенно заключается въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ образованіе. Воспитанникъ вступаетъ въ службу военную или статскую, придворную или дворянскую, ученую или дипломатическую, горную или морскую, съ прочными началами вообще, съ основательнымъ знаніемъ одной, или двухъ—трехъ любимыхъ отраслей науки, сообразно его призванію, вкусамъ, склонности, дарованію, и за тѣмъ съ поверхностными уже понятіями объ остальныхъ предметахъ или отдѣлахъ знанія. Это пріуготовительно-энциклопедическое воспитаніе, покуда единственно возможное у насъ, такъ торопящихся начать службу, вполнѣ принесло свои плоды. Имѣя, можно сказать, ключи ко всѣмъ наукамъ, воспитанникъ, если онъ не перешолъ въ одинъ изъ факультетовъ университета, смотря по обстоятельствамъ, роду службы и нуждамъ, въ теченіе своей жизни самъ довершаетъ окончательно свое образованіе по русской пословицѣ: вѣкъ живи, вѣкъ учись» [1]).

За годъ передъ тѣмъ, какъ благородный университетскій пансіонъ превратился въ самостоятельное училище, параллельное университетской гимназіи, именно въ 1785 году, возникло предположеніе объ основаніи при университетѣ еще купеческаго пансіона для дѣтей, посвящающихъ себя коммерціи. Учебный планъ купеческаго пансіона долженъ былъ представлять полную параллель учебному плану благороднаго пансіона. Какъ и въ послѣднемъ, на первомъ мѣстѣ поставлено основательное познаніе Закона Божія; затѣмъ слѣдовали «самонужнѣйшія для купеческаго состоянія науки»: практическая ариѳметика, исторія и географія, бухгалтерія и всѣ тѣ правила, «каковыя наблюдаются въ лучшихъ и исправнѣйшихъ конторахъ знаменитѣйшихъ негоціантовъ», рисованіе и самое чистое письмо; послѣднюю группу предметовъ преподаванія представляютъ главные и для купечества необ-

---

[1]) *П. Страховъ.* Краткая исторія академической гимназіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ (М. 1855), стр. 52—54, 58—60. *Н. В. Сушковъ*, Московскій университетскій благородный пансіонъ (М. 1858), стр. 5, 28, 43—44.

ходимые языки: русскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, англійскій, голландскій [1]). Если бы такое намѣреніе было осуществлено, то въ результатѣ университетская гимназія развѣтвилась бы на три параллельныхъ училища: 1) собственно гимназію, т. е. ученую среднюю школу, 2) благородный пансіонъ, непосредственно готовящій къ государственной службѣ и 3) коммерческое училище. Получилось бы явленіе, аналогичное проекту государственныхъ гимназій 1765—1766 года, съ тѣмъ различіемъ, что благородный пансіонъ совмѣщалъ бы въ себѣ задачи училищъ «гражданскихъ» и военныхъ по проекту 1765—1766 года.

Университетскій благородный пансіонъ послужилъ, можно думать, образцомъ для провинціальныхъ пансіоновъ, возникавшихъ на средства приказовъ общественнаго призрѣнія и дворянскихъ обществъ въ 1780-хъ годахъ. По свѣдѣніямъ, сосредоточеннымъ впослѣдствіи въ Коммиссіи о народныхъ училищахъ, но, кажется, не полнымъ, въ послѣдніе 20 лѣтъ столѣтія возникъ цѣлый рядъ такихъ благородныхъ пансіоновъ и среднихъ школъ въ Твери, Рязани, Новгородѣ, Воронежѣ Курскѣ, Черниговѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Казани. Включая въ составъ своихъ курсовъ болѣе или менѣе широкій кругъ предметовъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ средствъ и условій, всѣ эти пансіоны и школы по существу развивали одинъ типъ общаго шляхетскаго образованія, наиболѣе широко развернутый въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Тверскомъ дворянскомъ училищѣ въ первые годы его существованія преподавались: Законъ Божій, языки русскій, нѣмецкій, французскій, исторія, географія, ариѳметика, рисованіе, танцы. Впослѣдствіи этотъ курсъ былъ расширенъ алгеброй, геометріей, тригонометріей, гражданской архитектурой, механикой. Курсъ Рязанскаго дворянскаго пансіона составляли: Законъ Божій, россійское правописаніе, французскій языкъ, исторія, географія, математика, фехтованіе. Таковы же были по своему составу курсы

[1]) *Шевыревъ*, Исторія Московскаго университета, стр. 215. „Москов. Вѣдомости“, 1785 г., №№ 38—40.

Нижегородскаго и Воронежскаго дворянскихъ пансіоновъ, открытыхъ въ 1783 и 1785 годахъ[1]).

Среди этихъ односословныхъ дворянскихъ училищъ на особое мѣсто должно быть поставлено Курское училище, открытое въ 1783 году не для однихъ дворянъ, но также для купцовъ и разночинцевъ. Въ объявленіи о торжественномъ открытіи этого училища разсказывалось, что вслѣдствіе отдаленности отъ столицъ Курской и Орловской губерній дворянство обѣихъ этихъ губерній испытываетъ затрудненія въ воспитаніи своихъ дѣтей; трудно найти и достойныхъ домашнихъ учителей. Въ виду этого дворянство той и другой губерніи пожертвовало мѣстнымъ приказамъ общественнаго призрѣнія 10.000 рублей для заведенія училищъ «въ пользу дворянства, купечества и разночинцевъ». Но такъ какъ пожертвованной суммы не хватило бы на одновременное учрежденіе двухъ училищъ въ Курскѣ и Орлѣ, то генералъ-губернаторомъ княземъ А. А. Прозоровскимъ рѣшено было учредить одно училище въ Курскѣ, «ибо Курская губернія большею частью наполнена мелкопомѣстными дворянами и въ превосходнѣйшемъ числѣ противъ Орловской». Цѣль училища — общеобразовательная; основной его курсъ составляютъ: катехизисъ, россійское правописаніе, исторія, географія, математика, танцы, фехтованіе и діалекты: латинскій, французскій и нѣмецкій. Въ зависимости отъ увеличенія средствъ обѣщано въ будущемъ введеніе новыхъ предметовъ для учениковъ дворянъ и купцовъ: для первыхъ предположено устроить манежъ и рисовальный классъ, для вторыхъ — коммерческій классъ «съ обученіемъ бухгалтеріи и другихъ, относящихся къ тому знаній». О какомъ либо особомъ курсѣ для разночинцевъ не упоминалось и въ одномъ мѣстѣ «объявленія» указывалось, что «единственный предметъ училища есть доставленіе выгодъ для дѣтей благороднаго дворянства и купечества Курскаго и Орловскаго намѣстничествъ». Между уче-

---

[1]) О Тверскомъ пансіонѣ: „С.-Петербургскій Вѣстникъ“, ч. IV. Архивъ Минист. народн. просв., карт. 1268, д. 38460; о Рязанскомъ: ibidem, карт. 1281, д. 38519; о Нижегородскомъ: „Московскія Вѣдомости“, 1783 г., № 83; о Воронежскомъ: ibidem, 1785 г., № 35.

никами дворянами и купеческими дѣтьми проводилось только одно мелочное внѣшнее различіе: дворяне носятъ голубые кафтаны съ черными бархатными воротниками, прочіе—безъ оныхъ [1]). Къ сожалѣнію намъ не удалось встрѣтить свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Курскаго училища. Судя по даннымъ, сохранившимся въ отчетахъ Коммиссіи о народныхъ училищахъ за 1793—1794 и 1801—1802 годы, оно, повидимому, превратилось въ односословный пансіонъ для однихъ дворянскихъ дѣтей, для которыхъ Курское училище, главнымъ образомъ, предназначалось и при самомъ своемъ учрежденіи [2]).

Такъ съ конца 1770-хъ годовъ рядомъ съ «ученой» средней школой, гимназіей, начинаютъ появляться новые типы сословныхъ школъ, отвѣчающіе тѣмъ взглядамъ на задачи и формы сословнаго образованія, какіе разобраны были нами выше. Наиболѣе опредѣленно выступаетъ, конечно, типъ сословной дворянской школы, благороднаго пансіона. Областныя учрежденія 1775 года и закрѣпленная жалованной грамотой 1785 года сословная организація дворянства давали ему средства съ наибольшимъ успѣхомъ осуществить идею того сословнаго образованія, которое разсматривалось, какъ необходимое условіе всего «права дворянскаго». Будучи по существу своего содержанія не одностороннимъ профессіональнымъ, но общимъ, курсъ благороднаго пансіона въ своемъ построеніи, лучшимъ образцомъ котораго былъ учебный планъ Московскаго университетскаго пансіона, существенно отличался отъ курса ученой школы, гимназіи. Въ центрѣ этого курса лежали «реальныя», или, на сословномъ языкѣ, «свѣтскія» науки. Главный предметъ курса гимназіи, древніе языки, въ учебномъ планѣ Московскаго пансіона поставленъ на послѣднее мѣсто, послѣ языковъ новыхъ, и изученіе ихъ предоставлено желающимъ. Въ пансіонахъ провинціальныхъ, курсъ которыхъ по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ ставился значительно у́же, древніе языки, «яко орудія учености»,

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 1783 г., № 64.

[2]) См. ниже, въ слѣдующемъ очеркѣ таблицу дворянскихъ пансіоновъ.

и совсѣмъ отсутствовали. Наблюдается и другое существенное различіе въ построеніи курса гимназіи и благороднаго пансіона. Курсъ гимназіи стремился къ концентраціи на нѣкоторыхъ основныхъ предметахъ (древнихъ языкахъ), курсъ благороднаго пансіона — къ расплывчатому энциклопедизму, предоставлявшему учащимся свободу различнаго сочетанія отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, сообразно личнымъ вкусамъ и интересамъ. Наконецъ, гимназія не давала законченнаго образованія. Вершина гимназическаго курса, ректорскій классъ, обычно строился такъ, чтобы служить подготовительной ступенью къ переходу въ университетъ. Благородный пансіонъ совмѣщалъ задачи средней и высшей школы и выпускалъ своихъ питомцевъ непосредственно на поприще практической дѣятельности.

Менѣе удачными были попытки создать, по образцу благородныхъ пансіоновъ, особый типъ школы для дѣтей средняго сословія. Выше, изучая общую постановку вопроса о сословномъ образованіи, мы видѣли причины, по которымъ невозможно было создать такого же единаго образованія для средняго чина людей, какимъ было образованіе дворянское. Этотъ средній чинъ распадался на столь различные по своему происхожденію и по всѣмъ своимъ культурнымъ интересамъ слои, что объединить ихъ однимъ общимъ кругомъ сословнаго образованія было дѣломъ невозможнымъ. Для средняго чина возможно было или образованіе общее безсословное, или спеціальное, сообразно съ профессіональными интересами и потребностями каждаго отдѣльнаго слоя. Объявленное въ 1785 году, но неосуществившееся, намѣреніе учредить въ параллель благородному пансіону купеческій, какъ видно изъ намѣченнаго учебнаго курса этого пансіона, должно было бы привести на практикѣ къ устройству уже не общеобразовательной, а чисто профессіональной, коммерческой школы. Такой же профессіональный характеръ должно было имѣть и купеческое отдѣленіе Курскаго училища, если только оно дѣйствительно было открыто. Эти факты подтверждаютъ, что сословное образованіе для высшаго слоя средняго чина людей могло вылиться только въ форму профессіональной, коммер-

ческой школы. Мы видѣли, наконецъ, какъ шатко ставился въ частной коммиссіи объ училищахъ вопросъ о выработкѣ особаго типа реальной школы для низшихъ слоевъ городского населенія, мѣщанъ и разночинцевъ. Единственнымъ образцомъ средней мѣщанской школы осталось училище при Академіи художествъ.

Итакъ, предпринятыя на практикѣ попытки создать типы средней школы, параллельные ученой школѣ, гимназіи, дали только одинъ результатъ, появленіе ряда благородныхъ пансіоновъ, изъ которыхъ процвѣтанія достигъ лишь Московскій университетскій пансіонъ. Несмотря, однако, на слабость и практическую безрезультатность другихъ аналогичныхъ попытокъ всѣ онѣ въ совокупности представляютъ тотъ общій интересъ, что въ нихъ обнаружилось то реалистическое направленіе въ разрѣшеніи проблемы средняго образованія, которое наиболѣе полно выразилось въ проектахъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года и въ проектахъ частной коммиссіи объ училищахъ.

III.

Мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ одну характерную черту политики народнаго просвѣщенія первой половины XVIII вѣка, выразившуюся въ томъ, что построеніе системы просвѣщенія начиналось сверху, съ академіи наукъ, университета, высшихъ спеціальныхъ училищъ, а не съ элементарныхъ школъ и гимназій. Позднѣйшіе наблюдатели видѣли въ этомъ нарушеніе естественнаго порядка и коренную ошибку, приводившую къ шаткости и малоплодности всего дѣла народнаго образованія. Мы объяснили такой порядокъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе односторонняго преобладанія въ ту эпоху практическихъ государственныхъ интересовъ, которые непосредственно обслуживались именно высшими школами, готовившими къ практической дѣятельности, государственной службѣ.

Въ 1760-хъ годахъ центръ тяжести политики просвѣщенія явственно перемѣщается въ область низшаго и средняго образованія. Новое педагогическое движеніе, сосредоточиваясь всею

своею силой на проблемѣ воспитанія, ближайшимъ образомъ приводитъ къ коренной реформѣ начальнаго образованія. Меньшимъ, сравнительно, радикализмомъ отмѣчалось преобразовательное движеніе въ области средняго образованія. Это движеніе шло, главнымъ образомъ, въ направленіи постепеннаго совершенствованія старыхъ формъ средняго образованія, и въ этомъ направленіи оно дало наиболѣе прочные практическіе результаты. Вѣкъ просвѣщенія послужилъ также возрожденію и университетовъ. Но въ тѣ десятилѣтія, когда составлялись наши проекты новой учебной системы, общее положеніе университетовъ какъ германскихъ, такъ и французскихъ, еще вызывало значительное недовольство и служило предметомъ сильныхъ нападокъ. Эти нападки не могли остаться неизвѣстными и нашимъ реформаторамъ, въ частности самой императрицѣ Екатеринѣ. У Юсти она могла найти предостереженіе, что университеты въ Германіи, а также и въ другихъ государствахъ, страдаютъ такими недостатками, устранить которые невозможно, «не передѣлавъ вовсе внутренняго нѣмецкихъ училищъ устроенія». Видя главный недостатокъ нѣмецкихъ университетовъ въ чрезмѣрной вольности и распущенности учащихся, Юсти отдавалъ предпочтеніе англійскимъ университетамъ, подвергающимъ студентовъ строгому воспитательному режиму. Въ отношеніи же учебнаго строя университетовъ, по мнѣнію Юсти, каждое государство «можетъ преподаваніе всякихъ знаній соображать больше съ особенными своими обстоятельствами и намѣреніями». Тотъ же взглядъ на основной недостатокъ нѣмецкихъ университетовъ и на предпочтительность англійскихъ порядковъ устанавливалъ и Билефельдъ. Обрисовавъ общую схему учебнаго строя нѣмецкихъ университетовъ и не дѣлая противъ нея никакихъ возраженій, онъ предлагаетъ, однако, принять за образецъ университеты англійскіе, гдѣ студенты, размѣщенные по общежитіямъ подъ надлежащимъ надзоромъ, лучше дисциплинированы, гдѣ лучше скомбинированы всѣ средства не только научнаго образованія, но также нравственнаго воспитанія и физическаго развитія. Но, беря за образецъ тѣ или иные университеты, государственная власть должна согласовать этотъ образецъ съ мѣстными условіями: господ-

ствующей религіей, государственными учрежденіями, духомъ народа и т. д. Наконецъ, особенно рѣзкую критику вызывали французскіе университеты, и, кажется, наиболѣе яркимъ образцомъ такой критики былъ знаменитый планъ университета для Россіи Дидро, представлявшій уже коренной пересмотръ учебнаго строя отдѣльныхъ факультетовъ. Въ Essai sur les études en Russie Дидро рекомендовалъ германскую университетскую систему, предлагая сдѣлать лишь нѣкоторыя частныя измѣненія въ учебныхъ планахъ отдѣльныхъ факультетовъ [1]).

Критическое отношеніе къ общему положенію университетовъ въ западной Европѣ хорошо усвоено было императрицей Екатериной еще въ 1760-хъ годахъ. Въ письмѣ къ Вольтеру отъ 3 іюля 1769 года она писала: «дурное мнѣніе, которое вы составили себѣ о большей части университетовъ, утверждаетъ меня въ моихъ мысляхъ о нихъ. Всѣ эти учрежденія были основаны во времена весьма мало философскія. Рутина служитъ тамъ правиломъ. Былъ бы трудъ достойный генія и философскаго ума составить преобразованіе, по которому можно было бы устроить школы, имѣющія учреждаться въ будущемъ. Я бы первая послѣдовала доброму примѣру» [2]).

Въ это же самое время, когда высказывалось такое отрицательное сужденіе о существующихъ университетахъ, въ проектахъ новой учебной системы мы отмѣтили стремленіе къ выработкѣ новыхъ типовъ школы, которые должны были совмѣщать въ себѣ задачи средняго и высшаго образованія и подобно университетамъ готовить молодежь къ разнымъ отраслямъ государственной службы. Таковы были два главныхъ обстоятельства, усложнявшихъ въ данное время, въ 1760—1770-хъ годахъ, постановку вопроса о положеніи университетовъ въ общей системѣ народнаго просвѣщенія.

---

[1]) *Юсти*, op. cit., стр. 137, 139—140, 142—144. *Bielfeld*, op. cit., 116—118. *Diderot*, Oeuvres, III, p. 422—428, 434—439. Общая характеристика нѣмецкихъ университетовъ въ XVIII вѣкѣ у *Paulsen*, op. cit., II, S. 124—146.

[2]) „Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ.“, т. X, стр. 349.

Изъ изучаемыхъ нами теперь проектовъ новой учебной системы въ одномъ только проектѣ профессора Дильтея университетскій вопросъ былъ обработанъ равномѣрно съ вопросомъ о низшемъ и среднемъ образованіи. Но за то проектъ Дильтея былъ и наименѣе оригинальнымъ, воспроизводя по существу, традиціонную германскую схему низшаго, средняго и высшаго образованія. Въ послѣдующихъ проектахъ, пытавшихся проложить новые пути низшаго и средняго образованія, постановка университетскаго вопроса встрѣчала уже принципіальное затрудненіе. Въ планѣ государственныхъ гимназій 1765—1766 года высшее образованіе не выдѣлено въ особый циклъ, воплощенный въ самостоятельномъ типѣ школы. Государственныя гимназіи представляютъ, какъ мы видѣли, особый своеобразный типъ, соединяющій черты средней и высшей школы и аналогичный позднѣйшимъ «гимназіямъ высшихъ наукъ» и лицеямъ. Но составители плана 1765—1766 года, совмѣщая въ государственныхъ гимназіяхъ всѣ ступени образованія и усваивая этимъ гимназіямъ функцію высшей школы—готовить своихъ питомцевъ непосредственно къ высшимъ государственнымъ и общественнымъ профессіямъ, допускали существованіе и другихъ высшихъ школъ, университетовъ. Такъ одной изъ задачъ «ученыхъ» гимназій являлось подготовленіе слушателей для университетовъ, а окончившимъ курсъ этихъ «ученыхъ» гимназій предоставлялось также право «быть употребляемыми преимущественно учителями при сихъ школахъ и при прочихъ таковыхъ мѣстахъ, яко то при *государственномъ университетѣ и академіяхъ*, гдѣ надобны ученые люди» [1]). Этимъ краткимъ упоминаніемъ объ университетахъ и академіяхъ составители плана 1765—1766 года и ограничились, оставивъ совершенно невыясненной связь университетовъ и другихъ высшихъ школъ съ системою государственныхъ гимназій.

Неразрѣшеннымъ вопросъ о высшемъ образованіи остался и въ проектахъ частной коммиссіи объ училищахъ. Полученная коммиссіей инструкція предуказывала, что «верховныя

[1]) „Матеріалы“, стр. 135.

училища», то-есть университеты или академіи, учреждаемые «только въ знатныхъ городахъ», должны состоять изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго, при чемъ курсъ послѣдняго обязателенъ для всѣхъ слушателей университета. Въ проектахъ общаго плана учебной реформы, представленныхъ какъ отъ имени всей коммиссіи, такъ, въ частности, отъ Золотницкаго и Клингштета, университетскій вопросъ не вызвалъ разногласій и былъ намѣченъ рядомъ пунктовъ, показывающихъ, что коммиссія готовилась изслѣдовать этотъ вопросъ всесторонне. Въ числѣ матеріаловъ, которыми пользовалась коммиссія, были свѣдѣнія объ иностранныхъ, между прочимъ, англійскихъ университетахъ. Помощь коммиссіи должна была оказать также коллегія профессоровъ Московскаго университета, которая по повелѣнію императрицы представила записку о нуждахъ университета, посвященную, главнымъ образомъ, выясненію матеріальныхъ нуждъ Московскаго университета.

Въ концѣ концовъ, по вопросу о высшемъ, университетскомъ образованіи частная коммиссія объ училищахъ не успѣла сдѣлать ровно ничего. Коснувшись въ разное время мимоходомъ нѣкоторыхъ пунктовъ этого вопроса, она намѣревалась систематически заняться имъ по окончаніи работы надъ проектами низшаго и средняго образованія. Въ дневной запискѣ засѣданія 7 октября 1771 года отмѣчено, что депутаты Хоминскій и Стромиловъ «упражнялись въ разсужденіяхъ, приступая къ сочиненію проекта объ университетахъ»; но это былъ уже послѣдній о нихъ разговоръ; 25 октября коммиссія, повидимому, прекратила свое существованіе, и университетскій вопросъ вновь былъ поставленъ, при иныхъ условіяхъ, только черезъ 15 лѣтъ [1]). Но если бы существованіе коммиссіи продолжилось и она имѣла бы до-

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 145, 147, 154—155, 162—163, 216—217. „Чтенія въ Москов. общ. исторіи и древностей россійскихъ“, 1875 г., II. Дневныя записки училищной коммиссіи, №№ X, LV, LXIX, LXXIV, LXXVI—LXXIX, XCI, CCXXXXIII, CCXXVIII. Проектъ штата Московскаго университета, подписанный Ададуровымъ и составленный, вѣроятно, не позже 1770 г., въ Государ. Архивѣ, XVII, № 41.

статочно времени заняться университетами, то передъ нею необходимо сталъ бы вопросъ о коренномъ пересмотрѣ задачъ университетскаго образованія въ виду того, что проектированныя коммиссіей гимназіи, подобно гимназіямъ по плану 1765—1766 года, должны были давать законченное образованіе и непосредственно готовить къ разнымъ отраслямъ государственной службы. Намекъ на необходимость такого пересмотра задачъ университетскаго образованія можно видѣть въ заключительномъ «примѣчаніи объ университетахъ», которымъ заканчивался большой планъ Золотницкаго. Намѣреваясь изложить въ подробномъ планѣ учебной системы свои собственныя мысли объ учрежденіи университетовъ и ознакомясь съ запиской московскихъ профессоровъ, Золотницкій ограничился краткими замѣчаніями, касавшимися преимущественно разныхъ привилегій, о которыхъ хлопотали профессора. Относительно же учебнаго строя университета Золотницкій высказалъ мнѣніе о необходимости «уменьшить нѣсколько полагаемое число профессоровъ и самые классы въ нѣкоторыхъ факультетахъ сократить, оставляя одинъ только медицинскій факультетъ, а въ другихъ факультетахъ нѣкоторые только во всемъ ихъ пространствѣ». Къ сожалѣнію, это мнѣніе осталось совершенно не мотивированнымъ.

Всѣ проекты, касающіеся какъ общаго университетскаго вопроса, такъ, въ частности, Московскаго университета, въ основу учебной университетской организаціи полагали традиціонную схему четырехъ факультетовъ. Съ точки зрѣнія интересовъ цѣльной системы просвѣщенія представляла особенную важность организація философскаго факультета, такъ какъ онъ являлся центральнымъ звеномъ всей системы, связывая общее и спеціальное образованіе. Такъ именно ставили философскій факультетъ и всѣ наши проекты съ однимъ существеннымъ, какъ сейчасъ увидимъ, дополненіемъ.

Обширный кругъ предметовъ, входившій въ составъ философскаго факультета, разбивался на три главныя группы: 1) науки философскія, 2) математика и физика, 3) исторія и филологія. Въ соотношеніи этихъ группъ наши проекты явственно воспроизводили тѣ главныя черты, которыми ха-

рактеризуется положеніе философскаго факультета въ германскихъ университетахъ средины XVIII вѣка: съ одной стороны, преобладаніе философіи, какъ руководительницы (fackeltragende Führerin) всего университетскаго образованія, и реальныхъ наукъ, особенно математики и физики, съ другой— упадокъ значенія древнихъ языковъ, преподаваніе которыхъ оживлено было только трудами предшественниковъ новогуманизма (въ Гёттингенѣ и Галле) [1]). Наши проекты также въ основаніе курса философскаго факультета полагаютъ полный кругъ философскихъ дисциплинъ. По проекту Дильтея курсъ философіи обнималъ: исторію литтеральную философіи, діалектику и логику, «купно съ метафизикой, которая онтологію, науку первыхъ справедливостей, космологію, психологію и богословію натуральную въ себѣ содержитъ». Записка московскихъ профессоровъ и проектъ новаго штата Московскаго университета, подписанный кураторомъ Ададуровымъ, дѣлили философію на теоретическую и практическую: логику, метафизику и нравоученіе. За философіей наиболѣе широкую постановку получали реальныя науки: математика (ариѳметика геометрія, тригонометрія, алгебра, прикладная математика, математическая географія) и физика, теоретическая и экспериментальная, механика, статика, гидростатика, аэрометрія, пирометрія, оптика, катоптрика, діоптрика, перспектива, наконецъ, гражданская и военная архитектура, артиллерія. Затѣмъ слѣдовали исторія, универсальная и партикулярная иностранныхъ государствъ и Россіи, нумизматика, геральдика, древности и словесныя науки (элоквенція, поэзія, реторика). Изъ древнихъ языковъ въ составъ предметовъ философскаго факультета вводился одинъ только греческій, преподаваемый притомъ не профессоромъ, а лекторомъ наравнѣ съ новыми языками. Такимъ образомъ центръ тяжести преподаванія древнихъ языковъ оставался въ гимназіи, именно, въ старшемъ ректорскомъ классѣ.

Существенной новостью, особенно характерной для изучаемаго времени, было введеніе нашими проектами въ составъ философскаго факультета «камеральныхъ» наукъ. Какъ особый

---

[1]) *Paulsen*, ср. cit., II, 142—144.

предметъ университетскаго преподаванія онѣ появляются на западѣ сначала въ шведскихъ университетахъ, въ Ринтелнѣ (1730 г.) и Упсалѣ (1741 г.). Затѣмъ особыя профессуры камералистики учреждаются въ нѣмецкихъ и англійскихъ университетахъ и другихъ высшихъ общеобразовательныхъ училищахъ: Лейпцигѣ (1742 г.), брауншвейгскомъ Каролинумѣ (1745 г.), Оксфордѣ (1751 г.), вѣнскомъ Терезіанумѣ (1752 г.), Гёттингенѣ (1761 г.), Іенѣ (1770 г.). Съ конца 1770-хъ годовъ преподаваніе камеральныхъ наукъ уже настолько расширяется, что появляются особые камеральные факультеты, наприм. въ Гиссенѣ, Штутгартѣ, Майнцѣ [1]).

Изъ нашихъ проектовъ это важное новшество, въ которомъ выражалось общее подчиненіе университетскаго образованія государственнымъ интересамъ, впервые усваиваетъ проектъ московскихъ профессоровъ. По этому проекту въ составъ философскаго факультета входятъ уже не только тѣ науки, которыя, «очищая и просвѣщая человѣческій разумъ», готовятъ къ высшимъ факультетамъ, но и такія, которыя «въ ежедневныхъ нашихъ потребностяхъ на очевиднѣйшее дѣйствіе и въ государствѣ много добра произвести могутъ». «Здѣсь должно показывать основанія камерныхъ, коммерческихъ, полицейскихъ, горныхъ и мануфактурныхъ дѣлъ, и студентовъ теоретически и практически руководствовать, какимъ образомъ они, отчасти по примѣру другихъ народовъ, отчасти же по внутреннему состоянію ихъ очечества, силы государства сохранять, умножать и оными пользоваться, а чрезъ искусное упражненіе въ камерныхъ, коммерческихъ, полицейскихъ, горныхъ и мануфактурныхъ дѣлахъ, богатство по всѣмъ состояніямъ государства распространять должны». Группу камеральныхъ наукъ въ такомъ же широкомъ объемѣ (экономія приватная и публичная и камерная наука, исторія о животныхъ, горныя дѣла, минералогія и химія металлургическая, пробирная наука) вводилъ въ составъ курса философскаго факультета также проектъ Ададурова.

---

[1]) *E. Baumstarck*, Kameralistische Encyclopädie (Heidelb. und Leipzig. 1835), s. 34—36. *L. Stein*, Die Verwaltungslehre, V Theil (Stutt. 1868). S. 267.

Для наглядnаго представленія, въ чемъ долженъ былъ выразиться прогрессъ философскаго факультета, приводимъ сравнительную таблицу числа профессуръ и распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ группамъ предметовъ въ первоначальномъ проектѣ Московскаго университета 12 января 1755 года, проектахъ Дильтея, московскихъ профессоровъ и куратора Ададурова.

Науки.	Число профессуръ. Проектъ 12 января 1755 года.	Проектъ Дильтея.	Проектъ Москов. профессоровъ.	Проектъ Ададурова.
1) Философія . . .	1	2	2 орд. 1 э.-орд.	1 орд. 1 э.-орд.
2) Математика и физика	1	3	1 орд. 1 э.-орд.	2 орд.
3) Исторія	1	2	1 орд. 1 э.-орд.	1 »
4) Словесныя науки .	1	1	1 орд.	1 »
5) Камеральныя науки.	—	—	1 »	1 »

Такова была одна сторона вопроса—опредѣленіе состава курсовъ философскаго факультета, соотвѣтственно назначенію послѣдняго. Другая, еще болѣе важная въ условіяхъ даннаго времени, сторона того же вопроса заключалась въ установленіи извѣстнаго порядка прохожденія философскаго курса учащимися. Нѣсколько неожиданно, на первый взглядъ, мы узнаемъ изъ разсмотрѣнныхъ выше отчетовъ о Московскомъ университетѣ за 1766—1768 годы, что философскаго факультета, въ смыслѣ группы учащихся, подчиненныхъ нѣкоторому общему учебному плану, еще и не существовало. Съ цѣлью организовать философскій факультетъ по примѣру другихъ европейскихъ университетовъ, съ обязательнымъ двухгодичнымъ курсомъ, выдѣлялись особыя группы учениковъ старшаго класса гимназіи, которыя должны были послужить кадрами этого факультета.

Тѣ-же отчеты о занятіяхъ московскихъ студентовъ въ 1766—1768 годахъ открываютъ намъ и главную причину,

почему въ это время философскій факультетъ не существовалъ «особо». Такой причиной была свобода выбора учащимися тѣхъ или другихъ предметовъ и торопливость, съ какой проходили высшее образованіе большинство учащихся, особенно изъ дворянъ, стремившихся къ службѣ. Какъ показываютъ перечни группъ предметовъ, изучавшихся отдѣльными студентами, подборъ предметовъ философскаго факультета въ этихъ группахъ и сочетаніе ихъ съ предметами высшихъ спеціальныхъ факультетовъ носилъ характеръ совершеннаго произвола и не имѣлъ той цѣлостности общаго философскаго образованія, служащаго основаніемъ спеціальному, какой требовала самая идея философскаго факультета [1]). Такимъ образомъ, отсутствіе извѣстнаго обязательнаго порядка прохожденія философскаго факультета, связаннаго съ выборомъ послѣдующихъ спеціальныхъ занятій, являлось самымъ больнымъ мѣстомъ всей собственно учебной организаціи университета въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь.

Ближайшимъ образомъ этого вопроса коснулись проектъ Дильтея и коллективная записка московскихъ профессоровъ. Полученная частной коммиссіей объ училищахъ отъ Дирекціонной коммиссіи инструкція давала лишь принципіальное указаніе, что поступающіе въ университетъ ученики гимназій и семинарій «избираютъ по своему желанію которую нибудь науку изъ выше означенныхъ факультетовъ для предбудущаго себѣ всегдашняго упражненія; одна только философія требуетъ изъятія въ семъ случаѣ, ибо оную каждому, въ университетѣ находящемуся, слѣдуетъ прослушать» [2]).

Дильтей, распредѣляя весь курсъ философскаго факультета на два года, дѣлалъ его, повидимому, обязательнымъ въ полномъ объемѣ для всѣхъ учащихся. Получивъ по успѣшномъ окончаніи перваго курса философскаго факультета степень баккалавра, а по окончаніи второго степень магистра, студентъ избираетъ затѣмъ одинъ изъ спеціальныхъ факульте-

---

[1]) См. выше, стр. 241—248. *Шевыревъ*, op. cit., стр. 165—166.
[2]) „Матеріалы“, стр. 145.

товъ или, не желая новаго труда на себя принять, предпочитаетъ «при философіи остаться». Кто намѣревается вступить на педагогическое или профессорское поприще по предметамъ философскаго факультета, тотъ обязанъ повторить курсъ этого факультета и публично защитить диссертацію [1]).

Глубже освѣщала данный вопросъ коллективная записка московскихъ профессоровъ, очевидно, хорошо оцѣнивавшихъ значеніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя мѣшали наладить на правильный путь философскій факультетъ, основу всего университетскаго образованія. «Хотя каждому, читаемъ въ этой запискѣ, оставляется на волю учиться тому, къ чему его внутреннее званіе и склонность влечетъ, но, однако жъ, молодой человѣкъ, который въ избраніи своемъ легко обмануться можетъ, долженъ слушать добраго совѣта, который ему при первомъ освидѣтельствованіи его знаній и данъ быть имѣетъ со всякимъ чистосердечіемъ. Въ семъ случаѣ имѣютъ особливо деканы факультетовъ смотрѣть, чтобъ молодые люди, при самомъ началѣ академическихъ своихъ ученій, не производили оныхъ превратнымъ образомъ и не продолжали бъ безпорядочно, или лекціями чрезъ мѣру отягощены не были бъ; чего ради, по способности каждаго и знанію, имѣютъ назначены быть его лекціи и часы, что и для всѣхъ вообще каждый годъ однажды дѣлать должно».

Но требуя, чтобы никто не допускался въ высшіе факультеты, «ежели онъ въ философскомъ факультетѣ надлежаще и съ пользою къ тому себя не предуготовитъ», авторы записки находили нужнымъ, чтобы уже со второго года философскаго курса студентъ, «по обстоятельномъ испытаніи самого себя, назначалъ къ одному изъ высшихъ факультетовъ, дабы ему въ предложеніи (продолженіи?) философскомъ его курса къ дальнѣйшимъ его коллегіямъ или лекціямъ потребное наставленіе подать можно было». Опредѣливъ себя такъ рано къ извѣстному факультету, студентъ уже не имѣетъ права измѣнить свое рѣшеніе и перейти на другой факультетъ свое-

---

[1]) Ibidem, стр. 32—34.

вольно безъ важной причины и безъ дозволенія конференціи, «отъ котораго легкомыслія и перемѣны никакой основательности никогда ожидать не можно». При такихъ условіяхъ студентъ долженъ пробыть на философскомъ факультетѣ три, а на одномъ изъ высшихъ факультетовъ четыре года. Кто пожелаетъ спеціализироваться на камеральныхъ наукахъ, «дабы чрезъ то полезными быть себѣ и государству», тотъ можетъ остаться на философскомъ факультетѣ и свыше трехъ лѣтъ, смотря по надобности. Затѣмъ никому не можетъ быть дозволено, а особенно казеннымъ студентамъ, раньше назначенныхъ въ его факультетѣ лѣтъ оставлять свое ученіе и искать государственной службы.

Этимъ запрещеніемъ парализовалось дѣйствіе и другой, внѣшней причины, иногда грубо нарушавшей цѣльность и послѣдовательность университетскаго образованія, именно насильственной вербовки студентовъ въ разныя спеціальныя службы и должности. «Если жъ коллегіямъ, пишутъ по этому поводу профессора, надобны будутъ люди изъ университета, то оный по учиненному требованію стараться будетъ услужить имъ въ томъ по возможности». Наконецъ, той же цѣли, удержанію студентовъ въ университетѣ до полнаго и планомѣрнаго окончанія курса, должны были служить различныя поощрительныя мѣры: установленіе на всѣхъ факультетахъ многочисленныхъ казенныхъ стипендій, награжденіе медалями и особенно распространеніе силы указа 1758 года о дарованіи окончившимъ курсъ университета дворянамъ ранговъ офицерскихъ на всѣхъ вообще студентовъ, чтобы, по примѣру чужестранныхъ университетовъ, всѣ студенты науками сравнены были.

Факультетъ юридическій по всѣмъ проектамъ, кромѣ плана Дидро, оставался при томъ же числѣ трехъ ординарныхъ профессоровъ, положенныхъ по штату 1755 года, къ которымъ проекты московскихъ профессоровъ и Ададурова прибавляли еще по одной экстраординатурѣ [1]). Распредѣленіе курсовъ на

---

[1]) Проектъ Ададурова для юридическаго и медицинскаго факультетовъ не давалъ распредѣленія предметовъ по каѳедрамъ.

юридическомъ факультетѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Проектъ 1775 г.	*Проектъ Дильтея.*	*Проектъ Московскихъ профессоровъ.*	*Планъ Дидро.*
1) Юриспруденція общая.	1) Право естеств. и народное; право римское съ его исторіей.	1) Право россійское.	1) Право естественное.
2) Юриспруденція Россійская.	2) Право россійское (вексельный уставъ, артикулы и уложеніе).	2) Чужестранныя приватныя права.	2) Исторія законодательства.
3) Политика.	3) Право каноническое, особенно грекороссійской церкви, право общее всѣхъ въ Европѣ владѣющихъ государей, особенно же право общее россійское, право посольства и право союзовъ.	3) Право публичное и статистика.	3) Право народное (droit des gens).
			4) Законодательство Юстиніана.
			5) Право гражданское національное (2 профессора).
			6) Право церковное общее и мѣстное.
			7) Процессъ гражданскій и уголовный.

Какъ разъ въ тѣ годы, къ которымъ относятся перечисленные проекты, именно въ 1760—1770-хъ годахъ, въ положеніи юридическаго образованія должна была произойти существенная перемѣна. Слѣдуетъ вспомнить, что манифестомъ 15 декабря 1763 года была отмѣнена система подготовки гражданскихъ чиновниковъ при Сенатѣ и коллегіяхъ, и повелѣно было «завести классы юриспруденціи» въ Кадетскомъ корпусѣ и Московскомъ университетѣ. Между тѣмъ въ послѣднемъ весь юридическій факультетъ былъ представленъ однимъ профессоромъ Дильтеемъ, ограничивавшимъ свои чтенія курсами права естественнаго, римскаго, гражданскаго и государственнаго Римской имперіи. Въ 1765 году въ числѣ обвиненій, повлекшихъ временное удаленіе Дильтея отъ службы, значилось неисполненіе указа о заведеніи въ университетѣ преподаванія юриспруденціи россійской. Отвѣчая на это обвиненіе, Дильтей развилъ цѣлую программу юридическаго образованія примѣнительно къ требованію закона 1763 года. Приводимъ эту программу по изложенію Шевырева. Дильтей объяснялъ, что для введенія надлежащаго преподаванія рус-

ской юриспруденціи необходимо прежде положить основанія, которыя должны состоять въ правѣ естественномъ и въ правѣ римскомъ; что законы русскіе слѣдуетъ расположить въ порядкѣ главъ и заглавій, согласно съ ихъ содержаніемъ, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ преподаваніе, что для послѣдней цѣли нужны профессора русскіе, которые излагали бы науку на родномъ языкѣ. Въ заключеніе Дильтей требовалъ себѣ достаточнаго числа студентовъ и пяти лѣтъ срока, въ теченіе котораго обязывался пройти съ ними право естественное и народное, институты права римскаго, право уголовное и вексельное, право русское, публичное съ интересами государей и обѣщалъ читать всѣ права съ примѣненіемъ къ русскому законодательству. Приглашеннаго въ 1764 году профессора Лангера кураторъ Ададуровъ особенно торопилъ начать занятія русской юриспруденціей, но Лангеръ не зналъ русскаго языка и не имѣлъ подготовленнаго матеріала для изученія русскаго законодательства; въ 1765 году онъ требовалъ для своихъ лекцій «экземпляра россійскихъ указовъ». Таковъ былъ въ данное время самый трудный вопросъ организаціи юридическаго факультета въ русскомъ университетѣ [1]). Что новаго могли прибавить къ разрѣшенію этого вопроса наши проекты?

Профессоръ Дильтей, говоря о распредѣленіи курсовъ юридическаго факультета между тремя профессорами, замѣтилъ: «всѣмъ профессорамъ должно будетъ право россійское въ форму и систему производить, что дабы съ пользою быть могло, то всѣ законы россійскіе профессорамъ обучающимъ сообщаться должны». Далѣе Дильтей отмѣчалъ лишь общую государственную пользу, какая должна послѣдовать отъ предлагаемаго имъ плана юридическаго факультета: «есть ли ученіе юридическое такимъ, какъ сказано, образомъ въ университетахъ преподаваться будетъ, то августѣйшей императрицы и государыни всероссійской Екатерины II преизрядному намѣренію соотвѣтствовано будетъ, которая для отправленія судебныхъ дѣлъ людей въ правѣ общемъ, а особливо въ рос-

---

[1]) *Шевыревъ*, op. cit., стр. 36, 90, 129, 131—132.

сійскомъ, всемилостивѣйше имѣть желаетъ, а при томъ профессоры правъ изъ природныхъ здѣшнихъ россіянъ произойдутъ искусные» [1]).

Въ числѣ профессоровъ, составившихъ въ 1765 году записку о нуждахъ Московскаго университета, былъ только одинъ юристъ, профессоръ Лангеръ, въ вопросѣ о преподаваніи россійской юриспруденціи находившійся, кажется, въ еще болѣе безпомощномъ положеніи, чѣмъ профессоръ Дильтей. Поэтому и помянутая записка лишь отмѣтила первенствующее мѣсто на юридическомъ факультетѣ россійскихъ правъ и государственную пользу отъ юридическихъ наукъ, но также не указала дѣйствительныхъ средствъ къ реформѣ юридическаго образованія соотвѣтственно требованію манифеста 1763 года [2]).

Первое препятствіе къ достиженію указанной этимъ манифестомъ цѣли, именно незнаніе профессорами, на которыхъ возлагалось обученіе россійской юриспруденціи, русскаго языка, устранено было только съ появленіемъ на университетской каѳедрѣ учениковъ Дильтея, Десницкаго и Третьякова, вернувшихся въ 1767 году изъ заграничной командировки. Съ началомъ ихъ профессорской дѣятельности вступило въ силу и общее повелѣніе, объявленное куратору Ададурову о чтеніи лекцій въ университетѣ, а особливо по юриспруденціи, на русскомъ языкѣ. Въ январѣ 1768 года университетъ публиковалъ уже во всеобщее свѣдѣніе, что начались лекціи во всѣхъ трехъ факультетахъ природными россіянами на россійскомъ языкѣ.

Между тѣмъ оставалось въ полной силѣ другое препятствіе къ надлежащей постановкѣ русской юриспруденціи на юридическомъ факультетѣ, полная неподготовленность для научной разработки исторически накопившагося матеріала. Уже Дильтей указывалъ, что профессорамъ юриспруденціи приходится «право россійское въ систему и форму приводить». Но

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 37.

[2]) „Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древн. рос.“, 1875 г., кн. II, стр. 190.

особенно обстоятельно разъяснилъ этотъ вопросъ Десницкій. Въ самомъ началѣ своей профессорской дѣятельности, въ торжественной рѣчи 30 іюня 1768 года онъ изложилъ основанія, на какихъ должно было, по его мнѣнію, производиться преподаваніе отечественной юриспруденціи въ связи съ нравоучительной философіей, натуральнымъ и римскимъ правомъ. Черезъ 10 лѣтъ ему пришлось съ большой горечью и рѣзкостью констатировать тщету усилій единичныхъ лицъ разрѣшить основной вопросъ организаціи юридическаго образованія въ Россіи. «По какимъ препятствіямъ, говорилъ онъ въ рѣчи 22 апрѣля 1778 года, столь полезное заведеніе (преподаваніе россійской юриспруденціи) при семъ высокопокровительствуемомъ училищѣ (Московскомъ университетѣ) укоснѣло? И отъ какихъ причинъ ученіе россійскихъ правъ повсемѣстно сдѣлалось въ нашемъ отечествѣ необыкновеннымъ и неупотребительнымъ? На все сіе можно бы отвѣчать весьма кратко, и можно бы все рѣшить тѣмъ, что за единымъ неимѣніемъ собраннаго изложенія всѣхъ правъ россійскихъ никто не можетъ имѣть и приступа къ такой наукѣ, которая какъ древность, такъ и новость, вся лежитъ разсыпана по разнымъ приказнымъ мѣстамъ, въ запертыхъ и неприступныхъ ученымъ архивахъ и хранилищахъ». Заканчивалъ свою рѣчь Десницкій начертаніемъ общихъ правилъ, которымъ должно слѣдовать преподаваніе русской юриспруденціи, распредѣляемое между двумя профессорами: теоретическаго законоученія и практическаго законоискуства [1]).

Не будемъ подробно останавливаться на предположеніяхъ нашихъ проектовъ относительно медицинскаго факультета, такъ какъ эти предположенія не возбуждали никакихъ принципіальныхъ вопросовъ. Всѣ проекты, кромѣ проекта Дидро, сохра-

---

[1]) Въ помощь послѣднему профессору долженъ быть адъюнктъ изъ секретарей, знающихъ практически судопроизводство и законы россійскіе. „Рѣчи, произнес. въ торжеств. собраніяхъ Императ. Москов. Университета русскими профессорами онаго". Ч. I, стр. 213—282; ч. II, стр. 338—366. О первыхъ курсахъ Десницкаго и Третьякова см. *Шевыревъ*, стр. 137 — 141. *Bacmeister*, Russische Bibliothek О юриспруденціи въ Московскомъ университетѣ въ XVIII в. *Н. М. Коркуновъ*, Исторія философіи права, изд. 4-е (СПБ. 1908), стр. 242—264.

няли на медицинскомъ факультетѣ то же число каѳедръ — три, какое предусмотрѣно было первымъ уставомъ Московскаго университета 1755 года. Дидро доводилъ число каѳедръ до семи. Распредѣленіе предметовъ преподаванія между отдѣльными каоедрами представлялось по всѣмъ проектамъ въ такомъ видѣ:

Проектъ 1755 г.	*Проектъ Дильтея.*	*Проектъ Московск. профессоровъ.*	*Проектъ Дидро.*
1) Химія.	1) Анатомія и хирургія.	1) Практическая медицина и химія.	1) Анатомія.
2) Натуральная исторія.	2) Химія и матерія медицинская.	2) Анатомія и хирургія.	2 и 3) Institutions de médecine: физіологія, гигіена, патологія, филактика, общая терапевтика.
3) Анатомія и медицинская практика.	3) Ботаника и фармацевтика.	3) Теоретическая медицина и ботаника.	4) 2 профессора хирургіи.
			5) Матерія медицинская и фармація.
			6 — 7) Практическая медицина (2 профессора).

Дильтей назначалъ на прохожденіе медицинскаго факультета три года, записка московскихъ профессоровъ — четыре и планъ Дидро семь лѣтъ. Такую продолжительность медицинскаго курса онъ объяснялъ не только спеціальной причиной, чрезвычайной обширностью медицинскихъ наукъ, но и общимъ государственнымъ интересомъ: «la santé publique est peut être le plus important de tour les objets. Si les hommes sont pauvres, le souverain ne protege que des malheureux. S'ils sont valétudinaires, il ne garde que des malades... Un demi médecin est pire qu'un demi savant. Celui-ci importune quelque fois, l'autre tue» [1]).

Чрезвычайной новостью въ постановкѣ университетскаго вопроса было бы введеніе въ составъ университета четвертаго, богословскаго факультета, предположенное проектами Дильтея, московскихъ профессоровъ и Дидро. Но всѣ эти проекты могли, конечно, дать только частный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о богословскомъ факультетѣ, если бы такой во-

[1]) Oeuvres, III, 497, 504.

просъ былъ выдвинутъ на практическую почву. Въ условіяхъ изучаемаго нами сейчасъ времени этотъ вопросъ дѣйствительно авторитетно могъ быть поставленъ или Законодательной коммиссіей, обязанной создать полную систему народнаго просвѣщенія, или Духовной коммиссіей, разрабатывавшей систему духовнаго образованія. Инструкція Дирекціонной коммиссіи, объясняя, что университетами называются верховныя училища, состоящіе изъ четырехъ факультетовъ, не оговаривалась, что богословскій факультетъ не долженъ входить въ составъ русскихъ университетовъ. Въ общихъ планахъ учебной системы, составленныхъ частной училищной коммиссіей, въ отдѣлѣ о верховныхъ училищахъ, этотъ вопросъ также не затрагивался, кромѣ плана Клингштета, упоминавшаго о полномъ, четырехфакультетскомъ составѣ университетовъ. Вопросъ о богословскомъ факультетѣ, или вообще о высшемъ духовномъ образованіи, остался не затронутымъ и тогда, когда училищная коммиссія приняла проектъ государственныхъ гимназій, которыя должны были, между прочимъ, готовить и къ духовной службѣ. Золотницкій даже подчеркнулъ право оканчивающихъ государственныя гимназіи на заняте «знатнѣйшихъ приходскихъ мѣстъ» и «высшихъ бѣлаго духовенства степеней» [1]).

Прежде чѣмъ частная коммиссія объ училищахъ успѣла коснуться вообще университетовъ, вопросъ о высшемъ духовномъ образованіи былъ опредѣленно и обстоятельно разработанъ Духовной коммиссіей. Ниже мы подробно разсмотримъ проектированныя ею духовныя школы, какъ отрасль общей системы профессіональнаго образованія, теперь же остановимся на вопросѣ о богословскомъ факультетѣ въ составѣ университетовъ. Духовная коммиссія обернула этотъ вопросъ иначе, въ направленіи той традиціи высшей духовной школы, по которой послѣдняя сама претендовала на роль университета. По проекту учрежденія и устава духовныхъ училищъ 1766 года, составленному спеціальной коммиссіей (епископы Гавріилъ и Иннокентій, іеромонахъ Платонъ) Московская академія переименовывалась въ духовный университетъ, гдѣ

[1]) „Матеріалы“, стр. 145, 162, 211.

«всѣмъ, до просвѣщенія духовнаго человѣка надлежащимъ, наукамъ обучаемо будетъ». Курсъ этого духовнаго факультета, какъ увидимъ ниже, могъ бы быть приравненъ курсу философскаго факультета университета, дополненному богословскими предметами.

Проектъ духовно-учебной реформы 1766 года, вмѣстѣ съ другими проектами этого времени, былъ отложенъ въ долгій ящикъ, и только въ 1773 году Духовная коммиссія вернулась къ вопросу о высшемъ духовномъ образованіи. Въ этомъ году, послѣ экзамена возвратившихся изъ Геттингена студентовъ, Духовная коммиссія, въ составѣ архіепископовъ Гавріила и Иннокентія и тайныхъ совѣтниковъ Теплова и Чебышева, представила императрицѣ свое мнѣніе объ учрежденіи въ Москвѣ, по примѣру западныхъ университетовъ, богословскаго факультета съ особой, подготовительной къ нему гимназіей, въ которой преподавались бы: физика, математика, нравственная философія, древности, естественная исторія и языки: еврейскій, греческій, французскій и нѣмецкій. Но было ли это мнѣніе отказомъ отъ прежняго проекта о духовномъ университѣ? Въ заключеніи новаго мнѣнія коммиссіи читаемъ: «такъ какъ въ Спасскомъ монастырѣ академія заведена была еще при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, въ 1682 году, то для сохраненія сего древняго учрежденія можно бы и богословскій факультетъ причислить къ ней же, такъ чтобы оба эти училища, учрежденныя для духовенства, назывались одною академіею». Такимъ образомъ, конецъ этого предварительнаго мнѣнія Духовной коммиссіи о богословскомъ факультетѣ не сходился съ началомъ. Не академія, какъ можно было ожидать, превращалась въ богословскій факультетъ, а факультетъ отдѣлялся отъ университета и соединялся съ академіей. Приготовительная же при факультетѣ гимназія представляла полную аналогію большимъ семинаріямъ по проеку 1766 года.

Двусмысленность представленнаго Духовной коммиссіей мнѣнія о богословскомъ факультетѣ скоро разрѣшилась отождествленіемъ факультета съ Московской академіей. Непосред-

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 270, 279.

ственнымъ отвѣтомъ на мнѣніе коммиссіи было повелѣніе 15 ноября 1773 года составить проектъ, «на какомъ основаніи и съ какимъ порядкомъ можетъ быть учрежденъ въ Москвѣ богословскій факультетъ». Но это повелѣніе въ 1775 году закрыто было другимъ—о составленіи новаго устава и штата Московской академіи. Послѣдовавшее въ томъ же году назначеніе директоромъ и полномочнымъ протекторомъ академіи архіепископа Платона, который, по словамъ историка академіи, былъ для нея тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіевской академіи Петръ Могила, сдѣлало еще менѣе возможнымъ пожертвованіе интересами академіи отдѣльному отъ нея богословскому факультету. Составленный Синодомъ въ 1777 году проектъ преобразованія Московской академіи снова возвращался, какъ увидимъ ниже, къ идеѣ духовнаго университета по плану 1766 года. Такъ закончилась исторія вопроса о богословскомъ факультетѣ [1]).

Итакъ, проекты общей учебной реформы 1760—1770-хъ годовъ, широко и смѣло ставившіе вопросы низшаго и средняго образованія, оставили очень блѣдный слѣдъ въ области вопроса университетскаго. Только въ планахъ профессора Дильтея и Дидро этотъ вопросъ органически связывался съ полной системой народнаго просвѣщенія. Проектъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года и проекты, разработанные въ частной коммиссіи объ училищахъ, исчерпывали новую систему просвѣщенія такъ, что въ сущности оставляли университеты внѣ этой системы. Планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года, дававшій очень стройную и сложную систему общаго и профессіональнаго образованія, совсѣмъ не коснулся университетовъ; частная же коммиссія объ училищахъ прекратила свою работу раньше, чѣмъ успѣла дойти до университетовъ и опредѣлить ихъ отношеніе къ тому оригинальному типу государственныхъ гимназій, который, подобно гимназіямъ по проекту 1765—1766 года, предвосхищалъ

---

[1]) *Х.* (Забѣлинъ?), Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II, „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., ноябрь, стр. 313—315. *Чистовичъ*, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, стр. 65—67. *Смирновъ*, Исторія Москов. Слав.-Греко-Лат. Академіи, стр. 255 и слѣд.

главную для того времени задачу университетовъ—готовить къ разнымъ отраслямъ гражданской службы. Недостаточность разработки вопроса объ университетскомъ образованіи, какъ вѣнцѣ всей новой системы просвѣщенія, являлась, повидимому, одной изъ причинъ, задерживавшихъ рѣшеніе правительства взяться за практическое осуществленіе этой системы. По крайней мѣрѣ, изъ писемъ императрицы къ Гримму мы знаемъ, что ее смущалъ не столько недостатокъ матеріаловъ для учебной реформы, сколько разнообразіе и разрозненность этого матеріала. Главное затрудненіе представлялъ для Екатерины вопросъ о взаимной связи отдѣльныхъ ступеней образованія, именно о зависимости низшихъ и среднихъ школъ отъ высшихъ, университетовъ.

IV.

Всю исторію нашей политики просвѣщенія за XVIII вѣкъ можно раздѣлить, съ извѣстной точки зрѣнія, на два большихъ періода: въ первую половину этого столѣтія преобладаютъ задачи профессіональнаго, во вторую половину—задачи общаго образованія. Но когда съ 1760-хъ годовъ вся политика просвѣщенія сосредоточилась на задачѣ построенія полной системы общаго образованія, имѣющей цѣлью созданіе просвѣщеннаго человѣка и гражданина, потребность въ развитіи профессіональнаго образованія, заинтересованность въ послѣднемъ правительства и общества, конечно, не могла исчезнуть. Государство не менѣе, чѣмъ раньше, нуждалось въ спеціалистахъ по разнымъ отраслямъ службы. Общество второй половины XVIII вѣка также не могло удовлетвориться отвлеченнымъ педагогическимъ идеаломъ совершеннаго человѣка и гражданина и искало въ школѣ практически полезныхъ плодовъ образованія, получить которые можно было посредствомъ сочетанія элементовъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ.

Та же западная педагогія, которая помогла нашей политикѣ просвѣщенія выйти изъ узкихъ сословно-профессіональныхъ рамокъ, не противополагала задачъ общаго и профес-

сіональнаго образованія, какъ взаимно исключающихъ, но стремилась къ гармоничному соединенію тѣхъ и другихъ. Основной принципъ, на которомъ должно зиждиться это соединеніе, очень ясно выразилъ Дюкло въ «Considérations sur les moeurs de ce siècle»: «l'éducation devrait être générale, uniforme, et préparer l'instruction qui doit être différente, suivant l'état, l'inclination et les dispositions de ceux qu'on veut instruire» [1]). Что разнообразіе спеціальныхъ отраслей образованія, готовящихъ къ разнымъ родамъ практической дѣятельности, должно опираться на нѣкоторый единый общеобразовательный фундаментъ, обнаруживалось уже въ исторіи нашихъ профессіональныхъ школъ первой половины XVIII вѣка. Теперь, во вторую половину вѣка, этотъ вопросъ о соотношеніи общаго и профессіональнаго образованія, естественно, долженъ былъ получить наиболѣе полное освѣщеніе и подробную разработку. Разсмотримъ его въ порядкѣ тѣхъ отраслей профессіональнаго образованія, которыя сложились въ предшествующую эпоху.

1. Вопросъ о реформѣ духовнаго образованія былъ возбужденъ инструкціей, данной Коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, т. е. почти одновременно съ пересмотромъ общей учебной системы на началахъ новой педагогіи. Полученная Коммиссіей о церковныхъ имѣніяхъ (будемъ ее называть въ дальнѣйшемъ кратко Духовной) ставила цѣлью духовно-учебной реформы подготовку духовенства къ широкой пастырской дѣятельности и намѣчала главные типы духовныхъ школъ. Первоначальная записка Г. Н. Теплова, перечислявшая вопросы, на которыхъ ближайшимъ образомъ должна была сосредоточиться коммиссія, между прочимъ, ставила вопросъ: «какимъ образомъ соединить доброе обученіе съ прямымъ воспитаніемъ въ нравахъ и обхожденіи дѣтей обучающихся?» [2]). Вопросъ о воспитаніи какъ разъ въ данный моментъ пола-

---

[1]) *Delvaille*, op. cit., p. 97. Сочиненіе Дюкло въ 1780 г. было „взято къ переводу переводческой коммиссіей Академіи Наукъ. *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Академіи, в. 1-й, стр. 352. Также *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Бецкой и т. д., стр. 61.

[2]) „Матеріалы“, стр. 258.

гался во главу общаго пересмотра учебной системы, и, такимъ образомъ, опредѣлялся пунктъ, въ которомъ объединялись системы свѣтскаго и духовнаго образованія.

Сама коммиссія, приступивъ въ срединѣ сентября 1764 года къ разсужденіямъ о духовныхъ школахъ, прежде всего, измѣнила намѣченную инструкціей 1762 года схему, признавъ ненужными малыя епархіальныя гимназіи «для обученія русскаго и самыхъ первыхъ основаній латинскаго языка» и вмѣнивъ въ обязанность семьѣ элементарную подготовку къ духовной школѣ — семинаріи: «чтобъ всѣ имѣющіе быть въ означенныхъ семинаріяхъ ученики прежде десятилѣтняго своего возраста при отцахъ и родственникахъ своихъ русской грамотѣ, то есть читать и писать, обучены были подъ непремѣннымъ полагаемаго въ регламентѣ семинарскомъ на отцовъ и родственниковъ ихъ штрафа исполненіемъ». Тѣ дѣти духовенства, которые къ 10 годамъ грамотѣ не выучатся, не могутъ быть ни принимаемы въ семинаріи, ни опредѣляемы въ священные и церковные чины; такихъ надлежитъ «по возрастѣ въ военную службу отдавать» [1]).

Самыя духовныя школы коммиссія полагала раздѣлить на два рода: большія и малыя семинаріи, при чемъ послѣднія дѣлились еще на два класса, различіе которыхъ точно не указано. Весь кругъ наукъ, входящихъ въ систему духовнаго образованія, дѣлился также на три, въ восходящемъ порядкѣ расположенныхъ, класса. Курсъ перваго класса составляютъ: латинскій языкъ—чтеніе, письмо и грамматика до просодіи; второго класса: стихотворство, реторика, географія, ариѳметика, геометрія, исторія универсальная, греческій и французскій языки; третьяго: весь курсъ философіи, богословіе, исторія церковная и практика проповѣдничества; ученики послѣдняго класса именуются студентами. Таковъ полный кругъ духовнаго образованія, совершаемый только въ большихъ семинаріяхъ, которыхъ предполагалось устроить 7—8. Неясенъ курсъ малыхъ семинарій. Въ пунктѣ 7-мъ черновой записки о семинаріяхъ онъ прямо ограниченъ латинскимъ языкомъ,

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 259, 261—262.

стихотворствомъ и краснорѣчіемъ. По пункту же 10-му, устанавливавшему жалованье учителямъ, соотвѣтственно дѣленію самыхъ семинарій на 3 класса или разряда, можно было бы предположить, что въ семинаріяхъ всѣхъ трехъ классовъ долженъ проходиться полный кругъ перечисленныхъ выше предметовъ. Какъ дѣлится курсъ малыхъ семинарій по классамъ, осталось также неразъясненнымъ; упоминаются только въ составѣ малыхъ семинарій «верхніе классы» и «нижнія училища». Окончившіе курсъ малыхъ семинарій, въ количествѣ 12 человѣкъ изъ каждой семинаріи, посылаются для довершенія образованія въ большія семинаріи. Но и окончаніе курса только малой семинаріи даетъ право на занятіе священно- и церковно-служительскихъ должностей [1]).

Такъ бѣгло намѣтила коммиссія собственно учебную сторону реформы духовныхъ школъ. За то до мельчайшихъ подробностей она разобрала матеріальную сторону этого дѣла, исчисливъ стоимость содержанія семинарій, расходы на преподавательскій и служительскій персоналъ, на переводъ семинаристовъ изъ малыхъ въ большія семинаріи и т. д. Но и по тѣмъ слишкомъ общимъ и иногда неяснымъ чертамъ, въ какихъ рисовала коммиссія новый учебный строй духовныхъ семинарій, можно все таки замѣтить въ немъ значительное отклоненіе отъ традиціоннаго типа, по которому доселѣ обычно складывалась духовная школа. Теперь эта школа организуется не по старому схоластическому образцу, но по нѣкоторому новому, общему съ новыми свѣтскими школами, типу. Въ полномъ кругѣ духовнаго образованія теперь отводится опредѣленное и твердое мѣсто тѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ, которые раньше фигурировали въ курсѣ духовной школы болѣе или менѣе случайно; таковы: исторія, географія, математика. Наконецъ, что́ самое для насъ важное, теперь измѣняется порядокъ сочетанія общеобразовательныхъ и профессіональныхъ элементовъ. Въ старой системѣ духовнаго образованія ея низшія и среднія ступени, отъ фары и инфимы до философіи включительно, были по существу общеобразо-

[1]) Ibidem, стр. 262—264, 266—267.

вательными, но все построеніе и связь этихъ общеобразовательныхъ ступеней были выдержаны въ томъ своеобразномъ стилѣ, какой присущъ былъ только духовной школѣ. Теперь полная духовная школа раздѣляется на три большихъ класса, изъ которыхъ два первые составляютъ среднюю общеобразовательную школу по типу совершенно аналогичную свѣтскимъ государственнымъ гимназіямъ по проекту 1765—1766 года, и уже надъ этой средней общеобразовательной школой возвышается профессіональная надстройка—третій классъ философско-богословскій.

Таковъ былъ первый обширный планъ духовно-учебной реформы, разработанный Духовной коммиссіей въ 1764—1765 году и дававшій разрѣшеніе принципіальнаго вопроса о соотношеніи общаго и спеціальнаго духовнаго образованія на почвѣ тѣхъ же началъ, на которыхъ должна была созидаться и система свѣтскаго образованія. Остался ли этотъ планъ Духовной коммиссіи вовсе неизвѣстенъ императрицѣ, или онъ по существу показался ей неудовлетворительнымъ, но только она бросила коммиссіи, какъ мы уже знаемъ, не основательный упрекъ, что та въ теченіе трехъ лѣтъ ничего не сдѣлала по вопросу о духовно-учебной реформѣ. Новый планъ этой реформы составленъ былъ въ 1766 году малой коммиссіей изъ епископовъ Иннокентія и Гавріила и іеромонаха Платона. Обратимся къ разбору этого плана, представлявшаго наиболѣе полное выраженіе общихъ преобразовательныхъ стремленій даннаго времени въ области духовнаго образованія.

Новый планъ 1766 года отступилъ отъ первоначальнаго плана Духовной Коммиссіи, прежде всего, въ томъ отношеніи, что возстановилъ гимназіи, какъ основаніе всей системы не только профессіональнаго духовнаго, но и общаго, всесословнаго образованія. Въ пользу учрежденія по епархіямъ такихъ малыхъ гимназій, предусмотрѣнныхъ п. 8-мъ инструкціи 1762 года, выставлены два мотива: 1) эти гимназіи должны готовить дѣтей къ семинаріямъ, «чрезъ что въ семинаріяхъ съ большею удобностью можетъ учрежденъ быть порядокъ»; 2) гимназіи должны одновременно служить низшими общеобразовательными всесословными школами: «во многихъ го-

родахъ и селахъ не достаетъ и такихъ учителей, которые бъ могли обучать дѣтей по русски хорошо читать и писать и безпогрѣшительно писать, а учрежденіе такихъ гимназій можетъ сей недостатокъ отвратить, поелику всякаго состоянія и чина дѣтямъ въ оныхъ гимназіяхъ обучаться должно быть не возбранно». Сообразно съ такимъ двоякимъ назначеніемъ опредѣляется двухлѣтній составъ курса гимназій, помѣщаемыхъ въ каждой епархіи въ штатныхъ и упраздненныхъ монастыряхъ. Въ составъ этого курса входятъ: чтеніе и письмо по русски и по латыни, первыя основанія латинской грамматики и краткая ариѳметика. По поводу этого послѣдняго предмета снова оговорено значеніе гимназіи, какъ общеобразовательной и всесословной школы: «какъ гимназіи будутъ отворенныя мѣста для дѣтей всякаго сословія и чина, то, понеже въ общежительству въ ариѳметикѣ есть не малая нужда, симъ возбудятся многіе своихъ дѣтей отдавать въ гимназіи».

Полагая на каждую епархію отъ 2-хъ до 4-хъ гимназій и по 20 казеннокоштныхъ учениковъ на каждую гимназію (всего 79 гимназій съ 1580 учениковъ), коммиссія признала недостаточнымъ общее число этихъ гимназій, какъ низшихъ школъ, «въ которомъ всякаго званія дѣтямъ обучаться не возбранно». Поэтому признано необходимымъ еще при каждомъ благочиніи имѣть школы «для обученія русской грамотѣ, писать и пѣть»; эти школы зависятъ уже «отъ единственнаго распоряженія и попеченія епаршескихъ архіереевъ» [1]).

Таковъ общеобразовательный фундаментъ, на которомъ воздвигается уже собственно профессіональное духовное образованіе. Это послѣднее распредѣляется по тремъ послѣдовательнымъ ступенямъ, изъ которыхъ каждая представлена особымъ типомъ школы: 1) меньшими семинаріями, 2) большими семинаріями, 3) духовнымъ университетомъ. Хотя всѣ эти духовныя школы учреждаются «почти единственно съ тѣмъ концомъ, чтобъ духовенство снабдить должнымъ просвѣщеніемъ», однако онѣ также являются и школами общеобразовательными и всесословными: «на своемъ коштѣ въ оныхъ

---

[1]) Ibidem, стр. 270—271, 276.

училищахъ всякому, какого бъ кто ни былъ состоянія, учиться не только не возбранно, но и призываются, яко въ открытыя для просвѣщенія всѣхъ мѣста».

Въ основаніи 8-лѣтняго курса малыхъ семинарій (всего 21 семинарія съ 1150 казенными учениками) поставлены два класса (низшій и высшій) древнихъ языковъ, по два года каждый. Изученіе латинскаго языка продолжается всѣ четыре года, а греческаго начинается въ старшемъ классѣ и заканчивается уже въ слѣдующемъ, реторическомъ классѣ. Учебной книгой латинскаго языка въ низшемъ классѣ долженъ быть не Альваръ, «но грамматика переводу Лебедева или какую протекторъ укажетъ», разговоры Кордеріевы и нѣкоторыя главы изъ Orbis pictus. Въ старшемъ классѣ читаются классики: Цицеронъ, К. Непотъ, Юстинъ, Курцій и прочіе златого вѣка писатели». Греческій проходится по наилучшей изъ грамматикъ, а для практики читаются: Новый Завѣтъ, избранныя рѣчи Златоуста и другіе лучшіе греческіе авторы. Въ тѣхъ же двухъ классахъ проходятся: ариометика («нужна для общежительства») и географія математическая и политическая («для выразумѣнія исторіи»).

За классами древнихъ языковъ слѣдуетъ двухгодичный реторическій классъ. Въ немъ проходятся реторика, какъ наука полезная для проповѣди слова Божія, и исторія гражданская и церковная «для познанія прошедшихъ въ мірѣ дѣлъ, слѣдовательно, для исправленія нравовъ приведеніемъ чрезъ добрые примѣры къ добродѣтели, а чрезъ худые примѣры отдаленіемъ отъ порока». Въ этомъ же классѣ заканчивается греческій языкъ.

Послѣдній, также двухгодичный, философическій и богословскій или катехетическій классъ имѣетъ уже непосредственной цѣлью приготовленіе къ пастырской дѣятельности. Поэтому главнымъ его предметомъ является сокращенное православное богословіе, сопутствуемое двумя вспомогательными науками: логикой, которая «во всякихъ разсужденіяхъ имѣетъ силу мысли приводить въ порядокъ», и моральной философіей, «испытывающей естество добродѣтели и порока и неоспоримо доказывающей добрыя или худыя оныхъ слѣдствія».

Таковъ курсъ малыхъ семинарій, признаваемый достаточнымъ для образованія «просвѣщеннаго пастыря». Посредствомъ расширенія и дополненія отдѣльныхъ частей этого курса получается курсъ семинарій большихъ, которыхъ предположено учредить четыре: въ Новгородѣ, С.-Петербургѣ, Казани и Ярославлѣ, съ 400 учащихся. Въ эти большія семинаріи посылается «для совершеннаго изученія» опредѣленное число учениковъ, окончившихъ меньшія семинаріи.

Курсъ большихъ семинарій, сравнительно съ меньшими, дополняется, прежде всего, новыми языками, французскимъ и нѣмецкимъ, причемъ особенно подчеркнуто значеніе языка французскаго, употребленіе котораго нынѣ «въ Европѣ есть почти общее, и много достойныхъ книгъ на оныхъ языкахъ въ свѣтѣ издано» [1]). Затѣмъ присоединяется еврейскій языкъ для изученія Ветхаго Завѣта, а современемъ и другіе оріентальные языки. Къ наукамъ, проходимымъ въ меньшихъ семинаріяхъ, въ большихъ прибавляются: къ ариѳметикѣ—геометрія и тригонометрія, къ логикѣ и практической философіи—метафизика и теоретическая физика, «дабы заключался весь такъ обыкновенно называемый курсъ философіи», наконецъ, къ краткому догматическому богословію—полемическое и практическое, а также толкованіе Св. Писанія. Соотвѣтственно такому расширенію и дополненію курса малыхъ семинаріи, высшій философско-богословскій классъ послѣднихъ распадается на два отдѣльныхъ, самостоятельныхъ класса, философскій и богословскій, съ двухгодичнымъ курсомъ каждый, и такимъ образомъ создается слѣдующій высшій типъ духовной школы, семинарія большая съ десятилѣтнимъ курсомъ [2]).

Вершину этой стройной системы духовнаго образованія занимаетъ духовный университетъ, въ который преобразуется Московская академія. Что особенно характерно, духовный университетъ образуется не путемъ расширенія и дополненія

---

[1]) Впрочемъ, въ каждый изъ большихъ семинарій изучается одинъ только новый языкъ.

[2]) Ibidem, стр. 269—274, 277—278, 282—283, 312—313, 314—315.

высшаго, богословскаго класса большихъ семинарій, какъ можно было бы ожидать. Духовный университетъ отличается отъ малыхъ и большихъ семинарій тѣмъ, что между реторическимъ и философскимъ классами вставляется еще одинъ общеобразовательный классъ—математическій, также съ двухлѣтнимъ курсомъ, въ составъ котораго входятъ: ариѳметика, геометрія, оптика съ ея частями и физика экспериментальная. Конечная цѣль этого математическаго класса, конечно, согласуется съ высшею общею цѣлью духовнаго образованія. «Обученіе хотя нѣкоторыхъ частей математики (ибо во всемъ ея пространствѣ въ духовномъ университетѣ обучать нужды не признается) есть полезно не только для большаго изощренія и просвѣщенія разума, но и для выразумѣнія экспериментальной физики. А знаніе опытовъ физическихъ не только служитъ къ познанію премудрости Творца, слѣдовательно, къ изъясненію премудрости Творца, слѣдовательно, къ изъясненію естественной богословіи, но пользою своею входитъ во многіе и нравоучительные случаи». Совмѣщающій, такимъ образомъ, полный кругъ образованія общаго и духовнаго, низшаго, средняго и высшаго, курсъ духовнаго университета совершается въ 12 лѣтъ и проходится не по старымъ схоластическимъ учебникамъ, а по наилучшимъ трудамъ и руководствамъ славнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ авторовъ. Въ наставленіи, «какимъ образомъ порядокъ ученья производитъ» въ семинаріяхъ и духовномъ университетѣ, опредѣленно выражается стремленіе оторвать духовную науку отъ старыхъ схоластическихъ источниковъ и поставить ее на общую съ свѣтской наукой почву [1]).

Какъ было упомянуто, черезъ 10 лѣтъ послѣ обширнаго плана общей духовно-учебной реформы 1766 года явился новый проектъ преобразованія Московской академіи, смѣнившій собою проектъ о богословскомъ факультетѣ. Въ 1775 году, 17 февраля, Синоду объявлено было словесно Г. А. Потемкинымъ повелѣніе пріискать для Московской академіи новое, болѣе удобное помѣщеніе, и составить для нея

[1]) Ibidem, стр. 270—271, 279, 281, 313—316.

новый штатъ. Эта работа выполнена были тѣми же тремя іерархами, которые вырабатывали и общій планъ 1766 года, т. е. архіепископами Гавріиломъ, Платономъ и Иннокентіемъ. Предположенія ихъ, одобренныя Синодомъ 25 октября 1777 года, состояли въ слѣдующемъ. Московская академія сохраняетъ свое старое наименованіе и первенствующее положеніе среди духовныхъ школъ, «дабы сія академія доставляла семинаріямъ епаршескимъ надежныхъ учителей, церкви искусныхъ Слова Божія проповѣдниковъ, достойныхъ священниковъ для знатныхъ городовъ и при иностранныхъ министрахъ, для проповѣди въ обращеніи иновѣрныхъ, для увѣщанія преступниковъ и послужила къ желаемому просвѣщенію духовенства».

Въ отношеніи учебнаго строя академіи новый проектъ 1777 года существенно отступалъ отъ прежняго плана духовнаго университета 1766 года. Курсъ академіи уже не включаетъ въ себя полной системы духовнаго образованія. Академія является теперь только высшей ступенью этого образованія и отграничивается отъ средней школы, семинаріи. Изъ состава академіи исключаются низшіе четыре латинскихъ класса, такъ какъ въ нее должны поступать уже окончившіе курсъ семинарій [1]). Къ существующимъ въ академіи предметамъ преподаванія (богословіи, философіи, реторикѣ, поэтикѣ, исторіи, географіи и языкамъ: еврейскому, греческому, французскому и нѣмецкому) прибавляются: первыя части математики, экспериментальная физика, исторія гражданская и натуральная, краткое руководство къ медицинѣ и ботаникѣ, нужнѣйшія правила экономіи гражданской и сельской, а также свѣдѣнія о учрежденіяхъ и соборахъ первенствующей церкви. Весь этотъ увеличенный курсъ академіи проходится въ шесть лѣтъ [2]).

Изъ детально разработанной въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ системы духовнаго образованія мы можемъ теперь извлечь тѣ главныя черты, которыми опредѣляется ея отношеніе къ системѣ общаго свѣтскаго образованія.

---

[1]) По три человѣка изъ каждой семинаріи, всего 99 человѣкъ изъ 33 семинарій.

[2]) Архивъ Св. Синода, дѣло № 429 (1775 г.).

Полный кругъ духовнаго образованія, представленный въ планѣ 1766 года, распадается, какъ видимъ, на три послѣдовательно идущія одна за другой области: низшее образованіе, сосредоточенное въ благочинническихъ элементарныхъ школахъ и епархіальныхъ гимназіяхъ, среднее—въ малыхъ и большихъ семинаріяхъ, высшее—въ академіи или духовномъ университетѣ. Первая область безусловно совпадаетъ съ соотвѣтствующей областью общаго свѣтскаго образованія; какъ опредѣленно подчеркнулъ планъ 1766 года, благочинническія школы и епархіальныя гимназіи суть чисто общеобразовательныя и всесословныя школы. Низшая духовная школа, такимъ образомъ, снова готовится выступить въ той роли, которую не безъ успѣха выполняли архіерейскія школы первой четверти XVIII вѣка.

Средняя духовная школа, семинарія, по своему прямому назначенію готовить пастырей церкви, была по плану 1766 года, конечно, школой профессіональной. Но построеніе ея учебнаго плана, сосредоточивавшее профессіональные элементы въ старшемъ классѣ и оставлявшее за низшими и средними классами характеръ преимущественно общеобразовательный, встрѣтилось съ аналогичной тенденціей въ области свѣтскаго образованія, имѣвшей цѣлью выработать такой сложный типъ школы, въ которомъ на единомъ общеобразовательномъ фундаментѣ развѣтвлялись бы различныя отрасли образованія спеціальнаго. Отсюда и возникъ въ частной коммиссіи объ училищахъ вопросъ о сліяніи духовныхъ семинарій съ свѣтскими гимназіями. Мы видѣли, какъ любопытно колебалось разрѣшеніе этого вопроса и какъ коммиссія остановилась, наконецъ, на мысли замѣнить духовныя семинаріи государственными гимназіями, готовящими одинаково какъ къ духовной, такъ и къ свѣтской службѣ. Такимъ образомъ и область средняго духовнаго образованія должна была утратить свою обособленность и слиться съ соотвѣтствующей областью образованія свѣтскаго.

Но особенно характерны для изучаемой теперь эпохи проекты преобразованія высшей духовной школы, выразившіеся въ мнѣніи Духовной коммиссіи о богословскомъ фа-

культетѣ, въ планѣ духовнаго университета 1766 года и въ планѣ преобразованія Московской академіи 1777 года. Мысль о богословскомъ факультетѣ, осуществленіе которой поставило бы профессіональное духовное образованіе на совершенно новое основаніе, мы видѣли, только мелькнула и, можно сказать, ни на минуту не отклонила разрѣшенія вопроса о высшей духовной школѣ отъ естественнаго пути, по которому эта школа доселѣ развивалась. Основной чертой этого развитія, особенно ярко выражавшейся въ исторіи Кіевской академіи и Харьковскаго коллегіума, было стремленіе сосредоточить въ высшей духовной школѣ не только спеціально духовное, но и полный кругъ общаго образованія. Вліяніе просвѣщенія средины XVIII вѣка не измѣнило этого стремленія, но дало ему новое выраженіе. Преобразованіе учебнаго строя высшей духовной школы по проектамъ 1760—1770-хъ годовъ сводится, прежде всего, къ введенію въ ея курсъ ряда такихъ общеобразовательныхъ «реальныхъ» наукъ, которыя начинаютъ занимать все болѣе видное мѣсто и въ новыхъ системахъ свѣтскаго образованія. Предположеніе кіевскаго генералъ-губернатора Глѣбова 1766 года объ открытіи при Кіевской академіи математическаго и медицинскаго факультетовъ, превращеніе, по плану Духовной коммиссіи того же года, большой семинаріи въ духовный университетъ посредствомъ введенія въ учебный планъ семинаріи класса математическихъ и физическихъ наукъ, наконецъ, расширеніе курса Московской академіи, по проекту 1775 года, математикой и физикой, медициной и ботаникой, натуральной исторіей и экономіей гражданской и сельской,—все это не случайныя и безпочвенныя явленія. Всѣ эти проекты преобразованія учебнаго строя высшей духовной школы объединены одной идеей такой высшей школы, которая сочетала бы съ профессіональнымъ назначеніемъ и задачи общаго научнаго образованія въ духѣ «просвѣщенія» средины XVIII вѣка. Сила традиціи не допустила коренной ломки духовнаго образованія и замѣны духовной академіи богословскимъ факультетамъ по западнымъ образцамъ. Вліяніе новыхъ научныхъ интересовъ и взглядовъ приводило къ рѣшенію, что «акаде-

міею такое мѣсто, гдѣ *всякимъ наукамъ* обучаются, по нынѣшнему ученаго свѣта разумѣнію, назвать невозможно», вслѣдствіе чего высшей духовной школѣ и усваивалось новое наименованіе «духовнаго университета».

Такъ опредѣлялось въ проектахъ 1760—1770-хъ годахъ отношеніе системы духовнаго образованія къ системѣ образованія общаго, свѣтскаго.

2. Эволюція военнаго профессіональнаго образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка направлялась совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ параллельныхъ интересовъ, собственно государственнаго и сословнаго дворянскаго. Къ началу екатерининской эпохи спеціальныя военныя школы организуются по нѣкоторому единообразному типу шляхетнаго корпуса, совмѣщающему элементы сословно-общаго и военно-профессіональнаго образованія.

Въ 1760-хъ годахъ къ этимъ двумъ руководящимъ интересамъ прибавляется третій—чистый педагогическій идеалъ, открывающій новыя перспективы всей вообще политикѣ народнаго просвѣщенія. Проникновеніе новаго педагогическаго идеала въ область военнаго образованія даетъ и новое основаніе для пересмотра вопроса объ отношеніи этого образованія къ образованію общему.

До сихъ поръ мы имѣли одинъ яркій примѣръ переработки системы военнаго образованія подъ вліяніемъ новыхъ педагогическихъ идей,—произведенную Бецкимъ реформу Сухопутнаго шляхетнаго корпуса. Теперь мы можемъ сопоставить съ этой реформой планъ «военныхъ училищъ» по проекту государственныхъ гимназій 1765—1766 года. Это сопоставленіе полнѣе должно освѣтить занимающій насъ теперь вопросъ объ отношеніи профессіональнаго военнаго образованія къ общему.

Въ основаніи реформы шляхетнаго корпуса Бецкой сохранилъ тѣ же два интереса, которымъ корпусъ долженъ былъ служить съ самаго своего основанія. Воля императрицы, по словамъ Бецкаго, состояла въ томъ, «чтобы училище искусныхъ офицеровъ было училищемъ и знатныхъ гражданъ, и отечеству бы сугубую пользу приносило»; вмѣстѣ съ тѣмъ

слѣдовало приложить стараніе, «дабы и благородное россійское юношество такое получило воспитаніе, которое бы еще болѣе согласовало и съ ихъ породою». Тѣмъ не менѣе, военно-профессіональная цѣль корпуса остается преобладающей: корпусъ есть «воинское училище», «сокращенная армія»; «обученіе воинскому дѣлу есть главное намѣреніе сего учрежденія» [1]). Такимъ образомъ, въ преобразованномъ Шляхетномъ корпусѣ должны были получить полное выраженіе главныя черты того типа высшей дворянской школы, который на западѣ носилъ названіе «рыцарской академіи».

Въ 1760—1770-хъ годахъ основаніе и преобразованіе этихъ академій занимаетъ видное мѣсто въ ряду учебныхъ реформъ. Основная цѣль, которая ставится теперь, при новой организаціи рыцарскихъ академій, состоитъ въ соединеніи задачъ профессіональныхъ—приготовленія дворянской молодежи къ государственной службѣ, военной и гражданской, съ задачами широкаго общаго образованія въ духѣ новаго просвѣщенія XVIII вѣка. На такихъ именно началахъ устроена была берлинская Académie de noBles, открытая въ 1765 году, и нѣкоторыя другія аналогичныя школы [2]). Заслуживало бы спеціальнаго изслѣдованія сравненіе нашего Шляхетнаго корпуса съ западными рыцарскими академіями; тогда выяснилась бы степень оригинальности основной мысли Бецкаго—выдвинуть на первый планъ задачи воспитанія и поставить въ зависимость отъ новыхъ пріемовъ воспитанія достиженіе и про-

---

[1]) „Учрежденія и Уставы", т. II, стр. 75—76, 81. Бецкой не точно указывалъ на односторонне профессіональную цѣль, съ какою первоначально корпусъ былъ учрежденъ: „тогдашнее намѣреніе состояло только въ томъ, чтобъ изъ сего корпуса получать для арміи исправныхъ офицеровъ".

[2]) *Ziegler*, op. cit., 241 и слѣд. *Poten*, Geschichte des Militär-Erizehungs- und Bildungswesen, IV B., 26 и слѣд. Вѣроятно, Бецкому извѣстно было и устройство французской военной королевской школы (Ecole militaire royale), основанной въ 1751 г. Она также была сословной дворянской школой и соединяла въ своемъ курсѣ профессіональные и общеобразовательные предметы: языки французскій, латинскій, нѣмецкій, итальянскій, математику, инженерное искуство, артиллерію, географію, исторію, логику, краткій курсъ натуральнаго права, обширный курсъ морали, военное законодательство, эволюціи, танцы, фехтованіе, верховую ѣзду. Въ Энциклопедіи данъ былъ отзывъ ооъ этой школѣ, какъ „o plus bel établissement du monde".. T. V (1755), p. 307—313.

фессіональныхъ и общеобразовательныхъ задачъ корпуса. Но такое изслѣдованіе отвлекло бы насъ въ сторону отъ занимающаго насъ сейчасъ вопроса объ отношеніи новаго учебнаго строя корпуса къ системѣ общаго образованія.

Въ утомительныхъ и довольно таки безпорядочно изложенныхъ «Разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому установленію шляхетнаго кадетскаго корпуса, сколько принадлежитъ до воинской части», Бецкой перечислялъ составляющія учебный курсъ корпуса науки: славянскій и чужестранные языки, математика, включая артилерію и фортификацію, нравоучительная философія и основанія всенароднаго права по Пуффендорфу, исторія и географія, понятіе о небесныхъ тѣлахъ и ихъ теченіи, экспериментальная физика, натуральная исторія и химія, политическая экономія съ бухгалтеріей, россійское законодательство и воинскіе уставы, наконецъ, всякіе воинскіе обряды и искуства. Это, какъ видимъ, опять-таки обычный кругъ сословнаго шляхетскаго образованія. Но изъ полной энциклопедіи такого образованія Бецкой готовъ былъ исключить латинскій языкъ, логику и метафизику, ссылаясь на «политическія разсужденія господина Гюмма», находившаго, что изученіе этихъ наукъ, на которое тратится лучшая часть жизни, «препятствуетъ учиться нужнѣйшимъ и обыкновеннымъ познаніямъ» [1]). Между тѣмъ латинскій языкъ, логика и метафизика занимали видное мѣсто въ аналогичныхъ нашему корпусу западныхъ школахъ, напримѣръ въ берлинской Académie des nobles, и самъ Бецкой не настаивалъ на непремѣнномъ исключеніи помянутыхъ наукъ. Какъ сейчасъ увидимъ, въ уставѣ корпуса, въ подробномъ учебномъ планѣ находятся и латинскій языкъ и логика.

Вся совокупность преподаваемыхъ въ корпусѣ наукъ дѣлилась въ уставѣ на 4 группы: 1) основную группу составляютъ предметы въ собственномъ смыслѣ общеобразовательные или «руководствующіе къ познанію прочихъ наукъ»: логика, начальныя основанія математики, краснорѣчіе, физика общая и особенная, исторія священная и свѣтская, географія

[1]) „Учрежденія и Уставы“, II, стр. 101.

и хронологія, языки употребительные и для наукъ потребные, математика, механика. Далѣе слѣдуютъ науки «предпочтительно нужныя гражданскому званію»: нравоученіе, право естественное, всенародное и государственное, экономія государственная. Третья группа наукъ названа не совсѣмъ понятно «полезными»: генеральная и экспериментальная физика, астрономія, географія вообще, наутика, натуральная исторія, воинское искуство, фортификація и артиллерія, химія. Это, очевидно, кругъ военнаго образованія, параллельный второму кругу гражданскаго образованія. Наконецъ, въ особую группу выдѣлены разнообразныя «художества»: рисованіе, живопись, гравированіе, изваяніе, дѣланіе статуй, архитектура, музыка, танцованье, фехтованье.

Такая группировка предметовъ преподаванія по ихъ содержанію и общеобразовательному или профессіональному значенію являлась лишь первоначальной основой учебнаго плана корпуса. Сообразно съ главнымъ дидактическимъ правиломъ, принятымъ во всѣхъ организованныхъ Бецкимъ учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, этотъ учебный планъ въ окончательной формѣ располагался по «возрастамъ» учащихся: 1) отъ 5 до 9 лѣтъ, 2) отъ 9 до 12 лѣтъ, 3) 12 до 15, 4) отъ 15 до 18, 5) отъ 18 до 21. Вотъ общая схема теченія учебнаго курса въ предѣлахъ этихъ возрастовъ [1]):

I.	II.
1) Познаніе вѣры, поелику отроки постигать могутъ	1) Продолженіе наукъ 1-го возраста
2) Россійскій и иностранные языки	2) Географія }
3) Рисованіе	3) Хронологія }
4) Танцы	4) Исторія }
5) Письмо и цыфирь въ послѣдній годъ его возраста	5) Миѳологія } въ сокращеніи
6) «Что еще сходствуетъ съ ихъ лѣтами».	6) Ариѳметика }
	7) Геометрія }
	8) Начало славянскаго языка
	9) Учтивство и долгъ благопристойстойности.

[1]) „Учрежденія и Уставы“, II, стр. 128—140.

III.

1) Приведеніе въ совершенство начатыхъ въ предъидущихъ возрастахъ наукъ, съ присовокупленіемъ для понятнѣйшихъ начала «полезныхъ», а также художествъ
2) Совершеніе славянскаго языка
3) Латинскій языкъ для тѣхъ, кои къ оному склоннность имѣть будутъ
4) Основаніе воинской и гражданской архитектуры
5) Бухгалтерство
6) Всѣ способы благороднаго воспитанія и вкорененіе «изящныхъ мыслей, благоразумныхъ и твердыхъ основаній, кои суть непреложнымъ знакомъ честнаго человѣка и воспитаннаго для пользы отечества».

IV.

1) Упражненіе истиннаго христіанина и честнаго человѣка
2) Окончаніе прежде показанныхъ наукъ
3) Гражданскія науки
4) Полезныя науки
5) Послѣдущія части математики
6) Краснорѣчіе и философія
7) Всѣ части воинской должности наставленіемъ и самымъ дѣломъ
8) Ѣзда верхомъ, фехтованіе, волтижированіе и проч.
9) Художества.

V.

1) Законъ Божій, яко первое всему основаніе
2) Всѣ части воинскаго искусства съ теоретическими и практическими доказательствами
3) Окончаніе наукъ четвертаго возраста
4) Всѣ полезныя науки
5) Художества
6) Совершеніе воинской архитектуры практическими доказательствами
7) Гражданская архитектура для тѣхъ, кои къ тому склонность имѣть будутъ.

Этотъ планъ, въ подробностяхъ начертанный не вполнѣ ясно, требуетъ объясненій. Соотношеніе задачъ общаго и профессіональнаго образованія осуществляется въ немъ такъ, что курсъ первыхъ трехъ возрастовъ предназначенъ одинаково для готовящихся какъ къ воинскому, такъ и къ гражданскому званіямъ. Курсъ четвертаго и пятаго возрастовъ спеціализируется уже по профессіональнымъ цѣлямъ. По составу предметовъ преподаванія и характеру ихъ постановки курсъ первыхъ трехъ возрастовъ сохраняетъ типичныя черты сословнаго шля-

хетскаго образованія. Преобладающее мѣсто занимаютъ разнообразныя «реальныя» науки, проходимыя сначала «въ сокращеніи», а потомъ приводимыя «въ совершенство». Обученіе латинскому языку, какъ «орудію учености», предоставляется лишь обнаружившимъ къ нему склонность. Собственно научный курсъ обставленъ специфическими «свѣтскими» дисциплинами: таковы обученіе «учтивству и долгу благопристойности», вкорененіе «изящныхъ мыслей». Наконецъ, видное мѣсто отводится соотвѣтственнымъ каждому возрасту «художествамъ».

Расплывчатый энциклопедизмъ курса первыхъ трехъ возрастовъ, столь характерный для сословнообщаго шляхетскаго образованія, долженъ былъ замѣниться въ курсѣ двухъ старшихъ возрастовъ сосредоточеніемъ на той или иной группѣ профессіональныхъ предметовъ, гражданскихъ и воинскихъ. Но это разграниченіе общаго и профессіональнаго образованія проведено не вполнѣ отчетливо. Для готовящихся къ воинскому званію центральное мѣсто въ курсѣ четвертаго и пятаго возрастовъ занимаютъ «полезныя» науки, къ которымъ способнѣйшіе ученики приступаютъ уже въ третьемъ возрастѣ. «Полезными» названы почему-то именно науки для военнаго званія, отдѣляемыя отъ наукъ, «потребныхъ гражданскому званію». Изъ числа восьми, поименованныхъ въ предварительномъ расписаніи, «полезныхъ» наукъ половина суть дѣйствительно спеціальныя военныя дисциплины: воинское искуство, фортификація и артиллерія, отчасти «наутика»; остальныя «полезныя» науки (физика, астрономія, географія, натуральная исторія и химія), по существу общеобразовательныя, могутъ быть разсматриваемы, какъ теоретическое основаніе для спеціальныхъ военныхъ наукъ. Но въ курсѣ четвертаго и пятаго возрастовъ, наряду съ «полезными» науками, выступаютъ еще и чисто общеобразовательныя науки, составляющія какъ бы продолженіе курса младшихъ возрастовъ: Законъ Божій, нравоученіе, математика, краснорѣчіе и философія, художества. Неясно, въ какомъ отношеніи стоятъ эти предметы къ параллельнымъ группамъ спеціальныхъ гражданскихъ и военныхъ наукъ; отсутствіе какихъ бы то ни было оговорокъ позволяетъ думать, что они назначаются для изучающихъ

и ту и другую спеціальную группу. Недостаточная опредѣленность въ разграниченіи общаго и профессіональнаго образованія сказывается въ разрѣшеніи учащимся «перемѣнять званія свои, воинское въ гражданское и гражданское въ воинское» уже въ пятомъ возрастѣ. Между тѣмъ, этотъ возрастъ «долженствуетъ быть жатвою посѣяннаго въ предыдущіе четыре». Основная задача его курса заключается въ повтореніи или подтвержденіи «самыхъ послѣднихъ и самыхъ важнѣйшихъ частей наукъ и познаній».

Итакъ, въ основѣ системы военнаго образованія, начертанной уставомъ кадетскаго корпуса, лежитъ схема сословнаго шляхетскаго образованія, съ характернымъ для послѣдняго сочетаніемъ элементовъ общаго и профессіональнаго образованія. Своеобразіе этой системы можно усматривать не въ ея научно-образовательномъ содержаніи, а въ той особенно важной роли, какая въ ней отводилась задачамъ и пріемамъ нравственнаго воспитанія, приспособленнымъ къ конечнымъ профессіональнымъ цѣлямъ данной школы.

Появившійся почти одновременно, можетъ быть, годомъ раньше плана Бецкаго, генеральный планъ государственныхъ гимназій даетъ еще одинъ типъ военной школы, уже непосредственно входящій въ общую систему народнаго просвѣщенія. Это—военныя училища, параллельныя ученымъ, гражданскимъ и купеческимъ, составляющимъ въ совокупности рядъ спеціальныхъ надстроекъ на нѣкоторомъ единомъ общеобразовательномъ фундаментѣ. Хотя государственныя гимназіи по общему правилу являются школами всесословными, но военныя училища учреждаются преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ преобладаютъ дворяне. Въ отношеніи учебнаго строя, какъ мы уже знаемъ, военныя училища, подобно ученымъ, гражданскимъ и купеческимъ, раздѣляются на 3 четырехгодичныхъ класса, изъ которыхъ только послѣдній получаетъ спеціальный характеръ. Вотъ какъ опредѣляется составъ курса этого класса. «Что касается до благонравія, то въ оныхъ юношеству одинаковое преподавать воспитаніе съ прочими школами; въ разсужденіи-жъ наукъ обучать ихъ особливо россійскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, такъ

чтобъ они могли на оныхъ ясно и искусно изъясняться въ разговорахъ и на письмѣ. Прочіе жъ предметы ихъ прилежности должны состоять въ ариѳметикѣ, въ начальныхъ основаніяхъ геометріи, фортификаціи и архитектуры, въ географіи, въ познаніи новой исторіи, натуральнаго и народнаго права, особливо же въ нравоучительной философіи и въ знаніи благопристойности. Латинскому языку имъ не больше слѣдуетъ учиться, какъ сколько надобно для разумѣнія автора, или сколько кого допуститъ время и охота; рисованіе же и танцованіе служитъ имъ въ мѣсто увеселенія. Кажется, таковаго наученія довольно молодому человѣку, чтобъ сдѣлать его весьма искуснымъ и полезнымъ офицеромъ; ибо опытъ во всѣхъ прочихъ европейскихъ государствахъ доказываетъ, что молодые знатные люди, по окончаніи своего ученія въ училищахъ или въ университетѣ, тотчасъ вступаютъ въ службу офицерами и военнымъ экзерциціямъ и прочимъ должностямъ подчиненнаго офицера въ нѣсколько мѣсяцевъ безъ труда научаются» [1]).

Какъ видимъ, и курсъ военнаго училища по плану 1765—1766 года также совпадаетъ по своему содержанію съ кругомъ сословнаго дворянскаго образованія. Въ немъ слабѣе, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше планахъ, оттѣнены собственно профессіональные военные элементы. Практика военнаго дѣла, военныя экзерциціи, которыя дѣлали шляхетный корпусъ по плану Бецкаго какъ бы «сокращенной арміей», и вовсе отсутствуютъ въ послѣднемъ проектѣ. Знаніе этой практики должно быть пріобрѣтаемо уже на дѣйствительной службѣ.

Подъ вліяніемъ идей новой педагогіи, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ сословнаго самосознанія дворянства средины XVIII вѣка, преимущественное значеніе воспитательной и общеобразовательной стороны подготовки къ военной профессіи особенно выдвигается и въ публицистическихъ трактатахъ, посвященныхъ данному вопросу. Такъ въ одной журнальной статьѣ 1756 года—«О несправедливыхъ мнѣніяхъ, до военнаго чина касающихся» опровергалось мнѣніе, что

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 106.

«ни одинъ чинъ такъ неспособенъ помрачить чувства человѣческія и сдѣлать насъ суровыми, жестокими, немилосердными, какъ военный». Воинъ долженъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ, ибо онъ «не долженъ токмо знать, какъ употребить свое тѣло, но и свою душу» [1]). Въ 1777 году вышло въ русскомъ переводѣ сочиненіе барона Р. І. Мейендорфа «Опытъ нѣкоторыхъ разсужденій о воинствѣ». Здѣсь доказывалось, что «знатное достоинство» офицера требуетъ не одного «простого понятія», но и многихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ: «терпѣнія, степенности, усердія, остроты, пріобрѣтеннаго проницанія, на опытахъ основаннаго разсужденія и науками просвѣщеннаго разума; сверхъ сихъ добродѣтелей нужно также имѣть честное и высокое сердце, къ добродѣтели сотворенную и привыкшую душу и сильную въ преодолѣніи страстей своихъ твердость» [2]).

Въ 1798 году въ издаваемомъ И. Пнинымъ «С.-Петербургскомъ журналѣ» печатался безъ подписи автора обширный трактатъ подъ заглавіемъ—сначала просто «О воспитаніи», затѣмъ «О воспитаніи военномъ относительно благороднаго юношества» [3]). Этотъ трактатъ можно разсматривать, какъ примѣръ наиболѣе полнаго развитія основныхъ началъ, на которыхъ строилась во второй половинѣ XVIII вѣка система военнаго образованія. Авторъ ставитъ разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса въ широкія рамки общей теоріи публичнаго воспитанія, въ частности воспитанія благороднаго юношества. Широкой задачей нравственнаго воспитанія этого юношества поглощаются собственно военно-профессіональныя цѣли. «Польза общества состоитъ въ томъ, чтобы найти въ нихъ (т. е.

---

[1]) „Ежемѣс. соч. къ пользѣ и увес. служ.“, 1756 г., октябрь.

[2]) *Р. І. Мейендорфъ,* Опытъ нѣкотораго разсужденія о воинствѣ, перев. Я. Хорошкевича (Спб. 1777). Отзывъ объ этой книгѣ въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“, 1778 г., ч. I, стр. 237.

[3]) Въ 1803 г. эти статьи, съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями, были изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Опытъ военнаго воспитанія относительно благороднаго юношества, начертанный по распоряженію знаменитаго итальянскаго законоискусника Филанжери, писавшаго о наукѣ законодательства, дополненный краткими разсужденіями и нужными примѣчаніями, къ предмету воспитанія касающимися, А. Б-вымъ“.

юношахъ, назначенныхъ къ военному званію) въ военное время неустрашимыхъ защитниковъ, а въ мирное рачительныхъ гражданъ, стремящихся къ усовершенствованію знанія своего и должности, возбуждаемыхъ страстями, удобными привести ихъ къ добродѣтели, къ уваженію законовъ, къ чувствованію отвращенія къ самомнѣнію или къ гордости, къ которымъ, кажется, сей классъ людей безпрестанно стремится». Послѣ длинныхъ разсужденій о средствахъ нравственнаго воспитанія, о наставленіяхъ, разговорахъ, книгахъ, наградахъ, наказаніяхъ и т. д., уже въ концѣ трактата излагаются правила «ученаго воспитанія» военной молодежи, т. е. дается собственно учебный планъ военнаго образованія. Авторъ знакомъ съ «Эмилемъ» Руссо и, вѣроятно, у послѣдняго заимствуетъ основную идею, изъ которой выводитъ свой учебный планъ. «Нужно искать путеводителя въ природѣ, и надобно соображать понятія свои непремѣнному ея начертанію; итакъ, потщимся наблюдать порядокъ, которому слѣдуетъ она въ постепенномъ разверзаніи умственныхъ человѣческихъ способностей и установимъ по оному постепенный порядокъ нашихъ наставленій». Такихъ постепенно раскрывающихся способностей — 4: пониманіе, память, воображеніе, разсужденіе. Соотвѣтственно ихъ раскрытію въ человѣкѣ располагается курсъ «ученаго воспитанія», разсчитанный на 14 лѣтъ, при чемъ дѣти принимаются въ училище въ возрастѣ 5—7 лѣтъ. Первый кругъ ученья, основанный на способности *понятія* продолжается 4 года и обнимаетъ предметы: чтеніе, письмо, изученіе живого иностраннаго языка, ариѳметику, рисованіе, естественную исторію, химію, космологію. Съ развитіемъ способности *памяти* связывается особенно изученіе исторіи и географіи, на что посвящаются 3 года. Восьмой годъ всецѣло посвященъ «употребленію третьей способности» — *воображенія* и сосредоточивается на «открытіи таинствъ искусства». Послѣдніе 6 лѣтъ отведены наукамъ, требующимъ четвертой способности—*разсужденія*: геометріи и алгебрѣ, тактикѣ, артиллеріи, опытной физикѣ, «умозрѣніямъ сельскаго домоводства», естественному и народному праву, отечественнымъ законамъ и истиннымъ основаніямъ всенароднаго благоустройства и общественнаго

благоденствія». Науки физико-математическія отнесены на первые четыре года этого 6-лѣтняго курса; послѣдніе два года посвящены философскимъ и общественнымъ. Упражненія въ «воинскихъ подвигахъ» проходятся дѣтьми лишь по окончаніи двухлѣтняго «курса нравственныхъ наставленій» и располагаются «по правиламъ настоящей тактики»; но упражненіи эти не сложны и состоятъ въ «нѣкоторыхъ простыхъ и скорыхъ эволюціяхъ, тихихъ правильныхъ маршахъ».

Таково было главное направленіе, какое приняла съ 1760-хъ годовъ постановка вопроса о военномъ образованіи. Это образованіе строится на тѣхъ же общихъ началахъ, на которыхъ должна была преобразоваться вся вообще система народнаго просвѣщенія, и укладывается въ рамки сословной, дворянской школы. Благородный пансіонъ, отдѣляющійся отъ общеобразовательной средней и высшей школы, съ одной стороны, шляхетный корпусъ по плану Бецкаго и военное училище по плану 1765—1766 года, съ другой—суть какъ бы смежныя звенья, которыя смыкали въ одну цѣпь системы общаго и военнаго образованія.

3. Манифестъ 15 декабря 1763 года предписалъ, въ цѣляхъ приготовленія гражданскихъ чиновниковъ, устроить классы юриспруденціи въ университетѣ и кадетскомъ корпусѣ. Съ какими препятствіями встрѣтилось осуществленіе этого предписанія въ университетѣ, мы уже знаемъ. Тѣ же препятствія должны были дѣйствовать и въ кадетскомъ корпусѣ, если только въ немъ дѣйствительно сдѣланы были попытки завести, по примѣру университета, преподаваніе русской юриспруденціи. Въ предварительныхъ разсужденіяхъ о новомъ уставѣ кадетскаго корпуса нѣсколько разъ отмѣчена необходимость обученія кадетъ «законамъ отечества» или «россійскимъ узаконеніямъ»; но въ самомъ учебномъ планѣ, имѣвшемъ въ виду приготовленіе къ «гражданскому званію», этотъ вопросъ не былъ выдвинутъ съ должной опредѣленностью. Въ расписаніи наукъ по пяти возрастамъ лишь кратко отмѣчалось, что въ составъ курса четвертаго возраста должна была входить группа «гражданскихъ наукъ», изученіе которыхъ могло продолжаться и въ пятомъ возрастѣ, и мы не имѣемъ свѣ-

дѣній, какъ въ данное время на практикѣ организовалось въ корпусѣ преподованіе этихъ наукъ и насколько отвѣчало оно требованію манифеста 15 декабря 1763 года [1]). Закрывая юнкерскую школу при Сенатѣ и распредѣляя обязанность приготовленія гражданскихъ чиновниковъ между университетомъ и кадетскимъ корпусомъ, манифестъ 1763 года какъ бы отказывался отъ мысли объ особой профессіональной юридической школѣ. Эта мысль возраждается въ планѣ государственныхъ гимназій 1765—1766 года. По этому плану въ общей системѣ просвѣщенія, на одинаковомъ съ другими профессіональными школами общеобразовательномъ фундаментѣ, нашли себѣ мѣсто и особыя «гражданскія училища».

Отдаваемыя въ эти школы дѣти, «кромѣ общаго всѣмъ воспитанія и обученія, особливо имѣютъ нужду въ такихъ наставленіяхъ, которыя бы сдѣлали ихъ способными со временемъ служить отечеству своему, отправляя достойнымъ образомъ публичныя должности въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ». Такъ какъ питомцамъ гражданскихъ училищъ открывалась дорога не только къ «нижнимъ штатскимъ чинамъ», но и «къ знатнѣйшимъ мѣстамъ въ коллегіяхъ», то выражалась надежда, что въ помянутыя училища будетъ отдавать своихъ дѣтей и дворянство.

Весь кругъ ученья въ гражданскихъ училищахъ клонится, конечно, «къ штатскимъ дѣламъ». Выдвигаемое на первое мѣсто во всѣхъ категоріяхъ государственныхъ гимназій наставленіе въ добродѣтели и благонравіи получаетъ здѣсь нѣкоторый спеціальный оттѣнокъ; предписывается внушать учащимся «особливо любовь къ провосудію, безкорыстность, ко всякому благосклонность и ненависть ко злости и къ несправедливости». Кругъ общеобразовательныхъ предметовъ, проходимыхъ въ гражданскихъ училищахъ, весьма обширенъ: языки русскій, латинскій, нѣмецкій, французскій, реторика, исторія, географія, ариѳметика, геометрія и другія части математики, натуральная исторія, космологія, экспериментальная физика, архитектура, логика, нравоучительная философія и

[1]) „Учрежденія и Уставы“, II, стр. 80, 102—103.

постановка общеобразовательныхъ предметовъ въ гражданскихъ училищахъ должна сообразоваться съ ихъ профессіональнымъ назначеніемъ. Въ ученіи языковъ, составляющемъ «первое и нужнѣйшее упражненіе», особенная основательность требуется отъ «грамматическаго познанія россійскаго языка. Отъ самаго младенчества слѣдуетъ обучать учениковъ чистому, безошибочному, ясному, простому и пріятному письму, непрерывно упражнять ихъ «въ сочиненіи писемъ и прочаго и пріучать справедливо думать и порядочно предлагать свои мысли, всѣ ихъ сочиненія наистрожайше поправлять и понуждать къ прилежному примѣчанію свойствъ россійскаго языка, отличающихъ оный отъ другихъ языковъ». Изъ иностранныхъ языковъ, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, обращается преимущественное вниманіе на живые языки, которые «до такого надлежитъ обучать совершенства, чтобъ ученики не токмо оные разумѣли, но и могли на оныхъ, не запинаясь, исправно изъясниться на письмѣ и на словахъ». Основательное познаніе географіи устремляется, главнымъ образомъ, на «свое отечество». Равнымъ образомъ и преподаваніе исторіи должно «преимущественно трактовать объ отечествѣ и прилежно примѣчать введенные по временамъ полезные законы и учрежденія, исправленіе нравовъ, распространеніе наукъ и художествъ и приращеніе коммерціи и мануфактуръ».

Кругъ собственно профессіональнаго образованія въ гражданскихъ училищахъ составляется изъ предметовъ, которые въ университетахъ распредѣлялись между факультетами юридическимъ и философскимъ: натуральнаго, народнаго и гражданскаго правъ, систематическаго познанія россійскихъ законовъ, камеральной и прочихъ, къ знанію политики потребныхъ, наукъ [1]).

Такъ обрисовывался совершенно новый типъ профессіональной школы, готовящей къ гражданской службѣ, но поставленной на очень широкое общеобразовательное основаніе и органически входящей въ общую систему народнаго просвѣщенія.

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 107—108.

4. Вопросъ о послѣдней отрасли профессіональнаго образованія, на которой мы должны еще остановиться, образованіи техническомъ и коммерческомъ, былъ тѣсно связанъ, какъ мы видѣли, съ общимъ вопросомъ о созданіи третьяго чина гражданъ или сословія торгово-промышленнаго. Первыя попытки опредѣлить кругъ профессіональнаго образованія для средняго чина и отношеніе его къ образованію общему мы наблюдали въ планахъ Воспитательнаго дома и воспитательнаго училища при Академіи художествъ. Учебный планъ Воспитательнаго дома дѣлилъ всѣ предметы преподаванія въ немъ на двѣ группы, общеобразовательную и профессіональную, и къ послѣдней относилъ: «мануфактуры, фабрики, коммерціи, садовничество и прочія искусства, до экономіи принадлежащія, изящныя художества для тѣхъ, кто къ нимъ способенъ, женскія рукодѣлія». Какимъ же образомъ на практикѣ слѣдовало поставить эту энциклопедію промышленнаго и техническаго образованія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ заключительномъ къ плану Воспитательнаго дома «Разсужденіи о званіи, къ которому питомцевъ пріуготовлять должно». Здѣсь читаемъ: «понеже существенная есть надобность достигнуть намѣренія, которое принять изволила ея императорское величество, то должно къ сему употреблять самыя дѣйствительныя средства: воспитавъ дѣтей въ праводушіи, просвѣтивъ ихъ разумъ, сколько потребно, заводить со всякимъ тщаніемъ и осторожностью въ принадлежащихъ сему дому мѣстахъ мануфактуры, фабрики, до ремеслъ и художествъ касающіяся, употребляя къ тому искусныхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ изъ чужестранцевъ, паче всего честныхъ, при томъ въ добромъ поведеніи, въ постоянствѣ и въ благонравіи испытанныхъ людей, у которыхъ бы питомцы учились основательно мастерствамъ» [1]). Это указаніе слѣдуетъ понять, очевидно, въ томъ смыслѣ, что весь кругъ профессіональнаго образованія для средняго чина людей выводится изъ рамокъ школы и распредѣляется по спеціальнымъ техническимъ и промышленнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ должно было по-

[1]) „Учрежденія и Уставы“, I, стр. 86—87, 119.

лучаться уже не профессіональное образованіе, въ точномъ смыслѣ, а чисто практическая выучка извѣстному ремеслу или художеству. Такимъ образомъ училище для образованія средняго чина гражданъ, организуемое въ самомъ Воспитательномъ домѣ, оставалось по существу общеобразовательной школой, хотя постановка нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ получала въ немъ подготовку, согласуемую, до нѣкоторой степени, съ профессіональнымъ предназначеніемъ учащихся.

Большей органичностью и стройностью отличалось соотношеніе общаго и художественно-техническаго образованія въ Академіи художествъ по плану 1764 года. Воспитательное училище Академіи дѣлилось на три класса, съ трехгодичнымъ курсомъ каждый, расположенныхъ въ порядкѣ трехъ возрастовъ: дѣтскаго (6—9 лѣтъ), отроческаго (9—12 лѣтъ), юношескаго (12—15 лѣтъ). Составъ курса каждаго возраста былъ слѣдующій [1]):

Дѣтскій классъ.

1. Поученіе по лѣтамъ воспитанниковъ Закона Божія.
2. Всѣ части перваго дѣтскаго воспитанія.
3. Россійскій и
4. Иностранные языки } Чтеніе и письмо.
5. Рисованіе.
6. Первыя основанія ариѳметики.

Отроческій классъ.

Продолженіе всего прежняго и сверхъ того:

1. Геометрія
2. Географія } сокращенно.
3. Исторія

4. Краткія правила благонравія и что еще по способности каждаго за полезное признано будетъ.

---

[1]) Ibidem, стр. 9—10, 30—31.

Юношескій классъ.

Продолженіе всего прежняго и сверхъ того:

1. Прочія части математики.
2. Первыя основанія физики и натуральной исторіи.
3. Правила архитектуры и дѣланіе чертежей.
4. Способные ходятъ въ классы академическіе (живописный, гравировальный, скульптурный), а прочіе къ мастерствамъ (часовому, токарному, иконному, литейному и т. д.).

Такъ стройно и послѣдовательно складывалась въ учебномъ планѣ Академіи художествъ связь между общимъ образованіемъ и спеціальнымъ обученіемъ: два первые класса воспитательнаго училища—чисто общеобразовательные, третій классъ—въ особой части своего курса составлявшій посредствующее звено между общимъ и спеціальнымъ образованіемъ, наконецъ, спеціальные классы самой Академіи.

Это, какъ видимъ, та же схема соотношенія между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ, какая была положена въ основу военнаго и «гражданскаго» образованія въ Шляхетномъ корпусѣ, и, наконецъ, въ основу коммерческаго образованія, къ которому мы теперь должны обратиться.

Изъ всѣхъ отраслей профессіональнаго образованія, составлявшихъ въ совокупности обширный кругъ образованія для средняго чина гражданъ, коммерческое образованіе наиболѣе опредѣленно выступало въ заявленіяхъ самого заинтересованнаго въ этомъ образованіи общественнаго класса—купечества. Въ депутатскихъ наказахъ отъ городовъ Москвы, Твери и Архангельска мы находимъ не только принципіальныя заявленія о необходимыхъ для купечества школахъ, но и начертаніе опредѣленнаго плана, по которому должны быть учреждены эти школы. Московское купечество выражало пожеланіе о такихъ школахъ, въ которыхъ купеческія дѣти обучались бы «разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ наукамъ и знаніямъ». Тверское купечество желало для своихъ дѣтей общеобразовательной школы, но приспособленной къ интересамъ купечества. Въ

училищѣ, о которомъ хлопотали тверскіе купцы, должны были преподаваться, «для лучшей способности и скорѣйшаго окончанія наукъ на россійскомъ языкѣ, грамматика, ариѳметика, исторія, географія, реторика, философія съ юриспруденціей и священная догматическая богословія, но такимъ способомъ, который бы званію купца соотвѣтствовалъ, то есть былъ бы для купца и доволенъ и не требовалъ бы весьма долгаго времени, чтобъ купецкія дѣти, обучась онымъ, имѣли время обучаться и купечеству». Къ сожалѣнію, наказъ не поясняетъ, гдѣ должно было сосредоточиться это спеціальное обученіе купечеству, въ училищѣ же, или внѣ его, на практикѣ. Уже прямой планъ коммерческаго училища находимъ въ Архангелогородскомъ наказѣ, указавшемъ на отсутствіе въ Россіи «искусныхъ негоціантовъ, каковыми просвѣщенная Европа наполнена будучи, всегда умѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ». Русская же коммерція можетъ уподоблена быть такой «мануфактурѣ, которая, имѣя хорошіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства». Для образованія «благоискусныхъ купцовъ» и должна быть создана купеческая школа, курсъ которой составляютъ: правописаніе и штиль купеческихъ писемъ, ариѳметика и знаніе вѣса и мѣръ другихъ государствъ, бухгалтерія, купеческая географія, иностранные языки, права до купечества принадлежащія, русскія и иностранныя, навигація [1]). Такъ уже само купечество сумѣло установить довольно широкій взглядъ на задачу и содержаніе коммерческаго образованія.

Въ это же время, когда у насъ такъ опредѣленно заявляется потребность въ коммерческомъ образованіи, послѣднее начинаетъ развиваться въ Германіи, и въ его постановкѣ наблюдаются нѣкоторыя черты, отмѣченныя нами въ исторіи и другихъ видовъ спеціальнаго образованія. Коммерческое образованіе строится на болѣе или менѣе широкомъ общеобразовательномъ основаніи, и съ спеціальными задачами школы соединяются задачи воспитанія. Однимъ изъ

---

[1]) „Сборн. Императ. Рус. Истор. Общ.“, т. XCIII, стр. 134; CVII, стр. 432; CXXIII, стр. 464.

первыхъ крупныхъ опытовъ въ этомъ направленіи было учрежденіе въ Гамбургѣ въ 1768 году коммерческаго института или академіи (Institút zur Erziehung únd Vorübung des jungen Kaufmanns). Въ слѣдующемъ десятилѣтіи появляется цѣлый рядъ аналогичныхъ учрежденій: въ 1770 году въ Вѣнѣ Real-Handelsakademie, въ 1772 году коммерческое училище при гимназіи въ Лейпцигѣ, въ 1779 году коммерческое отдѣленіе при Karlsschule въ Штутгартѣ. Появленіе на западѣ спеціальныхъ коммерческихъ училищъ и теоретическая разработка вопроса о коммерческомъ образованія не остались, можно думать, безъ вліянія и на возникновеніе нашихъ проектовъ коммерческихъ школъ [1]).

Въ нашихъ проектахъ обозначались три типа коммерческой школы: учрежденное по плану Бецкаго «Воспитательное училище изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи», «купеческія училища» по плану государственныхъ гимназій 1765—1766 года, купеческій пансіонъ при Московской университетской гимназіи.

Учебный планъ перваго Коммерческаго училища представлялъ полную аналогію учебному плану Шляхетнаго корпуса, также распредѣляя все теченіе курса училища на пять возрастовъ. Курсы первыхъ двухъ возрастовъ въ корпусѣ и училищѣ были почти тождественные. Курсъ третьяго возраста получалъ уже спеціальное направленіе и обнималъ слѣдующіе предметы: математику, механику, наутику (мореплаваніе), языки употребительные и для наукъ потребные, краснорѣчіе, натуральную исторію, бухгалтерію и начала коммерціи, географію политическую, «нужныя части экономіи», т. е. знанія огородное, садовое и разныя части земледѣлія и домостроительства. Какъ и въ корпусѣ, третій возрастъ (отъ 12 до 15 лѣтъ) признавался критическимъ, когда «дѣйствительно разумъ, нравъ и всѣ слѣды склонности открываться начинаютъ». Поэтому

---

[1]) *Rein,* Encyklopädisches Handbuch der Pädagogik, IV, 1—20; VIII 958—959. *H. Gilow,* Das Berliner Handelsschulwesen des 18 Jahrhunderts (Monumenta Germaniae paedagogica, B. XXXV), S. 1—62. Обстоятельное извѣстіе о Гамбургскомъ коммерческомъ училищѣ появилось въ „С.-Петерб. Вѣстникѣ“ 1781 г., ч. VII, стр. 374—384.

предписывалось начальству и наставникамъ «примѣчать въ каждомъ (воспитанникѣ) склонность природную и качество разума», чтобы цѣлесообразнѣе направить дальнѣйшую спеціализацію его занятій. Курсъ четвертаго и пятаго возрастовъ опять представляетъ, съ формальной стороны, полную аналогію соотвѣтствующимъ курсамъ Шляхетнаго корпуса. Въ четвертомъ возрастѣ сосредоточивался собственно центръ всего спеціальнаго образованія: здѣсь проходятся всѣ части коммерціи, права государственныя и экономія, художества и мастерства. Въ пятомъ возрастѣ, «долженствующемъ быть жатвою посѣяннаго въ прошедшіе четыре возраста», весь кругъ прежде пройденныхъ наукъ «приводится въ совершенство», и къ нимъ прибавляется еще экспериментальная физика и химія. Какъ и въ корпусѣ, Законъ Божій и добронравіе, «упражненія истиннаго христіанина и честнаго человѣка» составляютъ необходимый элементъ курсовъ всѣхъ пяти возрастовъ [1]).

Нѣсколько иной типъ коммерческой школы представляли купеческія училища по плану 1765—1766 года. Учебный строй этихъ училищъ уже значительно отступалъ отъ той общей схемы, по которой создавались параллельныя имъ училища ученыя, военныя и гражданскія. Училища трехъ послѣднихъ категорій составлялись изъ трехъ классовъ, съ четырехгодичнымъ курсомъ каждый. Въ купеческихъ училищахъ сохранялся трехгодичный курсъ для каждаго класса, по примѣру училища при Академіи художествъ. Это сокращеніе курса купеческаго училища мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что ученики, выходя изъ училища въ 15-ти лѣтнемъ возрастѣ, «должны еще обучаться практикѣ въ знатныхъ купеческихъ конторахъ семь лѣтъ по обыкновенію всѣхъ европейскихъ государствъ». Съ другой стороны, спеціализація курса, которая въ другихъ училищахъ сосредоточивалась лишь въ третьемъ классѣ, въ купеческихъ училищахъ должна была начинаться со второго класса: «что касается до воспитанія во благонравіи и до обученія въ нижнемъ классѣ, то и въ сихъ учи-

---

[1]) „Учрежденія и Уставы“, т. I. стр. 183—203. *П. М. Майковъ*, Бецкой и т. д., гл. 9.

лищахъ оное должно быть одинаково; какъ же скоро ученики вступятъ во второй классъ, то уже ученіе во многомъ отъ учрежденнаго и нужнаго въ другихъ училищахъ порядка ученій различествуетъ, и учениковъ надлежитъ многому учить такому, о чемъ мало нужды и знать въ прочихъ училищахъ». Въ дальнѣйшемъ курсъ купеческаго училища составляется слѣдующимъ образомъ: «ариѳметика, а особливо знаніе, какъ вести купеческіе щеты и книги, симъ училищамъ больше всего свойственны, и учащіеся должны оныя знать во всевозможномъ совершенствѣ. Здѣсь учениковъ обучать исправному правописанію на россійскомъ языкѣ и сочиненію писемъ, ясному, учтивому и со всѣми употребляемыми благопристойностями. Латинскому языку столько ихъ обучать, сколько надобно для разумѣнія употребляемыхъ въ коммерціи терминовъ; нѣмецкому жъ, французскому, аглинскому и голландскому языкамъ обучать каждаго по охотѣ и по вольному выбору столько, сколько надобно для того, чтобъ изъясниться на словахъ и на письмѣ и сколько въ комъ будетъ способности. Надобно ихъ научить знать редукцію денегъ мѣры и вѣсу всѣхъ земель противъ россійскихъ. Начальныя основанія геометріи и тригонометріи и главныя правила кораблеплаванія, особливо употребленіе морскихъ картъ, морского компаса, Гадлѣева квадрата купцу надобно знать. Также учениковъ обучать генеральной исторіи о коммерціи и о кораблеплаваніи, дать имъ узнать внутреннія учрежденія другихъ европейскихъ государствъ, истинное состояніе вольности тамошнихъ подданныхъ, и точные онымъ предписанные предѣлы государственными законами, состояніе банковъ, торговыхъ компаній и кредита всѣхъ европейскихъ областей. Что касается до географіи, то ихъ особливо обучать надлежитъ знать морскіе берега и лежащія на нихъ знатныя торговыя мѣста. Учить ихъ также знать о знатнѣйшихъ продуктахъ, мануфактурахъ и торговыхъ промыслахъ каждой земли, а больше сего географію своего отечества и о продуктахъ каждой провинціи онаго, внутренней комуникаціи посредствомъ рѣкъ и каналовъ, и обо всемъ прочемъ къ иностранной торговлѣ принадлежащемъ. Съ сими нужными генеральными знаніями соединить надлежитъ и теорію

коммерціи, о которой уже такое множество изрядныхъ написано книгъ, что учитель хотя бы и самъ о коммерціи не имѣлъ свѣдѣнія, только бы имѣлъ довольно способности полезное и нужное, занимая изъ книгъ, преподавать своимъ ученикамъ, то будетъ въ состояніи ихъ научить. Еще же необходимо обучать сихъ учениковъ строжайшимъ должностямъ нравоучительной философіи, и больше всего имъ вперять сію истину, что искренность, примѣрность, порядочная жизнь, а особливо точное наблюденіе общенародной благодовѣренности составляютъ душу коммерціи и главнѣйшее свойство и знатнаго купца и фабриканта» [1]).

Такъ въ проектахъ и планахъ учебныхъ реформъ 1760—1770-хъ годовъ обозначился рядъ различныхъ типовъ школъ, долженствующихъ готовить къ технической, промышленной и коммерческой дѣятельности. Различіе этихъ типовъ и характеръ сочетанія въ ихъ учебномъ строѣ элементовъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ опредѣлялось не только различіемъ существа разныхъ профессій, но и характеромъ той сословной задачи, разрѣшенію которой должно было служить, между прочимъ, насажденіе техническаго и коммерческаго образованія. Этой цѣлью было созданіе, посредствомъ извѣстной системы воспитанія и образованія, новаго сословія, средняго рода гражданъ или мѣщанства. Выше были показаны причины, по которымъ не могло быть создано единое сословное мѣщанское образованіе. Соотвѣтственно глубокому различію культурныхъ потребностей и интересовъ отдѣльныхъ слоевъ, изъ которыхъ складывался средній чинъ гражданъ, должны были развѣтвиться отдѣльныя отрасли профессіональнаго мѣщанскаго образованія, опирающіяся, притомъ, на неодинаковое общеобразовательное основаніе. Училища при Воспитательномъ домѣ и при Академіи Художествъ, назначаемыя для низшихъ слоевъ городского населенія, суть въ основѣ своей низшія и среднія разночинскія реальныя школы. Для высшаго слоя того же населенія, для купечества, намѣ-

[1]) „Матеріалы“, стр. 108—109. О купеческомъ пансіонѣ при москов. гимназіи см. выше стр. 448—449.

чаются и болѣе высокіе типы школы, строящіеся по образцу сословныхъ дворянскихъ школъ: коммерческое воспитательное училище по образцу шляхетнаго корпуса и купеческій пансіонъ при университетской гимназіи по образцу благороднаго пансіона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Условія осуществленія новой системы народнаго просвѣщенія.

Въ законодательномъ разрѣшеніи вопроса о созданіи полной системы народнаго просвѣщенія мы различили двѣ стороны. Одна сторона состояла въ разграниченіи отдѣльныхъ ступеней образованія, низшаго, средняго, высшаго, въ установленіи взаимной между ними связи и въ выработкѣ соотвѣтствующихъ типовъ школъ, общеобразовательныхъ и профессіональныхъ; другая—въ созданіи опредѣленныхъ условій, гарантировавшихъ практическое осуществленіе новой системы просвѣщенія. Такими условіями были: 1) созданіе педагогической и преподавательской профессіи, 2) выдѣленіе учебной администраціи, какъ особой отрасли государственнаго управленія, 3) обезпеченіе школы матеріальными средствами.

I.

Въ эпоху господства сословно-профессіональной системы образованія преподавательская дѣятельность не могла сложиться въ особую, самостоятельную профессію. Преподавательскія обязанности въ профессіональныхъ школахъ, худо ли, хорошо ли, исполнялись практиками спеціалистами тѣхъ отраслей службы государственной и духовной, для которыхъ школы предназначались. Профессіональными, въ собственномъ смыслѣ, педагогами являлись разнаго рода домашніе наставники и воспитатели, а также старинные «мастера» начетчики, поддерживавшіе грамотность въ народной массѣ.

Новая общеобразовательная школа, создававшаяся въ срединѣ XVIII вѣка и преслѣдовавшая, прежде всего, чистые пе-

дагогическіе идеалы, была немыслима безъ профессіональнаго педагога. Чѣмъ глубже отражалъ тотъ или другой проектъ новой системы просвѣщенія ея основные идеалы, тѣмъ ярче обрисовывалъ онъ роль школьнаго наставника, какъ главнаго фактора школьной жизни. Не будемъ излагать хорошо извѣстныхъ, пространныхъ разсужденій Бецкаго о роли воспитателя и наставника въ школѣ, о необходимыхъ для педагога высшихъ нравственныхъ качествъ. Остановимся только на томъ, какъ относились къ данному вопросу проекты общей учебной системы. Составители плана «дѣтскихъ воспитательныхъ академій», подобно Бецкому опиравшіеся непосредственно на на начала Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года, въ вопросѣ о школьныхъ воспитателяхъ и наставникахъ исходили изъ того психологическаго воззрѣнія, на которомъ долженъ былъ основываться весь порядокъ первоначальнаго воспитанія дѣтскаго возраста: младенецъ уподобляется обезьянѣ, которая все, что видитъ, пойметъ, сможетъ, то и дѣлаетъ. Всѣ, въ дѣтствѣ случившіяся ему воображенія, надолго въ памяти и въ сердцѣ его останутся». Въ этомъ и заключается трудность выбора воспитателей и учителей. Не говоря уже о томъ, что наставники новыхъ училищъ должны по природѣ быть людьми благонравными и духа благороднаго, требовалось, чтобы они «имѣли просвѣщеніе въ наукахъ нравоучительныхъ и были разумные и проницательные испытатели сердца человѣческаго». Задача наставниковъ—не въ томъ, чтобы *словесно* толковать дѣтямъ правила нравоучительной философіи, но «*самымъ дѣломъ* вести жизнь младенца, имъ препорученнаго, исправляя повсечасно или, лучше сказать, повсеминутно его сердце». Въ виду преимущественной важности воспитательныхъ цѣлей новой школы, первая роль отводится тѣмъ «надзирателямъ», которые, не неся преподавательскихъ обязанностей, всецѣло отдаются воспитательской дѣятельности, смотря на учащихся, какъ на своихъ дѣтей; но, что важнѣе всего, сами воспитатели должны вести себя такъ строго, чтобы не подать питомцамъ ни малѣйшаго примѣра безпорядка. Этотъ-то разрядъ наставниковъ играетъ въ школѣ, какъ упомянуто, первую роль, и преподаватели наукъ

состоятъ у нихъ «по должности своей въ дирекціи». Но и при выборѣ преподавателей надлежитъ «больше взирать на на образъ ихъ мыслей, нежели на высокость науки». Послѣдующіе проекты общей учебной системы, уже слабѣе отражавшіе первоначальное увлеченіе проблемой воспитанія, не столь рѣзко и выпукло выдвигали вопросъ о значеніи нравственной личности школьнаго наставника, хотя также предъявляли къ преподавательскому персоналу высокія нравственныя требованія. Золотницкій въ подробномъ планѣ учебной системы отмѣчалъ необходимость не только внутреннихъ качествъ въ учителяхъ, но и «наружныхъ совершенствъ, достоинства и важности». Проектъ частной коммиссіи о деревенскихъ школахъ обязывалъ учителей «не только въ благочиніи содержать учащихся, но и самимъ быть воздержаннаго житія, а особливо при дѣтяхъ непристойныхъ словъ отнюдь но говорить, брани, лжи, пьянства и тому подобныхъ пороковъ убѣгать, словомъ, такую вести жизнь, которая бы заслуживала отъ учениковъ къ нимъ почтеніе и любовь». Равнымъ образомъ и проектъ церковной комиссіи 1771—1772 года вмѣнялъ въ обязанность учителямъ приходскихъ школъ, дьяконамъ и дьячкамъ, быть людьми порядочными, «паче же образъ житія своего вести въ трезвости и добронравіи. Учителя отнюдь не должны быть свирѣпы и злонравны, но ласковы и снисходительны къ дѣтямъ, а болѣе всего терпѣливы [1]).

Чѣмъ выше поднималось значеніе школьнаго наставника, призваннаго служить живымъ олицетвореніемъ педагогическаго идеала новой школы, тѣмъ рѣзче выступалъ вопросъ о подготовкѣ такихъ педагоговъ. Какъ ставили и разрѣшали этотъ вопросъ наши проекты новой системы просвѣщенія?

Всѣ проекты, разрабатывавшіе систему начальнаго образованія, отдавали послѣднее всецѣло въ руки приходскаго духовенства и возлагали учительскія обязанности преимущественно на младшихъ членовъ причта. По плану простонародныхъ школъ, слѣдовавшему за планомъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года, учителями этихъ простыхъ пуб-

[1]) „Матеріалы“, стр. 87 и слѣд., 195, 230, 335.

личныхъ школъ должны были служить, по точному повелѣнію Св. Синода, приходскіе священники и дьячки, и только по совершенной невозможности для священника отправлять учительскія обязанности дозволяется ему на свое мѣсто пріискать другого способнаго человѣка изъ семинаристовъ или изъ студентовъ Московскаго и Кіевскаго университетовъ, но съ тѣмъ, чтобы этимъ замѣстителемъ «обученіе производилось во всемъ по предписанному наставленію». По проекту частной училищной коммиссіи учителемъ деревенской школы въ большомъ приходѣ долженъ быть дьяконъ, а въ маломъ—дьячокъ. Только въ приходахъ съ двумя-тремя священниками и съ нѣсколькими школами, по недостатку церковниковъ, учительскую должность принимаетъ на себя младшій священникъ. По недостатку же церковниковъ могутъ опредѣляться въ деревенскія школы и «вольные учители». Отъ тѣхъ и отъ другихъ требуется удостовѣреніе въ ихъ «способности» къ учительству. Эта способность «свидѣтельствуется въ духовномъ правленіи», которое выдаетъ испытуемымъ письменные аттестаты».

Такимъ же порядкомъ замѣщаются младшими членами причтовъ учительскія должности въ нижнихъ городскихъ школахъ по проектамъ частной училищной коммиссіи и Духовной коммиссіи 1772 года. Въ проектахъ частной коммиссіи намѣчались для городского населенія, кромѣ начальныхъ, еще школы высшаго типа, названныя «ариѳметическими». Эти школы требовали уже спеціалистовъ учителей, «кои могутъ обучать полную ариѳметику» и должны быть «свидѣтельствованы въ знаніи своей науки искусными людьми». Забота о пріисканіи такихъ учителей лежитъ на магистратахъ; если магистраты не могутъ найти такихъ учителей въ своемъ городѣ, то должны «требовать» ихъ отъ губернаторовъ. Наконецъ, для тривіальныхъ школъ по проекту Дильтея учителей долженъ былъ поставлять университетъ. Несмотря на элементарный характеръ тривіальныхъ школъ, учителя послѣднихъ, по мнѣнію Дильтея, должны быть «всѣ люди ученые»; кандидаты на учительство подвергаются экзаменамъ въ университетѣ, въ собраніи всѣхъ профессоровъ, и посылаются на мѣста съ пе-

чатнымъ аттестатомъ изъ предосторожности, «дабы одинъ вмѣсто другого, не имѣя достоинства, въ такую должность не вступилъ и больше вреда, нежели пользы, сему учрежденію не причинилъ бы [1]).

Былъ затронутъ также вопросъ о способахъ и методахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ и о необходимости извѣстнаго единства въ этомъ отношеніи. По проекту публичныхъ простонародныхъ школъ 1765—1766 года для обученія чтенію и письму учителя должны получать «способнѣйшую методу», изысканную директорами главныхъ гимназій, а также печатные или на мѣди вырѣзанные экземпляры самаго чистаго письма, «по которымъ юношество учить писать, и, конечно, не инако». Равнымъ образомъ для нравоученія «метода обученія должна быть во всѣхъ мѣстахъ равна и согласна; и понеже наставленіе должно быть сочинено столь ясно, чтобы каждому было внятно, то всѣмъ учителямъ отъ слова до слова онаго держаться, не выпуская ничего и не прибавляя»; тѣмъ болѣе «возбраняется учителямъ что либо отъ себя прибавлять въ обученіи Закона». Такому же стѣсненію подвергаетъ учителя и частная училищная коммиссія, «подъ наказаніемъ запрещая на нравоученія и догматы вѣры, находящіяся въ учебной книгѣ, особливые дѣлать учащимся толки и прибавлять что нибудь отъ себя къ тому». Учитель можетъ разсуждать о добродѣтеляхъ, изложенныхъ въ учебной книгѣ, «только отнюдь не разнствуя съ предписаннымъ изъясненіемъ».

Требуя отъ учителей удостовѣренія въ «способности» къ преподаванію, упоминая о единообразныхъ методахъ преподаванія, проекты низшаго народнаго образованія, можно сказать, вплотную подходили къ вопросу о средствахъ приготовленія учителей. Но этотъ коренной вопросъ какъ разъ и остался неразрѣшеннымъ и даже прямо не былъ поставленъ. Какъ объяснить столь существенный пробѣлъ, тѣмъ болѣе характерный, что составителямъ нашихъ проектовъ едва ли оставалось неизвѣстнымъ то значеніе, какое придавалось этому вопросу въ западной педагогіи и въ школьномъ зако-

---

[1]) Ibidem, стр. 19—20, 142—143, 229—230, 237—239, 329.

нодательствѣ? Такъ въ прусскомъ законодательствѣ, подъ вліяніемъ котораго создался главный изъ нашихъ проектовъ низшаго народнаго образованія, проектъ частной училищной коммиссіи, уже опредѣленно указывалось спеціальное учрежденіе для подготовки учителей — педагогическая семинарія. Въ § 14-мъ прусскаго Generallandschulreglement выражено было требованіе замѣщать учительскіи должности въ городскихъ и сельскихъ школахъ кандидатами изъ учрежденной Геккеромъ въ Берлинѣ учительской семинаріи. О педагогическихъ семинаріяхъ говорилъ также уставъ католическихъ школъ въ Силезіи 3 ноября 1765 года [1]).

Общая причина, почему составители нашихъ проектовъ не восприняли мысли о спеціальныхъ разсадникахъ учителей для народныхъ школъ, заключалась, можно предполагать, въ томъ положеніи, что всѣ эти школы отдавались въ вѣдѣніе духовенства; а предпринятая въ то же время общая реформа духовнаго образованія, какъ было указано въ инструкціи Духовной Коммиссіи 1762 года, имѣла цѣлью подготовку духовенства къ широкой пастырской дѣятельности, къ которой относились и обязанности въ отношеніи народнаго образованія. Духовная Коммиссія въ проектѣ градскихъ школъ 1772 года прямо отмѣчала ненужность спеціальной подготовки къ учительской должности; учителю достаточно усвоить то, что содержится въ учебной книгѣ: «ежели они (учителя) сами вышеупомянутыхъ наукъ, яко то ариѳметики, географіи и исторіи не училися, то книжки, къ тому сочиненныя, суть уже такого понятія, что они, прочитавъ ихъ прилежно и

---

[1]) *Rönne*, op. cit., I, 68, 132—133. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что широкое распространеніе учительскія семинаріи для подготовки народныхъ учителей начинаютъ получать уже нѣсколько позже, въ 1770-хъ и 1780-хъ годахъ. Притомъ первыя изъ этихъ семинарій были не правительственными, а частными заведеніями, лишь получавшими субсидіи и покровительство со стороны мѣстныхъ правительствъ. *K. Fischer*, Geschichte des deutschen Volksschullehrerstandes (Hannover, 1892), I, 291—318. Перечень семинарій въ Германіи нъ XVШ в. см. *Lexis*, Das Unterrichtswesen in Deutschen Reich, Ш, 234 и слѣд. На необходимость подготовки учителей изъ крестьянъ въ особыхъ семинаріяхъ указывалъ въ своей запискѣ Зульцеръ. Но эта записка была прислана въ Россію въ 1773 г., уже послѣ составленія нашихъ проектовъ.

неоднократно, могутъ дѣтей обучать, поелику сами вразумилися, ибо больше того отъ нихъ не требуется» [1]). Если для учителя признавались достаточными тѣ знанія, которыя онъ непосредственно долженъ былъ передать ученикамъ, то методическая подготовка учителя замѣнялась требованіемъ механическаго слѣдованія «предписаннымъ» руководствамъ.

Также шатко стоялъ въ нашихъ проектахъ и вопросъ объ учителяхъ для средней школы. По проекту Дильтея и частной училищной коммиссіи ихъ долженъ поставлять университетъ. По плану государственныхъ гимназій 1765—1766 года разсадниками учителей для этихъ гимназій могли служить сами «ученыя» школы. Затѣмъ всѣ проекты сходились на признаніи необходимости допускать къ учительскимъ должностямъ лишь достойныхъ того лицъ. Но какими средствами должна достигаться и удостовѣряться эта готовность? Обстоятельнѣе другихъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ Дильтей. Всѣ мѣры для снабженія гимназій учителями должны зависѣть всегда отъ одного университета; публичное собраніе профессоровъ испытываетъ аттестаты каждаго кандидата, «дабы богословъ юристомъ, или юристъ богословомъ себя не называлъ, что весьма великимъ всему учрежденію будетъ стыдомъ»; избранный учитель получаетъ отъ университета надлежаще удостовѣренный о своемъ званіи аттестатъ, «ибо невозможно довольное прилагать стараніе къ тому, чтобъ недостойные въ должность учительскую не вступали». Планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года ограничился выраженіемъ требованія принимать въ учителя только такихъ людей, «которые бы основательно могли обучать порученной имъ наукѣ», но не указалъ средствъ удостовѣренія въ такой подготовленности; выборъ же въ надзиратели и надзирательницы людей «добродѣтельнаго житія и тихаго нрава» предоставлялся личному разсмотрѣнію и апробаціи главныхъ начальниковъ гимназій, директоровъ. Частная коммиссія объ училищахъ, сообразно съ двойственнымъ назначеніемъ проектированныхъ ею гимназій, дѣлила учителей на два разряда, духовныхъ и свѣтскихъ.

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 335.

Первые назначаются духовной властью; вторые опредѣляются отъ университета изъ достойныхъ студентовъ, или, за недостаткомъ таковыхъ, на первый случай, принимаются и вольные люди, но только имѣющіе письменное о достоинствахъ своихъ свидѣтельство отъ университета. Въ низшіе классы могутъ быть опредѣляемы также «изъ обучавшихся въ гимназіи учениковъ» [1]).

И въ проектахъ средней школы довольно опредѣленно выразилось сознаніе необходимости подчинить ходъ преподаванія извѣстнымъ методическимъ правиламъ и методическому единству. Съ этою цѣлью уже въ самыхъ проектахъ организаціи новыхъ школъ, т. е. въ законодательныхъ, по существу, актахъ вводится извѣстная регламентація учительской «должности»: отношенія учителя къ учиникамъ, способа преподаванія, выбора руководствъ и т. под. Такую регламентацію находимъ въ большомъ планѣ Золотницкаго (гл. III, разд. 6-ой: «какимъ образомъ наставлять и учить дѣтей въ сихъ, т. е. среднихъ школахъ»), въ проектѣ самой частной коммиссіи объ училищахъ (гл. 4-я: «о учителяхъ и ихъ должности»), въ обширномъ планѣ духовныхъ школъ 1766 года. Нѣсколько иначе ставилъ этотъ вопросъ планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года. Вся методическая сторона учебнаго дѣла въ этимъ гимназіяхъ подлежала разработкѣ въ особомъ инструкціонномъ порядкѣ, исходящемъ отъ высшей учебной власти и передаваемомъ учителямъ черезъ посредствующее начальство. Директорами, составляющими совѣтъ при протекторѣ, сочиняется «удобнѣйшая и полезнѣйшая метода для обученія потребнымъ наукамъ въ каждой школѣ и каждомъ классѣ». Ректорамъ и конректорамъ принадлежитъ ближайшее наблюденіе за исполненіемъ этой методы; а «главная должность учителей состоитъ въ точномъ наблюденіи данной имъ каждому особливо отъ директоровъ, при вступленіи въ должность, инструкціи» [2]).

При такихъ условіяхъ, когда отправленіе учительскихъ

---

[1]) Ibidem., стр. 28—29, 124—126, 194—195, 249—250.
[2]) „Матеріалы“, стр. 121, 123—125.

обязанностей регламентировалось въ подробностяхъ или общимъ школьнымъ уставомъ или особыми инструкціями, не могла выдвинуться съ надлежащей силой идея спеціальной научной подготовки учителей, та идея, которая, главнымъ образомъ, сообщила реальную мощь германскому педагогическому движенію XVIII вѣка. Въ тѣ десятилѣтія, когда появились наши проекты учебныхъ реформъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи уже существовали спеціальныя семинаріи для приготовленія учителей. Такова была, прежде всего, знаменитая филологическая семинарія въ Гёттингенѣ, учрежденная Гесснеромъ. Въ другихъ университетахъ спеціальныя семинаріи для приготовленія учителей, по примѣру Геттингена, стали появляться уже въ 1770—1780 годахъ, и если составителямъ нашихъ проектовъ учебныхъ реформъ уже были извѣстна семинарія въ Галле, то общее значеніе этихъ новыхъ учрежденій, видимо, еще не было ими сознано [1]). Тѣмъ не менѣе, и въ нашихъ проектахъ находимъ уже рядъ разнохарактерныхъ попытокъ создать спеціальныя педагогическія учрежденія.

Первой такой попыткой былъ оригинальный, уже упомянутый выше, проектъ учрежденія въ Москвѣ и Петербургѣ двухъ «рабскихъ школъ», имѣвшій въ виду исключительно интересы дворянскаго общества: въ «худомъ примѣрѣ крѣпостныхъ дядекъ» Дильтей усматривалъ «корень испорченнаго воспитанія» благороднаго юношества. Каждая рабская школа имѣетъ комплектъ въ 100 учениковъ, раздѣляемыхъ на два класса, по 50 человѣкъ въ каждомъ. Курсъ ученія, совершаемаго въ пять лѣтъ, составляютъ: языки русскій, французскій, нѣмецкій и латинскій (съ чтеніемъ К. Непота и Овидія), исторія, географія, ариѳметика (до редукціи, правилъ тройного, пятерного и товарищества), правила нравоученія, извлекаемыя изъ всѣхъ предметовъ, наконецъ «правила о воспитаніи», т.-е. педагогика, изъясняющая пріемы воспитанія

---

[1]) *I. F. Pütter*, Versuch einer academ. Gelehten-Geschichte von der G.-Aug. Universität zü Göttingen (1765), S. 248—250. *Paulsen*, Geschichte des gelehrten Unterrichts, II, S. 24, 37—38, 44, 79.

и «всѣ дѣтскія должности»: «какъ дѣти себя вести при одѣваніи, при столѣ и въ обхожденіи съ людьми должны, что́ и какъ надобно говорить, что́ Богу, что́ отечеству, что́ ближнему отдавать должны, что̀ правила нравовъ повелѣваютъ или запрещаютъ». Поднимая образованіе крѣпостныхъ дядекъ до уровня средняго образованія, Дильтей отмѣчаетъ, что изъ рабскихъ школъ будутъ выходить не только дядьки, въ собственномъ смыслѣ этого слова, и начальные учителя, подготовляющіе дворянскихъ дѣтей къ среднимъ школамъ, но также слуги, полезные господамъ «въ различныхъ нуждахъ домашнихъ». Такъ, напримѣръ, въ послѣдній годъ курса ученики рабской школы должны учиться «штилю писемъ, чтобы господамъ своимъ и въ семъ полезными быть могли». Какъ среднія общеобразовательныя училища, рабскія школы состоятъ подъ покровительствомъ С.-Петербургской академіи наукъ и Московскаго университета, которымъ принадлежитъ право выбора ректоровъ школъ, а ректоръ приглашаетъ себѣ въ помощь двухъ учителей [1]).

Проектъ Дильтея о «рабскихъ» школахъ остался единственной въ своемъ родѣ попыткой практически разрѣшить вопросъ о подготовкѣ домашнихъ воспитателей и наставниковъ. Посмотримъ, какъ ставился вопросъ о подготовкѣ преподавательскаго персонала для публичныхъ школъ?

Въ планахъ Бецкаго мысль о спеціальномъ разсадникѣ наставниковъ для устроенныхъ имъ учебно-воспитательныхъ заведеній должна была явиться логическимъ выводомъ изъ того взгляда, по которому «вся сила» и судьба этихъ заведеній зависѣла отъ удачнаго выбора наставниковъ и воспитателей.

---

[1]) Дильтей предвидитъ, что учителя изъ свободныхъ состояній отнесутся съ предразсудкомъ къ своимъ крѣпостнымъ коллегамъ. „Учители сію должность, какъ себѣ непристойную, презирать не должны, ибо что можетъ быть благороднѣе, какъ полезныхъ въ государствѣ людей производить? Надлежитъ имъ представить себѣ, что слуги токмо однимъ счастіемъ рожденія своего отъ нихъ отличены, но безсмертною-жъ душою одарены; надлежитъ имъ думать, что они самимъ себѣ и роду человѣческому будутъ полезны не столько для пользы слугъ совершенства, сколько для всей Имперіи и всѣхъ благородныхъ людей трудиться будутъ, принявъ на себя непріятную сію должность“, т. е. службу въ рабскихъ школахъ. „Матеріалы“, стр. 11—15.

*

Если, писалъ Бецкой въ разсужденіи о Шляхетномъ корпусѣ, для послѣдняго найдутся учителя, отвѣчающіе начертаннымъ имъ идеальнымъ требованіямъ, «то объ успѣхѣ и о благосостояніи онаго (корпуса) сомнѣваться не можно; буде же, по несчастію, такихъ людей не достанетъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ». Фактическая трудность найти хорошихъ воспитателей, учителей и профессоровъ, удовлетворяющихъ не только общимъ педагогическимъ требованіямъ, но и особеннымъ условіямъ данной школы, побудила Бецкаго выступить въ 1772 году съ планомъ воспитанія при Шляхетномъ корпусѣ мѣщанскихъ дѣтей для приготовленія изъ нихъ воспитателей въ корпусѣ.

Этому новому учрежденію Бецкой придавалъ принципіальное значеніе, приводя къ своемъ докладѣ слова Генеральнаго учрежденія 12 марта 1764 года: «или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать». Но заведеніе при корпусѣ особаго педагогическаго разсадника не отвѣчало всей, хорошо сознанной самимъ Бецкимъ, широтѣ потребности въ педагогическихъ силахъ. Воспитываемые наравнѣ съ кадетами, въ условіяхъ одинаковаго режима, мѣщанскія дѣти предназначались только на должности воспитателей и учителей въ младшихъ трехъ «возрастахъ» корпуса, такъ какъ въ старшихъ возрастахъ воспитаніе находилось уже въ рукахъ военнаго персонала, а преподаваніе въ рукахъ спеціальныхъ учителей и профессоровъ. Между тѣмъ подборъ послѣднихъ, по признанію самого Бецкаго, представлялъ не меньшую трудность. Но для ея устраненія Бецкой не указалъ никакихъ особыхъ мѣръ и даже прямо не упомянулъ, какимъ порядкомъ и при соблюденіи какихъ гарантій должны быть приглашаемы въ корпусъ преподаватели научныхъ предметовъ. Такъ мысль о спеціальномъ педагогическомъ учрежденіи въ планахъ Бецкаго получила осуществленіе въ формѣ слишкомъ односторонней и узкой, которая не могла послужить образцомъ для тѣхъ учрежденій, въ которыхъ нуждалась система общаго образованія [1]).

---

[1]) „Учрежденія и Уставы“, II, стр. 81, 158—164.

По отчетамъ о состояніи Московскаго университета въ 1766—1768 году мы отмѣтили въ составѣ студентовъ небольшую группу «гимназическихъ информаторовъ», слушавшихъ отдѣльные курсы по исторіи, математикѣ, физикѣ, римскому праву, нѣмецкому и французскому языкамъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этихъ информаторахъ, въ которыхъ, повидимому, можно видѣть лицъ, спеціально готовившихся къ педагогической службѣ. По проекту новаго штата московскихъ университетскихъ гимназій, составленному В. Е. Ададуровымъ, къ исправленію обязанностей учителей въ нѣкоторыхъ классахъ допускались «старшіе студенты», напримѣръ въ низшемъ классѣ латинскаго и греческаго языковъ, въ классѣ исторіи, во всѣхъ классахъ разночинской гимназіи. Таковы были первые слабые проблески мысли о средствахъ педагогической подготовки студентовъ университета. Надлежащее осуществленіе эта мысль получила уже только въ самомъ концѣ 1770-хъ годовъ, когда, по примѣру германскихъ университетовъ, была открыта при Московскомъ университетѣ, трудами профессора И. Г. Шварца, педагогическая семинарія. По краткимъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ о курсахъ, какіе читались въ этой семинаріи, можно, кажется, отнести ее къ типу филологическихъ семинарій въ германскихъ университетахъ. Въ 1790-хъ годахъ встрѣчаемъ упоминаніе объ «учительскомъ институтѣ», являвшемся, вѣроятно, продолженіемъ первоначальной педагогической семинаріи. По росписанію лекцій въ Московскомъ университетѣ за 1792—1793 годъ профессоръ Баузе, читавшій общую энциклопедію, по руководству Зульцера, «для желающихъ упражняться въ томъ или другомъ родѣ наукъ», преподавалъ также «членамъ института учительскаго наставленія педагогическія и методологическія, стараясь о томъ, чтобы они точно по онымъ поступали въ своемъ ученіи, дабы со временемъ съ пользою и честью могли они служить университету, толико пекущемуся о ихъ просвѣщеніи» [1]).

---

[1]) *Шевыревъ*, op. cit., стр. 219, 227, 233, 234—235. *Bacmeister*, Russische Bibliothek, t. VII, 206, 552; t. VIII, 532. Въ 1782 г. упоминаются 2 семи-

Такъ начало спеціальному педагогическому образованію, въ формѣ наиболѣе цѣлесообразной съ точки зрѣнія интересовъ общей системы просвѣщенія, положено было тогда, когда совокупность проектовъ, разработавшихъ эту систему, была уже предана забвенію. Въ концѣ 1770-хъ годовъ идея спеціальнаго педагогическаго образованія начинаетъ связываться уже съ новымъ планомъ, стоящимъ въ центрѣ политики народнаго просвѣщенія слѣдующей эпохи. Просьба императрицы Екатерины къ Гримму дать отзывъ über das Schulmeisterwerk, замѣчанія Гримма на проектъ Шадена объ учительской семинаріи относятся уже къ совершенно новому предположенію начать учебныя реформы съ устройства нормальныхъ школъ по австрійскому образцу.

Готовясь стать самостоятельной отраслью общественной и государственной службы, педагогическая профессія должна была найти себѣ опредѣленное мѣсто въ табели о рангахъ. То или иное положеніе педагога на лѣстницѣ государственной службы не могло не отразиться на условіяхъ его профессіональной дѣятельности.

Такъ какъ по всѣмъ проектамъ данной эпохи начальное народное образованіе отдавалось въ руки духовенства, и преподавательскія обязанности въ низшихъ народныхъ училищахъ возлагались на клириковъ, то въ сферѣ низшаго народнаго образованія преподавательская дѣятельность и не выдѣлялась въ самостоятельную профессію. Какъ особая общественная группа, выступаетъ въ данное время лишь педагогическій и преподавательскій персоналъ средней и высшей школъ. На необходимость сдѣлать эту группу устойчивой, предупредить выходъ изъ нея на другія, болѣе выгодныя и привлекательныя поприща дѣятельности указывали составители плана государственныхъ гимназій 1765—1766 года и Золотницкій въ подробномъ планѣ новой учебной системы. Одного матеріальнаго вознагражденія педагогической службы, по мнѣ-

---

наріи—педагогическая и филологическая. Ibid., 378. О курсѣ Баузе въ росписаніи лекцій въ Москов. университетѣ въ 1792—1793 г. Москов. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, портфели Миллера, № 1 Historia Litteraria.

нію Золотницкаго, было бы недостаточно; «достиженіе въ другихъ службахъ чиновъ будетъ непремѣнно лишать училища хорошихъ учителей», въ виду чего преподавательская служба должна быть подчинена опредѣленному чинопроизводству. Планъ государственныхъ гимназій распространялъ на воспитателей и преподавателей этихъ училищъ права и преимущества, установленныя для соотвѣтственныхъ должностей при Академіи Художествъ: должность ректоровъ или оберъ-профессоровъ гимназій помѣщалась въ 6-мъ классѣ, конректора и главныхъ учителей или профессоровъ въ 7-мъ, адъюнктъ-профессоровъ въ 8-мъ, воспитателей, учителей языковъ и «прочихъ мастеровъ» второго класса гимназій въ 9-мъ, наконецъ, надзирателей, надзирательницъ и учителей младшаго класса въ 11-мъ. Проектъ Золотницкаго помѣщалъ преподавателей государственныхъ гимназій на низшихъ ступеняхъ чиновной лѣстницы: должности учителей «вышнихъ наукъ» (философіи, универсальной исторіи съ географіей, высшихъ математическихъ классовъ и стиля иностранныхъ языковъ) были отнесены къ 11-му классу, а всѣхъ прочихъ элементарныхъ предметовъ — къ 12-му. Въ окончательномъ проектѣ, принятомъ частной коммиссіей, этотъ вопросъ затронутъ не былъ [1]).

Особенное значеніе имѣлъ вопросъ о предоставленіи правъ государственной службы университетскимъ профессорамъ. Первый историкъ петербургскаго академическаго университета, Миллеръ, какъ мы видѣли, указывалъ главную причину того, что университетъ привлекалъ мало слушателей, въ отсутствіи у учащихъ и учащихся правъ на чинопроизводство. Высказывая ту же мысль, Ломоносовъ жаловался, что Регламентомъ 1747 года «капитанскіе ранги по старому профессорамъ оставлены», тогда какъ «профессоры въ другихъ государствахъ, несмотря на ихъ множество, ниже на то, что большая часть не изъ дворянства, производятся въ совѣтники правительства, въ статскіе и тайные, и сверхъ того въ знатное дворянство, т. е. въ бароны». Стремленіе поставить университетскихъ препода-

[1]) „Матеріалы“, стр. 136—137, 195, 212—213.

вателей по возможности высоко на лѣстницѣ государственной службы мотивировалось не только практическими соображеніями о средствахъ привлеченія въ университетъ дворянской молодежи. Выставлялся также и другой мотивъ, такъ сказать, морально-политическій. Взглядъ на науки и просвѣщеніе, какъ на одно изъ основаній государственнаго благополучія, требовалъ установленія со стороны государственной власти внѣшнихъ знаковъ «почтенія» къ наукамъ. «Умноженіе чести (академическихъ профессоровъ) умножаетъ наукъ почтеніе», говорилъ тотъ же Ломоносовъ, придававшій, между прочимъ, вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ коллегъ, петербургскихъ академиковъ, большое значеніе задуманной имъ торжественный «инавгураціи» академіи и ея университета [1]).

Первоначальный уставъ Московскаго университета 1755 года не давалъ профессорскому персоналу правъ на чинопроизводство, и впослѣдствіи, уже черезъ 30 лѣтъ, И. И. Шуваловъ объяснялъ, что онъ всегда былъ противъ присвоенія профессорамъ и учителямъ права на чины. Первая попытка возбудить этотъ вопросъ была сдѣлана въ коллективной запискѣ московскихъ профессоровъ о нуждахъ университета 1765 года. Въ этой запискѣ высказано было пожеланіе привлекать въ университетскую корпорацію искусныхъ людей не только достаточнымъ жалованьемъ, но и «*почтеньемъ*, на что въ Россіи особливо смотрятъ». Въ подробности этого вопроса профессора не пускались, предоставляя его рѣшить «извѣстному и достохвальному милосердію ея императорскаго величества, которое особливо въ учрежденіи Академіи художествъ ученому совѣту оказалось» [2]). Профессора имѣли въ виду служебныя права, установленныя для чиновъ Академіи художествъ манифестомъ 4 ноября 1764 года. Выраженное въ столь деликатной формѣ пожеланіе было осуществлено не скоро. Въ общей формѣ право университетскихъ преподавателей на чинопроизводство было опредѣлено только Предварительными правилами народ-

---

[1]) См. выше, стр. 174, 184. *Билярскій*, op. cit., стр. 285, 402—421, 447.

[2]) „Чтенія въ Москов. Общ. исторіи и древностей“, 1875, кн. 2-я, смѣсь, стр. 200.

наго просвѣщеніи 24 января 1803 года. Для характеристики же положенія даннаго вопроса въ изучаемое нами теперь время слѣдуетъ замѣтить, что императрицѣ Екатеринѣ, несомнѣнно, извѣстно было и мнѣніе, отрицавшее пользу поощренія наукъ посредствомъ распространенія на ученыхъ достоинствъ и привилегій государственной службы. Таково было, напримѣръ, мнѣніе Юсти. Признавая, что «приращеніе наукъ утверждается на свободѣ и почтеніи», онъ полагалъ, однако, что чины, достоинства и награжденія «по существу своему имѣютъ весьма малое на цвѣтущее состояніе наукъ дѣйствіе». Также Гриммъ въ замѣчаніяхъ на проектъ Шадена о приготовленіи учителей, между прочимъ, писалъ императрицѣ: «я убѣжденъ, что будетъ согласно съ видами вашего императорскаго величества, чтобъ профессора школъ и университетовъ пользовались большимъ почетомъ не за свои ордена (décoration) и титулы, но единственно по своему званію профессора, чтобъ считали большой честью заниматься ремесломъ весьма труднымъ по своему существу» [1]).

Еще болѣе важнымъ условіемъ образованія устойчивой, преданной своему дѣлу педагогической корпораціи являлось ея матеріальное обезпеченіе. Всѣ проекты начальнаго народнаго образованія сходились въ томъ, что обязанность этого обезпеченія должна лечь не на государственную казну, а на само мѣстное, сельское и городское, населеніе, на средства котораго вообще должны были содержаться начальныя народныя училища. Но размѣры слѣдуемаго учителямъ жалованья, способы его исчисленія и непосредственные источники, изъ которыхъ оно получается учителями, указываются различные. Жалованье или назначается въ опредѣленномъ годовомъ размѣрѣ, или исчисляется по числу учениковъ и уплачивается изъ общественной казны, или взимается учителемъ непосредственно съ родителей учащихся.

По проекту простонародныхъ школъ, служившему дополненіемъ къ плану государственныхъ гимназій 1765—1766

---

[1]) *Юсти*, op. cit, стр. 121, 124—125. „Сборн. Импер. Рус. Историч. Общ.“, т. XLIV, стр. 101.

года, учителя получаютъ съ каждаго ученика въ годъ не больше полтины + нѣсколько копѣекъ на дрова, свѣчи и письменный матеріалъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ магистратовъ. Проекты частной коммиссіи объ училищахъ устанавливаютъ опредѣленный годовой окладъ жалованья: въ сельскихъ школахъ — учителямъ, имѣющимъ собственную пашню, три четверти ржи и 4 рубля, вольнымъ безпашеннымъ учителямъ тѣ же три четверти ржи и 6 рублей деньгами, если будутъ учить и лѣтніе мѣсяцы; за обученіе письму взимается особая плата, по 20 коп. съ ученика; въ городскихъ школахъ учитель получаетъ денежнаго жалованія въ годъ 15 руб., а гдѣ хлѣбъ дороже, тамъ по 12 руб. и по три четверти хлѣба; въ «ариѳметическихъ» школахъ учителю, преподающему «полную» ариѳметику, положено въ годъ 80 руб., а преподающему «первыя основанія» ариѳметики 40 руб. По проекту Духовной коммиссіи въ градскихъ приходскихъ школахъ учителя получаютъ вознагражденіе отъ родителей за каждый предметъ отдѣльно: за чтеніе по рублю, за письмо по полтинѣ, за курсъ исторіи и географіи по полтинѣ, за истолкованіе катехизиса по полтинѣ; особенно способнымъ и трудолюбивымъ учителямъ прихожане могутъ назначать и особое годовое жалованье [1]).

Содержаніе преподавательскаго персонала среднихъ и высшихъ школъ, относимое всецѣло на средства государственной казны, основывается во всѣхъ проектахъ на порядкѣ штатныхъ годовыхъ окладовъ. Сопоставленіе нормъ этихъ окладовъ не даетъ основаній для какихъ-либо существенныхъ выводовъ. Можно лишь замѣтить, что проводится нѣкоторое различіе между преподавателями «вышнихъ» и элементарныхъ предметовъ. Такъ по проекту Дильтея учителя словесныхъ наукъ получаютъ по 300 руб. въ годъ, математики по 250 руб., рисованія 150 руб. Планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года назначаетъ профессорамъ «высокихъ наукъ» по 500 руб., ихъ адъюнктамъ, преподающимъ и ученые языки, по 400 руб., преподавателямъ всѣхъ прочихъ наукъ и искусствъ по 300 руб., надзирателямъ и надзирательницамъ млад-

[1]) „Матеріалы“, стр. 142—143, 183, 232—233, 238—239, 338.

шаго класса по 200 руб. Кромѣ того, весь воспитательскій и преподавательскій персоналъ гимназій пользуется готовыми квартирами. Частная коммиссія объ училищахъ не успѣла разработать штатовъ проектированныхъ ею среднихъ школъ, гимназій. О предположеніяхъ, которыя существовали въ ея средѣ по данному вопросу, можно судить лишь по подробному проекту Золотницкаго. Послѣдній также устанавливаетъ преподавателямъ разныхъ наукъ неодинаковые оклады; высшій окладъ назначенъ учителю архитектуры, фортификаціи и артиллеріи—400 руб.; затѣмъ слѣдуетъ: учителю алгебры, геодезіи и механики—350 руб., философіи—250 руб., ариѳметики, геометріи и тригонометріи—260 руб., исторіи—250 руб., языковъ—отъ 200 до 300 руб., рисованія 150 руб. и музыки 120 руб. [1]).

Нормы окладовъ для профессоровъ Московскаго университета, установленныя первоначальнымъ штатомъ 1755 года (500 руб. ординарному и 400 э.-ординарному), возвышались послѣдующими проектами въ слѣдующихъ размѣрахъ. Проектъ Ададурова назначалъ ординарнымъ отъ 500 до 700 руб., э.-ординарнымъ 450 руб. Проектъ Дильтея опредѣлялъ годовой окладъ профессоровъ философскаго факультета въ 600 руб., лекторовъ иностранныхъ языковъ въ 300 руб., профессоровъ высшихъ факультетовъ (юридическаго, медицинскаго и богословскаго) въ 800 руб., лаборантовъ и адъюнктовъ въ 200—400 руб. и лекторовъ восточныхъ языковъ на богословскомъ факультетѣ въ 600 руб. Наивысшія нормы намѣчалъ проектъ московскихъ профессоровъ: отъ 800 до 1200 руб. ординарному и 500 руб. экстроординарному профессору [2]).

II.

Одною изъ характерныхъ особенностей системы сословно-профессіональнаго образованія первой половины XVIII сто-

---

[1]) Ibidem, стр. 27, 138—139, 218—219.

[2]) Ibidem, стр. 32, 35—36. Проектъ штата Московскаго университета, составленный коллегіей профессоровъ, извѣстенъ намъ по копіи въ Сборникѣ Кіево-Соф. Библіотеки, № 178, лл. 141—166.

лѣтія было отсутствіе въ составѣ высшаго государственнаго управленія особыхъ органовъ учебной администраціи, объединяющихъ и направляющихъ дѣло народнаго просвѣщенія. Профессоръ Владимірскій-Будановъ отчетливо выяснилъ, почему «министерство народнаго образованія не только не было организовано въ первой половинѣ XVIII столѣтія, но и не могло быть организовано». «Такъ какъ народное образованіе нисколько не входило въ число задачъ правительственной дѣятельности, а всякое образованіе было приготовленіемъ къ тому или другому роду службы, то очевидно то, что́ мы нынѣ называемъ народнымъ образованіемъ, должно вѣдаться тѣми спеціальными органами, въ управленіи которыхъ находились различныя вѣтви государственной службы» [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ мы знаемъ, мысль о выдѣленіи въ составѣ высшаго государственнаго управленія особаго органа, вѣдающаго народное просвѣщеніе, не была чужда и тому времени; ее вполнѣ опредѣленно высказывали, напримѣръ, Лейбницъ и Татищевъ [1]).

Включеніе въ число задачъ государственнаго управленія попеченія объ общемъ народномъ образованіи требовало, естественно, созданія соотвѣтствующихъ административныхъ органовъ. На необходимость такихъ органовъ начинаютъ указывать и представители новаго педагогическаго движенія и во Франціи и въ Германіи. Такъ аббатъ Сенъ-Пьеръ говорилъ о необходимости учрежденія особаго центральнаго «Bureau pour l'éducation sous la direction du ministre, qui aura dans son département la police générale de l'état»; на обязанности этого Бюро лежитъ выработка школьныхъ уставовъ, забота объ учебной литературѣ и методахъ, о матеріальномъ благосостояніи школъ. Ла-Шалотэ, утверждая, что одной свѣтской верховной власти принадлежитъ управленіе народнымъ образованіемъ и настаивая на строгомъ единообразіи системы этого образованія, выражалъ пожеланіе, чтобы король назначилъ особую коммиссію изъ государственныхъ людей и ученыхъ для обсужденія предложеннаго имъ плана національнаго воспи-

[1]) Государство и народное образованіе, стр. 242—244.

танія и изысканія средствъ его осуществленія. Въ германской педагогической литературѣ выразителемъ этой же мысли явился Базедовъ, предлагавшій учредить при особѣ государя особую коллегію о воспитаніи, объединяющую въ своихъ рукахъ управленіе народнымъ образованіемъ [1]).

И въ нашихъ проектахъ новой системы народнаго просвѣщенія вопросъ объ органахъ высшей учебной администраціи выдвинулся въ рядъ основныхъ вопросовъ, отъ удачнаго разрѣшенія которыхъ зависѣло практическое осуществленіе всей системы. Уже Генеральное учрежденіе 12 марта 1764 года отмѣчало особенную важность осторожнаго и благоразумнаго выбора «главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей», ибо «въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ». Планъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года сосредоточивалъ высшее управленіе этими школами въ рукахъ «протектора» или «главнаго попечителя» и состоящаго при немъ совѣта директоровъ. Протекторъ есть «знатнѣйшая особая, удостоенная особливой довѣренности верховной власти», «имѣющая къ императорскому престолу всегда вольный доступъ». Протекторъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ плана, на основаніи котораго учреждаются государственныя гимназіи, и представляетъ верховной власти о необходимыхъ измѣненіяхъ въ этомъ планѣ, распредѣляетъ между гимназіями назначенныя суммы и заботится объ ихъ приращеніи, выступаетъ защитникомъ и покровителемъ гимназій отъ всякихъ притѣсненій, наконецъ, слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ всѣми служащими ихъ обязанностей; воздѣйствуя на неисправныхъ строгими увѣщаніями, протекторъ не имѣетъ, однако, права давать имъ абшида, вычитать изъ жалованья или иначе штрафовать безъ предварительнаго доклада верховной власти.

При протекторѣ состоитъ совѣтъ директоровъ, которыми назначаются «весьма ученые и въ дѣлахъ, касающихся до

---

[1]) *Saint-Pierre,* Projet pour perfectioner l'éducation (Paris, 1728), p. 88—90. *La-Chalotais,* Essai etc., p. 220. *A. Pinloche,* La réforme de l'éducatien en Allemagne au XVIII siècle (Paris 1889), p. 204—207. *Schmid,* Geschishte der Erziehung, B. IV, abt. 2, S. 90—92.

школъ, искусные люди». На обязанности этого совѣта лежитъ выработка методовъ преподаванія и воспитанія, обезпеченіе школъ учебными пособіями, производство экзаменовъ кандидатамъ на должности учителей и ректоровъ гимназій, словомъ, вся регламентація и ревизія учебнаго строя послѣднихъ. Планъ назначаетъ двухъ директоровъ: одинъ живетъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ; такимъ образомъ, въ отношеніи надзора гимназіи группируются въ два района, и каждый директоръ обязанъ по временамъ объѣзжать свой районъ, особенно въ тѣ годы, когда производятся переходные изъ класса въ классъ экзамены.

Высшее руководство учебнымъ строемъ гимназій является постоянной функціей совѣта директоровъ при протекторѣ. Временно же, въ теченіе періода, необходимаго для первоначальнаго устроенія гимназій, на совѣтъ возлагаются заботы о хозяйственномъ ихъ устройствѣ. Такъ какъ отъ директоровъ, какъ спеціалистовъ ученыхъ и педагоговъ, протекторъ могъ ожидать себѣ не много пользы по хозяйственнымъ вопросамъ, то предполагалось назначить въ составъ совѣта временно еще «нѣсколько знатнѣйшихъ сочленовъ», именно, по хозяйственной части [1]).

Дильтей проектировалъ должность «общаго куратора, который бы былъ при дворѣ и училищныя учрежденія имѣлъ бы подъ своею командой». Прилагая великое стараніе о пользѣ всѣхъ училищъ, отъ университетовъ до тривіальныхъ школъ, и являясь по отношенію къ нимъ исполнителемъ высочайшихъ повелѣній, «общій» кураторъ самъ по отношенію къ университетамъ имѣетъ не больше власти, чѣмъ мѣстные кураторы каждаго отдѣльнаго университета [2]).

Мысль о созданіи единоличнаго органа высшей учебной администраціи, непосредственно подчиненнаго верховной власти, выражена и въ проектѣ церковно-приходскихъ училищъ, составленномъ въ 1771—1772 году митрополитомъ Гавріиломъ и Г. Н. Тепловымъ. По этому проекту высшій надзоръ за

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 118—122.
[2]) Ibidem, стр. 30.

приходскими школами раздѣляется между Св. Синодомъ и «главнымъ опекуномъ земскихъ (градскихъ) школъ». Въ то время, какъ Синодъ надзираетъ за исполненіемъ духовенствомъ его преподавательскихъ обязанностей, главный опекунъ, назначаемый изъ «свѣтскихъ персонъ», наблюдаетъ, «обучаются ли дѣти и съ какимъ успѣхомъ, и нѣтъ ли къ тому помѣшательства отъ самихъ родителей и тѣхъ, въ чьей волѣ дѣти состоятъ», ведетъ сношенія съ мѣстной администраціей, на обязанности которой лежитъ понужденіе родителей къ отдачѣ дѣтей въ школы, и докладываетъ о ходѣ учебнаго дѣла верховной власти. Находясь «всегда въ совѣтѣ (по сему только дѣлу) съ членами синодальными», главный опекунъ докладываетъ Ея Величеству всѣ распоряженіи Синода по части училищъ и сообщаетъ Синоду высочайшія повелѣнія. Находя особенно важными функціи главнаго опекуна при первоначальной организаціи новыхъ школъ, коммиссія въ своемъ докладѣ, сопровождавшемъ проектъ, просила императрицу, прежде всего, о назначеніи этого опекуна, дабы онъ могъ взять на себя «предустроеніе» всего дѣла [1]).

Иначе отнеслась къ данному вопросу частная коммиссія объ училищахъ, признавшая ненужнымъ созданіе особаго центральнаго органа высшей учебной администраціи. Вопросъ возбужденъ былъ Академіей наукъ, представившей въ большое собраніе коммиссіи «статьи, содержащія въ себѣ то, что̀ сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ». Академія предлагала учредить особое учебное вѣдомство, которое находилось бы въ собственномъ вѣдѣніи Государя, ни отъ кого не зависѣло и не давало бы никому, кромѣ Государя, никакого отчета. Это вѣдомство или «правительство» состоитъ изъ девяти лицъ, изъ коихъ три «изъ знатныхъ просвѣщенныхъ любителей наукъ», а остальные изъ ученыхъ; по выбытіи кого-либо изъ членовъ должно выбирать изъ трехъ кандидатовъ и представлять императрицѣ объ утвержденіи одного изъ нихъ. Оно должно было завѣдывать всѣми учебными заведеніями низшими, средними и высшими, безъ исключенія, представить

[1]) „Матеріалы“, стр. 324—325, 332, 340.

общій планъ учрежденія учебныхъ заведеній и составить для нихъ уставы. Члены этого «правительства» должны были поперемѣнно объѣзжать учебныя заведенія и осматривать ихъ [1]).

Вопросъ этотъ былъ поставленъ и въ проектахъ общаго плана работъ частной коммиссіи объ училищахъ. Такъ въ проектѣ, подписанномъ барономъ Ашемъ, Урсинусомъ, Беклешовымъ и Золотницкимъ, послѣдняя, 4-я часть плана учебной системы трактовала «о главномъ правленіи училищъ, изъ какихъ членовъ состоять оному и о должности разныхъ членовъ». Золотницкій въ своемъ особомъ проектѣ пояснялъ, что «главное и общее всѣхъ училищъ и всего до нихъ принадлежащаго управленіе» должно состоять изъ членовъ духовныхъ и свѣтскихъ, при чемъ это управленіе должно быть поставлено такъ, чтобы не нарушалось «собственное въ каждомъ училищномъ мѣстѣ управленіе». Далѣе, въ подробномъ планѣ новой учебной системы Золотницкій, указывая, что «отъ управленія и начальства (училищъ) болѣе всего зависитъ желаемая изъ ученія польза и успѣхи», упоминалъ «о главномъ протекторскомъ правленіи», состоящемъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ членовъ; подробной организаціи этого правленія Золотницкій не сообщалъ. Затѣмъ ни въ проектѣ Клингштета, ни въ заключеніи Дирекціонной коммиссіи объ органахъ высшей учебной администраціи не упоминалось, и дальнѣйшая исторія этого вопроса остается неизвѣстной до того момента, когда частная коммиссія, въ составѣ членовъ Стромилова, Урсинуса, Хоминскаго и Клингштета, 3 августа 1770 года положила, чтобы «особливому главному правленію надъ училищами не быть, а подчинить оныя Правительствующему Сенату» [2]).

Такъ въ вопросѣ о созданіи въ составѣ высшаго государственнаго управленія спеціальнаго органа, вѣдающаго дѣло народнаго образованія, выяснились двѣ стороны. Одна сторона—принципіальная — заключалась въ обоснованіи самой

---

[1]) *Гр. Д. А. Толстой.* Взглядъ на учебн. часть и т. д., стр. 75—76.

[2]) „Матеріалы“, стр. 148, 155, 186—187. Въ проектѣ о среднихъ училищахъ, оставшемся въ черновомъ видѣ, говорилось, что архіереи и губернаторы обязаны посылать полугодовыя вѣдомости о состояніи гимназій „въ главное надъ училищами правленіе“.

идеи такого органа, другая въ опредѣленіи той или иной формы послѣдняго. Какъ въ цитированныхъ немногимъ выше мнѣніяхъ западныхъ педагоговъ, такъ и въ нашихъ проектахъ необходимость особыхъ высшихъ органовъ учебной администраціи, непосредственно подчиненныхъ верховной власти, вытекала изъ самаго существа новой системы просвѣщенія. Ея широкая задача—воспитывать просвѣщеннаго человѣка и гражданина—далеко выходила за предѣлы интересовъ спеціальныхъ вѣдомствъ, и только отъ государственной власти можно было получить всѣ необходимыя средства для практическаго осуществленія новой системы просвѣщенія, какъ системы единой и общеобязательной для всего государства. Западные педагоги тѣмъ рѣшительнѣе обращались къ государственной власти, что черезъ все западное педагогическое движеніе красною нитью проходило стремленіе изъять дѣло народнаго образованія изъ рукъ церковныхъ властей и авторитетовъ. У насъ не было принципіальнаго антагонизма между церковной и государственной властью въ дѣлѣ народнаго образованія. Само духовное образованіе создавалось у насъ, въ значительной мѣрѣ, иниціативой и средствами государственной власти. Поэтому и въ разсмотрѣнныхъ сейчасъ проектахъ допускалась возможность сотрудничества представителей государственной и духовной властей въ органахъ высшей учебной администраціи.

Другая сторона даннаго вопроса, изысканіе самыхъ формъ, въ какія должна была облечься высшая учебная администрація, естественно, зависѣла отъ общаго склада того центральнаго государственнаго управленія данной эпохи, вѣтвью котораго эта администрація должна была явиться. Въ этомъ отношеніи наши проекты стояли на шаткой почвѣ. Старая система коллегіальныхъ органовъ центральной администраціи была уже наканунѣ кризиса. Новое, министерское начало, на основѣ котораго должна была перестроиться черезъ нѣсколько десятилѣтій система центральныхъ установленій, въ данное время (въ 1760—1770-хъ годахъ) еще не успѣло окрѣпнуть и проявлялось, такъ сказать, эпизодически. Это колебаніе между двумя началами отразилось и въ нашихъ проектахъ, намѣчающихъ двѣ

формы высшей учебной администраціи: единоличную (министерскую) и коллегіальную. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство проектовъ опредѣленно указывало, что созданіе такого компетентнаго органа должно явиться первымъ, исходнымъ пунктомъ учебной реформы. И послѣ того, какъ всѣ проекты даннаго времени были убраны въ долгій ящикъ, эта мысль не исчезла и помогла императрицѣ Екатеринѣ найти въ послѣдующую эпоху твердую точку опоры для осуществленія новой системы просвѣщенія. Открывшая эту новую эпоху учебныхъ реформъ Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ 1782 года явилась тѣмъ главнымъ управленіемъ, отъ котораго отказывалась въ 1770 году частная коммиссія объ училищахъ.

При немногочисленности высшихъ и среднихъ школъ, которыя предполагалось открыть по проектамъ 1760—1770 годовъ, эти школы могли быть непосредственно подчинены центральной учебной администраціи. Но проекты низшаго, собственно народнаго, образованія не могли не встрѣтиться съ вопросомъ объ органахъ мѣстнаго управленія и надзора. Со времени Петра Великаго законодательство безуспѣшно стремилось возложить эти обязанности на общую мѣстную администрацію и органы мѣстнаго самоуправленія. Такъ при учрежденіи цыфирныхъ школъ губернаторамъ и воеводамъ поручалось наблюдать за исполненіемъ жителями школьной обязанности, производить смотры и разборъ учениковъ для отсылки въ школы, надзирать за учителями, заботиться о помѣщеніи школъ, о доставленіи имъ содержанія и выдачѣ жалованья учителямъ. Воеводская инструкція 1719 года поручала воеводѣ попеченіе объ «академіяхъ». Регламенты магистрамъ 1721-го и 1724 годовъ требовали, чтобы въ городахъ заботами магистратовъ заводились малыя школы. Указъ 1744 года напоминалъ губернаторамъ, воеводамъ, оберъ-комендантамъ о необходимости «прилежное смотрѣніе имѣть, чтобы служилыхъ людей дѣти праздно не шатались и отъ школъ не отбывали» [1]). Опытъ, однако, показывалъ, что всѣ

---

[1]) П. С. З., № 3294, 4624, 9054. *Влад.-Будановъ,* Государство и народное образованіе стр. 42, 222—223.

эти обязанности попеченія о народномъ образованіи, возлагавшіяся на мѣстную администрацію и органы самоуправленія, по большей части оставались на бумагѣ.

Если въ изучаемыхъ нами проектахъ не нашла себѣ всеобщаго признанія и осталась недостаточно разработанной мысль о созданіи самостоятельнаго органа центральной учебной администраціи, то тѣмъ болѣе сложнымъ и труднымъ представлялся вопросъ объ устройствѣ сѣти мѣстныхъ учебно-административныхъ органовъ. Этотъ вопросъ, естественно, связывался съ общей реформой мѣстнаго управленія. Но важнѣйшіе проекты общей учебной системы появились за нѣсколько лѣтъ до Учрежденія о губерніяхъ 7 ноября 1775 года и потому должны были искать точекъ опоры въ до-реформенной системѣ мѣстныхъ установленій.

Проекты частной коммиссіи объ училищахъ и Духовной коммиссіи возлагали обязанности высшаго мѣстнаго надзора надъ школами средними и низшими на губернаторовъ и архіереевъ. По отношенію къ среднимъ школамъ, государственнымъ гимназіямъ, губернаторы и архіереи являются «главными директорами». Они устраиваютъ помѣщенія гимназій въ пространныхъ монастыряхъ, наблюдаютъ за всѣми служащими въ гимназіяхъ, возможно часто посѣщаютъ послѣднія и самолично присутствуютъ на публичныхъ экзаменахъ или поручаютъ ревизію гимназій «достойнымъ людямъ по благоразсужденію своему», наконецъ, представляютъ въ главное правленіе училищъ и въ Синодъ полугодовыя вѣдомости.

Не столь непосредственно, по проектамъ частной коммиссіи, осуществляется надзоръ архіереевъ и губернаторовъ надъ низшими, городскими и сельскими школами. Ревизовать эти школы лично или черезъ довѣренныхъ лицъ они обязаны только разъ въ годъ. Затѣмъ архіереи распоряжаются разсылкой учебныхъ книгъ, а губернаторы обязаны, по требованію городскихъ магистратовъ, подыскивать учителей для ариѳметическихъ школъ[1]).

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 246—247, 233, 239. Постановленія о губернаторахъ и архіереяхъ, какъ главныхъ директорахъ гимназій, заимствованы изъ подробнаго плана Золотницкаго, въ которомъ онѣ изложены съ большею подробностью. Ibidem, стр. 186—188.

Проектъ градскихъ церковно-приходскихъ школъ отводилъ, естественно, первенствующее значеніе въ управленіи ими архіереямъ. Они опредѣляютъ къ церквамъ, при которыхъ находятся школы, способныхъ и честныхъ людей, а неспособныхъ переводятъ къ другимъ церквамъ, и по силѣ Духовнаго регламента всячески заботятся о процвѣтаніи школъ. Важнѣйшею же обязанностью гражданскихъ властей, градоначальниковъ, воеводъ и губернаторовъ, является наблюденіе за исполненіемъ родителями и опекунами дѣтей школьнаго возраста обязанности посылать ихъ въ школы, а также «всякое вспоможеніе» духовнымъ властямъ, по заявленіямъ послѣднихъ или по собственной иниціативѣ [1]).

Архіереи и губернаторы для среднихъ школъ являются непосредственной инстанціей управленія или «главной дирекціей». Въ порядкѣ же управленія начальнымъ народнымъ образованіемъ за представителями высшей мѣстной гражданской и духовной власти слѣдуетъ, по проектамъ частной коммиссіи объ училищахъ, еще рядъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ инстанцій. Постоянное общее наблюденіе за городскими школами ввѣряется мѣстнымъ магистратамъ, которые ежемѣсячно свидѣтельствуютъ учащихъ и учащихся, отрѣшаютъ отъ должности нерадивыхъ учителей, а о надзирателяхъ—священникахъ дѣлаютъ представленіе архіереямъ, наблюдаютъ за полученіемъ учителями годового жалованья и посылаютъ губернаторамъ третныя вѣдомости, принуждаютъ гражданъ платить положенные взносы на содержаніе школъ. Ежегодныя ревизіи школъ губернаторами и архіереями производятся непремѣнно съ участіемъ члена отъ магистрата. Параллельной инстанціей для сельскихъ школъ является особый «начальникъ» изъ дворянъ, избираемый погодно для каждаго стана уѣзднымъ дворянскимъ обществомъ, а тамъ, гдѣ нѣтъ дворянъ, назначаемый губенаторомъ, обще съ архіереемъ. Власть этого начальника обширна: ревизуя школы одинъ разъ въ два мѣсяца, онъ свидѣтельствуетъ учащихся, несправедливо исключенныхъ изъ школъ «за непонятіемъ» вновь

---

[1]) Ibidem, стр. 329—330, 337.

опредѣляетъ, принуждаетъ обывателей платить положенные съ нихъ взносы, взыскиваетъ съ помѣщиковъ и ихъ прикащиковъ, недопускающихъ крестьянъ къ исполненію школьныхъ обязанностей, отрѣшаетъ отъ должностей нерадивыхъ учителей и подыскиваетъ на ихъ мѣста новыхъ, привлекаетъ къ отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ и, въ случаѣ вины, «нечиновныхъ» наказываетъ самъ, а о «чиновныхъ» представляетъ губернатору [1]).

Наконецъ, проекты частной коммиссіи объ училищахъ устанавливаютъ еще должности приходскихъ попечителей какъ сельскихъ, такъ и городскихъ низшихъ школъ. Главная обязанность попечителей—финансовая: раздѣленіе прихожанъ на разряды по состоянію, сборъ и расходованіе суммъ на построеніе и содержаніе школъ и на вознагражденіе учителей. Проектъ сельскихъ школъ указываетъ, кромѣ того, что попечители избираются «для наблюденія порядка» не только при самомъ учрежденіи школъ, но и «навсегда», а также «для избѣжанія могущихъ случиться неустройствъ». Однако, въ дальнѣйшемъ изложеніи функцій попечителей не разъясняется въ точности, въ чемъ именно должны были онѣ заключаться кромѣ упомянутой сейчасъ финансовой стороны школьнаго дѣла. Для сельскихъ школъ проектъ назначаетъ по 12 человѣкъ попечителей на каждый приходъ, избираемыхъ большинствомъ голосовъ прихожанами на одинъ годъ. Отказа отъ избранія не допускается, а увольненіе до срока можетъ послѣдовать лишь «народнымъ согласіемъ». Въ городахъ попечители избираются въ числѣ четырехъ человѣкъ, а гдѣ нужно будетъ, число это умножается «по разсмотрѣнію общества съ магистратомъ». Какъ сельскіе, такъ и городскіе попечители на время исполненія своихъ обязанностей освобождаются отъ всякихъ иныхъ «мірскихъ службъ» [2]).

---

[1]) Ibidem, стр, 235—236, 239—240. О станѣ, какъ низшей областной единицѣ, и выборныхъ отъ дворянства судьяхъ по станамъ упоминается въ черновыхъ наброскахъ импер. Екатерины, касающихся областной реформы. *В. А. Григорьевъ*, Административное дѣленіе по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г. въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1908 г., ноябрь, стр. 112.

[2]) „Матеріалы“, стр. 224—225, 235—236.

Въ болѣе блѣдныхъ чертахъ выступаетъ идея школьнаго попечительства по проекту Духовной коммиссіи. Въ каждомъ приходѣ избирается только одинъ школьный попечитель; его главная обязанность также заботиться о построеніи школы и вообще «о школьныхъ нуждахъ». Всякій богатый прихожанинъ, особенно изъ купцовъ, выстраивающій на собственный счетъ школу, можетъ принять на себя должность попечителя той школы. Гдѣ нѣтъ попечителя изъ прихожанъ, его обязанности исполняетъ завѣдывающій школою священникъ [1]).

Изъ изложеннаго видно, что и для вопроса объ органахъ мѣстнаго учебнаго управленія и надзора, какъ и о центральномъ вѣдомствѣ, проекты 1760—1770-хъ годовъ не нашли вполнѣ твердой почвы. Наиболѣе вліятельныя и руководящія функціи ввѣрялись, какъ и въ предшествующее время, преимущественно мѣстнымъ общегражданскимъ и духовнымъ властямъ, губернаторамъ, «градоначальникамъ», магистратамъ, архіереямъ, благочиннымъ и т. под. Опытъ же показывалъ, что, за немногими исключеніями, всѣ усилія законодателя возложить заботу о народномъ просвѣщеніи на органы общаго гражданскаго и духовнаго управленія почти не имѣли успѣха. Болѣе оригинальны попытки изучаемыхъ проектовъ привлечь къ заботамъ о народномъ образованіи мѣстную интеллигенцію въ лицѣ выбираемыхъ дворянскими обществами «становыхъ начальниковъ», а самимъ населеніемъ, обязаннымъ школьною повинностью, попечителей, пекущихся о матеріальныхъ нуждахъ народныхъ школъ. Это единственные спеціальные органы мѣстной учебной администраціи; но положеніе ихъ и отношенія къ другимъ, высшимъ властямъ остались далеко не выясненными.

Остается разсмотрѣть основанія, на какихъ строился порядокъ управленія отдѣльныхъ школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ.

По проектамъ частной коммиссіи объ училищахъ и коммиссіи Духовной непосредственное завѣдываніе низшими, сельскими и городскими, школами сосредоточено всецѣло въ ру-

---

[1]) Ibidem, стр. 328—329.

кахъ мѣстныхъ причтовъ. По проектамъ частной коммиссіи обязанности священника, какъ школьнаго «надзирателя», весьма сложны: онъ ведетъ списки дѣтей школьнаго возраста въ своемъ приходѣ, распредѣляетъ ихъ по школамъ и классамъ, снабжаетъ учебными пособіями, ежедневно посѣщая школы, слѣдитъ за ходомъ преподаванія, «свидѣтельствуетъ» оканчивающихъ курсъ и наблюдаетъ, чтобы они въ свободное время «по домамъ твердили находящіяся въ учебной книгѣ части», даетъ особые уроки нравоученія дѣвочкамъ, подвергаетъ наказаніямъ нерадивыхъ учениковъ, «не употребляя тѣлеснаго наказанія какъ въ самой только необходимости, и то съ крайнимъ разсмотрѣніемъ», наконецъ, представляетъ губернатору и архіерею годовую отчетность по школамъ своего прихода. Въ тѣхъ же приблизительно рамкахъ, хотя и не такъ подробно, очерчены обязанности священниковъ, какъ непосредственныхъ начальниковъ приходскихъ школъ, и проектомъ Духовной коммиссіи. Равнымъ образомъ и проектъ простонародныхъ школъ, приложенный къ плану гимназій 1765—1766 года, опредѣлялъ, что надъ этими школами «имѣютъ команду» старшіе члены причта [1]).

Для управленія средними школами устанавливаются различныя основанія планомъ государственныхъ гимназій 1765—1766 года и проектомъ Дильтея, съ одной стороны, и проектомъ частной коммиссіи объ училищахъ—съ другой.

Проектъ Дильтея лишь упоминаетъ о должностяхъ ректора и конректора гимназій, не давая сколько-нибудь подробной ихъ характеристики. Планъ 1765—1766 года даетъ уже детально разработанную схему гимназической администраціи. Во главѣ гимназіи, какъ ея непосредственный начальникъ, стоитъ ректоръ, опредѣляемый «изъ основательно ученыхъ и благонравныхъ людей, которыхъ бы способность директорами была довольно апробована и аттестована». Существо обязанностей ректора сводится къ общему наблюденію за ходомъ учебной жизни школы и за правильнымъ веденіемъ ея хозяйства. Обязанный самъ преподавать нѣкоторую часть наукъ

---

[1]) Ibidem, стр. 142—143, 227—229, 237, 336.

по собственному выбору, ректоръ поставленъ по отношенію къ учителямъ не только какъ начальникъ; онъ долженъ поступать съ ними «не повелительнымъ образомъ», но обращаться, какъ съ товарищами своими и соучастниками въ работѣ, снисходительно и учтиво. Съ своей стороны учительскій персоналъ принимаетъ участіе въ управленіи учебною частью: подъ предсѣдательствомъ ректора составляется изъ конректора и четырехъ учителей наукъ конференція или школьный совѣтъ, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за успѣхами учениковъ, предупрежденіе и устраненіе всякихъ злоупотребленій и препятствій правильному ходу учебной жизни. Разрѣшеніе вопросовъ, выходящихъ за предѣлы компетенціи ректора и школьнаго совѣта, предоставляется уже директорамъ, какъ органамъ центральнаго учебнаго вѣдомства.

За ректоромъ въ іерархіи школьной администраціи слѣдуютъ: конректоръ, инспекторъ низшаго, воспитательнаго класса, священникъ, врачъ и экономъ. Изъ всѣхъ этихъ должностей, права и обязанности которыхъ болѣе или менѣе подробно регламентируются проектомъ, слѣдуетъ остановить вниманіе на инспекторѣ низшаго, воспитательнаго класса. Уже было указано, что низшій классъ государственной гимназіи, по плану 1765—1766 года, по курсу представлялъ собою какъ бы самостоятельную элементарную школу. Это положеніе низшаго класса находитъ себѣ выраженіе также и въ административномъ отношеніи: онъ состоитъ въ особомъ вѣдѣніи инспектора, которому подчиняется весь воспитательскій и учительскій персоналъ класса. Само собою разумѣется, что инспекторъ долженъ отличаться особыми нравственными качествами и педагогическими талантами: «надобно ему быть человѣку богобоязненному, честному и добраго сердца, притомъ весьма поворотливому, трудолюбивому, добраго и тихаго нрава» [1]).

Проектъ частной коммиссіи объ училищахъ, сообразно съ двоякимъ назначеніемъ гимназіи—готовить свѣтскую и духов-

[1]) Ibidem, стр. 26, 123—127.

ную молодежь къ гражданской и духовной службѣ, непосредственное управленіе средними школами распредѣляетъ между двумя параллельными властями, духовнымъ и свѣтскимъ ректорами: первый назначается Синодомъ изъ архимандритовъ или игумновъ, второй университетомъ; оба должны быть «испытанные въ достаточномъ ученіи и добродѣтельномъ житіи люди». Функціи обоихъ ректоровъ совершенно тожественны и состоятъ въ общемъ наблюденіи за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла, за исполненіемъ учащими и учащимися ихъ обязанностей; «имѣя обо всемъ между собою совѣты» и совмѣстно управляя учебной частью, ректоры чередуются между собою погодно въ управленіи хозяйствомъ школы [1]). Ректоры несутъ, кромѣ административныхъ, также преподавательскія обязанности: духовный ректоръ преподаетъ богословіе, по возможности, на русскомъ языкѣ, свѣтскій — философію и другой какой-либо предметъ по своему выбору.

Видная роль и по проекту частной коммиссіи отведена совѣту гимназіи, состоящему изъ ректоровъ и четырехъ старшихъ учителей по назначенію отъ директоровъ. Совѣтъ разбираетъ всякаго рода «представленія», вносимыя ректорами и учителями, составляетъ инструкціи для всѣхъ должностныхъ лицъ, хранить казенную печать, ревизуетъ денежныя суммы. Въ данномъ вопросѣ о совѣтѣ гимназіи принятый коммиссіей проектъ довольно существенно отступалъ отъ подробнаго плана Золотницкаго, служившаго, какъ неоднократно было указано, общей основой отдѣльныхъ проектовъ коммиссіи. Въ помощь ректорамъ, для ближайшаго надзора за исполненіемъ учащими и учащимися ихъ обязанностей, Золотницкій устанавливалъ еще двѣ должности инспекторовъ, духовнаго (изъ игумновъ) и свѣтскаго (изъ старшихъ учителей); они должны быть «люди искусные въ наставленіи юношества и служить сами опому живымъ примѣромъ въ добронравіи и въ добродѣтельномъ житіи». Вмѣстѣ съ ректорами они и составляютъ совѣтъ

[1]) Ст. 7-я главы 2-й проекта: „ректоры *погодно* имѣютъ въ вѣдомствѣ своемъ деньги на содержаніе гимназіи“...

гимназіи. Коммиссія не приняла мысли Золотницкаго о должностяхъ инспекторовъ и предоставила совѣту назначать помѣсячно учителей для наблюденія за благочиніемъ между учениками [1]).

Проекты, посвященные университетамъ, особенно выдвинули вопросъ о высшихъ органахъ управленія университетами, какъ вопросъ, имѣвшій принципіальное значеніе для опредѣленія отношенія традиціи университетскаго самоуправленія къ бюрократическому строю высшей администраціи. Планъ Дильтея, записка московскихъ профессоровъ 1765 года и проектъ Ададурова сходятся въ признаніи принципа административной автономіи университетовъ. Во введеніи къ своему плану Дильтей доказываетъ вообще вредъ, какой наноситъ училищамъ управленіе неученыхъ людей; «ибо, разсуждаетъ онъ, какъ тотъ, который все свое время въ чтеніи книгъ употреблялъ, не служа нигдѣ, въ должность главнаго полководца вступить не можетъ, такъ и искуснѣйшій въ воинскомъ дѣлѣ полководецъ при ученомъ обществѣ съ пользою правленіе имѣть не въ состояніи. Канцеляріи напослѣдокъ весьма великое причиняютъ учрежденіямъ ученымъ препятствіе, ибо науки любятъ свободу и особливый свой имѣютъ порядокъ, который отъ канцелярскихъ установленій совсѣмъ отличенъ» [2]).

Связь университетовъ съ высшимъ правительствомъ поддерживается, по плану Дильтея, черезъ посредство высшаго или «общаго» куратора; черезъ него восходятъ къ верховной власти лишь «большія дѣла, которыя рѣшенія требуютъ отъ двора». По всѣмъ другимъ дѣламъ высшій кураторъ имѣетъ не большую власть надъ университетами, чѣмъ мѣстные кураторы каждаго отдѣльнаго университета. Записка московскихъ профессоровъ, имѣющая въ виду интересы только одного Московскаго университета, ставитъ посредствующей инстанціею между послѣднимъ и верховною властью одного или нѣсколькихъ кураторовъ, черезъ которыхъ конференція при-

---

[1]) Ibidem, стр. 188—194, 247—249.
[2]) Ibidem, стр. 10—11.

нимаетъ высочайшія повелѣнія и чинитъ свои представленія въ трудныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ. Кромѣ того, московскіе профессора выражали пожеланіе, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, наслѣдникъ престола принялъ на себя званіе «ректора магнифицентиссима», что «служило бы университету къ великой чести, почтенію и приращенію и оный въ потребностяхъ своихъ имѣлъ бы наилучшаго заступителя у ея императорскаго величества».

Одинаково рѣшительно всѣ проекты возставали противъ должности директора, какъ непосредственнаго начальника университета. Этотъ вопросъ, видимо, весьма живо затрагивалъ московскихъ профессоровъ. Дильтей въ своемъ планѣ и его коллеги въ запискѣ 1765 года, требуя замѣны назначаемаго директора избираемымъ погодно, по старшинству и по очереди факультетовъ, ректоромъ, ссылались «на принятое во всѣхъ въ свѣтѣ университетахъ обыкновеніе», на вредъ, причиняемый университету человѣкомъ, наукъ не знающимъ или мало смыслящимъ, «который смотритъ чужими глазами, принимаетъ отъ всякаго совѣты и еще, можетъ быть, самые худшіе изъ нихъ приводитъ въ дѣйство». Интересно, что и кураторъ Ададуровъ въ своемъ проектѣ новаго штата университета поддержалъ протестъ профессорской коллегіи противъ должности директора; онъ также замѣнялъ директора избираемымъ ежегодно, по примѣру европейскихъ университетовъ, ректоромъ и полагалъ, что такая «годовая перемѣна отвратитъ всякую зависть между профессорами, и власть излишняя надъ сверстниками совершенно истребится».

Какъ центральный органъ университетскаго управленія, московскіе профессора выдвигали конференцію, составляемую изъ ординарныхъ профессоровъ. Конференціи, представительницѣ «ученой республики», должно принадлежать избраніе профессоровъ и преподавателей, какъ для самаго университета, такъ и для гимназіи, завѣдываніе всѣмъ учебнымъ порядкомъ, управленіе «университетской экономіей». Въ стремленіи сосредоточить всѣ внутреннія отношенія университета въ рукахъ самой профессорской коллегіи и, по возможности, ослабить «власть канцелярій», конечно, не было ничего но-

ваго и оригинальнаго. Составленные почти исключительно профессорами иностранцами, проекты университетской организаціи, естественно, воспроизводили традиціонную схему германскаго университетскаго самоуправленія.

Въ планѣ Дильтея затронутъ былъ и вопросъ объ административной связи университетовъ со средними и низшими школами, вопросъ, получившій впослѣдствіи, въ эпоху осуществленія цѣльной системы народнаго просвѣщенія по уставамъ 1804 года, особенно важное значеніе. Предвосхищая основную идею «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» 1803 года, проектъ Дильтея распредѣляетъ между университетами завѣдываніе средними и низшими школами соотвѣтствующаго округа; при этомъ территоріальный составъ учебныхъ округовъ крайне неравномѣренъ: тогда какъ въ вѣдѣніе Дерптскаго и Батуринскаго университетовъ отдаются гимназіи и тривіальныя школы Прибалтійскаго края и Малороссіи, Московскому университету подчиняются школы почти всей остальной Россіи отъ Архангельска и Выборга до Астрахани и Оренбурга, отъ Смоленска и Пскова до Тобольска и Иркутска. Самъ Дильтей сознавалъ неудобства такого распредѣленія административныхъ обязанностей между тремя университетами, и потому училища отдаленныхъ мѣстностей онъ отдаетъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ губернаторовъ и воеводъ, не поясняя, однако, совершенно ли замѣняется въ такихъ случаяхъ власть университета властью губернатора, или между ними должно быть проведено какое-нибудь разграниченіе. Не регламентируя въ подробностяхъ характера и формъ административной зависимости среднихъ и низшихъ школъ отъ университетовъ, Дильтей опредѣленно указываетъ только на то, что университету принадлежитъ право выбора учительскаго персонала, а куратору наблюденіе за хозяйственной частью въ гимназіяхъ [1]).

Записка московскихъ профессоровъ коснулась отношеній Московскаго университета лишь къ состоявшей при немъ гимназіи. Эта гимназія состоитъ въ вѣдѣніи конференціи уни-

---

[1]) Ibidem, стр. 29—31.

верситета, которой принадлежитъ право замѣщенія учительскихъ должностей и назначенія прочаго служебнаго персонала и распредѣленіе казенныхъ стипендій между гимназистами. Принимаются въ университетъ молодые люди «по большей части» изъ этой университетской гимназіи, хотя не воспрещается доступъ и кончившимъ курсъ другихъ училищъ или получившимъ домашнее образованіе, лишь бы они имѣли надлежащую подготовку. Болѣе широкаго вопроса объ университетѣ, какъ учебно-административномъ территоріальномъ центрѣ, московскіе профессора не затрагивали

Итакъ, въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ впервые подверглись принципіальному обсужденію всѣ важнѣйшіе вопросы управленія народнымъ просвѣщеніемъ. Можно отмѣтить два основныхъ недостатка въ постановкѣ этихъ вопросовъ, если освѣтить ее со стороны той стройной учебно-административной системы, какая была осуществлена уставами 1804 года. Первымъ, краеугольнымъ принципомъ послѣдней системы было послѣдовательное и точное разграниченіе сферъ спеціальной учебной и общей администраціи. Проекты 1760—1770-хъ годовъ обнаруживаютъ въ этомъ коренномъ вопросѣ еще значительную непослѣдовательность и колебанія. Какъ показываетъ примѣръ частной коммиссіи объ училищахъ, даже мысль о выдѣленіи въ составѣ высшаго государственнаго управленія спеціальнаго органа для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ еще подвергалась сомнѣніямъ. Далѣе, наши проекты еще поддерживаютъ мысль о возложеніи обязанностей надзора и управленія учебнымъ дѣломъ на различные органы мѣстной общегражданской и духовной властей въ лицѣ губернаторовъ, архіереевъ, магистратовъ и т. д. Какъ показывалъ, однако, опытъ, эта мысль оказывалась несбыточной, и уставы 1804 года создали стройную іерархію мѣстной учебной администраціи, точно разграниченную съ администраціей общегражданской. Эта стройная административная связь школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ является вторымъ основнымъ принципомъ учебно-административной системы 1804 года. Стремленіе разрѣшить проблему народнаго просвѣщенія во всей ея полнотѣ и связать въ одно цѣлое всѣ послѣдовательные циклы обра-

зованія ясно выступаетъ и въ изучаемую сейчасъ эпоху. Но проектами 1760—1770-хъ годовъ эта задача не была окончательно разрѣшена, и отдѣльные типы школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ остались не сомкнутыми въ законченную систему; а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе этими школами не было приведено въ надлежащую связь. Такимъ образомъ, сопоставляя данныя нашими проектами попытки разрѣшить вопросъ объ учебной администраціи съ системою уставовъ 1804 года, мы выясняемъ тѣ существенныя препятствія, которыя надлежало преодолѣть для осуществленія полной системы народнаго просвѣщенія.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ народное просвѣщеніе стало выдѣляться въ самостоятельную отрасль государственнаго управленія, долженъ былъ получить принципіальную постановку и вопросъ о матеріальныхъ средствахъ, обезпечивающихъ практическое осуществленіе данной системы просвѣщенія. При господствѣ сословно-профессіональной системы содержаніе разнообразныхъ училищъ падало на отдѣльныя вѣдомства, потребности которыхъ обслуживались этими училищами, и въ общемъ государственномъ бюджетѣ расходъ на народное образованіе не могъ быть выдѣленъ въ особую рубрику подобно тому, какъ пестрый порядокъ управленія сословно-профессіональными школами не выдѣлялся въ особую отрасль государственнаго управленія. Проекты 1760—1770-хъ годовъ, начертывавшіе полную систему народнаго просвѣщенія, должны были охватить и всю совокупность финансовыхъ вопросовъ, связанныхъ съ этой системой.

Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи матеріальнаго обезпеченія, всѣ проектированныя школы дѣлятся на двѣ разнохарактерныя группы: 1) школы низшія, народныя, 2) школы среднія и высшія. Народное, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, образованіе должно обезпечиваться средствами самого населенія, государство же принимаетъ на себя

расходы лишь на среднее и высшее образованіе—таковъ основной тезисъ, опредѣляющій въ совокупности нашихъ проектовъ матеріальную сторону учебныхъ реформъ.

Сходясь на мысли, что начальныя народныя школы должны содержаться на средства самого мѣстнаго населенія, всѣ проекты, касавшіеся этого вопроса, предлагаютъ весьма различные способы обложенія населенія необходимымъ сборомъ и расходованія послѣдняго. Проще всего представляли себѣ это дѣло составители плана учрежденія школъ для простого народа «безъ всякаго государственнаго расхода и народнаго отягощенія». Учителя этихъ школъ должны получать въ годъ за каждаго мальчика не больше полтины, съ прибавкой нѣсколькихъ копѣекъ на дрова, свѣчи и матеріалъ для письма, «по разсужденію тамошняго магистрата». За дѣтей самыхъ бѣдныхъ жителей плата вносится «изъ публичной мѣщанской казны». Старшій членъ мѣстнаго причта распредѣляетъ собранныя деньги между учителями, «смотря по достоинствамъ и по трудамъ». Расходъ на школьное строеніе отсутствуетъ, такъ какъ школы помѣщаются въ домахъ церковныхъ причтовъ или въ домахъ, отводимыхъ магистратами. Авторы проекта сознаютъ неудобства, проистекающія изъ неприспособленности такихъ случайныхъ школьныхъ помѣщеній, и рекомендуютъ въ случаяхъ тѣсноты дѣлить учениковъ на очереди [1]).

Аналогичный, въ общихъ чертахъ, но болѣе сложный порядокъ собиранія и расходованія средствъ на народныя школы представляетъ проектъ Духовной коммиссіи. По словамъ этого проекта, «къ заведенію народныхъ школъ не требуется никакого казеннаго кошту, ни великихъ зданій, ниже пріисканія учителей высокимъ наукамъ; но во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ собственное отъ тѣхъ же гражданъ и мало убыточное основаніе сыскиваемо быть должно». Духовная коммиссія требуетъ уже построенія «коштомъ прихожанъ» спеціальныхъ школьныхъ зданій въ 2—3 свѣтлицы для удобства раздѣленія учениковъ на классы, при чемъ способовъ собиранія потребнаго строительнаго капитала не указано. Средства на ре-

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 142—143.

монтъ и содержаніе школьныхъ зданій получаются путемъ сбора по рублю съ каждаго поступающаго ученика и доброхотнаго кружечнаго сбора по церквамъ и домамъ прихожанъ. Вознагражденіе учителей и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій покрываются спеціальными сборами съ родителей учащихся. Плата за ученіе слагается изъ нѣсколькихъ взносовъ, таксирующихъ, какъ мы уже знаемъ, каждый отдѣльный предметъ обученія: за азбуку, часословъ, псалтирь, катехизисъ — по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи и географіи—по полтинѣ, за истолкованіе катехизиса и надзираніе священнику по полтинѣ, а по желанію и больше; при выпускѣ изъ школы за каждаго ученика новый взносъ — по рублю. Снабженіе учащихся учебными пособіями возлагается на обязанность родителей, пріобрѣтающихъ эти пособія изъ складовъ при школахъ. За дѣтей бѣдныхъ обывателей, по удостовѣренію причта и прихожанъ, плата выдается изъ кружечной суммы въ половинномъ размѣрѣ [1]).

Такимъ образомъ по проекту Духовной коммиссіи средства на народное образованіе почерпаются изъ двухъ главныхъ источниковъ: платы за ученье и доброхотныхъ жертвованій, которыя коммиссія старается особенно поощрить.

На иныхъ, болѣе устойчивыхъ основаніяхъ, требующихъ уже особой общественной организаціи, зиждется матеріальное обезпеченіе народныхъ школъ по проектамъ Золотницкаго и частной коммиссіи объ училищахъ. Въ каждомъ сельскомъ приходѣ посредствомъ самообложенія прихожанъ производится двоякаго рода сборъ: единовременный — на построеніе одной или нѣсколькихъ школъ, и періодическій, ежегодный, на содержаніе школы и жалованье учителямъ. Для раскладки необходимой на построеніе школъ суммы прихожане большинствомъ голосовъ дѣлятъ себя на три группы по состоянію: 1) достаточныхъ, 2) посредственныхъ и 3) скудныхъ; первые платятъ вдвое противъ вторыхъ и втрое противъ третьихъ. Равнымъ же образомъ производятся ежегодные сборы, деньгами и хлѣбомъ, на содержаніе школъ и на жалованье над-

---

[1]) Ibidem, стр. 327—329, 338—339.

зирателямъ и учителямъ. Проводя начало обязательнаго участія всѣхъ прихожанъ въ расходахъ на учрежденіе и поддержаніе школъ, частная коммиссія объ училищахъ, въ противоположность духовной, не придавала особаго значенія благотворительности, какъ самостоятельному источнику средствъ на развитіе народнаго образованія. Только въ проектѣ нижнихъ сельскихъ училищъ выражена была надежда, что «дворянство, живущее въ деревняхъ, на построеніе сихъ училищъ не оставитъ сдѣлать вспоможеніе по произволенію своему».

Сверхъ обязательныхъ взносовъ въ общій приходскій капиталъ на построеніе и содержаніе школъ желающіе обучать своихъ дѣтей предметамъ, не входящимъ въ кругъ элементарнаго обязательнаго обученія, напримѣръ, письму и ариометикѣ, уплачиваютъ непосредственно учителямъ особую плату. По мнѣнію Золотницкаго, не слѣдовало требовать съ такихъ учениковъ «по большей мѣрѣ за каждую науку втрое противъ того, что положено каждой семьѣ платить вообще». По окончательному проекту о сельскихъ нижнихъ училищахъ за обученіе письму, какъ необязательному предмету, за каждаго ученика должно уплачиваться по 20 коп.

Руководство сложною процедурою раздѣленія приходскихъ жителей на три группы по состоянію, раскладки, сбора и расходованія потребныхъ суммъ возлагается на мѣстныхъ священниковъ и школьныхъ попечителей. Контроль надъ приходомъ и расходомъ принадлежитъ самимъ прихожанамъ подъ предсѣдательствомъ священника. Опредѣленіямъ этихъ приходскихъ собраній всѣ жители должны повиноваться безпрекословно. На ослушниковъ приносятся жалобы «становымъ начальникамъ», которымъ принадлежитъ право, по жалобамъ попечителей, взыскивать съ упорствующихъ слѣдуемые съ нихъ взносы. Съ самихъ попечителей приходскія собранія взыскиваютъ «не дѣльные расходы», напрасныя издержки.

На такихъ же общихъ основаніяхъ создается матеріальное обезпеченіе городскихъ народныхъ школъ. Сооруженіе школъ совершается на средства общаго капитала средняго рода людей каждаго города, собираемаго по раскладкѣ, производимой самими гражданами, сообразно съ достаткомъ каждой

семьи. Когда выяснится измѣненіе благосостоянія многихъ семей, то городское общество производитъ перераспредѣленіе между отдѣльными семьями потребной суммы. Ослушники, не платящіе падающаго на нихъ сбора, принуждаются къ платежу магистратомъ по жалобѣ школьныхъ попечителей. Сборъ школьныхъ суммъ производится со всѣхъ семей даннаго городского общества, независимо отъ того, учатся ли дѣти тѣхъ или другихъ семей въ школахъ, или нѣтъ; но семьи, въ которыхъ нѣтъ учащихся дѣтей, освобождаются отъ сбора на дрова и другіе мелочные расходы по содержанію школъ.

Сборъ на построеніе и содержаніе ариѳметическихъ школъ, посредствующихъ между низшими и средними, производится тѣми же школьными попечителями и тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ по отношенію къ низшимъ школамъ. Дворянство, отдающее своихъ дѣтей въ городскія школы, принимаетъ участіе въ расходахъ на нихъ на основаніяхъ, одинаковыхъ съ мѣщанами [1]).

Таковы способы, какіе предлагались проектами 1760—1770-хъ годовъ для разрѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ учебной реформы—о матеріальномъ обезпеченіи начальнаго образованія. Эти способы были явно неосуществимы по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, авторы проектовъ, очевидно, заблуждались, когда говорили, что народное образованіе можетъ быть организовано и поддержано средствами самого населенія, «безъ всякаго отягощенія» какъ для него, такъ и для казны. Въ дѣйствительности, безъ помощи со стороны государства устройство и содержаніе школъ, при обязательности образованія, должно было лечь на населеніе чрезвычайно тяжелой повинностью. Во-вторыхъ, какъ показывали проекты частной коммиссіи объ училищахъ, возложеніе на само населеніе обязанности созданія и развитія школьной сѣти требовало большой общественной самодѣятельности и спеціальной организаціи сельскихъ и городскихъ обществъ. Осуществленіе такой организаціи, конечно, не могло не встрѣтить значительныхъ препятствій въ условіяхъ соціальнаго и административнаго строя

---

[1]) Ibidem, стр. 178—181, 224, 231—233, 235—236, 239.

средины XVIII столѣтія и, прежде всего, для крестьянскаго населенія въ условіяхъ крѣпостного режима.

Въ вопросѣ о средствахъ матеріальнаго обезпеченія средняго и высшаго образованія задача всѣхъ проектовъ сводилась къ исчисленію штатныхъ суммъ на содержаніе тѣхъ или иныхъ категорій училищъ. Въ зависимости отъ различія проектированныхъ типовъ среднихъ и высшихъ училищъ различно опредѣлялись и потребныя на нихъ суммы. Самый умѣренный разсчетъ представилъ Дильтей. Стоимость содержанія тривіальной школы онъ исчисляетъ въ 500 руб., гимназіи въ 3,545 руб. и университета въ 18,572 руб. Всего на содержаніе всѣхъ проектированныхъ имъ училищъ (трехъ университетовъ, девяти гимназій, двадцати одной тривіальной школы и двухъ «рабскихъ» школъ), вмѣстѣ съ содержаніемъ «общаго куратора», или министра народнаго просвѣщенія, Дильтей опредѣляетъ 104,721 руб. ежегодно, а единовременный расходъ на постройку и оборудованіе училищъ—въ 150,000 руб. Всѣ эти разсчеты Дильтея, несомнѣнно, значительно ниже дѣйствительной потребности; достаточно вспомнить, что первоначальный штатъ Московскаго университета, 15,000 руб., сразу же оказался чрезмѣрно низкимъ. Въ 1765 году московскіе профессора исчисляли потребную сумму уже въ 54,800 руб., а проектъ Ададурова въ 33,247 руб. безъ гимназій, а съ гимназіями въ 54,495 руб. [1]).

Въ послѣдующихъ проектахъ, составленныхъ людьми, ближе стоявшими къ практической жизни, чѣмъ профессоръ Дильтей, мы находимъ детально разработанные штаты, которые можно признать уже болѣе соотвѣтствующими дѣйствительнымъ потребностямъ новой системы просвѣщенія. Составители плана государственныхъ гимназій 1765—1766 года опредѣлили годичную стоимость содержанія каждой гимназіи въ 20,000 руб. и 2,000 руб. единовременно на первое обзаведеніе. Если бы этотъ планъ приведенъ былъ въ исполненіе, и государственныя гимназіи возникли бы во всѣхъ тѣхъ губернскихъ городахъ, въ которыхъ впослѣдствіи были учреждены гимназіи по уставу

[1]) Ibidem, стр. 43—44.

1804 года, то общій расходъ на содержаніе этихъ школъ достигъ бы приблизительно 800.000 руб. Штатъ государственной гимназіи по плану 1765—1766 года приблизительно въ 3—4 раза превышалъ штатъ гимназіи по уставу 1804 года. Чтобы оцѣнить высоту стоимости государственной гимназіи по плану 1765—1766 года, надо вспомнить, что эта гимназія совмѣщала функціи и низшей и средней и высшей школъ и была не только образовательнымъ, но и воспитательнымъ учрежденіемъ [1]).

Подробный планъ Золотницкаго, легшій въ основаніе незаконченнаго проекта частной коммиссіи объ училищахъ, устанавливалъ стоимость содержанія гимназій, дѣлимыхъ имъ, какъ мы знаемъ, на большія и малыя, въ зависимости не только отъ объема ихъ курса, но и отъ экономическихъ условій мѣстностей, въ которыхъ надлежало учреждать гимназіи. Нормальный штатъ большой гимназіи исчисленъ Золотницкимъ въ 11,320 руб., а въ мѣстностяхъ, «гдѣ будетъ содержаніе нѣсколько дороже»,—въ 13,320 руб., штаты меньшихъ гимназій—въ 9,850 руб. и въ 11,850 руб. Общая сумма содержанія 8 большихъ и 18 меньшихъ гимназій выражалась цифрой 289,860 руб. Наконецъ, проектъ Ададурова опредѣлялъ содержаніе московскихъ гимназій въ 21,248 руб. (вмѣсто 9,618 руб.) и казанской гимназіи въ 7,354 руб. (вмѣсто 3,400 руб.) [2]).

Различіемъ типовъ школъ, изъ которыхъ должна была сложиться новая система средняго и высшаго образованія, опредѣлялось, въ конечномъ счетѣ, и различіе общихъ суммъ на осуществленіе и содержаніе этой системы. Финансовыхъ предположеній изученныхъ выше проектовъ нельзя свести въ одинъ цѣльный бюджетъ народнаго просвѣщенія. Но какъ ни различны въ нашихъ проектахъ основанія разсчета денежныхъ средствъ на нужды народнаго просвѣщенія, въ этихъ разсчетахъ уже вырисовывается, до нѣкоторой степени, значительность бюджетнаго вопроса, съ которымъ должно было встрѣ-

---

[1]) Ibidem, стр. 138—141.
[2]) Ibidem, стр. 218—222.

титься осуществленіе новой системы просвѣщенія. Въ государственномъ бюджетѣ первыхъ 10 лѣтъ царствованія Екатерины II находимъ выдѣленнымъ въ особую рубрику лишь расходъ на академіи наукъ и художествъ и университетъ; въ среднемъ этотъ расходъ составлялъ 73,000 руб. въ годъ. Остальные расходы на народное образованіе дробились и скрывались въ бюджетахъ самыхъ различныхъ вѣдомствъ [1]). Органическую цѣльность и самостоятельность, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ бюджета, вопросъ о расходахъ на народное образованіе долженъ былъ получить лишь съ осуществленіемъ новой системы просвѣщенія, какъ самостоятельной отрасли государственнаго управленія.

Систематическое изслѣдованіе проектовъ учебныхъ реформъ, появившихся въ первое десятилѣтіе царствованія императрицы Екатерины II, приводитъ насъ къ заключенію, что совокупностью этихъ неосуществившихся проектовъ освѣщается одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи политики народнаго просвѣщенія за XVIII и XIX столѣтія. Въ эту эпоху впервые была подвергнута планомѣрной и детальной разработкѣ проблема народнаго просвѣщенія во всей ея широтѣ.

Утвержденіе чистыхъ педагогическихъ принциповъ, на которыхъ надлежало построить цѣльную систему общаго образованія, отвѣчающую интересамъ всѣхъ классовъ населенія и служащую общимъ фундаментомъ для самыхъ разнообразныхъ профессій, было первымъ моментомъ въ исторіи изученныхъ нами проектовъ, выразившимся въ Генеральномъ учрежденіи 12 марта 1764 года. Послѣдующіе проекты разрабатывали въ разныхъ направленіяхъ конкретные типы общеобразовательныхъ и профессіональныхъ школъ и устанавливали опредѣленную связь между отдѣльными ступенями и отраслями общаго и профессіональнаго образованія. Какъ утвержденіе общихъ принциповъ новой учебной системы, такъ и выработка ея конкретныхъ формъ совершались, прежде всего, подъ вліяніемъ аналогичнаго западнаго педагогическаго движенія. Изъ

---

[1]) *Н. Д. Чечулинъ*, Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906, стр. 285.

французской педагогической литературы были почерпнуты, главнымъ образомъ, руководящіе принципы; пути же практическаго осуществленія этихъ принциповъ указывала, по преимуществу, германская педагогическая литература и школьное законодательство. Но въ то время, когда появлялись наши проекты, западное педагогическое движеніе еще не успѣло дать своего окончательнаго практическаго результата и выработать законченные и общепризнанные типы школъ. Это обстоятельство не могло не оказать извѣстнаго вліянія и на существо нашихъ проектовъ. Они не ограничиваются простымъ копированіемъ западныхъ образцовъ, но, заимствуя нѣкоторыя общія схемы и частности по различнымъ учебнымъ вопросамъ, пытаются создать и оригинальные типы школъ. Переработка матеріала, заимствованнаго изъ области западныхъ учебныхъ реформъ, совершалась, главнымъ образомъ, въ силу необходимости согласовать отвлеченныя построенія новой педагогической системы съ реальными культурными интересами разныхъ общественныхъ классовъ. Опредѣленная для каждаго общественнаго класса система образованія и воспитанія разсматривалась, какъ необходимое условіе сословной организаціи этого класса. Сочетаніе чистаго педагогическаго идеала совершеннаго человѣка и гражданина съ интересами сословной организаціи русскаго общества данной эпохи и было, кажется, главной причиной своеобразія тѣхъ конкретныхъ формъ, въ какія облеклась разработанная проектами 1760—1770-хъ система общаго и профессіональнаго образованія.

Послѣднимъ логическимъ моментомъ въ дѣлѣ построенія цѣльной системы народнаго просвѣщенія по тѣмъ же проектамъ должно было явиться созданіе внѣшнихъ условій, обезпечивающихъ осуществленіе этой системы. Практически разрѣшеніе этого вопроса сводилось къ тому, чтобы выдѣлить попеченіе о народномъ просвѣщеніи, какъ самостоятельную, вооруженную необходимыми рессурсами, отрасль государственнаго управленія. Въ лицѣ императрицы Екатерины и нѣкоторыхъ ближайшихъ ея сотрудниковъ, напримѣръ, Бецкаго, правительственная власть, казалось, стояла уже на высотѣ по-

ниманія такой задачи. Но состояніе общаго государственнаго управленія, центральнаго и мѣстнаго, въ 1760-хъ и въ началѣ 1770-хъ годовъ не давало твердой почвы для созданія стройной сѣти спеціальной учебной администраціи, и въ постановкѣ этого вопроса нашими проектами замѣчается еще значительная шаткость. Сама по себѣ мысль о созданіи спеціальныхъ административныхъ органовъ, которымъ должно быть ввѣрено осуществленіе новой системы народнаго просвѣщенія, высказана въ нѣкоторыхъ проектахъ достаточно опредѣленно; но въ частностяхъ эта мысль проведена еще весьма не послѣдовательно, и нѣкоторыя важнѣйшія функціи учебнаго управленія и надзора попрежнему ввѣряются органамъ общегосударственнаго управленія,—пріемъ, непригодность котораго ясно обнаруживалась опытомъ предшествующаго времени. Какъ бы то ни было, учрежденіе въ 1782 году, въ лицѣ Коммиссіи о народныхъ училищахъ, центральнаго учебно-административнаго органа явилось моментомъ, связавшимъ только что изученную эпоху съ новой эпохой, когда удалось достичь уже нѣкотораго крупнаго успѣха и въ практическомъ осуществленіи новой учебной системы.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Коммиссія о учрежденіи народныхъ училищъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Система народныхъ училищъ по Уставу 1786 года.

I.

Въ письмѣ къ Гримму отъ 25 мая 1780 года Екатерина рѣшительно высказалась за введеніе въ Россію австрійской системы народныхъ школъ, съ которой подробно познакомилъ ее Іосифъ II при личномъ свиданіи въ Могилевѣ. Единодушное одобреніе новымъ австрійскимъ школамъ, высказанное столь компетентными лицами, какъ Гриммъ, Дальбергъ и особенно академикъ Эпинусъ, вдохнуло въ императрицу Екатерину новую энергію и поддержало поколебленную было къ концу 1770-хъ годовъ рѣшимость приступить снова къ разрѣшенію великой проблемы народнаго просвѣщенія [1]).

Успѣхъ австрійской реформы народнаго образованія, проведенной въ царствованіе Маріи-Терезіи, обезпечивался не столько новизной научнаго идеала или практическихъ задачъ этого образованія, сколько цѣлесообразнымъ сочетаніемъ тѣхъ необходимыхъ условій, безъ которыхъ неосуществима никакая система просвѣщенія, какими бы достоинствами ни отличалась она по существу своего научно-образовательнаго содержанія. Одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей австрійской школьной реформы, Мессмеръ, въ своемъ проектѣ объ улучшеніи вѣн-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXIII стр. 180, 183; XLIV, стр. 103—104, 113—114. *Гр. Д. А. Толстой*, Городскія училища въ царствованіе Имп. Екатерины II (Спб. 1886), стр. 5 и слѣд.

скихъ школъ 1770 года, послужившемъ непосредственнымъ толчкомъ къ выработкѣ Устава 1774 года, сводилъ всю сущность реформы къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) къ подготовкѣ спеціалистовъ учителей въ связи съ усовершенствованіемъ методовъ преподаванія, 2) къ учрежденію школьной коммиссіи, какъ учебно-административнаго органа и установленію правильнаго надзора за ходомъ учебной жизни, 3) къ образованію спеціальнаго школьнаго капитала (Schulfond). Всѣ эти вопросы, значеніе которыхъ обрисовывалось и русскими проектами 1760—1770-хъ годовъ, были удачно разрѣшены общимъ школьнымъ Уставомъ 6 декабря 1774 года (Allgemeine Schulordnung für die deutschen Normal-Haupt- und Trivialschulen) съ цикломъ сопутствовавшихъ ему частныхъ узаконеній и правилъ [1]).

Первымъ совѣтникомъ императрицы Екатерины, помогшимъ ей поставить вновь задуманное предпріятіе на правильный путь, явился академикъ Эпинусъ. Въ обстоятельной запискѣ онъ выяснилъ сущность новой австрійской школьной системы и подробно разобралъ всѣ принципіальные вопросы, связанные съ пересадкой ея на русскую почву. Ниже мы послѣдовательно коснемся взглядовъ Эпинуса по этимъ вопросамъ, пока же отмѣтимъ только тѣ практическія средства, которыя онъ предлагалъ для введенія въ Россіи австрійской системы. По его мнѣнію слѣдовало заимствовать эту систему во всей ея полнотѣ лишь съ такими частичными измѣненіями, которыя необходимо вызывались мѣстными условіями русской жизни. И самое осуществленіе реформы должно было идти тѣмъ же путемъ, какой былъ уже испытанъ въ Австріи и далъ тамъ блестящіе результаты. Эпинусъ предлагалъ, по примѣру Австріи, учредить высшее школьное управленіе въ видѣ коллегіи или коммиссіи изъ 2—3 членовъ, на обязанности которой лежало бы, прежде всего, приспособленіе австрійскаго школьнаго плана къ русскимъ условіямъ, принятіе мѣръ для устройства 3—4 нормальныхъ школъ для приготовленія учителей и, наконецъ, переводъ и изданіе австрійскихъ школь-

---

[1]) *A. Helfert*, Die oesterreichische Volksschule, I B., (1860), 134—135.

ныхъ руководствъ. Въ качествѣ предсѣдателя коллегіи (Reichs-Schul-Directorium) Эпинусъ рекомендовалъ фельдмаршала кн. А. М. Голицына, или оберъ-камергера кн. А. М. Голицына, или графа Миниха. Учителей для первыхъ нормальныхъ школъ онъ предлагалъ выписать изъ австрійскихъ славянъ, а учениковъ набрать изъ духовныхъ семинарій [1]).

Екатерина приняла эти предложенія Эпинуса и съ своей стороны набросала планъ первыхъ мѣропріятій къ введенію въ Россіи австрійской системы [2]). Въ этомъ планѣ, собственноручно ею написанномъ, императрица перечисляла предметы ученія въ каждой категоріи школъ (сельскихъ, низшихъ городскихъ и среднихъ), указывала, гдѣ слѣдуетъ искать учителей, и, наконецъ, намѣчала членами высшей школьной коммиссіи фельдмаршала Голицына, Мелиссино и академиковъ Эпинуса и Палласа. Нельзя съ точностью опредѣлить, когда былъ составленъ Екатериной этотъ планъ, сохранившійся въ черновомъ наброскѣ, и былъ ли онъ кому-нибудь переданъ. Несомнѣнно только, что онъ былъ составленъ послѣ записки Эпинуса и до приглашенія Янковича-де-Миріево осенью 1782 года, такъ какъ въ запискѣ императрицы упоминается только о порученіи русскому послу въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицыну набрать, съ разрѣшенія цесаря, учителей нормальныхъ школъ изъ славянъ.

Какъ бы то ни было, немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ директора иллирійскихъ школъ Янковича, отрекомендованнаго самимъ императоромъ Іосифомъ II, было положено законодательное начало новому просвѣтительному предпріятію; 7 сентября 1782 года состоялся указъ объ учрежденіи школьной Коммиссіи, но въ иномъ составѣ сравнительно съ первоначальнымъ предположеніемъ. Во главѣ Коммиссіи былъ поставленъ сенаторъ П. В. Завадовскій, а членами ея назначены академикъ Эпинусъ и тайный совѣтникъ П. И. Пастуховъ. Янковичу же сначала дано было офиціальное положеніе, не вполнѣ соотвѣтствовавшее той руководящей роли, какая

---

[1]) *Толстой*, op. cit., прилож. 2.
[2]) Госуд. Архивъ, разр. X, № 434.

выпала на его долю: онъ не былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ Коммиссіи и работалъ въ ней въ качествѣ сотрудника эксперта, хотя на немъ лежала вся тяжесть новаго предпріятія: составленіе общаго плана новой учебной системы, организація учительской семинаріи, переводъ и переработка учебныхъ руководствъ. Лишь въ 1797 году Янковичъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ Коммиссіи. Изъ трехъ первыхъ дѣйствительныхъ членовъ Коммиссіи въ курсѣ дѣла находился одинъ лишь академикъ Эпинусъ. Чѣмъ объясняется выборъ Завадовскаго и Пастухова, рѣшить не беремся [1]).

Практическое значеніе этого начальнаго момента новой эпохи въ исторіи политики нашего народнаго просвѣщенія опредѣлялось судьбою всѣхъ предшествующихъ плановъ учебныхъ реформъ 1760—1770-хъ годовъ. Всѣ эти планы остались безплодными потому, между прочимъ, что не находилось такого компетентнаго лица или учрежденія, на которое можно было бы возложить практическое выполненіе сколько-нибудь широкой учебной реформы. Удачно испытанный на практикѣ первый пріемъ австрійской реформы, учрежденіе спеціальной учебно-административной коллегіи, давалъ теперь ключъ къ разрѣшенію того очередного вопроса въ развитіи русскихъ плановъ народнаго просвѣщенія, передъ которымъ императрица Екатерина уже готова была безпомощно отступить.

Самое точное копированіе австрійскаго порядка учебной реформы навѣрно не дало бы на русской почвѣ такъ скоро желаемаго результата, если бы не удалось получить въ лицѣ Янковича-де-Миріево той живой педагогической силы, которою созданъ былъ и весь успѣхъ австрійской системы. Самымъ важнымъ орудіемъ въ рукахъ главныхъ дѣятелей этой системы, Фельбигера, Мессмера, Киндермана, Янковича, людей, одаренныхъ высокимъ педагогическимъ и организаторскимъ талантами, былъ не бумажный регламентъ или книжное наставленіе, но непосредственный живой примѣръ, живая традиція. Подобно тому, какъ наглядность и живое общеніе учителя съ каждымъ ученикомъ были основными пріемами новой школь-

[1]) П. С. З. № 16507.

ной методы, такъ и управленіе основанною на этой методѣ системою народныхъ школъ требовало живого практическаго руководства со стороны спеціалистовъ. Система нормальныхъ школъ быстро и успѣшно прививалась именно тамъ, гдѣ во главѣ ея стояли такіе спеціалисты педагоги, какъ Мессмеръ и Фельбигеръ въ Вѣнѣ, Киндерманъ въ Богеміи, Янковичъ-де-Миріево въ сербскихъ провинціяхъ Австріи [1]).

Первымъ шагомъ Коммиссіи была выработка «Плана къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской Имперіи», поднесеннаго императрицѣ при докладѣ отъ 21 сентября 1782 года и утвержденнаго 27 сентября [2]). Планъ этотъ состоялъ изъ трехъ частей: *учебной*, составленной Янковичемъ и разработанной наиболѣе подробно, *политической* (административной) и *экономической;* обѣ послѣднія части, составленныя самой Коммиссіей, представляли лишь перечень тѣхъ административныхъ, хозяйственныхъ и финансовыхъ вопросовъ, съ которыми связывалось учрежденіе народныхъ училищъ. Коммиссія просила объ утвержденіи только первой, учебной части, указывая, что отношенія административныя и хозяйственныя могутъ быть точно опредѣлены лишь по прошествіи нѣкотораго опыта. Вслѣдъ затѣмъ работа по введенію системы народныхъ училищъ сосредоточилась, главнымъ образомъ, на изготовленіи учебныхъ книгъ и подготовкѣ учителей. Менѣе чѣмъ въ годъ удалось изготовить учебныя книги для первыхъ двухъ классовъ народныхъ училищъ, т. е. для малыхъ училищъ. Составленіе же книгъ для старшихъ классовъ затянулось до 1800-хъ годовъ; эта первая въ Россіи систематически подобранная учебная литература для низшей и средней школы завершалась курсомъ русской исторіи, составленнымъ Стриттеромъ и вышедшимъ въ свѣтъ въ 1800—1802 годахъ [3]).

Параллельно съ большой поспѣшностью налажена была

---

[1]) *А. Вороновъ*, Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево или народныя училища въ Россіи при имп. Екатеринѣ II. Спб. 1858.

[2]) Напечатанъ у *Толстого,* op. cit., прилож. 4. Арх. Мин. Народн. Просв., журналъ Коммиссіи 21 сентября 1782 г.

[3]) *Толстой*, op. cit., стр. 52—88.

подготовка учителей. Учрежденное подъ руководствомъ Янковича въ 1783 году первое главное народное училище и первоначально соединенная съ нимъ учительская семинарія приготовила въ 1786 и 1788 годахъ два выпуска учителей для открытыхъ въ двѣ очереди главныхъ училищъ.

Наконецъ, въ зависимости отъ подготовки учебной литературы и учителей развивалась сѣть народныхъ училищъ. До 1786 года, до выпуска перваго контингента учителей для полнаго курса четырехклассныхъ народныхъ училищъ, открывались лишь малыя, двухклассныя училища; въ 1786-мъ и въ 1789 годахъ послѣдовало массовое открытіе главныхъ училищъ въ всѣхъ губерніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ, начиная съ 1782 года, все предпріятіе по заведенію народныхъ училищъ регулировалось временнымъ планомъ 21 сентября 1782 года, лишь намѣчавшимъ въ общихъ чертахъ пути для осуществленія этого предпріятія. Только 5 августа 1786 года, когда успѣшность избраннаго пути стояла внѣ сомнѣній, явился Уставъ народныхъ училищъ, давшій новой учебной системѣ законодательную санкцію [1]).

Къ сожалѣнію, сохранившіяся въ журналахъ Коммиссіи свѣдѣнія о порядкѣ выработки Устава 1786 года крайне скудны. Такъ въ журналѣ 21 марта сообщается, что въ этотъ день Коммиссія занималась слушаніемъ и разсматриваніемъ устава народныхъ училищъ, сочиняемаго Ѳ. И. Янковичемъ, по опредѣленію Коммиссіи отъ 10 числа прошедшаго мѣсяца. Отсюда слѣдуетъ заключить, что только съ февраля 1786 года началась прямая работа по составленію Устава. Такія же краткія отмѣтки о разсмотрѣніи его находимъ въ журналахъ 25 апрѣля, 10 іюня и 28 іюля, когда Коммиссія постановила поднести проектъ Устава на утвержденіе императрицы. Также скудны свѣдѣнія о степени участія въ этой работѣ отдѣльныхъ членовъ Коммиссіи. Дѣйствительнымъ авторомъ Устава былъ, конечно, Янковичъ. Далѣе сохранилась записка Эпинуса, который, рѣдко бывая въ засѣданіяхъ Ком-

[1]) П. С. З., № 16421.

миссіи и ознакомясь съ проектомъ, заранѣе далъ свое согласіе на всѣ измѣненія въ подробностяхъ устава, какія будутъ приняты большинствомъ голосовъ. Свой отказъ отъ подробнаго обсужденія устава Эпинусъ мотивировалъ тѣмъ, что онъ не въ состояніи исполнить волю императрицы, «дабы въ планахъ и уставахъ, верхнимъ и нижнимъ школамъ сочиняемыхъ, ничего не было несогласнаго съ государственными учрежденіями и состояніемъ гражданскимъ»; ему, Эпинусу, эти учрежденія и состоянія были мало знакомы, педагогическія же его воззрѣнія уже давно извѣстны императрицѣ [1]). Въ отказѣ Эпинуса отъ ближайшаго участія въ работѣ надъ Уставомъ сквозитъ, какъ будто, недовольство веденіемъ дѣла. Дѣйствительно, мы увидимъ ниже, что далеко не всѣ предложенія Эпинуса, на которыхъ онъ настаивалъ въ своей первой запискѣ, были приняты во вниманіе. Наконецъ, объ участіи въ составленіи проекта Устава прочихъ членовъ Коммиссіи и совсѣмъ ничего неизвѣстно.

Основнымъ источникомъ для составленія нашего Устава 1786 года долженъ былъ послужить австрійскій Уставъ 1774 года и различныя правила, инструкціи и табели, изданныя въ развитіе послѣдняго. Ни въ журналахъ, ни въ другихъ дѣлахъ Коммиссіи мы не встрѣчаемъ никакихъ ссылокъ на самый австрійскій Уставъ или указаній на пользованіе имъ. Собраніе же правилъ и инструкцій для австрійскихъ низшихъ городскихъ и сельскихъ школъ, изданное въ Вѣнѣ въ 1779 году, было переведено для Коммиссіи на русскій языкъ и сохранилось въ рукописномъ видѣ въ дѣлахъ Коммиссіи [2]). Ниже мы разберемъ подробно соотношеніе обоихъ Уставовъ, австрійскаго и русскаго, по всѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ учебной реформы. Теперь же заранѣе отмѣтимъ, что нашъ Уставъ во всѣхъ частяхъ явился вполнѣ самостоятельной переработкой общей схемы, данной австрійскимъ законодательствомъ.

Нѣкоторые вопросы, разрѣшаемые Уставомъ, были разра-

---

[1]) Журналъ Коммиссіи 10 іюля 1786г.

[2]) Арх. Мин. Народн. Просв., карт. 1281, дѣло № 38515. Это собраніе въ русскомъ переводѣ напечатано у *Толстого*, съ пропусками. Op. cit., прил. 3.

ботаны Янковичемъ еще въ 1783 году, при учрежденіи перваго главнаго народнаго училища. Для этого училища Янковичъ составилъ особый «Уставъ, по которому всѣ чины, къ главному народному училищу принадлежащіе, поступать должны» [1]). Въ немъ подробно регламентировались обязанности директора, всѣхъ учителей вообще и каждаго въ отдѣльности: учителей математики, естественной исторіи и географіи, россійскаго языка, нѣмецкаго языка, архитектуры, рисованія, катехизиса и нижнихъ классовъ, наконецъ, административно-хозяйственныхъ органовъ: смотрителя (инспектора классовъ), старшихъ учениковъ, избираемыхъ «товариществами», надзирателя, казначея, благочиннаго (экзекутора), купчины (эконома) и ихъ помощниковъ, лекаря, фельдшера, перваго сторожа, сторожей вообще и работниковъ. Изъ этого Устава или, правильнѣе, инструкціи, были перенесены въ Уставъ 1786 года нѣкоторыя постановленія объ обязанностяхъ директора и учителей. Вотъ все, что осталось извѣстнымъ о внѣшней исторіи происхожденіе Устава 1786 года.

Такъ внѣшній порядокъ и пріемы пересадки на русскую почву австрійской системы народныхъ училищъ вполнѣ отвѣчали основнымъ требованіямъ этой системы: ставить въ первую очередь подготовку учительскаго персонала и учебныхъ пособій, подвигаться впередъ въ дѣлѣ обученія постепенно расширяющимися кругами, закрѣплять закономъ то, что предварительно провѣрено жизненнымъ опытомъ.

II.

Обратимся теперь къ самому существу изучаемаго вопроса: насколько полно воспроизведена была австрійская система на русской почвѣ и какія внесены были здѣсь измѣненія въ ея задачи, въ научно-образовательное содержаніе и въ условія, обезпечивавшія ея жизненность?

---

[1]) Приложеніе къ журн. 9 января 1784 г.

Австрійскій Уставъ объявлялъ задачей народныхъ училищъ воспитаніе (Erziehung) юношества, какъ важнѣйшее основаніе истиннаго благополучія народовъ. Въ манифестѣ Маріи-Терезіи, предварявшемъ текстъ Устава, читаемъ: «von einer guten Erziehung und Leitung in den ersten Jahren die ganze künftige Lebensart aller Menschen, und die Bildung des Genies, und der Denkensart ganzer Völkerschaften abhängt, die niemals kann erreicht werden, wenn nicht durch wohlgetroffene Erziehungs- und Lehranstalten die Finsterniss der Unwissenheit aufgeklärt und jedem der seinem Stande angemessene Unterricht verschaffet wird».

И нашъ Уставъ 1786 года, разъясняя цѣль учрежденія народныхъ училищъ, исходилъ изъ того широкаго пониманія задачъ и объема народнаго просвѣщенія, на которомъ строились всѣ проекты предыдущей эпохи. Назначеніе училищъ—*воспитаніе* юношества, объемлющее и моральное воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ и научное образованіе: «воспитаніе, просвѣщая разумъ человѣка различными познаніями, украшаетъ его душу; склоняя же волю къ дѣланію добра, руководствуетъ къ жизни добродѣтельной и напояетъ, наконецъ, человѣка такими понятіями, которыя ему въ общежитіи необходимо нужны». Какъ и въ предшествующее время, подчеркивалась необходимость начинать систематическое воспитаніе въ указанномъ направленіи съ возможно ранняго возраста: «сѣмена таковыхъ нужныхъ и полезныхъ знаній сѣять еще должно съ малолѣтства въ сердцахъ отроческихъ, дабы онѣ въ юношескихъ лѣтахъ возрастали, а въ мужскихъ, созрѣвши, обществу плодъ приносили». Въ объявленіи объ открытіи народныхъ училищъ, помѣщенномъ Коммиссіей въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ въ 1782 году, опредѣлительнѣе указывалась цѣль гражданскаго воспитанія: «благополучнымъ быть есть предметъ каждаго человѣка. Благополучія же всякъ надѣется временно и вѣчно. Послѣднее доставляетъ ему наблюденіе Закона Божія, а перваго достигаетъ онъ, исполняя свои должности, на которыя отъ Бога опредѣленъ, и храня законы и учрежденія государства, въ которомъ онъ живетъ. Изъ сего слѣдуетъ, что человѣку нужно руководство къ Закону Божію, къ познанію

должностей своихъ и къ наблюденію законовъ и учрежденій государства. *что̀ воспитаніемъ называется*» [1]).

Этимъ широкимъ взглядомъ на цѣль новой системы образованія опредѣлялась соціальная сфера ея распространенія. Предназначенное воспитывать гражданъ вообще, это новое образованіе должно было стать всеобщимъ, открытымъ для всего населенія, «въ гражданствѣ живущаго».

Нашъ Уставъ, подобно своему австрійскому образцу, не упоминалъ ни о какихъ сословныхъ ограниченіяхъ въ пріемѣ учащихся въ народныя училища. Въ газетномъ объявленіи объ открытіи народныхъ училищъ, появившемся еще въ концѣ 1782 года, Коммиссія опредѣленно указывала, что новая система образованія распространяется безъ изъятія «на всякое состояніе людей»; а новыя училища потому и называются народными, «что въ оныхъ каждому изъ подданныхъ преподается воспитаніе, приличное его состоянію». На дѣлѣ, однако, соціальная сфера распространенія новаго образованія, по прямому смыслу Устава 1786 года, должна была оказаться значительно болѣе узкой сравнительно съ Австріей. Австрійскія училища, въ частности низшія, тривіальныя школы, предназначались какъ для городского, такъ и для сельскаго населенія, и распорядокъ ученья въ нихъ былъ сообразованъ съ нѣкоторыми условіями сельскаго быта. Поэтому австрійскія школы могутъ быть названы *народными* въ точномъ смыслѣ этого слова. Насколько оправдываютъ это названіе наши училища по Уставу 5 августа 1786 года? Проекты учебныхъ реформъ предшествующей эпохи смѣло выдвигали проблему всеобщаго образованія и стремились создать систему народнаго образованія, распространяющуюся какъ на городское, такъ и на сельское населеніе. Повидимому, эта мысль готова была утвердиться въ нашемъ законодательствѣ. Учрежденіемъ о губерніяхъ (ст. 388) на приказы общественнаго призрѣнія возлагалась обязанность заводить народныя школы «по всѣмъ городамъ, а потомъ въ тѣхъ многолюдныхъ селеніяхъ, кои подсудны верхней расправѣ, т.-е. въ селеніяхъ

[1]) Журн. 20 декабря 1782 г., приложеніе.

однодворцевъ, «прежнихъ служебъ служилыхъ людей» и государственныхъ крестьянъ. Затѣмъ, въ минуту перваго увлеченія австрійской системой, императрица Екатерина готова была очень широко поставить вопросъ о примѣненіи ея въ Россіи. Въ черновомъ наброскѣ первыхъ мѣропріятій по этому вопросу, согласно съ мнѣніемъ Эпинуса, она раздѣляла низшія школы на «земскія», т.-е. сельскія, и «городовыя» и видѣла въ нихъ средство просвѣщенія народа, какъ цѣлаго: «никогда не испугаютъ меня» — писала она — «образованностью народовъ; но когда будутъ они образованы?» Наконецъ, сама Коммиссія объ учрежденіи училищъ, приступая въ 1783 году къ устройству перваго главнаго народнаго училища, указывала, что это есть «дѣло всенародныя пользы», видѣла въ немъ починъ «введенія дѣятельнымъ образомъ благонравія и наукъ для цѣлаго народа великой Имперіи». Обращаясь же, затѣмъ, къ Уставу 1786 года, мы находимъ, что онъ опредѣленно предписываетъ учреждать народныя школы только въ городахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, съ глухимъ дополненіемъ: «и гдѣ еще по усмотрѣнію приказа общественнаго призрѣнія на первый случай малыя (училища) быть могутъ надобны». Кромѣ того, въ § 64 Устава говорилось объ обязанности губернатора, какъ попечителя училищъ, заботиться о распространеніи ихъ «не токмо по городамъ уѣзднымъ, но и другимъ селеніямъ, колико способы ему то дозволять будутъ». Но въ дальнѣйшемъ изложеніи подробностей учебной и административно-хозяйственной организаціи училищъ уже не встрѣчаемъ ни одного намека на намѣреніе законодателя приспособить новую учебную систему къ интересамъ сельскаго населенія и къ условіямъ его быта, какъ это было сдѣлано въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ.

Чѣмъ же объяснить, что проблема народнаго образованія, за которую съ такимъ рвеніемъ снова взялась въ 1780-хъ годахъ императрица Екатерина, сразу вводилась въ узкія рамки вопроса о школахъ для городского населенія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно искать въ общемъ направленіи сословной политики въ первой половинѣ 1780-хъ годовъ. Какъ показывали попытки законодательной разработки вопроса о всеобщемъ обученіи, распространеніе послѣдняго на массу сель-

скаго населенія должно было встрѣтить большія препятствія въ различныхъ сторонахъ юридическаго и бытового положенія крестьянскаго населенія. Между тѣмъ послѣ пугачевщины опредѣленно выясняется несбыточность какихъ-либо крупныхъ преобразованій въ области крестьянскаго вопроса: «гдѣ только начнутъ его трогать, говорила Екатерина въ 1777 году, онъ нигдѣ не поддается». Съ другой стороны, въ 1780-хъ годахъ въ законодательствѣ рѣшительно выдвигаются на первый планъ сословные интересы дворянства и городского населенія, «средняго рода людей». Завершеніе сословной организаціи обоихъ этихъ классовъ жалованными грамотами 1785 года совпадало по времени съ подготовкой изучаемой нами школьной реформы. Мы знаемъ далѣе, что еще съ первыми опытами этой реформы въ 1760-хъ годахъ связывались заботы о созданіи «третьяго чина» гражданъ: предполагалось, что это среднее сословіе явится непосредственнымъ продуктомъ новой системы воспитанія и образованія на началахъ, возвѣщенныхъ Генеральнымъ учрежденіемъ 1764 года. Этой цѣли и должна была, прежде всего, отвѣчать новая, заимствованная изъ Австріи, система народныхъ школъ.

Однако, предназначая народныя училища для городского населенія, Уставъ 1786 года не превращалъ ихъ въ сословныя школы, также какъ и жалованная грамота 1785 года не успѣла слить различные соціальные элементы городского общества въ единообразное сословное цѣлое. Въ іюнѣ 1783 года, представляя докладъ объ учрежденіи перваго главнаго народнаго училища, Коммиссія выражала увѣренность, что составленныя ею учебныя руководства будутъ равно полезны «всякому роду гражданъ»; и, дѣйствительно, составъ учащихся въ городскихъ народныхъ училищахъ отличался чрезвычайной пестротой.

Австрійская система народнаго образованія распространялась и на женское населеніе. Уставъ 1774 года (§ 12) требовалъ, чтобы тамъ, гдѣ позволятъ обстоятельства, заводились особыя школы для дѣвочекъ, и въ нихъ происходило бы обученіе шитью, вязанью и другимъ, женскому полу свойственнымъ, занятіямъ; тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ женскихъ школъ.

дѣвочки должны допускаться въ общія училища, въ которыхъ онѣ обучаются, сверхъ общаго курса, и женскимъ рукодѣліямъ. Этой отчетливой постановки вопроса объ образованіи дѣвочекъ не даетъ нашъ Уставъ. Правда, въ нѣсколькихъ параграфахъ рядомъ съ учениками упоминаются ученицы, изъ чего слѣдуетъ заключить, что народныя училища открывались для молодежи обоего пола; но затѣмъ Уставъ ничего не говоритъ ни объ особыхъ школахъ для дѣвочекъ, ни о томъ, должно ли было вносить для нихъ въ курсъ училищъ какія либо измѣненія или дополненія. На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчаетъ только Руководство учителямъ I—II классовъ, которымъ предписывалось мальчиковъ сажать въ школѣ особо отъ дѣвочекъ, но тѣхъ и другихъ наставлять съ равнымъ усердіемъ, ибо то, чему въ нижнихъ школахъ учатъ, равно обоему полу нужно.

Значительно суживая соціальную область распространенія народнаго образованія, сравнительно съ проектами предшествующей эпохи и своимъ австрійскимъ образцомъ, не проведя съ твердостью начала *всеобщности* образованія, Уставъ 1786 года не принялъ и другого коренного принципа—*обязательности* образованія, даже въ той мягкой формѣ, въ какой это дѣлалъ австрійскій законъ. Послѣдній налагалъ на родителей и опекуновъ обязанность посылать въ школы способныхъ къ ученью дѣтей отъ 6-ти лѣтняго возраста, или обучать ихъ дома черезъ учителей, подготовленныхъ въ нормальныхъ школахъ, но исполненіе этой обязанности не обезпечивалось достаточными гарантіями: уставъ предписывалъ городскимъ и другимъ мѣстнымъ властямъ дѣйствовать на нерадивыхъ родителей и опекуновъ увѣщаніями и, смотря по обстоятельствамъ, принужденіемъ, но не указывалъ, какими мѣрами это принужденіе должно было выражаться. Нашъ Уставъ совсѣмъ умалчивалъ объ обязательности обученія въ народныхъ училищахъ, и вопросъ этотъ, очевидно, долженъ былъ разрѣшаться ст. 384-й Учрежденія о губерніяхъ, которая гласила, что народныя школы, заводимыя приказами общественнаго призрѣнія, предназначаются «для всѣхъ тѣхъ, кои *добровольно* пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ,

однакоже, не чинить никому принужденія, но отдавать на волю родителей: отдавать дѣтей въ школу, или оставлять ихъ дома».

Такимъ образомъ, два важнѣйшіе принципа, которые на западѣ легли краеугольными камнями народнаго образованія и значеніе которыхъ разъяснялось и нашими проектами 1760—1770-ыхъ годовъ, *всеобщность* и *обязательность* начальнаго обученія, не были приняты нашимъ первымъ закономъ XVIII вѣка, широко ставившимъ дѣло народнаго образованія.

Обратимся теперь къ научно-образовательному содержанію новой учебной системы и къ тѣмъ типамъ школъ, въ которыхъ оно воплощалось.

Полный курсъ образованія, доставляемаго австрійскими народными училищами, слагался изъ трехъ основныхъ, концентрически расположенныхъ круговъ, изъ которыхъ каждый представленъ былъ самостоятельнымъ типомъ школы. Первый кругъ составляло элементарное обученіе основамъ религіи и морали, чтенію, письму, началамъ математики, а также общимъ правовымъ и хозяйственнымъ свѣдѣніямъ, необходимымъ для сельскаго населенія. На этомъ элементарномъ обученіи утверждался слѣдующій кругъ образованія, предназначаемый, во-первыхъ, для желающихъ продолжать свое образованіе въ латинскихъ школахъ и университетахъ и, во-вторыхъ, для готовящихся къ практической дѣятельности въ сферѣ сельскаго хозяйства, художествъ и промышленности. Соотвѣтственно такой широкой задачѣ, этотъ второй кругъ отличался пестрымъ, энциклопедическимъ характеромъ; въ составъ его входили: Законъ Божій въ догматическомъ и историческомъ изложеніи, наставленіе въ морали, математика, родной и латинскій языки, исторія, географія, естествознаніе, механика, архитектура, землемѣріе, черченіе, домоводство, сельско-хозяйственное знаніе. Наконецъ, съ прибавленіемъ къ перечисленнымъ предметамъ нѣкоторыхъ педагогическихъ и дидактическихъ знаній выводился тотъ высшій кругъ педагогическаго образованія, который получилъ названіе «нормальнаго».

Каждому изъ этихъ трехъ цикловъ соотвѣтствовалъ, какъ

было сказано, особый типъ школы: 1) тривіальная школа, 2) главная школа, 3) нормальная школа, при чемъ всѣ три типа составляли одно цѣлое, такъ что главная школа включала въ себѣ тривіальную, а нормальная—тривіальную и главную. Такъ какъ, далѣе, отъ главныхъ городскихъ школъ отдѣлились малыя или низшія городскія школы, ставшія вмѣстѣ съ тѣмъ ступенью выше сельскихъ тривіальныхъ школъ, то всѣ училища по Уставу 1774 года, въ концѣ концовъ, раздѣлялись на четыре категоріи: 1) нормальныя школы съ 4-мя учителями и 4-мя школьными помѣщеніями (Schulzimmer), 2) главныя школы съ 3-мя учителями и 3-мя помѣщеніями, 3) тривіальныя городскія школы съ 2-мя учителями и 2-мя помѣщеніями, 4) тривіальныя школы въ мѣстечкахъ и селахъ (auf dem Lande) съ однимъ учителемъ и одной школьной горницей. Для насъ особенно важно отмѣтить различіе между двумя послѣдними категоріями, школами сельскими и низшими городскими. Это различіе проведено, прежде всего, учебными планами (Lections-Catalogi), приложенными къ Уставу. По этимъ планамъ курсъ сельской школы ограничивался элементарнымъ обученіемъ Закону Божію, чтенію, письму, счету, правовыми и хозяйственными свѣдѣніями для сельскаго населенія; въ курсѣ низшихъ городскихъ школъ давалось дальнѣйшее развитіе этимъ предметамъ и, затѣмъ, вводились новые предметы, какъ географія и исторія. Различіе между городскими и сельскими школами подчеркивалось и въ послѣдующихъ распоряженіяхъ и инструкціяхъ, издаваемыхъ въ развитіе Устава. Такъ по «Освѣдомленію о тѣхъ матеріяхъ и книгахъ, которыя относятся къ простымъ школамъ городовъ и знатнѣйшихъ мѣстечекъ въ императорско-королевскихъ областяхъ»[1]), эти простыя (т. е. низшія) городскія школы должны были отличаться отъ высшихъ городскихъ отсутствіемъ подробной нѣмецкой грамматики, синтаксиса и началъ латинскаго языка, а отъ сельскихъ—большею продолжительностью курса (зимой

[1]) Это „Освѣдомленіе“ вошло въ собраніе уставовъ и инструкцій, изданныхъ въ Вѣнѣ въ 1779 г., и находится въ рукописномъ русскомъ переводѣ въ дѣлахъ Коммиссіи. У Толстого оно пропущено.

и лѣтомъ), болѣе обстоятельнымъ упражненіемъ въ письмѣ и ариѳметикѣ; съ другой стороны, сельскія школы должны были содержать «такія матеріи, безъ которыхъ городскіе ученики обойтись могутъ»; наконецъ, тѣмъ же освѣдомленіемъ рекомендовалось школы въ большихъ мѣстечкахъ приближать къ типу городскихъ, а въ малыхъ—къ типу сельскихъ школъ. Такъ въ предѣлахъ трехъ основныхъ типовъ школъ австрійская система пріобрѣтала большую гибкость, приспособляясь къ различнымъ мѣстнымъ соціальнымъ условіямъ.

Составляя законченный кругъ реальнаго образованія, приспособленнаго къ потребностямъ сельскаго и городского, мѣщанскаго населенія, австрійская система народнаго образованія была приведена въ связь съ системой высшаго научнаго образованія, первой ступенью къ которому служили такъ называемыя латинскія школы и гимназіи. Съ этой цѣлью въ курсъ главныхъ училищъ введенъ былъ латинскій языкъ, а планъ гимназій 1775 года установилъ, что въ гимназіи могутъ быть принимаемы дѣти отъ 10 лѣтняго возраста, представившія отъ начальства нормальной или главной школы удостовѣреніе въ званіи всѣхъ предписанныхъ предметовъ [1]).

Необходимо ли было перенести въ Россію австрійскую систему народныхъ училищъ во всей ея полнотѣ? Въ разрѣшеніи этого вопроса обнаружились довольно рѣзкія колебанія. Эпинусъ настаивалъ на томъ, чтобы австрійская система была заимствована, по возможности, безъ всякихъ измѣненій, и не находилъ нужнымъ ничего ни прибавлять, ни исключать въ учебныхъ планахъ трехъ основныхъ типовъ школъ. Императрица, повидимому, приняла эту мысль Эпинуса и въ черновомъ наброскѣ плана учебной реформы воспроизвела австрійскую трехчленную систему: 1) *земскія* школы, курсъ которыхъ составляютъ чтеніе, письмо, Законъ Божій, нравоученіе; 2) *городовыя* школы, въ которыхъ къ курсу земскихъ школъ прибавляются геометрія, механика, архитектура, ученіе

[1]) Helfert, op. cit. I, 366. *K. Wotke*, Das Oesterreichische Gymnasium im Zeitalter Maria Theresias (Monumenta Germaniae Paedagogica, B. XXX), S. 97—98, 274.

естества и естественная исторія (Natur-Lehre und Naturgeschichte), географія и исторія, сельское хозяйство и домоводство (Land und Hauswirtschaft), нѣмецкій, латинскій и греческій языки; 3) *среднія* школы, въ которыхъ къ курсу городовыхъ прибавляется «ученіе учителей» и исключается греческій языкъ. Какъ видно, эти учебные планы были составлены по австрійскимъ образцамъ съ тѣмъ только отличіемъ, что въ австрійскихъ школахъ изъ иностранныхъ языковъ преподавался одинъ латинскій, а въ русскія школы предполагалось ввести еще нѣмецкій и греческій. Далѣе обращаютъ на себя вниманіе данныя императрицей названія школамъ, опредѣлявшія ихъ характеръ: тривіальная школа названа *земской*, главная—*городовой* и нормальная—*средней*. Названіе *земскихъ* школъ, въ сопоставленіи съ городовыми, можетъ указывать, какъ было отмѣчено выше, на намѣреніе императрицы распространить новую учебную систему на сельское населеніе. *Городовыя* школы, соотвѣтствовавшія въ планѣ императрицы австрійскимъ главнымъ, могли, естественно, учреждаться не только въ полномъ своемъ объемѣ, но и въ составѣ одного младшаго концентра, т. е. въ видѣ параллели земской или сельской школѣ. Наконецъ, усвоенное нормальной школѣ или учительской семинаріи названіе *средней* даетъ основаніе предполагать, что императрица уже въ данный моментъ имѣла въ виду привести систему народныхъ училищъ въ связь съ высшимъ образованіемъ. Итакъ, по плану императрицы австрійская система переносилась въ Россію въ полномъ объемѣ и въ томъ составѣ отдѣльныхъ ея элементовъ, который сообщалъ ей надлежащую гибкость и приспособляемость къ различнымъ мѣстнымъ условіямъ.

Неизвѣстно, былъ ли сообщенъ планъ, набросанный лично императрицей, учрежденной 8 сентября 1782 года Коммиссіи И. В. Завадовскаго. Но первоначальный планъ самой Коммиссіи, утвержденный 27 сентября того же года, воспроизводилъ австрійскую систему уже въ иномъ сочетаніи ея составныхъ элементовъ. По этому плану учреждались три рода училищъ: 1) *малыя* двухклассныя, соотвѣтствующія австрійскимъ тривіальнымъ, 2) *среднія* трехклассныя—австрійскимъ

низшимъ городскимъ и 3) *главныя*—австрійскимъ главнымъ. Эта схема отступала отъ австрійской въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, тривіальная сельская и низшая городская школы, составлявшія въ австрійской системѣ два параллельныхъ типа низшей школы, предназначенныхъ для разныхъ общественныхъ классовъ, въ планѣ Коммиссіи 1782 года поставлены, какъ двѣ послѣдовательныя ступени низшаго образованія. Во-вторыхъ, планъ 1782 года умалчивалъ о нормальныхъ школахъ, какъ особыхъ педагогическихъ институтахъ; учителей для малыхъ училищъ предполагалось готовить въ главныхъ, а для этихъ послѣднихъ—въ единственной учительской семинаріи или гимназіи, соединенной сначала съ главнымъ училищемъ въ Петербургѣ и съ 1786 года получившей отдѣльное существованіе.

Уставъ 5 августа 1786 года, въ свою очередь, внесъ существенное измѣненіе въ схему, намѣченную планомъ 1782 года: онъ исключилъ *среднее* училище, какъ лишнюю ступень низшаго образованія, и такимъ образомъ превратилъ трехстепенную систему народныхъ училищъ въ двухстепенную, представленную двумя типами школъ — *малыми и главными училищами*, также связанными въ одно цѣлое. Такъ закончилась переработка на русской почвѣ внѣшней стороны австрійской системы народнаго образованія. Обнаружившіяся въ этомъ дѣлѣ колебанія обусловливались шаткостью въ опредѣленіи соціальной сферы распространенія новой учебной системы. Тогда какъ австрійское законодательство опредѣленно распространяло эту систему и на сельское и на городское населеніе, у насъ эта цѣль, также твердо поставленная проектами 1760—1770-хъ годовъ, теперь какъ-то сразу суживается, и Уставъ 1786 года непосредственно имѣетъ въ виду только училища для городского населенія и изъ полной четырехстепенной австрійской системы беретъ только два типа школъ, тривіальную и главную. Разсмотримъ теперь существо научно-образовательнаго содержанія каждаго изъ этихъ двухъ цикловъ образованія, сосредоточенныхъ въ малыхъ и главныхъ народныхъ училищахъ.

Курсъ малаго двухкласснаго училища по Уставу 1786

года, какъ и по первоначальному плану, соотвѣтствовалъ курсу австрійской тривіальной школы и содержалъ въ себѣ: чтеніе, письмо, ариѳметику, сокращенный и пространный катехизисъ, священную исторію и, какъ центръ всего курса, толкованіе правилъ для учащихся и книги о должностяхъ человѣка и гражданина. Здѣсь сосредоточивалась полная энциклопедія того гражданскаго воспитанія народной массы, въ которомъ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма полагалъ одно изъ важнѣйшихъ основаній государственнаго благополучія: краткія познанія о душевныхъ силахъ и гигіенѣ тѣла, о добродѣтеляхъ человѣческихъ, о должностяхъ къ Богу, ближнему и самому себѣ, о порокахъ, подрывающихъ личное благополучіе человѣка и окружающаго его общества, о семейномъ и разныхъ формахъ общественнаго союза, о государственной власти и ея правахъ, объ обязанностяхъ подданныхъ, объ основаніи и цѣли любви къ отечеству и способахъ, въ какихъ она выражается, о наукахъ, художествахъ, промыслахъ и рукодѣліяхъ, ко взаимному благополучію согражданъ служащихъ, о пользѣ и надобности различныхъ соціальныхъ состояній, наконецъ о домоводствѣ, т. е. о способахъ пріобрѣтенія и упроченія домашняго благосостоянія. «Напоять душу нашу добродѣтелію, пещись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ, исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены, знать правила хозяйства» — къ этимъ четыремъ тезисамъ сводился весь сложный кодексъ начальнаго гражданскаго воспитанія [1]).

Дѣятельное усвоеніе моральныхъ цѣнностей этого кодекса, какъ и въ предшествующую эпоху, выдвигалось на первый планъ, и учителямъ вмѣнялось въ обязанность особенно стараться, дабы ученики «предписанныя правила самымъ дѣломъ исполнять старалися и склонять какъ волю, такъ и сердце учениковъ къ охотному подражанію тѣмъ добрымъ примѣрамъ, которые въ упомянутыхъ книгахъ находятся». Человѣкъ съ уравновѣшенными душевными силами, въ мѣру эгоистъ и въ

[1]) Правила для учащихся вышли первымъ изданіемъ въ 1782 г., Книга о должностяхъ человѣка и гражданина въ 1783 г.

мѣру альтруистъ, не забывающій, что «какъ мы жить и благополучны быть хотимъ, такъ и другіе того же хотятъ и желаютъ», сознающій достоинство и цѣну своего соціальнаго положенія и никогда не желающій того, «что званію его непристойно, потому что и получить того не можно», вѣрный сынъ отечества, служащій государству способностями и имѣніемъ своимъ не по собственному разсужденію и произволенію, но поступающій по тому, какъ правительство отъ него требуетъ, твердо помнящій, что «подданные должны имѣть совершенную довѣренность къ высшему разуму верховныхъ своихъ начальниковъ, на благость ихъ полагаться и твердо уповать, что повелѣвающіе вѣдаютъ, что́ государству, подданнымъ и вообще всему гражданскому обществу полезно, что они ничего иного не желаютъ, кромѣ того, что́ обществу за полезное признаютъ»: вотъ идеалъ просвѣщеннаго человѣка и гражданина, о которомъ просвѣщенный абсолютизмъ устами Екатерины II могъ справедливо сказать: «никогда не испугаютъ меня образованностью народовъ; но когда будутъ они образованы?»

Являясь самостоятельнымъ кругомъ элементарнаго образованія и гражданскаго воспитанія, курсъ малаго училища составлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, младшій концентръ главнаго училища въ объемѣ двухъ первыхъ классовъ послѣдняго. На этомъ базисѣ воздвигался высшій кругъ образованія, заключавшійся въ курсѣ двухъ старшихъ классовъ главнаго училища. Въ составъ его входили: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, языки латинскій и «сосѣдственный», географія общая и русская, исторія общая русская, естественная исторія, геометрія, архитектура, механика и физика.

Это, очевидно, тотъ кругъ *реальнаго* образованія, опредѣленіе котораго составляло одну изъ главныхъ цѣлей реформы общаго образованія въ XVIII вѣкѣ и который для нашей политики народнаго просвѣщенія представлялся однимъ изъ непремѣнныхъ условій созданія средняго чина гражданъ. Какъ показала исторія проектовъ предшествующей эпохи, для этого средняго чина требовалось образованіе не «ученое», но и не узко спеціальное, готовящее къ той или иной односторонней

профессіи. Мѣщанское образованіе должно быть широкимъ, можно сказать, общимъ, но съ своеобразными оттѣнками, обусловливаемыми культурно-психологическими особенностями даннаго общественнаго класса. Какъ сказано было въ Уставѣ о должностяхъ чиновъ главнаго народнаго училища 1783 года, въ этомъ училищѣ «всѣ науки столько преподавать должно, сколько для каждаго состоянія въ домостроительствѣ и въ общежитіи нужно, въ которой соразмѣрности и книги учебныя сочинены».

Утилитарная тенденція курса старшихъ классовъ главныхъ училищъ ясно выражена въ томъ же Уставѣ, въ методологическихъ наставленіяхъ учителямъ разныхъ предметовъ. При обученіи русской грамматикѣ въ послѣднемъ, четвертомъ классѣ предписывалось «упражнять юношество въ письменныхъ, въ общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, какъ то: въ письмахъ, щетахъ, расписках и тому подобныхъ». Учителю естественной исторіи рекомендовалось прилагать стараніе, чтобы ученики «самыя важныя къ ихъ собственному домостроительству и государственной выгодѣ служащія истины познавали» и пріобрѣтали общее понятіе, какимъ образомъ то или иное произведеніе природы «обдѣлываніемъ въ разсужденіи здравія, пропитанія, художества, купечества и проч. въ пользу человѣческую употребляется». При изученіи исторіи слѣдовало особенное обращать вниманіе на культурную сторону: законы, обряды, нравы, нужды, купечество, художества. Въ рисованіи должно было занимать учениковъ «наипаче такими предметами, которые встрѣчаются при рукодѣліяхъ, ремеслахъ и художествахъ» [1]).

Своеобразно ставился вопросъ о преподаваніи новыхъ иностранныхъ языковъ. По мнѣнію Эпинуса, латинскій языкъ, введенный въ австрійскія школы, слѣдовало въ Россіи замѣнить нѣмецкимъ или французскимъ. Выбирая же тотъ или другой языкъ, слѣдуетъ помнить, что распространеніе чужого

---

[1]) Общій Уставъ 1786 г. (§ 41) отсылалъ за методологическими указаніями по преподаванію предметовъ старшихъ классовъ къ учебнымъ книгамъ этихъ предметовъ.

языка отражается на самомъ характерѣ народа. Поэтому вопросъ о выборѣ между нѣмецкимъ или французскимъ языкомъ есть вопросъ принципіальной государственной важности, и сущность его заключается въ слѣдующемъ: желательно ли приблизить характеръ русскаго народа къ характеру нѣмецкаго или французскаго [1])? Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Эпинуса преподаваніе новыхъ языковъ получало первостепенное общеобразовательное значеніе. Совершенно иначе рѣшенъ былъ этотъ вопросъ Уставомъ 1786 года, согласно съ указаніями императрицы, преподанными Коммиссіи еще въ 1782 году, при утвержденіи первоначальнаго плана реформы: тогда императрица указала языкъ латинскій изъ училищъ не исключать, ученіе французскаго оставить домашнему воспитанію [2]), по собственной каждаго волѣ, греческій завести въ южныхъ губерніяхъ (Кіевской, Новороссійской, Азовской), арабскій въ восточныхъ областяхъ и китайскій въ Иркутской губерніи и Колыванской области. Эти указанія были обобщены Уставомъ въ томъ смыслѣ, что въ народныхъ училищахъ вводилось «ученіе того иностраннаго языка, какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе по употребленію его въ общежитіи» (§ 11).

Открытымъ оставилъ Уставъ вопросъ о главномъ народномъ училищѣ, какъ средней школѣ, составляющей переходную ступень къ высшему образованію. Хотя прямая работа по составленію Устава народныхъ училищъ началась одновременно съ выработкой плана университетовъ и гимназій,

---

[1]) „Unvermeidlich geht aber beim Lesen etwas aus dem Character, den Gesinnungen und der Denkungs-Art des schreibenden Volkes in den Character des lesenden über... Alles übrige gleich gesetzet, was hat der Monarch des russischen Reiches vorzuziehen: dass sein Volk eine Schattirung (nuance) vom deutschen oder französischen National-Charakter annehme?“ *Гр. Толстой*, op. cit., стр. 143.

[2]) Гр. Толстой ошибочно утверждаетъ, что въ планѣ Коммиссіи не было и упоминанія о французскомъ языкѣ (op. cit., 89). Въ планѣ, хранящемся въ Госуд. Архивѣ въ числѣ докладовъ, поступавшихъ отъ Коммиссіи на утвержденіе императрицы (XVII, 76), перечень предметовъ главнаго народнаго училища заканчивается именно французскимъ языкомъ; но послѣдній зачеркнутъ, очевидно, послѣ резолюціи императрицы.

во исполненіе указа 29 января 1786 года, тѣмъ не менѣе объ эти задачи не были приведены въ связь, и въ Уставѣ народныхъ училищъ мы находимъ лишь косвенное упоминаніе о возможности для кончившихъ курсъ народныхъ училищъ продолжать высшее образованіе: латинскій языкъ вводился въ главныя училища «для желающихъ ученіе свое продолжать въ высшихъ училищахъ или университетахъ». Это постановленіе сдѣлано было вопреки мнѣнію Эпинуса, не совсѣмъ точно изображавшаго роль латинскаго языка въ австрійской школѣ, какъ исключительно практической дисциплины, и предлагавшаго вовсе не вводить его въ русскія школы. Мнѣніе императрицы, какъ мы видѣли, было иное: она прямо указала Коммиссіи не исключать изъ народныхъ училищъ латинскаго языка, и въ ея собственномъ планѣ фигурировали среднія школы. Этотъ вопросъ о главномъ училищѣ, какъ типѣ средней школы, былъ разрѣшенъ уже въ другомъ капитальномъ трудѣ Коммиссіи, въ планѣ университетовъ 1787 года.

Такъ русская система народныхъ училищъ по Уставу 1786 года не была болѣе или менѣе точной копіей австрійскаго оригинала. Переработка послѣдняго на русской почвѣ дала систему образованія болѣе простую по внѣшней схемѣ и болѣе узкую по задачамъ, разсчитанную на образовательные интересы преимущественно городского, мѣщанскаго населенія. Система народныхъ училищъ по Уставу 1786 года далеко не исчерпывала, такимъ образомъ, цѣльной проблемы народнаго просвѣщенія, какъ она намѣчалась проектами 1760—1770-хъ годовъ, и очень скоро выяснилась необходимость пересмотра этой системы съ цѣлью превратить ее въ планъ «всеобщаго просвѣщенія».

III.

Проекты 1760 — 1770-хъ годовъ достаточно выяснили значеніе тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ жизненность всякой системы просвѣщенія: подготовки педагогическаго персонала, учебной администраціи, матеріальнаго обезпеченія. И первый авторитетный сотрудникъ императрицы Екатерины

въ данномъ дѣлѣ, Эпинусъ, съ самаго начала обращалъ ея серьезное вниманіе на необходимость такихъ средствъ, которыя обезпечили бы прочность новой системы просвѣщенія. Изъ 24-хъ лѣтняго знакомства съ Россіей онъ вынесъ наблюденіе, что всякія новыя учрежденія въ ней быстро расцвѣтаютъ, но также быстро портятся и падаютъ. Потому-то Эпинусъ и рекомендовалъ для Россіи австрійскую систему образованія, которая сама въ себѣ носила залогъ своей прочности. Дѣйствительно, мы уже имѣли случай отмѣтить, что австрійская реформа 1770-хъ годовъ была особенно сильна правильной постановкой тѣхъ условій, которыя обезпечиваютъ жизненное развитіе всякой системы образованія. Но перенесеніе этой стороны австрійской реформы на русскую почву требовало еще болѣе самостоятельной работы, чѣмъ заимствованіе самой системы школъ: подготовка педагогическаго персонала, созданіе сѣти спеціальныхъ учебно-административныхъ органовъ, изысканіе источниковъ матеріальнаго содержанія новой системы—все это были вопросы, разрѣшеніе которыхъ уже выходило за предѣлы собственно педагогической проблемы и находилось въ тѣсной зависимости отъ своеобразнаго сочетанія условій государственнаго, соціальнаго и финансоваго строя данной эпохи.

Никогда въ исторіи педагогіи не вырисовывался съ такимъ гщаніемъ идеальный образъ педагога, какъ въ «вѣкъ просвѣщенія». Въ Уставѣ 1786 года и въ сопровождавшемъ его «Руководствѣ учителямъ младшихъ классовъ народныхъ училищъ» этотъ образъ пріобрѣлъ вполнѣ законченныя черты. Подобно каждому особому «роду людей», педагогическое сословіе характеризуется опредѣленнымъ сочетаніемъ свойственныхъ ему профессіональныхъ добродѣтелей: христіанскаго благочестія, любви («не робяческой, но соединенной всегда съ постояннымъ и важнымъ видомъ»), бодрости, терпѣнія, довольствія, прилежанія, безпристрастія и снисходительности. Со стороны учащихся авторитетъ учителя опирается на уваженіе. т. е. на «то доброе мнѣніе, которое ученики объ искусствѣ и исправности учителя своего имѣютъ», на почтеніе или наружное почтительное учениковъ съ учителемъ обхожденіе, на

любовь и «подобострастіе», которое «есть то, когда ученики учителя и любятъ и боятся». Учитель есть не только преподаватель, но, прежде всего и главнымъ образомъ, воспитатель. Каждый шагъ его поведенія, каждая мелочь въ обиходѣ его общенія съ учениками должны быть разсчитаны на то, чтобы «поощрять чаще юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристройно». Подобно дильтеевскимъ ученымъ крѣпостнымъ дядькамъ, и учителя народныхъ училищъ подаютъ воспитанникамъ своимъ наставленія во благонравіи и вѣжливости, показывая, «какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково, даже со слугами и служанками», и т. д., и т. д. Учитель, не исполняющій должностей званія своего, долженъ помнить, что онъ согрѣшаетъ: а) предъ Богомъ, б) предъ правительствомъ, в) предъ родителями учениковъ, г) предъ дѣтьми, д) предъ собою.

Эта тщательная регламентація педагогическаго идеала, «предписаннаго» къ руководству учителямъ, весьма характерная для своего времени, вѣрившаго въ нравственную силу закона и правительственнаго предписанія, не могла, конечно, имѣть большого практическаго значенія. Для насъ важнѣе оцѣнить тѣ мѣропріятія, какія были приняты для подготовки учителей къ ихъ непосредственнымъ преподавательскимъ обязанностямъ, какъ перваго непремѣннаго условія жизненности новой системы образованія.

По австрійскому Уставу 1774 года при каждой провинціальной школьной коммиссіи учреждалась нормальная школа для приготовленія учителей народныхъ училищъ и для испытанія постороннихъ кандидатовъ на учительскія должности. Въ нормальныхъ школахъ, какъ мы уже знаемъ, общеобразовательный курсъ главныхъ школъ дополнялся рядомъ теоретическихъ и практическихъ дисциплинъ, необходимыхъ какъ для школьнаго, такъ и для домашняго преподавателя, на которыя отведено было 11 недѣльныхъ часовъ (§ 19). Послѣ изданія Устава 1774 года на открытіе нормальныхъ школъ обращено было австрійскимъ правительствомъ особенное вни-

маніе, и въ теченіе двухъ лѣтъ явилась уже цѣлая сѣть этихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для вступающихъ на практическое поприще учителей заготовленъ былъ цѣлый арсеналъ руководствъ, пособій, инструкцій, табелей и т. п., подробно регламентировавшихъ всѣ стороны учебной службы, разнаго рода Methodenbücher, Handbücher für Lehrer, Stoff-und Stundenabtheilungen, Instructionen für Aufseher und Visitatoren и т. п. [1]). Эта энергичная и тщательная разработка всѣхъ средствъ, готовящихъ и руководящихъ школьнаго учителя, проникнутыхъ строгимъ единствомъ педагогической мысли, составляла безспорно самую блестящую сторону и самый крупный результатъ австрійской учебной реформы. Посмотримъ, какъ воспользовались этими образцами наши русскіе реформаторы. Мы отмѣчали въ своемъ мѣстѣ, что пересадка на русскую почву австрійской учебной системы, естественно, должна была совершаться тѣми же средствами и пріемами, какіе были испытаны на родинѣ этой системы. Подготовка учителей и учебной литературы явилась первой и главной заботой и для русской Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ.

Представляя 23 іюня 1783 года докладъ объ учрежденіи перваго главнаго училища, Коммиссія особенно подчеркивала необходимость послѣдняго для подготовки учителей для новыхъ школъ. Съ этою цѣлью положено было устроить при училищѣ учительскую семинарію для 100 казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Въ 1786 году учительская семинарія или гимназія была отдѣлена отъ главнаго училища и составила, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Коммиссіи, самостоятельную школу съ курсомъ параллельнымъ главному училищу, но преподаваемымъ съ большею основательностью и подробностями и, притомъ, профессорами и адъюнктами Академіи наукъ [2]). Такимъ образомъ, силою вещей возникалъ опущенный Уставомъ 1786 года самостоятельный типъ педагогиче-

[1]) Helfert, op. cit. I, 385. Обзоръ учебной австрійской литературы въ 7-ой главѣ того же труда.

[2]) Главное училище съ новымъ составомъ преподавателей передано было тогда же, согласно общему порядку, въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія.

ской семинаріи или института, болѣе высокій по характеру преподаванія, чѣмъ главное народное училище. Вмѣстѣ съ тѣмъ по австрійскимъ образцамъ составлено было «Руководство учителямъ перваго и второго классовъ народныхъ училищъ», т.-е. малыхъ училищъ, выпущенное первымъ изданіемъ въ 1783 году. Принципъ «единообразія» (Einförmigkeit), одинъ изъ основныхъ принциповъ изучаемой системы просвѣщенія, не допускалъ, чтобы веденіе учебнаго дѣла было «само себѣ или на волю однихъ учителей оставлено», ибо нельзя было предположить, чтобы всѣ они были равнаго прилежанія, способностей и прозорливости Построенное на такой мысли, «Руководство» содержало изложеніе «способа учебнаго», т.-е. основныхъ началъ дидактики, методику предметовъ начальнаго образованія, трактатъ о званіи, качествахъ и поведеніи учителя, наказъ о школьномъ порядкѣ или о правилахъ школоведенія. Всѣ эти детально изложенныя правила вкратцѣ повторялись въ Уставѣ 1786 года, къ которому, сверхъ того, прилагалось наставленіе учителямъ иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ латинскаго; методику же предметовъ старшихъ классовъ главныхъ училищъ положено было излагать въ предисловіяхъ къ учебнымъ руководствамъ отдѣльныхъ предметовъ.

Такъ твердо, повидимому, начатое дѣло подготовки учительскаго персонала для новой системы образованія не было, однако, доведено до конца и, что особенно важно, въ самой постановкѣ этой задачи вскорѣ обнаружились опасныя принципіальныя колебанія. Прежде всего, вопреки мнѣнію академика Эпинуса о необходимости устроить, по примѣру австрійской сѣти нормальныхъ школъ, нѣсколько учительскихъ семинарій, наша Коммиссія ограничилась только одной учительской семинаріей. Но и существованіе этого единственнаго педагогическаго разсадника оказалось весьма непрочнымъ. Подготовивъ въ два пріема учителей въ числѣ достаточномъ для повсемѣстнаго открытія главныхъ училищъ, петербургская семинарія стала быстро падать: комплектъ вновь набираемыхъ воспитанниковъ все сокращался, и въ 1792 году преподаваніе въ ней на нѣкоторое время прервалось, а въ 1794 году былъ прямо поставленъ вопросъ, слѣдуетъ ли вообще на бу-

дущее время сохранить существованіе семинаріи. Высказанныя по этому поводу сужденія показали чрезвычайную шаткость принципіальнаго взгляда Коммиссіи на вопросъ о подготовкѣ учительскаго персонала, одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ учебной реформы [1]).

Въ докладѣ объ учрежденіи перваго главнаго училища въ Петербургѣ Коммиссія разсуждала, что «пріуготовляющимся въ учительскія должности необходимо нужно, прежде нежели они къ званію своему приступятъ, пройти теченіе всѣхъ наукъ по опредѣленнымъ книгамъ и опредѣленнымъ способамъ ученія, дабы впредь по тому же и такимъ же образомъ могли обучать другихъ». Отсюда Коммиссія не сдѣлала сначала опаснаго и педагогически неправильнаго вывода, съ какимъ мы встрѣтились въ проектахъ предыдущей эпохи, а именно, что для учителя достаточно того круга образованія, въ которомъ онъ призванъ дѣйствовать, и тѣхъ только знаній, которыя ему предстоитъ преподавать. Какъ только что мы видѣли, петербургская учительская семинарія въ ея первоначальной постановкѣ была школой, если не по объему, то по характеру преподаванія нѣсколько болѣе высокой сравнительно съ главнымъ училищемъ [2]).

Съ цѣлью большаго углубленія научныхъ занятій воспитанниковъ семинаріи Коммиссія допускала спеціализацію ихъ, сообразно склонностямъ и способностямъ, на двухъ группахъ предметовъ: 1) на наукахъ математическихъ, архитектурѣ и физикѣ, и 2) на исторіи натуральной, исторіи политической и географіи. Въ 1787 году предположено было ввести въ семинаріи преподаваніе греческаго языка для тѣхъ воспитанниковъ, которые явились изъ духовныхъ семинарій уже съ

---

[1]) *Толстой*, op. cit., стр. 107 и слѣд. *Е. Зябловскій*, Историческая повѣсть объ учительской семинаріи и педагогическомъ институтѣ (Спб., 1835), стр. 25—37.

[2]) Лѣтомъ 1786 года, передъ самымъ выпускомъ, воспитанники учительской семинаріи ходили, по распоряженію Янковича, слушать публичныя лекціи по математикѣ, натуральной исторіи и химіи въ Академію наукъ. Какія они тамъ пріобрѣли знанія, неизвѣстно; но сапоговъ износили на 96 руб. 25 коп., какъ доносилъ Коммиссіи пунктуальный Янковичъ. Журн. 24 окт. 1786 г.

нѣкоторымъ знаніемъ этого языка и которые, не получивъ учительскихъ мѣстъ, пожелали бы продолжать науки свои для вышнихъ училищъ [1]).

Такимъ образомъ, готовъ былъ, казалось, утвердиться правильный взглядъ, что учитель по своему образованію и познаніямъ долженъ стоять выше той школы, въ которой онъ дѣйствуетъ, что учителя для низшей школы должна готовить средняя, для средней—высшая. Вскорѣ, однако, этотъ взглядъ сталъ колебаться. Прежде всего понизился уровень преподаванія въ петербургской семинаріи въ томъ отношеніи, что въ 1788 году преподававшіе въ ней профессора и адъюнкты замѣнены были только что выпущенными изъ семинаріи воспитанниками. Затѣмъ въ слѣдующемъ году Коммиссія усомнилась уже въ необходимости постояннаго существованія учительской семинаріи по тому соображенію, что «со временемъ не токмо возмогутъ приказы общественнаго призрѣнія пріуготовлять въ главныхъ своихъ училищахъ учителей и для высшихъ классовъ; но когда ученіе съ просвѣщеніемъ распространятся, тогда, конечно, являться будутъ въ должности сіи способные люди со стороны, обучавшіеся на своемъ иждивеніи». Идя далѣе, слѣдовало признать, что учителей для малыхъ училищъ могутъ готовить сами же эти училища. До этого Коммиссія, правда, не дошла; но слѣдуетъ отмѣтить характерный фактъ, что въ учительской семинаріи устроено было особое отдѣленіе въ объемѣ двухъ младшихъ ея классовъ для подготовки учителей въ малыя училища, и въ это отдѣленіе поступали самые слабые воспитанники. Наконецъ, если двухлѣтнее бездѣйствіе учительской семинаріи не привело къ полному ея упраздненію, то причиною тому было не принципіальное убѣжденіе въ необходимости постоянной спеціальной педагогической школы, а постороннее обстоятельство. Распространеніе на присоединенныя отъ Польши западно-русскія области системы народныхъ училищъ потребовало новаго кадра учителей, вслѣдствіе чего въ семинарію былъ набранъ въ 1794 году новый комплектъ воспитанни-

[1]) Журн. 16 янв. 1787 г.

ковъ, и возобновленная семинарія просуществовала до 1803 года, когда она, въ силу новой общей учебной реформы, была преобразована въ учительскую гимназію, а послѣдняя въ педагогическій институтъ [1]).

Въ связи съ профессіональной подготовкой учителей для народныхъ училищъ предстояло опредѣлить ихъ матеріальное и юридическое положеніе, какъ новаго общественнаго класса, согласно съ тѣмъ идеальнымъ образомъ педагога, съ которымъ мы познакомились выше. Австрійское законодательство не давало опредѣленныхъ нормъ по этому вопросу, и нашей Коммиссіи приходилось разрѣшать его самостоятельно, сообразно съ мѣстными, русскими экономическими и соціальными условіями. Австрійскій Уставъ 1774 года, возложивъ на мѣстныя общества и власти содержаніе училищъ и учителей, не опредѣлилъ нормъ этого содержанія и ограничился запрещеніемъ прибѣгать къ такимъ источникамъ доходовъ, которые морально и фактически не совмѣстимы съ достоинствомъ и обязанностями учителя (§ 21). Въ подробное опредѣленіе служебнаго и общественнаго положенія учительскаго персонала австрійскій Уставъ также не входилъ и ограничивался упоминаніемъ, что учителя городскихъ школъ должны занимать рангъ непосредственно за Magistratspersonen, а учителя сельскихъ школъ — за Gerichtspersonen. Лицамъ, выдающимся своею ревностью и заслугами, довольно туманно обѣщаны были «bessere Schuldienste und andere diesem Fache ähnliche Stellen» (§ 24).

Нашъ Уставъ 1786 года изъ различныхъ, предложенныхъ проектами предыдущаго времени, способовъ вознагражденія педагогическаго труда принялъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣлесообразный — систему штатныхъ годовыхъ окладовъ при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи: учителю двухъ старшихъ классовъ главнаго народнаго училища положено было 400 руб., 2-го класса 200 руб., 1-го класса — 150 руб., учителю иностраннаго языка — 300 руб., учителю рисованія 150 руб. Оклады учителей малыхъ училищъ были болѣе низки,

---

[1]) Журн. 27 февраля 1789 г., 16 февраля и 31 марта 1794 г. *Толстой* op. cit., стр. 107—112.

хотя, какъ мы знаемъ, курсъ этихъ училищъ былъ почти тожественъ курсу двухъ младшихъ классовъ главнаго училища и имѣлъ одинаковое число часовъ; учителю II класса малаго училища назначено 150 руб., I класса 120 руб. и учителю рисованія 60 руб. Изъ средствъ посторонняго заработка Уставъ предусматривалъ содержаніе учителями вольныхъ пансіонеровъ по соглашенію съ ихъ родителями и опекунами.

Подобно своему австрійскому образцу Уставъ 1786 года не опредѣлилъ точно служебнаго положенія учителей народныхъ училищъ и ограничился широкимъ, но не выраженнымъ въ конкретныхъ нормахъ, обѣщаніемъ; какъ «первое ободреніе учителямъ», постановлялось, что всѣ они «считаются въ дѣйствительной службѣ императорскаго величества и могутъ ожидать тѣхъ же воздаяній, которыя рачительною службою въ другихъ званіяхъ пріобрѣтаются» (§ 54). Практическое исполненіе этого обѣщанія встрѣчало, однако, затрудненіе въ томъ, что учителя народныхъ училищъ набирались изъ духовнаго званія, изъ мѣщанъ и другихъ податныхъ состояній; государственная же служба со всѣми ея «воздаяніями», о которыхъ заманчиво упоминалъ Уставъ, считалась, по преимуществу, привилегіею дворянства. Въ видѣ исключенія, въ силу особыхъ обстоятельствъ, напримѣръ, при введеніи новыхъ областныхъ учрежденій, разрѣшалось принимать на канцелярскія должности не дворянъ: воспитанниковъ духовныхъ семинарій, Московскаго университета, Академіи художествъ и разныхъ «свободныхъ» лицъ. Теперь, съ осуществленіемъ широкой учебной реформы, въ области законодательства о государственной службѣ снова возникалъ поставленный уже проектами предыдущей эпохи вопросъ: надлежало опредѣлить мѣсто педагогической службы въ общей іерархіи государственныхъ должностей, указать предѣлы «воздаяній», какихъ эта служба могла достигать, наконецъ, сообщить ея движенію извѣстный темпъ.

За общее обсужденіе вопроса о служебномъ положеніи учителей народныхъ училищъ Коммиссія взялась лишь въ концѣ 1794 года, когда въ нее стали поступать отъ приказовъ общественнаго призрѣнія, губернаторовъ и намѣстниковъ представленія о награжденіи учителей чинами. За исходный

пунктъ для разрѣшенія даннаго вопроса Коммиссія приняла § 54 Устава и указъ Сенату 16 декабря 1790 года о производствѣ въ статскіе чины по должностямъ «неприказнаго наименованія». Примѣняя этотъ указъ къ учителямъ народныхъ училищъ, Коммиссія нашла, что для учителя «пристойнѣйшій чинъ» есть титулярный совѣтникъ, ибо низшіе чины относятся уже къ канцелярскимъ должностямъ, кои учителямъ несвойственны. Но порядокъ производства въ этотъ чинъ слѣдовало, по мнѣнію Коммиссіи, установить разный для учителей высшихъ и низшихъ классовъ. Отъ первыхъ требовалось больше науки и знаній, такъ какъ въ высшихъ классахъ преподаются науки, которыя въ гимназіяхъ и университетахъ читаются профессорами, получающими за 10-ти-лѣтнюю службу чинъ надворнаго совѣтника, а магистры—титулярнаго совѣтника. Поэтому для учителей, подходящихъ къ университетскимъ магистрамъ и студентамъ, о которыхъ говорилъ указъ 16 декабря 1790 года, слѣдовало установить также 10-тилѣтній срокъ выслуги, а до этого срока производить просто въ рангъ 12-го класса тѣхъ, кто съ отмѣннымъ усердіемъ прослужилъ 6—8 лѣтъ.

Относительно учителей низшихъ разрядовъ Коммиссія полагала, что эту должность можетъ нести всякій посредственныхъ способностей человѣкъ, почему Коммиссія считала ихъ достойными, на первое время службы, чина 14-го класса. Но такъ какъ канцелярскіе чины, регистраторы и другіе, принципіально признаны были неприличными для учителей, то Коммиссія положила, что этихъ учителей лучше всего просто считать въ 14-мъ классѣ, какъ учителей высшихъ классовъ въ 12-мъ, срокъ же выслуги этого ранга опредѣлить въ 8 лѣтъ прилежной и безпорочной службы. Далѣе отъ полученія 14-го класса чрезъ 10 лѣтъ разрѣшалось получать 12-й и еще черезъ 6 лѣтъ чинъ титулярнаго совѣтника. Отсюда же для учителей какъ высшихъ классовъ, такъ и низшихъ, устанавливалось производство по общему порядку, соотвѣтственно породѣ или состоянію, изъ котораго отдѣльныя лица вышли. Итакъ, чинъ коллежскаго ассесора, открывавшій доступъ въ потомственное дворянство, могъ быть пріобрѣтенъ учителемъ

высшихъ классовъ черезъ 22 года службы и учителемъ низшихъ классовъ черезъ 36 лѣтъ, по разсчету Коммиссіи [1]).

Но въ то же самое время въ Коммиссіи возникло опасеніе, какъ бы не лишиться иногда учителей, которые, получивъ при первомъ чинопроизводствѣ права личнаго дворянства и обольщаясь надеждою скорѣе выслужиться по другой службѣ, оставятъ службу педагогическую. Замѣнить ихъ было трудно, такъ какъ, если и были гдѣ люди, основательно разумѣющіе науки, то они держались предпочтительно другой службы; на педагогическомъ поприщѣ «они меньше всего видовъ къ возвышенію своему имѣть могли». Чтобы предотвратить бѣгство изъ педагогической службы, Коммиссія опираясь на указъ 9 іюня 1783 года объ учительской семинаріи, положила воспретить переходъ въ другой родъ службы тѣмъ учителямъ, которые получили подготовку на казенномъ иждивеніи. Въ августѣ 1795 года Коммиссія предложила всѣмъ приказамъ общественнаго призрѣнія отнюдь не увольнять со службы учителей безъ ея вѣдома, а въ 1797 году Сенатъ, по просьбѣ Коммиссіи, съ своей стороны подтвердилъ указомъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы учителя, подготовленные на казенномъ иждивеніи, отнюдь не увольнялись и не принимались на другую службу безъ вѣдома Коммиссіи.

Вскорѣ явилась новая опасность, грозившая закрыть самый надежный источникъ, изъ котораго неизмѣнно черпались въ XVIII столѣтіи педагогическія силы. Рескриптомъ 27 мая 1800 года на имя митрополита Амвросія императоръ Павелъ предписалъ по всѣмъ епархіямъ не обращать семинаристовъ въ какое-либо другое званіе безъ особаго каждый разъ разрѣшенія императора по докладу Синода. Эта неожиданная мѣра встревожила Коммиссію и побудила ее, съ одной стороны, еще тверже настаивать на удержаніи наличныхъ учителей и неувольненіи ихъ безъ крайней необходимости, а съ другой — шире открыть доступъ въ педагогическую службу лицамъ изъ податныхъ классовъ; въ январѣ 1801 года Коммиссія

[1]) Журн. 15 ноября 1794 г. Арх. Мин. нар. просв., к. 1300 д. 38.693. П. С. З., № 16930.

просила Сенатъ о разрѣшеніи набирать въ учителя изъ купцовъ, мѣщанъ и отпущенныхъ вѣчно на волю, по собственному ихъ желанію и способностямъ. Сенатъ уважилъ эту просьбу, но подъ условіемъ особыхъ представленій ему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ о такихъ лицахъ [1]).

Слѣдующимъ условіемъ, долженствовавшимъ обезпечить прочность и жизненность новой учебной системы, являлось созданіе учебной администраціи, какъ самостоятельной отрасли государственнаго управленія, вопросъ, значеніе котораго также выяснено было проектами 1760 — 1770-хъ годовъ. Въ этомъ вопросѣ опытъ австрійской реформы давалъ, прежде всего, авторитетное подтвержденіе мысли, что для управленія системою народнаго просвѣщенія должна быть создана сѣть спеціальныхъ административныхъ органовъ, центральныхъ и мѣстныхъ. Далѣе, изъ австрійской реформы можно было извлечь нѣкоторые руководящіе принципы, на которыхъ слѣдовало строить систему учебной администраціи. Наконецъ, отдѣльныя учебно-административныя учрежденія необходимо было вырабатывать болѣе или менѣе самостоятельно, согласуя ихъ съ общимъ строемъ государственнаго управленія данной эпохи.

Высшимъ органомъ учебнаго управленія въ Австріи являлась Studienhofcommission, учрежденная въ 1773 году послѣ упраздненія іезуитскаго ордена и представлявшая доклады непосредственно монарху; она состояла изъ президента и нѣсколькихъ членовъ, представителей отдѣльныхъ отраслей высшаго образованія и докладчиковъ по дѣламъ среднихъ и нѣмецкихъ школъ. Ближайшее завѣдываніе новой системой народнаго образованія сосредоточивалось въ General-Direction des deutschen Schulwesens, во главѣ которой былъ поставленъ знаменитый аббатъ Фельбигеръ съ званіемъ Ober-Director'a. Подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ General-Direction находилась главная нормальная школа въ Вѣнѣ [2]).

---

[1]) Въ предыдущемъ 1800 году Сенатъ разъяснилъ, что въ силу высочайшаго указа 30 іюня 1798 года учителя изъ купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго состояній при полученіи чиновъ должны быть исключаемы изъ окладовъ. Журн. 30 янв. 1800 г. и 7 янв. 1801 г.

[2]) Helfert, op. cit., I, стр. 380 и слд.

Тогда какъ австрійскій Уставъ 1774 года объ органахъ центральнаго управленія народнымъ образованіемъ умалчивалъ и содержалъ постановленія только объ органахъ мѣстнаго управленія, начиная съ провинціальныхъ школьныхъ Коммиссій, нашъ Уставъ 1786 года заключался главой (IX-ой) «о главномъ училищномъ правительствѣ», состоящемъ непосредственно подъ вѣдѣніемъ верховной власти и докладывающемъ о дѣлахъ училищъ ея величеству «прямо». На обязанность главнаго училищнаго правительства возлагалось наблюденіе за точнымъ исполненіемъ дѣйствующаго Устава, «во всемъ его пространствѣ и во всѣхъ его частяхъ», назначеніе на учительскія должности и обезпеченіе училищъ всѣми необходимыми пособіями. Училищное правительство имѣетъ свою канцелярію, архивъ и книгопечатню съ мастерскими для изготовленія разныхъ учебныхъ пособій; изготовленіе и продажа послѣднихъ составляютъ его монополію. Въ какомъ же учрежденіи воплощалось это «главное училищъ правительство»? Самъ Уставъ (§ 108) какъ бы вскользь, въ скобкахъ, отмѣчалъ, что «таковое главное управленіе ввѣрено отъ Ея Величества Коммиссіи объ училищахъ, въ государствѣ учрежденной», при чемъ далѣе ничего не говорилось ни о составѣ Коммиссіи, ни о ея положеніи въ ряду прочихъ государственныхъ установленій. Надо замѣтить, кромѣ того, что поставленная въ § 108-мъ въ скобки фраза отсутствовала въ текстѣ Устава, поднесенномъ Коммиссіей на утвержденіе императрицы, и появилась уже послѣ утвержденія Устава въ печатномъ текстѣ [1]). Можно предположить, что ни сама Коммиссія, дѣйствовавшая какъ временное учрежденіе, не рѣшалась предложить себя въ качествѣ постояннаго главнаго училищнаго правительства, ни императрица не имѣла отчетливаго представленія, въ какой формѣ должно быть организовано это правительство. Припомнимъ, что и проекты 1760—1770-хъ годовъ обнаружили существенныя колебанія по данному вопросу, и вся система высшаго государственнаго управленія при Екатеринѣ II, переходившая отъ коллегіальнаго начала къ мини-

[1]) Прилож. къ журн. 28 іюля 1786 г.

стерскому, не представляла еще прочной общей основы для организаціи отдѣльныхъ, спеціальныхъ вѣдомствъ. Вотъ почему и Уставъ 1786 года, признавъ принципіальную необходимость особаго органа высшаго управленія, «главнаго училищъ правительства», не опредѣлилъ съ надлежащей точностью его организаціи, но передалъ его полномочія на неопредѣленный срокъ временному учрежденію—Коммиссіи о народныхъ училищахъ. Въ такомъ смыслѣ эта послѣдняя явилась непосредственной предшественницей министерства народнаго просвѣщенія, созданнаго въ слѣдующую эпоху въ связи съ общимъ преобразованіемъ всего строя высшаго государственнаго управленія. Сама Коммиссія чувствовала неопредѣленность своего положенія. 27 февраля 1789 года, собравшись послѣ долгаго перерыва (съ 7 ноября 1788 г.), Коммиссія разсуждала, что послѣднимъ выпускомъ учителей для главныхъ училищъ она «всю учебную свою часть по училищамъ народнымъ совершила», что впредь ей остается одно главное наблюденіе за исполненіемъ Устава, а все остальное попеченіе объ училищахъ должно быть предоставлено приказамъ общественнаго призрѣнія и «господамъ, губерніями управляющимъ»; ихъ долгъ—какъ распространять училища, такъ и «разводить отъ оныхъ другія по уѣздамъ и селеніямъ своими учителями». Какъ бы ища, чѣмъ наполнить досугъ и къ чему приложить свою иниціативу, Коммиссія положила, въ ожиданіи утвержденія университетскаго плана, сосредоточиться на переводѣ и изданіи классическихъ книгъ, «въ которыхъ у насъ недостатокъ, ибо оными токмо образованъ быть можетъ вкусъ къ наукамъ, толико необходимый къ распространенію и возведенію ихъ у насъ на тотъ же степень совершенства, на которомъ мы зримъ ихъ цвѣтущими въ иныхъ государствахъ».

Центръ тяжести новой австрійской системы учебнаго управленія лежалъ въ сѣти тѣхъ провинціальныхъ Schulcommissionen, съ подчиненными имъ органами, главной обязанностью которыхъ было проведеніе въ жизнь Устава 1774 года. Учрежденныя въ каждой провинціи, эти коммиссіи состояли изъ двухъ или трехъ свѣтскихъ членовъ мѣстнаго управленія (Landesstelle), одного духовнаго лица (Bevollmächtigten des

Ordinariates), директора мѣстной нормальной школы и секретаря. Имѣя въ своемъ ближайшемъ завѣдываніи нормальныя школы, какъ педагогическіе разсадники, провинціальныя коммиссіи постепенно распространяли новый учебный порядокъ на существующія школы и заводили школы новыхъ типовъ, слѣдили за точнымъ исполненіемъ Устава и предписанныхъ имъ методовъ преподаванія, за назначеніемъ правоспособныхъ учителей, производили черезъ окружныхъ надзирателей ревизіи школъ, вѣдали школьными капиталами и расходованіемъ послѣднихъ. При учрежденіи новыхъ школъ и преобразованіи старыхъ, а также при всѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ, коммиссіи обязаны были вступать въ сношенія съ мѣстной общей администраціей. Надзоръ за всѣми главными и тривіальными школами своей провинціи каждая коммиссія осуществляла чрезъ посредство спеціальныхъ органовъ двухъ степеней: окружныхъ надзирателей (Oberaufseher über die Schulen eines Bezirks) и мѣстныхъ надзирателей (Ortsschulaufseher). Назначаемые коммиссіей, окружные надзиратели посѣщали училища своего округа, по крайней мѣрѣ, однажды въ годъ и результаты своихъ наблюденій, а также сводъ донесеній мѣстныхъ надзирателей, сообщали въ установленной формѣ коммиссіи. Органами мѣстнаго надзора для главныхъ школъ являлись непосредственные ихъ начальники—директора, а для низшихъ городскихъ и сельскихъ школъ мѣстные священники и особые свѣтскіе надзиратели изъ мѣстныхъ гражданъ, по выбору мѣстныхъ властей и обществъ. На священникахъ лежало наблюденіе по преимуществу за моральной и научной стороной школьнаго дѣла, а на свѣтскихъ надзирателяхъ—за административной и хозяйственной, особенно же за исправнымъ посѣщеніемъ школъ дѣтьми. Такова была въ главныхъ чертахъ система мѣстнаго учебнаго управленія по австрійскому Уставу 1774 года [1]). Практически она не вездѣ проводилась съ полною послѣдовательностью и не всегда дѣйствовала успѣшно. Но несомнѣнно, что въ основаніе ея положены были правильныя начала: сосредоточеніе всѣхъ сто-

[1]) Allgem. Schulordnung, §§ I, 17, 18. Helfert, op. cit. I, стр. 369 и слд.

ронъ учебнаго управленія въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, связь этихъ учрежденій съ органами общаго мѣстнаго управленія, привлеченіе самого населенія къ попеченію о школахъ.

Нашъ Уставъ въ данномъ вопросѣ необходимо долженъ былъ далеко отойти отъ австрійскаго образца и представить самостоятельно выработанную систему мѣстнаго управленія народнымъ образованіемъ, согласованную съ только что осуществленной реформой общаго областного управленія. Въ противоположность австрійскому порядку, основанному на сосредоточеніи всѣхъ сторонъ учебнаго управленія въ самостоятельной цѣпи учебно-административныхъ органовъ, Уставъ 1786 года раздѣлилъ функціи этого управленія между совершенно разнородными, не связанными въ одно цѣлое органами. Такъ называемая «политическая» или собственно административная и хозяйственныя части ввѣрены были органамъ общаго мѣстнаго управленія, губернаторамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія, для наблюденія же за ходомъ собственно учебнаго дѣла созданы спеціальныя должности губернскихъ директоровъ и уѣздныхъ смотрителей народныхъ училищъ.

Высшимъ органомъ учебнаго управленія въ каждой губерніи, по Уставу, является губернаторъ, «имѣющій по генералъ-губернаторѣ главное объ училищахъ попеченіе» (гл. V-я). Важнѣйшая его обязанность — «распространеніе» училищъ. Съ этою цѣлью губернаторъ, съ вѣдома намѣстника или своею властью, выписываетъ изъ духовныхъ семинарій своего намѣстничества способныхъ, по засвидѣтельствованію директора, лицъ и, по надлежащей подготовкѣ, опредѣляетъ ихъ на учительскія мѣста, если на таковыя нѣтъ желающихъ «съ воли». Соображаясь съ обстоятельствами мѣста, благосостояніемъ и интересами населенія, губернаторъ имѣетъ власть, съ вѣдома намѣстника, преобразовать малое училище въ главное. При объѣздахъ губерніи онъ долженъ самолично осматривать училища, «какъ заведенія, не менѣе другихъ пользы въ себѣ заключающія». Какъ предсѣдатель приказа общественнаго призрѣнія, губернаторъ наблюдаетъ за домашними училищами, споспѣшествуетъ наполненію кабинетовъ и коллекцій учеб-

ныхъ пособій, ободряетъ попеченіемъ своимъ учащихъ и учащихся, подаетъ «не токмо совѣтомъ, но и властію, законами ему данною», всякую помощь непосредственнымъ начальникамъ училищъ. Этотъ широко очерченный кругъ обязанностей губернатора, какъ попечителя народныхъ училищъ, носитъ традиціонный характеръ тѣхъ начертаній административныхъ должностей и добродѣтелей, какими любило импонировать законодательство XVIII вѣка.

Заботу о матеріальномъ благосостояніи народныхъ училищъ и управленіе хозяйственной частью Уставъ возлагалъ на приказы общественнаго призрѣнія, и VIII-я глава Устава представляла какъ бы развитіе 384 ст. Учрежденія о губерніяхъ, вмѣнявшей въ обязанность приказамъ заводить народныя училища. Но Уставъ расширилъ компетенцію приказа общественнаго призрѣнія по завѣдыванію училищами и за предѣлы собственно хозяйственной стороны: построенія и содержанія училищныхъ зданій, производства жалованья служащимъ, снабженія училищъ учебными книгами и пособіями. Приказамъ предоставлялось входить и въ дѣла учебно-административнаго, въ тѣсномъ смыслѣ, управленія и надзора: по опредѣленію приказа выдаются свидѣтельства на званіе учителя, съ его вѣдома увольняются нерадивые и неблагонравные учителя и исключаются не успѣвающіе ученики; въ случаѣ отсутствія директора училищъ приказъ поручаетъ исправленіе его должности одному изъ своихъ членовъ; наконецъ, вся отчетность о состояніи училищъ восходитъ къ «главному правительству» черезъ приказы.

Постоянный спеціальный надзоръ за ходомъ учебнаго дѣла осуществляется, по Уставу, губернскими директорами и уѣздными смотрителями народныхъ училищъ (гл.гл. VI и VII). Первые назначаются генералъ-губернаторомъ изъ «любителей наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующихъ юношеству и знающихъ цѣну воспитанія», вторые—губернаторомъ просто изъ гражданъ извѣстнаго города, не квалифицированныхъ какими либо особыми добродѣтелями. Директоръ непосредственно наблюдаетъ за училищами губернскаго города, которыя обязанъ посѣщать, по крайней мѣрѣ, однажды въ недѣлю; съ состояніемъ же

уѣздныхъ училищъ знакомится или лично, путемъ періодической ихъ ревизіи, или чрезъ посредство донесеній и отчетовъ уѣздныхъ смотрителей. Наблюдая за исполненіемъ учащими и учащимися изъ обязанностей и правильнымъ теченіемъ учебной жизни, директоръ имѣетъ власть принимать мѣры къ возстановленію нарушеннаго въ какомъ либо отношеніи порядка; нерадивыхъ учителей отрѣшаетъ отъ должности съ дозволенія попечителя и съ вѣдома приказа общественнаго призрѣнія, не успѣвающихъ и неисправимыхъ учениковъ исключаетъ собственною властью, донося о причинахъ также приказу. Состоя членомъ приказа, директоръ участвуетъ въ выработкѣ всѣхъ мѣръ къ благосостоянію училищъ. Безвозмездная должность уѣзднаго смотрителя ограничена одной функціей надзора; прямой распорядительной власти Уставъ ему не предоставлялъ. Наконецъ, экстренная ревизія училищъ, въ томъ или иномъ объемѣ, производится особо командированными съ этою цѣлью членами главнаго училищнаго правительства или другими, состоящими въ вѣдѣніи послѣдняго, чинами.

Едва ли не самый яркій пунктъ различія между австрійской и русской, по Уставу 1786 г., системами учебной администраціи, какъ то замѣтилъ уже гр. Д. А. Толстой [1]), заключался въ вопросѣ о роли духовенства въ дѣлѣ завѣдыванія народнымъ образованіемъ. Хотя основнымъ принципомъ австрійской учебной реформы было сосредоточеніе народнаго образованія въ рукахъ государства (das Schulwesen ist und bleibet allezeit ein Politicum), тѣмъ не менѣе въ Австріи, по Уставу 1774 года, духовенству предоставлена была широкая сфера вліянія на народныя школы. Прежде всего на духовенствѣ лежала обязанность преподаванія Закона Божія, предмета, вообще широко поставленнаго Уставомъ 1774 года; духовнымъ лицамъ разрѣшалось преподавать и свѣтскіе предметы при условіи надлежащаго учительскаго ценза. Затѣмъ надзоръ за школами въ малыхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ поручался мѣстнымъ приходскимъ священникамъ (Pfarrer des Ortes) и въ составъ провинціальныхъ школьныхъ коммиссій

[1]) Город. училища, стр. 101—102, 103—104.

входили духовныя лица. Наконецъ, энергично призывая духовенство всѣхъ ранговъ къ содѣйствію народному образованію и указывая, что просвѣщеніе народа есть одна изъ важнѣйшихъ пастырскихъ обязанностей, Уставъ 1774 года даже предписалъ назначать на приходскія священническія должности только лицъ, имѣющихъ свидѣтельство о необходимыхъ для учителя знаніяхъ (§ 20).

Не менѣе видную роль отводили духовенству наши проекты учебныхъ реформъ 1760—1770-хъ годовъ. Собственно народныя школы какъ городскія, такъ и сельскія, проектировались по типу церковно-приходскихъ, и надзоръ за ними въ низшихъ и высшихъ инстанціяхъ возлагался на духовныхъ властей. Руководящая же роль усваивалась духовенству и въ тѣхъ новыхъ общественныхъ организаціяхъ, на которыя предполагалось возложить хозяйственныя и попечительныя функціи по школьному дѣлу. Наконецъ, въ планахъ частной коммиссіи объ училищахъ проводилась оригинальная мысль о соединеніи духовныхъ и свѣтскихъ среднихъ школъ, завѣдываніе которыми раздѣлялось между духовными и свѣтскими лицами.

Таковы были условія, въ которыхъ, казалось бы, вопросъ о вліяніи духовенства на народное образованіе при заимствованіи австрійской системы долженъ былъ разрѣшиться въ широкомъ положительномъ смыслѣ. Эпинусъ, вѣрно понимавшій сущность этой системы и чутко угадывавшій необходимыя условія ея примѣненія въ Россіи, придавалъ данному вопросу о роли духовенства чрезвычайно важное значеніе. Въ своей запискѣ онъ указывалъ, какія опасныя слѣдствія проистекаютъ изъ несоотвѣтствія въ образованности духовенства и народа. Въ прежніе вѣка, когда перевѣсъ образованности былъ всецѣло на сторонѣ духовенства, народъ пребывалъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ и суевѣріи. Столь же опаснымъ былъ бы перевѣсъ въ образованности народа передъ духовенствомъ, ибо тогда духовенство, какъ естественный и постоянный учитель народа, потеряло бы всякое уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ пала бы религія и нравственность. Россія стоитъ передъ лицомъ именно этой опасности, и Эпинусъ рекомендуетъ императрицѣ, заботясь о просвѣщеніи народа, принять мѣры и къ возвышенію обра-

зованности духовенства [1]). Какое впечатлѣніе произвело это разсужденіе Эпинуса на Екатерину, неизвѣстно. Въ своей собственной черновой запискѣ она предполагала на первыхъ порахъ обратиться къ содѣйствію церкви по двумъ частнымъ вопросамъ: объ учителяхъ народныхъ школъ, которыхъ могли доставить, между прочимъ, духовныя школы, и объ учебныхъ книгахъ по Закону Божію, которыя должны были получить санкцію Св. Синода.

Наконецъ, Коммиссія Завадовскаго была чужда какой либо враждебной духовенству тенденціи. Въ составленномъ Янковичемъ и одобренномъ Коммиссіею, въ февралѣ 1783 года, планѣ построенія народныхъ училищъ находимъ слѣдующее интересное разсужденіе о соединеніи училищъ съ церквами: „поелику народныя училища суть вообще такія мѣста, въ которыхъ дѣти поучаться должны Закону Божію и должностямъ общественнымъ, то для большаго удостовѣренія въ томъ людей не худо будетъ показать нѣкоторымъ наружнымъ знакомъ, что заведеніе сіе не къ иному чему клонится, какъ къ дѣйствительному Закона Божія и пользы общественной распространенію, которая и въ самомъ дѣлѣ на исполненіи Закона Божія основывается. Наружнымъ же симъ знакомъ, имѣющимъ увѣрить народъ о благонамѣренности таковаго учрежденія, можетъ быть то, когда училища народныя строиться будутъ не токмо здѣсь въ Петербургѣ, но и во всей Россійской Имперіи, подлѣ самыхъ церквей ради большаго школъ съ церковью соединенія. Польза, произойти отъ сего могущая, есть, кромѣ того, что люди получатъ объ училищахъ сихъ съ самаго начала хорошія мнѣнія и станутъ тѣмъ охотнѣе посылать въ оныя дѣтей своихъ, еще и та, что и священникамъ, если имъ гдѣ поручено будетъ смотрѣніе за школами, удобнѣе будетъ чаще посѣщать ихъ“ [2]). Изъ этихъ словъ видно, что и Коммиссія не отрицала тѣхъ принциповъ, на которыхъ основывалось широкое участіе духовенства въ народномъ образованіи.

Если обратимся теперь къ самому Уставу 1786 года, то

[1]) *Толстой*, op. cit., стр. 141—142.
[2]) Прилож. къ журн. 28 февраля 1783 г.

найдемъ, что, широко ставя преподаваніе Закона Божія, предписывая строить училища близъ церквей (§ 99) и возлагая на директоровъ и учителей наблюденіе за посѣщеніемъ учениками богослуженій (§ 38, 82), онъ совершенно умалчиваетъ объ участіи духовенства въ преподаваніи и учебной администраціи. Чѣмъ объяснить это устраненіе духовенства отъ народнаго образованія, когда вся исторія подготовки данной учебной реформы заставляетъ, казалось бы, ожидать противнаго? По мнѣнію графа Толстого, здѣсь надо видѣть не какую либо преднамѣренную тенденціозность составителей устава: „очевидно, духовенство не было привлечено къ дѣлу народнаго образованія только потому, что не было готово, не умѣло и не могло за него взяться“. Полагаемъ, что искать причинъ, почему духовенство не получило никакой роли въ системѣ народнаго образованія по Уставу 1786 года, слѣдуетъ не столько въ принципіальныхъ отношеніяхъ императрицы Екатерины къ духовенству или въ общемъ состояніи самого духовенства, сколько въ тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, въ какихъ осуществлялось заимствованіе австрійской учебной системы. Здѣсь надо различать два вопроса: почему Уставъ молчитъ о преподавательской дѣятельности духовенства въ народныхъ училищахъ, и почему онъ не даетъ ему участія въ порядкѣ управленія и надзора?

Однимъ изъ основаній новой учебной системы было строгое единство учебнаго метода, и первое требованіе, которому долженъ былъ удовлетворять учитель, было знаніе «нормальнаго» метода и навыкъ въ пользованіи имъ; а для достиженія послѣдняго учителю необходимо было пройти самому весь тотъ кругъ образованія, въ предѣлахъ котораго онъ призванъ былъ дѣйствовать. Съ точки зрѣнія такихъ требованій «нормальная» учебная система должна была питаться лишь собственными своими педагогическими силами. Допущеніе же къ преподаванію постороннихъ силъ, не прошедшихъ «нормальной» школы, въ томъ числѣ духовенства, вносило бы нежелательный диссонансъ и разрушало бы методическое единство новаго учебнаго строя. Къ этому надобно прибавить, что въ двухъ младшихъ классахъ народныхъ училищъ преподаваніе

Закона Божія органически связывалось съ преподаваніемъ другихъ предметовъ и вмѣстѣ съ послѣдними находилось въ рукахъ одного учителя въ каждомъ классѣ; такимъ образомъ учитель 1-го класса обремененъ былъ 27 уроками въ недѣлю, учитель 2-го класса 29 уроками, часть которыхъ приходилась на изъясненіе Евангелій и пространнаго катехизиса въ 3-мъ классѣ. При такомъ соединеніи Закона Божія съ другими предметами, при большомъ количествѣ уроковъ, лежавшихъ на каждомъ учителѣ, духовенству и фактически трудно было выступать преподавателями въ народныхъ училищахъ.

Другой вопросъ—почему духовенство не было привлечено къ участію въ управленіи народными училищами и надзорѣ за ними? Австрійская система и наши проекты 1760—1770-хъ годовъ отводили духовенству особенно видную роль въ завѣдываніи сельскими школами. Теперь этотъ вопросъ отпадалъ, такъ какъ по Уставу 1786 года народныя училища предназначались для одного городского населенія. Управленіе же городскими школами, какъ мы видѣли выше, было согласовано съ общей системой мѣстнаго управленія по Учрежденію 1775 года, а въ этой системѣ духовенству не было предоставлено никакой роли. Какъ бы то ни было, не привлеченное къ прямому участію въ народномъ образованіи въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ исторіи послѣдняго, духовенство и въ данный моментъ оказало дѣлу народнаго образованія большую услугу; черезъ свои духовныя школы оно доставило правительству первые кадры молодежи, изъ которой вырабатывался спеціальный классъ народныхъ учителей.

Остается взглянуть на послѣднее условіе прочности новой системы народнаго образованія по Уставу 1786 года, на источники обезпеченія ея матеріальными средствами.

Проекты 1760—1770-хъ годовъ, какъ мы знаемъ, довольно единодушно проводили коренное различіе въ порядкѣ содержанія высшихъ и среднихъ школъ, съ одной стороны, и низшихъ—съ другой; содержаніе первой группы относилось на государственный счетъ, а второй на средства самого мѣстнаго населенія. Всѣ же вообще источники содержанія школъ сводились въ помянутыхъ проектахъ къ 4-мъ главнымъ:

1) штатнымъ ассигнованіямъ изъ казны, 2) спеціальнымъ обязательнымъ сборамъ съ населенія, 3) платѣ за ученіе, 4) добровольнымъ пожертвованіямъ. Въ подготовкѣ австрійской реформы финансовый вопросъ занималъ также весьма видное мѣсто. Признавая необходимость нѣкотораго спеціальнаго фонда для содержанія школъ въ видѣ особаго школьнаго капитала (Schulfond), дѣятели этой реформы предлагали самыя разнообразныя мѣры для его образованія; но въ концѣ концовъ австрійскій законъ не установилъ какого либо единообразнаго источника содержанія народныхъ школъ и возложилъ на провинціальныя коммиссіи обязанность изыскивать всѣ возможные мѣстные рессурсы. На практикѣ эти послѣдніе оказались крайне разнообразными какъ по относительной величинѣ, такъ и по характеру источниковъ; то были: ассигнованія изъ казны, спеціальные сборы съ родителей учащихся, отчисленія изъ доходовъ церковныхъ и разныхъ общественныхъ учрежденій, особые налоги на зрѣлища, добровольныя пожертвованія и т. под. Особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ для австрійской реформы явилось уничтоженіе іезуитскаго ордена, недвижимыя имущества котораго и капиталы обращались на усиленіе мѣстныхъ школьныхъ фондовъ [1]).

Для нашей Коммиссіи финансовый вопросъ былъ отчасти предрѣшенъ Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года, возлагавшимъ обязанность содержанія народныхъ училищъ на приказы общественнаго призрѣнія, при чемъ ст. 384-ой постановлялось, что неимущіе могутъ учиться въ народныхъ училищахъ безплатно, а имущіе за умѣренную плату. Уставъ 1786 года, подробно регламентируя обязанности приказовъ общественнаго призрѣнія по отношенію къ училищамъ, не коснулся вопроса о средствахъ на содержаніе училищъ, отмѣтивъ только, что приказъ обязанъ «самъ пещися о содержаніи оныхъ, изобрѣтая къ тому всѣ потребные способы». Къ платѣ за ученіе Уставъ отнесся отрицательно, упомянувъ мимоходомъ, при исчисленіи обязанностей учителей, что они не должны требовать отъ учениковъ никакой платы за ученье

[1]) Helfert, op. cit., I., 393 и сл.

(§ 28). Въ приложенныхъ къ Уставу штатахъ сумма на содержаніе главнаго народнаго училища опредѣлилась въ 2.500 руб., изъ которыхъ директору ассигновалось въ столицахъ 1.000 руб., а въ губернскихъ городахъ 500 руб., учителямъ 1.600 руб. и на хозяйственные расходы 900 руб.; на двухклассное малое училище въ 500 руб., изъ нихъ учителямъ 330 руб. и на хозяйство 170 руб.; на одноклассное 210 руб.

Намъ не удалось пока найти матеріаловъ, которые позволяли бы возстановить болѣе или менѣе полную и точную картину бюджета по содержанію народныхъ училищъ до преобразованія ихъ въ гимназіи и уѣздныя училища по Уставу 1804 года. Нѣкоторый, далеко не полный, свѣтъ проливаетъ на этотъ вопросъ нижеслѣдующая таблица, составленная къ 1 января 1803 года и показывающая состояніе доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія, расходовъ на подвѣдомственныя имъ учрежденія и, въ отдѣльности, расходъ на училища [1]).

Такъ какъ законъ не устанавливалъ одного источника содержанія народныхъ училищъ, но возлагалъ на приказы общественнаго призрѣнія обязанность изыскивать всѣ потребные къ тому способы, то представляло бы существенный интересъ выясненіе вопроса объ относительномъ значеніи различныхъ источниковъ, которыми въ дѣйствительности обслуживалось дѣло народнаго образованія. Къ сожалѣнію, для освѣщенія и этого вопроса мы не располагаемъ достаточными данными. Но мы можемъ показать до извѣстной степени роль общественной и частной благотворительности, обращаться къ которой рекомендовало приказамъ общественнаго призрѣнія еще Учрежденіе 1775 года (ст. 382). Въ 1786 году, при открытіи первой очереди главныхъ училищъ, предсѣдатель Коммиссіи П. В. Завадовскій обратился къ намѣстникамъ съ просьбою взять на себя иниціативу привлеченія частныхъ пожертвованій на училища. Ссылаясь на примѣръ Петербургской губерніи, гдѣ «многіе ревнительные о благѣ общемъ граждане

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., к. 1.268, д. № 38460.

ТАБЕЛЬ

доходовъ и расходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія по всѣмъ губерніямъ по 1 января 1803 г.

Губерніи.	Доходы.	Расходы.	
		На заведенія приказа.	На училища.
Московская	74,873—91	58,198—6¾	12,598—82
Смоленская	12,843—17¼	3,316 —75	3,946
Калужская	17,455—75¾ По 1 іюля 1802 г.	2,150—89¼	3,211—45½
Тульская	10,024—4½	7,320	2,300 Исключая Александровское училище, которое имѣетъ свой капиталъ.
Рязанская	11,318—99 Во 2-й пол. 1802 г.	4,457—80¼	1,451—96
Владимірская	10,582—15¾	Всего вообще: 8,587—83	
Костромская.	9,324—79	Расходовъ	не означено.
Вологодская	9,722—25¼	4,047	3,783
Ярославская.	Доходовъ не показано.	5,477—22¾	1,469—15½
Тверская	17,217—38	12,177—38	5,040
Виленская	18,064—18	Расходовъ не означено.	Поіезуитскаго капитала 1.314,547—14, съ онаго проценты 66,288—61¾ назначены на университетъ и военное училище
Гродненская.	—	—	—
Витебская.	5,463—24¾	5,380—50	Училища содержатся отъ городовъ.
Могилевская.	—	—	—

Губерніи.	Доходы.	Расходы.	
		На заведенія приказа.	На училища.
Минская	Серебромъ: 33,972—44 Ассигнаціями: 750	Серебромъ: 4,367—85 Ассигнаціями: 2,731—50¾	Серебромъ: 13,397—50
Волынская	Червонцовъ: 107 Серебромъ: 6,485—84 Ассигнаціями и Банков. Билет.: 25,049—83¼	Расходовъ вообще съ открытія приказа: Червонцовъ: 100 Серебромъ: 26,479—46 Ассиг. и бил.: 21,012—81¾	
Кіевская	36,423—61	22,043—58½	4,388—70
Подольская	18 червон. 15,729—65 сер. 41,410—42 асс.	Расходовъ вообще: Серебромъ: 8,569—50 Ассигнаціями: 6,920—17¼	
Лифляндская	Училища и про чія заведенія содержатся процентами, получаемыми съ капит., сост. 31,632.		
Эстляндская	Во второй половинѣ 1802 года: 5,156—56¾	4,148—59	912—50
Финляндская	49,216—28½	3,025—33	4,123—49
Курляндская	Талер. грош. 1,805—5	Не показано.	Училищъ въ вѣдѣніи приказа нѣтъ.
С.-Петербургская . . .	131,091—53¼ По прим. 1801 г.	143,936—86	27,809—24
Псковская.	—	—	—
Новгородская	3,121—60½	4,633—68	3,000
Олонецкая	—	—	—
Архангельская . . .	По примѣрному положенію: 6,275	3,000	2,970
Слободско-Украинская.	Капитальной и въ доходъ поступившей суммы по 1-е янв.: 85,624—91	11,969—41¾	2,287—74
Орловская	6,429—4¾	2,539—34	2,220—5½

Губерніи.	Доходы.	Расходы.	
		На заведенія приказа.	На училища.
Воронежская	8,436—40½	Расходовъ	не показано.
Курская	23,055—59½	20,513—38¾	2,420—56¾
Черниговская	12,484—34¾	Расходовъ	не показано.
Полтавская	6,733—22¼	1,452—82	6,050 Изъ городскихъ доходовъ.
Николаевская	—	—	—
Таврическая.	—	—	—
Екатеринославская . .	19,774—53¾	Расходовъ вообще: 6,872—26½	
Казанская	6,037—31	Расходовъ вообще: 4,425—5½	
Вятская	—	—	—
Пермская	5,826—39	2,942—15¼	1,600—15
Нижегородская. . . .	21,718—47¼	3,372—94	3,724—50½
Тамбовская	5,203—12½	4,908—39½	2,186
Саратовская	11,128—3¼	Расходовъ вообще: 9,415—64	
Пензенская	16,503—10½	13,200—67	2,637—20
Астраханская	21,198—95	12,082—95¾	2,935—5
Кавказская	—	—	—
Оренбургская	8,988—17¾	5,239—42¼	4,275—99½
Симбирская	6,153—83¾	2,481—24½	2,389—59¾
Тобольская	—	1,068—99½	4,306—35¾
Иркутская	—	2,081—78	4,260—8½

добровольнымъ подвигомъ одни выстроили, другіе дали на школы домы, нѣкоторые же и денежное подаяніе учинили», Завадовскій просилъ намѣстниковъ, по собственному ихъ бла-

горазумѣнію, «подвигнуть подобное благотвореніе средствами, поощряющими усердіе и благость» [1]).

Какое участіе въ матеріальномъ обезпеченіи народныхъ училищъ приняла общественная и частная благотворительность, могутъ дать нѣкоторое представленіе вѣдомости, составленныя въ 1801-мъ или 1802 году [2]). Изъ нихъ мы видимъ, что пожертвованія на нужды народныхъ училищъ притекали отъ мѣстныхъ обществъ, дворянства, купечества, мѣщанства, вообще «гражданства» того или другого города, отъ городовыхъ магистратовъ, думъ, наконецъ отъ отдѣльныхъ лицъ. На первомъ мѣстѣ въ названныхъ вѣдомостяхъ стоятъ пожертвованія отъ государыни и членовъ императорскаго дома.

Пожертвованія отъ мѣстныхъ обществъ поступали, большею частью, въ формѣ единовременныхъ взносовъ болѣе или менѣе крупныхъ суммъ на общія нужды училищъ. Въ немногихъ случаяхъ мѣстныя общества принимали на себя постоянные или на извѣстный срокъ расходы по содержанію училищъ, далеко, однако, не покрывавшіе назначенныхъ штатами суммъ. Такъ Дмитровское (Московской губерніи) общество „изъ усердія согласилось находящемуся тамъ учителю производить положенное по уставу жалованье отъ себя“. Въ городахъ Рославлѣ и Бѣломъ купечество и мѣщанство опредѣлили вносить въ теченіе четырехъ лѣтъ по 93 и по 25 руб. въ годъ на малыя училища. Граждане г. Вязьмы отчисляли на содержаніе училища изъ магистратскихъ доходовъ по 120 руб. въ годъ. По желанью Тульскаго общества на освѣщеніе и отопленіе главнаго училища ассигновано было въ 3 года 900 руб. Въ Угличѣ купечество и мѣщанство ассигновало на содержаніе училища ежегодно по 250 руб., въ Мологѣ по 125 руб., въ Иркутскѣ по 200 руб. Въ нѣсколькихъ случаяхъ отводились по приговорамъ обществъ помѣщенія подъ училища или прямо жертвовались дома. Встрѣчаются также пожертвованія разными вещами и учебными пособіями.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отношеніе дворянскихъ

---

[1]) Журн. 24 октября 1786 г.
[2]) „Матеріалы“, стр. 347—362.

обществъ къ матеріальнымъ нуждамъ народныхъ училищъ. Впослѣдствіи мы отмѣтимъ два интересныхъ факта, изъ совокупности которыхъ трудно, однако, вывести опредѣленное заключеніе о сочувствіи дворянства, воспитаннаго въ традиціяхъ сословнаго образованія, къ новой системѣ образованія безсословнаго. Мы увидимъ, съ одной стороны, что дворянская молодежь, численно преобладая въ главныхъ народныхъ училищахъ, составляла въ составѣ учащихся наиболѣе постоянный и устойчивый элементъ. Съ другой стороны, мы встрѣтимъ появленіе въ данное время ряда новыхъ дворянскихъ училищъ, показывающее живучесть въ дворянской средѣ традиціи сословнаго образованія. Матеріальная поддержка, оказанная дворянскими обществами народнымъ училищамъ, можетъ служить еще однимъ показателемъ отношенія дворянства къ новой системѣ образованія.

Отмѣтимъ наиболѣе крупныя пожертвованія дворянскихъ обществъ, иногда вмѣстѣ съ купечествомъ, имѣющіяся въ вѣдомостяхъ, составленныхъ въ 1800—1802 годахъ:

Тверская губернія: — отъ дворянства внесено для главнаго народнаго училища 27.398 руб.

Смоленская губернія: — дворянствомъ и купечествомъ внесено 1.940 руб.

Ярославская губернія: — отъ благороднаго общества 16.546 руб.

Нижегородская губернія: — отъ дворянства и купечества 700 руб.

Пензенская губернія: — дворянство положило въ пользу училищъ съ каждой владѣльческой души дать отъ себя по 5 коп., что составило болѣе 9.000 руб.

Симбирская губернія: — дворянство по случаю всемилостивѣйшей данной прошлаго 1785 года, апрѣля 27-го, на права и преимущества грамоты постановило собрать съ имѣній своихъ 20.000 руб.

Казанская губернія: — въ 1788 году дворянство подписало внести съ каждой владѣльческой души по 10 коп., каковыхъ денегъ собрано 2.968 руб.

Черниговская губернія: — отъ дворянства уѣздовъ Город-

ницкаго 325 руб., Роменскаго 37 руб., Зенковскаго 40 руб., Черниговскаго 130 руб.

Харьковская губернія:—отъ дворянъ и гражданскаго общества дано 471 руб.

Новгородъ-Сѣверская губернія:—отъ дворянъ Мглинскаго уѣзда 70 руб., Новомѣстскаго 190 руб.

Кромѣ этихъ наиболѣе крупныхъ коллективныхъ взносовъ отъ цѣлыхъ дворянскихъ обществъ, пожертвованія въ пользу училищъ поступали также отъ отдѣльныхъ представителей дворянской интеллигенціи.

Приводимъ въ заключеніе таблицу, показывающую общую сумму всѣхъ пожертвованій (въ рубляхъ), поступившихъ по отдѣльнымъ губерніямъ къ 1800—1801 году:

Петербургъ	35.843	Воронежъ	1.549
Москва	16.560	Тамбовъ	1.453
Новгородъ	175	Рязань.	2.160
Тверь	77.398	Владиміръ	1.086
Псковь.	50	Кострома	621
Смоленскъ	8.254	Ярославль	17.263
Тула.	3.321	Вологда	1.375
Калуга.	322	Олонецъ	88
Орелъ	1.345	Тобольскъ.	4.480
Н.-Новгородъ	1.510	Иркутскъ.	500
Пенза	10.073	Черниговъ	1.050
Симбирскъ	88	Харьковъ	496
Казань.	10.043	Выборгъ	7.865
Вятка.	10.548	Рига	2.000
Пермь (каждогодно) .	400	Новг.-Сѣверскъ . . .	260
Курскъ.	6.738		

Приведенныя данныя о матеріальномъ обезпеченіи системы народныхъ училищъ остаются, къ сожалѣнію, disjecta membra и не позволяютъ придти къ сколько-нибудь точнымъ выводамъ объ абсолютной значительности каждаго отдѣльнаго источника, о сравнительной роли этихъ источниковъ, наконецъ, о степени соотвѣтствія собираемыхъ на содержаніе училищъ средствъ

штатнымъ назначеніямъ. Возможно, однако, что находки новыхъ матеріаловъ дадутъ когда-нибудь возможность поставить эти вопросы и полностью или частью ихъ разрѣшить.

V.

Какой успѣхъ имѣла система народныхъ училищъ по Уставу 1786 года и какія дальнѣйшія перспективы и вопросы открывала жизненная практика этой системы?

Если вспомнимъ, какъ неудачны были до тѣхъ поръ всѣ попытки такъ или иначе наладить общеобразовательную, особенно низшую, школу, то первые успѣхи народныхъ училищъ можно назвать прямо блестящими. Подъ такимъ впечатлѣніемъ находились и современники, наблюдавшіе эти успѣхи. Уже въ письмѣ къ Гримму отъ 15 ноября 1782 года императрица сообщала объ успѣхѣ нормальныхъ школъ; въ 1784 году, 5 апрѣля, она писала тому же Гримму: „знаете ли вы или не знаете, что мы здѣсь въ Петербургѣ имѣемъ въ теченіе года 10 нормальныхъ школъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе тысячи учениковъ. Не находите ли во мнѣ сегодня большого желанія передъ вами похвастаться?“ [1]) Въ 1786 году, по изготовленіи необходимой учебной литературы и по выпускѣ перваго кадра учителей изъ Петербургской семинаріи, были одновременно открыты главныя училища въ 25 губерніяхъ, а съ 1789 года началось открытіе главныхъ училищъ въ остальныхъ 16-ти губерніяхъ; отъ главныхъ же постепенно „разводились“ малыя училища. Общая картина внѣшняго роста народныхъ училищъ составлена была Коммиссіею въ 1801 году, по требованію генералъ-прокурора А. А. Беклешова, для представленія въ Непремѣнный Совѣтъ. Приводимъ сначала таблицу, показывающую ростъ числа школъ, учителей и учащихся за 1782—1800 годы [2]):

---

[1]) „Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.“, т. XXIII, стр. 254, 300—301. *Толстой*, op. cit., стр. 91—92.

[2]) „Сборн. матеріал. для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. Мин. народ. просв., т. I. (СПБ. 1893)., ст. 339—340.

Годы.	Число школъ.	Число учителей.	Учениковъ. Мужск.	Женск.
1782 . .	8	26	474	44
1783 . .	9	28	654	77
1784 . .	11	33	1.082	152
1785 . .	12	38	1.282	209
1786 . .	165	394	10.230	858
1787 . .	218	525	11.968	1.571
1788 . .	227	520	13.635	924
1789 . .	225	516	13.187	1.202
1790 . .	269	629	15.604	921
1791 . .	288	700	16.723	1.064
1792 . .	302	718	16.322	1.178
1793 . .	311	738	16.165	1.132
1794 . .	302	767	15.540	1.080
1795 . .	307	716	16.035	1.062
1796 . .	316	744	16.220	1.121
1797 . .	285	664	14.457	1.171
1798 . .	284	752	15.396	1.405
1799 . .	277	705	15.754	1.561
1800 . .	315	790	18.128	1.787

Какъ видно изъ этой таблицы, число училищъ, учителей и учениковъ особенно быстро возрастало между 1786-мъ и 1793-мъ годами, когда были открыты въ два пріема главныя народныя училища въ 41 губерніи и изъ главныхъ стали «разводиться» малыя училища. Вслѣдъ затѣмъ обнаруживаются колебанія и цифры скорѣе падаютъ, чѣмъ возрастаютъ. Эти колебанія во внѣшнемъ ростѣ новой учебной системы очень характерны для даннаго времени, когда исчезаетъ единство иниціативы въ осуществленіи учебной реформы. Какъ было показано выше, Коммиссія, подготовивъ учителей и учебныя пособія для открытія главныхъ училищъ во всѣхъ губерніяхъ, передала заботу о дальнѣйшемъ ихъ распространеніи органамъ мѣстной общей администраціи, губернаторамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія, а за собою сохранила лишь общее наблюденіе за ходомъ учебной жизни.

Къ началу царствованія Александра I народныя училища по Уставу 1786 года были открыты почти во всѣхъ губерніяхъ. Но можно ли говорить о повсемѣстности ихъ распространенія? Въ 1799—1800 годахъ были собраны свѣдѣнія по отдѣльнымъ губерніямъ, въ какихъ городахъ учреждены народныя училища и въ какихъ нѣтъ. Приводя нижеслѣдующую таблицу, надо сдѣлать оговорку, что въ нее вошли, кромѣ народныхъ училищъ по Уставу 1786 года, также нѣмецкія школы Курляндской губерніи и польскія западныхъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской [1]):

Губерніи.	Число городовъ, гдѣ есть училища.	Число учащихся.	Число городовъ, гдѣ нѣтъ училищъ.	Губерніи.	Число городовъ, гдѣ есть училища.	Число учащихся.	Число городовъ, гдѣ нѣтъ училищъ.
Архангельская . .	3	94	4	Пензенская . .	3	—	8
Астраханская . .	2	149	7	Пермская . . .	7	269	5
Витебская . . .	4	—	4	Полтавская . .	3	—	8
Владимірская . .	4	250	6	Псковская . . .	6	358	—
Вологодская . .	4	183	6	Рязанская . . .	12	453	—
Воронежская . .	6	309	7	Петербургская . .	13	3501	—
Выборгская . . .	6	246	—	Саратовская . .	1	215	7
Вятская	5	224	5	Симбирская . .	2	209	8
Иркутская . . .	2	120	13	Слободская . . .	5	644	4
Казанская . . .	5	232	5	Смоленская . .	8	378	3
Калужская . . .	3	243	8	Тамбовская . .	4	215	8
Курляндская . .	13	—	—	Тверская . . .	10	570	1
Кіевская. . . .	1	130	11	Тобольская . .	7	279	9
Костромская. . .	6	200	5	Тульская . . .	3	116	6
Курская	9	652	1	Черниговская . .	6	—	7
Лифляндская . .	2	58	2	Подольская . .	3	—	10
Могилевская. . .	5	—	7	Ярославская . .	9	416	2
Московская . . .	10	1981	—	Эстляндская . .	1	69	1
Нижегородская . .	3	229	6	Грузія	—	—	5
Новгородская . .	7	489	1	Войско Донское .	1	80	—
Новороссійская . .	2	178	25	Виленск. и Гродн.	20	—	8
Олонецкая . . .	4	—	3	Волынская. . .	4	—	10
Оренбургская . .	4	169	6	Минск. (Бѣлорус.)	7	551	5
Орловская . . .	9	702	3	Малороссійская .	—	520	—

[1]) Арх. Мин. нар. просв., к. 1281, д. 38515.

Дѣйствительно необычайный для XVIII столѣтія внѣшній успѣхъ народныхъ училищъ еще не свидѣтельствовалъ о полномъ сочувствіи къ нимъ массы населенія. Извѣстны случаи, когда народныя училища начинали дѣйствовать лишь послѣ того, какъ насильственными административными мѣрами устранялась конкурренція со стороны разныхъ вольныхъ школъ и пансіоновъ. Въ 1788 году Коммиссія поручила состоявшему въ ея распоряженіи О. П. Козодавлеву произвести ревизію народныхъ училищъ въ 10 намѣстничествахъ: новгородскомъ, тверскомъ, московскомъ, калужскомъ, тульскомъ, рязанскомъ, тамбовскомъ, владимірскомъ, ярославскомъ и вологодскомъ. Въ данной Козодавлеву инструкціи обращено было, между прочимъ, вниманіе и на вопросъ объ отношеніи населенія къ народнымъ училищамъ: «каково гдѣ народъ и люди къ училищамъ расположены; посылаютъ ли своихъ дѣтей въ оныя охотно; если нѣтъ, что тому за причина»? Въ своемъ общемъ отчетѣ о произведенной ревизіи Козодавлевъ констатировалъ, что во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно нежелаютъ продолжать ученіе въ третьемъ разрядѣ. «Сіе происходитъ, объясняетъ Козодавлевъ, оттого, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ нижнихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными или, по крайней мѣрѣ, не нужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однако жъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, не многіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы; слѣдовательно, главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы». Козодавлевъ совѣтовалъ поспѣшить обнародованіемъ составленнаго въ 1787 году плана университетовъ, чтобы «показать народу выгоду, отъ просвѣщенія происходящую, или, такъ сказать, сблизить каждаго собственною его корыстью съ науками».

Когда всѣ узнаютъ, что для пріобрѣтенія права на службу нужны науки, преподаваемыя въ университетѣ, а для поступленія въ университетъ нужно пройти главное училище, тогда всякій будетъ учиться для собственной корысти, и главныя училища учениками наполнятся и принесутъ государству ожидаемую пользу [1]).

Когда въ концѣ 1780-хъ и 1790-хъ годовъ отъ повсемѣстно учрежденныхъ главныхъ училищъ стали «разводиться» по уѣзднымъ городамъ малыя училища, то и послѣднія встрѣчали по мѣстамъ отрицательное къ себѣ отношеніе. Мѣстное населеніе, преимущественно купечество и мѣщанство, иногда съ крайней неохотой отдавало въ эти училища дѣтей, не платило опредѣленныхъ суммъ, а иногда и прямо домогалось закрытія училищъ. Новыя школы не удовлетворяли мало культурнаго провинціальнаго общества, прежде всего, своимъ общеобразовательнымъ характеромъ. Провинціальное купечество и мѣщанство желало дѣтей «заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и для мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются». Непонятными казались и изысканные педагогическіе и дидактическіе пріемы и методы новой школы, которымъ «нетерпѣливые» родители предпочитали старинныя и частныя церковныя школы съ ихъ часословами и псалтырями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представленія о закрытіи училищъ, по несочувствію къ нимъ мѣстныхъ обществъ, доходили до центральнаго правительства, до Коммиссіи, послѣдняя всегда отвѣчала отказомъ и указывала мѣстнымъ властямъ на ихъ формальную обязанность содѣйствовать распространенію училищъ. Такъ въ 1798 году на представленіе о закрытіи высшихъ классовъ Витебскаго главнаго училища, по причинѣ пустоты ихъ, Коммиссія сдѣлала губернатору такое характерное внушеніе: «извѣстно изъ опытовъ, что вкусъ къ наукамъ не вдругъ, но временемъ пріобрѣтается; безъ поддержанія-жъ онаго со стороны начальства не уповательно, чтобъ приращеніе въ наукахъ могло

---

[1]) *Сухомлиновъ,* Исторія Россійской Академіи, вып. 6-й, стр. 46, 49—50.

само по себѣ возникнуть, а тѣмъ менѣе (sic!) распространиться» [1]).

Изъ отдѣльныхъ случаевъ отрицательнаго отношенія провинціальнаго населенія къ народнымъ училищамъ еще трудно дѣлать какой либо общій выводъ относительно успѣха новой системы образованія. Болѣе отчетливое представленіе можетъ дать стекавшійся въ Коммиссію изъ приказовъ общественнаго призрѣнія статистическій матеріалъ въ видѣ годовыхъ и полугодовыхъ отчетовъ и вѣдомостей о состояніи главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ. Предполагая обработать помянутый статистическій матеріалъ, въ виду его обширности, въ особомъ трудѣ, отмѣтимъ пока одинъ общій фактъ, касающійся состава учащихся въ народныхъ училищахъ съ конца 1780 годовъ до 1801—1802 года. Составъ этотъ отличается крайней пестротой: дворяне, штабъ-и оберъ-офицерскія, чиновничьи, священно-и церковно-служительскія дѣти, приказные, разночинцы, купцы, мѣщане, крестьяне, однодворцы, крѣпостные и господскіе слуги, придворные (въ одномъ Петербургѣ), сержантскіе, солдатскіе, мастеровые, ямщичьи, «воспитанники», вольноотпущенные, казаки, татары, иностранцы и другіе.

Опредѣляя цѣль народныхъ училищъ по Уставу 1786 года, мы указывали, что, будучи непосредственно предназначены для городского населенія, эти училища не должны были стать непремѣнно односословными, мѣщанскими. И теперь, дѣйствительно, мы видимъ, что народныя училища по Уставу 1786 года являются первыми въ XVIII вѣкѣ всесословными, въ полномъ смыслѣ этого слова, школами. Общій фактъ пестроты соціальнаго состава народныхъ училищъ чрезвычайно важенъ: онъ не только иллюстрируетъ достигнутый этими училищами фактическій успѣхъ, но объясняетъ также уже отмѣченную ревизіей Козодавлева необходимость дальнѣйшаго развитія учебной реформы, для которой народныя училища должны были служить не цѣлью, а первой ступенью.

Съ точки зрѣнія интересовъ дворянства и другихъ слоевъ

---

[1]) „Сборн. мат. для ист. просв. въ Россіи“, изд. Мин. нар. просв., т. I, № 35.

служилаго класса основной недостатокъ главныхъ училищъ заключался въ неопредѣленности „цѣли ученья“, какъ указывалъ Козодавлевъ; для дворянства этой цѣлью была государственная служба, а главныя училища не открывали прямого, надежнаго пути къ ней и не были средними, въ точномъ смыслѣ, школами, переходной ступенью къ высшему, университетскому образованію, какъ необходимому условію служебной карьеры. Вотъ почему Козодавлевъ считалъ нужнымъ торопиться осуществленіемъ Плана университетовъ 1787 года, такъ какъ только въ законченной системѣ народнаго просвѣщенія могло быть точно опредѣлено положеніе главныхъ народныхъ училищъ, какъ среднихъ школъ, и въ нихъ должны были направиться всѣ, кто стремился въ университетъ и затѣмъ на государственную службу.

Иначе относились къ народнымъ училищамъ тѣ соціальныя группы, которыя не стремились къ государственной службѣ или не имѣли на нее права. Купечество и мѣщанство, а равно различные мелкіе элементы низшаго городского населенія, не находили для себя въ курсѣ старшихъ классовъ главныхъ училищъ никакой „корысти“, т. е. удовлетворенія своимъ практическимъ интересамъ. Этотъ курсъ носилъ, по преимуществу, общеобразовательный характеръ и не давалъ подготовки къ какой либо профессіональной дѣятельности. Какими мѣрами привлекать торгово-промышленное населеніе въ старшіе классы народныхъ училищъ,—на этотъ вопросъ не умѣли отвѣтить не ревизоръ Козодавлевъ, ни сама Коммиссія. Предложеніе Козодавлева открыть скорѣе университеты по Плану 1787 года, какъ средство наполненія старшихъ классовъ, очевидно, могло имѣть силу, главнымъ образомъ, по отношенію къ дворянству. Коммиссія же, получая просьбы о закрытіи старшихъ классовъ народныхъ училищъ, ограничивалась только совѣтомъ ожидать, когда „вкусъ къ наукамъ распространится“. Очевидно, неизбѣженъ былъ одинъ изъ двухъ путей. Возможно было, во-первыхъ, приспособить народныя училища къ практическимъ потребностямъ торгово-промышленнаго городского населенія; но для этого снова пришлось бы вернуться къ принципамъ узко-профессіональнаго образованія, весьма от-

личнымъ отъ тѣхъ, на которыхъ строилась австрійская система; этотъ путь и практически представлялъ бы значительныя трудности въ виду большой пестроты городского населенія и разнообразія его профессіональныхъ интересовъ. Второй путь, болѣе простой, заключался въ томъ, чтобы признать достаточными для городского населенія однѣ элементарныя школы, малыя училища, превративъ главныя училища въ среднія школы, тѣсно связанныя съ университетами.

Такъ жизненная практика народныхъ училищъ по Уставу 1786 года подтверждала необходимость вывести вопросъ о народномъ образованіи изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ какихъ онъ былъ заключенъ помянутымъ Уставомъ, и раздвинуть его въ проблему „всеобщаго просвѣщенія“, разработанную уже позабытыми проектами предыдущей эпохи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Единообразіе учебной системы.

I.

«Единообразіе» было однимъ изъ главныхъ лозунговъ школьныхъ реформъ второй половины XVIII вѣка, единообразіе методовъ, учебной литературы, внѣшняго порядка. Строго проводимое въ австрійской школьной реформѣ, „единообразіе въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобъ не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого развратa ко вреду общей пользы“, было хорошо усвоено и нашей Коммиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ представленномъ въ Непремѣнный Совѣтъ въ 1801 году отчетѣ Коммиссія, между прочимъ, писала: „всѣ сіи школы (главныя и малыя) находятся вездѣ въ совершенномъ единообразіи. Ученики всѣ, въ какой бы они школѣ ни были, читаютъ одинакія учебныя книги, и учителя употребляютъ одинакій способъ обученія и наблюдаютъ одинакое употребленіе часовъ, назначенное прежде и послѣ полудня, такъ что науки въ школахъ сихъ преподаются въ самомъ отдаленномъ краю Россіи въ одно и то же

время и на томъ единообразномъ основаніи, на каковомъ преподаются оныя и въ самой столицѣ“ [1]).

Такъ какъ, далѣе, система образованія по Уставу 1786 года разсматривалась, какъ «нормальная» въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. образцовая, то отсюда, естественно, вытекало стремленіе перенести ея принципы и на всѣ другія отрасли образованія и типы школъ и ввести ихъ въ кругъ единообразной учебной системы. И, дѣйствительно, распространеніе новой, нормальной системы на различныя группы общеобразовательныхъ и спеціальныхъ школъ началось еще до утвержденія Устава 1786 года. Какъ поспѣшно и широко раздвигалась сфера вліянія новой учебной системы, можетъ показать слѣдующій хронологическій перечень высочайшихъ повелѣній: 28 марта 1783 года о преобразованіи учебнаго плана въ Училищѣ благородныхъ дѣвицъ по образцу народныхъ училищъ, въ сентябрѣ того же года о преобразованіи нѣмецкаго училища св. Петра въ Петербургѣ въ главное народное училище, въ іюлѣ того же года о согласованіи учебнаго плана Инженернаго и артиллерійскаго корпусовъ съ планомъ народныхъ училищъ, о заведеніи при Измайловскомъ полку школы солдатскихъ дѣтей по образцу малыхъ народныхъ училищъ, 22 іюня 1784 года о преобразованіи Сухопутнаго шляхетскаго корпуса, 6 сентября того же года о подчиненіи частныхъ пансіоновъ Коммиссіи народныхъ училищъ, 29 января 1786 года о подчиненіи той же Коммиссіи всѣхъ вообще училищъ въ государствѣ, 16 іюня того же года о сношеніи Медицинской коллегіи съ Коммиссіей объ училищахъ по вопросу о введеніи нормальной методы въ хирургическія школы и о возведеніи въ докторскую степень природныхъ россіянъ, 12 ноября того же года объ устройствѣ народныхъ училищъ по «нормальнымъ» правиламъ для населенія Киргизской Орды. Въ духовныя школы новый учебный порядокъ вводился по иниціативѣ мѣстныхъ епархіальныхъ властей. Такъ въ 1786 году были приняты въ учительскую гимназію 2 семинариста Могилевской семинаріи по просьбѣ мѣстнаго архіерея Георгія, выразившаго

---

[1]) „Сборн. матер. для ист. просв.“, изд. Мин. народн. просв. т. I, ст. 331.

желаніе ввести въ этой семинаріи «учебный способъ» народныхъ училищъ. Въ томъ же году епископъ Смоленскій Парѳеній обращался въ Коммиссію съ просьбой прислать учителя для введенія въ Смоленской семинаріи методовъ, принятыхъ въ народныхъ училищахъ. Въ 1785 году оберъ-прокуроръ Синода требовалъ отъ Коммиссіи свѣдѣній для введенія «нормальнаго» учебнаго плана въ семинаріи при епископѣ-коадъюторѣ Кіевской митрополіи [1]).

Такъ не успѣла еще окончательно сложиться и получить законодательной санкціи сама нормальная система народныхъ училищъ, какъ она уже стала связующимъ центромъ для самыхъ разнообразныхъ видовъ образованія и типовъ школъ. Не будемъ вдаваться въ подробности перемѣнъ въ учебномъ строѣ тѣхъ школъ, на которыя распространялась новая система, но остановимся на возникшихъ при этомъ принципіальныхъ вопросахъ: 1) о конкурренціи между государственными и частными школами; 2) о соотношеніи общаго и профессіональнаго образованія и 3) о распространеніи общегосударственной системы на окраины.

II.

Проекты учебныхъ реформъ 1760—1770-хъ годовъ включали въ общую систему народнаго просвѣщенія «вольныя» училища, но не давали твердаго основанія для рѣшенія вопроса, какъ далеко могла простираться въ данной области частная иниціатива и въ какія отношенія частная школа должна была стать къ правительственной системѣ [2]).

Распространеніе «нормальной системы» на частныя школы началось съ преобразованія, по указу 7 сентября 1783 года, нѣмецкаго училища св. Петра въ главное народное училище, при чемъ разрѣшено было вводить въ немъ разные дополнительные курсы, но при условіи соблюденія «предписанной методы». Открывать же новыя нѣмецкія училища запрещено

---

[1]) Ibid. №№ 2, 4, 10.
[2]) „Матеріалы“, стр. 154, 214—216.

было до преобразованія училища св. Петра. Вновь учрежденной Управѣ нѣмецкихъ училищъ, подъ надзоръ которой были поставлены всѣ вообще частныя иностранныя школы, вмѣнялось въ обязанность «стараться завести во всѣхъ народныхъ Россійской Имперіи нѣмецкихъ училищахъ, сверхъ прочихъ наукъ, ученіе россійскаго языка», такъ какъ «каждому изъ подданныхъ россійскихъ языкъ россійскій весьма нуженъ» [1]).

Въ слѣдующемъ 1784 году, 6 сентября, состоялось повелѣніе о подчиненіи Коммиссіи всѣхъ вообще частныхъ пансіоновъ и о ревизіи ихъ. Выяснивъ наличность всѣхъ петербургскихъ частныхъ пансіоновъ, каковыхъ оказалось 28 иностранныхъ и 18 вольныхъ русскихъ школъ, Коммиссія, съ помощью Управы нѣмецкихъ училищъ, занялась, прежде всего, упорядоченіемъ пансіоновъ иностранныхъ. Всѣ содержатели и учителя этихъ пансіоновъ были подвергнуты въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра экзамену, давшему въ большинствѣ случаевъ благопріятный результатъ. Послѣ того Коммиссія составила «планъ къ расположенію пансіоновъ по образцу училищъ народныхъ» и правила для содержателей пансіоновъ. Всѣ иностранные пансіоны раздѣлены были на два рода, верхніе и нижніе: первые соотвѣтствовали по курсу двумъ старшимъ, вторые двумъ младшимъ классамъ главныхъ училищъ. Всѣ пансіоны обязаны были слѣдовать единообразному, официально утвержденному учебному плану, отъ котораго допускались лишь частичныя отступленія. Преподаваніе разрѣшалось вести на иностранныхъ языкахъ, русскій же языкъ являлся обязательнымъ предметомъ изученія. Открытіе и содержаніе иностранныхъ пансіоновъ подчинялось слѣдующимъ главнымъ правиламъ: 1) содержатели изучаютъ въ нѣмецкомъ училищѣ нормальные методы преподаванія и экзаменуются по тѣмъ предметамъ, какіе желаютъ преподавать, 2) для открытія пансіона требуется разрѣшеніе Коммиссіи, 3) новые предметы преподаванія вводятся также съ особаго разрѣшенія Коммиссіи, 4) обученіе производится по книгамъ, одобреннымъ Коммиссіей, 5) воспитанники, готовящіеся къ военному и другимъ званіямъ, обу-

[1]) Журналы Коммиссіи 19-го сентября 1783 г., 5 августа 1785 г.

чаются по книгамъ, принятымъ въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ училищахъ, 6) по учебной части всѣ иностранные пансіоны находятся въ вѣдѣніи Управы нѣмецкихъ училищъ и въ высшей инстанціи—Коммиссіи о народныхъ училищахъ, а по хозяйственной части въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія; русскіе пансіоны въ учебномъ отношеніи подчинены были непосредственно Коммиссіи. Детальную разработку эти правила получили въ наказѣ содержателямъ и учителямъ столичныхъ пансіоновъ и въ инструкціяхъ Управѣ нѣмецкихъ училищъ и приказу общественнаго призрѣнія [1]).

Такъ иностранные пансіоны вышли благополучно изъ испытанія, имѣвшаго цѣлью включить ихъ въ общую систему народнаго образованія. Какъ училища, ставившія на первый планъ преподаваніе новыхъ языковъ, они были существенно необходимы для дворянской интеллигенціи, которая не находила въ народныхъ училищахъ этого важнаго для нея элемента общаго образованія. И сама Коммиссія цѣнила иностранные пансіоны, какъ школы, восполнявшія пробѣлъ въ учебномъ планѣ народныхъ училищъ. При обсужденіи преобразованія Инженернаго и Артиллерійскаго корпусовъ было высказано, между прочимъ, пожеланіе объ увеличеніи въ провинціи числа пансіоновъ, которые давали бы подготовку по новымъ языкамъ, необходимую для высшаго спеціальнаго образованія.

Совсѣмъ иная участь постигла русскія «вольныя школы». Въ 1784 году были обревизованы въ Петербургѣ 17 такихъ школъ, въ которыхъ числилось 159 учащихся; содержателями этихъ школъ были: отставной прапорщикъ, жена адмиралтейскаго писаря, жена котельнаго мастера, 3 дьячка, церковный сторожъ, жена магистратскаго канцеляриста, жена отставного прапорщика, 2 мѣщанина, дворцовый крестьянинъ, жена под-

---

[1]) Арх. Мин. нар. просв., к. 1278, д. 38493. Въ 1785 г., 8 апрѣля, Коммиссія нашла, что точно разграничить верхніе и нижніе пансіоны нельзя, ибо каждому содержателю не возбранено вводить науки, какія желаетъ, сообразуясь также съ общимъ расположеніемъ преподаванія по образцу нормальныхъ училищъ. О ревизіи пансіоновъ въ Москвѣ см. статью *М. Н. Лонгинова* въ „Рус. Вѣстникѣ“, 1858 г., февраль, кн. 2-я. Представленіе И. И. Шувалова о предоставленіи университету произвести ревизію московскихъ пансіоновъ см. въ Госуд. Архивѣ, разр. XVII, д. № 48.

канцеляриста герольдмейстерской конторы, жена экономическаго служителя, отставной копіистъ, жена солдата, отставной канцеляристъ. Производившій ревизію профессоръ учительской семинаріи Сырейщиковъ далъ безусловно отрицательный отзывъ обо всѣхъ этихъ педагогахъ и ихъ школахъ: знанія учителей и учительницъ найдены ограниченными; обученіе производится по невразумительнымъ книгамъ; предметы ученья недостаточны, ибо въ большинствѣ школъ учатъ лишь читать и писать, лишь въ нѣкоторыхъ—ариѳметикѣ и ни въ одной не наставляютъ дѣтей «въ самонужнѣйшихъ истинахъ Закона Божія и вѣры христіанской». Коммиссія постановила всѣ обревизованныя русскія вольныя школы закрыть, наказавъ черезъ губернское правленіе родителямъ и родственникамъ посылать дѣтей непремѣнно въ народныя училища. Съ этого времени устанавливается вообще отрицательное отношеніе къ вольнымъ русскимъ школамъ, кое-гдѣ конкуррировавшимъ съ народными училищами [1]).

Любопытный случай такой конкурренціи произошелъ въ 1784 году въ Шлиссельбургѣ. Учитель здѣшняго малаго народнаго училища донесъ Коммиссіи, что по окончаніи публичнаго испытанія въ этомъ училищѣ никто больше дѣтей своихъ въ него не приводилъ, такъ какъ нѣкій сержантъ Андрей Гордѣевъ завелъ въ городѣ недавно свою школу, гдѣ учитъ по старымъ книгамъ, и дѣтей у него собралось не менѣе 20 человѣкъ. Коммиссія опредѣлила: «какъ таковыя вольныя школы вовсе не нужны тамъ, гдѣ есть училища народныя, въ коихъ юношество, какъ то опытами уже доказано, обучаться можетъ съ гораздо лучшимъ успѣхомъ», то школу сержанта Гордѣева закрыть, «дабы дѣти напрасно у него времени не тратили» [2]). Такъ же сурово расправлялись съ вольными школами мѣстныя власти, намѣстники и губернаторы, когда началось повсемѣстное открытіе народныхъ училищъ. Создавалось вообще мнѣніе, что для успѣха народныхъ училищъ необходимо подавленіе частной конкурренціи. О. П.

---

[1]) Арх. Мин. нар. просв. к. 1279, д. 38497.
[2]) Журналъ Коммиссіи 12 ноября 1784 г., п. 9.

Козодавлевъ, ревизовавшій въ 1788 году народныя училища въ 10 губерніяхъ, объяснялъ, между прочимъ, недостаточность училищъ въ Ярославскомъ намѣстничествѣ тѣмъ, что «въ Ярославлѣ многимъ дьячкамъ ученіе до сего времени не было запрещено» [1]). Элементарныя русскія вольныя школы, руководимыя малообразованными людьми, искавшими лишь куска хлѣба отъ своей педагогической дѣятельности, должны были вовсе исчезать при встрѣчѣ съ правильно организованными народными училищами. Но подчиненіе частныхъ пансіоновъ новому учебно-административному режиму оказалось стѣснительнымъ и для тѣхъ русскихъ частныхъ пансіоновъ высшаго типа, содержателями которыхъ являлись, дѣйствительно, авторитетные и въ научномъ и въ педагогическомъ отношеніи лица. Въ 1788 году произошло интересное въ принципіальномъ отношеніи пререканіе между Московскимъ университетомъ и Московскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія по вопросу о подвѣдомственности пансіоновъ, содержимыхъ профессорами Чеботаревымъ и Шаденомъ. Приказъ, на основаніи повелѣнія 7 октября 1785 года о ревизіи частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ, требовалъ подчиненія себѣ обоихъ пансіоновъ. Профессора же Чеботаревъ и Шаденъ доказывали, что ихъ пансіоны находятся въ вѣдѣніи университета, и заявляли, что «стать ни предъ какимъ постороннимъ судомъ не могутъ». Университетъ поддерживалъ своихъ профессоровъ, ссылаясь на манифестъ 1775 года, возлагавшій на него обязанность всѣми мѣрами способствовать распространенію просвѣщенія, и на указъ 29 апрѣля 1757 года о свидѣтельствованіи въ университетѣ домашнихъ учителей и содержателей школъ. Сама Коммиссія о народныхъ училищахъ, по мнѣнію университета, обязана была «заимствовать пособія отъ университета». По этимъ соображеніямъ университетъ рѣзко отстаивалъ автономію содержимыхъ профессорами пансіоновъ и не соглашался на подчиненіе ихъ приказу общественнаго призрѣнія. Но Коммиссія, утверждаясь на точномъ смыслѣ Устава 1786 года, взяла сторону приказа и опредѣлила «настоять

[1]) *Сухомлиновъ*, Ист. Рос. Акад., вып. 6, стр. 52.

и требовать», чтобы профессорскіе пансіоны были подчинены общему порядку подвѣдомственности частныхъ школъ. Въ случаѣ же неисполненія этого требованія предписывалось пансіоны закрыть. Чѣмъ окончилось это дѣло, намъ неизвѣстно [1]).

Нѣкоторое представленіе о томъ, въ какомъ положеніи оказались частные пансіоны, подчиненные Коммиссіи, въ самые послѣдніе годы XVIII вѣка, показываютъ слѣдующія собранныя въ 1799—1800 годахъ данныя о числѣ учащихся въ нѣмецкихъ пансіонахъ и домашнихъ школахъ въ отдѣльныхъ городахъ и цѣлыхъ губерніяхъ:

С.-Петербургъ. . . .	649
Москва.	296
Тверская губ. . . .	40
Новороссійская губ. .	21
Тула	21
Саратовъ	17
Пермская губ. . . .	27
Малороссійская губ. .	25
Новгородская губ. . .	22
Симбирскъ.	13
Казань.	11
Итого. .	1.142

Въ особою группу общественныхъ школъ, занявшихъ средину между государственными и частными школами, слѣдуетъ отнести дворянскіе или благородные пансіоны. Краткость и отрывочность свѣдѣній о нихъ, какія поступили въ Коммиссію о народныхъ училищахъ, къ сожалѣнію, не даютъ возможности составить полнаго представленія объ этомъ типѣ школы въ два послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка и объ отношеніи его къ системѣ народныхъ училищъ.

Появленіе благородныхъ пансіоновъ въ эту пору можно объяснять нѣкоторою неудовлетворенностью дворянства народными училищами, какъ школами всесословными и при томъ

[1]) Архивъ Мин. нар. просв., к. 1278, д. 38493.

разсчитанными на интересы, главнымъ образомъ, городского торгово-промышленнаго населенія. Эта неудовлетворенность не переходила, однако, въ общее отрицательное отношеніе къ народнымъ училищамъ. Дворянскія дѣти составляли значительный процентъ учащихся въ нихъ и дворянскія общества дѣлали иногда крупныя пожертвованія на заведеніе народныхъ училищъ. По свѣдѣніямъ Коммиссіи дворянскіе пансіоны данной эпохи, за 1780—1790 годы, были немногочисленны; они упоминаются въ Твери, Рязани, Воронежѣ, Курскѣ, Черниговѣ, Новгородѣ, Казани; число учащихся въ нихъ было очень невелико и рѣдко превышало 50 человѣкъ въ отдѣльныхъ пансіонахъ. Изъ ежегодныхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, подвѣдомственныхъ Коммиссіи, можно извлечь нѣкоторыя цифровыя данныя о дворянскихъ пансіонахъ.

Годы.	Тверь.		Рязань.		Воронежъ.		Курскъ.		Новгородъ.		Черниговъ.		Казань.	
	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.
1788	10	44	4	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1789	10	44	4	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1790—1791 . .	9	44	4	44	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1792	7	18	4	—	11	20	—	—	—	—	—	—	—	—
1793	7	13	4	15	3	20	4	20	—	—	—	—	—	—
1794	8	16	4	16	5	22	5	9	—	—	—	—	—	—
1795	8	51	4	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1796	8	32	4	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1797	8	19	4	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1798	6	18	5	17	—	—	—	—	—	—	5	29	—	—
1799	5	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	11
1800	4	18	5	28	—	—	—	—	2	15	—	—	—	—
1801—1802 . .	3	23	5	20	4	18	3	7 м. 17 ж.	2	15	—	—	—	—

Какъ отнеслось къ дворянскимъ пансіонамъ «главное правительство», Коммиссія о народныхъ училищахъ? Въ апрѣлѣ 1786 года Коммиссія получила описаніе дворянскаго пансіона въ Рязани отъ мѣстнаго губернатора А. А. Волкова, во исполненіе указа 29 января о передачѣ всѣхъ училищъ въ ея вѣ-

дѣніе. Коммиссія опредѣлила оставить Рязанскій пансіонъ на прежнемъ основаніи до открытія главнаго народнаго училища. Но и послѣ открытія послѣдняго дворянскій пансіонъ продолжалъ существовать, и Коммиссія ни по поводу этого пансіона, ни по поводу другихъ не возбуждала принципіальнаго вопроса о цѣлесообразности существованія дворянскихъ пансіоновъ, какъ особаго типа сословной школы. Дѣйствительно, у Коммиссіи не было основаній отрицательно относиться къ дворянскимъ пансіонамъ. Прежде всего, эти пансіоны не были опасными конкуррентами народныхъ училищъ. Затѣмъ они вполнѣ удовлетворяли тѣмъ условіямъ, которыми Коммиссія мѣрила каждую поступавшую въ ея вѣдѣніе школу: въ дворянскіе пансіоны приглашались учителя изъ народныхъ училищъ и преподаваніе велось въ нихъ по нормальнымъ методамъ. Доказательствомъ тому, что между народными училищами и немногочисленными дворянскими пансіонами не возникало принципіальнаго антагонизма, можетъ служить фактъ соединенія пансіона съ училищемъ; такъ въ вѣдомостяхъ за 1800—1801 годы пансіоны въ Новгородѣ и Воронежѣ показаны состоящими при главныхъ народныхъ училищахъ [1]).

Такъ торжество новой системы народнаго образованія достигалось путемъ рѣзкаго, насильственнаго подавленія частной иниціативы, которою поддерживалась древняя традиція школьнаго мастерства въ народной массѣ. Частная школа, въ формѣ иностраннаго пансіона или благороднаго училища, осталась привилегіей высшаго класса.

III.

Другого рода принципіальный вопросъ затронутъ былъ распространеніемъ нормальнаго учебнаго способа на спеціальныя училища—кадетскіе корпуса. Здѣсь предстояло заново пересмотрѣть соотношеніе общаго и профессіональнаго образованія. Когда Коммиссіи о народныхъ училищахъ данъ былъ 22 іюня 1784 года указъ о введеніи въ Сухопутномъ шля-

[1]) Арх. Мин. нар. просв., к. 1268, д. 38460; к. 1281, д. 38519.

хетномъ корпусѣ «образа ученія», существующаго въ народныхъ училищахъ, то изъ полученныхъ Коммиссіей свѣдѣній о состояніи корпуса оказалось, что учебныя занятія въ немъ далеко не соотвѣтствовали установленному 20 лѣтъ тому назадъ учебному плану. Какіе зіяющіе пробѣлы обнаружились въ практическомъ осуществленіи этого плана, показывала сдѣдующая таблица, въ которой обозначены, какіе предметы учебнаго плана и по какимъ причинамъ не преподавались въ тотъ моментъ, когда корпусъ настигнутъ былъ новой реформой:

Возрасты:	*Предметы:*	*Почему не преподаются:*
	Познаніе вѣры.	За слабымъ понятіемъ воспитанниковъ сего возраста.
1-й.	Изъ иностранныхъ языковъ обучаются только французскому.	Уважая малолѣтство воспитанниковъ.
2-й.	Географія, хронологія, исторія, миѳологія, геометрія, славянскій языкъ.	Потому что понятіе воспитанниковъ сего возраста къ обученію сихъ наукъ еще весьма слабое и время употребить нужно было для языковъ.
	Хронологія.	Будетъ показана вмѣстѣ съ исторіей, чтобъ болѣе времени употребить на прочія науки.
3-й.	Исторія.	За недовольнымъ знаніемъ географіи.
	Геометрія.	За неокончаніемъ ариѳметики.
	Латинскій языкъ.	Не оказались къ тому склонны.
	Основанія воинской и гражданской архитектуры.	За незнаніемъ ариѳметики и геометріи.
	Хронологія.	Нужнѣйшее будетъ сопряжено съ исторіею.
4-й.	Основанія воинской и гражданской архитектуры.	За недовольнымъ знаніемъ геометріи.
	Гражданскія науки, генеральная и экспериментальная физика, астрономія, наутика, натуральная исторія, фортификація и артиллерія, химія, философія, живопись, гравированіе, изваяніе, дѣланіе статуй, архитектура.	Оставлены для послѣдующаго возраста.

Возрасты:	*Предметы:*	*Почему не преподаются:*
	Латинскій языкъ.	Желающихъ нѣтъ.
	Архитектура гражданская.	Неизвѣстно почему.
	Всѣ гражданскія науки.	Будутъ по окончаніи исторіи Россійской Имперіи сопряжены съ россійскою статистикой.
5-й.	Астрономія, наутика, натуральная исторія, химія, философія, живопись, гравированіе, изваяніе, дѣланіе статуй.	Неизвѣстно почему.

Такія отступленія отъ установленнаго учебнаго плана, вызываемыя, на взглядъ Коммиссіи, обстоятельствами, большею частью, «маловажными и странными», вели къ явнымъ несообразностямъ. Достигнувъ старшаго возраста, воспитанники только начинали изученіе тѣхъ наукъ, которыя они по нормальному плану должны были бы уже кончать. Многія науки и совсѣмъ исчезали изъ учебнаго оборота, какъ напримѣръ, всѣ «науки гражданскія», введеніе которыхъ въ учебный планъ корпуса было одною изъ главныхъ цѣлей реформы 1766 года. Остающіяся науки преподавались безъ всякаго порядка, по книгамъ, иногда прямо не относившимся къ предмету преподаванія. Въ результатѣ черезъ 9 лѣтъ пребыванія въ корпусѣ кадеты не успѣвали окончить ариеметики, черезъ 12 не пріобрѣтали столькихъ познаній въ геометріи, чтобы начать архитектуру, въ 5-мъ же возрастѣ оказывались обремененными вдругъ такимъ количествомъ наукъ, что, «отчаяваясь успѣть во всѣхъ, ни къ одной, повидимому, затѣмъ не примѣнялись и ни въ одной не успѣвали».

Составленный Коммиссіей новый учебный планъ, поднесенный на утвержденіе императрицѣ при докладѣ Завадовскаго 25 августа 1784 года, исходилъ изъ мысли, что Сухопутному шляхетному корпусу должно быть возвращено старое назначеніе готовить молодежь, по преимуществу, къ военной службѣ. Въ этомъ намѣреніи новый планъ удѣлилъ наибольшее количество времени наукамъ математическимъ, гражданскія же науки возстановлялись въ той соразмѣрности, «сколько знать объ оныхъ нужно человѣку военному». Преподавать граждан-

скія науки въ таковомъ же пространствѣ, какъ и военныя, значило бы, по мнѣнію Коммиссіи, дѣлать изъ корпуса совершенно особаго рода училище. Вовсе исключались изъ стараго учебнаго плана «наутика», какъ предметъ несходственный съ цѣлью сухопутнаго корпуса, химія, которая соединялась съ физикой, и всѣ художества, кромѣ рисованія. Преподаваніе всѣхъ наукъ должно было располагаться такимъ образомъ, чтобы уже въ 1-мъ и 2-мъ возрастахъ ученикамъ сообщались легчайшія понятія о тѣхъ наукахъ, которыя во всей полнотѣ будутъ поставлены въ трехъ старшихъ возрастахъ; съ этою цѣлью предполагалось составить для двухъ младшихъ возрастовъ особыя энциклопедическія руководства. Наконецъ, обращено было вниманіе на методы преподаванія: въ трехъ младшихъ возрастахъ требовалось установить совершенное единообразіе съ народными училищами, въ старшихъ же возрастахъ оставлялась свобода искусству самихъ профессоровъ съ тѣмъ, однако, чтобы соблюдалась необходимая систематичность и чтобы преподаваніе не ограничивалось чтеніемъ лекцій, какъ въ университетѣ, но чтобы разспросами и разговорами ученики доводились до точнаго и яснаго понятія о преподаваемомъ [1]).

Съ новымъ планомъ, подписаннымъ Завадовскимъ, Пастуховымъ и директоромъ корпуса генераломъ Дебальменомъ,

---

[1]) Для наглядности приведемъ новый учебный планъ корпуса въ таблицѣ:

1-ый возрастъ.		*2-ой возрастъ.*	
Русская грамматика и катехизисъ.	6 ч.	Продолженіе рос. чтенія, катехизиса и грамматики съ переводами	5 ч.
Ариѳметика на русскомъ языкѣ.	2 „	Ариѳметика и геометрія на рус. языкѣ	3 „
Французская грамматика	4 „	Французская грамматика	4 „
Нѣмецкая грамматика	4 „	Нѣмецкая грамматика	4 „
Латинскій языкъ	4 „	Латинскій языкъ	4 „
Письмо русское	3 „	Письмо русское	3 „
Рисованіе	4 „	Письмо иностранное	3 „
		Рисованіе	4 „
Всего	27 ч.	Всего	30 ч.

не согласился академикъ Эпинусъ, представившій особое мнѣніе по этому предмету. Эпинусъ справедливо указывалъ, что новый планъ все же страдалъ двойственностью стараго, что въ немъ недостаточно оттѣнено первенство военныхъ наукъ надъ гражданскими и что преслѣдованіе одновременно двухъ цѣлей мѣшаетъ овладѣть, какъ слѣдуетъ, каждой изъ нихъ. Эпинусъ предлагалъ устроить нѣкоторымъ образомъ бифуркацію курса корпуса. Въ трехъ младшихъ возрастахъ, по его мнѣнію, надлежало обучать всему тому, что одинаково будетъ

3-ій возрастъ.

Толкованіе евангелій, катехизисъ, св. исторія	3 ч.
Грамматика россійск. и сочиненія	4 „
Французская грамматика	4 „
Нѣмецкая грамматика	4 „
Латинскій языкъ	4 „
Исторія и географія	4 „
Математика	5 „
Рисованіе	4 „
Всего	32 ч.

4-ый возрастъ.

Упражненія въ рос. слогѣ	2 ч.
Повтореніе исторіи и географіи и вновь статист. исторія, полиц. наука и госуд. экономія.	6 „
Продолженіе математики, начало естеств. исторіи и физики.	6 „
Французскій слогъ	2 „
Нѣмецкій слогъ.	2 „
Повтореніе математики на франц. языкѣ	3 „
Тоже на нѣмецкомъ языкѣ	3 „
Латинскій языкъ	2 „
Логика, право естествен., всенародное и проч. гражд. науки.	2 „
Рисованіе	2 „
Всего.	30 ч.

5-ый возрастъ.

Упражненія въ рос. слогѣ	2 ч.
Повтореніе исторіи и географіи и вновь статист. исторія, полиц. наука и госуд. экономія	4 „
Окончаніе математики, начало естеств. исторіи и физики	8 „
Французскій слогъ	2 „
Нѣмецкій слогъ	2 „
Повтореніе математики на франц. яз.	4 „
Тоже на нѣмецкомъ языкѣ.	4 „
Латинскій языкъ.	2 ч.
Логика, право естествен., всенародное и проч. гражд. науки	2 „
Рисованіе.	2 „
Всего	32 ч.

пригодно для избирающихъ какъ военную, такъ и гражданскую службу. Съ 4-го возраста кадеты раздѣляются на двѣ категоріи. Одна, избирающая военную карьеру, лишь въ минимальномъ объемѣ изучаетъ гражданскія науки, но за то сосредоточивается на такихъ наукахъ, какъ алгебра, коническія сѣченія, артиллерія, фортификація, механика, гидравлика, гидростатика и тому подобное. Эпинусъ настаивалъ на подробной разработкѣ плана этихъ наукъ, что́ совершенно обойдено было въ новомъ планѣ Коммиссіи. Другая категорія кадетъ, готовящаяся къ гражданской службѣ, освобождалась въ планѣ Эпинуса отъ военныхъ наукъ и обращалась на обширное поле наукъ политическихъ и юридическихъ. Латинскій языкъ оставался обязательнымъ только для воспитанниковъ этой послѣдней категоріи.

Повидимому, выработанный Коммиссіею новый учебный планъ Сухопутнаго шляхетнаго корпуса не былъ утвержденъ императрицей; по крайней мѣрѣ, не сохранилось извѣстій объ его примѣненіи въ корпусѣ, и послѣдній продолжалъ управляться Уставомъ 1766 года до начала царствованія Александра I, когда въ связи съ новымъ пересмотромъ всей системы народнаго просвѣщенія былъ опять поставленъ на очередь и вопросъ о военномъ образованіи. Слѣдуетъ только отмѣтить, что въ директорство знаменитаго впослѣдствіи М. И. Голенищева-Кутузова (1794—1797 гг.) въ корпусѣ произведены были нѣкоторыя частныя, но характерныя перемѣны: въ 1797 году воспитанники были вновь раздѣлены по военному образцу, вмѣсто возрастовъ, на роты: гренадерскую, четыре мушкатерскія и малолѣтнее отдѣленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе военныхъ наукъ усилено было учрежденіемъ класса тактики не только для кадетъ, но и для офицеровъ [1]).

Съ большею опредѣленностью задумана была реформа Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса. Въ 1783 году Коммиссіи о народныхъ училищахъ повелѣно было разсмотрѣть

---

[1]) Арх. Мин. народн. просв., к. 1278 д. 38489. *Бар. Н. В. Дризенъ*, Нов. документъ по исторіи военно-учеб. завед., „Педаг. Сборн.“, 1895 г. т. II, стр. 625. *Висковатовъ*, Краткая Исторія 1-го кадетскаго корпуса. стр. 50—51.

проектъ директора корпуса генералъ-поручика Мелиссино и «согласить планъ ученія сего корпуса съ утвержденнымъ отъ Ея Величества вообще для училищъ». Докладчикомъ по этому дѣлу былъ Ѳ. И. Янковичъ, и въ началѣ сентября того же года Коммиссія представила на утвержденіе императрицы свое заключеніе, въ общемъ согласное съ проектомъ Мелиссино. Основной тенденціей Коммиссіи было согласовать организацію Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса съ его прямымъ, спеціальнымъ назначеніемъ. Съ этою цѣлью предполагалось сохранивъ временно дѣленіе кадетъ на три возраста, два младшіе содержать «до распространенія народныхъ училищъ», а затѣмъ ихъ закрыть, третій же возрастъ превратить въ спеціальную школу, готовящую геометровъ, инженеровъ и артиллеристовъ, и въ эту школу должна поступать молодежь уже изъ общихъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія находила нужнымъ упразднить роту солдатскихъ дѣтей, состоявшую при корпусѣ, и вмѣсто нея учредить другую роту изъ благородныхъ дѣтей, но съ тѣмъ, чтобы обѣ роты отличались «токмо по личнымъ достоинствамъ и успѣхамъ самихъ кадетовъ, а не по дворянству ихъ». Затѣмъ, конечно, въ методахъ преподаванія, правилахъ воспитанія, пріемѣ учителей рекомендовалось слѣдовать примѣру народныхъ училищъ. Въ 1784 году новый планъ корпуса былъ утвержденъ императрицей. Два младшіе возраста не были упразднены, но остались въ видѣ общеобразовательной школы, соотвѣтствовавшей по курсу главному народному училищу; курсъ третьяго возраста сосредоточивался преимущественно на спеціальныхъ предметахъ: математикѣ, фортификаціи, артиллеріи, тактикѣ; нѣкоторыя изъ этихъ наукъ положено было преподавать не только на русскомъ, но также на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, руководствуясь притомъ «нормальнымъ» методомъ. Солдатская рота, въ видѣ школы художествъ и ремеслъ, была сохранена и даже увеличено количество преподаваемыхъ въ ней ремеслъ [1]).

---

[1]) Арх. Мин. народн. просв., к. 1265, д. 38455. П. С. З. № 15934. Историческій Обзоръ 2-го Кадетскаго Корпуса. 1712—1912. Стр. 75—83.

Итакъ, въ исторіи тѣхъ проектовъ преобразованія спеціальныхъ военныхъ шляхетскихъ школъ, которые прошли черезъ Коммиссію о народныхъ училищахъ, обозначался новый поворотъ въ развитіи военнаго образованія и въ его отношеніи къ образованію общему. Пора увлеченія воспитательными цѣлями и смѣшенія задачъ общаго и профессіональнаго образованія теперь, видимо, проходила и требовалось болѣе точное разграниченіе того и другого. Можно подмѣтить перемѣну и во взглядѣ самой императрицы. Если въ 1760-хъ годахъ она вполнѣ раздѣляла мнѣніе, что кадетскій корпусъ долженъ готовить ко всякаго рода дѣятельности какъ военной, такъ и гражданской, то теперь, въ концѣ царствованія, она указываетъ кадетскимъ корпусамъ преимущественно одну цѣль—«военное ремесло». Въ 1791 году особой Коммиссіи, образованной для разсмотрѣнія нуждъ Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса, внушено было «не вводить никакихъ излишностей, которыя болѣе вредны, нежели полезны для юношества, приготовляемаго и образуемаго для военнаго ремесла» [1]).

IV.

Послѣдовательное и всестороннее осуществленіе «единообразія» учебной системы должно было выдвинуть также вопросъ о распространеніи общегосударственной системы просвѣщенія на окраины, гдѣ преобладали не русскія народности или гдѣ господствовала не русская культура. Этотъ вопросъ, ставшій впослѣдствіи, въ XIX вѣкѣ, однимъ изъ самыхъ трудныхъ и боевыхъ вопросовъ политики народнаго просвѣщенія, въ данную эпоху намѣчался еще въ очень элементарной формѣ и не вызывалъ ни теоретически, ни практически особенно серьезныхъ осложненій.

Ни въ планахъ, предшествующихъ Уставу 1786 года, ни въ самомъ Уставѣ вопросъ о новой системѣ народныхъ училищъ, какъ единой общегосударственной, прямо не ставился.

---

[1]) *Лалаевъ*, Историч. очеркъ военно-учебн. заведеній, стр. 72—73.

Но уже въ черновыхъ запискахъ императрицы Екатерины мы видимъ сознаніе необходимости считаться въ окраинныхъ областяхъ съ мѣстными культурными потребностями. Такъ, перечисляя предметы преподаванія въ среднихъ школахъ, императрица вводитъ нѣмецкій языкъ въ губерніяхъ, граничащихъ «съ провинціями, кои правятся нѣмецкимъ языкомъ», латинскій—въ губерніяхъ, кои граничатъ съ Польшею, татарскій—въ губерніяхъ, которыя граничатъ съ татарскими народами. Уставъ 1786 года (§ 11) довольно неопредѣленно говорилъ объ изученіи въ главныхъ училищахъ того иностраннаго языка, «какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе по употребленію его въ общежитіи».

Итакъ, общій законъ не поставилъ прямо вопроса первостепенной важности, должна ли новая система образованія распространяться на иноплеменныя окраины и если да, то какія видоизмѣненія, согласно съ мѣстными условіями, должны быть въ нее вносимы. Этотъ вопросъ возникъ уже изъ практики по мѣрѣ распространенія сѣти народныхъ училищъ. Въ составъ послѣдней очереди 14-ти губерній, на которыя по высочайшему повелѣнію 3 ноября 1788 года должна была распространиться система народныхъ училищъ, входилъ рядъ окраинныхъ губерній: Выборгская, Рижская, Ревельская, Полоцкая, Могилевская, Кіевская, Кавказская, Колыванская, Тобольская, Иркутская [1]).

Введеніе народныхъ училищъ въ прибалтійскомъ краѣ рѣшено было еще указомъ 4 февраля 1785 года мѣстному генералъ-губернатору графу Ю. Ю. Броуну—о приготовленіи помѣщеній для народныхъ училищъ Рижской губерніи, къ «размноженію въ тамошнемъ краѣ необходимаго знанія россійскаго языка». Такъ опредѣлена была руководящая точка зрѣнія при распространеніи новой системы просвѣщенія на прибалтійскую окраину. Въ самомъ концѣ 1788 года въ Ригу и Ревель отправлены были Коммиссіей изъ Петербурга нѣсколько человѣкъ учителей и запасъ учебныхъ книгъ, а гене-

[1]) „Сборн. матер. по исторіи просв.“, изд. Мин. нар. пр., т. I, №№ 7—8.

ралъ-губернаторомъ графомъ Броуномъ предложено было мѣстнымъ приказамъ общественнаго призрѣнія принять мѣры къ открытію главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ. Въ февралѣ 1789 года въ Ригѣ было уже открыто главное россійское училище, наименованное Екатерининскимъ, и лѣтомъ того же года въ немъ происходило первое публичное испытаніе. Открытіе главнаго училища въ Ревелѣ затруднялось, по сообщенію губернатора А. И. Врангеля, военными обстоятельствами по случаю войны съ Швеціей. Въ 1790 году рижскій приказъ общественнаго призрѣнія, «обращая особое вниманіе на обученіе россійскому языку», требовалъ отъ Коммиссіи присылки большого количества учебныхъ пособій.

По сообщенію губернаторовъ—рижскаго А. А. Беклешова и ревельскаго А. И. Врангеля—мѣстные приказы общественнаго призрѣнія старались распространить новый учебный порядокъ и на нѣмецкія школы, существовавшія на средства общества, городскихъ управленій и частныхъ лицъ, при чемъ преподаваніе въ этихъ школахъ велось по книгамъ, изданнымъ Коммиссіей о народныхъ училищахъ и переведеннымъ на нѣмецкій языкъ. Отвѣчая на запросъ Беклешова о порядкѣ отчетности по всѣмъ вообще училищамъ прибалтійскаго края, Коммиссія въ мартѣ 1789 года установила, что отчеты о нѣмецкихъ школахъ должны быть доставляемы въ Управу нѣмецкихъ училищъ, а о русскихъ народныхъ училищахъ, «коихъ, вѣроятно, будетъ не много», непосредственно въ Коммиссію.

Какъ правильно предвидѣла Коммиссія, русскія народныя училища по Уставу 1786 года въ прибалтійскомъ краѣ распространенія не получили. Съ 1789 года до новой общей реформы по Уставамъ 1804 года въ Ригѣ и Ревелѣ оставалось по одному главному училищу, въ которыхъ число учениковъ никогда не достигало сотни.

Сохранились свѣдѣнія о соціальномъ составѣ учащихся въ обоихъ училищахъ за 1799—1802 годы. Приводимъ эти свѣдѣнія въ слѣдующихъ таблицахъ (стр. 630).

Нѣсколько большій успѣхъ имѣли народныя училища въ русской Финляндіи, въ Выборгскомъ намѣстничествѣ. Уже въ 1789 году въ Выборгѣ дѣйствовало главное народное учи-

Ревельское главное училище.

	1799 годъ.		1800 годъ.		1801 годъ.		1802 годъ.	
	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.
Дворянскіе . . .	14	20	—	—	—	—	—	—
Офицерскіе . . .	—	—	21	15	22	31	—	31
Церковные . . .	2	3	—	—	—	—	—	—
Приказные . . .	5	16	4	—	—	2	—	2
Купеческіе . . .	3	2	3	4	5	7	—	8
Мѣщанскіе . . .	18	18	9	7	7	8	11	—
Солдатскіе . . .	27	23	24	28	17	22	—	20
Крестьянскіе . .	—	—	—	—	6	5	—	9
Рижское главное училище.								
Дворянскіе . . .	9	7	15	—	15	15	—	13
Духовные . . .	—	—	—	—	1	—	—	—
Приказные . . .	—	2	2	—	11	—	—	5
Купеческіе . . .	16	18	15	—	15	20	—	13
Мѣщанскіе . . .	37	26	30	—	34	31	—	27
Солдатскіе . . .	6	5	6	—	9	3	—	16

лище, а въ городахъ Фридрихсгамѣ, Вильманстрандѣ, Кексгольмѣ, Сердоболѣ, Нейшлотѣ—малыя училища. О состояніи всѣхъ этихъ училищъ могутъ дать представленіе цифры учителей и учениковъ за 1789 и 1802 годы:

	1789 г.		1802 г.	
	Учителя.	Ученики.	Учителя.	Ученики.
Выборг.	8	106	11	88 муж. 60 жен.
Фридрихсг. . . .	3	31	4	37 » — »
Вильманстр. . . .	2	48	1	15 » 15 »
Кексгольмъ. . . .	2	19	2	29 » 19 »
Сердобольск. . . .	1	—	2	11 » 5 »
Нейшлот.	1	—	2	21 » 2 »

О составѣ учащихся въ русскихъ народныхъ училищахъ въ Выборгскомъ намѣстничествѣ имѣемъ свѣдѣнія за три года—1799—1801-й, при чемъ за 1799 и 1801 годы цифры относятся лишь къ первому полугодію, а за 1800 г. показаны безъ раздѣленія на полугодія:

	Дворян.			Церковн.			Приказн.			Купечес.			Мѣщан.			Солдат.		
	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.	1799.	1800.	1801.
Выборг. . .	23	28	25	10	10	2	31	37	27	28	29	31	33	42	34	2	7	19
Фридрихсг. .	—	3	1	3	2	—	9	5	8	12	4	9	8	3	12	—	3	7
Вильманстр.	3	3	4	1	1	5	8	8	10	1	1	3	1	1	4	1	—	4
Кексгольм. .	6	14	3	3	4	—	11	3	6	2	5	9	16	14	18	5	1	12
Сердобольск.	4	2	—	—	3	2	2	—	3	4	3	2	3	7	8	3	1	1
Нейшлот. .	1	2	—	1	3	1	5	4	6	3	7	4	3	4	3	1	1	9

Такъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ русскія народныя училища по Уставу 1786 года заняли очень скромное мѣсто, и просвѣтительное ихъ вліяніе надо признать довольно ограниченнымъ. Господствующее положеніе осталось за нѣмецкими школами, содержимыми на средства разныхъ мѣстныхъ сословныхъ обществъ и корпорацій. Лифляндскій губернаторъ А. А. Беклешовъ въ 1789 году доносилъ Коммиссіи о существованіи 5 нѣмецкихъ школъ, приравненныхъ имъ къ главнымъ народнымъ, и о «достаточномъ» числѣ малыхъ нѣмецкихъ школъ въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ [1]). По свѣдѣніямъ 1802 года въ Лифляндіи, кромѣ университета, насчитывалось 9 нѣмецкихъ училищъ въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія и 13 въ вѣдѣніи и на иждивеніи городскихъ магистратовъ. Въ Эстляндской губерніи, по свѣдѣніямъ за тотъ же годъ, находилось подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія 4 среднихъ и низшихъ училища и подъ вѣдѣніемъ городскихъ магистратовъ 8 училищъ разныхъ типовъ. Въ Курляндской губерніи тогда насчитывалось 15 нѣмецкихъ школъ, большихъ и малыхъ. Какъ видно изъ письма А. А. Беклешова къ Завадовскому отъ 24 февраля 1789 года, прибалтійскіе приказы общественнаго призрѣнія принимали мѣры къ распространенію и на нѣмецкія училища «нормальнаго» учебнаго строя. Насколько дѣйствительны были эти мѣры и какой успѣхъ онѣ имѣли, остается неизвѣстнымъ [2]).

Итакъ, можно признать, что распространеніе новой системы

---

[1]) Арх. Мин. народн. просв., к. 1291, д. 38579; к. 1268, д. 38460.
[2]) Арх. Мин. народн. просв., к. 727, д. 34669.

образованія на прибалтійскую окраину не встрѣчало какихъ либо принципіальныхъ, съ государственной точки зрѣнія, осложненій и не вызывало столкновенія мѣстныхъ интересовъ съ государственными цѣлями. Учрежденіе русскихъ народныхъ училищъ не имѣло цѣлью борьбы съ господствующей нѣмецкой образованностью. Передача нѣмецкихъ школъ въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія и подъ надзоръ петербургской нѣмецкой управы, распространеніе на нихъ «нормальныхъ» порядковъ, если только оно дѣйствительно производилось, не носило характера политической и культурной борьбы, какая возникла позднѣе, въ слѣдующемъ столѣтіи.

Съ условіями совершенно исключительными должна была встрѣтиться учебная система по Уставу 1786 года въ западныхъ областяхъ, отошедшихъ отъ Польши. Какъ разъ въ годы раздѣловъ, въ Польшѣ предпринята была коренная реформа народнаго просвѣщенія, весьма ярко отразившая на себѣ нѣкоторыя черты того обще-европейскаго просвѣтительнаго движенія, продуктомъ котораго явилась и наша система народныхъ училищъ. Постановленіемъ Варшавскаго сейма въ 1775 году была учреждена Эдукаціонная коммиссія подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа князя Масальскаго, и въ ея вѣдѣніе переданы всѣ безъ исключенія свѣтскія и духовныя школы въ государствѣ, раздѣленныя на десять отдѣловъ или округовъ: шесть въ «Коронѣ» и четыре въ Литвѣ; во главѣ первыхъ стояла Краковская главная школа, во главѣ вторыхъ—Виленская. Въ 1783 году Эдукаціонной Коммиссіей были выработаны и изданы уставы, обнимавшіе въ совокупности цѣльную систему народнаго просвѣщенія: за главными школами или университетами слѣдовали училища окружныя, подокружныя и парафіальныя, дѣлившіяся на большія и малыя. Вся эта іерархія школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ связывалась въ единую систему и въ административномъ отношеніи: главныя школы, находившіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи Эдукаціонной коммиссіи, управляли окружными и подокружными училищами; начальства окружныхъ школъ завѣдывали школами парафіальными. Для подготовки учителей была учреждена семинарія кандидатовъ, и въ 1776 году было

основано общество для изданія учебниковъ, такъ какъ Эдукаціонная коммиссія рѣшительно отвергала учебную систему, господствовавшую въ школахъ, содержимыхъ разными монашескими орденами [1]).

Ясно выступаютъ въ этой широкой реформѣ народнаго просвѣщенія уже хорошо знакомыя намъ черты, роднящія ее съ аналогичными реформами той же эпохи въ другихъ странахъ, между прочимъ, и съ нашей русской реформой. Лихорадочное возбужденіе, въ атмосферѣ котораго создавалась эта реформа, побуждало облечь ее въ отчетливо опредѣленныя, рѣзкія формы. Изъятіе народнаго образованія изъ рукъ духовныхъ орденовъ и сосредоточеніе его въ рукахъ государства; соединеніе всѣхъ степеней образованія и типовъ школъ въ одну, цѣльную систему; опредѣленіе цѣли народнаго образованія въ національно-государственныхъ интересахъ; установленіе единства учебныхъ средствъ и учебнаго метода,— все это наиболѣе яркіе принципы просвѣтительнаго движенія XVIII вѣка, ложившіеся въ основаніе всѣхъ крупныхъ школьныхъ реформъ того времени.

Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка практическихъ результатовъ, какихъ достигла польская школьная реформа въ эпоху Эдукаціонной Коммиссіи. Наша цѣль въ данномъ случаѣ — показать только тѣ принципіальные вопросы, какіе впервые возникли для нашей политики народнаго просвѣщенія въ присоединенныхъ отъ Польши западно-русскихъ областяхъ, когда въ нихъ встрѣтились двѣ учебныхъ реформы, во многихъ отношеніяхъ родственныя между собою.

Еще до изданія Устава 1786 года были приняты мѣры для распространенія «нормальной» учебной системы на духов-

---

[1]) *J. Lukaszewicz*, Historia szkol w koronie u w wielkiem księçstwie litewskiem. II (Poznan, 1850), epoka V. *Е. Крыжановскій*, Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ, „Кіевская Старина“ 1882 г., февраль, мартъ. Статья *А. Погодина* во введеніи къ „Сборнику матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, изд. Мин. народн. просв, т. IV, вып. 1-й, „Историч. Обзоръ дѣятельности Виленскаго Учебнаго Округа“. 1803—1903. Часть I, стр. 15—70. *A. Karbowiak*, System dydaktyczno—pedagogiczny Komisyi Edukacyi narodowej („Przegląd Historyczny“, 1905, t. I, 2).

ныя училища западныхъ губерній. Именнымъ указомъ 15 мая 1785 года повелѣно было Синоду ввести въ семинаріи при епископѣ-коадъюторѣ Кіевской митрополіи «образъ, для всѣхъ училищъ въ Имперіи узаконенный». Этотъ указъ, повидимому, былъ сообщенъ епархіальнымъ архіереямъ въ видѣ общей мѣры, и въ Петербургъ были присланы для подготовки къ учительскому званію, между прочимъ, воспитанники Смоленской и Могилевской семинаріи. Въ 1786 году, въ іюнѣ, кіевскій митрополитъ Самуилъ, запрашивая П. В. Завадовскаго объ устроеніи главнаго народнаго училища при Кіевской академіи, выражалъ свою радость, что «студенты и ученики оной (академіи) могутъ удобно заимствовать образъ ученія, въ народныхъ училищахъ преподаваемаго, коему сообразоваться и всѣмъ духовнымъ училищамъ предписано». Не отказывалось вводить нормальную систему въ свои училища и римско-католическое духовенство. Въ августѣ 1786 года могилевскій католическій архіепископъ Сестренцевичъ прислалъ въ Коммиссію о народныхъ училищахъ краткое сообщеніе о ревизіи іезуитскихъ и піарскихъ школъ, при чемъ упоминалъ, что «во всѣхъ оныхъ училищахъ заводится образъ ученія по нормальнымъ правиламъ» [1]).

Въ число 14-ти губерній второй очереди, въ которыхъ по указу 3 ноября 1788 года слѣдовало открыть главныя народныя училища, были включены губерніи Полоцкая, Могилевская и Кіевская, и въ слѣдующемъ году училища здѣсь дѣйствительно были открыты; черезъ 2 года появились въ Могилевской губерніи малыя училища, а въ 1794 году открылось главное училище въ Витебскѣ. Сообщая могилевскому и полоцкому генералъ-губернатору Пассеку нѣкоторыя указанія относительно открытія народныхъ училищъ, П. В. Завадовскій обращалъ его вниманіе, между прочимъ, на необходимость на мѣстахъ людей искусныхъ для преподаванія «сосѣдственнаго», т. е. польскаго языка; латинскій же должны были преподавать ожидаемые отъ Коммиссіи учителя [2]).

---

[1]) „Сборникъ матеріаловъ по исторіи просвѣщенія“, изд. Мин. народн. просв., т. I, №№ 2, 4, 5, 6,

[2]) Ibid., № 9. 12, 15, 23, 26.

Процвѣтаніе первыхъ народныхъ училищъ въ западныхъ губерніяхъ затруднялось, главнымъ образомъ, недостаткомъ денежныхъ средствъ, которыхъ не отпускали въ полной мѣрѣ городскія думы, а также конкурренціей іезуитскихъ училищъ, какъ это было, напримѣръ, въ Полоцкѣ. Въ 1797 году могилевское и полоцкое намѣстничества были слиты въ одну Бѣлорусскую губернію съ Витебскомъ во главѣ, послѣ чего Полоцкое училище было превращено въ малое, Могилевское же, по настоянію Коммиссіи, оставлено на прежней степени главнаго. Въ 1798 году бѣлорусскій губернаторъ возбудилъ было вопросъ о превращеніи и Витебскаго училища въ малое вслѣдствіе крайне малаго числа учениковъ въ старшихъ классахъ: въ III-мъ было только 2, въ IV-мъ ни одного. Причиною тому была, по словамъ губернатора, «общая всѣхъ здѣшнихъ обывателей къ религіи унитскаго закона приверженность», въ противоположность Могилеву, гдѣ «всѣ почти обыватели—благочестивые, пекутся о воспитаніи дѣтей своихъ, отдавая охотно для ученія въ состоящія тамъ училища». Коммиссія рѣзко отклонила это представленіе, и въ Бѣлорусской губерніи остались два главныхъ училища [1]).

Въ Кіевской губерніи главное училище, открытое въ 1789 году при Академіи, сразу пріобрѣло значительное число учениковъ: въ первый годъ ихъ было 76 и въ слѣдующемъ 250. Но затѣмъ это число начинаетъ быстро убывать и въ 1795 году падаетъ до 57; черезъ годъ начинается повышеніе и въ 1802 году Кіевское училище имѣетъ 194 учащихся обоего пола (154+40) [2]).

Малыя народныя училища по Уставу 1786 года, кажется, совсѣмъ не открывались въ Кіевской губерніи. Показанныя въ вѣдомостяхъ за 1797—1799 годы малыя школы въ Каневѣ, Умани и Махновкѣ принадлежали къ числу монастырскихъ базиліанскихъ школъ, получавшихъ пособія отъ приказовъ общественнаго призрѣнія.

Такъ въ западныхъ губерніяхъ, отошедшихъ къ Россіи до

---

[1]) Ibid., №№ 31, 32, 33, 35.
[2]) Ibid., №№ 15, 17, 21, 63.

реформъ Эдукаціонной Коммиссіи, русскія народныя училища не получили широкаго распространенія. Къ общимъ причинамъ, тормозившимъ ихъ успѣхъ и дѣйствовавшимъ въ центральной Россіи, здѣсь, въ западномъ краѣ, присоединились и мѣстныя: конкурренція со стороны многочисленныхъ монашескихъ училищъ, нѣкоторая предубѣжденность инославнаго населенія, католическаго и уніатскаго, противъ новыхъ русскихъ училищъ. Съ другой стороны, введеніе новой системы образованія по Уставу 1786 года не посягало на самостоятельность дѣйствовавшей здѣсь польско-католической системы образованія и не колебало авторитета духовныхъ корпорацій, державшихъ въ своихъ рукахъ учебное дѣло.

Принципіальный вопросъ о единствѣ учебной системы на западной окраинѣ возникъ уже послѣ окончательнаго раздѣла Польши, когда къ Россіи отошли области, въ которыхъ дѣйствовали, болѣе или менѣе полно, уставы Эдукаціонной Коммиссіи.

Съ введеніемъ во вновь присоединенныхъ областяхъ русскаго управленія, и школы, состоявшія въ вѣдѣніи польской Эдукаціонной Коммиссіи, были непосредственно подчинены мѣстнымъ властямъ, генералъ-губернаторамъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, а также приказамъ общественнаго призрѣнія. Общее представленіе о наслѣдіи, оставленномъ Эдукаціонной Коммиссіей въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ, даютъ слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ 1800—1801 году. Во всѣхъ четырехъ губерніяхъ (Литовской, Подольской, Волынской, Минской), кромѣ Виленскаго университета, насчитывалось 45 училищъ съ пансіонами и конвиктами, профессоровъ и учителей 228, учениковъ 5.147. Изъ числа послѣднихъ 3.996 человѣкъ принадлежали къ дворянскому сословію и 1.151 были изъ духовныхъ, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ [1]). Первыми же инструкціями, обращавшими вниманіе мѣстныхъ властей на польскія училища, опредѣлилось безусловно отрицательное отношеніе правительства къ постановкѣ учебнаго дѣла подъ эгидою Эдукаціонной Коммиссіи.

---

[1]) Ibidem, ст. 380—381.

Вотъ что читаемъ, между прочимъ, въ высочайшемъ указѣ 30 сентября 1794 года на имя лифляндскаго, эстляндскаго и литовскаго генералъ-губернатора князя Репнина о порядкѣ управленія великимъ княжествомъ Литовскимъ: «воспитаніе юношества по важности своей да обратитъ на себя вниманіе нашихъ властей, дабы впредь основывалось оное на повиновеніи Божьему и гражданскому законамъ; и какъ извѣстно, что Виленская академія, а паче школы піаристовъ, неистовыми, богопротивными и для всего рода человѣческаго пагубными вліяніями литовское юношество заражали, то съ глубочайшею прозорливостью надлежитъ испытывать сіи вредныя училища и проистекающее отъ нихъ зло въ самомъ источникѣ изыскать и искоренить, къ чему всякія старанія и способы употреблять имѣете» [1]).

Репнинъ не замедлилъ принять рядъ весьма рѣшительныхъ мѣръ по училищамъ Литовской и Гродненской губерніи: собственною властью произвелъ существенныя перемѣны въ учебномъ строѣ Виленскаго университета, составилъ для него новый штатъ и изъялъ изъ вѣдѣнія университета всѣ провинціальныя школы, подчиненныя ему по уставу Эдукаціонной Коммиссіи. Такъ какъ въ Литовской и Гродненской губерніяхъ не были учреждены приказы общественнаго призрѣнія, то для наблюденія за училищами кн. Репнинъ устроилъ особую Коммиссію. Наконецъ, въ 1797 году, «по распоряженіямъ губернскаго начальства», въ Литовской губерніи открыто было 12 новыхъ повѣтовыхъ школъ, въ составѣ 3—6 классовъ, на основаніяхъ, установленныхъ Эдукаціонной Коммиссіей, и преподаваніе въ нихъ поручено разнымъ монашескимъ орденамъ: францисканамъ, доминиканамъ, винценціанамъ, базиліанамъ, бернардинамъ, кармелитамъ [2]).

Въ остальныхъ новоприсоединенныхъ губерніяхъ, Минской, Волынской и Подольской, существовавшія тамъ подъ вѣдѣніемъ Эдукаціонной Коммиссіи училища перешли теперь въ вѣдѣніе мѣстныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, между

---

[1]) П. С. З., № 17264, п. 11.
[2]) „Сборникъ“, ст. 221 и слѣд., 530 и слѣд.

которыми распредѣлены были, по указу 1 августа 1797 года, поіезуитскіе доходы, опредѣленные на содержаніе школъ. Приказы, естественно, не могли предпринять коренного измѣненія учебныхъ порядковъ, установленныхъ Эдукаціонной Коммиссіей, и ограничились введеніемъ въ польскихъ училищахъ преподаванія русскаго языка, дотолѣ тамъ отсутствовавшаго. Эдукаціонная Коммиссія, установивъ въ своихъ школахъ, кромѣ латинскаго, преподаваніе одного иностраннаго сосѣдственнаго языка, рекомендовала нѣмецкій [1]).

Петербургская Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, съ конца 1780-хъ годовъ быстро терявшая свой авторитетъ, какъ «главнаго училищнаго правительства», занялась вопросомъ о народномъ образованіи въ новоприсоединенныхъ отъ Польши областяхъ лишь въ 1800 году, когда Сенатъ потребовалъ отъ нея отчета о состоящихъ въ ея вѣдѣніи школахъ. До этого времени наша Коммиссія, кажется, вовсе не была знакома ни съ уставами Эдукаціонной Коммиссіи, ни съ изданными послѣднею учебными руководствами. Получивъ этотъ матеріалъ, Коммиссія въ ноябрѣ 1801 года высказала свое мнѣніе объ учебномъ строѣ, установленномъ Эдукаціонной Коммиссіей, мнѣніе, которое можно разсматривать, какъ первый опытъ русской правительственной программы по вопросу о народномъ просвѣщеніи на западной окраинѣ [2]).

Основною цѣлью правительства, по мнѣнію Коммиссіи, должно быть «приведеніе присоединенной Польши въ тѣсный союзъ съ Россіею», а лучшее средство къ достиженію этой цѣли—«заведеніе въ училищахъ нѣкоторыхъ классовъ на языкѣ россійскомъ». Коммиссія ссылалась при этомъ на примѣръ Австріи, которая въ доставшихся на ея долю польскихъ провинціяхъ успѣла уже учредить нормальныя училища на языкѣ нѣмецкомъ; предполагалось, что и Пруссія приметъ подобныя же мѣры. Россія въ данномъ вопросѣ находилась въ болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ «ея языкъ съ польскимъ

---

[1]) Ibidem., ст. 358.

[2]) Вызвавъ директора училищъ Подольской губерніи Я. Машковскаго, Коммиссія требовала отъ него, между прочимъ, мнѣнія, какъ бы польскія училища „учредить сходственно россійскимъ сего рода заведеніямъ“. Ibidem., № 38, 39, 49, 43, 51, 53.

почти одинъ». Но къ введенію русскаго языка, «преподаваемаго доселѣ лишь въ нѣкоторыхъ польскихъ училищахъ, и то безуспѣшно, слѣдовало приступить, по словамъ Коммиссіи, «съ великимъ благоразуміемъ и осторожностью: вѣра, характеръ и образъ мысли тамошняго края требовали того необходимо».

Противъ общей схемы училищъ, установленной Эдукаціонной Коммиссіей, наша Коммиссія не нашла принципіальныхъ возраженій. Она отмѣтила только, что предположенныя 22-й статьей устава Эдукаціонной Коммиссіи низшія школы (такъ называемыя парафіальныя) нигдѣ не были учреждены, и, такимъ образомъ, система польскихъ училищъ лишена была необходимаго базиса: всѣ эти училища принадлежали къ типу среднихъ, начальное же образованіе поддерживалось домашними средствами.

Но самый острый вопросъ возникъ при разсмотрѣніи учебной литературы, по которой велось преподаваніе въ польскихъ училищахъ. Обративъ особенное вниманіе на книги историческія и «толкующія о правахъ», наша Коммиссія нашла, что онѣ весьма вредны и мѣстами заключаютъ правила, «монархическому образу правленія совсѣмъ противныя». Такими вредными книгами были признаны нѣкоторые учебники по исторіи, руководство къ краснорѣчію и сочиненіе ректора Виленскаго университета Стройновскаго «О наукѣ правъ»; въ этомъ трудѣ Коммиссія признала недопустимымъ тезисъ, что законодательная власть «есть въ народѣ, отъ народа и для народа». Наконецъ, въ книгахъ по математикѣ и физикѣ ничего предосудительнаго найдено не было.

Какъ и слѣдовало ожидать, наша Коммиссія не нашла основаній для коренной ломки учебной системы, установленной Эдукаціонной Коммиссіей: обѣ системы, и польская и русская, выросли на почвѣ одного педагогическаго движенія и питались во многихъ отношеніяхъ нѣкоторыми общими корнями. Но по условіямъ своего возникновенія и осуществленія польская учебная реформа эпохи раздѣловъ приняла довольно яркую національно-политическую окраску, и съ этой стороны она не могла не потерпѣть измѣненія подъ русскимъ владычествомъ. На такую точку зрѣнія и стала наша Коммиссія,

намѣчая средства «для приведенія присоединенной Польши въ тѣсный союзъ съ Россіею». На первое мѣсто Коммиссія поставила заведеніе при каждомъ польскомъ училищѣ первыхъ двухъ низшихъ классовъ «по образцу классовъ училищъ россійскихъ для обученія юношества чтенію и письму», съ тѣмъ, чтобы изданныя для этихъ классовъ книги были переведены на польскій языкъ и изданы одновременно на обоихъ языкахъ; изъ курса старшихъ классовъ исключались лекціи «о правахъ политическомъ и экономическомъ», а для «права природы» (jus naturae) и логики вводились новыя книги— Ахенваля и Эрнеста; всѣ признанныя вредными историческія и географическія книги замѣнялись изданными русской Коммиссіей руководствами, съ переводомъ ихъ на польскій языкъ; приготовленіе учителей, знающихъ русскій языкъ, возложено на обязанность петербургской учительской семинаріи, въ которую изъ каждой губерніи «новоприобрѣтенной Польши» вызывается опредѣленное число кандидатовъ; наконецъ, въ хозяйственно-административномъ отношеніи польскія училища подчинялись общему порядку Устава 1786 года, и высшее управленіе ими сосредоточивалось въ Коммиссіи о народныхъ училищахъ. Этотъ проектъ измѣненій въ системѣ Эдукаціонной Коммиссіи представленъ былъ 6 декабря 1801 года государю, но съ учрежденіемъ въ слѣдующемъ году Министерства народнаго просвѣщенія данное дѣло получило совсѣмъ другой оборотъ [1]).

Была сдѣлана попытка распространить новую учебную систему и на юго-восточныя инородческія области. 12 ноября 1786 года было дано высочайшее повелѣніе барону Игельстрому, намѣстнику симбирскому и уфимскому, о заведеніи въ киргизъ-кайсацкой ордѣ школъ по нормальнымъ правиламъ и о порученіи перевода нормальныхъ учебныхъ руководствъ мулламъ, переводившимъ Учрежденіе о губерніяхъ, «съ тѣмъ, чтобы учебныя книги печатались на киргизскомъ языкѣ вмѣстѣ съ россійскимъ». Извѣщая объ этомъ повелѣніи П. В. Завадовскаго, баронъ Игельстромъ указывалъ, что при переводѣ

[1]) Ibidem., № 68.

законодательныхъ актовъ о губернскихъ учрежденіяхъ допущены арабскія и персидскія выраженія, непонятныя киргизскому народу, и высказалъ предложеніе, что для преподаванія въ киргизскихъ школахъ должны быть привлечены муллы, получившіе подготовку въ казанскомъ нормальномъ училищѣ. Завадовскій въ своемъ отвѣтѣ ограничился совѣтомъ начать дѣло съ перевода Устава училищъ и руководства учителямъ младшихъ классовъ, книгъ, особенно необходимыхъ для малыхъ училищъ, открытіемъ которыхъ прежде всего и надлежало озаботиться. Какой успѣхъ имѣло это предпріятіе, изъ дѣлъ Коммиссіи не видно. По словамъ біографа генерала Игельстрома, заведеніе имъ въ киргизской ордѣ русскихъ школъ оказалось мѣрою не особенно удачною, «потому что для преподаванія приходилось пользоваться услугами казанскихъ муллъ, ибо между киргизами способныхъ къ этому людей не было, а казанскіе муллы всегда отличались наибольшимъ мусульманскимъ фанатизмомъ; имъ удалось, въ извѣстной степени, развить такой же фанатизмъ и среди киргизовъ, которые раньше далеко не были религіозными фанатиками» [1]).

Итакъ, въ распространеніи нормальной системы образованія на окраины можно наблюдать первый опытъ широкой постановки столь сложнаго и труднаго впослѣдствіи вопроса о примѣненіи общегосударственной учебной системы на окраинахъ съ иноплеменнымъ населеніемъ и культурой. Такъ какъ основнымъ побужденіемъ правительственной политики въ данномъ случаѣ являлось убѣжденіе въ абсолютной педагогической цѣнности новой учебной системы, то при распространеніи ея на иноплеменныя окрайны на первый планъ выдвигались интересы чисто педагогическіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, мы замѣчаемъ уже и мотивъ національно-политическій: «нормальная» школа съ ея главнымъ предметомъ преподаванія, русскимъ языкомъ, призывается стать орудіемъ сплоченія иноплеменныхъ окраинъ съ коренной Россіей.

[1]) Арх. Минист. народн. просв., к. 1263, д. 38449. „Рус. Біограф. Словарь“, изд. Импер. Рус. Ист. Общ., Ибакъ-Ключаревъ, стр. 43.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣдніе проекты И. И. Шувалова. Планъ университетовъ 1787 года.

I.

Порученное В. Е. Ададурову въ 1763 году дѣло составленія новаго устава и штата Московскаго университета не было доведено до конца, когда въ 1778 году возвратился изъ-за границы И. И. Шуваловъ. Бывая сравнительно рѣдкимъ гостемъ университета, Шуваловъ, однако, ревностно хлопоталъ объ удовлетвореніи его нуждъ, причемъ обращалъ свои ходатайства или непосредственно къ императрицѣ или черезъ А. А. Безбородку. Прежде всего онъ испросилъ значительное увеличеніе денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на университетъ. «Одно сіе мѣсто, писалъ онъ Безбородкѣ 9 марта 1781 года, лишено щедротъ, на другихъ съ излишествомъ изливаемыхъ». Хлопоча о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи университета, Шуваловъ ссылался на желаніе императрицы, чтобы университетъ доставилъ учителей для вновь заводимыхъ народныхъ училищъ. Въ томъ же письмѣ къ Безбородкѣ, испрашивая новыя суммы на неотложныя нужды университета, Шуваловъ упоминалъ также о желательности для университета новаго устава и штата. Проектъ того и другого вскорѣ, дѣйствительно, былъ составленъ. Ни въ самомъ проектѣ, подписанномъ Шуваловымъ и сохранившемся въ его бумагахъ, ни въ письмѣ его къ императрицѣ, при которомъ этотъ проектъ былъ представленъ, нѣтъ точнаго указанія на время его составленія. Такое указаніе находимъ въ письмѣ Шувалова къ Безбородкѣ, отъ 28 марта 1783 года, съ увѣдомленіемъ о посылкѣ ему регламента и штата университета. Когда затѣмъ Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ получила указъ о составленіи общаго плана русскихъ университетовъ, то въ засѣданіи 10 февраля 1786 года П. В. Завадовскій предложилъ принять во вниманіе проектъ о Московскомъ университетѣ, составленный особою коммиссіей. Сохранились далѣе разъясненія И. И. Шувалова по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ членами какой-то неизвѣстной ком-

миссіи на представленный имъ проектъ университетскаго устава[1]). Трудно рѣшить, къ какой коммиссіи обращены разъясненія Шувалова, защищающія нѣкоторые пункты подписаннаго имъ устава: была ли эта спеціальная коммиссія, разсматривавшая представленный Шуваловымъ проектъ или, можетъ быть, это была сама Коммиссія о народныхъ училищахъ, сдѣлавшая свои замѣчанія, при выработкѣ общаго плана университетовъ, и на проектъ Шувалова? Судя по выраженіямъ Шувалова, что коммиссіей, къ которой онъ обращался, «были положены» нѣкоторыя измѣненія въ его проектѣ, что свои замѣчанія онъ «предаетъ на дальнѣйшее разсужденіе высокопочтенныхъ членовъ коммиссіи», можно предположить, что эта коммиссія имѣла рѣшающій голосъ при обсужденіи новаго устава Московскаго университета. Необходимо теперь остановиться на важнѣйшихъ пунктахъ этого проекта, насколько въ немъ могла выразиться постановка общаго университетскаго вопроса, сравнительно съ проектами 1760—1770-хъ годовъ.

Новый проектъ сохранялъ Московскій университетъ въ составѣ трехъ факультетовъ. Число каѳедръ на философскомъ факультетѣ увеличивалось до шести, и въ составъ этого факультета, какъ и въ проектахъ 1760—1770-хъ годовъ, вводились камеральныя науки. На юридическомъ факультетѣ число ординарныхъ профессуръ сокращалось, наоборотъ, до двухъ; на медицинскомъ число профессуръ оставлено было прежнее—три. Общая схема состава всѣхъ трехъ факультетовъ была такова:

Философскій фак.:	*Юридическій фак.:*	*Медиц. фак.:*
1) Профессоръ философіи теоретической, логики и метафизики.	1) Профессоръ юриспруденціи россійской: права церковнаго, гражданскаго, вексельнаго, военнаго и морского, судопроизводства.	1) Профессоръ практической медицины и химіи.
2) Профессоръ философіи практической: права естественнаго и народнаго, нравоученія, науки о до-	Онъ же читаетъ право	2) Профессоръ медицины теоретической, физіологіи и патологіи.

[1]) „Чтенія въ Московск. Обществѣ Исторіи и древн. рос.“, 1867 г., кн. 3-я, Смѣсь, стр. 103—106.

бродѣтеляхъ, политики и экономіи.

3) Профессоръ физики и математики.

4) Профессоръ исторіи натуральной, ботаники, минералогіи, науки о животныхъ, экономіи частной и государственной.

5) Профессоръ исторіи европейскихъ государствъ и русской, древностей, нумизматики и исторіи литтеральной.

6) Профессоръ краснорѣчія и стихотворства, теоретическаго и практическаго.

всеобщее и особенное публичное европейскихъ государствъ, а особливо самого россійскаго государства, изъясняетъ интересы и претензіи европейскихъ державъ, геральдику и церемоніи.

У него помощникъ для практики приказнаго порядка и судебныхъ казусовъ.

2) Профессоръ чужестранной юриспруденціи: гражданскаго, криминальнаго, вексельнаго, военнаго и морского правъ иностранныхъ державъ, «а во-первыхъ римскаго, примѣчая при томъ, что въ оныхъ особливо есть для Россіи къ употребленію годное и полезное» [1]).

3) Профессоръ анатоміи, хирургіи, повивальнаго искусства.

Профессора должны стараться читать всѣ предметы на русскомъ языкѣ, «дабы чрезъ то и науки въ Россіи доведены были до цвѣтущаго состоянія и могли бы называться собственными россійскими».

Профессорамъ и преподавателямъ гимназической гимназіи предоставлялись права государственной службы и чинопроизводства по примѣру Академіи художествъ; должность ординарнаго профессора полагалась въ 7-мъ классѣ, э.-ординарнаго въ 8-мъ, инспектора гимназіи—въ 8-мъ, учителей въ 11-мъ. Но этотъ вопросъ о чинопроизводствѣ по учебной службѣ вызвалъ принципіальное разногласіе между Шуваловымъ и той загадочной коммиссіей, къ которой обращены были его объясненія. Коммиссія полагала, что профессорамъ и

[1]) Желающіе могли обучаться, по ихъ склонности, россійскимъ законамъ у особаго наставника, который, соображаясь съ Наказомъ и новыми учрежденіями, долженъ показывать имъ канцелярскій порядокъ по обыкновенной формѣ.

учителямъ не слѣдовало давать чиновъ. Шуваловъ, съ своей стороны, объяснилъ, что онъ и самъ былъ всегда такого же мнѣнія, вслѣдствіе чего первоначальнымъ проектомъ Московскаго университета 1755 года никому и не было дано чиновъ. Но послѣ того, какъ чины были введены въ штаты Академіи художествъ и «всѣхъ почти мѣстъ въ Имперіи», то въ послѣднее свое пребываніе въ университетѣ онъ, Шуваловъ, не могъ отказать въ просьбѣ всѣмъ профессорамъ и учителямъ, почему и сравнялъ ихъ въ правахъ службы съ чинами Академіи художествъ. Чины необходимы, заключалъ Шуваловъ, для привлеченія учащихся на учебную службу.

Принимаются въ университетъ всякаго званія и состоянія люди, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. По этому пункту Шуваловъ въ своихъ объясненіяхъ высказался противъ допущенія въ университетъ крѣпостныхъ людей. «Хотя, писалъ онъ, уваженіе къ общему праву человѣчества, при первомъ видѣ, кажется, и не позволяетъ исключать никакого состоянія людей въ пріобрѣтеніи просвѣщенія», однако, существуютъ обстоятельства, «коихъ отвратить почти невозможно». Представленные Шуваловымъ мотивы противъ допущенія крѣпостныхъ въ университетъ были слѣдующіе: 1) самое «нарицаніе» университета, какъ «соединенія наукъ свободныхъ», присвоено ему потому, что науки во всѣ времена, по общему мнѣнію, «были участіемъ людей свободныхъ»; 2) университетъ имѣетъ степени и «произвожденія», не согласныя съ состояніемъ крѣпостныхъ; и «сами они, познавъ цѣну вольности, возчувствуютъ болѣе свое униженное состояніе»; 3) благородные родители не захотятъ смѣшать своихъ дѣтей съ крѣпостными; 4) «разныя училища своими регламентами показываютъ свободу состоянія учащихся». Хотя Шуваловъ прямо не указываетъ, что коммиссія отстаивала противоположное мнѣніе, о возможности допущеніи крѣпостныхъ въ университетъ, но, судя по объясненіямъ Шувалова на другіе пункты проекта, можно думать, что и въ данномъ случаѣ между нимъ и коммиссіей получилось какое-то разногласіе. Но, защищая старый порядокъ сословнаго ограниченія при поступленіи въ гимназію и университетъ, Шуваловъ уже

не дѣлалъ различія между дворянами и разночинцами во время самаго ихъ пребыванія въ школѣ. Казенно-коштные студенты, числомъ 60, должны были дѣлиться на 2 группы, уже не по сословіямъ, а «по способности», и получать: младшіе по 80 руб., а старшіе по 100 руб. Равнымъ образомъ, и казеннымъ гимназистамъ, дворянамъ и разночинцамъ, полагалось одинаковое содержаніе по 75 руб. на человѣка.

Прохожденіе университетскаго курса подчиняется обязательному порядку, указанному проектами предшествующей эпохи необходимо пробыть три года на философскомъ факультетѣ для поступленія на одинъ изъ высшихъ факультетовъ, курсъ которыхъ опредѣленъ въ четыре года. Установленіе обязательнаго срока и порядка прохожденія университетскаго курса должно было устранить ту«главную неудобность къ успѣхамъ обучающихся въ университетѣ дворянъ», на которую указывалъ Шуваловъ въ концѣ своихъ объясненій на проектъ устава. Эта неудобность заключалась въ торопливости, съ какой оканчивали свое образованіе стремившіеся къ службѣ дворяне: «имѣя въ виду свое произвожденіе въ службѣ, они прерываютъ ученіе въ тѣ самыя лѣта, когда оное разсудительнымъ порядкомъ начать только можно, чѣмъ и теряютъ они весь трудъ свой на приготовленіе къ ученью, чрезъ довольное время продолжаемый, и всю пользу, отъ того ожидаемую». Въ проектѣ штата университета намѣченъ также рядъ средствъ поощренія достойныхъ студентовъ и дальнѣйшаго совершенствованія ихъ въ наукахъ. На составленіе студенческой библіотеки «изъ отборныхъ книгъ» ассигновано 200 руб.; на золотыя и серебряныя медали 400 руб.; на посылку четырехъ лучшихъ студентовъ за-границу по 400 руб. на каждаго; оставленнымъ при университетѣ для полученія «академическихъ градусовъ», 10-ти человѣкамъ, по 120 руб.

Допуская нѣкоторыя улучшенія въ учебной организаціи университета, намѣченныя отчасти проектами предыдущей эпохи, проектъ Шувалова рѣзко разошелся съ ними въ вопросѣ объ управленіи университетомъ, именно въ вопросѣ о должности директора и правахъ профессорской конференціи. Ставя университетъ «подъ собственное и единственное ея императорскаго величества покровительство, такъ чтобы онъ кромѣ

кураторовъ своихъ и собственнаго начальства, въ разсужденіи внутреннихъ своихъ распоряженій, не зависѣлъ ни отъ какого другого правительства», проектъ Шувалова называетъ «высшими начальниками» университета кураторовъ. Они управляютъ университетомъ «съ полною властью во всѣхъ частяхъ онаго»: на убылыя профессорскія мѣста призываютъ и опредѣляютъ ученыхъ людей изъ русскихъ и иностранцевъ, увольняютъ нерадивыхъ по представленію директора. Должность послѣдняго, какъ непосредственнаго начальника университета, сохраняется на основаніи проекта 1755 года. Директоръ печется о благосостояніи университета, о соблюденіи устава, «болѣе же всего наблюдаетъ порядокъ воспитанія и ученія», предсѣдательствуетъ въ конференціи. Послѣдняя также оставляется на прежнемъ основаніи. Составляемая изъ ординарныхъ профессоровъ и инспектора гимназіи, конференція устанавливаетъ учебный планъ, избираетъ на учительскія, репетиторскія и тому подобныя должности, одобряетъ рѣчи для публичныхъ собраній, производитъ выпускъ учащихся.

Вся потребная на университетъ сумма исчислена въ 34,435 руб.; изъ нихъ 19,640 руб. на содержаніе личнаго состава, остальная сумма на разныя учрежденія: церковь, библіотеку, кабинеты натуральной исторіи, механики и физики, химическую лабораторію, анатомическій театръ, ботаническій садъ, больницу, канцелярію.

Для университетской гимназіи Шуваловъ не представилъ особаго устава. Но по росписанію штатныхъ учительскихъ должностей въ отдѣльныхъ классахъ гимназіи можно имѣть общее представленіе объ ея учебномъ планѣ. Группируемъ данныя штата въ слѣдующую таблицу:

Древніе языки	1) Профессоръ словесныхъ наукъ, руководящій вышнимъ латинскимъ и греческимъ классомъ, отъ 400 до 600 руб. 2) Магистръ начатковъ латинской реторики, латинскихъ авторовъ и греческаго синтаксиса, 350 руб. 3) Учитель латинскаго синтаксиса и греческой этимологіи, 300 руб. 4) Учитель латинской этимологіи и по гречески читать и писать, 250 руб.

Нѣмецкій языкъ
1) Лекторъ вышняго класса, 450 руб.
2) Учитель синтаксиса, 300 руб.
3) » этимологіи, 250 руб.
4—5) 2 учителя нижняго класса по 200 руб.

Французскій языкъ — та же схема.

Россійскій языкъ
1) Магистръ стиля, 400 руб.
2) Учитель грамматики, 300 руб.
3) 2 учителя нижняго класса, по 200 руб.

Магистръ основаній логики и нравоученія, 300 р.

Математика
1) Магистръ смѣшанной математики, архитектуры военной, механики и артиллеріи, 400 р.
2) Учитель гражданской архитектуры и его помощникъ, обоимъ 300 руб.
3) Учитель геометріи, тригонометріи и алгебры, 300 руб.
4) 2 учителя вышняго ариѳметическаго класса, по 200 руб.
5) Учитель начальныхъ основаній ариѳметики, 300 руб.

Исторія и географія
1) Магистръ вышняго класса, 350 руб.
2) Учитель нижняго класса, 200 руб.

Учитель чистописанія, 300 руб., и его помощникъ, 100 руб.
Учитель рисованія, 250 руб., и его помощникъ 100 руб.
Учителя танцевъ, фехтованія, музыки.

Какъ видно изъ этого плана, университетская гимназія для дворянъ и разночинцевъ оставлялась на прежнемъ основаніи «ученой», приготовительной къ университету, школы; господствующеее положеніе сохраняли въ ней латинскій и отчасти греческій языки; довольно широко, впрочемъ, ставились и элементы реальнаго образованія, въ частности математика. И въ планѣ гимназіи предусматривалась необходимость противодѣйствовать поспѣшному и безпорядочному прохожденію курса, составлявшему одну изъ характерныхъ традицій сословнаго дворянскаго образованія: «никакой ученикъ въ гимназіи не долженъ собою отставать отъ ученья»; всѣ обязаны посѣщать указанные въ табели классы.

Непосредственное начальство надъ гимназіей ввѣрялось инспектору, назначаемому изъ профессоровъ университета и состоящему членомъ университетской конференціи. Послѣдней принадлежитъ право избранія на преподавательскія и другія должности въ гимназіи. Штатъ гимназіи опредѣленъ въ 25,565 руб.

Кромѣ гимназіи при университетѣ состоитъ «вольный пансіонъ» для дворянъ. Воспитанники, получившіе аттестаты и записанные въ службу, но желающіе продолжать ученье въ вышнихъ классахъ и слушать профессорскія лекціи, могутъ оставаться при университетѣ, сохраняя старшинство по службѣ. Наконецъ, подъ надзоромъ университета состоятъ всѣ частные пансіоны въ Москвѣ и отъ университета получаютъ право практики всѣ домашніе учителя [1]).

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ новый проекъ устава и штата Московскаго университета съ подвѣдомственными ему заведеніями, представленный И. И. Шуваловымъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда открывалась новая эпоха въ исторіи нашей политики просвѣщенія. Какъ видно изъ изложеннаго, этотъ проектъ не вносилъ ничего принципіально новаго въ постановку высшаго и средняго образованія. О дальнѣйшей судьбѣ проекта Шувалова намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ разсматривался какой-то коммиссіей, на замѣчанія которой Шуваловъ далъ по нѣкоторымъ пунктамъ объясненія. Но ясно, что проектъ Шувалова не могъ уже сыграть какой нибудь руководящей роли въ изучаемую нами теперь эпоху. По возвращеніи изъ заграничнаго отпуска Шуваловъ не успѣлъ вернуть себѣ прежняго вліянія и остался въ сторонѣ отъ главной работы по созданію новой учебной системы, работы, сосредоточенной теперь въ Коммиссіи о народныхъ училищахъ; его имени не встрѣчаемъ и въ числѣ кандидатовъ въ члены этой Коммиссіи [2]).

Повидимому, уже послѣ того, какъ И. И. Шуваловъ выступилъ со своимъ послѣднимъ проектомъ новаго устава и штата Московскаго университета, данъ былъ 4 сентября 1784 года указъ Г. А. Потемкину, какъ генералъ-губернатору екатеринославскому и таврическому, о составленіи плана

---

[1]) Бумаги И. И. Шувалова, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его кураторства, въ Государств. Архивѣ, XVII, № 48.

[2]) Послѣдней крупной услугой, оказанной Шуваловымъ Московскому университету, было дарованіе послѣднему, по ходатайству Шувалова, права возведенія въ ученую степень доктора медицины. *Шевыревъ*, op., cit., стр. 254. Письмо Шувалова императрицѣ по данному вопросу, отъ 29 января 1791 г., въ вышеозначенныхъ бумагахъ.

университета въ Екатеринославлѣ. Въ подробныя указанія по данному вопросу указъ не входилъ, но настаивалъ на повсемѣстномъ учрежденіи въ городахъ намѣстничества народныхъ училищъ: «какъ къ лучшему достиженію желаемаго успѣха изъ сего учрежденія (университета) и для приготовленія людей къ удобнѣйшему понятію вышнихъ наукъ необходимо нужно есть умноженіе народныхъ школъ, то и соизволяемъ, чтобы оныя по городамъ Екатеринославской губерніи и Таврической области по образцу, принятому для здѣшнихъ народныхъ школъ, заведены были для подданныхъ нашихъ какъ россійскаго языка, такъ и тѣхъ, кои греческій, татарскій или иной языкъ употребляютъ, устроя при этомъ въ главныхъ городахъ помянутой губерніи и области по одному главному народному училищу для большихъ классовъ и для обученія школьныхъ учителей» [1]).

Появленіе проекта И. И. Шувалова о Московскомъ университетѣ, разсмотрѣннаго особой коммиссіей, и порученіе въ 1784 году Г. А. Потемкину выработать планъ университета въ Екатеринославлѣ даютъ основаніе заключить, что общій вопросъ о высшемъ образованіи еще не получилъ должной сосредоточенности и разбивался на рядъ частныхъ проектовъ и предложеній въ то время, когда начинала свою дѣятельность Коммиссія о народныхъ училищахъ. Но скоро въ руки этой Коммиссіи отдана была и работа по составленію общаго плана университетовъ и гимназій и, такимъ образомъ, отдѣльные вопросы политики народнаго просвѣщенія снова связывались въ одну цѣльную проблему построенія полной системы народнаго просвѣщенія.

II.

29 января 1786 года Коммиссіи П. В. Завадовскаго данъ былъ именной указъ о составленіи «плана университетовъ и гимназій, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи нашей заводимыхъ» [2]). Коммиссія заслушала этотъ указъ въ засѣданіи 10 фев-

---

[1]) П. С. З. № 16057.
[2]) П. С. З. № 16316.

раля и опредѣлила: «Коммиссія, видѣвъ при семъ доставленное ей сочиненіе объ учрежденіи ученія въ австрійскихъ и венгерскихъ областяхъ, которое прежде при Коммиссіи было переведено, препоручила ихъ предварительно на разсмотрѣніе члену своему Ѳ. И. Крейдеману и по немъ коллежскимъ совѣтникамъ Козодавлеву и Янковичу и надворному совѣтнику Коху съ тѣмъ, дабы каждый изъ помянутыхъ господъ для послѣдовательнаго о томъ въ Коммиссіи разсужденія представилъ свои замѣчанія, поколику правила, въ томъ сочиненіи начертанныя, могутъ или не могутъ быть приняты во основаніе проектируемыхъ здѣсь въ государствѣ училищъ высшаго рода». Далѣе въ журналѣ отмѣчено, что Завадовскій предложилъ принять во вниманіе при составленіи плана университетовъ новый, выработанный особою коммиссіей, проектъ устава Московскаго университета.

Этотъ журналъ засѣданія Коммиссіи 10 февраля возбуждаетъ весьма существенныя недоумѣнія. По прямому его смыслу онъ содержитъ опредѣленіе о составленіи плана университетовъ и гимназій, во исполненіе указа отъ 29 января. Но въ журналѣ одного изъ послѣдующихъ засѣданій, именно 21 марта, сказано, что въ этотъ день Коммиссія слушала проектъ Устава народныхъ училищъ, составленный Янковичемъ «по опредѣленію Коммиссіи отъ 10 числа прошедшаго мѣсяца». Значитъ, 10 февраля 1786 года Коммиссія приступила къ двумъ параллельнымъ работамъ: составленію Устава народныхъ училищъ, утвержденнаго 5 августа того же года, и Плана университетовъ, представленнаго императрицѣ при докладѣ Коммиссіи отъ 13 марта слѣдующаго 1787 года, но утвержденія не получившаго. Что можно сказать о ходѣ работы надъ этимъ Планомъ и объ его источникахъ?

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, напечатавшій Планъ университетовъ 1787 года въ VI томѣ «Исторіи Россійской Академіи», называетъ авторомъ этого Плана сотрудника Коммиссіи, О. П. Козодавлева. Свое мнѣніе Сухомлиновъ основываетъ на двухъ фактахъ: во-первыхъ, на заявленіи самого Козодавлева, что по порученію Коммиссіи о народныхъ училищахъ «имъ сочиненъ пространный планъ учрежденію въ Россіи уни-

верситетовъ», и, во-вторыхъ, на совпаденіи одного мѣста въ статьѣ Козодавлева о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ, помѣщенной въ «Растущемъ Виноградѣ», съ текстомъ Плана [1]). Но, какъ сейчасъ увидимъ, главный интересъ вопроса о происхожденіи Плана университетовъ заключается не въ авторствѣ Козодавлева, а въ томъ источникѣ, который легъ въ основаніе Плана.

Какъ видно изъ журнала засѣданія 10 февраля 1786 года, Козодавлеву поручено было, совмѣстно съ Крейдеманомъ, Янковичемъ и Кохомъ, разсмотрѣть «Сочиненіе объ учрежденіи ученія въ австрійскихъ и венгерскихъ областяхъ, которое прежде при Коммиссіи было переведено», и рѣшить, можетъ ли это сочиненіе лечь въ основаніе проектируемаго Плана русскихъ «училищъ высшаго рода». Далѣе, въ журналѣ засѣданія 21 марта сказано, что Коммиссія обсуждала замѣчанія Козодавлева «на уставъ австрійскихъ вышнихъ училищъ, въ руководство пріемлемый основанію здѣшнихъ». Наконецъ, въ докладѣ при поднесеніи Плана университетовъ на утвержденіе императрицѣ Коммиссія упомянула, что, «сочиняя планъ университетовъ, она обращала все свое вниманіе на изслѣдованіе университетскаго ученія въ земляхъ его величества императора римскаго и другихъ государствъ».

Изъ этихъ данныхъ ясно, что основнымъ источникомъ Плана 1787 года былъ какой-то австрійскій планъ высшаго образованія подобно тому, какъ австрійскій Уставъ 1774 года послужилъ образцомъ для нашего Устава 1786 года. Но что же представлялъ собою австрійскій планъ «высшихъ училищъ»? Въ особомъ архивномъ дѣлѣ, въ которомъ собраны бумаги, относящіяся къ составленію Плана университетовъ 1787 года, вслѣдъ за приведенной выше выпиской изъ журнала засѣданій 10 февраля 1786 года, находимъ рукописный русскій переводъ «Собранія уставовъ и инструкцій, въ печать изданныхъ къ распространенію исправленной методы, которая наблюдается въ нѣмецкихъ или простыхъ школахъ нижне-австрійскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ» [2]). Если это «Со-

---

[1]) Исторія Рос. Академіи, вып. 6, стр. 53—55.

[2]) Арх. Мин. народн. просв., к. 1281, д. 38515.

браніе» и есть то «сочиненіе объ учрежденіи ученья въ австрійскихъ и венгерскихъ областяхъ», о которомъ говоритъ журналъ 10 февраля, то оно, очевидно, могло служить источникомъ для составленія Устава народныхъ училищъ, а не плана университетовъ и гимназій. Въ журналѣ 10 февраля не различены источники, взятые Коммиссіей для исполненія обѣихъ этихъ работъ, какъ не различены и сами работы по составленію Устава народныхъ училищъ и Плана университетовъ.

Не даютъ представленія объ австрійскомъ планѣ вышнихъ училищъ и журналы послѣдующихъ засѣданій Коммиссіи, въ которыхъ упоминается о ходѣ работы по составленію университетскаго Плана. Наконецъ, не разъясняетъ вопроса объ австрійскомъ источникѣ этого Плана и сохранившаяся въ томъ же архивномъ дѣлѣ записка Ѳ. И. Крейдемана подъ заглавіемъ: «Способность и неспособность австрійскаго плана о гимназіяхъ и университетахъ въ разсужденіи Россійской Имперіи». Въ этой запискѣ Крейдеманъ, между прочимъ, говоритъ: «старался я сократить назначенное въ Вѣнскомъ планѣ къ окончанію наукъ время. *Достойный онаго сочинитель, коего я персонально знаю, кажется, даетъ во оном любимымъ своимъ наукамъ нѣкоторое преимущество*: напримѣръ, метафизика, оканчаемая въ другихъ иностранныхъ университетахъ въ полгода, отнимаетъ у него несравненно больше времени, будучи по своимъ различнымъ частямъ: онтологіи, космологіи, психологіи и натуральной теологіи почти только въ особыхъ преподаваніяхъ предлагаема» [1]).

Кто былъ сочинитель «вѣнскаго» плана и что представлялъ собою этотъ трудъ, ключъ къ отвѣту на этотъ вопросъ дала намъ книга австрійскаго ученаго Вольфа «Das Unterrichtswesen in Oesterreich unter Kaiser Josef II, nach einer Darstellung von Jos. von Sonnenfels» (Wien 1880). Изъ этой книги мы узнаемъ слѣдующее. Въ 1785 году императрица Екатерина поручила своему посланнику въ Вѣнѣ князю Голицыну добыть планъ австрійской учебной системы (den oes-

[1]) „Матеріалы“, стр. 367.

terreichischen Studienplan). Черезъ посредство государственнаго канцлера князя Кауница поручено было извѣстному государствовѣду Іосифу Зонненфельсу изложить желаемый русскою императрицею планъ. Зонненфельсъ исполнилъ этотъ трудъ и послѣдній 7 февраля (Hornung) 1786 года былъ доставленъ въ geheime Haus-Hof-und Staats-Kanzlei (впослѣдствіи министерства иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора). Излагая въ своей книгѣ содержаніе труда Зонненфельса, собственноручно имъ написаннаго на 152 листахъ и хранящагося нынѣ въ вѣнскомъ архивѣ министерства культа и народнаго образованія, Вольфъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ дословно процитировалъ текстъ Зонненфельса; и вотъ изъ этихъ цитатъ оказалось, что въ этихъ пунктахъ нашъ Планъ 1787 года дословно сходенъ съ трудомъ Зонненфельса. Таковы, напримѣръ, выдержки изъ основного разсужденія о значеніи «воспитанія народнаго»:

«Основаніемъ сего плана есть то правило, что науки суть часть существенная воспитанія народнаго. И въ семъ то видѣ какъ онѣ, такъ и все, къ нимъ относящееся, для государства весьма важно».

«Образованіе гражданина предполагаетъ образованіе человѣка. Человѣка въ собственномъ смыслѣ образуетъ нравоучитель».

«Вотъ великолѣпнѣйшая, но притомъ и нелицемѣрнѣйшая похвала наукамъ, что онѣ умножаютъ приверженность ко всеобщему порядку и повиновеніе къ законамъ, дѣлая внѣшнее принужденіе чрезъ внутреннее убѣжденіе ненужнымъ и приводя законодатель-

«Die Grundlage dieses Planes, der im Laufe der Zeit Ausbildung und Erweiterung erhielt, war: die Wissenschaften sind ein wesentlicher Theil der Nationalerziehung und daher sind sie selbst und alles was darauf Beziehung hat, für den Sraat und die öffentliche Verwaltung von der grössten Wichrigkeit».

«Die Bildung zum Bürger setzt jedoch die Bildung zum Menschen voraus. Diesen bildet der Moralist».

«Das ist der prächtigste, zugleich aber der ungeheucheltste Lobspruch der Wissenschaften, dass sie die Anhänglichkeit für die allgemeine Ordnung, die Folgsamkeit für die Gesetze vermehren, dass sie durch in-

ство въ состояніе уменьшить свою строгость.

nere Ueberzeugung den äussern Zwang entbehrlich und der Gesetzgebung in Strafen weniger streng zu sein möglich machen» [1]).

Ознакомленіе съ подлиннымъ текстомъ записки Зонненфельса окончательно разъясняетъ вопросъ о происхожденіи нашего Плана университетовъ 1787 года [2]).

Дополнимъ сначала новыми, болѣе подробными, данными краткое, сообщаемое книгой Вольфа, извѣстіе о порученіи Зонненфельсу составить, по просьбѣ императрицы Екатерины, записку о системѣ австрійскихъ гимназій и университетовъ. Письмомъ изъ Вѣны отъ 1—12 марта 1785 года князь Д. М. Голицынъ извѣщалъ А. А. Безбородку о полученіи отъ него письма, отъ 15 января, съ высочайшимъ повелѣніемъ по дѣлу, за которымъ онъ, князь Голицынъ, немедленно обратился къ канцлеру Кауницу. Послѣдній «доложилъ о семъ дѣлѣ императору, и его величество съ великимъ удовольствіемъ повелѣлъ доставить мнѣ (т. е. Голицыну) всѣ тѣ свѣдѣнія и книги, какія только до предмета порученной мнѣ коммиссіи касаться могутъ». Голицыну пришлось, однако, «неоднократно» повторить свою просьбу, которая, повидимому, обсуждалась высшимъ органомъ учебнаго управленія въ Австріи—Studien—Hof—Commission. Какъ объяснилъ самъ Зонненфельсъ, Голицынъ желалъ получить подробное собраніе постановленій по учебной части. Но рѣшено было доставить ему, вмѣсто того, общій обзоръ существующей въ Австріи учебной системы [3]). Составленный Зонненфельсомъ, этотъ обзоръ или планъ былъ готовъ въ концѣ августа по новому стилю того

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи, вып. 6-ой, стр. 74, 75, 76. Wolf, op. cit., 6—7.

[2]) Полученіемъ копіи съ записки Зонненфельса я обязанъ любезному содѣйствію академика А. С. Лаппо-Данилевскаго; приношу ему мою глубокую благодарность

[3]) Зонненфельсъ такъ объяснилъ мотивы этого рѣшенія: „die hier zugleich zurück angeschlossene Note des Herrn Fürsten von Galizin verlangt zwar eine ausführliche Sammlung der über diesen Gegenstand herausgekommenen oder genehmgehaltenen Verordnungen, aber man hat ge-

же 1785 года, и 27 августа— 7 сентября кн. Голицынъ писалъ Безбородкѣ: «на сихъ дняхъ получилъ я отъ надворнаго и статскаго канцлера князя Кауница министеріальную записку и при ней тетрадь, содержащую въ себѣ нарочно сочиненное здѣсь обстоятельное описаніе о состояніи учрежденныхъ въ наслѣдственныхъ императорскихъ и королевскихъ областяхъ училищъ, такожъ и разныя упоминаемыя въ немъ росписи употребляемымъ въ оныхъ училищахъ книгамъ, и сверхъ того двѣ другія, служащія примѣромъ къ пріобрѣтенію надлежащихъ свѣдѣній объ учащихся и учителяхъ. Для доставленія вашему сіятельству помянутой тетради и прочихъ бумагъ пользуясь нынѣшнею отъ здѣшняго двора посылкою курьера къ послу графу Кобенцелю, я имѣю честь при оной тетради и при другихъ бумагахъ сообщить вамъ точныя копіи какъ съ той записки, которая въ свое время подана отъ меня была князю Кауницу о сей матеріи, такъ и съ той, при которой все то отъ него получено мною. Чтожъ касается до книгъ, означенныхъ въ тѣхъ бумагахъ, то я теперь упражняюся въ собраніи оныхъ, а потомъ не премину при первомъ случаѣ отправить ихъ къ вашему сіятельству» [1]).

Присланные княземъ Голицынымъ матеріалы, съ запиской Зонненфельса во главѣ, несомнѣнно, были доставлены въ Коммиссію о народныхъ училищахъ, но въ дѣлахъ послѣдней они не сохранились; по крайней мѣрѣ, наши поиски за ними остались безплодны. Посмотримъ теперь, какъ воспользовалась наша Коммиссія трудомъ Зонненфельса и въ какой

---

gaubt, sowohl des Absicht des Kaiserlichen Hofes besser genüge zu leisten, als der Ehre der Nationalstudien mehr zu berathen, wenn man den Inhalt der Verordnung und Vorschriften in eine ordentliche Abhandlung zusammenflüssen machte, wodurch an dem Wesentlichen derselben nichts vermisset, aber der Nothwendigkeit ausgewichen wird, Aufsätze vorzutragen, die wenigstens nach ihrer Form und Einkleidung dem Begriffe von dem Fortgange der hiesigen Aufklärung nicht entsprechen dürften". Листъ 3.

[1]) Письма кн. Д. М. Голицына къ А. А. Безбородкѣ въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ, сношенія Россіи съ Австріей, Ш, Vienne, порт. 40. Отношенія Кауница и Зонненфельса въ Geheime und Staats—Kanzlei помѣщены въ приложеніи къ запискѣ Зонненфельса. Повидимому, Вольфъ ошибочно утверждаетъ, что записка Зонненфельса была изготовлена только въ началѣ февраля (Hornung) 1786 г.

мѣрѣ оказался оригинальнымъ составленный ею Планъ университетовъ 1787 года.

Обширная записка Зонненфельса («Uber die Einrichtung der Studien in den K. K. deutschen, böhmischen und hungarischen Erbländer») начиналась краткимъ изложеніемъ общей учебной реформы, начатой въ царствованіе Маріи-Терезіи и имѣвшей цѣлью передать дѣло народнаго просвѣщенія изъ рукъ духовенства, въ частности іезуитовъ, въ руки свѣтской власти; затѣмъ слѣдовалъ подробный, систематическій обзоръ учебной организаціи гимназій, университетовъ и лицеевъ; въ послѣднихъ двухъ главахъ кратко изложено устройство университетовъ и лицеевъ, какъ ученыхъ корпорацій, и дана общая схема управленія учебною частью въ государствѣ; наконецъ, въ приложеніи помѣщены списки учебныхъ книгъ для гимназій и для факультетовъ философскаго, медицинскаго и юридическаго.

Подробное сличеніе текста записки Зонненфельса съ текстомъ Плана университетовъ, составленнаго нашей Коммиссіей о народныхъ училищахъ, приводитъ насъ, прежде всего, къ слѣдующему общему наблюденію. Первыя пять статей нашего Плана, трактующія о своевременности учрежденія университетовъ, увѣнчивающихъ полное зданіе народнаго просвѣщенія, о мѣрахъ къ снисканію искусныхъ преподавателей и къ привлеченію юношества въ университеты, представляютъ самостоятельное разсужденіе нашей Коммиссіи, отразившее, впрочемъ, нѣкоторыя общія начала австрійской системы. Затѣмъ слѣдующія тридцать девять статей (6—44), посвященныхъ учебной организаціи университетовъ, суть не что иное, какъ дословное, съ нѣкоторыми частичными пропусками и измѣненіями, заимствованіе соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ записки Зонненфельса. Наконецъ, послѣднія восемь статей нашего Плана, дающія краткую схему управленія университетами, опять представляютъ самостоятельную переработку, примѣнительно къ русскимъ условіямъ, соотвѣтствующей австрійской схемы. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ «всеобщаго просвѣщенія», какъ они ставились запиской Зонненфельса и нашимъ Планомъ.

Какъ уже было замѣчено выше, изъ труда Зонненфельса дословно выписано было общее разсужденіе о значеніи и цѣли «воспитанія народнаго». Образованіе ума и сердца человѣка и гражданина должно имѣть высшей цѣлью государственное благо. Это благо зиждится на «нераздѣлимымъ союзѣ частныя пользы со всеобщимъ порядкомъ и всеобщаго порядка съ наблюденіемъ всякой должности. Чрезъ то будетъ каждый гражданинъ увѣренъ, что онъ, исполняя свою должность, свое собственное благо утверждаетъ, и потому будетъ онъ должности свои исполнять, помышляя о себѣ самомъ и какъ бы для собственныя корысти, и станетъ любить свои должности такъ, какъ онъ любитъ свою пользу» и т. д. [1]). Какъ показали наши проекты учебныхъ реформъ предшествующей эпохи, идея о государственномъ значеніи общаго образованія нашла у насъ достаточно подготовленную почву. Яркая формулировка этой идеи, чрезъ посредство австрійской учебной реформы, полагалась теперь и въ основаніе нашей системы просвѣщенія, довершить которую долженъ былъ Планъ университетовъ 1787 года.

Продолжая далѣе выписки изъ труда Зонненфельса, наша Коммиссія взяла изъ него общую схему полной австрійской учебной системы. Эту полную іерархію австрійскихъ школъ Зонненфельсъ дѣлилъ на двѣ группы, на школы народныя и школы для высшихъ классовъ. Выписывая цѣликомъ эту схему, наша Коммиссія, прежде всего, не вполнѣ точно передала систему народныхъ школъ. У Зонненфельса онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: сельскія (Landschulen) или тривіальныя, городскія или главныя, нормальныя или учительскія школы (Hauptmusterschulen); въ нашемъ Планѣ: сельскія или земскія школы, городскія или уѣздныя, главныя или губернскія, въ которыхъ подготовляются также учителя для школъ двухъ первыхъ степеней [2]). Въ этомъ перечнѣ обращаетъ на себя вниманіе появленіе *сельскихъ* или земскихъ школъ, предусмотрѣнныхъ черновымъ планомъ императрицы, но забытыхъ,

---

[1]) *Сухомлиновъ*, op. cit, стр. 74—76. *Зонненфельсъ*, лл. 7—10.
[2]) *Сухомлиновъ*, стр. 76, *Зонненфельсъ*, лл. 10—11.

въ сущности, Уставомъ 1786 года. Едва ли, однако, можно предполагать, что, воспроизводя въ новомъ Планѣ 1787 года полную систему австрійскихъ народныхъ училищъ, наша Коммиссія желала указать на необходимость восполненія допущеннаго Уставомъ 1786 года пробѣла. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что сама Коммиссія никакихъ мѣръ къ распространенію училищъ среди сельскаго населенія не принимала. По открытіи второй очереди главныхъ народныхъ училищъ Коммиссія прямо признала свою задачу выполненной и предоставила заботу о распространеніи народныхъ училищъ «по уѣздамъ и селеніямъ» мѣстнымъ властямъ, губернаторамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія.

Ко второй, высшей группѣ училищъ Зонненфельсъ относилъ гимназіи и университеты. Краткое указаніе на ихъ положеніе въ общей системѣ просвѣщенія также было почти дословно перенесено въ Планъ нашей Коммиссіи: «дѣти, кои, выходя изъ главныя школы, имѣютъ еще по состоянію и виду своему принять дальнѣйшее въ наукахъ наставленіе, вступаютъ въ училища вышнихъ степеней, гдѣ будущіе государственные (у Зонненфельса: и церковные) чины пріуготовляются по всѣмъ степенямъ. Училища высшихъ степеней суть гимназіи и университеты» [1]). У Зонненфельса дальше и слѣдовало подробное описаніе австрійскихъ гимназій, какъ школъ, составлявшихъ, въ силу реформъ 1770-хъ годовъ, необходимое звено въ общей системѣ народнаго просвѣщенія. Съ одной стороны, гимназіи связывались съ системою нѣмецкихъ школъ: для поступленія въ гимназію необходимо было имѣть свидѣтельство объ окончаніи главнаго или нормальнаго училища. Съ другой стороны, гимназія являлась необходимой ступенью въ университетъ [2]).

Въ нашемъ Планѣ весь отдѣлъ записки Зонненфельса, посвященный гимназіямъ, оказался выпущеннымъ безъ всякихъ оговорокъ и объясненій, а школой, непосредственно от-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, стр. 76 *Зонненфельсъ*, л. 11.

[2]) *Wotke*, Das oester. Gymnasium im Zeitalter Maria Theresias, S. 90 и слѣд. *Paulsen*, Geschichte des gelehrten Unterrichts, II, S. 111—114. *Wolf*, op. cit., 26—35.

крывающей доступъ въ университетъ, объявлено главное народное училище. Поэтому въ заимствованномъ дословно изъ записки Зонненфельса опредѣленіи философическаго факультета («ученіе философское соединяетъ главныя народныя школы съ высшими науками») латинскія школы замѣнены главными народными [1]).

Въ самомъ Планѣ Коммиссія совсѣмъ умолчала о мотивахъ, побудившихъ ее рѣшиться на столь существенное отступленіе отъ австрійской системы. Но мотивъ этотъ ясенъ. Австрійскія гимназіи въ изображеніи Зонненфельса, очевидно, казались Коммиссіи по составу и высотѣ своего курса почти тождественными съ главными народными училищами. Одинъ изъ членовъ Коммиссіи, Ѳ. И. Крейдеманъ, составившій особую записку о примѣнимости въ Россіи австрійской системы средняго и высшаго образованія, прямо говорилъ въ этой запискѣ: «какъ въ здѣшнихъ главныхъ училищахъ (т. е. въ Россіи) обучаютъ наукамъ больше, нежели въ австрійскихъ, то чрезъ малое прибавленіе числа уроковъ и учителей первыя заступили бы мѣсто гимназій, развѣ только безъ точнаго названія гимназій, или бы таковыми наименовать первые два или три класса, коихъ и составило бы тогда пять: поелику къ находящимся нынѣ въ главномъ училищѣ 4-мъ классамъ прибавился бы еще одинъ». Недоставало въ главныхъ училищахъ для превращенія ихъ въ гимназіи, по мнѣнію Крейдемана, только слѣдующихъ предметовъ: логики, римскихъ древностей и миѳологіи, стихотворства [2]).

Взглядъ самой Коммиссіи на соотношеніе главныхъ народныхъ училищъ и гимназій ясно выразился въ слѣдующемъ эпизодѣ. Еще до изданія Устава народныхъ училищъ, въ сентябрѣ 1785 года, предписано было передать казанскія гимназіи въ вѣдѣніе мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія. Дѣло это затянулось, и только въ августѣ 1789 года Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ представила Сенату слѣдующее постановленіе по данному дѣлу: «разсматри-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, стр. 69—70, 77. *Зонненфельсъ*, л. 36.
[2]) „Матеріалы“, стр. 363—364.

вая вѣдомости о состояніи казанскихъ гимназій, Коммиссія находитъ, что бывшее въ оныхъ ученіе ни числомъ наукъ, ни пространствомъ оныхъ не токмо не превосходитъ открытаго, между тѣмъ, въ Казани главнаго народнаго училища, но еще сему гораздо уступаетъ по выбору лучшихъ и полезнѣйшихъ предметовъ... Посему разсуждаетъ Коммиссія, что обучившіеся въ оныхъ гимназіяхъ не токмо безъ потери, но еще съ вящею пользою могутъ ученіе свое продолжать въ упомянутыхъ главныхъ народныхъ училищахъ, споспѣшествуемы будучи и лучшимъ способомъ наставленія; и что даже до будущаго о гимназіяхъ по всему государству постановленія, тамошнему юношеству нѣтъ почти нужды въ ученіи тѣхъ гимназій на такомъ основаніи, какъ оно до сего времени было» [1]). Это заключеніе Коммиссіи было съ большей подробностью редактировано во всеподданнѣйшемъ докладѣ Сената, отъ 19 мая 1790 года, о передачѣ казанскихъ гимназій въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Здѣсь особенно интересно указаніе на преимущество главнаго народнаго училища, какъ школы реальныхъ наукъ, сравнительно съ гимназіей, какъ школой языковъ. «Если, читаемъ въ помянутомъ докладѣ, сверхъ катехизиса, языковъ россійскаго и латинскаго, ариометики, геометріи, географіи и рисованія, наукъ симъ обоимъ училищамъ общихъ, языки французскій и нѣмецкій въ главныхъ народныхъ училищахъ не находятся, то вмѣсто оныхъ преподаются во ономъ науки гораздо полезнѣйшія, какъ то физика, исторія естественная, механика и архитектура, чего въ гимназіяхъ не было... А музыка, въ тѣхъ гимназіяхъ бывшая, хотя по себѣ полезна, но тамъ, гдѣ избираютъ науки только нужныя, мѣста имѣть не можетъ; посему и обойтись безъ нея весьма удобно» [2]).

Взглядъ Коммиссіи на главныя народныя училища, какъ на

---

[1]) Журналы Коммиссіи 9 сент. 1785 г., 14 авг. 1789 г. Особое дѣло о передачѣ казанскихъ гимназій въ вѣдѣніе приказа обществен. призрѣнія въ Архивѣ Мин. Народн. Просв. карт. 1280, д. 38510. См. также *В. Владимірова*. Историч. Записка о 1-й Казан. Гимназіи, ч. 1-я (Каз. 1867), стр. 142 и слѣд.

[2]) Госуд. Архивъ, разр. XVII, № 80.

среднія школы, необходимо сопоставить съ тѣмъ, что разумѣла подъ средними школами сама императрица въ не разъ уже упомянутомъ нами черновомъ наброскѣ, предшествовавшемъ образованію Коммиссіи. Въ этомъ черновомъ проектѣ императрицы, какъ мы знаемъ, различались школы трехъ степеней: земскія, городовыя, *среднія*. Курсъ послѣднихъ должны составлять: чтеніе, письмо, Законъ, нравоученіе, россійскій, латинскій, нѣмецкій языки, геометрія, механика, архитектура, ученіе естества и естественная исторія, географія, исторія, земля — и домоводство, ученіе учителей. Этотъ составъ предметовъ средняго училища почти совершенно тождественъ съ составомъ курса училищъ, названныхъ Екатериной *городовыми*. Разница лишь та, что къ среднимъ училищамъ отнесено «ученіе учителей» и, такимъ образомъ, имъ отведена роль нормальныхъ австрійскихъ школъ; съ другой стороны, въ курсѣ среднихъ школъ не упомянутъ греческій языкъ, отмѣченный въ составѣ предметовъ городовыхъ школъ. Сохранилась, далѣе, особая черновая записка императрицы спеціально о среднихъ школахъ. Въ этой послѣдней запискѣ среднія училища опредѣдѣляются, какъ чисто *реальныя* школы, готовящія непосредственно къ жизни: «среднія школы установляются для наставленья юношества въ наукахъ тѣхъ, чрезъ которыя юношество готовится быть въ свое время полезно своему отечеству, слѣдственно, и всѣ науки къ пользѣ и сходственно пользѣ Имперіи выбраны и опредѣлены быть долженствуютъ по положенію естественному каждой губерніи». Перечисляя затѣмъ предметы курса среднихъ школъ, императрица мотивируетъ введеніе въ составъ этого курса опредѣленныхъ языковъ исключительно практической полезностью того или другого языка; такъ изученіе россійскаго языка необходимо, потому-что «онъ во всей Имперіи во употребленіи», нѣмецкаго языка, потому что «Россійская имперія имѣетъ три провинціи, кои правятся нѣмецкимъ языкомъ», татарскаго языка, потому-что «три царства Россійской Имперіи обитаемы татарскими народами и границы ея отъ Кіева до Китая сими народами обитаемы», латинскаго языка, потому-что «многія губерніи граничатъ съ землями, въ коихъ

сей языкъ наравнѣ съ природнымъ»; греческаго языка. потому-что «сей языкъ есть коренной грекороссійской церкви, равномѣрно и всѣхъ наукъ, перенесенныхъ изъ Греціи въ Европу». Остальнымъ европейскимъ языкамъ (французскому, англійскому, испанскому, датскому, шведскому, польскому) нѣтъ мѣста въ средней школѣ, ибо этимъ языкамъ, «служащимъ единственно къ чтенью книгъ и обращенію въ жизни, всякъ дома обученъ быть можетъ по своему желанью». Остальные предметы преподаванія въ средней школѣ суть: исторія, географія, математика, мораль, Законъ [1]). Итакъ, совершенно ясно, что въ данномъ случаѣ императрица оцѣнивала среднія училища, какъ реальныя, а не «ученыя школы», и оставляла открытымъ вопросъ о связи ихъ со школами высшими.

Трудно сказать, насколько твердо держалась наша Коммиссія мнѣнія о возможности поставить главныя народныя училища, какъ среднія школы, взамѣнъ гимназій. Въ одномъ письмѣ П. В. Завадовскаго къ князю Н. В. Репнину, отъ 25 октября 1795 года, главныя народныя училища опять охарактеризованы, какъ школы, относящіяся скорѣе къ области низшаго образованія и стоящія, во всякомъ случаѣ, ниже гимназій. «Народныя училища по самому своему названію суть такія мѣста, которыя назначены для образованія юношества всякаго состоянія и заключаютъ, слѣдовательно, токмо нужнѣйшее для будущаго гражданина, такъ что и самыя науки, по главнымъ народнымъ училищамъ положенныя, состоя большею частью изъ однихъ первоначальныхъ понятій, служить собственно должны преддверіемъ для желающихъ или нужду имѣющихъ обучаться онымъ въ вышнихъ училищахъ, каковы суть гимназіи, академіи или университеты» [2]).

Исключеніе въ нашемъ Планѣ гимназій изъ общей системы народнаго просвѣщенія имѣло не одно только формальное значеніе внѣшняго упрощенія этой системы. По смыслу австрійскихъ учебныхъ реформъ гимназія являлась средствомъ отбора той части учащагося юношества, которая, направляясь

[1]) Государств. Архивъ, разр. X, № 343.
[2]) Архивъ Мин. народн. просв., к. 1281 д. 38515.

въ университеты, предназначалась для государственной службы. Какъ подробно объяснялъ въ своей запискѣ Зонненфельсъ, съ цѣлью поставить извѣстныя преграды стремленію низшихъ классовъ населенія къ высшимъ ступенямъ образованія, была установлена въ гимназіяхъ плата за ученье. Наша Коммиссія, устраняя гимназіи и непосредственно смыкая народныя училища съ университетами, тѣмъ самымъ придавала всей системы просвѣщенія болѣе демократическій, можно сказать, характеръ. И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами доселѣ плановъ и проектовъ учебныхъ реформъ XVIII вѣка не находимъ такой ясной и убѣжденной защиты права всѣхъ классовъ населенія на высшее образованіе. Опредѣляя условія поступленія въ университетъ, Коммиссія говорила: «науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ... Путь къ просвѣщенію отверзается каждому, лишь бы желающій просвѣтиться былъ человѣкъ, имѣющій неповрежденный умъ» и т. д. [1]).

Обойдя, въ сущности, вопросъ о средней школѣ, Коммиссія П. В. Завадовскаго въ Планѣ 1787 года сосредоточилась на университетахъ и, какъ мы уже знаемъ, все описаніе учебной организаціи университетовъ есть не что иное, какъ дословный переводъ, съ нѣкоторыми пропусками и мелкими измѣненіями, соотвѣтствующей части записки Зонненфельса. Что же новаго внесла эта скрытая операція нашей Коммиссіи въ постановку университетскаго вопроса сравнительно съ проектами предшествующей эпохи?

Основной тенденціей университетскихъ реформъ въ Австріи при Маріи-Терезіи и особенно при Іосифѣ II было стремленіе превратить университеты въ чисто государственныя школы и цѣлью университетскаго образованія поставить приготовленіе къ государственной службѣ. Эта тенденція имѣла въ Австріи рѣзко выраженный боевой характеръ: вся учебная реформа являлась полемъ борьбы между свѣтской и

---

[1]) *Зонненфельсъ*, лл. 11 и слѣд. *Сухомлиновъ*, op. cit., стр., 70—71.

духовной властями [1]). Въ исторіи нашихъ учебныхъ реформъ не было такого принципіальнаго антагонизма двухъ властей. И первые наши университеты, по общимъ условіямъ своего возникновенія, съ самаго начала были школами государственными, и при опредѣленіи цѣлей университетскаго образованія на первый планъ всегда выступалъ государственный интересъ. Заимствованіе началъ австрійской университетской реформы въ нашемъ Планѣ 1787 года могло, очевидно, дать только болѣе яркую формулировку принципа, на которомъ давно зиждилось у насъ университетское образованіе. Наша Коммиссія такъ опредѣлила цѣль этого образованія: «главная цѣль каждаго университета есть доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знаніе нѣкоторыхъ вышнихъ наукъ». Какъ государственныя учрежденія, университеты не могутъ обладать такими привилегіями, которыя дѣлали ихъ, «яко другимъ въ государствѣ правленіемъ». Будучи въ свое время, въ средніе вѣка, «причиною скораго распространенія наукъ въ Европѣ», эти привилегіи въ наши времена «не только безполезны, но и правительству предосудительны». Университеты должны быть и разсадниками національнаго воспитанія и отвратить дворянство отъ обычая воспитывать дѣтей за-границей, гдѣ они «испиваютъ губительный ядъ, прилѣпляясь къ обычаямъ народа чуждаго и образовавъ мысли и склонности въ отращеніе отъ отечества». Наконецъ, «польза россійскаго государства неотмѣнно требуетъ, чтобы науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ» [2]). Таковы основныя начала, развитыя во вступительныхъ статьяхъ къ Плану 1787 года. Въ нихъ нѣтъ по существу никакой рѣзкой новости сравнительно съ постановкой университетскаго вопроса въ предшествующую эпоху. Ознакомленіе съ австрійской университетской реформой, повторяемъ, дало возможность Коммис-

---

[1]) *Paulsen*, op. cit., II, 107—110. *R. Kink*, Geschichte der Kaiserlichen Universität zu Wien, I, 505 и слѣд. *П. Митрофановъ*, Политическая дѣятельность Іосифа II (СПБ. 1907), стр. 725 и слѣд.

[2]) *Сухомлиновъ*, стр. 60—65.

сіи только рѣзче выразить принципы, изъ которыхъ давно уже исходила наша политика народнаго просвѣщенія.

Взявъ изъ записки Зонненфельса общую схему факультетскаго состава университетовъ, нашъ Планъ, въ силу указа 29 января 1786 года, исключилъ изъ этой схемы богословскій факультетъ и оставилъ университетъ, какъ совокупность факультетовъ философскаго, сосредоточивающаго въ себѣ науки «приготовительныя» (Vorbereitungswissenschfaten) и факультеты медицинскій и юридическій, обнимающіе «науки званія» (Berufwissenscheften).

Подробное изложеніе учебной организаціи философскаго факультета, какъ центральнаго звена полной системы народнаго просвѣщенія, представляетъ въ нашемъ Планѣ почти дословное воспроизведеніе соотвѣтствующей главы изъ записки Зонненфельса съ нѣкоторыми пропусками и мелкими измѣненіями. Изъ запискѣ же Зонненфельса философскій факультетъ изображался въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ послѣ реформъ 1780-хъ годовъ, когда учебный планъ этого факультета подвергся значительнымъ урѣзкамъ: изъ него исключено было преподаваніе новыхъ языковъ, а науки политическія и камеральныя перенесены на юридическій факультетъ. Такимъ образомъ, философскій факультетъ долженъ былъ соединить въ себѣ науки философскія, словесно-историческія и физико-математическія. Изъ камеральныхъ наукъ находимъ одну технологію, назначаемую для тѣхъ, кто готовится къ службѣ по управленію промыслами и торговлей [1]).

Порядокъ преподаванія наукъ философскаго факультета распредѣлялся по ихъ естественной связи на три года при десяти преподавателяхъ. Отмѣтимъ теперь нѣкоторыя характерныя измѣненія, сдѣланныя нашей Коммиссіей въ учебной организаціи философскаго факультета. Изъ числа основныхъ философскихъ наукъ, которыми по запискѣ Зонненфельса открывалось теченіе перваго годового курса, въ нашемъ Планѣ опущена «эмпирическая психологія». Въ составъ предметовъ

[1]) *Сухомлиновъ*, стр. 77—97. Зонненфельсъ, лл. 36—77. О реформахъ философскаго факультета въ Австріи, см. *Kink*, op. cit., I, 458—459. 516—517, 567—568.

второго курса введена нравственная философія, которыя у Зонненфельса помѣщена на третьемъ курсѣ. Совершенно исключены космологія и естественное богословіе. Въ объясненіи учебнаго плана исторія Германіи замѣнена исторіей Россіи. Значеніе греческаго языка въ составѣ философскаго курса объяснено историко-культурными и практическими государственными интересами Россіи [1]).

Нѣсколько болѣе существенныя измѣненія пришлось внести нашей Коммиссіи въ учебный планъ юридическаго факультета, ближайшимъ образомъ отвѣчавшаго назначенію университета—готовить государственныхъ чиновниковъ. Зонненфельсъ въ своей запискѣ обстоятельно выяснялъ, какое видное мѣсто въ учебномъ планѣ австрійскаго юридическаго факультета должно было занимать нѣмецкое государственное и ленное право, исторія имперіи (Reichsgeschichte), церковное право [2]). Все это разсужденіе Зонненфельса замѣнено въ нашемъ планѣ краткой замѣткой: «нѣмецкое государственное и ленное право преподается вкратцѣ въ статистикѣ, въ главѣ о нѣмецкой имперіи [3]). Нѣсколько иначе, чѣмъ въ запискѣ Зонненфельса, объяснена причина, «почему нельзя нынѣ исключить права римскаго изъ училищъ». По словамъ Зонненфельса этого нельзя сдѣлать «bis die Nation ein eignes vollständiges Gesetzbuch erhält». Въ нашемъ Планѣ эта причина замѣнена другой: «потому что римское право служитъ каждому правовѣду великою въ дѣлахъ помощію, ибо всѣ части правовѣдѣнія приведены въ ономъ въ порядокъ и систему и служатъ основаніемъ прочихъ законовъ». Почему то пропущеннымъ оказалось въ нашемъ Планѣ также криминальное право (у Зонненфельса: «für die Kriminalgerichtsbarkeit werden

---

[1]) У Зонненфельса: „Die griechische Sprache, auf welche dieser Lobspruch der lateinischen ûnd selbst in einem erhöhten Grade ganz anwendbar ist, empfielht sich dem Deutschen noch besonders durch die auffalende Analogie, die er zwischen ihr ûnd seiner Muttersprache entdecket. Den lateinischen Schriftstellern wird also auch die Lesung der griechischen ûnd vorzüglich der platonischen Gespräche beigesellet". Л. 55—56.

[2]) Лл. 108—110. Зонненфельсъ различалъ общее церковное право, какъ часть общаго государственнаго права, и право каноническое.

[3]) *Сухомлиновъ*, стр. 112.

die Beamten durch das Kriminalrecht fähig gemacht»). Взамѣнъ исключенныхъ предметовъ нѣмецкаго права (государственнаго, церковнаго и уголовнаго) наша Коммиссія помѣстила, на послѣднее мѣсто въ перечнѣ предметовъ юридическаго факультета, «наставленіе въ россійскихъ законахъ и въ приказномъ слогѣ», не давъ никакихъ объясненій относительно постановки этого предмета.

Вся совокупность предметовъ юридическаго факультета названа въ нашемъ Планѣ «обыкновенными юридическими лекціями». Зонненфельсъ также называетъ соотвѣтственную группу предметовъ «ordentliche juridische Vorlesungen», но у него сейчасъ же затѣмъ слѣдуетъ перечень особой группы предметовъ, ausserordentlichen Vorlesungen, преподаваемыхъ въ Вѣнскомъ университетѣ: Praxis der höchsten Reichsrechte, das deûtsche Privatrecht, österreichische Rechte, allgemeine und besondere österreichische Privatrechtsgelehrtheit. Вся эта дополнительная группа предметовъ въ нашемъ Планѣ совершенно пропущена.

Въ результатѣ и число преподавателей на нашемъ юридическомъ факультетѣ должно было оказаться значительно меньше, чѣмъ на австрійскомъ. У Зонненфельса на основную группу предметовъ положено 6 ординарныхъ профессоровъ и на дополнительную три экстраординарныхъ. По нашему плану на юридическомъ факультетѣ числится всего пять профессоровъ[1]).

Сильно сокративъ составъ предметовъ юридическаго факультета, сравнительно съ австрійскимъ образцомъ, наша Коммиссія, естественно, не могла принять и порядка преподаванія этихъ предметовъ, подробно изложеннаго въ запискѣ Зонненфельса и разсчитаннаго на пять лѣтъ. Наша Коммисія лишь вкратцѣ изложила общее объясненіе Зонненфельса, что изложеніе правъ философскихъ должно предшествовать изложенію правъ историческихъ. Выработку же подробнаго учебнаго плана Коммиссія предоставила самому будущему юридическому факультету, «который, принявъ всѣ обстоятельства во

---

[1]) *Сухомлиновъ*, стр. 111—117. Зонненфельсъ, лл. 107—126. *Kink*, op. cit., 463—469, 519—523, 574—580.

уваженіе и разсмотрѣвъ все къ сему нужное, имѣетъ мнѣніе свое и расположеніе представить Коммиссіи».

Нѣтъ надобности останавливаться на медицинскомъ факультетѣ. Все, что сказано о немъ въ нашемъ Планѣ, есть опять таки дословное заимствованіе изъ записки Зонненфельса; только въ статьѣ о распредѣленіи курса факультета въ нашемъ Планѣ сдѣлано дополнительное замѣчаніе, что подробности «раздѣленія часовъ и учебнаго времени» предоставляется установить самому факультету, который можетъ воспользоваться и уставами существующихъ уже въ Россіи спеціальныхъ медицинскихъ школъ. Въ общемъ планъ медицинскаго факультета, снятый съ австрійскаго образца, представлялъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ проектами предшествующей эпохи; онъ увеличивалъ число профессуръ, вводилъ спеціализацію медицинскаго образованія (для врачей, хирурговъ, аптекарей, повивальныхъ бабокъ), впервые поднималъ вопросъ о сельскихъ врачахъ [1]).

Безъ измѣненій перенесенъ изъ записки Зонненфельса въ планъ нашей Коммиссіи также порядокъ замѣщенія преподавательскихъ должностей на всѣхъ трехъ факультетахъ, подробно изложенный въ статьѣ «о качествахъ учителей» философскаго отдѣленія. Нѣкоторое измѣненіе находимъ лишь въ порядкѣ утвержденія выдержавшаго испытаніе кандидата на профессорскую должность: по австрійскому порядку оно принадлежитъ верховной власти, по нашему Плану — «главному училищъ правленію» [2]). Далѣе наша Коммиссія уже самостоятельно прибавила въ началѣ Плана разсужденіе о способахъ «снисканія въ университеты учителей и о побужденію оныхъ къ прилежанію», а въ концѣ — проектъ «чиноположенія университетскихъ профессоровъ» [3]). Припомнимъ, что этотъ послѣдній вопросъ о правѣ чинопроизводства по учебной службѣ незадолго передъ тѣмъ вызвалъ принципіаль-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, стр. 97—111. Зонненфельсъ, лл. 77—106. *Kink*, op. cit., 451—455, 517—519, 569—571.

[2]) *Сухомлиновъ*, стр. 92—94, 106, 115—116. Зонненфельсъ, лл. 66—69, 95, 122.

[3]) *Сухомлиновъ*, стр. 65—69, 122.

ное разногласіе между И. И. Шуваловымъ и загадочной коммиссіей, разсматривавшей составленный имъ проектъ штата Московскаго университета.

Наконецъ, дословно взято было изъ записки Зонненфельса важное постановленіе объ учебныхъ книгахъ. Въ особыхъ приложеніяхъ къ своей запискѣ Зонненфельсъ помѣстилъ перечни учебныхъ книгъ для каждаго факультета. Мѣнять эти книги преподаватель могъ только съ разрѣшенія высшей учебной власти. И въ нашемъ планѣ сдѣланы ссылки (подъ тѣми же №№, что у Зонненфельса) на приложенія, содержащія списки учебныхъ книгъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ дѣлахъ Коммиссіи этихъ приложеній и сравнить со списками Зонненфельса. Но въ одномъ пунктѣ по данному вопросу Коммиссія сдѣлала существенное измѣненіе: она навсегда запретила преподаваніе по рукописнымъ книгамъ, «поелику переписка занимаетъ у учащихся много времени и производитъ превеликія въ ученіи неудобства». Этого запрещенія нѣтъ у Зонненфельса. Самый же кругъ учебной литературы, устанавливаемый имъ для каждаго факультета, оказывается довольно ограниченнымъ [1]).

Остается сравнить записку Зонненфельса и Планъ нашей Коммиссіи по вопросу о порядкѣ управленія университетами.

---

[1]) Для философскаго факультета показаны: Федера—учебникъ практической философіи, Кестнера—начала математики, Сиго-де-ла-Фонъ—руководства по экспериментальной физикѣ, синхронистическіи таблицы по всеобщій исторіи, Ерслебена—начала натуральной исторіи, Бергмана—физическое землеописаніе, Бекмана—руководство по технологіи, Эшенбурга—теорія и литература изящныхъ искуствъ, Грубера—ученіе о дипломатикѣ. Для юридическаго факультета: Мартини—учебникъ естественнаго права, Гейнекція — учебники Институцій и Пандектовъ, Гупки—учебникъ криминальнаго права, Пегема—учебникъ церковнаго права, Мартини—учебникъ государственнаго права, Гомеля—о ленномъ правѣ, Пюттера—учебники нѣмецкаго государственнаго права, Ахенваля—о государственномъ устройствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, Зонненфельса—основанія полиціи, Браниля—о нѣмецкомъ частномъ правѣ. Для прочихъ предметовъ допускаются рукописныя сочиненія. По медицинскому факультету: труды Жакена по химіи и ботаникѣ, Лебера по анатоміи, Боергава по медицинѣ, Пленка по глазнымъ болѣзнямъ, Лебера и Гейстера по хирургіи, Штейделе по повивальному искусству, Рейнлейна и Штёрка—руководства для сельскихъ врачей. Лл. 161—163. *Сухомлиновъ*, стр. 92, 105, 115.

У Зонненфельса этому вопросу посвящены двѣ послѣднія главы его записки: «Die Uniersitäten ûnd Lyceen als ein Körper» и «Leitung der Studien» [1]). Въ первой главѣ кратко объяснены основанія былой, средневѣковой автономіи университетовъ, причины ихъ подчиненія общегосударственнымъ установленіямъ, и вкратцѣ изображена система университетской администраціи. Въ послѣдней главѣ также кратко описанъ порядокъ высшей учебной администраціи въ государствѣ. Наша Коммиссія, взявъ у Зонненфельса общую схему управленія университетами, существенно, однако, видоизмѣнила ее въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ и самостоятельно прибавила подробную характеристику каждой отдѣльной должности [2]).

Въ качествѣ высшаго органа учебной администраціи Коммиссія поставила самое себя, очевидно, приравнивая свое положеніе къ австрійской Studien-Hof-Commission: «университетское правленіе состоять долженствуетъ подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ главнаго училищъ правительства, именующагося нынѣ Коммиссіею объ училищахъ». Должность куратора или попечителя университета соединена съ должностью мѣстнаго генералъ-губернатора. У Зонненфельса соотвѣтствующій пунктъ выраженъ въ общей формѣ: университеты и лицеи вездѣ непосредственно подчинены Landesregierung.

Въ изображеніи внутренней университетской администраціи Коммиссіи пришлось устранить крупную непослѣдовательность, допущенную въ запискѣ Зонненфельса. Послѣдній, описывая учебную организацію каждаго факультета, упоминалъ о «директорахъ», какъ лицахъ, стоящихъ во главѣ факультетовъ и наблюдающихъ за правильнымъ ходомъ преподаванія; въ отношеніи профессоровъ «ist der Direktor weniger der Aufseher, als der Zeug ihrer Verwendung, auf den sie jedenfalls sich zû berufen das Recht haben, der entgegen Verbündlichkeit hat sie stets zu vertreten» [3]). Въ главѣ объ управленіи университетами Зонненфельсъ уже не упоминаетъ

---

[1]) Листы 149—157.
[2]) *Сухомлиновъ*, стр. 117—122.
[3]) Л. 71.

о директорахъ и говоритъ о выборныхъ деканахъ съ ректоромъ во главѣ, причемъ въ примѣчаніи сдѣлано такое, зачеркнутое потомъ, поясненіе, которое въ копіи, полученной нашей Коммиссіею, можетъ быть, было опущено: «gegenwärtig, da das Direktorat mit dem Dekanate verbûnden werden soll, ist verordnet worden, dass das Dekanat nach der Reihe ûnter den Lehrern zû wechseln habe» [1]). Наша Коммиссія названіе «директора» перевела вездѣ «надзиратель факультета», т. е. деканъ, за исключеніемъ статей объ испытаніи на должность преподавателя университета и о порядкѣ надзора за учащими и учащимися, гдѣ вмѣсто «директора» поставленъ «правитель», т. е. ректоръ [2]). Затѣмъ порядокъ ежегоднаго избранія ректора и надзирателей факультетовъ, характеристики ихъ должностей, а также опредѣленіе состава и компетенціи «университетскаго правленія» изложены уже независимо отъ записки Зонненфельса и, опять таки, съ нѣкоторыми отступленіями отъ австрійской системы. По Зонненфельсу Uniwersitätsconsistorium состоитъ изъ ректора, декановъ, докторовъ каждаго факультета (Facultätsenioren) и синдика или дѣлопроизводителя. По нашему Плану «университетское правленіе» составляется изъ ректора, декановъ, казначея, также ежегодно избираемаго изъ числа профессоровъ, и двухъ секретарей по назначенію куратора. Такъ Планъ нашей Коммиссіи сгладилъ своеобразіе австрійскихъ порядковъ и далъ схему университетскаго самоуправленія, приближающуюся къ той, какая намѣчалась проектами предшествующей эпохи.

Изложеніе Плана Коммиссія закончила разъясненіемъ, что, служа «непремѣннымъ узаконеніемъ для заводимыхъ въ Россіи университетовъ», этотъ Планъ является, однако, только предварительнымъ актомъ. За нимъ долженъ послѣдовать «полный уставъ», который будетъ изданъ тогда, «когда Коммиссія чрезъ опыты уже узнаетъ, чего въ пользѣ университетовъ служащаго въ семъ планѣ недостаетъ и что прибавить, распространить

---

[1]) Л. 153.
[2]) *Сухомлиновъ*, стр. 94—95.

или отмѣнить будетъ надобно». Остается теперь разсказать, какія мѣры приняла Коммиссія для практическаго осуществленія своего Плана. Уже 22 апрѣля 1786 года П. В. Завадовскій обратился съ письмами къ княгинѣ Е. Р. Дашковой и И. И. Шувалову, прося сообщить, могутъ ли Академія наукъ и Московскій университетъ «заводимые вновь университеты снабдить со своей стороны нѣкоторыми учеными людьми, способными преподавать науки свои на русскомъ языкѣ». Завадовскій прилагалъ перечень наукъ, по которымъ надо приготовить преподавателей для будущихъ университетовъ: для всѣхъ трехъ факультетовъ требовалось 23 преподавателя. Первымъ отвѣтилъ Шуваловъ, сообщившій, что въ Московскомъ университетѣ имѣется всѣхъ студентовъ 60 человѣкъ, «которые по окончаніи курса выходятъ въ другія мѣста, и остается нѣкоторое число въ учителя на случающіяся мѣста». Затѣмъ Шуваловъ обѣщалъ принять мѣры для подготовки студентовъ въ наукахъ, въ которыхъ будетъ «особливо при началѣ нужда». Княгиня Дашкова отвѣтила 7 мая любопытнымъ письмомъ о совершенной невозможности для Академіи наукъ помочь заведенію новыхъ университетовъ. Приводимъ цѣликомъ это письмо: «Государь мой Петръ Васильевичъ! Получа письмо вашего превосходительства, которымъ требуете отъ Академіи наукъ пособія относительно до новозаводимыхъ университетовъ, и вѣдая сама собою совершенно, что изъ числа русскихъ академиковъ и адъюнктовъ ни одного удѣлить невозможно, тотъ же часъ могла бы на оное отвѣтствовать вашему превосходительству; но замѣшкалась отвѣтомъ моимъ для того только, чтобъ яснѣе доказать невозможность удовлетворить требованію вашему, сколь усердно ни желала бы я способствовать исполненію высочайшихъ ея императорскаго величества намѣреній: я сообщала самое письмо ваше академическому ученому собранію въ томъ мнѣніи, что, не взирая на то, что каждый по своей части довольно уже занятъ одними академическими дѣлами, не пожелаетъ ли кто произвольно оставить Академію въ пользу университетовъ, предая такимъ образомъ жребій ихъ въ собственную ихъ же волю. Но изъ приложенной при семъ выписки изъ журнала акаде-

мической Конференціи ваше превосходительство усмотрите, что ни одного охотника не нашлось: я же съ моей стороны во увѣреніе, что всѣ русскіе ученые люди, сколько ихъ при Академіи есть, необходимо для нея нужны, имѣю честь объяснить вкратцѣ каждаго изъ нихъ упражненіе, а именно: академики Румовской и Иноходцовъ при обсерваторіи, и первый сверхъ того надзираетъ надъ географическимъ департаментомъ; Котельниковъ имѣетъ смотрѣніе надъ библіотекою и кунсткамерою, онъ же преподаетъ публичный курсъ математики; Протасовъ при изданіи и корректурѣ многихъ книгъ; Лепехинъ инспекторъ надъ гимназіею и ботаническимъ садомъ и сверхъ того въ россійской академіи непремѣннымъ секретаремъ; Озерецковской издатель многихъ книгъ и имѣетъ нынѣ преподавать курсъ естествословія; адъюнкты: Соколовъ управляется въ лабораторіи и преподаетъ курсъ химическій; Зуевъ занимался больше посторонними дѣлами, но нынѣ купно съ профессоромъ Георгіемъ будетъ учреждать минеральный кабинетъ. Впрочемъ есть еще при академіи два студента изъ нѣмцевъ, кои въ переводахъ лишь только зачинаютъ имѣть навычку, и думаю, что для васъ полезны быть не могутъ» [1]).

Наконецъ, въ докладѣ, при которомъ планъ университетовъ долженъ былъ слѣдовать на утвержденіе императрицы, Коммиссія отмѣтила два главныхъ затрудненія для его практическаго осуществленія. Первое состояло въ отсутствіи надлежащаго количества профессоровъ для новыхъ университетовъ; для каждаго изъ нихъ, по разсчету Коммиссіи, требовалось 24 профессора. Упомянувъ объ отзывѣ И. И. Шувалова, подававшаго весьма слабую надежду на помощь со стороны Московскаго университета, и указавъ, что въ послѣднемъ даже не всѣ тѣ науки преподаются, какія предположены въ новыхъ университетахъ, Коммиссія остановилась на старой мысли — выписать иностранныхъ профессоровъ и между ними непремѣнно нѣсколько знаменитостей: «иногда и одинъ, разсуждала Коммиссія, знаніями своими и сочиненіями знаменитый про-

---

[1]) Переписка Завадовскаго съ И. И. Шуваловымъ и княгиней Дашковой въ приложеніи къ журналу Коммиссіи 10 іюня 1786 г.

фессоръ можетъ присутствіемъ своимъ вознести устрояющійся университетъ на весьма высокую степень славы. Таковой человѣкъ преподаваніемъ своимъ и привлеченіемъ учащихся не только прославитъ университетъ, но и принесетъ государству великую пользу». Другимъ необходимымъ условіемъ осуществленія плана университетовъ являлась наличность необходимыхъ матеріальныхъ средствъ. Нѣкоторый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ указомъ 16 октября 1786 года на имя Завадовскаго, какъ директора государственнаго заемнаго банка. Этимъ указомъ въ пользу проектированныхъ университетовъ обращались разныя свободныя суммы, въ общей сложности 568.000 руб. [1]). По разсчету же Коммиссіи содержаніе каждаго университета должно было обойтись въ сумму около 40.000 руб. Однако, подробнаго штата университетовъ Коммиссія не рѣшалась представить до основанія хотя бы одного университета. Свой докладъ Коммиссія и заключала пожеланіемъ, чтобы на первыхъ порахъ открытъ былъ только одинъ университетъ, причемъ просила высочайшаго указанія, какой городъ для того будетъ избранъ, а также повелѣнія мѣстному генералъ-губернатору озаботиться пріисканіемъ необходимаго помѣщенія [2]).

Планъ университетовъ 1787 года утвержденія не получилъ и былъ также скоро забытъ, какъ и проекты предыдущей эпохи. Исполненіе возложенной на Коммиссію о народныхъ училищахъ задачи созданія цѣльной системы народнаго просвѣщенія остановилось на полупути. Устранивъ изъ полной системы просвѣщенія центральное ея звено, гимназію, какъ традиціонный типъ средней школы, не приспособивъ главнаго народнаго училища къ новому, указанному Планомъ 1787 г., положенію приготовительной къ университету школы, Коммиссія не успѣла сомкнуть Устава народныхъ училищъ и Плана университетовъ въ одно органически цѣльное законодательство, способное разрѣшить основную задачу нашей политики просвѣщенія XVIII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія

---

[1]) П. С. З., № 16441.

[2]) Докладъ Коммиссіи въ приложеніи къ журналу 13 марта 1787 г.

не сумѣла упрочить и своего собственнаго положенія, какъ «главнаго училищъ правительства», и творческая ея дѣятельность быстро замерла.

Прерванная неудачей университетскаго проекта 1787 года нить учебныхъ реформъ была возстановлена въ началѣ слѣдующаго столѣтія. Учрежденная указомъ 8 сентября 1802 года новая «Коммиссія объ училищахъ», переименованная вскорѣ въ «Главное правленіе училищъ», связала старую «Коммиссію о народныхъ училищахъ» съ Министерствомъ народнаго просвѣщенія. Утвержденныя же 24 января 1803 года «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія» дали программу новой обширной реформы, начатой именно съ того пункта, на которомъ остановились реформы Екатерины II, съ учрежденія университетовъ, за которымъ послѣдовало преобразованіе системы народныхъ училищъ. Такъ намѣчается преемственная связь екатерининскихъ и александровскихъ учебныхъ реформъ. Исторіи послѣднихъ будетъ посвященъ слѣдующій томъ нашего труда.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 13—14. Новѣйшій трудъ по исторіи артиллерійской и инженерной школъ XVIII в.—„Историческій очеркъ 2-го Кадетскаго Корпуса". 1712—1912. Отдѣлъ I. Составилъ В. Н. Строевъ.

Къ стр. 32. Докладъ графа П. И. Шувалова объ учрежденіи при артиллеріи Шляхетнаго кадетскаго корпуса, съ классомъ военной науки, напечатанъ въ „Историч. очеркѣ 2-го Кадетскаго Корпуса" 1712—1912. Приложеніе II.

Къ стр. 65. 21 января 1720 г. доносилъ Государю изъ Новгорода архимандрить Серапіонъ Аничковъ, что въ 715 — 716 г.г., по государевымъ указамъ и письмамъ Апраксина, велѣно Новгородскому митрополиту Іову „неумѣющихъ грамотѣ и писать дворянскихъ дѣтей, которые изъ военной морского флота канцеляріи въ В. Новгородъ къ его архіерейству присылаться будутъ, принимая и обучая славянскаго чтенія и писанія, присылать о нихъ въ С.-Петербургъ извѣстія"; а 23 февраля 717 г. велѣно тѣхъ недорослей, вышеозначеннаго чтенія и писанія изучившихся, прислать въ С.-Петербургъ", что и исполнено. Арх. Морск. Мин., дѣла Адмиралт. Канцеляріи, № 111, лл. 285 и 289.

Къ стр. 90. Въ „Напомнѣніи на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ" Татищевъ такъ разсуждалъ о государственной пользѣ образованія: „Наученіе отъ младенчества разуму есть главная государственная польза. Весьма нужно высокому правительству о томъ прилежать, понеже чрезъ обученіе разуму и премудрости, а съ оными всякъ себѣ и отечеству и всему сообществу пользы пріобрѣтать, а вреды отвращать и о всемъ правильно разсуждать способность возымѣетъ. Для того всѣ европейскія области, какъ монархіи, такъ и республики ревностно прилежатъ и великихъ на то иждивеній полагать не жалѣютъ". Литерат. Сборникъ „Утро", 1859, стр. 380—381.

Къ стр. 148—149. Необходимо исправить сказанное въ текстѣ. Замѣчаніе проф. Владимірскаго-Буданова, что возложеніе на магистраты обязанности заведенія школъ имѣло въ виду „преимущественно сиротъ и нищихъ дѣтей", относится не къ XXI главѣ Регламента Главному Магистрату, а къ инструкціи магистратамъ 1724 г. (П. С. З. № 4624). Въ пунктѣ 33-мъ этой инструкціи говорилось: „стараться прилежно, чтобъ малолѣтніе не токмо пожиточныхъ, но и бѣдныхъ людей, гражданскихъ жителей дѣтки читать и писать и ариѳметикѣ или цыфирнаго счисленія обучались, и для того при церквахъ, или гдѣ пристойно, учредить школы, чтобъ такіе малолѣтніе, а особливо бѣдныхъ гражданъ дѣти, отъ которыхъ впредь граду польза и вспоможеніе можетъ быть, безъ обученія, въ непо-

требствѣ и въ какой либо вредъ граду не возрастали, а по обученіи и по возрастѣ имутъ о такихъ радѣнія, чтобъ каждый къ надлежащему отъ его рукодѣлія или другихъ потребныхъ способовъ, къ чему кто будетъ склоненъ, къ пропитанію былъ опредѣленъ, дабы отъ такихъ впредь могли быть граду польза и вспоможеніе". Прямой смыслъ этой инструкціи также не даетъ основаній для того слишкомъ узкаго заключенія, какое сдѣлано проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Обращая особенное вниманіе на дѣтей „бѣдныхъ гражданъ" вообще (что̀ еще не значитъ непремѣнно „сироты и нищіе"), приведенная инструкція имѣетъ въ виду низшее образованіе для всего вообще городского населенія и притомъ образованіе не узко профессіональное, а скорѣе то „реальное" образованіе, которое опредѣленнѣе начинаетъ выясняться уже во второй половинѣ XVIII вѣка.

Къ стр. 286. Наказъ отъ гражданъ города Вязьмы въ „Сборникѣ Импер. Русск. Историч. Общ.", т. CXXXIV, стр. 105.

Къ стр. 377—378. Мнѣніе о необходимости соразмѣрять образованіе съ „чиносостояніемъ" гражданъ поддерживалось представителями либерализма конца XVIII вѣка, чуждыми сословныхъ предразсудковъ. Въ приписываемой Н. И. Новикову статьѣ О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія („Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ" 1783 г.) находимъ такія мысли: „все зависитъ отъ того, чтобъ всякой образованъ былъ къ добродѣтелямъ состоянія своего и званія".. „Единое воспитаніе есть творецъ добрыхъ нравовъ. Чрезъ него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно съ ихъ поломъ, а всякой особенный классъ государства тѣмъ, чѣмъ ему быть надлежитъ (№ 2)... „По свойству всякаго гражданскаго класса, къ которому человѣкъ принадлежитъ, для пользы государству и для собственнаго его удовольствія нужно, чтобъ онъ имѣлъ большую или меньшую мѣру познаній, высшій или низшій степень просвѣщенія; нѣкоторые гражданскіе классы требуютъ даже опредѣленной мѣры познаній въ наукахъ" (№ 6). И. П. Пнинъ въ „Опытѣ о просвѣщеніи относительно Россіи" на вопросъ, „всѣ ли состоянія въ Россіи требуютъ одинаковаго просвѣщенія", далъ опредѣленно отрицательный отвѣтъ: „просвѣщеніе не должно быть для всѣхъ гражданъ одинаковое"; „средоточіемъ просвѣщенія" для каждаго сословія служатъ его „главнѣйшія добродѣтели", изъ круга которыхъ „оно (просвѣщеніе) не должно выходить".

Къ стр. 501, примѣч. 1. Сравн. составленный Крестининымъ проектъ „учрежденія гражданской гимназіи въ городѣ Архангельскѣ". *А. А. Кизеветтеръ.* Историческіе очерки (М. 1912), стр. 91 — 118: Предложеніе Крестинина о заведеніи малыхъ школъ у *Соловьева*, Исторія Россіи, т. XXVI (изд. 2), стр. 310—311.

Къ стр. 511. Въ „СПб. Вѣдомостяхъ" за 1778 г. (№ 32) напечатано было нѣкіимъ Авг. Вицманомъ объявленіе объ открытіи имъ школы для приготовленія деревенскихъ учителей по примѣру учительскихъ семинарій, заведенныхъ въ нѣмецкихъ земляхъ, особенно въ Пруссіи и Ганноверѣ. Вицманъ предполагалъ открыть учительскую семинарію, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, въ которую бы поступали молодые ребята не ниже 16 лѣтъ. Курсъ семинаріи долженъ былъ составляться изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) „на природномъ языкѣ нарочито сочинять письма, счеты и всякія надобности записывать разумно и порядочно", 2) нѣмецкій языкъ, „который избирается

сверхъ многихъ нужныхъ причинъ для того, что удобнѣе достать изъ онаго народа людей къ такому обученію", 3) нравоученіе, 4) исторія, 5) географія, 6) математика: ариѳметика до тройного правила, геометрія, механика, оптика, архитектура, гномоника, 7) естествознаніе, 8) домоводство, 9) разныя ремесла, 10) храненіе здоровья, 11) лекарская наука, 12) повивальное искусство. Плата за ученье назначена 100 руб. въ годъ и единовременно 25 руб.

Къ стр. 560—561. Въ дневникѣ А. В. Храповицкаго за 1782 г. занесены такія мысли о значеніи народныхъ училищъ: 18 іюля: „въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ, сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, но и невѣжество истребится само собою". 20 октября: „заведеніемъ народныхъ школъ разнообразные въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе и исправятся нравы". Дневникъ А. В. Храповицкаго подъ ред. Н. П. Барсукова, стр. 2, 3.

Къ стр. 586—587. Указъ 29 января 1786 г. о сочиненіи плана университетовъ и гимназій отдавалъ „въ распоряженіе" Коммиссіи всѣ прочія, по государству заведенныя мѣста для ученья подъ какимъ бы то ни было названіемъ, исключая духовныя училища и университетъ Московскій. П. С. З. № 16315.

Къ стр. 615—616. Исключительное положеніе среди частныхъ низшихъ школъ Петербурга должны были бы занять школы, учрежденныя Н. И. Новиковымъ. По объявленію объ открытіи первой изъ помянутыхъ школъ, Владимірской, видно, что это были элементарныя школы для дѣтей обоего пола; въ нихъ преподавались Законъ Божій, россійское чтеніе и письмо, ариѳметика; школа принимала на себя также „попеченіе о нравахъ дѣтей". Въ томъ же объявленіи предусматривалось, что учреждаемыя издателями „Утренняго Свѣта" школы могутъ служить и первой ступенью для дальнѣйшаго образованія. Неизвѣстно, однако, какъ развился, съ теченіемъ времени, курсъ учрежденныхъ Новиковымъ школъ. Въ объявленіи о пожертвованіяхъ за 1779 годъ отмѣчено одно спеціальное пожертвованіе для найма учителя нѣмецкаго языка, а черезъ нѣсколько времени географіи и исторіи. Если не ошибаемся, нѣтъ извѣстій о существованіи новиковскихъ школъ ко времени предпринятой Коммиссіей о народныхъ училищахъ ревизіи. „Утренній Свѣтъ", части I, III—IX. *А. Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ (СПб. 1875), стр. 262—269. Въ первой черновой запискѣ императрицы Екатерины о заведеніи нормальныхъ школъ находимъ такую замѣтку: „освѣдомиться о школѣ, которую содержитъ здѣсь Утренній Свѣтъ, и чаю, слывется она Александровская, и всѣ нужды и недостатки".

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
18	5 сверху	порядки	порядка
24	—	III	IV
27	11 снизу	показывающіе	показывающихъ
86	9 „	поглощалась	поглощалось
89	12 сверху	потемнѣе	поемнѣе
90	8 снизу	полезны	пользы
94	3 сверху	Абрамовъ	Аврамовъ
109	11 снизу	сознавалось	сознавалась
143	10 „	году	года
253	5 сверху	того	того же
361	16 „	1777	1773
367	2 „	шкъ	какъ
—	3 „	ляхетское	шляхетское
390—391	Примѣчаніе первое на стр. 391 должно стоять примѣчаніемъ 2-мъ на стр. 390.		
420	14 снизу	окончательо	окончательно
437	прим.	IX	VIII
474	9 „	ставила	инструкція ставила
495	7 сверху	упражненіе	упражненія
496	2 „	преподованіе	преподаваніе
567	14 снизу	званіе	знаніе
571	10 „	общая русская	общая и русская
585	11 „	1773	1760
604	—	V	IV

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Проектъ о учрежденіи въ Россіи Академіи Политики для пользы государственныхъ канцелярій [1]).

Проектъ для институцій Академій политикѣ и протчая.

Требуетця учитель, которому надобно бытъ ученному зѣло, и изкусному во всѣхъ наукахъ; онъ же долженствуетъ учитъ и толковатъ два часа по всякой денъ.

Оннимъ, которые имеютъ учится въ политикѣ надобно бытъ ученнимъ прежде въ Діалектикѣ или въ Θилософіи; но еще лутче и полѣзнее будетъ, когда также оундаментъ имѣютъ въ іурспруденцѣ: чего ради весма въ сіехъ протчихъ наукъ не возможно онную одну учитъ, понеже напрасно терается время, когда не будетъ постановлено ученіе другихъ науковъ, которіа сутъ θундаментъ политики.

Того ради видитця неоставлаемо институціа единой университетъ публичной, въ которой между досталнимъ наукамъ мощно употребитъ и политику, яко употребляется въ университетахъ Германіи, Θранціи, Гишпаніи, въ Пармѣ, въ Римѣ, Прагѣ, и протчихъ, въ которыхъ по совершенію граматики, умаките, реторики, θилософіи и іуриспруденціи поставляются юностъ къ ученнию политики.

Мощно разсуждатъ нужду оной университе по тому, что многіе принци изтощаются на постановленію всякой въ своемъ государствѣ вышепомянутую университе съ великимъ издержаніемъ казны.

Θилипъ второй королъ Гишпански постановилъ онную славную Лованскую во Θландрій обогативъ ею изобилнымъ приходамъ; единъ королъ Лузитанской онную преславную Саламанскую; цесари Австриачкіе онную въ Віеннѣ, Прагѣ и протчихъ; королъ великой цесаръ и Θранцузской королъ онную Сорбонскую и протчихъ; Григорій 13, папа будучи, устроилъ собственнимъ иждивеніемъ болше 25 колегиовъ во всякой страни свіета и затемъ еще устроитъ въ Римѣ славную онную университе, названную колегъ Римской, определая онной 30 тысячь на годъ приходу скудовъ, въ которой универ-

---

[1]) Москов. Архивъ министр. иностр. дѣлъ; дѣла, касающіяся до образованія различн. госуд. учрежденій, картонъ 2.

сите учатся всякимъ наукамъ и въ которой болшая частъ князей, кардиналовъ и протчаго началнѣйшаго шляхетства Італіанскаго, а еще и Германцовъ, Өранцусовъ и Гишпанцовъ науку принимаютъ.

Для основанія такой университе подлино великое надобно иждивеніе, не токмо на строеніе ѳабрики, но еще на жалованіе учителемъ и протчимъ служащимъ; но такое иждивеніе малое высокому монарху читается, а прибылъ превелика, понеже такимъ способомъ всѣ поданіе съ неискуства виведутца; уподобляетъ оннихъ управитъ государственіе дела такъ во владеніи стата, какъ въ посолствѣ и въ инихъ министерскіехъ дѣлъ: и дабы не учинилась тягостъ государственой казнѣ, то подобаетъ о всѣхъ губернскихь городовъ царства особливихъ податей положитъ и определитъ на основаніе и содержаніе онной университе; понеже съ радостию всякой дастъ, надеяся на богатое возвращеніе, которое состоитъ въ наукѣ ихъ юностей во всякомъ искуствѣ.

Истино бо чрезъ царскую благочестивостъ постановлени въ імперіи два колегіа, въ Киевѣ и въ Москвѣ, и хотя въ оннихъ процвятаютъ наукіе, однакожъ не мощно ихъ назватъ университетамъ, понеже въ оннихъ не учатся всѣ науки и что для лишения учителей.

Великодушнее милосердіе нашего августеишаго, непрестаное стараніе имѣя къ общей ползѣ своихъ подданихъ, основаніе положилъ некоторимъ Академиамъ въ семъ царствующемъ городіе Санктъ Петербурхѣ для ученія молодихъ съ иждивеніемъ подлинно царскимъ и хотя намѣреніе, которимъ онніе учреждени, естъ благо и свѣто, и хотя учители искусни сутъ и удобны, однакожъ не имѣютъ подлиную и оундаментальную регулу содержательную, твердую и непремененную.

Ради полученіе такого желаемого намереніа не естъ иное способъ, кромѣ інституціи университетъ регулярной и порядочной, яко сутъ протчіе Эвропи, и совокупитъ во онной всѣхъ Академій сдѣсъ обрѣтающихся со всѣми науками, которими еще лишаетца и определитъ наискуснѣйшихъ учителей, которыхъ изобрести возможно: а помянутое дело произидитъ въ вѣчную и не изгасимую славу нашему монарху, во удивленнію всего света и въ неизреченную ползу всему Росискому православному народу.

Болшая трудностъ естъ въ собраніи удобнихъ учителей; понеже ежели изобращятся мирскаго чина, то когда одному случитця смертъ, не возможно скоро сыскатъ другаго равнаго изкуства въ его мѣсто; къ томуже придетъ, что имѣючи стараніе о себя и ѳамиліи, то не могутъ надлежащее попеченіе имѣтъ о ползѣ учащимся.

Ежели взатъ будутъ учителей изъ немецкой земли, онние или сутъ эретическіе и въ такой случай не надлежитъ поверитъ и вручитъ невиннихъ младихъ учениковъ такимъ учителемъ, которие со временемъ причинствоватъ могутъ беду невозвратимую всему государству помалу помалу и нечаенно оннихъ обучая та-

кихъ уставовъ, которіе отъ православной христианской вѣры весма оддаленни или такіе которіе не изкусни будутъ словенскому езику.

Того ради вышепомянутой трудности не естъ иной способъ и облехченіе, токмо что употребитъ чиновъ монастирскихъ, ибо такіе духовніе онную университетъ хранитъ, содержатъ и о онной старатця будутъ, яко о своемъ собственномъ именіи, чтобъ оная была въ непремѣнной славѣ и будутъ размотреніе имѣть надъ всѣми учителми и служащими и по сему следованю помянутая университетъ никогда не можетъ лишитця изкусными учителми, понеже въ монастирахъ подобнихъ особъ никогда оскуденіе не бываетъ и могутъ научити юностъ во всякой желаемой вымишляемой науки къ свѣтому страху Божіи, сохраненнію заповеди Божіи и къ послушанію государственного уложеніи и какимъ образомъ жизнь свою всякими честними поступками украсить.

Протчіе европейскіе университети могутъ служитъ вмѣсто правила и образца; ибо явно, что тіе университетъ, надъ которыми мирскіе чини дирекцию имѣли, или во всѣ разорены, яко онная сапиенціа въ Римѣ, или напменьше прежную свою красоту, древной порядокъ и совершенство потерали, яко онная въ Падвѣ.

Но онніе управительствующиеся отъ духовнихъ чиновъ, а особливо отъ гесуитовъ, не токмо славѣ всегда высокой были, но еще всегда болше узмножается и въ добри порядокъ поставляются, сохраная ихъ яко собственное добро.

Каждому извѣстно, какой прибыли въ всѣму свету учинатъ университети Вилнѣ въ Полоніи, Прагѣ въ Боеміи, Віенѣ въ Австріи, Грацѣ въ Штиріи, онная въ Силесіи, Моравіи, Саламанкіи, Лованіи, Брешіи, Парміи, Болоніи и колегъ Римской въ Римѣ и въ Італіи и въ протчихъ европескихъ краехъ, которимъ управляютъ отци іесуити. И въ онихъ помянутихъ университе учется всякіе разніе науки наилутчемъ порядкомъ и на онимъ притекаютъ шляхетства европейзкіа благороднѣйшіа.

По подобью вышеупомянутихъ можетъ и росиской імперіумъ славнѣйшее и пространѣйшее уравнатся не токмо, но еще и предъ протчими государствами превозходитъ съ основаніемъ университети царской ради ученіа росіского шляхества и всѣ юности, дабы какъ нинѣ никому какого нибудтъ народу славнѣйшаго и оружіемъ искуснѣйшаго во всѣй Европіе отнюдъ не устутаютъ, ибо наилутчихъ и страшнѣйшихъ переодолели, такъ и современемъ и наискореіа всѣхъ наивишнихъ и остроумнѣйшихъ своему искуству покорити: понеже съ Божіею помощию одарени отъ натуры островиденіемъ, субтилнимъ разсужденьемъ и прилежаніемъ ко перениманию всякую науку безъ трудности.

И съ такимъ способомъ не токмо государствена канцеларіа посолска, но еще и другіе прикази и магистрати будутъ имѣтъ служащихъ достоинихъ и удобнихъ безь выписку иноземцовъ и на оннихъ убитку; такимъ же образомъ государство інгенерами, меканистами, архитектами и протчими професорами, которихъ нанимаемъ противъ вѣсу отъ золота, доволно будетъ снабдено.

Въ онной бъ университетѣ были постановлени науки

Граматика	Политика.
Поесисъ	Ариѳметика.
Уманитетъ	Геометріа.
Реторика	Астрологіа.
Ѳилософіа	Наутика.
Теологіа	Медицина.
Іуріспруденціа	и протчіе.
Переводъ книгъ.	

И такое великое и славное дело мощно основатъ съ определеніемъ десятъ тисячъ рубловъ на годъ прихода.

II.

Доношеніе о славяно-латинскихъ школахъ [1]).

Объ славенолатинскихъ и объ инихъ всякихъ иноземскихъ школахъ и с такихъ школъ объ четверорозныхъ прибыляхъ.

Объ первой

во Троици Святой Славимому Триипостасному Единому Богу на хвалу и на неоцѣненую, (ей же невозможно положить щоту, есть бо честнѣщая паче злата и сребра и каменеи многоцѣнныхъ и ничтоже достойно ея есть прибыль);

Объ второй, третей и четвертей

объ некончаемыхъ в вѣки вѣковъ Царскому величеству на превеликославную честь и славу, всероссискому же народу въ обидахъ на великую ползу. И такіе здѣ помянутіе прибили безъ обиди крестьянскои.

По вашему Государеву указу въ Богоспасаемомъ славнѣшомъ градѣ Москвѣ у всемилостивого Спаса, что у Иконного ряду, велено быть славенолатинскимъ школамъ и в такихъ школахъ велено учится всякихъ вишнихъ и нижнихъ мирскихъ и духовнихъ чиновъ дѣтемъ и неимущимъ, чимъ питатся, велено имъ давать Государево денежное кормовое жалованье и учится имъ в школахъ безъденежно, чтобъ учителямъ за ученіе не платить для того, что за ученіе учителямъ денежное жалованье дается съ Государевои казни и об такомъ ученіи свѣдали неочимъ многіе всякихъ чиновъ дѣти и в прошлихъ годехъ училися и нынѣ учаться неочимъ многіе же и то съ мѣлкихъ чиновъ.

Такожде и інимъ всякимъ иноземскимъ школамъ греческимъ славенолатиногреческимъ, немецкимъ, французскимъ и в такихъ школахъ учителямъ за ученіе и ученикамъ неимущимъ чимъ пи-

---

[1]) Госуд. Архивъ, дѣла Кабинета, отд. II, кн. 90, лл. 524—525.

татся денежное кормовое государево жалованье в прошлихъ годехъ давалося и нынѣ дается, и с такихъ учениковъ всякихъ чиновъ дѣтеи въ прошлихъ годехъ Государю никакои прибыли не бывало и нынѣ нетъ.

И то чинилося и нынѣ чинится за неправимъ радѣніемъ властей и началнихъ школнихъ, что нетокмо съ господичевъ, но и с мѣлкихъ всякихъ чиновъ дѣтеи въ нынѣшнихъ числѣхъ в славенолатинскихъ и во инихъ иноземскихъ школахъ мало есть.

А в славнѣшомъ градѣ Москвѣ и во инихъ всероссіискихъ градѣхъ и провѣнціяхъ всякихъ вишнихъ и нижнихъ чиновъ господичевъ многое число есть кромѣ тѣхъ, которіе за море послани и что по инимъ мѣстамъ въ ученія послани и кромѣ тѣхъ что на службѣ.

И знатно, что всероссискіе господа и ініе всякихъ мирскихъ и духовнихъ чиновъ люди неблагодарни, что почитать дома въ славнѣшомъ градѣ Москвѣ по вашему Государеву указу вишеписанніе школи ко просвѣщенію разума опредѣлени и установлени потому знатно что не отдаютъ ни въ какіе иноземскіе школи въ наученіе дѣтеи своихъ и не смотрятъ всероссискіе и іних всякихъ мирскихъ и духовнихъ чиновъ люди на инихъ Государствъ господъ, что во инихъ государьствахъ въ провѣнціяхъ и градѣхъ боляри, князья, дворани и протчіи господа мирскихъ и духовнихъ чиновъ съ великою нуждою и убиткомъ немалимъ дѣтемъ своимъ ищутъ разума, посилаютъ отъ провѣнціи до провѣнціи, отъ градо до градо за сто, за пятсотъ, за тисящу, и за болѣе верстъ дѣтеи своихъ отдаютъ въ наученіе; сверхъ того тѣхъ учителеи всякими дарами и платежемъ доволятъ, которіе в школахъ дѣтеи ихъ учатъ да и собенихъ сверхъ тѣхъ школьнихъ учителеи инихъ подряжаютъ учителеи, чтобъ по домамъ дѣтеи ихъ учили, и такіе имъ господамъ инихъ Государьствъ посилки, подряди и платежи за ученіе дѣтеи своихъ съ великою утратою и не малимъ убыткомъ имъ бываютъ. А въ славнѣшимъ градѣ Москвѣ для ученія и просвѣщенія разума славенолатинскіе и ініе иноземскіе школи дома, не надобно всероссискимъ господамъ и всякихъ чиновъ инихъ людемъ дѣтеи своихъ ко наученію и взисканію разума во иніе государства посилать и учителемъ за ученіе платить ненадобно же. Для того что учителямъ за работу платежъ денежни дается съ Государевой казни и въ такихъ славенолатинскихъ школахъ съ господичевъ дѣтеи отнюдь нынѣ никого нетъ и аще съ мѣлкихъ чиновъ дѣти, которіе нынѣ и есть, и учатся, и съ такихъ ни славенолатинскихъ, ни съ инихъ иноземскихъ школь съ учениковъ никакои прибыли Государю въ прошлихъ годехъ небывало и нынѣ нетъ.

А можетъ быть прибиль немалая и многоразная.

А какая прибиль, о томъ писано ниже сего.

И не дивно есть, что въ славенолатинскихъ и во инихъ иноземскихъ школахъ учениковъ мало и что государю съ такихъ учениковъ никакой прибили въ прошлихъ годехъ не бывало и

нынѣ нетъ, недивноже, потому что дѣти дѣтская мудрьствуютъ и отци ихъ купно съ ними младенци уми своими имъ присутствуютъ. Для того что сами отци незнаютъ, что есть разумъ, премудрость и объ томъ отнюдь нестараются, а стараются о богатствѣ, чести и славѣ, а того не вѣдаютъ, что вся сія отъ мудрости и разума происходятъ, велегласящу Божественному писанію: Блаженъ человѣкъ иже обрѣте премудрость и смертенъ, иже у видѣ разумъ, лучше бо сію куповати, нежели злата и сребра сокровища, честнѣйшая же есть каменей многоцѣннихъ, все же честно недостоино ея есть, долгота бо днеи и лѣта живота въ десници ея въ шуйци же ея богатство и слава, отъ устъ ея исходитъ правда и протчее; сихъ иніе мирозданніе человѣци невѣдуще, в которомъ ученіи и яцѣхъ о наимудрости и разума поискати, всячески заблуждаетъ и во злихъ боліе, а нежели въ добрихъ пребываютъ, умствующе себѣ натуральнимъ умомъ зло быть въ добро, не вѣдуще разнствія между умомъ и разумомъ и для ради того во инихъ правди нѣсть для того, что натуральнимъ умомъ неучася разума не смислятъ, како въ себѣ правду умножити.

А въ какомъ ученіи и язицѣ разума поискати, о томъ инимъ не вѣдомо, развѣ кто есть по Бозѣ перви Богомъ умудренни наставить инихъ на путь прави.

Перви Царь великій Государь и велики князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малия и бѣлия Россіи самодержецъ, понеже Царское величество ваше въ санъ Царски Богомъ избранни и Богомъ призванни на престолѣ Царскомъ Богомъ посажени, Богомъ вѣнчанни и Богомъ храними, треми дари Духа Святаго, премудростію, разумомъ, совѣтомъ исполненни, правдою, яже есть свѣтъ миру, Богомъ просвѣщенни и всякими добродѣтелями, яже къ Богу и человѣкомъ, Богомъ умудренни и Богомъ украшенни.

Сицевими добродѣтелями Царского величества вашего аще и украшенни суть мирзданіи человѣци, а наипаче начала и власти, обаче да лучше отверзется имъ умъ разумѣти писанія, могутъ ся имъ зде изяснити апостолскіе словеса сицевіе: Богъ реки исъ тми свѣту возсияти, иже и возсия въ сердцахъ нашихъ ко просвѣщенію разума славе Божія и протчая.

После того научився разума славы Божія (аще кто поволитъ) богатства чести и славы поискати, потому что не рече Богъ мирзданнимъ человѣкомъ первѣе богатства, честь и славы искати, но повелѣ Богъ первѣе просвѣщенія разума славы Божія поискати, отъ котораго разума раждается правда, иже есть милость всѣмъ добродѣтелемъ, яже ко Богу, сея умноженія ради велѣте державность ваше всероссискимъ господамъ князямъ, болярамъ, дворянамъ, полковникамъ, столникамъ, комѣсарамъ, судямъ, дьякамъ и протчихъ всякихъ чиновъ господамъ, за которими токмо помѣстя и вотчини есть, синовеи своихъ отдавать въ славенолатинскіе школи в наученіе на шесть годовъ, чтобъ училися сперво славенолатински зачатои школи, зовомой фари, по школу риторику, а сучивъ школу риторику дать ему волю ко ученію филозофи-

ческому и богословскому. А будетъ ся господичевъ или съ инихъ какова не естъ чина сыновя не похощутъ учится ученія филозофическаго и богословскаго, велѣте державство ваше такихъ опрѣдѣлять в какои нибуть свои Государевъ чинъ, къ какому чину которие будутъ съ родни и какова дѣла кіи будутъ достоини или будетъ поволите державвость ваше съ такихъ, которихъ ни будь послать за море ко ученію латво (?) и скоро могутъ славенолатинскаго язика инихъ всякихъ учитися языковъ. Для того латински язикъ есть просвѣщеніе и толкованіе ученіямъ всѣхъ, елико ихъ есть во всей вселеннѣи.

А за то, что в славенолатинскихъ и во инихъ иноземскихъ школахъ учнутъ и в(и)редъ будущіе некончаемие времена и лѣта будутъ учится, велѣте державство ваше въ Государеву казну денежни окладъ на нихъ положити и противъ окладу брать с нихъ господичевъ окладніе денги для того, что учителямъ, что ихъ господичевъ и інихъ всякихъ чиновъ сыновеи они учители въ прошлихъ годехъ учили и нынѣ учатъ, и за то ихъ ученіе имъ давался и нынѣ дается денежни платежъ съ Государевои казни и ученикамъ в прошлихже годехъ, которимъ надлежало и которимъ не надлежало денежное жаловане съ Государевои казни давалося и нынѣ тожъ чинится. А в томъ Государю въ прошлихъ годехъ никакой прибыли небило и нынѣ нетъ.

И будетъ по сему доношенію указъ учинится и такіе денги, которіе за прошліе годи за ученіе учителямъ и ученикамъ съ Государевои казни видались, нынѣ въ Государеву казну воротятся и сверхъ того впредъ будетъ прибыль немалая и некончаемая ввѣки вѣковъ. И для такой прибыли окладу и платежу въ Государеву казну не помного и очинь малое число кажется. Съ болярскихъ сыновеи и съ княжичевъ по ѧ рублевъ в годъ, съ дворянскихъ, с полковничихъ, с комѣсарскихъ, с судеискихъ по ѯ рублевъ, съ дьячихъ по ѥї рублевъ; сверхъ того, какъ Царское величество ваше укажете. А будетъ которіе боляри, князя или дворяни, полковники, столники, дворяне, комѣсари, судьи, дьяки сыновеи своихъ учнутъ таити и по вашему Государеву указу не учнутъ отдавати въ вишепомянутіе школи или для ради того, чтобъ неотдавать в школи вимысломъ своимъ, оны господа сыновеи своихъ по домамъ своимъ не сучать рускому ученію до ї лѣтъ, а сищется про то доправа, что по Государеву указу, не отдавъ в школи и рускому ученію до ї лѣтъ не сучивъ, и за такое ихъ Государевихъ указовъ преступленіе и ослушаніе велѣте державство ваше на такихъ вишеписаннихъ господахъ въ Государеву казну править штрафъ и не по много и очимъ кажется мало и небидно въ боляръ съ князеи штрафу, по ҁ руб., съ дворянъ, с полковниковъ, с столниковъ, съ комѣсаровъ, с судеи, съ дьяковъ по ѱ руб. Сверхъ того, какъ Царское величество ваше укажете.

Об духовномъ чину.

Велѣте державство ваше протопопамъ, попамъ, двяконамъ сыновеи своихъ, кромѣ инихъ иноземскихъ школъ, именно в славенолатинскіе школи отдавать в наученіе на к҃ї годовъ, чтобъ сучивалися совершеннаго ученія не токмо сперво славенолатинско зачатаго и риторическаго ученія, но и филозофическаго и богословскаго, для того, чтобъ они духовнаго чина сыновя научилися поученіе складать и тѣмъ поученіемъ своимъ и проповѣдію слова Божія подобни были протчимъ проповѣдни(ка)мъ Божественнаго ученія, ихъ же нынѣ аще и малое число обрѣтаятся, и тѣ такія Божественнія проповѣди училися в славенолатинскихъ школахъ для того, что такое по слогамъ поученіе потребное филозофическое и богословское ученіе ни на какихъ инихъ иноземскихъ язикахъ не положено токмо на славенолатинскимъ язики. И какъ они духовнаго чина сыновя придутъ въ совершенни возрастъ и сучатъ совершенное ученіе богословское, и такихъ велѣте державство ваше по достоянію ставить в духовни всяки чинъ и какъ воспримутъ духовни чинъ и с такихъ всякъ учнетъ по церквамъ своимъ говорить поученіе и безъ грамотнихъ, а инихъ и грамотнихъ мирянъ поучати и на путь спасенія наставляти, потому что филозофическое и богословское ученіе есть толкованіе ученьямъ инихъ всѣхъ язиковъ. Да с тѣхъ же духовнаго чина сыновеи велѣте державство ваше въ Государеву казну денги брать по окладу, почему державство ваше укажете. А не помного кажется и ни мало не обидно:

С протопоповичевъ . . . . . по к҃ руб.
С поповичевъ . . . . . по к҃ї руб.
С дьяконичевъ . . . . . по і҃ руб.

А будетъ которіе протопопи, попи, дьякони учнутъ сыновеи своихъ таити по домамъ своимъ или по инимъ какимъ нибудь местамъ или для ради того, чтобъ въ вишепопянутіе школи не отдавать не сучать оны протопопи, попи, дьякони сыновеи своихъ русскому ученію до десяти же лѣтъ, а сищется про то допрямо, велѣте державство ваше на такихъ протопопахъ, на попахъ и на дьяконахъ въ Государеву казну штрафъ же править, почему державство ваше укажете. А не помного и очимъ кажется не обидно:

С протопоповъ . . . . . по н҃ руб.
С поповъ . . . . . по м҃ руб.
С дьяковъ . . . . . по а҃ руб.

Да сверхъ того после вашего Государева к҃ї годовъ спустя указу будетъ которіе протопоповичи, поповичи, дьяконичи и інихъ причетниковъ церковнихъ или какихъ нибудь инихъ всякихъ чиновъ сыновя не сучатся в славенолатинскихъ школахъ совершен-

ного ученія богословского, а пожелаютъ себѣ токмо с рускимъ ученіемъ духовнаго чина, и такихъ не вели, Государь, в духовни чинъ ставить. Для того, что не токмо руское ученіе, но и инихъ язиковъ обрѣтающихся въ благочестіи ученія толкуются и просвѣщаются богословскимъ ученіемъ, а наипаче духовному чину зѣло есть нужное и всеконечно потребное къ сложенію поученіи и к толкованію причтъ евангельскихъ и інихъ заповѣден господнихъ и всякихъ добродѣтелей, яко на ползу душевную и телесную.

И для всего того велѣте державство ваше, елико есть во всеи россіи епархій, архіереевъ, архіеписковъ и епископъ, чтобъ по всѣмъ епархіямъ славенолатинскія школы были и в такіе школи вишеписане господа, елико ихъ есть во всеи Россіи всякихъ чиновъ, отдавали бы дѣтеи в наученіе и чтобъ училися они господичи чрезъ годовъ шесть по школу рирорику и полно, развѣ которіе господичи своего волею и охотою пожелаютъ себѣ филозофическаго и богословского ученія, и в томъ имъ дать волю, разсмотря ихъ, будетъ могутъ понять филозофическое и богословское ученіе.

А будетъ, сучивъ риторское ученіе, а не пожелаетъ себѣ филозофическаго и богословского ученіи, а еще и пожелаютъ которіе, а непоимутъ онаго, и такихъ державство ваше изволите жаловати въ какои нибудь свои Государевъ чинъ, каково чина будетъ кои достоинъ и къ какому дѣлу кои будетъ съгоденъ.

Такожде и духовнаго чина сыновя по инимъ всеросискимъ епархіямъ и провинціямъ учили бы сея словенолатинского ученія по школу риторику, а ко ученію филозофическому и богословскому со всѣхъ епархіи и провѣнціи прижали бы к Москвѣ, по коихъ мѣстъ умножатся учители, для того что в нынѣшнихъ числѣхъ такихъ учителеи мало, чтобъ вдругъ филозофическаго и богословскаго во всѣхъ епархіяхъ и провѣнціяхъ учили бъ ученія.

А духовнаго чина дѣтемъ всеконечно надлежитъ тѣкъ двохъ школъ филозофическаго и богословского ученія учитися для то, что духовнаго чина протопоповичи, поповичи, дьяконичи и інихъ причетниковъ церковнихъ синовя ни в какои инои Государевъ чинъ неидутъ и отци ихъ не отпущаютъ, но всякъ протопопъ, попъ, дьяконъ и ініе причетники церковніе дѣтемъ своимъ [достоини ли или недостоини] таковаго же чина желаютъ, въ какомъ сами пребываютъ, не разсуждая отнюдь того, что есть духовни чинъ и какую в себѣ содержитъ силу и необеpегаяся того, чтобъ не причтенни были Евангельскимъ словесамъ сицевимъ: Слѣпецъ слѣпца водитъ, оба въ яму впадаютъ. Потому что въ духовнихъ чинахъ обрѣтаются двоякіе протопопи, попи, дьякони и ініе причетники церковніе, едини для Иісуса, а другіе для хлѣба куса. Которіе для Иісуса, эти аще и мало отъ чтенія словестнихъ разумни обрѣтаются и мирянъ безграмотнихъ и всякихъ поучаютъ и на путь спасенія наставляютъ. Которіе для хлѣба куса, в такихъ ни мало пути нетъ, потому что токмо знаютъ черное на бѣломъ читати, а что читаютъ, того не знаютъ. Но мало такихъ, которіе обрѣтаются для Иісуса; боліе такихъ, которіе

обрѣтаются для хлѣба куса. Сего ради духовнаго чина дѣтемъ всеконечно надлежитъ сучиватся Богословскаго ученія, что впредь и ввѣки вѣковъ лучшіе были в разумѣ, нежели въ нынѣшнихъ лѣтахъ и временахъ отци ихъ.

Доношеніе объ славено и греческолатинскихъ книгахъ, надлежащихъ до ученія славеногреческолатинскаго

В славнѣйшомъ градѣ Москвѣ на печатномъ дворѣ напечатани на три язика, греческимъ, славенолатинскимъ язики двѣ книжици зовомиее *Елексиконъ* и *Букварь* и нынѣ такіе книжици на печатномъ дворѣ есть многіе, а мало ихъ кто покупаетъ. Для того что в славнѣшомъ градѣ Москвѣ едини токмо славенолатинскіе школи и за нерадѣніемъ неправимъ властеи и начальнихъ школьнихъ такихъ вишеписаннихъ напечатаннихъ книжицъ ученики до ученія не употребляютъ и не покупаютъ.

Да сверхъ тѣхъ вишеписаннихъ книжицъ до славено и греческолатинскихъ школъ ученикамъ до ученія надлежитъ и очимъ нужніе и потребніе двѣ книжици званіемъ Елементарь, си есть мали букварь да Алварь, которіи содержитъ в себѣ правила толкованія переводовъ и разговорнихъ рѣчеи славенолатинскихъ и без такихъ книжицъ в славенолатинскихъ школахъ, а наипаче безъ *Алвара*, ни которими дѣли ученикамъ невозможно учитися но всякъ саміи послѣдни можитъ(?) оніе книжици покупать. И такіе книжици в прошлихъ годехъ привозилися в славнѣши градъ Москву съ инихъ Государьствъ и продавалися Елементари по гривнѣ, Алвари по рубь. И нынѣ такимъ книжицамъ съ инихъ государьствъ виходу и привозу нетъ и в славнѣйшомъ градѣ Москвѣ ихъ нынѣ мало, а почитать нѣчего нетъ, велѣте державство ваше в славнѣшомъ градѣ Москвѣ такіе книжици *Алварь* и *Элементарь* печатати и цѣну положити противъ нынѣшнеи цѣни Алвари по рублю, Елементари по гривнѣ и за такіе четири книжици, именно за Елексиконъ, за Алварь, за Буквары велики и мали доведется въ Государеву казну со всякого человѣка пополчварти рубля. Потому что всякіе господичи и іинихъ всякихъ чиновъ ученики, хотящіи в славенолатинскихъ школахъ учитися, учнутъ всеконечно такіе вишеписанніе книжици покупать безконечно, ввѣки вѣковъ, для того что имъ без такихъ книжицъ ни которими дѣли невозможно учится.

Да сверхъ вишеписаннихъ книжицъ велѣте державство ваше иніе книжици [до славенолатинскихъ школъ надлежащіе и зѣло ученикамъ потребніе] печатати и цѣну положити, почему доведется и почему державство ваше укажетъ.

И с такихъ вишеозначеннихъ школъ явленіе вишепомянутихъ четверочастнихъ безконечнихъ прибылеи.

первая:

Съ вишеписаннихъ всякихъ вишнихъ и нижнихъ мирскихъ и духовнихъ чиновъ дѣтеи окладніе денги

вторая:

За вышепменнописанніе и за протчіе помянутіе книжици, если Царское величество ваше повелите и укажете такіе книжици печатати

третяя:

велѣте державство ваше, идѣже нынѣ есть и впредь будутъ вишеозначенніе школи, чтобъ недалече такихъ школъ построить квартери для того, что которіе вишеписаннихъ всякихъ чиновъ дѣти далече от школъ живутъ и такіе квартери всеконечно учнутъ нанимавать и денги платить, поче(му) державство ваше укажете

четвертая:

Должновѣдущая и должнонадлежащая Господу Богу на хвалу, Царскому же величеству на превелико-славную честь и славу всякихъ вишнихъ и нижнихъ чиновъ господичи и всякихъ инихъ чиновъ дѣти во онихъ вышепомянутихъ школахъ научатся, какую Богъ и по Бозѣ Царствіе въ себѣ содержатъ силу и како должни воздати Божія Богови и Государево Государеви, якоже есть писані: воздайте Божія Богови и Кесарево Кесареви, си есть како по заповѣдемъ Господнимъ ходити и Государю во преподобіи и правдѣ служити и по указамъ Государевимъ всякіе дѣла творити.

Духовнаго чина и всякихъ причетниковъ церковнихъ дѣти научатся, како Божію силу и Божію премудрость уразумѣти и богословскимъ ученіемъ истолковати; первѣе, сами в себѣ узнаютъ силу духовнаго и священическаго чину; второе, научатся како богословскимъ ученіемъ мирозданіе увѣщевати, поучати и на путь спасенія наставляти. А чи научатся, чи ненаучатся, а вишепомянутіе прибили с такихъ вишеписанихъ всякихъ мирскихъ и духовныхъ чиновъ съ дѣтеи въ Государеву казну будутъ безконечно.

Сіе мое со страхомъ и трепетомъ всесмиренное доношеніе Царскому величеству вашему да не будетъ в досажденіе.

III.

Записка о коллегіяхъ [1]).

Пресвѣтлѣйшіі, державнѣйшіі царь, всемилостивѣйшіі великій Государь.

Ежели ваше великое царское величество послѣдующие 7 кол-

[1]) Госуд. Архивъ, дѣла Кабинета, отд. II, кн. 90, лл. 456—463.

легиі в государство свое і в столицу всемилостивѣйше уставить соізволите, то можетъ правительство между господами Сенаторами сицевымъ образомъ разделено быть, что всякое дѣло меншими трудами, а болшею ползою, к вашего царского величества высокому интересу яко же мнѣйшею тягостию, про вашего царского величества вѣрныхъ подданыхъ достойнѣ определено і управлено быть можетъ.

1.

Юстици коллегиумъ, іли высоки сенатъ, предъ которымъ, аки предъ высочайшимъ судомъ, в которомъ старшіі с господъ сенаторовъ президуетъ, никакие іные дела не предложатся, но токмо которые от всехъ протчихъ во всемъ Государстве судовъ по іскавшему і по полученному расмотрению туды снесутца.

2.

Канцелярный коллегиумъ іли великая канцелярия, в которой великій канцлеръ правителствуетъ, в сей канцеляріі особливо трактуютца і управятца все тайные консилиі с протчими потентатами учинныхъ мирахъ і о впредь замыкаемыхъ союзахъ і трактатахъ и еже ординарные Государственные обыкновения притомъ требуетъ в сей канцеляріі и дѣйствуетца со протчихъ Государствъ министрами в сей конференціі с теми министрами, которые при вашего царского величества дворе обретаютца, еще в сей канцеляріі съ вашего царского величество при чюжихъ потентатовъ дворахъ обретающимися министрами все тайные кореспонденціі управятца, в сей коллегиі такожде все вашего царского величества высокие ордеры, ко адмиралитету, к генералитету, къ армѣямъ, и коллегиямъ, и к чиновнымъ персонамъ ізготовятца і по важности дѣлъ, отъ самаго вашего царского величества і отъ великаго канцлера или же отъ одного великого канцлера подпишутца. Еще же в сей канцеляріі все наказы, определения, и дорожныя пасы, про высокихъ і нискихъ чиновъ воинскихъ и гражданскихъ персонъ подъ Государственною великою і меншею печатью выдаютца.

3.

Адмиралитетъ іли адмиралитейская коллегия или канцелярия, в которой сенаторъ иже адмиралъ генералъ президентъ, в сей коллегиі особливо управляютца совѣтования о вашего царского величества впредь потребныхъ учрежденіяхъ к олоту, яко же о силѣ к тому, і о протчемъ принадлежащемъ, яко пушки і все протчие снасти к амуниціѣ, и что к тому принадлежитъ, провіантомъ, насажденіемъ войска, такожъ продолжение в карабелномъ строеніі, и еже к тому требуетца, в сей же коллегиі и

все генералны и протчие кригсьрехты над морскими іли олотскими оөицерами и рядовыми держатца.

4.

Кригсь коллегиумъ іли военная канцелярия, в которой единъ генералъ, которому ваше царское величество сие соизволитъ, повѣрить, президуетъ, подъ которого правительствомъ суть все хлѣбные магазины, цеихаузы, и в нихъ обретающияся пушки, мортеры, оузеи, карабины, пистоли, шпаги и багинеты со всеми протчими к тому потребными вещми, яко бомбы болшие и малые, такожъ гранаты, порохъ, башни, своды і литейные дворы, оузейные, карабинные, пистолетные, шпажные, і багинетные маніоактуры іли заводы, а гдѣ такихъ мануфактуровъ нѣтъ, тамъ ихъ лехко завести мочно, якоже мундирные домы, в которыхъ мундирныя платья берегутца и все еже ко учреждению вашего царского величества воиска требуетца, еще же в сей канцелярії іли коллегиі все контракты замыкаютца с пушечными, с селитерпыми, с пороховыми мастерами, якоже с теми, которые бомбы, гранаты, и пушечные ядра льютъ, такоже с оактарами (?) сицевыхъ заводовъ имѣющими людми, также с купеческими людьми, которые сукна и протчие к тому потребное поставятъ, еще же с ремесленымі людми, которые платье, башмаки, сапоги, седла и к тому потребное поставятъ, с сиеюжъ коллегиею корреспондуютъ все генералы и полковники о мундире и ружье про ихъ подъ командою имѣющихъ региментовъ.

5.

Камер коллегиумъ или большая государева казна, в которой единъ с старшихъ господъ сенаторовъ президуетъ. Сия коллегія можетъ краткимъ, а не пространнымъ обычаемъ уставлена быть. И тако что 1. Мало к тому персонъ употребляетца, которымъ бы іначе надлежало жалованье дать, 2. Что дѣла в краткости и безъ великаго пространства управилися, 3. Что ваше Царское величество и с краткой выписки всегда видеть и вѣдать моглъ о всехъ по всякое время доходахъ всего Государства яко же о всѣхъ звычайныхъ и чрезвычайныхъ расходахъ и что затѣмъ в году в казне оберегаетца, 4. Что понеже вашего царскаго величества доходы чрезъ премногие руки предятъ, і самѣмъ мнѣйшымъ, умолчаю болшихъ, утайкамъ помешать і предварить оные доходы неумалны, но умноженны были. 5. Что такие вашего царскаго величества таковымъ обычаемъ неумалены, но умножены будутъ. 6. Что вашего царскаго величества вѣрны подданы чрезъ сие безопасности поставлены будутъ отъ тѣхъ, которые надъ ними власть имѣютъ, что оныхъ подданныхъ вашихъ еднимъ или другимъ обычаемъ отягчать і утеснить не могутъ, ибо часто в сицевыхъ великихъ Государствахъ бываетъ подданнымъ утесние

особливо внегда отъ Государскихъ очей отдалены и к великому своему Государю притти не могутъ или же хотя і притти могли, то однокожъ такой великой Монархъ, для многихъ своихъ высокихъ Государственныхъ дѣлъ, толико лишняго времени імѣть неможетъ, чтобъ каждаго особливо слушать могъ. 7. Чтобъ болши четырехъ русскихъ и единого нѣмецкого камереровъ не было, с нѣкіими к нимъ потребныхъ (елико потребно) служителями, дабы оными все щеты, о всѣхъ вашего царскаго величества, всего Государства доходовъ безъ великой работы и пространствъ держать и управлять могли.

Сей коллегій держитъ все управления і правительства надъ всеми вашего царскаго величества, всего государства всякими доходами і замыкаетъ в оныхъ доходахъ все контракты і печется, чтобъ все время принято і отдано было, якоже, о еже ординарному стату, переведено, что в вашего царскаго величества казну погодно исправно и во время положено было, сей же коллегіумъ принимаетъ все вашего царского величества доходовъ, которые звычайному стату не переведены, и с тѣхъ доходовъ ничего не выдаетъ, но токмо еже ваше царское величество своимъ особливымъ высокимъ ордеромъ, или переводомъ всемилостивѣйше повелѣть соизволитъ, осталое же все в вашего царскаго величества казнѣ, аки оныхъ доходовъ годовое збереженіе и умноженіе остаетца, а при кончаніі всякаго года надлежитъ сей коллегіі президенту самому обо всемъ вашего царскаго величества высокой персонѣ краткую выписку или экстрактъ подать, дабы ваше царское величество о еже в запасъ остаетца всегда в подлинніѣ вѣдать могли, і понеже сие есть Государственное таинство, о которомъ никому іному, но токмо вашему царскому величеству, и статсъ канторному президенту вподлинніѣ вѣдать надлежитъ, то надлежитъ оную выше помянутую годовую выписку тако слагать и учинить, чтобъ и самъ дѣлаяй в статсъ канторе оной выписки, о подлинномъ в казнѣ сущемъ запасе не весма могъ ізвѣстенъ быть, а в оной прежде помянутой казнѣ не токмо золото, серебро і всякие денежные монеты, но і все протчие якорныя и драгія вещи оберегаютца и держатца.

6.

Коммерціі коллегіумъ, в которомъ единъ сенаторъ президуетъ, сей коллегіумъ правительствуетъ всею торговлю, и еже к тому принадлежитъ, яко все таможни, акцизы, лиценты, порториумъ. И одна (?) оными подобными доходами, и пошлины однако же вашего царского величества высокимъ ізволеніемъ аще тако соизволяетъ, оному же вышепомянутому президующему президенту или сенатору надъ всеми торгами і торговыми дѣйствами, тщаливое імѣть надзираніе, чтобъ онъ притомъ вашего царскаго величества высокіі интересъ оберегалъ, ему же президенту все,

еже торговлѣ к славе простираетца, можетъ прихранить, в противной же торговлѣ, что вредитъ, возбранить, он же содержитъ устроенные маніѳактуры и печетца по тѣхъ маніѳактурахъ, которыхъ еще построить надлежитъ, а имянно о такихъ, которымъ матерія в государстве есть, что ввести и уставить и тщится же сей коллегіумъ онаго уставления ради, чтобъ к тому дѣлу в начале потребные разумные люди, которые въ коммерціяхъ весма искусные, приняты і приставлены были, ібо в послѣдующее время извѣстныі управитель к сему дѣлу учрежденъ быть можетъ. И для подлиннаго уставления всѣхъ пунктовъ означеннаго дѣла не было бъ без ползы, аще бъ во всякомъ морскомъ, іли во всякомъ иномъ великомъ городе с торговыхъ людей по одному человѣку, которыі в такомъ городѣ въ торговлѣ искуснѣйші, выбрать, титлою коммерцскимъ совѣтникомъ, однакожъ безъ опредѣленія ему жалованья, именовать, и оный бы могъ с коллегиею кореспондовать о торговлѣ, і всякой бы к поспешствованію торговлѣ і комерціѣ і к вашего царского величества при торговлѣ интересу съ того города, гдѣ онъ живетъ, по тщательному примѣчанію всего потребнаго совѣты і извѣстие дать могъ, сеи же коллегіе можно такожъ разные добрые способы и обыкновения къ рукамъ придать, которые торгомъ немалую ползу принести могутъ. И понеже к преждепомянутымъ коллегиамъ, якоже к протчимъ гражданскимъ і военнымъ чинамъ, многихъ іскусныхъ и учоныхъ людей требуетца, и монарху великому полезнѣйше есть, внегда із своихъ природныхъ подданныхъ все такие достойные персоны імѣть можетъ, к чему же лутчиі есть способъ, чтобъ ваше Царское величество про свою шляхецкую юность повелѣть соизволили академию уставить, в которыхъ юность не токмо всемъ разнымъ языкамъ и эксерциямъ, но и всемъ протчимъ ученіямъ, яко ѳортиѳикацие, архитектурѣ, навигаціѣ, и тѣмъ подобнымъ ученіямъ выучитца могутъ и чрезъ такие академіі потомъ и полза послѣдуетъ: 1. Можетъ такой молодои шляхтецъ малыми коштами, і гораздо меньшими изждивеніями, нежели в чужихъ земляхъ, в здешной землѣ учитца, 2. В чюжихъ земляхъ менши, нежели в своей землѣ, учитца можетъ, понеже тамо надзирания добраго не имѣетъ, но в великой своей вольности живетъ, 3. Денги, которыхъ в чюжихъ земляхъ имѣлъ іздержать, в своеи землѣ остаютца, 4. На такихъ академияхъ можно каждаго поятность і склонение испытовать, и всякъ в послѣдованиі по своему склонению наученъ быть хожетъ, еже в чюжихъ земляхъ болшой части юности удаетца, а вышепомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусные персоны учинены быть могутъ, 5. Когда же юности по достигшей поятности изъ академіі вышедшіе в чюжие земли для совершеннаго доученія выѣхать, тогда въ единъ годъ болши, нежели іначе въ десять лѣтъ, ползовать могутъ. И гораздо меншими харчми нежели за моремъ, внегда ихъ очень младыхъ высылаютъ, достигнуть могли, а сицевые академіи вашему царскому величеству

ни во что не станутъ, а юности шляхецкой болши не станетъ, нежели нынѣ за едну пищу свою принуждены платить.

IV.

Указы о цыфирныхъ школахъ [1]).

1.

Великого Государя Царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержца указ в адмиралтеискую канцелярию таиному совѣтнику адмиралу генералу кавалеру и губернатору и президенту адмиралтеиствъ граѳу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину с товарыщи.

В нынешнемъ 716 м году Генваря въ 5 день в указех великого Государя ис канцеляриі сената в адмиралтеискую канцелярию к тебѣ таиному совѣтнику адмиралу генералу кавалеру и губернатору и президенту адмиралтеиствъ граѳу Ѳедору Матвѣевичу с товарыщи писано.

Декабря 31-го числа прошлого 715 году великиі Государь указал, по имянному своему великого Государя указу, в губерніях дворянских и приказного чина дьячьих и подяческихъ дѣтей попрежнему Его великого Государя имянному указу прошлого 714 году Ѳевраля 28 числа учит цыѳири и нѣкоторую часть гиометріи, і для того учения взять из математических школ таких, которые геограѳию и геометрию выучили, и послать во всякую губернию по два человека, а в губерниях оным при той науке быть, какъ о том в прежнемъ Его великаго Государя указе назначено, і оныхъ учителеи на Москвѣ из адмиралтеискои канцеляріи отослать в канцелярию Сенацкого правленія, а из сенацкои канцеляріи разослать их по губерниям.

И о том в губерниі и къ Юрью Шишкину указы посланы.

А сего Генваря 18 числа великиі Государь указалъ, по имянному своему великого Государя указу, в вышеписанныхъ наукъ учить в губерніяхъ дьячьихъ и подяческих и всякого чина людей дѣтей по прежнему Его великого Государя имянными указомъ 714 Ѳевраля 28-го, 715 Декабря 28-го числа, окромѣ дворянских детеи, и для того учения взят по прежнему із школы такихъ, которые геограѳию и гиометрию выучили, і послать во всякую губернию по два человека, а в губерниях оным при той науке быть, какъ о том в прежнем Его великого Государя указе назначено, и оных учителеи на Москвѣ из адмиралтеискои канцеляриі отослать в канцелярию Сенацкого правленія, а из сенацкои канцеляриі разослать их по губерниям. И таиному совѣтнику адмиралу генералу

---

[1]) Архивъ Морского Министерства, дѣла Адмиралтейской канцеляріи, № 115, 1716 года.

і кавалеру и губернатору и президенту адмиралтействъ граоу Θеодору Матвѣевичю Апраксину стоварыщи учинить о томъ по сему Его великого Государя имянному указу. Подлиннои указ за приписанием руки Сенатора граоа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина.

На подлинном указе подписано: Царского Величества с ымянным указомъ свидѣтельствовал дьякъ Семенъ Ивановъ.

Справа подячего Дмитря Окункова.

Генваря 25 дня 1716 году.

Записат в книгу и учинить посему Его великого Государя указу без всякого медления. 1716 Θевраля 3 [1]).

2.

1716 г. Февраля въ день великиі Государь Царь і великиі князь Петръ Алексѣевичъ всеа великия і малыя і бѣлыя Росиі Самодержецъ указал, по имянному своему великого Государя указу, послать во всѣ губерниі із адмиралтеискои канцеляриі, взяв из школы математическои учеников по два человека, которые скончили геометрию, не из знатныхъ пород і велѣть імъ в тѣх губерниях обучат поповских и других церковного, також и купеческого чину і дворовых людеи дѣтеи, кромѣ шляхетства, ариѳметики і до окончанії наукъ, которых они сами обучены, и для того послать с ними к губернаторомъ свои великого Государя грамоты, означа в оных, дабы они губернаторы всякои в своей губерніи объявили о томъ архиереемъ, чтоб они о томъ вышеозначенномъ ради всенароднои ползы обученіи были извѣстны и тѣмъ вышеписанным посланнымъ с Москвы в бытность ихъ при учении велѣли дават кормовых денегъ по три алтына по две денги человеку на день із их архиереиских доходов и приказалиб, кому пристоино, над ними надзирать непрестанно, чтобъ тѣ посланные собранных дѣтей обучали, а дѣти учились со всякимъ тщаниемъ безлѣностно, и для того велѣли б во всѣхъ городѣхъ поповских, дьяконских и другаго церковного чина не женатых всѣх переписат и к тому обучению во определенные мѣста высылат немедленно, а протчих чинов дѣтеи, кромѣ шляхетства, призыват, чтоб они шли в то учение без всякого сумнительства и опасения, ибо то Его Величества соизволение не ради чего другаго, но точию для народной ползы, и не обуча церковного чина дѣтеи женит і венечныхъ памятеи давать не велѣть, и коликое число в которои губерніи вышеозначенных дѣтеи и с каких чинов во учение в записке і кто и з них із науки в науку превосходит будетъ і кто науку скончит, о томъ в адмиралтеискую канцелярию писат и присылат вѣрные вѣдомости всегодно за руками посланных с Москвы учеников, и для той посылки ізбрат в Москвѣ ізо всѣх учеников добрых и постоянных людей и о томъ к учителем послат указъ, сей великого Государя

[1]) Л. 1361 и об.

указъ приказал записат адмирал генерал ковалѣръ губернаторъ таинои совѣтникъ и президентъ адмиралтеиствъ граѳъ Ѳедор Матвѣевичъ Апраксинъ [1]).

3.

1716 г. Ѳевраля въ 14 день по указу великого Государя школы математико навигацкихъ наукъ учителю Леонтью Магницкому. В нынешнемъ 716 году генваря въ 25 день в указе великого Государя ис канцелярiи правителствующаго сената в адмиралтеискую канцелярию написано: Декабря 31 числа прошлого 715 году великiе Государь указалъ по имянному своему великого Государя указу в губерниях дворянскихъ і приказного чина дьячьихъ и подъяческихъ дѣтеи по прежнему Его великого Государя имянному указу прошлого 714 году учит цыѳири и некоторую часть геометрiи, а Генваря въ 18 день великiе Государь указалъ по имянному своему великого Государя указу вышеписанныхъ наукъ учит в губерниях дьячьих і подяческихъ і всякого чина людеи дѣтеи по прежнимъ Его великого Государя имяннымъ указомъ 1714 1715 годовъ, окромѣ дворянскихъ дѣтеи, і для того учения, взявъ из школы математическои учениковъ, которые ізучали геометрию, послат вовсякую губернию по два человека и для тои посылки із адмиралтеискои канцелярiи отослать в канцелярию Сенатцкого правления и учителю по принятiи сего великого Государя указу для означенои посылки выбрать учениковъ дватцать человекъ, кромѣ шляхетцства, прислат к смотру в адмиралтеискую канцелярию з доношенiемъ немедленно

Справил Алексѣй Андрѣевской

Припись дьяка Якова Протопова
Таков указ посланъ с учеником с Васильем Леушинским [2])

4.

1716 году Апреля въ 12 день великаго Государя в адмиралтеискую Канцелярию Адмиралу Ковалеру Генералу Губѣрнатору таиному совѣтнику і президенту адмиралтеиствъ графу Ѳеодору Матвѣевичю Апраксину с товарыщи школ математико навигацких наук учитель Леонтiи Магнецкiи доноситъ: прошедшаго Ѳевраля четвертаго надесять числа присланъ великаго Государя указ в школу, велено ему Магницкому из школы выбрать школныхъ учиниковъ дватцать человекъ, которыя ізучили геометрию для посылки в губернiи учить учиников дьячьих і подяческихъ детей і всякаго чина людеи цыѳири и некоторую часть геометрiи, кроме дворянских дѣ-

[1]) Л. 1191 и об.
[2]) Л. 1362.

теи, послать во всякую губернию по два человека і потому великаго Государя указу онъ Магницкіи, выбравъ і своеи школы толко шесть человекъ, а болше іс такихъ пород достоиныхъ неявилос, да школы учителя Степана Гвына с его Гвынова совѣту четырнатцат человекъ, всего дватцат человекъ, которыя ізучили вышеозначенныя науки ариѳметику і геометрию, послал в адмиралтеискую концелярию с симъ доношением шесть человѣкъ, что изсвои школы, а с школы Степана Гвына выбраннымъ послана імянная роспис под симъ же доношениемъ, а кто имяны і какова чина, роспис ниже сего, і о приемѣ их в адмиралтеискои канцелярпі і об указѣ четырнатцати человеках к нему Гвыну что великиі Государь укажетъ

Леонтеи Магницкіи

Школы учителя Леонтия Магницкаго:

Малолѣтнаго полку із драгунъ
Аѳонасеи Селезенѣвъ
Леиб гвардіи Преображенскаго полку
Андрѣй Полозовъ
Бутырскаго полку солдацкои сын
Яковъ Шухаловъ
Дворовaго чина
Иванъ Коншинъ
Із людей боярскихъ
Іванъ Дунаевъ
Посацкаго чина
Григорей Бралгинъ

Школы учителя Степана Гвына:

Церковнаго чина
Михаила Угримовъ, Сергей Русиновъ
Дворовaго чина
Дмитрей Пшенишников, Ілья Лебедев
Из людей боярских
Никита Пѣлецкой, Ѳедоръ Брюзгинъ
Посацкаго чина
Ігнатей Ярославцов, Никиѳор Денисьевъ, Семенъ Куницын, Михаила Крыловъ, Якимъ Ладонников, Іванъ Привалов, Ѳедоръ Рыбниковъ, Петръ Колесов

Леонтіи Магницкіи

Взять к отпуску і выписать, коликое число учениковъ для посылки в губерніи избрат і в канцелярію правителствующаго сената отослать повелено: и явить немедленно судьѣ.

И по сей помѣте в адмиралтейской канцеляріи выписано [1]).

---

[1]) Лл. 1363—1364.

5.

В указе великого Государя из Санктъ-питеръ-бурха в адмиралтейску канцелярию написано:

По Его великого Государя именному указу велѣно в губерніяхъ учить дьячихъ и подяческихъ и всякого чина людеи дѣтеи цыѳири и нѣкоторую часть геометріи, окромѣ дворянскихъ дѣтей, и для того учения, взявъ из школы математическои учениковъ, которые изучили геометрию, послать во всякую губернію по два человека и для тои посылки велѣно отослат из адмиралтеискои канцеляріи в канцелярию правителствующаго сената. А для отсылки в тѣ губерніи прислано в адмиралтеискую канцелярию из математическои школы от учителя Леонтья Магницкого з доношениемъ учениковъ двацать человекъ, а імянно из нижеписанныхъ наукъ и чиновъ:

Из діурналъ:

Малолѣтного полку из драгунъ

Аѳонасеи Селѣзеневъ.

Из навигаціи плоскои:

дворового

Дмитреи Пшенишниковъ — Илья Лебѣдевъ

церковного

Михайло Угрюмовъ — Сергѣй Русиновъ

из людѣй боярскихъ

Никита Пелѣцкой — Ѳедоръ Брюзгинъ

посацкого

Игнатій Ярославцовъ — Никифоръ Денисьевъ

Семенъ Куницынъ — Михайло Крыловъ

Якимъ Ладонниковъ — Иванъ Приваловъ

Ѳедоръ Рыбниковъ — Петръ Колесовъ

Леиб гвардіи Преображенского полку сержанской сынъ Андрѣи Полозовъ.

Ис тригонометріи:

Бутырского полку салдацкои сынъ Яковъ Шухановъ

дворового чину

Иванъ Коншинъ

из людѣй боярскихъ

Иванъ Дунаевъ

Из геометріи:

Посацкого чину Григореи Бралгинъ

А губернеи росписано девять, а именно:

Московская — Санктъпитеръбурская

Казанская — Нижегороцкая

Сибирская — Рижская

Киевская — Азовская

Архангелогородцкая

И буде в тѣ губерніи отослать противъ присланного великого Государя ис канцеляріи правителствующаго сената указу по 2 человека, итого 18 человекъ. А затѣмъ в остатке 2 человека.

А буде отослать опричь московскои и санктъпитербурскои губерніи, і того 14 человекъ. А затѣмъ в остатке 6 человекъ

Справилъ Алексѣи Андрѣевской [1])

6.

1716 г. Апрѣля въ « » день по указу великого Государя школы математико навигацких наукъ учителемъ Степану Гвыну, Леонтию Магницкому. Сего Апрѣля въ 12 день присланы в адмиралтеискую канцелярію з доношениемъ математическои школы учениковъ 20 ч. для посылки в губерніи в учители, в том числѣ присланы малолѣтного драгунского полку Аѳонасеи Селезневъ, дворовaго чину Іванъ Коншинъ, Дмитреи Пшеничиников, Илья Лебедевъ и по указу великого государя велено ихъ отослать во ученіе попрежнему и учителемъ по принятіи оныхъ учениковъ велели быть во ученіи по прежнему, а на их мѣста выбрат не из знатных пород трехъ человекъ, кромѣ шляхетства и Преображенского и дворовaго чину, из школы учителя Степана Ильина выбрать ихъ прислат в адмиралтеискую канцелярию с доношеніем [2])

7.

1716 г. Апреля въ 20 день великого Государя въ Адмиралтеискую Канцелярию Адмиралу Ковалеру Генералу Губернатору таиному Совѣтнику и президенту адмиралтеиствъ граѳу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину с товарищи школ математико навигацких наукъ учитель Степанъ Гвынъ доноситъ: прислан к намъ указъ из адмиралтеискои канцеляріи для управления из учениковъ по губерниямъ в учители дватцать человекъ и тѣ ученики отправлены и из того числа явилис и знатных чиновъ и присланы в школное учение по прежнему, а велѣно выбрать трехъ человекъ для вышепомянутаго управления и оные три человека выбраны и посланы с симъ доношением в адмиралтеискую канцелярию, и о том что великій Государь укажетъ, а кто имяны, ниже сего роспись, из людеи боярскихъ: Михайло Литвиновъ, посацкаго Яковъ Смирнои, Яковъ Аксентьевъ із людей боярских. Степанъ Гвынъ

Взять к отпуску и кто из вышеимянованных школьниковъ отосланъ будетъ, в списку под именемъ ево отмѣтит [3])

8.

Доношеніе в канцелярію сенацкаго правления из адмиралтеискои канцелярии

---

[1]) Лл. 1365—1366.
[2]) Л. 1367.
[3]) Л. 1368.

В нынешнемъ 716-мъ году в указе великогоГосударя Царя и великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержца ис канцелярііі правителствующаго сената в адмиралтеискую канцелярію к адмиралу ковалеру генералу губернатору таиному совѣтнику и президенту адмиралтеиствъ граѳу Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину с товарыщи, каковъ присланъ из Санктъ питербурха в Москву 3 числа Ѳевраля написано:

Генваря 18 числа 716 году великіи Государь указалъ по имянному своему великого Государя указу в губерніяхъ дьячихъ и подяческихъ и всякого чина людеи дѣтеи по прежнимъ Его великого Государя имяннымъ указомъ 714 Ѳевраля 28, 715 Декабря 28 чиселъ, окромѣ дворянскихъ дѣтей, учить цыѳири и нѣкоторую часть геометріи и для того ученія взять из школы такихъ, которые географію и геометрию выучили, и послать во всякую губернию по два человѣка, а в губерніяхъ онымъ при той науке быть, какъ о томъ в прежнемъ Его великого Государя указе назначено, и оныхъ учителей на Москвѣ из адмиралтеиской канцелярііі отослать в канцелярию сенацкого правления, а из сенацкой канцелярііі разослать ихъ по губерніямъ

И потому Его великого Государя указу математическои школы из учениковъ для означеннои посылки выбраны и із адмиралтеискои канцелярііі в канцелярию сенацкого правления посланы с симъ доношеніемъ.

А когда тѣ ученики ис канцелярііі сенацкого правления в губерніі посланы будутъ, і о томъ, кто куды пошлетца, ис канцелярііі сенацкого правления в адмиралтеискую канцелирию к адмиралу генералу ковалеру губернатору таиному совѣтнику и президенту адмиралтеиствъ граѳу Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину с товарыщи чтоб указомъ великого Государя повелѣно было для вѣдома отписат, а жалованье тѣмъ ученикам в губерніяхъ велѣно давать по Его великого Государя имянному указу, а кто имяны ученики і в каких наукахъ были, под симъ роспись:

в навигациі плоской:

Церковного чину

Михаило Угрюмовъ — Сергѣй Русиновъ

Посацкого

Игнатей Ярославцовъ — Никиѳоръ Денисевъ
Семенъ Куницынъ — Михаило Крыловъ
Якимъ Ладонниковъ — Иванъ Приваловъ
Ѳедоръ Рыбниковъ — Петръ Колесовъ

Из людеи боярскихъ

Никита Пелецкой — Ѳедоръ Брюзгинъ
Михаило Литвиновъ

В тригонометріи:

Бутырского полку салдацкой сынъ Яков Шухалов

Из людей боярскихъ

Іванъ Дунаевъ

В геометріи:
Посацкаго чину Григорей Бралгинъ
Итого шеснатцать человекъ, великого Государя жалованья кормовыхъ денегъ дано имъ Апрѣля по 1 число 716 году
Яков Протопоповъ.
У сего доношения великого Государя печат
Справил Алексѣи Андрѣевской
Из адмиралтеискои канцелярііе об отсылке учениковъ [1])

9.

Великого Государя Царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержца указъ в адмиралтеискую канцелярию таиному совѣтнику Адмиралу Генералу Кавалеру и Губернатору и президенту Адмиралтеиствъ Граѳу Ѳедору Матвѣевичу Опраксину с товарыщи.

В нынешнемъ 716-м году Апрѣля въ 21 день в доношеніі из адмиралтеискои Канцелярііе в канцелярию Сенатцкого правления написано:

Из адмиралтеискои канцеляріи в канцелярию сенатцкого правления послано Математическои школы из учениковъ для посылки в губерніи, кроме Санктъ питербурскои губерніі, понеже в тои губерніи школа есть, по имяномъ шеснатцат человекъ, а когда тѣ ученики ис канцелярііе Сенатцкого правления в губерніі посланы будутъ и кто куды пошлетца, и о томъ ис канцелярііе сенатцкого правления в адмиралтеискую канцелярию к тебѣ к адмиралу генералу ковалеру губернатору таиному совѣтнику и президенту Адмиралтеиствъ граѳу Ѳедору Матвѣевичу со товарищи отписат

И Апрѣля въ 30 день сего 716-го году по Его великого Государя указу ис присланныхъ математическои школы из учениковъ для учения по губерніямъ цыфири посланы:

В московскую
Ѳедоръ Рыбников — Сергѣи Русиновъ
В рижскую
Никиѳор Денисовъ — Яковъ Шуховаловъ
В сибирскую
Микита Пилецкои — Яким Ладонниковъ
В киевскую
Іванъ Привалов — Петръ Колесовъ
В казанскую
Семен Куницынъ — Іванъ Дунаевъ
В азовскую
Михаило Угрюмовъ — Игнатеи Ярославцовъ
В архангелогородцкую
Михаило Литвинов — Ѳедор Брюзгинъ

[1]) Л.л. 1369—1370.

В нижегородцкую

Михаило Крыловъ Григореи Бралгинъ

У сего указу великого Государя печат Маия въ 25 де 716 году.
Справил Егоръ Ребров

Записат в книгу взять к отпуску
1716 Маія въ 26 де

Из канцелярiі Сенатцкого правления в адмиралтеискую канцелярию о посылке для вѣдома школниковъ по губерниямъ [1])

V.

Меморіалъ барона Нирода о школахъ [2]).

Всеподданнѣйшіі мемориалъ.

Понеже к славѣ Божией и для воспитания младенчества в страсѣ Божиі и во всѣхъ христианскихъ добродѣтеляхъ, наукахъ и языкахъ и протчихъ обученияхъ, всѣхъ собственныхъ своихъ маэтностей опредѣлилъ, а имянно алпъ, седель, каулепъ, и кукѳеръ, со всѣми подлежащими деревнями і крестяны и протчимъ, чтобъ на свои протари школу построить и учителей из Германіи призвать, а нынѣ оное милостию досягъ, что обучаютъ и воспитаютъ в ней слишкомъ 20 шляхетныхъ и нешляхетныхъ дѣтей; того ради я сие свое намѣрение вашему Царскому величеству о споможеніі возращения дѣтей шляхетныхъ вѣрныхъ подданныхъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшее открыть и притомъ объявить желалъ, какое приуготовление и той школе от меня учинено, какъ дѣтямъ во оной быть воспитанымъ, что имъ в той школе учитца и сколко каждому за прокормление и за учение и за одежду погодно платить.

1. Построилъ я сего году школу, в которой еще 120 человѣкъ дѣтей шляхетныхъ націи росиіской могутъ приняты быть сверхъ тѣхъ, которые нынѣ в ней обучаютца;

2. Протчихъ учителей, коворые к вышереченному числу дѣтей востребуютца, из Германіи немедленно выпишу, аще ваше Царское величество дѣйство сие заблаговоспріимѣтъ;

3. Для прокормления дѣтей пития и естъ учинено всякое приуготовление, и не будетъ ни в чемъ недостатку; нѣкоторые люди опредѣлены, которымъ тѣхъ дѣтей в чистотѣ содержать, такъ же платье и бѣлье ихъ охранять; у шти шляхетныхъ дѣтей учрежденъ одинъ из убогихъ для услужения при вздеваніі платья и протчего; при оной же школе держитца дохтуръ, которой надзирание будетъ имѣть надъ болными, и опредѣлять,

---

[1]) Лл. 1371—1372.
[2]) Госуд. Архивъ, Дѣла Кабинета, отд. II, кн. 50, лл. 252—253.

какие имъ лекарства принимать, и того ради будетъ аптекарь при той школе с полною аптекою, дабы они при себѣ всякие лекарства имѣли, такъ же и про болныхъ особливые учреждены покои, дабы імъ со здоровыми не вмѣсте быть, и опредѣлены нѣкоторые люди, которымъ при болнымъ всякое услужение имѣть;

4. В школе обучены будутъ дѣти немѣцкому, латынскому и французскому языкамъ, географіи, исторіі, ѳилозоѳіі, арихметики, землемѣрению (геометріі) и ѳортиѳикаціі, архитектурству, и живописному; ониже обучены будутъ политики, морали (гражданонравиямъ) и в политичныхъ дѣлахъ, такожъ и танцовать, на шпагахъ битца и на лошадехъ ѣздить;

5. За прокормление, за услужение и за обучение оного всего, что въ 4-мъ пункте упомянуто, и за лекарства, егда кто занеможетъ, платить каждому по 100 рублевъ в годъ, и понеже родителямъ дѣтей своихъ за далностию одеждою исправлять трудно, и того ради приемлю на себя, дабы каждому отроку всякую одежду и бѣлье и обувь за 20 рублевъ в годъ исправно имѣть;

6. Понеже учителей не без великихъ иждивеніи выписать и множество книгъ надлежитъ купить, такожъ многие деньги востребуютца, чтобъ в запасъ уготовить всякой пищи и лекарствъ на аптеку, и ко одежде всякихъ потребностей; того ради надлежитъ, чтобъ родители за каждого своего сына вышеписанные сто двадцать рублевъ напередъ присылали, дабы по великомъ и пространномъ такомъ дѣле препятствия никакаго или конѳузій не учинилось;

7. В школу дѣти отъ седьми до четырнатцати лѣтъ приняты бываютъ, а которые менши семи лѣтъ, и тѣ еще ко учению негодны, такъ же коимъ болши четырнатцати лѣтъ, оные неисправны, чему выучитца;

8. Понеже Государство вашего Царского величества зело велико и младенчество многочисленно есть, то обѣщаюсь всепокорнѣйшее толикое число школъ пристроить, чтобъ по вся годы двѣсти или триста дѣтей для обучения вышеписаннымъ же договоромъ могли приняты быть; но понеже для произведения такого великого строения доволного числа людей не имѣю, того ради прошу нижайше, да соблагоизволитъ ваше Царское величество о обретающихся полонениковъ такое число, сколко понадобитца къ экономию и для всякой потребы при школе, такожъ и мастеровыхъ людей для строения школъ, всемилостивѣйше повелѣть мнѣ опредѣлить, егда они к тому доброволно похотятъ и присягу в вѣрности преждѣ учинятъ;

9. Такожъ в Государстве вашего Царского величества многие живутъ убогие дворяня, которые у себя не имѣютъ пожитка, чтобъ за учение дѣтей своихъ могли платить, а высокой интересъ вашего Царского величества востребуетъ, чтобъ убогие дворянские дѣти во всѣхъ христианскихъ добродѣтеляхъ и наукахъ благо воспитаны были, дабы оныхъ впредь к вашей царского

величества службѣ, какъ в гражданские, такъ і в воинские чины з дѣйствиемъ добрымъ употреблять; того ради обѣщаюсъ всепокорнѣйшее объявить, какимъ бы образомъ можно вначалѣ сто человѣкъ убогихъ шляхетныхъ дѣтей подобно вышеписаннымъ безденежно воспитать и научить и одеждою снабдѣть, и чтобъ на то отъ вашего царского величества ни малыхъ какихъ убытковъ не происходило; притомъ обнадѣживаю, чтобъ и с вышепомянутого числа убогихъ шляхетныхъ дѣтей по возможности умножать, и что яко честны мужъ и вѣрный подданны вашего царского величества в томъ я корысти никакой себѣ не желаю, но сколько благословениемъ Божіимъ доходовъ станетъ от вышеписанныхъ маэтностей, которые я к школамъ опредѣлилъ, и то все на воспитание убогихъ шляхетныхъ дѣтей полагать буду;

10. Понеже во всехъ Государствахъ, в которыхъ школы такие и сиротские домы учреждены, от высокого началства оные школы нѣкоторыми привилѣями жалованы, того ради прошу и я всепокорнѣйшее, да соблагоизволитъ ваше Царское величество и сию школу и сиротской домъ привилиями пожаловать, и для того ко апробациі и к собственному высокому соизволению вашего царского величества приложенной к сему проэктъ в нижайшей покорности предлагаю.

баронъ Ниротъ.

VI.

Изъ проектовъ барона Любераса о коллегіяхъ [1]).

Учрежденіе Полицейской коллегіи.

Божіею милостію Мы..

Съ великимъ попеченіемъ и немалымъ трудомъ во время правленія вверенными намъ отъ Бога столь многими землями и государствами, исполняя долгъ, предписуемый отъ Бога, яко высочайшаго обладателя всѣхъ народовъ и земель, и оказывая нашимъ подданнымъ истинную отеческую любовь, старались Мы споспѣшествовать благосостоянію и приращенію нашего государства учрежденіемъ разныхъ сему намѣренію соотвѣтствующихъ коллегій и утвердить оное на нынѣшнія и будущія времяна; но какъ при таковомъ распоряженіи весьма ясно усмотрѣли, что всѣ сіи учрежденіи нужно возстановить и подкрѣпить исполненіемъ данныхъ уставовъ, въ общихъ государственныхъ выгодахъ въ путешествіи и повозкахъ, водою и сухимъ путемъ, въ строеніи домовъ, въ смотрѣніи надъ дорогами, торговыми мѣстами съ ихъ преймуществами, наблюдѣніемъ надлежащаго равновѣсія во вза-

---

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, Второе Отдѣленіе собственной Е. И. В. Канцеляріи, связка 227, ч. 6-я, № 16—17.

имномъ торгѣ и промыслѣ, приличнымъ ндравоученіемъ и умереннымъ постановленіемъ въ общественныхъ обхожденіяхъ и различеннымъ по достойнству домовотствахъ и поведѣніяхъ. Того ради Мы за благо и полезно разсудили учредить изъ разныхъ и за способныхъ признанныхъ людей раздѣленную на двѣ части полицейскую коллегію, состоящую изъ одного президента, одного вицепрезидента, четырехъ полицейскихъ совѣтниковъ, четырехъ ассесоровъ, одного секретаря, двухъ фискаловъ, шести копеистовъ съ прочими нижними служителями, и силою сего постановляемъ, чтобъ оная съ одной стороны вышеупомянутые и другіе до сего касающіеся дѣла приняла въ надлежащее смотреніе, а съ другой разсматривала съ прилежаніемъ и благоразуміемъ оказывающуюся въ юныхъ и совершенныхъ лѣтахъ нашихъ всякаго состоянія поданныхъ остроту разума и отменную предъ прочими къ тому или другому способность: да бы таковые не оставались въ невѣжествѣ и не погасали бы показывающагося пламени добраго ихъ духа; но, при отличныхъ предъ другими данныхъ отъ Бога натуральныхъ дарованіяхъ, имѣли бы случай упражнятся въ механикѣ, или другихъ художествахъ, въ коммерціи, или высокихъ наукахъ, въ честь Божію, для нашей службы и къ славѣ народа. Въ семъ то состоитъ наше истинное и милостивое намѣреніе при учрежденіи сей нашей полицейской коллегіи, но ея президенту и всѣмъ подчиненнымъ повелѣваемъ поступать, какъ по силѣ сего, такъ и по нашему генеральному регламенту и впредь издаваемымъ особымъ указамъ, ожидая за вѣрное, прилежное и всеподданнѣйшее оныхъ наблюденіе нашея милости, а за усмотренное небреженіе неупустительнаго наказанія.

Генеральный регламентъ Полицейской коллегіи.

Божіею милостію Мы...

Дабы наша учрежденная полицейская коллегія могла получить подробнѣйшее изъясненіе нашего въ данномъ ей учрежденіи сообщеннаго намѣренія, и большее наставленіе въ исполненіи своея должности; того ради восхотѣли Мы снабдить ее нижеслѣдующимъ генеральнымъ регламентомъ, повелевая исполнять оный по присяжной должности.

1.

Президентъ и всѣ члены коллегіи должны изъ открывающихся опытами случаевъ и другихъ собираемыхъ извѣстіи, такожъ и изъ всѣхъ нашихъ по полицейскимъ дѣламъ данныхъ указовъ, потребуя отъ служителей засвидѣтельствованные копіи, здѣлать точной планъ прежней полиціи; дабы оная все то, что въ силу нижеслѣдующихъ пунктовъ или по другой какой причинѣ въ разсужденіе взять и въ надлежащее дѣйство произвѣсть должно, могла привести въ порядокъ либо сама собою, держась силы ре-

гламента, или просить на то съ надлежащею покорностію нашихъ милостивыхъ указовъ.

2.

Коллегія должна имѣть попеченіе, чтобъ данные отъ насъ о дорогахъ и всѣхъ сухопутныхъ и водяныхъ переѣздахъ учрежденія повсямѣстно наблюдаемы были, какъ въ разсужденіи порядочнаго исправленія и содержанія дорогъ, въ чищеніи и углубленіи рѣкъ, въ имѣніи мостовъ и переправъ, такъ же и въ исправности судовъ, и для того имѣетъ она чрезъ опредѣленныхъ отъ насъ особливо для сего служителей, собравъ обстоятельные и отъ губернаторовъ или уѣздныхъ начальниковъ засвидѣтельствованные вѣдомости о нынѣшнемъ положеніи, повѣрить ихъ съ нашими учрежденіями, поправить недостатки и обо всемъ томъ доставить намъ надлежащія свѣденія чрезъ дирекціонную коллегію.

3.

Въ городахъ, торговыхъ мѣстечькахъ и деревняхъ долженствуетъ она наблюдать со всякою исправностію, дабы всегда и во всѣхъ ихъ частяхъ исполняемы были указы, данные отъ насъ о строеніи домовъ, мощеніи улицъ, о укрѣпленіи береговъ и дѣланіи плотинъ по судоходнымъ рѣкамъ, о чистотѣ колодезей, чищеніи и исправномъ содержаніи судебныхъ и другихъ публичныхъ мѣстъ.

4.

Онажъ должна имѣть крѣпкое смотрѣніе за клейменіемъ употребительныхъ въ государствѣ большихъ и малыхъ вѣсовъ, мѣръ для сухихъ и мокрыхъ продуктовъ, локтей и саженъ, футовъ и рутовъ (пядень), дабы въ оныхъ между покупщиками и продавцами или въ другомъ употребленіи никакого подлога чинено не было.

5.

Она имѣетъ неусыпнымъ своимъ смотрѣніемъ содержать во всегдашней силѣ предписанной отъ насъ уставъ бываемымъ повсядневно, еженедѣльно и въ опредѣленные времена года публичнымъ торгамъ и торговымъ мѣстамъ; дабы случающіяся при оныхъ безпорядки и вредные для подданныхъ и порядочнаго доставленія имъ припасовъ подлоги и поступки отвращены и пресѣчены были.

6.

Въ съѣстныхъ припасахъ и другихъ нужныхъ для содержанія вещахъ должна она поступать съ великою осторожностію,

дабы цѣна чрезъ алчные происки барышниковъ безмѣрно не возвышалась, или не упадала, но стараться, чтобъ оная всегда въ настоящемъ равновѣсіи, и какъ для покупщика, такъ и для продавца выгодна была, и для того имѣть ей частую переписку съ опредѣленными ради сего въ городахъ и мѣстечкахъ служителями о состояніи хлѣбниковъ, пивоваровъ, мясниковъ и рыбаковъ, о таксѣ приправъ другихъ съѣстныхъ припасовъ, такъ же и дровъ: и буде случится отъ неурожая въ какомъ либо мѣстѣ дороговизна, въ такомъ случаѣ имѣть ей сношеніе съ коллегіею экономіи, дабы посредствомъ надлежащихъ способовъ неумѣренность отвратить можно было.

7.

Ежели въ обыкновенные питейные домы, или назначенные для ремесленниковъ, мастеровъ и подмастерьевъ и крамеровъ, герберги и дозволенные особливые шинки придутъ для питья гости; въ такомъ случаѣ надлежитъ наблюдать, чтобъ нетолько непреступали они назначеннаго и дозволеннаго времяни, но и чтобы не происходило тамъ никаковаго безумнаго безчеловѣчнаго пьянства, тѣмъ менѣе (неприличнаго) противнаго гражданскому благочинію крику и шуму; наименьше же безбожныхъ и ругательныхъ разговоровъ и поступокъ; ибо оные учреждены единственно для нужды человѣческой и спокойствія, а ремесленникамъ и крамерамъ для того, чтобъ доставить имъ случай въ таковыхъ собраніяхъ разговаривать о ихъ дѣлахъ и чрезъ благопристойное обхожденіе пріучить къ подражанію въ благочиніи, и потому не надлежитъ дѣлать послабленія или умышленнаго молчанія во взысканіи употребляемаго при цехахъ денежнаго штрафа въ кружку для бѣдныхъ, или въ сумму для гезелей и мастеровъ, равномѣрно же и въ прочихъ за наибольшіе преступленіи закономъ предписанныхъ наказаніяхъ.

8.

При свадьбахъ и другихъ пирахъ и обѣдахъ, также въ обыкновенныхъ домашнихъ столахъ надлежитъ съ точностію наблюдать здѣланное нами расположеніе какъ въ числѣ гостей, такъ и кушанья; равномѣрно и въ платьѣ не позволять переступать выше своего достоинства; дабы ни расточительнымъ образомъ житія, ниже чрезмѣрнымъ великолѣпіемъ въ платьѣ деньги промотаны, и таковыхъ безпорядочныхъ домоводцовъ наслѣдники, нерѣдкоже и ихъ заимодавцы, умышленно въ убытокъ и разореніе приведены не были; почему какъ обо всемъ вышеписанномъ, такъ и о томъ, что намъ еще сверхъ сего касательно до полиціи, то есть школъ для обученія чтенію, письму и арифметикѣ и тому подобнаго учредить заблагоразсудится, обязана коллегія съ опредѣленными въ городахъ отъ магистратовъ смотрителями, а въ

уѣздѣ съ находящимися при губернскихъ канцеляріяхъ фискалами имѣть вѣрную переписку, взыскивать строгаго въ надлежащихъ мѣстахъ исполненія и наконецъ, не взирая на лица, приносить жалобу въ дирекціонную коллегію, буде нехочетъ за достойное наказанія послабленіе или упущеніе лишиться нашея милости, и подвергнуться неизбѣжному штрафу.

9.

Что касается до другой части членовъ нашей полицейской коллегіи, опредѣленныхъ ради высматриванія оказывающихся между нашими подданными способныхъ людей; то имѣемъ Мы къ нимъ милостивую довѣренность, что они, будучи сами испытанные въ разныхъ наукахъ люди, не оставятъ изъ натуральнаго побужденія къ поспѣшествованію переимчивыхъ всѣподданнѣйше удовлетворять нашему всѣмилостивѣйшему намѣренію; попеченіе же ихъ будетъ состоять въ слѣдующемъ.

10.

Чтобъ они въ сходственность данныхъ о семъ всѣмъ нашимъ подданнымъ всемилостивѣйшихъ указовъ дѣлали нужное напоминаніе какъ при губернаменскихъ канцеляріяхъ, такъ и въ городовыхъ магистратахъ, покрайней мѣрѣ всякую четверть года, и когда увѣдомлены будутъ объ отличной кого нибудь способности, то описывались бы имянемъ коллегіи съ нимъ или съ его родителями, и требовали о склонности, лѣтахъ, рожденіи, имѣніи обстоятельнаго увѣдомленія; а потомъ сообщали бы свое всеподданнѣйшее мнѣніе, какимъ образомъ и къ чему таковаго употребить можно, дабы Мы имѣли случай къ наученію его здѣлать дальнейшія распоряженія.

11.

А какъ Мы нашей коллегіи повелѣли дѣлать таковое пріисканіе, то равномѣрно препоручаемъ ея же попеченію и смотрѣнію надъ ихъ воспитаніемъ такъ, чтобъ они такожде навѣдывались по четвертямъ года у художниковъ, у мастеровъ, обучающихъ разнымъ экзерциціямъ и у академическихъ надзирателей, о поведеніи и успѣхахъ такого ученика, дабы виденъ былъ недостатокъ, какъ со стороны учителя, такъ и ученика; и такимъ образомъ старались бы всячески сіе наше милостивое намѣреніе полезнымъ учинить.

VII.

Записка о высшемъ военномъ образованіи графа П. И. Шувалова [1]).

Сумнительства нетъ, чтобъ древняя исторія не была многимъ извѣстна; но матерія причиною для послѣдующихъ резоновъ о началѣ своемъ упоминать требуетъ; чего ради, разсматривая древнѣйшія времена, по какимъ обстоятельствамъ оные с нынѣшними соотвѣтствуютъ, находимъ, что все правленія довольно продолжались, пока на высокую степень совершенства приходить начали.

Война того строитель, о которой произшествіи перваго еѣ у—потребленія описать неможно, для явного доказательства важности военнаго дѣла к моему предпріятію.

Когда люди еще в шелашахъ и по лесамъ жили и имѣли свое пропитаніе от жолудей и кореньевъ, то они не имѣли никакихъ другихъ непріятелей, какъ дикихъ зверей; сіи люди совокуплялись вместе, ходили кучами на охоту, когдажъ другихъ себѣ подобныхъ находили, то за добычю и убитыя звери дрались.

При умноженіижъ рода человеческаго избирали предводителей, под приводомъ ихъ начали нападать на другихъ и техъ приводить к себѣ в покорность, потомъ дѣлать укрепленія, чтобъ самимъ от таковажъ быть безопаснымъ.

Въ то время люди никакова другова оружія не имѣли, какъ каменье и палки, оные к прекращенію ихъ ссоръ служили.

При такихъ сраженіяхъ была победа с той стороны, с которои болше силы находилось, ибо военное искуство тутъ еще своего участія не имѣло.

Потомъ изобретенныя луки и копья для дикихъ зверей, употреблять стали с ползою противъ непріятеля, обучали детей, дабы они могли оными способно владеть, но чтобъ полезнѣе бится, собирались кучами, за оными ставили людей с пращами, те могли непріятеля издали бить.

Здесь находимъ новой порядокъ войны, которымъ многія государства свое происхожденіе, а другіе истребленіе получили. Победа оставалась в ту сторону, в которой люди стараясь приводили себя в проворность поспѣшнейшаго употребленія тогдашняго ружья, и ізобретали непріятелю неизвестныя движенія и стратагемы; народы, употребляющія новой образъ войны, стали в короткое время такъ сильны, что имъ было уже весма лехко с малымъ числомъ, однако в семъ искуствѣ пред другими просвященными находясь, под свою власть силнѣйшихъ себя приводить, и темъ самое началное основаніе положили, по которому вскоре послѣ тово первая и сильная ассириская монархія возстановилась.

Послѣдующія сему основателю владетели узнали, что источ-

---

[1]) Государственный Архивъ, разр. XX, дѣло № 194.

никъ возрастающей власти из возобновленного образа войны происходитъ, и для тово, чтобъ сія власть пребыла непоколебима, к тому прилежали; сіе познаніе укрепило города ужасными каменными стенами и башнями, учредило арміи, которые были на содержаніи общества, разделило оные на известныя части, поставила над ними особливыхъ начальниковъ, которые обучали военному искуству и становится в'боевой порядокъ, старались, чтобъ къ ихъ хитрости присовокупить хитрость і изобретеніе новыхъ способовъ. Когдажъ возрастало сіе, то и с нимъ возрастала сила вавилонскаго царства, такъ что почти все азіатскія народы, египетское и халдейское царство, себѣ покорило.

Познаніе военного действа было сему причиною что монархія до такова совершенства достигла и оную 221 годъ въ еѣ славѣ и величествѣ содержало.

Сіе познаніе перешло к самому безсилному, однако еще неподвластному народу, отдаленному от сообщества обитателей и живущему в пустыхъ мѣстахъ, упражняющемуся в охоте и в верховой ѣзде. Они в началѣ своихъ детей ни чему другому такъ не обучали, какъ военному дѣлу; сей народъ назывался персіане, у нихъ изъ учрежденного порядка для воспитанія детей, раздѣленнова в шесть классовъ, произшолъ тотъ победитель, которой с малымъ числомъ народа в короткое время обладателемъ большой части свѣта себя учинилъ и основалъ персидскую монархію.

Исторія об сей монархіи ясно показываетъ, что упражненіе в военномъ искуствѣ и храбрость народа силныя державы себѣ покорила, и до техъ поръ пребыла, пока военное искуство не пришло в небреженіе.

В семъ дѣле неупражняющіяся греки имели довольно времяни насмотрется, какимъ образомъ война, какъ искуснѣйшей строитель сильныя государства производила, и оныя опять испровергала; ис чево они заключили, что надлежитъ стараться паче всего в мирное время о военномъ искуствѣ, чтобъ в познаніе притти. Здесь видимъ обладатели части света, возгордевшись победами, ослабевать стали в военномъ дѣле, вдались в роскоши, чему послѣдовалъ покой, от того родилась леность, чрезъ что изсякло проворство, исчезла храбрость; на противъ того в грекахъ без'силной провинціи оное возростало, сіе правило в нихъ такъ вкоренилось, что они всю свою прилежность употребляли, чтобъ и дѣломъ доказать, наступили наперсіанъ, затемъ что в то время они стали сіе искуство позабывать. Леонидъ съ 400 шпартановъ целую армію ксерксову при пасаже, называемомъ термополъ, удержать могъ, и лутчихъ людей изъ ево арміи побилъ, темистоклъ освободилъ свое отечество съ 10,000 грековъ, оные были в состояніи болѣе нежели 100,000 персіанъ разбить и разогнать, и тако, ниспровергнувъ персидскую, возстала греческая монархія, однако недолго пребыла в своей славѣ и величестве; ибо по смерти храброго предводителя великаго Александра, была разделена на многія правленія, ис чего послѣдовало бедственное ея паденіе.

Послѣдняя римская монархія до того взошла, что почти половиной света владычествовала, шпарта или лацедемонъ производила славнѣйшихъ полководцовъ, а римъ былъ училище победителей, и сія держава пребыла до техъ поръ в своемъ состояніи, пока правители оной признавали военную науку за основаніе ихъ монархіи и славы, за защиту целости Государства и волности народа; но какъ скоро прилежность обыкновенная оскудела, тогда послѣдовало еѣ разрушеніе.

Не одна та причина, что смешанная с храбростью народа военная наука то производила, но притомъ искусные вожди причиною тому находились, имея при себе обученыхъ искусныхъ в семъ ремесле людей, на которыхъ высполненіи положится могли; множество примѣровъ такихъ, что много численныя войски, превосходящіе победители десятью долями и болѣе, разбиты были от меншова числа по причине в сей стороне искуснѣйшаго вождя, которой не силу, но разумъ употребляя в ползу военнова действа, успехъ получилъ.

Вотъ ясныя причины, утверждаемыя всеми исторіями и право мысліемъ, доказываютъ, что тогда бывшія монархи в малыхъ перед протчими владеніяхъ начало свое воспринимали и доходили на степень величества руководствомъ искуства военнова, подклоня себѣ безприемерно сильнѣйшія ихъ области, напротивъ тово, когда ослабевать начали в военномъ дѣле, оскудевать в нихъ стала к тому прилежность, небреженіе предосторожности, которую разумъ правой требуетъ, презреніе техъ государствъ, которые начали ктому прилежать, считая без'сильными и безопасными себе, разсуждая ихъ унять и лишить приумноженныхъ силъ тогда, какъ захотятъ; но презреніе непріятеля и небреженіе от его в приведеніи себя в'преимущественное противъ всегда бывшаго состоянія, дотого доводило, что нечювствительнымъ образомъ сила возрастала, и по разнымъ случаямъ, силу к силѣ умножая, оказались опасными, но осмотрелись тогда, какъ уже без большой беды важное предпріятіе для уменьшенія противныхъ силъ в действо производить было неможно, но необходимость принуждала противъ презренныхъ войну начинать, но бедство, победа осталась в сторонѣ новыхъ войскъ, чему ясное доказательство по причинѣ ихъ привычке в эксерциіи и во употребленіи ружья лутчимъ прежнихъ обычаевъ манеромъ, напротивъ того с'стороны монархіи гордость от многихъ победъ, покой и отвычка от войны к совершеннѣйшему паденію оныхъ служили.

К чему ужъ дальнимъ примерамъ слѣдовать и древности в доказательство приводить довольно, когда сами состояніе свое с нынѣшнимъ себѣ представимъ, не упоминая сожаленія достойныхъ случаевъ, чему в разныя времена Россія подвергнута была, но токмо прѣвореніемъ народа в военное действо Богомъ посланного намъ отца и Государя Великаго Петра в такое состояніе государство приведено, а победоноснымъ оружіемъ такъ распространено, что имперію составило; почему видится довольно резо-

новъ, какая втомъ надобность, дабы в военномъ дѣйствѣ стараясь от времени до времяни в лутчее состояніе себя приводить; о чемъ безсмертную память заслужившей монархъ 721 году изустно повелѣлъ тако: надеясь на миръ, не надлежитъ ослабевать в военномъ дѣлѣ, дабы с нами не такъ сталось, какъ с монархіею греческою; Сколкожъ нынѣ перед тогдашнимъ времянемъ высокославное войско Ея императорскаго величества в состояніе приведено и какія победоносныя дѣла оказало, не токмо мы, но свѣтъ свидѣтельствуетъ; однакожъ ничто такъ скоро из сякнуть не можетъ, какъ военное искуство, когда только несколько презиратся начнетъ, или прилежаніе оскудѣетъ; видъ великаго монарха отца и государя не тотъ былъ, чтобъ ему оставить победоносныя свои войска при техъ обычаяхъ и порядкахъ, каковы оне по кончинѣ сего освященного монарха остались; но доказательно, на какой конецъ предвидевъ в томъ надобность устроить хотелъ, какъ то изъ Генералного регламента в конце видно; вслѣдствіе чево шляхетной кадетской корпусъ 732 году начало свое взялъ, какаяжъ ис того полза дворянству и какимъ числомъ достойныхъ офицеровъ наполнена армія Ея императорскаго величества, доказательства не требуетъ; ибо самое деиство собою доказательство.

Ея жъ Императорское величество всепресвѣтлѣйшая самодержица мать отечества государыня всемилостивѣйшая, с какимъ удовольствіемъ вновь морской науки академію посвятить шляхетнымъ корпусомъ морскимъ благоволила, учредя все то, что к воспитанію и наукѣ дворянства пристойно; такія попеченіи монарховъ нашихъ и государей о благополучіи отечества и насъ вообще всеподданнѣйшихъ рабовъ видя, что осталось дѣлать какъ в званіяхъ насъ, всякому в порученныхъ намъ должностяхъ старатца изобретать то, что к лутчему и полѣзнѣйшему состоянію потребно, с такимъ основаніемъ, дабы и малѣйшее сумнительство о исполненіи отвергнуто было; в такомъ случаѣ не иное какъ благоволеніе в произведеніи благополучія по совершенному милосердію и любви к отечеству, от августейшей обладательницы и Государыни нашей ожидать имѣемъ.

Знаю довольно, наполнена высокославная армія Ея Императорскаго Величества разного званія военныхъ чиновъ и храбрыми и достойными людьми, славныя дѣла и великія победы войскъ Ея Императорскаго Величества то подтверждаютъ, но таковыхъ не весма много, которые бы трактовали сію науку; слѣдственно теоріи лишены, когдажъ и сіе присовокупитца, сколь болѣе успеха в победоносныхъ деиствахъ ожидать імеемъ; того ради я всеподданнѣйшіи по должности моей разсуждаю за весма нужное в военномъ дѣле просвященіе подать, чево намъ не достаетъ, то есть теоріи, и для тово учредить училище для военныхъ наукъ, которому пристойнѣе въ шляхетномъ кадетскомъ корпусе быть; в место профессоровъ искусныхъ и довольно знающихъ военное дѣло военно служащихъ опредѣлить, которые лекціи давать, дисертаціи дѣлать, эксаменировать и прочѣе к тому

потребное чинить имѣютъ; онымъ надлежитъ быть знающимъ иностранные языки, ибо все книги военныхъ деиствъ кромѣ происшедшихъ здесь натехъ языкахъ; какихже чиновъ людей к тому опредѣлить, на какомъ содержаніи, и какъ имъ оную трактовать, предаю общему высокоправительствующаго сената разсужденію.

Я из сего учрежденія заключаю важность слѣдующую, ибо извѣстно, что должность военная и матерія оной наполнена честолюбія и почтенія; по той причине есть надежда скоро успехъ деиства иметь, для того, что стыдитца будутъ находящіяся в военныхъ должностяхъ, видя юношей в ихъ профессіи просвященныхъ наукою, чрезъ что старатца станутъ по крайней мере хотя поверхностью в некоторыхъ пунктахъ разсуждать, сіежъ неоспоримо о всякой матеріи, что болше разсужденія, то она к совершенству ближе; симъ образомъ, надежно, такое вліяніе нечювствительно о военномъ искуствѣ в армію втечетъ, что много искуснѣйшихъ произведетъ и достойныхъ мужей в семъ ремесле намъ представитъ, еже весьма нужно есть.

Матеріи для сего столь богаты, что никто по рознымъ причинам, обстоятельствам и случаямъ, подробно описать не в состояиіи; того ради не сколько оглавленій при семъ и прилагаю, ис чево плодовитой народъ сего дѣла толь яснѣе окажетца.

Сіе есть то еже для обращающихся в военныхъ должностяхъ, и, генерално сказать, для воискъ Ея Императорскаго Величества, такъ надобно, какъ разумная душа тѣлу; чего ради несумневаюсь, что сіе мое предложеніе правительствующій сенатъ, заключа важность матеріи, благопріятно принять изволитъ; и в трудъ сего дѣла изобретая лутчее, что к сему потребно, воитить не оставитъ; и постановя на мере всеподданнѣйше поднесть благоволитъ на всевысочайшую апробацію Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшей самодержицы и Государыни матери отечества всемилостивѣйшей, видя и зная Ея желаніе и удовольствіе в томъ, что в силу и славу имперію привесть можетъ.

У подлинного подписано сенаторъ Графъ Петръ Шуваловъ.

Военная наука о полевой службѣ, которую и юношество основательно учится можетъ.

«1» какимъ образомъ надлежитъ располагать лагерь на ровномъ месте, когда ево крылья будутъ открыты.

«2» какъ лагерь поставить на ровномъ месте, когда только одно крыло онова будетъ рекою прикрыто.

«3» какъ лагерь расположить, когда ево оба крыла будутъ прикрыты.

«4» какимъ образомъ должна армія себя прикрывать, и разные преимущества, дарованные ей от натуры, в свою ползу употреблять.

«5» что надлежитъ примечать, когда крылья оной будутъ водою прикрыты.

«6» что надлежитъ примечать, когда крылья будутъ болотами прикрыты.

«7» что надлежитъ примѣчать, когда крылья будутъ лесомъ прикрыты.

«8» что надлежитъ примечать, когда крылья будутъ деревнями прикрыты.

«9» что надлежитъ примечать, когда оныя деревни деревянное или каменное строеніе имѣютъ.

«10» что притомъ примечать когда крылья или замкомъ, какимъ возвышеніемъ, горами, или долинами прикрыты будутъ.

«11» что армія должна примечать, когда крыло оной будетъ крепостью прикрыто или когда она крепость за собою оставитъ и под пушками стоять будетъ.

«12» что должно примечать офицеру, когда оной будетъ командированъ впереди лагерь расположить.

«13» где надлежитъ быть главной квартирѣ.

«14» что надлежитъ примечать, когда лагерь на правомъ или левомъ непріятельскомъ крылѣ расположиться долженъ.

«15» что должно примечать, когда лагерь назади расположить надлежитъ.

«16» какъ надлежитъ арміи на ровномъ месте впередъ из одново в другой лагерь маршировать.

«17» какимъ образомъ должна армія выступить и построиться в порядокъ к маршу.

«18» что во время марша примечать надлежитъ.

«19» какъ должна армія в новой лагерь воитить.

«20» какъ должно авангардіи на ровномъ месте маршировать и что притомъ оной примечать.

«21» что разумѣется чрезъ корволанъ, что оному примечать, и в какихъ земляхъ оной можетъ болше иметь преимущества.

«22» какъ должна армія на ровномъ месте разными образами маршировать и для чево будетъ принуждена переменять марши.

«23» какъ надлежитъ маршировать артиллеріи.

«24» какимъ образомъ маршировать багажу и дабы онои не чинилъ препятствія колонамъ.

«25» разныя способы, какъ арміи построиться в ордеръ баталіи, когда она во время марша будетъ атакована.

«26» какъ надлежитъ арміи построиться в ордеръ баталіи на ровномъ месте.

«27» какимъ образомъ надлежитъ армію разделять.

«28» какимъ образомъ могутъ быть усилены крылья арміи.

«29» что надлежитъ делать, когда армія от непріятеля окружена будетъ.

«30» какъ кавалерію усилить, когда непріятельская или лутче, или она будетъ превосходить силами.

«31» сколько мѣста надлежитъ занять под баталіонъ и эскадронъ.

«32» полезнѣель, когда интервалы от одново до другова бата-

ліона такъ велики, какъ фронтъ баталіона, или что оныя интервалы менше будутъ, или когда никакихъ интерваловъ нетъ, толко такіе, что пушки между баталіонами поставится могутъ.

«33» полезнѣель будетъ, когда между эскадронами интервалы будутъ или нетъ.

«34» вчемъ состоитъ сила инфантеріи.

«35» вчемъ состоитъ сила кавалеріи.

«36» слабость инфантеріи и кавалеріи.

«37» преимущества инфантери предъ кавалеріею.

«38» вкакомъ месте армія сильнѣя и гдѣ слабея, какъ на сіе офицеру или генералу свои примечаніи дѣлать.

«39» полезнѣель будетъ, когда армія будетъ состоять из болшова числа инфантеріи, и мало при себѣ имеетъ кавалеріи, нежели она много кавалеріи имѣетъ, какая ис тово полза

«40» какимъ образомъ должна армія себя сзади прикрывать.

«41» какъ должна армія себя содержать, чтобъ никогда в правіанте небыло недостатка.

«42» какъ надлежитъ вывесть канвой и с какимъ эскортомъ.

«43» какъ должно арміи фуражировать при непріятельскихъ крыльяхъ и какимъ образомъ линею делать надлежитъ, что всякому салдату, реитару, денщику, и офицеру притомъ примечать должно.

«44» какимъ образомъ надлежитъ поступать прикрытію фуражировъ, когда оныя будутъ атакованы, также что всякой невооруженной фуражиръ примечать долженъ.

«45» какимъ образомъ надлежитъ фуражирамъ под прикрытіемъ в лагерь ретироватца.

«46» какъ надлежитъ арміи назади фуражировать.

«47» какимъ образомъ надлежитъ арміи фуражировать по деревнямъ.

«48» какимъ образомъ надлежитъ содержать прі арміи провіантъ, фуражъ, и воду.

«49» что всякой солдатъ, реиторъ, драгунъ при главной акціи примечать долженъ.

«50» что всякому суболтерну и полковому главному командиру примечать надлежитъ, также что всякому брегадиру, присвоей брегаде, а генералу при своей дивизіи.

«51» что надлежитъ примечать командующему генералу.

«52» какъ арміи надлежитъ поступать, победя непріятеля на ровномъ месте.

«53» разныя образцы чинить атаку и которыя из оныхъ будутъ полезнѣе.

«54» какъ должна армія чинить ретираду, когда она на ровномъ месте будетъ разбита.

«55» что при ретираде онои надлежитъ примечать.

«56» уронъ от баталіи весма лехко поправить будетъ можно, и не бываетъ никогда такъ великъ, какъ оной ужаснымъ кажется.

«57» какимъ образомъ надлежитъ чинить фалшивую ретираду, и что притомъ примечать.

«58» какимъ образомъ непріятельской маршъ открыть.

«59» какимъ образомъ маршировать в ночь, и что притомъ примечать, дабы непріятель не могъ о томъ уведать.

«60» какъ надлежитъ производить ночью атаку.

«61» какимъ образомъ убежать всехъ беспорядковъ, которыя натурально всегда в ночи бываютъ.

«62» что при фалшивомъ аларме примечать надлежитъ.

«63» какія можетъ преимущества вночь атакующи получить.

«64» что должна примечать армія, когда она будетъ ночью атакована.

«65» какія должна армія имѣть предосторожности в ночь от нападенія і атаки.

«66» что пароль и лозунгъ есть и с какою осторожностію со оными поступать надлежитъ.

«67» какимъ образомъ должна армія маршировать чрезъ болшіе реки.

«68» какимъ образомъ должна армія въ бытность непріятеля делать мосты чрезъ реку и оную переходить.

«69» въ какомъ месте полезнѣе в бытность непріятеля делать мосты.

«70» какимъ образомъ надлежитъ оба берега реки разсматривать.

«71» какимъ образомъ должна армія по переходе чрезъ мостъ построится в ордеръ баталіи.

«72» какъ надлежитъ поступать арміи, когда непріятель не допуститъ по переходе построится в ордеръ баталіи.

«73» какимъ образомъ должна армія чрезъ реку ретировatся.

«74» какія берега выбрать надлежитъ для деланія моста.

«75» какъ армія должна переходить чрезъ реку, которая неглубока, и на другой сторонѣ построится в ордеръ баталіи и в переходе непріятеля атаковать и оного разбить.

«76» какъ надлежитъ оборонять берегъ.

«77» какъ офицеру можно выучить глазомеръ.

«78» что разумѣется чрезъ глазомеръ.

«79» что офицеру надлежитъ наипаче всево примечать и начто ево примечаніи клонится должны.

«80» какъ арміи лагеремъ становится между горами и что при расположеніи лагеря примечать.

«81» какія надлежитъ имѣть стараніи о безопасности лагеря между горами и какіе предпринимать к тому меры.

«82» какимъ образомъ должна армія чрезъ горы маршировать.

«83» разные образы ордеръ баталіи между горами.

«84» для чево безсилная армія между горами будетъ гораздо силнея, нежели та, которая еѣ силами превосходитъ.

«85» что марширующей арміи между горами примечать, и чему не долженъ генералъ увериtца.

«86» какимъ образомъ разбитой арміи между горами ретироватца.

«87» какъ инфантерію и кавалерію между горами ставить надлежитъ.

«88» преимущества инфантеріи и неуспехъ кавалеріи между горами.

«89» какіе посты надлежитъ занимать между горами и какіе наиполѣзнейшіе.

«90» авантажъ безсилной арміи противъ силной между горами.

«91» какой авантажъ подаетъ натура от всякаго шага, которой делается между горами.

«92» для чево военные действіи между горами производятся искуснейше, нежели на ровномъ месте.

«93» какимъ образомъ армія должна наблюдать, чтобъ у ней сзади коммуникацію не отрезали.

«94» какъ надлежитъ арміи все посты и дефиле между горами занимать.

«95» какъ армія должна фуражировать между горами.

«96» какъ надлежитъ атаковать дефиле.

«97» какимъ образомъ должно оборонить дефиле.

«98» какъ надлежитъ арміи построится, когда оная придетъ в дефиле и когда тамъ непріятель находится.

«99» какъ арміи в ордеръ баталіи построится, когда она выдетъ из дефиле на ровное мѣсто въ присудствіе непріятеля.

«100» какимъ образомъ надлежитъ ходъ в дефиле оборонить.

«101» какъ гору или какое возвышеніе оборонить.

«102» какъ гору или какое возвышеніе атаковать.

«103» какъ арміи между горами ретироватца.

«104» преимущества ретраншемента.

«105» причина, для чего армія принуждена будетъ ретраншементъ делать.

«106» какъ ретраншементъ между горами атаковать надлежитъ.

«107» безсиліе ретраншемента.

«108» какъ ретраншементъ оборонять, со многимъ примечаніемъ.

«109» преимущества инфантеріи и кавалеріи в ретраншементе.

«110» какимъ образомъ у непріятельской арміи между горами, комуникацію, провіантъ, и все принадлежащіе съесные припасы отрезать.

«111» что надлежитъ примечать, чтобъ в комуникаціи небыло препятствія, и чтобъ канвои не были отхвачены.

«112» какъ арміи стать лагеремъ в долине, в которой находятся рвы, каналы, дороги и рощи.

«113» какъ арміи в такой земле становится вордеръ баталіи, и что ей также примарше в оной примечать должно.

«114» что при ретираде оной въ тако земле примечать надлежитъ.

«115» какимъ образомъ чинить атаку на такую землю разными образами и для чево.

«116» какіе авантажи, и не успехи в такой земле.

«117» что притомъ примечать, когда армія вблизи непріятельской крепости маршировать должна.

«118» какъ крепость окружить.

«119» что разумѣетца чрезъ цыркумвалацію и что притомъ примечать должно.

«120» какъ армію на винтеръ квартиры расположить надлежитъ.

«121» в какомъ месте надлежитъ быть главной квартире.

«122» в какомъ месте надлежитъ быть в зимней квартирѣ тому месту, где армія собиратся должна.

«123» какъ надлежитъ реку охранять.

«124» какъ надлежитъ оберегать границу провинціи.

«125» какъ линею на границе дѣлать должно.

«126» что при деланіи линеи около провинціи прилегать надлежитъ.

«127» генеральныя правила для обороняющейся арміи между горами.

«128» генеральныя правила для наступающей арміи между горами.

«129» генеральныя правила для обороняющейся и наступающей арміи на ровномъ месте.

«130» причины, для чего оборонительную войну вести тяжелѣе какъ наступательную.

«131» какимъ образомъ генералъ можетъ всегда подлинные извести иметь о непріятеле.

«132» какимъ образомъ долженъ генералъ посылать в партіи.

«133» какъ надлежитъ генералу поступать с шпіонами.

«134» какіе шпіоны лутче бываютъ.

«135» какъ надлежитъ арміи маршировать лесомъ, и что притомъ примечать.

«136» какъ надлежитъ арміи маршировать чрезъ болоты.

«137» что должно примечать партіи.

«138» какимъ образомъ можетъ партія известіи о непріятеле получить.

«139» какъ должно партіи з жителями той земли, в которой армія стоитъ, обходится.

«140» что чрезъ добрыя и худыя партизоны разумѣется.

«141» что вообще всякой партизонъ примечать долженъ.

«142» какъ полезно то, когда молодой офицеръ свое искуство, при храбромъ и искусномъ партизоне обучитъ.

«143» какъ оборонять домъ.

«144» какъ атаковать домъ.

«145» какъ оборонять лесъ.

«146» какъ атаковать лесъ.

«147» главныя правила для командующаго генерала.

«148» какъ располагать проэктъ компаніи и что притомъ примечать.

«149» причины, отчего война быть можетъ.

«150» надлежитъ всякому офицеру знать все свойства всехъ націи.

«151» какіе долженъ свойства іметь генералъ.

«152» какимъ образомъ генералъ можетъ привести себя у арміи в любовь.

«153» какимъ образомъ вести экономію и что она есть великой важности.

«154» какіе науки офицеру знать надлежитъ.

«155» какими добродѣтельми офицеръ долженъ быть одаренъ, бес которыхъ онъ не можетъ быть полезенъ ні отечеству, ни монарху, но только вредъ принести можетъ.

«156» что разумѣется чрезъ офицера.

«157» какъ офицеръ свой характеръ наблюдать долженъ.

«158» какъ офицеру жить надлежитъ.

«159» какіе долженъ иметь офицеръ принцыпіи, когда онъ хочетъ быть болшимъ человѣкомъ.

«160» все правы, которыя бываютъ при войнѣ.

Слушано марта 24 дня 1754 году.

VIII.

Записка І. Г. Зульцера о школахъ для Россіи, 1773 г.

Всякъ удобно понимать можетъ, что вышшія и нижнія школы принадлежатъ къ наиважнѣйшимъ дѣламъ всеобщаго государственнаго учрежденія, а по тому обстоятельнѣе говорить о томъ не нужно. Слѣдовательно, и я намѣренъ безъ околичностей предложить мое мнѣніе объ образѣ наилучшаго учрежденія оныхъ.

Всѣ вообще школы, но преимущественно нижнія сельскія и городскія народныя училища, клонятся къ тому, чтобы юношество, которое впредь имѣетъ составлять различныя званія обывателей государства, научалось въ оныхъ употреблять силы своего разума, равно какъ и душевныя, каждый по своему состоянію и званію, чтобы природная глупость и лѣность заблаговременно истребляема была, а напротивъ того была бъ вперяема охота къ трудамъ и способность къ понятію дѣлъ своихъ и къ исправленію каждаго изъ оныхъ разумнымъ образомъ. Сіе почитаю я главнѣйшимъ предметомъ, для котораго школы учреждаемы бываютъ: а что впрочемъ въ оныхъ преподается, какъ то читать, писать, ариѳметика и проч., то сіе надлежитъ почитать такимъ токмо средствомъ, которое къ достиженію онаго всеобщаго намѣренія наиболѣе способствуетъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что какъ никто не можетъ преподавать другимъ наставленія въ томъ, чего онъ самъ не разумѣетъ, или

чему самъ не обученъ, то и надлежало бъ въ учители для всѣхъ школъ выбирать наилучшихъ изъ различныхъ классовъ гражданъ: для сельскихъ и деревенскихъ школъ разумнѣйшихъ и благонравнѣйшихъ крестьянъ, для народныхъ городскихъ школъ разумнѣйшихъ, трудолюбивѣйшихъ и честнѣйшихъ мужей изъ класса простыхъ гражданъ, и такъ далѣе.

Сей пунктъ есть весьма важный и необходимо нужный: ибо хотя и сыщутся нѣкоторые примѣры, что изъ школъ, въ которыхъ находились худые или посредственные учители, выходили хорошіе ученики, однако, принявъ то, вообще почитаю я невозможнымъ получить отъ школъ какой либо успѣхъ въ разсужденіи исправленія націи, если учители не будутъ таковы, каковыми я ихъ имѣть желаю. Въ каждой школѣ сыщутся молодые люди, природною остротою разума одаренные, которые сами собою образуются, такъ что худой учитель подаетъ еще имъ къ тому случай и поводъ; однако, на сіе вовсе положиться нельзя, потому что таковая острота разума не есть всѣмъ общая. Такимъ образомъ первый вопросъ есть тотъ, чтобы изыскать способъ къ полученію таковыхъ учителей: при семъ уповаю я въ разсужденіи деревенскихъ или сельскихъ школъ, что принятое вообще всѣми правило употреблять на то деревенскихъ пономарей и дьячковъ, къ надлежащей цѣли отнюдь сопровождать не можетъ.

Состояніе Россіи не довольно мнѣ извѣстно, а по тому я не могу особенные на сіе сдѣлать предложенія, но долженъ держаться общихъ примѣчаній. И такъ, думаю, что посредствомъ нижеслѣдующихъ пособій можно будетъ достать хорошихъ деревенскихъ учителей, а именно:

1) Если бъ званіе школьнаго учителя по особенному умоначертанію націи было сопряжено съ достаточными преимуществами и выгодами. Когда гдѣ крестьянинъ честолюбивъ, тамъ можно бъ было школьнаго учителя наградить чиномъ, на прим., выше деревенскаго управителя или прикащика и такъ далѣе. Если гдѣ крестьяне рабы и невольники, тамъ надлежало бъ школьнаго учителя сдѣлать вольнымъ человѣкомъ; пашню его и всѣ прочія владѣнія его освободить отъ всякихъ поборовъ и налоговъ. Вообще, думаю я, не трудно будетъ изыскать въ каждой провинціи тѣ выгоды и преимущества, которыя наиболѣе плѣняютъ характеръ крестьянина.

2) Еще надлежало бъ въ каждой деревнѣ или въ каждомъ уѣздѣ изъ нѣкоторыхъ деревень отобрать разумнѣйшихъ и наилучшихъ крестьянъ и отдѣлить ихъ отъ другихъ. Сей пунктъ чрезвычайно затруднителенъ; однако, по мнѣнію моему, удобно могли бъ указать такихъ людей тѣ, которымъ тамошняя провинція извѣстна, на примѣръ: офицеры или коммисары или иные приставы, которые по своимъ отъ правительства возлагаемымъ на нихъ должностямъ частое обращеніе и многіе дѣла съ крестьянами имѣютъ.

3) Если жъ, наконецъ, отобраны будутъ способнѣйшіе крестьяне и если посредствомъ выгодныхъ условій будутъ они преклонены къ тому, что согласятся принять на себя учительское званіе, то надлежитъ ихъ въ какомъ-либо городѣ предуготовить къ оному и обучить читать, писать и арифметикѣ, на что и потребно будетъ цѣлый годъ. Слѣдовательно, нужно бъ было и въ городахъ учредить семинаріи для деревенскихъ школьныхъ учителей.

Учителей народныхъ въ городахъ школъ надлежало бъ подобнымъ образомъ для сего званія одобрять, избирать и предуготовлять: сіе, какъ кажется, съ меньшимъ уже сопряжено затрудненіемъ.

Послѣ выбора хорошихъ учителей можно будетъ опредѣлить наилучшій методъ ученія или наставленія. По мнѣнію моему главнѣйшій при семъ предметъ состоитъ въ томъ, чтобы содержать юношество въ наиточнѣйшей дисциплинѣ или ученіи; однако сіе требуетъ подробнѣйшаго объясненія.

Дисциплина, или ученіе вообще, не иное что есть, какъ что бы неупустительно заставлять каждаго ученика дѣлать дѣйствительно то, что ему дѣлать надобно, и учить дѣйствительно то, что ему учить дано: для избѣжанія излишнихъ подробностей и тонкостей при описаніи сего важнаго пункта, стоитъ токмо принять на разсужденіе воинскую дисциплину, а особливо прусскую. Она состоитъ въ томъ, чтобы каждый рекрутъ въ короткое время обучился дѣйствительно тому, чему обучиться ему надобно; чтобы каждый былъ совершенно внимателенъ исполнять наиточнѣйше каждую ту малость, которая къ службѣ принадлежитъ; чтобы всякъ имѣлъ необычайный страхъ что либо упустить или пренебречь, на примѣръ минутою опоздать притти въ роту, забыть свое ружье и тому подобное.

Такимъ образомъ, если юношество доведено будетъ до того, что станетъ со вниманіемъ и точностію исполнять все предписанное, что не шуточно помышлять станетъ о своихъ должностяхъ, что будетъ наиточнѣйше слушаться приказовъ и бояться что либо запускать или съ небреженіемъ дѣлать, то сей единый пунктъ составляетъ уже важнѣйшую часть воспитанія.

Въ прусскихъ земляхъ ясно видѣть можно, что лѣтомъ между крестьянами живущій солдатъ гораздо разумнѣе, трудолюбивѣе и во всемъ порядочнѣе другихъ крестьянъ, которые не суть солдаты: ибо упомянутая дисциплина имѣетъ такое дѣйствіе что дѣлаетъ человѣка внимательнымъ и разумнымъ по мѣрѣ душевныхъ силъ его, для той причины, что онъ доведенъ до необходимости напрягать всѣ силы свои какъ тѣлесныя, такъ и душевныя.

Послѣ хорошаго выбора школьныхъ учителей ничто не можетъ быть столь нужно и необходимо, какъ предписаніе хорошихъ учрежденій. Нельзя мнѣ изъяснять здѣсь пространнѣе сію матерію, а впрочемъ не трудно также вникнуть, какъ сія дисциплина учреж-

дена быть должна. Третій главный пунктъ есть хорошій методъ наставленія, или образъ, какъ школьной учитель имѣетъ обучать юношество писать и читать, арифметикѣ и нѣкоторымъ инымъ нужнымъ знаніямъ. Писать и читать принимаю я всегда за одно и вмѣстѣ, ибо почитаю наилучшимъ способомъ обучать одному и другому вдругъ или чтобы чтенію научать посредствомъ писанія; однако жъ, какъ въ разсужденіи сего, такъ и другихъ пунктовъ способа обученія надлежало бъ особенное здѣлать предписаніе.

При семъ долженъ я еще примѣтить, что я съ мнѣніемъ г.-фонъ Клингштета совершенно согласенъ, а именно, что преподаваніе простому народу высшихъ наукъ не приноситъ ни малѣйшей пользы. Школьный учитель обязанъ учениковъ своихъ наставлять вкратцѣ общественному закону и господствующей въ государствѣ вѣрѣ по той единственно части, которая относится внѣшнимъ дѣяніямъ оныя; а преподаваніе нравствія есть перьвой его долгъ, которой исполнять можетъ онъ наиудобнѣйше по данному ему на то предписанію, буде онъ впрочемъ человѣкъ разумной при всякомъ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ исправлять не нравственные поступки своихъ учениковъ. Главная мораль или нравствіе крестьянъ суть трудолюбіе, прилежаніе, послушаніе, трезвость и тому подобное.

Однако, я съ моей стороны еще предлагаю, что не безнужно будетъ къ тому наставленію, которое впредъ Синодомъ сочинено быть имѣетъ, приобщить еще краткое прибавленіе, въ которомъ съ наивеличайшею исправностію предьявить простому народу тѣ понятія, которые потребно ему имѣть о свойствѣ правленія, и то не посредствомъ дефиницій или опредѣленій, но въ видѣ простѣйшаго и кратчайшаго начертанія. Крестьянину, на примѣръ, нужно имѣть точное понятіе о слѣдующихъ и тому подобныхъ вещахъ, а именно: что есть верховное правительство, что суть судьи отъ онаго опредѣляемые, что суть магистраты, начальники, какіе суть права государственныхъ чиновъ и частныхъ людей, что значитъ тяжебное дѣло и что судебные мѣста и проч:

Все что сказано здѣсь о дисциплинѣ и наставленіи въ деревенскихъ школахъ, оное удобно относиться можетъ и къ городскимъ народнымъ училищамъ, такъ что кто сочинилъ хорошій планъ для деревенскихъ школъ, тому не трудно будетъ сдѣлать также планъ для городскихъ народныхъ училищъ. Такимъ образомъ и я объ ономъ упоминать болѣе не намѣренъ.

Главный пунктъ упустить или изъ виду оставить не можно: Какимъ же образомъ родителей въ городахъ и деревняхъ довести до того, чтобы они дѣтей своихъ въ школы посылали? Дѣло сіе сопряжено съ затрудненіемъ и безъ принужденія не легко произвесть оное въ дѣйство. Пособія на то надлежитъ предложить тѣмъ людямъ, которые вѣдаютъ совершенно свойства и обыкновенія Государства.

Теперь приступаю къ ученымъ школамъ, въ которыхъ обу-

чаютъ чужестраннымъ языкамъ словеснымъ и инымъ наукамъ. При семъ вообще примѣчать надлежитъ, что весьма полезно бъ было, если бъ сіи школы служили не токмо для обученія тѣхъ учениковъ, которые намѣрены сдѣлаться впредь учеными, какъ то оные почти вездѣ на тотъ конецъ учреждаются, но также для наставленія тѣхъ дворянъ или гражданъ, которые, не бывъ намѣрены посвятить себя вѣчно наукамъ, имѣютъ желаніе при невѣденіи древнихъ ученыхъ языковъ, обучиться словеснымъ и инымъ истинно полезнымъ наукамъ и знаніямъ, наипаче когда не предстоитъ вовсе никакихъ препонъ въ достиженіи сей двоякой цѣли въ одно время.

О хорошемъ учрежденіи школъ можно бъ было весьма многое сказать, потому что оно во всемъ долженствуетъ отличествовать отъ обыкновеннаго и съ монашескихъ еще временъ принятаго учрежденія. Но если бъ дѣйствительно положено было намѣреніе учредить вышеозначенныя ученыя школы, то бы я вмѣнилъ себѣ за удовольствіе предложить мое мнѣніе особеннымъ сочиненіемъ объ учрежденіи оныхъ. Теперь упомяну токмо о двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ.

Школы сіи надлежитъ раздѣлить на три класса, такъ чтобы одинъ другому былъ подчиненъ. Въ малыхъ городахъ можно учредить токмо первый, или нижній классъ во всѣхъ большихъ городахъ, опричь сего, еще и второй классъ, а въ двухъ или трехъ главныхъ городахъ нужно основать всѣ три класса вмѣстѣ.

Первый или нижній классъ долженъ имѣть двѣ главныя цѣли: 1) Изученіе языковъ, къ чему причисляю я Россійскій, Нѣмецкій, Французскій, Латинскій и Греческій. Первый для всѣхъ вообще учениковъ; второй и третій для молодыхъ дворянъ, которые посвящаютъ себя воинскому или статскому сану; четвертый и пятый для желающихъ сдѣлаться учеными. 2) Изученіе первоначальныхъ основаній общихъ знаній, принадлежащихъ собственно къ словеснымъ наукамъ, для всѣхъ вообще учениковъ. Опричь чтенія, письма и арифметики, причисляю я къ тому все то, что общественно полезно во всей литературѣ и въ наукахъ, и что съ толикою легкостію понимать можно, что юноши отъ 8 до 12 лѣтъ въ состояніи имѣть ясное о томъ понятіе.

Однако, на сей конецъ надлежало бъ сочинить особенныя школьныя книги, которые и читать учителямъ вмѣстѣ съ учениками. Главнѣйшее распоряженіе сихъ книгъ можетъ быть слѣдующее, а именно: по собраніи наиприятнѣйшихъ и къ пониманію легчайшихъ пунктовъ изъ географіи, исторіи, какъ политической, такъ и натуральной, изъ математики, художествъ и нравоученія, надлежало бъ оные расположить по одиночкѣ, а не въ нѣкоторой связи, и писать яснымъ, но самымъ простымъ и легкимъ слогомъ. Для примѣру такой книги можно принять ту, которая за нѣсколько лѣтъ подъ моимъ присмотромъ издана въ Берлинѣ для Іоахимтальской гимназіи подъ титуломъ: «Предва-

рительныя упражненія, для возбужденія вниманія и размышленія»; въ предисловіи сія книги изъяснилъ я мои мысли объ образѣ употребленія оныя въ школахъ.

Во второмъ классѣ ученыхъ школъ должно въ разсужденіи языковъ читать наилучшихъ классическихъ писателей. Учениковъ въ ономъ надлежало бъ также прилежно занимать въ собственныхъ работахъ и въ разсужденіи словесныхъ наукъ трактовать исторію, географію, о краснорѣчіи, филозофію и математику уже нѣсколько методически; но все сіе на природномъ того государства языкѣ, потому что всѣ ученики сами наставленіями пользоваться должны. Для сей школы сочиненъ мною не за долго предъ симъ весьма подробный планъ, которой и могу предложить, когда дѣйствительно къ симъ заведеніямъ приступлено будетъ. Въ семъ классѣ могутъ тѣ юноши, которые не намѣрены посвятить себя особенно какой либо наукѣ, окончить курсъ своего ученія.

Третій классъ долженъ заступать мѣсто университета. Въ сей классъ вступаютъ токмо тѣ, которые въ собственномъ смыслѣ желаютъ сдѣлаться учеными. О преподаваніи наставленія въ семъ классѣ можно еще особенныя сдѣлать предложенія.

Впрочемъ первые два класса должны быть единообразны во всемъ государствѣ, а при томъ надлежитъ наиточнѣйше наблюдать, чтобы никто не вступалъ въ вышшій классъ, если дѣйствительно не обученъ тому, чему въ нижнемъ классѣ обучаютъ.

Вотъ все то, что имѣю я сказать на первый случай и при настоящемъ слабомъ моемъ здоровьѣ о сей толико важной матеріи.

Мнѣнія объ учрежденіи народныхъ школъ, сообщенные ко мнѣ отъ славнаго господина Зулцера изъ Берлина, въ 1773-мъ году.

Л К Г
магазин № 51
Ц. 8 р.
кн. №

287
10

Цѣна 3 р. 50 к.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00011074106